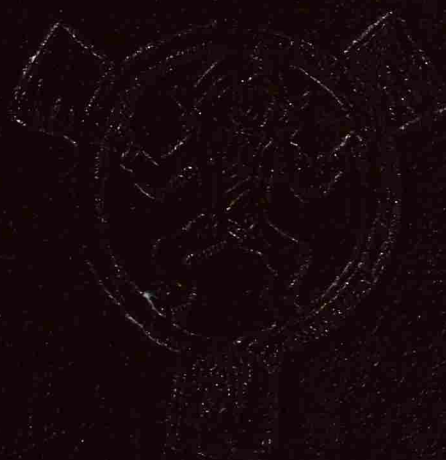

Крым,
Северо-Восточное
Причерноморье
и Закавказье
в эпоху
средневековья

IV-XIII
века

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА

Б.А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Р.М. МУНЧАЕВ (главный редактор),

В.А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора),

П.Г. ГАЙДУКОВ (зам. главного редактора),

Д.С. КОРОБОВ (ответственный секретарь)

МОСКВА «НАУКА» 2003

АРХЕОЛОГИЯ

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья

**IV-XIII
века**

Ответственные редакторы тома
Т. И. МАКАРОВА, С. А. ПЛЕТНЕВА

МОСКВА «НАУКА» 2003

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-01-16147д*

**Археология
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах
Выходит с 1981 г.**

- * ПАЛЕОЛИТ СССР, 1984.
- * МЕЗОЛИТ СССР, 1989.
- * НЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ, 1996.
- * ЭНЕОЛИТ СССР, 1982.
- * РАННЯЯ И СРЕДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА, 1994.
ПОЗДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ.
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ..
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР, 1987.
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ
АЗИИ, 1985.
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМО-
РЬЯ, 1984.
- * СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФОСАРМАТ-
СКОЕ ВРЕМЯ, 1989.
- * СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-
САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ, 1992.
- * СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э., 1993.
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI-VIII ВВ., 1982.
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО, 1985.
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. БЫТ И КУЛЬТУРА, 1997.
- * ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 1987.
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 1981.
- * КРЫМ, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЗА-
КАВКАЗЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 2003.
- * СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, 1999.

* Звездочкой отмечены вышедшие тома

Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии, посвященный Крыму, неразрывно с ним связанному Восточному Причерноморью и Закавказью в IV–XIII вв., ставит целью подведение итогов исследований, проводившихся в этом большом регионе на протяжении почти двух столетий. Объединение их в одном томе продиктовано, помимо географического положения, общностью исторических судеб. Она заключается в античной подоснове государственности, складывавшейся в регионе, и мощном влиянии древних цивилизаций Ближнего Востока и Византии, наследником которых стал весь юг Восточной Европы. Богатый иллюстративный материал и обширная библиография делает это издание полезным широкому кругу специалистов и любителей истории.

Рецензенты:

**М.П. АБРАМОВА
И.Л. КЫЗЛАСОВ**

Авторы тома:

**А.И. АЙБАБИН
Б.Н. АРАКЕЛЯН
Е.А. АРМАРЧУК
Г.М. АХМЕДОВ
И.О. ГАВРИТУХИН
А.В. ДМИТРИЕВ
И.П. ЗАСЕЦКАЯ
А.А. КАЛАНТАРЯН
Т.И. МАКАРОВА
Я.М. ПАРОМОВ
С.А. ПЛЕТНЕВА
А.В. ПЬЯНКОВ
Р.М. РАМИШВИЛИ
Дж.А. ХАЛИЛОВ**

Художники:

**А.В. ГОЛИКОВА
В.П. ЛЕНИВКИН
Е.Ф. МАРАКУЛИНА
Н.С. САФРОНОВА
С.А. СУДЖАЕВА
Н.Ф. ФЕДОРОВА**

Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова; Ин-т археологии. – М.: Наука, 1981 –. –
Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху
средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – 2003. –
533 с.: ил.

ISBN 5-02-008787-4 (в пер.)

Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии

ТП-2002-I-№ 8

ISBN 5-02-008787-4

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “Археология” (разработка,
оформление), 1981 (год основания), 2003

Введение

В данном томе охвачена громадная территория со своеобразными географическими условиями и весьма благоприятным климатом. Это значительная срединная часть горного кряжа, опоясывающего Евразию от Пиринеев до Алтая, а именно Крымские, сравнительно невысокие горы, и Кавказские, упирающиеся вершинами в облака. Следует добавить, что большинство стран, народов и государств, размещенных на этой земле, находилось в непосредственной близости или даже было окружено морем, а земля была прорезана несколькими судоходными реками.

Все это способствовало не только активному заселению региона с глубокой древности, но и возникновению и расцвету здесь государств с высокоразвитыми культурными традициями, а также постоянным и разносторонним связям (торговым, политическим, культурным) с дальними и соседними крупными государствами (от Китая до Греции и Рима).

Расцветы сменялись упадками и разгромами, иногда полным уничтожением отдельных государств, но, просматривая страницы истории этого благодатного края, можно уверенно констатировать поступательное созидательное движение вверх всех малых и больших стран, полисов, государственных объединений и крепких сложившихся государств.

Одним из наиболее выразительных примеров этой “созидающей устойчивости” может быть великий переход от античности к средневековью, почти всюду сопровождавшийся кровопролитными войнами и, казалось бы, тотальными разрушениями. Это был период, получивший определение “великого переселения народов”. В той или иной степени “великое переселение” задело практически все народы и страны Евразии.

Особенно изменилась в результате этого движения политическая карта Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь столкнулись два потока завоевателей: германцы, направившие экспансию на Восток, и многочисленные разноликие и разноязыкие орды гуннов, стремительно вторгшиеся в европейские степи в середине IV в. Пройдя примерно за 200 лет тысячи километров азиатских степей от границ Китайской империи до Волги, они вбирали во время этого долгого пути в свое движение множество разнородных народов [Артамонов М.И., 1962. С. 40, 41].

Вот в этом кипящем котле завоеваний, битв, поражений и побед самое деятельное участие принимали и местные народы, нередко вливаясь в тот или иной военный союз в качестве основной военной си-

лы. Так, в крови и страданиях умирала античность и рождалась новая эпоха средневековья. Значительная роль в этом тяжком периоде истории несомненно играли гуннские орды кочевников, захватывавших степные пастбища, разрушая при этом все попадающиеся на пути кочевков поселения, вытаптывая пашни и уничтожая сопротивлявшихся.

Однако они быстро освоились на захваченных местах, изменив в ряде регионов не только генофонд народов, но и внеся новое в их бытовую культуру, в вооружение, в способы ведения войны.

Можно сказать, что германцы начали разрушение Рима, гунны завершили его. Следует признать, что влияние германцев на сложение этносов и культур также было весьма заметным. Практически воздействие этих нахлынувших с Запада и Востока волн было равновеликим, только германцы принесли с собой более высокую материальную культуру, а кочевники – великолепное оружие, беспощадность к врагам и навыки выживания в любых условиях.

Таким образом, в ряде областей Крымско-Кавказского региона культура складывалась в зависимости от различных вливаний в нее не только со стороны завоевателей, но и со стороны ближайших могущественных соседей. Согласно закону единства противоположностей и этот характерный процесс сложения разных культур стал также явлением, объединяющим все страны региона.

Исследуя крымско-причерноморские и закавказские памятники, археологи и в наши дни постоянно сталкиваются со значительными лакунами в знаниях об этих землях. Объясняется это недостаточной изученностью отдельных регионов и еще большей недостаточностью публикации материалов. Кроме того, в ряде музеев коллекции практически не доступны для изучения и, главное, для издания, поскольку авторское “феодалное право” на раскопанные археологом материалы остается до сих пор в силе до смерти автора работ, несмотря на то, что закон о праве первого издания уже давно ограничивает это право семью–десятью годами.

Тем не менее, привлекая в основном к написанию данного тома полевых исследователей публикуемых здесь материалов, редакторы попытались как можно шире и полнее охватить все известные сейчас средневековые памятники региона, давая авторам абсолютную свободу в высказывании своих заключений относительно анализа материала и о процессах, протекавших в изучаемом ими районе в определенное время.

Расхождение мнений вполне объяснимо – одни памятники и материалы с них еще не обработаны, а другие, наоборот, раскапывались и изучались значительно более столетия (например, Херсонес) разными исследователями, приходившими в результате длительных и разновременных раскопок к различным, порой противоположным мнениям, основанным иногда на неверно зафиксированных наблюдениях, соответствующих уровню археологических знаний того времени, в которое производились раскопки. Поэтому только повторные исследования давно известного памятника давали в ряде случаев достаточно доказательные данные о хронологии, этнической принадлежности и культуре древнего города, поселения или могильника. А это позволяло нередко построить новую шкалу исторических событий, происходивших в конкретной области или большом городе. Следует особенно подчеркнуть, что в том включено довольно много совершенно новых материалов из слабо изученных районов, т.е. недавно извлеченных из земли и недостаточно исследовавшихся авторами раскопок. А это значит, что и исторические выводы, основанные на попавшем на страницы данного издания интереснейшем материале, возможно, в дальнейшем будут частично скорректированы или даже изменены. Тем не менее важность новых данных для истории и масштабность проведенных полевых исследований обуславливает включение в том этих ценнейших материалов.

В настоящее время наиболее исследованной и, главное, продолжающей активно археологически исследоваться областью Крымско-Кавказского региона является Крым.

Это и понятно: крымская земля покрыта памятниками, начиная с палеолита и кончая разнообразными предметами турецкой культуры (XVIII в.). Средневековые слои перекрывали античные на большей части развалин городов и поселений. Рядом с поселениями, а нередко и на их территории располагались средневековые могильники, синхронные поселениям и врезающиеся в более древние слои. Во всей этой массе открывающихся фактов ученые начали разбираться уже в начале XIX в. Естественно, что в Крыму основными объектами исследования были античные памятники. Однако величественные развалины средневековых храмов Херсонеса, раннесредневековые могилы с богатейшим погребальным инвентарем, дающим точные даты памятникам, также постепенно начинали завоевывать внимание археологов.

Почти полстолетия над средневековыми древностями Крыма работал А.Л. Якобсон. Его монографии и крупные статьи стали солидным фундаментом для будущих поколений ученых, которые, даже не соглашаясь с некоторыми его выводами (в основном по частным вопросам), “отталкиваясь” от них, исследуя вслед за ним памятники и коллек-

ции, находили новые данные для более обоснованных заключений.

В последнюю четверть XX в. крымский отряд археологов пополнился талантливыми и эрудированными учеными-медиевистами, что способствовало не только необычайному оживлению полевых работ, но и всесторонней обработке и обобщению материалов. Следствием этого было издание нескольких серьезных монографий, создание серийного издания сборников (МАИЭТ, I–VIII), проведение нескольких международных конференций, направленных на углубленное рассмотрение истории и культуры заселявших Крым народов.

Крым более остальных областей Крымско-Кавказского региона был связан политически и культурно с Византийской империей, провинцией которой он неоднократно становился за прошедшее средневековое тысячелетие (III–XIII вв.).

Жизнь этой отдаленной от метрополии провинции была весьма беспокойной. Относительно мирные периоды сменялись нашествиями разноэтничных захватчиков, среди которых особенно выделялись готы, праболгары, хазары, возможно, венгры, половцы и, наконец, татаро-монголы. Следует учитывать и тот факт, что и до средневековья, и в самом его начале жизнь в Крыму кипела, и многие соседние народы (аланы, зихи и др.) семьями или большими группами переселялись на полуостров, занимая нередко большие территории и города. Таким образом, этнический состав в этой области региона был весьма пестрым. Разобраться в этом сложном вопросе и удовлетворительно решить его можно далеко не на каждом памятнике. Поэтому некоторые разногласия авторов тома в проблеме этногенеза как в Крыму, так и в Восточном Причерноморье не должны смущать читателя. Очевидно, что некоторые вопросы пока находятся в стадии догадок и гипотез.

Если такая неясность решений допустима, как нам представляется, в Крыму, буквально наполненном разнообразными датирующими или как-то иначе маркирующими предметами, обычаями, памятниками культа и т.п., то в мало исследованном Северо-Восточном Причерноморье весь этот комплекс нерешенных проблем выявляется еще более отчетливо.

Территориально область несомненно много меньше Крымского полуострова (примерно раз в десять). Географически она четко делится на две части. К первой мы относим примыкающую почти вплотную к Крыму, изрезанную лиманами землю Таманского полуострова.

Весь полуостров почти сплошь покрыт археологическими памятниками, среди которых остатки средневековых поселений занимают весьма заметное место. Среди них выделяются развалины двух городов-портов Гермонассы-Таматархи-Тмутаракани и Фанагории, основанных еще в VI в. до н.э.

греками и продолжавших существовать, как и большинство остальных античных поселений, в эпоху средневековья.

Почти 200 лет культурные напластования этих городов раскапываются дилетантами, кладоискателями, а каменные постройки разбираются до основания новыми строителями, поэтому не только от строений, но и от культурного слоя сохранилось, сравнительно с размерами древних городов, немного, тем более, что значительная их часть размыта морем и обвалилась. Однако, все, что сохранилось, в течение почти всего XX в. исследуется археологами – антиковедами и медиевистами. Помимо этих двух городов исследовались еще несколько приморских поселений. Громадный вклад в изучение поселений Таманского полуострова внес Я.М. Паромов. Он в многолетних разведках не только открыл десятки до него не известных памятников, но и хронологизировал их и картографировал, разделив по эпохам.

Все вместе позволяет создать, как нам кажется, убедительную картину жизни на полуострове как в античное, так и в средневековое время.

Много слабее проводились археологические работы в Северо-Восточном Причерноморье. Долгие годы здесь в качестве главного памятника, давшего большое количество раннесредневекового материала, был Борисовский могильник, раскопанный В.В. Саханевым в 1911–1913 гг. [Саханев В.В., 1914]. Работы многочисленных “новостроечных экспедиций”, развернувшихся в регионе во второй половине XX в., существенно повлияли на оживление здесь деятельности археологов, но особенный интерес к раннесредневековым древностям вспыхнул после первых же раскопчных сезонов на могильнике Дюрсо, проведенных в 1974 г. А.В. Дмитриевым [Дмитриев А.В., 1979а, б].

В настоящее время накопилось уже достаточно материала из раскопок нескольких крупных разновременных средневековых могильников, дающих основание для создания развернутой хронологии, изучения погребальной обрядности и в целом материальной и духовной культуры этнически неоднородного населения региона.

Известны развалины нескольких крупных античных городов и поселений в этом регионе, в том числе многие сезоны раскапываемая Горгиппия [Алексеева Е.М., 1997], но средневековые поселения выявляются здесь редко, возможно потому, что тотальных разведок, подобных тем, которые провел Я.М. Паромов на Тамани, не было, а открытые и раскапываемые памятники, как правило, находятся только в районах тех или иных новостроечных работ.

На южных склонах и в предгорных долинах Кавказа разместились три государства: Грузия, Армения и Албания-Азербайджан. Все три обладали высокой и

древней культурой, одноэтничной и своеобразной и в то же время во многом близкой и даже схожей. Объясняется это прежде всего общностью географического положения и мощным воздействием соседних с ними великих цивилизаций средневековья – Сасанидского Ирана, Византии и Арабских халифатов.

В период раннего средневековья, фактически одновременно с новой волной заселения Крыма, в этих странах официальной религией стало христианство, распространившееся из переднеазиатских провинций Византии. Это также стало важным объединяющим фактором для всего Крымско-Кавказского региона. Храмы и монастыри украсили горные склоны и отроги этих стран. Только после завоевания арабами Албании христианство почти полностью было вытеснено с ее земли. С VIII в. Албания стала мусульманским государством Азербайджан, хотя на некоторых горных окраинах вплоть до татаро-монголов сохранились христианские храмы и богослужение в них.

Несмотря на крепкие религиозные связи с Византийской империей, правителями этих стран активно поддерживались торговые и культурные взаимоотношения с Сасанидским Ираном, а затем и с Халифатами. Причем следует отметить, что в самой западной из стран – Грузии – культурное влияние Византии проявлялось особенно ярко, а в самой восточной – Албании – несомненно превалирующим было воздействие Ирана.

Территории всех трех государств археологически изучены достаточно полно. Археологами России и Закавказья открыты целые кварталы в развалинах древних городов. Как правило, они двух- или даже трехслойные: античный слой, раннесредневековый и слой развитого средневековья. Поскольку большинство городских строений сложено из камня или прекрасно обожженного кирпича, старые стены далеко не всегда разбирались полностью, чаще постройки из века в век просто перестраивали и ремонтировали. Раскопками в разных городах раскрыты не только жилые постройки, но и многообразные (многофункциональные) общественные здания: караван-сарай, бани, мечети, мавзолеи, церкви и монастыри. Характерно, что многие из храмовых комплексов, выстроенных вне городских стен, сохранились и по сей день. Полностью доступны для изучения высокие каменные стены Дербента, в ряде других городов сохранились на поверхности значительные участки оборонительных стен, а иногда и больших общественных зданий.

Замечательно, что археологи и историки, пользуясь записями древних местных хронистов, сочинениями арабских, персидских и византийских авторов, смогли локализовать (отождествить с развалинами) многие известные в средневековье города закавказских государств. Иногда в записях даны не только упоминания местоположения, но и описа-

ния города, что также имеет громадное значение для археолога, раскапывающего памятник.

Естественно, что стоявшие на поверхности древние памятники давно (еще в середине XIX в.) заинтересовали ученых. Их осмотру, обмерам, описанию посвящены многие работы архитекторов, историков, искусствоведов. Основной задачей археологов в начале исследования всегда были разведки – поиски памятников разных эпох, от палеолита до позднего средневековья. В результате этих исследований были выявлены сотни памятников, в том числе и остатки средневековых городов, поселений, могильников, рухнувших и почти уже затертых дерном руин крупных зданий.

К сожалению, вся эта масса данных не получила должного освещения в специальной литературе – археологических журналах, сборниках, монографиях. К тому же с ростом национальных археологических кадров более половины публикаций начали издавать на языках тех народов, на земле которых расположены памятники (см. Литературу), что сделало их недоступными даже для ближайших соседей. Исключения, конечно, были. В качестве наиболее ярких примеров назовем полноценное издание полевых исследований Азербайджанской экспедиции [МИА, 67. 1969] или вышедшую в Грузии книгу Л.З. Хускивадзе, посвященную перегородчатым грузинским эмалям [1984 г.].

В свете сказанного представляется очевидной несомненная необходимость данного издания, дающего широкой археологической аудитории представление о высокой культуре закавказских государств и об их замечательных памятниках.

Ценность этого тома, естественно, заключается не только в публикации закавказских древностей. Увеличение почти вдвое хронологически и этнически различных памятников в Крыму, вышедшие там книги, изложенные в них новые факты и концепции обязывали нас по возможности полно познакомить с ними всех археологов и всю еще пока

читающую публику России. Наконец, включение в том причерноморских материалов, ранее вообще почти неизвестных, поистине взятых из “земли неизвестной”, как расценивал ее автор “Слова о полку Игореве” в XII в., существенно расширило наше представление о культуре и о той беспокойной, постоянно меняющейся жизни, которую вели народы, обитавшие тогда на этой земле.

В совокупности вся собранная здесь громада фактов, выводы, полученные в результате их исследования, нередко спорные, представляются нам очень интересными и важными для науки в целом и для истории науки в частности.

В создании тома, как и во всех книгах данного издания, принимал участие большой коллектив авторов и художников. Всем им редакторы приносят глубокую и искреннюю благодарность за тот большой труд, который они вложили в эту весьма информативную книгу, в значительной степени наполненную новыми материалами и фактами. В заключение считаем необходимым отметить участие В.П. Даркевича в первичном редактировании (без необходимого сокращения текста и перекomпоновки таблиц) двух частей тома, посвященных археологии Армении и Азербайджана.

Кроме того, в формировании таблиц и написании отдельных разделов тома “незримо присутствовали” десятки музейных работников, активно помогавших авторам при знакомстве и исследовании пока мало известных (неопубликованных) коллекций. Всюду, где это было возможно, авторы упоминали имена своих коллег-консультантов и помощников, а в ряде случаев включали их в свои главы в качестве соавторов.

Редакторы благодарят всех археологов (музейщиков и полеви́ков), самоотверженно и заинтересованно участвовавших в работе над этой большой, чрезвычайно сложной и трудоемкой книгой.

Часть I

Крым

Введение

Письменные источники информируют о вторжении в первой половине III в. в Северное Причерноморье разноименных племен германцев. В результате этого кардинально изменяется политическая ситуация в Крыму и этнический состав его населения. Во второй трети XIII в. после вторжения в Крым татаро-монголов наступил новый этап в истории полуострова.

С момента своего возникновения Восточная Римская империя наращивала политическую, военную, идеологическую и экономическую активность в Крыму. Правители империи стремились доминировать на полуострове, который играл ключевую роль в распространении ее влияния в Северном Причерноморье. Здесь сталкивались интересы империи и союзов племен, созданных в разные периоды в регионе готами, гуннами, аварами, древними болгарами, славянами, печенегами и половцами. Через Крым Византия поддерживала связи с тюркскими каганатами, хазарским государством и Киевской Русью.

С позднего средневековья путешественники (Гийом Рубрук, Иосифат Барбаро) и дипломаты (Мартин Броневский, Бусбек) активно изучали населявшие Крым народы. В трудах по истории Крыма XIX – первой трети XX в. дан всесторонний анализ многочисленных свидетельств письменных источников о происходивших в Крыму в интересующий нас период событиях. В исторической литературе того времени утвердилось мнение о готском этносе жителей Юго-Западного Крыма. М.И. Ростовцев писал о доминировании сармат и алан на Боспоре и готов на Южном Берегу.

В публикациях 1930-х – начала 1990-х годов высказывались весьма противоречивые мнения о роли Восточной Римской империи и Хазарского каганата в истории Крыма, о развивавшихся на полуострове этнических процессах и о степени влияния на них христианской идеологии.

Об истории населения полуострова, о направлении и характере политических, культурных и экономических связей, религии, письменности, развитии ремесел и сельского хозяйства судят обычно по сообщениям позднеримских, византийских и арабских авторов, агнографическим и эпиграфическим

памятникам, хазарским документам. Принимая во внимание информацию письменных источников, рассматриваемый в данной работе период истории Крыма можно разделить на пять этапов. Первый этап следует приурочить ко времени между началом миграционной активности варваров около середины III в. и вторжением гуннов. Второй этап завершился с приходом к власти в 527 г. в Византии Юстиниана I, а третий этап – в конце VII в. с захватом почти всего полуострова хазарами. Четвертый этап заканчивается в последней четверти IX в. изгнанием хазар из Крыма, пятый – русско-византийский – завершается в 1223 г. первым набегом татаро-монгол на Судак.

Однако содержащиеся в письменных источниках сведения отрывочны и не всегда достоверны. Поэтому необходим комплексный анализ письменных и археологических источников. С первой четверти XIX в. в Крыму открыты и в различной степени исследованы свыше ста городов, укрепленных городищ, поселений, более шестидесяти некрополей интересующего нас периода и около двух десятков одновременных одиночных погребений в более ранних степных курганах. Протекавшие на полуострове с середины III до середины XIII в. этноформационные процессы запечатлены в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии, бытовой утвари, типах жилищ и типе хозяйственной деятельности. Для характеристики изменения ситуации в регионе на каждом историческом этапе необходимо создать свод датирующих вещей, происходящих из погребений, из слоев, раскопанных в городах, на городищах и на поселениях, а также уточнить хронологию перечисленных памятников. Нужно выявить типы склепов и могил, которые в определенный хронологический период были характерны для разных регионов, и установить генезис всех типов погребальных сооружений. Картографирование датированных некрополей, городищ и поселений позволит обосновать дату и локализовать районы расселения тех или иных племен, получить определенное представление об их этногенезе, о пространственном размещении групп в конкретных ландшафтных средах, об их демографии.

Крым в середине III – начале VI века (период миграций)

В первой половине III в. н.э. территория полуострова была разделена между позднескифским царством, занимавшим плодородные земли в низовьях маленьких речушек Черная, Бельбек, Кача и Альма и возвышенности Третьей гряды Крымских гор, Херсонесом и Боспорским царством. Южная граница Боспора проходила где-то за Феодосией.

Рассматриваемый в главе первый этап истории полуострова характеризуется большим динамиз-

мом этнических процессов (рис. 1; 2). Вторжение германцев в Северное Причерноморье, Приазовье и Крым вызвало миграции, коренным образом изменившие этническую и политическую ситуацию на полуострове. В конце IV – начале V в. в результате гуннского вторжения в Северное Причерноморье в регионе вновь значительно изменилась этнополитическая обстановка [Айбабин А.И., 1999. С. 225].

Боспорское царство

В первой половине III в. Боспорское царство находилось под опекой Рима [Цветаева Г.А., 1979. С. 7, 9, 19–20; Айбабин А.И., 1999. С. 26, 29]. Как явствует из сочинения Иордана, близ границ Боспорского царства у берегов Меотиды, на землях, где с I в. кочевали аланы [Кулаковский Ю.А., 1899. С. 14, 15], обосновались германские племена: готы и герулы. По его словам, готы “в поисках удобнейших областей и подходящих мест...” первоначально расселились “в Скифской земле, у Мэотийского болота” [Иордан, 1960. С. 72, 73]. Место обитания герулов упомянуто в рассказе о победе над ними правившего во второй половине IV в. короля Германариха: “вышеуказанное племя жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют “ele”, и поэтому именовалось елурами” [Иордан, 1960. С. 89].

По свидетельству письменных источников, пришедшие в 250-е годы со стороны крымской степи германцы впервые напали на город Боспор [Айбабин А.И., 1999. С. 32, 33, 36]. Очевидно, ослабленная поражением правящая династия согласилась на соправителя. В 253 г. на Боспоре с Рискупоридом правил Фарсанз [Голенко К.В., 1970. С. 93, примеч. 38; Фролова Н.А., 1980. С. 65–67]. Вскоре Рискупорид V восстановил единоличное правление. На его статере в 254 г. чеканят изображение венка победителя [Фролова Н.А., 1980. С. 70, табл. 1, 20, 21]. По словам же Зосима, бораны, готы, карпы и уругонды при Валериане (253–259) с помощью боспорцев переправились в Азию [Zosimus, 1982. 1, 31]. Результаты раскопок Т.И. Макаровой в 1964 г. в Керчи позволяют уточнить дату первого похода. Она зачистила слой большого пожара, уничтожившего производственный комплекс. По монетам из слоя пожара его можно приурочить к 256 г. и согласиться с выводом Т.И. Макаровой о его связи с нападением германцев [Голенко К.В., 1970. С. 88;

Фролова Н.А., 1980. С. 69; Макарова Т.И., 1991. С. 139–140].

Через год готы и бораны вновь захватили боспорские корабли с экипажами и совершили повторный рейд, уже более успешный, на римские крепости в Восточном Причерноморье [Zosimus, 1982. 1, 32]. Малые города и поселения Европейского Боспора германцев не интересовали. Судя по находкам, жизнь не прерывалась в Мирмекии (27)*, Тиритаке (25) [Gajdukevič V.F., 1971. S. 513], Илурате (24), Семеновке (30), Заморском (29), Китее (34), на поселении Зенонов Херсонес (28) и других. Обстановка на Боспоре стабилизировалась только к 261 г., когда возобновили денежную эмиссию [Фролова Н.А., 1980. С. 70].

В 268 г. с берегов Меотиды начался самый большой морской поход германцев, в котором участвовали примеотидские готы и герулы [Zosime, 1971. Liv. I, LXII. P. 38–39]. По свидетельству Аммиана Марцеллина [Ammianus Marcellinus, 1972. 31, 5, 15], германцы, направляясь к сборному пункту в устье Тиры, прорвались на кораблях через пролив Боспор. Вероятно, к Тире их флот проплыл вдоль Южного Берега Крыма и оставленного римлянами Херсонеса. Перерезав морские коммуникации, германцы нанесли сильный урон экономике Боспора. Опасаясь германцев, боспорцы зарывали денежные клады [Кругликова И.Т., 1966. С. 187–188]. Его правители до 275 г. [Фролова Н.А., 1980. С. 73] приостановили эмиссию денег. Из-за прекращения рыболовства во второй половине III в. в Мирмекии и Тиритаке ликвидировали крупные комплексы по переработке рыбы и перестроили одну из цистерн под

* Цифра в круглых скобках означает номер памятника на карте “Крым в позднеримское время” (рис. 1).

жилище [Гайдукевич В.Ф., 1952. С. 208–211; 1958. С. 68–69].

В 276 г. через Меотиду вновь переправились “боспорские скифы” [Zosime, 1971. Liv. I, LXIII. P. 54], названные в житии святого Афеногена готами [Maraval P., 1990. P. 6, 13, 16, 17, 31, 35], и напали на провинции Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию. Отражавшими нападение римскими войсками руководил император Тацит, получивший в результате успешных действий титул победителя готов [Schwarcz A., 1992. S. 56, 57; Хайредино-ва Э.А., 1994/1995. С. 522–523].

Вероятно, разгром измотанных римлянами германцев завершил боспорский царь Тейран [Gajdukevič V.F., 1971. S. 474]. Его монеты регулярно чеканились в 574 и 575 гг. боспорской эры, соответственно в 277–278 гг. [Фролова Н.А., 1991. С. 103]. Очевидно, в честь этого события в столице царства был сооружен памятник. В надписи на его мраморной базе сообщается о победе царя Тиберия Юлия Тейрана над не названными врагами [Ростовцев М.И., 1913. С. 29; КБН, 1965. № 36. С. 38–41].

Кратковременные вторжения германцев и их союзников в Европейскую часть Боспорского царства не привели к сколь-либо заметному изменению этнического состава ее населения, но вызвали значительные его перемещения. Анализ ономастического материала боспорских надписей второй половины III–IV вв. позволяет предположить, что после германских погромов часть алан из Танаиса и греков из Горгии переселились в столицу царства и Феодосию [Даньшин Д.И., 1990. С. 53–56].

Новые аланские могильники (Заморское и др.) появились и на Керченском полуострове. Рядовые боспорцы хоронили в погребальных сооружениях традиционных типов. Выложенные и перекрытые плитами земляные могилы характерны для греческого населения региона с эллинистического периода [Гайдукевич В.Ф., 1959. С. 207]. Подбойные могилы использовали сарматы [Цветева Г.А., 1951. С. 73, 74]. В склепах с лежанками с начала н.э. погребали представители всех этнических групп. С конца II в. с проникавшими на Боспор аланами там распространились Т-образные в плане склепы [Гайдукевич В.Ф., 1959. С. 217, 219, 225–237]. Многочисленные однотипные склепы открыты на городском некрополе Пантикапея-Боспора, расположенном на северном склоне г. Митридат. Он протянулся широкой полосой на несколько километров от современной Госпитальной улицы в западном направлении до вала [Ростовцев М.И., 1914. С. 509; Цветева Г.А., 1951. С. 79, рис. 3]. Богатые захоронения, раскопанные в Керчи в 1837, 1841, 1910 и 1918 гг., обычно приписывают Рискупориду III, а также другим представителям правящего рода [Reinach S., 1892. P. 40–41, 43; Шкорпил В.В., 1910. С. 33, рис. 13; Rostovtzeff M.I., 1923.

P. 115–125]. По деталям обряда они близки аланским. Два из них совершены под курганными насыпями. Первое (1837 г.) зачищено в мраморном саркофаге. На черепе лежала золотая маска, возможно, исполненная по слепку, снятому с лица умершего, и венок. В саркофаге нашли золотые серьги и браслеты с гранатовыми вставками, двучленные подвязные фибулы третьей серии [Амброз А.К., 1966. С. 54, третья серия], железные меч и нож, сбруйные ремни с удилами и серебряными бляхами, серебряные и бронзовые сосуды. На двух бляхах изображены тамгообразные знаки. На одной стороне серебряного блюда выгравированы лавровый венок и монограмма Каракаллы Автϑ (его личное имя Марк Аврелий Антонин), а на другой – пуансоном исполнена надпись: “царя Рискупорида”. Полагают, что блюдо подарил Рискупориду III император Каракалла [Rostovtzeff M.I., 1923. S. 119]. В насыпи кургана 1841 г. обнаружен скелет коня. В старом античном склепе в деревянном обитом свинцом гробу лежал скелет с золотым венком на черепе, а рядом – меч, кинжал, копье, нож, два оттиска с монет 222–227 гг. Рискупорида III и сбруйные ремни с серебряными бляхами [Rostovtzeff M.I., 1923. P. 117, 118]. А.К. Амброз по фибулам, деталям сбруи и пряжкам датировал оба комплекса не ранее второй половины III в. [Амброз А.К., 1989. С. 25]. Очевидно, в них похоронены не Рискупорид III, умерший в 226/7 г., и член его семьи, а, быть может, Рискупорид V и какой-то его родственник. Комплексом считают и большую коллекцию, приобретенную Лувром у богатой керченской семьи Месаксуди. Однако все вещи землекопы извлекли якобы из одной могилы, но без какой-либо фиксации [Rostovtzeff M.I., 1923. S. 99–109, fig. 1–7].

Серебряные сбруйные бляхи из могил 1837 и 1841 гг. обтянуты золотой фольгой и декорированы тисненными витыми жгутами и гнездами со вставками из крупного шлифованного сердолика. Так же украшены детали сбруи из Керчи, из погребения второй половины III в. могильника Веселая Роща II в Ставрополье, из захоронений второй половины III – первой половины IV в. из г. Азова и из станицы Тимошевской (Северный Кавказ), из Кишпека (Кабардино-Балкария). Таким же образом декорированы височные подвески, браслеты и пряжка из погребений второй половины III – первой половины IV в. из Приднестровья, Подонья и Прикубанья и из крымских погребений первой группы второй половины III в. [Айбабин А.И., 1999. С. 43, 44]. По предположению А.К. Амброза, перечисленные детали сбруи и украшения представляют собой изделия единого ювелирного стиля. Их орнаментация по технологии исполнения, цветовой гамме, использованию шлифованных сердоликовых вставок близка декору деталей поясов, изготовленных во второй половине III в. в провинциальных римских мастер-

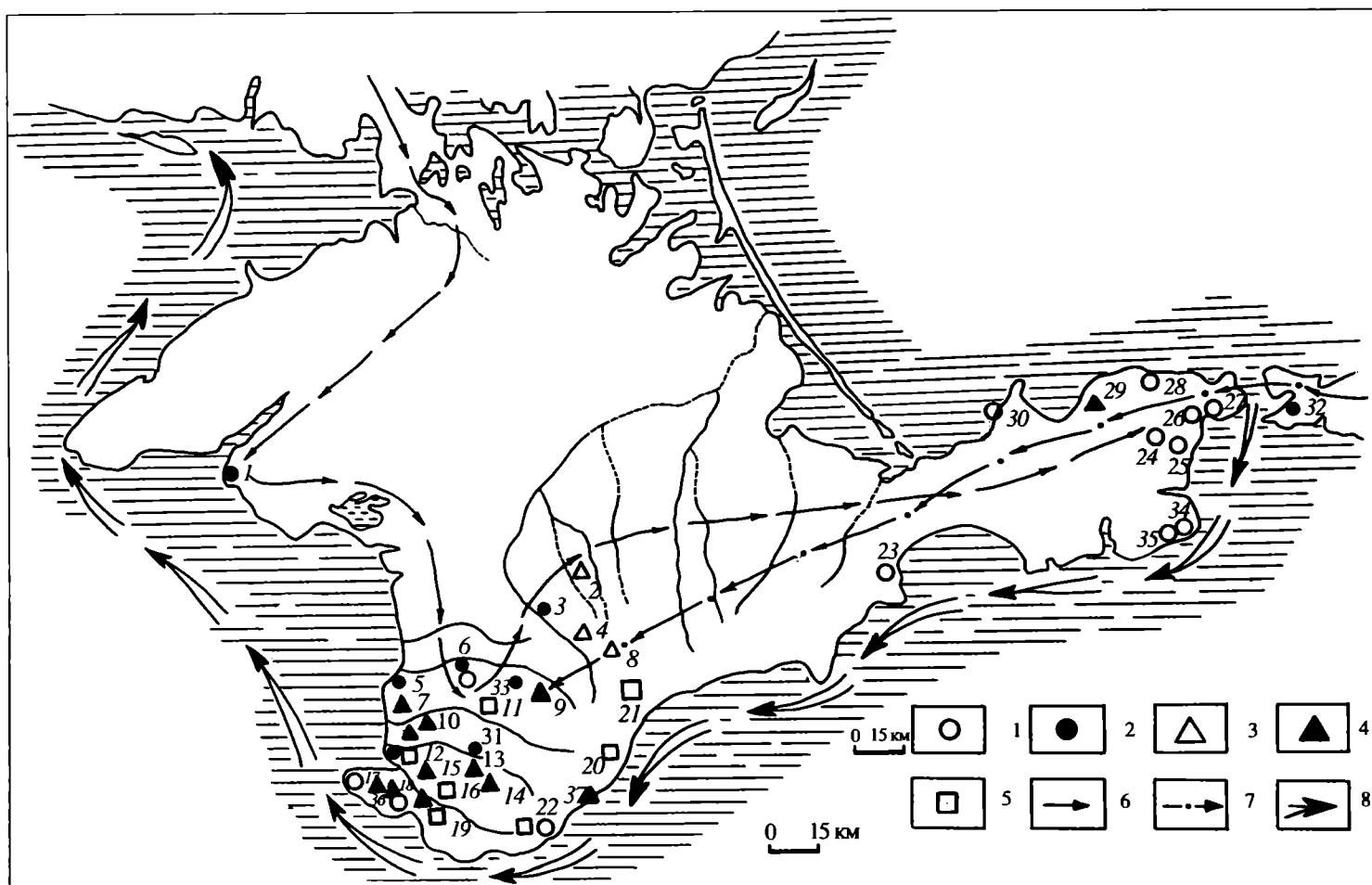

Рис. 1. Крым в позднеримское время

1 – Южнодонулавское городище; 2 – Нейзац; 3 – Неаполь Скифский; 4 – Дружное; 5 – Усть-Альма; 6 – Альма-Кермен (Заветное); 7 – Суворово; 8 – Перевальное; 9 – Озерное; 10 – Тенистое; 11 – клад монет у с. Долянное; 12 – Бельбек I-III; 13 – Красный Мак; 14 – Мангут; 15 – Инкерман; 16 – Совхоз 10; 17 – Херсонес; 18 – Балаклава; 19 – Черная речка; 20 – Партенит; 21 – Чатыр-Даг; 22 – Харакс; 23 – Феодосия; 24 – Илурат; 25 – Тиритака; 26 – Боспор; 27 – Мирмекий; 28 – Зенонов Херсонес; 29 – Заморское; 30 – Семеновка; 31 – Танковое; 32 – Фанагория; 33 – Скалистое III; 34 – Китей; 35 – Кыз-Аул; 36 – Кялен-Балка;

37 – Гурзуф. Условные обозначения: 1 – римские гарнизоны, городища, поселения и некрополи Боспорского царства; 2 – городища и некрополи поздних скифов и сармат; 3 – могилиники и поселения алан, возникшие около середины III в.; 4 – некрополи с труположениями и поселения, возникшие в 256 г.; 5 – могилиники с кремацией и клады германцев; 6 – направление первого вторжения готов в Крым в 252-256 гг.; 7 – направление первой миграции алан в Крым около середины III в.; 8 – поход германцев в 268 г. Составлена А.И. Айбабиным

ских [Martin M., 1991. S. 55, Abb. 22, 1], и офицерских шлемов первой половины IV в. из Кишпека, Дьерны (Нидерланды), и Беркасово (Воеводина) [Klumbach H., 1973. S. 27-37. Taf. 1-9, 11-21]. По словам А.К. Амброза, данный стиль, возникнув в римских провинциях во второй половине III в., распространился в Крыму и на Северном Кавказе [Амброз А.К., 1989. С. 23-27]. Все упомянутые сбруйные наборы происходят из захоронений представителей правившей на Боспоре династии или с Северного Кавказа из могил аланской знати. На удилах Боспора изображены родовые тамги. Такие наборы делали по заказам знати в боспорских мастерских по заимствованной от римлян технологии и в соответствии со всеми требованиями новой римской моды. В новом стиле и, очевидно, не только на Боспоре изготавливали популярные в Юго-Западном Крыму женские украшения: бронзовые, серебряные и золотые серьги и браслеты [Айбабин А.И., 1999. С. 44].

На Европейском Боспоре археологические материалы, связанные с германцами, нападавшими на Боспор в третьей четверти III в., весьма малочисленны: это характерная для вельбарской культуры декорированная кольцами двучленная подвижная фибула, черняховские подвижные фибулы, гребни и керамические сосуды второй половины III-IV вв. [Амброз А.К., 1966. С. 67, табл. 11, 17; Симонович Е.О., 1975. С. 81, 82, рис. 1, 4, 5-9, 11-15]. Из Озерного из склепа второй половины IV в. происходит обычный для германцев умбон (табл. 1: 64) [Kokowski A., 1993, fig. 4, el].

Есть сведения и о других народах, населявших Боспорское царство в III-V вв. Так, в 1867 и 1912 гг. в Керчи обнаружили два еврейских некрополя. На кладбище рядом с Павловской батареей открыты грунтовые покрытые "диким" камнем безынвентарные могилы со скелетами, ориентированными черепами на восток. На обоих некропо-

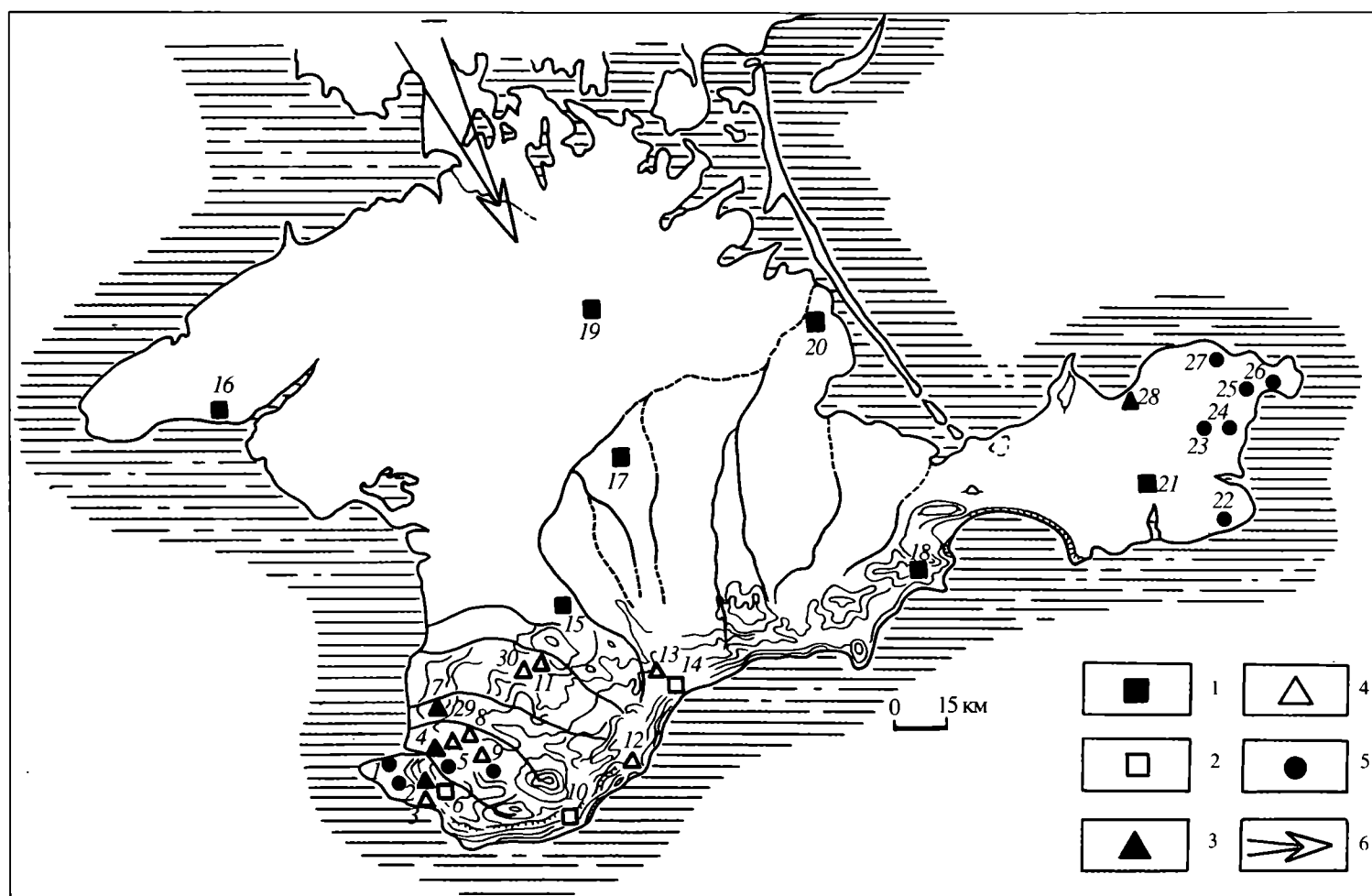

Рис. 2. Крым в V – первой половине VI в.

1 – Херсон; 2 – усадьбы на Гераклейском полуострове; 3 – Балаклава (Гавань Символ); 4 – Инкерман; 5 – Загайтанская Скала; 6 – Черная речка; 7 – Тенистое; 8 – Красный Мак; 9 – Мангуп; 10 – Харакс; 11 – Бакла; 12 – Гурзуф; 13 – Лучистое; 14 – Чатыр-Даг; 15 – находка гуннского котла на Неаполе Скифском; 16 – Беяус; 17 – Чикаренко; 18 – г. Коклюк близ Феодосии; 19 – совхоз им. Калинина; 20 – Изобильное; 21 – Марфовка; 22 – Китей; 23 – Илурат; 24 – Тиритака; 25 – Боспор;

26 – Мирмекский; 27 – Зенонов Херсонес; 28 – Заморское; 29 – Сахарная Головка; 30 – Скалистое. Условные обозначения: 1 – погребения кочевников V – первой половины VI в.; 2 – могильники германцев с кремацией второй половины III – первой половины V в.; 3 – некрополи алан, возникшие в 256 г.; 4 – некрополи, возникшие на рубеже IV–V и в V в.; 5 – города, городища и поселения; 6 – направление вторжения гуннов на полуостров. Составлен А.И. Айбабиным

лях найдены надгробия с высеченными изображениями меноры и с греческими и двуязычной (на греческом и иврите) надписями. Они по палеографическим признакам датированы III–IV вв. и IV–V вв. [КБН, 1965. № 724, 735, 736, 743, 746, 777, 1225; *Даньшин Д.И.*, 1993. С. 68]. Не типичный для евреев Палестины обычай устанавливать надгробия с религиозными эмблемами возник у говоривших на греческом и латыни евреев диаспоры под влиянием эллинской традиции [*Хвольсон Д.А.*, 1884. С. 133, 137, 138, 144–148, 153–157]. В III в. в городах Боспора меняется еврейская ономастическая традиция, свидетельствующая о новой миграции иудеев на Боспор [*Даньшин Д.И.*, 1993. С. 69].

После победы Тейрана над германцами на полуострове начался относительно спокойный период. В 276 г. правители Боспорского царства контролировали прежнюю территорию. В надписи в честь Тейрана упомянуты наместник Феодосии и начальник области аспургианов (Азиатский Боспор)

[*Gajdukevič V.F.*, 1971. S. 474]. Его границы не изменились и в начале IV в. Это подтверждает надпись 306 г. наместника Феодосии Аврелия Валерия Сога [КБН, 1965. № 64].

Многообразие народов, населявших Боспор, соответствовало многообразие верований. К последней четверти III в. в Боспорском царстве государственным культом стал возникший в I в. н.э. культ Зевса Спасителя и Геры Спасительницы [КБН, 1965. № 76. С. 86]. В надписях зафиксировано сохранение важной роли в идеологической политике государства других официальных культов: до начала IV в. культа римских императоров [КБН, 1965. № 64; *Блаватский В.Д.*, 1985. С. 192–194], а до начала V в. – культа царской династии Тибериев Юлиев [КБН, 1965. № 36, 65–67].

Надпись Аврелия Валерия Сога 306 г. указывает на существование в г. Боспоре во второй половине III – начале IV в. культа Бога Высочайшего [КБН, 1965. № 64]. Этот культ в I – первой полови-

не III в. широко распространился и в Танаисе, и Горгииппии [Даньшин Д.И., 1993. С. 64]. Э. Шюрер писал о значительном влиянии иудаизма на этот культ [Schürer E., 1897. S. 218–225].

Многие ученые писали о синкретизме культа Бога Высочайшего, объединившего черты иудейского Яхве и фракийского Сабазия или греческого Зевса [Ростовцев М.И., 1914. С. 431–433; Гайдукевич В.Ф., 1949. С. 433–434; Книпович Т.Н., 1949. С. 110].

В описании мученичества святого Афеногена говорится о его путешествии (скорее всего на Боспор) для выкупа христиан, захваченных готами во время набега 276 г. на Педяхтою в Каппадокии [Maraval P., 1990. P. 30–35, § 3, 7, 8]. Видимо, в последней четверти III в. с пленными христианами их религия проникает на Боспор. В Ново-Отрадном в ямной могиле с использовавшейся до конца III в. подвижной фибулой найден христианский перстень с изображением креста и двух симметрично расположенных по его сторонам рыб [Амброз А.К., 1966. С. 51; Арсеньева Т.М., 1970. С. 106, 107, табл. 12, 10, 13]. На самом раннем христианском надгробии Эвтропия из Керчи высечен 601 год по боспорской эре, т.е. 304 г. [КБН, 1965. Addenda, № 3]. К 325 г. там образовалась христианская община. Боспорский епископ Кадм участвовал в Никейском соборе [Vasiliev A.A., 1936. P. 10–13]. Созомен писал о гибели боспорского епископа во время землетрясения в 344 г. в Никомедии, которое произошло до начала собора [Hermiae Sozomeni, 1983. IV, cap. XVI, 1155–1156]. Боспорские христиане упомянуты в написанной во второй половине IV в. “Похвале святому мученику Фоке” [Латышев В.В., 1899. С. 33].

Надписи V в. свидетельствуют о превращении христианства в господствующую на Боспоре религию. Епископ Боспора Евдоксий участвовал в Константинопольском соборе в 448 г. и в Эфесском в 449 г. [Le Quien M., 1740. P. 1328]. В Керчи найдено надгробие 438 г. дьякона Евсевия [Латышев В.В., 1896. № 86]. Христиане хоронили на старом некрополе на склоне горы Митридат в таких же, как и в предшествующий период, склепах с лежанками. На территории могильника обнаружены христианские надгробия, отнесенные к V в. [Кулаковский Ю.А., 1891. С. 29; рис. на с. 30]. На стенах однотипного склепа 491 г. написаны тексты молитв [Кулаковский Ю.А., 1891. С. 25–27]. Из окрестностей античной Акры происходит нателный амулет с двумя филиактериями на серебряной и золотой пластинах [Виноградов Ю.Г., 1998. С. 240, 241]. С новой идеологией уживался обычай погребать покойников с украшениями и сосудами. Ту же картину мы наблюдаем на территории Византии даже на церковных кладбищах VII в. (Афины, Самос).

В рассматриваемый период оживает городская экономика. Реконструируются жилые кварталы. При царе Радамсаде (308–319 гг. или до 322 г.) и во время его соправительства с Рескупоридом VI в 314–319 гг. или до 322 г. [Фролова Н.А., 1975. С. 50, 52, 55, 56; Анохин В.А., 1986. С. 128] строятся общественные здания [Блаватский В.Д., 1960. С. 179; Кругликова И.Т., 1966. С. 18, 34–36; Макарова Т.И., 1991. С. 130]. В надписи, найденной на Таманском полуострове, вероятно, у станицы Запорожской, сообщается о постройке архитектором Евтихом в 335 г. при царе Рескупориде VI оборонительной стены или укрепления [КБН, 1965. № 112]. По данным В.Д. Блаватского, в последней четверти III в. на территории Пантикапея-Боспора возникли многочисленные зерновые хозяйства [Блаватский В.Д., 1985. С. 124, 246]. В них и в сельских поселениях выращивалось значительное количество товарного зерна. Боспор вывозил хлеб в Константинополь. В 360-х годах ритор Фемистий назвал Боспор и Херсонес в числе главных поставщиков хлеба в столицу [Dagron G., 1974. P. 531–532]. Восстанавливается морской торговый флот.

Надписи подтверждают сохранение на Боспоре в IV в. традиционной административной системы [КБН, 1965. № 36, 64]. Судя по списку из более 80 магистратов на памятнике в честь Тиберия Юлия Тейрана, многочисленную дворцовую бюрократию возглавляли наместник царства, хилиарх (командир тысячи) и начальник аспургиянов, главный секретарь, начальник отряда, градоначальник, начальник отчетов, личный секретарь царя, секретарь. Другие магистраты исполняли свои обязанности по месяцу [КБН, 1965. № 36; Блаватский В.Д., 1985. С. 246]. Стратегически важным пограничным городом Феодосией управлял не градоначальник, а чиновник более высокого ранга – наместник царства и Феодосии [Гайдукевич В.Ф., 1949. С. 343; КБН, 1965. № 36, 64]. Градоначальников главных городов Европейской и Азиатской частей царства Боспора и Фанагории называли архонтами. В надписях рассматриваемого периода проявилось стремление местной знати показать свою связь с империей. На монетах Тейрана, Фофорса (285–308), Радамсада и Рескупорида VI (чеканились с 314 по 341/342 г.) на одной стороне помещен портрет боспорского царя, а на другой – римского императора. В 638 г. боспорской эры (341/342 г.) Боспор окончательно прекратил самостоятельную денежную эмиссию [Фролова Н.А., 1975. С. 50, 56].

По словам Аммиана Марцеллина, в 362 г. к императору Юлиану прибыли послы боспорцев. Они предложили выплачивать империи ежегодно дань за разрешение спокойно жить в пределах границ своей страны [Ammianus Marcellinus, 1972. 22, 7, 10].

После смерти в 453 г. Аттилы и разгрома гуннов в битве на р. Недао в Паннонии в 454 г. их со-

юз распался [Thompson E.A., 1948. P. 152–153; Maenchen-Helfen O., 1973. P. 144–147]. По сообщению Иордана, многие входившие в него племена вернулись в Причерноморье, туда, где ранее жили готы. Кочевавшие там в V в. гуннские племена Приск называл акатцирами [Артамонов М.И., 1962. С. 57; Maenchen-Helfen O., 1973. P. 427–438]. По словам Прокопия, степи между Херсоном и Боспором во второй половине V в. занимали гунны [Procopius, 1914. Vol. I, book I, XII, 9; 1928. Vol. V, book VIII, V, 26]. Иордан помещал в степи около Херсона гуннское племя альтицигиров [Иордан, 1960. С. 72]. С одним из этносов следует связать захоронения из Чикаренко (17)*, Марфовки (21) и Изобильного (20). В первом из них нашли византийские краснолаковый кувшин (табл. 2: 2), амфору (табл. 2: 1) и изготовленные в Подунавье или Западной Европе стеклянный кувшин (табл. 2: 9), золотые детали поясного набора, инкрустированные альмандинами (табл. 2: 4–11) [Айбабин А.И., 1993. С. 207, 209]. Подобный набор извлечен из гробницы Хилдерика I [Kazanski M., Périn P., 1988. P. 13, 36].

Города и поселения восточной части европейского Боспора и сама столица не пострадали ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи и примыкавшего к Феодосии региона. Вещи V – первой половины VI в. найдены в Тиритакке (24), Мирмекии (26), Илурате (23), Китее (22), в Зеноновом Херсонесе (мыс Зюк) (27) [Масленников А.А., 1992. С. 156–167, рис. 17, 16–18, 20–26] и на других некрополях и поселениях. Общепринятое мнение о запустении после 376 г. городских кварталов Боспора на горе Митридат [Блаватский В.Д., 1962. С. 48, 49, 51, 64, 68–77, 84] опровергают материалы из раскопанного там верхнего слоя. В нем содержалась керамика V–VI вв. [Сазанов А.В., 1989. Табл. 5]. В обнаруженных в данном слое плитовых могилах самыми ранними были пряжки, кувшины, фибулы и поясной набор VII в. [Айбабин А.И., 1990. С. 15, 69, рис. 2, 93, 129, 156, 157, 159].

Восточная граница некрополя не изменялась с I по VI в. В результате раскопок, проводившихся в примыкающей к горе Митридат приморской части города, слои V–VI вв. выявлены у церкви Иоанна Предтечи [Макарова Т.И., 1991. С. 130–136, 143]. В 1990–1993 гг. неподалеку от нее открыты узкая улица и квартал усадеб, возведенный в первой половине V в. на месте разобранных позднеантичных домов.

Захват гуннами небольшой части европейского Боспора не оказал заметного отрицательного воздействия на экономику царства. Земледелие продолжало оставаться основой экономики уцелевших городков и поселений (Зенонов Херсонес, Генеральское и другие). Их население занималось также виноградарством и рыболовством [Масленников А.А., 1992. С. 167–169]. Судя по тексту надписи 486 г., знатный боспорец комит Саваг сын Аристана владел большими рыбопромысловыми угодьями [Виноградов Ю.Г., 1998. С. 238, 240]. Происходящие из культурных напластований и погребений V – первой половины VI в. многочисленные привозные подвязные и двупластинчатые фибулы, амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды из Подунавья, Южного Причерноморья и Средиземноморья говорят о сохранении в данный период активной торговли с названными регионами империи.

Однако присутствие гуннов на Боспоре не прошло бесследно.

Жители Боспора воспринимали все новшества, возникшие в Подунавье и в других провинциях. В первой половине V в. греческая и аланская знать Боспора переняла у соседних гуннов возникшую на Дунае моду на золотые, украшенные вставками из граната изделия нового полихромного стиля. По дунайским образцам такие изделия изготавливали и в боспорских мастерских [Амброз А.К., 1992. С. 72; Засецкая И.П., 1993. С. 34]. Тогда же боспорские женщины стали носить такие же, как и дунайские, гладкие двупластинчатые фибулы (табл. 3: 98, 99, 104, 110), серьги с многогранником и широкие пояса с большими пряжками (табл. 3: 136), с середины V в. – пряжки и двупластинчатые фибулы с кербшитным декором или его имитацией, броши в форме цикады (табл. 3: 152–154), а с начала VI в. – ранние пальчатые фибулы с резными концентрическими ромбами на ножках [Айбабин А.И., 1990. С. 70; Масленников А.А., 1992. Рис. 17: 17, 18].

Судя по некролям, в рассматриваемое время этнический состав населения европейского Боспора почти не изменился. На стене керченского склепа 491 г. и на эпиграфических памятниках встречены греческие (Евсевий) и аланские (Факиспарта, Спадин) имена [Кулаковский Ю.А., 1891. С. 6, 22, 23]. Аланскими именами называли и греков, например, Саваг сын Аристана. Рядовые боспорцы и знать использовали прежний обряд захоронения.

* Цифра в скобках означает номер памятника на карте "Крым в V – первой половине VI в." (рис. 2).

Степь и Юго-Западный Крым

Для освещения рассматриваемого периода в Крыму прежде всего важны находки второй половины III – первой половины VI в. В результате изучения типологии находок и их взаимовстречаемости в составе закрытых комплексов они распределены на шесть групп.

Хронология захоронений **первой группы** основана на пряжках и наконечниках ремней, найденных в Керчи, Нейзаце, Херсонесе (с монетой 180–192 гг.) и на Черной речке в могиле 35 (табл. 1: 10) с фибулами второй половины III в. (табл. 1: 26, 32). На Черной речке в нескольких могилах с кувшинами, сделанными до середины III в. (табл. 1: 4–6), встречены одночленные подвязные фибулы I серии (табл. 1: 8) [Амброз А.К., 1966. С. 49, 50, 52], которые носили и во второй половине того же столетия. В Дружном в подбойной могиле 2/1984 нашли краснолаковые кубок и чашку, изготовленные не позднее середины III в. (табл. 1: 2, 3). Одновременный инвентарь встречен и в некоторых могилах Нейзаца [Храпунов И.Н., 1998. С. 235]. На территории некрополя они расположены рядом с могилами второй половины III в. [Бабенчиков В.П., 1963. Рис. 1]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что захоронения в ранних могилах в Дружном и Нейзаце совершили во второй четверти III в.

Захоронения **второй группы** датированы по монетам 251 г., 262 г., 268 г., 270–275 гг. [Айбабин А.И., 1999. С. 256], а также типичным для второй половины III в. одночленным фибулам второй серии (табл. 1: 32) [Амброз А.К., 1989. Рис. 2, 23, 25–28], двучленным подвязным фибулам третьей серии (табл. 1: 14, 31), Т-образной шарнирной фибуле раннего варианта (табл. 1: 15), пряжкам с овальной или сегментовидной рамкой 1-го варианта (табл. 1: 17) [Айбабин А.И., 1990. С. 27, рис. 2, 3], височным подвескам с тисненым декором и вставками из сердолика (табл. 1: 34). В этих могилах найдены краснолаковые сосуды, в основном характерные для II – первой половины III в. (табл. 1: 11, 28, 33), но аналогичные извлечения на Афинской Агоре из слоя второй половины III – начала IV в. [Robinson H.S., 1959. P. 58, 59, pl. 14: K106, 12: K31], а также светлоглиняные амфоры [Зеест И.Б., 1960. Тип 90, 93] (табл. 1: 21, 36). Красноглиняные амфоры (табл. 1: 20) обычно относят к концу II – первой половине III в. [Зеест И.Б., 1960. С. 113, тип 75, табл. XXX, 75а–з; Абрамов А.П., 1993. С. 47, рис. 54: 6, 16–18] или III в. На территории могильника Чатыр-Даг однотипные амфоры лежали с амфорами типа Зеест 90, а на Кнососе – в слое середины III в. [Hayes J.W., 1983. P. 153, 166, fig. 25: A78, A79]. Стекланные кувшины (табл. 1: 29) начали производить во второй половине III в. По приведенным вещам захоронения второй группы необходимо отнести ко второй половине III в.

Хронологические рамки комплексов **третьей группы** определены по монетам 305–311 гг. из могилы 55 из Совхоза 10, 306–337 гг. из склепа 1 из Озерного, из могилы 37 из Инкермана [Айбабин А.И., 1990. С. 59], типичным для первой половины IV в. воинским фибулам варианта 17-2 (табл. 1: 39), фибулам дакийского типа 1-го варианта (табл. 1: 37), пряжкам с овальной или сегментовидной рамкой 2-го варианта (табл. 1: 49) [Айбабин А.И., 1990. С. 27, 28, рис. 2: 10; 22: 3], краснолаковым сосудам (табл. 1: 47, 51–53, 55, 57, 59, 60), гончарным ойнохоям (табл. 1: 44) и флаконам-бальзамариям (табл. 1: 50), стекланным кубкам (табл. 1: 54) и кувшинам с вогнутым дном (табл. 1: 45).

В первой половине IV в. начали изготавливать светлоглиняные амфоры [Шелов Д.Б., 1978. Тип F, или Зеест И.Б., 1960. Тип 105а, б] (табл. 1: 46) и наконечники ремня с валиком (табл. 1: 38). Амфоры IV в. (табл. 1: 65) содержались в слое IV в. в Томи или в слоях второй половины IV в. в Ятрусе и Афинах [Robinson H.S., 1959. P. 83, pl. 29; Scorpan C., 1977. Fig. 5: 1].

Комплексы **четвертой группы** по монете 306–361 гг. из могилы 53 с Западного некрополя Херсонеса и монетам с отверстиями 364–378 гг. из склепа 53 с некрополя Черная Речка, шарнирным Т-образным фибулам 5-го типа (табл. 3: 79), отнесенным к 350–420 гг. [Pröttel P.M., 1999. S. 372. Abb. 11], популярным в римских дунайских провинциях В-образным пряжкам (табл. 3: 75) 370–400 гг. [Keller E., 1971. Taf. V, 1–4; 34, 9; Abb. 19, 21], умбонам типа Р-2 (табл. 3: 74) и К-2 (табл. 1: 64), употреблявшимся до 375 г. [Zieling N., 1989. P. 103, 104, 123, 124], краснолаковым сосудам (табл. 1: 61, 68, 69; табл. 3: 71, 77, 81, 83), амфорам с туловом, зауженным в средней части (табл. 3: 66), и стекланным кувшинам с конусовидным туловом (табл. 3: 82) можно датировать второй половиной IV в.

Краснолаковые блюда типа антиохийских (табл. 1: 67) в Средиземноморье производили в последней четверти IV – первой половине V в. [Hayes J.W., 1972. P. 328–329, fig. 66, 1; Martin G., 1983. P. 211, fig. 26: 1]. Овальные и сегментовидные пряжки с длинным язычком 3-го варианта (табл. 3: 87) и стекланные стаканы (табл. 3: 85) начали производить с конца IV в. [Айбабин А.И., 1999. С. 259–261. Табл. XXVII, 85, 87].

О дате комплексов **пятой группы** можно судить по монетам 379–495 гг. из Инкермана из склепа 31 и 395–408 гг. из Херсонеса из склепа 5/1982, прогнутой подвязной широкопластинчатой фибуле 330–340 гг. (табл. 3: 115) [Diaconu G., 1971. S. 251, 253; Taf. VIII, 13], двучленным подвязным фибулам (табл. 3: 90), дунайской подвязной фибуле (табл. 3: 106) [Tejral J., 1997. S. 351], гладким двух-

пластинчатым фибулам (табл. 3: 89, 91–93, 104–105) [Амброз А.К., 1966. С. 68, 82, 83], овальным или сегментовидным пряжкам вариантов 4, 5 (табл. 3: 142, 143), 6 (табл. 3: 132) и 8 (табл. 3: 135, 144), рифленным пряжкам (табл. 3: 134), прямоугольным пряжкам (табл. 3: 124), массивным пряжкам с резным декором на щитке (табл. 3: 136), наконечникам ремней (табл. 3: 107, 109, 112), краснолаковым сосудам (табл. 3: 100, 125, 126, 128, 137, 138), красноглиняным амфорам с цилиндрическим туловом с ножкой (табл. 3: 94) и с коническим корпусом с острой ножкой (табл. 3: 102), стеклянным стаканам (табл. 3: 88, 113, 141) и стаканам со шлифованными сотовидными углублениями (табл. 3: 97). Стеклянный рюмкообразный сосуд (табл. 3: 114) подобен средиземноморскому сосуду из слоев первой половины V в. [Maioli M.G., 1994. P. 247, fig. III, 153]. В первой половине V в. в Средиземноморье были распространены чаши с накладным волнистым рельефным валиком [Sternini M., 1995. P. 248, fig. 6, 33, 34] (табл. 3: 129), а до конца V в. – стеклянные кувшины, похожие на обнаруженный в склепе 54а (табл. 3: 112) [Sternini M., 1995. P. 260, fig. 18, 28].

Золотые нашивные бляшки на налобные повязки или платья (табл. 3: 84, 96, 120, 121), серьги со вставками из сердолика или янтаря (табл. 3: 111) по таким же украшениям из погребений знати круга Унтерзибенбрунн-Эран из Подунавья и Западной Европы, следует синхронизировать с периодом D2 [Kubitschek W., 1911. S. 46, 65. Abb. 12, b, c, d, e; Tejral J., 1997. S. 334–340. Abb. 6, 3; Bóna I., 1991. S. 19, 270, Taf. 15; Pilet C., 1995. P. 331, fig. 3; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1998. С. 309]. С первой половины V в. в Крыму появились серьги с многогранником (табл. 3: 108) [Айбабин А.И., 1990. С. 58, рис. 2, 60]. По убедительным аналогиям из Подунавья и Средиземноморья комплексы четвертой группы датируются первой половиной V в. Полагают, что на Дунае пряжки с розеткой на щитке (табл. 3: 135) использовали в 420–454 гг. [Csallány D., 1961. S. 121, 234. Taf. CCXV, 11; CCXVII, 3; CCXVIII, 6] или в период D2 – 410–440 гг. [Tejral J., 1988. S. 295. Abb. 27, 7; 35, 3], а двухпластинчатые фибулы варианта 21/ПАА с ножкой, расширенной выше середины – в первой трети V в. [Werner J., 1960. S. 177, 178; Амброз А.К., 1982. С. 107] или в период D2 [Tejral J., 1988. S. 295. Abb. 9, 4; 27, 8, 9; 28, 14. 27, 28]. Двупластинчатые фибулы с накладками типа Смолин И. Вернер и А.К. Амброз датировали второй половиной V в. [Werner J., 1961. S. 28, 29. № 100–103; Werner J., 1959. S. 423–427, 432. App. 27; Annibaldi G., Werner J., 1963. S. 368], Я. Тейрал – периодом D2/D3 – 430–455 гг. [Tejral J., 1988. S. 267–286, 295], тогда как Ф. Бирбрауэр – первой половиной V в. [Bierbrauer V., 1992. S. 264, 272–275].

В составе комплексов **шестой** группы имеются пряжки с круглой рамкой 5-го и 6-го вариантов, двухпластинчатые фибулы варианта 21/ПАА, стеклянные стаканы с синими каплями типов I-Б, I-В, и I-Е [Айбабин А.И., 1990. Рис. 2, 26, 36, 43, 44, 58], краснолаковые блюда типа Антиохия 910-А и ARSW 62В [Hayes J.W., 1972. P. 328–329, fig. 66, 1], найденные и в захоронениях четвертой группы.

По общепринятому мнению, броши в форме цикады (табл. 3: 152–154) находились в употреблении в Западной Европе, на Балканах и на Кавказе в V–VI вв. [Werner J., 1961. S. 48]. Однако в Крыму они появились с середины V в. [Айбабин А.И., 1990. С. 26, 27, рис. 2, 64; 10, 7, 13]. Длительное время использовались и другие вещи из рассматриваемых комплексов: во второй половине V – первой половине VI в. – наконечники ремней варианта П/6-5 [Айбабин А.И., 1990. С. 51, рис. 2, 67; 47, 14–17].

Дата комплексов этой группы определяется по двухпластинчатым фибулам, отлитым с треугольной или полукруглой головкой и с имитацией кербшнитного декора (табл. 3: 147, 150, 151) [Айбабин А.И., 1990. С. 19, рис. 2, 66; 14, 1, 3, 4, 6]. Они аналогичны дунайским второй половины V в. [Werner J., 1959. S. 427–431; Амброз А.К., 1971. С. 104; Heinrich A., 1990. S. 94–96].

Хронология комплексов **седьмой** группы основана на ранних пальчатых фибулах и пряжках. Пальчатые фибулы из Херсонеса и Керчи декорированы кербшнитной резьбой. На их полукруглой головке вырезаны завитки, а на ромбической ножке – концентрические ромбы (табл. 3: 148) [Werner J., 1961. S. 31–33. Taf. 31, 120, 121; 33, 125; Айбабин А.И., 1990. С. 20, 21, рис. 2, 72; 14, 11, 13; Зубар В.Н., Магомедов Б.В., 1981. Рис. 5, 1, 2]. По декору они близки фибулам второй половины V в. из Подунавья и найденной в Херсонесе (табл. 3: 148). По технологии исполнения орнамента фибулы делятся на два варианта. В первой половине VI в. в Подунавье и Италии изготавливали фибулы 1-го варианта с кербшнитной резьбой [Götze A., 1907. S. 2, 3, 9. Abb. 2, 8; Csallány D., 1961. Taf. VIII, 10; XXVII, 9; L, 13; LXXIX, 16; CXXXIV, 2; CCLIX, 2; Vinski Z., 1978. Taf. 14, 1, 2; Bierbrauer V., 1975. Taf. XXXIX, 8; LI, 1; LXXIII, 3; Werner J., 1961. S. 31–33; Айбабин А.И., 1990. С. 20, 21]. Тем же периодом следует датировать подобные кербшнитные фибулы из Херсонеса и Керчи [Айбабин А.И., 1990. С. 20, рис. 2, 72; 14, 11]. Декор более поздних фибул из Крыма 2-го варианта подправлялся резцом после отливки. Вероятно, фибулы 1-го варианта начали производить в Крыму по дунайским образцам в первой половине VI в., тогда как фибулы 2-го варианта делали на полуострове во второй половине VI–VII вв.

В Херсонесе в склепе 14/1914 фибулы с концентрическими ромбами на ножке 1-го варианта лежали с

большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 1-1, украшенным кербшитным геометрическим декором и пунсоном. Она, вероятно, сделана в Италии [Айбабин А.И., 1979. Рис. 5, 6; 6; Айбабин А.И., 1990. С. 39, 40, рис. 24, 2; Амброз А.К., 1980. С. 326]. Такие же пряжки из Подунавья относятся ко второй половине V – первой половине VI в. [Vinski Z., 1978. S. 35–39], а из Италии – ко второй половине V – началу VI в. [Bierbrauer V., 1975. S. 130–131]. В херсонесском склепе 14/1914 расчищены два скелета. В них вместе с упомянутыми фибулами и пряжками находились брошь в форме цикады и трехчастная пряжка с литыми кольцом, трехгранным язычком и прямоугольным щитком 1-го варианта [Айбабин А.И., 1979. С. 30, 31, рис. 5, 5–7, 9], бытовавшие в Западном и Восточном Причерноморье [Айбабин А.И., 1990. С. 36, рис. 2, 68; 37, 5, 7–9, 11–13]. В Юго-Западном Крыму и в Дюрсо названные пряжки находились в погребениях первой половины VI в. [Айбабин А.И., 1990. С. 36, рис. 2, 68; Дмитриев А.В., 1982а. С. 104, рис. 5, 39]. Тем же периодом необходимо датировать большие пряжки с прямоугольным щитком. В-образные пряжки из комплексов шестой группы бытовали в течение всего VI в. [Айбабин А.И., 1990. С. 37, рис. 2, 70; 39, 1, 2, 5; Айбабин А.И., 1999. Табл. XXVIII, 155, 156; XXVIII, 1, 3].

Двуручные амфоры [Зеест И.Б., 1960. Тип. 95] из красной глины с примесью слюды с веретенообразным туловом и полый ножкой из склепа 64 имелись в слое с керамикой IV–VII вв. в Стамбуле [Hayes J.W., 1992. P. 63, fig. 22, 9], в слоях второй половины V–VI вв. в Марселе [Bonifay M., Villedieu F., 1989. P. 27, fig. 7, L.R.A. 3] и Карфагене [Peacock D.P.S., 1984. P. 121, fig. 34, 4, 5; 35, 14], в комплексе первой половины VII в. из Язи Ада [Bass G., 1982. P. 183, fig. 8–19, P74]. На Афинской агоре целые амфоры извлечены из слоев конца IV и VI вв. [Robinson H.S., 1959. P. 78, 79, 114–116, 119, pl. 17, L50, 51; 33, M335; 34, M373; Riley J.A., 1979. P. 229–230, fig. 48], в Восточном Причерноморье – из слоев V–VI вв. [Scorpan C., 1977. P. 272, 273, fig. 8, 5, 6]. Амфоры из Крыма сделаны с ножками двух вариантов: 1-го – с полыми и 2-го – со сплошными [Сазанов А.В., 1992. С. 102, 104, 106]. В упомянутом склепе 64 амфора 1-го варианта лежала с большой пряжкой с прямоугольным щитком 2-го варианта первой половины V в. [Айбабин А.И., 1990. С. 30, рис. 2, 71; 24, 4; Айбабин А.И., 1999. Табл. XXVIII, 4, 5]. На том же некрополе амфору LRA 10 варианта 1 нашли и в склепе 12/1989.

Исходя из вышесказанного, комплексы седьмой группы следует отнести к первой половине VI в.

В результате изучения типологии находок и их взаимовстречаемости в составе закрытых комплексов рассмотренные выше группы захоронений датированы: первая – около 226–255 гг., вторая – 255–300 гг., третья – 300–350 гг., четвертая –

350–400 гг., пятая – 400–450 гг., шестая – 450–500 гг., седьмая – 500–550 гг.

Вещи, типичные для комплексов первой группы, обнаружены на некрополях расположенных в устье р. Альма (5)* и на Третьей и Второй грядах Крымских гор: Бельбек II и III (12), Скалистое III (33), Заветное (6). Инвентарь второй половины III–IV вв., характерный для второй–четвертой групп, выявлен на могильниках и в слоях городов и поселений на Третьей и Второй грядах: Дружное (4), Перевальное (8) [Пуздровский А.Е., 1994. С. 55–56], Нейзац (2), Озерное (9), Красный Мак (13), Суворово (7), Тенистое (10), в низовьях рек Бельбек и Черная (12), Танковое (31), на территории Совхоза 10 (16), Инкерман (15), Чернореченский (19); на Гераклеюмском полуострове – Килен-Балка (36), в окрестностях Балаклавы (18), на Первой гряде – Харакс (22), Чатыр-Даг (21), в Парте-ните (20), в Гурзуфе (37), в имениях Артек и Суук-Су, на плато Мангуп (14) – под оборонительной стеной, перекрывающей устье Лагерной балки.

Керамические и стеклянные сосуды, характерные для поздних комплексов четвертой группы и ранних пятой группы, найдены в Нейзаце [Высотская Т.Н., Махнева О.А., 1983. Рис. 6, 1, 8], Дружном [Khrapovnikov I.N., 1996. Fig. 4, 6] и Перевальном. Очевидно, эти могильники перестали использовать в конце IV – начале V в. Вещи V – первой половины VI в., показательные для комплексов пятой–седьмой групп, обнаружены на могильниках, в культурных слоях поселений: в низовьях рек Кача в Тенистом (7)** и Черная (6), на Загайтанской Скале (5) [Савеля О.Я., 1994. С. 58–59], в окрестностях Балаклавы (3); в Херсоне и на его хоре на Гераклеюмском полуострове (1, 2) [Яшаева Т.Ю., 1994. С. 79–80]; на Второй и Первой грядах – на Мангупе и в верховье примыкающей к нему Каралезской долины (9) [Тиханова М.А., 1953. С. 363, 365, 387; Герцен А.Г., 1990. С. 132–133], Бакле (11) [Рудаков В.Е., 1981. С. 66; Талис Д.Л., 1982. С. 58–62], в Скалистом (30), Лучистом (13). Погребения второй половины V – первой половины VI в. изучены на одном из участков могильника Сахарная Головка (29).

Тщательное изучение особенностей погребальной обрядности могильников выделенных хронологических групп позволило разработать подробную их типологию – надежный инструмент для связи этих групп с конкретными народами, населявшими Крым в изучаемую эпоху.

На могильниках, возникших во второй четверти III в. и в 250-е годы, найдены погребения с труположениями и трупосожжениями. Первые зафиксированы в погребальных сооружениях трех типов: 1) в подбойных могилах, 2) в грунтовых ямах, 3) в склепах.

* Цифра означает номер памятника на карте (рис. 1).

** Цифра означает номер памятника на карте (рис. 2).

У могил первого типа в одном или двух бортах входной ямы выкапывалась ниша-подбой с полуциркульным сводом для захоронения. Обычно подбой закрывали закладными плитами. Все они ориентированы по оси С–Ю, З–В или СЗ–ЮВ. Скелеты ориентированы черепами на З, СЗ или СВ. По конструкции их можно разделить на два варианта: 1) с одним подбоем (табл. 4: 1, 2), 2) с двумя подбоями (табл. 4: 3).

Могила, подобная описанной, распространилась на Боспоре со II в., а в Юго-Западном Крыму – с I в. н.э. в результате миграции сармат [Цветева Г.А., 1951. С. 73, 74; Гущина И.И., 1974. С. 33; Шелов Д.Б., 1972. С. 234; Высотская Т.Н., 1987. С. 57, 58; Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. С. 147, 151; Богданова Н.А., 1989. С. 22, 23]. У некоторых из них входные ямы были засыпаны камнями (табл. 4: 1). В применявшемся в них погребальном ритуале прослеживаются сарматские черты: подсыпка из угля или мела, кошма, гробовины, скрещенные ноги, руки на тазе, восточная или северо-восточная ориентация скелетов [Богданова Н.А., 1982. С. 31–38; Высотская Т.Н., 1987. Табл. 5, 6]. Однако, многие из перечисленных признаков отсутствуют в могилах, появившихся в III в.

Немногочисленные грунтовые могилы (второй тип) можно разделить на три варианта: 1 – ямы с заплечиками, перекрытые досками или плитами (табл. 4: 4, 5), 2 – ямы с захоронениями, накрытыми плитами (табл. 4: 6), 3 – ямы, засыпанные землей (табл. 4: 7). Могила 1-го варианта зачищена в Инкермане, Заморском, 2-го варианта – в Хараксе и Заморском, 3-го варианта – в Заморском, Перевальном, Озерном и Дружном. В большинстве могил всех вариантов найдены гробовины. Скелеты лежали с вытянутыми конечностями, черепами на СВ или СЗ. Однотипные погребальные сооружения использовали сарматы в Поволжье и Южном Приуралье с IV в. до н.э., а в Подонье, на Кубани и в Поднепровье со II в. до н.э. [Абрамова М.П., 1959. С. 54, 55, 57, 68, 69; 1961. С. 102, 109, 110; Мошкова М.Г., 1963. С. 22; Смирнов К.Ф., 1964. С. 81]. На некрополях Танаиса, Керченского полуострова [Шелов Д.Б., 1961. С. 84, 85], в Заветной могиле 1-го и 3-го вариантов появилась в I в. н.э. [Богданова Н.А., 1989. С. 21]. Они раскопаны и в Скалестом III [Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. С. 123].

Склепы (третий тип) по конструкции делятся на три варианта: 1) Т-образные в плане, состоящие из длинного дромоса-входной ямы, заложенного плитой более узкого входного коридора и погребальной камеры (табл. 5: 1), 2) с таким же дромосом и входом, с прямоугольной в плане камерой с лежанками, вырубленными в боковых стенах (табл. 5: 2), 3) с коротким и широким дромосом со ступеньками и камерой такой же ширины (табл. 5: 3).

Склепы 1-го варианта обнаружены в Дружном, Перевальном, Нейзаце, Озерном, Тенистом, Красном Маке, Килен-Балке, Инкермане и на Черной речке. На первых трех некрополях почти во всех камерах находилось от пяти до одиннадцати костяков, ориентированных черепами на СВ или СЗ. Тогда как в Озерном, Инкермане и на Черной речке в склепе хоронили не более четырех человек. Умерших погребали в деревянных гробовинах головами на ЮВ. В Дружном, Перевальном, Нейзаце и на Черной речке в дромосах и камерах найдены скелеты или отдельные кости лошадей. В камерах лежали древесные угольки и остатки пищи: кости овец, коров, куриные кости и яйца. На стенке камеры в Нейзаце были высечены тамгообразные знаки [Высотская Т.Н., Махнева О.А., 1983. С. 73, рис. 4, 1], а в Озерном на стене камеры сажей нарисовали тамги и фигурки лошадей [Лобода И.И., 1977. С. 239, 241, рис. 2, 2–9]. Один из знаков похож на тамги царей Боспора, изображенные на монетах III–IV вв. [Соломонович Э.И., 1959. С. 164, 165, № 165]. В крымских склепах 1-го варианта и в аналогичных по плану аланских катакомбах из Предкавказья [Абрамова М.П., 1970. С. 94] выявлены одинаковые элементы погребального обряда: остатки пищи, коллективные захоронения, обычай смещения костей первоначально погребенных к стене [Савенко С.Н., 1984. С. 63–69].

Склепы 2-го варианта в Херсонесе и в Керчи начали использовать в позднеантичный период. Видимо, погребальные сооружения данного типа возникли в Восточном Средиземноморье, где в подземных гробницах с лежанками хоронили со II в. до н.э. [Toll N., 1946. P. 10, fig. II, 5, 8, 17, 19]. В Риме и на острове Мальта с начала IV в. в однотипных склепах хоронили христиане [Nardini B., 1991. P. 14].

Склепы 3-го варианта раскопаны в Заморском, Усть-Альме (II в.) [Высотская Т.Н., 1994. С. 54, рис. 22, 3] и в Танаисе (III в.) [Арсеньева Т.М., 1977. С. 82–92, табл. V, 4]. В таких склепах сарматы хоронили в последние века до н.э. в Центральном Предкавказье [Абрамова М.П., 1993. Рис. 7, 6], а с середины III в. – в Северо-Западном Причерноморье на некрополях черняховской культуры [Магомедов Б.В., 1987. Рис. 14, 5]. В плане склепы третьего типа близки сарматским подкурганам катакомб из Нижнего Поволжья, Приуралья и Прикубанья [Высотская Т.Н., 1994. С. 54, 55].

Скорее всего, на возникших в Юго-Западном Крыму во второй четверти III в. могильниках в погребальных сооружениях описанных выше типов хоронили аланы. Весомыми этнопоказательными признаками являются находившиеся в них типичные для сармато-аланского мира темноглиняная лощеная и нелощеная керамика [Абрамова М.П., 1972. Рис. 13, 42; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. Рис. 1, 3, 7, 11], некоторые металлические украшения, детали костюма и оружие.

	Черная речка	Чатыр-Даг	Харакс
1 вариант	1	5	
2 вариант		3	6
3 вариант	4		
4 вариант	23	1	16
5 вариант	2		
6 вариант	4	36	12
7 вариант	1		

В настоящее время опубликованы 114 захоронений с трупосожжениями, изученные на некрополях, возникших в середине III в. Они делятся на семь вариантов: 1 – урны с прахом стоят в каменных ящиках (табл. 5: 4); 2 – урны с прахом стоят в ямах, перекрытых бутовыми камнями; 3 – урны с прахом стоят в ямах с бортами, выложенными камнями (табл. 5: 5); 4 – урны с прахом установлены в маленьких засыпанных грунтом ямах; 5 – урны с прахом помещены в склеп или в подбойную могилу с трупоположениями; 6 – жженные кости компактно сложены в небольшую яму, засыпанную землей (табл. 5: 6); 7 – жженные кости сложены в ямку, забросанную камнями.

Кремация всегда совершалась на стороне. Почти все урны были закрыты глиняным сосудом или фрагментом керамики, иногда – плоским камешком. Во многих урнах и могилах лежали остатки костра, сопровождающие вещи, а в некоторых из них – кости животных.

На Чатыр-Даге в одной из могил 1-го варианта находились серп, согнутый меч (табл. 8: 7) и два наконечника копий, в другой – топор, серп, умбон и наконечник копья, в Хараксе в одной из могил 6-го варианта – топор и наконечник копья, в другой – серп, умбон и кинжал, в третьей – топор, в могиле 4-го варианта – топор [Блаватский В.Д., 1951а. С. 264, 268, рис. 10, 3, 4; 11, 1, 2; Мыц В.Л., 1987. Рис. 5, 7–9, 11; 6, 2–6; Айбабин А.И., 1999. Рис. 9].

Три захоронения 6-го варианта выявлены на могильнике Бельбек I, а одно 4-го варианта – на некрополе Скалистое III [Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. С. 124; Гущина И.И., 1974. С. 34, 45, 47, 48]. По инвентарю они не датируются. Судя по стакану с синими каплями из могильника Бельбек I, последний функционировал до конца IV в. [Гущина И.И., 1974. Рис. II, 5]. До конца III в. хоронили и на некрополе Скалистое III. Захоронения 2–4-го, 6-го, 7-го вариантов аналогичны одновременным германским черняховской культуры [Магомедов Б.В., 1987. С. 42, 46]. Похожи и многие детали обряда: наличие вещей, остатков пищи и костра, обычай закрывать урны черепками или сосудами, малочисленность оружия и отдельные категории инвентаря: фибулы, ведркообразные подвески, керамика с биконическим туловом [Никитина Г.Ф., 1985. С. 82–88, табл. II, Па, Ша, XXII–XXIV]. Близкие погребения известны и на

территории пшеворской и вельбарской культур [Кухаренко Ю.В., 1980. С. 64, 74, 76]. В Хараксе и на Чатыр-Даге в могилах много монет. Это локальная особенность обряда. Захоронения 1-го варианта в плитовых ящиках в Юго-Западном Крыму немногочисленны. Погребения 1-го, 2-го и 7-го вариантов аналогичны германским сожжениям римского периода в Норвегии [Kazanski M., 1991. P. 496–497].

Признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами. Время возникновения на полуострове новых могильников согласуется с сообщениями письменных источников о вторжении в первой половине III в. в Северное Причерноморье разноименных племен германцев.

Очевидно, до захвата Боспора готы и бораны вторглись в Северо-Западный Крым, где останавливались на территории оставленного скифами еще в конце I – начале II в. н.э. Южно-Донзулавского укрепленного поселения. Там в верхнем слое найден умбон типа Хорула [Šćukin M.B., 1993. P. 326, fig. 5, 8]. Аналогии ему известны в погребениях пшеворской культуры и в Скандинавии [Godlowsky K., 1992. P. 12, 13, pl. II, 21, 44, 46; XI, 27; XVIII, 29; XXII, 26, 29b]. Затем германцы продвинулись к третьей гряде, разрушив позднескифские городища Усть-Альма, Альма-Кермен и Неаполь. В верхнем слое Неаполя обнаружены десятки скелетов и поврежденных черепов непогребенных людей, погибших во время нападения. Не менее выразительная картина прослежена при раскопках верхнего горизонта на городище Альма-Кермен [Высотская Т.Н., 1972. С. 60, 61, 187; Ольховский В.С., Храпунов И.Н., 1990. С. 111–112]. Данные укрепления являлись последним препятствием для проникновения германцев в оставленный римскими войсками Юго-Западный Крым.

Между 252 и 256 гг. бораны и готы обосновались на Южном Берегу и на границе хоры Херсонеса. На склоне Чатыр-Дага близ заброшенной римлянами крепости Харакс и на р. Черная появились некрополи с характерными для германцев кремациями. Одновременно на Европейском Боспоре и в Юго-Западном Крыму селятся аланы. Очевидно, они были союзниками германцев. На р. Черная и те и другие даже жили вместе. Следует отметить, что в низовьях р. Бельбек и на склонах Второй гряды в долине р. Бодрак сохранилось прежнее сарматское население.

Германцы вынудили некоторые аланские племена откочевать из Приазовья на территорию вглубь Крыма, в места, не занятые сарматами и скифами. Во второй четверти III в. аланские могильники возникли у склонов третьей гряды Крымских гор в Нейзаце, Дружном, Перевальном. Часть алан остались в Приазовье, где, согласно Аммиану Марцеллину,

обитали и позднее, во второй половине IV в. [Ammianus Marcellinus, 1972. P. 230–231; XXII, 8, 30].

Эпоха великого переселения народов началась с вторжения гуннов на Северный Кавказ в 370–375 гг. [Thompson E.E. 1948. P. 21–24]. С.А. Плетнева, опираясь на информацию Аммиана Марцеллина и археологические материалы, пришла к выводу о том, что гунны находились на первой примитивной стадии таборного кочевания. В поисках пастбищ они стремились завоевать новые степные пространства. В них не было долговременных становищ и родовых кладбищ [Плетнева С.А., 1982. С. 14, 15–17, 20–23]. Тем не менее, гунны оставили разбросанные в степях одиночные погребения с кремнированными останками и трупоположениями [Амброз А.К., 1981. С. 19; Засецкая И.П., 1994. С. 17–22, 155]. Биритуальность погребального обряда свидетельствует о полиэтничности варваров, вошедших в гуннский союз. Как показал, И. Вернер, в их материальной культуре выявляются восточно-кочевнические (обычай деформации черепов, сложные луки с костяными накладками, женские диадемы, шаманская символика), древнегерманские (ношение парных фибул) и сарматоаланские (традиция разбивать зеркала погребенных) компоненты [Werner J., 1956. S. 90, 91].

Продвигаясь к Дунаю, гунны razорили и захватили город Боспор, уничтожили другие города и поселения в Восточном Крыму и поселения в окрестностях Херсона. По словам А.Л. Якобсона, гунны во второй половине V в. вытеснили готов с Боспора в горный Крым. Там же расселилась и часть гуннов [Якобсон А.Л., 1970. С. 193–194]. Погребения кочевников интересующего нас периода на полуострове весьма малочисленны: в Восточном Крыму – в Марфовке и близ Феодосии; в степи – в Изобильном, в совхозе им. Калинина, в поселке Чикаренко и на некрополе античного городища Беляус [Айбабин А.И., 1993. С. 206, рис. 1, 4–8; Дашевская О.Д., 1995]. Они хорошо датируются по аналогиям из склепов первой половины V в. из Керчи [Айбабин А.И., 1990. С. 58, рис. 2, 41, 55, 57; 47, 25–27, 30] и синхронных комплексов из Подунавья [Tejral J., 1997. S. 338, 339, Abb. 17: 17, 18, 20]. Могила из Чикаренко по полихромным пряжкам и амфоре с веретенообразным туловом и ножкой 2-го варианта и захоронение из Марфовки по золотым пряжкам с широкой пластинчатой рамкой следует отнести к концу V в. [Айбабин А.И., 1993. С. 208–209, рис. 2, 5, 6; 5, 1, 4–6; 1999. С. 206, рис. 29]. Только в трех из них зафиксирован погребальный обряд. На некрополе античного городища Беляус одного из кочевников похоронили в накрытой плитами яме, выкопанной в полу античного склепа. Под плитами перекрытия находились остатки чучела коня: череп, ребро и кости ног с копытами. Скелет мальчика-монголоида лежал в вытянутой позе, ориентированной черепом на север (табл. 6). У черепа найдена

золотая серьга, на тазу – большая серебряная пряжка, у колен – золотая обкладка статуэтки лошади, у ступней – удила и полихромные детали сбруйных ремней [Дашевская О.Д., 1969. С. 52–60, рис. 1–5; Айбабин А.И., 1999. Рис. 27]. Второго кочевника погребли во дворе разрушенной усадьбы II в. до н.э. в хозяйственной яме. Под плитами перекрытия лежал черепом на северо-восток скелет мальчика-монголоида 6–9 лет. В его ногах на камне находились трубчатая кость лошади и собачья челюсть, а между голенищами – позвонки лошадиного хвоста. У черепа обнаружены стеклянный стакан и золотая серьга, на тазу – две пряжки, у левой голени – костяная пряжка, в ногах – две пряжки и удила [Дашевская О.Д., 1965. С. 56–60; Айбабин А.И., 1999. Рис. 28]. В Изобильном в насыпи кургана зачищен скелет подростка, ориентированный черепом на восток. На костях лежали бусы, бронзовые зеркало, медальон и две пряжки, шесть трапецевидных пластин из золотой фольги с отверстиями, кости животных [Айбабин А.И., 1993. С. 209]. Судя по перечисленным деталям обряда захоронения, крымские могилы аналогичны подкурганным захоронениям со шкурой коня из северопричерноморских степей. Их приписывают тюркам, входившим в гуннский союз [Амброз А.К., 1981. С. 21–22; Айбабин А.И., 1993. С. 209–210]. Другой вариант погребального обряда выявлен в Марфовке, где кочевника похоронили под курганной насыпью в античной плитовой гробнице. Скелет ориентирован черепом на запад [Айбабин А.И., 1993. С. 209].

Опираясь на уточненную хронологию упомянутых захоронений кочевников, можно предположить, что гунны появились на полуострове уже после своего утверждения в Северном Причерноморье – на рубеже IV–V вв. Контролировавшаяся гуннами территория простиралась до возвышенностей Третьей гряды в Центральном Крыму.

Находки из региона фиксируют существование контактов населения Юго-Западного Крыма с варварами Северо-Западного Причерноморья, Северной, Западной и Центральной Европы. Так, клад, найденный на склоне мыса Ай-Тодор близ могильника Харакс содержал восточноримские и германские монеты, имитирующие западноримские. Самая поздняя монета чеканена в 395–408 гг. в Константинополе. По определению В.А. Сидоренко, клад сформировался в Центральной Европе в регионе с типичным “варварским” монетным обращением [Сидоренко В.А., 1987. С. 133–135]. Хранящаяся в Ялтинском музее большая серебряная пряжка с прекрасным гравированным зооморфным декором подобна изготовлявшимся в западных римских провинциях в первой половине V в. по заказам германских вождей [Айбабин А.И., 1990. С. 29, рис. 23, 6; Кухаренко Ю.В., 1982. С. 240, рис. 2, 1; Айбабин А.И., 1999. Рис. 22]. Из ранних погребальных сооружений в Лучистом, у подножия Баклы и

в Скалистом происходят характерные для дунайских германцев подвязные и двупластинчатые фибулы; псалии, аналогичные гуннским из Венгрии [Bóna I., 1991. Abb. 70]; типичные для Северной и Центральной Европы, Северо-Западного Причерноморья стеклянные кубки с сотовидным орнаментом [Кропоткин В.В., 1970. С. 110, рис. 72, 2, 18; Rau H.G. 1974. S. 375, Abb. 1; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. С. 193, рис. 76, 33].

По сообщению Прокопия, после смерти правителя гуннов его сын Утигур со своим племенем решил вернуться в Приазовье. Недалеко от Меотиды на перешейке (Керченском полуострове) дорогу им преградили готы. Встретившись, противники заключили соглашение о союзе и вместе переправились на восточный берег Меотиды. Он относит данное событие к V в. [Procopius, 1928. Vol. V, book VIII, V, 15–22]. Многие считали, что описанное событие произошло после распада государства Атиллы в 454 г. [Кулаковский Ю.А., 1914. С. 55; Vasiliev A.A., 1936. P. 39; Артамонов М.И., 1962. С. 86–87]. По мнению А.А. Васильева и А.Л. Якобсона, готы, заключив союз с утигурами, разделились на две части. Одни переселились на Черноморское побережье южнее Тамани, а другие отошли в Горный Крым [Vasiliev A.A., 1936. P. 39, 40, 68; Якобсон А.Л., 1964. С. 9]. Готов горного Крыма Прокопий считал союзниками, подданными Теодориха, т.е. остроготами, которые по его словам: “не последовали за Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь” [Procopius, 1964. Vol. III, book VII, 13]. Анонимный автор “Перипла Понта Евксинского”, составленного в начале VI в., знал об издавна живших на полуострове аланах [Скржинская Е.Ч., 1980. С. 115, 120, 124].

Аланы, после захвата гуннами крымских степей, ушли со склонов Третьей гряды вглубь гор, оставив могильники в Нейзаце, Дружном и Перевальном. В самом начале V в. на склонах заселенных аланами и германцами Второй гряды – в Скалистом (30), у подножия Баклы (11), у Мангула (9) и Первой гряды – в Лучистом (13) возникли новые некрополи с типичными для алан склепами и подбойными могилами. Еще одно аланское племя обосновалось в низовьях реки Черная на склоне высоты Сахарная Головка

(29) около середины V в. Аланы осели в регионе, занятом родственными племенами и германцами. Они были вынуждены освоить в горах новый тип пастушеско-земледельческой экономики и существенно изменить образ жизни.

В V в. в ставших оседлыми аланских общинах способные носить оружие мужчины были воинами. В Лучистом и Скалистом во многих мужских аланских захоронениях данного периода находились мечи, наконечники копий, дротиков и стрел [Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. С. 180, 181].

По словам Прокопия, восточнопричерноморские готы приняли христианство еще до ухода из Крыма [Procopius, 1928. Vol. V, book VIII, IV, 7–12]. Вероятно, христианство распространилось в Юго-Западном Крыму из Херсонеса. С середины V в. жившие на Черной речке германцы уже не кремируют умерших. После принятия христианства они переняли у алан более приемлемый для новой религии погребальный обряд и хоронят на тех же, что и аланы некрополях. В регионе самыми ранними вещами с христианской символикой являются привозные краснолаковые миски и германская пряжка с кербшитным декором первой половины VI в. [Ajabin A., 1994. P. 110–111; Айбабин А.И., 1990. С. 30, рис. 25; 1999. Рис. 21, 22, 26].

С начала V в. в Юго-Западном Крыму наряду с аланской керамикой распространяются изготовленные в Херсонесе, в Средиземноморье и Причерноморье разнотипные амфоры, стеклянные и краснолаковые сосуды, серьги с многогранниками, дунайские малые двупластинчатые фибулы и пряжки с массивной овальной рамкой и длинной иглой с изображением звериной головы на конце. Со второй половины V в. местные готы и аланы носили броши в виде цикад, дунайские двупластинчатые фибулы с имитацией кербшитного орнамента и ранневизантийские поясные наборы с узкими наконечниками с щелью для ремня, пропиленной в верхней части [Айбабин А.И., 1990. С. 59, 63, 70; 1999. Рис. 22, 25, табл. XXI–XXVI]. С начала VI в. они восприняли моду на широкие пояса с большими пряжками с декором, исполненным штампом или гравировкой. Эта мода возникла среди германцев в V в. в римских провинциях [Амброз А.К., 1968. С. 10–23].

Херсон

Во второй половине II – первой половине III в. н.э. в Херсоне (рис. 3) находились сформированные в Мезии и Фракии подразделения римской армии. Солдаты, моряки и ветераны жили в городе вместе с семьями, рабами, вольноотпущенниками, обслуживавшими армию ремесленниками и торговцами [Соломоник Э.И., 1983. № 20, 31–34; Зубар В.Н., Сон Н.О., 1997. С. 121–125]. О населении города в этот период выразительнее всего свидетельствуют

погребальные памятники. Так, прибывшим с римскими солдатами принадлежали склепы с камерами, вырубленными с нишами для урн, близкие по конструкции римским колумбариям.

Во второй половине III в., после вывода из Херсона римских войск, там прекратили кремировать умерших. В Херсоне, как и в первые века н.э., доминировала греческая община. Ее захоронения располагались на кладбищах за город-

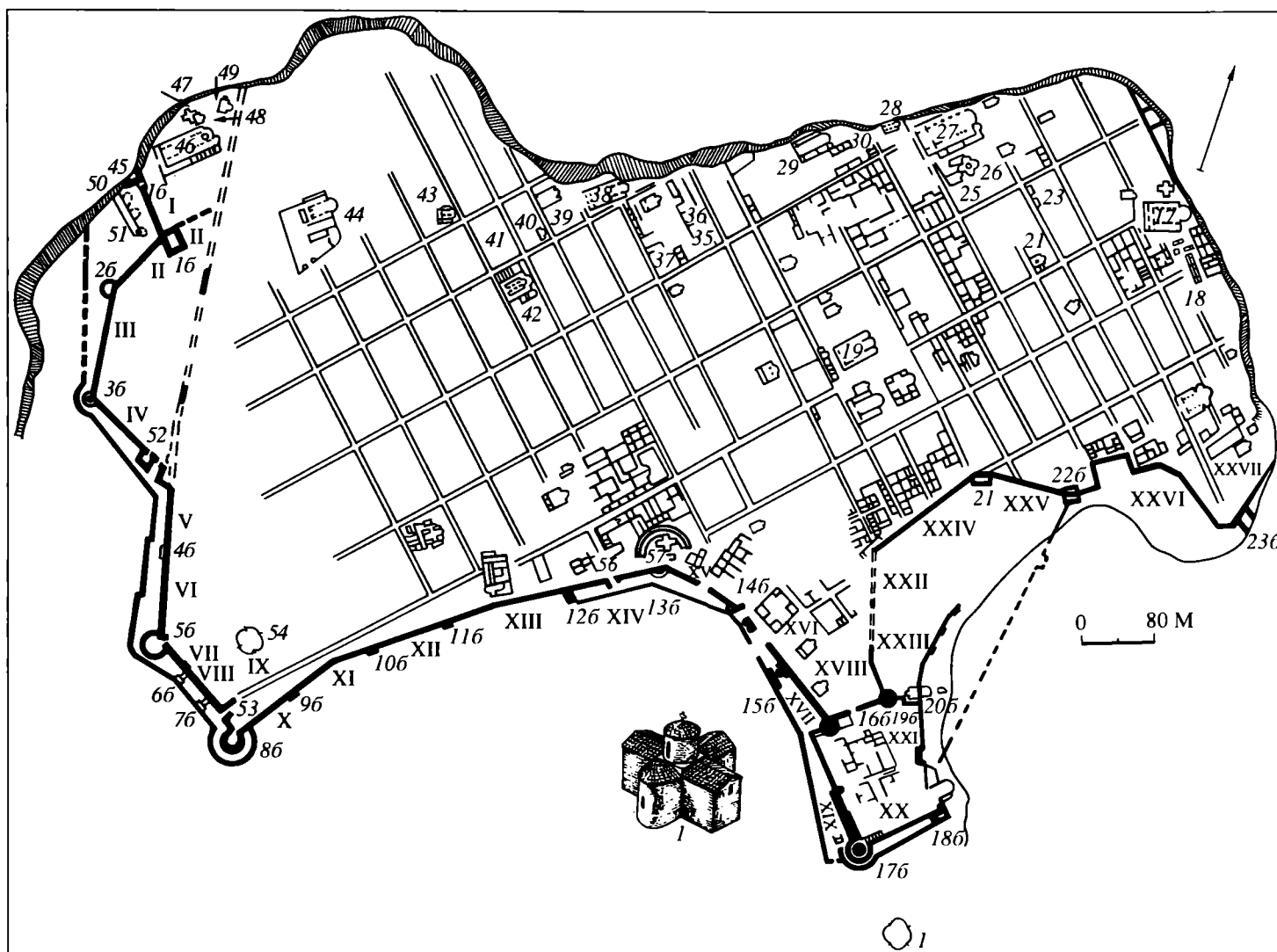

Рис. 3. План средневекового Херсона

1 – загородный крестообразный храм конца V – первой половины VI в.; 2 – жилые усадьбы; 3 – пристенные склепы IX в.; 4 – внутренние ворота; 5 – античный керамик; 6 – башня Зинона и внешние ворота; 7 – башня цитадели; 8 – башня, построенная после III в.; 9 – римские казармы; 10 – здание римской принципии – византийского претория; 11 – термы; 12 – часовня XI–XII вв.; 13 – позднесредневековые морские ворота; 14 – церковь и монастырь XI–XIV вв.; 15 – храм с аркосолиями XII–XIV вв.; 16 – здание византийского склада государственных грузов; 17 – Восточная базилика; 18 – базилика Крузе; 19 – храм над предполагаемым местом крещения князя Владимира; 20 – перекресток 5 поперечной и Главной продольной улиц; 21 – капелла-матрикс с подземным мавзолеем VI в.; 22 – средневековый дом с лавкой-эргастрием; 23 – усадьба рыбопромышленника; 24 – Восточная площадь – место, названное в средневековых текстах Феонией; 25 – баптистерий-крещальня; 26 – храм с трехконхальной апсидой; 27 – Уваровская базилика; 28 – Шестистолпный храм; 29 – Северная базилика; 30 – раннесредневековая городская баня;

31 – раннесредневековая рыбозасолочная цистерна и остатки гончарных печей X–XI вв.; 32 – богадельня X–XIII вв.; 33 – постоянный двор X–XIII вв.; 34 – церковь-усыпальница XII–XIII вв.; 35 – гончарный комплекс XI в.; 36 – усадьба рыбопромышленника; 37 – дом винодела; 38 – “базилика 1935 г.”; 39 – базилика 1932 г.; 40 – квартал стекольщиков IV–VI вв.; 41 – заведения хлебопечей и тавернщиков, усадьбы XI–XIII вв. с эргастриями с печами; 42 – “базилика в базилике”; 43 – рыбозасолочный комплекс V–VI вв.; 44 – “базилика на холме”; 45 – рыбозасолочный комплекс V–VI вв.; 46 – Западная базилика; 47 – крестообразная капелла-матрикс; 48 – раннесредневековая капелла; 49 – западная оборонительная стена античного и позднеримского периода; 50 – ров перед I куртеной; 51 – I куртина; 52 – средневековые ворота; 53 – большие западные ворота; 54 – четырехапсидный храм; 55 – средневековое водохранилище; 56 – южные ворота; 57 – античный театр и средневековый храм. Арабскими цифрами с “б” обозначены башни, римскими цифрами – номера куртин (I–XXVII). Составлен А.И. Айбабиным.

скими стенами, в могилах, вырубленных в скале, иногда обложенных по периметру и перекрытых плитами.

В некоторых могилах рядом со скелетами лежали урны с пережженными костями и пеплом [Зубарь В.М., Магомедов Б.В., 1981. С. 76; Зубарь В.М., 1987. С. 80]. Наиболее многочисленны в данный период склепы с лежанками. В некоторых из них выявлены черепа с типичной для сармат и алан искусственной деформацией [Алексеев В.П., 1967.

С. 169; Назарова Т.Л., Потехина И.Д., 1990. С. 17]. Сарматы погребали в подбойных могилах [Зубарь В.М., 1987. С. 82].

С IV в. в Херсоне в Т-образных в плане склепах хоронили аланы. Надгробные и эпитафические памятники, агиографические источники фиксируют в Херсоне еврейскую общину [Соломоник Э.И., 1979. С. 19–23].

Поход германцев 268 г. нанес сильный урон экономике Херсона. В городе на длительный срок

[Анохин В.А., 1977. С. 97] приостановили эмиссию денег.

По данным эпиграфики, римские войска были вновь расквартированы в Херсоне и оставались там и в первой четверти IV в. [Цукерман К., 1994/1995. С. 554; Соломоник Э.И., 1983. № 12, 53, 60; Sarnovski T., 1988. S. 152]. В цитадели на месте оставленного в середине III в. римского военного лагеря возводится новый комплекс, предназначенный для обеспечения жизнедеятельности военного формирования: здание вексилляции, казармы, термы, преторий. Возможно, в конце III или в начале IV в. римский гарнизон в городе возглавлял протектор, который руководил и строительством лагеря вексилляции и оборонительных сооружений. Из Херсона происходят надписи легионеров в честь двух императоров конца III – первой четверти IV в. [Соломоник Э.И., 1983. № 53, 55–57, 59]. Вторжение германских племен и новый ввод римских войск усложнили и без того пестрый состав населения Херсона. Как и на Боспоре, это отразилось в разнообразии верований.

В Херсоне ранние реальные свидетельства присутствия христиан малочисленны. К концу III – первой половине IV в. относятся обнаруженные в могилах некрополя Херсона изображения христианских символов: фигурный сосуд из цветного стекла в форме рыбы [Сорокина Н.П., 1960. С. 232; Мещеряков В.Ф., 1978. С. 125] и глиняные светильники с двумя рыбами на щитке [Зубарь В.М., 1991. С. 13, рис. 3]. Христианскими Э.И. Соломоник считает нанесенные белой краской на красноглиняные одноручные кувшинчики первой половины III в. надписи дипинти: “Пей, радуйся, Счастье, (Да будет) милостив ко мне бог”. Многие из кувшинчиков извлечены из склепов с большим количеством скелетов и могил с монетами и вещами III – начала IV в. [Соломоник Э.И., 1973а. С. 60, 62–64, 66–68, 71–74; Мещеряков В.Ф., 1978. С. 126, 127].

В городе был распространен популярный в империи синкретический культ Исиды и Зевса. В III в. египетскую Исиду отождествляли с Деметрой, Гекатой, Афродитой, Тюме и другими греческими богинями, а Зевса воспринимали как единого бога Зевса-Сераписа [Соломоник Э.И., 1973. С. 68–71]. Многие горожане отправляли домашние культы греческих и восточных богов [Мещеряков В.Ф., 1980. С. 10, 11]. Христианская община, видимо, образовалась в городе в последней четверти IV в. Первое достоверное упоминание херсонской епархии имеется в документах II Вселенского собора 381 г., в котором участвовал Херсонский епископ Еферий [King N.Q., 1957. P. 639; Zuckerman C., 1991. P. 548]. Тогда же на городском некрополе начинают сооружать склепы с росписями, аналогичными живописи римских раннехристианских катакомб IV в. [Ростовцев М.И., 1914. С. 484–507]. В нескольких синаксах говорится о

том, что после смерти епископа Эферия император Феодосий назначил епископом Херсона Капитона. В одном из синаксарей в коротком рассказе о чуде, совершенном епископом Капитоном, сообщается о его обращении к императору Феодосию I. Капитон нуждался в поддержке своего намерения заменить языческий Парфенон на храм св. Петра. Деяния Капитона соответствовали политике насильственной христианизации, проводившейся Феодосием I [Zuckerman C., 1991. P. 548, 549].

При Константине и его преемниках зависимость Херсона от империи сохранялась. При Валенте и соправителях в 370–375 гг. в империи узнали о вторжении в Меотидские степи воинственных гуннов [Ammianus Marcellinus, 1972, XXXI, 2, 12; 3, 1; Thompson E.A., 1948. P. 21–24]. Стремясь сохранить важную для империи крепость, соправители направили в город отряд баллистариев. Однако, по мнению А.Л. Якобсона, Херсон остался в стороне от направленного на Боспор удара гуннов [Якобсон А.Л., 1959. С. 18–21], что обеспечило подъем экономики города.

В начале 360-х годов Херсон поставлял в Константинополь хлеб [Dagron G., 1974. P. 531–532], который выращивался на сельских усадьбах Гераклеяского полуострова. Аммиан Марцеллин в географическом экскурсе, приуроченном к 362 г., писал: “...его (Херсона) население спокойно и мирно занимается хлебопашеством и питается его продуктами” [Ammianus Marcellinus, 1972. XXII, 8, 32; P. 230–233]. На северном берегу в квартале XVIII открыты два крупных винодельческих комплекса, созданных не ранее середины III в. (рис. 3). Они функционировали около трех столетий. Вино изготавливали в специальных зданиях, где имелись давяльные площадки и резервуары объемом не менее одного кубометра. Давильные площадки были разделены на три части, в каждой из которых можно было производить выжимку одновременно трех сортов винограда, не смешивая их один с другим. В комплексах производилось большое количество вина, предназначавшегося для продажи [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. С. 171–204]. Видимо, в связи с увеличением переработки рыбы сооружаются новые рыбозасолочные цистерны [Кадеев В.И., Рыжов С.Г., 1973. С. 78; Романчук А.И., 1977. С. 18–26]. На северном берегу в XIV квартале раскопана сооруженная в конце IV в. стеклоделательная мастерская [Белов Г.Д., 1969. С. 83]. В начале V в. перестраиваются кварталы в северо-восточном районе Херсона. Дата реконструкции определяется по керамическому комплексу из раскопанной там цистерны [Рыжов С.Г., 1986. С. 130, 138].

После захвата гуннами Боспора, правители которого были союзниками империи, возросло значение Херсона – ее единственной крепости на полуострове. Наличие в городе таможи свидетельствует о том, что он входил в византийскую торговую систе-

му. Извлеченные из исследованных в Херсоне слоев многочисленные амфоры и краснолаковые сосуды, привезенные из разных провинций Византии, говорят о ведении городом в V в. и позднее значительной торговли с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна [Романчук А.И., Сазанов А.В., 1991. С. 47]. Торговые сделки обеспечивались привозной монетой. В раскопах обнаружили 3500 иногородних монет [Гилевич А.М., 1968. С. 56]. При Зионе город возобновил эмиссию собственных монет. Они имели вид византийских. Однако на них не указывалось место чеканки. В городе существовал собственный денежный счет. Основной единицей медных монет был пентануммий, 1/8 часть фоллиса [Анохин В.А., 1977. С. 107].

Помимо торговли активно развивались и другие отрасли экономики Херсона. В V в. сооружают новые кварталы и водопровод в его портовом районе [Романчук А.И., 1972. С. 50; 1980. С. 76] и перестраивают усадьбы на городской хоре на Гераклеяском полуострове [Яшаева Т.Ю., 1994. С. 79]. Как показал А.Л. Якобсон, базилики, оборонительные стены, дома строили местные артели [Якобсон А.Л., 1959. С. 186]. Большой объем строительства повлек за собой увеличение производства необходимых материалов: камня, кровельной черепицы, кирпичей. Интенсифицировались традиционные для города гончарное ремесло, рыболовство и переработка рыбы. Вместо засыпанных рыбозасолочных цистерн в других местах создают не менее девяти новых цистерн. В некоторых из них перерабатывалось до 50 ц рыбы [Романчук А.И., 1977. С. 18–26; 1980. С. 73–74]. На северном берегу в XIV квартале до начала VI в. продолжала работать стеклоделательная мастерская [Белов Г.Д., 1969. С. 80], а в XVIII квартале в первой половине VI в. производили вино в винодельческих комплексах [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., 1953. С. 171–204]. В упоминавшемся выше постановлении Гонория и Феодосия II идет речь о городских кораблестроителях.

В V в. Херсон стал главным естественным торговым партнером Юго-Западного Крыма. Экономический потенциал названного региона возрос в результате перехода осевшего там населения к земледелию и пастушескому скотоводству. В Херсоне совершался обмен привезенных изделий и сделанных городскими ремесленниками на сельскохозяйственную продукцию [Якобсон А.Л., 1959. С. 20, 31, 32]. Вероятно, такие новые отрасли хозяйства, как огородничество, виноградарство, виноделие, распространились в горах сельской хоры Херсона. На ее границе в низовьях Черной речки на Загайтанской Скале аланы и готы создали крупное аграрно-торговое поселение [Савеля О.Я., 1994. С. 58, 59].

При императоре Зионе (474–491) управление городом было передано византийской администрации. Главному военному и гражданскому начальни-

ку в городе [Якобсон А.Л., 1959. С. 22] Диогену правительство Зиона поручило ремонт городских укреплений (табл. 7: 1). Археологические и предпроставрационные исследования позволили выявить произведенную в период правления Зиона реконструкцию важных узлов Херсонской оборонительной системы. На стене склепа, открытого в 1894 г. сохранился рисунок крепости (табл. 7: 2, 3), исполненный красной краской. Многие считают его схематическим изображением крепости Херсона. По словам М.И. Ростовцева, по стилистическим признакам фресок, украшавших другие стены склепа, его росписи датируются не позднее V в. [Ростовцев М.И., 1914. С. 474–479]. На рисунке видны сложенные правильными рядами из квадратных блоков стены с прямыми рядами, немного возвышающиеся над ними башни с зубцами и двое ворот, перекрытых арками. На передних воротах мелкими черточками показаны, видимо, железные полосы. Очевидно, крепость изображена со стороны порта.

В V в. в Херсоне значительно увеличилось количество христиан. На рубеже IV–V вв. на городском некрополе возникают христианские участки. Здесь христиане предпочитали хоронить в склепах с лежанками. Стены некоторых из них расписаны фресками. На одной из фресок изображена монограмма Христа. В склепах лежали монеты конца IV – начала V в. Склеп с фресками с усадьбы Н.И. Тура превратили в часовню-меморию, вырубив в нем апсиду с алтарем [Ростовцев М.И., 1914. С. 454, 472–480, табл. CV, 3; Якобсон А.Л., 1959. С. 194, 253–254, рис. 97]. По предположению А.Л. Якобсона, не ранее второй половины V в. в юго-восточной и северо-восточной частях города возвели базилики с триконхальными апсидами (см. табл. 8: 1). По композиции расположения апсид она близка базиликам, известным на Ближнем Востоке с V в. [Якобсон А.Л., 1959. С. 188, 190, 194, 195, рис. 58, 1; 91; 98; Домбровский О.И., 1986. С. 541]. Из других базилик происходят мраморные детали их убранства: скульптура “Доброго пастыря”, куски плит с изображением рыб, винограда, деревьев [Колесникова Л.Г., 1974. С. 58–59, рис. 3; Голофаст Л.А. и др., 1991. № 6–9]. В конце столетия на одном из христианских участков некрополя соорудили часовню [Домбровский О.И., 1993. С. 305–306, 316–317]. На территории города найдены фрагменты керамики с христианскими надписями конца IV – начала V в. [Беляев С.А., 1968. С. 140], формы для оттиска изображений святых Лупы и Фоки – V–VI вв. [Голофаст Л.А. и др., 1991. С. 30, 32, № 16, 17]. Среди городских христиан были и монофиситы. Лев I (474–491) выслал в Херсон в начале 460-х годов возглавившего восстание против решений Халкидонского собора в Александрии монофиситского патриарха Тимофея, прозванного Элуром (Котом) [Jones A.H.M., 1973.

Р. 221]. По сообщению Захария Ритора, многие горожане придерживались веры Тимофея Элура и с восторгом приветствовали его [Hamilton F.J., Brooks E.W., 1899. P. 79–80].

Христианской базиликой V в. считают храм с пятигранной апсидой, выявленный на северном берегу в XIX квартале под базиликой 1935 г. (табл. 9) [Белов Г.Д., 1938. С. 82, 89; Якобсон А.Л., 1959. С. 180, рис. 90; Домбровский О.И., 1955; Жеребцов Е.Н., 1963. С. 206–210]. На многих фрагментах штукатурки из слоя имеются надписи-граффити на греческом и иврите.

На фрагменте № 269 поверх граффити на греческом процарапана шестистрочная надпись на иврите, реконструированная Э. Эшель. Другая часть того же граффити сохранилась на фрагменте штукатурки № 267. После восстановления надписи Э. Эшель прочла в ней: “1 ... тот, кто выбрал Иеру-

салим (т.е. Бог) 2 ...благословит Аланию из Боспора 3 ...Аминь, Аминь Sela.”

Фраза “тот, кто выбрал Иерусалим” восходит к библейскому тексту (Захария, 3:2) [Оверман Э., Макленнан М., Золотарев М., 1997. С. 58–59]. В греческих граффити прочитаны еврейские имена Енох и Иуда [Соломоник Э.И., 1979. С. 123]. Судя по граффити, нижний храм принадлежал городской грекоязыческой иудейской общине-синагоге. Его украшала плита с семисвечником, вторично использованная в кладке византийской базилики, возведенной поверх нижнего храма [Жеребцов Е.Н., 1963. С. 209; Соломоник Э.И., 1979. С. 123, рис. 2]. Время функционирования иудейского храма следует определять по монетам Феодосия I (383–392), Льва I (454–474). Его соорудили в конце IV в., а разобрали в конце V в. Херсон становится христианским городом.

Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи)

В VI–VII вв. Византия, так же как когда-то Римская империя, стремилась укрепиться в двух стратегически важных регионах полуострова – на Боспоре и в Юго-Западном Крыму. Юстиниан I (527–565), Юстин II (565–578) и Маврикий (582–602) предприняли энергичные усилия по защите владений Империи на полуострове. По мнению А.В. Васильева, для защиты Крыма от кочевников Юстиниан I создал систему укреплений, которая представляла собой хорошо оборудованный *limes Tauricus*, “напоминающий, конечно в миниатюре,

прежний *limes Romanus* на дунайской границе” [Vasiliev A.A., 1936. P. 73]. Одни историки приняли его вывод [Репников Н.И., 1941. С. 125; Тиханова М.А., 1953. С. 320, 324; Якобсон А.Л., 1964. С. 11], тогда как другие исследователи высказали сомнение в существовании на полуострове в VI в. системы византийских крепостей [Соломо-ник Э.И., Домбровский О.И., 1968. С. 31]. Оживленно дискутируется и хронология многих крепостей и базилик, отнесенных А.А. Васильевым и А.Л. Якобсоном к эпохе Юстиниана.

Боспор

Находки, типичные для комплексов рассматриваемого периода, выявлены в Боспоре (82)*, Илурате (80), Тиритаке (81), Зеноновом Херсонесе (84) [Масленников А.А., 1992. С. 166–167]. Как явствует из сочинений византийских историков, при императоре Юстиниане I значительно активизировалась политика Византии в Крыму. Еще в 522 г. его предшественник Юстин послал на Боспор патриция Проба с большой суммой денег для заключения с соседними гуннами союза и направления их в Иберию для войны с персами [Procopius, 1914. Vol. I, book I, XII, 6, 7]. Его миссия закончилась неудачей. У гуннов он встретил христианских проповедников во главе с армянином Кардостом. Они с 515 по 529 г. [Артамонов М.И., 1962. С. 92–93, примеч. 76] крестили многих гуннов и создали священное писание на гуннском языке. По распоряжению императора гуннам доставили 30 мулов с продовольствием и церковной утварью.

Из сочинений Малалы, Феофана, Михаила Сирийца и других известно, что гунны не смирились с потерей Боспора. В первый же год царствования Юстиниана I (527–565) они захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Император послал на Боспор морем отряд готов и одновременно отправил в поход против гуннов по суше от Одиссополя Годилу и стратига Фракии стратилата Бадурия. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым вновь овладели войска ромеев. Феофан и Малала отнесли описанные события к 527/528 г. [Чичуров И.С., 1980. С. 50, 51; Malalas J., 1986. Fr. 431–433. P. 250, 251].

Из сочинений Иордана [Иордан, 1960. С. 72] явствует, что гунны в первой половине VI в. находились все на той же первой стадии примитивного кочевания. Они ранней весной пасли скот в крымской степи, где благодаря весенним дождям вырастала густая сочная трава. С наступлением летней жары пересыхали немногие речки, выгорала трава, и они переходили на новые пастбища в многоводные низовья Днепра и Буга. Поздней осенью гунны возвращались на свои зимники в Крымскую степь, соседствовавшую с Боспором, где кочевники продавали свои товары. Там в насыпях уже имевшихся курганов найдены малочисленные погребения кочевников, совершенные в перекрытых деревом ямах. Скелеты ориентированы черепами на северо-восток или северо-запад. По конструкции и обряду они близки могилам конца V в. Видимо, могилы VI – первой половины VII в. оставили племена, кочевавшие в Припонтийской степи с середины V в. В могиле, открытой в 1990 г. близ Изобильного, нашли детали поясного и портупейного наборов второй половины VI – начала VII в., палаш и амфору первой половины VII в. [Riley J.A., 1979. P. 216, fig. 91: 346, 347].

Эпиграфические материалы подтверждают сообщения византийских историков о присоединении территории Боспорского царства при Юстиниане к империи. Материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении прежних планировки и границ города Боспора. Он стал византийской крепостью, контролирующей Боспорский пролив и переправу на Северный Кавказ. Боспориты исполняли морскую повинность, поставляя империи суда, оснастку и морское снаряжение [Corpus juris civilis, 1895. Nov. CLXIII, cap. II. P. 751; Vasiliev A.A., 1936. P. 74]. Юстиниан, застав стены города Боспо-

* Цифра означает номер памятника на карте (рис. 4).

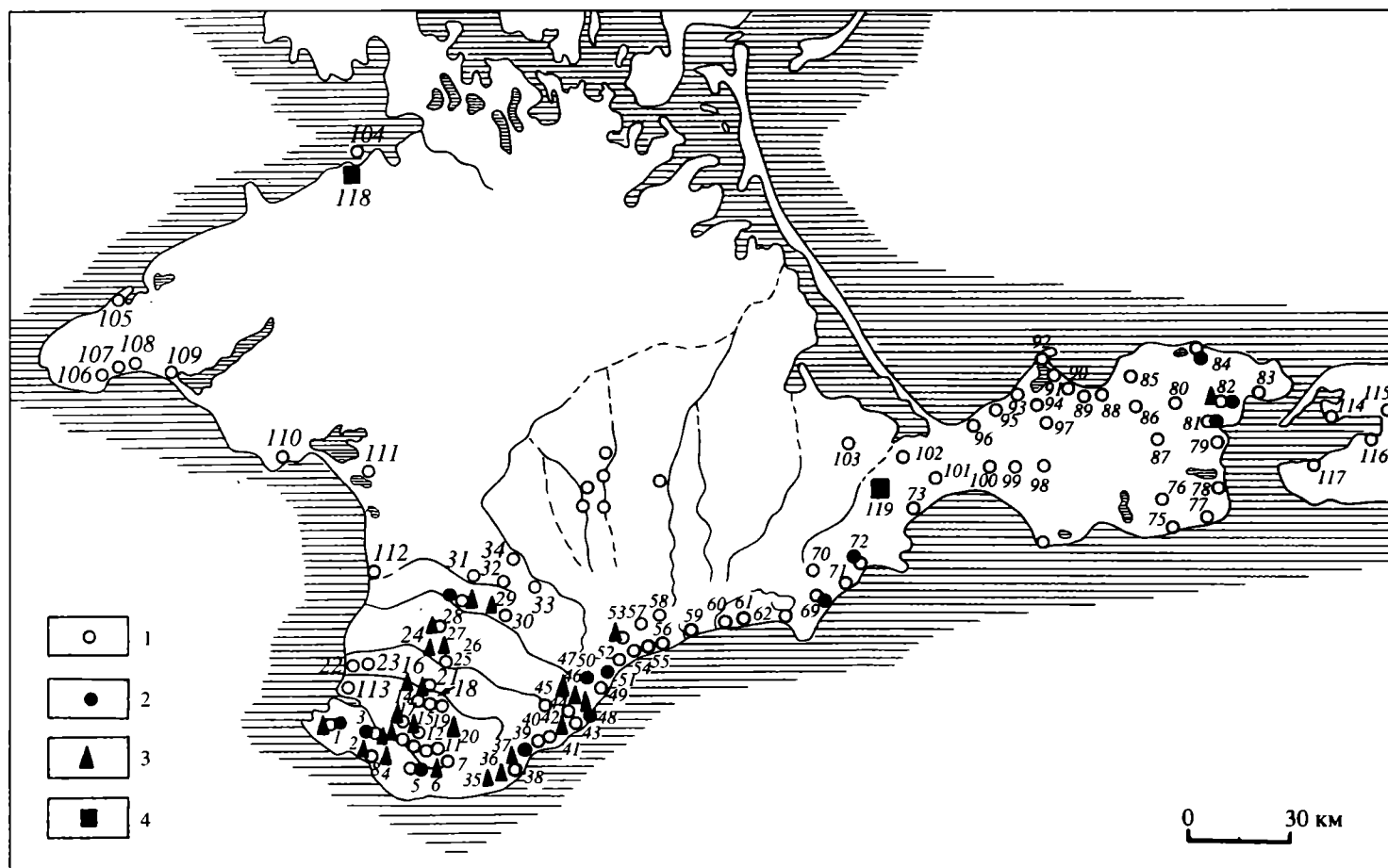

Рис. 4. Хазарские погребения последней четверти VII в., поселения и могильники VIII–IX вв.

1 – Херсон; 2 – Балаклава; 3 – Загайтанская Скала; 4 – Черная речка; 5 – Гончарное; 6 – Узень-Баш; 7 – Родниковое; 8 – Сахарная Головка; 9 – Чилтер (Мармара); 10 – Шулдан; 11 – Бобровка; 12 – Передовое; 13 – Терновка; 14 – Эски-Кермен; 15 – Мангуп; 16 – Большое Садовое; 17 – Чилтер-Коба; 18 – Сюйрень; 19 – Пампук-Кая; 20 – Аромат; 21 – Малое Садовое; 22 – Поворотное; 23 – Горный Ключ; 24 – Баштановка; 25 – Кыз-Кермен; 26 – Фишки; 27 – Чуфут-Кале; 28 – Бакла; 29 – Скалистое; 30 – Трудюлюбовка; 31 – Почтовое; 32 – Фонтаны; 33 – Лозовое; 34 – Петровские скалы; 35 – Кеке-неиз; 36 – Симеиз; 37 – Корейз; 38 – Мисхор; 39 – Ореанда; 40 – Ливадия; 41 – Ялта; 42 – Бал-Гота; 43 – Горзубиты; 44 – Гурзуфская котловина; 45 – Басман; 46 – Артек; 47 – Гугуш; 48 – Суук-Су; 49 – Партенит; 50 – Малый Маяк; 51 – Семидворье; 52 – Алустон; 53 – Лучистое; 54 – Малореченск; 55 – Рыбачье; 56 – Канакская балка; 57 – Приветное; 58 – Приветное 1; 59 – Чабан-Куле; 60 – Морское; 61 – Ай-Фока; 62 – Судак; 63 – Курортное; 64 – Тау-Кипчак; 65 – Ароматное; 66 – Цветочное; 67 – Меловое;

68 – Ак-Кая; 69 – Кордон-Оба; 70 – Шебетовка; 71 – Тихая Бухта; 72 – Тепсень; 73 – Дальние Камыши; 74 – мыс Чауда; 75 – гора Опук; 76 – Пташкино; 77 – Китей; 78 – Заветное; 79 – Героевское; 80 – Илурад; 81 – Тиритака; 82 – Боспор; 83 – Мирмекий; 84 – Зенонов Херсонес; 85 – Алексеевка; 86 – Чистополье; 87 – Решевка; 88 – Слюсарев; 89 – Зеленый Яр; 90 – Песочное; 91 – Азовское; 92 – Мысовое; 93 – Семеновка; 94 – Семь Колодезей; 95 – Калиновка; 96 – Бранное Поле; 97 – Королево; 98 – Кирово; 99 – Луговое; 100 – Ерофеево; 101 – Фронтное; 102 – Птичкино; 103 – Кировское; 104 – Лебяжий острова; 105 – Калос-Ливмен; 106 – Ойрат; 107 – Тарпанчи; 108 – Лазурное; 109 – Беляус; 110 – Чайка; 111 – Саки; 112 – Песочное; 113 – Северная Сторона; 114 – Патрей; 115 – Кепы; 116 – Фанагория; 117 – Гермонасса-Таматарха; 118 – Портовое; 119 – Новопокровка. Условные обозначения: 1 – города, крепости, поселения, селища и гончарные центры; 2 – плитовые могильники; 3 – грунтовые могильники; 4 – погребения хазар. Составлена А.И. Айбабиным

ра разрушенными, укрепил их [Procopius, 1964. III, VII, 10, 12–13].

Из многих центров Причерноморья и Средиземноморья на Боспор ввозились разнотипные амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды. Наряду с торговлей, металлообработкой и судостроением в Боспоре сохранилась традиционная отрасль экономики – промышленная переработка рыбы [Макарова Т.И., 1991. С. 140].

В приморской части города были открыты остатки базилики (купель и колодез), видимо, построенной при Юстиниане I [Макарова Т.И., 1991. С. 143, 144].

Строительные работы велись и в юго-восточной части Тиритаки. Там на месте разрушенного рыбозасоленного комплекса построили базилику с колоннами из проконесского мрамора с импостной ионической и коринфской капителями [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 67–72, рис. 79–81].

Прибывшие в 527–528 гг. в составе византийских полков из Подунавья готы были христианами. Видимо, они поселились в Боспоре с семьями. Тогда и появились в городе остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с орлиноголовым и прямоугольным щитком [Айбабин А.И., 1999. С. 100]. На щитках двух пряжек изображены кресты.

Наиболее популярными были пальчатые фибулы типов Керчь и Удине-Планис. Остроготские и гепидские прототипы второй половины V – первой половины VI в. пальчатых фибул керченского типа украшены глубокой кербшнитной резьбой [Vinski Z., 1972/1973. Tab. XI: 60; Vinski Z., 1978. S. 40, Taf. X: 1, 12]. На Боспоре подобные фибулы изготавливали во второй трети VI – первой половине VII в. [Амброз А.К., 1992. С. 77–81, табл. X: 2; Айбабин А.И., 1999. С. 270–271] (Табл. 13: 24–27, 34–35, 35a).

Серебряные позолоченные фибулы типа Удине-Планис по технике декора делятся на два варианта. Первый вариант – фибулы конца V – первой половины VI в. из Италии, Франции и Подунавья с декором, выполненным глубокой кербшнитной резьбой и пуансоном. Они отлиты с фигурками клюющих птиц на боковых сторонах ножки [Bierbrauer V., 1975. S. 89, 215, 217, 220, 240, Taf. XLII: 1, 2; LXXIV: 7; Pilet C., 1995. P. 328, fig. 2: 6]; второй вариант – из Подунавья [Vinski Z., 1978. S. 40, Taf. 11: 3], из Керчи и Лучистого с декором, подправленным резцом или вырезанным на литейной форме. Фибулы второго варианта в Керчи в склепе 78/1907 (Табл. 13: 35) лежали в захоронении на полке с В-образной пряжкой второй половины VI – первой половины VII в.; в склепе 180 – с поясным набором второй половины VII в. [Айбабин А.И., 1990. С. 21, 22, 38, 61]. Данные факты подтверждают предложенную А.К. Амброзом датировку бытования в Крыму фибул этого варианта второй половиной VI–VII вв. [Амброз А.К., 1992. С. 79–81].

В Керчи найдены пальчатые фибулы с декором из завитков на головке и мелких ромбов с углублениями в центре на ножке [Werner J., 1961. S. 31, Taf. 30: 119]. В Керченском музее хранится каменная модель для их отливки. Близкие фибулы VI–VII вв. известны в Италии и Подунавье [Kühn H., 1981. Taf. 263: 66, 1; 268: 12, 15, 16, 23, 24, 27, 31-3; Bierbrauer V., 1991. P. 130, 133, fig. 13: 3, 6]. Разнотипные фибулы из Боспора вывозились в Юго-Западный Крым, Херсонес, Приазовье, Нижнее Поднепровье и другие регионы [Айбабин А.И., 1990. Рис. 35: 1, 2].

Боспорские орлиноголовые пряжки отличаются от южнокрымских меньшими размерами – не более 13,4 см (табл. 12: 60, 63). Кольцо украшено рядом завитков, а щиток – цилиндрическими гнездами с алмандинами или вставками из красного стекла. У некоторых пряжек гнезда в виде сплошных цилиндров, на которых гравированными кружками обозначены вставки. Щитки пряжек отлиты с трапецевидным выступом с орлиной головкой или с прямоугольным выступом. Щиток одной из ранних пряжек отлит с таким же, как у гепидских пряжек, прямоугольным отверстием в центре, закрытым припаянной снизу пластиной с сердоликовой вставкой в гнезде [Айбабин А.И., 1993. P. 165, fig. 1: 1]. Боспорские пряжки по декору и пропорциям щитка и выступа с

орлиной головой близки пряжкам первой половины VI в. из Подунавья [Rusu M., 1959. Abb. 2; 3; Vinski Z., 1968. S. 339, 332–335; Abb. 2; 3; Амброз А.К., 1968. С. 16, 17] и из слоя VI в. из Ятруса [Gomolka-Fuchs G., 1993. S. 358, Abb. 4: 1]. По мнению Ф. Бирбрауэра, такие итало-остготские пряжки носили на территории Италии до прихода в 568 г. лангобардов [Bierbrauer V., 1975. S. 143–145, 150–158].

На Боспоре орлиноголовые пряжки начали изготавливать по дунайским прототипам позже, чем на Дунае – не ранее середины VI в. В Керчи их использовали, судя по находкам в склепах Боспорского могильника, до конца VII в. Аналогичная пряжка была найдена с двухпластинчатыми фибулами VII в. в могиле 315 на склоне Эски-Кермена [Айбабин А.И., 1990. С. 34, рис. 12: 3, 4; рис. 35: 1, 2].

Мирная жизнь крымских провинций Византии продолжалась в течение двух царствований: Юстиниана I и Юстина II. В 575 г. кесарь и преемник Юстина Тиберий сократил даже морскую повинность Боспору и Херсону [Corpus juris civilis, 1895. Nov. CLXII, cap. II. P. 751], способствуя экономическому процветанию этих городов-портов.

Однако в те же 70-е годы степи между Меотидой и Кавказскими горами, т.е. в непосредственной близости от Боспора, захватили тюрки, подчинив кочевавших там алан и утигуров [Гадло А.В., 1979. С. 96]. Каган тюрков Сильзибул (Истеми в китайских источниках) [Moravcsik Gy., 1958. S. 275, 276] назначил наместником новых земель своего сына Турксанфа (Тянь-хань-хана в китайских источниках) [Blockley R.C., 1985. Fr. 19, 1. P. 171–177; Гумилев Л.Н., 1967. С. 106; Gajdukevič V.F., 1971. S. 518].

В 576 г. Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил к ним посольство во главе с Валентином. По словам Менандра, корабли приплыли к берегу Восточного Крыма. Там посольство высадилось на песчаный берег, пересекло горы и через Перекоп прибыло в Приазовье на территорию, принадлежавшую племенам кагана утигуров Анагея. Пройдя трудными дорогами, Валентин достиг ставки Турксанфа и после переговоров был отправлен к брату последнего Тарду. В то же самое время Турксанф приказал Анагею начать военные действия против византийских владений в Таврике и осадить город Боспор. Вскоре после прибытия на помощь утигурам тюркских войск Бохана город Боспор был ими взят [Blockley R.C., 1985. Fr. 19, 1, 2. P. 178, 179].

Тюрки сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. В центре города на всех трех раскопанных мною в 1990–1992 гг. усадьбах зафиксированы два слоя пожара (табл. 10) [Айбабин А.И., 1999. С. 135–140]. Под слоем нижнего пожара залегал развал камней, глины и кровельной черепицы, под которым на полу построек найдены изготавливавшиеся с V в. фрагмен-

ты африканской краснолаковой керамики (табл. 10: 1, 5) [Hayes J., 1972. P. 119, fig. 20; p. 121, 123, fig. 21; p. 327, 329, fig. 66: 1; p. 342, fig. 70], фрагменты амфор VI–VII вв. (табл. 10: 2, 8, 10, 11, 13, 15) [Riley J.A., 1979. Fig. 48; 41; 91: 337, 347, 346; Зеест И.Б., 1960. Табл. XXIX: 99а, б; XXIX: 100а; с. 119, табл. XXVIII: 96, 97], а также фрагменты краснолаковых блюд VI в. (табл. 10: 4, 6, 9) [Harper R.P., 1995. P. 22, 23, fig. 10: 19; 11: 21, 22; Martin G., 1983. P. 192, fig. 26: 6; Williams C., 1989. P. 24, fig. 10: 132] и фрагменты блюда последней четверти VI–VII вв. (табл. 10: 16) [Fulford M.G., 1984. P. 74, 75, fig. 21: 69-2; Hayes J.W., 1972. P. 171, fig. 33: 1, 2].

В слое, накопившемся поверх слоя этого пожара, наряду с фрагментами амфор VI–VII вв. (табл. 10: 21, 25, 32, 36) [Якобсон А.Л., 1979. С. 11, рис. 3: 6], амфор VII–VIII вв. (табл. 10: 30) [Hayes J.W., 1992. P. 66, fig. 23: 7] и фрагментами краснолаковых блюд (табл. 10: 38) извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный, по определению В.А. Сидоренко, в 654–659 гг., а также фрагменты краснолаковых мисок, распространившихся с первой трети VI в. [Hayes J.W., 1972. P. 335, 336, 338, fig. 68: 28], кипрской миски VI в. [Fulford M.G., 1984. P. 57, fig. 14: 25-1], блюда второй половины V – первой четверти VI в. [Mackenzen M., 1993. P. 408–410, 602, 603, fig. 62: 1–5], блюд последней четверти VI–VII вв. [Hayes J.W., 1972. P. 325, 327, fig. 65: 1].

По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики слой пожара можно связать с нападением тюрков в 576 г., а слой, перекрывший пожар, отнести к последней четверти VI – третьей четверти VII в.

Слои пожаров, связанных с тем же набегом тюрков, обнаружены и на малых городах и поселениях Европейского Боспора. В Тиритаке на участке XV в помещениях IV и V расчищен завал из камней, образовавшийся от разрушенных стен. На полу в слое пожара найдены амфоры V–VI вв., фрагменты краснолаковых блюд того же времени, серебряная серьга в виде калачика [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 119–125, рис. 149: 1; 150; 151; 157].

В 581 г. после смерти кагана тюрков Арсилы началась борьба за власть между членами правившего в каганате рода [Артамонов М.И., 1962. С. 138]. Очевидно, тогда же тюрки ушли из Крыма. Византийцы воспользовались благоприятной для них ситуацией и вновь установили свой контроль на обеих сторонах Боспорского пролива. Как явствует из надписи 590 г., этим регионом управлял дука Херсона [Латышев В.В., 1894. С. 671, 672].

Боспорские города и поселения сильно пострадали в результате вторжения тюрков. Население последних значительно уменьшилось. Часть жителей малых городов, наверное, погибли или были уведены тюрками. На Тиритаке, Илурате, в Зено-

новом Херсонесе многие усадьбы остались в руинах. Однако после пожара восстановили некоторые постройки. На Тиритаке в связанном с ними слое нашли фрагменты краснолаковых мисок со штампованными крестами [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 126, 127, рис. 160; 161; Hayes J.W., 1972. P. 228, 229, fig. 54: 289; 56: 311], христианскую глиняную ампулу с граффити “святому Феодору” и антропоморфную фаллическую подвеску VII в. [Гайдукевич В.Ф., 1958. С. 172–173, рис. 27; 28: а, б], а в перекрывшем их слое – керамику VIII–IX вв. [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 127–131, рис. 163: 164]. На Илурате на участке III во дворе дома 2 раскопан слой с фрагментами краснолаковых мисок VII в. [Гайдукевич В.Ф., 1958а. С. 110; Силантьева Л.Ф., 1958. С. 309, 310, рис. 20; Hayes J.W., 1992. P. 100, 101, fig. 40; Fulford M.G., 1984. P. 87, fig. 26: 2].

На протяжении всего VII в. в городе Боспоре так и не восстановили все кварталы. На участке, раскопанном в центре города, из трех сгоревших усадеб заново отстроили одну. Развалины на вершине холма Митридат сnivelировали. Там устроили христианский плитовый некрополь. Несмотря на христианизацию, городское население продолжало хоронить умерших с сопровождающим погребальным инвентарем. В могилах обнаружены серебряные и золотые детали геральдических поясных наборов, византийские бронзовые пряжки типа Сиракузы и с крестовидным щитком [Айбабин А.И., 1990. С. 69] и т.д. Уникальной находкой является светлоглиняный лекифообразный кувшин с нарисованным портретом христианского святого и надписью ΕΦΩ. Это сокращение выражения ἐφ' ἡμῶν (чтобы я предстал) [Блаватский В.Д., 1985. С. 25–28, рис. 1–3]. На новом кладбище хоронили все городские этнические группы.

Боспорцы продолжали погребать и в семейных склепах на старом могильнике на склоне холма Митридат. В захоронениях местной знати и офицеров византийской армии лежали привезенные во второй половине VII в. из Византии золотые детали поясных наборов, штампованные или вырезанные из пластин и украшенные зернью, и два железных шлема [Амброз А.К., 1992. С. 82, 83, рис. 11: 17, 18; Амброз А.К., 1994/1995. С. 56, рис. 11: 29; 30; Айбабин А.И., 1990. С. 57, рис. 52: 23, 24, 27, 28]. Такие шлемы использовали в византийской армии уже в VI в. [Sodini J.-P., 1993. P. 168–169, fig. 25]. Византийским офицерам, видимо, принадлежали и найденные на некрополе в Керчи спаянные из золотых деталей накладки на уздечные ремни с инкрустацией из красного стекла [Айбабин А.И., 1985. С. 199–200] и золотые фрагменты ножен палашей с Р-образными выступами для закрепления на ремне [Амброз А.К., 1994/1995. С. 55, 56, рис. 11: 20, 21].

Восстановились и некоторые отрасли экономики. В VII в. продолжали засаливать рыбу в цистер-

нах, расположенных в приморской части города Боспора [Макарова Т.И., 1991. С. 140–141]. Тогда же на Тиритаке использовали некоторые рыбозасолочные цистерны и винодельню [Книпович Т.Н., Славин Л.М., 1941. С. 52; Гайдукевич В.Ф., 1952а.

С. 55, 60, 61]. Жители Тиритаки выращивали пшеницу, ячмень, просо. С городища происходит амфора VI–VII вв., наполненная нефтью, добытой на Керченском полуострове [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 62, 63, рис. 70].

Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века

Как мы видели в предыдущем разделе, история Боспорского государства была неразрывно связана с местными варварскими племенами – сарматами, синдами, меотами, а затем готами, гуннами и др.

Археологические и письменные источники свидетельствуют, что в Северном Причерноморье шел постоянный процесс взаимопроникновения античной и варварской культур. Наибольшей интенсивности он достиг в первые века нашей эры, когда южнорусские степи находились во владении кочевых сарматских племен. Особенно это касается верхушки кочевого общества, сосредоточившей в своих руках всю торговлю с греческими городами. Сливаясь с греческой знатью, они составляли господствующий слой боспорского населения, объединенный общими торгово-экономическими и социально-политическими интересами.

С I в. н.э. многие боспорские правители (Савромат, Аспург, Римиталк, Фарсанз и др.) были выходцами из варварской среды. О процессе варваризации Боспора свидетельствует также обилие сарматских имен на погребальных памятниках. Однако на Боспоре продолжали сохраняться и основные элементы греческой культуры, а греческий язык всюду оставался государственным.

Первые века нашей эры были для Боспора эпохой очередного в его истории экономического и культурного подъема, который продолжался до 30-х годов III в., т.е. до появления готов в Северном Причерноморье и в Крыму [Васильев А.А., 1921. С. 265–344; Буданова В.П., 1990. С. 72–154]. В результате были разорены и погибли многие сельскохозяйственные поселения и города Боспорского царства. Не избежал разгрома и Пантикапей.

Военные столкновения значительно подорвали экономику и культуру, сократили внешнюю торговлю Боспора: начался процесс упадка. Тем не менее Боспор оставался самостоятельным государством, в котором в течение более ста лет после вторжения готов продолжали выпускать собственные монеты. Последним боспорским царем, имя которого сохранилось до наших дней, был Рискупорид VI, чеканивший деградированные “статеры” из чистой меди. На них изображались бюсты Рискупорида VI и императора Константина. После 342/343 г. чеканка боспорских монет прекратилась [Фролова Н.А., 1998. С. 257, 258].

В 370-е годы на Боспор обрушилось нашествие гуннов. Из сообщений Аммиана Марцеллина, современника гуннской экспансии в Восточную Европу, известно, что гунны, появившиеся откуда-то из-за Меотийских болот, напали на аланов и, производя “у них страшные истребления и опустошение”, завладели их землями” [Латышев В.В., 1906. С. 524].

Преследуя уцелевших от разгрома аланов, которые устремились на Кавказ, часть гуннов, пройдя через Прикубанские степи и проникнув на Таманский полуостров, подвергли разрушению города и поселения Азиатского Боспора [Сокольский Н.И., 1968. С. 251–261]. Далее, пройдя, вероятно, зимой по льду в самом узком месте Керченского пролива, гунны вступили на территорию Европейского Боспора [Гайдукевич, 1952. С. 133]. Помимо нескольких небольших поселений и городов, вновь был разграблен и разрушен Пантикапей.

Гунны захватили огромную территорию от Волги до Днестра, объединив под своей властью местное население – сарматов, аланов, готов. При этом, как свидетельствуют письменные источники, первоначально ставка главного вождя находилась где-то в Северном Причерноморье [Gordon C.D., 1960. P. 59]. Однако и с перенесением центра гуннской державы в Паннонию во время правления Атиллы (445–454) Северное Причерноморье продолжало входить в политическое объединение гуннов [Засецкая И.П., 1994а. С. 132–161].

О материальной культуре Боспора этой эпохи можно судить по находкам из погребений обширного некрополя, расположенного по северному склону горы Митридата, восточной границей которого была Госпитальная улица, поднимающаяся с севера на юг, северной – Константиновская, а южная граница проходила по Эспланадной улице. На западе некрополь тянулся широкой полосой на несколько километров вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана (табл. 11: 4).

Раскопки в Керчи – античном центре на юге нашей страны, начались с 30-х годов XIX в. и продолжают по сей день. Систематические исследования средневековых памятников начались только с начала прошлого столетия с раскопок В.В. Шкорпилом некрополя на Госпитальной улице. Наиболее “плодотворным” годом был 1904 г. Было открыто 36 катакомб и 18 земляных гробниц конца

Рис. 5. Серебряная чаша с триумфальной сценой из склепа в имении Гордиковых 1891 г.

IV–VI вв. н.э. [Шкорпил В.В., 1907. С. 1–66]. Кроме того, в этом же году кладоискатели нашли две богатейшие по материалу катакомбы [ОАК за 1904 г. С. 78–83, рис. 123–133]. Раскопки некрополя продолжались вплоть до начала первой мировой войны [Шкорпил В.В., 1907; 1909; 1913].

Долгие десятилетия особенное внимание исследователей привлекали отдельные предметы и категории вещей – главным образом произведения искусства и стеклянные изделия. Наибольшей популярностью пользовались украшения, исполненные в полихромном стиле эпохи переселения народов. И прежде всего исследователей интересовали вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности этих изделий: готской [De Baye, 1892], греко-боспорской [Штерн Э., фон, 1897. С. 1–15], греко-сарматской и иранской [Ростовцев М.И., 1925. С. 616–617], сармато-аланской [Мацулевич Л.А., 1926. С. 38], гуннской [Бернштам А.Н., 1949. С. 216–229], центральноевропейской [Амброз А.К., 1971. С. 102–103], закавказской [Бажан И.А., Шукин М.Б., 1990. С. 83–96].

Занимаясь классификацией полихромных изделий эпохи переселения народов по стилистическим данным, я пришла к выводу, что вопрос происхождения их нельзя решать однозначно, нельзя все полихромные вещи считать абсолютно однородной в стилистическом отношении группой предметов [Засецкая И.П., 1982. С. 14–30; 1993. С. 32–34]. В результате анализа нами было выделено шесть групп изделий, различающихся функционально, а также по стилистическим и технологическим при-

знакам. Как показало картографирование, некоторые относящиеся к одному времени группы имеют определенное локальное распространение, что может указывать на этнокультурные различия их, а также на разные центры производства. Кроме того, проделанный анализ наглядно показал преемственность одних групп полихромных вещей от других, что свидетельствует об их одновременности.

Весьма ценный вклад в изучение Боспорского некрополя на Госпитальной улице внес Л.А. Мацулевич. В своей книге “Серебряная чаша из Керчи” он дал блестящий искусствоведческий анализ серебряным изделиям прикладного искусства и в том числе знаменитой чаше с триумфальной сценой, изображающей императора верхом на коне в сопровождении оруженосца и богини Ники (рис. 5). Предположения о том, кто был этот император, высказывались неоднократно, начиная с первой публикации этой вещи Н.В. Покровским и И. Стржиговским [МАР. 1892. Вып. 8] и кончая статьей Н.А. Фроловой [Фролова Н.А., 1998. С. 247–255].

Наиболее обоснованной представляется точка зрения Л.А. Мацулевича, считавшего, что на чаше изображен Константин II [Мацулевич Л.А., 1926. С. 53–59]. В дополнение к этой гипотезе хотелось бы несколько уточнить дату выпуска чаши, связав ее появление с определенным историческим событием. После смерти отца (Константина Великого) Константин II, стремясь к единовластию, одержал полную победу над другими претендентами на престол и с 353 г. стал единодержавным правителем всей Римской империи. Это событие он отпраздновал триумфальным въездом в Рим в 357 г., которое и было запечатлено в сцене на серебряной чаше из Керчи [Засецкая И.П., 1994а. С. 225–237].

Таким образом, если первый вывод Л.А. Мацулевича об отождествлении персонажа на чаше с Константином II не вызывает сомнений, то заключение его о том, что керченская чаша изготовлена на Боспоре представляется весьма спорным. Л.А. Мацулевич опирается на некоторые детали изображения, которые, по его мнению, могли возникнуть только в результате соприкосновения греко-римского и сармато-готского миров [Мацулевич Л.А., 1926. С. 59]. Однако следует учитывать, что в III–IV вв. н.э. не один Боспор был областью соприкосновения греко-римского и варварского миров. Чаша могла быть изготовлена в мастерской одного из восточных городов, входивших в состав Византийского государства.

Большое значение имеет сопоставление техники изготовления чаши с триумфальной сценой и двух чаш с изображением бюста Констанция II, выпущенных в 343 г. в честь двадцатилетия его цезарства и найденных в других богатых боспорских склепах. Как убедительно показал Л.А. Мацулевич, все три чаши сделаны в одной технике с применением

одинаковых инструментов, что, несомненно, убеждает в единстве их происхождения. Не исключено, что керченские серебряные чаши были изготовлены в антиохийских мастерских, о чем свидетельствует греческая надпись на одной из чаш [Засецкая И.П., 1994а. С. 230, рис. 3], а также применение позолоты и черни для частичной расцветки фигур. Как отмечает Л.А. Мацулевич, ссылаясь на работы Л. Брейля и Ч. Диля, этот прием становится типичным признаком антихийской школы VI в. [Мацулевич Л.А., 1926. С. 58]. Кроме того, в своей монографии Л.А. Мацулевич останавливается на характеристике некрополя в целом и, в частности, на полихромных украшениях, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, а также на датировке склепов, которые он относил к IV–V вв. н.э. [Мацулевич Л.А., 1926. С. 23–53].

Большое внимание в литературе уделено также стеклянной посуде, составляющей неотъемлемую часть погребального инвентаря керченских склепов. Исследования в этой области принадлежат одному из российских специалистов по античному стеклу, Н.П. Сорокиной. На основании технологических и морфологических признаков ею разработаны типологические схемы по некоторым формам позднеантичного стекла, рассматриваются вопросы распространения, происхождения и датировки отдельных категорий стеклянной посуды [Сорокина Н.П., 1971. С. 85–101; 1963. С. 134–170; 1978. С. 267–274; 1979. С. 57–67]. Открытие нескольких мастерских в Крыму позволило исследователям поставить вопрос о местном боспорском производстве нескольких групп стекла [Высотская Т.Н., 1964. С. 7–20; Белов Г.Д., 1965. С. 237–239].

Приведенный краткий обзор истории изучения материалов Боспорского некрополя требовал более глубокого и всестороннего изучения боспорских склепов, а также подробной их публикации [Засецкая И.П., 1993. С. 23–105, табл. 1–64].

Археологический материал раннесредневекового некрополя Боспора охватывает период с середины IV до начала VII в. и представлен многочисленными и разнообразными предметами. Некоторые из них существуют на протяжении всей указанной эпохи, видоизменяясь с течением времени. Наиболее наглядно этот процесс можно проследить на трех категориях вещей – фибулах, пряжках и стеклянной посуде. Именно они послужили основой для выделения хронологических групп погребальных комплексов Боспора (табл. 12 и 13).

В результате корреляции их и сравнительного анализа всей массы погребального инвентаря, обнаруженного в склепах, можно выделить три хронологические группы памятников: первая группа датируется в пределах последней четверти IV – середины V в.; вторая – второй половины V – первой

половины VI в. и третья – второй половины VI – начала VII в. [Засецкая И.П., 1990. С. 97–106].

Погребальные сооружения Боспорского некрополя данной эпохи в целом представлены тремя типами: склепами (катакомбами), подбойными земляными гробницами, обычными грунтовыми ямами. Склепы, вырубленные в скалистом грунте, состояли из наклонных по направлению к камере дромосов, размеры которых достигали 4,5 × 1 м, а глубина до 10 м. Вход в камеру оформлен в виде арки, закрывавшейся каменной плитой. Камера в плане имела форму неправильного квадрата или прямоугольника, либо трапеции площадью 4,2–5,2 м, высотой 1,6–1,8 м. Потолок камер был плоским или слегка округлым. С трех сторон камер в стенках высекались специальные лежанки, на которые помещали деревянные гробы. Кроме того, в стенках камер вырубали небольшие ниши, служившие для погребальных приношений и светильников. Склепы были, как правило, семейными усыпальницами. В некоторых из них обнаружено до 14 погребенных разного пола и возраста, в том числе и детей (табл. 11: 1, 2, 5).

Этот тип погребальных сооружений, появившийся на Боспоре еще на рубеже нашей эры и получивший широкое распространение во II–III вв. н.э. [Масленников А.А., 1982. С. 33–43], продолжал существовать вплоть до начала VII в. н.э. Однако для раннесредневекового Боспора подобная форма характерна главным образом для памятников первой хронологической группы, при этом наиболее типичны склепы с прямоугольными и квадратными камерами. Склепы с трапециевидными камерами относятся к более позднему времени, т.е. ко второй хронологической группе (табл. 11: 5). Самый поздний склеп 9 (№ 180), относящийся к третьей хронологической группе, в котором обнаружено погребение начала VII в., отличается от всех остальных своеобразным устройством лежанок, расположенных только вдоль двух стенок, а также отсутствием ниш (табл. 11: 2).

Следует отметить, что склепы сосредоточены в основном на определенном участке некрополя, а именно на Госпитальной улице (табл. 11: 4).

Второй тип погребальных сооружений представлен подбойными земляными гробницами, состоящими из входной ямы прямоугольной формы, ориентированной длинными сторонами по линии север–юг, реже запад–восток, и узкого подбоя, вырытого преимущественно в южной или северной стенках ямы. Размеры подбоя 1,59–2,3 × 0,5–0,8 м, высота 0,4–0,7 м. Вход в подбой закладывался камнями и плитами. В некоторых случаях в одной входной яме с двух противоположных сторон устраивались два подбоя.

Третий тип – простые грунтовые могилы прямоугольной формы размером 2 × 0,6–0,7 м, глубиной 0,4–0,5 м, перекрытые сверху плитами или досками.

Оба последних типа могил, как описанные выше склепы, существовали на Боспоре с давних времен

[Гайдукевич В.Ф., 1949. С. 382–383]. Вместе с тем для данного периода можно отметить, что такого рода погребальные сооружения характерны для памятников второй и третьей хронологических групп. В первой группе они встречаются редко. Это означает, очевидно, что коллективные захоронения постепенно вытесняются одиночными погребениями.

Погребенные в склепах, за исключением вторичных захоронений третьей хронологической группы, покоились в досчатых гробах, имевших форму ящика, расширяющегося в верхней головной части, с отвесными сторонами и горизонтальной прямой крышкой (табл. 11: 3). Умершие, похороненные в земляных гробницах, не имели гробов. Для захоронений первой хронологической группы как в склепах, так и в земляных гробницах, характерна в основном южная ориентация погребенных. Во второй хронологической группе для захоронений в подбойных земляных гробницах наиболее типична восточная ориентировка умерших, в склепах же по-прежнему остается южная ориентировка. Исключение составляет поздний склеп 180 третьей хронологической группы, который отличается не только конструктивными деталями, но и тем, что все погребенные в нем были уложены головами на север, т.е. ко входу в склеп.

Несмотря на то, что многие склепы оказались разграбленными, в нашем распоряжении находятся богатейшие коллекции боспорских древностей.

Наибольшим разнообразием и богатством характеризуются материалы **первой хронологической группы**, среди которых особо выделяются захоронения высшей боспорской знати. Погребальный инвентарь этой группы представлен предметами вооружения, конской сбруей, украшениями, серебряной и стеклянной посудой, туалетными принадлежностями, глиняными светильниками и др. Многие из этих вещей сделаны из драгоценных металлов – золота и серебра и украшены цветными вставками камня и стекла. Из оружия найдены длинные двулезвийные, а также однолезвийные мечи и кинжалы, копья и трехлопастные ромбовидные наконечники стрел, костяные накладки от сложносоставного лука (табл. 14: 66–72, 82–85). Из оборонительных доспехов – деревянные щиты, обтянутые кожей, от которых сохранились обрывки кожного покрытия [Мацулевич Л.А., 1950. С. 1–6, рис. 1–5; Засецкая И.П., 1993. Табл. 31, 152; 33 и 34], бронзовые позолоченные умбоны, бронзовые обтянутые серебряным листом рукоятки и обкладки краев щитов (табл. 14: 75–78).

Конское снаряжение представлено железными удилами с надетыми на свободные концы серебряными наконечниками с продольной гранью на петле, которые в свою очередь соединялись с серебряными или железными кольцами – псалиями с двумя,

а иногда с тремя пластинчатыми зажимами для ремней. Зажимы, согнутые из серебряной пластины, с лицевой стороны покрывались золотым листом или позолоченной серебряной пластиной и соединялись с ремнем посредством штифтов с круглыми шляпками. Некоторые экземпляры украшались цветными плоскими вставками (табл. 14: 79–81; 15: 14). К украшениям конской узда относятся разнообразные накладки геометрической формы и в виде фигурок бегущего льва (табл. 14: 54–65).

Значительную часть погребального комплекса боспорской знати составляют золотые украшения костюма: традиционные для античной культуры погребальные венки из тонкого золотого листа со штампованным изображением портретов римских императоров или боспорских правителей (табл. 15: 38, 39), предметы сармато-аланского происхождения – гривны и браслеты с головами фантастического волка-дракона на концах и золотые нашивные бляшки (табл. 15: 20–23, 25–27, 29–34, 37), изделия полихромного стиля, продолжающие традиции ювелирного искусства греко-римской эпохи – подвески, перстни, серьги, бляшки-накладки, фибулы (табл. 15: 24, 28, 36; 16: 10, 11; 14: 34, 35, 37, 38, 40, 44), а также ювелирные изделия, исполненные в технике перегородчатой инкрустации эпохи переселения народов – браслеты, серьги, пряжки и наконечники поясов (табл. 15: 3, 10–13, 15–19, 36). К предметам украшения одежды относятся и серебряные литые двупластинчатые фибулы с короткой или удлиненной ромбовидной ножкой и фибулы-мухи (табл. 13: 5, 6, 14, 17–22).

Как уже отмечалось, массовый характер носят находки пряжек и стеклянной посуды. Пряжки, преимущественно серебряные, а также золотые (бронзовые крайне редки), служили либо поясными, либо обувными застежками (табл. 13: 1–35; 15: 10–12, 18, 19). Стеклянная посуда представлена различного вида изделиями: стаканами, чашами, кувшинами, кубками, лампадами и колбообразными сосудами разных форм и величины (табл. 13: 1–3, 7, 10–13, 16).

Кроме того, из склепов первой хронологической группы происходят отдельные находки глиняной посуды, светильников, зеркал, костяного гребня, металлических деталей и ключей от шкатулок (табл. 14: 5–8, 13–16, 19–22).

В ряде склепов найдены монеты и индикации монет с изображением римских императоров III–IV вв., некоторые из них воспроизведены на золотых погребальных венках. Это индикации с портретами императоров Гордиана III (238–244), Лициния I (308–324), Констанция II (337–361), Валентиниана I (364–375), Валентиниана II (375–383), золотые монеты Констанция Галла (325–354) и Констанция II (337–361). В нескольких случаях были найдены индикации и монеты бывших боспорских правителей Савромата II (174–211) и Фофорса (286–308).

Отличительной особенностью комплексов первой группы является присутствие в них вещей, в частности, монет и индикаций, время бытования которых относится к догуннской эпохе. Второй половиной IV в. датируются и мелкие двупластинчатые фибулы с короткой ромбовидной ножкой и сегментовидной или полукруглой головкой [Амброз А.К., 1966. С. 76–91] (табл. 13: 5, 6). Некоторые формы пряжек также восходят к образцам VI в. Это пряжки с рамкой округлой формы или в виде удлиненного овала, согнутые из толстого дрота с несомкнутыми концами с коротким хоботовидным или широким уплощенным язычком, обнаруженные в склепах 154 и 145, а также в “двух склепах 24 июня 1904 г.” (табл. 12: 3–6, 8–13). Вероятно, к концу IV в. относятся пряжки с ровным толстым в сечении кольцом-рамкой и сравнительно коротким хоботовидным язычком, свободный конец которого опущен вниз под прямым углом (табл. 12: 4–6, 13, 14), а также мелкие пряжки с расширенной в передней части круглой или овальной рамкой с сужающимися несомкнутыми концами с маленькими согнутыми из пластины обоями (табл. 12: 3, 8, 15, 16, 20, 21). Аналогичные пряжки найдены в позднеантичном некрополе у с. Заморское в Крыму, материал которого и по другим категориям вещей аналогичен боспорским комплексам первой группы [Корпусова В.Н., 1973. С. 27–45]. К VI в. относятся и обнаруженные в склепах 154 и 176 глиняные светильники [Засецкая И.П., 1993. Табл. 51, 256; 58, 333, 334; Гайдукевич В.Ф., 1952. С. 115, рис. 140, 8; Залеская В.Н., 1997. С. 38–39] (табл. 14: 16).

В комплексах первой хронологической группы выделяется также часть предметов, которые датируются концом IV – началом V в. К ним относятся серебряные кувшины, тазики, ложки, ситечки византийской работы (табл. 16: 1–6) [Мацулевич Л.А., 1926; Засецкая И.П., 1993. Табл. 8; 9; 10; 14; 15; 38–42; Засецкая И.П., 1996. С. 4–18], а также стеклянная посуда – стаканы с синими напаями, чаши, остродонные кубки-лампады, некоторые формы кувшинов, которые восходят к образцам, бытовавшим в III–IV вв. (табл. 13: 1–3, 7–13, 16; 16: 7, 8), костяные гребни с округлым выступом, золотые бляшки (табл. 14: 22; 15: 20–23, 25–27, 29–32, 34).

Остальные категории вещей, появление которых относится к концу IV в., продолжают бытовать в течение всей первой половины V в. н.э. Это удила с гранеными цветного металла наконечниками с кольчатыми псалиями, снабженными пластинчатыми зажимами (табл. 14: 79–81), трехлопастные ромбовидные наконечники стрел с прямыми или вогнутыми контурами лопастей, костяные накладки лука (табл. 14: 84, 85), однолезвийные мечи и седла, а также характерные для гуннской эпохи наконечники поясов (табл. 15: 3), зеркала с петелькой в центре (табл. 14: 20), двупластинчатые фибулы с

ромбической удлиненной ножкой (табл. 13: 14), пряжки с вытянутой вперед утолщенной в передней части рамкой с уступами на тыльной стороне для прикрепления щитка и длинным хоботовидным язычком, свободный конец которого плавно опущен вниз под тупым углом (табл. 12: 18, 25, 28–35), а также колбообразные стеклянные сосуды (табл. 13: 12, 13). Эта группа вещей в целом характерна как для Боспора, так и для степных памятников Юго-Восточной и Центральной Европы гуннской эпохи [Засецкая И.П., 1993. С. 38].

Из погребений группы I происходят украшения, исполненные в технике перегородчатой инкрустации, проблеме происхождения которых, как отмечалось выше, уделялось большое внимание в литературе. Обнаруженные в боспорском некрополе подобные изделия, выделенные нами в четвертую стилистическую группу, несомненно, едины как по технике, так и по стилистическим особенностям (табл. 18: 1). Все они имеют золотую пластинчатую основу, на которую напаяны узкие перегородки, образующие гнезда-ячейки разнообразных геометрических форм в виде прямоугольников, ромбов, треугольников, квадратов, а также сердцевидных, почковидных и крестообразных. Гнезда сначала наполовину заполнялись зеленоватой или белой массой, которая сверху покрывалась тонким золотым листочком, а затем помещали, как правило, плоские выпиленные из камня – граната, альмандина, сердолика – вставки. В таком стиле изготовлены разнообразные предметы: браслеты, серьги, наконечники поясов, пряжки, обкладки от ножен и рукоятей мечей, зажимы от конских уздечных ремней, различного рода накладки и др. (табл. 15: 1–3, 5–8, 10–17, 28). Однако дальнейшее развитие этот стиль получил не на Боспоре, а в Центральной и Западной Европе, где при той же технике вещи приобретают иную художественную окраску за счет изменения орнаментальных мотивов и формы предметов – пятая стилистическая группа по нашей классификации (табл. 18: 2) [Засецкая И.П., 1982. С. 20, рис. 5: 1, 2]. Классическими памятниками этой группы являются могила Апахиды II (Венгрия) и могила Хидьдерика в Турне (Бельгия) и др., которые датируются последней четвертью V в. [Horedt K., Protase D., 1972. S. 174–220; Werner J., 1971. S. 43–46; Kazanski M., Périn P., 1998. P. 203–209]. Изделия, характеризующиеся описанными выше стилистическими особенностями, продолжают бытовать и в VI в. в комплексах франкской и меровингской культур [Doppelfeld O., 1960. S. 89–113; Pirling R., 1964. S. 188–216; Behrens G., 1933. S. 200–204; Arrhenius B., 1985]. Изучению меровингских древностей Западной Европы посвящена фундаментальная работа шведского исследователя Б. Аррениуса, основанная на анализе технических особенностей производства изделий с перегородчатой инкрустацией. Отмечая

специфические черты западноевропейских полихромных украшений, Б. Аррениус убедительно показал их преемственность от ювелирного искусства Средиземноморья и Востока [Arrhenius B., 1985]. На Боспоре же предметы пятой стилистической группы представлены лишь единичными случайными находками [Засецкая И.П., 1993. Кат. 270, 383, 384] (табл. 15: 1, 9). Таким образом, опираясь на датировки памятников с изделиями, выполненными в технике перегородчатой инкрустации, и на их стилистические особенности, можно заключить, что боспорские украшения, будучи более ранними, не могли появиться под воздействием западных образцов. Вещи же, синхронные боспорским, вероятно, имеют общие корни происхождения.

Однако вопрос происхождения предметов с перегородчатой инкрустацией из боспорских склепов первой хронологической группы на данном этапе остается нерешенным. До сих пор в литературе, начиная с Л.А. Мацулевича, повторяются высказывания о боспорском производстве вещей с перегородчатой инкрустацией. Дальнейшее изучение боспорских древностей заставляет отказаться от этого предположения. Вероятно, прав А.К. Амброз, отмечая что вещи подобного стиля появились “как бы сразу в сложившемся виде” [Амброз А.К., 1971. С. 102]. Кроме того, они встречены лишь в богатых погребениях, при этом в наиболее ранних склепах, и время их существования ограничено фактически лишь несколькими десятилетиями. Следует отметить, что подобная техника никогда не была характерной для ювелирного искусства Боспора, но зато с древнейших времен известна на Востоке. Уже автор первой публикации вещей, выполненных в технике перегородчатой инкрустации, предполагал, что они “привозного происхождения” [Спицын А.А., 1905. С. 116]. Все эти обстоятельства действительно указывают скорее на импортный характер распространения изделий с перегородчатой инкрустацией, центр производства которых, вероятно, следует искать на востоке Римской империи, возможно, в самой Византии. Боспорского же производства могла быть другая группа полихромных изделий, для которой характерно наличие вставок в напаянных отдельно расположенных гнездах и филигранного орнамента из проволоки и зерни (табл. 14: 34, 35, 37, 38, 40, 44, 52, 82; 16: 10, 18, 19, 24, 35, 38). Эта группа как по стилистическим особенностям, так и по технике, продолжает традиции боспорского ювелирного искусства предшествующих эпох.

Таким образом, среди материалов первого хронологического периода четко выступают архаичные и современные гуннской эпохе вещи. При этом, как правило, они сочетаются в одних и тех же склепах и даже в одном погребении. Очевидно, большинство склепов первого периода было со-

оружено еще в IV в., и некоторые из них функционировали вплоть до середины V в.

Обратимся к материалу склепа 154, в котором обнаружено 11 погребений, из них 7 на лежанках и 4 на полу. Последние должны быть наиболее поздними, по сравнению с захоронениями на лежанках. Во всяком случае, наиболее поздние типы пряжек происходят из погребений на полу (табл. 12: 25, 29).

Одним из ранних погребений, вероятно, можно считать семейное захоронение на правой лежанке. Здесь были похоронены мужчина, женщина и ребенок. Над лежанкой находилась ниша со стеклянными сосудиками, в частности – стаканами с синими каплями. По стеклянной посуде и украшениям, выполненным в античных традициях (табл. 14: 44; 15: 36), данные захоронения следует датировать концом IV – началом V в. н.э. Судя по типам пряжек, погребения 5 и 6, расположенные на центральной лежанке, также относятся к концу IV – началу V в. Этим же временем можно датировать комплекс, обнаруженный на полу, налево от входа, состоящий из предметов вооружения и кубка-лампады из синего стекла с полихромным орнаментом (табл. 16: 8). Возможно, к этому же комплексу относятся стеклянный кувшин и глиняный светильник, поставленные в нишу, расположенную слева от входа. Погребения 7 и 8, помещенные на левой лежанке, датируются в пределах конца IV – первой половины V в. по стеклянной чаше с синим зигзагообразным накладным орнаментом (табл. 13: 10).

Все погребения на полу были совершены в первой половине V в. Погребение 2, в котором была похоронена женщина знатного рода, содержит предметы, использовавшиеся еще в IV в.: золотые проныжки, бляшки, венец с индикацией Валентиниана I (364–375) и в то же время изделия, бытовавшие в первой половине V в. – двупластинчатые фибулы в удлиненной ножкой, импортная пряжка (табл. 13: 14; 12: 26). Первой половиной V в. датируется погребение 3, к середине V в. относится погребение 4, из которого происходит массивная серебряная пряжка с зооморфным язычком с косым крестом на квадратном выступе (табл. 12: 33) и серебряные пластинчатые накладки, подобные накладкам из могильника V в. на реке Дюрсо (табл. 14: 46).

Таким образом, склеп 154 использовался в качестве погребального комплекса с конца IV до середины V в., т.е. в течение 60–70 лет.

Материал склепа 165 позволяет предположить, что данный склеп был сооружен несколько позднее склепа 154, т.е. не ранее начала V в. Здесь почти нет вещей, которые бы датировались IV в. или еще более ранним временем. В тех же случаях, когда были обнаружены подобного рода находки, они сочетались с поздними предметами. Так, например, в погребении 5 на черепе умершего находился золотой венец с индикацией боспорского правителя Савро-

мата II (174–211), который сочетался с позднейшими типами массивных с длинным хоботовидным язычком пряжек, характерными для первой половины – середины V в. (табл. 13: 28, 34). Миниатюрный лепной сосудик из ниши, расположенной слева от входа, встречен в комплексе со стеклянными сосудами, бытовавшими в первой половине V в. (табл. 13: 3, 12, 16). В отличие от погребального инвентаря склепа 154, в склепе 165 представлены новые в типологическом отношении вещи: вырезанные из целой пластины и раскованные фибулы с однорядной пружиной (табл. 13: 17, 19), фибулы типа “смолен” (табл. 13: 18), колбообразные стеклянные сосуды, цилиндрический стакан с широким дном, сильно расширяющимся к устью, и обработанным краем (табл. 13: 12, 13, 15), проволоочная серьга с массивной литой четырнадцатигранной бусиной на конце (табл. 14: 30), зеркало с концентрическими рельефными линиями на оборотной стороне (табл. 14: 20). Все эти вещи бытуют на протяжении всего V в., а некоторые даже заходят в начало VI в. Большинство пряжек склепа 165 также относятся ко времени не раньше первой половины V в. Они характеризуются крупными размерами и массивными язычками, далеко выступающими за пределы рамки. Вероятно, одним из последних захоронений в середине V в. было погребение 3 на полу, из которого происходят фибулы типа “смолен”, массивные пряжки и серебряные накладки с зубчатым краем, аналогичные накладкам из самого позднего погребения 4 в склепе 154. Таким образом, дата склепа 165 ограничивается первой половиной – серединой V в. н.э.

Для датировки “двух склепов 24 июня 1904 г.” и гробницы в имении Гордиковых большое значение имеют находки из склепа 145. Погребальный инвентарь всех трех комплексов включает сходные, а подчас и просто идентичные вещи, что указывает на синхронность этих памятников. Несмотря на то, что склеп 145 оказался ограбленным, в нем был обнаружен тайник, устроенный под низким порогом входа в камеру. В самом же склепе были найдены только золотая ажурная бусина и стеклянный стакан с синими каплями. В тайнике оказались собранные вместе разновременные предметы. Здесь, наряду с ранними изделиями, такими, как юбилейная чаша с бюстом Констанция (343 г.), золотой венец с индикацией монеты Гордиана (233–244), небольшая двупластинчатая фибула с ромбовидной ножкой, расширенной в средней части (табл. 13: 6), обнаружены вещи, бытовавшие в пределах конца IV – начала V в. Это – пряжки, представленные на табл. 12: 4–6, 9, 13, наконечники поясов – на табл. 14: 50, 53, византийские изделия (табл. 14: 11, 12), умбоны, рукоятки и окантовки от щитов (табл. 14: 75–77), а также индикация монеты Валентиниана II (375–383). Отсюда же происходят железные удила с серебряными наконечниками и

кольцевидными псалиями с зажимами, некоторые из них украшены вставками гранатов, а также узкие металлические окантовки ленчиков седла – предметы, характерные для памятников гуннской эпохи Восточной Европы, и, в том числе, для культуры кочевников “южнорусских” степей последней четверти IV – первой половины V в. Перечисленные вещи, представляющие собой несомненную ценность и, вероятно, в разное время принадлежавшие разным погребениям склепа 145, были спрятаны в специальном тайнике. Наличие среди них индикации монеты Валентиниана II свидетельствует, что это не могло произойти ранее последней четверти IV в. н.э. Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы: 1) склеп 145 был сооружен еще во второй половине V в. н.э. и просуществовал нетронутым до начала VI в.; 2) в период господства гуннов в Северном Причерноморье владельцы семейной усыпальницы – родственники умерших спрятали от разграбления дорогие реликвии и наиболее ценные для них вещи.

Таким образом, закрытый комплекс склепа 145 может служить надежным хронологическим эталоном для определения времени существования аналогичных погребальных памятников, в частности, “двух склепов 24 июня 1904 г.”, Новиковского склепа, первичных погребений в склепах 163 и 176, склеп 1896 г. и др. Именно из них происходят наиболее ранние формы фибул, стекла, серебряной декоративной посуды византийского происхождения, украшения полихромного стиля с перегородчатой инкрустацией (четвертая стилистическая группа), монеты и индикации монет римских императоров III–IV вв. н.э.

Все эти склепы содержали захоронения представителей высшей знати Боспора, а некоторые из них, возможно, служили усыпальницами семей боспорских правителей. Этим, вероятно, и объясняется наличие в них наиболее древних и ценных импортных вещей, которые могли быть подарками Рима и Византии, являясь символами знатности и родовитости погребенных. Некоторая часть материалов из богатых склепов, захоронения в которых совершались в последней четверти IV – начале V в., отражают боспорские культурные традиции еще второй половины IV в., когда Боспор, несмотря на экономический и политический кризис, оставался самостоятельным государством и поддерживал дружественные связи с Римом, наиболее тесный контакт с которым состоится, вероятно, к царствованию Констанция II.

Вторая хронологическая группа, время которой ограничивается второй половиной V – первой половиной VI в., представлена в основном одиночными захоронениями в подбойных земляных гробницах или простых грунтовых ямах. Однако наряду с этим продолжают свое существование и семейные усыпальницы – склепы с коллективными погребениями. Погребальный инвентарь второй группы в от-

личие от предшествующего периода значительно беднее и однообразнее (табл. 17: 1–11, 13–15, 17, 19, 20, 25, 26). Ряд категорий вещей, широко представленных в первой хронологической группе, а также оружие, конское снаряжение, наконечники поясов, полихромные изделия либо полностью отсутствуют в ее комплексах, либо являются единичными находками. В то же время в погребальном инвентаре второй группы появляются новые формы пряжек, фибул, стеклянной посуды (табл. 12: 36–51; 13: 23–33). Так например, в этот период распространяются небольшие литые пряжки со слабо выраженным В-образным контуром передней части рамки со скошенными краями и округлой пластинчатой обоймой, а также цельные литые пряжки с квадратной рамкой (табл. 12: 38–40, 45, 46, 48).

Стекло данной группы характеризуется в основном колбообразными сосудами (табл. 13: 29, 31, 33), которые по форме продолжают линию развития аналогичных сосудов первой группы, но отличаются от них укороченными пропорциями и иным оформлением верхней части горла в виде низкой воронки с широкими отогнутыми полями с массивным валиком по краю устья (табл. 13: 31).

Ко второй половине V в. относятся также стаканы в виде усеченного конуса, бокалы на ножке, лампадки (табл. 13: 28, 30, 32). В склепах еще продолжают встречаться фибулы, вырезанные из цельной серебряной пластины (табл. 13: 14).

В склепе 78 найдена пара пластинчатых фибул нового вида со слегка вогнутыми краями в нижней части ножки и трапецевидной головкой. Как и предыдущие, они сделаны из тонкой раскованной пластинки. Однако массовый характер в это время приобретает распространение так называемых пальчатых фибул (табл. 13: 24–27). Многие десятилетия в литературе обсуждаются вопросы их хронологии и происхождения. Подробный анализ разноречивых мнений дан в работе, специально посвященной этим проблемам [Засецкая И.П., 1998. С. 394–478]. Кроме того, в ней представлена классификация боспорских пальчатых фибул, в основу которой положены особенности формы и орнамента. Боспорские пальчатые фибулы – не уникальное явление, они представляют собой определенную разновидность европейских фибул, известных в зарубежной литературе как “Bügelfibulen”, которые были широко распространены по всей Европе среди племен и народов германского происхождения в V–VII вв. Это обстоятельство заставило нас искать прототипы боспорских экземпляров в западноевропейских образцах. Изучение интересующего нас материала позволило сделать следующие выводы: появление и начало производства фибул на Боспоре относится еще к V в., вероятнее всего к его последней четверти. Время же бытования основной массы фибул следует ограничить первой половиной VI в. И лишь фибулы

одного вида (Вид III по нашей классификации) продолжают бытовать до конца VI в. н.э. Только эти, последние, встречаются в погребениях третьей хронологической группы раннесредневекового боспорского некрополя (вторая половина VI – начало VII в.), где они сочетаются с орлиноголовыми массивными пряжками и особого вида стеклянными колбообразными сосудами (табл. 13: 34, 35, 35a, 36; 12: 60, 62).

Пальчатые фибулы, а затем и орлиноголовые пряжки, которые составляют гарнитур женского украшения, являются типичными атрибутами германской одежды. Они не могли появиться на Боспоре просто как “дань моды”. Первое их появление здесь можно связать с определенным историческим событием – распадом “державы” Атиллы в 454 г. Гунны, потерпев поражение в схватке со своими бывшими союзниками гепидами, вынуждены были отступить к Понтийскому морю. Вместе с ними, вероятно, ушли те готы, которые сражались на стороне гуннов. Ко второй половине V в. относится появление в Северном Причерноморье большинства видов пальчатых фибул, получивших дальнейшее распространение в VI в. Вторая волна готского влияния на Боспоре раннесредневекового периода совпадает со временем падения остготского королевства в Италии во второй половине VI в., что характеризуется распространением здесь позднейшего вида фибул и орлиноголовых пряжек [Kazanski M., 1996. P. 324–337].

Наиболее яркими памятниками второй хронологической группы были склепы 52, 78, подбойная могила 19 и др. В подбойной могиле 19, из которой происходит наиболее ранний вид фибул (табл. 3: 26), были обнаружены два захоронения – мужское и женское. Дата их определяется краснолаковыми мисками, найденными в обоих комплексах: первая половина VI в. н.э. [Hayes J.W., 1972. P. 338, fig. 69, 17, 19, 23–25; Засецкая И.П., 1998. С. 427, 428, табл. XI, XII].

Склеп 78 с трапецевидной камерой, в котором обнаружено 14 погребений, судя по материалам, использовался со второй половины V в. до середины VI в. (табл. 1: 5) [Засецкая И.П., 1998. С. 431–432, табл. XIII, XIV, XV, XVI]. Наиболее ранние погребения содержат вещи второй половины V в. (табл. 13: 23, 28; 12: 36; 17: 9, 15). Наряду с этим здесь появляются вещи (табл. 2: 40, 45, 49, 38, 39), которые датируются концом V – рубежом V–VI вв. И, наконец, из склепа 78 происходят три пары разного варианта пальчатых фибул, относящихся к рубежу V–VI – первой половине VI в. (табл. 13: 24) и ко второй половине VI – началу VII в. (табл. 13: 34, 35).

Третья хронологическая группа (вторая половина VI – начало VII в.) характеризуется еще меньшим разнообразием материала. Ведущими категориями вещей являются пальчатые фибулы позднейшего варианта (табл. 13: 34, 35, 35a), массивные

крупные пряжки с боковым выступом в виде птичьей головы (табл. 12: 60, 63; 17: 21, 24), стеклянные колбообразные сосуды, представленные преимущественно одним вариантом с округлым туловом и высоким узким горлом, слегка расширяющимся к краю (табл. 13: 36) и поясные наборы (табл. 12: 52–59, 61, 62).

Как и в предыдущих группах, среди погребальных памятников встречаются земляные гробницы и катакомбы – склепы с коллективными неоднократными захоронениями, а также одиночные погребения, впущенные в разоренные и заброшенные склепы, как это имело место в склепах 152 и 163. Предположение Л.А. Мацулевича, что в склепе 152 находилось два хронологически последовательных погребения, не подтверждается археологическим материалом, так же как и датировка их V в. н.э. [Мацулевич Л.А., 1926. С. 41]. Из описания В.В. Шкорпила, автора раскопок, известно, что склеп к моменту открытия до половины высоты был заполнен землей, поверх которой покоилось нетронутое погребение с двумя массивными пряжками, пальчатыми фибулами позднейшего варианта, тремя одинаковыми колбообразными стеклянными сосудами с узким горлом и двумя гладкими браслетами [Шкорпил В.В., 1907. С. 39–41; Засецкая И.П., 1998. Табл. XVIII] (табл. 12: 60; 4: 35а, 36; 14: 25, 26). Вещевой комплекс этого погребения является типичным для третьей хронологической группы и датируется не ранее второй половины VI в. Найденные же при очистке склепа предметы, в том числе подобная пряжка с выступом в виде птичьей головы дунайского происхождения, отличаются от пряжек верхнего погребения орнаментом и некоторыми деталями формы, а также бронзовый канделябр, железные наконечники стрел, золотая серьга и др. [Засецкая И.П., 1998. Табл. XVII] (табл. 17: 11; 12: 22, 24; 12: 43) не могут рассматриваться как единый погребальный комплекс, поскольку обнаруженные в заполнении кости человеческих скелетов и, в частности, пяти черепов свидетельствуют о наличии нескольких первичных погребений. Судя по сохранившимся находкам, разрушенные погребения датируются в пределах конца V – первой половины VI в. [Засецкая И.П., 1998. С. 434–435].

Наиболее показательным памятником третьей хронологической группы является сохранившийся склеп 180, в котором оказалось семь погребений. От всех предыдущих склепов, как уже отмечалось, он отличается своеобразным расположением лежанок и северной ориентировкой погребений (табл. 11: 2). В большинстве случаев погребенные почти не имели сопровождающего материала. Лишь женское погребение 7 содержало сравнительно богатый погребальный инвентарь [Шкорпил В.В., 1907. С. 57–58; Засецкая И.П., 1998. С. 433–434, табл. XIX]. Среди инвен-

таря находились две пальчатые фибулы позднейшего варианта (табл. 13: 34), пряжка с выступом в виде птичьей головы боспорского производства (табл. 12: 60), браслеты (табл. 17: 26). За головой погребенных лежали вещи, принесенные, вероятно, в качестве посмертных даров, в том числе кинжал и поясной набор (табл. 12: 52–59, 61, 62) – обычные атрибуты мужских погребений. В склепе также были найдены стеклянные колбообразные сосуды нескольких вариантов (табл. 12: 31, 36, 37) и красная плоская тарелка на низком кольцевом поддоне (табл. 17: 12). Склеп датируется VI – началом VII в. Вероятно, это захоронение было наиболее поздним. Аналогии обнаруженному в нем поясному набору в боспорском некрополе представлены еще дважды: набором из гробницы 64/1873 и находкой 1867 г. на горе Митридата. Все три набора относятся к одному типу, характерному для второй половины VI – первой половины VII в. [Ковалевская В.Б., 1981. Рис. 61; Богачев А.В., 1992. С. 127–140. Рис. 27; Гавриутхин И.О., Обломский А.М., 1996. Рис. 82, 83].

Погребения третьей хронологической группы близки памятникам Сууксинского могильника, расположенного на юге Крыма у города Гурзуфа. Но, как справедливо отметил Л.А. Мацулевич, наиболее поздние керченские комплексы являются началом гурзуфского этапа, который относится ко второй половине VI – первой половине VII в. А.К. Амброз отрицает последовательность керченских и гурзуфских этапов, полагая, что они синхронны [Амброз А.К., 1966. С. 87, 88. Р. 6, 3; Амброз А.К., 1966а. С. 214].

Однако это не подтверждается археологическим материалом. Так, корреляция находок из комплекса второй половины V – начала VII в. боспорского некрополя показала, что пальчатые фибулы, являясь на Боспоре сравнительно массовым материалом и представленные значительным разнообразием видов и вариантов, бытовали в течение всего полуторавекового отрезка времени. При этом только один позднейший вариант их встречен с птичьеголовыми массивными пряжками. Но большинство пальчатых фибул с такого рода пряжками никогда не встречаются. В этом отношении показателен склеп 78, в котором представлены три вида фибул, в том числе и самый поздний вариант, и ни одной орлиноголовой пряжки.

Вообще предметы VII в. из боспорского некрополя крайне малочисленны и представлены в основном не комплексами, а случайными находками, что свидетельствует о запустении Боспора в это время. На юге Крыма, напротив, наблюдается оживление и рост населения. Такое положение вещей вполне объяснимо, если обратиться к историческим событиям VI–VII вв.

Как сообщает византийский историк Прокопий, при императоре Юстиниане I (527–565) на южном побережье Крыма были построены два укрепления (Алустон и Горзувиты), чтобы обезопасить населе-

ние горных долин от набегов степняков [*Прокопий из Кесарии*, 1939. С. 249–250]. Археологические открытия в южной части Крыма свидетельствуют о непрерывности и продолжительности жизни оседлых поселений на данной территории. Это подтверждается и Сууксинским могильником, в котором было открыто 110 погребений, охватывающих период с VI по VII в. [*Репников Н.Н.*, 1906. С. 1–80].

Совершенно иначе складывается в эти столетия судьба Боспора, который в течение всей своей истории находится, с одной стороны, под сильным давлением степных соседей, а с другой – под влиянием греко-римской культуры. Оставаясь длительное время самостоятельным государством, Боспор в начале VI в. утрачивает свою независимость. Из сообщения Прокопия известно, что “...автономные раньше боспориты...” признали над собой власть императора Юстина (518–527). Боспор сам искал

покровительства могущественного государства, способного защитить его от постоянных вторжений степных соседей. Византия же, для которой Боспор стал торговым пунктом для обмена с варварскими племенами, поддерживала его существование. Например, Юстиниан отстроил заново стены города для защиты его от разорений. Но Византия далеко и не всегда могла прийти на помощь Боспору. Близость последнего к степям, которые превратились в арену военных столкновений сменявших друг друга племен, мало способствовала экономическому и политическому процветанию города.

Вместе с ним захирел и некрополь. В значительной степени этому способствовала зависимость Боспора от христианской Византии. Христианская религия, а значит и погребальная обрядность сменили древние боспорские верования и погребальные обычаи.

Степь и Юго-Западный Крым

История региона во второй половине VI–VII вв. в значительной мере основана на археологических материалах. Вещи из состава синхронных закрытых комплексов, найденных на некрополях и на территории городов, крепостей и поселений, разделены на три хронологические группы (восьмую, девятую, десятую). Распределение вещей по группам в основном базируется на классификации больших двухпластинчатых и пальчатых фибул, орлиноголовых пряжек и металлических деталей ремней.

Большие двухпластинчатые фибулы из Крыма вырезаны из серебряной пластины или из белого металла. С обратной стороны они укреплены медными пластинами или стержнями. А.К. Амброз классифицировал их по декору, форме и пропорциям ножки [*Амброз А.К.*, 1966. С. 86–89, 91; 1988. С. 7] (табл. 19: 9, 18–20, 22, 27, 28, 40).

Фибулы с бордюром из птичьих головок из Крыма и Поднепровья многие причисляют к фибулам днепровского типа (табл. 19: 31). Близкие по стилю реалистично изображенные птичьи головки известны на фибулах из Скандинавии, Пруссии, Италии, Испании и Подунавья [*Åberg N.*, 1919. S. 73, 76, 77, 83, 84, 90]. Их производство возникло в Подунавье.

Среди литых двухпластинчатых фибул выделяются многоглавые антропоморфно-зооморфные и двуглавые зооморфные [*Амброз А.К.*, 1974. С. 354–355; *Рыбаков Б.А.*, 1953. С. 59]. По форме они делятся на четыре типа, три из них характерны для Поднепровья (табл. 19: 24, 25, 45) [*Айбабин А.И.*, 1990. С. 25, 26, рис. 13], один – встречен в Подунавье [*Kiss A.*, 1996. Abb. 34: 28].

Пальчатые литые фибулы с полукруглой головкой и ромбовидной ножкой с двумя выступами в

виде птичьих голов и четырьмя круглыми (табл. 19: 21) [*Айбабин А.И.*, 1990. С. 22, рис. 2: 167; 20: 5, 6] характерны для Подунавья [*Werner J.*, 1950. S. 153, 157, Taf. 29: 26, 28, 29; *Pallas D.*, 1981. Fig. 4: b, c; *Teodor D.G.*, 1992. Fig. 4: 5, 6; 5: 1, 2, 6].

В Горном Крыму многочисленны пальчатые и антропоморфно-зооморфные фибулы, аналогичные днепровским. По декору пальчатые фибулы разделены на два варианта: I – с концентрическими кружками с точками (табл. 19: 33, 42–44, 46), II – с S-видными завитками (табл. 19: 32, 41). Однотипные фибулы известны в Южной, Центральной и Северной Европе [*Åberg N.*, 1919. Abb. 66: 74; *Kühn H.*, 1965. S. 97, Taf. 63: 4, 47; 64: 4–13; *Werner J.*, 1950. Taf. 29: 26, 28, 29; 36: 4, 5; 38: 15, 18; 39: 23, 40: 36, 37; Abb. 4]. Декор фибул II типа является упрощенным вариантом украшения дунайских фибул [*Vinski Z.*, 1978. Taf. 8: 1, 2].

Орлиноголовые серебряные пряжки из Юго-Западного Крыма состоят из массивного пластинчатого кольца, украшенного при отливке одним или двумя рядами S-видных завитков и изображениями смотрящих одна на другую голов зверей, многогранного язычка и щитка с прямоугольным или трапециевидным выступом с птичьей головой. К передней стороне щитка припаяна и укреплена заклепками тонкая пластина, соединяющая его с кольцом. Между нижней частью этой пластины и щитком вставлялся конец широкого кожаного ремня. Его закрепляли бронзовыми гвоздиками. На кольце, на боковых сторонах язычка, по краям щитка на головке орла напаяны цилиндрические гнезда со вставками из красного, синего стекла, альмандинами или сердоликами. В центре напаяны прямоугольные или овальные гнезда со вставками

из зеленого или красного стекла. Торцы у некоторых язычков отлиты с фигурками зверей (табл. 19: 7, 8, 17, 35, 39, 49).

Для обоснования хронологии пряжек большое значение имеет эволюция длины верхней части пластины, соединяющей кольцо и рамку пряжки. У ранних пряжек короткая пластина, а у поздних – самая длинная [Амброз А.К., 1988. С. 5, 7, рис. 11]. Различия в длине позволяют разделить пряжки на 5 вариантов [Айбабин А.И., 1990. С. 19, 33, 34, рис. 2: 90, 91; 30: 2].

В погребениях могильников Суук-Су и Лучистого пряжки с короткой пластиной (длина 1–1,4 см), соединяющей кольцо и щиток, I варианта, в основном, найдены с вещами второй половины VI в., пряжки с пластинами II и III вариантов (1,5–2,2 см и 2,3–2,6 см) – с вещами первой половины VII в., а пряжки с длинной пластиной IV и V вариантов (2,8–3 см и 3,1–3,8 см) – с вещами второй половины VII в. [Айбабин А.И., 1990. С. 33, 34, 62, рис. 2: 136, 166; 33: 1; 34].

Большие серебряные пряжки с ромбовидным щитком (табл. 19: 36), украшенным четырехлепестковым или крестовидным гнездом со вставками светлого стекла и сделанными при отливке и подправленными резцом ромбом, S-видными завитками и зооморфными фигурами по конструкции, способу крепления на ремне, форме и декору кольца и язычка близки южнокрымским орлиноголовым пряжкам. Рассматриваемые пряжки А.К. Амброз считал продукцией крымских ювелиров – потомков переселившихся на полуостров гепидских мастеров. Декор крымских пряжек является сильно искаженным вариантом среднедунайских. Мастера наряду с элементами гепидского стиля (звериная голова с цветными вставками, клюющие орлы) использовали мотивы скандинавского звериного стиля (изображенные у основания щитка головы в профиль с широко раскрытой пастью, а по краям заостренной части щитка – парные фигуры лежащих зверей). Местные ювелиры сохраняли лишь общее впечатление от заимствованного декора, произвольно варьируя непонятными мелкими деталями, сильно искажая некоторые из них. Судя по длине пластины, соединяющей кольцо и щиток (не короче 3 см), данные пряжки синхронны орлиноголовым V варианта второй половины VII в. [Веймарн Е.В., Амброз А.К., 1980. С. 249–261].

С середины VI в. среди варваров – союзников Византии распространились геральдические пояса со свисающими узкими ремнями [Амброз А.К., 1973. С. 295, 298; Амброз А.К., 1981. С. 16]. Основной ремень застегивался металлической пряжкой, состоявшей из рамки и подвижной иглы. Многие пряжки делали со щитком, к которому прикрепляли конец основного ремня, а на концах ремней – наконечники. По технике изготовления и декору деталей поясные

наборы делятся на пять типов: I – с литыми орнаментированными деталями (табл. 20: 24, 25), II – с литыми прорезными и гладкими деталями (табл. 20: 1–23, 26–50), III – с литыми гравированными деталями (табл. 20: 74–85), IV – с деталями с инкрустацией и напаянным декором (табл. 20: 96, 97, 105), V – со штампованными деталями (табл. 20: 86–96) [Айбабин А.И., 1990. С. 52; 1999. С. 318, табл. XXXI].

Итак, для погребений восьмой хронологической группы показательны широкопластинчатые фибулы (табл. 19: 13, 14), двухпластинчатые фибулы, пальчатые фибулы керченского типа, южнокрымские орлиноголовые пряжки I варианта, большие пряжки с прямоугольным щитком с оттиснутым изображением креста, В-образные пряжки, пряжки с треугольной рамкой, пряжки с трапецевидной рамкой, детали геральдических поясных наборов I и II типа (табл. 19: 20), краснолаковые миски VI в. [Hayes J.W., 1972. P. 335, fig. 69: 17, 19, 23, 24; P. 345, fig. 71: 1–6, 14]. В Лучистом в склепе 77 в захоронении конца VI в. лежали большая пряжка с прямоугольным щитком и пальчатые фибулы типа Удине-Планис второго варианта [Айбабин А.И., 1999. С. 271, рис. 43: 2, 3]. Абсолютная дата инвентаря погребений восьмой группы устанавливается по южнокрымским орлиноголовым пряжкам I варианта второй половины VI в. и монете Юстиниана I 527–565 гг. из Суук-Су из склепа 56 [Айбабин А.И., 1990. С. 63, рис. 2: 81].

На некрополях в могилах девятой группы преобладают подвязные и литые широкопластинчатые фибулы, двухпластинчатые фибулы, пальчатые фибулы типов Керчь, днепровские фибулы, фибулы с бордюром из птичьих головок, литые двухпластинчатые фибулы, орлиноголовые южнокрымские пряжки II и III вариантов, большие пряжки с прямоугольным щитком 3-го, 4-го, 5-го и 6-го вариантов, В-образные пряжки, лировидные пряжки, пряжки с трапецевидной рамкой, цельнолитые пряжки с овальной рамкой и детали геральдических поясных наборов I и II типов, красноглиняные ойнохои и светлоглиняные лекифообразные кувшины. Хронология инвентаря захоронений девятой группы основана на монете 590/602 гг. из Суук-Су из могилы 77 и южнокрымских орлиноголовых пряжках II и III вариантов, сделанных в первой половине VII в. [Айбабин А.И., 1990. С. 63, 64, рис. 2: 90, 107] (табл. 19: 20).

Для захоронений десятой группы показательны малые пальчатые фибулы с ромбической ножкой с двумя выступами в виде птичьих голов, литые двухпластинчатые антропо-зооморфные фибулы, южнокрымские орлиноголовые пряжки, большие пряжки с ромбическим щитком, популярные в основном во второй половине VII в. византийские пряжки (лировидные, поздние варианты В-образных, и другие), псевдопряжки, детали поясных наборов II типа, геральдических поясных наборов

III типа, инкрустированные цветным стеклом детали поясных наборов IV типа, наконечники ремней с инкрустацией и штампованные детали поясных наборов V типа, аланские антропоморфные амулеты.

В многослойных склепах в Лучистом находки, типичные для комплексов десятой группы, находились в слоях, перекрытых слоями с вещами первой половины VIII в., но отсутствовали в нижних слоях. Для определения даты погребений данной группы важны орлиноголовые пряжки IV и V типов, большие пряжки с ромбическим щитком, крест, подобный византийским второй половины VII в. (табл. 19; 20). Некоторые украшения и детали поясных наборов аналогичны входящим в состав комплексов последней четверти VII в. из Келегей 1 и Перещепины [Айбабин А.И., 1990. С. 63, 64]. Очевидно, вещи из захоронений десятой группы датируются второй половиной VII в.

Суммируя вышесказанное, рассмотренные хронологические группы можно датировать: восьмую – 550–600 гг., девятую – 600–650 гг., десятую – 650–700 гг.

Находки, типичные для комплексов этих групп, выявлены на Загайтанской Скале (3)*, в крепостях Горзубиты (43) и Алустон (52), на могильниках Сахарная Головка (8), Черная речка (4), в окрестностях Балаклавы (2), Артек (46), Гугуш (47), Суук-Су (48), Симеиз (36), Кекенеиз (35), Ореанда (39), Терновка (13), Баштановка (24) и Скалистое (29), на городищах Чуфут-Кале (27), Мангуп (15), Эски-Кермен (14), Бакла (28) и на связанных с ними соседних могильниках, на плато Тепе-Кермен (25), в Лучистом (53).

Вещи и керамика, характерные для девятой и десятой групп найдены на некрополе и поселении в Малом Садовом (21) и в Кореизе (37), у подножия пещерных монастырей Шулдан (10), Чилтер-Коба (17) и Чилтеры (Мармара) (9), а для третьей группы – в Судак (62), в Партените (49), на могильниках в Узень-Баше (6), Ароматном (65), Большом Садовом (16), в Фыцках (26), Бал-Готе (42).

Во второй половине VI–VII вв. в Юго-Западном Крыму на многих некрополях зачищены погребальные сооружения тех же типов, что и известные во второй половине III – первой половине VI вв.: грунтовые ямы с покрытыми досками костяками, ямы с перекрытыми плитами заплечиками, могилы с одним или двумя подбоями и Т-образные в плане склепы. Во многих склепах в Херсоне, на склоне Сахарной Головки и Эски-Кермена, в Лучистом, Скалистом, у подножия Баклы на протяжении одного–полтора веков погребали до десяти–двадцати умерших. Видимо, такие склепы являлись родовыми усыпальницами, в которых хоронили представителей нескольких поколений одной семьи. На

Эски-Кермене с первой половины VII в. в скале вырубали могилы с антропоморфным углублением на дне. Умерших хоронили на спине головами на северо-запад или запад, со слегка согнутыми в локтях руками, со сложенными в области живота кистями и вытянутыми ногами [Айбабин А.И., 1993а. С. 127–129].

На некрополях в Суук-Су, на Бал-Готе и в урочище Гугуш раскопали христианские могилы, накрытые плитами, выпиленными из известняка или из сланца. Борта ям выложены такими же плитами. В ранних плитовых могилах лежали византийские пряжки второй половины VII в. [Айбабин А.И., 1993а. С. 128, 130].

Политика Византии в Юго-Западном Крыму хорошо описана Прокопием. По его словам, по повелению Юстиниана I на Южном Берегу построили укрепления в Алустоне и Горзубитах [Procopius, 1964. Vol. III, VII, 11]. Возможно, они предназначались для защиты судоходства [Амброз А.К., 1994/1995. С. 64]. В Гурзуфе на выступающей в море скале Дженевет Кая выявлены фундаменты гарнизонной казармы VI–VII вв. [Домбровский О.И., 1974. С. 9–13, рис. 4: 6]. В Алусте в 200 м от моря на вершине холма раскопаны остатки крепости. Ее куртины возведены из больших бутовых камней с ровной лицевой поверхностью, положенных в горизонтальные ряды на известняковом растворе. Толщина стен достигала 2,8 м, а высота – до 10,5 м. К внутренней стороне восточной куртины примыкало здание казармы из двух помещений. Из нижнего слоя извлекли фрагменты амфор VI – первой половины VII в. [Якобсон А.Л., 1979. С. 13–14] и краснолаковых мисок того же времени [Мыц В.Л., 1992. С. 172–176].

Археологические материалы, как нам представляется, позволяют вернуться к вопросу о локализации области Дори. Мнения по данной теме издавна высказывались самые разнообразные: Дори помещали на Южном Берегу [Кенпен П.И., 1837. С. 61; Tomaschek W., 1881. S. 15–17; Соломоник Э.И., Домбровский О.И., 1968. С. 44], там же и в горах от Чатыр-Дага до Мангупа и Эски-Кермена [Vasiliev A.A., 1936. P. 72, 73; Васильевский В.Г., 1909. С. 371–372; Тиханова М.А., 1953. С. 320–324; Якобсон А.Л., 1964. С. 11; Амброз А.К., 1994/1995. С. 64–65], с горах Юго-Западного Крыма [Ренников Н.И., 1932а. С. 138].

По Прокопию, готы жили в стране Дори, находящейся “...на этом побережье...”, т.е. на том же берегу Понта, что Херсон, Боспор и Горзубиты. В трех параграфах он так охарактеризовал страну готов: “15. Сама область Дори лежит на возвышенности. Почва эта не камениста и не суха, а очень хороша и приносит прекрасные плоды. 16. В этой стране император нигде ни города, ни крепости не

* Цифра означает номер памятника на карте (рис. 4).

построил, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда на равнине. 17. Так как казалось, что их местность легко доступна, оградив эти проходы длинными стенами, он избавил готов от беспокойств о вторжении врагов” [Соломоник Э.И., Домбровский О.И., 1968. С. 16–19]. Следуя тексту § 16, участок берега между крепостями Алустон и Горзубиты нельзя включать в Дори. Ведь в ней император не строил крепостей.

По наблюдениям Л.В. Фирсова, узкая полоска (2,5–3 км) побережья от Гурзуфа до Фороса отличается от описания Прокопия. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами вряд ли являлся плодородной равниной, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания семей трех тысяч воинов. По Прокопию, такое количество готов могло выступить в поход по призыву императора. Л.В. Фирсов обследовал находящиеся на перевалах Главной гряды фундаменты стен. Рядом с ними найдена только керамика IX–X вв. и более поздняя. Сами стены обращены лицевым панцирем к Южному Берегу и защищали нагорье от нападения со стороны побережья [Фирсов Л.В., 1979. С. 106–113].

Известно, что на Южном Берегу – близ Гурзуфа, в Ореанде и Симеизе, и в Горном Крыму – от Лучистого до Херсона, выявлены однотипные могильники. В рассматриваемый период на этих некрополях преимущественно погребали в характерных для алан склепах (катакомбах). Женщин хоронили в богатом уборе: с золотыми серьгами, ожерельями из янтаря и стеклянных бус, парой серебряных двухпластинчатых фибул на плечах, пристегнутых головками вниз, двумя серебряными или бронзовыми браслетами на руках и с широкими кожаными поясами, застегнутыми серебряными орлиноголовыми пряжками южнокрымского типа. Во второй половине VI в. пояса также застегивали большими пряжками с прямоугольным щитком [Репников Н.И., 1906. С. 12, 13, 15–17, рис. 5: 6; Айбабин В.И., Хайрединова Э.А., 1996. С. 86, 87, рис. 1; 4: 1, 2; 5]. Иногда гарнитуру дополняли ожерельем из золотых трапецевидных подвесок. Описанные украшения костюма и его детали по составу вещей и способу ношения фибул близки этнографическому женскому костюму остготов и визиготов. Мужчин хоронили в повседневной одежде, зачастую с византийскими воинскими поясами со свисающими узкими ремнями, к которым подвешивали железные ножи и кесеты с кресалом и кремнями. В некоторых кесетах лежали монеты, а в Суук-Су и рыболовные крючки. В Лучистом в нескольких захоронениях нашли пряжки и наконечники обувных ремней.

В антропологическом материале выделяются признаки готского этноса. По данным Г.Ф. Дебеца, в антропологических материалах с Эски-Кермена

имеется примесь европейской долихокранной расы [Дебец Г.Ф., 1948. С. 215–218]. Несомненно, данные могильники оставлены аланами и готами. Очевидно, территория от Алустона и Лучистого до устья реки Черной и Балаклавы называлась страной Дори.

Плодородные земли в бассейнах рек Черная, Бельбек, Кача, Альма, протекающих сквозь невысокие горы и плато Второй и Третьей горных гряд, и сами плато близки описанному Прокопием. Благосостояние жителей Дори основывалось на военной службе империи и земледелии. По расчету Л.В. Фирсова, в середине VI в., население области не превышало 60 000 человек [Фирсов Л.В., 1979. С. 109]. На многочисленность жителей Дори указывают десятки уже известных там некрополей. Рядом с могильниками в Гурзуфской котловине и некоторыми другими обнаружены связанные с ними сельские поселения [Якобсон А.Л., 1954а. С. 111, 120, рис. 48: 2–4; 50]. В материалах некрополей отсутствуют признаки большой имущественной и социальной дифференциации. Союзнические отношения с Византией стимулировали сохранение в сельских общинах Дори военной демократии [Амброз А.К., 1994/1995. С. 59].

В своем сочинении Прокопий сообщал о созидательной деятельности императора. Однако помимо поселений в области Дори были и крепости, основанные самими готами. В частности, в написанной при императоре Анастасии (в 491–518 гг.) несколько раньше Прокопия Латинской грамматике Присциана дважды упомянут городок у Понта Дори [Prisciani Grammatici, 1855. VI, 1. S. 195; VII, 1. S. 283]. В более поздних источниках в повествованиях о событиях начала и второй половины VIII в. сообщается о крепости Дори-Дорас, лежащей в готской земле [Vasiliev A.A., 1936. P. 91–92; Чичуров И.С., 1980. С. 31, 32, 124, 155, 163]. Специалисты по крымскому средневековью помещали городок и крепость и на Эски-Кермене [Репников Н.И., 1932. С. 134; Vasiliev A.A., 1936. P. 80], на Мангупе [Тиханова М.А., 1953. С. 320–325; Якобсон А.Л., 1964. С. 11; Герцен А.Г., 1990. С. 135–137] и в Инкермане [Сидоренко В.А., 1991. С. 117]. Однако на Эски-Кермене и в Инкерманской крепости нет следов какой-либо жизнедеятельности в V – третьей четверти VI в. Лишь на плато Мангуп выявлены усадьбы, одновременные Дори Присциана, и фортификационные объекты второй половины VI–VIII вв. Очевидно, там и находился город Дори.

Согласно Прокопию (§ 17), в области Дори византийцы строили оборонительные стены, которыми закрывали проходы через балки и ущелья. Одну из таких стен, перегораживающую 150-метровую балку Каралез (Сторожевая), раскопал В.А. Сидоренко у подножия Мангупа. Длина стены 150 м, толщина 2,3–2,4 м. Она сохранилась на высоту 2,5 м. Ее вплотную пристроили к вертикальным

известняковым обрывам, возвышающимся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. Стена сложена из двух рядов подогнанных друг к другу известняковых блоков. В центральной части имелись ворота. Пространство между внешним и внутренним рядами блоков заполнено залитым раствором из извести необработанными камнями. Стену венчали зубцы. По фрагментам керамики, извлеченной из накопившегося у стены слоя, ее можно датировать VI в. [Сидоренко В.А., 1991. С. 114–115].

При содействии администрации Юстиниана в Юго-Западном Крыму начали возведение базилик. Полагают, что в VI в. соорудили базилику на Мангупе [Тиханова М.А., 1953. С. 320–324; Якобсон А.Л., 1959. С. 196–197]. Археологические материалы позволяют отнести к позднеюстиниановскому периоду и другие храмы. Большая трехнефная базилика раскрыта в верховье балки Каралез [Сидоренко В.А., 1991. С. 114–115]. Ее возвели тогда же, когда и оборонительную стену. Храм разрушился под воздействием тех же селевых потоков, что и стена. Вскоре базилику вновь восстановили. По мнению А.Л. Якобсона, монументальные здания в Юго-Западном Крыму строили артели каменщиков из Херсонеса [Якобсон А.Л., 1959. С. 197]. Церкви в VI в. сооружали и сельские общины. Маленький одноапсидный храмик, функционировавший с VI в., раскопан на поселении близ крепости Горзубиты [Якобсон А.Л., 1954а. С. 111, 112, рис. 50].

Область Дори не пострадала от набега тюрков в 580 г. В регионе не обнаружены какие-либо разрушения, произведенные тюрками. Однако захват Боспора и демонстрация военной силы близ Херсона побудили Византию к созданию новых крепостей и оборонительных сооружений для своих союзников – жителей области Дори. Материалы раскопок в юго-западной части Второй гряды Крымских гор позволили датировать последней четвертью VI в. строительство крепостей на плато Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла и защитных сооружений на Тепе-Кермене.

Наиболее полно изучена оборона Эски-Кермена. Городище находится на плоской вершине столовой горы, окруженной глубокими балками (табл. 21: 1). Северный конец и восточная сторона плато крутые, западная в некоторых местах менее крутая, а южная более пологая. Его длина с севера на юг 1040 м. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам. Целиком раскопан южный узел обороны, состоящий из протейхизмы с двумя воротами (А, Б) и двумя калитками (Г, Д), главных ворот (В) с остатками предвратных боевых площадок (Ша, Шб), предвратной башней, оборонительной стеной, от которой сохранились вырубленные в скале “постели”, башенного

комплекса (П) и пещерных каземата и караульного помещения (I, IV). На восточной стороне плато раскрыты пещерные каземат и укрытия для караульных, укрепленная калитка, осадный колодец и довольно длинные участки оборонительной двухпанцирной стены с забутовкой. Внешняя и внутренняя облицовки стены сложены из плит на известковом растворе. Сверху она укреплялась большими плоскими блоками размером $1 \times 2 \times 0,35$ м. Высота стены до 2,8 м, толщина 1,7 м. На западной стороне плато обследованы пещерные башни и казематы, укрепленная калитка и отдельные участки двухпанцирной оборонительной стены. На северном мысу сохранился пещерный дозорный комплекс. В северной половине городища прослежена поперечная оборонительная стена [Айбабин А.И., 1991. С. 43–45]. Конструкция стен с двумя панцирями из блоков и забутовкой между ними характерна для позднеримских и византийских крепостей [Foss C., Winfield D., 1986. P. 25–27, 240, fig. 92]. Облицовочная квадратная кладка стен подобна кладкам стен провинциальных византийских укреплений VI–IX вв. [Lawrence A.W., 1983. P. 185–209; Lassus J., 1981. P. 13–16, fig. 21: 26–30, 90, 92, 162]. Такие элементы южного узла, как форма и позиция башни и протейхизма, обычны для ранневизантийской фортификации [Веймарн Е.В., 1958а. С. 10–27, рис. 4–7; Бобчев С.Н., 1961. С. 103–145; Овчаров Д., 1973. С. 11–23; Рашев Р., 1982; Lauffray J., 1983. P. 21, 142, 145, 147, 149, fig. 5; Воронов Ю.Н., Бгжаба О.Х., 1987. С. 117, 118, рис. 3]. В нижнем слое, накопившемся у оборонительной стены, содержались фрагменты амфор второй половины VI–VII вв. На центральном и восточном участках городского некрополя зачищены погребальные сооружения, поврежденные в процессе вырубки склепов и могил первой половины VII в. Стало быть, могильник возник в последней четверти VI в.

Мангупское плато (табл. 21: 4) возвышается на 250–300 м над уровнем подступающих долин. С севера и северо-востока оно прорезано тремя ущельями, ограниченными обрывами четырех мысов. Между ними лежат балки и расселины, по которым можно подняться на плато. По данным А.Г. Герцена, ранние укрепления образуют три крупных участка. На каждом из них куртины, пересекавшие балки, дополнялись выложенными из больших блоков боевыми площадками с брустверами и стенами на склонах, доступных для подъема. Стены предназначались для ведения флангового и фронтального обстрела наступающих. О стенах можно судить по куртине, исследованной А.Г. Герценом в балке, разделяющей два мыса плато, – двухпанцирная с забутовкой из рваного камня, залитого известковым раствором с песком и небольшой добавкой цемента. Она построена на специально подтесанной материковой скале. Лицевой панцирь сло-

жен из хорошо подогнанных друг к другу квадров размером от $0,92 \times 0,65$ до $0,29 \times 0,45$ м. На всем протяжении куртины выдерживалась рядность кладки. Тыльный панцирь выложен бутовыми камнями с подтесанной наружной стороной. Толщина куртины 1,8 м [Герцен А.Г., 1990. С. 103–111]. Куртина по конструкции и технике кладки лицевого панциря аналогична стенам Эски-Кермена, Херсона и других византийских крепостей. За куртиной в скале вырублено помещение для сторожей. А.Г. Герцен исследовал на плато усадьбы, в засыпи которых находились фрагменты амфор, краснолаковых и стеклянных сосудов V–VII вв., и крепостные стены. По его утверждению, византийцы начали строительство укреплений на плато только во второй половине VI в. [Герцен А.Г., 1990. С. 133].

Плато Чуфут-Кале поднято над уровнем окрестных долин на 200 м. Три его стороны представляют собой вертикальные обрывы высотой до 50 м. Раннесредневековая система обороны городища уничтожена в процессе поздних перестроек. Возможно, в нее входили стены, перегораживавшие расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато и вырубленные в скале над расселинами пещерные помещения для стражи. Перед входом в некоторые из них в скале высечены площадки для наблюдателей. Той же цели служили пещеры у сооруженных в поздний период Южных ворот. Рядом с ними выявлены постели от снесенной ранней стены. Самое узкое место на плато от обрыва до обрыва перегораживает Средняя стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в. На ее южном фланге сохранился нижний ярус характерной для византийских крепостей лицевой кладки из одного–трех рядов известняковых квадров размером $1 \times 0,7$ м. В раннесредневековое время, возможно, были высечены и рвы, зачищенные перед Средней стеной [Якобсон А.Л., 1974. С. 110–114, рис. 1]. На плато за западной позднесредневековой стеной в одном из раскопов зачищен угол дома и найдены мелкие фрагменты амфор VI–IX вв. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты оборонительными стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смыаемый с плато. В нижней надскальной части слоя обнаружены мелкие обломки керамики VI в. [Веймарн Е.В., 1968. Рис. 21: 3, 5–7; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М., 1992. С. 184–185]. Ниже по склону находится принадлежавший жителям плато могильник. На его территории самый ранний склеп с золотым субэратным подражанием монеты с изображением Юстиниана I 527–565 гг. [Кропоткин В.В., 1958. С. 210] перекрывала подбойная могила с большой пряжкой с прямоугольным щитком и двухпластинчатыми фибулами первой половины VII в. Таким образом, поселение на плато и некро-

поль на склоне возникли не раньше конца VI в., тогда же построили его первые оборонительные стены [Айбабин А.И., 1990. С. 64, 68].

Городище Тепе-Кермен занимает изолированное плато, на высоте 420 м над уровнем моря соединенное седловиной с горным массивом. С юга и запада плато ограничено вертикальными обрывами высотой 8–12 м. На городище можно пройти по северному и северо-восточному склонам. Для контроля за ними использовали сторожевые пещерные помещения, такие же как и ранние пещеры Эски-Кермена и Чуфут-Кале. В северной части зачищен участок высеченной в скале дороги, вырубки от ворот, постели и сохранившийся на месте блок ($0,8 \times 0,4 \times 0,4$ м) от ограды. Время основания городища определяется по немногим фрагментам амфор второй половины VI–XII вв. [Талис Д.Л., 1976. С. 98, 103; рис. 4: 3, 4].

Городище Бакла находится на высоком плато, границами которого с запада и востока являются известняковые гряды высотой 15–20 м, а с юга – обрыв. Площадь городища 0,8 кв. км. С юго-запада и северо-востока между обрывом и грядой к городищу круто поднимаются две дороги. Вначале в V в. на плато возникло неукрепленное поселение, в первой половине VI в. там соорудили винодельню, в конце того же века на вытянутой вдоль обрыва возвышенности (ширина до 60 м, длина до 200 м) с крутыми откосами возвели цитадель. Д.Л. Талис выделил на ней два строительных периода. Первую стену цитадели возвели в V в., а в VII в. разрушили. До ее строительства был ликвидирован и засыпан ранний винодельческий комплекс. За время существования сооружений двух строительных периодов образовался слой зеленого цвета, в котором обнаружены фрагменты краснолаковых сосудов V–VII вв., двуручных красноглиняных кувшинов с росписью ангобом второй половины VIII в., красноглиняных ойнохой VII–IX вв., амфор VI–VII вв. и второй половины VII–VIII вв. Керамика документирует накопление слоя в период с V по начало VIII в. Поскольку в слое нет керамики, типичной лишь для V и VIII вв., то его хронологические рамки можно сузить до VI – начала VIII в.

К раннесредневековому периоду Е.В. Веймарн отнес также наземные оборонительные сооружения, раскопанные им в устье р. Черная на юго-западной окраине Инкермана на мысу скалы с двумя обрывистыми сторонами, рядом с поздней башней крепости Каламита, построенной в 1427 г. Он расчистил более ранний высеченный в скале участок дороги, а также вырубки для ворот и ров, созданный в результате выборки камней для стен. По его мнению, данный узел аналогичен и одновременен открытому на Эски-Кермене [Веймарн Е.В., 1958а. С. 56–62, рис. 3–5].

Синхронные крепости жилые усадьбы раскопаны только на Мангупе экспедицией А.Г. Герцена. На

Эски-Кермене ранний культурный слой сохранился лишь у стен. Скорее всего, первые дома были уничтожены в процессе более поздней жизнедеятельности. В сброшенном на склоны плато слое содержались фрагменты сосудов второй половины VI–VII вв. На плато Чуфут-Кале выявлена незначительная часть раннесредневековой постройки [Веймарн Е.В., 1968. С. 69]. На Бакле посад находился рядом с цитаделью. Там обнаружены остатки фундаментов нескольких жилых построек с фрагментами амфор VI–VII вв. [Рудаков В.Е., 1975. С. 25].

Об этносе жителей рассматриваемых крепостей свидетельствуют связанные с ними некрополи. Как отмечалось выше, по конструкции погребальных сооружений, обряду захоронения в них и инвентарю крепостные могильники не отличаются от других известных в области Дори аланских и готских.

Видимо, в крепостях уже с конца VI в. находились резиденции племенных вождей. Большая часть площади крепостей осталась незастроенной. Во время военных действий там могли найти убежище и жители окрестных поселений. В крепости на Эски-Кермене были созданы не связанные с домами крупные зерновые склады. В многочисленных вырубленных в скале ямах, имевших форму пифосов емкостью более 500 л и закрывавшихся каменными крышками, вмещались десятки тонн зерна [Репников Н.И., 1932. С. 199]. Судя по некрополям Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы и Мангула, воины жили в крепостях вместе с семьями.

На могильниках области Дори с начала VII в. в мужских захоронениях многочисленны обычные для византийских союзников воинские геральдические поясные наборы II и III типов, отлитые из серебра и бронзы, а также V типа, штампованные из тонкой пластины. Воины были вооружены двулезвийными кинжалами, узкими однолезвийными и двулезвийными палашами и саблями со слегка изогнутым клинком. В Скалистом обнаружены костяные обкладки сложносоставных луков и железные ромбовидные трехлопастные и плоские треугольные наконечники стрел [Айбабин А.И., 1993а. С. 123, рис. 7, 31]. В Чуфут-Кале в склепе VII в. лежали обрывки кольчуги и железные пластины от шлема [Кропоткин В.В., 1965. С. 110]. В Скалистом, Лучистом, Чуфут-Кале, на склоне Эски-Кермена найдено несколько обломков железных уздечных грызл с подвижным кольцом или кольца от удила. На склоне Сахарной Головки из разрушенного погребения аланского всадника извлекли удила с двойными кольцами на конце, бронзовые псалии, уздечную пряжку и плакированные золотой фольгой накладки на ремни второй половины VII в., аналогичные известным в степи и на Северном Кавказе [Айбабин А.И., 1982. С. 194, 195, рис. 5: 3–7].

Представление о мужском костюме воина дает литая бронзовая кольцевидная бляха с тремя вы-

ступами, обнаруженная в могильнике у Лучистого в одном из женских захоронений второй половины VII в. (табл. 22: 21). Внутри кольца помещена фигура мужчины с разведенными в стороны согнутыми в локтях руками и расставленными согнутыми в коленях ногами. На лице видны брови, углубленные слегка раскосые глаза, широкий приплюснутый нос, рот и подбородок. Он одет в короткую рубашку или куртку и штаны, заправленные в короткие сапоги. На куртке острием процарапаны линии, обозначающие портупейные ремни. На голове шапка, похожая на треуголку. Ее загнутые края украшены височными подвесками со вставками [Айбабин А.И., 1990. С. 70, рис. 55: 1]. Две довольно похожие бляхи с фигурками человека в круге происходят из Поднепровья и Венгрии [Бобринский А.А., 1911. Рис. 19; Garam E., 1995. S. 328, Taf. 71: 5; 225: 5]. Подвески со схематизированными антропоморфными фигурками в круге встречены в аланских погребениях Северного Кавказа [Ковалевская В.Б., 1983. Рис. 1: 10–16].

В VII в. и мужчины, и женщины застегивали поясные и обувные ремни и сумки литыми бронзовыми и серебряными пряжками византийского круга. Стали модными различные византийские серьги, перстни, ожерелья и их местные копии. Несколько изменился женский гарнитур. Широкие пояса застегивали орлиноголовыми пряжками II и III вариантов с более длинной соединяющей кольцо и рамку пластиной и большими пряжками с прямоугольным щитком с имитацией кербшитного декора, со штампованным изображением креста и с тисненными львами или пантерами [Хайрединова Э.А., 2000. С. 108] (табл. 22: 23). Иногда одежду на плечах еще застегивали парой больших двупластинчатых фибул или пальчатых привозных германских, боспорских с концентрическими ромбами на ножке и фибул типа Удине-Планис. Преобладали же пары двухпластинчатых фибул, широкопластинчатых подвязных бронзовых или железных фибул или пары днепровских пальчатых и антропоморфных. Как правило, в захоронениях лежали две разнотипные днепровские фибулы.

С середины VII в. в обиходе появились орлиноголовые пряжки IV, V вариантов и с ромбовидным щитком с длинной соединительной пластиной [Амброз А.К., 1994/1995. С. 52]. Женщины уже, в основном, не носили двупластинчатые фибулы. Классический остроготский женский гарнитур зафиксирован лишь в нескольких захоронениях в Лучистом и Суук-Су. С орлиноголовыми пряжками IV и V вариантов встречены днепровские пальчатые и антропо-зооморфные фибулы.

Изредка использовались и византийские поясные пряжки. В Лучистом и Эски-Керменском могильниках они встречены вместе с двупластинчатыми фибулами с зооморфным резным декором или литыми малыми пальчатыми фибулами на

плечах. Оба комплекта аналогичны костюмам VII в. из Византии [Pallas D., 1981. P. 298, fig. 4].

Дети и подростки носили комплекты украшений, подобных содержащимся вкладах из Поднепровья и Подонья, зарытых славяно-кочевническом пограничье. В отличие от Поднепровья, в Лучистом зафиксировано место находки каждого украшения. На височных костях нашли бронзовые серьги, в области шеи – разноцветные стеклянные и янтарные бусы, пониже лопаток на ребрах – бронзовые пальчатые фибулы, соединенные бронзовой цепочкой с колокольчиками, рядом с левой фибулой и ниже правой фибулы – бронзовые трубочки, одетые на тонкую веревку, в области груди – круглые бляхи с полусферическим выступом, закрепленные на лежащую горизонтально трубочку. Под плечевыми костями – трапециевидные бляхи, на правой локтевой кости – бронзовый браслет, в области таза – железный нож и перстень (табл. 22: 22).

В другой гарнитур вместо круглых блях входят прямоугольная бляха и подвески из толстой бронзовой проволоки со спирально закрученными концами. Подобные гарнитуры известны в Венгрии и Восточной Пруссии [Айбабин А.И., 1990. С. 71, 72; Гавриутхин И.О., Обломский А.М., 1996. Рис. 57; 58: л, м].

Жители крепостей и неукрепленных поселений, выявленных в Лучистом, в окрестностях Баклы [Рудаков В.Е., 1975. С. 27], в Байдарской долине в Бобровке [Якобсон А.Л., 1970. С. 59, 60, 64, 74], на р. Бельбек в Малом Садовом [Омелькова Л.А., 1990. С. 90], на Южном Берегу близ Гурзуфа [Якобсон А.Л., 1954а. С. 111, 120] и в Партените выращивали хлебные злаки, производили вино, занимались огородничеством и отгонным скотоводством, а на побережье и рыболовством. В одном из склепов в Лучистом найден железный серп, там же в других склепах и в Скалистом обнаружены миски с зерном и ойнохой с винным осадком на стенках. В Партените в усадьбах, сооруженных в VII в., раскопаны домашние винодельни с давяльнями, стоками, отстойными ваннами и семью–девятью пифосами емкостью по 450–650 л с винным камнем на стенках [Паришина Е.А., 1991. С. 92]. На всех поселениях делали для своих нужд лепную керамику. На Эски-Кермене зафиксировано существование с середины VII в. стеклоделательной мастерской [Айбабин А.И., 1976. С. 29]. Ювелиры Дори с рубежа VI–VII вв., наряду с названными выше вещами, изготавливали изделия, в декоре которых сочетались искаженные элементы скандинавского звериного и дунайского гепидского стилей. Так декорированы серебряные фибулы из захоронения конца VI в. из склепа 36 из Лучистого и большие пряжки с ромбическим щитком второй половины VII в. [Айбабин А.И., 1990. С. 24, 25, 35, 71, рис. 21: 36]. Ремесленники по импортам из Херсонеса и других византийских центров отливали из серебра и бронзы

разнообразные поясные и обувные пряжки, детали поясных наборов, крестики, серьги, кольца и перстни [Амброз А.К., 1994/1995. С. 54, 55, рис. 2; 10; Айбабин А., 1993. P. 166, fig. 7: 1–3, 6]. Они копировали и привезенные из Поднепровья пальчатые фибулы и серьги. Из Лучистого происходят пробная свинцовая отливка такой серьги и бракованные днепровские пальчатые фибулы I варианта.

На поселениях жилые усадьбы рассматриваемого времени сохранились только в Партените. Они состояли из двух–трех помещений площадью 25–30 кв. м, небольшого дворика или вымощенной площадки с крытым водостоком. Стены сложены в два панциря из равномерного необработанного камня с перевязкой углов и забутовкой мелкими камнями и обломками керамики на растворе из земли с большим процентом глины. Камни фасадов подтесаны. Усадьбы были двухэтажными. Нижние помещения использовались для хозяйственных нужд, а в верхних жили [Паришина Е.А., 1991. С. 69, 70].

В конце VI–VII вв. упрочилось положение христианской церкви в Юго-Западном Крыму. В крепости Эски-Кермен византийцы возвели большую трехнефную базилику [Айбабин А.И., 1990. С. 45] (табл. 21: 3). Базилику, вероятно, построили и на Чуфут-Кале. На плато и на его склоне в разные годы найдены три мраморные коринфские капители от ее архитектурного убранства [Веймарн Е.В., 1968. С. 61]. Уже с середины VI в. обретает популярность христианская символика. Аланы и готы носят пряжки и перстни с христианским декором и монограммами, кресты, амулеты. Судя по изображениям на перстнях и амулетах из Лучистого, Сук-Сук, Эски-Кермена и Скалистого, особо почитались святые Георгий и Мина [Айбабин А.И., 1990. С. 68, 69, рис. 55: 2, 3]. Под влиянием христианства появляются изменения в погребальном обряде. С VII в. на Южном берегу хоронят не только в склепах, но и в обычных для византийских христиан плитовых могилах. На некрополях устанавливаются христианские надгробия. Однако обряд захоронения все еще мало отличался от прежнего. Вероятно, приходы области Дори принадлежали Херсонской епархии.

Происходящие из раскопок крепостей, поселений и некрополей немногочисленные византийские и херсоно-византийские монеты [Соколова И.В., 1968. С. 262; Айбабин А.И., 1982. С. 186, 187], декоративные мраморы, амфоры и краснолаковые сосуды, сделанные в Византии стеклянные рюмки и бокалы [Chavane M.-J., 1975. P. 57, 62, pl. 18; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. С. 194], украшения, поясные наборы документируют торговые и иные контакты населения Дори с Херсоном и многими регионами империи. Существование торговли с Боспором, Подунавьем подтверждают произведенные там и импортированные в область Дори пряж-

ки, фибулы и украшения. В Лучистом даже найдена иранская гемма VII в.

Распространение в Юго-Западном Крыму днепровских пальчатых и антропоморфных фибул и украшений свидетельствует об установлении экономических связей с Поднепровьем. Их развитию способствовала обстановка, сложившаяся в Северопричерноморской степи и в Приазовье в первой половине VII в. По сообщению Никифора, между 634 и 640 годами правитель болгар Куврат восстал против авар, изгнал их из своих земель и заключил мир с Византией. Ираклий возвел его в патрикии [Чучуров И.С., 1980. С. 153/161]. Видимо, в VII в. известных авторам

VI в. Прокопию, Агафию и Менандру утигуров стали называть булгарами, а кутригуров – котрагами. В Приазовье и на пролежавших через крымскую степь маршрутах перекочевок выявлены их захоронения VII в. в могилах, выкопанных в насыпях ранних курганов, найдены детали поясных наборов и пряжки как первой – Рисовое 2, так и второй половины VII в. – Рисовое 3, Богачевка, Наташино и одновременные антропоморфные амулеты – Айвазовское, Белосарайская коса [Айбабин А.И., 1999. С. 163, 164]. С созданием в Приазовье нового независимого объединения племен степи Северного Причерноморья оказались под контролем союзников Византии.

Херсон

При Юстиниане I Херсон являлся и отдаленным византийским провинциальным городом, и крупнейшим форпостом империи в Юго-Западном Крыму. Город, вероятно, управлялся викарием – начальником византийского гарнизона, которого со времени правления Зинона назначали из Константинополя. На херсонских монетах периода Юстиниана I помещалась надпись “полис Херсона”. Она свидетельствует о функционировании в Херсоне, так же как и в других городах империи, полисной администрации [Соколова И.В., 1983. С. 112, 113], подчинявшейся викарию. Горожане выполняли морскую повинность [Corpus juris civilis, 1895. Nov. CLXIII, cap. II. P. 751].

Юстиниан I восстановил разрушенные стены Херсона. Это подтвердили археологические раскопки. Были реконструированы ключевые узлы городской оборонительной системы. В портовом районе в V–VI вв. построили вновь куртины XXV и XXVI и башню 23 на их стыке (рис. 3). Необходимую для данных работ известку гасили в известковой яме, выкопанной рядом с куртинами. На ее дне найдена монета Юстиниана I. Стены башни поставлены на слой глины, специально насыпанный на песчаный грунт [Антонова И.А., 1996. С. 116, 188]. В глинистом слое внутри башни содержались фрагменты светлоглиняных и коричневоглиняных с сужением корпуса амфор, известных в Херсонесе с VI в. [Антонова И.А., 1971. С. 104; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. С. 16–20] (Табл. 23: 3, 4, 7). Судя по керамике, извлеченной из нивелировочной засыпи в районе юго-восточного участка обороны, строительные работы здесь проводились во второй четверти VI в. [Голофаст Л.А., 1996. С. 77–78]. Тогда же осуществили четвертую перестройку главной городской башни (рис. 3: 176). В забутовке четвертого строительного периода находились фрагменты светлоглиняных амфор типа Якобсон 1 и монета Юстиниана I [Стржелецкий С.Ф., 1969. С. 21, 23, рис. 2]. Одно-

временно отремонтировали куртину, примыкающую к ней башни XVIII/1 и XVIII [Антонова И.А., 1976. С. 5–7].

На западном участке, присоединенном к городу в начале VI в. (рис. 3), был создан новый оборонительный узел (табл. 24: 1). Первоначально, в начале VI в., его оградил стеной, к которой пристроили хозяйственное помещение (1). Одновременно соорудили рыбозасолочную цистерну. Через некоторое время возвели прямоугольную башню 16 и удвоили толщину куртины I. Вдоль них в материковой скале начали вырубать широкий и глубокий ров (табл. 24: 1, 2), но строители, наткнувшись на своем пути на несколько больших позднеримских склепов (табл. 24: 2), оставили ров незавершенным. Из накопившегося у куртины первого слоя и из нижней части засыпи рва извлекли монеты Юстиниана I и краснолаковые североафриканские миски со штампованными крестиками и птицами [Антонова И.А., 1963. С. 63; 1990. С. 21].

Весьма сложно реконструировать топографию города VI в. Многие раннесредневековые дома уничтожили строители IX–XIV вв. Судя по выявленным во всех его районах остаткам жилых и хозяйственных помещений, производственных объектов VI в., Херсон унаследовал от античности планировку прямоугольными кварталами с прямыми улицами с канализацией и водопроводом из глиняных труб. Его главная улица длиной около 1 км и шириной 6–7 м пересекала город с юго-запада на северо-восток [Якобсон А.Л., 1964. С. 19]. Археологические раскопки зафиксировали крупные строительные работы, производившиеся в годы правления Юстиниана I на всей территории города. По мнению А.Л. Якобсона, юстиниановский город отличался от позднеантичного, во-первых, более плотной застройкой, а во-вторых, доминированием возведенных в тот период базилик [Якобсон А.Л., 1959. С. 131, 285]. С 1950-х годов ведется реставрация городских базилик и храмов. В процессе новых

раскопок и предреставрационного изучения их фундаментов стен и полов установлено, что большинство базилик и два крепостных храма построили не в VI в., а позднее. Лишь несколько крупных базилик возвели в интересующий нас период.

Западную базилику, входящую вместе с часовней, крестообразным зданием и часовней-усыпальницей в единый культовый комплекс, возвели на присоединенной к городу территории (табл. 24). С началом строительства базилики, ограду участка укрепили вторым поясом и засыпали цистерну [Антонова И.А., 1963. С. 61, 63]. Постройка базилики и реконструкция стены датированы по монетам Юстиниана I и керамике не ранее второй четверти VI в. Базилика трехнефная с большим залом с двумя колоннадами из девяти колонн, полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой, нартексом и, видимо, вторым открытым нартексом (табл. 25: 1). К ее южной стороне примыкает галерея с апсидой. Пол среднего нефа вымощен мраморными плитами, а полы боковых нефов покрыты мозаикой. Видимо, у базилики было стропильное перекрытие с черепичной кровлей. В перевязь с восточной частью северной стены здания возведена прямоугольная крещальня с широкой апсидой. К ней в значительно более позднее время пристроен крестообразный мавзолей с усыпальницей. Рядом расположена одноапсидная часовня. С культовым комплексом связан склеп, высеченный в незавершенном рву у первой куртины (табл. 24: В). Его закрывала закладная плита с крестом с раздвоенными концами и надписью VI–VII вв. – “Да упокоишь здесь, Господи, раба божьего Гота” [Голофаст Л.А. и др., 1991. С. 30, № 15; Яйленко В.П., 1987. С. 168].

А.Л. Якобсон синхронизировал с Западной базиликой близкие ей по декоративному убранству и композиции базилики, открытые в XIX в. на северном берегу: “Уваровская базилика” (табл. 8: 3), “Северная”, “базилика 1932 г.” (табл. 25: 2, 3), “базилика 1935 г.” (табл. 26), в центре города (базилика № 28), в восточном районе (табл. 25: 4). Тогда же возвели и так называемую базилику на холме Б (№ 14) (рис. 3: 17, 27, 29, 39, 44). Судя по технике кладки зданий, все они строились местными артелями каменщиков [Якобсон А.Л., 1959. С. 183, 188].

Начался растянувшийся более чем на столетие процесс формирования нового раннесредневекового города. Кроме базилик строились жилые дома, открытые в нескольких кварталах вдоль Северного берега. В одном из них при нивелировке участка в рыбозасолочную цистерну на слой рыбы сбросили землю, содержащую фрагменты амфор VI в., монеты Зиновия, Анастасия и Юстиниана I [Белов Г.Д., 1941. С. 222, 223, рис. 36]. В квартале XV в засыпи цистерны Б и разрушенных позднеримских домов поздними были монеты Юстиниана I [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., 1953. С. 79–84]. В квартале

XVII в в заполнении цистерны В находились монеты первой половины VI в., фрагменты краснолаковых мисок со штампованными крестами, амфор, бытовавших в Херсонесе со второй четверти VI в. [Белов Г.Д., Якобсон А.Л., 1953. С. 118, рис. 10]. В первой половине VI в. в квартале XVIII ликвидировали два винодельческих комплекса. Один из них приспособили под кладовую. На дне его резервуаров и давяльной площадки установили пифосы. В яме, сделанной в цементном полу давяльной площадки, обнаружена амфора V–VI вв. [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. С. 203, 204, рис. 51: а]. В процессе новой нивелировки квартала кладовую с пифосами засыпали слоем земли, из которого извлекли амфоры VI–VII вв. В северо-восточной части городища при новой застройке квартала II в одну из цистерн сбросили слой мусора с фрагментами краснолаковой керамики и амфор первой половины VI в. [Рыжов С.Г., 1986. С. 130]. Одновременные слои обнаружены в нескольких помещениях в портовом районе [Романчук А.И., Сазанов А.В., 1991. С. 8] и над руинами античного театра [Домбровский О.И., Паршина Е.А., 1960. С. 37].

Сам факт осуществления в городе столь значительных строительных работ свидетельствует о процветании городской экономики. Хотя строители VI в. обычно использовали камень из разобранных ранних домов, новостройки, конечно же, нуждались и в дополнительном количестве камня, в кровельной черепице, кирпичах, оконном стекле. Очевидно, все эти материалы производились в городе и его окрестностях. Рядом с крупными объектами (башнями, куртинами, базиликами) сооружались известеобжигательные печи и устраивались ямы для гашения извести.

Имеются сведения и о других отраслях экономики. Херсон поставлял в империю суда и корабельную оснастку [Corpus juris civilis, 1895. Nov. CLXIII, сар. П.Р. 751]. На Северном берегу в районе XXV и XXVIII кварталов находились стеклоделательные мастерские [Голофаст Л.А., 1998. С. 324]. Для новых больших хранилищ сельскохозяйственной продукции, таких как раскопанное в квартале XVIII, изготавливали пифосы. В VI в. в городе продолжали засолку рыбы не только в цистернах, созданных в более раннее время, но и строили новые (например, в районе античного театра). По подсчетам А.И. Романчук, в городе в VI в. одновременно функционировали 10–11 цистерн, вмещавших приблизительно 9900 ц рыбы. Рыбу в цистерны загружали дважды в год, в осеннюю и весеннюю путины. Скорее всего, такое количество рыбы производили не только для собственного потребления, но и на вывоз [Романчук А.И., 1976. С. 16–18]. При обработке рыбы потреблялось большое количество соли, которую, наверное, добывали в окрестных соляных озерах, существовавших до XIX в. На тер-

ритории городской хоры на Гераклейском полуострове раскопаны усадьбы индивидуальных землевладельцев. Они выращивали зерно, виноград, овощи [Яшаева Т.Ю., 1994. С. 79–80].

В первой половине VI в. в Херсоне местные мастера копировали привезенные из Средиземноморья трехчастные литые пряжки с овальным кольцом, с трехгранным язычком и щитком. С середины VII в. в городе появились большие пряжки с прямоугольным щитком, с вытисненным в его центре крестом (табл. 19: 8). По форме и конструкции язычка и щитка они близки германским (табл. 19: 1, 3, 4), но декорированы византийскими крестами. Подобные пряжки встречены только в Херсоне и Горном Крыму. Скорее всего, они сделаны в херсонских мастерских [Айбабин А.И., 1990. С. 36, 71, рис. 2: 68; 28: 1; 37: 5, 7–9, 11–13].

В экономике Херсона большую роль играла торговля с другими регионами империи, с соседями и кочевниками. Для украшения новых базилик в город привозили цветную смальту для мозаик, изготовленные в императорских мастерских Проконнеса мраморные капители, колонны, плиты, алтарные преграды и другие детали [Якобсон А.Л., 1959. С. 132, 152]. Из причерноморских и средиземноморских городов импортировались краснолаковые сосуды, амфоры, стеклянные изделия, пряжки, а из Подунавья, Остроготского королевства в Италии и Боспора – фибулы, пряжки и украшения [Айбабин А.И., 1990. С. 71; Романчук А.И., Сазанов А.В., 1991. С. 47]. Херсон был крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, пролежавшем из Синопы в Крым и далее вдоль южного и восточного берега или по суше в степь. О плавании византийцев по этому пути писал Менандр [Blockley R.C., 1985. Fr. 19.1. P. 171, 173, 275]. По Иордану, в Херсон доставляли свои товары и купцы из Азии [Иордан, 1960. С. 71]. Херсон был главным экономическим партнером для жителей Дори, которые снабжали его недостающей сельскохозяйственной продукцией. Через Херсон же на территорию Дори поступали необходимые товары (в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, раковины каури и другие украшения, декоративные мраморы) из Византии, Северной Италии, Подунавья и других мест. В торговых сделках с жителями Дори наряду с византийскими монетами использовали и херсонские. В Суук-Су и Скалистом найдены херсоно-византийские монеты Юстиниана I [Кропоткин В.В., 1962. С. 33; Соколова И.В., 1968. С. 262; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. С. 167].

В ответ на вторжение тюрков в Причерноморскую степь в 571 г. и захват в 576 г. Боспора администрация Юстина II (565–578) реорганизовала командование византийскими войсками в Крыму и усилила оборону Херсона. Город стал резиденцией дуки – командира всех византийских войск в Кры-

му. Такое предположение можно, сделать, основываясь на фрагменте надписи, найденной у южной оборонительной стены: “Была построена стена (или башня)... при (благочестивейших наших владыках Юстине) и Софии... и при (деятельности)... дука (Херсона)... светлейшего Феагена” [Соломо-ник Э.И., 1986. С. 213, 214]. Надпись фиксирует появление в городе дуки [Цукерман К., 1994/1995. С. 560]. В приграничных регионах дука командовал местными войсками и возглавлял гражданскую администрацию [Jones A.H.M., 1973. P. 282, 283, 567]. В Херсоне такое совмещение полномочий практиковалось уже со времени Зинона.

Согласно скудным сведениям письменных источников, в VII в. Херсон оставался главным византийским городом в Юго-Западном Крыму. В Херсоне найдена печать 550–650 гг. городского аркария – чиновника, собиравшего налоги, а также печати других чиновников местной византийской администрации [Соколова И.В., 1991. С. 202, 206–209, 213]. На протяжении всего VII в. в Херсоне поддерживалось стабильное денежное обращение, имевшее общеимперские черты. В обращении преобладали медные монеты. При Ираклии (610–641) городской монетный двор возобновил чеканку фоллисов [Grierson Ph., 1968. Part 1. P. 38. 381; Соколова И.В., 1983. С. 26–28]. Тогда же с целью унификации номинала имевших хождение разновременных монет IV–VI вв. произвели их массовую надчеканку, приравняв к номиналу в 5 нуммий [Анохин В.А., 1977. С. 108]. В VII в. монетами, выпущенными в предшествующий период, херсонцы оплачивали товары из Юго-Западного Крыма, где они обнаружены, в основном, в захоронениях второй половины этого столетия [Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. С. 167; Айбабин А.И., 1993а. С. 123].

В VII в. завершилось формирование раннесредневекового архитектурного облика Херсона. На западном участке обороны была перестроена башня 1а (табл. 24). В результате увеличился вынос башни за линию стен и улучшилась защита последних [Антонова И.А., 1963. С. 63]. В начале XII в. в связи с сооружением двух новых больших трехнефных базилик [Белов Г.Д., 1953. С. 26; Якобсон А.Л., 1959. С. 176] перепланировали кварталы XIX и XXV. Одна из них в 1932 г. раскопана в квартале XXV (табл. 25: 3). В ней сохранились мраморные базы колонн, а в боковых нефх и около солей – мозаичные полы. Рядом зачищены известковые ямы и известеобжигательная печь, в которых готовили раствор для базилики. Ямы и печь впущены в слой, перекрывавший снесенные более ранние помещения и содержащий фрагменты амфор, краснолаковых сосудов и монету Константа II (641–668). По словам Г.Д. Белова, после завершения стройки ямы засыпали, а сnivelированная площадь перед базиликой осталась свободной [Белов Г.Д., 1953.

С. 26; 1941. С. 224–232; 1936. С. 20, 29–31; Белова-Кудь Л.Н., 1936. С. 148]. Учитывая зафиксированную им стратиграфию в данном квартале, возведение базилики следует датировать не ранее периода правления Константа II.

Вторую одноапсидную базилику с нартексом и экзонартексом раскрыли в 1935 г. в квартале XIX и доследовали в 1950, 1956, 1957 гг. (табл. 26). Она стоит на руинах снесенной синагоги (табл. 9). Полы боковых нефов базилики вымощены мозаикой, среднего нефа – мраморными плитами, сделанными из стенок античных саркофагов. Ее украшали мраморные феодосианские и коринфские капители, скульптура “Добрый пастырь”. В слое 3, в который впустили ее фундамент, найдены фрагменты амфор VI – начала VII в. и херсонские монеты Маврикия Тиберия (582–602) [Белов Г.Д., 1938. С. 72–78, рис. 44, 59; Белова-Кудь Л.Н., 1936. С. 148, № 50–51]. По утверждению Г.Д. Белова, при строительстве базилики изменилась планировка соседних кварталов XV–XVIII. Участок перед базиликой оставили незастроенным. В кварталах не ранее середины VII в. возвели новые дома и засыпали цистерны [Белов Г.Д., 1953. С. 26]. В квартале XV из засыпи цистерны извлекли монету Ираклия или Константа II [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. С. 212–115, рис. 61–63]. Одновременно с базиликой построили дом в кварталах XV–XVI [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., 1953. С. 90] и дом с кладовой в подвале в квартале XVIII. На его полу нашли пряжку VII в. типа Сиракузы, фрагменты краснолаковой миски со штампованным крестом, амфоры VI – начала VII в. [Белов Г.Д., Якобсон А.Л., 1953. С. 121; Белова Л.Н., 1953. С. 269, № 109].

В северо-восточном районе целый квартал занимает комплекс, называемый Уваровской базиликой по имени открывшего ее в 1853 г. графа А.С. Уварова (табл. 8: 3). Трехнефное одноапсидное здание с нартексом и экзонартексом и галереей вдоль южного нефа возвышалось над берегом моря. В атриуме перед экзонартексом находился шестигранный фиал. Улица перед базиликой была вымощена плитами [Якобсон А.Л., 1959. С. 152–160]. Базилику возвели на рубеже VI–VII вв. Стена ее внутреннего нартекса поставлена на засыпанный колодец с монетой Маврикия, вероятно, чеканенной в 590-е годы [Косцюшко-Валюжинич К.К., 1902. С. 81; Соколова И.В., 1983. С. 23–26; Hahn W., 1978. P. 415, 471, 472]. В.В. Латышев по содержащимся в тексте созданного в VII в. “Жития херсонесских святых” топографическим деталям отождествил Уваровскую базилику с храмом св. Петра [Латышев В.В., 1906. С. 51–56, 62–73].

На площади, замыкающей главную улицу, не ранее середины VII в. построили трехнефную Восточную базилику (рис. 3: 17; табл. 25: 4) [Якоб-

сон А.Л., 1959. С. 165–168]. Дата основана на рассмотренной выше керамике из заполнения предвзятительно засыпанного в квартале I колодца [Сазанов А.В., 1991. С. 61]. В начале главной улицы в западном районе близ городских ворот, вероятно, тогда же соорудили четырехапсидный храм (рис. 3: 54; табл. 8: 2). О дате следует судить по наиболее поздним краснолаковым сосудам, извлеченным из засыпи под полом храма [Кумайсов В.А., 1982. С. 155–166, рис. 8: 5, 6]: мискам второй половины VI – второй половины VII в. [Fulford M.G., 1984. P. 67, 69, fig. 19: 50–10; Hayes J.W., 1992. P. 100, 101, fig. 40: 57], египетским мискам VII в. [Sodini J.-P., Villeneuve E., 1992. P. 207, 208, fig. 10: 11]. Остатки усадеб VII в. расчищены в Портовом районе. В кладовой одной из них в результате пожара возник слой керамики с монетой Константа II. В слое наиболее поздними являлись имитации амфор, подобные встреченным в Константинополе в слое второй половины VII в. [Романчук А.И., 1975. С. 3–12, рис. 3: а; 5: в; Hayes J.W., 1992. P. 66, 67, 100, 101, fig. 22: 8, 10, 11; 40: 57; 47: 171].

Во второй половине VI–VII вв. городские христианские некрополи располагались на западном берегу Карантинной бухты и за западной оборонительной стеной. Довольно часто хоронили в семейных склепах, сооруженных в позднеримское время. На некрополях раскопано более тридцати склепов и несколько могил, вырубленных в материковой скале в данный период. В склепах лежанки отделялись от остальной части камеры низкими перегородками. Иногда в центре камеры делали подпорный столб. Покойников погребали в одежде с украшениями и, как правило, в деревянных гробах. На гробы ставили керамические и стеклянные сосуды. В дромосе устанавливали надгробные кресты с христианскими, в основном греческими, именами [Якобсон А.Л., 1959. С. 249–260; Айбабин А.И., 1990. С. 69]. В.В. Латышев отнес к VI–VII вв. надпись на надгробном кресте из склепа с захоронениями пресвитеров [Латышев В.В., 1896. С. 31, № 34]. На закладной плите из склепа в западном рву упомянут гот. В нескольких склепах найдены деформированные черепа и скелет с южнокрымской пряжкой с орлино-головым щитком [Якобсон А.Л., 1959. С. 256; Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В., 1988. С. 161, рис. 9: 9]. Видимо, эти захоронения принадлежали выходцам из области Дори. Сосланный в Херсон в 655 г. римский папа Мартин I отличал ромеизированных граждан (“живущие здесь”) от “варваров” соседнего региона (“те, кто обитает в этой области”) [Бородин О.Р., 1991. С. 179, 186].

На протяжении всего VII в. в городе функционировали металлообрабатывающие мастерские. Одна из них выявлена в северо-восточном районе в III квартале. В 1910–1912 гг. там в помещениях XI и 26 нашли тигли, шлаки и форму для отливки ме-

таллических вещей. По сообщению С.Г. Рыжова и Н.А. Алексеенко, в 1995–1996 гг. в том же районе в море у берега аквалангисты собрали шлак, бронзовые слитки и бракованные византийские пряжки. Химический состав обнаруженных в разные годы на городище бронзовых слитков, полуфабрикатов и пряжек типа Сиракузы идентичен [Каде-ев В.И., 1963. С. 36, 37]. В мастерских отливали и другие популярные среди горожан поясные пряжки, в том числе с прямоугольной рамкой, характерные лишь для второй половины VII–VIII вв. С помощью матриц, привезенных из Константинополя и Подунавья, в VII в. делали детали поясных наборов. Продукция мастерских продавалась в Херсоне и в области Дори [Айбабин А.И., 1982а. С. 190–196, рис. 1: 1–5, 8; 2–4; 5: 1]. В Крыму отсутствуют месторождения цветных металлов. Очевидно, необходимое сырье привозили из Малоазийских рудников [Романчук А.И., 1976. С. 32].

Городские гончары изготавливали амфоры, пифосы, бытовую посуду (табл. 23: 3–16; 27: 16), строительную керамику (кирпичи с клеймами конца VI – начала VII в., черепицу, трубы) [Якобсон А.Л., 1979. С. 25–28; Романчук А.И., 1976. С. 23, 29, 30]. Во второй половине VII в. были засыпаны восемь крупных цистерн, что привело к сокращению переработки рыбы. Однако в городе сохранилось товарное производство соленой рыбы. Ее продолжали перерабатывать не менее чем в 16 цистернах [Романчук А.И., 1976. С. 16]. В одном из писем римского папы Мартина I сообщается о вывозе из города в империю соли [Бородин О.Р., 1991. С. 179, 187]. В VII в. про-

изошли изменения на сельских усадьбах городской хоры на Гераклейском полуострове. Некоторые из них были заброшены [Яшаева Т.Ю., 1994. С. 79]. Одновременно для выпаса скота осваиваются склоны балок восточной Гераклеи [Романчук А.И., 1972. С. 47]. Видимо, поэтому уменьшилось производство зерна, и горожане весной испытывали недостаток хлеба. Информация о положении в Херсоне в 655 г. содержится в письмах папы Мартина. В первом письме, написанном в июне, он писал: "...голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят". Во втором письме, отправленном в сентябре, сказано: "Но до сих пор я не мог купить зерна из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия". Конечно же в словах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы содержатся риторические преувеличения. В сердцах он и херсонцев, и соседних варваров называл язычниками [Бородин О.Р., 1991. С. 179]. Возможно, он описал реальные сезонные затруднения с продовольствием и его дороговизну. Однако из его писем нельзя сделать вывод о крахе городской экономики, натурализации хозяйства и ликвидации денежного обращения. Рассмотренные выше факты характеризуют Херсон VII в. как византийский город с развитым товарным производством и с широкими торговыми связями. Последние документируются и происходящими из Херсона печатями VII в. византийских коммеркиариев, в том числе главного коммеркиария аптеки Константинополя 688/689 г. [Соколова И.В., 1991. С. 205, 206, 208, № 10, 26].

Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство

Этнополитическая обстановка на полуострове коренным образом изменилась в результате завоевания степей Северного Причерноморья хазарами. Об этом тюркском народе, входившем в западную конфедерацию Тюркского каганата, сохранилось много сведений в арабских, армянских, китайских, еврейских и византийских источниках. Из них мы узнаем, что во второй половине VII в. хазары вытеснили болгар с пастбищ Восточного Приазовья и Северного Причерноморья, что уже в самом начале VIII в. наместники хазарского кагана правили

“от его лица” в Фанагории и на Боспоре. А в письме хазарского царя Иосифа сановнику Омейядской Кордовы Хасдаю ибн Шафруту (904–975) содержится официальная версия истории хазар.

В отличие от письменных источников, материальные следы присутствия хазар в Крыму очень скупы. Только за последние десятилетия удалось пополнить их открытиями жилых и общественных построек на Боспоре, достаточно скромных, но бесспорно связанных с пребыванием в этом городе хазар.

Боспор

С вторжением хазар связана картина тотального разрушения, открытая раскопками на сравнительно небольшом участке в портовой части города. Она помогает понять тот масштаб разрушений, который претерпел отстроенный Юстинианом Боспор. Базиликальный комплекс, существовавший уже не менее двух столетий, был уничтожен до основания: от стен осталось два ряда камней, мраморные полы разобраны. Полуметровый слой, перекрывавший остатки, вероятно, одного из самых больших зданий Боспора, содержал выразительные находки VIII–IX вв. Это обломки краснолаковых блюд плохого качества, встречавшиеся в слоях VII–VIII вв. на Таманском городище [Плетнева С.А., 1963. С. 33–35, рис. 20], ранние формы красноглиняных кувшинов с диаметром венчика, не превышающим 8–10 см [Плетнева С.А., 1963. С. 63, рис. 33], амфоры с высоким горлом, уплощенным венчиком и мелким зональным рифлением [Якобсон А.Л., 1969. С. 307].

Особенно интересным объектом, обнаруженным в этом слое, оказался врытый в землю пифос с громадным количеством яичной скорлупы и скоплением мелких черепков амфор из яркой красной глины с венчиками, аналогичными венчикам красноглиняных кувшинов и такими же как у них плоскими ручками. Но на этом сходство их с кувшинами заканчивалось: днища их оказались остроугольными. Эта находка дает веские основания предполагать генетическую связь популярной тары IX–XI вв. – красноглиняных кувшинов “тмутараканского” типа с остродонными красноглиняными амфорами VII–VIII вв. В числе керамических находок около пифоса были два обломка белоглиняной

византийской керамики второй половины IX в. Таким образом, культурный слой, образовавшийся над развалинами базилики юстиниановского Боспора, хронологически не выходит за рамки VIII–IX вв., т.е. соответствует времени хазарского господства в Крыму.

Самое выразительное свидетельство пребывания хазар на Боспоре – белокаменная крепость, возведенная на руинах Юстинианова строительства. В слое хазарского времени обнаружены остатки мощного сооружения, состоящего из двух параллельно идущих стен на расстоянии полуметра одна от другой [Макарова Т.И., 1998. С. 356–357, рис. 9, 11]. С северной стороны к одной из них, видимо, наружной, примыкают два контрфорса. Двухпанцирные стены метровой ширины сохранились на высоту пяти рядов камней. Панцири сложены на глине из подтесанных камней ракушечника правильными рядами. Забутовка между панцирями состоит из рваного камня, смешанного с землей.

Особо надо подчеркнуть, что отдельные участки панцыря выложены “в елочку”. Известно, что этот антисейсмический прием был широко распространен в постройках Хазарии [Плетнева С.А., 1999. С. 143]. Стены были прослежены на протяжении 15 метров, из них – 6 м непрерывной кладки, остальные – частично, под постройками более позднего времени (табл. 28: Б, В). Фундаментальность кладок и большая их протяженность позволяют говорить об оборонительном назначении открытого сооружения. Очевидно, это часть хазарской цитадели, построенной на удобном, выступающем в море, мысу. Почти через тысячу лет на этом месте бу-

дет сооружена турецкая крепость, простоявшая до 1827 г. и запечатленная на миниатюре 1824 г. [Ашик А., 1848. Макарова Т.И., 1998. С. 344, рис. 1].

Хазарская цитадель была не единственной монументальной постройкой на этом оживленном месте. В 65 м к югу от ее стен обнаружены остатки какого-то сооружения, построенного на участке, где тремя столетиями позже будет воздвигнута сохранившаяся до наших дней церковь Иоанна Предтечи (табл. 28: А). Мы никогда не узнаем ни его характера, ни планировки: его развалины перекрыты церковью. Но в одном месте около ее южной стены был обнаружен угол фундаментальной постройки, уходящей под церковь (табл. 28: Г). Первоначальная ширина ее двухпанцирных стен достигала 1 м. Сложены они из подтесанных камней ракушечника местами “в елочку”, с забутовкой из мелких камней между панцирями. Внешний панцирь до основания разрушен ямами могил прицерковного кладбища. Внутри пространства, ограниченного стенами, сохранились участки с вымосткой из серого плитняка. Северный торец кладки обрывался в полуметре от фундамента церкви, но вымостка из плитняка подходит к нему вплотную, свидетельствуя о разрушении всей постройки во время возведения церкви [Макарова Т.И., 1998. С. 382–383].

Как и остатки стен цитадели, остатки постройки на месте церкви залегали на глубине 2,7–3 м от современной поверхности, что дает основание считать их одновременными. Фундаментальность ее стен и мощение пола говорят о не рядовом характере сооружения, воздвигнутого хазарами, вероятно, в пределах цитадели.

Совсем другое строительство располагалось в нескольких сотнях метров к западу от стен цитадели: здесь селился простой люд, соорудивший свои дома в слое с пожарищем, перекрывшим остатки построек VII в. [Айбабин А.И., 2000. С. 168–176] (табл. 28: Е, Д). Находки монет: полуфоллиса Ираклия с соправителем Ираклием Константином (612–638) и фоллиса Юстиниана (686/687), дают основание связать обнаруженные следы пожара с упомянутым патриархом Никифором вторжением хазар в Причерноморье.

Застройка этого участка продолжалась долго. Нижний горизонт напластований, в которых сохранились руины хазарских построек, датируется VIII – первой половиной IX в. Верхний горизонт с их остатками датируется концом IX–X вв., о чем свидетельствует выразительный амфорный материал, находящий прямые аналогии в соответствующих слоях Саркела и Херсона [Плетнева С.А., 1959. С. 244, рис. 28–29; Якобсон А.Л., 1979. С. 73]. Сами жилища не однородны. Одно из них представляет собой прямоугольное с закругленными углами помещение с глинобитными стенами и слегка (на 0,2 м) углубленным земляным полом. На нем,

ближе к углу, был устроен типичный для кочевников открытый тарелкообразный очаг, обмазанный глиной и обложенный плоскими камнями и обломками жерновов. К нему примыкала яма с золой и костями домашних животных.

Другой тип жилищ представлен остатками трех прямоугольных в плане, с закругленными углами помещений с глинобитными стенами, поставленными на каменный цоколь. Цоколь представлял собой двухпанцирную стену из камней ракушечника, местами положенными “в елочку” с забутовкой из мелких камней и земли. Пол жилища, как и в первом случае, немного углублен. Одно из жилищ было двухкамерным, в центре большого (жилого) помещения был устроен овальный очаг, обмазанный глиной, а в хозяйственной пристройке такой же очаг находился в углу.

Самые близкие аналогии жилищам обоих типов обнаружены на многих синхронных им поселениях Крыма (см.: табл. 33), Приазовья и Нижнего Дона [Плетнева С.А., 1967. С. 58–64]. Обычно в жилищах второго типа, наиболее близких к византийским образцам, в углу ставились сложенные из камней печи, но наряду с печью в центре пола иногда сооружался характерный для кочевнических жилищ открытый очаг [Гадло А.В., 1969. С. 165, рис. 5].

Смешение различных строительных и бытовых традиций в хазарских жилищах наглядно свидетельствует о поисках оптимальных вариантов обустройства домов недавних кочевников, оседающих на землю, но помнящих еще обычаи своего кочевого прошлого. От них они не могли избавиться даже на развалинах тысячелетнего Боспорского царства с сохранившимися еще следами строительства античной поры.

Жилые постройки хазарского времени на Боспоре получили убедительные хронологические ориентиры благодаря сопутствующему керамическому материалу. Это амфоры с горизонтальным и горизонтально-зональным рифлением (табл. 28: 6, 7), кухонные горшки с линейным орнаментом (табл. 28: 5), лощеные сосуды (табл. 28: 10), красноглиняные кувшины с рельсовидным венчиком, иногда со смоленой внутренней поверхностью, так называемого “тмутараканского” типа (табл. 28: 1–4). Вместе с этими типичными для хазарского времени керамическими формами встречаются обломки лепных кухонных горшков, а также тонкостенных стеклянных чаш и поддонов рюмочек (табл. 28: 11–13). Все это – надежные индикаторы напластований, содержащих остатки жизнедеятельности хазар в Крыму на протяжении VIII–X вв. [Айбабин А.И., 2000. С. 172–173].

Подобные материалы обнаружены во многих городах Крыма и Таманского полуострова, в которых осели хазары, вторгшиеся в конце VII в. из Прикаспийских степей. Они обнаружены в Патрее, Тирита-

ке, Кепях, Гермонассе, где на развалинах построек VI–VII вв. были открыты хазарские жилища, дошедшие до нас в гораздо лучшей сохранности, чем боспорские [Айбабин А.И., 1999. С. 188].

Археологические данные о пребывании хазар на Боспоре трудно назвать богатыми. Однако они дают представление не только об учиненных хазарами в городе разрушениях и пожарах, но и об их собственном фундаментальном и бытовом строительстве, о некоторых сохранившихся в нем традициях, о своеобразном, характерном для хазарского времени керамическом комплексе.

Несмотря на фрагментарность дошедших до нас открытых раскопками крупных строений, можно, по нашему мнению, сделать предварительные предположения об их функциональном назначении.

Так, мощная система двух стен, вероятно, представляет собой часть северо-восточной стены цитадели. В ней сосредоточивались органы управления городом. В сочинении византийского хрониста Феофана Исповедника “Хронография”, написанном между 810 и 814 гг., содержится упоминание об архонте Боспора Валгице [Чичуров И.С., 1980. С. 18]. Цитадель на Боспоре вполне согласуется с присутствием здесь хазарского гарнизона, начальником которого мог быть Валгица [Айбабин А.И., 2000. С. 168].

Труднее определить назначение постройки, угол которой открыт около южной стены храма Иоанна Предтечи. С уверенностью можно говорить о ее не жилом, а, скорее, общественном, может быть, культовом характере. Но какому культу она принадлежала, христианскому или иудейскому, сказать трудно. Оба варианта возможны, бесспорным кажется только ее размещение в пределах хазарской цитадели. Возведение христианской церкви на месте обнаруженной раскопками достаточно фун-

даментальной постройки логично рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу второго варианта. Тем более, что одноапсидная “базилика 1935 г.” в Херсоне тоже была поставлена на руинах синагоги [Завадская И.А., 1996. С. 94–104]. Важен и тот факт, что на Боспоре, как это следует из письма патриарха Фотия, написанного около 873 г. архиепископу Боспора, в городе существовала иудейская община [Айбабин А.И., 1999. С. 189–190].

Обстоятельства гибели построек хазарского периода сопоставимы с гибелью юстиниановского Боспора: они подверглись тотальному разрушению. Цитадель была разрушена почти до основания, поверхность была сnivelирована и перекрыта мостовой из крошки ракушечника, из которого был воздвигнут квартал по всем правилам византийского градостроительства.

О времени этих событий позволяет судить с достаточной уверенностью археологический материал. Слой, синхронный остаткам разрушенной хазарской цитадели, содержал обломки белоглиняной византийской керамики второй половины IX–X вв., причерноморских амфор IX – первой половины X в., красноглиняных кувшинов “тмутараканского” типа с узким горлом и слабо профилированным венчиком с четкой продольной полосой, византийских стеклянных браслетов с росписью. По этим находкам разрушение хазарской цитадели следует отнести к X в. Именно к концу этого столетия новые кочевники, мадьяры и турки-печенеги начали активно вытеснять хазар из их владений в Северном Причерноморье, а Византия, воспользовавшись этим, свела свои давние счета с хазарами и вернула под свое управление многие крепости и города Крыма. В числе их был и Боспор.

Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи

В период вторжения в Восточный Крым хазары вели примитивное таборное кочевое хозяйство, весь год передвигаясь по степи. По определению С.А. Плетневой, такое хозяйство типично для первой стадии кочевания. Хазары хоронили в разбросанных по степям курганах предшествующего времени или в специально скрытых могилах [Плетнева С.А., 1982. С. 16, 17, 27]. В степях Крыма выявлены оставленные хазарами одиночные могилы кочевников, погребенных головой на северо-восток или восток [Айбабин А.И., 1999. С. 183, 185]. В мужских захоронениях находились полный скелет коня или его “чучело”, от которого в могиле сохранялись череп и отчлененные кости ног, а иногда только череп коня.

Кроме того, погребения всадников сопровождались наборами оружия.

В кургане, раскопанном близ с. Портовое, в подбойной могиле на дне подбоя зачищен скелет мужчины, у северо-восточного борта ямы – череп овцы, рядом со ступенькой – кости овцы, а на ступеньке – скелет лошади, ориентированный черепом на северо-восток. В могиле нашли железный меч, наконечники стрел, детали поясного набора и конской сбруи (табл. 29: 1–7). Биметаллические наконечники ремня и бляшки из Портового состоят из литой серебряной основы с отверстиями, в которые припаяны золотые гнезда со вставками из коричневого стекла, окаймленные золотыми зернинками. Декорированные в подобном стиле вещи распространились во

второй половине VII в. из Византии [Айбабин А.И., 1985. С. 200]. Самыми поздними в Портовом являются пряжки с трапециевидной рамкой, типичные для крымских комплексов последней четверти VII и начала VIII в. В Восточном Крыму в Новопокровке могилу выкопали на территории заброшенного античного поселения. Скелет женщины ориентирован черепом на северо-восток (табл. 29: 8–18). Под костяком прослежен древесный тлен от носилок или настила. Справа и слева от шейных позвонков лежали золотые височные подвески, украшенные зернью и вставками из красного, синего и зеленого стекла, в верхней части грудной клетки – круглая золотая бляха со вставками из альмандина и три янтарные бусины, у кисти левой руки – сломанное в древности бронзовое зеркало и пинцет, у кисти правой руки – череп, кости ног и ребра овцы или козы, на тазовых костях – железные нож и шило [Гаврилов А.В., 1996. С. 111, 112, рис. 1]. Аналогичные подвески извлечены из могил конца VII в. из Прикубанья (Михаэльсфелд) [Кондаков Н.П., 1896. С. 200–202, рис. 115–116] и Уфы [Ахмеров Р.Б., 1951. Рис. 36]. Названные могилы по конструкции и обряду захоронения близки к погребениям VII – начала VIII в. тюрков-туго, открытым на Алтае, в Туве, в Восточном Казахстане, в соседних регионах [Спришевский В.И., 1951. С. 33, рис. 1: 3; Гаврилова А.А., 1965. С. 58–60, 104–106, табл. XXXI; Вайнштейн С.И., 1966. С. 334; Кызласов Л.Р., 1979. С. 121, 138; Худяков Ю.С., 1980. С. 195, 201; Кубарев В.Д., 1981. С. 90, 91; Могильников В.А., 1981. С. 31–33] и на путях миграций хазар в Нижнем Поволжье [Синицын И.В., 1947. С. 130–131; Максимов Е.К., 1956. С. 75].

Несомненно, Боспор был одним из первых поселений, на которое, по словам Никифора, напали хазары [Чичуров И.С., 1980. С. 162]. Затем они уничтожили на Керченском полуострове и другие малые города и поселения. В последней четверти VII в. от пожаров погибли базилика, дома и винодельни в Тиритаке, постройки в Илурате, Китее и других городах.

По сообщениям письменных источников, в византийском Боспоре с начала VIII в. был расквартирован хазарский гарнизон, контролировавший Боспорский пролив – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В рассказах о событиях 704 г. Феофан писал об архонте Боспора Валгице и о наместнике кагана в Фанагории Папаце [Чичуров И.С., 1980. С. 62, 63], а Никифор назвал местным хазарином архонта Фанагории [Чичуров И.С., 1980. С. 163]. Многие видят и в Валгице хазарского наместника (тудуна) на Боспоре [Кулаковский Ю.А., 1996. Т. III. С. 270, 271; Vasiliev A.A., 1936. P. 84, 85; Moravcsik Gy., 1958. S. 86; Новосельцев А.П., 1990. С. 144; Цукерман К., 1998. С. 675].

В последней четверти VII в. болгары кочевали в степях Приазовья и Северного Причерноморья кровнородственными общинами – куренями. Захватившие степные пастбища болгар Батбаяна хазары лишили их кормовой базы. Некоторые орды болгар мигрировали с территории Великой Булгарии в Донские степи, а другие в Крым [Плетнева С.А., 1982. С. 49, 52; Гадло А.В., 1991. С. 100], где обосновались на незаселенных землях в Восточном и Центральном Крыму. Болгарские курени были вынуждены перейти к пастушеско-земледельческому хозяйству. По мнению С.А. Плетневой, в процессе его освоения из общин-курений выделялись большие семьи-айлы, владевшие многочисленным скотом [Плетнева С.А., 1982. С. 37–38].

Принадлежавшие айлам неукрепленные поселения выявлены на Тарханкутском полуострове в Ойрате (106*) и Лазурном (108), на Керченском полуострове в Пташкино (76), Калиновке (95), Бранном Поле (96), Ерофеево (100) и Фронтном (101), в Илурате (80), Героевском (79), Тиритаке (81), в Юго-Восточном Крыму в Кировском (103) и, вероятно, на холме Тепсень (72), в Центральном Крыму в Курортном (63), на Ак-Кае (68), в верховьях реки Зуя в урочище Тау-Кипчак (64) и др.

В Тиритаке новые поселенцы вскоре после разрушения византийской базилики устроили в ее развалинах жилище, которое стратиграфические наблюдения позволяют отнести к началу VIII в. [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 67–72; Гадло А.В., 1980. С. 144–145]. На участке X на давяльной площадке разрушенной пожаром винодельни поставили стену дома VIII–IX вв. [Гайдукевич В.Ф., 1952а. С. 49–55]. Поселения, открытые в окрестностях с. Героевское [Гадло А.В., 1969. С. 167; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2000. С. 189], во Фронтном, в Морском, Ойрате, Лазурном [Щеглов А.Н., 1970. С. 256–257, 260, рис. 2: 2, 4, 5] и в Пташкино 7 [Гадло А.В., 1980. С. 135], судя по обнаруженным на их территории фрагментам амфор, видимо, возникли в конце VII в.

И.А. Баранов почти полностью исследовал поселение Тау-Кипчак. На площади 80 га он выявил 34 жилых и хозяйственных помещений, более 50 хозяйственных ям и множество очагов (табл. 30: 1). Постройки располагались пятью кустами. Каждый из них состоял из трех или девяти групп помещений. Группу составляли два–три строения, расположенных рядом. В каждой группе только одно строение с очагом было жилым. Всего в Тау-Кипчаке жило до 25 семей. По расчетам И.А. Баранова, вначале урочище занял один курень из девяти семей численностью до 70 человек. Как он полагает, на первом этапе поселение с временными жилищами было полукочевым айльным [Баранов И.А., 1990. С. 36–39]. По заключению С.А. Плетневой, такие поселения создавались при переходе от кочевой

* Цифра здесь и далее означает номер памятника на карте (рис. 4).

формы хозяйства к оседлой [Плетнева С.А., 1982. С. 37–38].

Время существования поселения Тау-Кипчак по комплексам амфор, извлеченным из хозяйственных ям и помещений, И.А. Баранов ограничил второй половиной VII – серединой VIII в. [Баранов И.А., 1990. С. 26–34, рис. 9–11]. По несколько уточненным данным время основания поселения можно датировать рубежом VII–VIII вв., а гибели – серединой IX в. (табл. 31) [Айбабин А.И., 1999. С. 192, 193, 220].

Вероятно, под давлением хазар в Юго-Восточный Крым переселились и сугды. Так византийцы называли низовых прикубанских адыгов. Они основали на побережье ремесленно-торговое поселение Сугдея [Гадло А.В., 1991. С. 100]. Опубликованные в статьях И.А. Баранова находки из раскопок в Судак датируют возникновение города не ранее последней четверти VII в. В письменных источниках Судак впервые упомянут в Космографии Равеннского анонима конца VII в., где он назван Сугдеей “Sugdodon” [Васильевский В.Г., 1915. С. CXLV]. Наиболее ранней печатью из найденных в Судак является моливдовул 696/697 г. Кириака апоипата и главного лагофета Константинополя [Шандровская В.С., 1995. С. 120–121].

После разгрома, учиненного арабами во время второй арабо-хазарской войны (722–737 гг.) на территории Хазарского каганата в Предкавказье [Dunlop D.M., 1954. Р. 69–85; Артамонов М.И., 1962. С. 210–224], очевидно, началась вторая миграция болгарских племен в контролируемый хазарами Крым. Около середины VIII в. в Северо-Западном, Восточном и Центральном Крыму возникают десятки новых поселений, некрополей и гончарных центров: на Лебяжьих островах (104), Калос-Лимене (105), в Тарпанчи (107), Беляусе (109), Евпатории в санатории “Чайка” (110), Саках (111), Песочном (112), на мысе Чауда (74), на горе Опук (75), над руинами Китея (77), Мирмекия (83) и Зенонова Херсонеса на мысе Зюк (84), в Заветном (78), Алексеевке (85), Чистополье (86), Репьевке (87), Слюсареве (88), Зеленом Яру (89), Песочном (90), Азовском (91), Мысовом (92), Семеновке (93), Семи Колодезях (94), Королево (97), Кирово (98), Луговом (99), Птичкино (102), в Юго-Восточном Крыму в окрестностях Феодосии в Дальних Камышах (73), в Тихой Бухте (71), Щебетовке (70), на холме Кордон-Оба (69), на мысу Ай-Фока (61), в Морском (60), Чабан-Куле (59), Приветном (57), на дороге из Приветного в Белогорск (58), в Канаской балке (56), Рыбачьем (55) и Малореченском (54), на границе степи и гор на Петровских скалах (34), в Лозовом (33) и Фонтапах (32), Почтовом (31).

Скорее всего, вновь переселившиеся в Восточный и Северо-Западный Крым болгары мирно осели на свободных землях.

В Тиритакке, на холмах Кордон-Оба и Тепсень исследованы принадлежавшие жителям поселений некрополи с плитовыми и грунтовыми могилами трех вариантов: 1 – с заплечиками и перекрытием из плит, 2 – с заплечиками и перекрытием из дерева и 3 – с деревянными гробовинами (Табл. 32: 1, 2). Выявленные на Кордон-Обе и Тепсене грунтовые могилы первого варианта такие же, как и известные в Крыму со второй половины VII в. [Бабенчиков В.П., 1958. С. 110, рис. 13, табл. 1; Айбабин А.И., 1993а. С. 129]. На Тепсене в могиле № 14 лежал солид Константина V Копронима, чеканенный в 741–751 гг., и обычные для “салтово-маяцкой” культуры серьги второй половины VIII–IX вв. [Бабенчиков В.П., 1958. Табл. 1; Кропоткин В.В., 1962. С. 34]. На Кордон-Обе извлекли типичные для салтово-маяцкой культуры серьги, украшения и детали поясных наборов второй половины VIII–IX вв. [Айбабин А.И., 1993а. С. 128]. Некоторые могилы на Тепсене выкопаны после разрушения базилики. Они выложены плитами с остатками штукатурки, взятыми из руин храма [Бабенчиков В.П., 1958. С. 110–114]. В плитовой могиле 16 найдены солид Константа V и арабский динар времени ал-Масуди 138 г.х. (755/766 г.) [Кропоткин В.В., 1962. С. 34].

Грунтовые могилы второго и третьего вариантов близки болгарским из Нижнего Подонья, бассейна Северского Донца, Поволжья и Южного Приуралья [Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. С. 8–12, 72–89, 121, 122, 131–135; Плетнева С.А., 1967. С. 99; Казаков Е.П., Халикова Е.А., 1981. С. 23, рис. 1; Красильников К.И., 1990. С. 28, 29; 1991, с. 63, 67, 70, 75].

Основываясь на материалах поселений, А.В. Гадло и И.А. Баранов разработали типологию жилищ осевших на полуострове болгар (табл. 33). Первые поселенцы в Тау-Кипчаке и Пташкино сооружали бесстолбовые полуземлянки с очагом в центре. Они перекрывались многоскатной крышей, опиравшейся на землю или плетневую обмазанную глиной стенку [Гадло А.В., 1980. С. 134–135; Баранов И.А., 1990. С. 41]. Рядом располагались хозяйственные ямы и помещения с тарной и кухонной керамикой и другим инвентарем. Аналогичные полуземлянки второй половины VIII–IX вв. зачищены на холме Кордон-Оба и в Евпатории [Баранов И.А., 1990. С. 47]. На склоне Кордон-Обы на полу землянки лежала салтово-маяцкая бляшка IX в. [Айбабин А.И., 1977. С. 233, рис. 2: 40, 1993а. С. 124–125, рис. 2: 38]. После того как полуземлянку оставили жители, ее превратили в мусорную яму. Одновременно сооружали жилища, в которых по верхнему краю котлована из камня и сырцового кирпича выкладывались стены. На 0,5 м над уровнем пола возвышалась печь-каменка с дымоходным отверстием. Подобные печи нашли в боспорских сельских и городских домах предше-

ствующего периода. В Тау-Кипчаке двускатная крыша жилищ лежала на четырех столбах, а в Героевском – на трех [Гадло А.В., 1968. С. 81–83, рис. 21; Баранов И.А., 1990. С. 41–44].

Первые наземные постройки с полом, заглубленным в землю на 0,25 м, и стенами, сложенными из мелких плоских камней и сырцовых кирпичей в елочку, по планировке не отличаются от полуземлянок. Углы стен не перевязаны. Борты котлованов выложены камнем. В последний период в Тау-Кипчаке строят дома из двух помещений с заглубленными в землю полами и печью [Баранов И.А., 1990. С. 45], близкие зачищенным в Героевском, Пташкино, с амфорами и кувшинами VIII–X вв. и характерным хазарским перстнем со стеклянной вставкой и четырьмя лапками второй половины VIII–IX вв. [Гадло А.В., 1969. С. 165, рис. 6; 1980. С. 131–133, рис. 2]. На поселениях Тиритака и Илурат, в Алексеевке [Шелов Д.Б., 1957. С. 98–103] и на холме Тепсень такие дома строили в XI в. На холмах Кордон-Оба, Тепсень и в Мирмекии во второй половине VIII–IX вв. сооружали дома и из одного помещения.

В Тау-Кипчаке стены домов сложены из камня в елку без раствора. На других поселениях стены имеют невысокий цоколь, на котором на глиняном растворе в елку уложены два ряда лицевой кладки с забутовкой из мелких камней. В некоторых домах стены на стыках закруглены. Эти дома по планировке, конструкции и технике кладки стен сильно отличаются от более ранних боспоро-византийских. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не были знакомы с технологией каменного домостроительства. Прием кладки в елку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана [Плетнева С.А., 1967. С. 63; 1991. С. 104; Магомедов М.Г., 1983. С. 150, рис. 58]. Очаги и небольшие хозяйственные пристройки типичны для жилищ оседающих на землю кочевников [Плетнева С.А., 1967. С. 63]. Такие же элементы описанных домов, как каменные цоколи и глинобитные стены, заимствованы из боспоро-византийской домостроительной традиции. Новый тип жилища возник в боспорских городах у поселившихся в них хазар и болгар [Плетнева С.А., 1991. С. 101, 104; Айбабин А.И., 2000. С. 169–173].

В IX в. почти на всех перечисленных поселениях стали возводить усадьбы с жилыми помещениями с глиняными полами и каменной печью, отдельно стоящими хозяйственными постройками и с огражденным двором. Стены сложены в елку либо целиком из камня, либо из саманных кирпичей на каменном цоколе [Гадло А.В., 1971. С. 74; Баранов И.А., 1990. С. 50, 51].

В Крыму болгары освоили земледелие и новый тип скотоводства. В окрестностях Тау-Кипчака И.А. Баранов выявил признаки полеводства. Перед распашкой в пойме реки и на склонах лес был вы-

рублен и сожжен. В раннем жилище обнаружена каменная зернотерка, а в более поздних – жернова от ручных мельниц, ступы для лущения проса. Жернова лежали почти во всех домах в Тиритаке, на Илурате, на холмах Кордон-Оба и Тепсень и на других поселениях. Пара жерновов с Кордон-Обы изготовлена из зеленого трасса, добытого рядом в горном массиве Карадаг. Мастерские по их производству известны на Керченском полуострове и близ Судак. В Тау-Кипчаке, на Тепсене и Кордон-Обе найдены железные серпы. Почву обрабатывали тяжелыми мотыгами, подобными применявшимся в Византии при подготовке поля под посев и при прополке сорняков. Из Героевского происходят зерна ячменя, ржи и пшеницы, а с Кордон-Обы – зерна проса. Osteологические материалы свидетельствуют об изменении состава стада. Преобладали кости коровы, свиньи и овцы. Количество лошадиных костей не превышало четверти. В процессе оседания болгары создали продуктивное сельское хозяйство, которое давало возможность не только удовлетворять собственные потребности, но и вывозить продукты на продажу [Баранов И.А., 1990. С. 69–79].

На поселениях болгар развивались прядение, производство лепной и гончарной кухонной керамики (табл. 34; 35), ткачество и другие ремесла. С холма Тепсень происходят формы для отливки из цветных металлов салтово-маяцких украшений и деталей поясных наборов. На Тепсене и на Кордон-Обе функционировали кузни [Фронджуло М.А., 1968. С. 143–151]. В Коктебельской бухте у обрыва Тепсень найдены обломки бракованных красноглиняных северопричерноморских амфор. Боспорские гончары создали крупные центры на берегу Черного моря между Судак и Алуштой. В Чабан-Куле и Канакской Балке раскопаны большие печи, состоявшие из топочной (длина до 5,2 м, ширина до 5,6 м) и обжигательной камер, с кирпичным сводом. Они сложены из сырцового кирпича, обожженного в процессе функционирования печей. В печах обжигались северопричерноморские амфоры, красноглиняные кувшины “тмутараканского типа” и флаги (табл. 35: 9, 10). Печи для обжига амфор известны в других прибрежных селах: в Рыбачьем, Морском, Малореченке [Якобсон А.Л., 1979. С. 38–53]. В результате петрографического анализа установлено, что амфоры использовались не только на местных поселениях, но и вывозились на поселения в Подонье [Ковнурко Г.М., 1968. С. 122]. Из Хазарии поступили найденные на Тепсене арабские монеты VIII в. [Бабенчиков В.П., 1958. С. 141]. В Героевском, Пташкино, Тиритаке, на Кордон-Обе и Тепсене многочисленны фрагменты аналогичных византийских рюмок и лампадок.

В первой половине VIII в., благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма, Суджа стала важным хазарским торговым портом регио-

на. Вероятно, в начале столетия они создали в городе таможню. В акватории порта найдено свыше 400 византийских печатей VIII–XII вв. Опубликованные В.С. Шандровской печати свидетельствуют о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии [Шандровская В.С., 1995. С. 120–122].

Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией. Император Лев III (717–741) в 732–733 гг. женил своего сына, будущего императора Константина V (741–775) на дочери кагана, “...обратив ее в христианство и назвав Ириной” [Чичуров И.С., 1980. С. 68, 166, 183]. Каган, относясь благосклонно к христианам, не препятствовал созданию в Хазарии новых епархий.

В.Г. Васильевский, А.Л. Бертъе-Делагард и А.В. Гадло, основываясь на тексте жития Стефана Сурожского, считают, что при патриархе Германе (715–730) в Сугдее была создана епархия, которую при Константине V Копрониме (741–775) возглавил епископ Стефан [Васильевский В.Г., 1915. С. CLXI–II; Бертъе-Делагард А.Л., 1920. С. 43, 50, 133; Гадло А.В., 1991. С. 100]. О веротерпимости хазар в Крыму свидетельствуют и археологические исследования. На плато Тепсень раскопана одна из крупнейших на полуострове трехнефных базилик (длина 37,6 м, ширина 12,4 м). Ее возвели в третьей четверти VIII в. [Кропоткин В.В., 1958. С. 213, рис. 6]. Тогда же маленький храм построили на поселении болгар на холме Кордон-Оба [Баранов И.А., 1990. С. 133–135, рис. 52]. К 750–780 гг. А.В. Гадло приурочил создание христианских храмов на других болгарских поселениях в Героевском и Пташкино. Для обоснования датировки второго храма важна стратиграфия, зафиксированная в раскопе в Пташкино. При подготовке участка под небольшую трехнефную базилику были засыпаны полуземлянка и хозяйственная яма первого строительного периода с

амфорами, изготовленными до начала VIII в., и серопрichernоморскими, которые производили со второй половины VIII в. В третий строительный период северный неф разрушенной базилики приспособили под хозяйственное помещение. На его полу найдены амфоры второй половины VII в. (табл. 31: 7), амфора, подобная обнаруженной в Кесарии (Израиль) в доме, заброшенном в результате арабского завоевания (табл. 31: 10) [Adan-Bayewitz D., 1986. P. 90, 91, 102, fig. III: 103; 2; 4], амфора (табл. 31: 4) конца VIII–IX вв. и фрагмент высокогорлого кувшина с плоской ручкой, сделанного не ранее середины IX в. [Гадло А.В., 1980. С. 137–140, рис. 4; 7]. Судя по керамике, второй строительный период (время функционирования базилики) следует отнести ко второй половине VIII – первой половине IX в.

Археологические исследования вполне определенно указывают на ликвидацию после подавления в 787 г. восстания Иоанна Готского христианских приходов на болгарских поселениях на территории Сугдейской епархии. Там были снесены храмы [Гадло А.В., 1980. С. 137–140]. Видимо, в самом конце VIII–IX вв. в связи с потерей сельских приходов Сугдейскую епархию присоединили к расположенной неподалеку Боспорской.

Согласно легенде, возвращаясь из Хазарии, Константин Философ убедил местных жителей принять христианство [Ahrweiler H., 1971. P. 58–62; Климент Охридски, 1973. С. 135, 153]. С этим известием хорошо согласуются материалы археологических исследований на плато Тепсень и других поселениях болгар. На них раскопаны храмики со стенами, сложенными традиционной для болгар и хазар кладкой в елочку. Следует отметить, что многие храмики построены во второй половине IX в. на уцелевших фундаментах византийских храмов [Романчук А.И., 1976а. С. 9–23, 140, рис. 4; Баранов И.А., 1990. С. 133–139, рис. 52; 53].

Степь и Юго-Западный Крым

В рассматриваемый период в регионе обострилось византийско-хазарское соперничество, принимавшее различные и своеобразные формы. В начале VIII в. хазары, воспользовавшись своим военным превосходством в регионе, установили протекторат над областью Дори. В 711 г. Юстиниан II предпринял попытку силой вернуть Дори, направив войска под командой патрикия Стефана [Nikephoros patriarch, 1990. 45]. Вряд ли каратели напали на все крепости Дори и дошли до Боспора. Археологические данные указывают только на разгром в начале VIII в. цитадели Баклы. На могильнике в Баклинском овраге хоронили и после разрушения укреплений. То есть, каратели не

уничтожили жителей посада и поселения у подножия Баклы. Для борьбы с карателями Юстиниан II архонты крепостей вместе с архонтом Херсона обратились за военной помощью к хазарам.

Каган создал в горном Крыму новую административную область. Византийцы называли ее Готией [Grumel V., Darrouzès J., 1989. P. 37, n. 377a], а правителя области господином Готии [Васильевский В.Г., 1912, с. 397, 398, 416, 417] или “правителем народа Таврических климатов” [Ševčenko I., 1971. P. 222]. Климатами или архонтиями называли административные районы Готии, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта [Zuckerman C., 1997. P. 219]. Таковыми являлись

крепости на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Бакла и, возможно, некоторые другие. Очевидно, архонта архонтии Дорас каган назначил правителем Готии и поручил ему сбор дани для кагана [Айбабин А.И., 1999. С. 210, 211].

Происходившие в Готии политические, социальные и этноформационные процессы запечатлены в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии, бытовой утвари, типах жилищ и типе хозяйственной деятельности. Для их характеристики большое значение имеют найденные на некрополях закрытые комплексы, включенные в одиннадцатую, двенадцатую, тринадцатую и четырнадцатую группы.

В комплексах **одиннадцатой** группы многочисленны изготовлявшиеся со второй половины VII в. византийские бронзовые шарнирные пряжки с овальным кольцом (см.: табл. 37) и с начала – первой половины VIII в. – перстни с крестами, с изображениями святого Георгия и со стеклянными вставками (табл. 36: 16, 28), серьги с надетой на стержень стеклянной бусиной (табл. 36: 27).

Для захоронений данной группы характерны византийские цельнолитые пряжки с овальным плоским в сечении кольцом разных вариантов (табл. 36: 22, 26), шарнирные пряжки (табл. 36: 25), пряжки типа Коринф 1, трехчастные пряжки с овальным кольцом из проволоки (табл. 36: 13), пряжки с трапециевидной рамкой (табл. 36: 14, 17), щитковидные, луновидные и прямоугольные с прорезью поясные бляхи (табл. 36: 8, 24), серьги с надетым на кольцо стержнем из согнутой вдвое проволоки. Шарнирные пряжки с сегментовидной рамкой и с щитком с растительным декором (табл. 36: 19) и детали поясных наборов (табл. 36: 12, 15, 20), по форме и декору близкие происходящим из Приуралья и Мордовии [Иванов П.П., 1952. Табл. XXX: 4, 6; XXXII: 11; XXXIV: 9; Голдина Р.Д., 1970. С. 90–91, табл. 6: 24, 26; Генинг В.Ф., 1979. С. 101, 102, рис. С. 32, 52, 59, 61, 63; Айбабин А.И., 1993а. С. 122, рис. 2: 1, 3, 6–9; 4: 1–2, 5].

В комплексах **двенадцатой** группы встречены некоторые вещи упомянутых выше типов: цельнолитые пряжки с овальным кольцом (табл. 36: 26), трехчастные пряжки с овальным кольцом из проволоки, луновидные и прорезные прямоугольные поясные бляшки и перстни с цилиндрическим гнездом, железные фибулы и обломок малой пальчатой фибулы типа Кишкереш [Айбабин А.И., 1993а. С. 123, рис. 2: 8, 9, 15, 18; 3: 12; 7: 15, 18, 20, 21].

Для комплексов данной группы типичны византийские пряжки типа Коринф 2 (табл. 36: 34; 37: 34, 38), цельнолитые пряжки с овальным кольцом (табл. 36: 23; 37: 45), цельнолитые пряжки с щитком, отлитым в виде трех дисков, шарнирные пряжки и пряжки с фигурным щитком с изображением серд-

цевидных листьев (табл. 36: 36), пряжки с кольцом из проволоки (табл. 36: 35). Шарнирные пряжки с В-образным в плане литым плоским в сечении кольцом аналогичны пряжкам типа Сардиния, отнесенным О. Хессеном к VII в. [Hessen O., 1974. S. 554, Abb. 6]. В могилах той же группы находились византийские серьги с пирамидкой из зерни с припаянным полым шариком с тремя зернинками (табл. 36: 47) и с припаянными к кольцу зернинками и шариком (табл. 36: 46), уральские шарнирные пряжки с сегментовидной рамкой, поясные бляхи оправы (табл. 36: 29) того же типа, что и обнаруженные в Песчанке и Столбицах с солидом Льва III Исавра 717–741 гг., салтово-маяцкие цельнолитые бронзовые пряжки (табл. 36: 39, 44), штампованные круглые бляхи, двухщитковые бляхи с прямоугольными приемниками, бубенчики составные (табл. 36: 30) и цельнолитые с рифленой нижней частью, квадратные ворворки (табл. 36: 37, 38), литые серьги со стерженьком с шаровидным завершением (табл. 36: 32), колодки для подвешивания бусин с тремя отверстиями (табл. 36: 4), копоушки (табл. 36: 42) и перстни со стеклянной вставкой, закрепленной крестообразно расположенными лапками (табл. 36: 33).

В комплексах **тринадцатой** группы византийские пряжки типа Коринф 2 (табл. 36: 34; 37: 32, 33), интересны шарнирные пряжки с ажурным щитком, серебряные пряжки, на щитках которых вычеканены тюльпан с двумя стеблями и стоящая в круге утка с шарфом на шее и веткой в клюве. Основные элементы описанной композиции представлены в декоре красноглиняной гончарной ойнохой из Скалистого из склепа 307. На покрытой желтым ангобом поверхности сосуда коричневой краской изображены утка в круге с шарфом на шее, веткой в клюве и тюльпан (табл. 38: 44–46). В рассматриваемых комплексах доминируют салтово-маяцкие цельнолитые гладкие (табл. 36: 48) и рифленые (табл. 36: 60) бубенчики, колокольчики (табл. 36: 49), перстни со стеклянными (табл. 36: 33) и металлическими вставками, закрепленными крестообразно расположенными лапками (табл. 36: 58), двухчастные коробочки (табл. 36: 54), отлитые в виде цепочки колодки для подвешивания бус (табл. 36: 59).

В комплексах **четырнадцатой** группы содержатся салтово-маяцкие разнотипные пряжки, гладкие бубенчики и коробочки, наконечники (табл. 36: 57), бляшки (табл. 36: 51, 52, 56, 65) и украшения (табл. 36: 61, 62, 66, 67), византийские височные подвески со штампованными изображениями смотрящих на кустик павлинов или птиц с поднятыми крыльями (табл. 39: 25, 26). Щиток серебряной пряжки из Скалистого из склепа 241 украшен семью круглыми гнездами с синими и зелеными стеклянными вставками, а в центре – треугольным гнездом с синей вставкой. Находка в Скалистом склепе 127е вместе с салтово-маяцким пояс-

ным набором красноглиняной миски (табл. 38: 47), покрытой плоским красным лаком, подтверждает вывод С.А. Плетневой о более длительном, чем принято считать, использовании краснолаковой керамики [Плетнева С.А., 1963. С. 33].

Судя по стратиграфическим наблюдениям в погребальных сооружениях Эски-Кермена и Лучистого, комплексы одиннадцатой группы позднее комплексов второй половины VII в., но раньше комплексов двенадцатой группы, которые старше комплексов тринадцатой и четырнадцатой групп. В Лучистом в склепе 6 слой с вещами четырнадцатой группы находился под слоем с десятью скелетами с инвентарем X–XII вв. и монетой 1143–1180 гг. [Айбабин А.И., 1999. С. 283, 284]. Комплексы одиннадцатой группы по однотипным находкам из Приуралья отнесены к первой половине VIII в. Салтово-маяцкие украшения второй половины VIII – первой половины IX в. [Плетнева С.А., 1967. С. 137, 140, рис. 36; 1981а. С. 64, рис. 37] имеются в составе комплексов двенадцатой и тринадцатой групп (табл. 36: 32, 33, 38, 41, 42, 45; 39: 25–52). Двенадцатую группу, видимо, можно датировать второй половиной VIII в., а тринадцатую по салтово-маяцким вещам – первой половиной IX в. Комплексы четырнадцатой группы старше захоронений, совершенных после начала X в. (табл. 37). При определении верхней хронологической границы данной группы необходимо учитывать факт отсутствия в них стеклянных браслетов, распространившихся в Крыму с рубежа IX–X вв. Вероятно, последнюю группу следует датировать второй половиной IX в.

В начальный период хазарского протектората, до выступления против них местных правителей, в этническом составе населения Готии не произошло каких-либо существенных изменений. Связи с Хазарией проявились в инвентаре некрополей. В это время аланы и готы наряду с вещами крымско-византийского круга носили популярные в хазарском каганате украшения и детали поясных наборов “уральского типа” (табл. 36: 8, 12, 15, 18, 20 и др.).

В регионе уцелели все возникшие ранее города, поселения и продолжали функционировать некрополи: в Алустане (52), Лучистом (53), Партените (49), Суук-Су (48), Гугуше (47), Артеке (46), Горзубитах (43), Гурзуфской котловине (44), Бал-Готе (42), Ореанде (39), Кореизе (37), Кекенеизе (35), Симеизе (36), Скалистом (29), на плато Бакла и у его подножия (28), в Фыцках (26), Баштановке (24), Малом Садовом (21), Аромате (20), Большом Садовом (16), на Мангупе и окрестных некрополях (15), на плато Эски-Кермен (14), в Терновке (13), на склоне Сахарной головки (8), в Бобровке (11), на могильнике Узень-Баш (6), на Черной речке (4), на Загайтанской Скале (3), в Балаклаве и ее окрестностях (2), в Херсоне и на его хоре (1), у подножия пещерных монастырей Чилтер-Коба (17), Шулдан

(10) и Чилтеры (Мармара) (9). Поселения с керамикой VIII–IX вв. обнаружены в селе Родниковое (7) южнее могильника Узень-Баш, в Передовом (12), Пампук-Кае (19) и Гончарном (5) [Якобсон А.Л., 1970. С. 60–104, 110–117]. Новые плитовые могильники – в Семидворье (51), Малом Маяке (50). Некрополи фиксируют увеличение населения Эски-Кермена, Чуфут-Кале, поселений, окружающих Мангуп и Баклу и южнобережных селений.

В VIII–IX вв. на горнокрымских некрополях выявлены погребальные сооружения семи типов: склепы (табл. 32: 10–16), подбойные (табл. 32: 2, 9), вырубные (табл. 32: 6) и плитовые могилы (табл. 32: 3), ямные со стенками, выложенными камнями (табл. 32: 7), грунтовые могилы (табл. 32: 1, 5, 9) и усыпальницы (табл. 32: 4).

Склепы, могилы с заплечиками с перекрытием из плит (табл. 32: 1), плитовые, подбойные и простые грунтовые могилы по конструкции такие же, как и более ранние. На некрополе Черная речка с VIII в. в склепах совершали по одному или два захоронения. На всех других могильниках в камерах хоронили представителей нескольких поколений одной семьи (табл. 32: 11). В Скалистом и Херсоне погребали в деревянных гробах. На склоне Эски-Кермена в бортах дромосов вырубали небольшие подбой для грудных детей (табл. 32: 13). В Горном Крыму на разных могильниках склепы отличаются по набору инвентаря. В Скалистом и у подножия Баклы почти в каждом склепе стояли керамические и стеклянные сосуды. В Лучистом, Суук-Су, на склоне Чуфут-Кале – по одному, реже по два бокала и рюмки. На склонах Эски-Кермена и Сахарной Головки, у подножия Мангупа, в Малом Садовом, в Узень-Баше в камерах склепов керамика весьма редка. В двух могильниках (Скалистом и Лучистом) у нескольких погребений были обнаружены христианские надгробия (табл. 40).

На склонах Эски-Кермена в самых поздних подбойных могилах и в вырубленных в скале могилах с антропоморфным углублением содержались вещи первой половины VIII в. На склоне Эски-Кермена и на Мангупе в VIII–XII вв. в скале вырубали и овальные в плане могилы с прямыми или покатыми бортами [Айбабин А.И., 1993а. С. 128].

В Суук-Су, на Бал-Готе и в урочище Гугуш в VIII–IX вв. погребали только в плитовых или в накрытых плитами могилах. Видимо, церковь на некрополе Суук-Су построили не ранее IX в. В плитовых могилах на горнокрымских сельских, монастырских и церковных некрополях у подножия Баклы [Рудаков В.Е., 1984. С. 40], в Партените, Малом Маяке, Семидворье, Кореизе, Родниковом, Гончарном хоронили и после конца IX в. представители всех этносов.

На склоне Эски-Кермена в могиле с заплечиками 243 найдены салтово-маяцкие украшения

(табл. 36: 33, 49) и вещи, типичные для Приуралья. В Скалистом зачищены две могилы с перекрытием из плит и с обложенными камнями бортами (табл. 32: 7) с деталями поясных наборов первой половины VIII в. Такие могилы с первой половины VI в. сооружали на Северном Кавказе [Минаева Т.М., 1971. С. 67–68; Ковалевская В.Б., 1981. С. 92, рис. 65: 3].

Грунтовые могилы с вертикальными бортами (табл. 32: 5, 8) второй половины VIII–IX вв. выявлены в Скалистом среди склепов и в Бал-Готе, Суук-Су, Партените, на Бакле. Скелеты ориентированы черепами на запад или северо-запад. В могилах почти отсутствовал инвентарь. На Эски-Кермене они выкопаны в почвенном слое, перекрывающем склепы, вырубные и подбойные могилы. В могиле 206 погребенный накрыт черепицей IX–X вв. В Лучистом в таких могилах лежали височные подвески со штампованным изображением птиц второй половины IX в., салтово-маяцкие пряжки и серьги [Айбабин А.И., 1993а. С. 129, рис. 6: 50; 9: 7, 8, 20; 10: 18; 7: 10].

В IX в. погребали в усыпальницах двух вариантов: 1) с камерами и короткими дромосами, вырубленными в материковой скале на Эски-Кермене и Мангупе (табл. 32: 4), 2) с камерами, сложенными из известняковых блоков в ямах, выкопанных в грунте у подножия Баклы и в Судаке.

Сельские жилища, исследованные в Передовом, Гончарном, Родниковом и Бобровке, состояли из жилого и хозяйственного помещений со стенами глинобитно-жердевой конструкции, сооруженными на каменном цоколе, и соломенной крышей. В жилом помещении находился открытый очаг. Глинобитные полы слегка заглублены.

Находки из жилищ свидетельствуют о доминировании земледелия и скотоводства в экономике Готии. В хозяйственных помещениях обнаружены пифосы, ручные круглые жернова, зернотерки, обломки серпов, скопления культурной ржи и мягкой пшеницы, кости домашних животных – быка, барана, овцы, козы, лошади, свиньи. На полу жилищ также лежали пряслица, использовавшиеся при прядении шерсти [Якобсон А.Л., 1970. С. 117–120, 149–151].

Не смирившись с потерей региона, Византия значительно активизировала идеологическую и культурную экспансию в Горном Крыму. Стремясь распространить через Готию христианство в других регионах Хазарии, Константинополь после 692 г., но до 753 г. основал Готскую епархию [Айбабин А.И., 1999. С. 208]. Согласно росписи в нотиции 787 г. в нее входила епархия хотциров. Главная резиденция митрополии находилась в Доросе [Darrouzès J.A., 1981. Р. 241, 242]. О начальной истории Готской епархии сообщается в житии святого Иоанна Готского, созданном между 815 и 842 гг. [Васильевский В.Г., 1912. С. 406; Ševčenko, 1977. Р. 115; Huxley G., 1978. Р. 161]. В нем говорится об участии в иконоборческом собо-

ре 753–754 гг. неназванного епископа Готии, который подписал решение об отмене иконопочитания и был возведен в сан митрополита Гераклеи Фракийской [Васильевский В.Г., 1912. С. 396, 406], но прихожане контролируемой хазарами Готии не пожелали признавать решения собора и в 755 г. избрали епископом Иоанна, которого в 758 или 760 г. рукоположил католикос Грузии. Иоанн на своей родине в торжище Партениты основал для сторонников иконопочитания монастырь св. Апостолов Петра и Павла, снабдив его книгами. В Партените в 1871 г. Д.М. Струков раскопал предалтарную часть базилики. В вымостке ее пола нашли плиту с надписью, которую издал В.В. Латышев. В ней сообщается о возобновлении митрополитом города Феодоро и Готии Дамианом в 1427 г. храма Апостолов Петра и Павла, основанного Иоанном Готским: "...архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником..." [Латышев В.В., 1896. С. 77, 78, № 70]. Н.И. Репников доследовал храм, раскрыв трехнефную, трехапсидную базилику с резными мраморными капителями и мозаиками.

В 786 или 787 г. возникло противостояние между местными властями и хазарским каганом. Он ввел в крепость Дорос хазарский военный отряд. Не желая с этим мириться, Иоанн вместе с "господином Готии и его архонтами" и ее жителями восстали, изгнали хазар из Дороса и овладели елисурами (климурами) – горными проходами. Жители одного селения предали архирея. Каган пощадил господина Готии, но казнил семнадцать "рабов" (крестьян), а Иоанна посадил в тюрьму, из которой тот бежал [Васильевский В.Г., 1912. С. 397–398, 416–417].

Как явствует из текста жития, в ходе антихазарского восстания боевые столкновения происходили в основном в Доросе. Тогда и был спрятан на Мангупе в поврежденной стене клад монет-подражаний византийским солидам [Герцен А.Г., Сидоренко В.А., 1988. С. 127–132]. Хазары, возможно, после усмирения восставших вновь разместили на Мангупе небольшой гарнизон. На плато зачищены грунтовые могилы, близкие по обряду открытым на салтовских могильниках в Подонье. По наблюдению А.Г. Герцена, в конце VIII в. на Мангупе ремонтировались оборонительные стены. Значительное сокращение на плато заселенной площади свидетельствует о существенном уменьшении числа жителей поселения [Герцен А.Г., 1990. С. 114, 137–138]. Исследователи Эски-Кермена утверждали, что хазары сильно разрушили на плато дома и уничтожили его оборонительную систему в 787 г., отвоевывая город у восставших [Репников Н.И., 1932а. С. 209; Веймарн Е.В., 1958. С. 25, 26]. Оба аргументировали свой вывод фактом вырубки в конце VIII в. главных ворот пещерных храмов, которые облегчали противнику подход к укреплениям. Однако по самым ранним вещам из храмовых

усыпальниц (браслетам из синего стекла и украшениям конца IX–X вв.) сооружение храмов датировано концом IX в. Да и расположены они в нижней части основного массива скалы и на площадках подъемной дороги. Скорее всего, храмы вырубались с учетом безопасности оборонительной системы. Приведенные факты опровергают мнение об уничтожении хазарами в 787 г. укреплений города [Айбабин А.И., 1991. С. 46–47].

С хазарским разгромом Е.А. Паршина связывает пожары, уничтожившие усадьбы первого строительного периода в Партените. Извлеченные из накопившегося в них слоя северопричерноморские амфоры VIII – начала XI в. и второй половины VIII – начала XI в., гончарные фляги и византийские монеты Михаила I (811–813), Василия I с соправителем Константином (869–879) позволяют относить гибель усадеб к более позднему времени [Паршина Е.А., 1991. С. 69–78, 93].

Судя по данным археологических материалов, после подавления восстания болгары, пользуясь покровительством хазар, селятся в Готии. На Главной гряде на Басманском хребте обнаружен скотоводческий комплекс, состоявший из пещеры с культурным слоем с салтово-маяцкой керамикой и загона для скота (44). В Поворотном (22), в балке Горный Ключ (23), на плато Кыз-Кермен (25) возникли поселения с типичными для салтово-маяцкой культуры горшками с врезным волнистым или линейно-волнистым орнаментом. На поселении Горный Ключ раскрыты усадьбы с огороженными дворами и домами, состоящими из жилого помещения с открытым очагом и хозяйственной постройкой. В торжище Партениты зачищены дома со стенами, сооруженными кладкой в елку [Паршина Е.А., 1991. С. 69, 70]. Возведенные без фундамента стены в углах не перевязаны [Романчук А.И., Омелькова Л.А., 1979. С. 93, 94]. На плато Кыз-Кермен [Белый А.В., Назаров В.В., 1992. С. 132–142; Белый А.В., 1993. С. 49–63], в Передовом, на плато Пампук-Кая [Якобсон А.Л., 1970. С. 117–119], на посадке городища Бакла [Рудаков В.Е., 1975. С. 25–28; 1979. С. 105–109] на Загайтанской Скале [Веймарн Е.В., 1963. С. 63–67] раскопаны дома из двух или трех помещений со стенами на каменном цоколе, с глинобитными или земляными полами и со строительным перекрытием с соломенной крышей. Стены некоторых домов сложены в елку. У многих домов цоколи являлись основанием легких турлучных конструкций, состоящих из тонких вертикальных стояков, соединенных плетнем и обмазанных толстым слоем глины. В жилых помещениях находились открытые очаги. По планировке, технике кладки стен, форме очага и другим признакам дома аналогичны болгарским домам из Восточного и Центрального

Крыма. Очевидно болгары теснили в Юго-Западном Крыму аланские и готские общины.

Возникновение в конце VIII в. в Горном Крыму в условиях наступившей стабильности новых поселений способствовало росту основных отраслей экономики Готии: земледелия, виноделия и скотоводства. Гончарную керамику для населения области изготавливали в созданных в Трудолюбовке (30), Ялте (41), Ливадии (40), Мисхоре (38) новых производственных центрах. Там делали и обжигали в печах фляги, черепицу и северопричерноморские амфоры первого типа [Якобсон А.Л., 1979. С. 51–56; Баранов И.А., 1979. С. 112–116; Бабенчиков В.П., 1980. С. 275–280, рис. 4: 5, 8] второй половины VIII–IX вв.

Несмотря на ведущую роль в восстании епископа Готии, каган не препятствовал деятельности Константинопольской патриархии в традиционно христианских регионах Хазарии. На одном из вновь основанных в низовьях р. Бельбек поселений (в Поворотном) в конце VIII в. строится новая трехнефная базилика [Романчук А.И., 1976а. С. 10–18, рис. 2]. В схолии в нотиции времени патриарха Никифора (806–815) среди принадлежавших патриархии областей упомянуты Херсон, Хазария и все северные Климаты [Vasiliev A.A., 1936. P. 135].

Вероятно, Византия в результате заключения с хазарами договора о стратегическом союзе вернула эти крепости (климаты) под свое управление. Другие районы полуострова остались под контролем хазар. Быть может, с организацией фемы связаны перестройка цитадели Баклы и обороны Мангупа, строительство новой крепости в долине р. Бельбек на высоком плато Сюйрень у с. Малое Садовое.

На Бакле в цитадели утолщается ранняя куртина (табл. 30: 3). В 30–40 см от нее на склоне из хорошо отесанных каменных блоков (0,9 × 0,5 × 0,4 м) на известняковом растворе возводится новая облицовочная кладка. Промежуток между ней и стеной заполнен бутом и залит тем же раствором. На юго-восточном фланге стены у обрыва зачищено высеченное в скале полукруглое основание башни или боевой площадки. Внешний и наружный панцири второй куртины сооружены на материковой скале из хорошо отесанных блоков от 0,4 × 0,4 × 0,3 м до 0,6 × 0,4 м на известняковом растворе. Ее ширина 2,5 м.

В северном углу цитадели в месте стыка обеих куртин находились калитка или ворота и прямоугольная башня с фундаментом из плит и стенами, сложенными так же, как и утолщение и новая куртина [Талис Д.Л., 1974. С. 99–103]. Утолщение и вторая куртина перекрыли засыпанные цистерны. В их заполнении содержались фрагменты северопричерноморских амфор, красноглиняных ойнохой VII–IX вв. (типа: табл. 41: 2) и горшков с венчиками с насечкой (табл. 41: 23, 24) и с туловом со сплошным линейным и волнистым орнаментом (табл. 41: 25) [Талис Д.Л., 1974. С. 104, рис. 33; 1982. Рис. 1: 1; 13; 14] второй по-

ловины VIII–X вв., типичные для салтово-маяцкой культуры [Плетнева С.А., 1967. С. 28; 1994/1995. Рис. 56: 3–12]. Д.Л. Талис, указав на отсутствие в заполнении цистерн фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных сосудов, отнес извлеченную из них керамику к первой половине IX в. [Талис Д.Л., 1974. С. 104]. Из слоя, накопившегося в период функционирования перекрывших цистерны оборонительных сооружений, извлекли фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками второй половины IX–XI вв. (табл. 41: 1) и гончарных горшков с волнистым орнаментом (табл. 41: 3), похожие на имеющиеся в составе комплекса первой половины IX в. из водохранилища в Херсоне [Седикова Л.В., 1995. Рис. 6: 8]. Из того же слоя происходят фрагменты белоглиняных поливных монохромных сосудов второй половины VIII – начала XII в. (табл. 41: 4, 11), так и второй четверти X – начала XII в. (табл. 41: 5–10, 12–20) [Талис Д.Л., 1976. Рис. 1: 2, 4–10, 13, 19, 20; 3: 6, 7] и белоглиняных полихромных сосудов (табл. 41: 21) конца X–XI вв. [Талис Д.Л., 1976. Рис. 2: 3, 4]. По керамике рассматриваемый слой датируется серединой IX – началом XII в. Скорее всего, стены цитадели восстановили около середины IX столетия [Талис Д.Л., 1982. С. 62; Сазанов А.В., 1994. С. 53].

О времени сооружения на плато Мангуп в Лагерной балке новой куртины А в какой-то степени дает представление женское захоронение с салтово-маяцкими серьгами второй половины VIII–IX вв., защищенное в ее строительной траншее [Герцен А.Г., 1990. С. 114, 135, 155].

На плато Сюйрень оборонительные сооружения отделяют от его остальной части оконечность ограниченного обрывами мыса Куле-Бурун. Укрепления состоят из двух двухпанцирных куртин и двухэтажной башни между ними. К западу от башни находится калитка, а к востоку – ворота. На разрушенных участках западной куртины сохранились высеченные в скале постели. Кладка панцирей выполнена из хорошо обтесанных блоков на известковом растворе с примесью речного песка. Узкий промежуток между ними заполнен бутом. Башня выложена идентичной кладкой вперевязь с панцирями стен. На каждый этаж вела лестница, начинавшаяся от калитки. В стене первого этажа сдела-

ны три бойницы, а в стене второго – три окна. На плато выявлен тонкий культурный слой с керамикой второй половины VIII–XIII вв. [Талис Д.Л., 1974. С. 97, 109–110; Баранов И.А., 1990. С. 61].

По конструкции и характеру кладки упомянутые стены Баклы и Сюйрени отличаются от хазарских, но аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсонесе и других регионах Византии с IX в. [Foss C., Winfield D., 1986. P. 142–145, fig. 10: 15; 18].

По мнению Е. Арвейлер и Д. Оболенского, хазары обратились за военной помощью к Византии, опасаясь венгров [Ahrweiler H., 1971. P. 48; Obolensky D., 1979. P. 128, 129]. Они вторглись в степи Северного Причерноморья в середине 830-х годов. По предположению К. Цукермана, создание византийско-хазарского союза и предпринятые обоими государствами усилия по укреплению своей обороны были направлены против венгров [Zuckerman C., 1977a. P. 51, 52]. По словам Константина Багрянородного, “народ турков (венгров) в старину имел жительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леvedией...”. Через три года они под давлением печенегов бежали в Ателкузу – в междуречье Днепра и Серета [Константин Багрянородный, 1989. С. 159; Плетнева С.А., 1976. С. 63, 64].

Венгры совершали набеги в Крым. Возможно, в Центральном Крыму они уничтожили поселение Тау-Кипчак. Напомню, что там в сгоревших жилищах найдены амфоры конца VIII–IX вв. (табл. 31: 11, 12) и синхронные им северопричерноморские. В Готии в низовьях р. Бельбек (в Поворотном) в слое разрушения жилищ и византийской базилики обнаружены фрагменты ойнохой и северопричерноморских амфор. Однако на обоих поселениях в развалинах построек отсутствовали производившиеся с середины IX в. высокогорлые кувшины с плоскими ручками и белоглиняная поливная керамика [Романчук А.И., 1976а. С. 18, 23, 24; Щербакова В.С., 1976. С. 27–29]. Эти комплексы фиксируют гибель поселений около середины IX в.

Городища и многие поселения Климатов, заселенные аланами, готами и болгарами, пережили нападения мадьяр и хазар. Связанные с ними некрополи функционировали до конца IX в. (табл. 36: 54–70) и позднее [Айбабин А.И., 1993а. С. 130].

Херсон

В 704 г., узнав о свержении императора Леонтия Юстиниана, ранее сосланный в Херсон, стал заявлять о своих планах возвратить трон. Херсонцы, опасаясь гнева нового императора Тиверия III Алсимира, решили либо убить ссыльного, либо отправить его в столицу. Юстиниан бежал из Херсона и, по словам Никифора, “...скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле” [Чичуров И.С.,

1980. С. 163]. Там он оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии. Каган разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и выдал за него свою сестру. Однако в ответ на просьбы императора Византии каган приказал своим местникам в Боспоре и Фанагории задушить Юстиниана II. Последний, узнав от жены о приказе кага-

на, сам задушил присланных убийц и бежал в другой приморский город, Таматарху. На корабле беглец приплыл в гавань Символа, где к нему присоединились находившиеся в Херсоне его сторонники. Далее он достиг устья Дуная и с помощью хана дунайских болгар Тервела в 705 г. захватил власть в империи. В первые годы второго царствования Юстиниана II каган поддерживал с ним дружеские отношения и возвратил ему жену, родившую сына [Кулаковский Ю.А., 1996. Т. III. С. 271–274, 282]. В 711 г. император для наказания жителей Херсона направил в Крым флот со сотысячным войском под командой патрикия Стефана. Согласно сведениям Нификора и Феофана, овладевшие Херсоном византийцы пленили там хазарского тудуна – архонта Херсона, бывшего там от лица кагана, протополита Зоилу и шестьдесят семь “знатных мужей, протевонив Херсона” [Чичуров И.С., 1980. С. 64]. Протополит Зоила, очевидно, возглавлял городской сенат, состоявший из протевонов [Якобсон А.Л., 1959. С. 37, 38; Соколова И.В., 1983. С. 113]. Возможно, они, опасаясь мести Юстиниана II, и пригласили в город хазар. Присланный каганом тудун управлял городом вместе с протополитом.

Рассказы Феофана и Никифора об уничтожении ромеями всего населения Херсона явно не достоверны. С войсками Стефана в Херсон прибыл назначенный императором архонт спафарий дорифор Илья. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь. Однако архонты Херсона и Готии, не доверяя императору, вновь призвали хазарские войска. По Феофану, архонт Илья, “херсониты и жители других крепостей” отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Разгневанный Юстиниан II вновь отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбили тараном две городские башни. В результате раскопок И.А. Антоновой и А.И. Романчук в портовом районе Херсона выявлены разрушенные во время осады Мавра оборонительные сооружения и жилые кварталы [Антонова И.А., 1971. С. 116; Романчук А.И., Белова О.Р., 1987. С. 62, 63]. Подоспевшие войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Византийские воины отреклись от Юстиниана II и провозгласили новым императором бежавшего к кагану Вардана, переименовав его в Филиппика. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить выкуп за каждого воина [Чичуров И.С., 1980. С. 64, 65].

Описанные события красноречиво характеризуют реальные позиции Византии и каганата на полуострове после 712 г. После уничтожения карателями протевонив, Херсоном управлял перешедший на сторону Вардана архонт спафарий Илья. Приме-

чательно, что херсонцы не позволили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Хазары признали принадлежность Херсона империи, но установили свой протекторат над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне.

Из города происходят печати VIII в. представителей византийской военной администрации – ипата и комита Косьмы [Соколова И.В., 1983. С. 145–146, № 2] и офицера императорского кандидата и комита Исоа [Соколова И.В., 1991. С. 203, № 49], печать высшего финансового чиновника императорского спафария главного логофета первой половины VIII в. [Соколова И.В., 1991. С. 203, 210, № 41].

Утрата политического и военного контроля над Готией и карательные экспедиции не могли не вызывать в Херсоне кризис экономики, но не привели к полному замиранию экономической деятельности. Не прекращалась торговля с метрополией и Готией. В Херсоне найдена печать с изображением Льва III и Константина V 739–751 гг., архонта Влатия и главного коммеркиария, которой опечатывали тюк с произведенными в мастерских Константинополя шелковыми тканями [Соколова И.В., 1991. С. 202, № 11]. В VIII в. в город из Византии завозили белоглиняную поливную керамику [Седикова Л.В., 1997. С. 15; 1998. С. 646, 648, 649]. В местных бронзолитейных мастерских изготавливали византийские поясные пряжки VIII в. с прямоугольной рамкой (табл. 42: 6), пряжки типа Коринф 2 (табл. 42: 8, 9) второй половины VIII–IX вв. и другие. Скорее всего, там же сделаны и многие обнаруженные на территории Готии однотипные византийские пряжки (табл. 37: 22, 32, 37, 38, 45; 36: 36, 40; 42), крестики и украшения. Вероятно, через Херсон попали в Скалистое золотые тремиссисы Вардана Филиппика (711–713) и Константина V (741–775) [Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. С. 167], а на Баклу – византийские белоглиняные сосуды.

Обстановка в Херсоне в первой половине IX в. охарактеризована в содержащемся в сочинении Константина Багрянородного докладе Петроны Каматира императору Феофилу (829–842) [Константин Багрянородный, 1989. С. 172]. Из доклада следует, что Херсон оставался византийским городом, которым управляли архонт и возглавлявшие органы самоуправления протевон и отцы города. А.В. Вишнякова считает владельца печати ипата и кира Херсона Исаака отцом города, занимавшим должность эпарха (градоначальника) [Вишнякова А.Ф., 1939. С. 123]. Никифор и Феофан неофициальным титулом кир именовали болгарских ханов Кубрата и Тервела, других варварских правителей [Чичуров И.С., 1980. С. 39]. Должности кира города нет в византийских табелях о рангах. На найденных в

Херсоне печатях, датированных второй половиной VIII в. или концом VIII – первой четвертью IX в. архонт Херсона имел византийский чин ипата или стратора, или спафария [Соколова И.В., 1983. С. 76, 145–147, № 1, 5, 5а, 67; Nesbitt J., *Oikonomidès N.*, 1991. Р. 183; Алексеенко Н.А., 1996. С. 156–159]. Скорее всего, их назначали из Константинополя. Происходящие из Херсона печати первой половины IX в. византийских офицеров спафарокандидата и турмарха Константина позволяют говорить о присутствии в городе византийского воинского контингента [Соколова И.В., 1991. С. 212, № 50, 51]. Судя по одновременным печатям финансовых чиновников магистра и главного лагофета Сергия и анфипата и коммеркиария, Херсон выплачивал империи налоги и торговые пошлины [Соколова И.В., 1991. С. 203, 210, № 42–43, 45; 1992. С. 194]. Печать второй четверти IX в. ипата и комита Иерона Косьмы свидетельствует о поступлении в Херсон товаров, ввозимых в Черноморские порты через Иерон [Соколова И.В., 1991. С. 211, 212, № 47].

Петрона предложил Феофилу создать фему в Херсоне. Как отмечалось выше, решение о создании фемы Климатов было принято летом 841 г. По словам Константина Багрянородного, император присвоил Петроне ранг протоспафария и назначил его стратигом новой фемы, “...повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться” [Константин Багрянородный, 1989. С. 173]. После учреждения фемы император ограничил полномочия городских органов самоуправления, подчинив протевона стратигу, и упразднил должность кира, в начальный период существования фемы сохранилась должность архонта Херсона с чином более высокого класса – спафарокандидата [Oikonomidès N., 1972. Р. 42, 57, № 13].

С середины IX в. реконструируются куртины и башни Херсона, поврежденные войсками Юстиниана II [Стржелецкий С.Ф., 1969. С. 25–29; Антонова И.А., 1971. С. 116–117; 1996. С. 114]. Во второй половине IX в. перестраиваются кварталы в Северном и Портовом районах. В цитадели возводятся два прямоугольных здания и храм, замыкавший пространство между ними (табл. 43: 16). Двор между зданиями с востока и запада ограждали стены. По предположению А.И. Антоновой, эти здания соорудили для военной администрации фемы [Антонова И.А., 1997. С. 14–17].

С созданием фемы активизировалась экономическая деятельность в Херсоне. Выше уже сказано о производстве в городе значительных строительных работ. При Феофиле возобновляется выпуск местных монет. На них и монетах Михаила III (842–867) изображены буквы П с омикрон – П°, означающие полис. Некоторые монеты Михаила отлиты с буквами П и Х, читаемые как – полис Херсона [Соколова И.В., 1983. С. 34–36; Анохин В.А., 1977.

С. 113–115, 127, 158, 159]. Херсон являлся важным византийским ремесленным и торговым центром в Северном Причерноморье. Именно там для экспедиции Петроны были подготовлены легкие гребные суда каматиры, предназначенные для плавания по рекам [Zuckerman C., 1997. Р. 213, 214] и каботаж. Найденная в Херсоне импортированная из Византии керамика, прежде всего редкие типы поливной посуды, свидетельствует о торговле с Константинополем и другими портами империи [Седикова Л.В., 1997. С. 20]. В результате изучения обнаруженных в нивелировочных слоях в Северном и Портовом районах керамических комплексов Л.В. Седикова установила, что в IX в. в городе по византийским прототипам изготавливали пять типов амфор и разнообразные столовые и кухонные сосуды. Гончарные печи были обнаружены и исследованы близ стен Херсона в Песочной бухте и на противоположном городу берегу Северной бухты, в районе Радиогорки [Седикова Л.В., 1997. С. 11, 16–21]. Продукция херсонских гончаров вывозилась в Готию.

И.В. Соколова, опираясь на разработанную ею типологию и хронологию печатей стратигов Херсона, предположила, что в 70-е годы IX в. фему Климатов преобразовали в фему Херсона [Соколова И.В., 1992. С. 191, 192]. Реорганизация фемы, видимо, произошла в связи с неспособностью империи эффективно контролировать территорию за пределами Херсона [Zuckerman C., 1997. С. 217, 221, 222]. Н. и В. Зайбт обоснованно выделили раннюю серию печатей стратигов Херсона с крестообразной монограммой, обращением и тетраграммой на лицевой стороне. Причисленные к данной серии печати стратигов Херсона, ипата Зоилы, императорских спафариюв Фоки и Константина отнесены к 50-м годам IX в. Печати другого стратига Херсона, Никифора, с так называемым нимбированным крестом датированы 860–880 гг. На одной печати у Никифора был ранг императорского спафарокандидата, а на второй – императорского протоспафария [Зайбт Н., Зайбт В., 1995. С. 91, 92]. Ему же принадлежали еще две вновь найденные в Херсоне печати [Алексеенко Н.А., 1998. С. 705, 706, 708].

Новая обстановка на полуострове отразилась в житии Константина-Кирилла Философа, возглавлявшего в 860–861 гг. миссию, отправленную из столицы империи через Херсон к хазарскому кагану. Прибыв в Херсон, он узнал о нападении хазар на один из христианских городов и отправился на переговоры с “воеводой” хазар, осадившим город. На обратном пути в Херсон на Константина напали мадьяры [Климент Охридски, 1973. С. 126, 127, 158]. В 860-е годы Анастасий Библиотекарь направил письмо епископу города Веллетри в Италии, в котором охарактеризовал обстановку в Херсоне, названном пограничным с хазарской землей, и на его хоре – Гераклеюском полуострове: “... место

опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся та часть Херсонской области была почти покинута, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить” [Ягич И.В., 1893. Прил. 6, с. 6, 7, 9, 10]. Житие Константина-Кирилла Философа и Анастасий Библиотекарь указывают на многоэтничность населения Херсона и его окружи. Константин изучал в городе хазарский и еврейский языки. Об обитателях Гераклеяского полуострова Анастасий писал: “Все жители того

места не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов” [Ягич И.В., 1893. Прил. 6, с. 6, 7, 9, 10]. Как отметил А.Л. Якобсон, житие и письмо свидетельствуют о соседстве хазар с областью Херсона, т.е. с его климатами [Якобсон А.Л., 1959. С. 46, 52]. По свидетельству материалов раскопок на Гераклеяском полуострове, в этот период там селились носители крымского варианта салтово-маяцкой культуры. На территории заброшенных херсонцами сельских усадеб были сооружены постройки со стенами, сложенными кладкой в елку и с характерной салтово-маяцкой керамикой [Яшайева Т.Ю., 1999. С. 351–356].

Крым в X – первой половине XIII века

Боспор-Корчев

Средневековый Боспор получил новое, созвучное современному имя Корчев где-то на рубеже X–XI вв. Впервые оно запечатлено на знаменитом Тмутараканском камне с высеченной на нем надписью об измерении князем Глебом Святославичем Керченского пролива по льду в декабре 1067 или январе 1068 г. “От Тмутороканя до Корчева” оказалось 14 000 сажень [Рыбаков Б.А., 1964. С. 16–17]. Никаких археологических свидетельств о Корчеве не было до раскопок в портовой части города на издревле освоенном удобном мысу, о которых уже шла речь выше (см. главу 3, с. 53–55). Здесь в сорока метрах севернее от стен церкви Иоанна Предтечи был открыт квартал, возведенный по правилам византийского градостроительства [Макарова Т.И., 1998. С. 344–398]. Возникновение его было связано с очередным утверждением власти Византии в Крыму и с ликвидацией хазарского правления на Боспоре [Айбабин А.И., 1999. С. 222]. Вещественным свидетельством этих событий стало разрушение стен хазарской крепости, погибшей в большом пожаре. Амфоры, красноглиняные кувшины ранних форм, византийская поливная белоглиняная керамика позволяют отнести эти события к IX в. Разрушение хазарской крепости было тотальным: ее остатки перекрывал плотный белый от включений крошки ракушечника снелированный слой, залегающий на глубине 2,1 м от современной поверхности.

На этой утрамбованной поверхности началась новая стройка. Была открыта часть квартала из пяти домов и двух пересекавшихся под прямым углом замощенных улиц (табл. 44: 3). Одна из них вела к северному входу в храм, что позволяет предположить, что застройка квартала велась с учетом уже стоявшей здесь или строящейся церкви (табл. 44: 8).

Пять домов, частично попавших в раскоп, сложены из плоских камней ракушечника, составляющих внутреннюю и внешнюю облицовку стен, с более или менее выраженными рядами (иногда – “елочкой”). Пространство между облицовкой стен забито бутом из бесформенных обломков ракушечника. Швы между камнями заложены большими обломками амфор и пифосов. Стены сохранились на высоту от пяти до девяти рядов камней (от 1 до 1,4 м). Судя по одной, полностью раскопанной постройке, жилища в квартале были двухкамерными, общей площадью до 50 кв. м

(табл. 44: 3, дом 2). Со стороны входа сохранилась плита порога с характерной затертостью и конструкцией для двери. Дом был двухэтажным: в двух случаях во внутренних панцирях кладок стен сохранились ступени. Аналогичные лестницы в нишах стен известны в Херсоне в домах X в., в которых нижний этаж, как и здесь, был хозяйственным [Якобсон А.Л., 1959. С. 297; 1964. С. 62]. Это типичные дома средиземноморского типа, прямоугольные в плане и двухэтажные, с примыкавшими к ним двориками. Застройка открытого раскопками квартала была тесной. Дома, не разделенные улицей, отстояли друг от друга всего на 0,5–0,3 м. Поэтому в северной стене дома 2 пришлось заложить окно после постройки почти впритык к нему следующего дома (табл. 44: 3, дом 3). Напротив них, по другую сторону улицы, располагался дом, очевидно, тоже двухкамерный (дом 1). Южная часть его, площадью в 12 кв. м, имела вход со стороны двора, примыкавшего к дому с запада. От входа сохранился дверной проем и плита порога с пятой от стояка двери. С внутренней стороны западной стены сохранились ступени: дом, как и строение 2, был, по всей видимости, двухэтажным. Пол был зафиксирован по глиняной подмазке на уровне нижних камней кладки стен, сохранившихся на высоту 5–6 рядов. Юго-восточный угол помещения был занят глинобитной сводчатой печью, в которой на поде был найден лепной горшок, близкий по общему облику лепной керамике из слоев XI–XII вв. Белой Вежи и Таманского городища (табл. 44: 2) [Плетнева С.А., 1959. Рис. 49; 1963. С. 10, 12, рис. 4, 5].

Остальные две постройки по технике строительства ничем не отличались от предыдущих. Существенно, что в общей планировке они образовывали единый комплекс домов по сторонам двух смыкающихся под прямым углом улиц, одна из которых, идущая по направлению север–юг достигала в ширину трех метров, другая, идущая по направлению запад–восток – 2,75 м. Мостились улицы дважды. Нижняя мостовая, как уже говорилось, представляла собой слой крошки белого ракушечника толщиной 0,15 м. Нижние ряды кладок домов покоились прямо на ней, ясно, что она была образована при закладке квартала из щебня и крошки белого ракушечника – основного строительного материала этих мест. Вторая мостовая плотно утрамбована обломками красно-

глиняной керамики, в основном – красноглиняных кувшинов, часто снабженных изнутри черным смолением. Она была открыта на глубине 1,60 м от современной поверхности и хорошо прослежена в профилях раскопа.

Такой обычай в Крыму хорошо известен с античных времен. Так, улица с черепяно-щебенчатой мостовой, уровень которой постепенно повышался, открыта раскопками в Мирмекии [Гайдукевич В.Ф., 1940. С. 301]. Такое же мощение из битой керамики было обнаружено при раскопках квартальной застройки VIII–IX вв. в Фанагории [Плетнева С.А., 1981. С. 16].

Полуметровый слой, залегающий между этими мостовыми, дал основной материал для датировки. Массу его составляли амфоры и кувшины. Они принадлежат к достаточно хорошо известным категориям тарной керамики Крыма IX–XII вв. Амфоры относятся к трем типам (табл. 45) [Якобсон А.Л., 1959. С. 21–26, рис. 5, 6].

Самые ранние из них снабжены высоким горлом и ручками, начинающимися под ним почти под прямым углом. Они круглодонные, сделаны из светлой глины и украшены зональным рифлением. Причерноморское происхождение их несомненно: А.Л. Якобсон открыл гончарные мастерские, где они изготовлялись в IX – первой половине X в. [Якобсон А.Л., 1954; 1959. С. 307].

Второй тип принадлежит круглодонным амфорам с грушевидным реберчатым туловом, низким горлом со слабо выраженным венчиком и начинающимися прямо под ним почти круглыми в разрезе ручками. Они встречаются в слоях X в. в Херсоне, Тиритаке, на Таманском городище, в Саркеле-Белой Веже [Плетнева С.А., 1959. С. 241–244, рис. 28, 3–6; 1963. С. 51].

Третий тип амфор характеризуется венчиком “воротничком” и массивными поднимающимися над ним ручками. Важно отметить, что они найдены при расчистке верхней (второй) мостовой. В Херсоне, Саркеле и на Таманском городище они появляются в слоях XI в. и исчезают в слоях XII в. [Якобсон А.Л., 1951. Рис. 11, 34–36; Плетнева С.А., 1959. С. 246, рис. 31].

В настоящее время можно было бы выделить среди этих амфор варианты с более узкой датой. С учетом новых исследований в Причерноморье у нас и за рубежом появились данные для пересмотра устоявшихся датировок средневековых амфор [Sazanov A., 1997. P. 97–102]. Однако воспользоваться этими новыми работами на материале находок раскопок в Керчи невозможно; в слое между мостовыми найдены лишь очень мелкие обломки, общее их количество на открытом участке улиц достигало двух с половиной тысяч, но идентифицировать их с определенными типами не удается.

Кувшины, найденные в том же полуметровом слое, представлены тоже мелкими обломками, их около 500 (табл. 45). Попадающиеся среди них фрагменты венчиков подтверждают наблюдение С.А. Плетневой: венчики с диаметром от 6 до 8 см характеризуют более ранние формы, венчики до 12 см диаметром – более поздние [Плетнева С.А., 1963. С. 54]. К этому можно добавить, что профиль венчиков тоже меняется: у ранних, узкогорлых кувшинов он сглаженный, у более поздних – рельефный, с четкой продольной канавкой. Меняется и цвет обжига глины: в первом случае она буро-красная, во втором – светлая, розовая.

Для датировки слоя мощения улиц важно отметить, что именно он дал большинство всех найденных обломков белоглиняной византийской поливной посуды второй половины IX–XI вв. (табл. 45) и стеклянных византийских браслетов с росписью. Самый ранний материал из слоя мощения улиц можно датировать не ранее второй половины IX в., самый поздний – XII в., скорее – его началом.

Материал из заполнения жилищ не представляет собой такого закрытого комплекса, как материал мощения улиц. Это понятно: камни рухнувших при гибели города стен разбирались на протяжении долгого времени. Так, в стенах открытых раскопками домов (табл. 44: 3) были зафиксированы четыре ямы для выборки камня с материалом XVII–XVIII вв. В заполнении жилищ попадались и обломки поливной керамики XII–XIV вв. – следы перекопов этого времени.

Но все же массовый материал из жилищ довольно однороден и не выходит за рамки XI–XII вв. Большинство его составляют амфоры с зональным рифлением и овальными в разрезе ручками и амфоры с венчиком-воротничком. Красноглиняные кувшины, как правило, имеют широкое горло (10–12 см в диаметре). Обломки белоглиняной поливной посуды представлены значительным разнообразием типов. Наряду с желтой и пятнистой зеленой поливой найден обломок чаши с наlepным рельефным узором, выполненный в редкой “лепестковидной” технике середины IX в. [Макарова Т.И., 1998. С. 141, рис. 2]. Найдены и обломки белоглиняных чашечек с подглазурной полихромной контурной росписью, появление которой исследователи относят к последней трети X в. В Корчеве, как и в Тмутаракани, они обнаружены в слоях XI – начала XII в. [Макарова Т.И., 1998а. С. 142–143].

В заполнении жилищ встречены обломки лощеных сосудов салтовского типа, а в одном из них найдено два целых красноглиняных кувшинчика, близких энохойевидным кувшинчикам из крымских городов, Саркела и Тмутаракани. Нередкой находкой были стеклянные византийские браслеты с росписью и кусочки стеклянных сосудов. На полу одного из жилищ найдено бочковидное шиферное пряслице.

Находки из заполнения жилищ говорят о том, что они перестали существовать в начале XII в. Обычных для слоев XII–XIII вв. амфор с высокими массивными ручками, так хорошо известных по напластованиям этого времени на Таманском городище, здесь нет. В целом материал из заполнения жилищ согласуется с находками из расчистки верхнего горизонта улиц, т.е. второй мостовой, представляющей собой дневную поверхность разрушения квартала.

Самые поздние находки этого горизонта – красноглиняная поливная керамика с орнаментом в технике граффито XI–XII вв., стеклянные витые, круглые четырехгранные стеклянные браслеты, доживающие в крымских городах до начала XII в., поздние типы красноглиняных кувшинов – подтверждают дату гибели квартала. Через несколько десятилетий автор “Слова о полку Игореве” назовет Сурож, Корсунь, Тмутаракань, а значит, и соседний, через пролив расположенный от Тмутаракани Корчев “землей незнаемой” [Рыбаков Б.А., 1952. С. 44]. Следовательно, археологические материалы, связанные с жизнью открытого раскопками квартала – это то немногое, что проливает свет на историю города, когда он поменял свое древнее имя Боспор на славянское Корчев.

Мы теперь знаем, что в портовой части Корчева существовал квартал, построенный в традициях византийского градостроительства (табл. 46: 6). Из средневековых городов Северного Причерноморья самый яркий пример его дает Херсон. Прямоугольные кварталы, завершающиеся площадями с храмом – типичный элемент византийского градостроительства, восходящий к регулярной планировке позднеермской архитектуры [Яковсон А.Л., 1964. С. 60].

Зафиксированное раскопками разрушение квартала Боспора-Корчева в начале XII в., вероятно, содержит в себе указание на вторжение в пределы Крыма новых кочевников-половцев [Плетнева С.А., 1975. С. 276], разгромивших прибрежные строения города. Однако, половецкое вторжение ненадолго прервало строительство в столь важном городском районе. Из камней рухнувших домов строились новые. Отдельные кладки их были раскрыты раскопками с материалом XIII–XIV вв. Постройки при этом повторяли более древнюю планировку, что объясняется обычным для южных городов использованием частей кладок более старых построек для возведения новых и, безусловно, той организующей ролью, которую играла сохранившаяся до наших дней церковь Иоанна Предтечи. Раскопки около нее, проводившиеся в связи с реставрационными работами, позволили вскрыть на глубину до трех метров участок общей площадью 95 кв. м у южной стены церкви и у ее апсид [Макарова Т.И., 1982. С. 91–106; 1998. С. 344–393] (табл. 46: 4).

Главным результатом этих раскопок стала возможность документально связать строительство церкви Иоанна Предтечи с открытым кварталом Корчева.

Вдоль южной стены церкви был открыт участок стены, “вросший” в землю на 2 м и часть фундамента, местами на 6 рядов кладки. При этом между пилястрами удалось уловить на протяжении 2,5 м полуметровую полосу строительного мусора, прослеженного и в профиле раскопа (табл. 46: 2–4). Она подходила вплотную к самым нижним камням стены церкви, в отличие от слоев строительных ремонтов, лежавших выше. Полоса строительного мусора была перерезана в непосредственной близости от стен церкви каменным ящиком могилы № 15.

Строительный мусор состоял из розовой прослойки с вкраплениями битой плинфы, черепицы и керамики, белого раствора с морским песком, который и сейчас называют “греческим”, и желтоватого раствора того же состава. Мелкие обломки плинфы по толщине и цвету глины идентичны плинфе, использованной в кладке стен церкви. Керамические обломки представлены разбитыми черносмолеными красноглиняными кувшинами и обломками белоглиняной византийской посуды с пятнистой зеленой поливой и рельсовидными венчиками. Слой земли, на котором сохранился строительный мусор, местами розовый от его вкраплений, очевидно, являлся дневной поверхностью времени постройки храма Иоанна Предтечи. Она залегает на той же глубине, что и первое покрытие мостовой Корчева – 2,2 м от современной поверхности. Совокупность этих фактов дает основание предполагать одновременное или очень близкое по времени возведение храма и открытого квартала Корчева.

Раскопки прицерковного кладбища дополняют данные в поддержку этой датировки. Кладбище занимало значительную площадь. При разбивке сквера в наши дни отдельные погребения встречались даже в 20 м к востоку от апсид церкви. Исследовать удалось погребения, находившиеся в непосредственной близости от нее, вдоль ее южной стены и около апсид (табл. 47: 9). Они были совершены в каменных ящиках из поставленных на ребро плит из белого ракушечника (табл. 47: 1). Всего было открыто около 50-ти таких ящиков, содержащих от двух до шести последовательных захоронений и служивших семейными склепами. Погребенные лежали в них на спине, головой на запад, с руками, сложенными на груди или вытянутыми вдоль тела. Глубина ящиков не превышала 0,40 м, и при повторных захоронениях кости предыдущих погребений нарушались и сгребались в углы ящиков. Но попадались и ящики, в которых было захоронено несколько умерших без следов разрушения скелетов предшествующих захоронений. Закладные

плиты часто украшались тщательно вырезанными византийскими крестиками с расширяющимися концами. Почти все могилы были ограблены в древности, часть – при совершении погребений, непосредственно перекрывающих нижележащие, часть – в татаро-турецкой период, о чем говорят находки в их заполнении обломков поливной керамики XIV–XV вв.

Почти 2 м культурного слоя около церкви оказалось буквально “забито” каменными ящиками могил, располагавшимися ярусами так, что перекрытие нижнего служило дном верхнего. По устройству ящиков и обряду эти погребения целиком вписываются в погребальные традиции средневекового Крыма [Махнева О.А., 1968. С. 155–168]. Инвентарь, обнаруженный в них, находит бесспорные аналогии в плитовых могилах Крыма из старых раскопок Н.И. Репникова [Репников Н.И., 1906. С. 4–35] и раскопок О.И. Домбровского на Южнобережье [Домбровский О.И., 1974. С. 5–56]. Могилы у стен церкви можно разделить на два горизонта: первый, древнейший, нарушал уровень дневной поверхности ее постройки, т.е. перерезал строительный мусор, второй не достигал его (табл. 48). Можно считать, что погребения первого горизонта были совершены вскоре после возведения храма, погребения второго горизонта – тогда, когда культурный слой около него вырос не менее, чем на полтора метра. Самые поздние погребения были открыты на глубине 0,75–0,8 м от современной поверхности, самые древние – на глубине 2,7 м от нее.

Одно из погребений первого горизонта принадлежало священнослужителю храма. Его каменный ящик был перекрыт тремя плитами так, что они образовали в плане подобие креста (табл. 47: 1). Швы между камнями были залиты белым известковым раствором. Плиты ракушечника, из которого сложен ящик, тщательно подтесаны и пригнаны впритык друг к другу. Плита изголовья украшена изнутри врезным орнаментом: в арке из двух дуг – круг с четырехлепестковой розеткой. В ящике оказалось одно погребение, крайне плохо сохранившийся скелет лежал на спине, его покрывал тлен с остатками длинной черной шерстяной рясы. Сохранились куски кожаного пояса и кожаной обуви. Еще три каменных ящика, открытые на той же глубине, принадлежали рядовым погребениям городского кладбища, ящики их были разрушены почти полностью, вещей мало: один рыболовный крючок – в одном, бронзовая пуговица, три бусины и подвеска из коралловой веточки – в другом (табл. 48: 9, 11).

Достаточно выразительны датирующие вещи в погребениях, расположенных на 0,5 м выше. Самая важная из них – серебряная монета Олега-Михаила, чеканенная, по мнению В.В. Кропоткина, во время его первого пребывания в Тмутаракани в

1078 г. [Кропоткин В.В., Макарова Т.И., 1973. С. 250–254].

Она была найдена в каменном ящике, в котором оказалось два последовательных захоронения, от нижнего сохранился только череп и кости рук, второе оказалось непо потревоженным. На груди его и была найдена монета (табл. 48: 12). Сверху погребенного перекрывала камка. Другие каменные ящики первого горизонта тоже содержали по два–три последовательных захоронения. Все они были разрушены в древности: кости перемешаны с землей и камкой, первоначально перекрывавшей скелеты, а вещи разграблены. Судя по случайно сохранившейся золотой серьге с напускной бусиной и двум височным колечкам из серебра (табл. 48: 1, 2, 14), покойных сопровождал богатый инвентарь, что и оказалось причиной постоянных ограблений прицерковного кладбища. Оставшиеся в заполнении могил вещи дают представление о его характере. Прежде всего это необходимые детали одежды: разнообразных форм бронзовые пуговицы и бубенчики, штампованные из двух половинок, круглые, слегка уплощенные (табл. 48: 6, 9, 13, 16–18), одна из пуговиц – рифленая с большим ушком и с каплевидным окончанием (табл. 48: 7). В одном погребении были найдены костяная пуговица и наперсток (табл. 48: 3, 19). Из украшений надо упомянуть и три перстня: железный и два бронзовых, с утраченной вставкой и гравированным орнаментом на шестиугольном щитке (табл. 48: 15, 4, 5). О разнообразии нагрудных украшений говорят сохранившиеся отдельные бусины из хрусталя, сердолика, разноцветного прозрачного стекла, а также черные, рифленые (табл. 48: 8).

Больше всего аналогий вещам из первого горизонта прицерковного кладбища Корчева содержит инвентарь могильника Саркела-Белой Вежи. Это касается и отдельных вещей, и общего их облика в целом. Так, золотое височное кольцо с напускной бусиной, украшенной сканной нитью (табл. 48: 14), идентично саркельскому. То же можно сказать и о височных кольцах с заходящими концами из серебряной и бронзовой проволоки и о бубенчиках-пуговицах [Артамонова О.А., 1963. С. 56, 57, 128, рис. 44, 45, 88, 89]. Все найденные в погребениях первого горизонта бусы находят аналогии среди богатого ассортимента бус Саркела-Белой Вежи [Львова З.А., 1959. С. 326–330]. Большинство саркельских погребений не выходит за рамки конца X – начала XII в. [Артамонова О.А., 1963. С. 103]. К этому же времени можно относить и погребения первого горизонта корчевского кладбища.

К погребениям второго горизонта, не достигающим уровня строительного мусора церкви, относится большинство захоронений – 37, тогда как с первым горизонтом можно связать только 20 мо-

гил в каменных ящиках, вскрытых целиком или повпавших в раскоп частично. Плитовые могилы второго горизонта можно с известной долей вероятности также разделить на два уровня по глубине залегания, самые нижние из них достигают глубины 2 м. Исключение составляет только одно захоронение, каменный ящик которого достигал уровня строительства церкви, но содержал инвентарь XIII–XIV вв. Очевидно, захоронение было совершено в летнее время и попало случайно на место, свободное от более ранних погребений. В большинстве случаев плитовые могилы второго горизонта, перекрывали предшествующие, чем и лимитировалась глубина их залегания.

Большинство могил второго горизонта обоих уровней оказались разграбленными. Это касается и детских захоронений в небольших каменных ящиках, и больших плитовых могил с перекрытием из двух–трех массивных блоков, содержащих до пяти последовательных погребений, и могил с одновременным захоронением женщины или мужчины с одним или двумя детьми. Такие черты обряда, как вытянутое, головой на запад, положение скелета, подсыпка из морского песка и камки, характерные для могил первого горизонта, сохранились. Сохранился и обычай разрушения предшествующих погребений со смещением черепов в один из углов ящика.

Общий облик инвентаря, найденного в плитовых могилах второго горизонта, мало отличается от инвентаря могил первого горизонта. Больше всего аналогий ему по-прежнему дает могильник Саркела-Белой Вежи, верхняя дата которого ограничена началом XII в.

Верхний уровень могил второго горизонта отличался тотальным разграблением: массивные плиты перекрытий часто разбиты на куски и перемешаны с грунтом и камкой заполнения, кости скелетов разбросаны. Случайно уцелевшие украшения из золота и серебра объясняют постоянные ограбления кладбища, а попадающиеся в заполнении могил керамика и монеты татаро-турецкого периода говорят о времени ограблений. Естественно, что возведение на месте древних построек Боспора и Корчева турецкой крепости не способствовало сохранению прицерковного кладбища. Но самые поздние средневековые захоронения второго горизонта, относящиеся к XII–XIII вв., говорят о том, что население не изменило своим традициям, хотя некоторые новые вещи, сопровождающие покойных, свидетельствуют о другом этносе и более позднем времени.

Из вещей, встречавшихся в наиболее ранних погребениях второго горизонта, надо назвать предметы металлического убора. Это височные кольца из витого и круглого в сечении дрота, сомкнутые и полутораоборотные, сделанные из серебра и золота (табл. 48: 30, 31, 36, 37). Серебря-

ное височное кольцо с напускной бусиной почти идентично золотому из погребения первого горизонта (табл. 48: 29). Часто встречаются пуговиц-бубенчики, штампованные из двух половинок (табл. 48: 22, 43), с каплевидным окончанием, рифленые и со сканой нитью посередине (табл. 48: 44, 45). Последняя выполнена из серебра, так же, как и изящная ажурная подвеска с каплевидным окончанием (табл. 48: 23).

Вместе с тем в инвентаре могил второго горизонта верхнего уровня залегания есть и вещи, ранее не встречавшиеся. Это витые из серебряной проволоки браслеты и крестики (табл. 48: 20, 46), височные кольца в виде знака вопроса с бусиной на конце и со стержнем, обмотанным тонкой проволокой (табл. 48: 34–35), серебряная пластина от головного убора, найденная под черепом (табл. 48: 26). Бесспорные аналогии височным кольцам в виде знака вопроса, хорошо известные в золотоордынских памятниках, дают возможность установить дату этих поздних захоронений (конец XIII–XIV вв.) [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 39–41; Семькин Ю.А., 1996. С. 174], а находка пластинчатого серебряного браслета с львиными головками (табл. 48: 33) позволяет ограничить ее второй половиной XIII в. [Крамаровский М.Г., 1978. С. 46–51].

Помимо бус, характерных для Саркела-Белой Вежи, в могилах второго горизонта встречаются бусы, найденные и в памятниках, относящихся к XII–XIII вв. Это бусы черные с мозаичным узором из включений разноцветной стеклянной крошки, бусы со спиральным узором в виде волны, встречающиеся в Новгороде в слоях конца XI – начала XIII в. и в городах Золотой Орды в слоях XIII–XIV вв. Чаще всего встречались бусы черные овальные с выпуклым валиком у отверстий и уплощенные, украшенные волнистым узором (табл. 48: 48), датирующиеся по материалам Новгорода периодом с 30-х годов до конца XII в., а по находкам в Изяславле – 40-ми годами XIII в.

Совсем не встречались в погребениях Саркела-Белой Вежи, ограниченных началом XII в., и в погребениях первого горизонта корчевского кладбища предметы, сделанные из бело-голубого фаянса: пуговицы в виде многолепестковой розетки с двумя отверстиями и маленькие подвески-пронизки, изображающие уточку (табл. 48: 40, 41). Они найдены в погребениях, которые стратиграфически можно отнести к XIII–XIV вв. Это семь погребений младенцев в маленьких каменных ящиках, расположенных вплотную к стене южной апсиды. Во время одной из перестроек церкви Иоанна Предтечи в XIV в., по сведениям Ибн-Батуты, превращенной в мечеть [Тизенгаузен В., 1884. С. 279], первоначальная форма апсид была совершенно скрыта подходящей до 1 м в толщину каменной облицовкой. Небольшие, до полуметра в длину, каменные ящи-

ки детских захоронений при этом оказались совершенно “заложенными”. Могилы были разрушены и ограблены при этом, но все же некоторые вещи сохранились. Помимо фаянсовых (кашинных?) пуговиц и уточек там были найдены и крестики из витой серебряной проволоки, находимые на средневековых поселениях крымского Южнобережья в слоях XII–XIII вв. [Домбровский О.И., 1974. С. 5–56, рис. 27].

Для датировки второго горизонта корчевского кладбища важна еще одна интересная находка: золотой перстень с позднеантичной геммой на аметисте (табл. 48: 32). На ней изображена Фортуна с рогом изобилия и рулем. Аналогию перстню дает находка в киевском кладе 1885 г. очень близкого по форме золотого перстня с аметистом в овальном гнезде [Кондаков Н.П., 1896. Табл. V, 3]. Зарытие клада Г.Ф. Корзухина относит ко времени между 70-ми годами XII в. и 1240 г. [Корзухина Г.Ф., 1954. С. 117–118].

Материал из второго горизонта прицерковного кладбища дает представление о некоторых изменениях в составе населения средневекового Боспора-Корчева. Древнее греческое население Боспора было изначально смешанным. Помимо постоянного влияния местной этнической среды, оно, как уже говорилось выше, неоднократно переживало вторжение пришлых народов. Новые вторжения в начале XII в. половцев и в XIII в. монголов оставили немногочисленные, но выразительные следы в вещевом комплексе корчевских могил и жилищ. Целый лепной горшок, сохранившийся в печи одного из жилищ, и ритон с наклепными узорами [Плетнева С.А., 1987] (табл. 44: 1, 2) связаны с бытовой культурой кочевников, а находка в одной из могил подвески из лазурита конкретно указывает на присутствие среди населения города в XII в. половцев (табл. 48: 21) [Макарова Т.И., 1962].

Многочисленные находки в могилах рядовых украшений из бронзы и серебра, характерные для золотоордынских городов, кожаные плетеные подвески из перевитых проволокой “узлов счастья” (табл. 48: 24), керамические пронизки в виде уточек (табл. 48: 41), символика которых так тесно связана с фольклором народов, объединенных Золотой Ордой, все это – несомненные следы присутствия на древней земле Боспора-Корчева в XII–XIII вв. тюркоязычных народов.

И все же город, с последней четверти IX в. уже принадлежавший Империи, и по планировке и по

материальной культуре был городом византийским. Короткое существование на противоположном берегу пролива русского Тмутараканского княжества никак не отразилось на его бытовом укладе. Никаких находок, маркирующих славянский этнос, ни в массовом керамическом материале, ни в инвентаре кладбища не найдено. Такие же общие для средневековых городов Восточной Европы предметы быта, как редкие находки шиферных пряслищ, этнических показателем быть не могут.

Но связи между Корчевым и Тмутараканью были оживленные. Об этом говорит массовый керамический материал: ассортимент тарной и столовой посуды двух городов весьма близок. То же можно сказать и о стеклянной посуде и украшениях – бусах и браслетах. Об этих связях напоминает и находка монеты Олега-Михаила в древнейшем горизонте корчевского кладбища.

В Тмутаракани в это время уже стояла построенная князем Мстиславом Владимировичем в 1022 г. церковь Пресвятой Богородицы (см. главу 7, с. 172), видимо, действовала в Корчеве и церковь Иоанна Предтечи. Не исключено, что обе они и послужили основными реперами при измерении в 1067 г. расстояния между Корчевым и Тмутараканью.

Какова разница в возрасте этих двух храмов соседствующих городов? Раскопки возле храма Иоанна Предтечи побудили автора попытаться пересмотреть дату его возведения, предложенную Н.И. Бруновым (VIII–IX вв.) и А.Л. Якобсоном (VIII в.) и присоединиться к датировке Н.П. Кондакова (IX–X вв.) [Макарова Т.И., 1982. С. 91–106]. Основания для этого изложены выше. Следует заметить, что массовый археологический материал дает, как правило, только широкую дату в пределах не менее одного столетия. Однако некоторые основания для ее конкретизации может дать анализ голосников, найденных в интерьере церкви в ее южной стене при реставрационных работах (табл. 46: 5). Последние исследования средневековых амфор, проведенные А.В. Сазановым с широким привлечением материалов раскопок в Преславе (Болгария) и Константинополе, позволяют датировать амфоры, использованные в качестве голосников, временем не ранее второй половины X – начала XI в. [Sazanov A. 1997. P. 97, fig. 4, 47]. С учетом этого уточнения, церковь Иоанна Предтечи можно считать предшественницей церкви Пресвятой Богородицы в Тмутаракани или ее ровесницей.

Степь и Юго-Западный Крым

По сообщениям хроники Регино и Константина Багрянородного, в 889 г. печенеги разгромили венгров и захватили степи Северного Причерноморья [Артамонов М.И., 1962. С. 350]. В трактате “Об управлении государством” сказано и о расселении их в степях Крыма: “Она (область печенегов) очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору” [Константин Багрянородный, 1989. С. 157, 159].

О роли печенегов и половцев в истории средневекового Крыма обычно судят по сообщениям византийских, итальянских и восточных авторов [Брун Ф.К., 1874. С. 39; Кулаковский Ю.А., 1914. С. 83, 84, 90–93; Васильев А.А., 1927. С. 244, 255–258; Якубовский А.Ю., 1928. С. 53–66; Секеринский С.А., 1955. С. 16, 17; Якобсон А.Л., 1964. С. 58, 78, 79]. Историографический обзор литературы, посвященной изучению кочевников, населявших восточноевропейские степи в X–XIII вв. н.э., приведен в соответствующем томе “Археологии СССР” [Плетнева С.А., 1981а. С. 213, 214].

Первые кочевнические погребения X–XIV вв. были обнаружены на полуострове в 1890-х годах в результате раскопок Ю.А. Кулаковского и Н.И. Веселовского в окрестностях г. Симферополя и в низовьях рек Альма и Кача [Кашипар А., 1896. С. 142–145; Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. С. 181–199]. В 1924 и 1930 гг. Н.Л. Эрнст зачистил несколько подобных погребений близ Джанкоя и Симферополя [Эрнст Н.Л., 1924; 1930]. В 1934 г. П.Н. Шульц исследовал у д. Чокрак в Евпаторийском районе половецкое святилище [Шульц П.Н., 1937. С. 254, рис. 1; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 191–193]. Десятки кочевнических могил X–XIV вв. раскопаны в послевоенное время в Крымской степи [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968; Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 258] и в Судак.

С.А. Плетнева [1958; 1973] и Г.А. Федоров-Давыдов [1966] разделили кочевнические могилы X–XIII вв. на три хронологические группы. По мнению С.А. Плетневой, погребения первой группы (X – начало XI в.) оставлены печенегами, второй группы (XI в.) – торками, а третьей группы (XII–XIII вв.) – половцами [Плетнева С.А., 1981а. С. 218]. Г.А. Федоров-Давыдов связывает погребения I периода (конец IX–XI вв.) с печенегами и торками, а II и III периодов – с половцами [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 134–150]. Инвентарь и планы многих раскопанных на полуострове кочевнических могил опубликованы в статье Е.Н. Черепановой и А.А. Щепинского, которые датировали эти погребения IX–XI и XII–XIV вв. Авторы считают, что погребения более ранней хронологической группы принадлежали печенегам и половцам [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. С. 201].

Почти все известные в Крыму кочевнические могилы X–XIII вв. были либо впущены в насыпь курганов, либо выкопаны на территории городских некрополей в Херсоне и Судак. На полуострове раскопан только один курган половецкого времени с оградой из вертикальных плит, поставленных кольцом под насыпью [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 120, 122, табл. 10]. По конструкции могилы и деталям погребального обряда захоронения делятся на типы (табл. 49: 1, 2, 7, 8, 13, 14, 23, 31, 32; 50: 18) [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. С. 199; Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. С. 5, рис. 2; Эрнст Н.Л., 1924. С. 4; 1930. С. 193–194].

Датировку описанных погребений можно определить по обнаруженному в них инвентарю. В археологической литературе хорошо разработана и обоснована типология и хронология многих категорий украшений, стремян и оружия X–XIV вв. [Медведев А.Ф., 1966; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Кирпичников А.А., 1966; 1971; 1973; Плетнева С.А., 1973; 1981а].

В упомянутых выше могилах почти всех типов встречены детали конской сбруи – стремяна, удила, накладки на ремни и круглые подпружные пряжки. К сожалению, из многих захоронений извлечены только сильно коррозированные обломки железных удили и стремян. В могиле третьего типа (Сарайлы-Кият под Симферополем, курган 1), в погребении четвертого типа (Казанка, курган 3), в захоронении восьмого типа (Симферопольский район, 1890 г.), в могиле 11-го типа (пос. Чокурча), а также в курганах, раскопанных под Симферополем в 1895, 1949 гг. и в междуречье рек Альмы и Качи в 1894 г. [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Рис. 3: 12; 4: 9; 6: 1; 9: 2, 3; 15: 3] обнаружены стремяна с арочным корпусом, с расплющенной полукруглой или заостренной верхней частью дужки и широкой подножкой (табл. 50: 6, 7; 51: 3). Подобные стремяна находились в употреблении в конце XI–XII вв. [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 16; Плетнева С.А., 1973. С. 15–17, рис. 5: 8, 9]. К концу XII–XIII вв. обычно относят стремяна с корпусом из расплющенной дужки с треугольной верхней частью и узкой овальной в плане подножкой [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 12, 13, 15, 16, рис. 1; Кирпичников А.А., 1973. Табл. XV: 3; Плетнева С.А., 1981а. Рис. 82: 64], происходящие из кургана 9 у села Ближнее Боевое Феодосийского горсовета (табл. 50: 10) и одного из феодосийских курганов (табл. 50: 11).

Односоставные удила из крымских курганов (табл. 49: 16) характерны для кочевнических погребений конца XI–XII вв. [Плетнева С.А., 1973. С. 15], а двусоставные удила с большими подвижными кольцами (табл. 50: 8) были широко распро-

странены в IX–XIV вв. [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 18, 20, рис. 2].

Наголовные ремни коня богатого кочевника украшались декорированными металлическими бляхами, решмами и наконечниками. В информации о работах Н.И. Веселовского в Сарайлы-Кияте сообщается о находке в кургане 1 в могиле третьего типа и в кургане 7 двух уздечных наборов [ОАК за 1892 г. С. 6–7; *Кашипар А.*, 1896. С. 144]. Набор из кургана 1, состоящий из сделанных из серебра двух бубенцовых решм (табл. 51: 9, 16), четырех крестовидных накладок на места соединения ремней (табл. 51: 18, 19, 21, 22), семи наконечников ремней (табл. 51: 6–8, 11–14) и двух прямоугольных блях (табл. 51: 4, 5) и отлитых из бронзы двух соединительных колец (табл. 51: 17, 20), двух бубенчиков (табл. 51: 1, 2) и пряжки (табл. 51: 15), опубликован А.А. Кирпичниковым [1973. С. 29, табл. XI]. Серебряные решмы, накладки и наконечники украшены рельефными растительными пальметами и жгутовой плетенкой, лжезернью, чернью и позолотой. Аналогичным орнаментом, исполненным в той же технике, декорированы уздечные наборы, найденные на Херсонщине в захоронениях кочевников в Гаевке (с византийскими монетами 976–1025 гг.), в Ново-Каменке и Первоконстантиновке [Кирпичников А.А., 1973. С. 26–30, рис. 12, табл. VIII; IX; *Кубышев А.И., Орлов Р.С.*, 1982. С. 242–243, рис. 2–5]. Основные элементы декора этих наборов были популярны в Византии в X–XI вв. Исследователи считают, что упомянутые уздечные наборы изготовлены в Юго-Восточном Причерноморье в мастерских, обслуживающих в X–XI вв. Крым, Северное Причерноморье и Южную Русь [Кирпичников А.А., 1973. С. 29–30; *Кубышев А.И., Орлов Р.С.*, 1982. С. 243–244].

Украшения поясного ремня, видимо, являются две отлитые из бронзы бляхи X–XI вв., лежавшие у левой бедренной кости в могиле первого типа, зачищенной в кургане на реке Чатырлык в Первомайском районе. Единственная бронзовая поясная пряжка (табл. 49: 39) XII в. найдена Н.И. Веселовским в 1890 г. под Симферополем. Типичные для кочевнических захоронений XII в. [Плетнева С.А., 1981. Рис. 82: 83; 83: 17] круглые железные пряжки (табл. 49: 33) использовались на поясе и для застегивания портупейных ремней. В Ближнем Боевом в кургане 1, в погребении 2 (7-й тип) такая пряжка находилась в области таза, а в погребении 1 (8-й тип) и в пос. Мамай в захоронении десятого типа названные пряжки лежали справа от скелета человека рядом с саблями [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. С. 191, 192; Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. С. 5].

Во многих кочевнических могилах X–XIII вв. сохранилось разнотипное оружие. Железные плоские ромбовидные наконечники стрел XI и XII вв. [Мед-

ведев А.Ф., 1966. Табл. XVIII: 23; XX: 37] встречены в захоронениях 1-го (табл. 49: 27, 28), 6-го (табл. 49: 10) и 7-го (табл. 49: 18) типов. Круглые в сечении железные наконечники стрел найдены в погребении четвертого типа [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Рис. 6: 10] и в могилах седьмого (табл. 49: 19) и 11-го [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Рис. 9: 6] типов с вещами XI–XII вв. Железные наконечники копий XI в. [Медведев А.Ф., 1966. Табл. 18: 3; Кирпичников А.А., 1966. Табл. XXIII: 4] обнаружены в Рисовом в захоронении первого типа (табл. 49: 9). Железные наконечники дротиков XI в. [Медведев А.Ф., 1966. Табл. XX: 27] извлечен из могил 10-го (табл. 49: 35) и пятого (табл. 49: 29) типов. В захоронениях первого (табл. 49: 24) и седьмого (табл. 49: 17) типов встречены костяные наконечники стрел XII в. [Медведев А.Ф., 1966. Табл. 22: 29, 32, 33]. Упомянем также трехлопастный железный наконечник стрелы XIII–XIV вв. [Кызласов И.Л., 1981. Рис. 74: 27; Могильников В.А., 1981. Рис. 73: 24] из Херсона. На двух лопастях данного наконечника сделаны лунковидные прорезы (табл. 50: 21).

От сложносоставного лука в одной из могил первого типа сохранились две костяные боковые накладки (табл. 49: 26).

С IX в. воины стали носить луки в футлярах-налучьях, предохраняющих их от непогоды. На поясе изготовлявшиеся из кожи или плотной материи налучья подвешивались с помощью костяных петель [Медведев А.Ф., 1966. С. 23, рис. 3; табл. 8]. Некоторые налучья украшались костяными накладками. Обломки таких накладок с гравированными кружками с точками [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Рис. 14: 1, 2] находились в захоронении шестого типа вместе с наконечниками стрелы XI в. (Табл. 49: 10). Костяные петли для подвешивания налучья обнаружены в могилах девятого [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Рис. 13: 3] и 11-го (табл. 49: 34) типов с инвентарем XII в. Костяные петли из одновременных могил из Мартыновки (табл. 49: 38), Бахчи-Эли [Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Рис. 13: 2] и из Ближнего Боевого (табл. 49: 36, 37) служили для подвешивания на поясе берестяных колчанов [Медведев А.Ф., 1966. С. 20, 21, табл. 9]. Как правило, концы этих петель вырезаны в виде зооморфных голов.

Из крымских кочевнических погребений X–XII вв. происходят около двух десятков сабель. Почти прямая короткая (длина 0,65 м) сабля из с. Танковое Красноперекопского района, из захоронения третьего типа [Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. С. 190, 191] типологически близки саблям VIII–X вв. [Генинг В.Ф., 1962. С. 57–58, табл. XIII: 6; Плетнева С.А., 1967. С. 157–158; 1981. С. 215]. Слегка изогнутая длинная сабля (длина клинка 1,31 м) из Чокурчинского кургана из погребения 11-го типа (табл. 49:

22) может быть датирована по найденным там же стременам конца XI–XII вв. (табл. 50: 6). Типология аналогичных сабель из Поросья разработана С.А. Плетневой [1973. С. 17, 18, рис.5]. По длине и кривизне саблю из погребения четвертого типа (Казанка, курган 3) следует отнести к отделу 1-В, саблю из погребения пятого типа (Мартыновка) – к отделу 1-Б, сабли из погребений седьмого типа (Сарайлы-Кият, курганы 2 и 6; гора Коклюк, курган 6) и из могилы 11-го типа (Сарайлы-Кият, курган 5) – к отделу 1-Д (табл. 49: 20), саблю из захоронения десятого типа (Мамай) – к отделу 1-Г (табл. 49: 21), сабли из погребений восьмого типа (Ближнее Боевое, курган 1, могила 1) и девятого (Бахчи-Эли) – ко второму типу. С.А. Плетнева датировала сабли отделов В и Г – первой половиной XII в., а сабли отдела Д – концом XII – первой половиной XIII в. [Плетнева С.А., 1973. С. 17, 18]. На сабле из Мамайского кургана сохранились пластинчатая оковка и наконечник ножен (табл. 49: 21). К клинку из коклюкской могилы прикрепили две проволоочные оковки ножен с петлями (табл. 49: 30). Рядом с клинком лежали две костяные соединительные пластины от портупейных ремней (табл. 49: 15).

Владельцами кольчатого доспеха в X–XIV вв. прежде всего были привилегированные воины. В двух могилах седьмого типа (Коклюк, курган 6; Сарайлы-Кият, курган 6) и в кургане 9 пос. Приморский (близ Феодосии) найдены проржавевшие фрагменты кольчуг, сплетенных из проволоочных колец (табл. 50: 13).

Особенно интересна кочевническая кованная железная маска с отлитым из бронзы ухом (табл. 49: 40), обнаруженная в 1889 г., в Херсоне, на Северном берегу, на полу дома вместе с фрагментами железной кольчуги, гривнами и другими вещами [Пятышева Н.В., 1964. С. 2, 6, 7, рис. 3: 4, табл. I; IX]. В литературе высказаны противоречивые мнения о датировке, назначении и об этнической принадлежности кочевнических железных масок. По словам Н.В. Пятышевой, в Херсон кольчугу и маску в конце XIII – начале XIV в. привез половец. По ее предположению, херсонесская и другие одновременные кочевнические маски имели культовое и церемониальное назначение [Пятышева Н.В., 1964. С. 29–34; 1980. С. 135, 137]. С.А. Плетнева вполне обоснованно считает, что черноклобуцкие воины использовали железные маски в качестве забрала [Плетнева С.А., 1981. С. 216].

Украшения и предметы туалета в рассматриваемых погребениях весьма немногочисленны. В одной из могил первого типа (деревня Матвеевка) находились бронзовые перстни с жуковиной из темно-синего стекла (табл. 49: 6) и с плоской пластинчатой жуковиной (табл. 49: 5). Жуковина второго перстня по форме восходит к соответствующим деталям поздних салтовских перстней. В нескольких могилах конца XI–XII вв. и XIII в. встречены одно-

цветные стеклянные бусы, костяные и бронзовые подвески, бубенчики с крестовидной прорезью и пуговицы (табл. 49: 25; 50: 12, 14, 15; 51: 1, 2). Из Херсона из могилы седьмого типа происходит бронзовое зеркало XI–XII вв. [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 81] с крестовидным орнаментом (табл. 49: 12). В могиле седьмого типа (Приморский, курган 2) бронзовое гладкое зеркало (табл. 50: 19) найдено вместе с золотой серьгой в виде знака вопроса (табл. 50: 20), железными ножницами (табл. 50: 17), джучидской монетой XIII–XIV вв. и с монетой хана Узбека, чеканенной в 1330 г. Редкими находками являются обломок деревянного гребня (табл. 49: 3) и железные ножницы (табл. 49: 4, 11; 50: 17).

Целые керамические сосуды стояли в нескольких могилах [Шепинский А.А., Черепанова Е.Г., 1969. Рис. 105: 8]. У тонкостенных гончарных кувшинов из коклюкской могилы черепок плотный, светло-красный. Высота большого кувшина 28 см (табл. 50: 4). Его горло украшено валиком, а тулово волной, выполненной гребенкой. Ручка в сечении почти плоская, со слабо профилированными краями. Высота второго кувшина 14,8 см (табл. 50: 5). Он имеет характерный для сосудов данного типа невысокий отогнутый наружу венчик, к верхнему краю которого прикреплена плоская ручка. Поверхность корпуса сильно закопчена. Аналогичные гончарные кувшины встречены в слоях XII–XIII вв. в Херсонесе [Якобсон А.Л., 1950. С. 108–109, рис. 67: 1, 2, 7; 68: 1, 5], на Бакле [Талис Д.Л., 1974. Рис. 1: 4] и в верхнем слое Саркела-Белой Вежи [Плетнева С.А., 1959. С. 251, рис. 33: 1]. У круговых плоскодонных горшков из Мартыновки (высота 17,5 см) и Приморского (высота 12 см) черепок светло-красный, рыхлый с примесью толченой ракушки и песка (табл. 50: 9, 16). Горшок из Мартыновки декорирован спиралевидным орнаментом (табл. 50: 9). Поверхность обоих горшков сильно закопчена. Фрагменты однотипных сосудов содержались в слоях XII–XIII вв. на Бакле [Рудаков В.Е., 1975. С. 26, рис. 2: 5] и на Тепе-Кермене [Талис Д.Л., 1977. Рис. 4: 5]. В фондах Крымского республиканского краеведческого музея хранятся круговой горшок, орнаментированный волной и гончарный одноручный кувшин, покрытый сплошным линейным орнаментом. Оба сосуда, видимо, были обнаружены Н.И. Веселовским в 1891 г. в кочевнических захоронениях. В Тмутаракани подобная керамика находилась в слоях X–XIV и XII–XV вв. [Плетнева С.А., 1963. С. 24, 28, 46, рис. 15: 5, 7; 27: 5].

Судя по инвентарю, погребения первого и третьего типов датируются X–XII вв., четвертого и шестого типов – XI – началом XII в., пятого, восьмого и десятого типов – концом XI–XII вв., седьмого, девятого и 11-го типов – концом XI–XIII вв., второго типа – XIV в. По конструкции и особенно-

стям погребального обряда могилы первого, третьего и шестого типов характерны для печенегов, могила пятого типа – для торков, могилы седьмого – десятого типов – для половцев, а могилы четвертого и 11-го типов – для пенежско-половецкого населения [Плетнева С.А., 1981. С. 218, 219].

Приведенные факты в основном согласуются с информацией письменных источников о печенегах в Крыму. В анонимном персидском географическом труде X в. печенеги разделены на две ветви – “тюркскую” и “хазарскую” [Плетнева С.А., 1959. С. 213]. Хазарские печенеги кочевали в Предкавказской степи в междуречье рек Дона и Кубани [Плетнева С.А., 1958. С. 213; Артамонов М.И., 1962. С. 351]. Вероятно, в первой половине X в. хазарские печенеги проникли в Крымское Присивашье. Именно здесь открыты все наиболее ранние печенежские погребения с вещами X в. (в Танковом близ Красноперекопска, на р. Чатырлык и в Матвеевке в Первомайском районе). Как показывают археологические материалы, печенеги до конца XI в. оставались основным населением крымской степи.

После изгнания хазар из Крыма византийская администрация утверждается в Юго-Восточном Крыму в Сугдее. Второй половиной IX – первой половиной XI в. датируются найденные в городе печати логофетов, отвечавших за сбор налогов в империи [Степанова Е.В., 1997. С. 175–176]. В конце X – первой половине XI в. в Сугдее была образована стратегия, управлявшаяся назначенным из Константинополя стратигом в ранге протоспафария. Около 1059 г. Сугдею включили в фему Херсона [Латышев В.В., 1896. С. 16–18]. На северном склоне крепостной горы И.А. Баранов раскопал X–XIII вв. кварталы ремесленников и торговцев [Баранов И.А., 1994. С. 52–58]. Жилые двухэтажные дома открыты и в портовом районе [Джанов А.В., Майко В.В., 1998. С. 160–178]. Из помещений извлекли сделанные в окрестностях Константинополя амфоры с воротничковообразным венчиком последней трети X–XI вв. [Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. С. 68, 69], амфоры с высокоподнятыми ручками и веретенообразным туловом XII–XIII вв. [Якобсон А.Л., 1979. С. 68: 5–7], большие грушевидные круглодонные амфоры XIII–XIV вв. [Якобсон А.Л., 1979. С. 113, рис. 69: 1–5], маленькие амфоры с петлевидными ручками и веретенообразным туловом [Джанов А.В., Майко В.В., 1998. Рис. 9: 6], высокогорлые кувшины с плоскими ручками и византийские красноглиняные поливные сосуды XII–XIII вв. [Якобсон А.Л., 1979. С. 131–132].

По мнению А.А. Васильева, Византия в конце IX в. вернула крепости Горного Крыма (табл. 52–54) под свое управление [Vasiliev A.A., 1936. P. 117]. В труде Константина Багрянородного о регионе говорится как о находившемся под защитой Византии

[Константин Багрянородный, 1989. С. 37]. Принадлежащими Византии (“городами Романа”) считал автор Кембриджского документа города и деревни между Керченским проливом и Херсоном, захваченные хазарским военачальником Песахом [Golb N., Pritsak O., 1982. P. 117]. На хребте Басман в карстовой пещере обнаружена эпитафия X в. пресвитера Иоанна. По мнению Э.И. Соломоник, в надписи упомянут подчиненный Херсону Горный Крым [Соломоник Э.И., 1986. С. 214–215]. Однако в трактате Константина Багрянородного этот регион назван Климатами. Согласно Кембриджскому документу, в годы правления Романа I Лакапина (920–944) хазары, в отместку за нападение подстрекаемого византийцами князя русов Хелгу на хазарский город Самкерц (Тмутаракань или Керчь?), совершили последний отмеченный в письменных источниках набег на византийские владения в Крыму [Golb N., Pritsak O., 1982. P. 117]. А.М. Мошин отнес это событие к 943 г. [Мошин В., 1931. P. 323], тогда как О. Прицак отождествил поход Хелгу с описанным ал-Масуди рейдом русов и датировал его 925 г. [Golb N., Pritsak O., 1982. P. 137]. По мнению А.П. Новосельцева, в труде ал-Масуди речь шла о рейде русов на Каспий, состоявшемся между 909 и 914 гг., т.е. задолго до начала правления Романа I. А.П. Новосельцев считал, что в Кембриджском документе какой-то крымский еврей описал действительно происходившие в Самкерце события, связанные с гонениями евреев в Византии при Романи I [Новосельцев А.П., 1990. С. 212–218]. Скорее всего, во время этого рейда между 920–940 гг. и погибли многие поселения булгар, оказавшиеся на пути Песаха. Судя по найденной в Херсоне печати конца X – начала XI в. императорского спафария и турмарха Готии Льва, официально регион, также как и в VIII–IX вв., назывался Готией. Очевидно, в X в. она в качестве турмы (военно-административного округа) входила в состав фемы Херсона [Alekséenko N.A., 1996. P. 272]. Поскольку турма не упомянута в труде Константина Багрянородного, то, видимо, ее организовали во второй половине X в.

Скорее всего, резиденция турмарха Готии находилась в крепости на плато Мангуп (табл. 53). По утверждению А.Г. Герцена, в X – первой половине XI в. территория плато, как и в IX в., оставалась малозаселенной. Несколько крупных усадеб с вырубленными в скале тарапанами (винодавильнями) обнаружено на мысу Тешкли-Бурун и в восточной части плато [Герцен А.Г., 2001. С. 30]. На плато Чуфут-Кале не выявлена жилая застройка XI–XIII вв. Сохранившиеся там укрепления служили убежищем для жителей окрестных селений [Герцен А.Г., 1995. С. 87].

Другие крепости Готии, такие как Эски-Кермен, Тепе-Кермен и Бакла, в XI–XIII вв. развились в малые города (табл. 52). На Эски-Кермене в XI–XII вв. на территории заброшенного некрополя

построили стены, задерживавшие почву, и разбили огороды и виноградники. В XII–XIII вв. большая часть территории плато оказалась застроенной прямоугольными кварталами, между которыми проходила заглубленная в скалу улица шириной 2 м. Кварталы состояли из одной-трех усадеб, церковно-погребального комплекса, винодельни, зерновых ям и цистерн. Каждая усадьба состояла из двухэтажных жилых и хозяйственных построек и огражденного каменным забором двора. Нижние этажи зданий строились из камней на подтесанной скальной площадке. Верхние этажи возводились из дерева и сырца, а иногда из камня. Крышу накрывали плоской черепицей. Во многих усадьбах вырубали подвалы. По расчетам Е.В. Веймарна, средняя площадь усадеб составляла 75–150 м². По его мнению, на городище в XII–XIII вв. было построено до 600 усадеб, в которых проживало от 2500 до 3000 человек (табл. 52: 4). Плато Тепе-Кермен в XII–XIII вв. застраивается жилыми домами. На северной стороне плато, у подъема с седловины находятся пещерные казематы, а по наружному краю – дозорные пещеры с амбразурами [Талис Д.Л., 1974. С. 95; 1977. С. 101–102]. На Бакле цитадель использовали для хранения больших запасов продовольствия, в основном зерна и сушеной рыбы. В цитадели раскопана и разрушенная в начале XIII в. резиденция архонта: комплекс из восьми жилых, хозяйственных помещений с пифосами, с двориком с пифосами и однефной часовней [Талис Д.Л., 1981. С. 68–71]. Прилегающий к цитадели посад в X–XIII вв. был густо застроен жилыми усадьбами. В.Е. Рудаков на участке площадью 205 м² открыл 4 усадьбы, либо примыкающие одна к другой, либо разделенные узкими проулками шириной 0,6–0,7 м. Кварталы разделялись улицами шириной до 4 м. Усадьбы состояли из двух–четырёх двух- и одноэтажных помещений. В одном из помещений имелся выход в переулок или в открытый двор. В помещениях найдены сельскохозяйственные орудия, керамический диск от гончарного круга и свидетельства существования металлообработки [Рудаков В.Е., 1981. С. 75–77] (табл. 53: 1–3).

В Готии выявлено большое количество сельских поселений и укрепленных убежищ рассматриваемого времени (рис. 6). На поселениях X–XII вв. в Ласпинской котловине прослежены усадьбы с сельскохозяйственными террасами с крепидами, двухэтажными с черепичными крышами жилыми домами, хозяйственными строениями, хлевами и загонами для скота. Большинство строений примыкало к скалам или к подпорным стенам. Рядом обнаружена каменоломня, в которой разрабатывался известняковый туф (травертин). Рядом лежали заготовки архитектурных деталей [Домбровский О.И., 1974. С. 18–22]. Поблизости находился комплекс для производства черепицы и плинфы.

Черепицеобжигательная печь зачищена в урочище у бухты Батильман [Паршина Е.А., 1974. С. 81; Сидоренко В.А., 1985. С. 99]. Раскопки свидетельствуют о развитой экономике Готии. На городищах и поселениях зафиксированы металлообработка, другие ремесла, рыболовство и многоотраслевое сельское хозяйство: зерноводство, огородничество, виноградарство и скотоводство.

Восстановив в X в. крепости в Горзубитах [Домбровский О.И., 1974. С. 12, 13] и Алустоне, Византия вернула свой контроль над морским путем из Херсона в Боспор. В Партените и Алустоне выросли портовые города. Вновь отстраивается Партенит. На расширенных и укрепленных подпорными стенами террасах прокладываются новые улицы. Вдоль них возводятся новые дома, отделенные узкими проулками [Паршина Е.А., 1991. С. 95]. Идриси в 1154 г. писал о Партените и Алустоне (Лусте) как о густо населенных приморских городах [Гаркави А.Я., 1891. С. 244–245]. В Алустоне по соседству с византийской цитаделью раскрыты дома второй половины X–XIII вв. городского посада, занимавшего 3 га склонов крепостного холма [Мыц В.Л., 1991. С. 152; 1997. С. 189].

В начале X в. в Климатах восстанавливается Готская епархия [Gelzer H., 1990. S. 551]. В X в. население Климатов уже не соблюдало прежние языческие традиции. Близ крепостей забросили почти все прежние некрополи со склепами и могилами с рудиментами языческого погребального обряда. Рядом со многими из них были построены храмы, вокруг которых возникли некрополи с захоронениями в могилах из каменных плит и в гробницах, сложенных из камня. Археологические раскопки [Бармина Н.М., 1995. С. 81] дают основание говорить о перестройке или восстановлении кафедральной базилики Готской епархии. Не ранее XI в. к ней пристроили крещальню [Айбабин А.И., 1999. С. 123]. У восточного обрыва мыса Тешкли-Бурун в X в. вырубili усыпальницы, рядом с которыми спустя некоторое время создали пещерную церковь [Герцен А.Г., Могаичев Ю.М., 1996. С. 16–19]. На юго-восточном склоне Мангула (табл. 53) раскопан неоднократно перестраивавшийся крестообразный храм [Мыц В.Л., 1990. С. 224–235, рис. 3; 4: 1–9]. В кладке его ранних стен найдены фрагменты высокогорных кувшинов с плоскими ручками второй половины IX–XI вв. и поздних причерноморских амфор первого варианта, известных в комплексах конца IX–X вв. [Айбабин А.И., 2000. С. 172–173, рис. 7: 1], в стене притвора фрагменты амфор с воротничковообразным венчиком последней трети X–XI вв. [Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1984. С. 68, 69]. Очевидно, в начале X в. возвели храм площадью 9,25 × 11,40 м с тремя входами. Не ранее конца

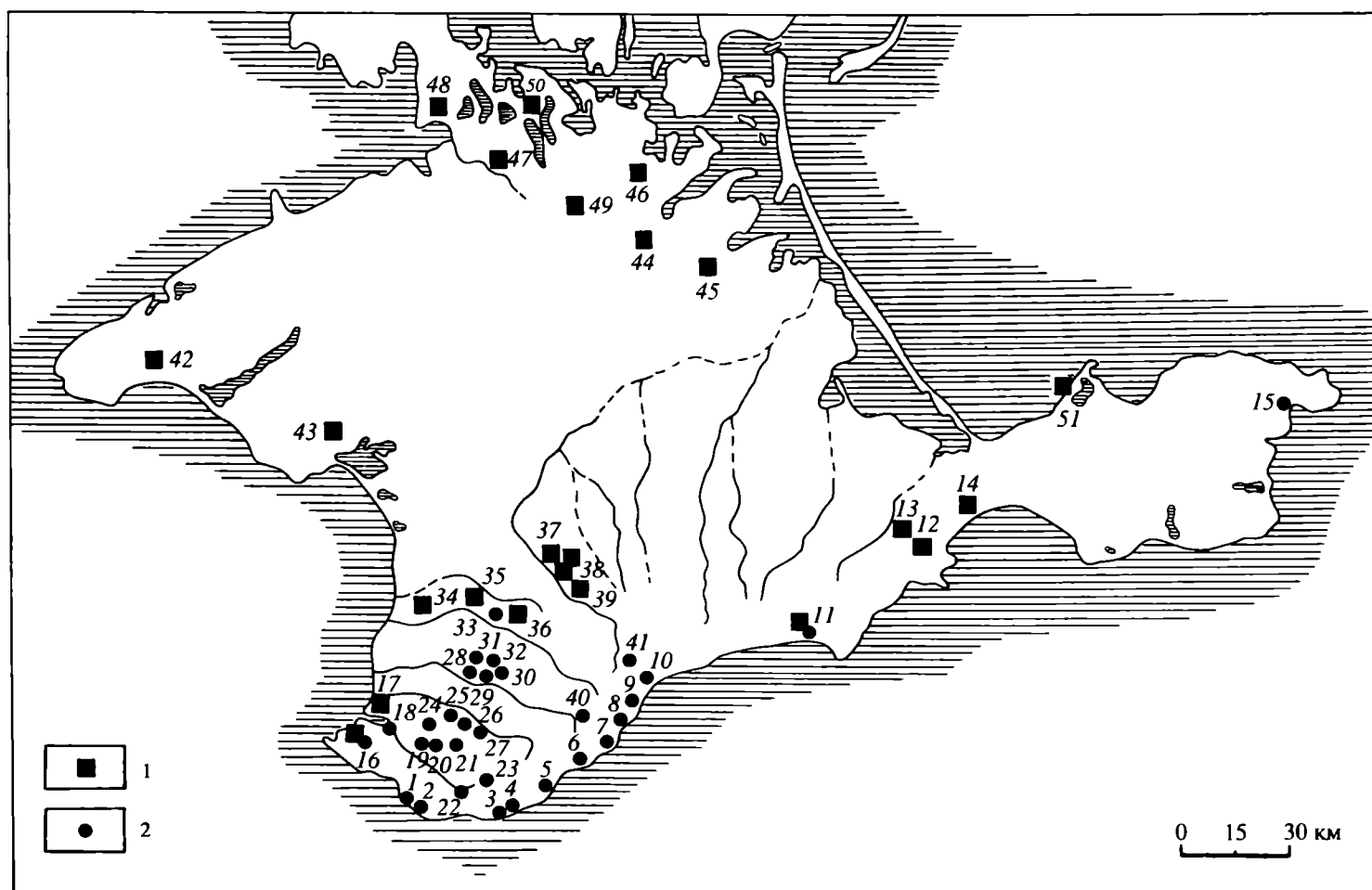

Рис. 6. Городища, поселения, монастыри и могильники X – первой половины XIII в.

1 – Батильман; 2 – Ласпи; 3 – Симеиз; 4 – Папеа; 5 – Ореанда; 6 – Ялта; 7 – Горзубиты; 8 – Партенит; 9 – Малый Маяк; 10 – Алу-стон; 11 – Сугдея; 12 – Коклюк; 13 – Ближнее Боевое; 14 – При-морский; 15 – Боспор; 16 – Херсон; 17 – Северный берег Севасто-польской бухты; 18 – Инкерман; 19 – Чилтер-Мармара; 20 – Шул-дан; 21 – Мангуп; 22 – Гончарное; 23 – Родниковое; 24 – Эски-Кер-мен; 25 – Чилтер-Коба; 26 – Сюрень; 27 – Пампук-Кая; 28 – Качи-Кальон; 29 – Кыз-Кермен; 30 – Тепе-Кермен; 31 – Успенский мо-

настырь; 32 – Чуфут-Кале; 33 – Бакла; 34 – Вилино; 35 – Булганак; 36 – Казанки; 37 – Бахчи-Эли; 38 – Чокурчинский курган, Сарайлы-Кият; 39 – Симферопольское водохранилище; 40 – Басман; 41 – Лу-чистое; 42 – Чокрак; 43 – Мамай; 44 – Джанкой; 45 – Заливное; 46 – Мартыновка; 47 – Чатырлык; 48 – Рисовое; 49 – Матвеевка; 50 – Танковое; 51 – Семеновка. Условные обозначения: 1 – погребения печенегов и половцев; 2 – памятники христианского населения. Со-ставлена А.И. Айбабиным

X в. к северной и южной ветвям креста пристраивают две часовни, а к западному входу – притвор. В XI в. храм погиб от пожара. Рядом находился христианский плитовый могильник. В конце X в. прекратили хоронить на могильнике на склоне на плато Эски-Кермен (табл. 54). Тогда же новые пещерные храмы вырубили в материковой скале у главных ворот [Айбабин А.И., 1991. С. 47]. На городище большое количество пещерных храмов и в XI–XII вв. В конце XII–XIII вв. на городище и на склонах вырубили храмы, стены которых расписали фресками. Церковь, находящаяся на южном обрыве, получила название по композиции Успение на северо-западной стене. Храм в плане – прямоугольник, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Такая ориентировка соответствует традициям православной церкви. На северо-восточной стене на синем фоне изображены святой, левее фрагмен-

ты композиции Сретение, на потолке сцены Крещения и Рождества Христова. Церковь, вырубленную в отколовшейся от основания массива глыбе и стоящую на территории раннесредневекового могильника, называют храмом “Трех всадников”. На ее северной стене изображены в движении три свя-тых всадника в панцирях с развевающимися плащам-ми (табл. 54: 1). В среднем всаднике легко узнать Георгия Победоносца, поражающего змея. Под фресками сделана надпись: “Иссечены и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов 12... г.”, переведенная В.В. Ла-тышевым [Репников Н.И., 1932а. С. 108]. Третий храм Донаторов находится в верховьях балки Чер-кес-Кермен (табл. 54: 3, 4). На потолке и стенах со-хранились изображения Христа с пятью святителя-ми (в апсиде), фрагменты Благовещения, Креще-ния и Сретения, остатки фигур Георгия Победо-

носца (пешего) и Дмитрия Солунского в рост в воинском наряде (на северной стене и западной арко-соли), изображения ктиторов: мужчины в красной одежде, женщины в монашеской одежде и женщины в красном одеянии с короткими рукавами и острокопечным кокошником на голове (в узкой арко-соли западной стены) [Репников Н.И., 1932а. С. 109–112, 119–120]. Фрески первых двух храмов, видимо, исполнены провинциальными художниками, работавшими в стиле византийской живописи эпохи Палеологов. Фрески храма Донаторов приписывают столичному художнику [Якобсон А.Л., 1964. С. 101]. Очевидно, не раньше XI в. на плато Тепе-Кермен сооружается маленькая одноапсидная часовня [Талис Д.Л., 1997. С. 102–103]. Одновременно у северо-восточного края плато в скале вырубили церковь с баптистерием (табл. 54: 5). Ее планировка отличается от других храмов поперечным расположением нефа и местонахождением вынесенного внутрь алтаря [Могаричев Ю.М., 1997. С. 84–86]. С X в. новые храмы строятся на Бакле на территории цитадели и посада [Рудаков В.Е., 1981. С. 78–79]. В примыкающей долине в 600 м к югу от горы раскопаны возведенные в конце IX в. однефный храм с притвором и крестообразный храм [Рудаков В.Е., 1984. С. 40–46] (табл. 52: 1). На сельском некрополе в Лучистом в конце IX в., очевидно, в связи с заполнением участка, кладбище переносят на новое место, где в X–XIII вв., в основном, хоронили в грунтовых, но в почти безынвентарных склепах и могилах по христианскому обряду захоронения. Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что на некрополях Готии в погребальных сооружениях X в. и в более поздних хоронили по единообразному погребальному обряду, не позволяющему идентифицировать этнос похороненных (табл. 55). Скорее всего, к концу X в. завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Она впитала в себя аланский, готский, ромейский и болгарский компоненты. Их объединили христианство и византийская культура [Айбабин А.И., 1993а. С. 130]. Судя по немногочисленным эпитафиям из Горного Крыма [Соломонович Э.И., 1986. С. 215–217; Сидоренко В.А., 1998. С. 642–645], жители Климатов знали греческий язык, а некоторые из них имели греческие или аланские имена.

В середине XI в. в Приазовскую степь вторглись половцы [Васильев А.А., 1927. С. 255; Плетнева С.А., 1981. С. 214]. Очевидно, они совершали набеги на Готию и хору Херсона. Быть может, половцы в середине XI в. разрушили крепость и усадьбы на плато Мангуп и поселение на Геракле-йском полуострове. В 1091 г. половцы уже помогли византийскому императору Алексею I разгромить наступавших на Константинополь печенегов [Острогорски Г., 1947. С. 176]. В XII в. по-

ловецкие погребения распространились по всему равнинному Крыму. Видимо, в этом столетии половцы господствовали не только в степной части полуострова, но и в горных районах. По свидетельству арабского географа XII в. Идриси, путь от Херсона до Джалиты (Ялты) лежит в стране куман (половцев) [Гаркави А.Я., 1891. С. 244; Васильев А.А., 1927, с. 255]. Автор “Слова о полку Игореве” называет Херсон и Сурож рубежами “земли незнаемой”, т.е. подчиненной половцам. В повествовании Ибн-ал-Биби сообщается о том, что Судак в первой четверти XIII в. платил дань половцам [Якубовский А.Ю., 1928. С. 59–65]. Арабские историки XIII в. писали о Судаке как о городе кипчаков [Брун Ф.К., 1880. С. 133; Тизенгаузен В.Г., 1884. С. 26; Секеринский С.А., 1955. С. 16]. По словам посетившего Крым в 1253 г. монаха-минорита Гильемилы Виллем де Рубрука, “...между Керсоной и Солдаией... до прихода Татар обычно жили Команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань” [Рубрук Гильом, 1957. С. 90]. Д.Л. Талис [1980. С. 104–105] связывает с половцами появление типичного для Средней Азии и Приаралья декора на керамике, встреченной в Горном Крыму в слоях XII–XIII вв.

Ценным источником для изучения крымских половцев являются каменные изваяния. Принадлежность так называемых “каменных баб” половцам впервые доказал Н.И. Веселовский [1911]. Наиболее полная сводка половецких статуй, в том числе и почти всех крымских, опубликована С.А. Плетневой. Опираясь на картографирование изваяний, она предположила, что в Крыму находились постоянные половецкие кочевья. С.А. Плетнева полагает, что поскольку на Керченском полуострове нет половецких изваяний, то там не было их веж [Плетнева С.А., 1974. С. 23]. Однако в 1980 г. экспедиция С.А. Бессоновой обнаружила на Керченском полуострове в районе с. Семеновка нижние части двух половецких статуй. В арабских источниках имеются упоминания о кипчацком населении “Керши” [Брун Ф.К., 1880. С. 322].

В Крыму известны лишь реалистичные скульптуры развитых типов, характерные для XII в. [Плетнева С.А., 1974. С. 70]. Высеченная из белого плотного известняка статуя из Феодосийского музея (табл. 50: 1) в настоящее время составлена из трех частей (ее наибольшая высота 1,65 м). Она изображает мужчину, стоящего на постаменте с сосудом в руках. На сильно потертой поверхности отчетливо видны шлем, волосы, заплетенные в косы, две нагрудные бляхи и кафтан, плечи, рукава и полы которого украшены глубоко врезаемыми зигзагообразными линиями и полосами, заштрихованными косыми насечками. На правом боку изображено зеркало с крестовидным орна-

ментом, а на левом – кошелек. На спине показаны ремни и, вероятно, фигурная бляха. Аналогичное изваяние (табл. 50: 2), сделанное из такого же камня, хранится в Крымском республиканском краеведческом музее [Плетнева С.А., 1974. С. 105, № 1156]. По мужским и женским (табл. 50: 3) статуям можно получить довольно полную информацию об одежде, украшениях и вооружении половцев. Каменные изваяния всегда воздвигали на высоком месте в специально оборудованных святилищах [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 191–192; Плетнева С.А., 1974. С. 73]. Как упоминалось выше, одно из таких святилищ П.Н. Шульц раскопал в Евпаторийском районе. Под сложенной из камней насыпью находилась впущенная в материк яма, перекрытая двумя мужскими статуями. Основание одной из них было вкопано в материк рядом с ямой. В яме лежали черепа коня, быка и четырех баранов, фрагменты кувшина и железный гвоздь. Около ямы под камнями найден скелет собаки [Шульц П.Н., 1937. С. 254].

Все крымские изваяния высечены из местного камня: ракушечника, желтоватого песчаника и белого плотного известняка. В Евпаторийском районе в одном из ракушечных карьеров нашли обломок статуи, сделанной из того же камня. Видимо, изваяния изготавливали рядом с разработками камня [Плетнева С.А., 1974. С. 54].

В период половецкого господства на полуострове Судак был крупным центром транзитной торговли. Ибн-ал-Асир называл его главным городом кипчаков, куда “приходят суда... с одеждами и их покупают и выменивают на невольниц и невольников, чернобурых лисиц, бобров, белок и другие товары, находящиеся в их земле” [Брун Ф.К., 1880. С. 133; Якобсон А.Л., 1950. С. 26].

Археологические материалы свидетельствуют о том, что печенеги продолжали кочевать в Крымской степи и после вторжения половцев. Возможно, вместе с половцами на полуостров проникли небольшие группы торков. Единственное крымское торческое погребение датируется XII в. (табл. 49: 31). При половцах в Крыму, равно как и в других регионах их расселения, сформировался смешанный печенежско-половецкий обряд (табл. 49: 8, 14). В 1223 г. татаро-монголы прошли через “земли кипчаков” [Тизенгаузен В.Г., 1884. С. 26] и напали на Судак [Νυοταζ-

ολοῦλου М.Г., 1965. Σ. 24]. В 1238 и 1239 гг. татаро-монголы совершили новые набеги на Восточный Крым. В записи на полях сугдейского синаксаря, относящейся к 1238 г., упомянуты “безбожные”, а в записи, датированной 26 декабря 1239 г., сказано: “В этот день пришли татары” [Кулаковский Ю.А., 1914. С. 97; Νυοταζολοῦλου М.Г., 1965. Σ. 26]. По сообщению Рубрука, в 1253 г. татаро-монголы уже господствовали в Крымской степи [Рубрук Гильом, 1957. С. 90]. Кочевавшие в степи печенеги и половцы подчинились завоевателям. В конце XIII – первой половине XIV в. в Восточном Крыму и на территории Судакского могильника появились могилы второго типа (табл. 50: 18). Видимо, они были оставлены смешанным печенежско-половецким населением.

Полагают, что многие города и поселения Юго-Западного Крыма были разрушены в результате набега войск Ногай в 1299 г. [Якобсон А.Л., 1964. С. 83]. На плато Эски-Кермен какая-то жизнь продолжалась, видимо, до XV в.

Некоторые историки средневекового Крыма делят его Юго-Западную часть на два этнических региона: готский с центром на Мангупе и аланский с центром на Чуфут-Кале. Они отождествляют границу между ними с проведенной А.Л. Бертье-Делагардом по реке Кача между Готской и Фулльской (по его мнению – аланской) епархиями. На карте А.Л. Бертье-Делагарда Эски-Кермен расположен на землях готов, а Бакла и Тепе-Кермен – в аланском регионе. Данная гипотеза основана исключительно на информации письменных источников XIII–XV вв. [Кулаковский Ю.А., 1899. С. 63–65; Бертье-Делагард А.Л., 1920. С. 59, 103–107, 123, 125, карта; Герцен А.Г., 1995. С. 85].

Авторы позднего средневековья знали и о населявших Крымские горы аланах и готах. Епископ Федор в послании, составленном между 1222 и 1240 гг. писал: “Близ Херсона живут аланы, столь же по своей воле, сколь и по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана”. В другой части его послания идет речь о соседних с Херсоном селениях “малых аланов” [Кулаковский Ю.А., 1898. С. 17]. По утверждению венецианского купца Иософата Барбаро, который жил в Тане (венецианской колонии в устье Дона) с 1436 по 1452 г., крымские аланы смешались с готами.

Херсон

В X–XII вв. Херсон оставался оплотом империи на северном берегу Понта (табл. 56–59), византийским плацдармом для военной и дипломатической деятельности, а также коммерческих операций. Судя по письмам Николая Мистика, епископ Херсона руководил деятельностью византийских миссионеров среди варваров, в том числе и в Хазарии [Иванов С.А., 2001. С. 29]. Город окружала созданная в предшествующий период монументальная крепостная ограда. В X в. Константин Багрянородный писал о Херсоне как о византийском городе [Константин Багрянородный, 1989. С. 37, 275]. Печати из Херсона свидетельствуют о том, что в X–XI вв. городом управляла фемная администрация. Фемой до третьей четверти XI в. руководил стратиг [Соколов И.В., 1983. С. 115; 1991. С. 169–171; Алексеевко Н.А., 1998], а потом – катепан [Зайбт В., Зайбт Н., 1995. С. 94]. По словам Николая Мистика, стратиг собирал и сообщал в столицу сведения о действиях и намерениях соседей. Херсон играл ведущую роль в контактах империи с печенегами. Соседнее с Херсоном печенежское племя выполняло поручения византийского императора в Руси, Хазарии и Зихии. Посольства и караваны отправлялись из Херсона под охраной печенегов, которые оставляли в городе своих заложников и получали за эти услуги подарки от императора [Константин Багрянородный, 1989. С. 41, 43]. В случае осложнения отношений империи с печенегами, последние совершали набеги на Херсон и Климаты [Константин Багрянородный, 1989. С. 37].

Жители Херсона неоднократно безуспешно восставали против византийской администрации. В 891 г. горожане убили стратига Симеона [Сазанов А.В., Ченцова В.Г., 1996. С. 446], а в 1066 г. мятеж херсонитов подавил катепан фемы [Богданова Н.М., 1991. С. 117]. По рассказу Скилицы, в 1116 г. византийцы в союзе с русскими во главе со Сфенгом, братом князя Владимира, пленили Георгия Цулу [Georgius Cedrenus, 1839. P. 464]. Судя по печатям, он принадлежал к местному аристократическому роду и был стратигом фемы Херсона [Соколова И.В., 1983. С. 103–106]. Быть может, в тексте Скилицы шла речь о подавлении его мятежа против Константинополя [Скржинская Е.Ч., 1953. С. 266, 267; Артамонов М.И., 1962. С. 436].

По мнению А.Л. Яковсона, в X в. в Херсоне происходил экономический подъем, сопровождавшийся ростом общей численности населения города. Поэтому на территории, ограниченной крепостными стенами, город мог развиваться только за счет уплотнения застройки [Яковсон А.Л., 1964. С. 61]. В X в. в расположенных вдоль узких улиц (ширина 3–4 м) прямоугольных кварталах, еще сохранивших раннесредневековую планировку, находилось

от четырех до шести жилых усадеб, отгороженных одна от другой каменным забором (табл. 56). В новых кварталах за счет застройки поперечных улиц два раннесредневековых квартала объединены в один. В них возведено больше усадеб, но меньших размеров. По улицам проложены водостоки и водопроводы [Белов Г.Д., 1959. С. 26]. В ходе раскопок на городище зафиксирована производившаяся в конце IX–X вв. перестройка кварталов и домов, например, в Портовом районе в квартале I [Романчук А.И., 1975. С. 4, 5], в Северном районе в кварталах X “б” [Рыжков С.Г., Седикова Л.В., 1999. С. 325, 326], XV–XVI [Яковсон А.Л., 1959. С. 290, 292], XVIII [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Яковсон А.Л., 1953. С. 184, 205–227], XXV [Белов Г.Д., 1953. С. 26, 28, 29]. Новые дома построили на участке античного театра [Романчук А.И., 1990. С. 169]. Жилые, хозяйственные и производственные помещения группировались вокруг вымощенного плитами двора. Вход в дом с улицы чаще всего вел непосредственно в жилое помещение. В одной из усадеб уцелела лестница. Очевидно, в двухэтажных усадьбах верхний этаж был жилым, а на первом этаже находились лавки, мастерские и кладовки, в которые спускались по внутренней лестнице. Как правило, под деревянными полами выкапывали подвал. Иногда под подвал приспособляли более раннюю цистерну. Двухпанцирные стены домов сложены на грязи из бутового камня со строгим соблюдением порядовки. С фасада камни выровнены подтеской. В домах с подвалами их возведенные на материковой скале стены являлись фундаментами наземных помещений. В одноэтажных домах без подвалов сложенные на грязи из бутовых камней и блоков фундаменты заглублены в землю на 1 м. В качестве фундаментов использованы и стены ранних построек. В некоторых дворах сооружены колодцы со стенками, выложенными из камней. Продолжали пользоваться и колодцами эллинистического периода [Белов Г.Д., 1953. С. 26; Яковсон А.Л., 1959. С. 282–298]. В Северо-Восточном районе в одной из усадеб находилась домашняя баня конца IX–XIII вв. [Золотарев М.И., 1984. С. 261]. В Херсоне, так же как и любом византийском городе, имелись городские бани (табл. 58: 12). В квартале IX раскопана прямоугольная в плане баня со следами мраморной облицовки, входом в восточной стене и кирпичной печью, построенная в позднеримский период и действовавшая в X в. Из центральной части здания два входа вели в ванное отделение с четырьмя большими ваннами. Под полом одной из них зачищены два водоотводящих канала [Рыжков С.Г., 1984. С. 326].

С жилыми домами соседствовали функционировавшие во второй половине IX–X вв. сооруженные

прежде базилики (табл. 57). По материалам новых археологических раскопок к IX–X вв. отнесено строительство западного загородного крестообразного храма I, а к X в. – храма на участке античного театра [Романчук А.И., 1990. С. 168–169]. В конце IX–X вв. в церковном зодчестве Византии создавалась новая концепция церковного зодчества. В Малой Азии, Греции и Болгарии начинают возводить крестово-купольные храмы переходного типа, у которых трехнефный план и купол с крестообразно расходящимися от него сводами составляли единую композицию [Полевой В.М., 1984. С. 240]. Ранними крестово-купольными А.Л. Якобсон считал раскопанные в 1861 г. в центральной части Херсона храм (№ 29) и в 1906 г. в западной части городища пятиапсидный храм. Из-за невозможности использовать археологический материал А.Л. Якобсон датировал храм 29 по технике кладки [Якобсон А.Л., 1959. С. 215–217, рис. 109, 110]. Время сооружения пятиапсидного храма в первой половине X в. Н.И. Брунов определил по приписанной Роману I (919–944) монете, найденной в открытой под полом могиле. Однако в статье отсутствует описание монет [Brunov N., 1932. P. 27–28]. До 1970-х годов ко времени правления Романа I относили монеты с монограммой ρω, выпускавшиеся в последней четверти XI – первой половине XIII в. [Соколова И.В., 1983. С. 61–63].

Активизации строительной деятельности сопутствовал рост производства строительных материалов, в частности кровельной черепицы (керамид и перекрывавших швы между ними калиптеров), плинфы и кирпичей (табл. 58: 9). Отличительной особенностью керамид конца IX–X вв. является темно-красный прочный крупнозернистый (с примесью морского песка) черепок. Как правило, на них при формовке оттискивали рельефные метки, большей частью в виде букв, а также монограмм, крестов и животных и птиц (табл. 58: 10, 11). Многократная повторяемость одних и тех же клейм на найденных в Херсоне черепицах указывает на их местное производство. А.Л. Якобсон считал кресты клеймами работавших в монастырях Херсона гончаров [Якобсон А.Л., 1959. С. 319], а все другие метки – клеймами городских ремесленников [Якобсон А.Л., 1959. С. 316]. В кварталах конца IX–X вв. в основном найдены сделанные местными гончарами причерноморские амфоры первого варианта с мелким зональным рифлением [Якобсон А.Л., 1959. С. 306–307, рис. 160: 1, 2; Седикова Л.В., 1994/1995. С. 435, рис. 3: 5, 9] и туловом со слабо выраженной бороздчатостью [Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999. С. 314–315, рис. 3: 2], второго варианта с бороздчатым туловом и их позднего подварианта (с ручками, прикрепленными к венчику, и грушевидным туловом) [Якобсон А.Л., 1959. С. 307, 309, рис. 161: 1–3; Седикова Л.В., 1994/1995. С. 434, 435, рис. 3: 5, 9], с яйцевидным бороздчатым туло-

вом, кувшины с росписью белым ангобом и ойнохоевидным [Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999. С. 320, рис. 6: 1, 2] и воронковидным горлом, высокогорлые кувшины с плоскими ручками [Якобсон А.Л., 1979. С. 33, 75, рис. 14: 1–4], кувшины с вертикальными вдавлениями на тулове [Якобсон А.Л., 1979. С. 83, рис. 50: 1–3], одно- и двуручные горошочки и браслеты из синего стекла.

В конце IX–X вв. в городе развивались многие отрасли экономики: металлообработка, ткачество, рыболовство и другие. Второй половиной IX в. датируются зачищенные в Портовом районе три сыродутных горна для выплавки железа диаметром 0,3 × 0,4 м. В одном из горнов чередующимися слоями лежали железные шлаки и древесные угли. Территория близ горнов покрыта толстым слоем горелой земли с большим количеством железных шлаков. С городища происходят тигельки и льячки для разлива металла, каменные матрицы для отливки медальонов, крестов, украшений [Якобсон А.Л., 1959. С. 322–333] и бронзовые цельнолитые пряжки с лировидной рамкой первого варианта. По сведениям письменных источников, херсониты добывали соль в Сивашских озерах [Константин Багрянородный, 1989. С. 175], а рыбу ловили не только в прибрежных водах но и в устье Днепра [Богданова Н.М., 1991. С. 52].

Письменные и археологические источники свидетельствуют об интенсивной торговле Херсона с Византией, Подунавьем, Юго-Западным Крымом, печенегами, Хазарией и другими регионами. Жизнедеятельность горожан столь сильно зависела от торговли, что император Константин Багрянородный советовал своему сыну в случае восстания херсонитов блокировать их торговлю. Император предлагал конфисковывать их корабли с грузами в Константинополе, на побережье фем Армениаки, Пафлагонии, Вукелларии и не позволять переправлять в Херсон из Понтийских портов вино, хлеб и другие товары [Константин Багрянородный, 1989. С. 275]. Из Константинополя поступали поливные белоглиняные блюда со штампованным изображением, чаши и кувшины с полихромной росписью, поливные розовоглиняные тарелки и чаши [Якобсон А.Л., 1979. С. 83–93; Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999. С. 325, 326] (табл. 59). С конца X в. в город завозились сделанные в гончарных мастерских в окрестностях Константинополя амфоры типа Saraçhane 54 [Hayes J.W., 1992. P. 73–75, fig. 24: 1–9; Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999. С. 325, рис. 10: 1]. Продукцией византийских мастеров являются найденные в Херсоне шарнирные пряжки со щитком, отлитым с трапезиевидным отверстием и изображением грифонов на одной стороне и птиц на другой [Vinski Z., 1974. P. 58–73, tab. I, II] и литые книжные застёжки. В Юго-Западном Крыму на Мангупе, Эски-Кермене, Бакле и

поселениях обнаружены как изготовленные в Херсоне черепицы [Якобсон А.Л., 1979. С. 104, 107], амфоры, стеклянные браслеты, так и византийские поливная керамика, стеклянные сосуды и украшения. Херсонские амфоры с грушевидным туловом встречены и в хазарском слое Саркела [Якобсон А.Л., 1959. С. 309]. Вероятно, именно через Херсон в Саркел и другие города и поселения Хазарии поступали византийские амфоры и поливная керамика. О торговых связях Херсона можно судить и по находкам херсоно-византийских монет X в. на Эски-Кермене, в Партените, Сугдее, Саркеле и в Киеве [Богданова Н.М., 1991. Табл. 2]. В свою очередь, в Херсон привозили черепицу из располагавшихся в граничащем с хорой Херсона регионе производственных центров: в бухте Батильман и в Ласпинской котловине [Паришина Е.А., 1974. С. 81; Сидоренко В.А., 1985. С. 99], а из других районов салтовские детали поясных наборов [Айбабин А.И., 1977. Рис. 1: 15, 16; 2: 1–8] и керамику. Херсон являлся и крупным центром транзитной торговли. Печенегі покупали в городе шелковые ткани, бархат, перец, красные парфянские кожи и другие товары. В свою очередь херсониты покупали у печенегов воск и шкуры, которые затем продавали в Византию [Константин Багрянородный, 1989. С. 41, 275].

В 989 г. [Васильевский В.Г., 1909. С. 57–101] или 988 г. [Богданова Н.М., 1986. С. 45–46] киевский князь Владимир после длительной осады захватил Херсон. Г.Д. Белов и А.Л. Якобсон к данному событию приурочили выявленные в Северном и Западном районах слои, образовавшиеся в результате разрушений некоторых жилых кварталов и базилик [Белов Г.Д., 1953. С. 28, 29; Якобсон А.Л., 1959. С. 65]. А.И. Романчук по монетам с монограммой “рѡ”, извлеченным из накопившегося поверх полов домов и базилик слоя мусора, датировала их разрушение концом XI–XII вв. Однако этот слой накапливался в течение длительного периода. В пользу мнения Г.Д. Белова и А.Л. Якобсона свидетельствуют найденные на полах данных построек клады, в которых самыми поздними были монеты Василия II (976–1025) [Завадская И.А., 2000. С. 86–87] и керамика последней трети X – первой половины XI в. [Сазанов А.В., Ченцова В.Г., 1996. С. 442].

Владимир после крещения и венчания с сестрой византийского императора Анной вернул Херсон прежней администрации и покинул его. Как показали археологические раскопки, в конце X – начале XI в. в городе начинают реконструкцию оборонительных стен и восстановление перепланировки жилых кварталов. В Юго-Восточном районе после присоединения к городу высохшего участка бухты площадью 1,5 га сильно изменяется конфигурация крепостной ограды. Ее новый участок состоял из комплекса башен XXII–XXI и куртин 37–39 (рис. 3).

Поставленные на урзе моря башни XXVI–XXVII фланкировали морские ворота [Антонова И.А., 1996. С. 117]. В 1059 г. стратиг Херсона и Сугдеи патриций Лев Алиат соорудил в Херсоне новые ворота претория и отремонтировал другие городские ворота [Латышев В.В., 1896. С. 16–18]. Видимо, необходимость в ремонте возникла из-за опасения половецких нападений.

По утверждению А.Л. Якобсона, в XI–XIII вв., несмотря на полное запустение западной части и уменьшение размеров, Херсон оставался довольно большим плотно застроенным городом. В восточной части города сохранилась прежняя планировка прямоугольными кварталами, а западную его половину поверх слоя разрушений застроили маленькими кварталами с кривыми узкими улицами [Якобсон А.Л., 1964. С. 84]. В восточной части города сохранились все крупные базилики. Архитектурной доминантой города являлась Главная площадь с комплексом Уваровской базилики, базиликой № 28, базиликой Крузе и другими. На северном берегу не ранее XI в. возвели новый соборный крестово-купольный храм № 34 с шестью внутренними столбами (табл. 57: 4). С XI в. практически в каждом квартале строились храмы во имя святого, которого считали патроном прихода. Над домами возвышались купола крестово-купольных храмов: шестистолбного № 6, четырехстолбных № 4, 9 (табл. 57: 6), 21 [Якобсон А.Л., 1964. С. 88, рис. 28в; 1988. С. 168–172; Сазанов А.В., 2000. Рис. 1]. Преобладали же однефные часовни. Храмы сооружали и на месте разрушенных базилик. Например, видимо, в XI в. среди развалин в центральном нефе базилики № 5 сооружают небольшой одноапсидный трехнефный храм [Бертье-Делагард А.Л., 1893. С. 34; Завадская И.А., 2000. С. 87], а в XII–XIII вв. среди руин базилики 1932 г. [Якобсон А.Л., 1959. С. 176, рис. 84] – часовню.

Всего в Херсоне выявлено 109 кварталов. Численность его населения, вероятно, достигала 3600–5000 человек [Романчук А.И., 1986. С. 185]. В XI–XII вв. новые жилые кварталы строятся на присоединенном и других участках Портового района [Романчук А.И., 1986. С. 123–152], в Северном [Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. С. 205–206; Рыжов С.Г., 1984. С. 326–327; 1999. С. 168–180; Романчук А.И., 1986. С. 31, 58] и Северо-Восточном районах [Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., 1998. С. 182].

Кварталы Северного района состояли из четырех-шести усадеб, Северо-Восточного и Портового районов – из семи-восьми усадеб [Романчук А.И., 1986. С. 184–185]. Центральная площадь с ее восемью христианскими храмами являлась архитектурной доминантой города. Примыкающие к ней кварталы были застроены 2–3 крупными усадьбами богатых горожан. В 50 м от Уваровской базилики

расположена самая большая двухэтажная усадьба общей площадью около 500 м². Площадь ее обширного двора 144 м². С трех сторон его находились восемь просторных помещений. В тех из них, где размещались торговые лавки, найдены разновесы и безмен. С восточной стороны двора к помещениям пристроена крытая галерея с печью для приготовления пищи. С.Г. Рыжов обоснованно считал, что эту усадьбу использовали в качестве постоянного двора [Рыжов С.Г., 1999. С. 179]. Усадьбы небогатых херсонитов отгораживались каменным забором с низкой калиткой. В глубине маленького двора располагался одноэтажный или двухэтажный дом с двускатной или односкатной стропильной черепичной крышей. На нижнем этаже находились кладовая с углубленным в землю полом и хозяйственные помещения, на втором – жилые. В дворике находились каменный сарай и туалет [Якобсон А.Л., 1964. С. 84, 86, 87]. Проемы окон и дверей были оформлены орнаментированными арками.

Выявленные при исследовании кварталов материалы говорят о преобладании в Херсоне ремесленного населения. Городские ремесленники работали на заказ, а во многих отраслях являлись мелкими товаропроизводителями [Романчук А.И., 1986. С. 80, 112–114, 152; Богданова Н.М., 1991. С. 29–50, 121, 131–132].

На северном берегу раскопан гончарный комплекс XI–XII вв. для изготовления кровельной черепицы. Грушевидные в плане печи сооружены из бутового камня и сырцовых кирпичей [Якобсон А.Л., 1950. С. 155–162, рис. 92–105]. В раскопанных на городище одновременных гончарных комплексах на ручных и ножных гончарных кругах делали поливную керамику [Романчук А.И., 1986. С. 150; Богданова Н.М., 1991. С. 29, 30, 131, 132]. Херсонская поливная керамика систематизирована А.Л. Якобсоном [Якобсон А.Л., 1979. С. 119–147] и А.В. Сазановым (табл. 59). Преобладали местные красноглиняные миски, тарелки и кувшины, украшенные разнообразным орнаментом, исполненным широкой врезной линией с подглазурной коричневой подцветкой рисунка. Довольно многочисленны импортные большие тонкостенные уплощенные блюда с рисунком, выполненным тонкой врезной линией с коричневой подцветкой, толстостенные блюда, покрытые охристо-желтой глазурью, с рисунком, выгравированным по ангобу широкой линией, белоглиняные миски и кувшины с подглазурной росписью марганцевыми широкими линиями с зеленой подцветкой [Рыжов С.Г., Голофаст Л.А., 2000. С. 264]. Возможно, в одной из мастерских изготавливали и красноглиняные плоскодонные амфоры типа XXV по херсонесской классификации XIII–XIV вв. На городище также найдены привезенные с побережья Мраморного моря амфоры XII–XIV вв. с высокоподнятыми ручками и с дуго-

видными ручками, с круглым или плоским дном [Сазанов А.В., Ченцова В.Г., 1996. С. 440], а в слое пожара – трехручные плоскодонные сосуды XIII–XIV вв. [Якобсон А.Л., 1979. С. 114, рис. 69: 8, 9; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. С. 84].

Скорее всего, обнаруженные в усадьбах железные инструменты, скобяные и другие изделия сделаны в кузницах и мастерских, выявленных во всех районах. В усадьбе в 22 квартале в кузнице лежала и матрица для отливки свинцовых грузил [Белов Г.Д., 1941. С. 260–263, 266; Романчук А.И., 1986. С. 113, 152; Богданова Н.М., 1991. С. 27, 131]. Продукцией городских ювелиров являются художественные кресты (табл. 57: 7–10), иконки и книжные оклады изготовленные в технике, типичной только для Херсона: на железной или бронзовой основе закреплялся бронзовый, серебряный или золотой листик с вычеканенным изображением [Банк А.В., 1978. С. 65, 66].

Из слоев XI–XIII вв. происходит большое количество костяных орудий труда, других разнообразных поделок и заготовок, дающих основание говорить о функционировании в городе косторезных мастерских [Романчук А.И., 1981. С. 84–105]. Многочисленны сделанные местными мастерами костяные пластинки с изображением птиц и животных, украшавшие ларцы, погребальные покровы и служившие диптихами для записей по воску [Банк А.В., 1978. С. 86, 87]. Раскопки в Херсоне выявили свидетельства существования стеклоделия, ткачества, обработки шерсти, других ремесел и таких традиционных промыслов, как виноделие и рыболовство. В XI и XII вв. на территории хоры на Герacleйском полуострове сохранились сельскохозяйственные комплексы. Один из них представлял поселение площадью 70 × 50 м, состоявшее из нескольких домов и общественных хранилища, хлебопекарни, двора-загона, башни и храма. Поселение сгорело во второй половине XI в. [Яшаева Т.Ю., 1999. С. 355, 356], возможно, в результате набега половцев. Домашний скот держали и городские жители. На это указывает находка в городских усадьбах костей крупного рогатого скота, лошадей, коз, овец, свиней, каменные кормушки и загоны для животных. В одной из кладовых стояли пифосы с рыбой и обуглившимся просом [Белов Г.Д., 1959. С. 56; Богданова Н.М., 1991. С. 49]. Почти в каждой усадьбе лежали жернова. В усадьбе на северном берегу размещалась хлебопекарня с тремя печами, выпекавшая хлеб на продажу [Белов Г.Д., 1959. С. 257, 258].

Херсон вел интенсивную торговлю с Византией, Юго-Западным Крымом, половцами, Киевской Русью и другими регионами. В XI–XII вв. из Константинополя и других византийских городов в Херсон и в соседние города и поселения на плато Мангуп,

Эски-Кермен, Бакла и другие поступали амфоры, поливная керамика [Якобсон А.Л., 1979. С. 109–147; Рыжов С.Г., Голофаст Л.А., 2000. С. 264] и ювелирные изделия, кресты и иконы из бронзы, стеатита и кости [Банк А.В., 1978. С. 65–67, 98, 99], а с Балкан и из Сирии – кресты и стеклянные сосуды [Корзухина Г.Ф., 1958. Табл. I: 3; Колесникова Л.Г., 1973. С. 249–256]. Анна Комнина упоминала половецких купцов в 1092 г. торговавших под городскими стенами [Анна Комнина, 1996. С. 266]. Судя по происходящим из Херсона фрагментам древнерусской керамики XI–XIII вв. [Якобсон А.Л., 1958. С. 121–123], энколпионов и крестов конца XII–XIII вв. [Корзухина Г.Ф., 1958. С. 135–137], его контакты с Киевской Русью сохранились и после захвата половцами Северо-Причерноморских степей. Важным индикатором торговых связей города являются обнаруженные там византийские и восточные монеты XI–XII вв. и византийские и херсонские монеты с монограммой ϣω из Юго-Западного Крыма и древнерусского Изяславля [Соколова И.В., 1968. С. 56–57, 255–263; Богданова Н.М., 1991. С. 160–161].

Приведенные данные опровергают утверждение А.Л. Якобсона о разразившейся в городе с начала XI в. экономической депрессии, вызвавшей прекращение чеканки монет [Якобсон А.Л., 1964. С. 76]. Как отмечалось выше, в Херсоне в последней четверти XI – первой половине XIII в. выпускались монеты с монограммой ϣω [Соколова И.В., 1983. С. 61–63]. Да и сам факт осуществления масштабных восстановительных строительных работ говорит о Херсоне, как о городе с довольно развитой экономикой.

В 1204 г. после захвата крестоносцами Константинополя Херсон попал под власть Трапезундской империи. После восстановления Византийской империи Херсон остался под управлением Трапезунда [Богданова Н.М., 1991. С. 95, 96]. В 1270-е годы [Рыжов С.Г., Голофаст Л.А., 2000. С. 253; Калашиников Ю.П., 1989. С. 186] либо в 1299 г. [Якобсон А.Л., 1964. С. 81] практически все городские кварталы погибли от пожара, очевидно вызванного одним из татарских набегов. Херсон как город перестал существовать. В XIV в. лишь рядом с портом восстанавливаются некоторые усадьбы [Рыжов С.Г., 1999. С. 180].

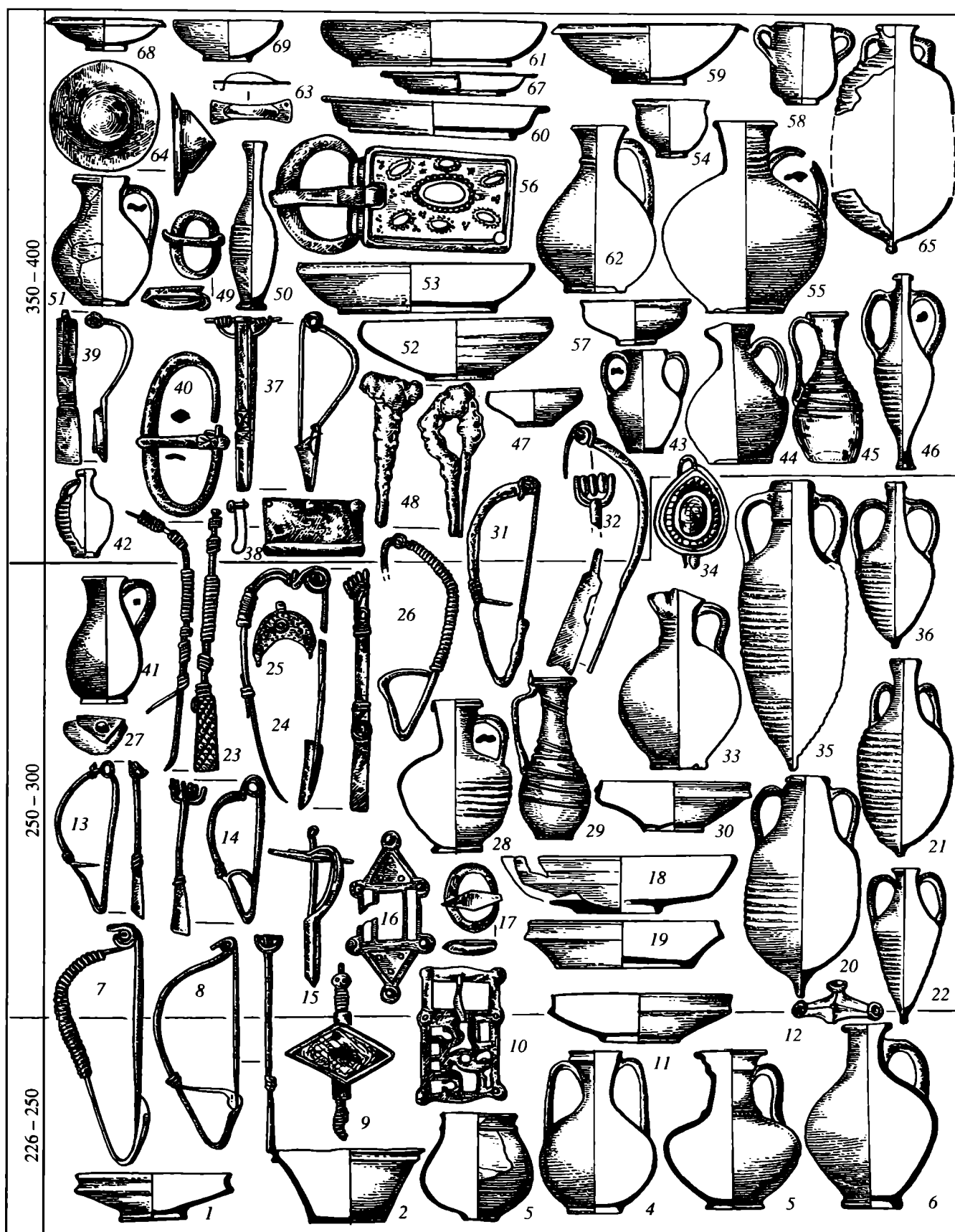

Таблица 1. Взаимовстречаемость датированных вещей в комплексах 1-3 хронологических групп

1 - Черная речка, склеп 6; 2, 3 - Дружное, могила 2; 4 - Черная речка, могила 57; 5 - Черная речка, могила 61; 6 - Черная речка, могила 82; 7 - Тиритака, склеп V.1934; 8 - Черная речка, могила 50; 9, 28 - Черная речка, могила 58; 10, 23, 26, 32 - Черная речка, могила 35; 11 - Черная речка, могила 68; 12 - Скалистое III; 13 - Черная речка, могила 72; 14, 15 - Черная речка, могила 45; 16 - Черная речка, могила 71; 17, 45 - Инкерман, могила 35; 18 - Харакс, могила 37; 19 - Черная речка, могила 18; 20 - Черная речка, урна 16; 21 - Черная речка, урна 22; 22, 25 - Черная речка, могила 56; 24 - Черная речка, могила 86; 27, 30, 44, 47-49, 52, 55, 57 - Дружное, склеп 1; 29 - Херсонес, склеп 242; 31, 38, 56 - Керчь, могила на усадьбе Месаксу-

ди; 33, 58 - Черная речка, могила 54; 34 - Дружное, могила 24; 35 - Совхоз 10, могила 96; 36 - Танковое, могила 6; 37 - Совхоз 10, могила 55; 39 - Совхоз 10, могила 228; 40, 42 - Харакс, могила 35; 41 - Херсонес, склеп 1/1982, на правой лежанке; 43, 50 - Харакс, могила 34; 46 - Инкерман, склеп 25; 51 - Черная речка, склеп 20; 53 - Черная речка, могила 22/1989; 54 - Озерное, склеп 1; 59 - Черная речка, могила 40; 60 - Черная речка, склеп Б/1989; 61 - Совхоз 10, склеп 2; 62 - Черная речка, могила 2; 63, 64 - Озерное, склеп 2; 65 - Чатыр-Даг, могила 4; 67 - Черная речка, склеп 34/1989; 68 - Черная речка, могила 1; 69 - Черная речка, могила 86. Составлена А.И. Айбабиным

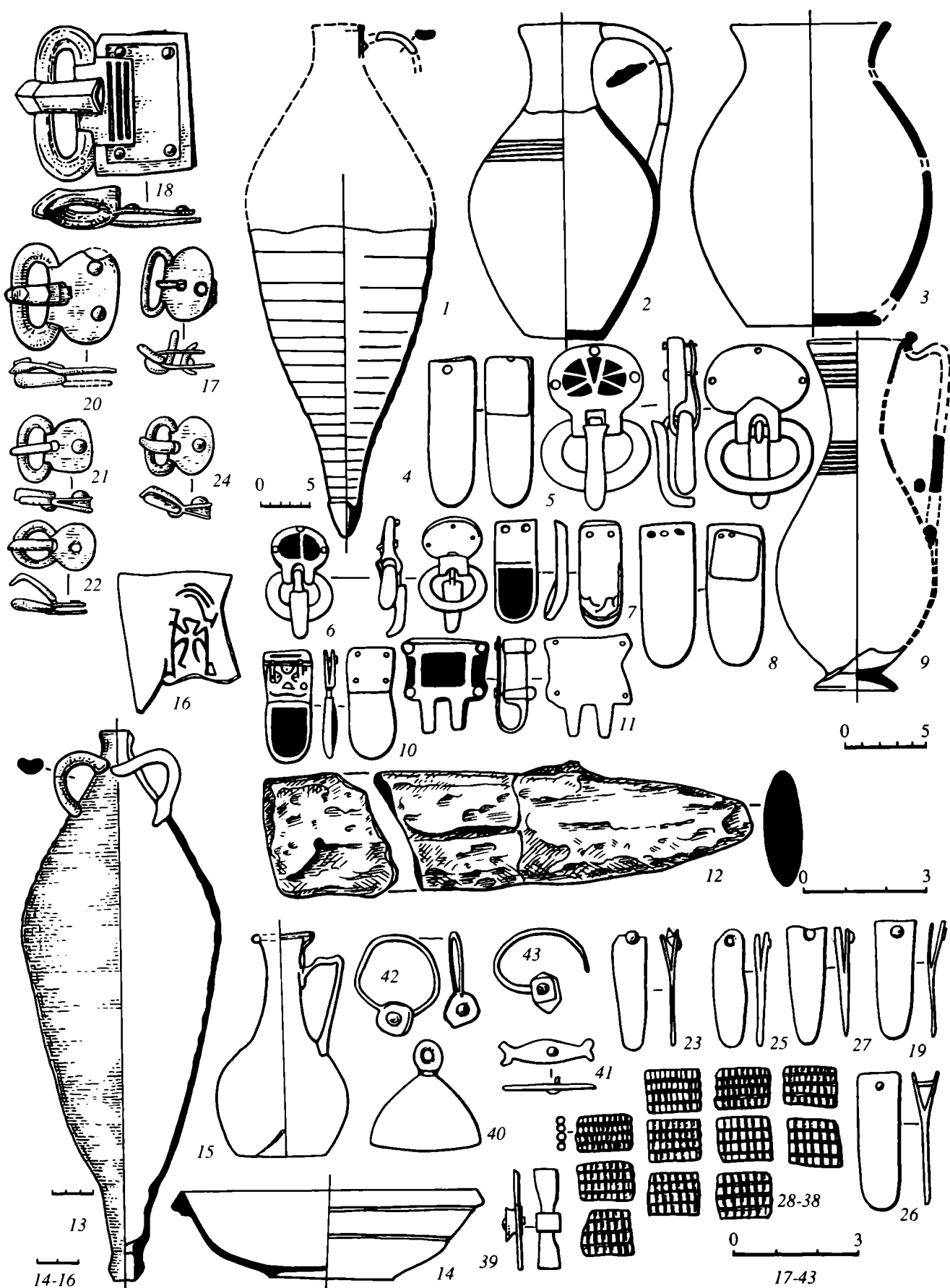

Таблица 2. Инвентарь из могилы кочевника, обнаруженной близ Чикаренко

1 – амфора; 2 – краснолаковый кувшин; 3 – лепной сероглиняный горшок; 4, 8 – золотые наконечники ремней варианта II-1; 5, 6 – золотые пряжки с альмандинами и круглой рамкой 6 варианта; 7, 10 – золотые наконечники, инкрустированные альмандинами, варианта II-3; 9 – фрагменты стеклянного кувшина; 11 – золотой с альмандинами щиток пряжки; 12 – обломок железного кинжала

Вещи V-VI вв. из могильника Черная речка: 13 – амфора из

склепа 12; 14, 15, 17, 40 – краснолаковая миска, стеклянный кувшин, бронзовая пряжка варианта 2, бронзовый колокольчик из могилы 3; 16 – дно краснолаковой тарелки с крестом; 18 – пряжка варианта 1-1; 20 – пряжка варианта 1-2; 19, 23, 25-27 – наконечники ремней группы 2 варианта 6-5; 21, 24 – пряжки варианта 2; 39, 41 – накладки на ремень из склепа 5; 22 – пряжка варианта 2; 28-38 – золотые пронизи; 42, 43 – серьги из склепа 11. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. С. 76. Рис. 29 и с. 69, рис. 21

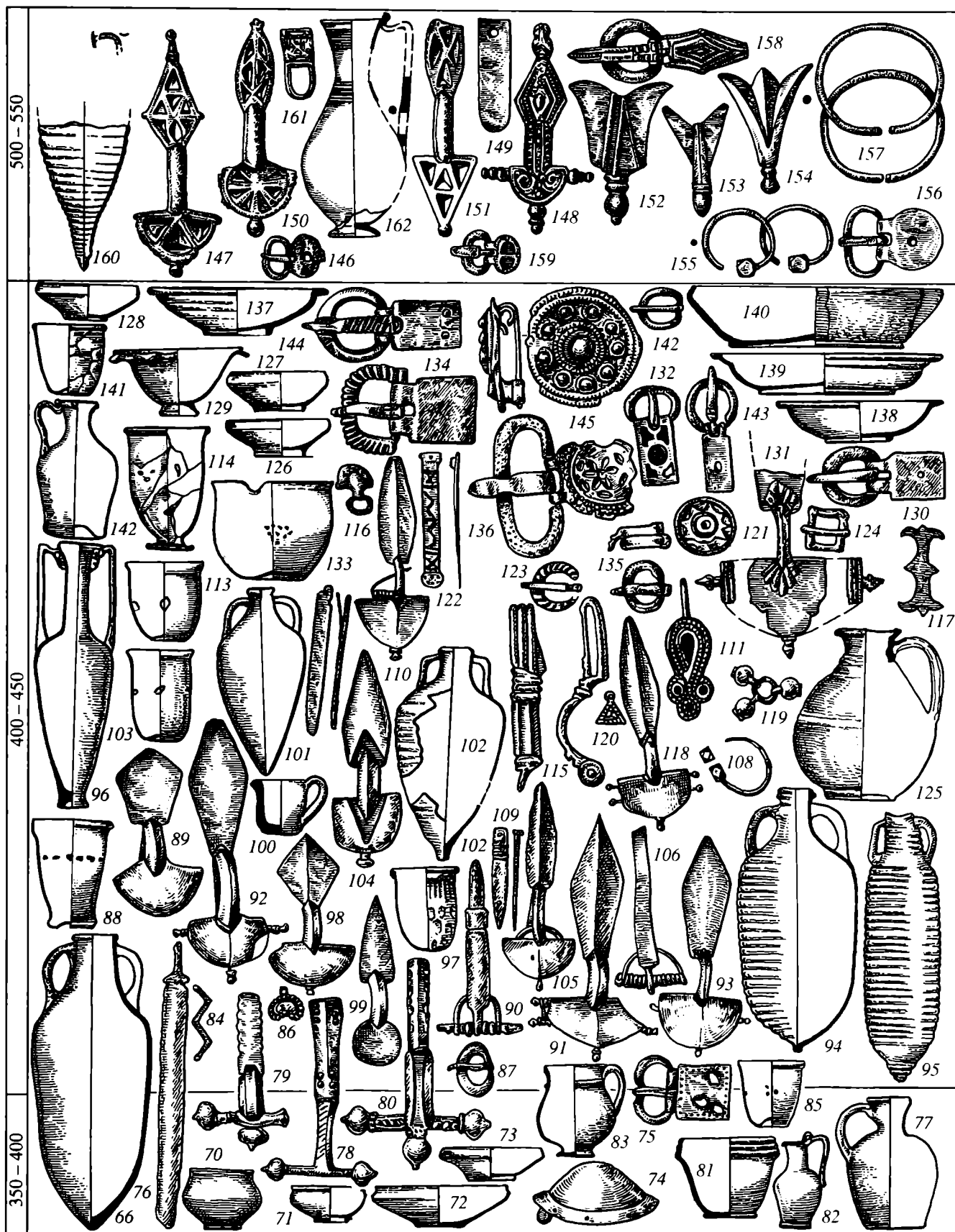

Таблица 3. Взаимовстречаемость датированных вещей в комплексах 4-6 хронологических групп

66 – Черная речка, могила 38; 70 – Черная речка, могила 1; 71 – Инкерман, могила 17; 72 – Черная речка, могила 2; 73 – Черная речка, склеп 7; 74 – Харакс, могила 11; 75, 77-79, 81, 83, 100 – Херсонес, склеп 1/1982; 76 – Озерное, склеп 2; 80 – Инкерман, могила 16; 82 – Керчь, могила 5/10-3; 84, 86, 111, 120, 121, 129 – Лучистое, могила 82; 85 – Совхоз 10, могила 6; 87 – Инкерман, могила 13; 88, 109, 113 – Харакс, могила 33; 89 – Скалистое, склеп 421; 90, 97 – Харакс, могила 29; 91 – Инкерман, могила 29; 92 – Скалистое, склеп 485; 93 – Черная речка, склеп 11/1989; 94 – Чатыр-Даг, могила 1; 95, 112, 135 – Лучистое, склеп 54а; 96, 114-117, 119, 122-128, 130, 134, 137-139, 143 – Лучистое, склеп 88; 98, 132 – Керчь, склеп 145; 99 – Илурат, могила

69; 101 – Харакс, могила 26; 102 – Чатыр-Даг, могила 2; 103, 118, 136 – Керчь, склеп 54/1904; 104 – Лучистое, склеп 100, слой 3; 105, 106, 140, 141 – Лучистое, склеп 58; 107 – Заморское, могила 11; 108 – Лучистое, склеп 41; 110, 131 – Керчь, склеп 165/1904; 133 – Сиявка; 142 – Лучистое, склеп 55; 144 – Скалистое, могила 431; 145 – Лучистое, склеп 126, захоронение 2; 146 – Скалистое, склеп 190; 147, 152 – Херсонес, могила 3/1891; 148 – Херсонес; 149 – Скалистое, склеп 465; 150 – Сахарная головка, могила 12; 151 – Скалистое, склеп 190; 153 – Красный Мак, склеп 7; 154 – Керчь, склеп 181/1902; 155-157 – Лучистое, склеп 75, захоронение 1; 158 – Керчь; 159-162 – Чикаренко. Составлена А.И. Айбабиным

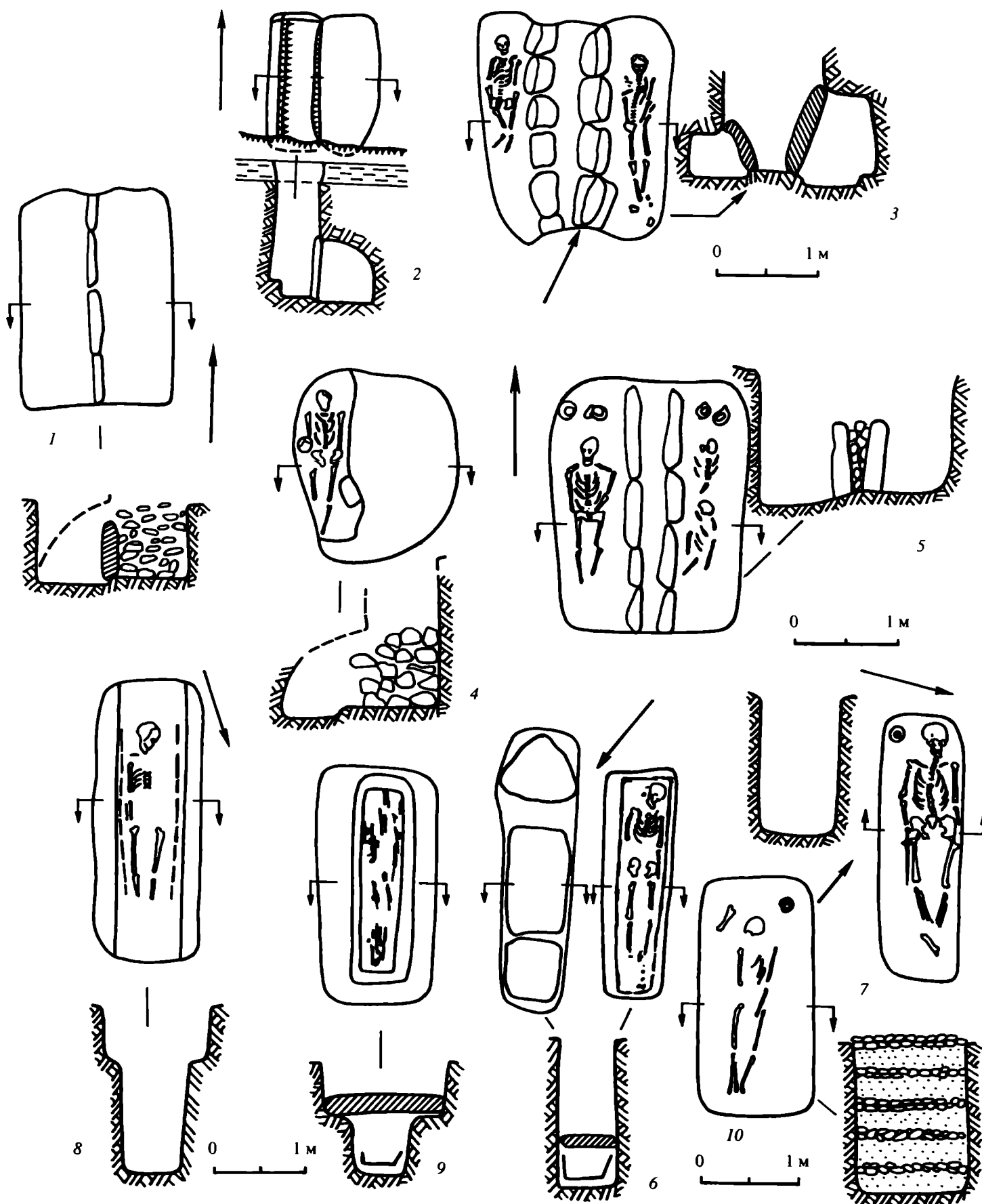

Таблица 4. Планы и разрезы подбойных и грунтовых могил I–IV вв.

1 – могильник Скалистое II; 2 – Инкерман, могила 25; 3 – Заморское, могила 13; 4 – Усть-Альма, могила 36; 5 – Заветное, могила 206; 6 – Заморское, могила 22; 7 – Заветное, могила 227; 8 – Завет-

ное, могила 43; 9 – Заморское, могила 21; 10 – Заветное. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. Рис. 4 и 5. С. 17, 19

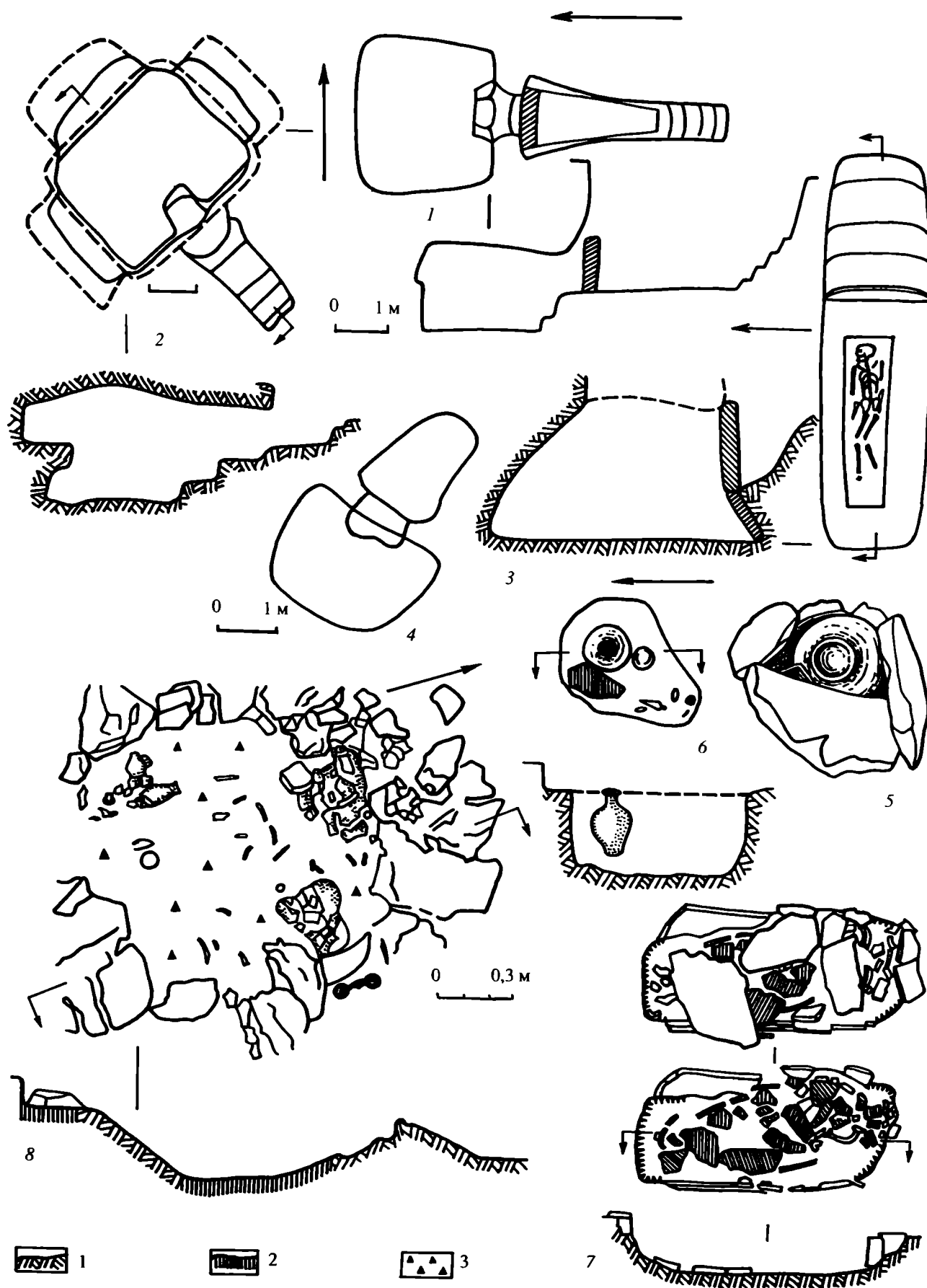

Таблица 5. Планы и разрезы аланских склепов II–IV вв. и германских трупосожжений III–IV вв.

1 – Инкерман, склеп 25; 2 – Боспор, склеп 1603; 3 – Заморское, склеп 4; 4 – Боспор, склеп 1501; 5 – Черная речка, могила 21; 6 – Харакс, могила 35; 7 – Чатыр-Даг, могила 1; 8 – Харакс, могила 34.

Условные обозначения: 1, 2 – предматериковая глина и материк; 3 – угли и зола. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. Рис. 5–8. С. 19–25

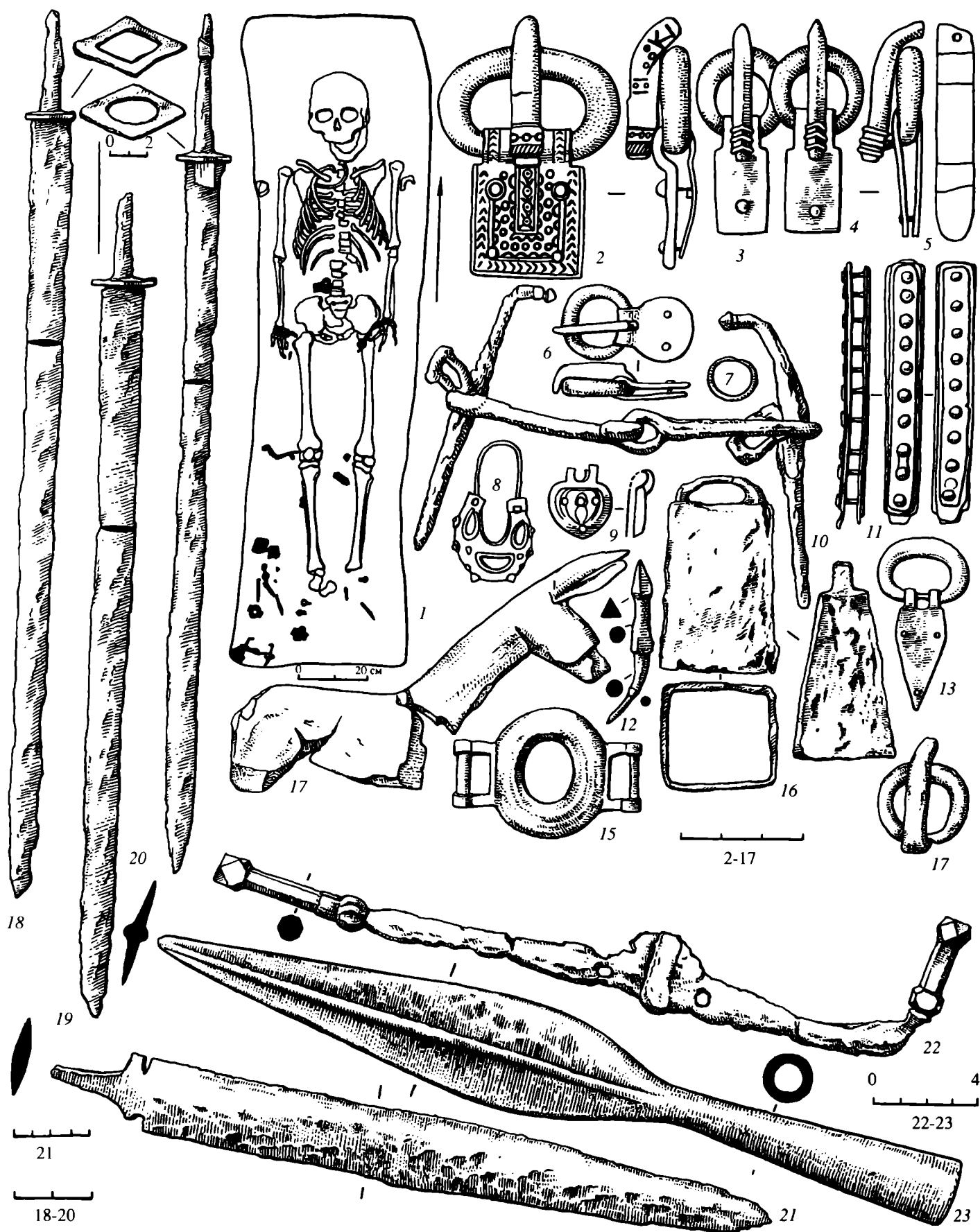
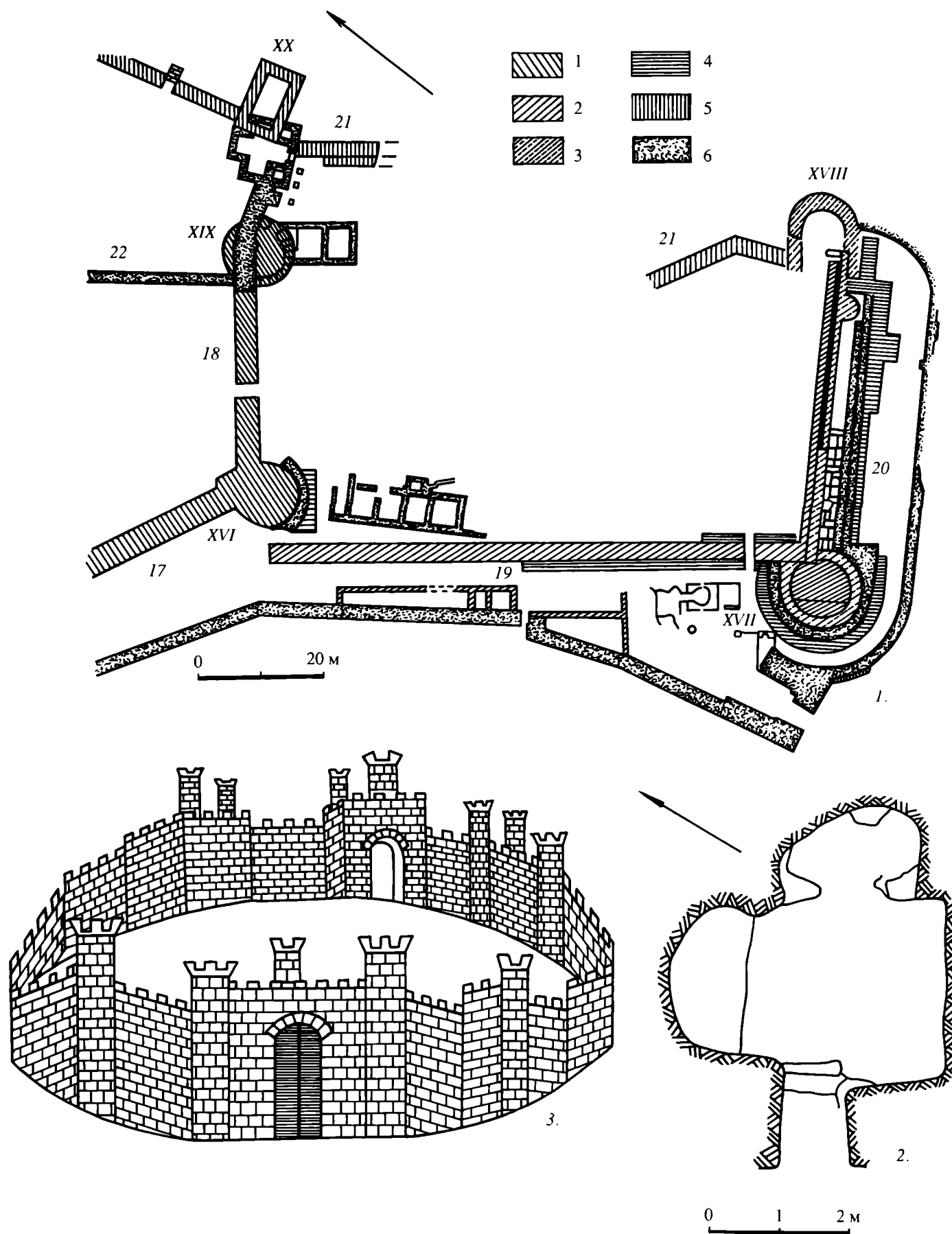

Таблица 6. Беляус. Гунское захоронение мальчика (1)

2-6 – пряжки; 9 – серебряный щиток пряжки; 7 – бронзовое колечко; 8 – серьга; 10 – железные удила; 11 – серебряные, плакированные золотом наконечники поясных ремней; 12 – железный наконечник стрелы; 13, 17 – серебряные пряжки; 14 – золотая обкладка статуэтки лошади; 15 – серебряная соединительная сбруй-

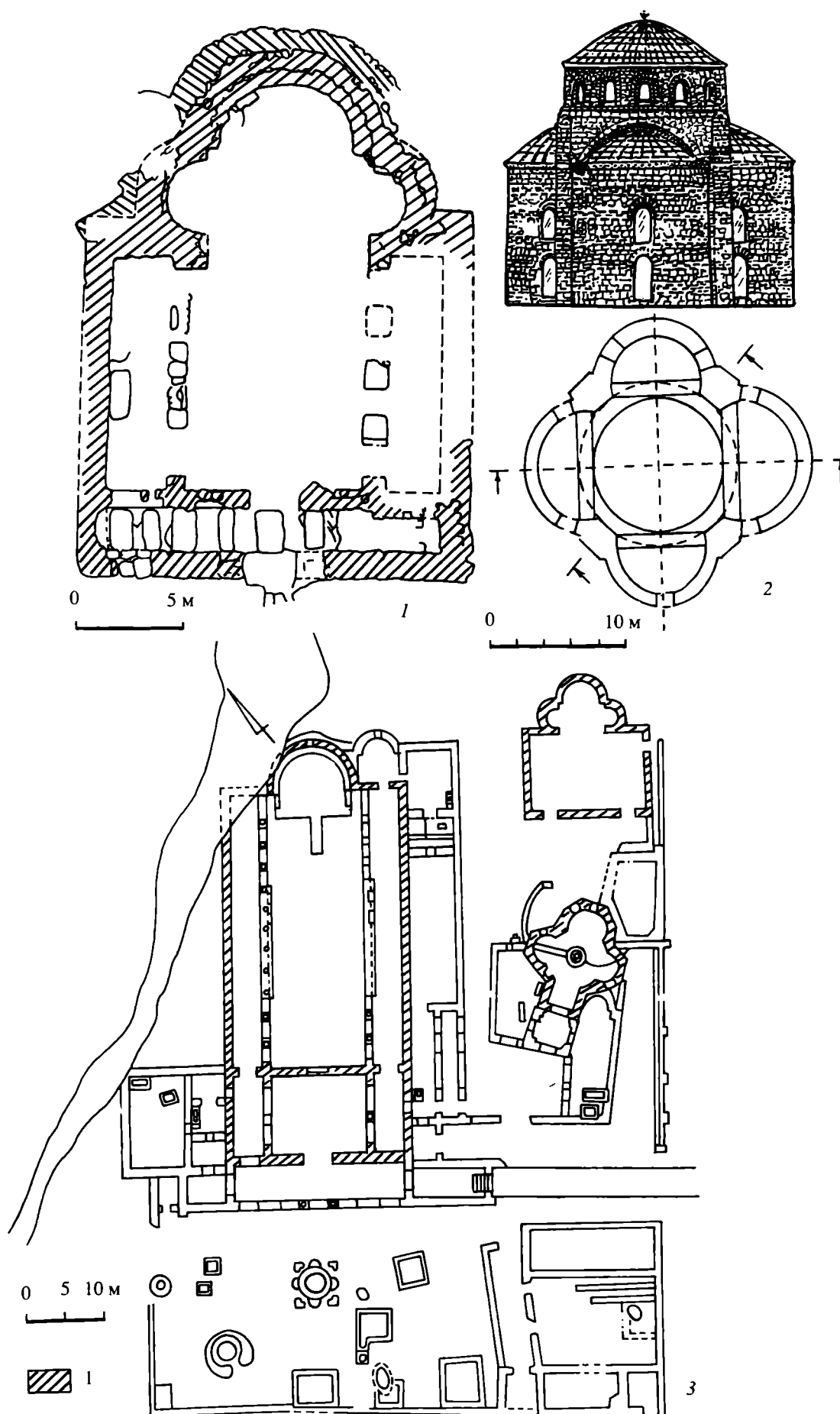
ная бляха; 16 – железное ботало; 18-20 – мечи из аланских склепов: Лучистое, склеп 88; 21, 22 – кинжал и железный псалий удила из склепа 88; 23 – копьё из склепа 52. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. Рис. 27 и 26. С. 72-74

Таблица 7. План цитадели римского и ранневизантийского периодов в юго-восточной части Херсона (1)

2 – план склепа с фреской на стенке; 3 – фреска – вид крепости.
Условные обозначения: 17–21 – номера куртин; XVI–XX – номера башен; 1–3 кладки античного времени и позднеримские кладки

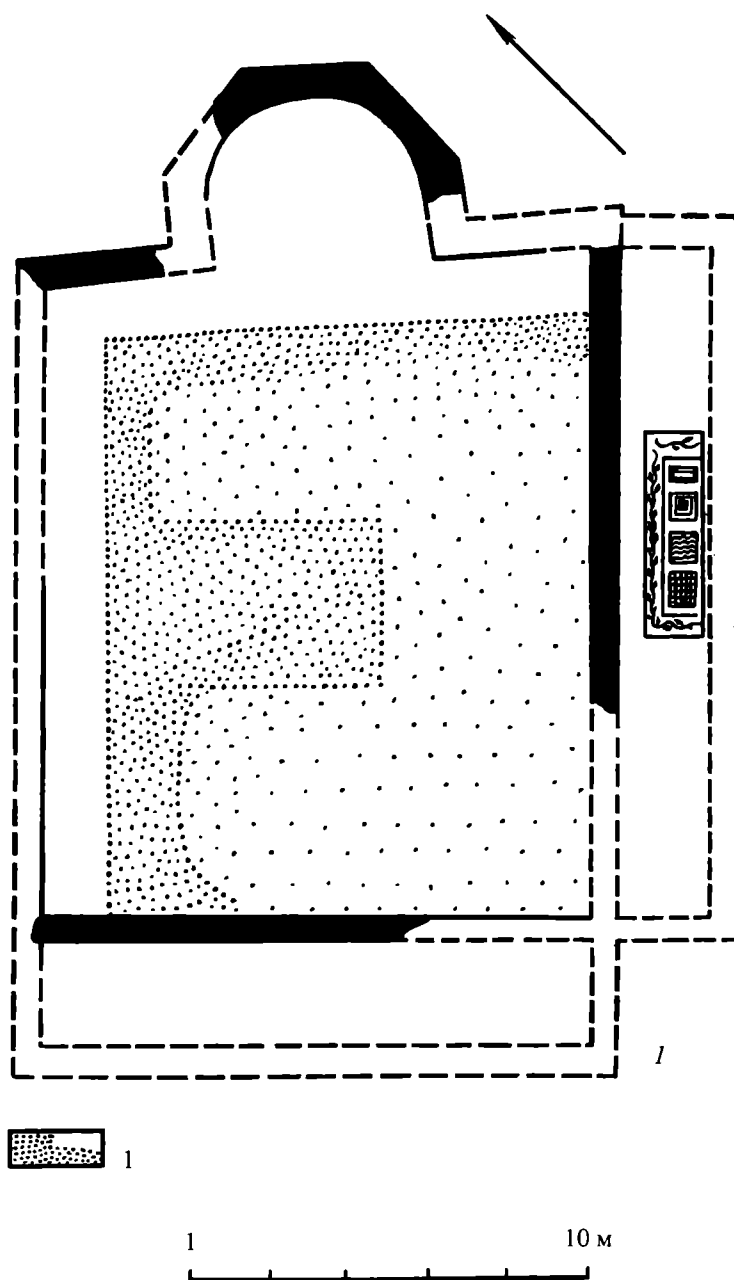
I–III вв.; 4 – кладки конца IV–V вв.; 5 – кладки VI в.; 6 – кладки IX–X вв. Составлена А.И. Айбабиным

Таблица 8. Храмы Херсона ранневизантийского времени

1 – базилика с триконхальной апсидой № 7; 2 – план и реконструкция четырехапсидного храма; 3 – Комплекс Уваровской бази-

лики. Заштрихованы фундаменты раннего существования комплекса. Составлена А.И. Айбабиным

—

2

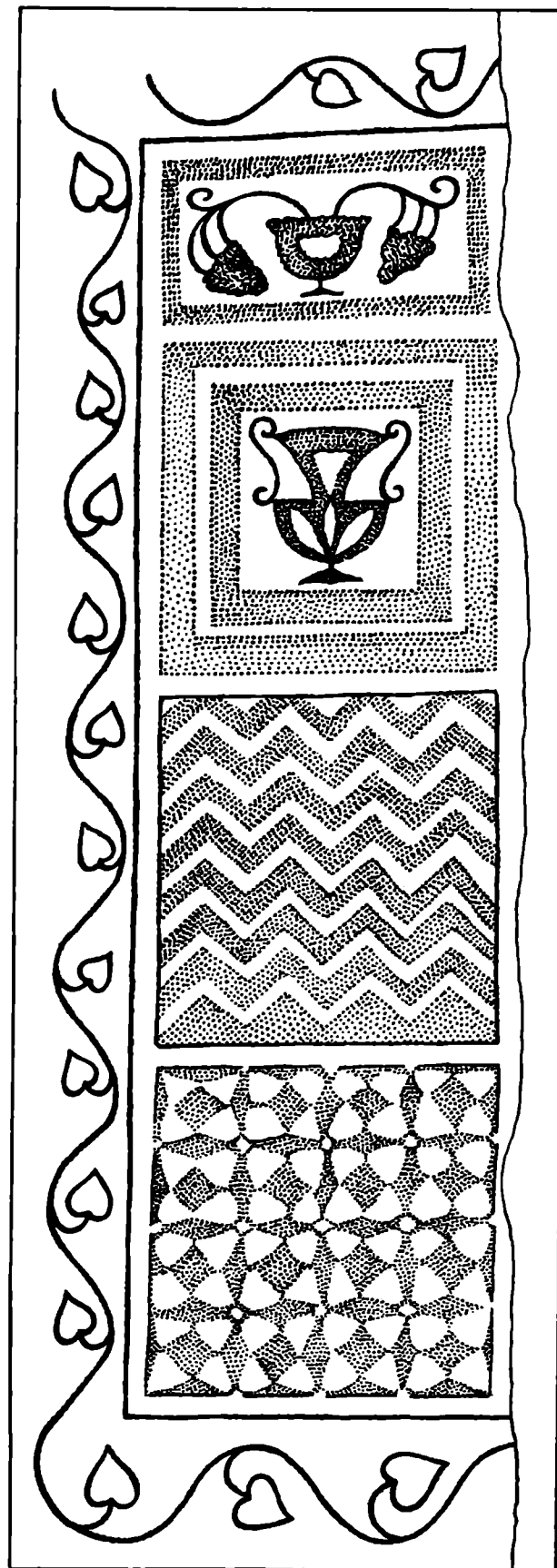

Таблица 9. План фундаментов синагоги, открытых под “базиликой 1935 г.” (1)

2 – сохранившийся на полу участок мозаики этой постройки. Условное обозначение: 1 – остатки цемянкового пола. Составлена по: Завадская И.А., 1996. С. 509–510. Рис. 3–4

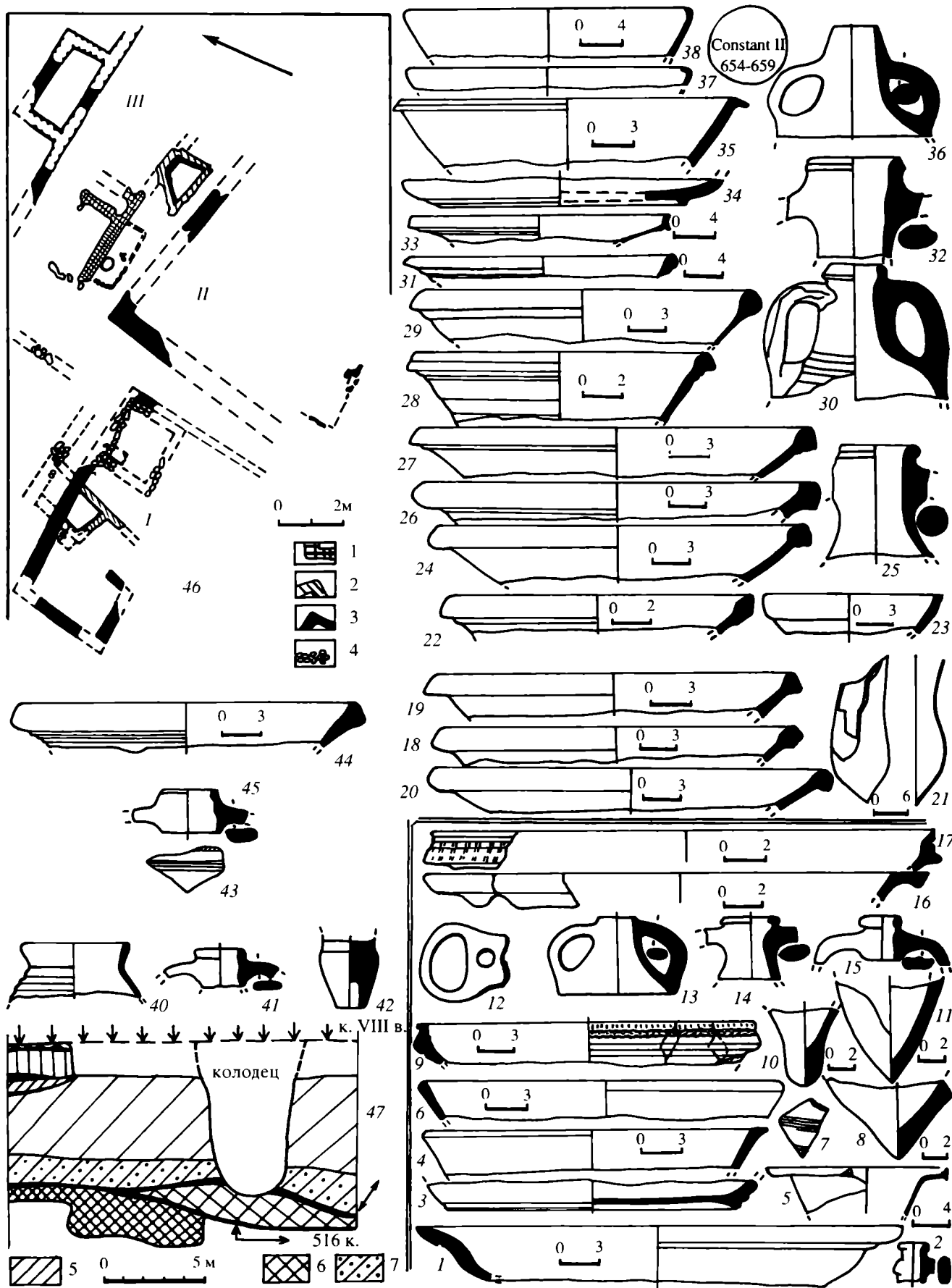
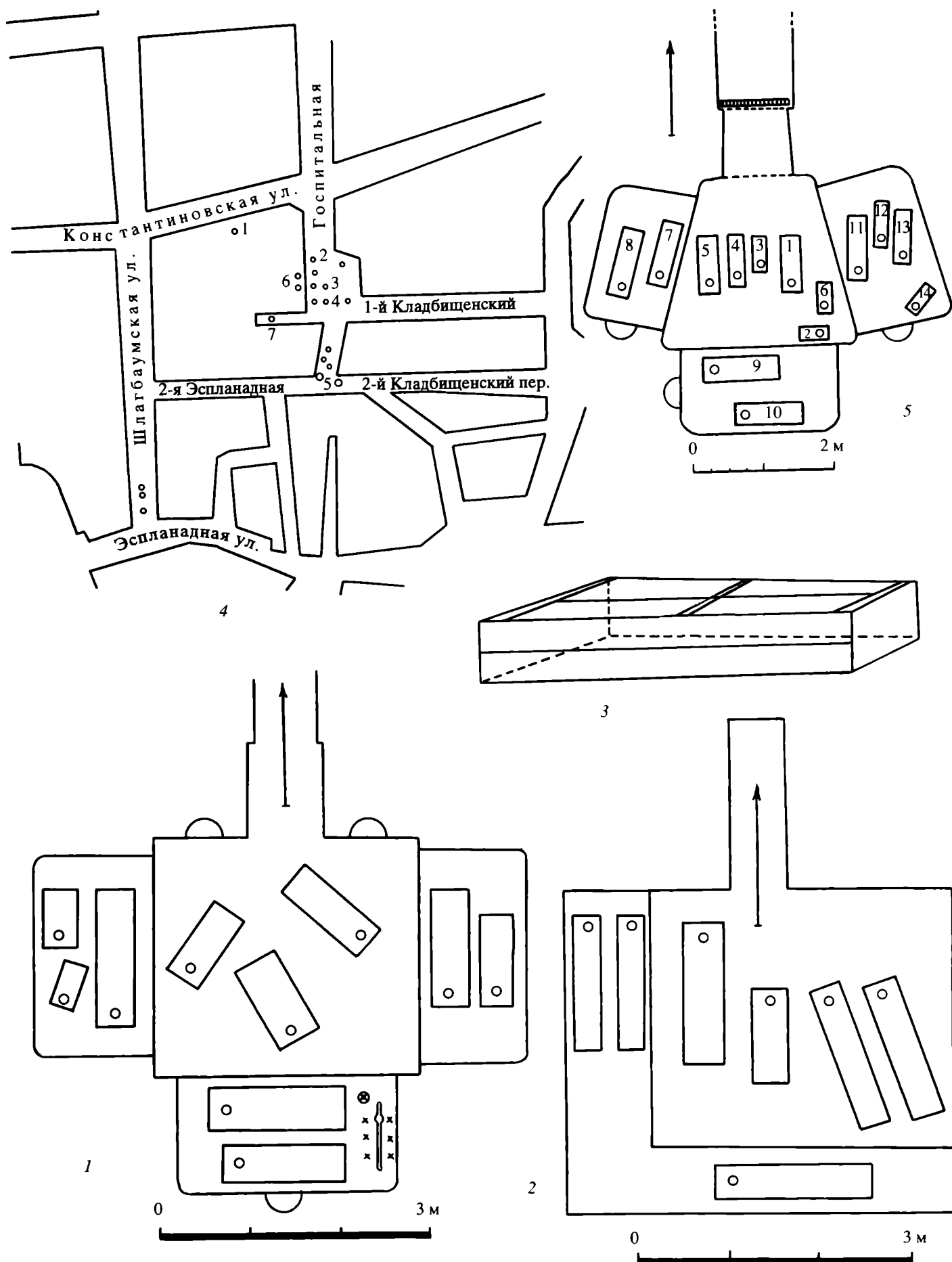

Таблица 10. Боспор, раскоп 1990–1993 гг. в Кооперативном переулке

1–17 – керамика из слоя конца IV – последней четверти VI в.; 18–39 – керамики из слоя последней четверти VI – третьей четверти VII в.; 40–45 – керамика из слоя пожара последней четверти VII в.; 46 – план построек, открытых на раскопе; 47 – стратиграфия слоев на раскопанном участке. Условные обозначения: 1 – по-

стройки III–IV вв.; 2 – постройки конца IV – последней четверти VI в.; 3 – постройки конца VI – третьей четверти VII в.; 4 – постройки конца VII – третьей четверти IX в.; 5 – слой конца IV – последней четверти VI в.; 6 – слой конца VI – третьей четверти VII в.; 7 – хазарский слой. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. Рис. 54–56

Таблица 11. План части города Керчи, где были расположены позднеантичные и раннесредневековые склепы, и планы склепов

1 – план склепа 165; 2 – план склепа 180; 3 – рисунок гроба; 4 – план расположения некоторых склепов могильника на Госпитальной улице (1 – склеп в имении Гордиковых, 2 – склепы 154, 152, “два склепа 24 июня 1904 г.”, 3 – склепы 146–149; 4 – склеп

145, два склепа 1891 г., 5 – склепы 163, 165, 167–169, 175–176; 6 – христианская катакомба 491 и вторая христианская катакомба, 7 – склепы 6, 12, 8 – склеп 180); 5 – план склепа 78. Составлена И.П. Засецкой

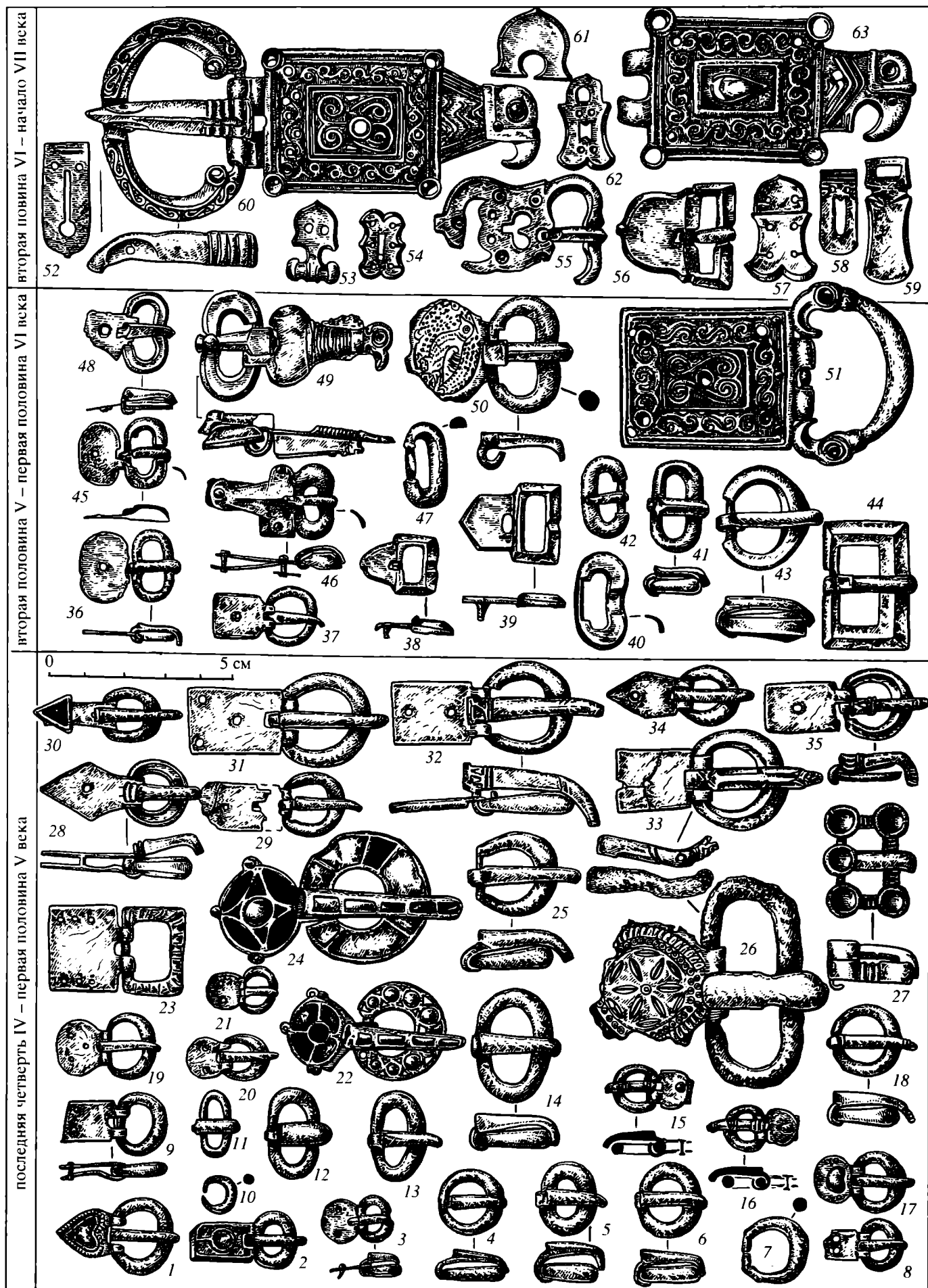

Таблица 12. Хронологические группы пряжек

1, 3–8, 10, 14, 17, 19–22, 24, 27, 30, 32 – “два склепа 24 июня 1904 г.”; 2, 9, 13 – склеп 145; 15, 16 – гробница в саду Тумаковского; 11, 12, 25, 26, 29, 33 – склеп 154; 18, 23, 28, 31, 34, 35 – склеп 165; 36, 38, 39, 40, 42, 45, 49 – склеп 78; 37, 41, 44, 47, 50 – склеп 6; 43 – склеп 152, первичное захоронение; 46 – точное место находки неизвест-

но; 52–59, 61, 62 – склеп 180; 60 – склеп 152, вторичное захоронение; 63 – гробница 88. 1, 2, 17, 22, 24, 30 – золото, гранаты; 19–21 – золото; 3–16, 18, 23, 25, 28–43, 45–49, 51–54, 56–59, 61–63 – серебро; 26, 27, 44, 50, 55, 60 – бронза. Составлена И.П. Засецкой

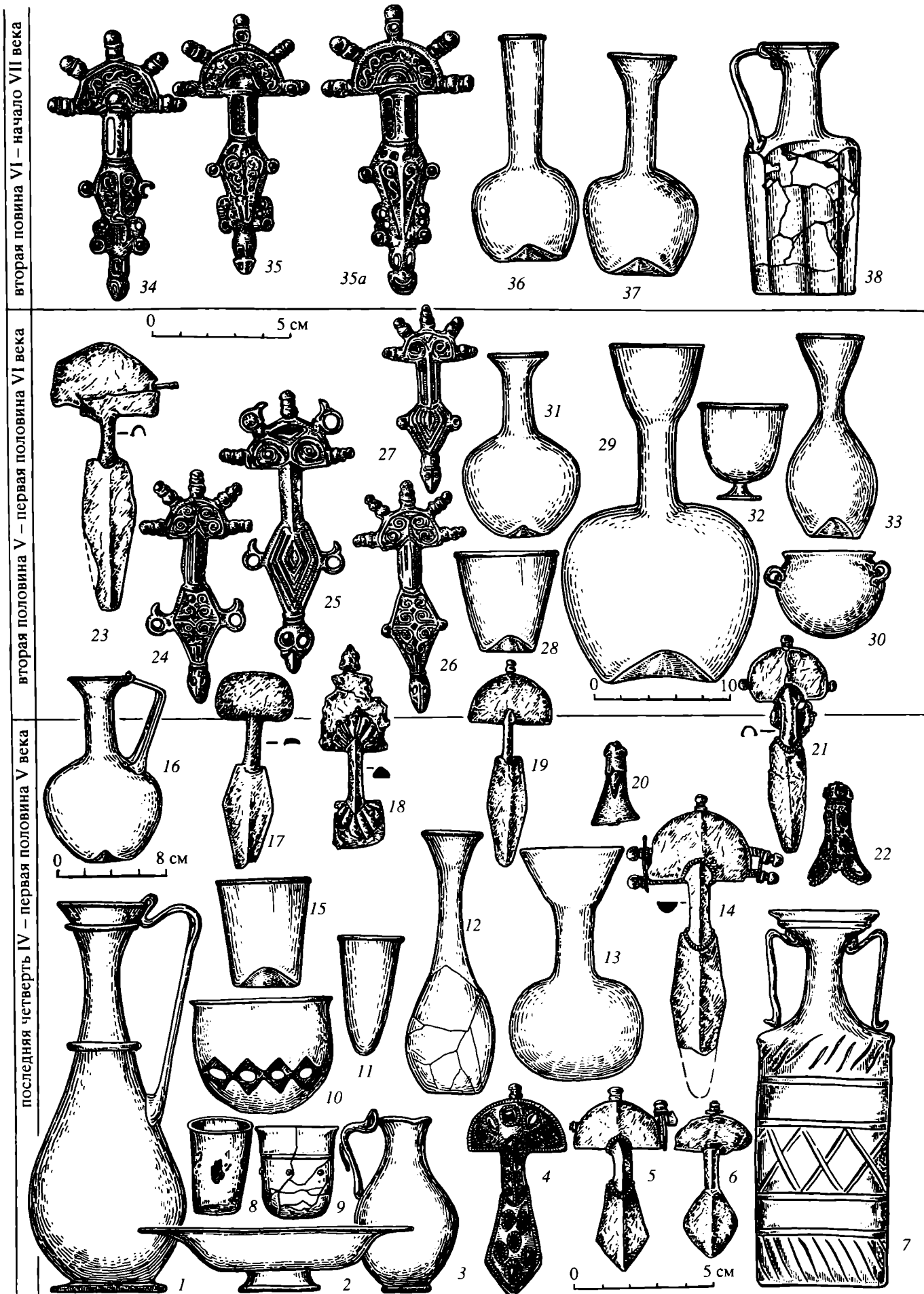

Таблица 13. Хронологические группы фибул и стеклянной посуды

1, 3, 9, 12, 13, 15, 17-19, 21 – склеп 165; 2, 6, 10, 11, 14, 16 – склеп 154; 5 – гробница 145/1871; 6, 8 – склеп 145; 4, 20, 22 – “два склепа 24 июня 1904 г.”; 7 – склеп на Тарханской дороге; 23, 24, 28, 31 – склеп 78; 25 – могила 3/1896; 26, 33 – подбойная могила 19; 29, 30, 32 – склеп 52; 27 – могила 13/1904; 34, 36, 37 – склеп 180; 35 – по-

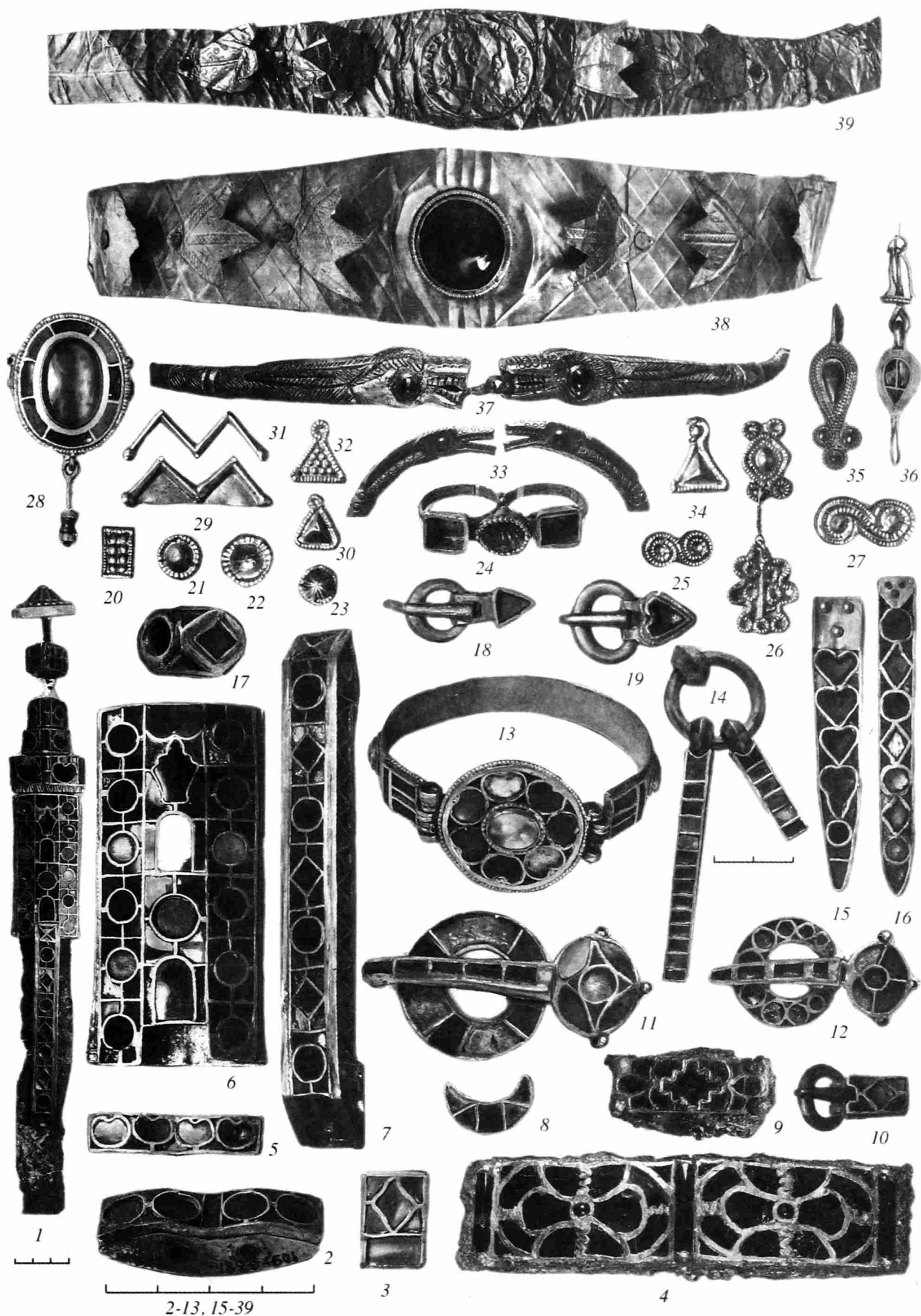
гребение 1875 г.; 35a – склеп 152, вторичное захоронение. 1-3, 7-13, 15, 16, 28-33, 36-38 – стекло; 4 – серебро, золото, гранаты; 5, 6, 14, 17-21, 23-27, 34, 35, 35a – серебро; 22 – серебро, золото, янтарь. Составлена И.П. Засецкой

Таблица 14. Материалы 1-й хронологической группы (последняя четверть IV – первая половина V в. н.э.)

1–4, 9, 13–15, 17, 18, 21–26, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 37–40, 42, 43, 45, 47–51, 53–74, 78, 80, 81, 83, 86 – “два склепа 24 июня 1904 г.”; 5, 6, 8, 20, 30, 36, 46 – склеп 165; 7, 16, 19, 44, 84, 85 – склеп 154; 11, 12, 27, 33, 41, 52, 75–77, 79, 82, 87 – склеп 145. 1–3, 9–13, 17, 18, 27, 28, 36, 41, 46, 49, 57–65, 79 – серебро; 4 – стекло; 5–8, 16 – глина; 14, 20, 30 – бронза; 19 – дерево; 21, 23–26, 29, 31–33, 50 – золото; 22,

85 – кость; 34, 35, 37–40, 43, 45, 47, 48, 51–54, 67–70, 73, 74, 82, 86 – золото, гранаты; 42, 80, 81 – серебро, золото, гранаты; 44 – золото, сердолик, янтарь; 55, 56, 77, 78 – бронза позолота; 66, 72, 83, 84 – железо; 71 – оникс, золото, гранаты; 75, 76 – бронза, серебро; 87 – халцедон. Составлена И.П. Засецкой

Таблица 15. Золотые монохромные и полихромные изделия

1, 2, 4–9 – меч и декоративные детали мечей и кинжалов; 3, 15, 16 – наконечники ремня; 10–12, 18, 19 – пряжки; 13, 33 – браслеты; 14 – часть конских удили; 17 – пронизка-бусина; 20–23, 25–27, 29–32, 34 – нашивные бляшки; 24 – перстень; 28 – кулон; 35, 36 – серьги;

37 – гривна; 38, 39 – венцы-диадемы. 1–3, 5–8, 10–38 – “два склепа 24 июня 1904 г.”; 4 – Керчь. Собрание Алексева; 9 – Керчь, точное место находки неизвестно; 39 – склеп 145. Составлена И.П. Засецкой

Таблица 16. Декоративные изделия из комплексов 1-й хронологической группы

1-4, 6 – два кувшина, тазик, пиксида и ложка – серебряные изделия византийских мастеров; 5, 5a – серебряная юбилейная чаша с портретом императора Констанция II и греческой надписью на оборотной стороне; 7 – стеклянный кувшин; 8 – кубок-лампада из синего стекла с орнаментом из разноцветных стеклянных капель;

9 – золотая пряжка со вставками красного стекла; 10 – фибула, серебро, золото, гранаты; 11 – фибула-муха, серебро, золото, янтарь; 12 – бронзовая скульптура. 1-4, 6, 10-12 – “два склепа 24 июня 1904 г.”; 7 – склеп 165; 8 – склеп 154; 9 – Керчь, покупка 1899 г. Составлена И.П. Засецкой

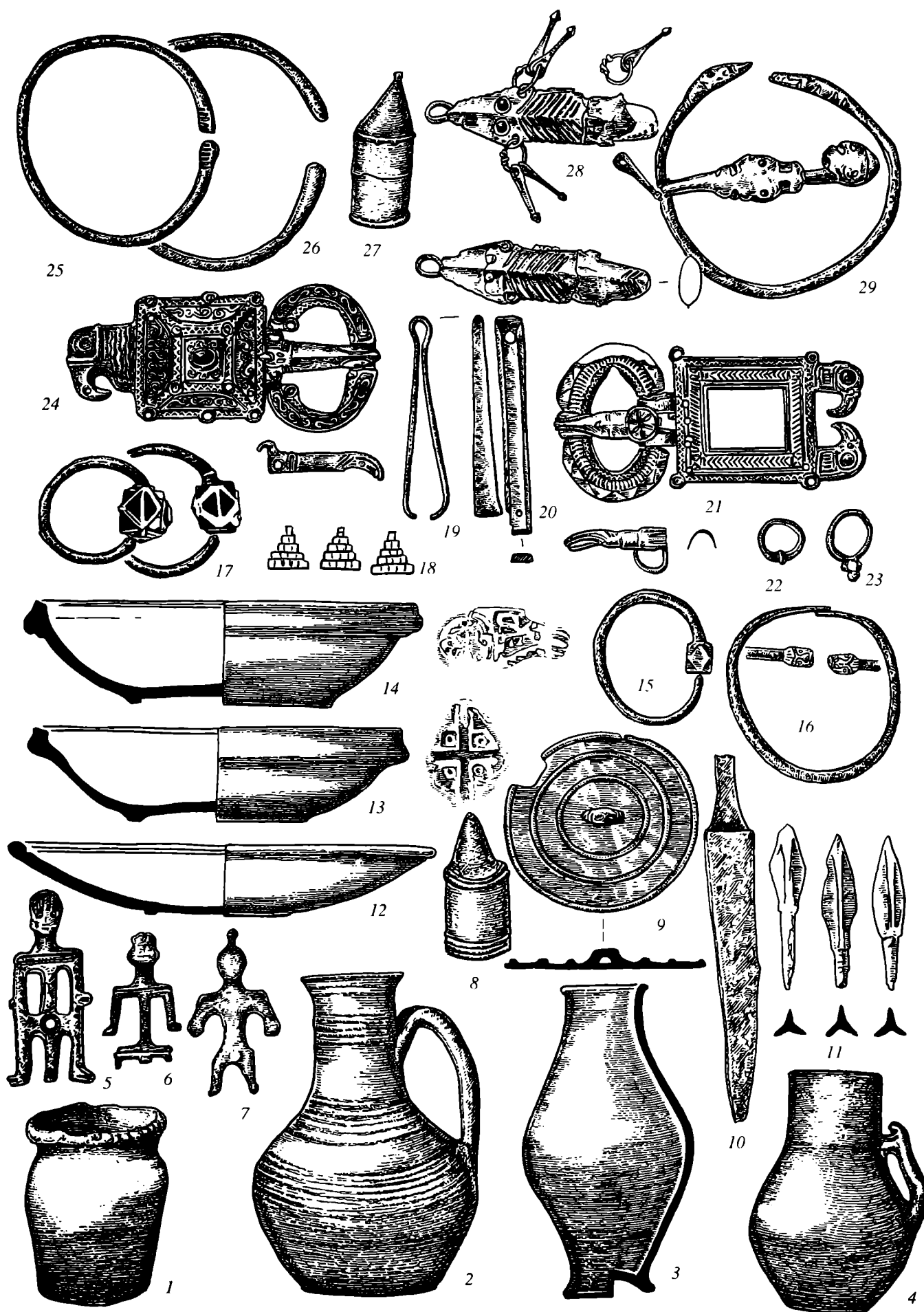

Таблица 17. Материалы из комплексов 2-й и 3-й хронологических групп (вторая половина V – начало VII в. н.э.)

1, 5, 20 – склеп 52; 2, 3, 6–9, 18, 25 – склеп 78; 4 – подбойная могила 14; 10, 13–15 – подбойная могила 19; 11, 22, 24 – склеп 152, первичное погребение; 12, 19, 20, 22, 24, 26–29 – склеп 180; 16, 21 – склеп 163, вторичное погребение; 17 – гробница 25; 23 – могила

52/1867. 1–4, 12–14 – глина; 5–7, 9, 15, 16, 19, 21 – бронза; 8, 20, 24–29 – серебро; 10, 11 – железо; 17 – золото, стекло; 18, 22, 23 – золото. Составлена И.П. Засецкой

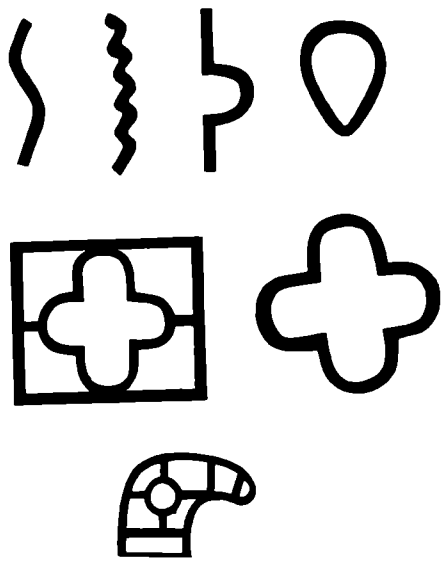
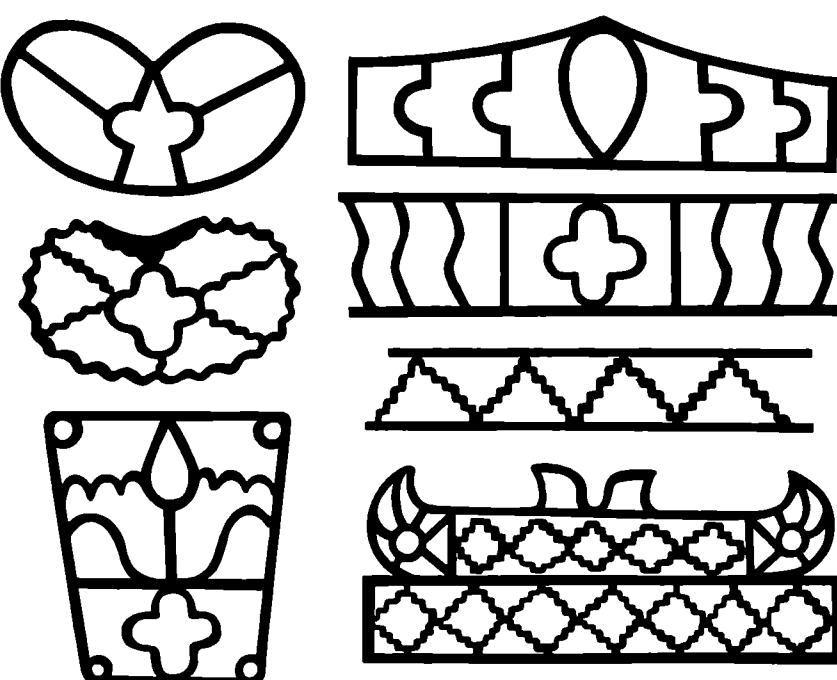
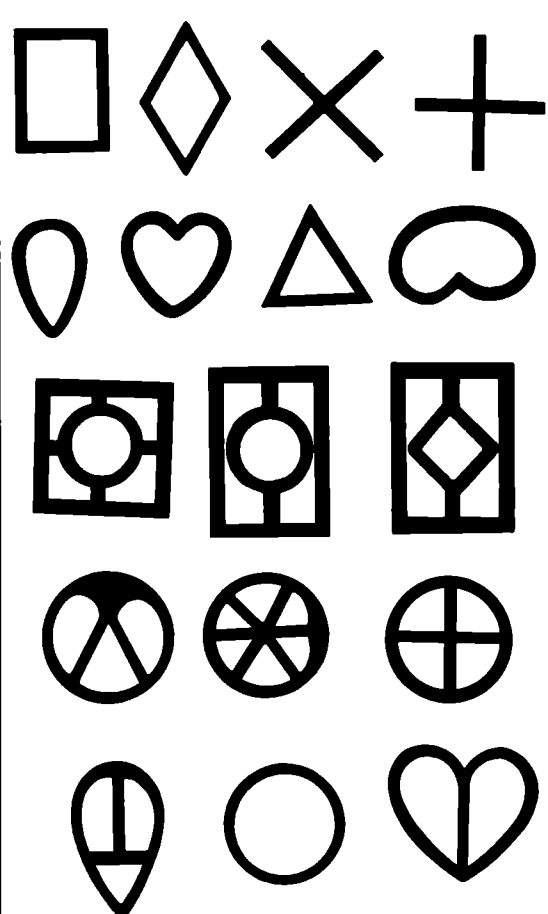
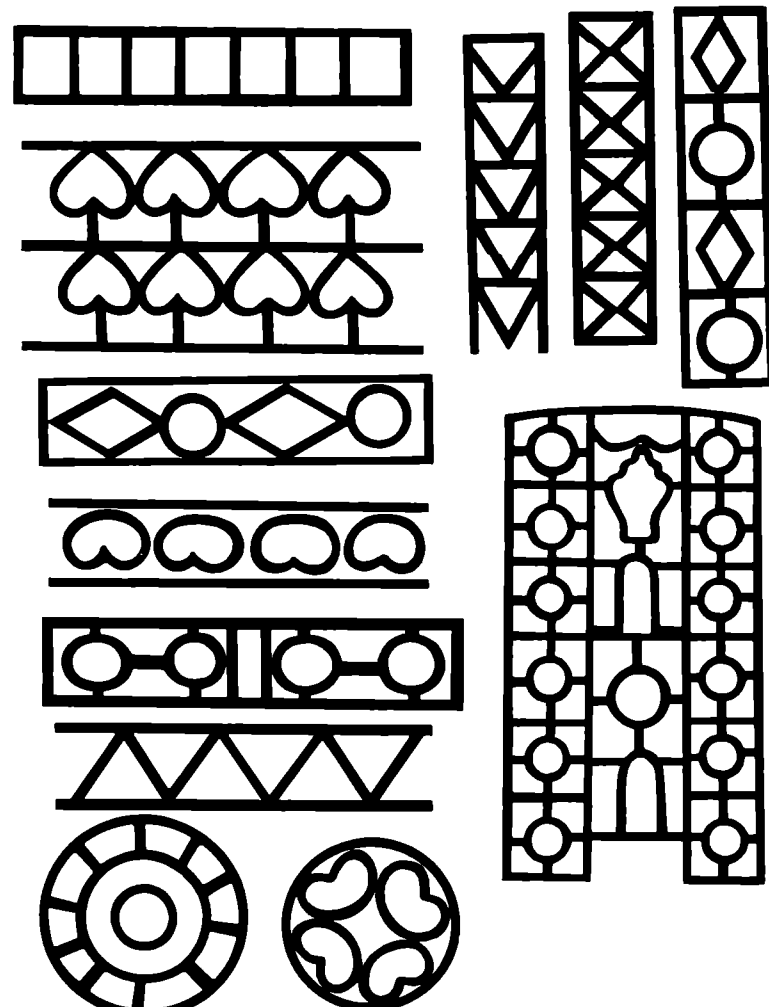
	элементы орнамента	орнаментальные композиции
вторая половина V века	 <p>2</p>	
последняя четверть IV века – первая половина V века	 <p>1</p>	

Таблица 18. Сравнительная таблица четвертой и пятой стилистических групп изделий, исполненных в технике перегородчатой инкрустации

Составлена И.П. Засецкой

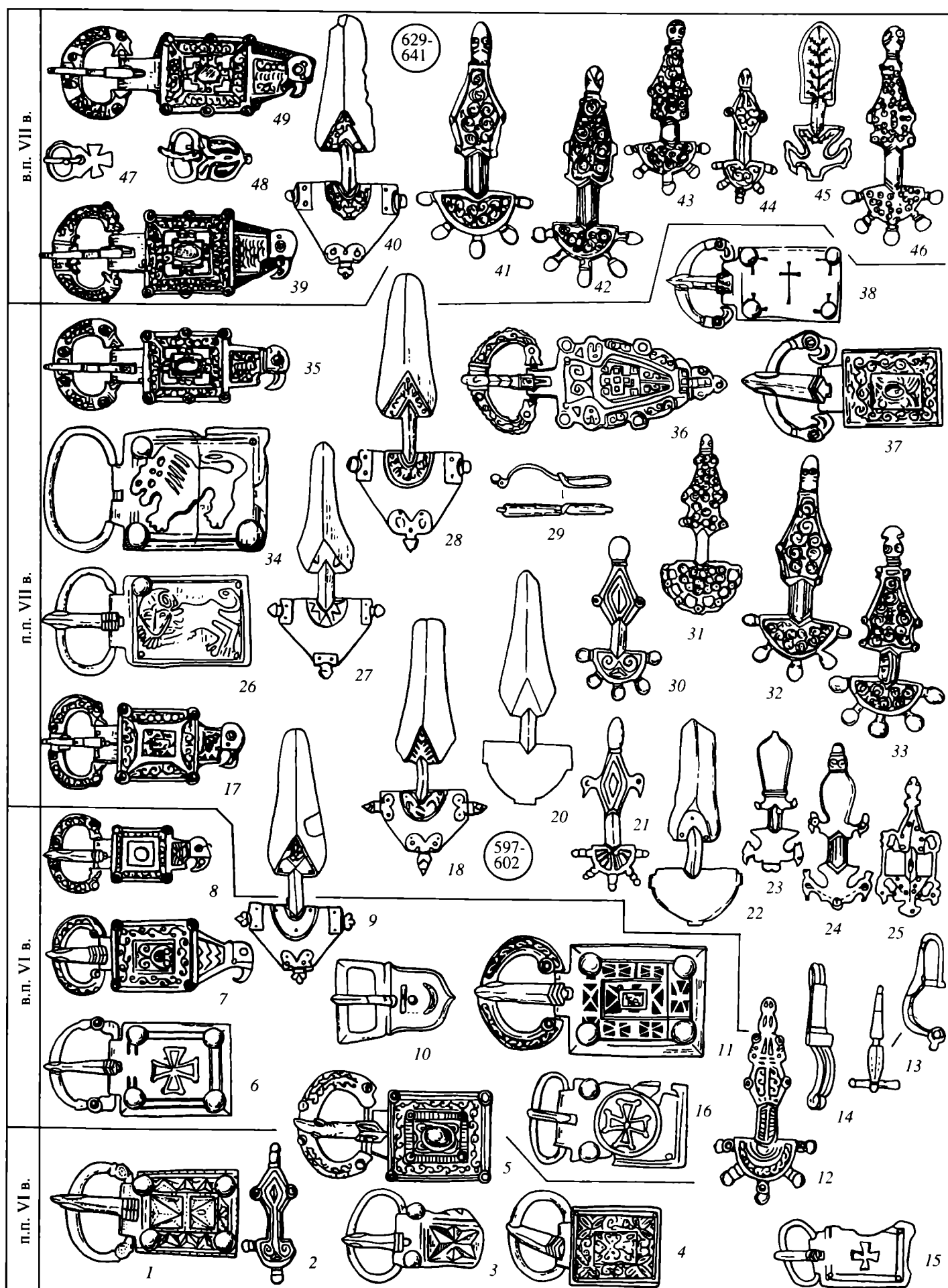

Таблица 19. Хронология пряжек и фибул

1, 2, 15 – Херсон; 3, 16 – Скалистое; 4 – Черная речка; 5, 7 – Керчь;
6, 8–14, 17, 20, 21, 23–25, 30, 33, 40, 43, 44, 46–49 – Лучистое; 19, 22,
26–29, 31, 32, 34, 35, 37–39, 45 – Суук-Су; 18, 41, 42, 50 – Эски-Кер-

мен; 36 – Аромат. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. С. 314, 315.
Табл. XXVIII–XXIX

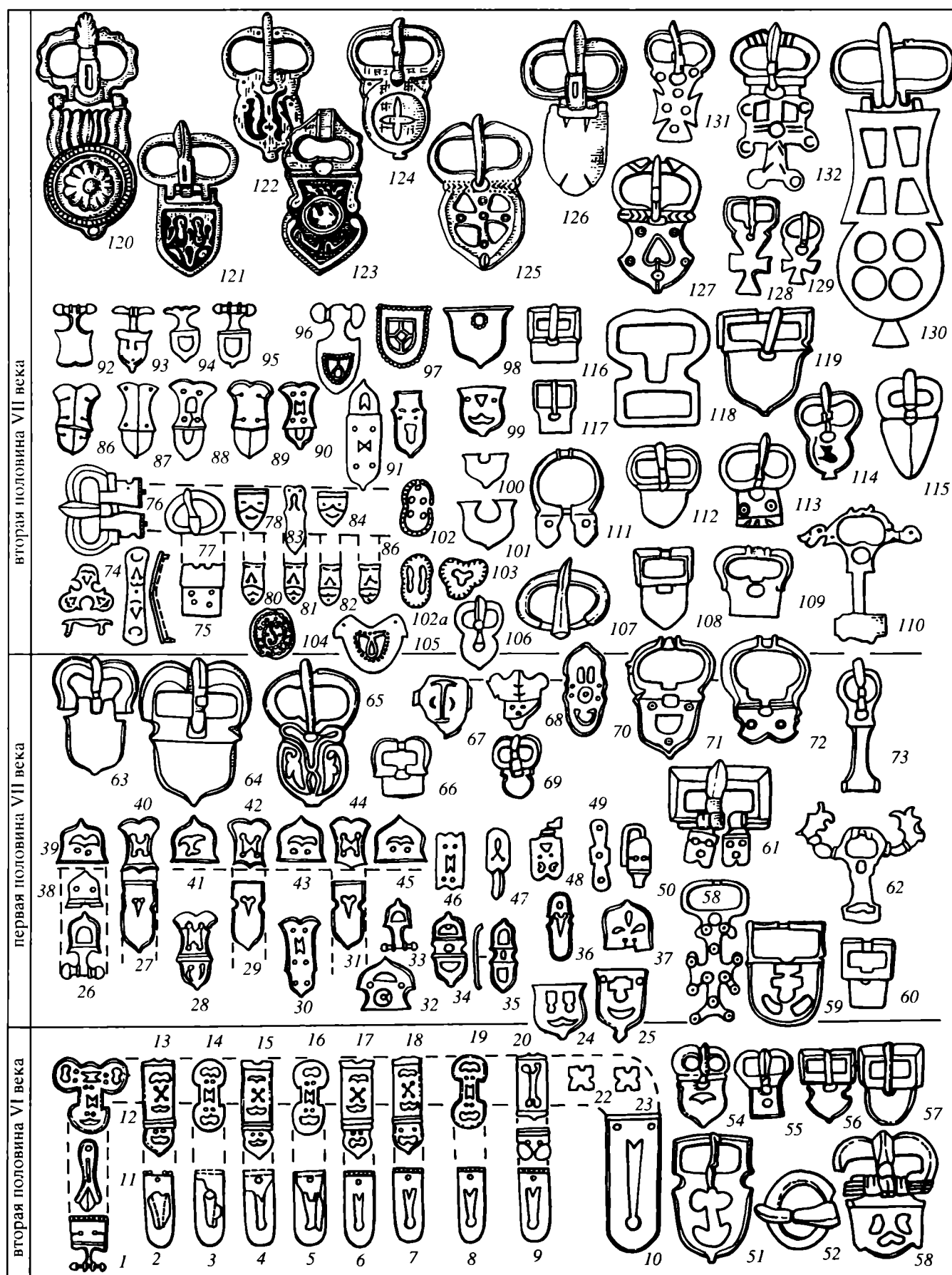
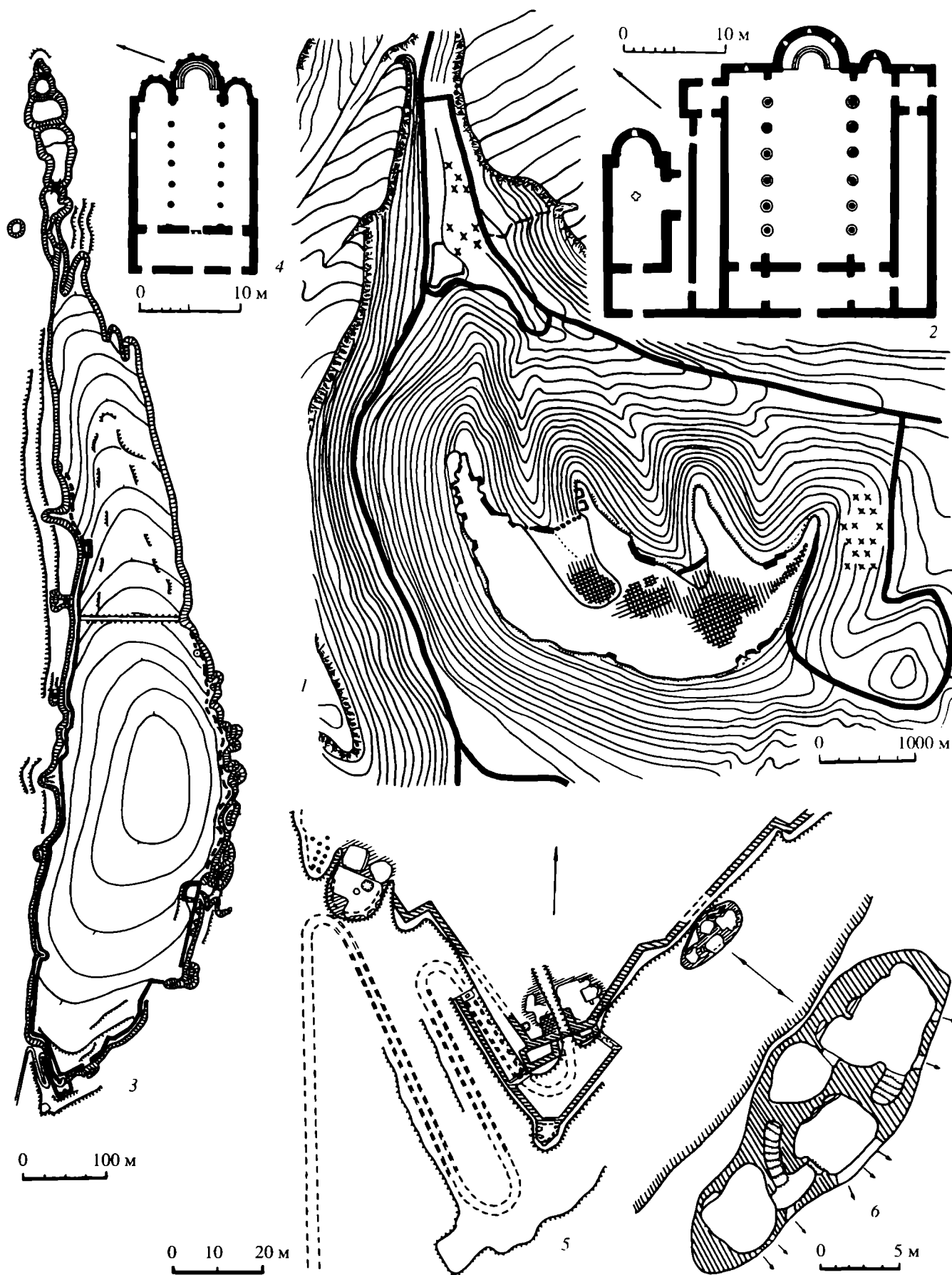

Таблица 20. Хронология малых византийских пряжек и поясных наборов византийского круга

1–23, 37, 46–50, 54, 55, 61, 64, 72, 73, 75–85, 109, 112, 113, 125, 128, 129 – Суук-Су; 26, 27, 39, 31, 38–45, 51, 86, 88–91, 95, 104, 108, 119, 123 – Керчь; 24, 25, 110, 131 – Херсон; 32, 33, 52, 56, 60, 63, 67–70, 87, 93, 100–103, 107, 115–117, 130 – Скалистое; 35, 36, 66 – Рисовое; 58, 65, 71, 74, 75, 99, 106, 114, 118, 121, 124, 126, 127, 132 –

Эски-Кермен; 96, 97, 105 – Портовое; 59 – Сахарная головка; 28, 34, 92, 131 – Чуфут-Кале; 57, 62, 110, 111, 120 – Лучистое; 98 – коллекция А.Л. Бертье-Делагарда. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. С. 316–318. Табл. XXX–XXXI

Таблица 21. Мангуп и Эски-Кермен

1 – округа плато Мангуп: I – оборонительная стена в балке Каралез, II – малая (ранняя) базилика, III – могильник VI–X вв., IV – могильник V–X вв. в балке Албалык, V – Большая базилика на плато. Штриховкой обозначена обжитая территория VI–VIII вв.; 2 – Большая базилика Мангупа; 3 – Крепость Эски-Кермен; 4 – бази-

лика Эски-Кермена; 5 – схема-реконструкция южного участка обороны крепости. Составлена по материалам А.И. Айбабина, Е.В. Веймарна, А.Л. Якобсона [Айбабин А.И., 1999. Рис. 48; Веймарн Е.В., 1958а. Рис. 3, 6, 9; Якобсон А.Л., 1959а. С. 196, рис. 99].

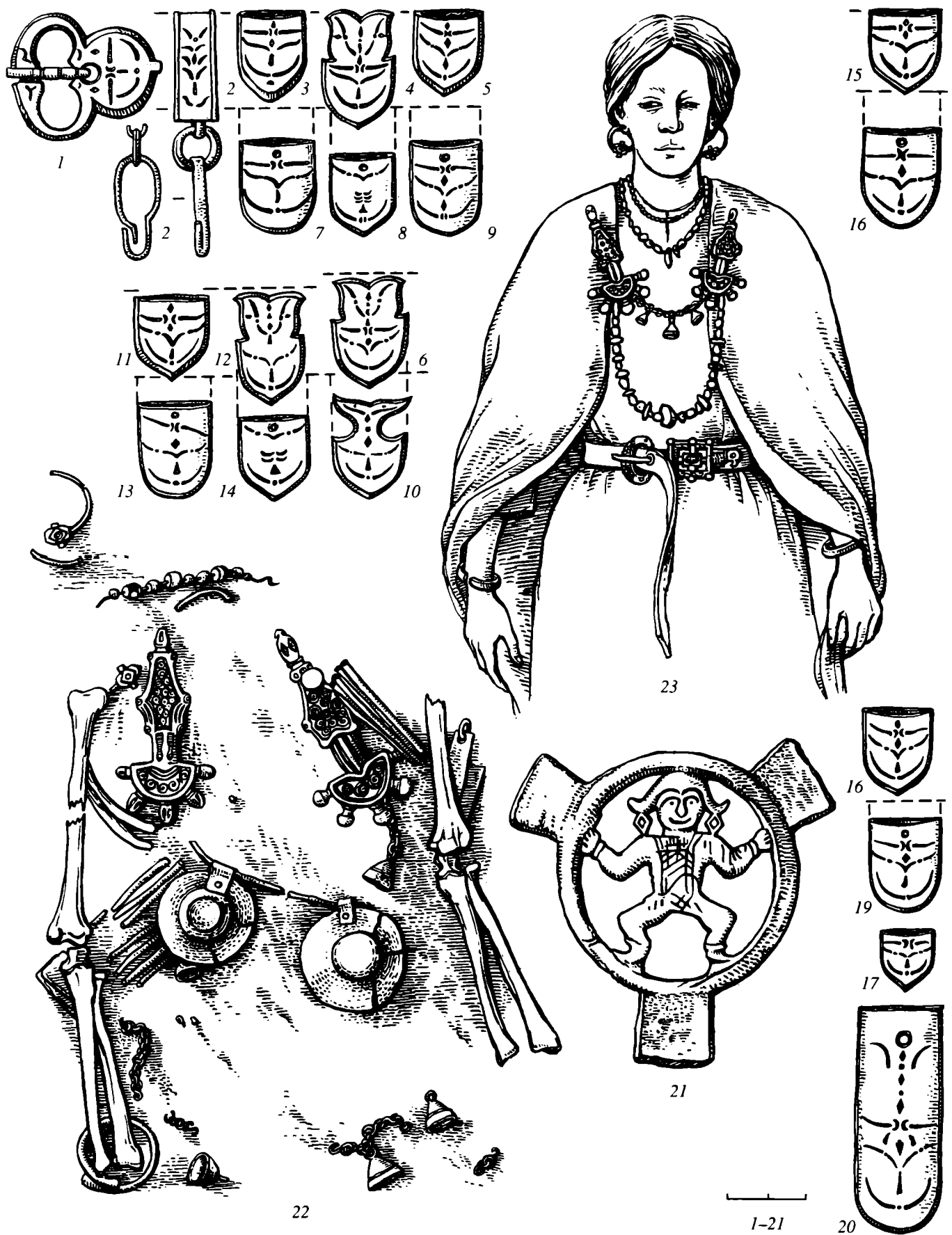

Таблица 22. Украшения и способы их ношения

1-20 – серебряный поясной набор из некрополя Эски-Кермен, склеп 273; 21 – бронзовая подвеска из некрополя Лучистого, склеп 65, погребение 2; 22 – план захоронения 20 в склепе 54 в Лучистом;

23 – реконструкция женского остроготского костюма из Лучистого, склеп 43, погребение 4. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. Рис. 59: 67, 69

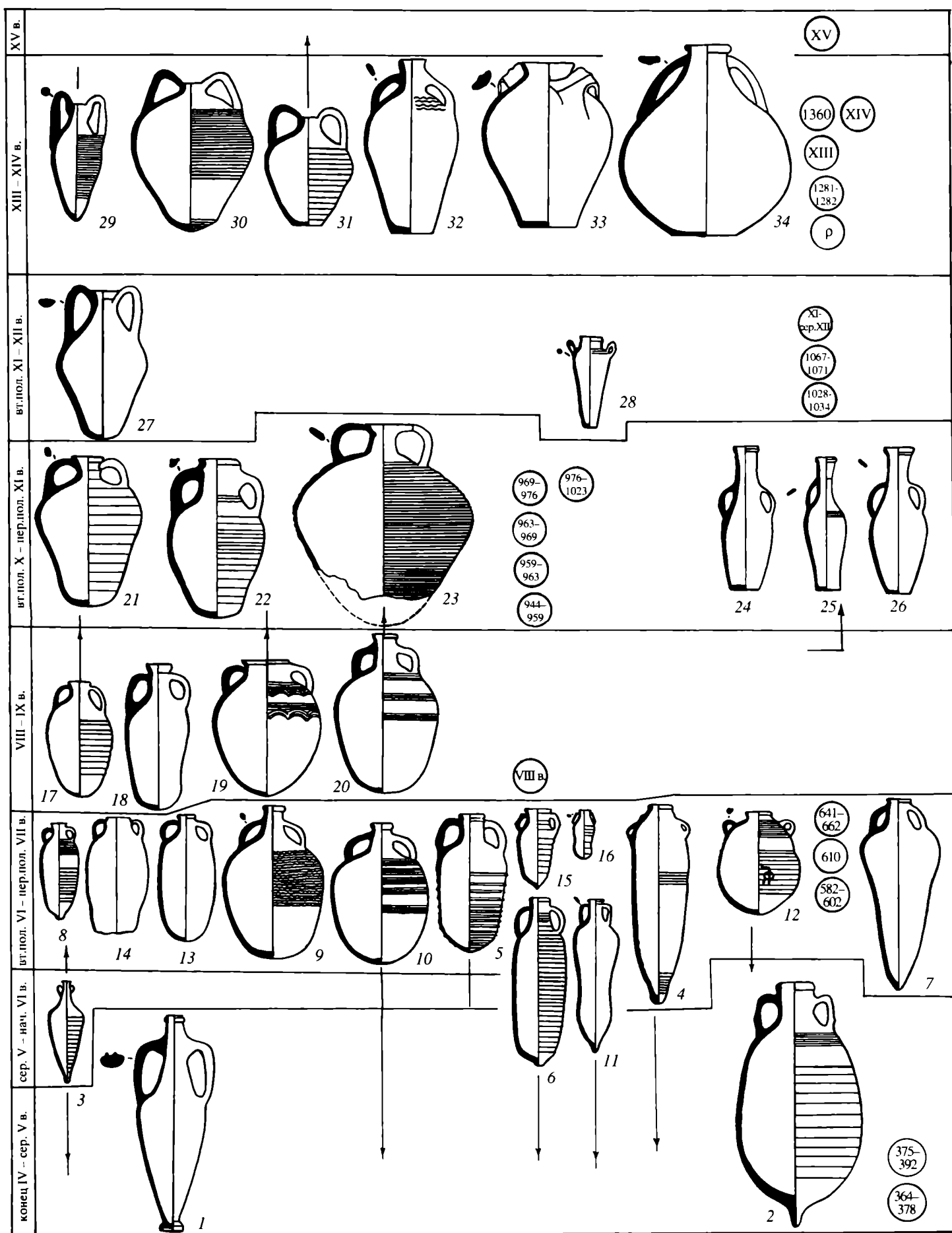
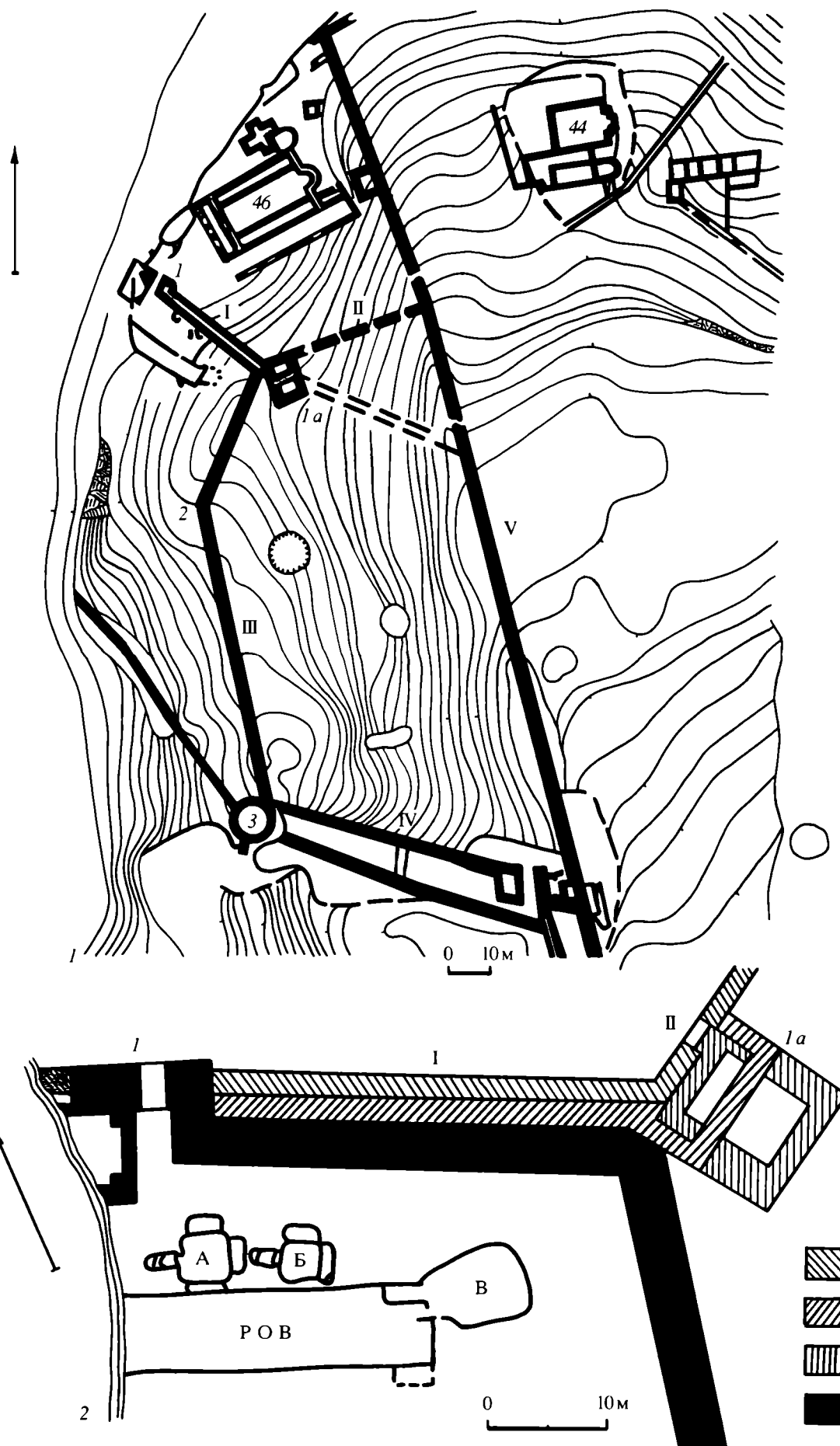

Таблица 23. Хронология средневековых амфор Херсона

Составлена А.В. Сазановым

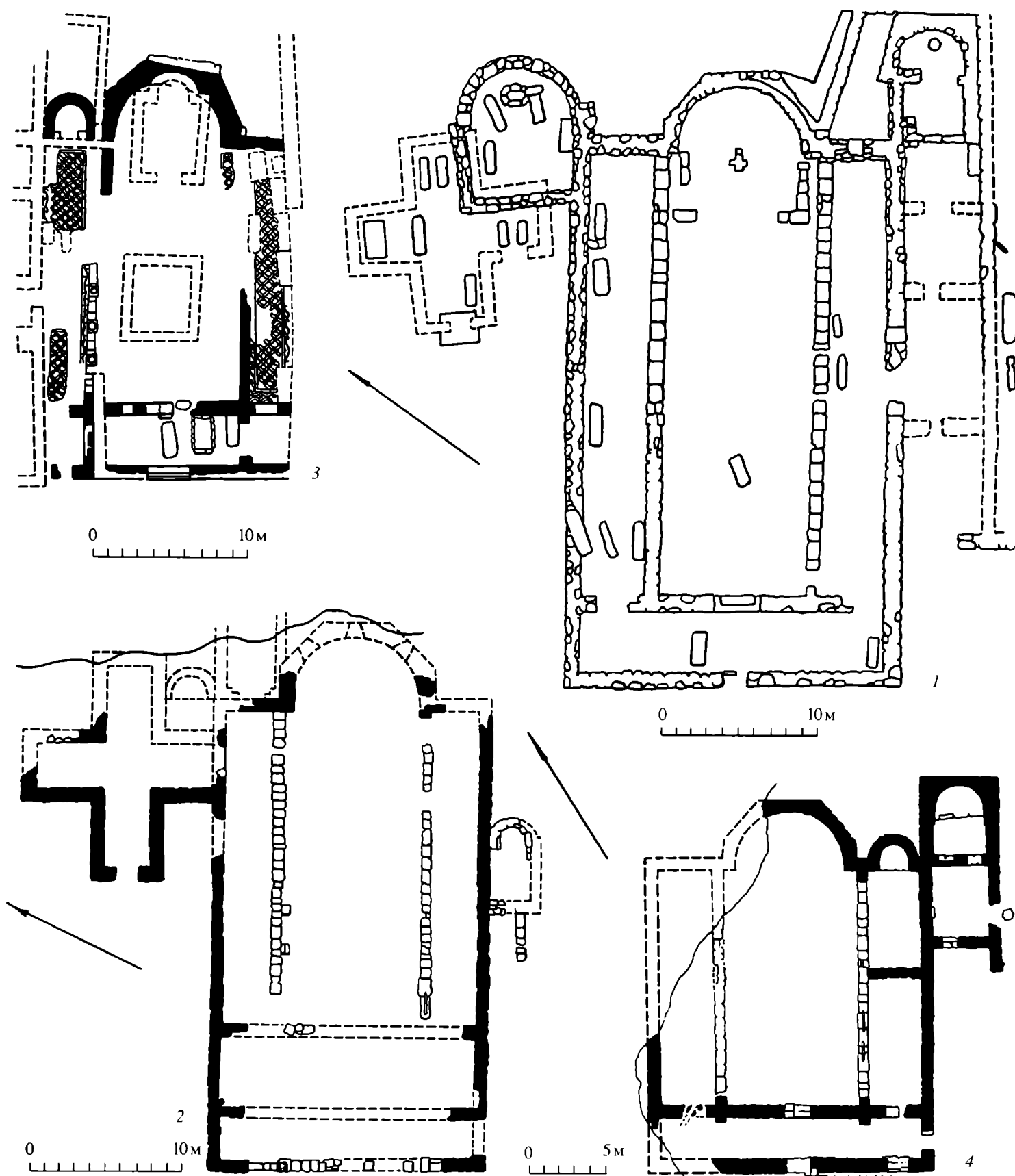

Таблица 24. Западный участок обороны Херсона

I-V – номера куртин; 1, 1a, 2, 3 – номера башен; 44 – базилика на холме; 46 – Западная базилика. Номера базилик соответствуют номерам на общем плане Херсона – см. рис. 3. Условные обозначения:

1 – строительный период конца V–VI вв., 2 – второй строительный период VI–IX вв., 3 – строительный период башни 1a, 4 – третий строительный период IX–X вв. Составлена А.И. Айбабиным

Таблица 25. Базилики Херсона

1 – Западная; 2 – Восточная; 3 – базилика 1932 г.; 4 – Северная. Составлена по: Айбабин А.И., 1999. Рис. 52, 71; Якобсон А.Л., 1959. Рис. 75, 84

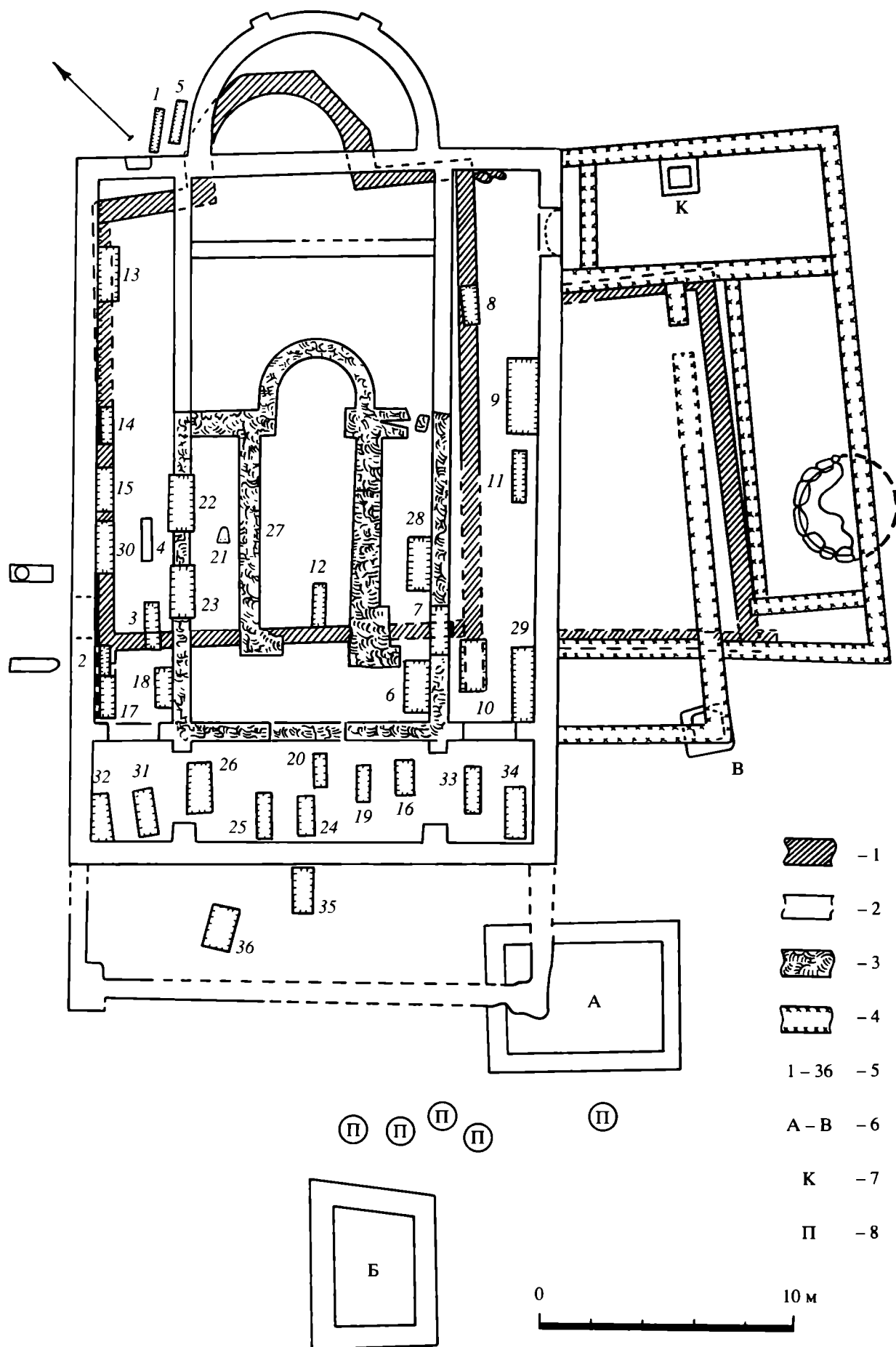

Таблица 26. План комплекса "Базилика 1935 г."

Условные обозначения: 1 - ранний храм и его пристройки; 2 - фундаменты базилики; 3 - часовня; 4 - пристройки базилики;

5 - могилы; 6 - цистерны; 7 - купель; 8 - пифосы. Составлена по: Завадская И.А., 1996. Рис. 2

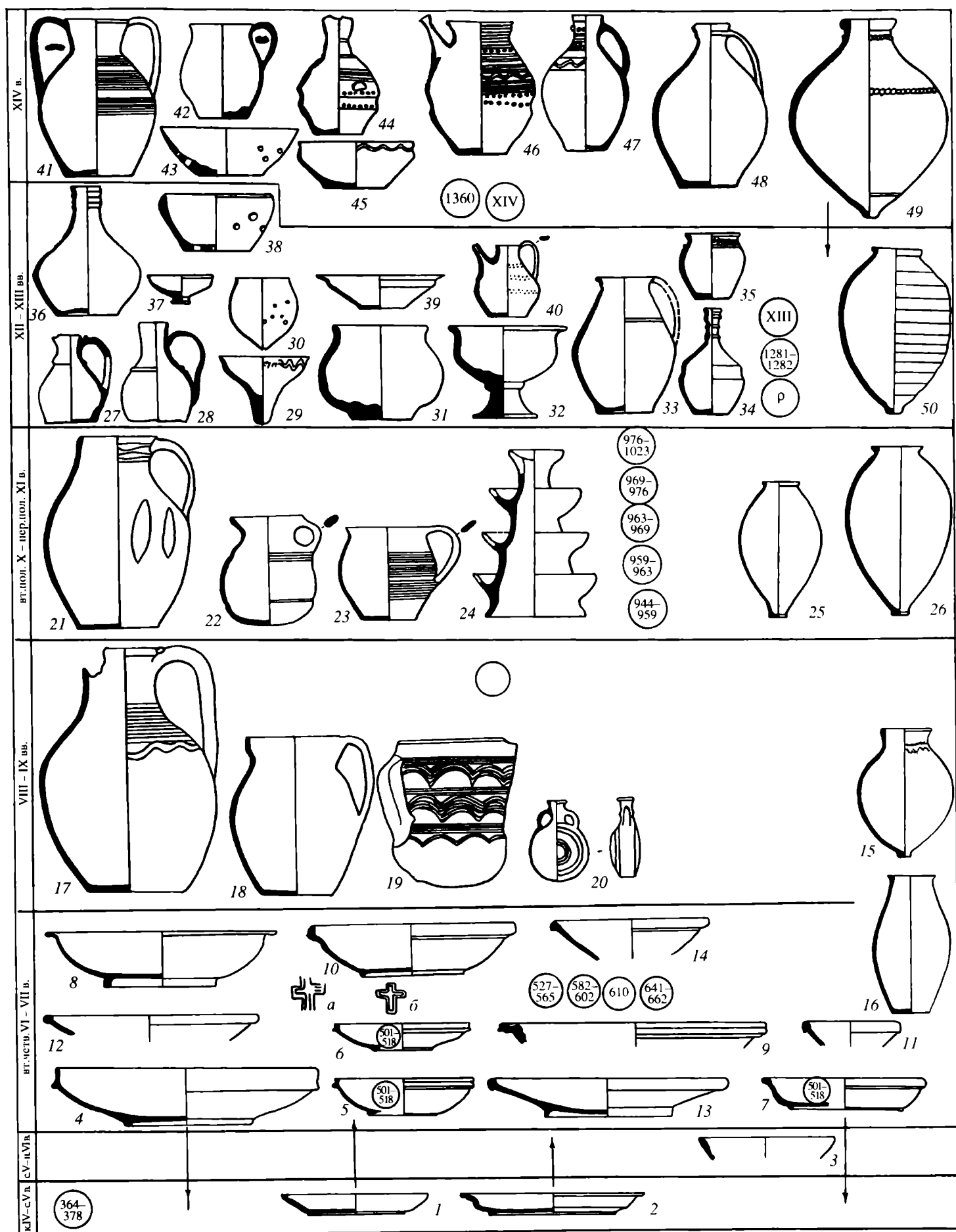

Таблица 27. Хронология краснолаковой посуды, гончарной бытовой посуды и пифосов (по материалам Херсона)

Составлена А.В. Сазановым

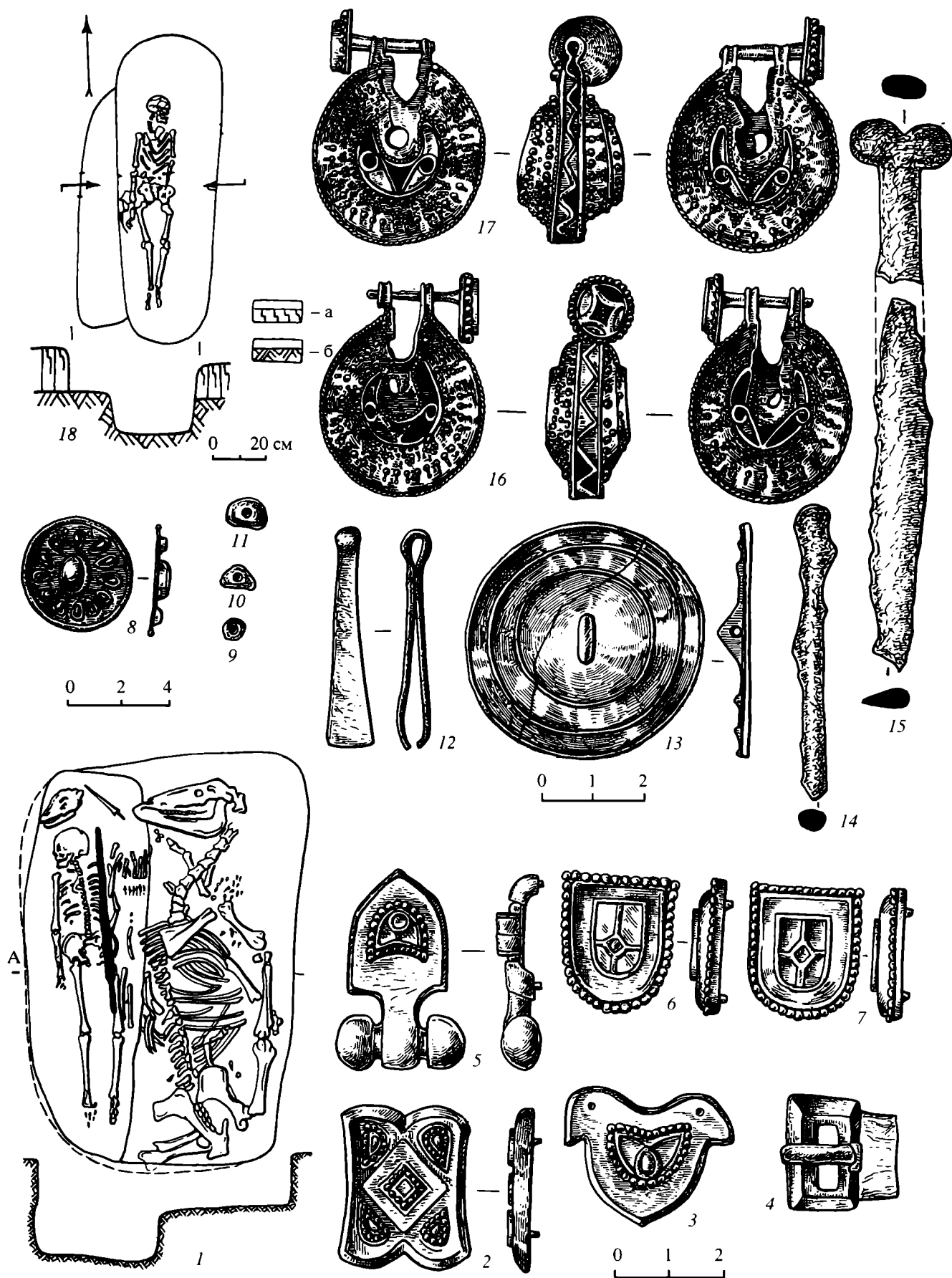
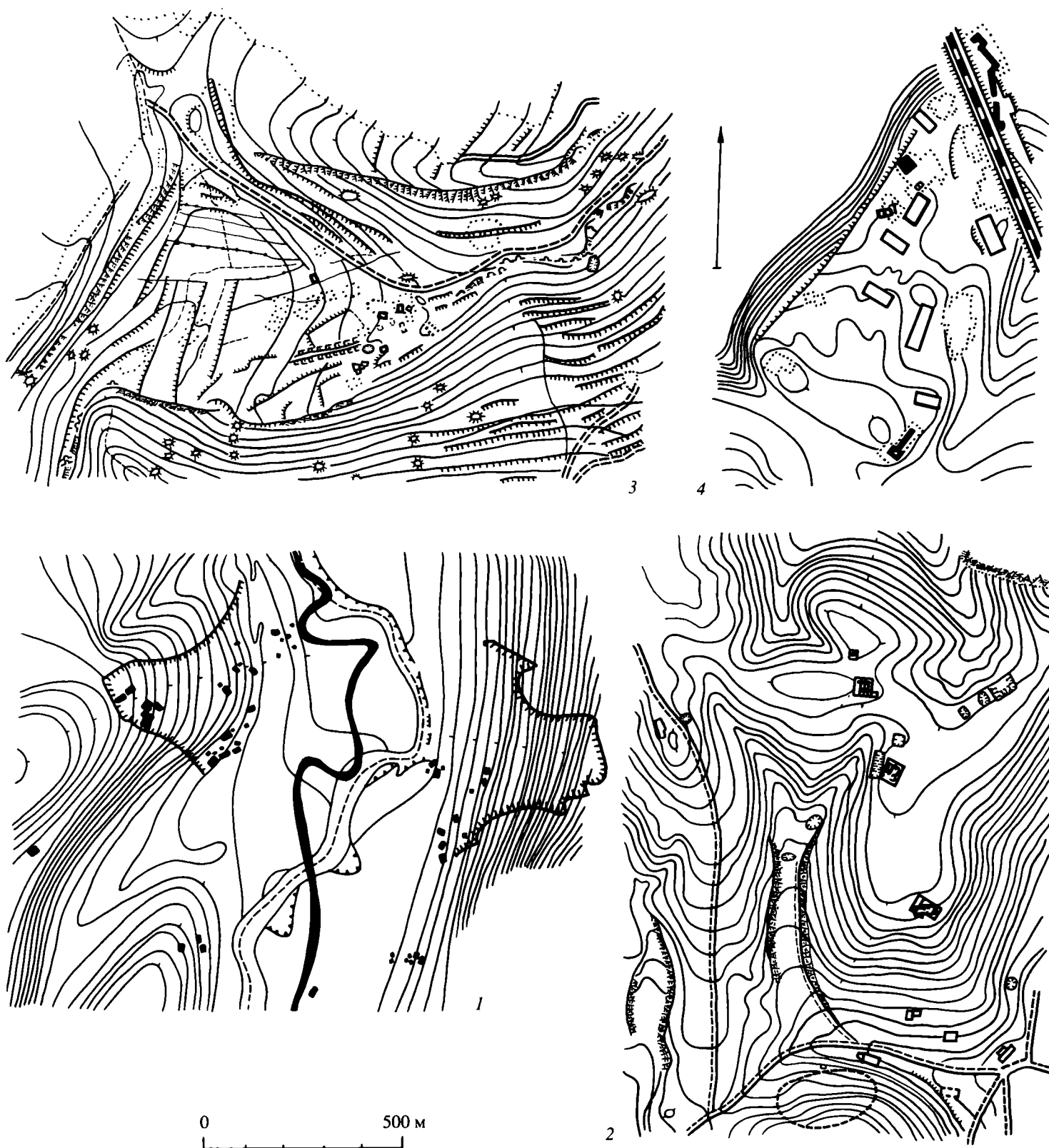

Таблица 29. Погребения хазар в Крымской степи

1 – Портовое, план погребения воина с конем; 2, 3, 5–7 – биметаллические инкрустированные цветным стеклом детали поясного набора; 4 – бронзовая пряжка; 8–18 – женское захоронение из Новопокровки; 8 – нашивная бляха, 9–11 – бусы, 12 – бронзо-

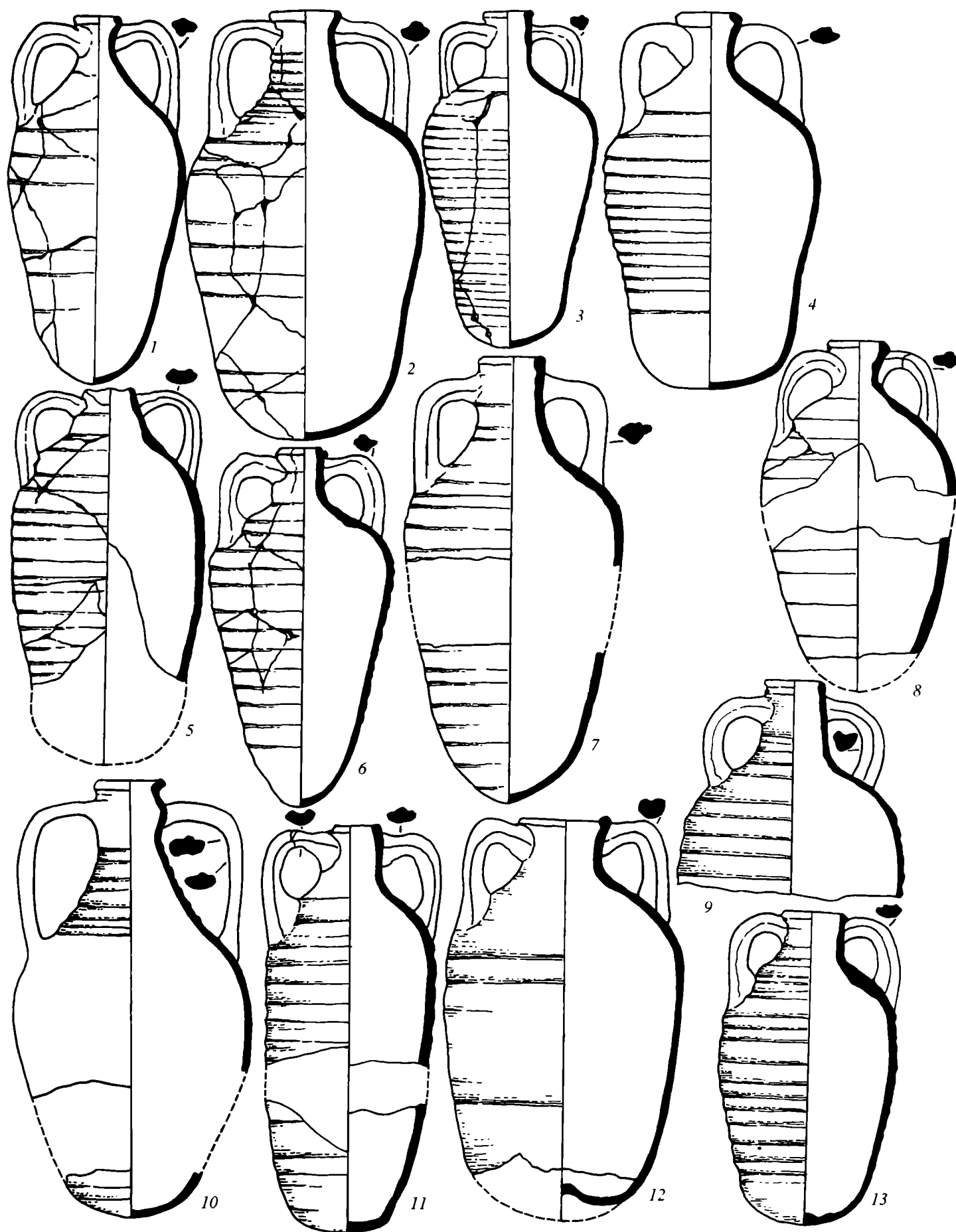
вый пинцет, 13 – бронзовое зеркало, 14 – железный стержень, 15 – железный нож, 16, 17 – золотые височные подвески, 18 – план захоронения; а – чернозем, б – глина. Составлена А.И. Айбабиным.

Таблица 30. Планы поселений и городищ

1 – поселение VIII–первой половины IX в. в урочище Тау-Кипчак; 2 – поселение второй половины VIII–начала X в. на холме Кордон-Оба; 3 – городище Бакла во второй половине VIII–пер-

вой половине IX в.; 4 – поселение VIII–начала X в. на территории Тиритаки. Составлена И.А. Барановым, хронология А.И. Айбабина

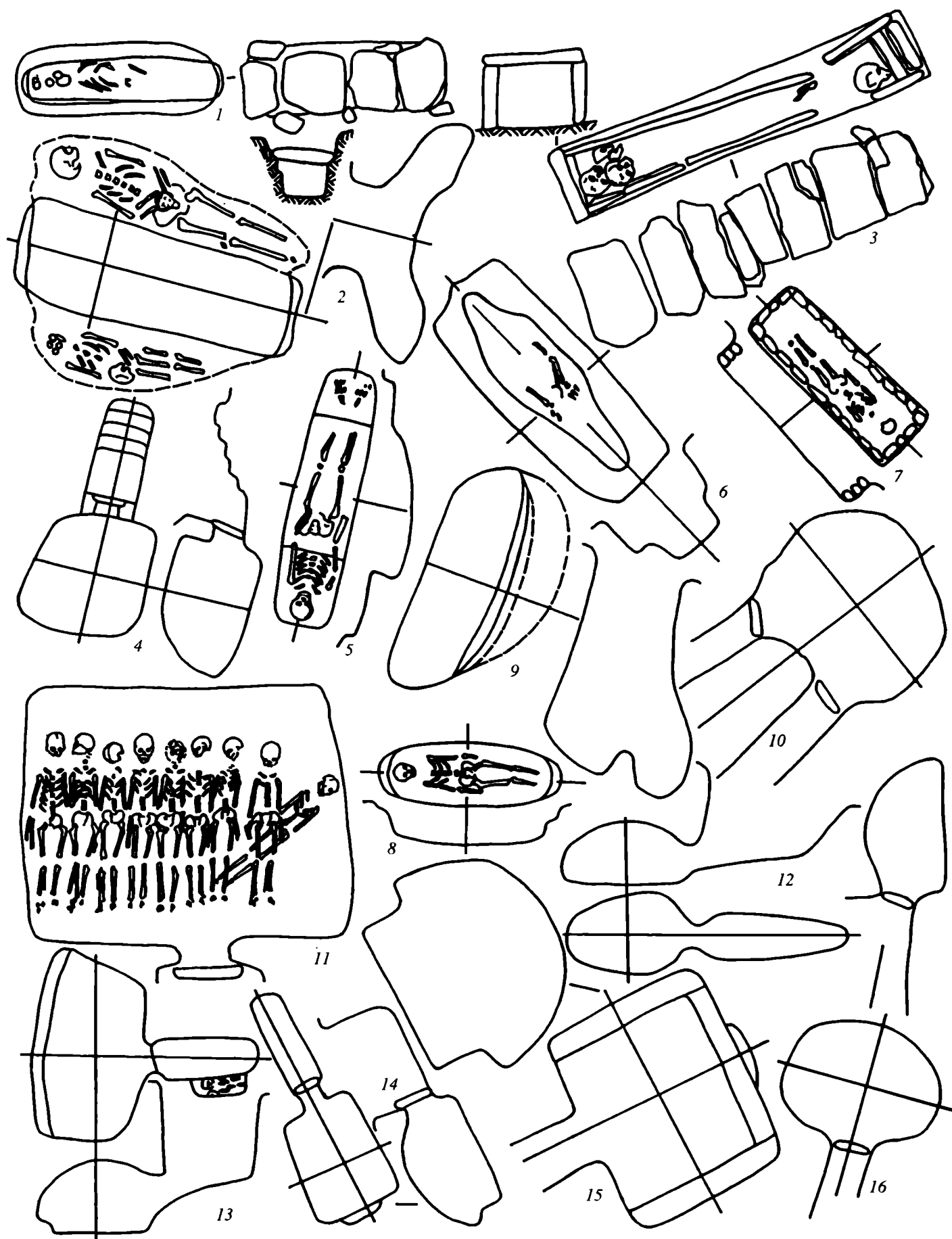

Таблица 31. Амфоры с поселений VIII-IX вв.

1-3, 5, 6, 8, 9, 11-13 – Тау-Кипчак (по: Баранов И.А. 1990. Рис. 9, 10); 1-3, 5, 6, 8 – из хозяйственной ямы 5; 9, 11-13 – из хозяйственной ямы 6; 4, 7, 10 – Пташкино (по: Гадло А.В., 1980. Рис. 7). Тип амфор по типологии И.А. Баранова: 1, 8 – тип 1, 2 – тип 2,

3 – тип 3, 5 – тип 4, 6, 7 – тип 5, 9 – тип 6, 11 – тип 7, 12 – тип 8, 13 – тип 9; 4 – северопричерноморская 2-го варианта; 10 – тип Кесария 5 (по: Adan-Bayewitz D., 1986. Fig. III, 103; 2, 4). Составлена А.И. Айбабиным

Таблица 32. Погребальные сооружения VIII–X в.

1 – средневековый некрополь на плато Бакла, могила 6/1994; Эски-Кермен: 2 – могила 303, 6 – могила 196, 8 – могила 282, 9 – могила 340, 11 – склеп 153, 12 – склеп 181, 13 – склеп 189; 3 – Кордон-Оба,

могила 53; 4 – Мангун, усыпальница 1/1938; 5 – Лучистое, могила 68; Узень-Баш, 1926 г.: 10 – склеп 2, 16 – склеп 1; Скалистое: 7 – могила 293, 14 – склеп 552, 15 – склеп 214. Составлена А.И. Айбабиным

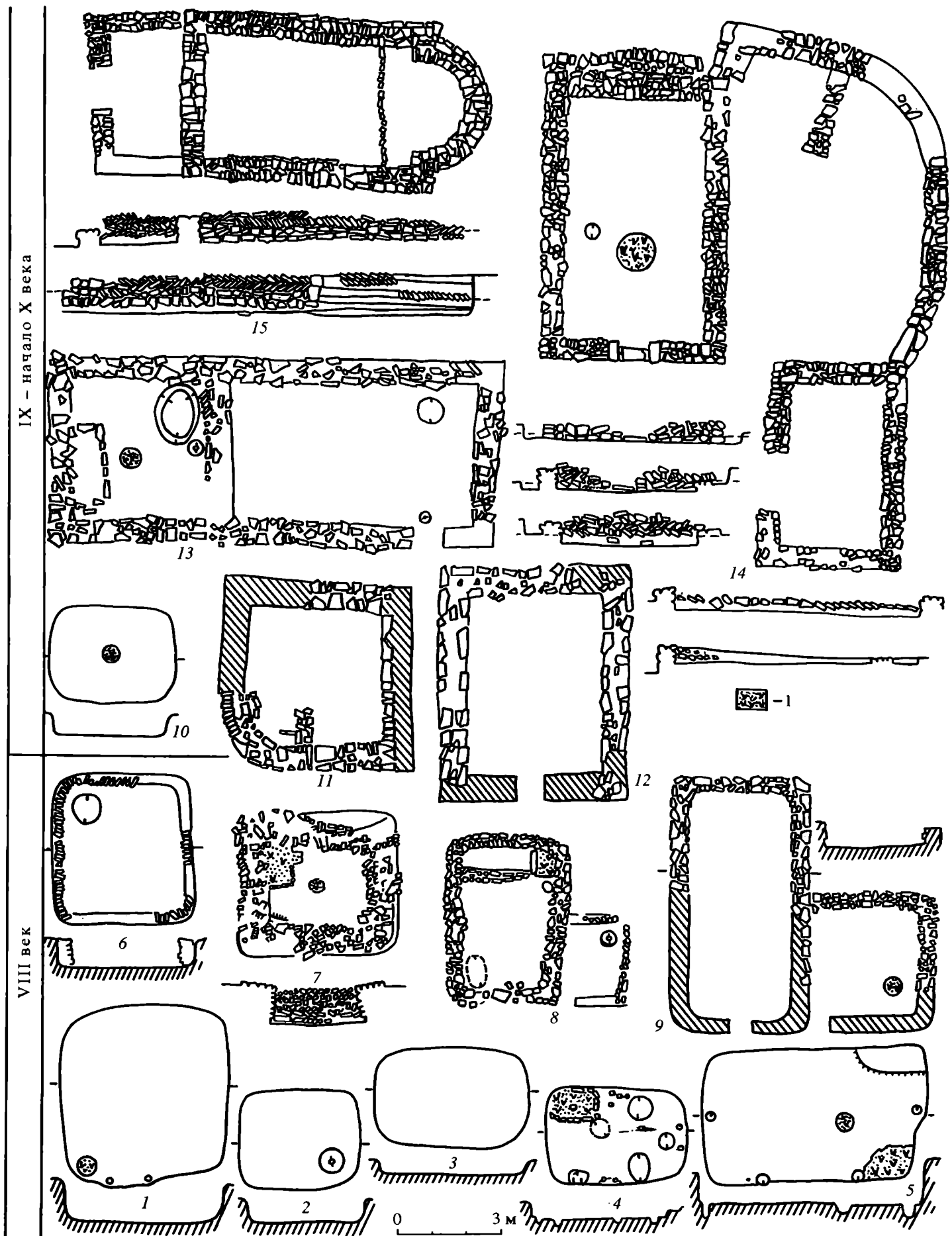

Таблица 33. Типы жилых построек VIII-IX вв. и храм второй половины IX-начала X в.

1-3, 5, 6, 9 - Тау-Кипчак; 4, 8 - Героевка; 7 - Пташкино; 10, 14, 15 - Кордон-Оба; 11 - Мирмекий; 12, 13 - Тепсень; 1-7 - полуземлян-

ки, 8-14 - дома, 15 - храм. Условное обозначение: 1 - уголь и зо-ла. Составлена И.А. Барановым

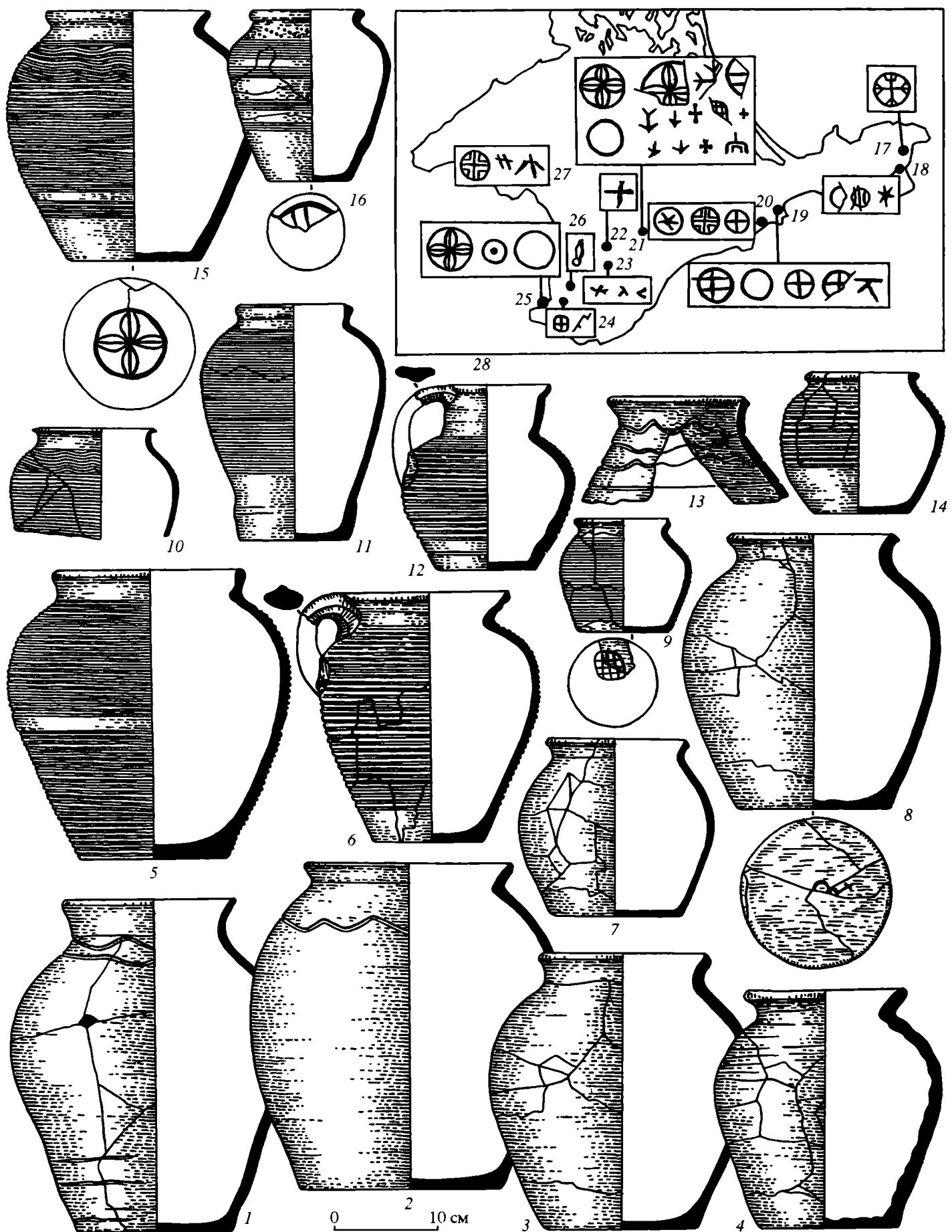

Таблица 34. Кухонная керамика VIII-IX вв.

1-3, 5-16 – Тау-Кипчак; 4 – Кордон-Оба; 17 – Мирмекий; 18 – Тиритака; 19 – Тепсень; 20 – Кордон-Оба; 21 – Тау-Кипчак; 22 – Трудюлюбовка; 23 – Бакла; 24 – Гончарное; 25 – Херсонес; 26 –

Поворотное; 27 – Чайка; 28 – Карта распространения клейм на днищах кухонных горшков в Крыму. Составлена А.И. Айбабиным

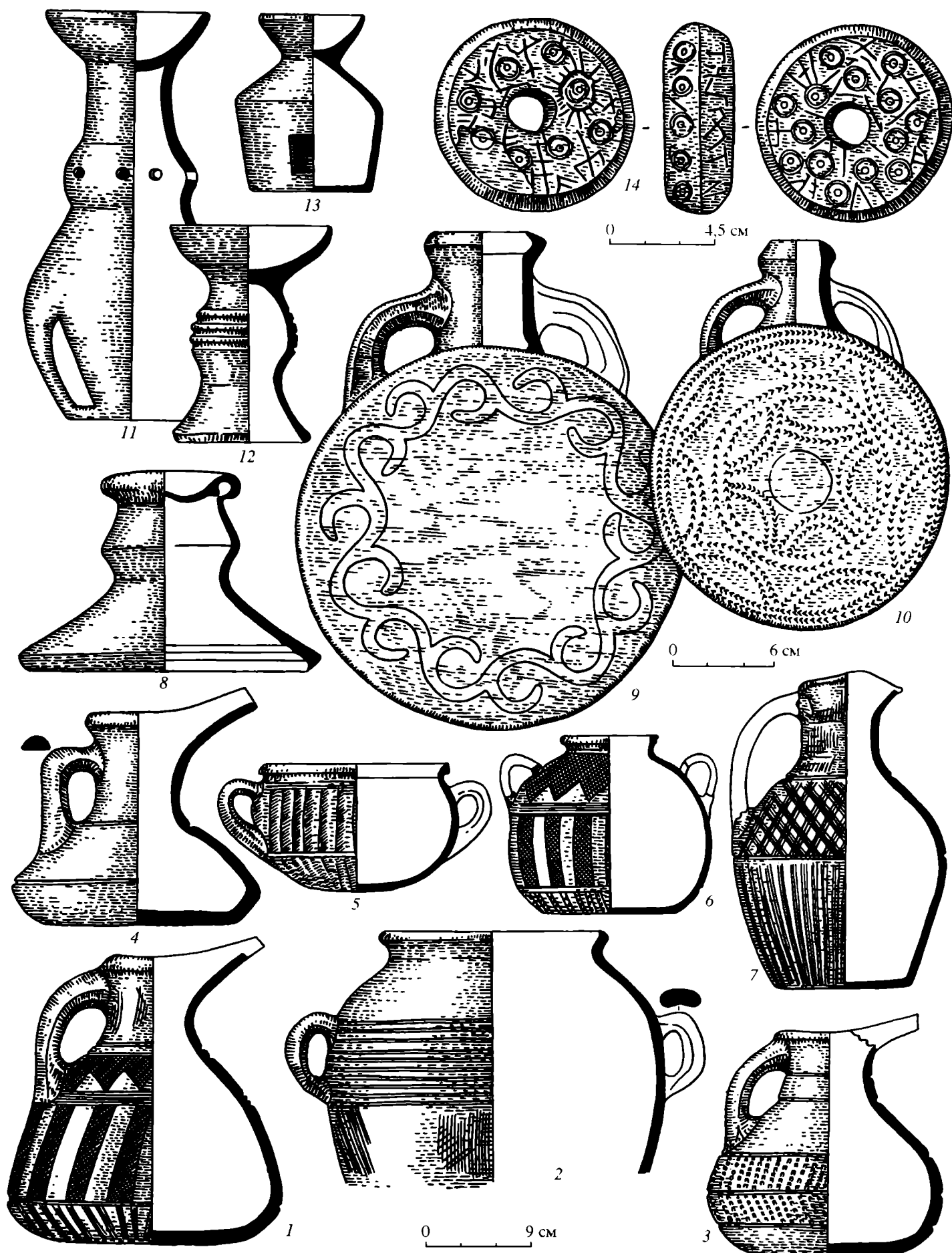

Таблица 35. Лощеная (1–7) и гончарная керамика (8–14) второй половины VIII–IX вв. из Крыма

1 – Тау-Кипчак; 2 – Героевское; 5, 6 – Тиритака; 7 – Кордон-Оба; 8, 11–13 – Тепсень; 9, 10 – Чабан-Куле. Составлена А.И. Айбабиным

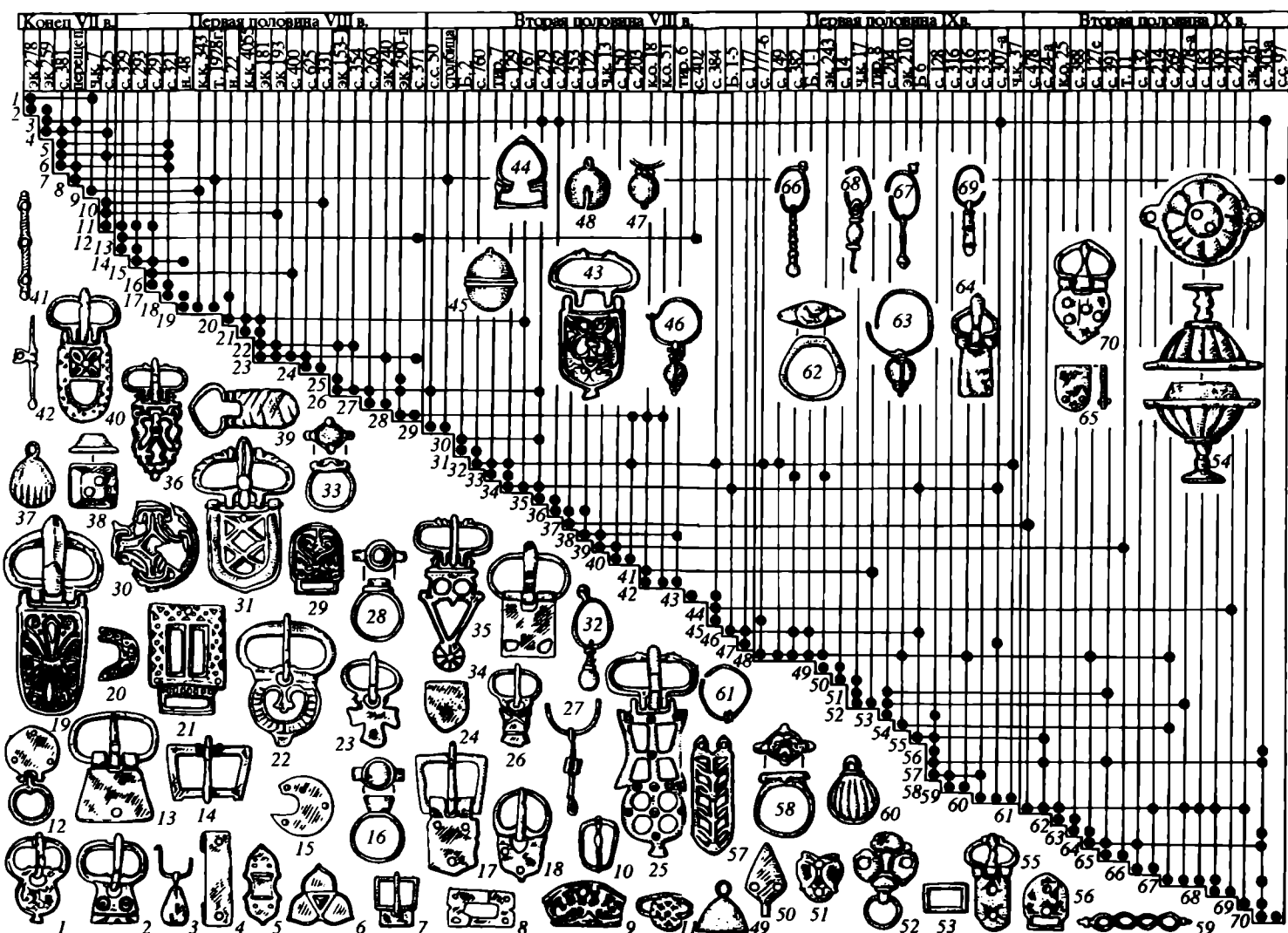

Таблица 36. Взаимовстречаемость вещей в крымских погребениях VIII–IX вв.

С. – Скалистое; Н. – Неволино; Т. – Тепсень; Э.К. – Эски-Кермен;
Л. – Лучистое; С.С. – Суук-Су; Тир. – Тиритака; Ч.К. – Чуфут-ка-

ле; К.О. – Кордон-Оба; Б. – Бакла. Составлена А.И. Айбабиным

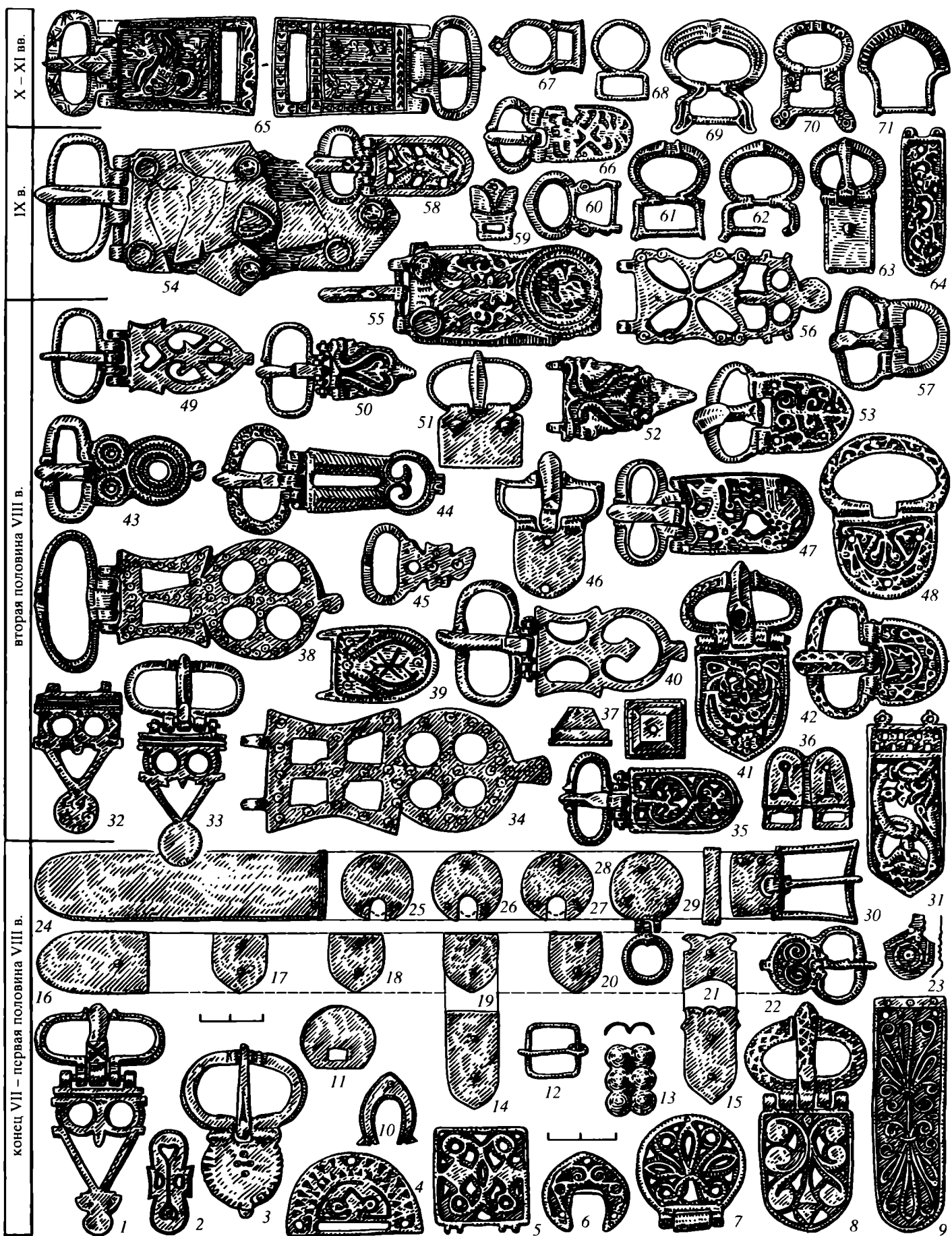

Таблица 37. Пряжки, детали поясных наборов и застёжки из погребений конца VII–IX вв.

Скалистое: 1 – склеп 625; 4 – склеп 364; 7 – случайная находка; 8 – склеп 303; 10 – склеп 329; 12, 14–22 – склеп 331; 13 – склеп 321; 24–30 – могила 291; 36, 46 – склеп 767; 31, 51 – склеп 402; 37, 50 – склеп 122; 38 – склеп 760; 40 – склеп 387; 44, 49 – склеп 262; 47 – склеп 203; 53 – склеп 177; 54 – склеп 241; 55 – склеп 149; 56 – склеп 771, захоронение 7; 58 – склеп 204; 64 – склеп 303а; Эски-Кермен:

2, 3 – склеп 193; 5, 6 – склеп 181; 23, 62 – склеп 183; 32 – склеп 182; 34, 48 – склеп 290, захоронения в камере; 35 – склеп 46; 57 – склеп 54; 59 – склеп 249; 9, 11, 39, 45, 52, 60, 61, 65–71 – Херсон; Узень-Баш, 1907 г.: 33 – склеп 2; 43 – склеп 3; Бакла: 41 – склеп 2. Составлена А.И. Айбабиным

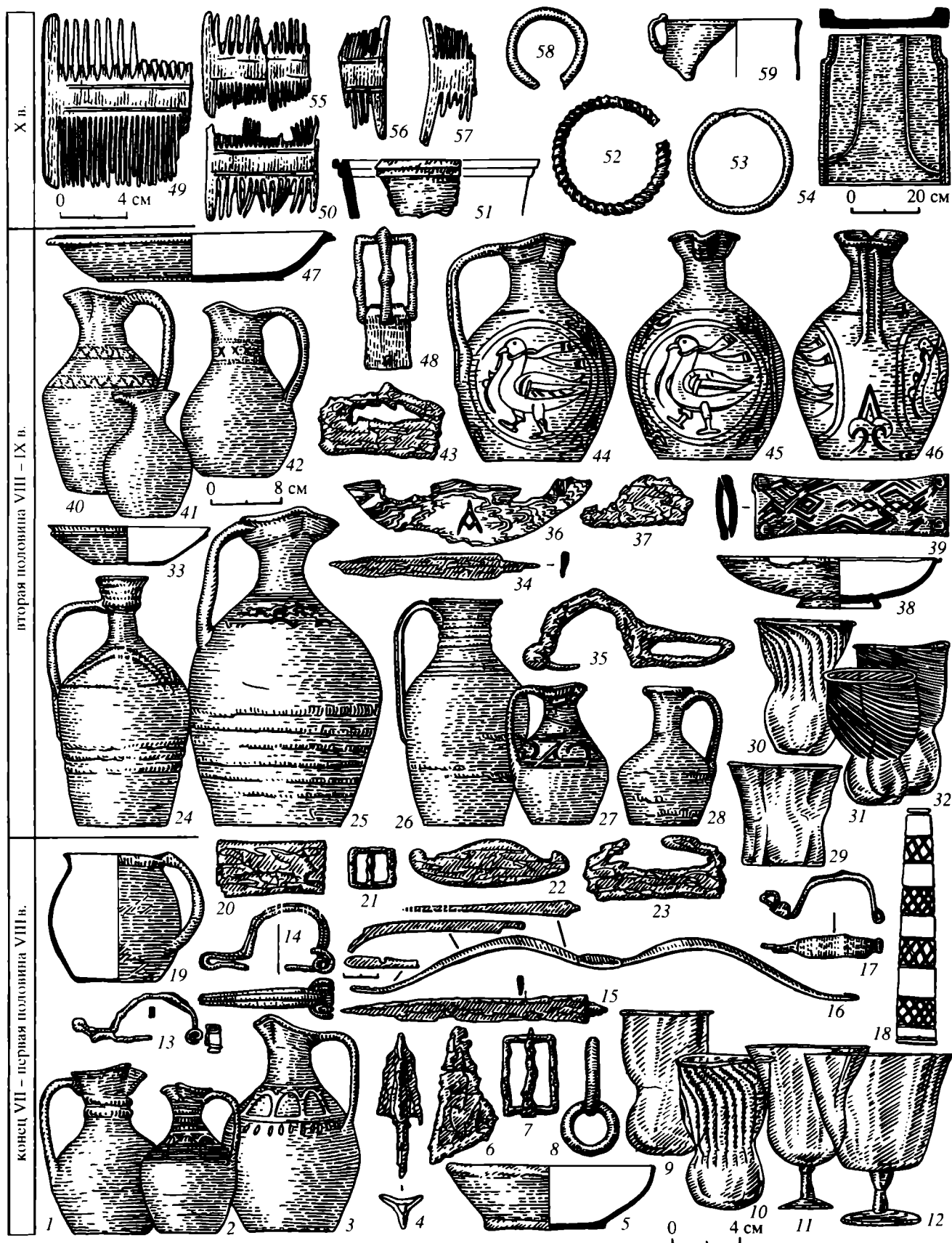

Таблица 38. Находки из погребений конца VII–IX вв.

Эски-Кермен: 1, 6, 14 – склеп 192; 7, 8, 13 – склеп 181; 11 – склеп 65; 15 – склеп 41; 17 – склеп 183; 18 – склеп 184; 19 – склеп 268; 29 – склеп 224; 37 – склеп 210; 34, 39, 48 – склеп 182; 41 – склеп 54; 49 – усыпальница 71; 51 – склеп 223; 52, 53 – склеп 225; 54 – могила 206; 55 – усыпальница 73; 58 – могила 185; 59 – склеп 247; Скалистое: 2, 10 – склеп 625; 3 – склеп 371; 4, 21 – склеп 331; 5 – склеп 284а; 9 – склеп 479; 12 – склеп 471; 16 – склеп 575; 24, 26, 32 – склеп 203; 25, 30 – склеп 262; 27, 33 – склеп 279; 31, 36, 38 – склеп 760; 40 – склеп 241; 42, 43 – склеп 316;

44–46 – склеп 307а; 47 – склеп 127е; Узень-Баш, 1926 г.: 20, 22 – склеп 1; 23 – склеп 2; Чуфут-кале: 28 – склеп 13; 35 – склеп 104; Херсон: 50 – случайная находка; Симеиз: 56, 57 – склеп 1955 г. 1–3, 5, 19, 24–28, 33, 40–42, 44–46, 51, 54 – глина; 47 – глина, красный лак; 4, 6–8, 13–15, 17, 20–23, 34, 35, 37, 43, 48 – железо; 9–12, 29–32, 52, 53, 58, 59 – стекло; 16 – костяные обкладки лука и его реконструкция; 18, 39, 49, 56 – кость; 36, 38, 50, 55, 57 – дерево. Составлена А.И. Айбабиным

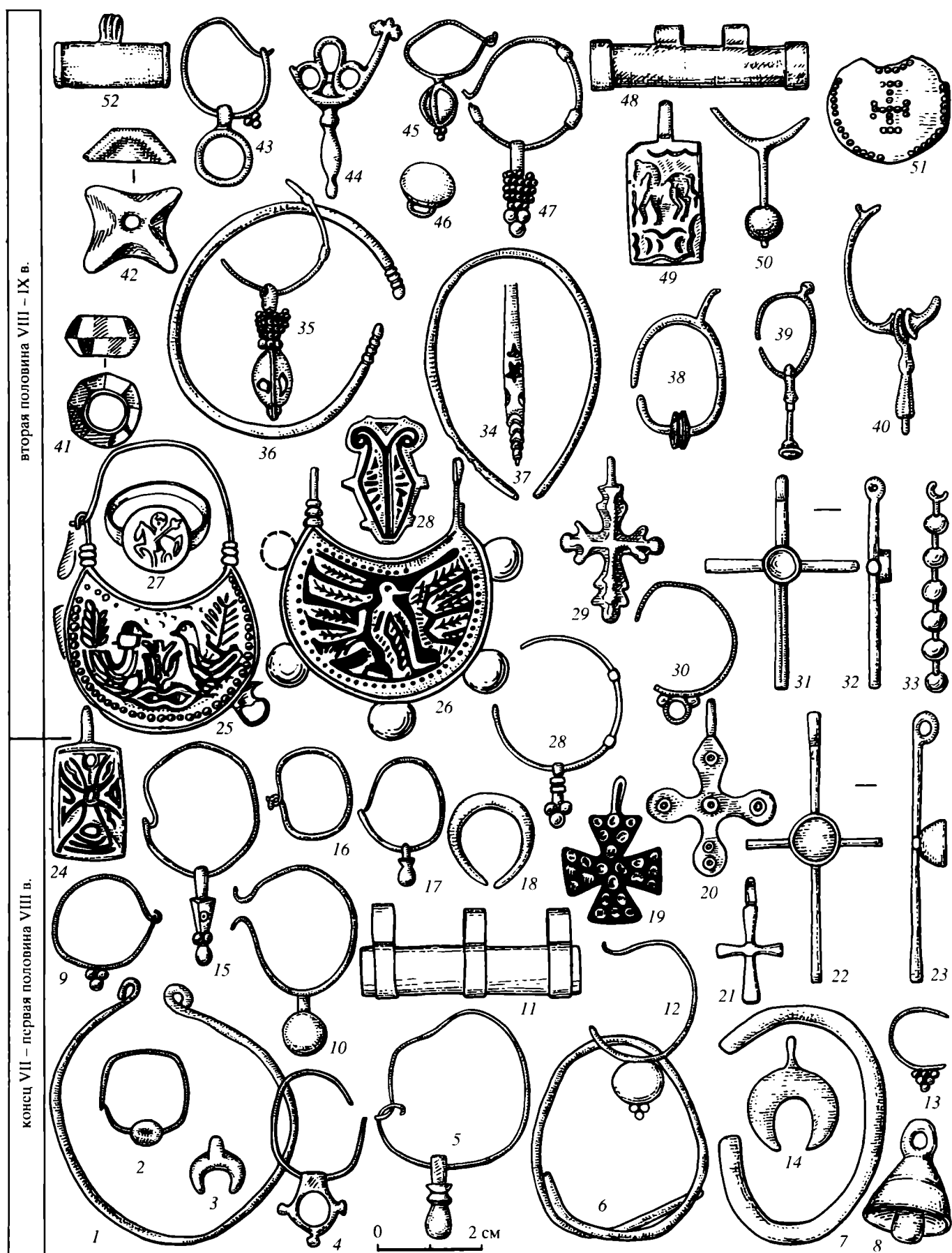
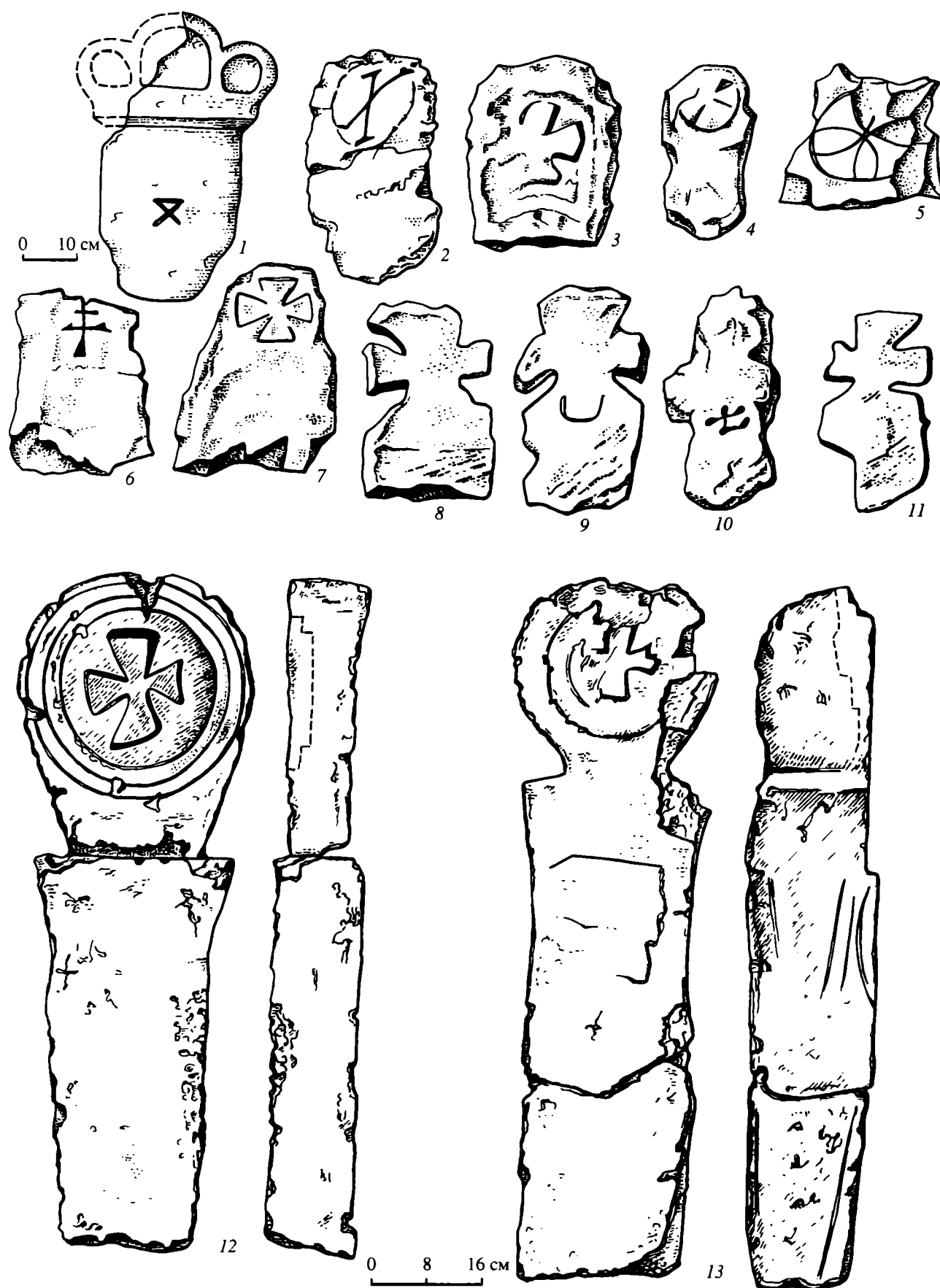

Таблица 39. Украшения из погребений конца VII–IX вв.

Эски-Кермен: 1 – могила 196; 2, 3 – склеп 41; 4 – склеп 181; 5, 14 – склеп 193; 9 – склеп 285; 13, 19 – склеп 189; 16, 21 – склеп 224; 29 – склеп 21; 30 – склеп 46; 34 – склеп 275; 41–43 – могила 243; 45 – склеп 51; Лучистое: 25 – склеп 14; Скалистое: 6 – склеп 321; 8 – склеп 331; 10 – склеп 354; 12 – склеп 340; 18 – склеп 371; 27 – склеп 340; 28 – склеп 479; 31, 32 – склеп 279; 33 – склеп 123; 35 –

склеп 130; 36 – склеп 278; 37 – склеп 222; 38 – склеп 309; 39, 50 – склеп 303а; 40 – склеп 478; 47 – склеп 132; 48 – склеп 127е; 49 – случайная находка; 51 – склеп 244; 52 – склеп 307а; Узень-Баш. 1926 г.: 7, 17, 20, 22–24 – склеп 1; 15 – склеп 2; Херсон: 11, 44 – случайные находки; Судак: 46 – склеп 22. Составлена А.И. Айбабиным

Таблица 40. Надгробия

1-11 – Скалистое (1 – склеп 563); 12, 13 – Лучистое (12 – могила 23, 13 – склеп 18). Составлена А.И. Айбабиным

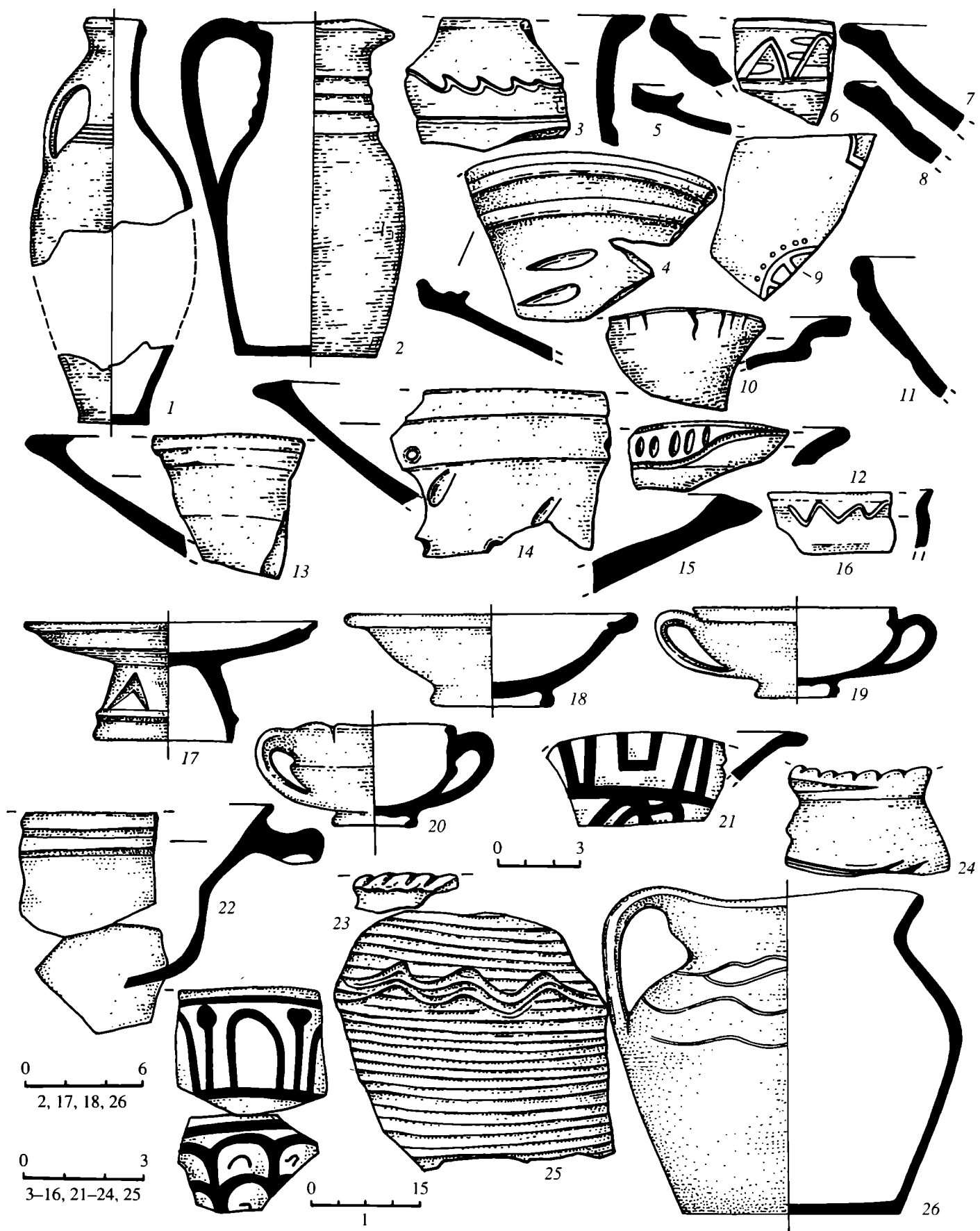

Таблица 41. Керамика из раскопок цитадели Бакла

1, 3-22, 26 – керамика из слоя, накопившегося в период функционирования оборонительных стен второго периода; 2, 23-25 – кера-

мика из засыпи цистерн. Составлена А.И. Айбабиным по материалам Д.В. Талиса [Талис Д.В., 1976; 1982]

Таблица 42. Херсонское литейное производство

1-4 – матрицы для изготовления деталей поясных наборов; 5 – пряжка типа Сиракузы; 6 – литейная форма для отливки пряжек;

7 – бракованная пряжка; 8, 9 – бракованные пряжки типа Коринф (1 и 2 варианты). Составлена А.И. Айбабиным

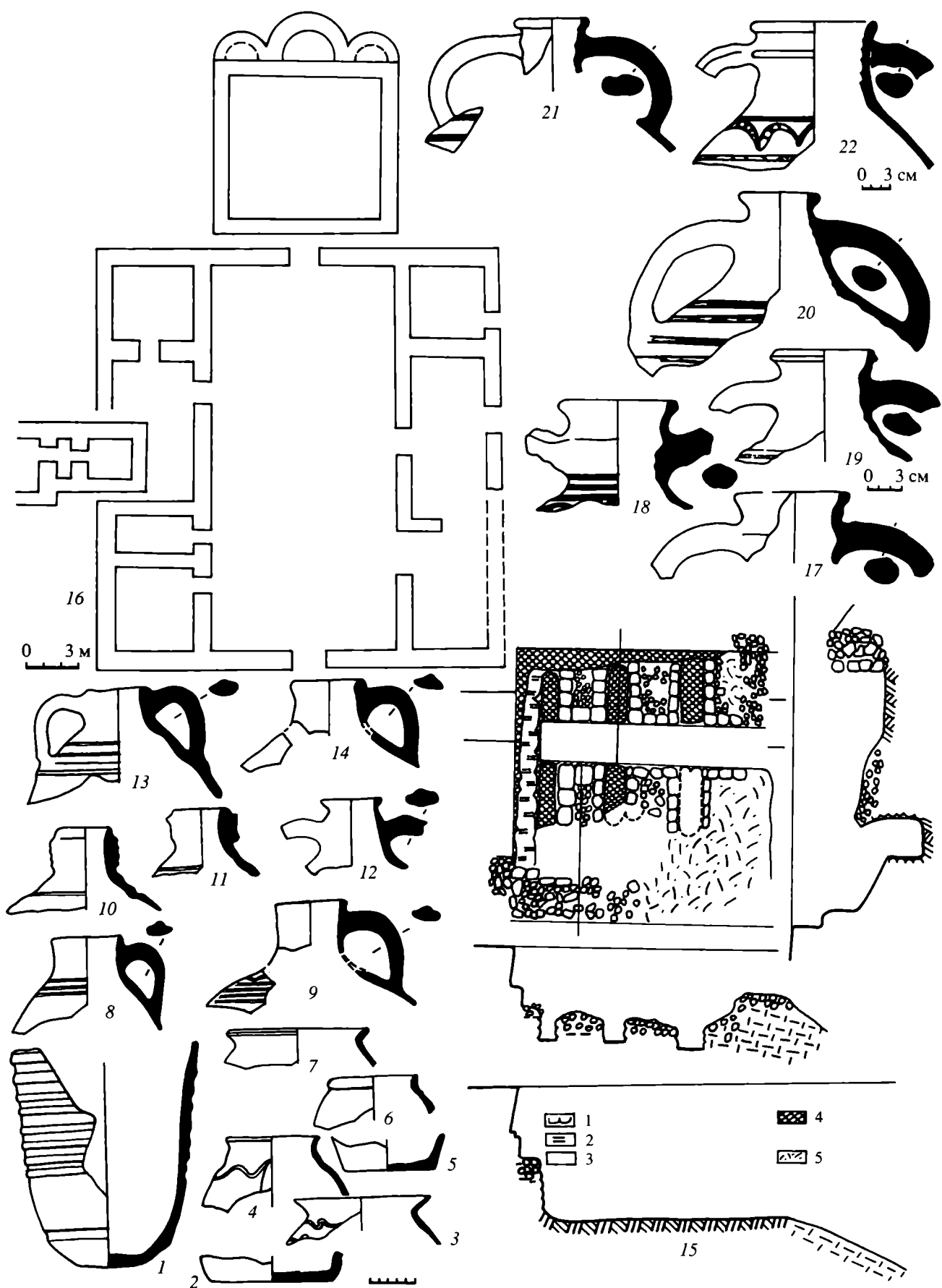

Таблица 43. Херсон в VIII-IX вв.

Гончарная печь IX в. в районе Радиогорки (15) и керамика из нее (1-14); здание администрации фермы (16); амфоры из комплекса первой половины IX в. (17-22). 1-14, 17-22 – по Л.В. Седиковой, 15 – по Л.А. Рыжовой, 16 – по И.А. Антоновой. Условные обозна-

чения: 1 – блоки песчаника; 2 – обожженная глина; 3 – скальный материк; 4 – прокаленная глина; 5 – заполнение мусорной ямы. Составлена А.И. Айбабиным

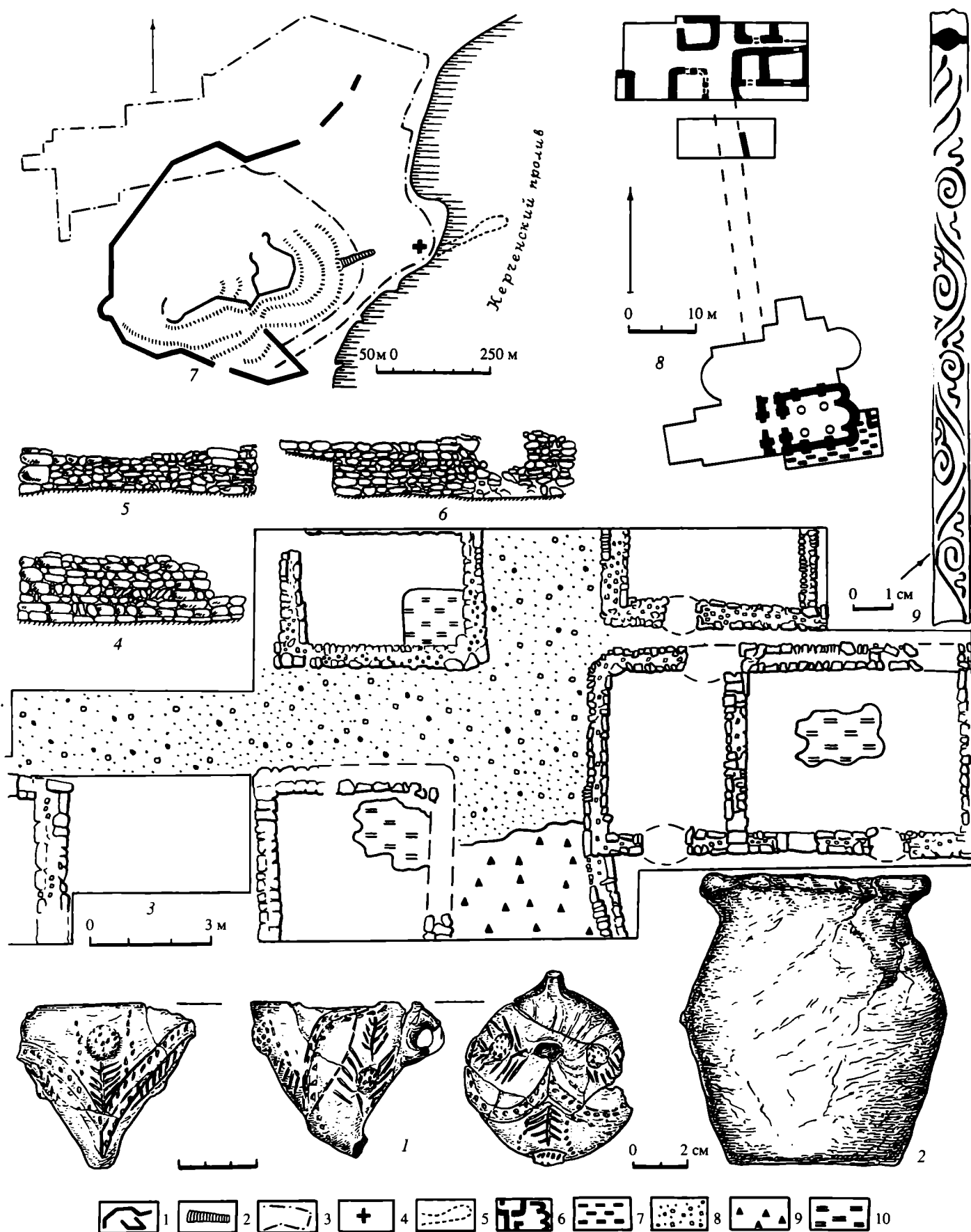
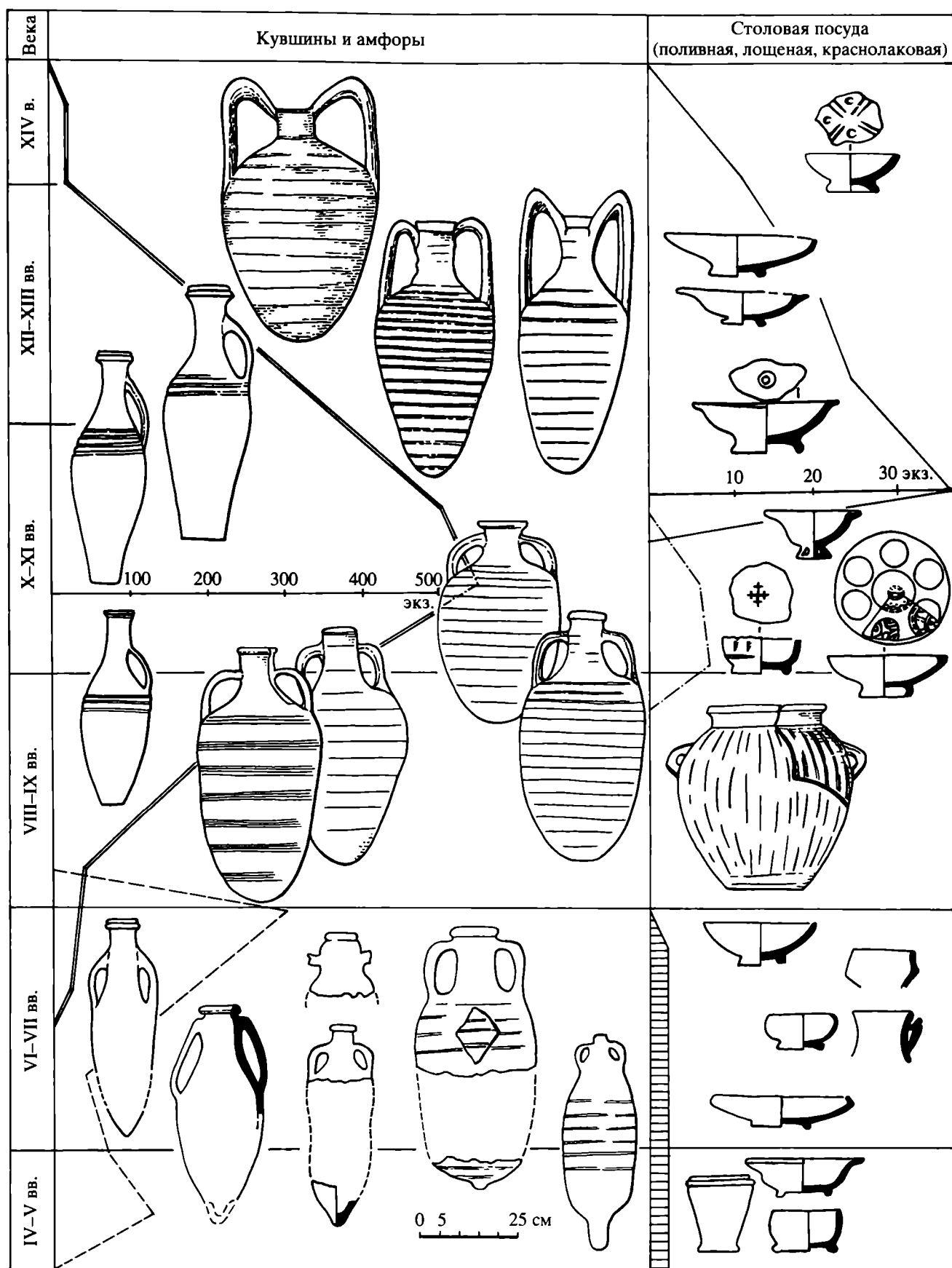

Таблица 44. Постройки и находки корчевского периода (X-XII вв.) около церкви Иоанна Предтечи

1 – красноглиняный сосуд – ритон с наклепным и графическим орнаментом (помещение № 3); 2 – лепной кухонный горшок из печи в помещении № 1; 3 – вскрытая часть квартала Корчева с остатками пяти построек и улицами с мощением из крошки ракушечника и обломков красноглиняной керамики; 4–6 – фасировки стен корчевских домов; 7 – план Керчи (по А. Ашику); 8 – расположение раскопок с домами Корчева и древней части церкви Иоанна Предтечи; 9 – стеклянный браслет с росписью из

погребения XI в. Условные обозначения: 1 – следы оборонительных стен Пантикапея; 2 – лестница с горы Митридата; 3 – границы кварталов Керчи начала XIX в.; 4 – церковь Иоанна Предтечи; 5 – древний мол под водой; 6 – постройки корчевского времени; 7 – прицерковное кладбище Корчева; 8 – мощение улицы крошкой ракушечника; 9 – мощение улицы обломками амфор и кувшинов; 10 – обожженная глина печей. Составлена Т.И. Макаровой

Таблица 45. Хронологическая таблица основных типов тарной и столовой посуды, характеризующей культурный слой

Условные обозначения: двойной линией обозначено распространение кувшинов в слое; пунктиром – распространение ранних амфор в слое; простой линией – распространение красноглиняной

четырёх периодов: I – позднеантичного, II – юстиниановского, III – хазарского; IV – корчевского

поливной посуды; пунктиром с точкой – белоглиняной поливной посуды; заштрихованной полосой – равномерное распределение в раннем слое краснолаковой посуды. Составлена Т.И. Макаровой

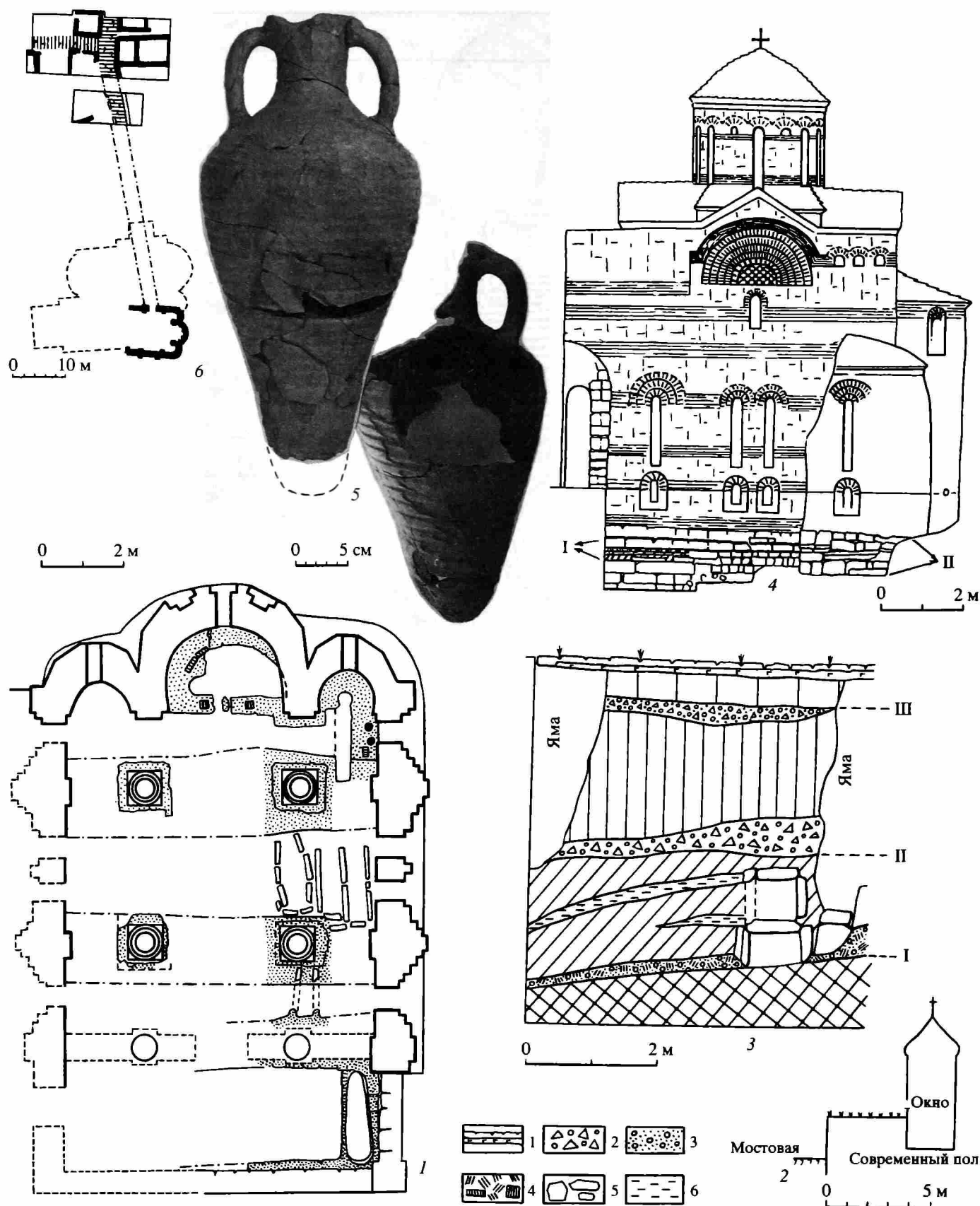

Таблица 46. Церковь Иоанна Предтечи

Раскопки около южной стены и в интерьере: 1 – раскопки в интерьере (точками заштрихованы вскрытые участки ленточного фундамента); 2 – взаимное расположение церкви и мостовой Корчева; 3 – профиль раскопа около южной стены церкви; 4 – южный фасад церкви с раскрытой раскопками нижней частью стены с фундаментом (нулевая линия соответствует уровню современной дневной по-

верхности); 5 – голосники из южной стены церкви; 6 – схема расположения церкви и квартала Корчева. Условные обозначения: 1 – современная вымостка около церкви; 3 – обломки кирпича и известковый раствор; 3 – крошка ракушечника и демянки; 4 – крошка и блоки красного песчаника; 5 – плиты могил из белого ракушечника; 6 – глина. I – строительный мусор времени строительства церкви; II – строительный мусор ремонта церкви (XIV в.); III – строительный мусор позднего ремонта. Составлена Т.И. Макаровой

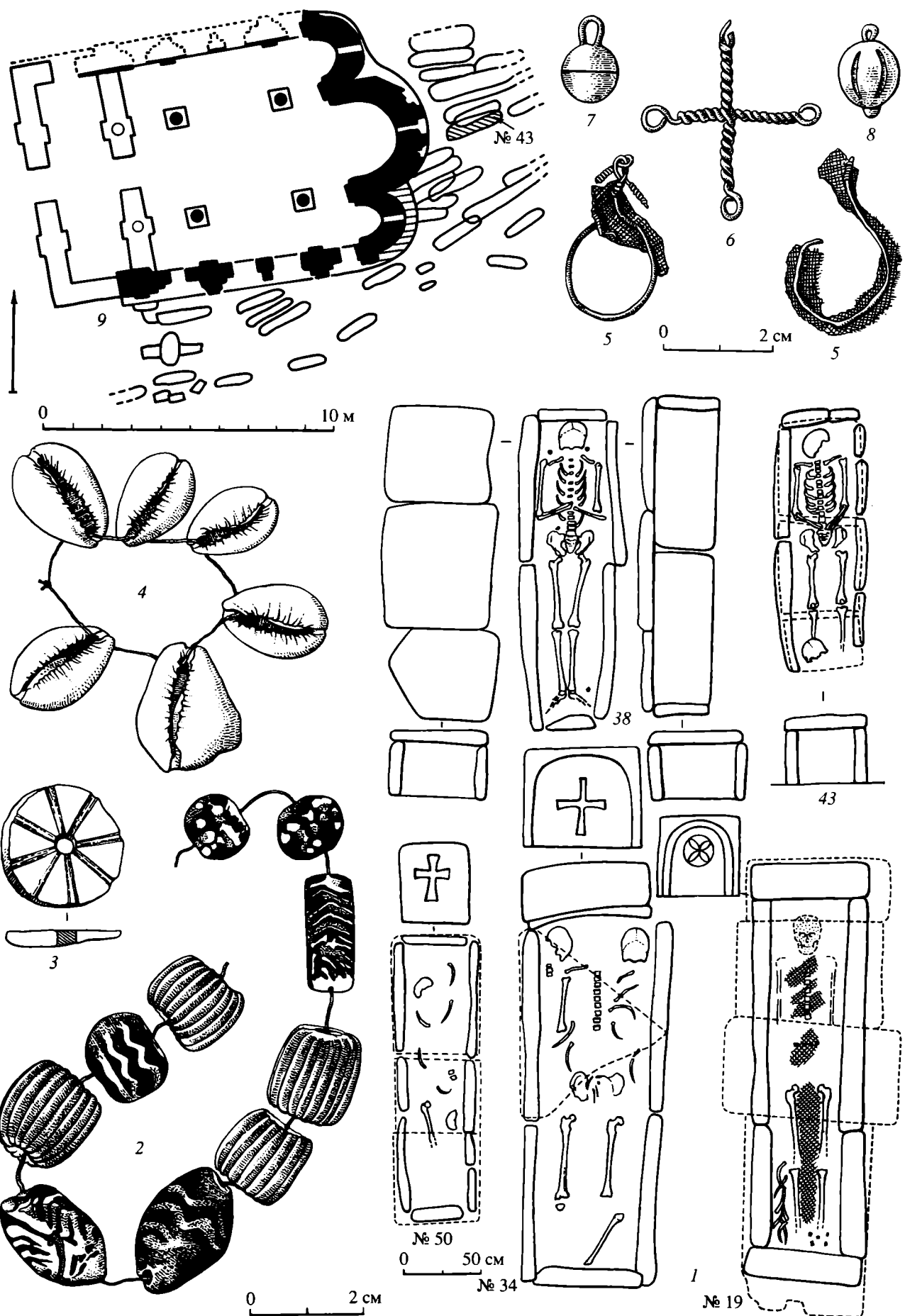

Таблица 47. Кладбище Корчева около церкви Иоанна Предтечи

1 – погребения в каменных ящиках около церкви Иоанна Предтечи;

2–8 – инвентарь погребения № 43 около центральной апсиды церкви; 9 – взаимное расположение церкви и вскрытых погребений. Составлена Т.И. Макаровой

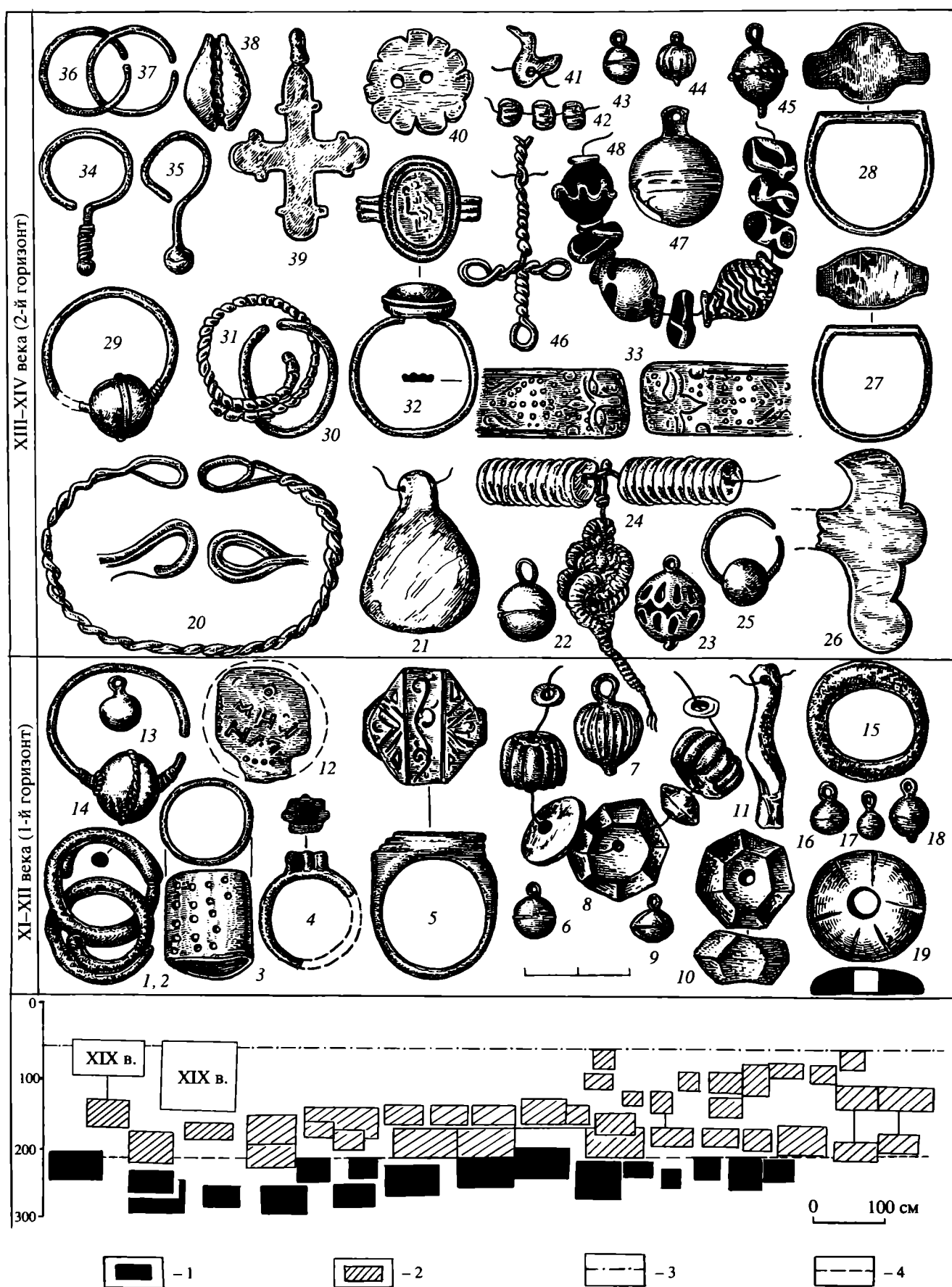

Таблица 48. Кладбище около церкви Иоанна Предтечи в Керчи

А. Вещи из прицерковного кладбища Корчева. 1-2 – серебро; 3-7 – бронза; 8 – стекло, перламутр, сердолик; 9 – бронза; 10 – сердолик; 11 – коралл; 12 – серебро; 13 – бронза; 14 – золото; 15 – железо; 16-18 – бронза; 19 – кость; 20 – серебро; 21 – лазурит; 22 – бронза; 23 – серебро; 24 – кожа, бронза; 25, 26 – серебро; 27, 28 – бронза;

29 – серебро; 30 – золото; 31 – серебро; 32 – золото; 33-35 – серебро; 36, 37 – золото; 38 – раковина каури; 39 – бронза; 40-42 – глина, полива; 43, 44 – бронза; 45-47 – серебро; 48 – стекло. Б. Стратиграфия прицерковного кладбища Корчева. Условные обозначения: 1 – могилы I горизонта; 2 – могилы II горизонта; 3 – уровень ремонта XIV в.; 4 – уровень строительного мусора времени постройки церкви Иоанна Предтечи. Составлена Т.И. Макаровой

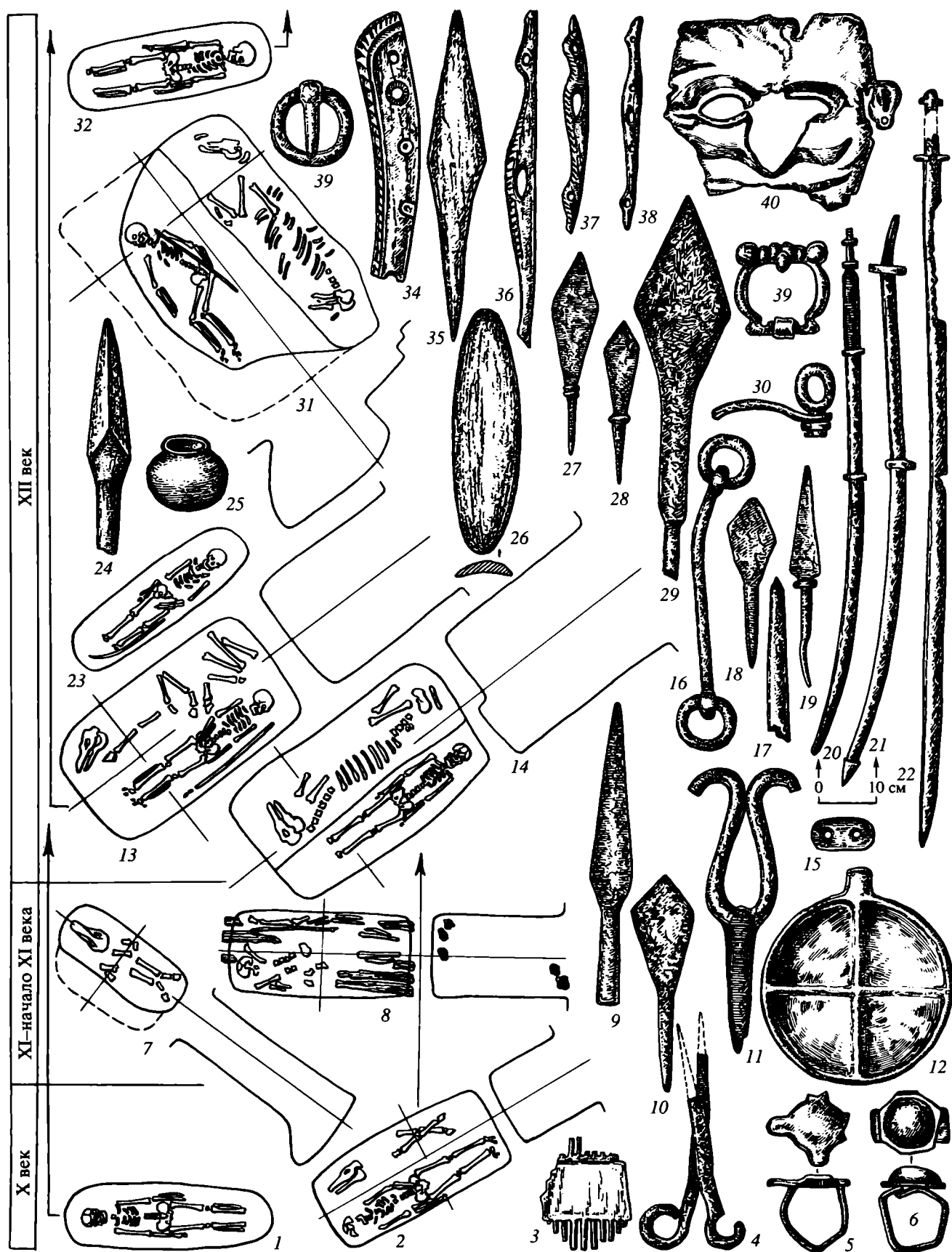

Таблица 49. Типы кочевнических погребений и вещи из них

1 – Чатырлык; 2 – Казанка; 3, 4 – Матвеевка; 5–7, 10 – Джанкой; 8 – Казанка, курган 3; 9 – Рисовое, курган 5, погребение 61; 11, 12 – Херсонес, 1908 год, погребение 2529; 13 – Бахчи-Эли; 14, 22, 34 – Чокурчинский курган; 15, 17–20, 23, 30 – г. Коклюк, курган 6; 16 – курган, распаханый под Симферополем; 21, 35 – Мамай, захоро-

нение в скифском склепе; 24 – Мамай, курган 1; 25, 33, 36, 37 – Ближнее Боевое, курган 1, погребение 1; 26–28 – Рисовое, курган 6, погребение 12; 29, 31, 38 – Мартыновка, курган 3, погребение 3; 32 – Заливное; 39 – раскопки Н.И. Веселовского в 1890 г.; 40 – Херсонес, Северный берег. 3 – дерево; 4, 9–11, 16, 18–22, 27–30; 35, 40 – железо; 5, 12, 39 – бронза; 6 – бронза, синее стекло; 15, 17, 24, 26, 34, 36–38 – кость. Составлена А.И. Айбабиным

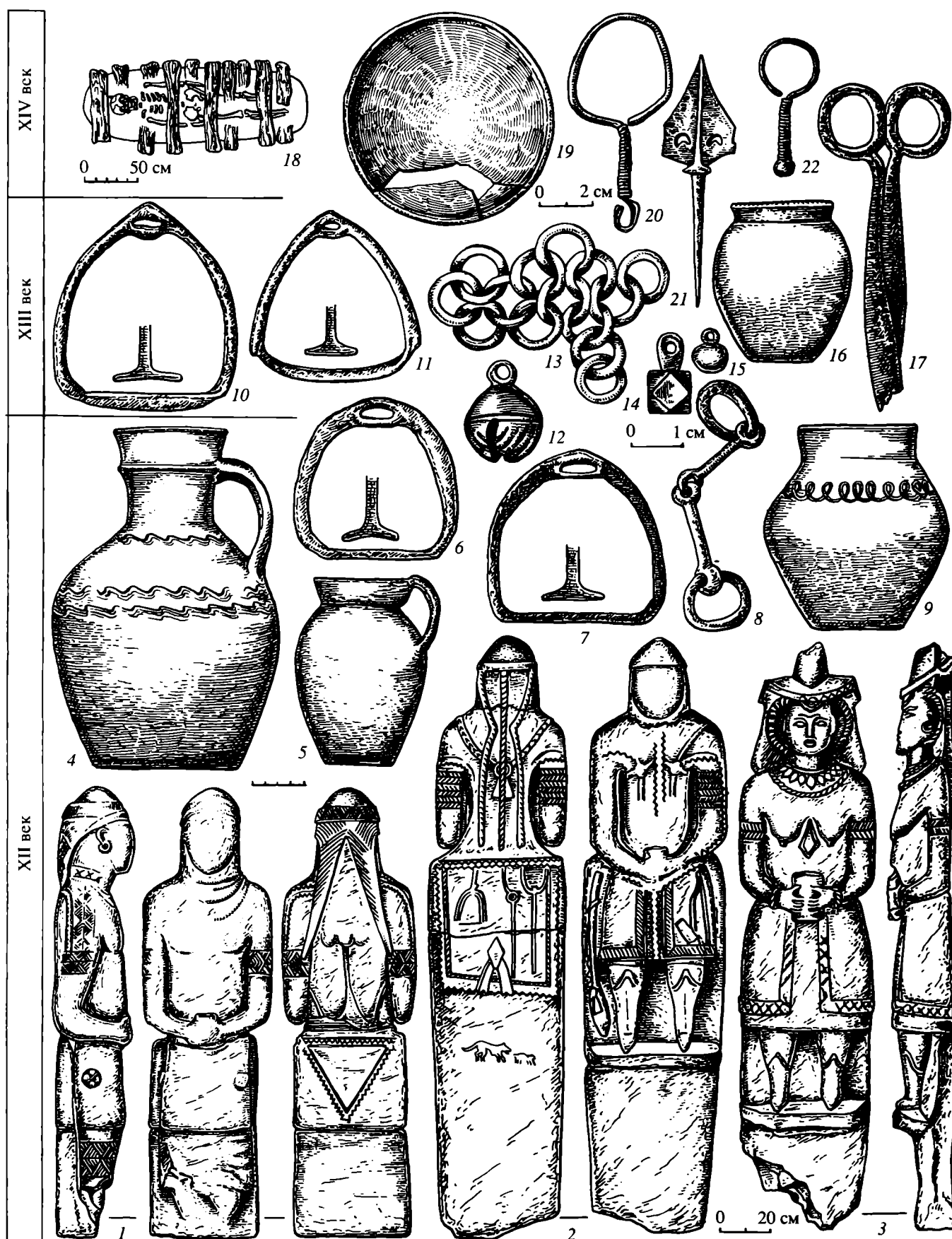

Таблица 50. Кочевнические древности XII–XIV вв.

1, 11, 22 – Феодосийский краеведческий музей; 2, 3, 7 – Крымский республиканский краеведческий музей; 4, 5 – г. Коклюк, курган 6; 6 – Чокурчинский курган; 8 – Симферопольский курган 1949 г.; 9 –

Мартыновка, курган 3, погребение 3; 10, 13–15 – Приморский, курган 9, погребение 1; 12, 16 – Херсонес; 17–20 – Приморский, курган 2, погребение 12. 1, 2 – белый известняк; 3 – желтый ракушечник; 4, 5, 9, 16 – глина; 6–8, 10, 11, 13, 17, 21 – железо; 12, 14, 19, 22 – бронза; 15 – кость; 20 – золото. Составлена А.И. Айбабиным

Таблица 51. Вещи из кочевнических погребений

1-9, 11-22 – Сарайлы-Кият, курган 1; 10 – Чатырлык. 1, 2, 10, 15, 17, 20 – бронза; 3 – железо; 4-9, 11-14, 16, 18, 19, 21, 22 – серебро.
Составлена А.И. Айбабиным

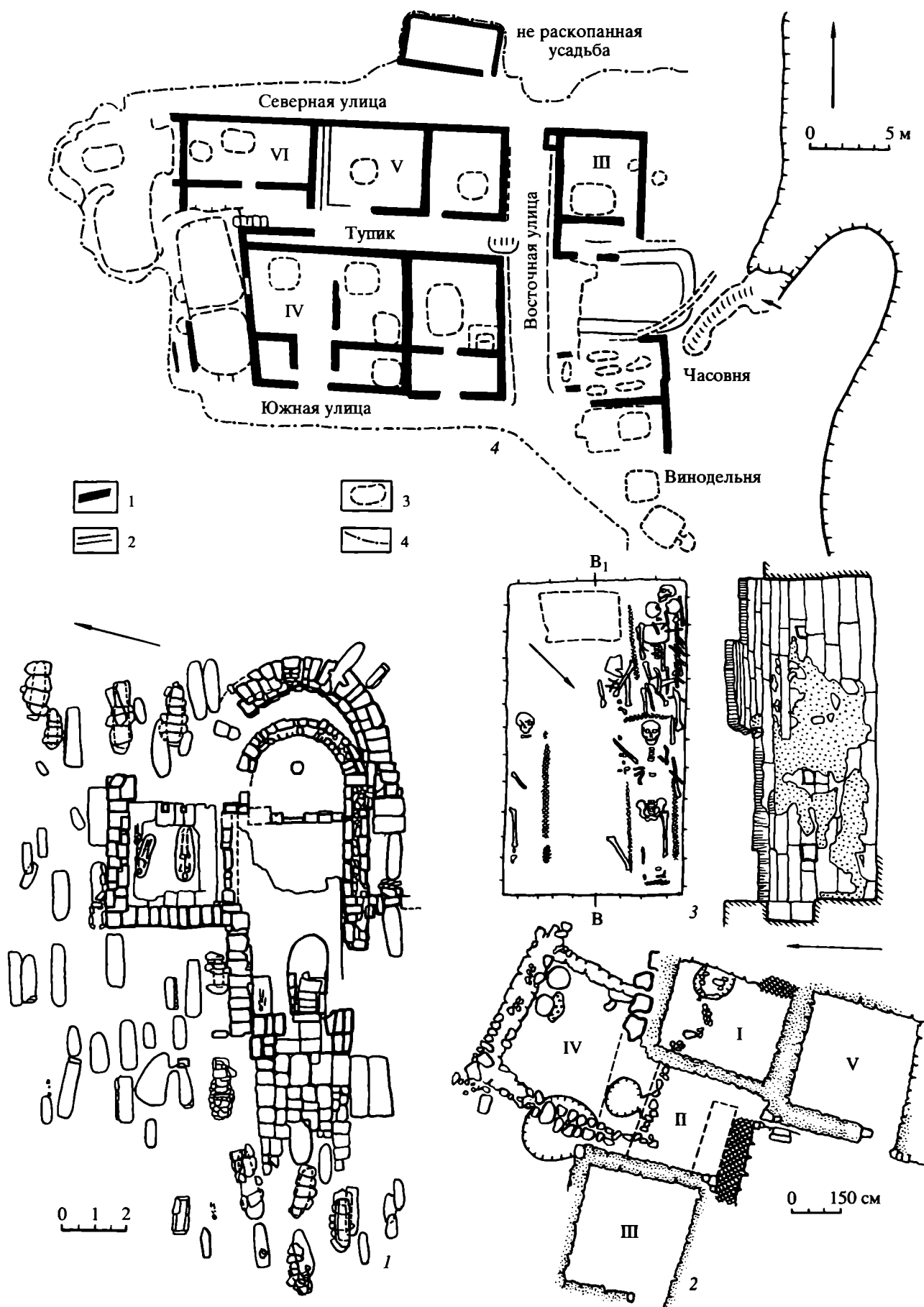

Таблица 52. Жилые усадьбы и храмы городищ Готин

1 – план крестообразного и одноапсидного храмов XI–XIII вв. у подножия Баклы (по: Рудаков В.Е., 1984. Рис. 1), 2 – план жилых домов XI–XIII вв. на посаде городища Бакла (по: Рудаков В.Е., 1975. Рис. 1), 3 – гробница конца IX–X вв. у подножия Баклы (по: Баранов И.А.,

1990. Рис. 49), 4 – жилые усадьбы XI–XIII вв. на северном участке городища Эски-Кермен (по: Веймарн Е.В., 1958. Рис. 1). Условные обозначения: 1 – остатки каменных стен; 2 – “постели”; 3 – “высечки” в скале; 4 – граница раскопа. Составлена А.И. Айбабиным

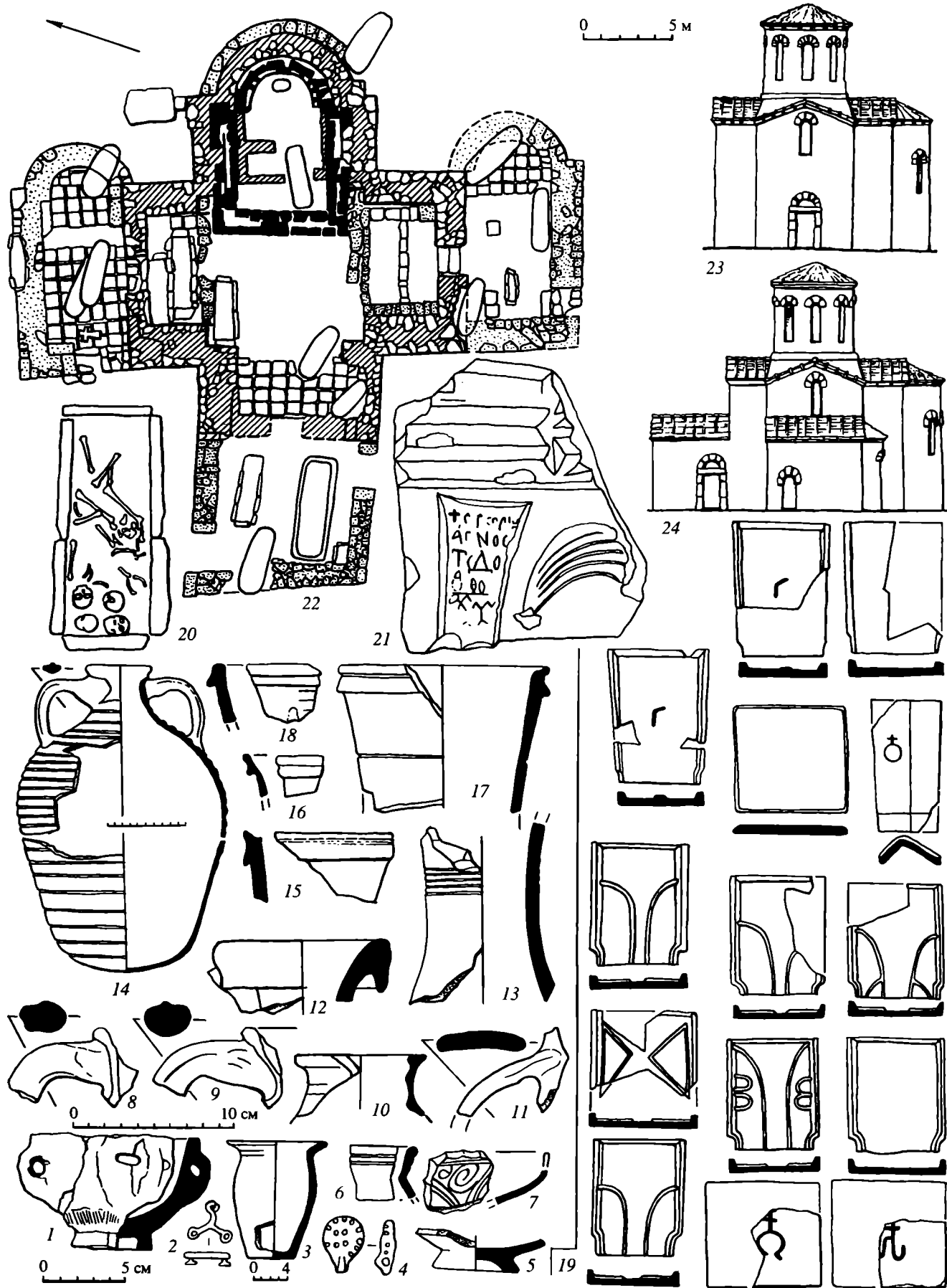

Таблица 53. Крестообразный храм X–XI вв. и часовня XIV–XVII вв., находки из их раскопок на склоне плато Мангуп (по: Мыц В.Л., 1990)

1–7 – керамика из раскопок часовни; 8–18 – керамика из раскопок Крестообразного храма; 19 – черепица; 20 – гробница 1; 21 – фрагмент плиты с надписью "...святого Феодота. Христа"; 22 – план храма и часовни; 23 – реконструкция южного фасада храма в первый

строительный период; 24 – реконструкция южного фасада храма во второй строительный период (по Ю.Г. Лосицкому). Составлена А.И. Айбабиным

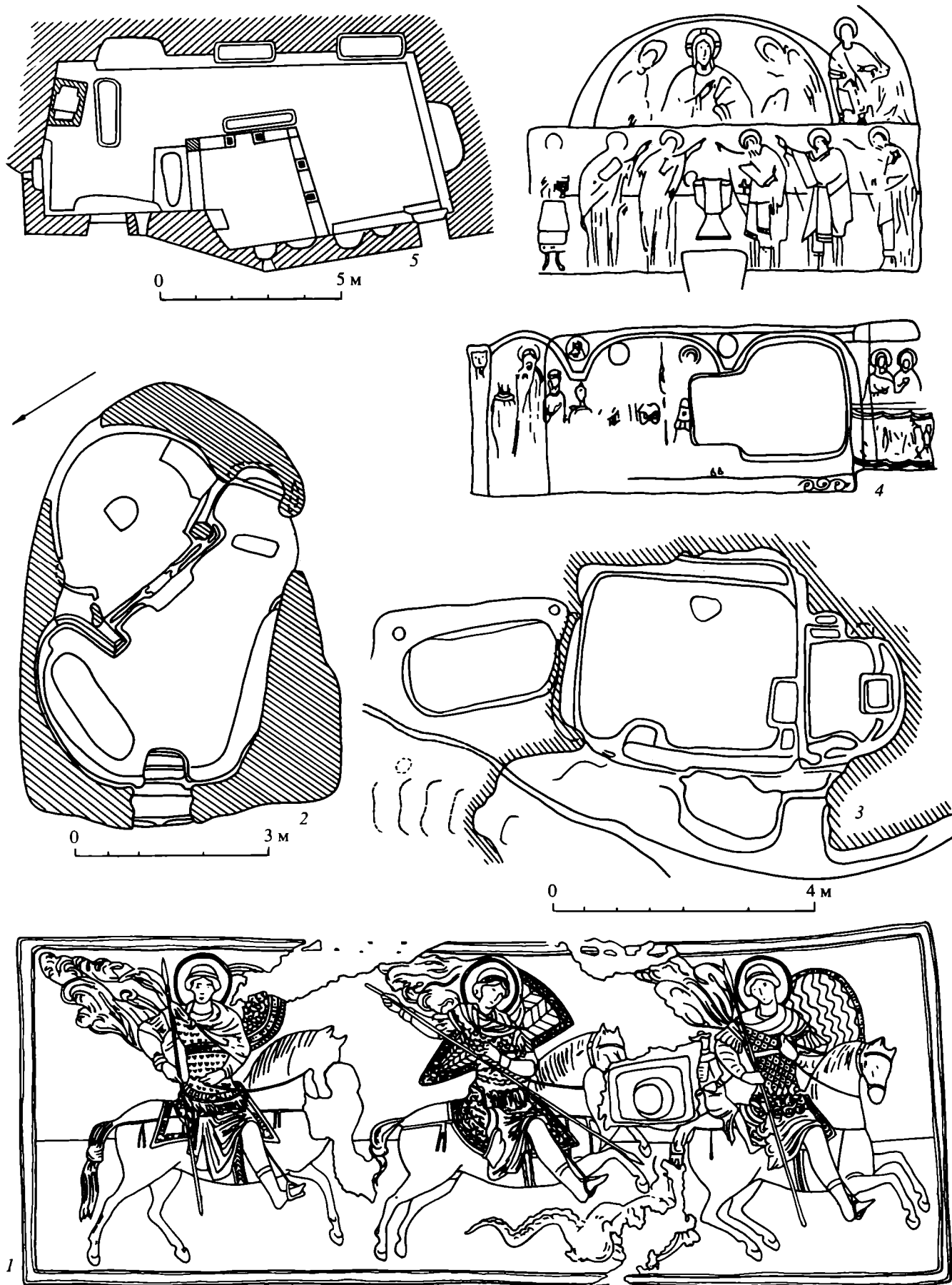

Таблица 54. Пещерные храмы Готии

1, 2 – роспись стены (реконструкция О.И. Домбровского) и план храма “Трех всадников” XIII в. у подножия Эски-Кермен; 3, 4 – план и роспись алтаря и стены (реконструкция О.И. Домбровско-

го) храма “Донаторов” на Эски-Кермене в верхних балки Черкес-Кермен; 5 – план пещерного храма с баптистерием XI–XIII вв. на плато Тепе-Кермен. Составлена А.И. Айбабиным

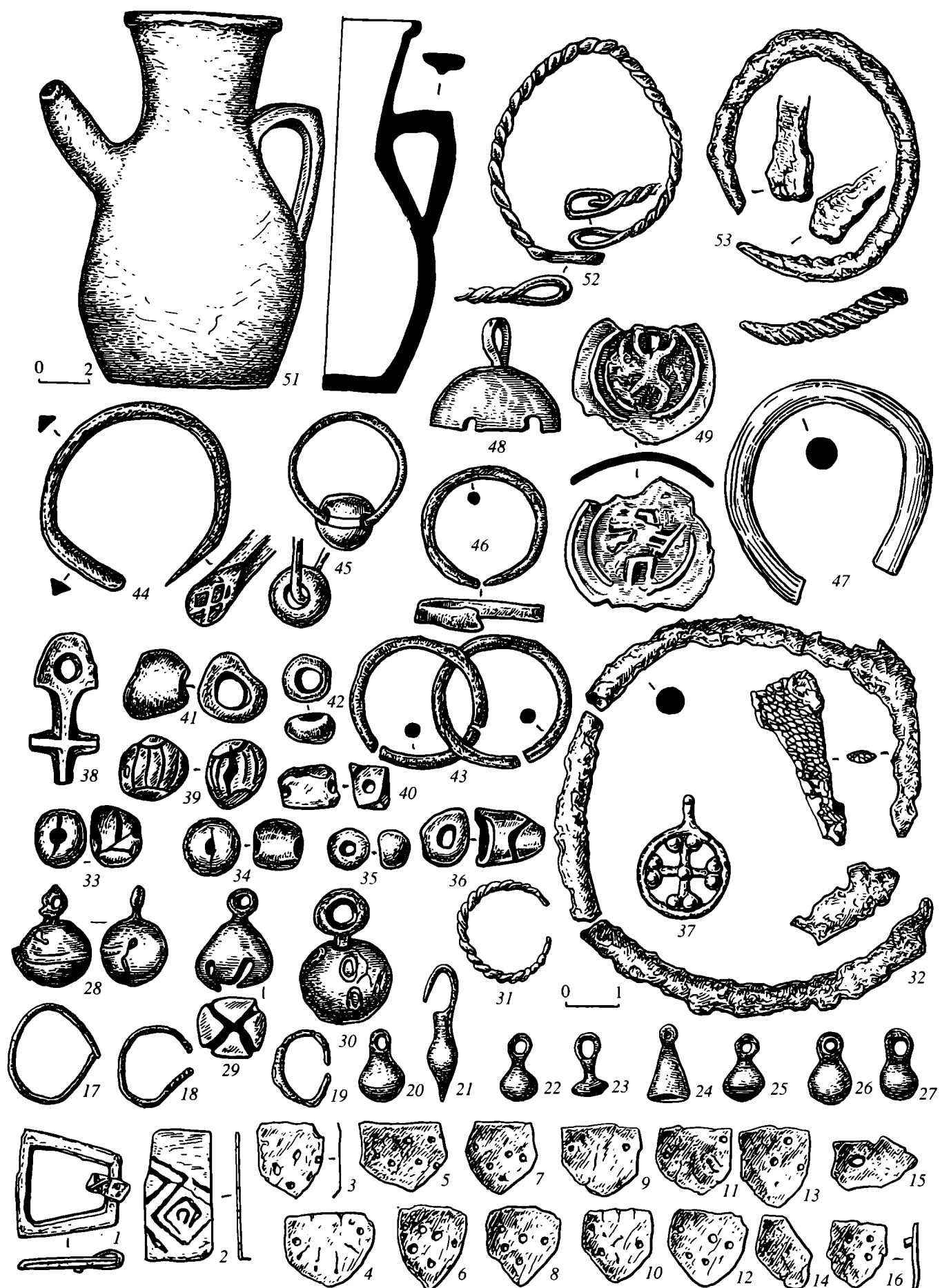
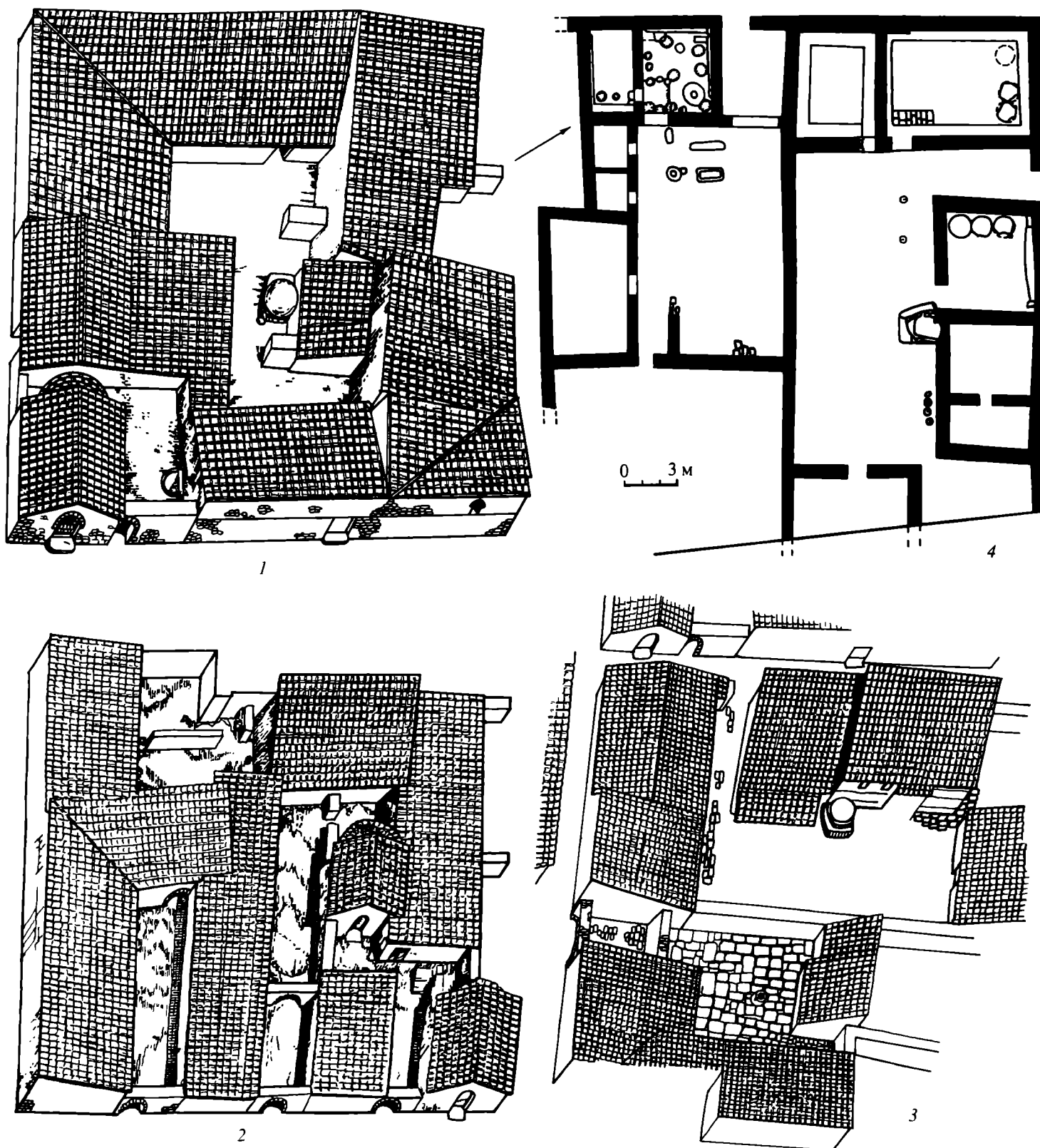

Таблица 55. Инвентарь из погребений X–XII вв.

1–16, 28–30, 32–36, 38–46, 48, 49, 51 – Лучистое (49 – монета Алексея I Комнина (1081–1118)); 17–27, 31, 47, 50 – Эски-Кермен; 37 – Сугдея. Составлена А.И. Айбабиным

Таблица 56. Херсон

1–3 – реконструкции домов: дом священника, постоянный двор, дом пекаря (по: Рыжов С.Г., 1999); 4 – план квартала X–XIII вв. Составлена А.И. Айбабиным

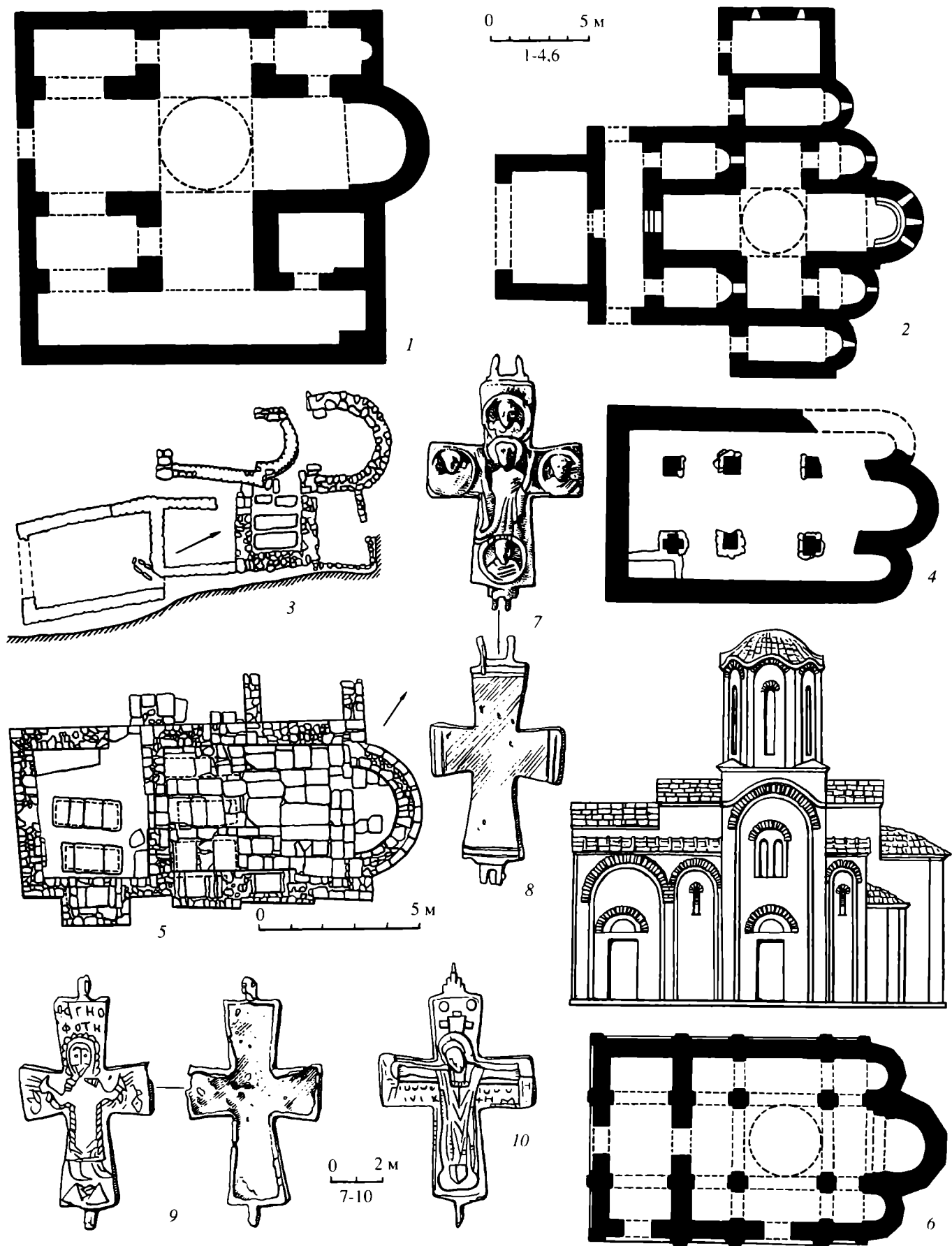

Таблица 57. Христианские памятники Херсона

1 – крестовокупольный храм на акрополе конца XI–XIII вв.; 2 – крестовокупольный пятиапсидный храм конца XI–XIII вв.; 3 – Западный загородный крестообразный храм конца IX–X вв. и поздняя часовня; 4 – крестовокупольный шестистолпный храм № 34 конца XI–XIII вв.; 5 – однефный храм XII–XIII вв. в Портовом

районе; 6 – крестовокупольный четырехстолпный храм № 9 конца XI–XIII вв. и его реконструкция Ю.Г. Лосицкого; 7–10 – бронзовые кресты-энколпионы из помещения XII–первой половины XIII в. Составлена А.И. Айбабиным

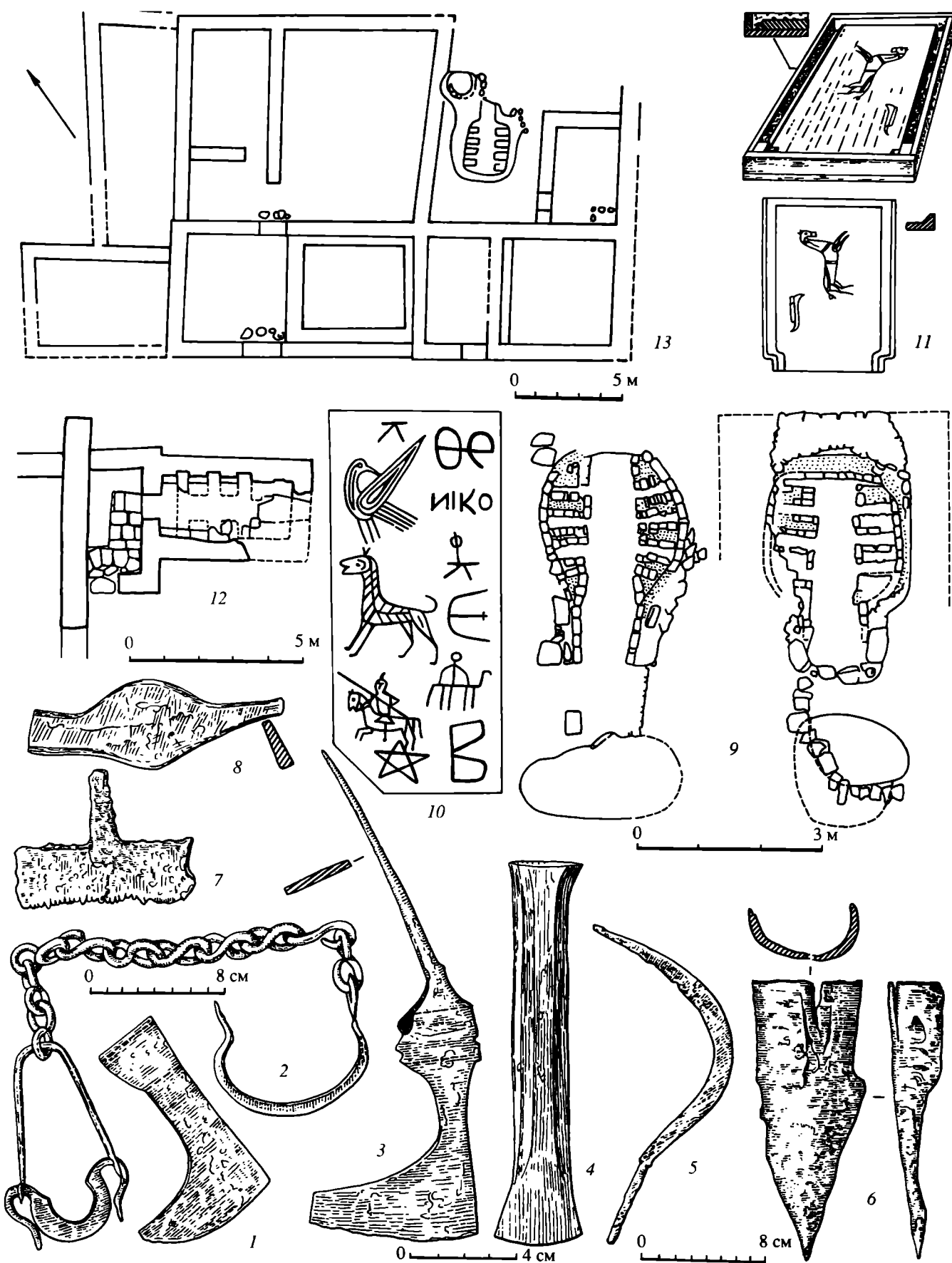

Таблица 58. Жилые, производственные постройки и орудия труда из Херсона

1–8 – железные орудия труда из помещений XII–XIII вв.; 9 – гончарные черепицеобжигательные печи из XVII квартала XII–XIII вв.; 10 – метки на черепице XII–XIII вв.; 11 – реконструкция формы для изготовления черепицы (по: Сидорен-

ко В.А., 1985); 12 – баня во дворе жилого дома в Северном прибрежном районе; 13 – жилой дом XII – 70-х годов XIII в. в XX квартале (по: Калашник Ю.П., 1989). Составлена А.И. Айбабиным

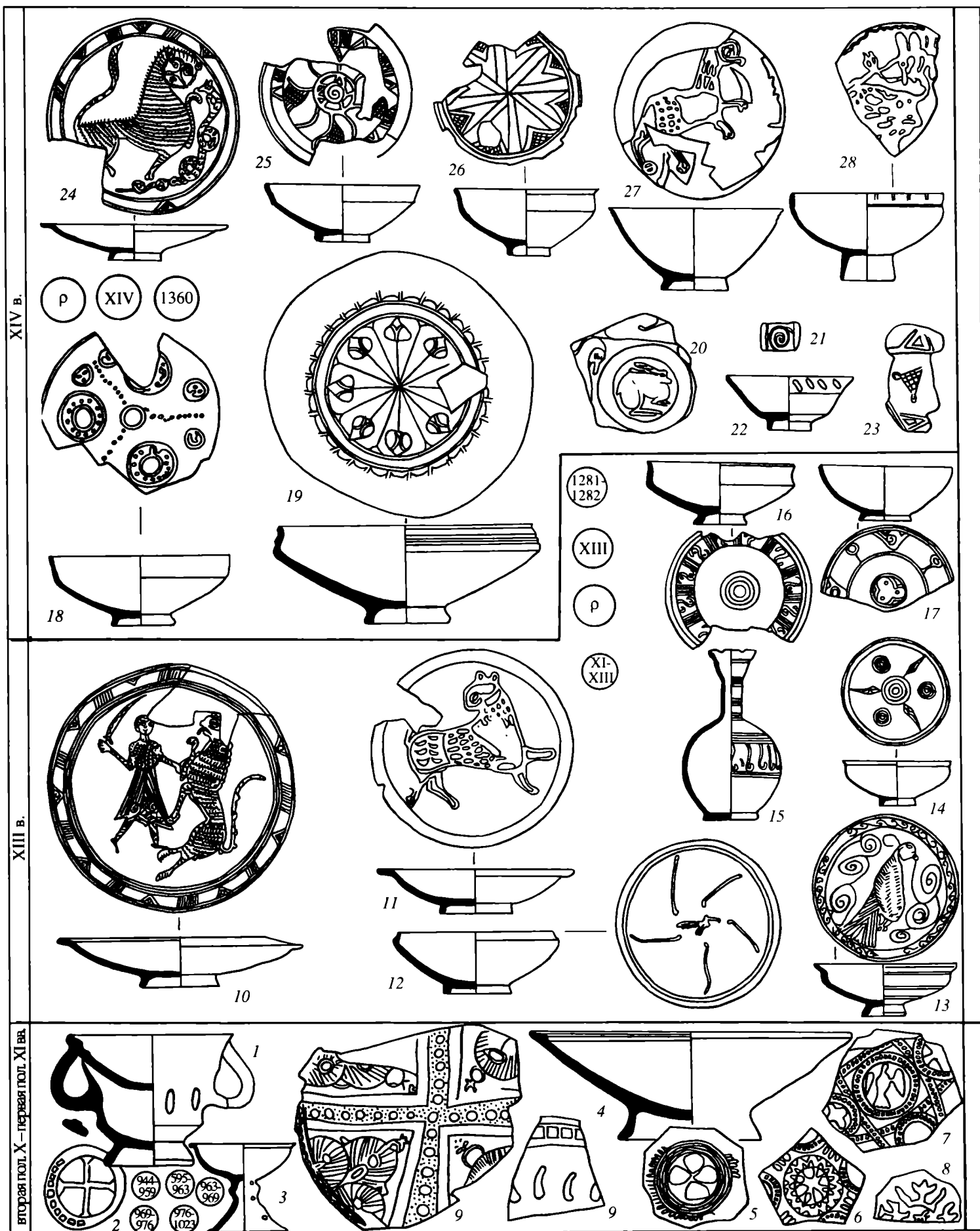

Таблица 59. Поливная керамика Херсона X-XIV вв.

Составлена А.В. Сазановым

Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье

Таманский полуостров

Введение

Рассмотрение археологических памятников и их размещения на Таманском полуострове необходимо начать с анализа и восстановления цельной общей картины исторического ландшафта полуострова в древности и в эпоху средневековья.

Эта тема специально не исследовалась, хотя во многих работах обобщающего или частного характера, касающихся заселения полуострова, начиная с трудов П.С. Палласа и до наших дней, приводятся различные сведения относительно геологии, исторического ландшафта, климатических условий, характера почв, растительности, животного мира, пресноводной и морской фауны региона [Паллас П.С., 1877. С. 230–234; 1883. С. 61–107; *Dubois de Montpereux F.*, 1843. Р. 22–103; Пономчевый М.О., 1891. С. 7–60; Соколов В.В., 1919. С. 39–59; Войцеховский С.Ф., 1929/1930. С. 4–9; Миллер А.А., 1931. С. 26–29; Иессен А.А., Миллер А.А., 1932. С. 58–61; Гайдукевич В.Ф., 1949. С. 16–42, 94–112; Блаватский В.Д., 1958. С. 9–14; 1959. С. 41–48; Соколовский Н.И., 1963. С. 11–25; Кругликова И.Т., 1975. С. 14–23; Паромов Я.М., 1992. С. 35–41; 1992а; 1994. С. 95–118; 1998. С. 217–221; 2000; Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А., 1995. С. 121–137; Волков И.В., 1999. С. 40–61 и др.].

Мнение, что ранее Таманский полуостров представлял собой группу из пяти–шести (или близкого числа) островов, принято почти всеми исследователями. Даже в настоящее время Таманский полуостров состоит из трех больших островов (не считая множества дельтовых), разделенных не большими водными пространствами, а узкими протоками и лиманами. Это обстоятельство способствует его восприятию со стороны (прежде всего с моря) как единого массива земли, а не системы островов [Волков И.В., 1999. С. 41].

В природно-ландшафтном отношении главными чертами, определяющими облик Таманского полуострова, являются равнины с малым уклоном и ровные, широкие долины синклинального происхождения, ориентированные в общем широтном направлении (с запада–юго-запада на восток–северо-восток). Их разделяют также характерные, мягко очерченные и невысокие (до 100–150 м) антиклинальные холмы и гряды, представляющие сглаженные эрозионными процессами потухшие (или

действующие) грязевые вулканы и вулканические цепи, ориентированные в согласии с долинами. Их направление играет ключевую роль в экологии полуострова, так как эти холмы и гряды являются естественным препятствием (правильнее сказать чередой препятствий), своего рода “экраном” для самых неблагоприятных для жизни и хозяйственной деятельности зимних ветровых нагрузок [Золотарев М.И., 1981. С. 144–150; Паромов Я.М., 2000].

Согласно основным исследованиям геологической складчатости Таманского полуострова [Андрусов Н.И., 1900. С. 5–7; 1903. С. 257–364; Шнюков Е.Ф. и др., 1986. С. 20–25], на его территории можно выделить семь главных антиклинальных цепей или гряд и шесть синклинальных понижений равнинного характера (рис. 7). I–I – гряда мысов Каменный-Пекла; II–II – Фонталовская гряда, простирающаяся от горы Куку-Оба на западе до горы Тиздар на востоке; III–III – Ахтанизовская гряда, западной оконечностью уходящая в Таманский залив, горой Сопка – на восточной и высокими береговыми обрывами у станицы Голубицкой; IV–IV – Фанагорийская гряда, открывающаяся юго-западнее Фанагорийского городища невысокими холмами, завершаясь горой Мыска на территории современного Темрюка; V–V – гряда Карабетовки-Кандаура, несомненно, самая примечательная гряда Таманского полуострова. Она протянулась от Керченского пролива до восточной оконечности острова Кандаур, далее понижаясь в дельте Кубани, она вновь поднимается на Кандауре, включая в себя ряд гор и возвышений; VI–VI – гряда мысов Панагия и Железный Рог – горы Камышеватой и горы Нефтяной (к югу от станицы Старотитаровской). Западная оконечность этой гряды, понижающаяся в Черное море, имеет усложненное строение, включающее ряд параллельных и расходящихся под небольшим углом антиклиналей; VII–VII – гряда горы Гирляной (Суяки), пролегающая на незначительном протяжении в юго-восточной части Таманского полуострова.

К шести синклинальным понижениям равнинного характера относятся: 1–1 – широкая полого-склонная долина, пролегающая между грядой I–I на севере и грядой II–II на юге. Она протянулась от основания косы Чушка, поселка Батарейка на за-

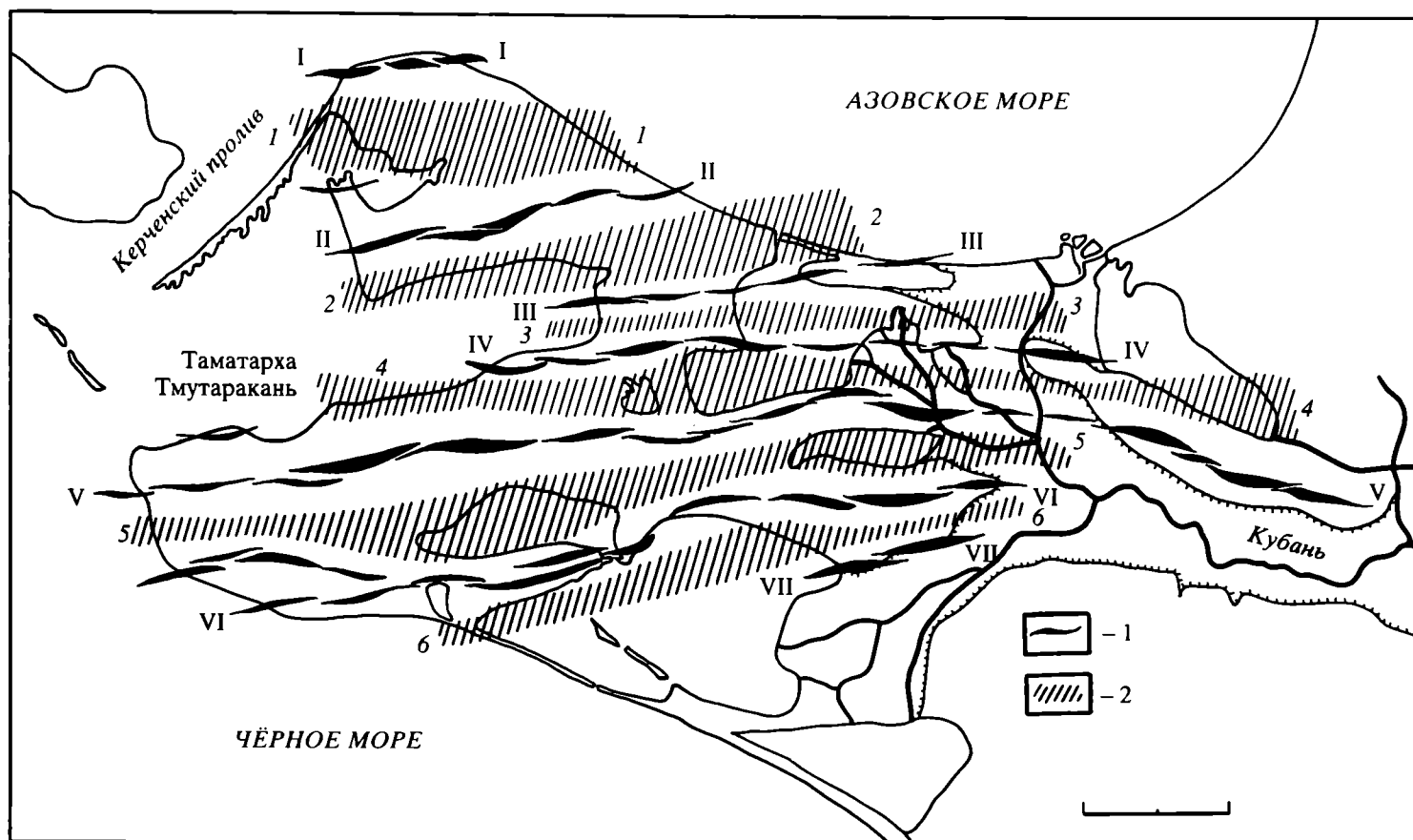

Рис. 7. Схема геологической складчатости Таманского полуострова

Условные обозначения: 1 – антиклинальные цепи; 2 – синклинальные понижения. Составлена Я.М. Паромовым

паде до поселка Кучугуры на востоке; 2–2 – долина между Фонталовской (II–II) и Ахтанизовской (III–III) грядами, протянувшаяся от мыса Рубана на западе до Пересыпского гирла на востоке. По самой низкой ее части еще в XIX в. проходило русло протоки (Субботин Ерик), соединявшей северо-восточный угол Таманского залива с Ахтанизовским лиманом у Пересыпского гирла; 3–3 – сравнительно узкая и короткая долина, пролегающая между Ахтанизовской (III–III) и Фанагорийской (IV–IV) грядами. Она берет начало от юго-восточного угла Таманского залива и проходит до залива Химка (Плавня) Ахтанизовского лимана. Ее продолжением к востоку является низина между Кандауром и Голубицким островом; 4–4 – широкая пологосклонная долина, пролегающая между Фанагорийской грядой (IV–IV) и грядой Карabetовки-Кандаура (V–V), от Шимарданской бухты на западе до осушенного в настоящее время лимана Солёный на востоке. Низкое дно этой долины находится преимущественно под водами Ахтанизовского лимана, проявляясь в восточной части на Кандауре в виде низины, расположенной южнее современного Темрюка; 5–5 – широкая пологосклонная долина значительного протяжения, пролегающая между грядой Карabetовки-Кандаура (V–V) и грядой мысов Панагия, Железный Рог (VI–VI). Эта долина

берет начало от Керченского пролива (на западе), почти целиком охватывает берега лимана Цокур, южные берега Старотитаровского лимана и острова Кандаур (на востоке); 6–6 – долина, охватывающая северо-восточный берег Кизилташского (Кубанского) лимана и пролегающая к востоку до Старого русла Кубани. На западном, наиболее протяженном участке дно этой долины находится под водами Кизилташского и Бугазского лиманов.

Характерной особенностью ландшафта Таманского полуострова являются также развитые овражные системы, отдельные балки и лощины значительного протяжения, ориентированные “поперек” главенствующих гряд, преимущественно в общем меридиональном направлении (на юг или север – в зависимости от склона). Их появление и развитие было связано со скатом ливневых и талых вод с возвышенностей, устья этих балок обращены к морям, заливам и лиманам, куда эти воды стекали. Следует отметить, что стоки, направленные в долины, в древнейшие времена (до греческой колонизации) практически не образовывали промоин, так как гасились почти нулевыми уклонами и плотным растительно-травяным покровом. В настоящее время берега Таманского полуострова во многих местах изрезаны небольшими, часто крутыми балочками. Это молодое оврагообразование в большинстве

случаев является следствием неумеренной распашки прибрежных земель и хозяйственной деятельности еще в античную эпоху (но в особенности – в новейшее время). Древние балки имели особое значение в организации расселения на Таманском полуострове в античности и средневековье.

Размеры Таманского полуострова сравнительно невелики – 85 × 38 км, т.е. около 1200 кв. км. Однако из-за своеобразия рельефа здесь встречаются почти все типы местности, характерные для зоны степей – плакорный или равнинный, склоновый (приречный), останцово-водораздельный, надпойменно-террасовый, пойменный, а также плавневый и лиманный, встречающиеся лишь в причерноморских и приазовских степях, а также в устье Волги [Мильков Ф.Н., 1977. С. 163–166]. Основными определяющими являются прежде всего равнинный и (в меньшей мере) склоновый типы местности. В период, предшествующий греческой колонизации, растительность Таманского полуострова, в полном соответствии с его шириной и ландшафтом, была типично степной, богатой злаковым разнотравьем и ковылями, обладающими развитой корневой системой. Весной степь оживлялась вспышкой цветения тюльпанов, ириса, веснянки, гусяного лука, мятлика, верблюдки, многих видов полыни. В отношении леса Таманский полуостров был, безусловно, значительно богаче степных пространств. Помимо густых пойменных лесов (так называемая урема), заросли деревьев и кустарников покрывали склоны балок, морских берегов и берегов лиманов. В них преобладали ива, акация, ясень, серебристый лох (дикая маслина), терновник, можжевельник, шиповник. По данным исследований местными породами дерева являлись также вяз, тополь, клен [Сокольский Н.И., 1971. С. 26–33].

Таманский полуостров входит в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию мощных и сверхмощных черноземов, где относится к подтипу черноземов южных, формировавшихся под типчково-ковыльной растительностью, известных самым высоким плодородием на территории России [Афанасьева Т.В. и др., 1979. С. 239–241]. Следует отметить, что на территории самого полуострова наиболее плодородные земли находятся в рассмотренных выше долинах и понижениях равнинного характера. Их отображение на аэрофотосъемках представляет собой темные зоны, цвет которых обусловлен многовековыми накоплениями гумуса и большей относительной увлажненностью почв.

Древние свидетельства о климате Северного Причерноморья весьма противоречивы, иногда – просто противоположны. В настоящее время принято считать, что в течение всего четвертичного периода (вплоть до наших дней) климаты различных областей не претерпели существенных изменений (ес-

ли не учитывать некоторых ритмических колебаний). В этот период климат степной зоны юга России, куда входит и Таманский полуостров, характеризуется как континентальный, по количеству тепла, солнечного света и годовой сумме осадков вполне пригодный для выращивания зерновых (прежде всего пшеницы и ячменя) и бобовых культур, теплолюбивых фруктов и овощей, а также винограда. Обобщенно считается, что зона степей недостаточно увлажняется в течение года, однако земли Таманского полуострова, практически со всех сторон окруженные водными пространствами, находились с этой точки зрения в самых благоприятных относительно других степных регионов условиях.

В древности животный мир, а также морская и пресноводная фауна Таманского полуострова отличались большим разнообразием [Марков К.К. и др., 1965]. В исторически обозримое время фауна Таманского полуострова насчитывала около тысячи видов различных представителей, включая обитателей вод. Практически до настоящего времени здесь сохранились волк, лисица, степной хорь, заяц, сурок, суслик, тушканчик, еж, кабан и дикая свинья (крупные млекопитающие – прежде всего копытные – были уничтожены в новое время). Из гнездящихся птиц более всего многочисленны цапли (серая и белая), журавль, лебедь, кулики, куропатка, жаворонок, коростель, перепел, стрепет, дрофа, угод, сизоворонка, горлица, ястреб, степной орел, степной лунь, сова. Весной и осенью лиманы и заливы становятся пристанищем большого количества различных видов пролетных птиц. Однако наибольшую ценность и интерес с древнейших времен представляла рыба, в особенности – проходная: осетр, белуга, севрюга, шип, сельдь и хамса. В большом количестве здесь ловится также кефаль, султанка, камбала, бычок; в кубанских плавнях – лещ, сом, щука, жерех, окунь, судак, стерлядь. Морские отмели богаты съедобными моллюсками – устрицами, мидиями и др., створками которых подчас завалены хозяйственные ямы-помойки античного и средневекового времени.

Начало освоения земель Таманского полуострова относится ко времени позднего энеолита. За время обитания здесь человека по данным археологии, а также письменных и других источников могут быть выделены три периода максимального освоения территории нынешнего Таманского полуострова (исключая новейшее время).

Это – эпоха ранней и средней бронзы (конец IV – начало II тыс. до н.э.), античное время (середина VI в. до н.э. – конец IV в. н.э.), а также раннее и развитое средневековье (хазарское и тмутараканское время, VIII–XI вв.). Все периоды имели одну общую черту – в каждый из них освоение региона носило практически сплошной характер, однако по типу хозяйственной деятельности, ее

интенсивности и влиянию на ландшафт они различались. Скотоводство эпохи ранней и средней бронзы не влекло заметных изменений в окружающей среде. Кроме того, согласно общепринятым взглядам, период поздней бронзы – раннего железа (вторая четверть II – первая треть I тыс. до н.э.) здесь, как и во всем степном поясе Северного Кавказа, был временем упадка хозяйственной деятельности древних племен. Иными словами, к началу греческой колонизации (середина VI в. до н.э.) ландшафт Таманского полуострова продолжал оставаться степным.

Возникновение здесь за исторически краткий промежуток времени античной системы расселения, основанной на греческом землепользовании, агротехнике и культуре, целиком изменило картину. Распашка земельных наделов, занявших около 50% всей территории полуострова, возникновение ряда больших и малых для своего времени городов (Фанагория, Гермонасса, Кепы, Патрей и др.), основание около 230 сельских поселений, устройство некрополей и святилищ, создание развитой системы дорог, строительство плотин, водоемов, портов и переправ, значительное сведение лесов и кустарников преобразили ландшафт. Это привело к созданию нового ландшафта, который может быть охарактеризован как “рукотворный” или, по современной терминологии – антропогенный, сельскохозяйственный.

Начало гибели античной системы расселения на Таманском полуострове было связано с общей для всего Северного Причерноморья дестабилизацией обстановки и нашествиями варварских племен, составляющих разноэтничные объединения, во главе которых, согласно письменным источникам, стояли готские племена, иницировавшие в середине и третьей четверти III в. н.э. целую череду разрушительных войн и грабительских походов [Пиоро И.С., 1990. С. 36–41; Лавров В.В., 1997. С. 8]. В результате в различных частях Таманского полуострова (и на развалинах античных городов) жизнь продолжалась лишь в 22–25 пунктах. Почти все они являлись разрозненными очагами античных традиций и культуры, существуя уже в новых исторических условиях – на окраине путей великого переселения народов и на окраине Византийской империи одновременно, и располагались обычно на берегу моря или у древних дорог. За период более чем трехсотлетнего запустения (конец IV – начало VIII в.) ландшафт Таманского полуострова по своему облику, вероятно, снова приблизился к степному.

В хазарское и тмутараканское время (VIII–XI вв.) картина изменилась. Носителями новой для этого региона салтово-маяцкой культуры были возрождены два города-порта с ремеслами и торговлей [Таматарха-Тмутаракань – на месте бывшей Гермонассы и Фанагория, сохранившая свое название], ими

же было основано около 80 поселений, свободно расположенных на всей территории Таманского полуострова [Паромов Я.М., 1992. С. 61–65; Плетнева С.А., 1967. С. 48–50, 63–65; 1981. С. 14–17; 1999. С. 138–150]. Следует отметить, что новая система расселения по характеру землепользования существенно отличалась от античной: примерно втрое сократилась “поселенческая нагрузка” на ландшафт, а, следовательно, как минимум втрое уменьшились распаханная площадь. Скорее всего, это связано с тем, что в античное время земледелие было абсолютной основой хозяйства. Скотоводство играло лишь вспомогательную роль. В средневековое время скотоводство играло иную, более самостоятельную и значительную роль и временами даже преобладало над земледелием.

Говоря о новой, средневековой системе расселения на Таманском полуострове, необходимо отметить характерную особенность в размещении поселений. Из общего числа (около 80) только семь поселений были основаны на новом месте. На первый взгляд это вызывает удивление. При полной свободе выбора, на землях, пустовавших более трехсот лет, подавляющее количество новых поселений снова расположилось на обжитых еще в античное время местах. Почему? Едва ли это можно объяснить абстрактной тягой к чужому пепелищу. Логично предположить, что античные поселения были основаны в местах, наиболее пригодных для жизни, удобных для хозяйственной деятельности (прежде всего – земледелия), а также выгодных для сообщения и обмена. Поэтому и новых поселенцев эти места притягивали к себе в силу своих природных условий и свойств.

Классическая наука о расселении рассматривает поселения как узлы в сети бесконечного количества случайных перемещений (или дорог), закрепившие места наиболее повторяющихся их пересечений [Хаггетт П., 1968. С. 111–141]. Это высказывание справедливо для медленного (эволюционного) развития системы расселения. На Таманском полуострове в оба рассматриваемые периода (античный и средневековый) мы имеем дело со стремительным, почти внезапным появлением развитых систем расселения, происходившим в очень сжатые исторические сроки, что свидетельствует о целенаправленном успешном выборе мест для поселений, прежде всего в античное время. Для понимания и объяснения этого феномена необходимо взглянуть глазами древних авторов на те условия, которым должно соответствовать место для нового города или поселения, и оценить их применительно к ландшафту Таманского полуострова.

Так, Аристотель и другие античные авторы, в частности Фалес Милетский и Витрувий, говоря о местоположении города, подчеркивали, что выбираемое для него место должно, во-первых, “благо-

приятствовать здоровью жителей”, во-вторых, оно должно быть расположено на берегу моря (или в близости от него) и быть центром окружающей его территории, в-третьих, необходим удобный подъезд к нему для подвоза продуктов и всяких материалов для обеспечения ремесленных производств, в-четвертых, город всегда должен быть в изобилии снабжен водой.

На полуострове этим требованиям наиболее соответствовали два города – Фанагория и Гермонасса (Таматарха, Тмутаракань), при главенствующей роли Фанагории в античное время и Таматархи-Тмутаракани – в средневековье [Паромов Я.М., 1998. С. 219].

Что касается запасов воды, то практически на Таманском полуострове они были неисчерпаемы. Прежде всего это были воды Кубани и лиманов. Значительными по объему были также грунтовые воды. Геологическое строение Таманского полуострова таково, что над Киммерийским и Куяльницким ярусами среднего плиоцена здесь залегает толща песчаных отложений верхнего плиоцена, чередующихся с глинистыми прослойками. Эта свита достигает большой мощности, состоит из желтых и белых песков и покрывает практически весь полуостров. Она выстилает синклинальные понижения, поднимаясь на скаты антиклинальных гряд, но не перекрывает их (это свидетельствует о том, что в эпоху среднего плиоцена антиклинали на Таманском полуострове выдвинулись из моря в виде островов). Особенного развития достигают эти пески у станицы Тамань и в районе восточного окончания Таманского залива [Андрусов Н.И., 1903. С. 352–361; Шнюков Е.Ф. и др., 1986. С. 25]. Сверху они накрыты покрывалом четвертичных отложений различной (иногда значительной) мощности, состоящих преимущественно из лесса, лессовидных суглинков и глин. Эти пески представляют собой прекрасный водоносный горизонт. В местах его выхода на поверхность, отмеченных выше, были расположены античные и средневековые города Гермонасса (Таматарха, Тмутаракань), Фанагория, Кепы, поселение Фонталовское 1, расположенное в центре северо-западной части Таманского полуострова, и ряд других.

Мощность этого водоносного горизонта была такова, что практически в любой части Таманского полуострова (исключая, разумеется, холмы и гряды) колодезным способом можно было в достатке получить хорошую питьевую воду. Для поселений, удаленных от берегов рек, а также для поселений, расположенных на морских берегах, этот горизонт служил надежным источником пресной воды. Усло-

виями его залегания и распространения была продиктована одна из основных закономерностей в размещении поселений – они практически не переступали его границ, не поднимаясь на возвышенности и не выходя за его пределы, располагаясь на равнинных частях полуострова. Исключение составляли несколько небольших поселений, имевших специфические маячно-сторожевые функции. Они находились на вершинах холмов.

Еще одной закономерностью, которую следует отметить, была постановка поселений на балках, протянувшихся от подножий холмов и гряд к лиманам и заливам. Причем поселения размещались и в верховьях балок, и в средней их части, и при устье. Очевидно, это было связано прежде всего с удобством создания искусственных прудов-водоемов – одного, двух или целого каскада. Но, кроме того, балки и овраги, в особенности разветвленные, с прудами и купами деревьев, отгораживали поселение от поля, как бы обособляли и защищали его, не изымая при этом из окружения, а создавая особую красоту рукотворного ландшафта.

На полуострове в таких природных условиях обнаружено несколько десятков поселений. Следует добавить, что нередко даже на поселениях, которые расположены в широких и ровных долинах, создавались искусственные водоемы – пруды. Их следы в виде округлых впадин заметны до сих пор на поверхности и служат верным признаком присутствия где-то рядом остатков древнего жилья.

Большую роль в выборе места для поселения играл ландшафт, т.е. пространство, открытость, свобода расположения, воздух. Вполне рационально, с учетом особенностей ландшафта, размещались как античные, так и средневековые поселения.

Таким образом, сравнение схемы ландшафтно-геологической складчатости Таманского полуострова и схемы селитебных зон наглядно свидетельствует, что руководящим фактором в выборе мест для поселений являлось расположение их в пределах синклинальных равнин и их крыльев, примыкающих к холмам и грядам.

Очевидно, что значительное количество обнаруженных на территории Таманского полуострова поселений объясняется прежде всего исключительно благоприятными условиями для жизнедеятельности человека в этом сравнительно небольшом регионе. Обеспеченные природой всем необходимым люди с древнейших времен активно осваивали здесь удобные и красивые долины и плавно поднимающиеся от них склоны холмов и небольших гор.

Памятники ранневизантийской эпохи (IV–VII вв.)

Историографический очерк

Задача всестороннего изучения древностей Таманского полуострова впервые была поставлена А.А. Миллером в программе экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. [Миллер А.А., 1931]. Предварительные итоги разведок, проводившихся А.А. Иессеном, изложены в кратких публикациях [Иессен А.А., Миллер А.А., 1932; Миллер А.А., 1932] и отражены на четырех планах полуострова с отдельным обозначением памятников от эпохи бронзы до турецко-татарского времени [Архив ИИМК. Р-1. № 160. Инв. 1303–1306]. Однако исследования были прерваны и не возобновлялись почти столетия.

Интенсивное строительство и землеустройство, а также плантажная распашка полей настоятельно требовали создания уточненной археологической карты региона, которая и была разработана в ИА РАН в 1980-е годы на новой методической основе с привлечением к полевым исследованиям аэрофотосъемок и современных топографических карт [Паромов Я.М., 1992]. Помимо поселений античного и средневекового времени, курганов и грунтовых могильников, в эту работу как новый тип памятников были включены следы главнейших древних дорог [Паромов Я.М., 1998].

Наиболее массовым датирующим материалом средневековых поселений являются фрагменты амфор. Типологии и эволюции средневековых амфор Северного Причерноморья посвящен ряд работ [Якобсон А.Л., 1951; 1954; 1979; Зеест И.Б., 1960; Антонова И.А. и др., 1971; Кузманов Г., 1985; Сазанов А.В., 1989; 2000; Абрамов А.П., 1993; Волков И.В., 1992; 1996; Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999]. В настоящее время можно уверенно говорить о том, что современная степень исследованности этого материала позволяет достаточно надежно датировать средневековые памятники, разделив их на три периода: ранневизантийский (V–VII вв.), хазарский (VIII – начало X в.), тмутараканский и домонгольский (вторая половина X – начало XIII в.).

Данную главу о ранневизантийском периоде на территории Таманского полуострова необходимо начать с краткой оценки предшествующего времени. Еще сравнительно недавно общепринятым было мнение, что разрушение и гибель Боспорского царства стали главным образом следствием гуннского нашествия в конце IV в. н.э. Однако современные исследования дают иную картину. Период с середины III до конца IV в. н.э. для античной сис-

темы расселения на Таманском полуострове стал временем подлинной катастрофы. Она была связана прежде всего с целой чередой нашествий варварских племен, составлявших разнородные объединения, во главе которых, согласно письменным источникам, стояли готские племена [Пиоро И.С., 1990. С. 36–41; Лавров В.В., 1997. С. 8]. Следствием этих событий было прекращение жизни на большинстве сельских поселений.

Число поселений на Таманском полуострове в IV в. н.э. уменьшилось более чем в четыре раза – со 128, существовавших здесь в середине I – середине III в. н.э., до 31 [Паромов Я.М., 1994. С. 13]. Согласно общей закономерности, опустели прежде всего малые и средние по размерам поселения. Однако и большие поселения значительно изменились, приблизившись по размерам к малым и средним. Разрушения происходили неравномерно: опустошениям подверглись восточные и юго-восточные части полуострова. Наибольшее число поселений (четырнадцать) осталось в северо-западной части Таманского полуострова.

Представляется очевидным, что опустошения, затронувшие прежде всего восточную часть полуострова, свидетельствуют о направлении разрушительных сил из Юго-Восточного Приазовья, а группировка сохранившихся поселений – об ослаблении и частичном разрыве внутренних экономических связей и коммуникаций на полуострове. Однако все эти изменения, несмотря на их катастрофический характер, еще не были полным разрушением античной системы расселения на Таманском полуострове. Жизнь сохранилась в городах и на поселениях, занимавших ключевые или узловые позиции на водных путях и древних дорогах, что можно расценивать как возможность (при благоприятных условиях) ее полнокровного возрождения. Но реальные условия были неблагоприятными, и после гуннского нашествия на территории полуострова осталось еще меньше поселений. Античная система расселения на Таманском полуострове практически перестала существовать.

В ранневизантийский период (V–VII вв.) в рассматриваемом регионе насчитывается 26 поселений (рис. 8), включая Гермонассу, Фанагорию и Кепы, в то время, вероятно, уже не являвшиеся городами в том смысле, в каком они были ими в античный период. Помимо сокращения числа по-

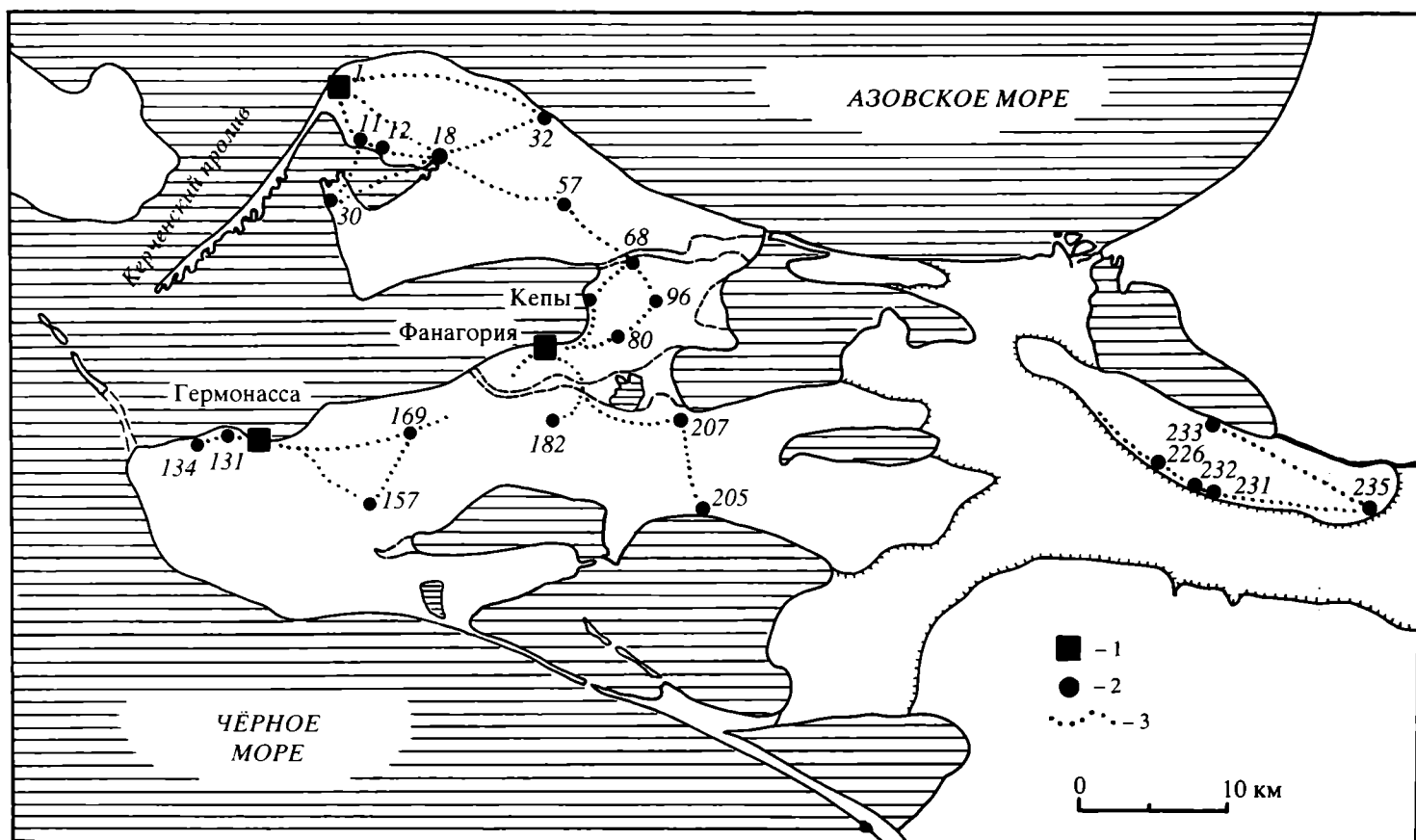

Рис. 8. Поселения византийского периода V–VII вв.

Условные обозначения: 1 – города; 2 – поселения; 3 – дороги. Составлена Я.М. Паромовым

селений, произошли также заметные изменения в их размещении. По месту расположения явно выделяются четыре группы поселений: 1) округа Гермонассы, находившаяся в юго-западной части полуострова и состоявшая из пяти поселений, включая саму Гермонассу; 2) округа Фанагории и Кеп – в центральной части полуострова, состояв-

шая из десяти поселений вместе с упомянутыми городами; 3) округа Ильичевского городища (1)*, находившаяся на крайней северо-западной части полуострова и состоявшая из шести поселений; 4) совершенно обособленная группа из пяти поселений, находившихся в восточной части полуострова, на Кандауре.

Ильичевское городище и поселения его округи

Памятники этой группы являются наиболее исследованными. Все они первоначально рассматривались как античные крепости и поселения. Материалы ранневизантийского времени были выявлены на них впоследствии [Сазанов А.В., 1989].

Исключением является **Ильичевское городище (1)**, ставшее эталонным памятником этого периода на Таманском полуострове (табл. 60). Оно исследовалось Д.Б. Шеловым, Н.И. Сокольским и Э.Я. Николаевой [Шелов Д.Б., 1951; Сокольский Н.И., 1966; Николаева Э.Я., 1978; 1981; 1983; 1984; 1991]. Памятник представляет остатки большого античного поселения и крепости-“батарейки”, окруженной земляными валами. В конце

IV в. н.э. на месте погибшей еще в римское время крепости была выстроена новая.

Крепость ранневизантийского времени представляла собой внешний пояс оборонительных башен и стен, к которым изнутри были пристроены жилые – казарменного типа, а также хозяйственные и производственные помещения. Площадь почти прямоугольной в плане крепости составляла около 3 тыс. кв. м. Ее стены и башни возводились из сырцового кирпича на каменных фундаментах-цоколях, в кладке которых зачастую использовались из-

* Цифра в скобках обозначает порядковый номер памятника на археологической карте Таманского полуострова [Паромов Я.М., 1992].

вестняковые надгробия I–II вв. н.э. [КБН. № 1023–1035]. В ранний период она имела не один пояс внутренних помещений. Их наружные стены целиком были сложены из камня, а стены-перегородки были каменными лишь в нижней части. Помещения имели вторые – жилые этажи. Их крыши были и камышовыми, и черепичными, собранными из черепицы различного времени. Окна были остеклены. Из нижних заглубленных и преимущественно хозяйственных помещений каменные ступени вели в замощенный двор, обнесенный навесом на деревянных столбах. Во дворе были устроены водостоки, цистерна для сбора воды и вкопаны пифосы для соления рыбы, накрытые каменными крышками, и для запаса воды. Внутреннее пространство крепости использовалось с максимальной экономией. Кроме “нижнего”, существовал также “верхний двор”, соединявшийся с “нижним” крытым переходом. Главные ворота с привратной башней и замощенным въездом находились с южной стороны. За ними, в юго-восточном углу крепости открыта “мастерская стеклодува”, представлявшая отдельный дом из шести помещений, с небольшим замощенным двором, где находилась цистерна. Два помещения были производственными, два – жилыми, одно – комнатой привратника, лавкой и мастерской по ремонту керамической посуды, последнее, вероятно, – хозяйственным.

В северо-восточном углу крепости исследован дом “начальника гарнизона” и крытый переход, выведивший к калитке в стене, через которую можно было попасть в небольшой поселок, находившийся за ее стенами. Границами поселка были старые валы, в рассматриваемое время превращенные в свалку. Площадь его составляла около 8 га. На южной окраине исследована винодельня V в. н.э., имевшая рычажно-винтовой пресс.

Коллекцию находок из ранневизантийского слоя памятника можно считать эталонной в изучении материальной культуры Тамани V – середины VI в. Для датировки ключевое значение имеют ряд типов краснолаковой и стеклянной посуды, а также украшения из металлов. Моду первой половины или середины V в. отражает сочетание двупластинчатых фибул из помещения XXVIII (табл. 61: 55–56) [Амброз А.К., 1966; Gavritukhin I., 2003]. Общепризнанные даты крупной прогнутой подвязной фибулы, броши – цикады, подвески “палица Геракла” и сосудов с налечами синего стекла не выходят за рамки конца IV–V в. (табл. 61: 54, 53, 44, 43) [Kazanski M., Périn P., 1998. С. 20–21; Werner J., 1964; Гавритухин И.О., 2000. С. 268–273]. Те же хронологические рамки предложены рядом специалистов для краснолаковой керамики “понтийской” группы (табл. 61: 45–47) [Атавин А.Г., 1993. С. 155]. Для второй половины V в. характерны некоторые формы и клейма “фокейской” краснола-

ковой керамики (табл. 61: 48–50, 42) [Hayes J.W., 1972]. Накладка со вставками (табл. 61: 52) напоминает как боспорские височные подвески первой половины V в., так и броши, появившиеся на Северо-Западе Кавказа в последние десятилетия V в. [Айбабин А.И., Хайрединова З.А., 1998. С. 309; Прокопенко Ю.А., 2001]. Встречаются формы и клейма “фокейской” краснолаковой керамики, характерные для памятников второй половины V – первых десятилетий VI в. (табл. 61: 38–40), но основная масса такой посуды представлена образцами, типичными для VI в. (табл. 61: 16–21, 26–28, 31, 32, 37), а в небольшом количестве присутствуют и формы, появление которых относится к третьей четверти VI в. (табл. 61: 10–13) [Hayes J.W., 1972; Сазанов А.В., 1994; 2000]. Есть и миски, форма которых сопоставима с краснолаковой посудой “африканской” группы (табл. 61: 14, 15, 25, 35). Их датировка укладывается в рамки VI в. Подвязная фибула (табл. 61: 23) относится к “византийской” группе, бытующей в VI в. “Птицеголова” накладка (табл. 61: 24) сопоставима с образцами боспорского ремесла VI в. [Айбабин А.И., 1990. Рис. 39, 5; 15, 1–2]. Состав датирующих находок и позднейшие монеты из “клада 1975 г.”, представленные византийскими солидами, чеканенными между 538 и 565 гг., позволяет связывать гибель крепости с тюркютским вторжением 576 г.

Перечисленные хронологические реперы дают возможность для датировки других категорий находок. Кроме импортной краснолаковой керамики столовая посуда представлена рядом других групп. Таковы лощеные блюда бежевого или серого цвета, украшенные врезным или пролощенным орнаментом (табл. 63: 35, 36, 46, 47), простые миски с коническими стенками (табл. 62: 24; 63: 40). Ойнохон, кувшины, кружки очень разнообразны по форме и пропорциям, орнаментации и технологии (табл. 63: 25, 26, 28–30, 32–34, 37–45; 62: 17–23). Среди них присутствуют как высокохудожественные импортные образцы, так и сделанные на месте или привезенные из ближайших центров. Разнообразны керамические вазы (табл. 62: 10–12). Кухонная посуда представлена кастрюлями, сделанными в античной традиции (табл. 62: 70–74) и, вероятно, близкими по функции лепными сосудами (табл. 62: 76, 78), сковородами, различными лепными мисками (табл. 62: 60–64, 77). Многочисленны лепные горшки (табл. 62: 25–32, 79–85), как правило, не орнаментированные, часто с одной, реже – с двумя ручками. Лепная керамика, большей частью фрагментированная, составляет в некоторых помещениях до половины образцов керамических изделий.

Среди тарной керамики выделяются амфоры (более 100 целых и реконструированных форм), корчаги, пифосы (табл. 62: 43–50, 86–100; 63: 48–59). К керамическим изделиям относятся

также импортные и местные светильники (табл. 62: 13–15; 63: 22–24, 27, 31). Среди посуды из стекла преобладают рюмки, не редки маленькие кувшинчики, встречаются чаши, бутылки, в том числе крупные со срезанным краем и маленькие с утолщенным венчиком, есть тонкостенные стаканы или кубки, фрагменты трехручных “светильников”, обломок стеклянной тарелки (табл. 62: 1–5; 63: 1–12; 61: 43). Многочисленными обломками представлено оконное стекло округлой и прямоугольной формы. Две круглые стеклянные пластины, диаметром 5 и 6 см, Э.Я. Николаева считает связанными с ремеслом стеклодува [Николаева Э.Я., 1991].

К украшениям относятся широко распространенные на юго-востоке Европы в V–VII вв. серьги с полиэдрическим окончанием (табл. 61: 60, 66) [Гавритухин И.О., 2000. С. 279]. Представлены и калачевидные серьги V–VII вв. (табл. 61: 67), основная зона концентрации которых приходится на Северный Кавказ [Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. С. 66]. Ближайшие аналогии фибулам, брошам, пряжкам, накладкам с вставками, используемым как подвески колокольчикам [Айбабин А.И., 1999. С. 157, 160] (табл. 61: 23, 24, 53–59, 68, 73–75), есть в Крыму и на Кавказе. Подвески или нашивки в виде человечка (табл. 61: 72) традиционно считают амулетами, а распространены они от Центрального Кавказа до Южного Крыма [Шелов Д.Б., 1978. С. 87; Амброс А.К., 1992. С. 84; Ковалевская В.Б., 1995]. Учитывая, что на Ильичевке их найдено не менее пяти штук, и многочисленные находки в Керчи, основной зоной концентрации этих вещей следует считать Боспор.

Предметы туалета представлены зеркалами, обычными для Северо-Восточного Причерноморья, и разнообразными пинцетами (табл. 61: 61, 69, 70).

Основная масса находок, происходящих из слоя пожара и завалов в помещениях крепости, относится к VI в. (не позднее его третьей четверти). Эта дата подтверждается также позднейшими монетами “клада 1975 г.” чекана 538 и 565 гг. Очевидно, разрушение крепости следует связывать с вторгшимися в 576 г. на Боспор тюркютами.

Стратегически важное положение крепости подразумевает, что она имела гарнизон, костяк которого, скорее всего, составляли профессиональные военные. Этому не противоречит то, что какая-то часть солдат в свободное от службы время могла заниматься ремеслами или сельским хозяйством. Находки в ряде помещений следов домашнего ткачества и костяных трубочек (табл. 62: 34, 35), являвшихся, по интерпретации Э.Я. Николаевой на основе кавказских этнографических параллелей, деталями люлек, свидетельствует о наличии в гарнизоне семей, что обычно для позднеримского Лима и вполне могло иметь место на Боспоре. Най-

денные на городище обломки простых кольчатых удил, железных и костяной псалий (табл. 62: 56) подпружных пряжек свидетельствует о том, что гарнизон включал отряд всадников. На вооружении состояли сложные рефлексивные луки, костяные накладки на которые (табл. 62: 54, 55) найдены в нескольких местах, копья, мечи, кинжалы, к сожалению, дошедшие до нас в обломках. Как и на других памятниках этого времени, в Ильичевке найдены железные трехлопастные и костяные наконечники стрел и дротиков (табл. 62: 52, 53, 57), правда, не исключено, что часть из них отражает вооружение нападавших, а небольшие бронзовые трехлопастные стрелы связаны с более ранними напластованиями памятника. Редчайшей является находка деталей наборного шлема с плюмажем (табл. 62: 51), аналоги ему известны в Керчи, а схожие вещи использовались как в византийской армии, так и в разных частях Азии, в том числе и кочевниками [Werner J., 1974; Николаева Э.Я., 1986]. Крепость идентифицируется Э.Я. Николаевой с Трапезунтой, названной Иорданом в числе нескольких городов Понтийского побережья [Иордан, 1960. С. 71]. Главной задачей ее гарнизона была охрана границ Империи.

Хозяйственную сторону жизни поселения характеризуют находки зерна и бобовых культур (пшеницы, ячменя, проса, гороха, чечевицы), винограда, яблок, грецких орехов; орудия труда – железные лемехи, серпы, косы, простые и “виноградарские” ножи (табл. 62: 65–69), инструменты и приспособления для плотницких и столярных работ, стеклодувного дела, бронзолитейного и ювелирного производства, косторезного и кожевенного ремесла, домашнего ткачества и прядения, рыбной ловли [Николаева Э.Я., 1984. С. 16–21].

Для датировки и осмысления памятника, кроме вещевого комплекса, большое значение имели монеты, найденные в трех кладах. Они содержали по преимуществу статеры последних боспорских царей (более 200 экземпляров), однако датировались несколькими золотыми солидами Юстиниана I (538–565), что говорит и о времени сокрытия кладов, и о долгом периоде обращения позднебоспорской монеты [Николаева Э.Я., 1976. С. 142; Фролова Н.А., Николаева Э.Я., 1978; Фролова Н.А. 1998. С. 248].

По данным аэрофотосъемок 1958, 1970 гг. прилегающая к поселению с восточной стороны территория в античное и средневековое время была размежевана. Анализ аэрофотоснимков показывает наложение одной на другую двух близких по характеру межевых систем, относящихся, вероятно, к римскому и ранневизантийскому периодам. Вблизи, а также на значительном удалении от крепости в микрорельефе хорошо различимы пологие лощины – следы трех древних дорог, уходивших в восточном направлении к поселению Кучугуры 1

(32), юго-восточном – к поселению Красноармейский 1 (18) и южном – к поселению Батарейка 1 (11) [Паромов Я.М., 1998. С. 217–221; 2000. С. 314].

Если материалы Ильичевского городища (1) отличаются большим разнообразием, то находки на памятниках его окружи заметно скромнее (табл. 64), что объясняется различным характером и значением (рангом) самих памятников, а также степенью их сохранности и исследованности. Для четырех памятников этой группы – Ильичевского городища (1), Батарейки 1 (11), Батарейки 2 (12) и Красноармейской Батарейки (18) – А.В. Сазановым выделен устойчивый комплекс датирующих материалов (признаков) конца IV – первой четверти VI в. н.э., включающий узкогорлые светлоглиняные амфоры, большие красноглиняные амфоры и краснолаковые миски группы “Поздний римский С” [Сазанов А.В., 1989. С. 45–56]. Эти материалы присутствуют также на поселениях Береговой 3. Каменная Батарейка (30) и Кучугуры 1 (32). Кроме того, для рассматриваемого времени на всех упомянутых памятниках характерными (почти обязательными) являются находки лепных округлых горшков с ручками, открытых светильников в форме “лодочки” и открытых светильников на высоких ножках в виде “подсвечников”.

В 4 км к юго-юго-востоку от Ильичевского городища (1) находится поселение Батарейка 1 (11) [Соколовский Н.И., 1960. С. 41–61; 1961. С. 65–107; 1963. С. 37–67; 1963а]. На нем были раскопаны остатки трех домов небольшого ранневизантийского поселка, существовавшего на месте крепости римского времени. При их строительстве была произведена планировка сырцовых завалов разрушенной крепости (в удобных местах они использовались как элементы новых сооружений). Стены домов были сложены из сырцового кирпича размерами 55 × 55 × 7 см (того же стандарта, что и на Ильичевском городище) на каменных фундаментах – цоколях. Изнутри они покрывались обмазкой или цветной штукатуркой. Полы хозяйственных помещений мостились камнем. Один из домов, обнесенный второй стеной в два кирпича, имел характер укрепления, общая толщина его наружных стен составляла 1,7–1,75 м. В этом доме в помещении, служившем кухней, была сложена высокая глинобитная печь и теплая лежанка, под которой проходил дымоход. В другом доме найдены остатки домашней печи, использовавшейся, кроме того, для обжига мелкой посуды и рыболовных грузил.

К датирующему материалу, кроме указанного выше комплекса, относятся фрагменты красноглиняных амфор типа Делакеу и африканских краснолаковых мисок [Сазанов А.В., 1989. С. 50–53]. Хозяйственную сторону жизни характеризуют находки зерна – многорядного ячменя, мягкой и твердой пшеницы, ржи, итальянского проса, обрезков соломы и виноградной лозы, железного черешкового

наральника, мотыги, ножей, гранитной зернотерки и круглых жерновов, каменных ступ, поилок и дисковидных крышек пифосов, костей крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи. В керамическом комплексе преобладают фрагменты красноглиняных широкогорлых и светлоглиняных узкогорлых амфор, лепных горшков, встречаются фрагменты краснолаковых и серолощенных сосудов. Найден костяной черешковый трехгранный наконечник стрелы. Все материалы датируются в пределах конца IV – второй четверти VI в. н.э.

Поселение Батарейка 2 (12) находится в 2 км к востоку от поселения Батарейка 1 (11) и в 5,5 км к юго-востоку от Ильичевского городища (1) [Соколовский Н.И., 1962. С. 94–104; 1963. С. 68–86; 1964. С. 26–62; 1965. С. 2–26; 1967; Долгоруков В.С., 1967. С. 120–123]. На нем были раскопаны остатки двух домов маленького ранневизантийского поселка, возникшего на выровненных остатках крепости римского времени. Его дома возводились из тех же материалов и теми же строительными приемами, что и дома на поселении Батарейка 1 (11). Плотнo застроенный поселок использовал в оборонительных целях еще возвышавшиеся к моменту его основания стены и башни ранней крепости, которые были подновлены и укреплены контрфорсными кладками и подняты на несколько метров над окружающей равниной. К датирующему материалу, кроме указанного выше устойчивого комплекса, относятся фрагменты круглодонных коричневоглиняных и светлоглиняных с сильно вытянутым корпусом амфор, а также стеклянных шаровидных сосудов с тремя ручками (христианских лампад) [Сазанов А.В., 1989. С. 41–43, 56]. В керамическом комплексе преобладают фрагменты амфор, лепных сосудов, присутствуют фрагменты краснолаковой и серолощенной посуды. Найдено несколько грубо исполненных терракот (всадник-охотник, сидящая богиня, женская фигурка), ткацкие и рыболовные грузила, бронзовая фибула, фрагменты большой железной фибулы, стеклянного станка. Материалы датируются в пределах конца IV – второй четверти VI в. н.э.

На поселении Красноармейский 1 (18), находящемся в 8 км к юго-востоку от Ильичевского городища (1) и 3 км к востоку от Батарейки 2 (12), объекты ранневизантийского времени исследовались на крепости-“батарейке” и на некрополе поселения [Соколовский Н.И., 1962. С. 57–94; Десятчиков Ю.М., Калашиников М.В., 1986; Калашиников М.В., 1987; 1989]. Как и на предыдущих памятниках, остатки небольшого ранневизантийского поселка были выявлены и исследованы на разрушенной крепости римского времени, однако сохранность их была очень плохой. Исследованы фрагменты нескольких стен от разных домов, полы, а также более 10 зерновых ям с плоским дном, сужающейся горловиной и глиняной обмазкой сте-

нок и дна. Дома этого поселка возводились в той же технике и с теми же строительными приемами, что и рассмотренные выше.

В керамическом комплексе преобладают фрагменты красноглиняных амфор, широкогорлых красноглиняных и амфор типа 5 по херсонской классификации [Сазанов А.В., 1989. С. 44, 45] и светлоглиняных узкогорлых амфор, пифосов, лепных сосудов, краснолаковой и серолощенной посуды. Материалы датируются в пределах конца IV – второй четверти VI в. н.э. В 300 м к юго-востоку от крепости “батарейки”, на некрополе поселения было раскопано восемь ограбленных еще в древности земляных склепов, состоявших из глубокой входной шахты, короткого входа в камеру, заложенного каменными плитами, и сводчатой погребальной камеры. Сооружения этого типа, неоднократно использовавшиеся для захоронений, получили широкое распространение на Боспоре еще в эллинистическое время. Однако четыре из них дали ряд находок (прежде всего краснолаковую посуду и бронзовые пряжки), которые позволяют достаточно уверенно отнести эти склепы к ранневизантийскому периоду [Калашников М.В., 1987. С. 26–43]. Это может свидетельствовать о преемственности погребального обряда и верований от античной традиции.

В рассматриваемой группе памятников наиболее удаленным от Ильичевского городища (I) является поселение Кучугуры 1 (32), находившееся в 14 км к востоку, на берегу Азовского моря [Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В., 1988]. С юго-востока к нему подходит низина, в древности, вероятно, бывшая небольшим заливом или бухтой. Таким образом, поселение имело выгодное мысовое расположение. Памятник многослойный. В береговых обнажениях зафиксирован культурный слой значительной мощности, нижние горизонты которого относятся к античному (эллинистическому и римскому) времени. Слой ранневизантийского времени, отделенный от нижнего полосой темного суглинка с углями, золой, жженной глиной, створками мидий и другими “кухонными отбросами”, достигает двух метров. Сверху он перекрыт невысокими песчаными дюнами. В этом слое исследованы фрагменты мощных сырцовых стен, возможно, крепостных, и шесть помещений “казарменного типа”, стены которых были сложены из сырцовых кирпичей на “каменных фундаментах”, представлявших интересную конструкцию. Нижний ярус был выложен из одного или двух рядов полуобработанных плит, положенных на небольшой слой глины, затем шел сырец на высоту 0,25–0,30 м и снова ряд каменных плит, над которым шла уже только сырцовая кладка. В одном из помещений находилась печь. Полы четырех помещений были глинобитными, в двух они были вымощены плитами. К датирующему материалу, кроме указанного выше устойчивого комплекса, отно-

сятся фрагменты тонкостенных красноглиняных амфор типа инкерманской и красноглиняных амфор типа Делакеу [Сазанов А.В., 1989. С. 45–51]. В керамическом комплексе преобладают фрагменты светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных широкогорлых амфор, лепных сосудов, краснолаковой посуды. Материалы датируются в пределах IV – второй четверти VI в. н.э.

Поселение Береговой 3. Каменная Батарейка (30) состоит из неукрепленной части и крепости “батарейки”, существовавших в античное и средневековое время [Сокольский Н.И., 1962. С. 104–117; Шавырина Т.Г., 1979]. Слои ранневизантийского поселения на крепости практически уничтожены. Весь материал этого времени происходит из трех исследованных на ней хозяйственных ям. Однако, в отличие от предыдущих памятников, раннесредневековое поселение находилось не только на остатках крепости римского времени, но и рядом с ней. К датирующему материалу относятся также фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа Е [Сазанов А.В., 1989. С. 43, 44]. В керамическом комплексе преобладают фрагменты светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных широкогорлых амфор, лепных сосудов краснолаковой и серолощенной посуды. Материалы датируются в пределах IV – второй четверти VI в. н.э. Поселение соединялось двумя древними дорогами с поселением Батарейка 1 (11) и далее с Ильичевским городищем (I), а также с поселением Красноармейский 1 (18) [Паромов Я.М., 1998. С. 221].

Основу жизни рассмотренных поселений составляло сельское хозяйство – пахотное земледелие, виноградарство и связанное с земледелием животноводство, важное значение имело рыболовство. По данным аэрофотосъемок окружающая поселения территория была размежевана еще в античное время. На аэрофотоснимках в районе поселений Батарейка 1 (11), Батарейка 2 (12) и Красноармейский 1 (18) зафиксировано уплотнение межевания, связанное, вероятно, с двумя обстоятельствами, первым из которых было появление виноградников в римское время, а второе – переустройство земельных наделов в ранневизантийский период. Однако, в отличие от округа Ильичевского городища (I), переустройство наделов вблизи этих поселений не носило радикальный характер, а имело черты преемственности – главные межевые линии не нарушены. По своему местоположению в этой группе выделяются поселения Кучугуры 1 (32) и Береговой 3. Каменная Батарейка (30), бывшие форпостами, выдвинутыми на восток и на юг, первое – для контроля главного пути по Азовскому морю от дельты Дона и Восточного Приазовья к Керченскому проливу, а второе – для наблюдения за акваторией Таманского залива и средней частью пролива, прекрасно просматриваются с Каменной Ба-

тарейки через косу Чушка. (Помимо целей безопасности, преследовались, вероятно, и чисто практические цели наблюдения за ходом рыбы.) Вместе с Ильичевским городищем (1) они образовывали “стратегический треугольник” полного обзора морских путей и пространств. Поселения этой группы имели устойчивые внутренние связи. Главную роль в ней играло Ильичевское городище (1),

бывшее для этого маленького обособленного района центром экономики, торговли и ремесла, а также, возможно, административным центром. К нему сходились сухопутные и водные пути, через него осуществлялись внешние связи и импорт товаров, оплачиваемых, скорее всего, зерном и рыбой. Следует особо отметить, что все поселения этой группы были укреплены.

Фанагорийская округа

Главным центром другой группы поселений, находившихся в средней части Таманского полуострова, безусловно, была Фанагория, существование которой в это время известно как по письменным источникам, так и по данным археологических исследований. Прокопий Кесарийский (VI в. н.э.) упоминает Кепы и Фанагурис, бывшие в его время небольшими городками [*Прокопий Кесарийский*, 1950. С. 388]. Действительно, строительные остатки этого периода жизни города крайне невыразительны – это разорванные фундаменты и цоколи домов, отдельные кладки, вымостки, ямы, городские свалки. Тем не менее на 13 раскопках был выявлен слой, достаточно надежно отнесенный к рассматриваемому времени [*Сазанов А.В.*, 1989. С. 42, 56, 57; *Паромов Я.М.*, 1993. С. 125–141, № 23, 24, 33, 48, 54, 60, 61, 63, 64, 71, 76, 79, 82]. Фиксация слоя ранневизантийского времени на этих раскопках дает представление о размерах города.

Относительно античного времени они значительно сократились. Суммарная площадь, охватывающая раскопы с этим слоем, составляет всего около 9 га. Почти такие же размеры имело в это время и Ильичевское городище (1). Однако, в отличие от него, в Фанагории выделяются четыре района, главный из них – центральный, охватывающий шесть раскопов со слоем ранневизантийского времени. Площадь его около 6 га. Этот район и являлся, собственно, городом того времени. Кроме того, выделяются западный, юго-западный и юго-восточный районы размерами от 0,6 до 1,2 га. Возможно, это были отдельные маленькие поселки.

Вторым центром в этой группе поселений и по значению, и по величине были Кепы, экономика которых в рассматриваемый период приобретает аграрный характер. В это время Кепы походили на большую деревню. Дома строились из сырцового кирпича, их стены возводились на фундаментах-цоколях из необработанного камня, среди которого найдено много блоков вторичного использования. Жилые помещения соединялись в единые комплексы с хозяйственными и производственными. Главное направление хозяйственной деятельности характеризуют находки зерна – преимущественно пшеницы и многорядного ячменя, а также костей круп-

ного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, домашней птицы [*Сокольский Н.И.*, *Сорокина Н.П.*, 1966. С. 45; *Сазанов А.В.*, 1989. С. 42, 57].

По месту расположения ближайшими к Фанагории и Кепам являлись поселения: Сенной 3 (80), находившееся в 2,5 км к юго-востоку от Кеп и в 5 км к востоку–северо-востоку от Фанагории, Выше-стеблиевская 10 (182) – в 5 км к югу от Фанагории, Юбилейный 4 (68) – в 4 км к северо-востоку от Кеп и Ахтанизовская 5 (96) – в 6 км к северо-северо-востоку от Кеп [*Паромов Я.М.*, 1992. С. 289–291, 316–319, 357–359, 572–575]. Эти поселения, судя по малочисленности материала, в рассматриваемое время были очень небольшими: состояли из двух-трех усадеб. Три поселения находились в глубине территории полуострова, одно – Юбилейный 4 (68) – на древней протоке из Ахтанизовского лимана в Таманский залив (бывший Субботин Ерик), выполняющая, вероятно, сторожевые функции.

Более удаленными были поселения Татарская (60), расположенное на северном берегу Таманского залива, в 9,5 км “сухого пути” от Кеп, Фонталовская 7 (57) – в 9 км к северу от Кеп, Старотитаровская 19. ОТФ (207) – в 10,5 км к востоку–юго-востоку от Фанагории, на берегу древнего протока из Ахтанизовского лимана в Таманский залив, и наиболее удаленное – Старотитаровская 17 (205), находившееся в 15 км к юго-востоку от Фанагории, на берегу Кизилташского лимана [*Паромов Я.М.*, 1922. С. 258–260, 265–272, 627–630, 632–635]. Первое из перечисленных поселений в римское время имело крепость–“батарею”, которая, как это мы видели ранее, могла использоваться и в ранневизантийский период. Со стратегической точки зрения очень выгодным являлось место его расположения. Вместе с Фанагорией и Кепами, от которых “водным путем” оно находилось в 6 и 5 км, это поселение образовывало треугольник, охватывающий восточную часть Таманского залива. Поселение Фонталовская 7 (57) в античное время было типично придорожным. Таким же оно оставалось, вероятно, и в рассматриваемый период [*Паромов Я.М.*, 1998. С. 217]. Поселение Старотитаровская 19 (207), стоявшее на древней протоке, как и упомянутое выше Юбилейный 4 (68), выполняло, вероятно, сторожевые функции. Посе-

ление Старотитаровская 17 (205), имевшее укрепление еще в римское время, безусловно, являлось форпостом – “оком Фанагории”, которое наблюдало и контролировало южный путь в Прикубанье через Бугаз и Кизилташский лиман. Остальные поселения являлись рядовыми.

Большое значение для осмысления истории Таманского полуострова в ранневизантийский период имеет датировка Фанагории. На четырех раскопах Фанагории (“Керамик”, “Железнодорожный 2”, “Верхний город” и “Южный город”) зафиксирован слой конца IV – второй четверти VI в. н.э. и еще на четырех (“Северный”, “Центральный”, “Юго-западный 1” и “Юго-западный 2”) – более широкий по хронологии слой конца IV – начала VI в. [Сазанов А.В., 1989. С. 56, 57; Паромов Я.М., 1993. С. 125–140, № 23, 33, 60, 61, 63, 64, 76, 79]. На “Береговом стратиграфическом” раскопе выявлены разрушения, относящиеся к 20–30 годам VI в. н.э. После некоторого перерыва жизнь здесь опять возобновляется, однако новые постройки имели каменные цоколи, сложенные в технике “елочки”, что характерно для тюрко-болгарских и хазарских памятников второй половины VII – первой половины X в. [Атавин А.Г., 1992. С. 174].

Практически на всех фанагорийских некрополях, где известны материалы римского времени, зафиксированы и погребения V в. На могильнике МТФ есть комплексы, датируемые в рамках конца IV – первых десятилетий V в. (табл. 64: 65–70). Могилы V в. хорошо представлены на могильниках “В”, “С”, в раскопе “Береговой” 1938 г. (табл. 64: 19–22, 47–64) [Блаватский В.Д., 1941. Табл. VIII–X; 1951. Рис. 8–9; 12, 1]. На Юго-Западном некрополе [Шавырина Т.Г., 1983] есть материалы, датируемые широко, в пределах середины IV–V вв. Погребения V в. несомненно были и на восточном некрополе (табл. 64: 18, 31–35, 46, 71). Лишь единичные комплексы на фанагорийских могильниках могут дати-

роваться в рамках последних десятилетий V – первых десятилетий VI в. (рис. 6: 18–20), а материалы середины VI–VII вв. не обнаружены. Это вполне соответствует наблюдениям, сделанным А.Г. Атавиным на материалах “Берегового стратиграфического” раскопа, и сообщению Прокопия Кесарийского о разрушении Фанагории около второй четверти VI в.

Погребальные сооружения Фанагории в V в. представлены подквадратными склепами с длинными коридорами и грунтовыми одиночными могилами разнообразной ориентировки. Нередко прослеживаются остатки деревянных гробов, перекрытие могил камкой, есть ямы с заплечиками. На некрополе МТФ отмечена окраска гробов, украшение их деревянными аппликациями и алебастровыми налестками, наличие как горизонтальных, так и двускатных крышек. В ряде случаев зафиксирован обряд деформирования черепов.

Типичен для позднеантичных боспорских памятников и погребальный инвентарь: предметы туалета и украшения, в том числе и венки из золотой фольги, бытовые вещи (пряслица, ножи и т.п.), не часто встречающееся оружие. Среди стеклянной посуды, кроме широко распространенных форм, известны и колбы, аналогичные керченским [Блаватский В.Д., 1951. Рис. 8]. Из керамической посуды представляют интерес, вероятно, местные сосуды, украшенные фризами из горизонтальных линий и черточек, расположенных “зигзагом”, краснолаковая посуда “понтийской группы” (табл. 64: 35, 62, 50, 51, 55, 61). Все данные свидетельствуют о включенности населения Фанагории в круг позднеантичной боспорской культуры. Не вызывает сомнения распространение здесь христианства (надгробия, предметы, связанные с христианским культом). Есть данные и о наличии иудейской общины [Даньшин Д.И., 1993].

Подобная же картина наблюдается в Кехах и Гермонассе [Сазанов А.В., 1989. С. 57].

Округа Гермонассы

Главным центром третьей группы поселений, находившихся в юго-западной части Таманского полуострова, была Гермонасса, существование которой в это время известно только по археологическим источникам [Коровина А.К., 1987. С. 65; Сазанов А.В., 1989. С. 57]. Размеры ее были очень невелики (много меньше Фанагории). Лишь на двух находящихся рядом раскопах – “Нагорном” и “Северном” открыты остатки фундаментов и цоколей ранневизантийского периода, сложенных из рваного камня на глиняном растворе. Их ориентация совпадает с ориентацией построек предшествующего римского времени. Немногочисленные находки представлены главным образом керамической посудой, амфорами, кувшинами, мисками, фрагмен-

тами стеклянной посуды с напаями из синего стекла, ножками от рюмок, стенками сосудов с ручками-петельками (христианских лампад). Одна из ям была заполнена обломками амфор V–VI вв. преимущественно двух типов – с ребристым овальным туловом и с конусовидным туловом, часто встречающихся в Причерноморье. Краснолаковая керамика представлена фрагментами чаш и блюд, среди которых есть сосуды с оттиснутыми внутри изображениями льва, зайца, собаки, быка, а также крестов. В окрестностях Таманского городища найдены мраморная капитель ранневизантийской колонны V в. и часть рельефа V–VI вв. из известняка с изображением ангела, держащего плат, что может свидетельствовать о существовании в Гер-

монассе в это время христианского храма. Важным документом является надпись, найденная в 1803 г. в 2,5 км к востоку от городища, в которой сообщается о возобновлении дворцовой постройки херсонесским стратилатом и дуксом Евпатерием при императоре Маврикии (582–602).

Все поселения округа Гермонассы были очень небольшими, состоявшими, вероятно, всего из не-

скольких усадеб. Ближайшими являлись поселения Тамань 8 (131) и Тамань 11 (134), расположенные на берегу Таманского залива в 2,5 и 4 км к западу от Гермонассы. Оба были, возможно, сторожевыми, наблюдавшими за входами в Таманский залив и Керченский пролив, а также за всей его западной акваторией. Поселения Виноградный 10 (169) и Прогресс 1 (157) находились в глубине территории.

Кандаурская группа поселений

Поселения этой группы находились в самой восточной части Таманского полуострова, на Кандауре, вплоть до последнего времени представлявшем остров, вытянутый с запада на восток между главным руслом Кубани – на юге, Куркой и Курчанским лиманом – на севере. Его размеры 27 × 5 км. Из пяти поселений Кандаура одно (235) стояло особняком, в его восточной оконечности, остальные – в 10–14 км к западу, в центральной части острова (231, 232, 226, 233). Расстояния между ними не превышали 4–5 км. Все поселения существовали на месте античных, опустевших после готских походов с середины или конца III в. н.э. Несмотря на временной перерыв, едва ли можно связывать их появление с притоком нового населения. Скорее это связано с перемещением населения из северо-западной части Таманского полуострова в его наиболее удаленные и безопасные места во время или сразу после гуннского нашествия.

Судя по значительному количеству подъемного материала ранневизантийского времени, центральным было поселение Курчанская 2 (231). Поселения на северном берегу Кандаура (233) и крайнее восточное (235), возможно, были сторожевыми.

Все поселения этой группы, включая центральное, были очень небольшими.

Среди выделенных групп поселений на более высокой ступени находились округа Ильичевского городища (1), а также округа Фанагории и Кеп, соединившиеся древнейшей дорогой, проходившей ранее через весь полуостров, и сохранившейся на этом участке в рассматриваемое время. Дороги между Фанагорией и Гермонассой, скорее всего, не существовало – ни одного поселения этого времени, которое могло бы указывать на нее, пока не найдено. То же самое можно сказать о наиболее удаленных поселениях Кандаура. Связь с ними осуществлялась, вероятно, водным путем. Однако эта связь несомненно существовала. Об этом говорит однородность импортной керамической тары, составляющей основу датировки поселений.

При общей оценке ранневизантийского периода на Таманском полуострове нельзя обойти проблему континуитета позднеантичного Боспора, концепция которого разными авторами строится по-разному. Если в статье, посвященной этой пробле-

ме, Н.А. Фролова не выходит за рамки континуитета в области материальной и духовной культуры, то Ю.Г. Виноградов распространяет его прежде всего на область государства, категорически утверждая, что Боспорское царство в рассматриваемое время не только продолжало существовать как политический организм, но и процветало [Фролова Н.А., 1998; Виноградов Ю.Г., 1998. С. 246]. Не в такой категорической форме, но примерно этих же взглядов придерживаются Э.Я. Николаева и А.В. Сазанов [Николаева Э.Я., 1984; Сазанов А.В., 1988]. С этим нельзя согласиться прежде всего по двум соображениям. Во-первых, отрицательная роль гуннского нашествия в судьбе боспорских городов подтверждается монетными кладами и данными раскопок [Фролова Н.А., 1998. С. 257, 258; Атавин А.Г., 1993. С. 167]. Во-вторых, число поселений в рассматриваемое время было вдесятеро меньше, чем во время подлинного расцвета Боспорского царства в античный период, а древние города превратились в “большие деревни”. Располагая столь незначительными материальными и людскими ресурсами, Боспор того времени мог либо осуществлять политику лавирования между Византийской империей и агрессивным варварским окружением, либо существовать в непосредственном византийском подчинении. Наиболее взвешенным представляется мнение, согласно которому на Боспоре “в IV в. уже активно идут процессы, приведшие в V в. к постепенному отмиранию как многих функций государственного аппарата, так и самого государства” [Болгов Н.Н., 1996. С. 80]. Вероятно, эти процессы начались еще в III в., во времена готских походов. Отмечаемая почти всеми авторами преемственность в культуре (греческий язык нескольких сохранившихся надписей, боспорское летоисчисление, обращение позднебоспорской монеты вместе с византийской, формы керамической тары и т.д.) бесспорна и лишь может быть дополнена преемственностью погребального обряда фанагорийских могильников, поселения Красноармейский 1 (18), а также традициями в землепользовании и виноделии, сказавшимися в рисунке земельных наделов и конструкции винодельни у Ильичевского городища (1), поселений Батарейка 1 (11), Батарейка 2 (12), Красноармейский 1 (18). О том

же свидетельствует месторасположение поселений. Все они без перерыва или с незначительным перерывом существовали на месте античных, нет ни одного, основанного на не обжитом ранее месте.

С точки зрения политической истории, ранневизантийский период на Таманском полуострове – это время византийского владычества при императорах Юстине I (518–527), Юстиниане I (527–565) и Маврикии (582–602).

“Темным” временем этого периода является завершающий его VII в., прежде всего в силу неразработанности датирующего материала [Абра-

мов А.П., 1993. С. 9]. И, если с точки зрения хозяйственно-экономической, весь ранневизантийский период может быть охарактеризован как время запустения земель Таманского полуострова, то и его окончание, вероятно, не являлось исключением. Это запустение стало, вероятно, одной из главных предпосылок к беспрепятственному перемещению на эти земли части кочевых праболгар из Восточного Приазовья во второй половине VII – первой половине VIII в. и оседанию их здесь на землю [Плетнева С.А., 1967. С. 187–188, рис. 50; 1981. С. 10–11; Баранов И.А., 1981].

Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII веках

Хазарский период (VIII – начало X в.)

Новый расцвет земель Таманского полуострова приходится на VIII – начало X в. В это время здесь сложился один из шести геоэтнических вариантов культуры Хазарского каганата, небольшой регион стал одной из процветающих провинций этого обширного и древнейшего на территории нашей страны средневекового государственного объединения [Плетнева С.А., 1990. С. 80–88]. За короткий срок здесь возникла по-своему высокоразвитая система расселения, основными чертами которой были сплошное освоение практически всей территории полуострова, наличие двух городских центров и массы сельских поселений, полиэтничность населения, среди которого преобладали праболгары, определившие общий характер материальной культуры рассматриваемого периода.

В это время на Таманском полуострове существовало 82 поселения, включая города – Фанагорию и Таматарху (рис. 9). Не были заняты поселениями лишь небольшая юго-восточная часть полуострова в районе современных поселков Белый и Стрелка (южная) и западная часть Кандаура в районе Темрюка. Двумя примерно одинаковыми по значению центрами торговли и ремесла, вероятно, также и административными центрами, были упомянутые портовые города, находившиеся на южном берегу Таманского залива в 21 км один от другого (о них подробнее говорится в следующей главе). Можно предположить, что процесс расселения болгарских племен имел достаточно мирный характер. В пользу этого говорит сохранение за Фанагорией своего древнего названия. Изменение имени Гермонассы на новое – Таматарха связано, скорее всего, с потерей ею своего значения к концу ранневизантийского периода. В хазарское время это был уже новый город, расположенный на месте некогда существовавшего и забытого. Об этом же свидетельствует и то, что почти все поселения ранневизантийского периода продолжили свое существование и в хазарское время, органически войдя в новую систему расселения. Большинство поселений хазарского периода (69 из 81) было расположено на месте существовавших ранее античных поселений, остальные 12 были основаны на новых, до этого времени не обжитых землях, находившихся в непосредственной близости от мест древних поселений или по природным условиям близких им. Однако факт их появления свидетельствует о несколько иных требованиях к месту поселения, что, вероятно, связано

со сложением на Таманском полуострове в рассматриваемое время нового типа скотоводческо-земледельческого хозяйства. В хазарский период возникли почти все главнейшие древние дороги и вновь использовались водные пути, что может говорить об оживленных и устойчивых внутренних экономических связях, а также о связях с внешним миром. В силу географического положения, еще с эпохи ранней бронзы население Таманского полуострова по своему составу было полиэтничным. Таким же, скорее всего, оно являлось и в рассматриваемое время. Для успешного овладения навыками земледелия новому, ранее кочевому народу, необходимы были опыт и сотрудничество немногочисленного коренного населения, его познания в области некоторых ремесел и промыслов.

В хазарский период в северо-западной части Таманского полуострова существовало 22 поселения. Наиболее значительным и наиболее исследованным из них является поселение Гаркуша 1 – античный Патрей (24)*. Оно находилось на северном невысоком берегу Таманского залива, имея удобные водные связи с Фанагорией и Таматархой, расстояние до которых составляло, соответственно, 10 и 14 км. Хазарское поселение окружали плодородные степные черноземы. Равнина здесь полого поднимается к северу. От холодных ветров ее защищают конус грязевого вулкана Куку-Оба и гряда широтного направления. От склонов вулкана в юго-восточном направлении протекал небольшой ручей, русло которого хорошо заметно в рельефе поселения (при дождях оно регулярно наполняется и активно действует). В районе поселения, где это русло выходит к морю, до недавнего времени, как и в древности, оно перегораживалось дамбами и использовалось для создания каскада искусственных прудов-водоемов. Площадь обследованной части поселения в хазарское время составляла 15,5 га [Паромов Я.М., 1993а. С. 147, 148]. На самом деле поселение значительно больше – его восточная часть, занятая современным поселком, недоступна для обследования. В течение ряда лет в западной разрушенной части поселения на площади 5 га А.П. Абрамовым проводилось скрупулезное исследование подъемного материала [Абрамов А.П., 1999]. Для

* Цифра в скобках обозначает порядковый номер памятника на археологической карте Таманского полуострова [Паромов Я.М., 1992].

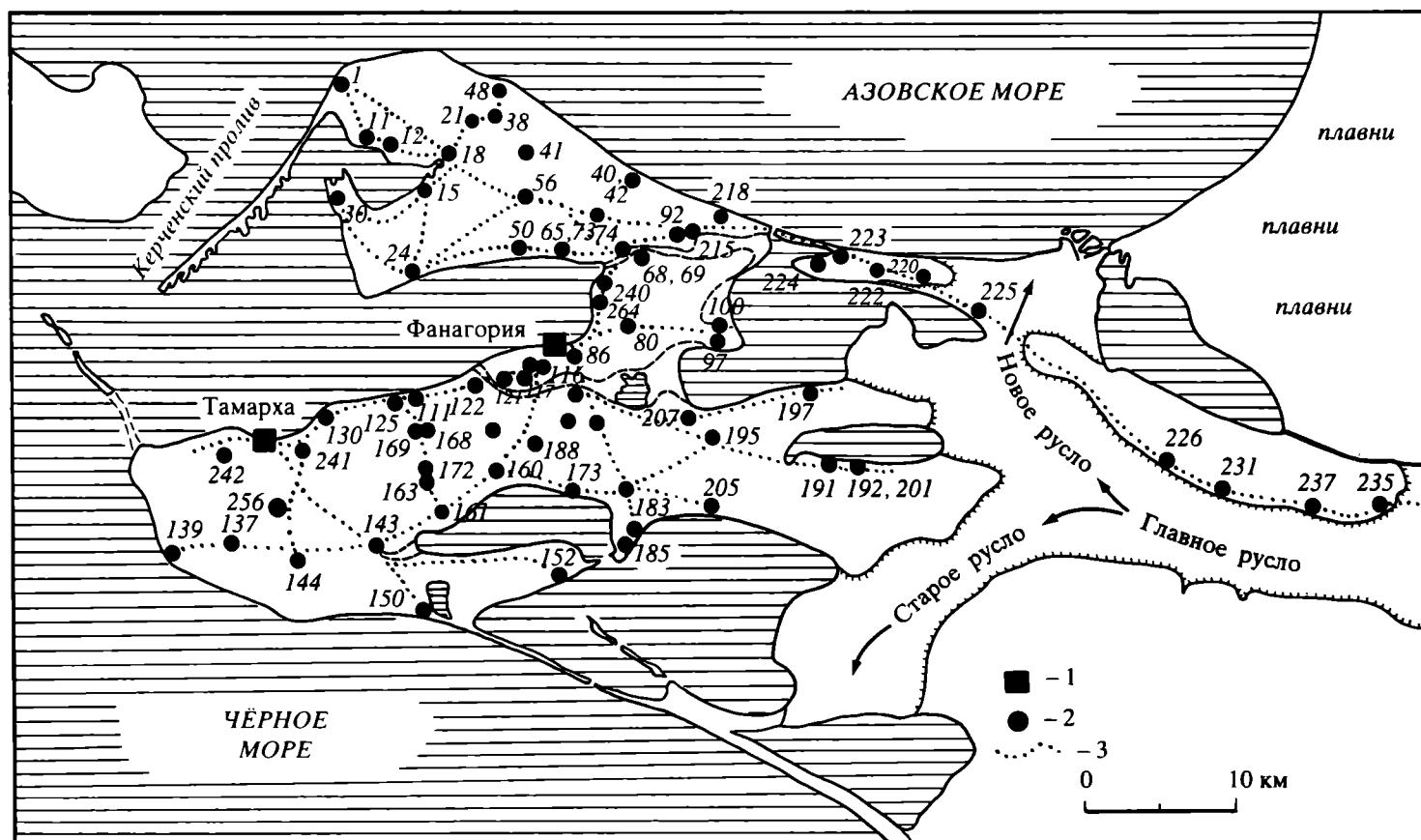

Рис. 9. Поселения хазарского периода VIII–IX вв.

Условные обозначения: 1 – города; 2 – поселения; 3 – дороги. Составлена Я.М. Паромовым

характеристики рассматриваемого периода отбирались фрагменты так называемых “причерноморских” амфор типов 1–3, горшков из серой, почти черной глины с гребенчатым орнаментом и фрагменты лощеной керамики [Якобсон А.Л., 1979. С. 29–32, 60; Плетнева С.А., 1963. С. 20–24, 37–42, 46–50; Баранов И.А., 1990. С. 25]. В итоге на плане обозначались восемь компактных округлых пятен размерами от 30 до 60 м в поперечнике, представляющих следы отдельных комплексов жилых и хозяйственных построек, условно говоря – восемь усадеб хазарского поселения. Для этих усадеб характерна свободная расстановка, в чем, несомненно, сказалась кочевническая традиция произвольного размещения юрт, перенесенная и в полностью оседлые большие поселки. Всего на поселении насчитывалось, видимо, не менее 25 усадеб (а с учетом недоступной для обследования его части – не менее 35–40 усадеб). В его юго-восточной части, на берегу находятся остатки античной крепости, с южной стороны разрушенные морем.

В ее верхних слоях были исследованы остатки жилых строений со стенами из сырцового кирпича на каменных фундаментах-цоколях, сложенных “в елочку”, с глинобитными полами, кладовыми с большими пифосами и хозяйственными ямами, относящимися к хазарскому времени [Паромов Я.М.,

1993а. С. 138–140]. По своей планировке, строительным приемам и найденному материалу они идентичны строениям этого периода, раскопанным в Фанагории [Плетнева С.А., 1981. С. 15–17]. Хазарское поселение включало в себя несколько десятков свободно расположенных усадеб и маленький плотно застроенный открытый поселок, поднятый на остатках античной крепости на несколько метров над окружающей равниной. В 1931 г. в юго-западной части поселения было найдено мужское погребение, совершенное в грунтовой яме, с западной ориентацией, под слоем камки, в вытянутой позе, на спине, с вытянутыми руками (табл. 64: 5, 6). Слева за головой – серолощенный сосуд салтово-маяцкого круга и бедренная кость животного, на груди – бронзовая подвеска с двумя звериными головками (табл. 64: 7), в области таза – бронзовая пряжка (табл. 64: 9) и два железных ножа в одних деревянных ножнах, во рту – византийская монета (золотой солид Константина V Копронима, 741–775 гг.). Рядом было найдено еще одно сильно разрушенное погребение хазарского времени с двумя сосудами салтово-маяцкого типа [Миллер А.А., 1932а. С. 68; Кропоткин В.В., 1962. С. 47]. В первом погребении необходимо отметить сочетание типично болгарских черт обряда с “оболом Харона” во рту – деталью, унаследованной местным на-

селением от античной культуры. В 1949 г. при раскопках крепости найдено погребение того же круга, что и предыдущие [Крушкол Ю.С., 1950. С. 232]. О безусловной связи поселения с другими свидетельствуют следы четырех древних дорог, уходивших от него в северо-западном, северном, северо-восточном и восточном направлениях [Паромов Я.М., 1933а. С. 147, рис. 1] (рис. 9).

Данные по Патрею позволяют составить некоторое общее представление о Таманском полуострове в хазарский период. Учитывая, что площадь поселения этого времени составляла одну треть или одну четверть от его площади в античный период, а число хазарских поселений на всем полуострове втрое меньше числа античных, можно предположить, что общая площадь распашки была примерно вдесятеро меньше, чем в античное время [Паромов Я.М., 1992; 1993а. С. 148]. Во время расцвета античной системы расселения земельные наделы занимали около половины всей территории полуострова [Паромов Я.М., 2000. С. 309]. Следовательно, в хазарский период под распашкой находилось не более одной двадцатой части его площади (около 5%). Из этого можно заключить, что в хозяйственном комплексе того времени скотоводство по своему значению преобладало над земледелием. Таким образом, ландшафт Таманского полуострова представлял множество поселений с прудами для домашней птицы и водопоя скота, с лоскутами полей около поселений, с дорогами, их соединяющими, и все это – на фоне обширного степного пастбища, что составляло, по сути, его главную черту.

По своему размеру, а следовательно и значению, поселения северо-западной части Таманского полуострова колеблются в широких пределах. Наименьшим из них было поселение Юбилейный 10 (74) площадью 0,2 га, представлявшее, скорее всего, одну отдельную усадьбу, наибольшие – сравнимы или приближаются по своим размерам к поселению Гаркуша 1, описанному выше. Опираясь на количественные оценки подъемного материала и его распространение на памятнике, можно выделить шесть наиболее значительных поселений – Батарейка 1 (11), Красноармейский 1 (18), Кучугуры 9 (40), Волна Революции 1 (60), Юбилейный 9 (73) и Ахтанизовская 1 (92). Вероятно, каждое из них организовывало свою небольшую сельскохозяйственную округу, о чем свидетельствует и сама их расстановка. Все они, как и Гаркуша 1 (24), находились на ключевых позициях в хозяйственно-экономическом, транспортном (сухопутные и водные связи) и стратегическом отношении (рис. 9).

Остальные поселения были меньшими по размерам и занимали, по-видимому, “подчиненное” положение.

Поселения Батарейка 2 (12) и Ильич 1 (1) входили в зону влияния поселения Батарейка 1 (11).

Слой хазарского времени зафиксирован на этом памятнике на крепости-“батарейке” [Сокольский Н.И., 1963а. С. 189, 190], а также вокруг нее, т.е. по своей структуре центральное поселение этой группы напоминает поселение Гаркуша 1 (24). Оно находилось в северо-западной части так называемого “Киммерийского острова”, вблизи главной древней дороги, проходившей через него от переправы у пролива в юго-восточном направлении. В 1960 г. при исследовании средневековых слоев “батарейки” было обнаружено погребение. Скелет мужчины лежал на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, черепом к северу. В черепе, повернутом лицевыми костями к западу, имелось отверстие диаметром 2 см. В погребении найдены бронзовая пряжка и наконечник ремня, по-видимому, относящиеся к VIII–IX вв.; обломки железного ножа с деревянной рукояткой и бронзовой застежки [Сокольский Н.И., 1963а. С. 188]. К нему же относилась, вероятно, лощеная гончарная кружка с широким дном VIII–IX вв. [Плетнева С.А., 1963. С. 40, тип В]. Погребение может быть связано с болгарами Приазовья и датировано не позднее конца IX в. Рядом с поселением, в кургане, стоявшем у древней дороги, связывавшей его с поселением Ильич 1 (1), в 1870 г. В.Г. Тизенгаузену было открыто погребение того же периода. Оно представляло “гробницу, сложенную из дикарных и тесаных камней и покрытую сверху камкой. В ней находились два скелета, лежавшие рядом, головами на запад, ногами на восток. При одном из них найдены бронзовое кольцо, две бронзовые пряжки и во рту серебряная византийская монета плохой сохранности” (ОАК за 1870–1871 гг. С. XIV).

В зону влияния поселения Красноармейский 1 (18) входили четыре поселения – Запорожская 1 (15), Красноармейский 4 (21), Кучугуры 7 (38) и Кучугуры 17 (48). Центральное поселение этой группы находилось в средней части “Киммерийского острова”, упомянутая выше главная древняя дорога от переправы проходила через него. В отличие от предыдущих памятников, слоя хазарского времени на крепости-“батарейке” здесь не найдено (следует однако отметить, что из всех аналогичных памятников Таманского полуострова она подверглась наибольшему разрушению). К западу от нее, на территории поселения были исследованы остатки небольшого полуземляночного строения со скругленными углами [Сокольский Н.И., 1962. С. 59–63]. Его внутренние размеры 2,08 × 1,85 м, глубина 1,1 м от древнего горизонта, дно плоское, стенки отвесные. Поверху оно имело каменную обкладку высотой 0,3 м, тщательно сложенную “в елочку” из небольших плитняков на глиняном растворе. Массовыми находками были фрагменты лощеных сосудов салтово-маяцкого типа, лепных горшков с зигзагообразным орнаментом, причерноморских

амфор VIII–IX вв., гончарных кувшинов с рифленным орнаментом, больших лепных горшков. Найдены массивная железная мотыга, жернов, каменные пряслица, каменные и керамические (из амфорной ручки) грузила, наконечник железного втульчатого копья (пики). Рядом с остатками полуземляночного строения были раскопаны фрагменты двух фундаментов (цоколей), а также сложенных “в елочку”. Состав находок свидетельствует о земледельческой направленности хозяйства жителей поселения.

Центром третьей группы, состоявшей всего из двух населенных мест, было поселение Волна Революции 1 (60), находившееся на низком северном берегу Таманского залива. “Подчиненным” ему (его сателлитом) являлось поселение Фонталовская 6 (60), расположенное севернее и стоявшее на упомянутой выше главной древней дороге.

В непосредственном подчинении самого значительного поселения “Киммерийского острова” – Гаркуша 1 (24) находилось лишь одно поселение – Береговой 3 (30), расположенное к северо-западу от центра, на берегу Таманского залива. Однако структура связей (сухопутных дорог и водных путей) свидетельствует, что центральное поселение этой группы организовывало жизнь почти всей территории “Киммерийского острова” (исключая его восточную часть). Рассмотренные выше три микрорегиона, прежде всего – их центры, входили в зону его влияния.

Восточная часть “Киммерийского острова” имела три микрорегиона. Центром одного из них было поселение Кучугуры 9 (40), находившееся на берегу Азовского моря. По месту расположения и ландшафтным условиям в зону его влияния входили поселения Кучугуры 11 (42) и Кучугуры 10 (41). Центрами двух последних микрорегионов являлись поселения Юбилейный 9 (73) и Ахтанизовская 1 (92), находившиеся у главнейших древних дорог, первое – у дороги, проходившей через весь Таманский полуостров в юго-восточном направлении, второе – у ее ответвления, имевшего восточное направление и проходившего через Голубицкий остров и Кандаур. Оба центральных поселения находились также на северном берегу древнего протока (бывший Субботин Ерик), первое – в его западной части, второе – в восточной. В зону влияния первого центра входили поселения Юбилейный 1 (65), Юбилейный 7 (71) и Юбилейный 10 (74), в зону влияния второго – поселения “За Родину” 5 (215) и “За Родину” 8 (218).

Из 22 поселений хазарского периода в северо-западной части Таманского полуострова 19 было основано на месте поселений античного и ранневизантийского времени. Одной из характерных особенностей размещения и внутренней структуры этих поселений являлось использование для жилой застройки остатков античных крепостей–“батареек”, представлявших собой небольшие холмообразные возвышения высотой 5–8 м. При этом за-

стройка носила открытый, неукрепленный характер. Сами поселения, состоявшие из отдельных свободно расположенных усадеб, занимали окружающую эти приподнятые микропоселки территорию, что ярче всего прослеживается на примере поселения Гаркуша 1 (24). Вероятно, здесь преследовались как сторожевые, так и сугубо практические, хозяйственные цели (взаимная видимость поселений, обзорность местности, наблюдение за перемещением стада и т.д.). Это совсем не означает, что поселения располагались только на возвышенных местах, однако, стремление занять выгодное прежде всего в отношении обзора окружающей местности положение, прослеживается и на поселениях, основанных на новых местах – Красноармейский 4 (21), Кучугуры 17 (48), “За Родину” 8 (218). Место расположения двух последних поселений отвечало отмеченной тенденции.

Главным центром нескольких групп поселений, существовавших в хазарское время в **средней части Таманского полуострова**, безусловно, была Фанагория. Об этом свидетельствуют как само размещение поселений, “стеснившихся” вокруг нее, так и главнейшие древние дороги, расходящиеся от города в пяти направлениях. От западной окраины уходила и тут же раздваивалась дорога к Таматархе. На ее западном ответвлении, между двумя городами, расстояние между которыми составляло 21 км, находились семь поселений – Приморский 13 (113), Приморский 17 (117), Приморский 21 (121), Приморский 22 (122), Приморский 11. Двенадцатый километр (111), Тамань 2. Десятый километр (125) и Тамань 7 (130). Другое (южное) ответвление вело к ряду поселений, расположенных в юго-западной части полуострова, и проходило также через семь поселений – Приморский 16 (116), Виноградный 1 (160), Виноградный 2 (161), Таманский 3. Западно-Цукурское (143), Таманский 4 (144), Волна 1. Северо-Зеленское (137) и Волна 3 (139). На западной окраине Фанагории были найдены остатки этих дорог, замощенных камнями и обломками позднеримских и раннесредневековых реберчатых амфор [Блаватский В.Д., 1941. С. 27, 28].

Третья дорога, известная как “Аллея курганов”, уходила от города в юго-восточном направлении и раздваивалась после переправы через древнее русло Кубани (Шимарданский рукав). Ее южное ответвление, проходя через поселения Вышестеблиевская 14 (186) и Вышестеблиевская 8 (180), вело к ряду поселений, расположенных на берегу Кизилташского (Кубанского) лимана, – Вышестеблиевская 1 (183), Вышестеблиевская 13 (185) и Старотитаровская 17 (205). Восточное ответвление, также раздваиваясь, вело к поселениям Старотитаровская 19. ОТФ (207) и Старотитаровская 9 (197), находившимся на южном берегу Ахтанизовского лимана, а также, проходя через поселение Старотитаровская 7 (195),

к трем поселениям – Старотитаровская 3 (191), Старотитаровская 4 (192) и Старотитаровская 13 (201), расположенным на южном берегу Старотитаровского лимана. Рядом с дорогой, на выходе ее из города, в районе античного “Керамика” находился грунтовый могильник небогатого городского населения хазарского времени, по немногочисленной керамике и погребальному обряду относящийся, возможно, к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры [Атавин А.Г., 1986].

Четвертая дорога через поселение Сенной 3 (80) уходила из города в восточном направлении к поселениям Ахтанизовская 6 (97) и Ахтанизовская 9 (100), расположенным у юго-западной и северо-западной подошвы горы Бориса и Глеба (Рахмановский мыс), первое и них находилось на берегу Ахтанизовского лимана. Пятая, последняя дорога являлась главнейшим путем, уходившим от Фанагории в северо-восточном направлении, к Кепам (264) и северо-восточному углу Таманского залива, обогнув который шла далее в северо-западном направлении через весь “Киммерийский остров” к северной переправе через Керченский пролив, существовавшей около поселения Ильич 1 (1).

По месту расположения, ландшафтным особенностям и дорожным связям непосредственно в зоне влияния Фанагории находилось, вероятно, девять поселений – Приморский 13 (113), Приморский 16 (116), Приморский 17 (117), Приморский 21 (121), Приморский 22 (122), Сенной 8 (85), Сенной 1 (78), Сенной 9 (86) и Сенной 3 (80). Почти все они были малыми по размерам поселениями. Лишь три из них – Приморский 13 (113), Сенной 8 (85) и Сенной 3 (80) можно отнести к категории средних поселений. Из остальных поселений, находившихся в средней части Таманского полуострова наиболее значительными были Кепы (264) и Ахтанизовская 6 (97). Хазарское поселение на месте античного города Кепы не совсем повторяло его расположение. Средневековые строительные остатки здесь были обнаружены не только на месте более раннего города, но и за его юго-восточной границей, а кладбище (грунтовый могильник) средневекового поселения занимало южную часть античного городища. Погребения VIII–IX вв. были найдены также к востоку и к северу от городища [Сорокина Н.П., 1969. С. 128, 129], что свидетельствует о больших размерах средневекового могильника Кеп (264) или о существовании нескольких синхронных могильников. В некрополе Кеп (264) преобладает западная ориентация погребений. Здесь встречены как захоронения в земляных ямах, так и “плитовые могилы”. Выделяется погребение VIII – начала IX в. в яме. Захоронение мужчины, ориентированное головой на запад, сопровождалось чучелом коня и погребальным инвентарем, в который входили ойнохоя, железное тесло-мотыжка, нож, топор, пряжка и др. предметы, хара-

ктерные для салтово-маяцкой культуры [Сорокина Н.П., 1969. С. 124–127]. По своему значению средневековые Кепы (264) были поселением, в зону влияния которого входили еще три поселения – Сенной 11 (240), Юбилейный 4 (68) и Юбилейный 5 (69).

Центром еще одной группы, состоявшей из трех населенных мест было упомянутое выше поселение Ахтанизовская 6 (97). “Подчиненными” ему являлись поселения Ахтанизовская 5 (96) и Ахтанизовская 9 (100). Среди поселений средней части Таманского полуострова это, центральное для небольшой группы поселений, было единственным, основанным на новом месте.

Структура размещения поселений хазарского времени в южной части полуострова была несколько иной. Непосредственно в зону влияния Таматархи входили четыре малых и средних по размерам поселения, расположенные вокруг нее не более, чем в часе ходьбы – Тамань 15 (242), Тамань 16 (256), Тамань 14 (241) и Тамань 7 (130). В юго-западной части полуострова находилось пять поселений – Волна 3 (139), Волна 1. Северо-Зеленское (137), Таманский 4 (144), Таманский 3 (143) и Артющенко 1 (150). Все они были связаны дорогами как между собой, так и с Таматархой. Три из них – Волна 1. Северо-Зеленское (137), Таманский 4 (144) и Таманский 3 (143) выделялись своими размерами и входили в категорию центральных. В зоне влияния первого находилось всего одно поселение – Волна 3 (139), находившееся на берегу Черного моря. Второе не имело “сателлитов”, но играло вполне самостоятельную роль. В зону влияния третьего входило также одно поселение – Артющенко 1 (150), расположенное на берегу Черного моря у Соленого озера. В его культурном слое представлены находки, относящиеся к двум хронологическим периодам – римскому и средневековому. В проводившихся на нем в 1998 г. небольших по объему раскопках все открытые строительные комплексы и большая часть ям относятся к позднему времени, происходящие из них находки имеют аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры второй половины VII – начала X в. В общей сложности открыто пять полуземлянок и 11 хозяйственных ям. Из исследованных построек четыре имели небольшие размеры (в среднем 3 × 2,5 м, при заглублении в материк на 0,3 м), одна полуземлянка заметно крупнее (7 × 3 м, при такой же глубине котлована) [Виноградов Ю.А., 2000. С. 181].

Во введении к разделу говорилось о ландшафтных особенностях расположения поселений на Таманском полуострове. С этой точки зрения весьма показательна ситуация размещения шести поселений – Приморский 11 (111), Виноградный 9 (168), Виноградный 10 (169), Виноградный 13 (172), Виноградный 4 (163) и Виноградный 2 (161) на двух балках – балке Хреева и балке Граничной (рис. 10). Обе они берут начало от седловины между горой Чирко-

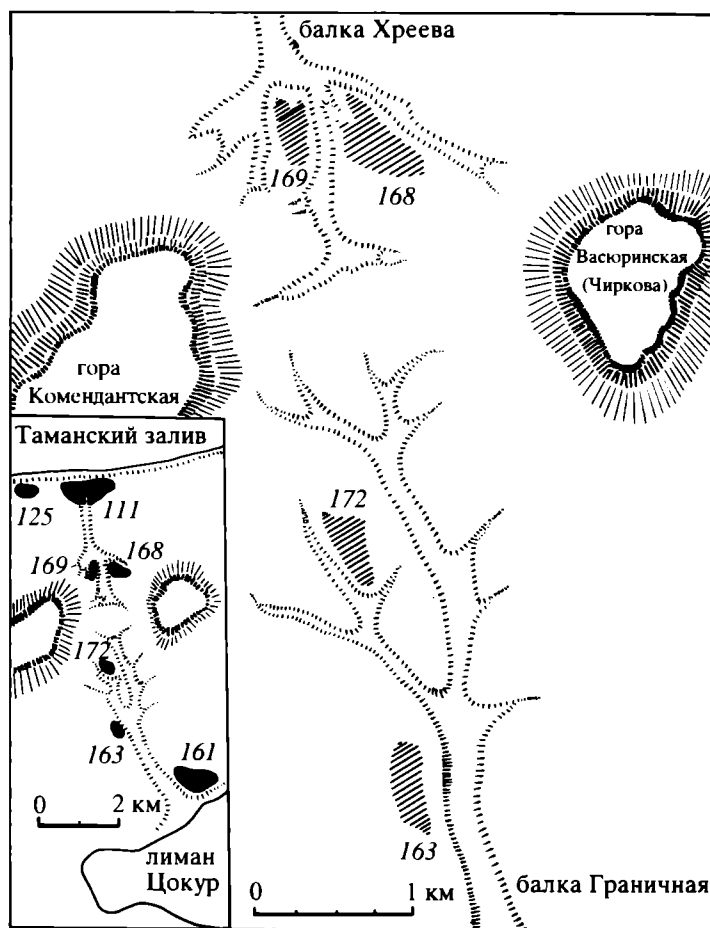

Рис. 10. План размещения поселений хазарского периода между разветвлениями крупных балок

Составлен Я.М. Паромовым

ва (Васюринской) и горой Комендантской, но направлены в разные стороны, первая – на север, к Таманскому заливу, вторая – на юг, к лиману Цокур. Первое из перечисленных поселений находилось в устье балки Хреева, на берегу Таманского залива, второе и третье – в ее верховьях. Четвертое, пятое и шестое поселения были расположены на всем протяжении балки Граничной, последнее из них находилось в ее устье, на берегу лимана Цокур. Однако с точки зрения хозяйственного зонирования первые три поселения входили в группу, центром которой было поселение Приморский 11 (111), находившееся в середине пути между Фанагорией и Таматархой (дополнительно в эту группу входило поселение Тамань 2 (125)). Три последних поселения находились в зоне влияния большого по размерам поселения Виноградный 1 (160), находившегося на берегу лимана Цокур. В эту же группу входило еще одно поселение – Виноградный 12 (171), основанное в рассматриваемое время на новом месте. Это же можно сказать и о поселении Виноградный 13 (172).

Три поселения – Вышестеблиевская 10 (182), Вышестеблиевская 14 (186) и Вышестеблиевская 16 (188) составляли отдельную группу, центром которой было большое по размерам первое из названных поселений, два другие являлись малыми. В

зону влияния крупного поселения Старотитаровская 19 (207) входило только одно среднее по размерам поселение Старотитаровская 7 (195). Самостоятельную роль играло большое по размерам поселение Старотитаровская 9 (197), основанное на новом месте, на высоком берегу Ахтанизовского лимана. Из трех расположенных рядом поселений – Старотитаровская 3 (191), Старотитаровская 4 (192) и Старотитаровская 13 (201), последнее являлось центральным, два других были малыми. Своеобразную и очень показательную хозяйственную группу составляли шесть поселений – Веселовка 2 (152), Вышестеблиевская 1 (173), Вышестеблиевская 11 (183), Вышестеблиевская 13 (185), Старотитаровская 17 (205) и Вышестеблиевская 8 (180). Кроме последнего, все поселения находились на берегах лиманов – Кизилташского, Бугазского и лимана Цокур. Первое из перечисленных поселений было основано в хазарское время. Лидирующим или центральным в этой группе населенных мест являлось поселение Вышестеблиевская 11 (183). Следует отметить три характерные особенности поселений этого микрорегиона. Прежде всего – их береговое расположение. Вместе с поселением Артющенко 1 (150), находившимся на берегу Черного моря у Соленого озера, они были опорными пунктами одного из двух главных водных путей (южного) из Черного моря в глубинные районы Таманского полуострова и Нижнее Прикубанье, проходившего через упомянутые выше лиманы. Кроме того, они были и рыбопромысловыми пунктами. При этом поселение Артющенко 1 (150) играло особую роль, являясь во все исторические времена (включая XX в.), вероятно, основным для Таманского полуострова местом добычи соли.

Еще одной особенностью рассматриваемого микрорегиона является находка надгробий с иудейской символикой на центральном поселении Вышестеблиевская 11 (183) [Кашаев С.В., Кашовская Н.В., 1999], а также рядом с поселением Веселовка 2 (152) [Сафронов В.А., 1978. С. 46], где в “ложном кургане” было открыто погребение в каменном ящике. Скелет лежал на деревянном настиле, в вытянутой позе, на спине, черепом на запад–северо-запад. При нем найден железный предмет (возможно, кресало). Обработанные известняковые блоки стенок и перекрытия ящика, имевшие пазы для пиროнов, первоначально принадлежали античной постройке. Однако один из камней, помимо этих признаков, представлял собой иудейское надгробие с изображением шофара (бараньего рога) и лулаба (пальмовой ветви) на лицевой стороне и тамгообразного знака в виде трех concentric окружностей на оборотной, датирующееся, по мнению Д.И. Даньшина, VI–IX вв. Видимо, этот блок в данном раннесредневековом погребении был использован третий раз. Рассматриваемый микрорегион является вслед за Фанагорией и Таматархой третьим пунктом на Таманском полуострове, где

найжены подобные стелы, что показывает достаточно сложную в этническом отношении общую картину. Согласно мнению Д.И. Даньшина, специально занимавшегося фанагорийской общиной иудеев, в Фанагории в позднеантичный–раннесредневековый период к числу иудеев, помимо собственно евреев, относились и прозелиты из местных варварских племен [Даньшин Д.И., 1993. С. 67, 68]. По ряду признаков (прежде всего – наличию тамгообразных знаков) надгробия из окрестностей Вышестеблиевской принадлежали, вероятно, этой части населения.

Третьей особенностью микрорегиона является типологическая близость главного поселения к наиболее крупному поселению северо-западной части Таманского полуострова – Гаркуша 1 (24). Оба поселения были значительны по размерам, располагались на берегах внутренних водоемов (Кизилташского лимана и Таманского залива), на обоих поселениях существовали остатки античных крепостей–“батареек”, использованные в хазарское время для жилой застройки, оба поселения оказывали заметное влияние на жизнь своего региона.

В северо-восточной части Таманского полуострова, на Голубицком острове в рассматриваемый период существовало пять поселений, по месту расположения и ландшафтным условиям разделяющихся на две группы. Два из них – Голубицкая 5 (224) и Голубицкая 4 (223), находившиеся в западной части острова, на берегу Ахтанизовского (Орловского) лимана, были расположены вблизи главной древней дороги, проходившей через весь Таманский полуостров от переправы через Керченский пролив до восточной оконечности Кандаура. Центральным в этой группе было поселение Голубицкая 5 (224), основанное и существовавшее только в хазарское время, что позволяет судить о его внутренней структуре. Его площадь составляла около 15 га, т.е. подобно Гаркуше 1 (24) оно состояло, вероятно, из 23–25 усадеб. В зоне его влияния находилось малое поселение Голубицкая 4 (223). В восточной части острова находились три поселения, центральным из которых было значительное по размерам поселение Голубицкая 1 (220), ядром которого являлись остатки самой крупной на Таманском полуострове античной крепости–“батареики” [Десятчиков Ю.М., Зайцев А.К., Чернов Ю.В., 1978]. В эту группу входили малое поселение Голубицкая 3 (222) и среднее – Темрюк 1 (225), как и центральное, находившееся на берегу Ахтанизовского лимана у древней, упомянутой выше, дороги. Малое поселение Голубицкая 3 (222) было основано в хазарское время.

В восточной части полуострова, на Кандауре было расположено четыре поселения, два из которых – Темрюк 2 (226) и Курчанская 2 (231) являлись средними по размерам и два – Красный Октябрь 3 (237) и Красный Октябрь 1 (235) – большими. Как и упомянутое выше поселение Голубицкая 5 (224),

поселение Красный Октябрь 3 (237) существовало только в хазарское время. Его площадь была около 25 га, т.е. на нем могло располагаться до 40 отдельных усадеб. Вероятно, оно и являлось организующим центром поселений Кандаура. Следует отметить равномерную расстановку этих поселений, вытянутых в линию вдоль южного берега Кандаура в его восточной и центральной части. Через все поселения проходила упомянутая древняя дорога, от поселения “Красный Октябрь” 1 (235) уходившая в восточном направлении – в Нижнее Прикубанье. Последнее поселение, как и в более раннее время, имело также сторожевые функции. На северном берегу Кандаура также, возможно, существовало поселение хазарского времени. В пользу этого говорит находка в центре станицы Курчанской золотой византийской монеты Льва III Исавра и Константина V Копронима (717–741), но более никаких других данных об этом нет [Кропоткин В.В., 1962. С. 22].

При общей оценке хазарского периода на Таманском полуострове следует прежде всего отметить, что в это время здесь сложилась и существовала развитая многоступенчатая система расселения с двумя городами-портами, Фанагорией и Таматархой, – центрами ремесла и торговли. По своему значению ступенью ниже стояли крупные поселения Гаркуша 1 (24), Вышестеблиевская 11 (183) и, возможно, Голубицкая 1 (220), оказывавшие большое влияние на хозяйственную жизнь периферийных регионов полуострова – северного, южного и восточного. Еще ступенью ниже находились достаточно большие поселения – центры микрорегионов, в зону влияния которых входили от одного до трех–четырех поселений. Основную массу населенных мест составляли малые и средние поселения. Основой экономики раннесредневекового общества являлось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Ведущую роль в нем играло неочевое, основанное на постоянных сельских поселениях, пастбищное скотоводство. Существенной частью системы расселения являлась развитая система дорог и водных путей – внутренних и внешних связей. Как и в античное время, двумя главными морскими “дорогами”, по которым осуществлялся импорт преимущественно из Крыма, а также из Византии в глубинные части Таманского полуострова и Нижнее Прикубанье, были “северный” путь, проходивший через Таманский залив, и “южный”, проходивший через Бугазский и Кизилташский лиманы. Развитие системы расселения на Таманском полуострове в хазарский период свидетельствует о полнокровной жизни раннесредневекового общества на всей его территории. На следующем историческом этапе, во время его вхождения в русское Тмутараканское княжество, в системе расселения произошли определенные изменения, однако она не утратила своих основных черт и не претерпела принципиальных изменений.

Тмутараканский период (X – начало XIII в.)

Во второй половине X – начале XII в. на Таманском полуострове существовало 75 поселений, включая единственный городской центр – саму Тмутаракань (рис. 11). В это время по-прежнему не были заняты поселениями лишь небольшая юго-восточная часть полуострова в районе современных поселков Белый и Стрелка (южная) и западная часть Кандаура в районе Темрюка (запустение юго-восточной части полуострова в рассматриваемое время выражено даже более явно, чем в предыдущее). Наибольшие изменения произошли в северо-западной и центральной частях полуострова. В северо-западной части число поселений возросло до 31 (против 22, существовавших здесь в хазарский период). Из этих поселений только 14 сохранились от предшествующего времени. Эти изменения кажутся весьма существенными, однако все новые поселения – главные по значению или центральные: Гаркуша 1 (24), Батарейка 1 (11), Красноармейский 1 (18), “Волна Революции” 1 (60), Кучугуры 9 (40) и Юбилейный 9 (73). Естественно предположить, что в новый период сохранилась и их организующая роль в хозяйственной жизни соответствующих микрорегионов. О сохранении и даже повышении значения главных дорог свидетельствует возрождение типично придорожного поселения Красноармейский 6 (23), существовавшего еще в античное время на самой важной древней дороге, проходившей от переправы через Керченский пролив через весь полуостров в юго-восточном направлении.

Наиболее значительным изменением ситуации в центральной части полуострова явилось, безусловно, прекращение существования Фанагории. Исследования показали отсутствие городских культурных слоев тмутараканского времени на памятнике [Плетнева С.А., 1981. С. 15; Атавин А.Г., 1992. С. 173, 174]. Однако, возможно, небольшое поселение сельского типа в западной части городища существовало и в рассматриваемое время, в пользу чего свидетельствуют отдельные находки монет, преимущественно варварских подражаний милиарисиям Василия II (976–1025) и Константина VIII, одна из которых происходит из слоя [Кропоткин В.В., 1962. С. 22]. Вместе с исчезновением города Фанагории в этом регионе значительно сократилось и число поселений – с 15, существовавших здесь в хазарский период, до шести. Однако необходимо отметить, что из этих шести поселений только одно – Солёный 3 (90) – в тмутараканский период являлось новым. Остальные поселения – Сенной 11 (240), Юбилейный 4 (68), Приморский 13 (113), Приморский 16 (116) и Ахтанисовская 9 (100) – были старыми, существовавшими еще в предшествующее время, что, безусловно, свидетельствует о преемственности в развитии системы расселения и здесь, в регионе, претерпев-

шем самые значительные изменения. Также необходимо отметить, что первые четыре из названных пяти поселений были связаны с главнейшими дорогами хазарского и тмутараканского времени.

Вероятно, наименьшие изменения в системе расселения произошли в южной части полуострова, где в рассматриваемое время существовало 31 поселение вместе с единственным археологически исследованным городским центром – Тмутараканью (в предшествующий период – 36 вместе с Таматархой). Из общего числа населенных мест 17 являлись преемственными по времени и шесть из них – Волна 1 (137), Таманский 4 (144) Таманский 3 (143), Виноградный 1 (160), Вышестеблиевская 11 (183) и Старотитаровская 9 (197) – в предшествующий период относились к категории центральных. Размещение поселений в тмутараканский период показывает, что они сохранили свое значение и в рассматриваемое время, а некоторые из них – Таманский 4 (144) и Старотитаровская 9 (197) – усилили свои позиции в иерархии населенных мест. Без каких-либо принципиальных изменений сохранилась и дорожная сеть.

В северо-восточной части Таманского полуострова, на Голубицком острове в тмутараканский период существовало четыре поселения, три из которых – Голубицкая 4 (223), Голубицкая 1 (220) и Темрюк 1 (225), находившиеся на главнейшей древней дороге, проходившей через весь полуостров от переправы через Керченский пролив до восточной оконечности Кандаура, – были преемственны по времени. Наиболее значительным из них было поселение Голубицкая 1 (220), ядром которого, как отмечалось выше, являются остатки самой большой на Таманском полуострове по размерам античной крепости-“батарейки”, перекрытые мощными культурными слоями хазарского и тмутараканского времени. В 1986 г. Ю.М. Десятчиковым в восточной части этого городища проводились небольшие по объему раскопки. Им был обнаружен вал со рвом, имеющий деревянные конструкции и датируемый концом X–XI в. [Десятчиков Ю.М., 1996. С. 8, 9]. Исследован крупный железоделательный комплекс того же времени, где вскрыты остатки трех плавильных горнов с очагами для обжига, металлургическими шлаками, крицами, железными болванками, кусками местной руды. Найдены фрагменты и целые формы амфор, фрагменты византийской поливной керамики X–XII вв., шиферные пряслица, жернова и другие материалы. Уникальными находками являются каменная форма для отливки металлических деталей дружинных поясов, которые носили русские дружинники, а также глиняный штамп для ритуальных хлебцев с изображением змеевика и “мальтийского” креста,

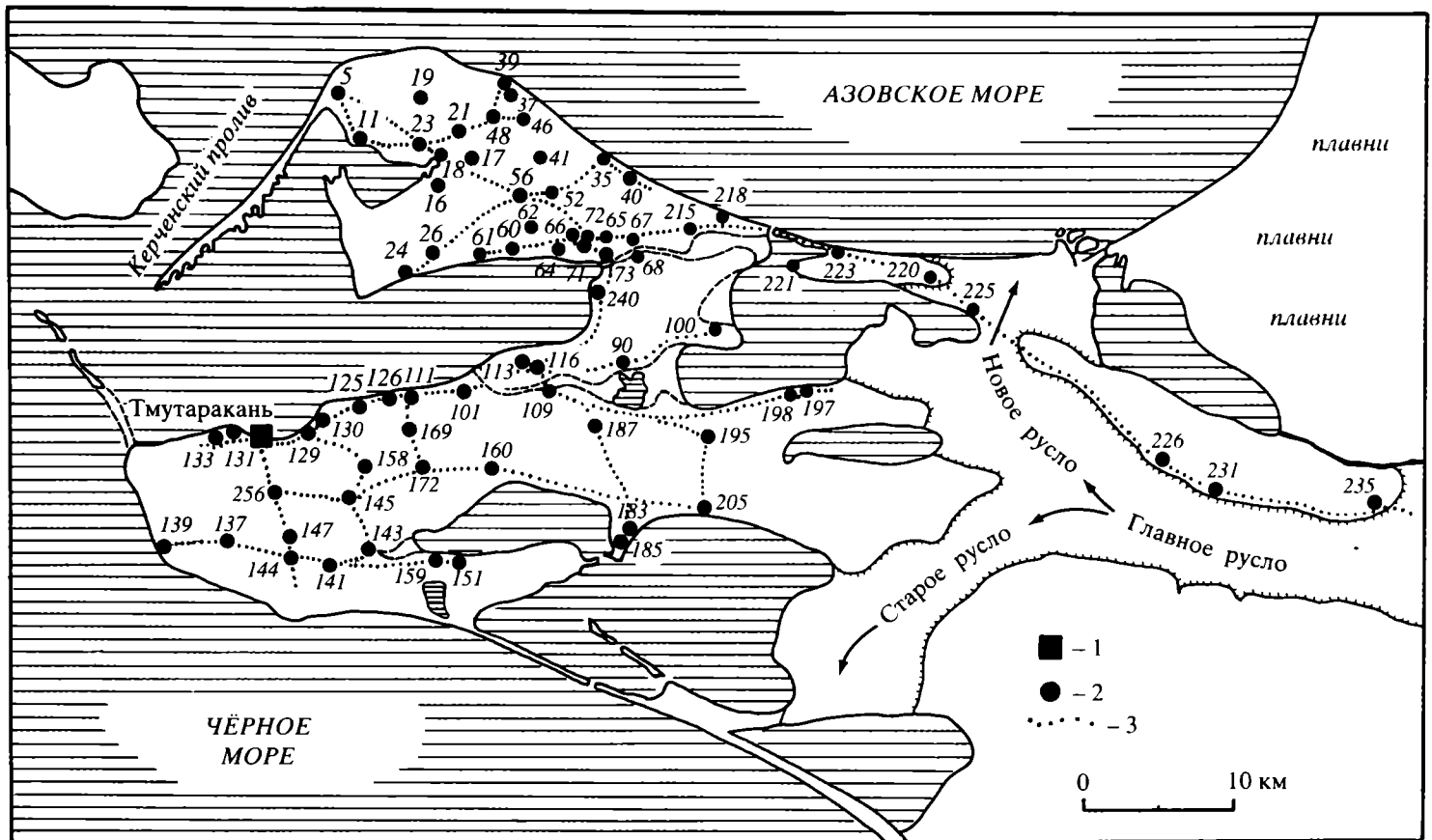

Рис. 11. Поселения “тмутараканского” периода X–XI вв.

Условные обозначения: 1 – города; 2 – поселения; 3 – дороги. Составлена Я.М. Паромовым

имеющий прибалтийское происхождение. Степень исследованности памятника явно недостаточна, но очевидно, что по своему значению он является вторым после Таманского городища памятником тмутараканского времени в рассматриваемом регионе.

Единственным изменением в восточной части Таманского полуострова на Кандауре в тмутараканский период было прекращение жизни на одном из четырех поселений – “Красный Октябрь” 3 (237). Внимания заслуживает тот факт, что жизнь прекратилась на поселении, которое возникло и существовало только в хазарское время.

Отмеченные выше изменения в системе расселения на Таманском полуострове в тмутараканский период – исчезновение ряда поселений предшествующего времени, появление значительного числа новых поселений, “перегруппировка” поселений свидетельствуют, как представляется, о каких-то существенных переменах в этническом составе населения, имевших важное значение для экономики и хозяйства. С другой стороны, сохранение общего числа поселений, а также городского ремесленного и торгового центра – Тмутаракани говорит в пользу того, что, как и в хазарский период, в рассматриваемое время средневековое общество жило полнокровной жизнью. Даже на первый взгляд видно, что в западных частях полуострова (в северо-запад-

ной части и в округе Тмутаракани) поселений стало заметно больше (в особенности – в северо-западной части). Число их выросло прежде всего за счет небольших сельских поселений, близко расположенных друг к другу в самых плодородных по почвенным условиям широких долинах. Можно предположить, что в рассматриваемое время роль земледелия в хозяйственном комплексе значительно возросла (возможно, даже стала ведущей, так как при подобной плотности расселения скотоводство здесь уже просто не может иметь места как ведущая отрасль хозяйства). В пользу этого косвенно свидетельствуют и такие принципиально редкие находки, как железное рало XI–XIII вв. с Таманского городища [Краснов Ю.А., 1987. С. 205], и широкое (сравнительно с предшествующим периодом) обращение монеты – варварские подражания серебряным милиарсиям Василия II (976–1025) и Константина VIII были найдены при обследовании самых удаленных поселений – Кучугуры 8 (39) в северо-западной части Таманского полуострова и Виноградный 13 (172) в юго-западной.

Хазарский и тмутараканский периоды (VIII–XI вв.) могут быть названы временем расцвета системы расселения на Таманском полуострове в эпоху средневековья. После падения Тмутараканского княжества, в последующий, домонгольский

период (XII – начало XIII в.) число поселений на его землях значительно сократилось. Материалы этого времени наиболее выразительно представлены на поселениях Гаркуша 1 (24), Голубицкая 1 (220), Темрюк 1 (225) и на Таманском городище. С точки зрения политической истории эти земли в рассматриваемое время постоянно входили в сферу интересов Византийской империи, а в периоды ее упадка – в сферу интересов гетуэзской торговой империи, распространившей свое влияние на Крым и Северное Причерноморье. Со стороны степей и Северного Кавказа эти земли испытывали постоянный агрессивный натиск.

Свидетельством этого являются два погребения печенего-торчешской эпохи, найденные в северной и южной частях Таманского полуострова. Первое находилось на высоком берегу Азовского моря, под небольшим возвышением, принятым устроителями погребения за курган, второе – на вершине массивного кургана эпохи ранней бронзы [Атавин А.Г., 2001]. Оба погребения датируются концом X – началом XI в. В грунтовом могильнике поселения Красноармейский 1 (18) было найдено половецкое погребение, относящееся ко второй половине XII – началу XIII в. [Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В., 1988. С. 123].

Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках

Таматарха-Тмутаракань

“В лето 1068 индикта 6 Глебъ князь мерилъ море по лёду от Тмutorоканя до Кърчева 14 000 сажень”. Эта знаменитая надпись, начерченная на древней мраморной плите и обнаруженная на Тамани, фактически открыла титульную страницу в истории изучения Таманского городища, впервые позволив локализовать его с известным в средневековых источниках портовым городом Таматархой-Тмутараканью. Камень был обнаружен и опубликован А.И. Мусиным-Пушкиным в 90-х годах XVIII в. Казалось бы, никаких сомнений в локализации Тмутаракани уже не могло быть, но появились подозрения в подлинности надписи. Возникла громадная литература, посвященная спору об этом камне. Дискуссия продолжается и временами вспыхивает с новой силой, а временами затухает [Монгайт А.Л., 1969; Медынцева А.А., 1979]. Следует сказать, что затуханию споров в значительной степени способствуют серьезные исследования камня и, главное, надписи на нем. Одной из наиболее удачных работ, доказывающих подлинность надписи, является небольшая, но очень тщательно выполненная книжка А.А. Медынцовой [1979], выводы которой подтверждаются рядом специалистов – палеографов и лингвистов.

Думается, что отождествление в настоящее время большого Таманского городища с остатками средневековых Тмутаракани, Таматархи, перекрывающих слои античной Гермонассы, можно считать доказанным.

Весомый вклад в это заключение внесли археологические исследования городища. Первые дилетантские раскопки на нем были произведены казаком ст. Темрюкской Тарапенко в 1824 г., и под его руководством они длились около 20 лет. После него, в 40-х годах работы на памятнике были продолжены еще одним казаком (Пуленцовым).

Более фундаментальные исследования проводил на городище в начале 50-х годов XIX в. директор Керченского музея К.Р. Бегичев, но поскольку они не дали никаких ярких материалов и показались несущественными, новый директор того же музея А.Е. Люценко прекратил раскопки памятника, сочтя его “не подающим надежд на открытия”.

Только в 1868 г. один из крупнейших русских археологов В.Г. Тизенгаузен решил вновь вернуться на “неперспективный памятник”, желая установить, что именно на этом высоком прибрежном

холме стояла античная Корокондама и позднейшая Тмутаракань. Выдающихся находок по-прежнему не было, и этот ученый также оставил мысль работать на городище [Ляпушкин И.И., 1941. С. 205–206].

Прошло более 60 лет, прежде чем раскопки этого интереснейшего памятника были возобновлены в 1930–1931 гг. Таманской экспедицией ГАИМК, начальником которой был А.А. Миллер [Миллер А.А., 1931. С. 26–29].

Береговой холм Таманского городища представлял собой почти десятиметровый культурный слой, состоящий, как говорилось, из наслоений античного времени (города Гермонассы) и средневековых слоев (табл. 65: 1). Материковое глинистое основание этого искусственного холма постоянно размывается прибоями Таманского залива, результатом чего являются очень значительные обвалы берегового обрыва, т.е. постепенное разрушение памятника. Именно поэтому, вероятно, раскопки были заложены А.А. Миллером вдоль берегового обреза – на самой разрушаемой части городища.

Целью экспедиции были исследования не всего массива культурного слоя (сверху донизу), а только верхних средневековых его наслоений, хотя в первый сезон была сделана подчистка обрыва, давшая сплошной стратиграфический разрез слоя (высотой в 9 м), накопившегося с VI–V вв. до н.э. по XIII–XIX вв. включительно. Наблюдения и выводы прежних археологов были полностью подтверждены: слой был четко разделен на две эпохи: античную и средневековую. Во второй год работ был заложен раскоп в 250 кв. м и было установлено, то мощность культурных наслоений средневековья равнялась на том участке берега примерно 4 м. Слой был буквально забит обломками разнообразных и разновременных сосудов. В результате работ был получен значительный керамический материал. Он был обработан И.И. Ляпушкиным, разделившим культурный слой эпохи средневековья на два: ранний (IX–X вв.) и поздний (конец X–XIII вв.). Каждый период характеризовался своим керамическим комплексом и редкими, но типичными и датирующими индивидуальными находками [Ляпушкин И.И., 1941. С. 207–210 и сл.].

Работы по изучению городища были продолжены только через 20 лет экспедицией Б.А. Рыбакова (1952–1955 гг.). За четыре сезона была вскрыта

довольно значительная площадь – около 6000 кв. м. К сожалению, на подавляющем большинстве раскапываемых участков культурный слой был вскрыт до уровня не ниже середины X в., поскольку основные усилия экспедиции были направлены на поиски развалин церкви Рождества Богородицы, построенной, согласно летописи, князем Мстиславом Владимировичем в 20-х годах XI в. В 1955 г. остатки фундаментов этой постройки были открыты, зафиксированы, и экспедиция закончила свою деятельность на этом памятнике. В последующее сорокалетие на городище проводили большие работы А.К. Коровина и С.И. Финогенова – обе антиковеды, вскрывавшие средневековые напластования, перекрывавшие античность. С начала 80-х годов к ним присоединилась чета И.Н. и О.В. Богословских, исследовавших более 2500 кв. м слоя (6 м глубины), относимого ими к VII–XV вв., хотя на нескольких участках им как будто удалось вскрыть и отложения V–VI вв. [Богословская И.Н., Богословский О.В., 1992. С. 8–11].

Все перечисленное дает нам достаточно сведений для представления о жизни города на протяжении долгого периода его существования.

Эпоха средневековья наилучшим образом представлена остатками памятников IX–XII вв. Наиболее фундаментальными среди них являются остатки сырцовой оборонительной стены и разрушенная почти до основания фундамента церковь.

Остатки стены были обнаружены у южного обрывистого края (табл. 65: 1). Сохранился всего 30-метровый отрезок этой стены, с обоих концов наискось срезанный крутыми обрывами [Плетнева С.А., 2001] (табл. 65: 11, 12).

Стена толщиной 7,6 м сложена из глинистого ядра и довольно крупных сырцовых кирпичей (40 × 20 × 6 см). Кирпичи уложены на глиняном растворе ровными рядами вплотную к откосам валообразного ядра, а выше его образуют сплошную толщу. В основании стены прослежена каменная выкладка из плоских каменных плиток, но фундамент явно отсутствует. Для предохранения стены от осыпей и размывов низ ее на высоту 0,7 м был тщательно облицован каменной кладкой. Основание стены находилось на глубине 4,5 м от современной поверхности. С внутренней стороны выше подошвы стены примерно на 1 м проходил аналогичный “каменный пояс”.

Хронология этого мощного сооружения устанавливается при соотношении с примыкающими к нему культурными напластованиями. Так, ниже подошвы стены прослежен слой, хорошо датирующийся обломками характерной керамики хазарской эпохи (не ранее второй половины IX в.). Видимо, этим временем следует датировать постройку стены?

Выше этого уровня на 0,5 м по всему раскопу прослеживались следы общего пожара. Он не

очень выразителен по причине отсутствия или малого количества деревянных сооружений на данном участке. Но его можно сопоставить со слоем столь же тотального пожара, обнаруженного, в частности, в раскопах центральной части городища. Представляется весьма вероятным, что этот громадный пожар, охвативший город [Плетнева С.А., 2001а], можно связать с походом князя Святослава Игоревича на Хазарию в 965–966 гг. В походе он разбил войско кагана, видимо, взял Итиль, взял и сжег Саркел (слой пожара там очень значителен) и затем, как бы “походя”, возвращаясь, согласно краткой записи в русской летописи, “победил ясов и касогов” [ПВЛ. С. 47]. Это были сильные народы, отчаянные воины, прекрасно вооруженные. Так легко после прошедших тяжелых боев Святослав вряд ли смог бы победить их объединения. Скорее всего он столкнулся со сравнительно небольшими отрядами у стен Таматархи, которая была тогда заселена, наряду с хазарами, и даже в большей степени ясами и касогами.

После пожара прошло еще около 50 лет, в течение которых с внутренней стороны стены вырос культурный слой в 0,5 м толщиной (табл. 65: 12). В целом, судя по составу керамики, население здесь оставалось прежним, а стена продолжала быть важным оборонным рубежом. Она существовала вплоть до второго пожара, уничтожившего город. По-видимому, его следует связывать с монгольским нашествием начала XIII в. Первоначальная высота стены не установлена. Известно, что монгольские власти приказывали уничтожать, т.е. сравнивать с поверхностью, стены всех древних городов. Это и было сделано в Тмутаракани – стена была срезана до уровня второго пожара. Сохранившаяся ее высота около 2,5 м. Учитывая толщину, представляется очевидным, что ее высота достигала 7–8 м, т.е. во всяком случае была не меньше ее толщины. После частичного срытия стена быстро начала зарастать культурным слоем XIII–XX вв. В плотном массиве стены сначала рыли хозяйственные ямы с неосыпавшимися стенками, не требующими дополнительной обмазки глиной. Позднее все было затянато культурными наслоениями и застройками.

Вторым не менее фундаментальным объектом, обнаруженным на городище, была церковь (табл. 65: 1).

Логически предположив, что церковь Святой Богородицы должна была находиться где-то в пределах центральной части памятника, там были заложены раскопы по ее обнаружению (около 800 кв. м). Характерно, что уже с глубины 0,5 м на этом участке стали попадаться остатки (обломки) явно крупного здания: плинфы, черепицы, кусочки цемьянки, скопления сколов красного песчаника, а при углублении количество этих остатков увеличилось, и в южной части участка среди прочего ло-

ма появились уже кусочки фресок и круглых оконных стекол (диаметр 10 см). От самого здания частично сохранились только фундаменты и рвы от них (табл. 65: 2–6).

Тем не менее, эти остатки дали нам представление о довольно большом и представительном здании, выстроенном несомненно квалифицированными византийскими мастерами. Длина его 16,5 м, ширина 10,65 м. Лучше всего сохранились поперечные фундаменты, два из них дошли до нас нетронутыми грабительскими “разработками”. Их высота 1,6 м, ширина внешней кладки, на которую опиралась западная стена, 1,8 м, остальных – 1,4–1,6 м. Фундамент южной стены сохранился почти на всю длину здания, но на высоту всего в 0,4 м, а от северной остался только кусок в западной части длиной 4 м, высотой не более 0,2–0,3. Кладки были сложены из плотно пригнанных друг к другу, иногда даже немного обтесанных, каменных блоков на известковом растворе.

Хуже всего сохранилась апсидная часть постройки – фундаменты в ней всюду разобраны до основания. Восстанавливается она только благодаря наличию полукруглого выступа в восточной стенке котлована. Отсутствие кладок позволило нам выявить конструктивные приемы начальной стадии укладки фундаментов, а именно: 1) дно всех рвов было тщательно выровнено и отnivelировано; 2) в апсидной части, где фундаменты занимали значительные площади, дно было уплотнено рядами вбитых в него деревянных кольев, от которых сохранились ямки (диаметр 5–7 см). Судя по открытому плану, церковь могла быть одноапсидной, хотя П.А. Раппопорт допускает возможность ее трехапсидности [Раппопорт П.А., 1982. С. 115–116]. Это предположение опирается на тот факт, что “плечи” с обеих сторон центральной апсиды были очень широкие (3 м) с закругленными внешними углами. Ориентировка церкви была строго по оси В–З.

Никаких следов стен, кровли, пола, кроме разбросанных по участку обломков, нет. Однако и по ним можно судить о том, что стены были сложены из плинфы на цемянке, изнутри оштукатурены и покрыты фресками. Кровля была черепичная, а пол скорее всего выложен отшлифованными плитами красного песчаника, обработка которого велась здесь же – в 20–25 м от строящегося здания, о чем свидетельствуют развалы обломков и стёсов красного песчаника северо-западнее церкви (табл. 65: 3). Вблизи этого развала были обнаружены остатки извести: творила и большого (7 × 4 м) сооружения, предназначенного, видимо, для гашения извести (гасила). Ближе к церкви слой ее строительства был уничтожен перекопом так же, как стены и фундаменты самого храма.

С севера и северо-запада от него располагалось возникшее, естественно, позже строительства, а

потому и еще более ощутимо пострадавшее от перекопа синхронное церкви кладбище (табл. 66: 1). От него удалось обнаружить остатки более 20 разоренных могил. Глубина их залегания от современной поверхности очень незначительна – 0,3–0,6 м. Несмотря на разрушения, можно уверенно говорить, что погребения совершались в “ящиках” из хорошо обтесанных известняковых плит, иногда заменявшихся простыми валунами. В трех случаях каменные обкладки отсутствовали, но в могиле были найдены крупные кованые гвозди, обычно употреблявшиеся в то время для заколачивания гробов. Погребения в каменных ящиках, как правило, “многослойные”, но даже в сильно разоренных погребениях в большинстве случаев можно было констатировать первоначальную традиционную христианскую ориентировку головой на запад. Вещей в могилах практически нет, поскольку это предусмотрено обрядом и “дополнено” разорителями погребений, которые забирали не только редкие вещи, но и каменные обкладки, оставляя на месте только лом. В исключительных случаях в развалах костей попадались бронзовые пуговицы, перстеньки, бусинки, которые уверенно можно отнести к концу XI–XII вв.

Итак, мы рассмотрели остатки двух памятников Таманского городища, относившихся к двум разным эпохам, сменившим одна другую: хазарскую крепостную стену и тмутараканскую (древнерусскую) церковь.

Та же картина сменяемости эпох прослеживается, с той или иной степенью достоверности, по остаткам бытовых сооружений (в основном жилых домов) и по заполняющему культурные напластования массовому материалу – керамическим обломкам.

Сохранность остатков бытовых построек, которых на раскопанных площадях было открыто не менее сотни, как правило, не отличается от описанных выше фундаментальных зданий. До нас дошли развалы оснований не более 10–15 жилищ, по которым можно приблизительно восстановить их внешнее и внутреннее устройство. Однако большое количество отдельных разрозненных частей подобных строений дает нам общее представление об их облике, а местами можно и проследить связь их друг с другом (табл. 66: 1–6).

Дома хазарской эпохи характеризуются прежде всего небольшим углублением их в грунт. В вырытые котлованы вдоль стенок ставили каменные цоколи, возвышавшиеся над котлованом на 0,2–0,3 м, хотя попадались цоколи более высокие, поднимавшиеся над уровнем дневной поверхности на 0,8–1 м. Толщина обычных цоколей 0,4–0,6 м, высоких – доходила до 1 м. Камни в цоколях укладывались на глиняном растворе, нередко в “елочку”, на углах помещали наиболее массивные, слегка обтесанные блоки. Верхний ряд цоколя тщательно заравнивал-

ся уложенными небольшими камнями-плитами или обмазывался толстым слоем глины. На выровненную поверхность ставились сырцовые стены. Кровли были двускатными и сооружались преимущественно из камыша или соломы, обмазанных глиной. Черепица для кровель использовалась крайне редко: иногда обломки ее попадают в слое, но связать их с определенной постройкой не представлялось возможным. Размеры домов небольшие: 3 × 3 м, 3 × 4 м, нередко они были двухкомнатными, но в таких постройках меньшее помещение служило хозяйственным целям. Пол подмазывался слоем глины (2–3 см) и после неоднократно подновлялся новыми слоями.

Вдоль стен сооружались глинобитные или сырцовые скамейки (лавки), а в углу ставилась массивная квадратная печь, сложенная из сырцовых кирпичей, обмазанных глиной. Глинобитный свод печи опирался на столб из сырцовых кирпичей, поставленный в центр топки. Печей даже в полуразрушенном состоянии встречалось немного, обычно от них оставался только сильно обожженный (прокаленный) квадратный под, иногда покрытый золой.

Очень редко встречаются среди сохранившихся цоколей остатки замощенных улиц, ширина которых не превышала 2–2,5 м. Покрытие их двуслойное: верхний слой выложен плитняком, нижний – керамическими обломками и костями животных. Следует упомянуть еще об одном уникальном сооружении, строительство которого требовало определенных технических навыков и знаний. Это открытый на северных раскопах, среди остатков разрушенных зданий и кладок квадратный колодец размером 0,45–0,5 × 0,55–0,6 м (табл. 66: 7). Его стенки укреплены рядами камней, уложенных “елочкой”, что является свидетельством принадлежности колодца к хазарскому времени. Он не докопан до дна, удалось проследить его углубление в нижние напластования на 2,6–2,8 м. Однако по заметным изменениям каменной облицовки (увеличение размеров камней и меньшая плотность их укладки) можно предположить, что до дна оставалось совсем немного. Не исключено, что большие камни служили как бы “фундаментом” – опорой для верхних рядов кладки.

Выше уже говорилось, что хазарский слой в районе крепостной стены был перекрыт прослойкой пожарища. Значительно более заметна она в центральных и особенно северных районах городища, достигая местами толщины до 0,7 м. Выше этого слоя начал активно нарастать новый тмутараканский слой (вторая половина X–XI в.) и следующий за ним – византийско-половецкий (XII – начало XIII в.). Он тоже перекрыт пожарищем, оставленным монголами.

Разделить эти периоды только по остаткам бытовых построек практически невозможно, поскольку сохранились почти все строительные тра-

диции, которые удалось выявить при исследовании жилищ хазарского времени. В поздних кладках исчезла только “елочка”, хотя они остались по-прежнему двухпанцирными с забутовкой между ними. В остатках поздних домов как будто не прослеживается “заглубленность” жилищ, но в отдельных случаях, когда дома ставили на старые, немного подновленные цоколи, в них можно было проследить и заглубленность, а на отдельных участках сохранилась кладка “елочкой”.

Активное использование старых кладок приводило к тому, что в течение столетий на многих участках сохранялась первоначальная ориентировка зданий (нередко с античного времени) (табл. 66: 4). Но это не было традицией. Так, в центральной части городища удалось установить, что дома ориентировались в конце хазарского периода по сторонам света фасадами [Плетнева С.А., 2001а], а позднее, в Тмутаракани – углами (табл. 66: 1, 2, 3).

Невозможность всюду на городище проследить стратиграфически перекрытие одних построек другими делает основным датировочным материалом таманских наслоений обломки разнообразной керамики. Как говорилось выше, первой попыткой разобраться в этом массовом материале была работа И.И. Ляпушкина, обработавшего сравнительно небольшую керамическую коллекцию из раскопок А.А. Миллера [Ляпушкин И.И., 1941. С. 207 и сл.].

Значительно большее количество материала было получено раскопками Б.А. Рыбакова. Весь этот громадный массив обломков самой различной посуды был обработан и, как нам представляется, стал фундаментом для хронологии средневековых слоев городища, на который опирались все последующие исследователи этого памятника.

Большая статья о средневековом керамическом комплексе Таманского городища была издана 40 лет назад [Плетнева С.А., 1963]. За прошедшие десятилетия накопились новые материалы, появились новые гипотезы, ряд, казалось бы, очевидных наблюдений был пересмотрен прежде всего самим автором, но основные положения работы остались пока неизменными и многие в то время сомнительные датировки отдельных типов нашли подтверждение в трудах других археологов.

Комплекс делится по функциональному назначению на три основные группы: тарную, кухонную, столовую. В каждой из них выявляются категории, виды и типы посуды. Сопоставление типологизированного материала с таманскими наслоениями позволило создать так называемый “керамический профиль”, давший достаточно четкое представление о сменяемости во времени разных типов, о количестве их в каждом пласте, о возникновении новых типов и категорий сосудов или их полном исчезновении, об импорте посуды в разные периоды существования города.

Рассмотрим хорошо изученные и датированные по многочисленным аналогиям типы средневековой посуды, в первую очередь – наиболее распространенные в слоях Таманского городища амфоры и красноглиняные кувшины с плоскими ручками (табл. 67).

Хронология средневековых амфор была отлично разработана еще в 50-х годах А.Л. Якобсоном на материалах крымских поселений и городов [Якобсон А.Л., 1951; 1979. С. 7–17, 29–32]. Естественно, что она неоднократно корректировалась последующими исследователями [см.: Sazanov A., 1997], но в целом амфорный тарный материал Таманского городища несомненно подтвердил основные хронологические вехи, предложенные А.Л. Якобсоном: амфоры IX, X, XI, XII, XIII вв. прекрасно датируют последовательно сменявшиеся таманские наслоения.

Поскольку на большинстве раскопов археологи углублялись не на всю толщу средневекового культурного слоя, наиболее глубоко залегавшие амфоры V–VII вв. изучены в настоящее время на данном памятнике недостаточно. Амфоры следующего периода – VIII–IX вв., – характерные для хазарского времени, попадались практически на всей раскопанной территории городища: нередко в перекопах верхних слоев, но большая часть – в тех раскопах, где были задеты или вскрыты пласты хазарского периода. В отличие от них, амфоры X в. встречаются значительно реже, зато, начиная уже с конца X в., распространяются в слоях так называемые амфоры с воротничком – с утолщенным и как бы отогнутым венчиком. Ими пользовались в Тмутаракани вплоть до монгольского нашествия. При этом следует учитывать, что амфоры с ручками, которые отогнуты вниз к плечикам на уровне “воротничка” или чуть выше, попадались обычно на большей глубине, чем амфоры с высокими плоскими ручками, относящиеся к более позднему времени. К XIII в. венчик-воротничок заменился простым валиком, а чаще он вообще отсутствовал, а узкое короткое горло зажато большими тяжелыми, круглыми в разрезе ручками, изгиб которых высоко поднят над горлом. К XV в. амфоры исчезают из обихода (табл. 67: 33–39).

Пожалуй, чаще, чем амфоры, в качестве тары использовались в Таматархе-Тмутаракани высокие (0,45–0,5 м) красноглиняные стройные кувшины с плоскими ручками и удлиненным раструбом-горлом (табл. 67: 40–42). На материалах Таманского городища археологам удалось проследить время возникновения производства этих сосудов (IX в.), расцвета их “популярности” (X – первая половина XI в.) и время прекращения их употребления (конец XI в.). Представляется вполне правомочным называть эти кувшины “кувшинами тмутараканского типа”. Отметим, что эти сосуды, относящиеся к одному устойчивому типу, по ряду

признаков отличаются друг от друга, что позволило разделить их на ранние и поздние. Два признака, которые можно определить даже по небольшому обломку, можно считать наиболее существенными и значимыми. Это диаметр венчика и цвет обжига. Ранние кувшины характеризуются венчиками диаметром в 6–8 см и темно-красным, почти коричневым, обжигом. Поздние – венчиком диаметром в 10–12 см и ярко-оранжевым обжигом. 80% тмутараканских кувшинов было изнутри покрыто смолистым черным веществом. Возможно, это была нефть, наливавшаяся в кувшины и продававшаяся в них.

Группа сосудов бытового (кухонного) назначения также дает нам несколько видов, позволяющих датировать слои, где они встречаются или даже преобладают. Прежде всего это характерные для хазарского времени кухонные горшки: почти круглые или яйцевидные сосуды с плоским небольшим дном и немного отогнутым венчиком (табл. 67: 1–5). Края венчиков закругленные, плоские, срезанные, нередко орнаментированные по краю наколами гребчатого штампа или волной. Тулово сплошь или зонально покрыто горизонтальными полосками или волной (обычно по плечикам), глубоко нанесенными острым многозубым штампом. Изготовлены они из глины с примесью морского песка. К этому виду керамики можно отнести и единичные находки обломков котлов с внутренними ушками, представлявшие собой те же горшки, снабженные оригинальным усовершенствованием в виде налепов на внутреннюю сторону венчика с двумя отверстиями для продевания в них ремня, на котором сосуд вешали над открытым очагом. На Таманском городище таких очагов не было обнаружено, видимо, этим следует объяснять редкость находок обломков венчиков котлов в слое. Датировка сосудов этого вида и типа в настоящее время достаточно устойчива – конец VIII – первая половина X в.

Другой вид кухонной посуды, столь же яркий и выразительный, представлен немногочисленными обломками лепных сосудов, украшенных затейливым орнаментом: композициями из кружочков, S-видных “запятых”, прямых коротких насечек, гирлянд (табл. 67: 16–18). Многочисленные аналогии им известны в Саркеле-Белой Веже, где они датируются X в., а в сильно “упрощенном” виде попадают и в XI в. [Плетнева С.А., 1959. С. 230–239]. Находки этой посуды в Тамани разрознены, но один раз они позволили датировать закрытый комплекс X в., а найденная в том же пожарище монета Романа II (959–963) подтвердила и уточнила его дату – середина X в. [Плетнева С.А., 2001a].

Также немногочисленны в слое Таманского городища и обломки славянской и древнерусской керамики (табл. 67: 6–9), хотя появление их в городских слоях свидетельствует о смене эпох: хазар-

ским горшкам пришли на смену древнерусская и, в основном, местная гончарная (круговая) и лепная посуда (табл. 67: 6–11, 19–21).

Третья группа – наиболее красивая и нарядная – столовая посуда. Она весьма разнообразна, и существенно, что каждый исторический период характеризуется своим набором столовой посуды. Так, для предхазарского времени (IV–VII вв.) типична краснолаковая посуда. В начале хазарского периода она почти исчезла из употребления, но небольшое ее количество все же продолжало изготавливаться и ввозиться из византийских провинций. Это чаши разной глубины, сделанные из прекрасно отмученного теста и покрытые красно-оранжевым или оранжевым лаком. Изредка попадаются и обломки чаш, сделанных из более грубого теста и покрытых светло-оранжевым нестойким, легко стирающимся лаком. Возможно, это продукция местных мастерских (табл. 67: 22, 23).

На смену этой посуде уже в середине VIII в. появилась на Тамани также красивая и несомненно более разнообразная по формам и назначению керамика с лощеной поверхностью. Это кувшины, кубышки, кружки, горшочки и корчаги (табл. 67: 24–32). Они также сделаны из прекрасно отмученной плотной глины и обожжены по поверхности до серого и черного цветов, лощение придает им эффектный металлический отблеск. Такая посуда столь же типична для хазарского периода, как и горшки с линейно-волнистым орнаментом. Аналогии ей и прототипы хорошо известны в аланских древностях Северного Кавказа, однако широкому распространению этой посуды по юго-восточной Европе способствовали хазары, под покровительством которых аланские ремесленники активизировали свою деятельность, передав свои навыки в гончарстве другим народам, которые разнесли их по многим городам и селам не только Хазарии, но и других государств, например в Дунайскую и Волжскую Болгарию [Дончева-Петкова Л., 1979. С. 70 и сл., рис. 18, 33а, б, в; Хлебникова Т.А., 1984. С. 30–35, рис. 3, 11].

Лощеная посуда еще продолжала изготавливаться и была даже преобладающей на столах таманских жителей, но одновременно с нею начала использоваться поливная керамика, постепенно за столетие вытеснившая все остальные типы и виды парадной посуды [Макарова Т.И., 1963]*.

Остановимся более подробно на характеристике поливной посуды, поскольку она весьма часто используется археологами Крыма, Причерноморья и Закавказья в качестве датирующего материала так же уверенно, как монеты.

Наиболее ранние виды этой посуды изготовлены из белой глины и покрыты желтой или зеленой пятнистой поливой. В Константинополе они произ-

водились с VIII по X в., откуда вывозились в города Болгарии и Крыма. В Херсоне подобная византийская поливная керамика датируется серединой IX–X вв. В Таматархе она встречалась с херсоновизантийскими монетами IX–X вв.

Самые ранние ее экземпляры представлены кувшинами с поверхностью, покрытой поливой только с внутренней стороны, но особенное распространение получили синхронные им, хотя и появившиеся немного позже, чаши на невысоком поддоне и блюда с характерным рельсовидным венчиком (табл. 68: 1). Обычно они покрывались геометрическим рельефным орнаментом под поливой. Посуда с желтой поливой помимо рельефного орнамента украшалась примитивной гравировкой и подглазурными мазками коричневого ангоба. Петрографический анализ этой посуды показал, что она изготавливалась из двух различных по составу глин, что говорит о разных центрах ее производства. К аналогичному выводу, опираясь на данные анализа форм и декора, пришли и болгарские археологи [Штерева И., 1998. С. 193–195]. Очевидно, поливная керамика поступала в то время в европейские города не только из мастерских столицы Империи, но и из городов континентальной Греции (Солуни, Коринфа).

Помимо монохромной, в Византии в IX–X вв. появилась белоглиняная керамика с полихромной росписью, ставшая в последующие века заметным явлением в ее художественной жизни [Rice D.T., 1954. P. 76]. Отличительной особенностью этой керамики является сочетание контурной росписи от черного до пурпурного цвета с подцветкой желтыми и зелеными пятнами в простейшем варианте (трехцветная гамма) и с применением синего и красного в усложненном варианте (пятицветная гамма).

Единичные образцы полихромной керамики простейшего варианта найдены на Таманском городище. Это обломок чашечки с контурной черной росписью с подцветкой зеленым и желтым. В центре ее изображен побег лозы (табл. 68: 5).

Уникальным образцом византийской полихромии является блюдо с изображением двух птиц по сторонам древа жизни, найденное в Тамани в 1931 г. (табл. 68: 7) [Макарова Т.И., 1967. С. 18–20, табл. IV, 1]. Рисунок выполнен четким контуром с расцветкой деталей синим, голубовато-зеленым, желтым, красным и белым под бесцветной кроющей поливой. Близкое по стилю и способу ornamentации блюдо было обнаружено в Киеве [Макарова Т.И., 1967. Табл. IV, 2]. Оба они вписываются в круг произведений византийского художественного ремесла XI–XII вв.

В слоях XI–XII вв. Таманского городища обычно попадалась полихромная белоглиняная керамика серийного производства: открытые блюда и чашки с подглазурной росписью, выполненной в двух тонах – коричневом и зеленом. Роспись состояла из

* Раздел о поливной керамике написан Т.И. Макаровой.

беспорядочно разбросанных пятен или полос (табл. 68: 2, 4). Иногда изображались круги и простейшие геометрические фигуры. При раскопках в Коринфе и Константинополе подобная керамика встречена в слоях X–XI вв., начиная со второй половины XI в. до середины XII в. она ввозилась в Херсон [Якобсон А.Л., 1950. С. 221]. Обломки чашечек этого вида с зелено-коричневой подглазурной росписью в Тмутаракани встречены в слоях XII в. [Макарова Т.И., 1967. С. 22, табл. VI, 1–6].

Поздние образцы посуды с зелено-коричневой росписью под бесцветной или желтоватой поливой – блюда с изображениями птиц и животных. В Константинополе они встречаются в слоях XII–XIII вв. [Rice D.T., 1930. С. 47]. Четкий контур керамики с полихромной росписью сменился небрежной росписью кистью, живописность которой придают пятна зеленой и желтой подцветки. Блюда этого типа находят во многих городах Причерноморья, особенно в Херсоне [Якобсон А.Л., 1950. С. 220]. В Тмутаракани их немного [Макарова Т.И., 1967. С. 22, табл. VI, 8], как правило, они попадают в слои XII и XIII вв.

Находки на Таманском городище белоглиняной поливной керамики византийского происхождения, датирующиеся X–XIII вв., несмотря на малочисленность, отразили эволюцию этой отрасли художественного ремесла, поскольку изделия этого вида поливной посуды в течение трех столетий попадали в Тмутаракань.

Одновременно с ней ввозилось в город большое количество разнообразной керамики из красной в обжиге глины. Самые ранние ее образцы – чашечки и кувшины – толстостенные с надглазурной росписью пурпурно-коричневыми полосами и кругами, нанесенной на непрозрачную ярко-желтую поливу [Макарова Т.И., 1967. С. 24–25, табл. VII, 1, 4] (табл. 68: 8). Редкие находки этой своеобразной керамики, напоминающей по характеру и тональности небрежной росписи более раннюю белоглиняную византийскую посуду, найдены в Белой Веже в слое конца XI–XII вв., а на Таманском городище – в XII–XIV вв., но это, очевидно, результат перекопов слоя, так как в греческих городах, в которых она изготовлялась, ее четко датируют X–XII вв. [Stevenson R., 1947. С. 51, 59; Morgan Ch.H., 1942. P. 73; Каждан А.П., 1960. С. 213–214].

Более всего найдено в Тмутаракани красноглиняной керамики, покрытой белым ангобом, с орнаментом, нанесенным по нему гравировкой (сграффито), и покрытой прозрачной поливой: желтой или зеленой. Способ нанесения орнамента позволяет разделить ее на типы. Самый ранний отличается тонким узором, чаще всего виноградной лозой, встречаются геометризированные варианты этого сюжета и изредка – изображение птицы (табл. 68: 10, 11, 17). Большинство керамики этого типа, представленно-

го открытыми блюдами на невысоких поддонах, найдено в греческих городах Коринфе и Спарте [Morgan Ch.H., 1942. Tab. XII, 22; XLVI]. В Тмутаракани она сосредоточена в слоях XI–XII вв.

Толстостенные красноглиняные чаши с орнаментом “сграффито” толстой линией, покрытые прозрачной желтой поливой, сохраняют графическую строгость рисунка и монохромность керамики предыдущего типа. По находкам в Константинополе они датируются XII–XIII вв. Обломки подобных чаш найдены в Тмутаракани в слоях того же времени. Чаши этого типа характеризует геометрический орнамент и композиции магического типа с изображениями змей и перечеркнутых ромбов (табл. 68: 15, 16). На большинстве обломков орнамент не сохраняется, но особенности глубоких блюд: пухлый слегка отогнутый внутрь венчик, толстые стенки, прозрачная желтая полива, покрывающая поверхность тонким слоем, делает их узнаваемыми и в небольших обломках.

Продолжением и развитием орнаментации “сграффито” был узор, выполненный в выямчатой технике (“в резерве”). В данном случае контур рисунка наносился острым инструментом на ангобированную поверхность, а потом узкой плоской лопаточкой фон снимался до поверхности глины. Под кроющей желтой поливой участки со снятым ангобом получали теплый коричневый цвет, а изображение оставалось ярко-желтым. На обнаруженных на Таманском городище обломках чаш сохранились фигуры зайцев (табл. 68: 20). Аналогии таким чашам на невысоких поддонах известны в Византии, где они датируются XIII в. [Якобсон А.Л., 1950. С. 199–200].

В слоях XII–XIII вв. на городище помимо парадной посуды попадались и обломки мисок на низких поддонах с простейшим линейно-волнистым орнаментом в технике “сграффито” под кроющей желтой поливой (табл. 4: 13, 14). Небрежность орнаментации и яркий желтый цвет поливы, нередко крошащейся, отличает керамику этого вида от одновременной византийской керамики “сграффито” под желтой поливой. Обломки подобной керамики были найдены в ряде мест Северо-Восточного Причерноморья [Сизов В.И., 1889. Табл. 6, рис. 4]. Данные последних исследований на Балканском полуострове позволяют связать эту керамику с одним из важнейших керамических центров Византии, возникшим в XI–XII вв. в Северо-Восточной Фракии [Борисов Б.Д., 1998. С. 49–50].

Привозная красноглиняная монохромная керамика с орнаментом “сграффито” часто покрывалась и зеленой поливой [Макарова Т.И., 1963. С. 90]. Датируется она XII–XIII вв. Отличительной особенностью ее является орнамент из довольно сложных композиций, иногда звездчатого характера, покрывающий всю внутреннюю поверхность открытых блюд (табл. 68: 18, 19).

Последний широко распространенный вид красноглиняной поливной посуды совмещает оба принципа орнаментации: “сграффито” и полихромии. Разнообразные сюжеты, выполненные в технике “сграффито”, радиальные композиции, шахматные ряды овалов, плетенка дополнены зелеными и коричнево-пурпурными пятнами под кроющей светло-желтой поливой. Обломки подобных сосудов – чаш и кувшинов характерны для слоя XIII–XIV вв. на Таманском городище. Они найдены в большом количестве в синхронных слоях Херсона, поселений Юго-Западного Крыма, Феодосии. Производилась эта посуда на Ближнем Востоке, в Закавказье, широко известен знаменитый центр ее производства в Тырнове (Дунайской Болгарии). Реальных следов ее изготовления на Таманском городище не обнаружено, очевидно она была привозной.

Итак, поливная керамика Тмутаракани была заметной статьей импорта на протяжении трех–четырех столетий. Она свидетельствует о торговых и культурных связях хазарской Таматархи и русской Тмутаракани с такими городами, как Константинополь, Солунь, Коринф, с такими регионами Византийской империи, как Фракия и даже, судя по единственному пока обломку сосуда с росписью кобальтом под бесцветной глазурью, с Самаррой – городом Багдадского халифата.

Мы рассмотрели основной массовый материал, заполняющий культурный слой городища. Среди тысяч керамических обломков встречаются и целые экземпляры, дающие нам представление об облике почти всех видов сосудов, об их формах, орнаментации и способах ее нанесения.

Это дает нам возможность связать Таманское городище со всем окружающим город миром, уверенно датировать вскрытые объекты и разновременные напластования городища.

Не только керамика позволяет устанавливать закономерное чередование слоев на городище, а следовательно и чередование исторических периодов в средневековом городе. Не менее информативным материалом являются обломки стеклянных сосудов, стеклянных браслетов, монет.

Анализ обломков стеклянных сосудов дал дополнительную возможность выявить в средневековом культурном слое самые ранние напластования, относящиеся к VI–VIII вв. [Сорокина Н.П., 1963].

Прекрасно датируют слои немногочисленные монеты, обнаруженные на городище [Кропоткин В.В., 1963]. 44% определенных В.В. Кропоткиным монет относятся к IX – первой половине X в., т.е. к хазарскому периоду, остальные – ко второй половине X в. или к X – первой половине XI в. Очевидно, находки монет свидетельствуют о периодах наибольшей активности торговых связей города с Византией, которые совпадают с наибольшим расцветом Хазарского государства (IX в.) и с коротким владычеством русских князей в Тмутаракани.

Интересны данные, полученные при обработке обломков стеклянных браслетов [Шапова Ю.Л., 1963. С. 102–119]. Они появились в городе еще в IX в., но распространение получили в X и особенно в XI в. В XII и XIII вв. количество их резко (более, чем вдвое) сокращается (табл. 69: 7–10, 24–30). Браслеты привозили в Таматарху-Тмутаракань из Византии, но основную массу из Херсона. Единичные находки бус и стеклянных сосудиков (в обломках) были обнаружены и в слоях X и XI вв. (табл. 69: 14, 37, 38). Изготавливались они в мастерских Византии и Ближнего Востока [Шапова Ю.Л., 1963. С. 120–124].

Приходится пожалеть, что на Таманском городище редки находки отдельных ярких вещей, которые можно было бы уверенно связывать с определенными пластами культурного слоя. Многие предметы, несомненно, хорошо известные археологам и надежно датированные, обнаружены вне того слоя, в котором они должны находиться. Тем не менее, то незначительное количество вещей, которые удалось привлечь для общей характеристики средневекового слоя, дает достаточно выразительную картину, позволяющую представить некоторые хронологические изменения состава находок (табл. 69).

Несколько маркирующих находок свидетельствуют о богатом вещевом комплексе в разные эпохи существования города. Так, в хазарском слое были обнаружены обломки бронзового зеркала, датирующегося не позже первой половины IX в., и типичный хазарский перстень с четырьмя тяжелыми лапками, державшими в гнезде вставку (камень или стекло) (табл. 69: 1, 2) [Плетнева С.А., 1989. Рис. 52, 61; С. 171, табл. 23]. К X – началу XI в. относится срединная накладка на лук с тщательно прочерченным на ней знаком одного из Рюриковичей, очевидно, Мстислава Владимировича (табл. 69: 13) [Ляпушкин И.И., 1941. С. 214, рис. 3; табл. VI]. Примерно этим же временем следует датировать литой бронзовый уздечный наносник или налобник – решму (табл. 69: 16). Они были широко распространены в степях, являясь неременной деталью богатого набора [Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 61, рис. 10, 11; Кирпичников А.Н., 1973. С. 28, 29, табл. X; Гаврилина Л.М., 1991]. К вещам немного более позднего времени относятся две случайно найденные на городище детали, датировка которых устанавливается по аналогиям. Это – костяная пластинка, изображающая фигуру воина в шлеме со щитом и мечом, бывшая, очевидно, накладкой на какой-то небольшой деревянный предмет – скорее всего шкатулку [Макарова Т.И., 1972]. Подобные вещи были весьма популярны в Византии в XI–XII вв. Однако таманская пластинка, судя по небрежности исполнения, была выполнена где-то на окраине Империи, возможно, в Тмутаракани (табл. 69: 23).

От второй вещи до нас дошла еще более незначи-

тельная составлявшая ее часть, а именно – сильно смятая и сломанная маленькая бронзовая литая с позолотой личина (табл. 69: 35). Аналогия ей была обнаружена на великолепном конском начальнике в виде богато одетой сидящей женщины с сосудом в руках. Начальник был обнаружен в Змейском могильнике XI в. [Кузнецов В.А., 1961. С. 87, рис. 15; Плетнева С.А., 1987]. Эта находка подтверждает и подчеркивает тесные связи северокавказских алан с Тмутараканью в XI в. Фактически все тмутараканские находки свидетельствуют о том, что в городе обитало немало и богатых воинов-всадников.

Их богатство и процветание города опирались на широчайшие торговые связи Таматархи и Тмутаракани с окружающим ее близким и дальним миром. Как уже говорилось, о расцвете торговли мы можем судить прежде всего по громадному количеству амфорных обломков. Амфоры были основной тарой для перевозки самых разнообразных продуктов и вина. Они метились собственными знаками продавцов и покупателей. Знаки прочерчивались на горлышках и плечах амфор. Подавляющее большинство знаков-граффити сохранилось на обломках не полностью. Поэтому всего около 200 граффити, более или менее определяемых, удалось обработать и разделить на три хронологические группы [Флерова В.Е., 1997. С. 154, табл. XX]. Оказалось, что на хазарский период приходится только 16% обломков с граффити, в двух последующих периодах процент их примерно одинаков (табл. 70: 4). Интересно, что в Таматархе знаки-граффити представлены простейшими “фигурами”: резами-черточками, крестиками и очень редко – буквами. Во второй период преобладали буквенные знаки: греческие и древнерусские, в том числе обрывки двух слов [Медынцева А.А., 1998. С. 178–184]. В третий период наряду с буквами вновь появляются черточки, крестики, стрелки.

Исключительной находкой являются сложные надписи-таблицы, начерченные на красноглиняном тмутараканском кувшине X в. Кувшин был разбит на мелкие кусочки, но его удалось восстановить и вместе с ним почти полностью были восстановле-

ны и сделанные на его поверхности записи-граффити (табл. 70: 1, 2, 3).

Б.А. Рыбаков и вслед за ним А.А. Медынцева дали абсолютно убедительную их расшифровку. Это оказались цифровые записи, возможно долговые или памятные: читаемое сокращенное слово “кат” в античных записях означало “катетефи” – “уплачено”, “внесено” [Медынцева А.А., 1998. С. 178–180].

Весьма значительным историческим фактом являются находки иудейских надгробий на Таманском полуострове и, в частности, на данном городище. Они совершенно не связаны с конкретными погребальными памятниками, что не позволяет даже приблизительно относить их к определенной эпохе. На Таманском городище они были обнаружены в каменных цокольных кладках нескольких построек. Особенно привлекательны два из них. На лицевой стороне одного изображен глубоким барельефом вырезанный в прямоугольной нише семисвечник и сопровождающая его атрибутика, а на обратной – также глубоко врезанный серповидный знак – тамга. Это дает некоторые основания относить надгробие к хазарскому времени жизни города, в кладку оно попало в следующий период (табл. 70: 5). Второе надгробие резко отличается от предыдущего техникой исполнения. Семисвечник, окантовка прямоугольной рамки, в которую он помещен, просто прочерчены на поверхности камня. Линии неглубокие, местами стерты, само изображение семисвечника небрежное (неумелое). Возможно, это первые опыты камнереза, весьма напоминающие рисунки-граффити на каменных блоках болгарских и хазарских крепостей VIII–IX вв. (табл. 70: 6).

Как бы там ни было, но наличие иудейского населения в таманских городах, зафиксированное письменными источниками [Чичуров И.С., 1980. С. 60; ПВЛ. С. 60, 99, 135], подтверждается обнаруженными здесь надгробиями.

В раннее и развитое средневековье город был многоэтничным, многоязычным торговым и ремесленным центром полуострова, таким он оставался и далее – в позднем средневековье вплоть до XVII в.

Фанагория

Другая судьба сложилась у Фанагории – второго крупного приморского города полуострова, находящегося всего в 21 км восточнее Таманского городища.

Оба города возникли синхронно на плоском берегу (нижнем плато) Таманского залива, волны которого в течение многих веков размывали берег. В Фанагории почти две трети городских кварталов, расположенных на нижнем плато, были уничтожены морем [Блаватский В.Д., 1961; Блаватский В.Д.,

Кузищин В.И., 1959; 1961; Атавин А.Г., 1987]. Однако окружавшие плато с трех сторон холмы второй террасы были застроены столь же интенсивно и потому город в античное время достигал весьма значительных размеров: 2700 × 600 м. В эпоху средневековья город сильно сократился: вдоль берега длина его не превышала 1 км, а ширина – не более 170–200 м (табл. 71: 1). Несмотря на такое заметное уменьшение, он по площади вдвое превышал соседнюю Таматарху. По-видимому, и в античное время, и в средне-

вековые Фанагория была и оставалась крупным торгово-ремесленным городом.

Исследования фанагорийского городища начались, как и таманского, со случайной находки надписи в 1853 г. На мраморной плите была вырезана посвятельная надпись Кассалии Афродите Урании [КБН, 972]. Находка была сделана рабочими около хутора П.Д. Семеняки, поэтому все первые раскопки были сосредоточены в окрестностях хутора в восточной части Фанагории. Проводили их К.Р. Бегичев и К.К. Герц, Я.М. Лазаревский. В последующие годы на протяжении всего XIX в. исследованием памятника занимались А.Е. Люценко, И.Е. Забелин, В.Г. Тизенгаузен, С.И. Веребрюсов, Н.П. Кондаков, К.Е. Думберг [Паромов Я.М., 1993. С. 120–125]. Следует сказать, что никто из этих ученых не обращал внимания на средневековые находки и слои, фактически только А.Е. Люценко упомянул однажды каменные фундаменты каких-то построек “позднейшего происхождения”. Все остальные ученые проявляли интерес только к древностям и объектам античного времени. Фанагория прочно вошла в науку как памятник античной культуры и истории.

Это антиковедческое направление исследований продолжалось и в XX в. Основное внимание было первоначально обращено на район “Керамик”, раскопки на котором продолжались в течение многих лет. Четырехметровый слой там датировался V в. до н.э. – IV в. н.э. Здесь вели раскопки К.Э. Гриневич, Л.П. Харко, В.Ф. Гайдукевич и М.М. Кобылина, работавшая на нем около десяти сезонов. Раскопки городских кварталов и некрополей были начаты В.Д. Блаватским и продолжены М.М. Кобылиной вплоть до 70-х годов XX в. Помимо этих ученых, античная Фанагория исследовалась И.Д. Марченко, А.К. Коровиной, В.С. Долгоруковым, В.Д. Кузнецовым и рядом других археологов, как правило, проходивших в Фанагории школу полевых исследований многослойных памятников [Кобылина М.М., 1956; Паромов Я.М., 1993].

Почти на всех раскопках, заложенных на территории нижнего города (на плато), археологи сталкивались с перекрывавшими античный слой средневековыми отложениями. Постепенно довольно отчетливо выявились общие очертания распространения средневековых слоев, а значит и средневекового города на фанагорийском берегу: он занимал фактически только нижнее плато, с трех сторон ограниченное холмами и оврагами: заплывшими руслами Кубани [Атавин А.Г., 1987. С. 33]. Подобное расположение на местности было характерно для кочевий как малых, не превышавших в длину 200 м, так и таких же обширных, как Фанагория. Остается неясным были ли у этого поселения какие-либо укрепления, или его жители довольствовались естественными преградами: с запада и востока оврагами,

по дну которых, возможно, текли ручьи. Были ли защитные сооружения с южной, самой длинной и опасной стороны, открытой для любого степного налета, неизвестно. Впрочем не исключено, что город, принадлежавший кочевникам и бывший им необходимым в качестве торгового и ремесленного центра, не нуждался в защите от степняков, которые сами оберегали его от опасности.

Первая попытка исследования средневековых слоев была предпринята В.Д. Блаватским еще до войны и позже продолжена М.М. Кобылиной на раскопе, получившем название “Северный город” [Блаватский В.Д., 1940. С. 293–298; 1941. С. 220–221; Кобылина М.М., 1949. С. 15 и сл.; 1951. С. 232–237; Паромов Я.М., 1993. С. 128]. Он был расположен на самом берегу в центральной части плато. Всего на раскопе было выделено 13 слоев. Четыре верхних были отнесены к средневековью, хронологические раки которого были определены неверно, а именно: V–XIII вв. Однако в расположенном тоже на берегу “Северо-восточном” раскопе В.Д. Блаватский в 1940 г. совершенно правильно датировал средневековый слой VII–VIII вв. [Блаватский В.Д., 1941], хотя позднее М.М. Кобылина все же сочла возможным верхний средневековый слой Фанагории датировать X–XIII вв., а погребения в каменных ящиках, обнаруженных в северо-западном районе городища, отнесла к XII–XIV вв. [Паромов Я.М., 1993. С. 131, 132].

В 1954 г. в небольшом береговом раскопе западной части городища мощный средневековый слой (3 м) В.В. Кропоткиным был датирован V–XI вв. [Паромов Я.М., 1993. С. 133]. Наконец, в большом “Центральном” раскопе (575 кв. м), расположенном всего в 70 км южнее берегового не менее крупного “Северного” раскопа, удалось выявить 12 слоев. После исследования средневековых материалов этого раскопа (в основном керамики), а также всего керамического средневекового комплекса Фанагории мы можем говорить о том, что верхние средневековые наслоения Фанагории следует датировать не позже начала X в. [Плетнева С.А., 1981. С. 14–17, рис. 4–6]. Значительный вклад в средневековую стратиграфию Фанагории внесли небольшие раскопки специально стратиграфического направления, проведенные А.Г. Атавиным. Убедительно основываясь на керамическом материале, он разделил средневековый слой на 5 строительных периодов: 1) вторая половина IX в. – 920-е годы; 2) VIII – середина IX в.; 3) VII – начало VIII в.; 4) V–VI вв.; 5) IV в. [Атавин А.Г., 1988; 1992].

Почти каждый крупный исследователь городища стремился к созданию максимально точного плана Фанагории. Пожалуй, немного в России найдется памятников с такой обширной топографической документацией. Последняя съемка была произведена Я.М. Паромовым – это наиболее точный,

составленный по данным аэрофотосъемки план памятника с нанесенными на него раскопами, шурфами и траншеями (всего около 90). Впервые на этом плане представлена степень изученности его археологами (табл. 71: 1). К плану приложен прекрасный комментарий, дающий полную беспристрастно и кратко изложенную историю исследования фанаторийского городища [Паромов Я.М., 1993].

В данном разделе нас интересуют материалы периода пребывания хазарских военных соединений на Таманском полуострове, т.е. периода, синхронного слою Таматархи на Таманском городище.

Более ранние материалы, как мы видели, включены в главу V, полностью посвященную археологическим данным дохазарского периода на Таманском полуострове. Следует сказать, что их немного, особенно это касается остатков домостроительства, от которых, как правило, сохранились только “обрывки” кладок разной высоты. Существенно, что в ранних кладках ни разу не был прослежен типичный для хазарского периода прием укладки камней “елочкой”.

Тем интереснее и информативнее представляется довольно значительный сравнительно хорошо сохранившийся участок средневекового города, относящийся к хазарскому времени (Центральный раскоп). На нем на глубине около 1 м от современной поверхности были расчищены цоколи нескольких жилищ, очевидно, синхронно существовавших, так как все они связаны планировкой двух сходящихся углом улиц (или улицы и переулка), вдоль которых были выстроены (табл. 71: 2, 3). Практически все цокольные кладки сложены “елочкой”.

Дома хазарского времени в целом весьма однотипны, три из них были двухкомнатными, три – однокомнатными, все отличаются довольно большими размерами: 6×4 , 6×5 и даже 8×5 м, т.е. площадь их колебалась от 24 кв. м до 40 кв. м. Для кладок характерно использование в узловых местах крупных обработанных блоков (на углах, у входов и пр.).

Вокруг кладок, особенно внутри помещений прослежены разливы глины, нередко довольно толстые. Очевидно стены строений, как и в Таматархе, выкладывались из сырца или были глинобитными. Внутреннее устройство их не сохранилось. Только в юго-восточном углу одного из домов удалось проследить круглый в плане открытый обмазанный глиной очаг, забитый золой и углями (диаметром 1 м). В другом (двухкомнатном) доме у перегородки лежал тяжелый нижний жернов. Поскольку вокруг него была рассыпана глина, не исключено, что это было основание гончарного круга. Надо сказать, что на данном участке была прослежена характеризующая градостроительство особенность, а именно: очень массивные заборы, толщиной равные внешним стенам построек. Это была надежная защита дворов, примыкавших к домам. Кроме того, вме-

сте со стенами домов они служили сплошным обрамлением улиц, прерываясь, видимо, узкими калитками и воротами. Внешний вид города напоминал современные окраинные улочки среднеазиатских городов. Интересно, что на углах, в соответствии с поворотом улицы, забор плавно закруглялся. Во дворах жители занимались самой разнообразной деятельностью, во врытых в землю почти до горла пифосах хранили зерно. Возможно, над ними сооружался специальный навес. Почти в центре большого прекрасно замощенного двора был поставлен квадратный глиняный жертвенник (1×1 м). Он был основательно разрушен и затоптан, но по остаткам можно судить, что стенки его были глинобитные, толщиной около 0,3 м. Во внутренней квадратной площадке несомненно горел огонь: зола, угли, обожженные стенки свидетельствуют об этом. В центре прослежена круглая яма, вероятно, от столба. Вряд ли столб был деревянным, так как вокруг горел огонь. Можно предположить, что в жертвеннике стоял каменный идол, хотя отсутствие каких-либо аналогий этому сооружению и его плохая сохранность не позволяют делать определенные заключения.

Мостовая основной улицы, прослеженная на раскопе в длину на 20 м, направлена с востока на запад (с небольшим отклонением). У западного края раскопа она резко поворачивает на север – к морю. Ширина улицы 3 м. С севера к ней примыкал переулок шириной в 1,5–2 м. И улица, и переулок были замощены обломками посуды (амфор) и костями животных. На хорошо сохранившемся участке уличной мостовой удалось зафиксировать четыре слоя мостовых, разделенных земляными прослойками в 15–20 см. Очевидно, по мере загрязнения и роста культурного слоя вокруг мостовой улица ремонтировалась – подновлялась новой подсыпкой. Таким образом, с учетом нарастания культурного слоя 1 см в год, можно предположить, что улица существовала во всяком случае не менее 80–100 лет.

Приходится пожалеть, что этот раскоп не был расширен. По существу, исследование Фанатории хазарского времени только началось и в последующие годы почти не продолжалось.

Сравнительно небольшие, хотя и многочисленные раскопы не позволили более ни разу открыть участок города, на котором бы прослеживались особенности городской планировки и строительства в один определенный хронологический отрезок времени – середина VIII–IX вв.

Датировки средневековых слоев опираются в основном на анализ керамических материалов. Благодаря многочисленным аналогиям особенно убедительно датируется керамический комплекс хазарского времени (табл. 71: 7–20, 22, 24). На материалах Центрального раскопа удалось проследить распространение по глубинам амфор не только ха-

зарского периода, но и более ранних (VII – начала VIII в.) (табл. 71: 23). Верхние 1,2 м забиты обломками амфор хазарского периода. Ниже, почти вплоть до античности, преобладают обломки амфор VII в. Их довольно много и в верхних 0,4–0,6 м. Объяснить это можно, видимо, тем, что обломки ранних, давно разбитых амфор сохранялись жителями для мощения и ремонта покрытий переулков, дворики и основной улицы.

Не менее выразительно распространение в слое обломков кухонных гончарных горшков и котлов с внутренними ушками: от дернового пласта до глубины 1,8 м (табл. 71: 21), а это значит, что они существовали с амфорами VII в., причем периода их наибольшего использования. Очевидно, кухонную керамику следует датировать в комплексе с другими группами сосудов. Они явно появились значительно раньше нижней даты амфор хазарского периода, т.е. еще в византийско-болгарское время существования города. Тогда же особенное распространение получили лепные горшки с примесью песка и травы в глиняном тесте.

Другой вид посуды, характеризующий хазарское присутствие, – столовая лощеная керамика. Ее обломки попадают в 4–5 раз реже кухонной посуды (табл. 71: 21). Следует учитывать, что на разных раскопах количество их на разной глубине различно. Наиболее распространены среди них, судя по обломкам, приземистые кувшины с коротким горлом и венчиком с выделенным сливом, а также крупные прекрасно сформованные и обожженные столовые пифосы с поверхностью, богато украшенной лощением. Характерна также довольно частая встречаемость в слое мелких обломков больших и малых мисок. Обжиг этой группы посуды – светло-коричневый или серый. А.Г. Атавину удалось выявить среди лощеной посуды ранние типы, отличающиеся от лощения хазарского времени формами, цветом поверхности (иногда ангобированной), самим характером лощения [Атавин А.Г., 1992. С. 158–189]. Встречается эта посуда исключительно в слоях V–VI вв. Пик ее распространения совпадает с пиком краснолаковой посуды того же времени [Атавин А.Г., 1992. С. 210, 211; 1993. С. 69]. Вероятно, появление в городе этой ранней лощеной посуды можно связывать с проникновением аланского населения с Северного Кавказа, хотя для каких-либо уверенных выводов материала еще недостаточно.

Следует сказать, что синхронный таманский керамический комплекс очень близок фанагорийскому. Основное отличие – наличие в Фанагории обломков котлов с внутренними ушками (ручками). В Тамани они также иногда встречались, но процент их в массе обломков кухонных горшков очень невелик, а в Фанагории они встречаются часто. Предварительные подсчеты показали, что примерно деся-

тая часть обломков принадлежала котлам. Для керамического комплекса конца VIII–IX вв. характерно также почти полное отсутствие находок поливных (ранних) сосудов и столь же редкие обломки красноглиняных кувшинов “тмутараканского” типа.

В Фанагории, как и в Таматархе, в слоях очень плохо сохраняется металл, поэтому нет находок бронзовых или железных предметов. Даже находки монет единичны и, как правило, они разрушены (окислены) полностью. Поэтому особенно ценны для археологов обнаруженные в Фанагории три каменные литейные формочки – убедительное свидетельство собственного производства прекрасных ювелирных украшений в городе, а также высокого мастерства резчиков по камню, изготовлявших формы. Фактически каждая формочка представляет собой целый блок, предназначенный для отливки не одного, а по крайней мере десяти предметов. Большинство этих предметов имеют аналогии в “салтово-маяцких” древностях, датирующихся IX – началом X в. Одна из форм была обнаружена в 1952 г. и немного позже была издана в фундаментальном томе “Фанагория” [Рыбаков Б.А., 1956. С. 180–182]. Это прямоугольный брусок (8,3 × 5,3 × 3 см) серого плотного сланца, все шесть граней которого использовались литейщиком (табл. 71: 4). Из вырезанных в литейной форме предметов наиболее яркими и датирующими являются три разнотипные серьги на лицевой стороне; на боковой стороне прямоугольная подвеска с зигзагообразным орнаментом (ручка копоушки или ногтечистки?); на обратной стороне бруска – лунница. Все эти вещи изготовлялись не ранее второй половины IX в. [Плетнева С.А., 1989. Рис. 57, 58, с. 171]. Другой брусок сделан из того же сланца, очень тщательно. Размеры его: 7,5 × 6,4 × 1,3 м. На боковых гранях изображения отсутствуют, на лицевой стороне помещены формочки для отливки круглых подвесок, на обратной – массивный наконечник для поясной воинской гарнитуры и круглая подвеска (табл. 71: 5). Третий аналогичный брусок сохранился плохо – сильно оббит, но на одной стороне осталось отчетливое изображение двух формочек: копоушки с зигзагообразным орнаментом на ручке и серьги (табл. 71: 6). Обе стилистически не выходят за рамки конца IX в.

К сожалению, в Фанагории не обнаружено и не исследовано ни одного средневекового могильника. Известны только разбросанные вокруг города отдельные погребения, которые можно с той или иной степенью вероятности относить к средневековью. Причем, эти погребения, как правило, располагались на территории античных некрополей. Таковы погребения в восточной части Фанагории на холмах второй террасы. Все это захоронения в простых неглубоких ямах, уложенные вытянуто на спине, без вещей. Большой могильник находился у подножия

горы Шапурской, к югу от городища. Погребения безынвентарные, антропологических определений погребенных не производилось, поэтому и хронология, и этническая принадлежность захоронений осталась невыясненной. В западной части Фанагории М.М. Кобылина обнаружила еще один могильник, в котором было вскрыто девять погребений, как и предыдущие – безынвентарные, но семь из них совершены в каменных ящиках. Это послужило основанием для заключения о поздней дате этих захоронений: XII–XIV вв. Однако мы знаем в настоящее время, что в Крыму они начали появляться значительно раньше IX в., а в ближайшей к Фанагории Тмутаракани погребения в каменных ящиках датируются XI, возможно, XII вв., но не позже. Поскольку жизнь в Фанагории кончилась в конце IX в., погребения в этом городе, очевидно, следует относить к тому же и более раннему времени.

Все перечисленные захоронения, условно относимые нами к эпохе средневековья, безынвентарные, что, вероятно, следует объяснять религиозными воззрениями людей, хоронивших своих близких без сопровождения хотя бы скромного инвентаря. Трудно представить, что захоронения вокруг Фанагории и в ней самой принадлежали исключительно беднейшему населению. Известно, что в простых могилах вытянуто на спине, головами на Запад и без вещей хоронили своих мертвых представители двух религий, наличие которых в Фанагории зафиксировано в письменных источниках: христиане и иудеи.

В Фанагории была в VI в. даже собственная епархия [Васильевский В.Г., 1912. С. 384]. Правда, позднее она уже не упоминалась в источниках, но христианизированное население, вероятно, осталось в городе, хотя, согласно сообщению византийского историка Феофана Исповедника [Чичуров И.С., 1980. С. 60], город в VII в. в значительной степени был заселен евреями-иудеями. Факт пребывания евреев в городе подтверждается археологически: на городище было обнаружено несколько типичных иудейских надгробных каменных плит с семисвечниками и другой иудейской атрибутикой [Даньшин Д.И., 1993]. На обратной стороне некоторых из них выбиты тамги, что, видимо, позволяет связывать эти надгробия с хазарами-иудеями? Однако ни одной могилы, связанной с иудейским надгробием, обнаружено пока не было, поэтому считать часть безынвентарных захоронений иудейскими (или христианскими) мы можем только предположительно.

Таким образом, судя по тем материалам, с кото-

рыми удалось познакомиться исследователям средневековых слоев, можно сказать, что в VIII и IX вв. город явно процветал. Об этом свидетельствует постоянно подновлявшееся покрытие большой (главной?) улицы, благоустроенность усадеб, большое количество амфор, свидетельствующее об оживленной торговле города с дальними странами и ближними регионами, развитое ремесло (гончарное, камнерезное, ювелирное), подтверждаемое находками.

Несмотря на это, в конце IX, может быть, в первые годы X в. Фанагория прекратила свое существование. При этом следует учитывать тот факт, что город не был разгромлен и разрушен в громадном пожаре. Полное отсутствие бытовых находок в остатках домов и усадеб создает впечатление, что все было аккуратно собрано и вывезено при общей тотальной эвакуации. Последняя могла быть обусловлена надвигавшейся на город опасностью нашествия варваров, которыми в те годы могли быть печенеги [Плетнева С.А., 1981. С. 15–16; 1980. С. 26]. Другой причиной стали природные изменения. В частности, сильно обмелевшая гавань привела к потере городом значения крупного портового торгового центра. Последнюю точку в истории города поставили повышение уровня моря (размыв береговых кварталов) и занесение илом и песком омывавших Фанагорию русел Кубани [Атавин А.Г., 1987. С. 32, 34]. Природные факторы безусловно сыграли важную отрицательную роль в жизни Фанагории, но при этом следует помнить, что археологические материалы свидетельствуют не о постепенном затухании города в эпоху средневековья, а как говорилось, о длительной полноценной его жизнедеятельности.

Торговые связи осуществлялись сухопутными дорогами, проложенными еще в античное время и продолжавшими функционировать в средневековье. Пять крупных магистралей сходились в Фанагории (рис. 9). Они обеспечивали город всем, что мог дать Таманский полуостров, буквально усеянный поселениями. Кроме того, невозможность пользоваться собственной гаванью способствовала активизации перевозок товаров сухопутным из ближайших портов: Таматархи, Кеп.

Все сказанное делает, по-видимому, предпочтительной гипотезу о внезапном оставлении города под угрозой неминуемой надвигающейся гибели. Перерезанные врагом сухопутные дороги могли стать для жителей значительно большей трагедией, чем постепенно мелеющая морская гавань.

Северо-Восточное Причерноморье

Введение

К югу от Керченского пролива, за крутым мысом Таманского полуострова, открываются просторы Черного моря, на протяжении 350 км омывающего кавказские берега. Эта узкая полоса, Северо-Восточное Причерноморье географически относится к Северному Кавказу и составляет 2% его территории, входя в Краснодарский край (Рос. Фед., 1968. С. 402 и сл.). Она вытянулась вдоль моря от основания Таманского полуострова до реки Псоу, по которой проходит государственная граница с Грузией. Море согревает и увлажняет эту территорию, а горы, особенно в южной части, защищают от холодных ветров зимой и знойных суховеев летом. Умеряя летний жар и утепляя воздух зимой, Черное море сильно воздействует на климат этой береговой полосы. В свою очередь, климат, почвенный покров гор и растительность строго подчинены закону вертикальной поясности, перемене от предгорий в сторону высокогорий.

Большую часть Северо-Восточного Причерноморья занимают горы, сложенные мергелями, глинистыми сланцами и частично известняками. В основном, на приморских склонах преобладают низкогорья и средневысотные горы с округлыми вершинами и пологими склонами, почти сплошь заросшие лесами. Северо-Западные цепи Большого Кавказа подступают к берегу вблизи Анапы. В этой части региона рельеф образуют холмы с мягкими очертаниями, перемежающиеся равнинными участками. Вначале, до Геленджика, горы не превышают 750 м, но и здесь растительность располагается поясами. Самый нижний пояс (до 150–200 м от уровня моря) характеризуется зарослями сухолюбивых, мелколистных колючих кустарников: кизила, боярышника, шиповника, барбариса, держидерева и терна в сочетании с лесными видами – дуб пушистый, изредка древовидный можжевельник, фисташка, локально – сосна пицундская. Кроме того, здесь широко распространены издревле окультуренные грецкий орех, лещина, грушевые и яблоневые деревья, виноград, табак, а в полосе дубрав много граба, ясеня, осины, ольхи, вяза. На высоте от 200 до 500 м кустарники те же, а леса состоят из более крупных экземпляров можжевельника, дуба, граба, ясеня. Выше 500 м лесная растительность сильно угнетена постоянно дующими здесь ветрами и постепенно сменяется горными степями. Зимой холодные континентальные воздушные массы, преодолев горы, проникают на побережье на отрезке от Анапы до меридиана Михайловского перевала, принося низкие температуры и иногда сильные ветры – норд-осты (бора). В общем же, зи-

ма заметно теплее равнинной предкавказской, а лето ясное и жаркое, что приравнивает климат к средиземноморскому.

Иной облик имеют причерноморские ландшафты к югу от Михайловского перевала, особенно от Туапсе до Адлера, где они весьма обильны разнообразной вечнозеленой растительностью. Здесь ровный климат отличается большой теплотой и круглогодичными осадками, что приближает эту часть Причерноморья к влажным субтропикам. У Туапсе горы достигают 900 м, а затем к югу чуть восточнее Сочи – уже 3000 м. Их склоны покрыты дубовыми и буковыми лесами, густо заросшими различными лианами и подлеском из реликтовых видов растительности.

Предгорно-прибрежная часть Причерноморья значительно меньше горной по площади и занимает узкую полосу шириной от нескольких метров до нескольких километров. Обычно она отделяется от хребтов крутым и высоким уступом, а там, где реки, прорезав хребты, прорываются к морю, образуются глубокие и узкие долины-щели. Вдоль побережья морской прибой за длительный период времени образовал полосу галечниковых, гравийных, а в устьях рек – песчаных пляжей. Ее ширина может достигать нескольких десятков метров, но местами скалы обрываются прямо в море. Такие крутые обрывы встречаются на всем протяжении побережья от Анапы до устья Псоу. В целом, на прибрежной полосе мало ровных площадок, рельеф преимущественно представлен холмами и возвышенностями и поэтому под сельскохозяйственные угодья часто сооружались террасы на их склонах. Сельским хозяйством освоена незначительная часть территории Причерноморья: пашни, сады, плантации многолетних культур и даже пастбища представляют собой маленькие, отвоєванные у леса и гор островки.

На протяжении от Анапы до Адлера только в трех местах большие естественные морские бухты вдаются в берег – у Новороссийска, Геленджика и Туапсе. Однако в древности он имел другие очертания из-за пониженного уровня моря. Самой большой является глубокая и незамерзающая Цемесская бухта, возле которой в устье реки Цемес вырос Новороссийск. Суджукской косой в северной части и мысом Дооб в южной она отделена от морской акватории, а со стороны материка окружена предгорьями хребта Маркотх, поднимающегося до 750 м над уровнем моря. Живописную Геленджикскую бухту образуют два мыса – Толстый и Тонкий. Некогда в окрестностях Геленджика горы бы-

ли сплошь покрыты дубравами, вырубленными ради экспорта древесины. На подверженных ветрам участках растительность прячется в щелях-балочках. Туапсинская бухта расположена возле устья большой межгорной котловины с двумя речушками. Благоприятный микроклимат и защищенность от ветров горами издавна привлекали сюда поселенцев. Далее к югу берег в устье Мзымты и до Псоу низменный и некогда был болотистым.

В предгорно-приморской полосе естественный растительный покров претерпел большие изменения за длительный период антропогенного воздействия, поскольку издавна прибрежная кромка была довольно густо заселена. Наиболее это касается территории Больших Сочи, отличающейся обилием как местных, так и инородных субтропических и акклиматизировавшихся тропических растений. Первые результаты изучения палеоландшафта в северной части региона, под Новороссийском, свидетельствуют, что с рубежа эр здесь были распространены те же виды широко-

лиственных и кустарничковых пород, которые характерны для современной растительности предгорий и нижнего яруса гор [Антипина Е.Е. и др., 2001. С. 32–33]. Карпологи́ческий анализ Е.Ю. Лебедевой образцов с античных и средневековых, XII–XIV вв., поселений под Новороссийском показал, что в обе эпохи в палеоботаническом комплексе лидирует полба или пшеница двузернянка, затем следует просо (ячмень сеялся в незначительном количестве). Это были две ведущие посевные культуры в местном земледелии с устойчивыми традициями в силу стабильных природно-экологических условий [Антипина Е.Е. и др., 2001. С. 35]. В целом, природно-географическое своеобразие региона, сочетающего морское побережье, степные и равнинные участки в северной его части и горы (с плодородными южными долинами), обусловило этно-исторические процессы и синтез культур местных горцев, кочевников-степняков и заморских пришельцев, который улавливается со времен античности.

Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.)

Историографический очерк

К концу XIX в. относятся первые публикации раннесредневековых древностей Северо-Восточного Причерноморья [Сизов В.И., 1889. С. 76, 77, табл. XI: 9, 11; ОАК за 1892 г. С. 93], а уже в начале XX в. здесь проводятся первые профессиональные раскопки могильников, начинается систематическое издание коллекций, памятники обсуждаются крупнейшими специалистами, начинают формироваться собрания местных музеев [Спицин А.А., 1907; Саханев В.В., 1914; ОАК за 1913–1915 гг. С. 159]. На долгое время эти работы составили основную источниковую базу для суждения о культуре Северо-Восточного Причерноморья в третьей четверти I тыс. н.э. Борисовский же могильник, благодаря представительности материала и образцовому для начала XX в. исследованию В.В. Саханева, вплоть до недавнего времени играл роль одного из эталонов в оценке раннесредневековых древностей Кавказа и других территорий.

В последующие более чем полвека пополнения корпуса источников происходили преимущественно из случайных находок, сборов на разрушающихся памятниках, спорадических и очень ограниченных раскопок. Публикации материалов были редкими, краткими и выборочными [Анфимов Н.В., 1980; Минеев М.Г., 1984 и др.].

Исключением стал труд Е.П. Алексеевой, явившийся первой попыткой обобщения раннесредневековых памятников Северо-Восточного Причерноморья [Алексеева Е.П., 1964]. Тогда же римско-византийские монеты были представлены в сводах В.В. Кропоткина, опиравшегося во многом на труд Е.А. Пахомова [Кропоткин В.В., 1961; 1962].

С конца 1960-х годов начинаются систематические работы с местными древностями в южной и северной частях рассматриваемого региона, проводимые профессиональными специалистами, уроженцами Черноморского побережья Кавказа – Ю.Н. Вороновым, обследовавшим, опираясь на помощь местных краеведов, окрестности Сочи и представившим материал в ряде публикаций [Воронов Ю.В., 1971; 1979; 1979а] и А.В. Дмитриевым, до настоящего времени работающим в Новороссийске. Раскопки в 1974 г. А.В. Дмитриевым раннесредневекового могильника на р. Дюрсо стали сенсацией и сразу же привлекли внимание отечественных и зарубежных специалистов.

В последние годы археологические материалы III–IX вв. продолжали пополняться профессиональ-

ными раскопками ряда первоклассных памятников. Особенно значимы впервые исследованные материалы могильников III–IV вв. в Бжиде и Южной Озерейке [Пьянков А.В., Строчевой А.А., 1992; Пьянков А.В., 1998; Шишов А.В., 1999], материалы могильника Бжид, непрерывно существовавшего с III по VII в. на стыке культурных влияний Северного Причерноморья и Закавказья, погребения гуннского времени в Цемдолине, позволяющие заполнить хронологическую лакуну между материалами Южной Озерейки и Дюрсо в окрестностях Новороссийска [Малышев А.А., 1995]. Археологические исследования в Анапе позволили очертить пока немногочисленный круг находок, отражающих жизнь на территории разрушенной в середине III в. Горгиппии в конце римского времени и раннем средневековье [Алексеева Е.М., 1997. С. 144; Трейстер М.Ю., 1982. С. 159].

Оценивая в целом состояние источников по археологии Северо-Восточного Причерноморья, отметим, что древности рассматриваемой территории известны очень неравномерно и нет ни одного района, изученного систематически. Опубликованные своды и обзоры памятников [Алексеева Е.П., 1964; Онайко Н.А., 1970; Воронов Ю.Н., 1979; 1979а; Ковалевская В.Б., 1981; Bortoli-Kazanski A., Kazanski M., 1987] неполны, содержащиеся в них сведения требуют корректировки или дополнительной проверки. Основной массив наших данных связан с материалами могильников. Хотя некоторые из них исследованы полностью или на большой площади, ни один не опубликован по комплексам на уровне современных требований. Ряд важнейших памятников известен лишь по сборам, а поселения практически вообще не исследованы.

Таким образом, очевидно, что в настоящее время систематическое рассмотрение особенностей материальной культуры Северо-Восточного Причерноморья III–VII вв. вряд ли возможно. Поэтому мы ограничимся характеристикой опорных памятников, констатацией наиболее показательных черт представленной в них культуры с учетом их динамики, привлекая прочие доступные отрывочные данные. Обоснованная и детальная культурная дифференциация материала и, соответственно, его этническая интерпретация, представляется нам преждевременной: возможны лишь краткие предварительные выводы или гипотезы.

Могильники III–IV веков

О процессах, происходивших в те столетия в районе нынешних Новороссийска и Анапы, мы можем судить по материалам могильника в Южной Озерейке, единичным находкам в Анапе и ее окрестностях (рис. 12). Выделение горизонта второй половины III–IV вв. по материалам поселений пока не может быть предложено с необходимой степенью надежности [Масленников А.А., 1990. С. 80; Алексеева Е.М., 1997. С. 144].

На Южноозерейском могильнике А.В. Шишловым выделены три группы погребений. Только третья, расположенная в западной части раскопа, содержит древности позднеримского времени [Шишлов А.В., 1999]. Эти могилы сгруппированы в четыре скопления, различающиеся как датировками, так и по набору типов могил [табл. 72]. На участке I расположены единичные человеческие погребения по обряду ингумации с юго-западной ориентировкой, захоронения коней, ориентированные головами на запад, погребение всадника и коня, положенных параллельно головами на северо-запад. Плохая сохранность не позволяет детально говорить о ряде особенностей погребального обряда. Возможно, к этой группе относится безынвентарное погребение 41, совершенное головой на север с небольшим отклонением на запад и с каменной наброской. Этот участок использовался во II и в первой половине III в., о чем свидетельствует состав бус [Колпакова А.В., 1999], керамической посуды [Мальшиев А.А., 1999. С. 76–77, форма П.1], круглые железные пряжки с нефасетированным язычком, одночленная лучковая фибула с корпусом, нависающим над пружиной, монеты 211–226 и 234 гг. (табл. 72: 51–64). Топографически и хронологически участок I примыкает к зоне погребений предшествующего времени, ориентированных в подавляющем большинстве в северо-восточном секторе. По составу инвентаря, по погребальному обряду эти погребения вполне вписываются в круг традиций, зафиксированных для данной территории памятниками I–III вв. [Масленников А.А., 1990; Мальшиев А.А., 1996]. Прекращение функционирования участка I приходится на то же время, что ряда могильников и поселений в окрестностях Новороссийска и Анапы.

В отличие от ряда других пунктов, жизнь населения, оставившего некрополь в Южной Озерейке, в середине III в. не прекратилась. Перерыв в использовании некрополя либо был кратковременным, либо отсутствовал вовсе. По составу могил участок III (раскопанная его часть датируется в рамках середины III – первой половины IV в.) близок участку I: та же ориентировка погребенных, расположение конских захоронений по периферии участка. Отличия либо объяснимы ограниченностью выборки, либо носят хронологический характер: одно-

членные лучковые фибулы вытесняются двучленными, появляются новые типы ременной гарнитуры, уменьшается количество керамики и бус (табл. 72: 28–50). Иначе можно объяснить отсутствие на участке III могил воинов с конем. Они сконцентрированы на участке II, синхронном участку III (табл. 72: 23–39), причем, если не принимать во внимание ограбленное погребение 109, все могилы здесь содержат захоронение человека и коня. К особенностям этого участка относится отсутствие собственно конских захоронений, как и погребений с бусами (женских?), наличие кремации. Наряду с широко распространенными двучленными лучковыми фибулами, обращают на себя внимание дуговидная фибула-брошь, находящая аналогии в Абхазии, и железная фибула с обмоткой, напоминающая образцы из Бжиды (табл. 72: 24, 28–31). Все это, как и серебряный флакон, обувь с серебряными пряжками (табл. 72: 27, 29, 35), свидетельствует об особом статусе людей, погребенных на участке II.

Судя по всему, участок II оставлен специальным военным отрядом (что не исключает возможность использования в военных действиях собственно местного населения, оставившего участок III, где есть погребения с оружием). Как бы то ни было, со второй половины III в. население, оставившее могильник в Южной Озерейке, имеет иную, в сравнении с предшествующим временем, социальную структуру.

Участок IV отличается от рассмотренных по датировке, составу захоронений, особенностями материальной культуры (табл. 73: 1–12). Пряжки с заметно утолщенной впереди рамкой и язычком, охватывающим рамку на половину толщины, двучленная прогнутая подвязная фибула, монеты позволяют датировать участок около середины IV в. Округлое сечение язычка и двучленная прогнутая подвязная фибула, а возможно, и изделия из янтаря (табл. 73: 2–6, 10, 8) по происхождению связаны с “западным”, скорее всего – крымским, кругом культурных традиций. Хронологическая разница участков II и IV позволяет предполагать, что около второй четверти IV в. происходит смена “гарнизона”. На смену отряду всадников с “восточными” культурными пристрастиями приходят носители черноморско-восточногерманской культурной модели, отраженной и в находках из Анапы, Фанагории, Пантикапея (особенно показательны двучленные прогнутые подвязные и двупластинчатые фибулы) [Казанский М.М., 1999]. Наличие гривны и браслетов (табл. 72: 11, 12), вещей, не характерных для восточногерманской одежды в римское время, свидетельствует, что даже если новый гарнизон включал собственно германцев, то их культура была существенно адаптирована местными традициями, о которых говорит и устройство могил на участке IV. Отсутствие серег, категории украше-

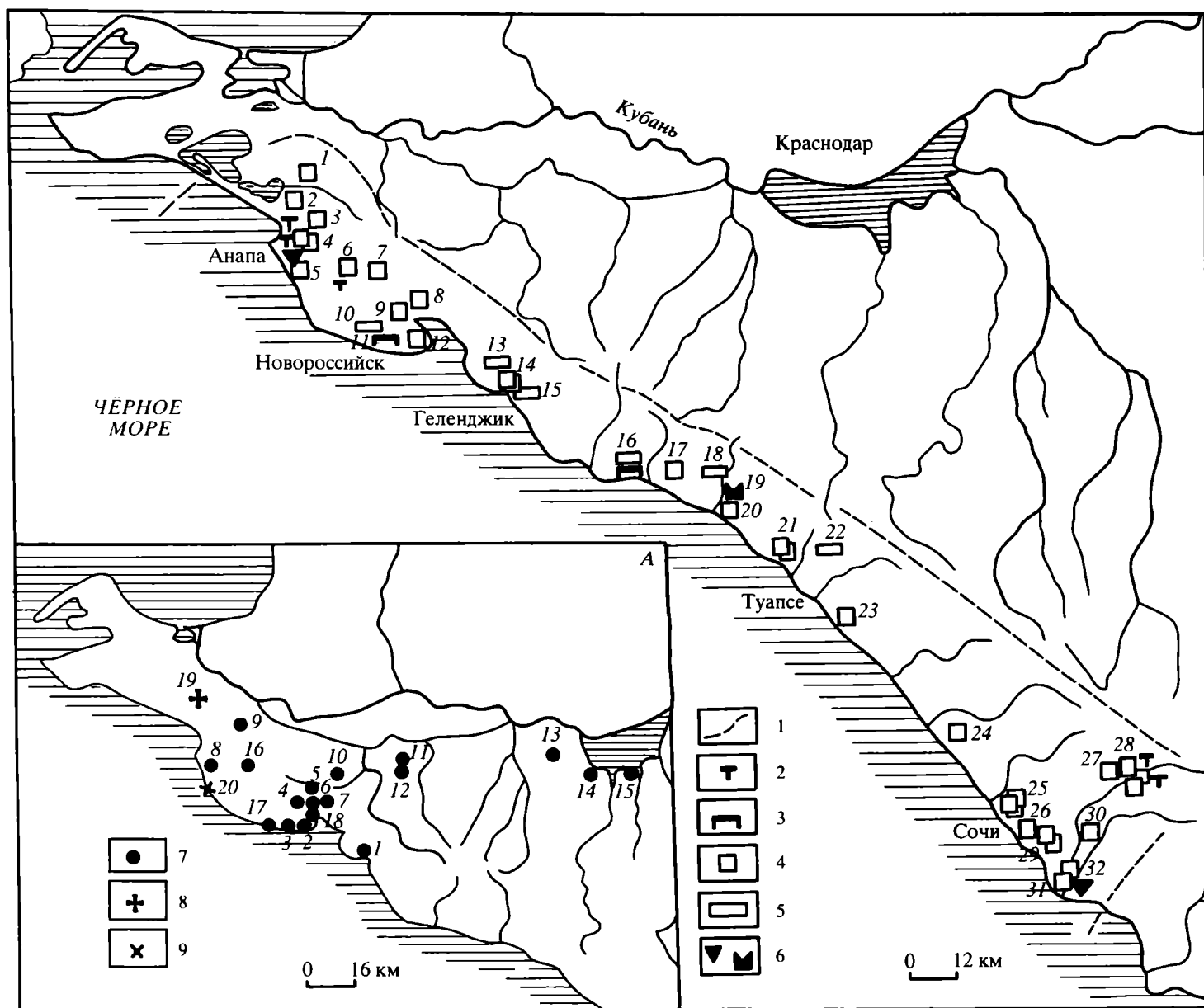

Рис. 12. Памятники и находки в Северо-Восточном Причерноморье второй половины III–VII вв.

1 – Джигинское (Михаельсфельд), находки 1892–1893 гг.; 2 – Капустня, находки 1986 г.; 3 – Султановская гора, впускное погребение 1982 г.; 4 – Анапа, отдельные погребения и находки; 5 – “Андреевская щель”, отдельные находки; 6 – Гай-Кодзор; 7 – “Ленинский путь”, сборы разных лет; 8 – Борисовка, комплекс 31.12.1955; 9 – Цемдолина; 10 – Дюрсо; 11 – Южная Озерейка; 12 – Мысхако; 13 – Борисово; 14 – Геленджик, сборы и единичные погребения разных лет; 15 – Геленджик, “Толстый мыс”; 16 – Бжид; 17 – Тенгинка, “курган”; 18 – Сопино; 19 – Новомихайловский, городище “МТС”; 20 – Новомихайловский, Дузу-кале; 21 – Небутская, находки 1897 г., сборы и погребения 1983 г.; 22 – Агойский аул; 23 – Шепси; 24 – Верхнее Буу, погребение 1985 г.; 25 – Сочи, находки разных лет; 26 – совхоз “Приморский”, погребение 1979 г.; 27 – находки 1913 г. в кургане бывшего г. Романовска; 28 – Красная поляна, погребение 1942 г., находки разных лет; 29 – Адлер и окрестности, находки разных лет; 30 – Ермолровка, находка браслета;

31 – Веселое, находки разных лет; 32 – Псоу. Условные обозначения: 1 – граница региона; 2 – случайные находки и единичные погребения второй половины III–IV вв.; 3 – могильники III–IV вв.; 4 – случайные находки и единичные погребения V–VII вв.; 5 – могильники V–VII вв.; 6 – укрепленные и неукрепленные поселения А (врезка). Памятники Кубано-Черноморской группы кремаций конца VII–IX вв. и важнейшие находки, синхронные им в Причерноморье: 1 – Борисово; 2 – Мысхако; 3 – Южная Озерейка; 4 – Дюрсо; 5 – “Ленинский путь”; 6 – Большие хутора; 7 – Цемдолина; 8 – Су-Псех; 9 – Гастагаевская; 10 – Молдавановское; 11 – Общественный; 12 – Хабль; 13 – Тахтамухай; 14 – Казазово; 15 – Псекупс; 16 – Гай-Кодзор; 17 – гора Болтын; 18 – Новоросийск, ул. Днестровская; 19 – поселение Уташ; 20 – клад византийских монет в Сукко. Условные обозначения: 7 – трупосожжения; 8 – храмовый комплекс; 9 – клад. Составлена И.О. Гавритухиным

ний, обычной для боспорских некрополей, но не встреченных в южноозерейском могильнике ни на ранних, ни на поздних этапах, вероятно, является одной из его этнографических или даже этнокультурных особенностей.

М.М. Казанский постарался привести ряд археологических аргументов в поддержку идеи В.Г. Васильевского о смене династии на Боспоре, отраженной письменными источниками и прекращением местной чеканки монет в 340-х годах [Казан-

ский М.М., 1999]. Причем, новая политическая верхушка связывается с восточногерманской культурной традицией. Рассмотренные материалы вполне могут соответствовать такой интерпретации.

Древностей, допускающих датировку именно гуннским временем, на Южноозерейском некрополе нет. В районе Новороссийска они представлены лишь двумя одиночными ингумациями и захоронением коня на Цемдолинском могильнике, основная масса погребений которого датируется в рамках I – первой половины III в. (табл. 72: 14–19) [Малышев А.А., 1995; 1996; 1999]. Прекращение функционирования одних и возникновение других некрополей позволяет утверждать, что в последние десятилетия IV или в начале V в. на рассматриваемой территории происходят какие-то потрясения, хотя для суждения об их степени и характере материалов мало. Все же можно отметить, что по погребальному обряду цемдолинские погребения раннегуннского времени вполне находят соответствие в местных древностях.

Находки из Анапы и ее окрестностей (табл. 73) не могут существенно дополнить или откорректировать сделанные наблюдения. Можно лишь утверждать, что после разгрома Горгиппии жизнь в городе не замерла вовсе, хотя поселение стало значительно меньше и беднее, чем город предшествующего времени [Алексеева Е.М., 1997]. К рассматриваемому периоду относится поздняя группа “варварских” подражаний римским денариям Марка Аврелия. Основная зона концентрации этих монет приходится на район между Анапой и Новороссийском. Специалисты связывают “варварский” чекан денариев то с деятельностью пришлых племен готов или аланов, то с местными “торетами” или “ахеями” [Казманова Л.И., Кропоткин В.В., 1961; Кропоткин В.В., 1961. С. 16; Кругликова И.Т., 1966. С. 203; Онайко Н.А., 1967. С. 52, 53; Шелов Д.Б., 1973. С. 194; Малашев В.Ю., 1994. С. 48–50; Малышев А.А., 1995. С. 152; Сергеев А.Я., 1999. С. 33–35].

О культуре населения Черноморского побережья Кавказа в III–IV вв. между Новороссийском и Сочи можно судить лишь по материалам **могильника Бжид**. Начало его функционирования, судя по сменяющим одночленные двучленным лучковым фибулам, фасетированным прогнутым подвязным фибулам, изготовленным из массивного сравнительно узкого стержня (табл. 74: 50–51, 61, 68), и другим материалам, приходится на вторую половину III в. Ранний участок Бжидского некрополя расположен в возвышенной северо-западной части исследованной площади. Погребальный обряд очень разнообразен: есть как ингумации с различной ориентировкой, так и кремации, как единичные погребения людей, так и сопровождаемые конями, даже двумя, есть отдельные захоронения коней, часть

могил представлена простыми грунтовыми ямами, другая – каменными ящиками.

Ранний состав украшений на рассматриваемом участке (в рамках последних десятилетий III – первой половины IV в.), наряду с упомянутыми лучковыми и прогнутыми подвязными, характеризуют две своеобразные местные серии фибул: одночленных с овальной спинкой, украшенной прессованным орнаментом, и трапециевидной ножкой с подвязным приемником (табл. 74: 52–53); сравнительно крупных железных дуговидных с бронзовой обмоткой, в рамках которой представлены как одночленные с верхней тетивой, так и двучленные варианты (табл. 74: 33, 35). Кроме обычных в Причерноморье браслетов и подвесок с завязными концами, для ранних погребений показательны браслеты со “шляпками” на концах (табл. 74: 62, 63, 66). Не редкостью являются гривны, все они тордированные, с замком из крючков с шишечками на концах (табл. 74: 49). Своеобразны серьги, выгнутые из длинного прута, плавно утолщающегося к концу, который завершает биконическая или округлая литая “шишечка” (табл. 74: 54). Это ведущий тип серег для ранних погребений Бжиды, а их аналог из Горгиппии [Трейстер М.Ю., 1983] единичен. От большинства кавказских и северопричерноморских памятников III–IV вв. Бжид отличается богатством ожерелий, в которых доминируют разнообразные янтарные бусы, в том числе так называемые грибовидные и дисковидные, обточенные на токарном станке, попадаются металлические полые бусы, подвески-лунницы, стеклянные подвески в виде клыка (табл. 74: 67, 69–74, 76). Очковидная подвеска к фибуле (табл. 74: 75) имеет ближайшие аналогии в материалах Абхазии [Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1979]. Из ременной гарнитуры отметим портупею провинциального римского облика и уздечный набор с фасетированными зажимами, как у сармат на Боспоре и Северном Кавказе (табл. 74: 58–60, 78). Оружие представлено мечами, конское снаряжение – удилами с крупными кольцами (табл. 74: 77, 79). Из керамики известен миниатюрный лепной сосудик с зауженным горлом и своеобразный биконический сосуд с высокой шейкой раструбом (табл. 74: 64, 80).

Более поздние погребения этого же участка, датируемые в рамках IV в., сохраняют традиции предшествующего времени и непосредственно примыкают к зоне ранних могил. В качестве хронологического ориентира показательны изменения ожерелья: становятся хуже качеством и уменьшаются количественно янтарные бусы, зато преобладают изготовленные из синего стекла, а также разнообразные полихромные бусы и бусы с металлической прокладкой (табл. 74: 20, 22–23, 41–48, 56). Двучленные прогнутые подвязные фибулы из массивного стержня сменяются изготовленными из уплощенной пластины (табл. 74: 17, 30–31). Среди уникальных

образцов обращает на себя внимание серебряная одночленная лучковая фибула, орнаментированная по дужке частыми короткими фасетками (табл. 74: 29). Пряжки представлены образцами с овальной утолщенной спереди рамкой и язычком, охватывающим около половины ее толщины (табл. 74: 14–15, 28). Наряду со старыми формами украшений появляются серьги с длинным обмотанным проволокой стержнем и округлой полый подвеской (табл. 74: 32). Браслеты с расширенными концами встречены в тех же комплексах, что и небольшие зеркала с петель в центре обратной стороны, украшенной простейшим лучевым орнаментом или “елочкой” (табл. 74: 18, 19, 21). Оружие представлено разнообразными мечами, встречаются копья и своеобразные ножи с горбатой спинкой (табл. 74: 11, 27, 38, 39). Кроме лепных горшочков с раздутым туловом и зауженным горлом, керамика представлена, вероятно, импортными гончарными кувшинами и краснолаковыми мисками (табл. 74: 24–26).

Наиболее поздние погребения этого же участка характеризуются появлением новых вариантов тех типов вещей, которые были известны и раньше. Язычки на бесщитковых пряжках охватывают дужку по всей ее ширине, наконечник с валиком на конце узких вытянутых очертаний, прогнутые подвязные фибулы становятся крупнее (табл. 74: 1–2, 5, 6, 8). Все это соответствует направлениям эволюции материальной культуры многих групп восточноевропейских варваров в раннегуннское время (последние десятилетия IV – первые десятилетия V в.). Одночленная дуговидная пластинчатая фибула в сочетании со вставками, судя по концентрации аналогов, свидетельствует о связях с племенами Абхазии, как и наконечник копья с продольным ребром и “утяжеленным” жалом (табл. 74: 3–4, 13). В конской упряжи к инновациям относятся удила со стержневидными псалиями (табл. 74: 10), являющиеся одной из показательных форм V в. В керамике отметим появление сосудов, находящих аналоги в черняховской культуре (табл. 74: 12). Итак, прекращение функционирования участка 1 могильника Бжид приходится на конец IV или начало V в. и отличается интенсивными связями как в юго-восточном, так и северо-западном направлениях. Отметим, что к этому времени относится ряд гуннских походов в Закавказье, предшествующих перенесению центра активности гуннов в Центральную Европу, в конце IV в. происходят отмеченные выше изменения в районе Новороссийска, а в первой половине V в. – существенные изменения структуры населения на Северном Кавказе [Абрамова М.П., 1997; Малашев В.Ю., 1994]. Однако о том, с какими событиями связаны изменения в жизни населения Северо-Восточного Причерноморья, которые можно предположить по материалам Бжидского могильника, данных явно недостаточно.

Памятники второй половины III–IV вв. из окрестностей Сочи представлены единичными находками. А это значит, что уловить особенности местных памятников, опираясь на выборку такого типа, практически невозможно.

О непосредственных связях в III–IV вв. местного населения с носителями цебельдинской культуры свидетельствуют аналоги в керамике, известной из ряда разрушенных погребений в районе Красной Поляны (табл. 75: 25–26). Те же и отчасти северные параллели имеет оружие: сохранившиеся в коллекциях мечи, копья, удила (табл. 75) позволяют предполагать и более широкую дату. Умбоны представлены лишь образцами, относящимися к последним десятилетиям IV – началу V в. (табл. 75: 19, 22, 23).

Состав вооружения местных племен можно реконструировать лишь по описанию погребения из окрестностей Красной Поляны, открытого при рытье траншеи в 1942 г. (табл. 75: 20). Комплекс включал два копья (табл. 75: 21), щит с позолоченным крученым умбом (табл. 75: 19), топор, меч, возможно, с хрустальной подвеской к нему, кинжал. Все это находит ближайшие соответствия в вооружении цебельдинской культуры [Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982]. Из этого же погребения происходит раннесасанидское блюдо (табл. 75: 28), какое-то время принадлежавшее, судя по надписи, царю Кермену Варахрану (262–274) [Воронов Ю.Н., 1979. С. 77–78].

Таким образом, доступные нам отрывочные материалы из Сочинского района позволяют говорить о связях местного населения с носителями цебельдинской культуры в III–IV вв. и о наличии, по крайней мере в конце IV – начале V в., вооружения, сопоставимого с цебельдинским. Коллекция удил и пряжек (табл. 75: 11–16) представлена образцами V в. Вероятно, это является свидетельством существенной роли кавалерии в военном деле местного населения. Находки более позднего времени единичны и свидетельствуют о сохранении до VI в. тесных связей с населением современной Абхазии (табл. 75: 3–7, 9, 29–32, 34), а в VI–VII вв. – о включении этого района в зону влияния византийской культуры (табл. 75: 1, 10).

По данным древних авторов, в районе Сочи и чуть севернее локализуются саниги, племя, близкое абазгам, испытывавшее некоторое влияние позднеантичной цивилизации и имевшее разнообразные контакты с соседями, в частности – с апсилами [Воронов Ю.Н., 1998а. С. 30, 32]. Такая атрибуция как будто подтверждается имеющимися археологическими данными, хотя для обоснования этнокультурной характеристики местных древностей необходимы новые широкомасштабные работы на ряде памятников.

Древности V–VII веков

Разгром в 50–60-х годах V в. объединений, возглавляемых гуннами в Подунавье, отразился и в древностях Причерноморья. Для культуры рассматриваемой территории особенно заметным было переселение готов-тетракситов, нашедшее, судя по всему, отражение в появлении могильника Дюрсо [Дмитриев А.В., 1979а].

Если особенности погребального обряда на этом могильнике вполне сопоставимы с памятниками предшествующего времени (ингумации с западной и северо-западной ориентировкой, захоронения коней), то, как не раз отмечалось специалистами, многие этнографические особенности женского костюма имеют здесь несомненные восточногерманские параллели.

Один из ярких признаков культур восточногерманского круга эпохи переселения народов – двупластинчатые фибулы, ряд серий которых в середине V в. начинают украшать накладками у дужек. Ранний горизонт таких вещей в Северо-Восточном Причерноморье представлен в окрестностях Новороссийска. Эти вещи имеют близкие параллели в Подунавье и, единично, в Керчи, Фанагории, Поочье и во Франции, в контексте культурных контактов с Подунавьем, а не эволюции местных традиций [Амброз А.К., 1982. Рис. 1, 26–35, 45, 47; 1989. С. 48; Bierbrauer V., 1995. Рис. 5, 1–2; 13, 1, 3–4; Kazanski M., Périn P., 1998. Рис. 2, 1–2; 10, 1, 3]. На этой основе во второй половине V в. складывается производство местных двупластинчатых фибул: небольших размеров, с упрощенными деталями конструкции [Пьянков А.В., 1998; Амброз А.К., 1982. № 25]. Другие представленные в Дюрсо двупластинчатые фибулы начинают украшать треугольными прессованными накладками, что сопоставимо с тенденцией эволюции подунайских фибул нескольких локальных серий [Амброз А.К., 1989. С. 50–51; 1982. Рис. 1, 14–19, 21–22; Bierbrauer V., 1995. Рис. 10, 1–2; 11, 1, 3; 12, 1, 3; 23; Гавриутхин И.О., 2000].

К местной серии принадлежат также двупластинчатые фибулы с вырезом на ножке и, чаще всего, полукруглыми накладками, в основном представленные в Дюрсо, а единично – в Бжиде и Прикубанье (табл. 76: 18, 19) [Каминская А.В., 1984]. Такие находки имеют общестилистические параллели в локальных сериях из Франции и Испании; а завершение этой типологической линии можно видеть на южнокрымских фибулах середины VI – середины VII в. и в кавказских фибулах с треугольной головкой без накладок (табл. 76: 7) [Амброз А.К., 1982. Рис. 1, 25, 54–57; Айбабин А.И., 1990. Рис. 11; 12, 1–2; 2, признаки 80 и 91]. От фибул с ромбической ножкой их отличают не только ареалы, но и хронология. Западноевропейские образцы датируются в рамках последних десятилетий V – первых десятиле-

тий VI в., редкие экземпляры доживают до середины VI в., что вполне соответствует причерноморским материалам.

Если ранние двупластинчатые фибулы с накладками из района Новороссийска сопоставимы с боспорскими находками, то в дальнейшем они имеют собственную линию эволюции, отличающуюся от керченских серий. Нет в Новороссийском ареале рельефных пластинчатых или пальчатых фибул, крупных пряжек с рельефной орнаментацией, часто дополняемой вставками, наиболее распространенных в Керчи, как и во многих культурах восточногерманского круга. Очевидно, это свидетельство не только консервативности, но и высокой семантической значимости даже деталей традиционного женского костюма населения долины Дюрсо во второй половине V – первых десятилетиях VI в. Женский костюм включал, кроме пары фибул, пару серег с полиэдрическими окончаниями, ожерелье из бус, браслеты, пояс с металлической пряжкой. Комплект включал также цепочку из 8-видных звеньев, изготовленных из металлической ленты, крепящуюся к кольцу с завязными концами, круглое зеркало с задней петлей, украшенное ободками, параллельными краю, нож, предметы туалета [Мастыкова А.В., 2001]. Все это вписывается в модель восточногерманского раннесредневекового убора, но находит соответствие и в ряде кавказских памятников, а сочетание отражает специфику именно местной культуры, синтезировавшей традиции пришельцев, аборигенов и влияния соседей. Структура женского костюма в целом сохраняется на протяжении VI–VII вв., когда двупластинчатые фибулы вытесняются другими типами [Дмитриев А.В., 1982а].

Мужской костюм менее этнографичен и в большей степени отражает особенности культурных и военно-политических связей. Ряд особенностей мужской субкультуры, зафиксированной по материалам Дюрсо, находит близкое соответствие в древностях из района Туапсе. Поэтому ниже характеристика древностей из районов Новороссийска–Анапы и Туапсе будет даваться параллельно, после чего можно будет остановиться на особенностях памятников каждого из указанных районов.

В ременных гарнитурах Северо-Восточного Причерноморья, как и ряда областей Восточной (в отличие от Центральной и Западной) Европы на протяжении большей части V в. доминируют хоботовые пряжки, бытовавшие наряду с массивными железными В-образными и некоторыми другими типами (табл. 76: 5, 45, 46, 56, 57). С последних десятилетий V в. облик ременных гарнитур определяют пряжки понтийских и провинциально-византийских типов, а также их местные модификации (табл. 76: 11, 21–25). Для VI в. показателен ряд ти-

пов высоких, имитирующих массивность полых В-образных пряжек (табл. 76: 1).

Со второй половины VI в. и на протяжении VII в. распространяются геральдические ременные гарнитур. Происхождение этой моды неясно, наиболее обоснованными пока являются наблюдения А.К. Амброза, писавшего о ее связи с военной культурой востока Византии (Нижнее Подунавье, Крым). Наиболее яркий среди ранних геральдических набор из погребения 144 в Бжиде близок известным в Абхазии, в Крыму, на Нижнем Дунае, о чем свидетельствуют особенности пряжки, двучастная горизонтально-симметричная накладка с вытянутой серединой, своеобразные очертания и форма прорези крупного наконечника (табл. 77: 71–78) [Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К., Логинов В.А., 1989. Рис. 4, 32; 18, 5, 17; 5, 16–19; 6, 23, 27–28, 31–33, 38–39, 42–43; Айбабин А.И., 1990. Рис. 49, 15, 29, 31; 2; Petre A., 1987. Pl. 127–129]. Другой тип ранних геральдических гарнитур Северо-Восточного Причерноморья характеризует скупое украшение основного ремня при наличии подвесных ремешков, завершающихся Т-образной накладкой и малыми наконечниками, что находит соответствия как на понтийских памятниках, так и среди ряда древностей других культур Восточной Европы.

К специфическим для рассматриваемого региона формам можно отнести лишь гарнитуры из Дюрсо, Борисово и Бжида, украшенные накладками с прорезями, образующими “личину” (табл. 77: 52; 78: 60, 61). В.Б. Ковалевская справедливо оценила их как специфически кавказские, при этом считала этот мотив “исходным” для формирования ряда восточноевропейских стилей [Ковалевская В.Б., 1995. С. 59–64]. В настоящее время можно утверждать, что рассматриваемые гарнитуры связаны с регионом от Новороссийска до Туапсе. Судя по составу комплексов, их следует оценивать как одну из локальных модификаций, возникших около середины VII в.

Из других специфичных форм, встреченных на памятниках Северо-Восточного Причерноморья, можно отметить горизонтально-симметричные накладки с пирамидальным выступом посередине из Дюрсо [Дмитриев А.В., 1982а. Рис. 12, 27], характерные для памятников Восточного Приазовья [Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. С. 27–28, тип 2]. Среди гарнитур рассматриваемой зоны, датируемых около второй и третьей четвертей VII в., обращают на себя внимание пряжки с выступами в виде пары птичьих голов, накладки с “пламеневидным” щитком и зооморфным крючком, наконечники, обильно украшенные ободками и полосами зерни в сочетании с плотно поставленными мелкими треугольниками из зерни (табл. 78: 6, 53–54, 75–81). Такие вещи относятся к “Кавказско-Днепровско-Дунайской” зоне культурных влияний [Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998.

С. 60–61]. К этому кругу древностей относятся и серьги с подвеской в форме перевернутой пирамиды (табл. 73: 6, 29, 57). Вероятно, не случайно, что перечисленные находки лучше представлены в районе Новороссийска и значительно слабее на памятниках, более удаленных от Приазовья на юг. Такая картина свидетельствует о каких-то связях местного населения с Великой Болгарией, но говорить об этом более определенно мешает неясность многих аспектов истории и археологии этого объединения.

Кроме указанных выше типов ременных гарнитур, в Северо-Восточном Причерноморье с VII в. распространяются и пояса с византийскими рельефными пряжками (табл. 73: 3, 23, 44; 77: 64; 75: 1). Находки оружия на рассматриваемых памятниках немногочисленны: мечи V–VI вв. довольно широко распространенных типов (табл. 76: 70), некоторые из которых относятся к средиземноморскому кругу изделий [Kazanski M., Mastykova A., 1999].

Схожий “степной” и “западный” (в ряде случаев, вероятнее всего, связанный с Византией) круг соответствий имеет снаряжение коней V–VI вв. [Дмитриев А.В., 1979а; Амброз А.К., 1979; 1989. С. 77; Засецкая И.П., 1994а. С. 40–50; Гавритухин И.О., 2001]. Наконечники стрел начинают встречаться в погребениях не ранее VII в. и, в основном, принадлежат типам, известным у кочевников. Кроме кинжалов и спорадически встреченных копий, к предметам вооружения населения Северо-Восточного Причерноморья в V–VII вв. относятся так называемые “кинжалы” с вырезами у основания лезвия (табл. 78: 65; 76: 55; 77: 17–18). М.Б. Щукиным высказано мнение о предназначении таких клинков для особой техники фехтования [Šćukin M.B., 1993]. По нашему мнению, они являлись частью древкового оружия. Как бы то ни было, очевидно, что в данном случае своеобразие клинка является отражением специфичного, а следовательно требующего особых навыков, вида оружия. Оно появляется на Северном Кавказе, в позднее римское время распространяется на ряде памятников Крыма, у некоторых групп черняховской культуры и сармат, в гуннское время оно известно и на Среднем Дунае [Магомедов Б.В., Левада Б.Е., 1996; Sourault V., 1996]. Но в VI–VII вв. такое оружие встречено лишь на памятниках в треугольнике между Нижней Кубанью и Туапсе.

Ареал поздних находок клинков с вырезами представляется не случайным. Ту же зону распространения имеют фибулы VI–VII вв. с трубчатым или загнутым полукругом приемником, часто с “крышечкой” на его конце, а в V в. – крупные двучленные прогнутые подвязные фибулы с широким кольцом для оси пружины и трапецевидной ножкой, часто украшенные гравировкой (табл. 73: 3, 37, 61а, 78, 103; 76: 2–5, 50) [Амброз А.К., 1989.

Рис. 21, 2, 10, 34]. Показательны и локальные формы фибул с пятиугольной головной пластиной (табл. 78; 79). Объединяют памятники указанного “треугольника” некоторые формы керамики, например, сероглиняные миски с ребристым S-видным профилем, приземистые горшочки с заузненным горлом, некоторые типы кувшинов (табл. 76: 6, 7, 30, 32, 69; 77: 9–10, 14) [Гавритухин И.О. и др., 1996. Рис. 1]. Существующие материалы не дают оснований однозначно считать эти соответствия показателями единой археологической культуры, а тем более одного народа. Не менее вероятным представляется предположение о традиционных связях разных групп населения, в каких-то случаях имеющих близких предков, в других – разносторонние соседские связи и т.д.

Рассматриваемые памятники объединяет и ряд типов вещей, имеющих более широкие ареалы. Зеркала с задней петлей, украшенные параллельными краю ободками, известные в Крыму и у сармат с позднееримского времени, на памятниках “треугольника” между Нижней Кубанью и Туапсе являются единственным типом в комплексах середины V–VI вв., а с VII в., наряду с использованием старых форм, такие зеркала начинают украшать и каймой из кружков с точкой посередине (табл. 73: 36; 78: 80, 106; 76: 55; 77: 66) [Репников Н., 1906. Рис. 68; Античные государства Северного Причерноморья, 1994. Табл. CLXV, 12]. Пластинчатые прогнутые подвязные фибулы с широким кольцом для оси пружины распространены в комплексах V в. Северного Кавказа (табл. 73: 43; 76: 48) [Абрамова М.П., 1997. Рис. 17, 6; 36, 11; 40, 5; 52, 2]. Как и на рассматриваемых памятниках, на Северном Кавказе с V по VII в. бытуют серьги калачиком, встречающиеся в это же время до Прикамья и Приаралья (табл. 78: 91; 76: 51, 52; 77: 58) [Дмитриев А.В., 1982а; Рис. 11, 25; 12, 3, 5; Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. С. 66; Богачев А.В., 1996]. К сравнительно широко распространенным вещам относятся гладкие и тордированные гривны с простым замком, массивные брасле-

ты, иногда украшенные гравировкой, и разнообразные браслеты с зооморфными концами (табл. 78: 48–49, 86–87, 93; 76: 41–44).

Памятники Северо-Восточного Причерноморья объединяют с другими культурами Причерноморья импортные краснолаковые миски как западномалоазийских (позднееримской группы “С” по Дж. Хейсу), так и понтийских форм (табл. 73: 38–39, 42; 78: 104; 76: 14–17; 74: 10). Привозились также амфоры, некоторые типы кувшинов (табл. 77: 11–13, 56).

В VI–VII вв. повсеместно распространяются стеклянные рюмки (табл. 78: 73–74). К предметам импорта относятся и бусы. При том, что вещи могут иметь довольно обширные зоны распространения и сравнительно широкие даты бытования, именно сочетание выразительных типов и особенности эволюции ожерелья показательны для характеристики конкретной группы древностей. Судя по доступным материалам, состав и ритм смены ожерелий на памятниках Северо-Восточного Причерноморья в целом близок. Темно-синие бусы с преимущественно белыми и красными крапинками (табл. 76: 36) [Дмитриев А.В., 1982а. Рис. 11, 8] типичны для комплексов середины – второй половины V в. Со второй половины V и в первой половине VI в. показательно сочетание крупных янтарных бус, обточенных на токарном станке, и ряда типов бус из глухого стекла: с овалами на противоположных сторонах, соединенными полосами; с красными цветами на зеленом фоне; веретенообразных, украшенных пучком разноцветных полос (табл. 76: 27–29, 37). В последние десятилетия V и первой половине VI в. встречаются крупные граненые хрустальные бусы (табл. 76: 26). В VI в. появляется, а позднее становится массовым черный и коричневый бисер. Облик ожерелий с конца VI в. нередко начинает определять большое количество некрупных янтарных бус. Для VII в. типичны округлые и боченковидные бусы, неаккуратно слепленные из пестрых блоков и боченковидных или граненых с полихромными вдавлениями “глазками” (табл. 78: 68–71; 77: 43–44).

Могилиники V–VII веков

Для характеристики локальных и культурных особенностей памятников V–VII вв. Северо-Восточного Причерноморья, как отмечалось выше, материала недостаточно. Для района Новороссийска основную информацию содержит **могилиник Дюрсо** (см. с. 200–206). Отдельные вещи с других памятников из-под Анапы и Новороссийска (табл. 73: 23, 32, 38, 42–44) не вносят сравнительно с ним ничего нового.

Среди памятников в районе Туапсе опорным является **могилиник Бжид** (рис. 12). Как было показано выше, участок 1 могильника Бжид прекратил су-

ществование около начала V в. Участок 2, примыкающий к участку 1 с юга, отличается иная структура. Он имеет несколько разбросанных на довольно обширной площади “ядер”, вокруг которых совершались более поздние погребения, причем, в отличие от участка 1, могилы здесь имеют довольно устойчивую ориентировку: в северо-западном секторе для ранних погребений, меняющуюся около конца V – начала VI в. на преимущественно юго-западную. Наиболее ранние погребения участка 2 относятся к первой половине V в. О преемственности или культурной близости населения, оставившего участки 1

и 2, свидетельствует сохранение основных особенностей погребального обряда и ряда особенностей женского убора, в том числе близость состава ожерелья (табл. 76: 59–62), продолжение использования специфичных для бжидских древностей римского времени дуговидных железных фибул с дужкой, обмотанной бронзовой лентой.

Отличия находок с участка 1 и ранних погребений участка 2 вполне объяснимы эволюцией культуры во времени: меняются типы пряжек, увеличиваются размеры и усложняется орнаментация зеркал, как и у многих других культур этого времени, распространяются имеющие аналогии в Абхазии крупные бронзовые дуговидные фибулы, украшенные насечками, а позднее их сменяют крестовидные фибулы (табл. 76: 20, 47, 64–66). Причем, на протяжении V–VI вв., как и в предшествующее время, наряду с фибулами, имеющими юго-восточные аналоги, бытуют застежки, находящие соответствия на северо-востоке (табл. 76: 18, 19, 48, 50). На примере эволюции погребального обряда участка 2 в Бжиде отчетливо видна тенденция к унификации. Если среди могил V в. можно встретить кремации, погребения человека и коня, то в VI–VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног; в мужских погребениях нередко присутствуют “дары”, включающие женские вещи, сложенные кучкой. Этот же стандарт, как и ориентировка погребенных в юго-западном секторе, фиксируется по материалам могильника Сопино, время бытования которого не выходит за хронологические рамки участка 2 Бжида.

По структуре некрополя и особенностям обряда с рассмотренными памятниками вполне сопоставим **могильник Агойский аул**. Правда, там нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка погребенных, но учитывая смену в ориентации могил, прослеженную в Бжиде, можно предположить, что для погребальных обычаев местного населения в V–VII вв. было важно соотнести направление могил с неким значимым в данное время и в данном месте ориентиром, причем сам этот ориентир мог меняться у населения одного поселка со временем, а в разных местностях просто не совпадать. Отсутствие же каменных обкладок может быть объяснено как незначительностью вскрытой площади, так и локальной особенностью. Наиболее поздние погребения в Бжиде датируются около середины VII в., а в Агойском ауле — около последней трети этого столетия. Тем не менее, делать какие-либо выводы на этом основании преждевременно, ведь ни один памятник в Туапсинском районе не исследован полностью, а могильники VIII–IX вв. вовсе не раскапывались.

Перечисленные памятники Туапсинского района сближают и некоторые черты костюма погребенных.

Например, вне зависимости от пола, преобладает одежда, подразумевающая одну фибулу, застегивавшуюся на груди или у шеи. В единичных случаях, когда у погребенного было две или даже четыре фибулы, они располагались в ряд на одной стороне грудной клетки. Прочие особенности одежды, погребального обряда, инвентаря также свидетельствуют о близости материальной культуры населения, оставившего рассматриваемые памятники. Некоторые отличия в материальной культуре могильников Туапсинского района, по сути, сводятся к тому, что в Бжиде найдено заметно больше импортных и престижных изделий. Это вполне можно объяснить статусом крупного поселка, которому принадлежало бжидское кладбище. Кроме отмеченных выше групп вещей, объединяющих туапсинские памятники с более северными, можно отметить и некоторые черты, особенно отчетливо выявляющиеся на примере бжидских материалов. В них прослеживаются связи с культурами Абхазии и Сочинского района, что не удивительно, учитывая географическую близость Туапсинского района этим культурам. Интереснее то, что в отличие от памятников в районе Новороссийска, в Бжиде встречаются вещи, явно связанные с боспорско-керченским кругом древностей (табл. 76: 10) [*Засецкая И.П.*, 1993. Табл. 4: 40; 5: 21–22].

По сведениям письменных источников, в районе Туапсе в раннем средневековье локализуются зихи, причем, как по сообщению Псевдо-Арриана, так и из сопоставления с данными римских авторов очевидно, что область этого народа или племенного союза около V в. существенно расширилась за счет вытеснения или поглощения других этнокультурных групп [*Анфимов Н.В.*, 1980. С. 110–111]. Прослеженная динамика эволюции древностей Туапсинского района вполне соответствует этой картине.

Для изучения раннесредневековых древностей соседнего с ним Геленджикского района опорным является **Борисовский могильник**. В.В. Саханевым здесь было исследовано более 200 грунтовых могил, что составляло далеко не большую часть раннесредневекового кладбища. Даже на затронутых раскопками участках довольно много могил было ограблено, а к настоящему времени памятник практически погиб, что подтвердили исследования А.В. Дмитриева в 1978 г. Но и полученная явно отрывочная информация позволяет сделать ряд наблюдений. В.В. Саханев выделил на могильнике три группы погребений, различающиеся как локализацией, так и хронологически и типологически.

Группу I В.В. Саханев датировал VI в. и относил к “Юстиниановской культуре”, подразумевая, как и А.А. Спицын, круг влияний Византии в Причерноморье и на Кавказе, фиксируемый ремненной гарнитурой геральдического круга и некоторыми другими вещами. В настоящее время предложен ряд осно-

ваний для хронологической дифференциации “геральдических” гарнитур [Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1966. Гл. 3]. Опираясь на них, можно утверждать, что датировка наиболее выразительных комплексов I группы Борисовского могильника не выходит за рамки VII в. Лишь в отношении некоторых, довольно бедных, наборов (табл. 78: 89, 97, 98, 100–102) может быть предложена широкая дата, включающая и VI в. (табл. 78: 104, 107).

Из 15 погребений группы II большинство разграблены или не имеют узко датируемых вещей, а в погребениях 73 и 69 представлены вещи, показательные для VII в. На плане могильника группы I и II соседствуют. Очевидно, чтобы говорить о “переходном” характере группы II к более поздней, как предлагал В.В. Саханев, мы имеем слишком мало оснований.

Подавляющее большинство погребений I и II групп совершенно по обряду ингумации в каменных ящиках или, значительно реже, в простых грунтовых ямах. Ориентировка очень разная. В 128 могилах этих групп кремации встречены семь раз (правда, следует учитывать, что в некоторых могилах к моменту раскопок вообще не осталось ничего). В отношении погребений, исследованных в 1911–1912 гг. (плана раскопок 1913 г. нет) можно утверждать, что кремации расположены на периферии раскопанных участков, но их синхронность ингумациям подтверждает полное сходство пряжек: из погребения 47 – найденной в погребении 191, а из погребения 28 – в погребении 167 (табл. 78: 45, 81). Кремации совершены на стороне, и прах помещен в каменные ящики (лишь однажды – в грунтовую яму), ничем не отличающиеся от тех, где найдены ингумации. В погребениях 28 и

178 кроме сожженных костей находились черепа. Несмотря на близость многих категорий инвентаря, Борисовский могильник явно существенно отличается от Дюрсо и других более северных памятников. Заметны отличия и от могильников Туапсинского района, где наблюдается унификация в ориентировке и к VII в. полностью исчезают кремации. При рассмотрении ранних групп Борисовского могильника обращает на себя внимание большое число погребений, совершенных в сравнительно узкий отрезок времени. Вероятно, некрополь принадлежал довольно многочисленной группе людей, возможно, здесь был торговый и военнополитический центр, тогда становится понятной и большая вариативность погребальных обрядов.

Единственным поселением, относящимся к той же эпохе, что и рассмотренные выше могильники, является городище “МТС” у Новомихайловского. Культурный слой на нем содержит довольно много импортной посуды V–VI вв., отмечены здесь и следы стен, сложенных из грубо отесанных плит на известняковом растворе, каких-то каменных конструкций, черепицы, в том числе с клеймом, обломки обработанного мрамора и мраморной капители (табл. 76: 14, 15) [Анфимов Н.В., 1980. С. 93–95]. Ряд авторов помещают в районе Новомихайловского Никопсию, однако, с точки зрения данных письменных источников, такая локализация далеко не безупречна [Воронов Ю.Н., 1988, с поправками по: Малахов С.Н., 1992. С. 149–170]. При рассмотрении данных археологии следует отметить, что городище “МТС” не так уж велико, кроме того, небольшой зондаж Н.В. Анфимова не позволяет достоверно датировать и атрибутировать остатки сооружений.

Древности и памятники VIII–IX веков

Набор находок, определяющий облик группы III Борисовского могильника, В.В. Саханев соотносил с древностями салтово-маяцкого круга. А в свете новых материалов и разработок этот горизонт памятника тяготеет к кругу “кубано-черноморской группы кремаций” [Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998].

В Причерноморье из более чем десятка известных могильников этой группы (рис. 12А) характер погребальных сооружений изучен раскопками лишь на трех. Основным типом погребений здесь являются кремации на стороне с помещением частично собранного праха и остатков костра в небольшую ямку, реже – в урну. По крайней мере, значительная часть инвентаря носит следы пребывания в огне, а некоторые вещи преднамеренно испорчены, иногда часть инвентаря помещали отдельно от остатков кремации. Этот обряд не имеет местных корней. О появлении нового населения

свидетельствует и то, что могильники основаны на новых местах (“8-я щель” содержит только древности этого времени, в Южной Озерейке перерыв с погребениями предшествующего периода составляет не менее трех веков). В Дюрсо они занимают особую зону.

Каждый из рассматриваемых памятников имеет свои особенности. Погребения коней в большом количестве представлены на могильнике “8-я щель” и дважды встречены в зоне кремаций Дюрсо. В целом, погребения коней не характерны для могильников с кремациями салтово-маяцкого круга, хотя изредка и встречаются, что объясняется влиянием носителей ингумационных обрядов или специфичными ритуалами [Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1988. С. 211]. Единично на могильниках с кремациями попадают и ингумации. Все 8 ингумаций из Борисово принадлежали детям, на могильнике “8-я щель” в одном случае это женщина,

в другом – ребенок. В Дюрсо же две ингумации находились в центре зоны кремаций, и несколько ингумаций, вероятно, синхронных кремациям, были и на других участках Дюрсо, в том числе в районе стыка зон разных обрядов (рис. 13). На могильниках “8-я щель” и Борисово есть кремации в урнах, что не встречено в Дюрсо.

В Борисово кремации или скопления вещей в грунтовых ямках составляют лишь около четверти погребений III группы, а около 50 из 82 могил содержали кремации в ямах, обложенных каменными плитами. Правда, в ряде случаев каменные ящики имели небольшие размеры или даже треугольную форму, отдельные каменные ящики носят следы воздействия огня. Судя по плану раскопок 1911–1912 гг., большинство кремаций в ямках образуют компактные группы, окруженные погребениями в каменных ящиках, а детские ингумации расположены на юго-восточной периферии зоны концентрации могил. В северо-восточной части участка исследованы каменные ящики с остатками кремации, выше которых были поставлены черепа, в одном случае 3 (могила 91), в другой – 19 (могила 99), последние были перекрыты каменной плитой, на которой лежало скопление обожженных вещей. Погребения, совершенные по разному обряду, не отличаются по составу инвентаря, лишь ингумации детей, в целом, более бедны. Захоронения в каменных ящиках не известны на других могильниках с кремациями салтово-маяцкого времени и явно отражают синтез с местными погребальными обычаями. “Отклонения” от “стандарта”, объединяющего могильники с кремациями VIII–IX вв., не могут заслонить их культурного единства. Каждый из случаев имеет собственные объяснения: вариации погребальной практики разных общин; какие-то особые обряды; присутствие носителей других традиций, в том числе местного населения, в разных коллективах удельный вес и, вероятно, статус последних были различными.

Значительную и не связанную с местными традициями часть погребального инвентаря рассматриваемых памятников составляют предметы снаряжения коня и воина. Часты находки слабоискривленных сабель, как с прямой, так и коленчато изогнутой рукоятью; как правило, они имеют перекрестья, типы которых весьма разнообразны, встречаются скобы для подвешивания, полукруглые или с выступом на середине оковки ножен (табл. 73: 3; 78: 12–16, 64). Сабельные гарнитурные изготавливались из железа, иногда с таушировкой благородными металлами, реже – из бронзы. Встречаются кинжалы, в том числе коленчатые с перекрестьями, часты ножи, иногда находимые по нескольку штук, что свидетельствует о возможности их использования и в качестве метательного оружия (табл. 78: 30, 52, 65). На вооружении состояли

пики с узким пером ромбического сечения, топоры, в основном узколезвийные с молоточковидным обушком, известен кистень (табл. 78: 33, 34). Об активном использовании луков свидетельствуют колчаные крюки и скобы, многочисленные наконечники черешковых стрел, часто трехлопастных, есть и бронебойные (с утяжеленным жалом), обращают на себя внимание рамчатые наконечники, редкие для других регионов Европы в это время (табл. 73: 4; 77: 30–32; 78: 7–10). Защитное вооружение попадает редко, возможно, из-за высокой стоимости. Известны шлемы, склепанные из железных листов, с навершиями и кольчужными бармицами, кольчуги с налокотниками, поножи, детали щитов [Саханев В.В., 1914. Рис. 27–29].

Конская упряжь представлена удилами с S-видными или стержневидными псалиями, арочными стременами с прорезью для путлища на выделенной пластине, прямой или вогнутой подножкой, или 8-видными, известны и оковки седел (табл. 73: 2, 5а, 8–10, 14, 17–19). Из украшений коня известны начельники с плюмажем, округлые или листовидные пластинчатые бляхи, вероятно, использовались для этой цели и бубенчики (табл. 73: 11–12).

Судя по всему, в воинские наборы всадников входили небольшие, в том числе складные, серпы (табл. 78: 30). С упряжью связаны часть железных пряжек простых форм и ременных разделителей, наборы колец для конских пут. Другие железные пряжки, разделители и кольца являлись деталями поясов или других ременных гарнитур, как и наконечники или накладки на ремни, нередко с подвесными кольцами (табл. 73: 5; 78: 1–5). Чаше детали ременных гарнитур изготавливались из железа, но известны и сделанные из цветных металлов. Последние лучше всего представлены в Дюрсо, наиболее богатом могильнике этого времени в Причерноморье. С одеждой связаны бронзовые цельнолитые пуговицы и часть бубенчиков (табл. 78: 17, 21).

Украшения представлены серьгами (нередко – золотыми или серебряными) с овальным разомкнутым кольцом, часто имеющим в верхней части декоративную насадку, подвески к ним бывают полые, украшенные зернью, или из низки шариков (табл. 78: 20). Фибулы, наоборот, почти все железные. Доминируют двухчастные застёжки с широким кольцом для оси короткой пружины, сплошным приемником и крючком на конце ножки, сечение спинки очень разнообразно; значительно реже встречаются шарнирные фибулы (табл. 73: 1; 78: 6). Возможно, застёжками служили и щипцевидные предметы. Впрочем, некоторые исследователи предполагают их иную функцию. Из бронзы или низкопробного серебра изготавливались браслеты, среди которых показательны имеющие на концах утолщения-шляпки, перстни с пластинчатым или имеющим выступы щитком (табл. 78: 24–25). Раз-

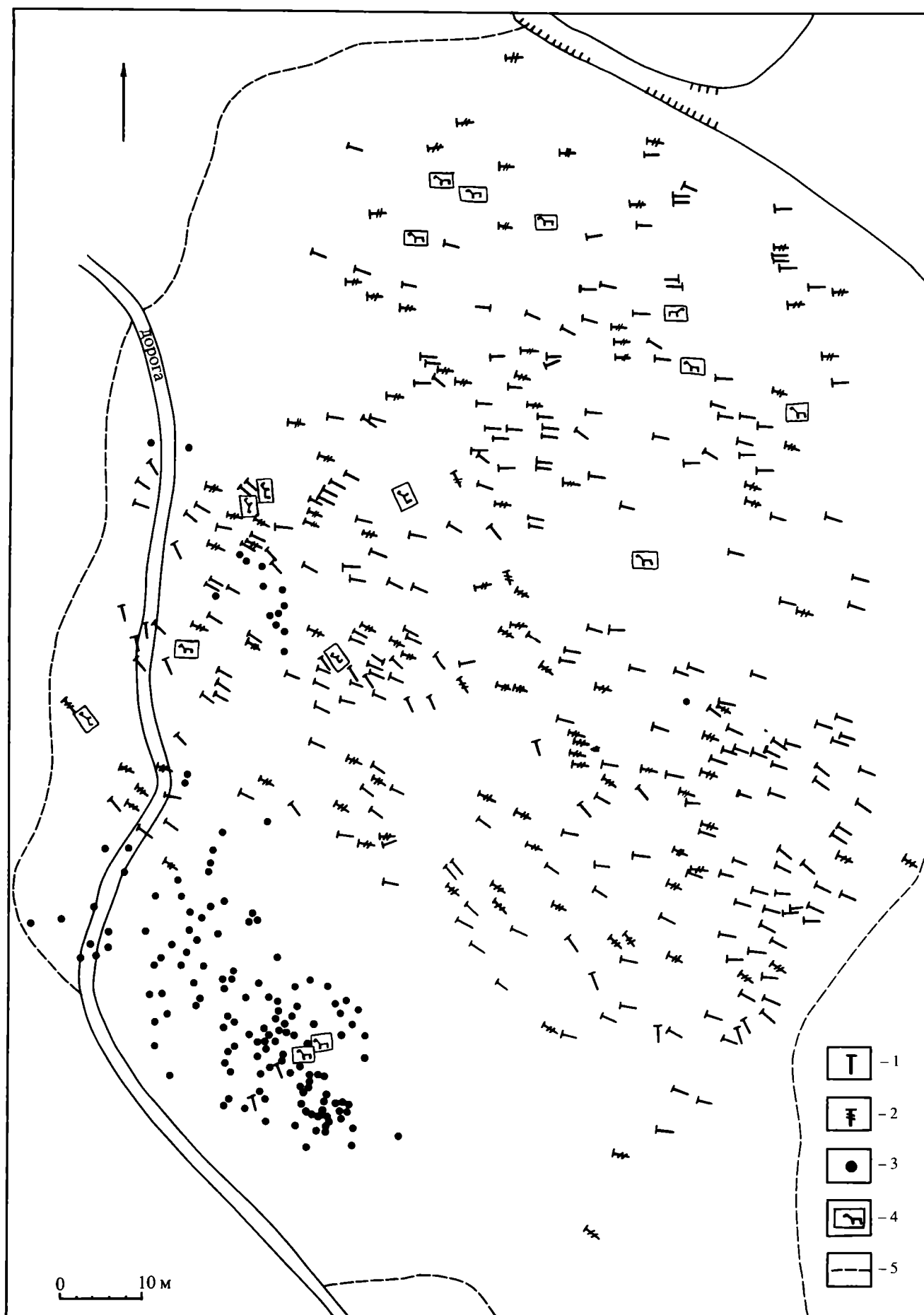

Рис. 13. Расположение погребений на могильнике Дурско

Условные обозначения: 1 – труположения; 2 – труположения, нарушенные в древности; 3 – трупосожжения; 4 – могилы коней;

5 – границы раскопанной площади. Составлена И.О. Гавритухиным по материалам А.В. Дмитриева

нообразны подвески: костыльковые с петлей или перехватом, пинцеты, “копоушки” и “ногтечистки”, стержни с миндалевидным прорезным основанием, в виде головы барана, коньковые и т.д. (табл. 78: 18, 19). Среди бус преобладают побывавшие в огне небольшие каменные (сердолик, халцедон и т.д.), шарообразной, нестрогой, реже цилиндрической и биконической формы. Среди избежавших воздействия огня бус присутствуют агатовые, шарообразные из бесцветного стекла, одночастные и многочастные с металлической прокладкой, разнообразны одноцветные из глухого стекла или полихромные (табл. 78: 22, 23) [Саханев В.В., 1914. С. 153–155]. Янтарь не встречен, что может объясняться и его нестойкостью к огню.

В керамическом комплексе преобладают красноглиняные кувшины с яйцевидным туловом и сливом, реже встречаются красноглиняные и сероглиняные кружки или кувшинчики с грушевидным туловом; есть лепные горшочки, корчаги красной и серой глины, иногда орнаментированные врезными волнистыми линиями или зональным рифлением, изредка попадаются амфоры [Саханев В.В., 1914. Рис. 27]. Орудия труда и бытовые предметы представлены мотыжками (табл. 78: 32), серпами, кресалами, как правило, калачевидными или подпрямоугольными, оселками с отверстиями для подвешивания, инструментами, рыболовными крючками и т.д. В погребениях встречаются очажные цепи или их детали (крючья, звенья из крученого прута с перехватом на середине и т.д.); почти на всех памятниках известны вертелы и двузубые вилки из крученого стержня с кольцом для подвешивания, в Борисово найдены бронзовые клепаные котлы с железной полосой по краю [Саханев В.В., 1914. Рис. 33].

Основная часть инвентаря рассмотренных памятников имеет прямые аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры [Плетнева С.А., 1981; 1999; Березовец Д.Т., Пархоменко О.В., 1986]. Своеобразна на этом фоне лишь керамика, которая локальна и частью явно связана с местными традициями. По основным характеристикам погребального обряда и особенностям состава инвентаря кубано-черноморская группа кремаций находит близкие соответствия в памятниках, расположенных в верховьях Северского Донца, что объяснимо лишь их общим происхождением и сохранившимися связями [Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998]. Происхождение этого, судя по всему, сплоченного и хорошо вооруженного народа неясно. В материальной культуре бросаются в глаза черты, связанные с кочевым миром Евразии. Высказанные предположения о тюркских или угорских корнях людей, оставивших кремации кубано-черноморской группы [Дмитриев А.В., 1978а. С. 49; Тарабанов В.А., 1994. С. 58–59], перспективны, но требуют более убедительной аргументации. Компакт-

ные ареалы двух близкородственных групп пришельцев на северной и южной границах Хазарского каганата вполне соответствуют практике этого государства в национальной и военной политике.

Многочисленные аналогии в древностях салтово-маяцкого круга допускают надежную синхронизацию кубано-черноморской группы кремаций с ранними этапами этой культуры (середина VIII – середина IX в.).

В Дюрсо [Дмитриев А.В., 1982а. Рис. 13] этот горизонт прослеживается, кроме ядра зоны кремаций, компактной группой кремаций, расположенной севернее, среди ингумаций (могилы 361, 362 и др.) и погребений по обряду ингумации, разбросанных в разных частях могильника. Очевидно, в момент появления носителей обряда кремаций, могильник предшествующего населения здесь еще функционировал, и какое-то время эти группы населения сосуществовали.

Приблизительно этим же временем (около последней трети VII в.) может датироваться начало III группы погребений в Борисово (табл. 78: 8, 28, 35–37, 39, 44, 46, 52), хронологически смыкающихся с поздними погребениями групп I–II. Это подтверждает и сам факт сохранения в группе III местных особенностей в погребальном обряде и украшениях. Не выходит за рамки VII в. и дата некоторых вещей из разграбленного могильника у пос. “Ленинский путь” (табл. 73: 6, 17–19, 24–28), а также клад византийских монет в Суко, среди которых наиболее поздние принадлежат Константину IV (668–685) [Кропоткин В.В., 1962. № 26].

В рамках второй половины VII в. датируется ременная гарнитура из Мысхако (табл. 73: 20–22). Хотя на этом памятнике представлены как вещи “культуры кремаций”, так и более ранние, указанный набор важен тем, что имеет прикамско-нижнеокское происхождение [Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. С. 33, вариант 1а и 1б; Гавритухин И.О., 2001], т.е. близкое культурному контексту коньковых подвесок и некоторых других вещей, типичных для кубано-черноморской группы кремаций. Набор пластинчатых подвесок из могильника “Ленинский путь” (табл. 73: 24–26) имеет днепровское происхождение, особенно близки ему вещи из Козивского и Новоодесского кладов [Корзухина Г.Ф., 1996. Табл. 45, 52–53]. Последние расположены неподалеку от верховий Северского Донца, где фиксируется население, родственное носителям культуры кубано-черноморских кремаций. Вполне вероятно, учитывая катастрофические события, приведшие к появлению днепровских кладов, что упомянутые подвески свидетельствуют о пленниках, приведенных с востока лесостепного Днепровского Левобережья [Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996].

Итак, памятники второй половины VII – начала VIII в. между Анапой и Геленджиком свидетельст-

вуют о сложных процессах этнокультурных перемен, вписывающихся в картину потрясений, сопровождавших экспансию на запад объединения, возглавляемого хазарами.

При реконструкции формирования культуры кубано-черноморских кремаций следует иметь в виду и памятники, где получена представительная выборка материала, но древности последних десятилетий VII – первых десятилетий VIII в. не известны. Кроме ряда пунктов на Нижней Кубани, к таковым относятся и некоторые причерноморские могильники (“8-я щель”, Южная Озерейка). К началу собственно “салтово-маяцкого времени” полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). Повидимому, и на “зихской” границе каганат проводил “стабилизационные” мероприятия. Пока Хазария была сильна, подступы к важным для нее Тамани и Приазовским степям были защищены, но к X в. ситуация изменилась, и Константин Багрянородный фиксирует северную границу контролируемой зихами территории по р. Укрух (старое русло Кубани). Между Зихией и Аланией, по данным того же автора, расположена Касахия (страна касогов по русским летописям). С другой стороны, по данным Масуди, “между горой Кабх и Румским (Черным) морем” жили кашаки (те же касоги) [Минорский В.Ф., 1963. С. 206]. Возможно, эти сведения отражают смешение части касогов и продвинувшегося с юга населения. В.Ф. Минорский рассматривал сообщения Масуди об идолопоклонстве ряда народов (русов, норманнов, кашаков) как неверно понятые обряды кремирования умерших. Если принять его точку зрения, то появляется возможность идентифицировать касогов VIII–IX вв. с носителями кубано-черноморской группы кремаций.

Небольшие шурфовки, сборы или находки в перемешанных слоях поселений VIII–X вв. между Анапой и Геленджиком не позволяют более или менее полно характеризовать эти памятники. В ряду десятка поселений на левобережье низовий Кубани выделяется Уташское, площадью до 50 га. Кроме разнообразной керамики, пахотных орудий, жерновов, здесь найдены часть карниза, капитель, черепица. Отсюда происходят и несколько десятков христианских могильных стел, скорее всего, здесь в 1894 г. найдена плита с греческой надписью “Преображение Христово. За душевное спасение себаста Артемия” [Латышев В.В., 1896. С. 115–116. № 107]. Все это позволяет предполагать наличие храма и христианской общины [Новичихин А.М., 2000; 2000а]. Подтверждением того, что в низовьях Кубани было население, отличающееся от носителей об-

ряда кремации, может служить и сообщение об “обширном кладбище”, где В.Г. Тизенгаузенем доследовалась каменная гробница, из которой происходит серебряное кольцо и золотая монета Льва III (717–741) [Кропоткин В.В., 1962. № 8].

Древности VIII–IX вв. южнее Геленджика известны очень отрывочно. В районе Новомихайловского еще А.А. Миллером было описано городище Дузу-кале. Четырехугольная крепость расположена на мысу, соединенном с береговым плато небольшим перешейком. Размеры крепости 100 × 60 м, стены сложены из тесаного камня с забутовкой на известняковом растворе, зафиксированы остатки и других каменных сооружений [Миллер А.А., 1909. С. 97–99; Анфимов Н.В., 1980. С. 92–93]. Подъемный материал представлен амфорами салтово-маяцкого времени, каменной плитой с христианским крестом. Ряд вещей этого времени происходит из погребений, разрушенных здесь в начале XX в. (табл. 77: 23–28, 41). Предметы, связанные с христианским культом, были приобретены А.А. Миллером (хранятся в Византийском отделе ГЭ), а северо-восточнее крепости были разрушены погребения в каменных ящиках с инвентарем VIII–IX вв. К сожалению, это все, что известно об этом, несомненно уникальном, комплексе. Другие памятники последней четверти I тыс. в Туапсинском районе вообще не выявлены.

В Сочинском районе неоднократно обследовался ряд крепостей и других памятников, относимых к VIII–IX вв. [Воронов Ю.Н., 1971; 1979. С. 83–90; Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н., Михайличенко Ф.Е., 1969; Воронов Ю.Н., Ситникова Л.Н., Ситников Л.Л., 1970; 1971; 1972; Ковалевская В.Б., 1983]. Однако эти датировки основаны на косвенных соображениях и подъемном материале весьма широкого хронологического диапазона. Лишь после раскопок, позволяющих надежно датировать эти сооружения, можно будет говорить об их культурном и историческом контексте. Относимые то к VI–VII, то к VIII–IX вв. остатки храма и прилегающий к нему могильник на территории с/х “Южные культуры”, судя по сохранившимся в МИГКС вещам, не имеют оснований для датировки более ранней, чем начало II тыс. н.э. Систематические работы на средневековых памятниках Сочинского района ведутся сейчас лишь в крепости, расположенной у устья р. Годлик. Часть сооружений там надежно датирована генуэзской эпохой, горизонт VIII–IX вв. представлен лишь довольно бедной коллекцией керамики, и каков был характер памятника в это время, пока не ясно [Овчинникова Б.Б., 1997. С. 17; Иванова С.Н., 1997].

Значительный круг проблем связан с историей распространения христианства в Северо-Восточном Причерноморье. В ряде житий св. апостола Андрея Первозванного говорится о проповеди в Причерноморье, в том числе и у зихов, но пока трудно одно-

значно утверждать, какие реалии стоят за этими, значительно более поздними текстами. О вере в Христа готов-тетракситов вполне достоверные сведения есть у Прокопия Кесарийского. В археологическом материале это не нашло отражения, что не удивительно, учитывая отмеченное византийцами безразличие тетракситов к догматическим и литургическим вопросам. Из этого же сообщения Прокопия известно, что Юстиниан Великий послал туда священника в качестве епископа. С усилением политического интереса Империи к Боспору и примыкающим землям связана активизация миссионерской деятельности, не давшая, впрочем, желаемых ре-

зультатов [Болгов Н.Н., 1996. С. 61–62], хотя, возможно, и не прошедшая бесследно. Зихский епископ Дамиан упомянут в документах 536 г., но у нас нет данных, чтобы судить, какова была его епархия. Для более позднего времени имеется ряд археологических свидетельств о распространении христианства (Уташ, Дузу-кале, возможно, какие-то из памятников в Сочинском районе). Однако ни один из этих пунктов не изучен так, чтобы можно было выйти за область предположений. Остается верить, что будущие работы в области церковной археологии создадут базу для воссоздания ранних этапов истории христианства в Северо-Восточном Причерноморье.

Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков

Могильник Дюрсо находится в 15 км к западу от г. Новороссийска в долине реки Дюрсо. Географически это место является северо-западной оконечностью Кавказа. Вершины гор в окрестностях едва превышают пятисотметровую отметку. Перевалы, связывающие долину с равниной, не достигают двухсот метров. Через долину р. Маскаги можно легко пройти в Анапу (бывшую Горгишпию), направившись на север по долине р. Бакан, попадаешь в Прикубанье, а в шести километрах к югу плещется Черное море. Особенности местности сказались в том, что в районе Новороссийска с древнейших времен соприкасались культуры гор, степей и моря.

Могильник расположен на террасе правого берега реки (рис. 13). С востока он ограничен речным обрывом, с запада – крутым подъемом горного отрога, с юга – небольшим оврагом, а с севера – промоиной. Размеры могильника 150 м с севера на юг и 110 м с востока на запад. Площадь около 1,5 га. Могильник был открыт случайно при устройстве карьера во время строительства плотины и исследовался А.В. Дмитриевым в 1974 г. [Дмитриев А.В., 1979]. Всего раскопано 525 погребений и 16 захоронений лошадей. Памятник исследован, вероятно, полностью, хотя не исключено его распространение к северу за промоиной, где продолжается удобная терраса из глинистых отложений. К югу от основной массы погребений на дороге обнаружено захоронение в каменном ящике, не связанное с основным могильником, а на юго-восточной окраине – три поздних мусульманских захоронения [Дмитриев А.В., 1982а. Рис. 13].

Захоронения могильника подразделяются на четыре хронологических периода. Наиболее ранние захоронения находятся в северо-западной части, самые поздние трупосожжения расположены двумя компактными группами на западе и юго-западе.

Ранние захоронения, произведенные в прямоугольных неглубоких ямах, сосредоточены в северной части могильника. Ориентировка погребенных

головами на запад или северо-запад. В захоронениях много вещей. Это детали одежды – пряжки, фибулы; украшения – серьги, браслеты, бусы, гривны; посуда, оружие.

Детали одежды обычно расположены в местах их функционального назначения. Пряжки находятся в области пояса, а мелкие “обувные” – у ступней ног. Фибулы чаще всего располагались на плечах. Украшения могли быть сложены кучками как у головы, так и в ногах умершего. Иногда женские украшения находились в мужских захоронениях. Посуда укладывалась у головы или в ногах умершего. Часто рядом с посудой лежали кости животных (корова, овца). В одном случае (погребение 500) кости лежали в бронзовом котле, накрытом глиняным блюдом. Рядом с котлом находился крюк для мяса. Часто миски и блюда находились в перевернутом вверх дном состоянии. Возможно, ими накрывалась какая-то пища. Так, под некоторыми блюдами была обнаружена скорлупа птичьих яиц (курица?).

В мужских захоронениях часто встречается оружие – мечи, кинжалы. В женских захоронениях находили украшения, пружинные ножницы, пряслица, туалетные принадлежности, зеркала, но встречалось и оружие. Ножи найдены как в мужских, так и в женских погребениях.

Три самых богатых по набору и качеству инвентаря погребения парные – мужчина и женщина, причем в одном случае мужская рука сжимает женскую. Обычно положение погребенных вытянутое на спине. Иногда ноги скрещены. Часть черепов искусственно деформирована. Неподалеку от погребений богатых воинов лежали скелеты лошадей с остатками седел и оружием [Дмитриев А.В., 1979а].

Нередко в погребениях находили монеты – поздние боспорские “статеры” конца III – начала IV в. В двух случаях это были “варварские” подражания римским денариям. Монеты обычно лежали у пояса (кошелек?), реже в руке погребенного.

Перейдем к характеристике находок.

Пряжки (табл. 79: 1–31) с овальными, круглыми и В-образными рамками. Щитки прямоугольные, круглые, овальные, реже – треугольные, иногда со стеклянными вставками. Изредка встречаются зооморфные язычки (табл. 79: 28), часто находили мелкие “обувные” пряжки (табл. 79: 12, 17–20, 26). Наиболее крупные пряжки в мужских захоронениях могли быть портупейными (табл. 79: 3). Сравнительно крупные поясные пряжки были и в женских погребениях (табл. 79: 21).

Браслеты провололочные, круглые в сечении, с канавками на концах (табл. 79: 37), стилизованные зооморфные (табл. 79: 34, 35) или с расплюснутыми концами, покрытыми точками (табл. 79: 36, 38).

Гривны являются наиболее типичным женским украшением. Их застёжки из двух перпендикулярно расположенных крючков. Стержни гривен обычно круглые, но бывают и плоские (табл. 79: 32, 33). Материал – серебро, реже – бронза.

Серьги в виде проволочного кольца с заостренным концом и двенадцатигранной бусиной на другом. Их форма и размеры весьма стандартны (табл. 79: 39).

Бусы из различных материалов, мозаичные и одноцветные из стекла (табл. 79: 42–50), точеные из янтаря (табл. 79: 40, 41, 51, 52, 54), из роговика, коралла. Очень характерны для данного периода крупные граненые бусы из прозрачного бесцветного или синего стекла (табл. 79: 55–57).

Фибулы. Могильник Дюрсо дал замечательную коллекцию фибул, позволяющую проследить изменение моды на эту деталь одежды в течение нескольких столетий. Наиболее характерными для раннего периода Дюрсо являются двухпластинчатые фибулы (табл. 80: 1–12). Их типология и хронология подробно разработана [Дмитриев А.В., 1982а; Амброз А.К., 1982; Казанский М.М., 2001]. Фибулы изготовлены из серебра. В основном они подражают дунайским и крымским образцам, но большая часть из них явно местного происхождения. Второй тип фибул – лучковые (табл. 80: 15–21).

Зеркала с петлей на обратной стороне с тремя концентрическими кругами. Туалетные принадлежности в виде стерженьков на кольцах с маленькой лопаточкой или крючком на конце обычно подвешивались на цепочках (табл. 80: 23, 26, 27). Пинцеты бронзовые обычной формы (табл. 80: 25).

В захоронениях сравнительно много посуды из стекла (табл. 81: 1–13). Это стаканы, чашки, рюмки, блюдо, кувшин, высокая ваза. Для раннего этапа наиболее характерны стаканы усеченно-конической формы из желтого стекла с синими напаями в виде точек, ломаной линии или комбинации из точек и линий (табл. 81: 1–3). Вероятно, несколько позже появляются стаканы с волнистой поверхностью (табл. 81: 4).

Гончарная посуда из серой глины (табл. 81: 15–19, 21–24) несколько грубее красноглиняной

(табл. 81: 14, 20, 25). Сравнительно много краснолаковых блюд с оттисками крестов, животных, четырехлепестковых розеток (табл. 81: 26–36). Лепная керамика (табл. 79: 60, 61) довольно редка. Краснолаковый кувшин был один (табл. 79: 62). Амфоры одного типа с реберчатыми туловами (табл. 79: 65). Найдено два бронзовых котла (табл. 79: 59).

Снаряжение коня представлено остатками седел, удилами, уздечными и подпружными пряжками. Металлические пластины седел покрыты чешуйчатыми орнаментами. Положение пластин на спинах лошадей позволило сделать достоверную реконструкцию древних гуннских седел и положить конец спору о времени появления деревянных седел [Дмитриев А.В., 1979а; Амброз А.К., 1979].

Удила одноколычатые с железными или серебряными псалиями (табл. 82: 12–14). Пряжки узды обычно серебряные (табл. 82: 9–11, 19, 23, 24). Подпружные пряжки из бронзы, железа и кости (табл. 82: 15–18, 25).

Оружие. В ранних захоронениях найдены длинные мечи (табл. 82: 30–32, 38), однолезвийные клинки и кинжалы с двусторонними вырезами у рукояти (табл. 82: 28, 36, 37). Большая часть мечей имела простые ромбические в плане сравнительно узкие перекрестия. У одного из широких перекрестий была вставка, инкрустированная стеклами рубинового цвета с золотым каркасом (табл. 82: 41). Бронзовое перекрестие другого меча тоже было широким и имело гнездо для вставки, утраченной в древности (табл. 82: 38, 44).

Богатые мечи имели серебряные и золотые накладки ножен (табл. 82: 39, 40, 42, 43). Накладки покрыты чешуйчатым или геометрическим орнаментом. Узкие полосы, окаймляющие ножны, покрыты насечками и имеют клювовидные окончания (табл. 82: 27, 42, 43).

Оружие находилось непосредственно у скелетов погребенных или в захоронениях лошадей, которые обычно располагались не рядом, а в нескольких метрах от захоронения всадника. Поэтому трудно связать часть богатых погребений всадников с теми или иными захоронениями лошадей.

Первый период могильника начинается в конце V в. и заканчивается до середины VI в.

Во втором этапе могильника Дюрсо появляются геральдические пряжки, разнообразные детали поясной гарнитуры (табл. 83: 1–58); пряжки из бронзы, железа, серебра, накладки и наконечники из серебра, бронзы или же штампованные из тонкого серебряного листа и залитые легкоплавким сплавом.

Изменяются и фибулы. Найдены две пары в форме цикад (табл. 83: 54). Наиболее характерны для данного периода небольшие фибулы с припаянным и трубчатым приемником (табл. 83: 60). Наиболее поздние – с подвязным приемником и широкой орнаментированной спинкой (табл. 83: 70–73).

Распространенные в первом периоде серьги с граненой бусиной на конце становятся крупнее (табл. 81: 81, 82), бусина теряет четкие формы и превращается в цилиндр или окатанный многогранник (табл. 81: 78, 83). Иногда бусина не литая, а пустотелая. Появляются серьги с пирамидками из шариков (табл. 81: 79, 85). Широко распространены появившиеся еще в первом этапе серьги в форме калачика. Они становятся массивнее и получают выступ внизу (табл. 81: 84). У браслетов закрученные концы (табл. 81: 87, 100) или канавки на концах (табл. 81: 86).

Наряду с зеркалами предыдущего типа появляются зеркала с одним валиком или с более сложным рисунком на обратной стороне (табл. 73: 94–97). Встречаются маленькие колокольчики, причем в детских захоронениях они могут быть в ногах (табл. 83: 90–93).

Преобладает сероглиняная посуда – кувшины, миски (табл. 84: 1, 3–5, 7, 11–15), кружки чаще делают из красной глины (табл. 84: 6, 8–10). Стеклопосуда более редка (табл. 84: 16).

Орудия труда. По сравнению с первым периодом, орудия труда встречаются чаще. Это мотыги, массивные рабочие топоры, серпы, кресала, рыболовные крючки и свинцовые грузила, ножи, долота, пряслица (табл. 84: 17–29).

Особый интерес представляет захоронение ювелира (402), в котором помимо серпа и наконечника копья найдены наковальня, молоточек, зубило, двое клещей, различные штампы (табл. 84: 24–29). Там же были сложены обломки металлических предметов, служившие сырьем – различные пластинки, фрагменты браслетов, фибул, стержни, боспорские монеты II–IV вв., византийская монета VI в.

В ногах умершего стояла бронзовая мисочка, наполненная фруктами (табл. 85: 41).

Двухпластинчатые фибулы могут относиться как к сырью (табл. 83: 74, 75), так и к продукции самого мастера (табл. 83: 76, 77). Интересно, что точно такая же антропоморфная фибула (табл. 83: 76) была найдена в Борисовском могильнике, находящемся в 40 км от Дюрсо (хранится в Геленджикском историко-краеведческом музее).

Оружие представлено мечами и кинжалами с вырезами у рукояти, как в предыдущем периоде (табл. 85: 1–3). Появляются различные наконечники копий (табл. 85: 4–9).

В некоторых погребениях и захоронениях боевых коней встречены удила. Обычно они двукопчатые с загнутыми псалиями (табл. 85: 22–26).

Наряду с бронзовыми и железными пряжками встречаются костяные (табл. 85: 27–40).

Захоронения двух первых периодов по обряду мало чем отличаются друг от друга. Ориентировка западная, хотя все большее количество захороне-

ний получает северо-западное направление. В могилы кладутся наконечники копий, орудия труда, что ранее не наблюдалось. Вероятно, между первым и вторым периодами произошел небольшой хронологический разрыв. Вещи (пряжки, фибулы, керамика) сменились скачкообразно, без какой-либо преемственности.

Начало второго периода относится ко времени появления геральдических поясов, не встречающихся в первом периоде, и датируется второй половиной VI в. Заканчивается он в конце VII в., хотя отдельные погребения могут относиться к началу VIII в.

В VIII в. захоронения на могильнике производились очень редко, причем наиболее поздние из них были ограблены. К этому периоду относится всего несколько захоронений.

Наиболее интересно погребение 248. Ориентировка скелета головой на северо-восток. Положение вытянутое на спине, правая рука вдоль туловища, левая согнута, лежит на животе, ноги скрещены. С обеих сторон у головы стояло по кувшину, справа – наконечник копья. Наконечник копья скован из двух деталей: массивное ромбическое в сечении перо и втулка, свернутая из листа с ободком по краю (табл. 86: 3). У левого плеча остатки колчана с наконечниками стрел. От колчана сохранились верхние и боковые костяные накладки, железные пряжки и пластина с крючком (табл. 86: 22, 23, 26), три круглых плоских бляшки из серебряной фольги, залитой свинцом. У левого локтя железный нож и бронзовая пряжка (табл. 86: 7, 21). На поясе железная пряжка (табл. 86: 19). В ногах лежали кувшин, нож, удила, стремяна, бусы из стекла, сердолика, роговика, бронзовые обтянутые серебряной фольгой пуговицы, две пряжки, два бронзовых кольца с “лапками” для ремней, пара колокольчиков, костяные накладки (табл. 86: 4–6, 16–18, 20, 27–30, 32). Пуговицы и колокольчики могли нашиваться на сбрую. Удила во внешних кольцах грызель имеют два кольца – одно маленькое и второе очень большое из скрученного стержня, расположенные во взаимно перпендикулярных плоскостях. У стремян почти круглая рамка и высокая стойка путлища (табл. 86). В засыпке над погребением лежали палаш с серебряными деталями рукоятки и ножен и две золотые серьги (табл. 86: 1, 2, 24, 25). Наконечники стрел трехперые, трехперые с трехгранным концом, уплощенные и ромбовидные в сечении.

Возможно, к этому погребению относились два захоронения лошадей, обнаруженные поблизости от погребения воина. Эта группа находилась в юго-западной части могильника под слоем более поздних трупосожжений.

Погребения 343 и 428 с наконечниками стрел, боевым топориком и саблей (табл. 85: 10–21) также относятся к третьему периоду. Наконечники стрел трехперые, трехперые с трехгранными кончиками,

плоские и срезни с широкими концами, сабля с прямым клинком.

К четвертому периоду существования могильника относятся 173 трупосожжения, располагающиеся двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника.

Обрядом и набором инвентаря трупосожжения полностью отличаются от предыдущих погребений. Они представляют небольшую кучку пережженных костей, рядом с которой компактно сложены предметы (табл. 87: 1–4). Мелкие предметы, пуговицы, украшения, могли находиться среди костей. Кремация совершалась на стороне, кости измельчались. Предметы несут следы пребывания в огне. Железные вещи покрыты плотной окалиной и прекрасно сохранились. Предметы из цветных металлов нередко деформированы от высокой температуры.

Оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Сабли переламывались или сгибались в несколько раз, скручивались шампуры и крюки для мяса. В некоторых погребениях переломлены серпы, топоры, наконечники копий, шлемы, смяты стремяна, пробиты бляхи сбруи. Трудно сказать, что это – ритуальная порча оружия или стремление испортить наиболее дорогие предметы, чтобы не допустить ограбления могил. Нужно отметить, что ограбления трупосожжений нами зафиксированы не были, хотя кости и предметы закапывались неглубоко (0,4–0,6 м).

Рядом с захоронением ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной, реже серой глины (табл. 87: 5–16). Только в одном случае в кувшине находились человеческие пережженные кости. Посуда не очень многочисленна, но разнообразна. Это может говорить об отсутствии собственного производства. Наиболее характерными и многочисленными являются тонкостенные кувшины с рифлеными горлом и внутренней поверхностью тулова, с отогнутым уплощенным венчиком, хорошо выраженным сливом и ямкой у верхнего прилепа плоской ручки (табл. 87: 15).

В погребениях встречались ручки с петлями от деревянных ведерок. Котлов не найдено, но в одном из захоронений обнаружена очажная цепь, подобная найденной в Борисовском могильнике [Саханев В.В., 1914. Рис. 33]. Только в одном захоронении обнаружены осколки стеклянного стакана.

Детали одежды и украшения. Пряжки разнообразны. Среди бронзовых преобладают пряжки с рамками, имеющими выступ в местах опирания язычка (табл. 88: 68–72, 84). Щитки неподвижные или соединены шарнирно, иногда покрыты растительным или геометрическим орнаментом. Часть простых железных пряжек большого размера (табл. 89: 53–65) могла относиться к конской сбруе. Некоторые пряжки имеют двойные почти симметричные рамки. Довольно многочисленны кольца с

двумя или тремя “лапками” (табл. 88: 76–83, 87), служившие портупейными разделителями ремней.

Довольно разнообразна поясная гарнитура. Это наконечники ремней от простых до литых ажурных (табл. 87: 27; 88: 54–58, 85, 86, 92). Накладки поясов не очень многочисленны (табл. 88: 61–65, 73–75, 88–90). В нескольких случаях мы имели наборы орнаментированных деталей парадных поясов (табл. 87: 27–29; 88: 84, 85, 87–90).

Разнообразны подвески (табл. 88: 35–41, 45–53, 59, 60), характерны и двуконьковые подвески с отверстиями для подвешивания бубенчиков (табл. 88: 42–44). Много бубенчиков, литых пуговиц (табл. 88: 28–33). Фибулы лучковые с отогнутым приемником, кованые железные или литые из бронзы (табл. 88: 19–23).

Могильник дал хорошую коллекцию серег из золота и серебра с полыми подвесками, украшенными зернью (табл. 88: 1–11). Реже встречаются серьги с подвесками из гирлянды литых или полых шариков (табл. 88: 12, 13).

Найдены кольца с литыми жуковинами и гравировкой (табл. 88: 14–18) и бронзовые перстни с четырьмя грубыми лапками для крепления вставки (табл. 88: 16).

В женских захоронениях много браслетов (до 18 штук). Среди них есть сильно стилизованные зооморфные, имеющие окончания с раструбами, дисками, шариками (табл. 88: 24–26, 91). Зооморфные браслеты могут быть как гладкими, так и реберчатыми (литое подражание витым) (табл. 88: 27).

Найдена коробочка-подвеска (табл. 88: 34), в которой лежал обломок золотой серьги. Встречаются различные туалетные принадлежности из бронзы и железа, которые тоже служили подвесками (табл. 87: 17–20).

Пинцеты (табл. 87: 21–26) преимущественно встречаются в мужских захоронениях. Это подтверждает свидетельство средневековых авторов, что часть кочевников бреют бороды, а часть выщипывают.

Оружие составляет значительный раздел погребального инвентаря в четвертом периоде могильника Дюрсо.

Наконечники стрел наиболее многочисленны. В наборе их могло быть от нескольких штук до двух десятков. Трехперые и трехгранные наконечники (табл. 89: 1–11) обнаружены в меньшем количестве. Больше уплощенных или ромбовидных в сечении (табл. 89: 12–22). Наконечники в форме лопаток (срезни) с широкими или заостренными концами изготовлены очень тщательно, имеют фигурные прорезы, канавки, точки (табл. 89: 23–31). Их отделка может говорить о парадном или ритуальном назначении данного типа стрел. Многочисленны типы стрел с отверстиями. Обычно они гораздо крупнее других типов стрел (табл. 89: 32–39).

От колчанов сохранились крючки, накладки (табл. 89: 40–42) и железные оковки колчанов.

Наконечники копий различаются размерами, формой и отделкой, но практически все одного типа (табл. 89: 43–50). Они имеют узкое длинное ромбовидное в сечении перо и слабо выраженную шейку. Такое копьё было способно пробить любую кольчугу.

Боевые топоры разнообразны (табл. 90: 1–14). Большая часть их имеет узкое длинное лезвие и длинный, обычно молотковидный обушок. Топоры с широким лезвием типа секиры (табл. 90: 13) редки. Интересен топор с насечкой и тамгообразным знаком на лезвии. Некоторые топоры в лезвии имеют отверстия, вероятно для крепления чехла.

Сабли имеют слабый изгиб, черенок под углом к клинку и обоюдоострый конец. На некоторых клинках имеется дол и елмань (табл. 90: 36–49). Сохранились железные оковки рукоятей сабель, обычно в виде простого, овального в плане стаканчика, а иногда более сложные (табл. 90: 47).

От ножен в трех случаях остались серебряные чехлы нижних частей (табл. 90: 27), портупейные дужки (табл. 90: 48, 50–52), хомутики для крепления дужек (табл. 90: 48).

Ножи встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Они самых различных размеров – от маленьких до очень крупных, которые могли служить боевыми кинжалами (табл. 90: 15–24). Обычно у ножей черенок отогнут вперед, как у сабель. На боковых поверхностях ножей имеются различные канавки, орнамент. Обычно между клинком и черенком надета обойма.

Найден один кинжал, у которого конец лезвия и черенок отогнуты вперед, а перекрестие и оголовок рукоятки выполнен как у сабли (табл. 90: 25).

Ударное оружие представлено гирькой кистеня в виде шара на цепи (табл. 90: 26). Защитный доспех сравнительно редок. Найдено только три шлема и одна кольчуга. Шлемы склепаны из четырех–восьми пластин и снабжены трубкой для султана и бармицей из крупных колец (табл. 89: 51). В двух случаях шлемы были намеренно поломаны. В одном из захоронений, разрушенном строителями, найдены остатки кольчуги и обломки наручей. Кольчуга, в отличие от бармиц, изготовлена из мелких колец и имеет участки с бронзовыми кольцами. Наручи имеют петельки для крепления.

Снаряжение коня. Почти в 40% захоронений встречены детали конского снаряжения. Стремена имеют арочные стойки, выгнутые или вогнутые подножия (табл. 91: 1–5). Подножки некоторых стремян имеют отверстия (табл. 91: 7, 8). Восьмеркообразные стремяна (табл. 91: 6) редки.

Удила двукольчатые с псалиями двух типов: S-образные и стержневые. Концы S-образных псалиев увенчаны стилизованными головками коней

(табл. 91: 9, 10). Концы стержневых псалиев заканчиваются шишечками (табл. 91: 11, 30).

Парадные псалии и стремяна покрыты насечками (табл. 91: 7, 8, 10).

Крупные позолоченные бляхи украшали упряжь (табл. 91: 7, 8, 10). Интересен орнаментированный начальник (табл. 91: 27).

От седел сохранились оковки лука (табл. 91: 12–14). Соединенные кольца, вероятно, служили основой веревочных пут для стреноженных лошадей (табл. 91: 28, 29).

Орудия труда. Наиболее распространенный вид орудий труда это серпы (табл. 92: 1–7) различной формы и размеров. Среди них много складных с костяными, железными и, вероятно, деревянными футлярами-ручками. Складные серпы найдены в комплексах с оружием и конской сбруей. Они, скорее всего, применялись не как жатвенные орудия, а служили воину, чтобы накопить небольшой запас травы для лошади. Мотыги несколько отличаются формой и размерами (табл. 92: 8, 9).

К деревообделочным инструментам относятся массивные рабочие топоры (табл. 26), тесла, резцы типа ложкорезов (табл. 92: 27–29), пилы и напильники (табл. 92: 30, 31). Многочисленны проколки (табл. 92: 23–25) и кресала (табл. 92: 15–20).

Кресало, соединенное с булавкой (табл. 92: 21, 22) называют “фибула-кресало”, но ее основное назначение только кресало, а игла служила для прикрепления к одежде.

К предметам женского труда относятся плоские пряслица (табл. 92: 14).

Шампуры, крюки для мяса (табл. 92: 11–13), как уже отмечалось, часто намеренно сгибались или ломались.

Обилие прекрасно изготовленных железных изделий, многие из которых имеют следы ремонта, требовало хорошо оснащенного кузнечного ремесла.

Судя по хорошо сохранившимся железным предметам, кузнецы в совершенстве владели техникойковки. Даже такие простые предметы, как ножи, наконечники стрел и копий, выполнены изящно, имеют элементы украшений в виде точек, различных линий, канавок. Парадное оружие и детали сбруи украшены насечкой из меди и серебра или покрыты серебряным или золотым листом по рельефной поверхности. При изготовлении перекрестий сабель и втулок наконечников копий применялась пайка медью. Часто применялась кузнечная сварка. Много изделий из крученого металла.

Однако в захоронениях кузнечные инструменты не найдены. Вероятно, кузнечная мастерская рассматривалась как собственность не отдельного ремесленника, а всей общины, и поэтому инструменты для обработки металла не попадали в захоронения.

Пока не проведено сравнения материала двух групп трупосожжений, хотя предварительно можно

сказать, что особой разницы в обряде и предметах нет. Обычно материалы, подобные четвертому периоду Дюрсо, суммарно датируют VIII–IX вв. В Дюрсо в разрушенном погребении позднего периода найдена только одна монета – византийский солид Льва III и Константина Копронима 720–741 гг. Монета хорошей сохранности, но не может быть основой для датировки даже начала хронологического периода. Достовернее датировка подобного захоронения из Южной Озерейки. Там найдена медная монета Феофила (829–842). Материал памятников подобного рода довольно однороден, что говорит об очень непродолжительном времени образования могильников – всего в пределах нескольких десятилетий. Это позволяет сделать вывод, что четвертый период Дюрсо следует датировать только IX в.

Попытаемся увязать могильник Дюрсо с историческими событиями раннего средневековья на Северном Кавказе.

Памятники рубежа н.э. в районе Новороссийска довольно обильны. Это многочисленные поселения и могильники I–III вв. Памятники IV в. более скудны и нам известны хуже. Кроме Дюрсо, единичные находки V в. пока известны только в Цемдолине [Мальшев А.А., 1995. С. 152]. Захоронения предшествующего периода отличаются от могильника Дюрсо наличием каменных конструкций в погребальных сооружениях. Это каменные ящики, выкладки над могилами в виде башенок и колец, обкладка или перекрытие могильных ям каменными плитами. Подобная местная традиция появляется в районе Новороссийска–Геленджика в эпоху бронзы и существует до позднего средневековья.

Раннему периоду могильника Дюрсо нет аналогий в других памятниках Кавказа. Однако у него много общего с позднеантичными захоронениями Восточного Крыма [Корпусова В.Н., 1973]. И еще один интересный факт. Анализируя причины экономического упадка Горгиппии, находящейся в 30 км от Дюрсо, И.Т. Кругликова приводит данные, что в самой Горгиппии и ее окрестностях отсутствуют монеты, чеканенные после 234 г. и связывает это с отторжением города от Боспора соседними племенами. В районе Новороссийска находки монет конца III–IV вв. редки. Однако в могильнике Дюрсо найдено около 30 поздних боспорских монет.

Могильник Дюрсо образовался гораздо позже окончания чеканки монет на Боспоре и объяснить наличие монет в захоронениях можно лишь привычкой населения к денежному обращению, основанному на данной монете и какими-то запасами самой монеты. Двухпластинчатые фибулы ранних типов до сих пор были известны по находкам в Керчи. Это позволяет предположить, что могильник Дюрсо оставлен племенами, переселившимися с Крымского полуострова.

В перипле безымянного автора V в. говорится: “Итак, от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся Керкеты или Тореты, а ныне живут так называемые Евдусиане, говорящие на готском или таврском языке”. Могильник Дюрсо как раз находится в указанном районе. Если сопоставить сообщение безымянного автора с рассказом Прокопия Кесарийского о вытеснении гуннами с Керченского полуострова готов-тетракситов и увязать это с археологическими материалами, то можно предположить, что могильник Дюрсо оставлен крымскими готами, возможно готами-тетракситами Прокопия Кесарийского.

Если наше предположение о том, что ранний период могильника Дюрсо оставлен готами-тетракситами верно, то вторая половина V в. является очевидно датой его возникновения, поскольку, согласно письменным данным, основавшее его население пришло из Крыма после того, как его вытеснили гунны, возвращавшиеся с запада через какое-то время после поражения в 453 г. Не сразу, конечно, началось широкое заполнение могильника, поэтому большинство захоронений первого периода может быть отделено от даты свержения власти гуннов на Дунае в 453 г. не менее чем десятью–пятнадцатью годами и, вероятнее всего, относится к последней трети V в.

Трудно доказать наличие хронологического разрыва между первым и вторым периодами могильника Дюрсо, но, судя по тому, что в инвентаре обоих периодов нет связующих предметов, он мог продолжаться в пределах нескольких десятилетий. Это позволяет сузить период могильника Дюрсо в пределах второй трети V – первой трети VI в. [Казанский М.М., 2001. С. 56].

Появление второго периода могильника Дюрсо совпало с основанием Борисовского могильника. В наборе инвентаря наблюдается полнейшее сходство. Отличным является обряд захоронения. В Борисовском могильнике преобладают каменные ящики, хотя встречаются и грунтовые захоронения типа Дюрсо.

Возможно, появление второго периода могильника Дюрсо и ранних захоронений Борисовского могильника можно связать с передвижением населения в аварское время. Сказать что-либо об этнической принадлежности населения данного периода пока невозможно. Судя по моде женского костюма (фибулы на плечах) и типам оружия (мечи, кинжалы с вырезами у рукоятки), деформации черепов в Дюрсо, это могли быть те же готы-тетракситы, до этого вынужденные по какой-то причине прекратить на некоторое время использование данного могильника. Но не исключена вероятность и смены населения.

Памятники типа второго периода Дюрсо также редки в районе Новороссийска. Кроме отдельных

беспаспортных находок, их практически нет. В Геленджике наряду с Борисовским могильником вещи этого круга обнаружены в каменных ящиках на Толстом мысу на территории Лесотехнической школы (хранится в Геленджикском музее).

Второй период может датироваться второй половиной VI–VII вв.

Беднее всего в могильнике Дюрсо представлен третий период. К нему относится захоронение 248 хазарского воина с мечом и золотыми подвесками (табл. 86).

Погребения этого круга хорошо известны. Близкой аналогией является захоронение хазарского воина из Ясиново [Айбабин А.И., 1985. С. 191]. В обоих погребениях подобны удила, стремяна, кувшины (табл. 86: 4, 5, 33), захоронение коня по близости. Кувшин из Ясиново, подобный найденному в погребении 248, А.И. Айбабин относит к керамике канцирского типа.

С глоссским кладом погребение 248 связывает целый круг предметов – наконечники стрел и копья, стремяна [Сміленко А.Т., 1965. Рис. 24–26]. Пуговицы, обтянутые серебряным листом, золотые серьги-подвески и парадный палаш с серебряными деталями ножен и рукояти аналогичны. Они являлись знаками отличия военных вождей. Палаш из Дюрсо, хотя он гораздо беднее, позволяет произвести достоверную реконструкцию глоссского меча, о которой ведутся споры.

Помимо погребения 248 из Дюрсо следует отметить случайную находку пары золотых серег-подвесок в Цемдолине.

Погребения этого круга связывают с хазарами [Айбабин А.И., 1985. С. 202] и датируют концом VII – началом VIII в. Думаю, что последняя дата больше подходит к погребению 248. К этому времени захоронения второго периода в Дюрсо уже не производятся, хотя несколько погребений (343, 428) с оружием (табл. 85: 11–21) могли быть совершены в то же время или даже несколько позже. На протяжении всего VIII в. было совершено только несколько захоронений, и связать их можно с перемещением разных этносов в хазарское время.

Наиболее активно могильник использовался в четвертом периоде. За это время было совершено,

как говорилось, 173 трупосожжения. Из них 171 в грунтовых ямах, 1 в каменном ящике и 1 в урне. Единственное урновое захоронение находилось в стороне от группы трупосожжений в ямках и здесь рассматриваться не будет.

Инвентарь трупосожжений отличается от предметов из погребений предыдущих периодов. Это говорит о полной смене населения, случившейся внезапно без заметного культурного или экономического сближения предыдущего и нового населения.

Могильники с трупосожжениями типа Дюрсо появляются одновременно во многих точках региона – на Мысхако, в Цемдолине, у Больших Хуторов, у хутора Ленинский Путь, на г. Болтын, у с. Южная Озерейка. В Борисовском могильнике исследовано 11 трупосожжений в грунтовых ямах, 49 – в каменных ящиках и 8 комплексов побывавших в огне предметов.

Как в Дюрсо, так и в других точках региона захоронения очень однотипны, в них много оружия, предметов конского снаряжения. Это можно объяснить только внезапным вторжением кочевого хорошо вооруженного населения.

Могильники типа четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце [Михеев В.К., 1985. С. 6–12, рис. 5–15] и в Предкавказье – у аула Казазово, станции Молдовановской и др. [Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998]. Причем, часто их сходство можно считать абсолютным.

Эти памятники объединяют не только обряд погребения, общие типы оружия и конского снаряжения, но и находки двухконьковых подвесок (табл. 10: 42–44), что позволяет связывать данные погребения с угорским этническим компонентом [Михеев В.К., 1982. С. 166].

Ценность могильника Дюрсо заключается в том, что при сравнительно большом количестве захоронений с достаточным набором инвентаря его можно четко разделить на четыре хронологических периода: конец V – первая треть VI в.; конец VI–VII вв.; VIII в.; IX в. В свою очередь, каждый период может делиться на более дробные этапы, что позволит дать четкую хронологию материальной культуры Северо-Западного Кавказа на протяжении четырех столетий.

Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков

Историографический очерк

Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Причерноморья, относящиеся к X–XIII вв., представлены грунтовыми и курганными могильниками, открытыми и укрепленными поселениями, городищами, крепостями и храмами. Их исследование началось в 1886 г., как говорилось выше (глава 8), с разведок В.И. Сизова на побережье от Сухуми до Анапы. Им были проведены раскопки на девяти курганных могильниках между Геленджиком и Анапой. Датированный в рамках X–XV вв.* материал из 25 вскрытых курганов с погребениями по обряду кремации и ингумации позволил Сизову распределить могильники по трем типолого-хронологическим группам, исходя из сходства вещей и характера погребений, и сделать ряд выводов, часть которых впоследствии подтвердилась. Кроме того, под Сочи на берегу моря В.И. Сизов исследовал руины крепости Мамай-кале, приписав ее постройку византийцам или гетуэццам [Сизов В.И., 1889].

Тогда же по побережью от Новороссийска до Абхазии проехала П.С. Уварова. Хотя доминантой этой поездки было ознакомление с христианскими памятниками Абхазии и Аджарии, П.С. Уварова подробно фиксировала весь маршрут от Новороссийска, оставив яркое описание природы, населенных пунктов и археологических памятников, в том числе нескольких раскопанных ею средневековых курганов в Цемесской долине [Уварова П.С., 1891].

Раскопки Н.И. Веселовским в 1894–1895 гг. 13 курганов X–XI – XIII–XIV вв. в северной части региона – под Анапой, у станции Раевской и Новороссийска, дополнили информацию, главным образом, об ингумационных ямных и ящичных погребениях. Их итогом явился более детальный анализ погребального обряда, выделение из основной массы погребений кочевнического типа и констатация распространенности обширных курганных кладбищ с небольшими насыпями в указанном районе [ОАК за 1894 г. С. 12–13, 82–97; ОАК за 1895 г. С. 27–28, 135]. В противоположность этим исследованиям, разведки А.А. Миллера в 1907 г. охватили южную часть Восточного Причерноморья – узкую прибрежную полосу от Сатамаша Сухумского округа до мыса Джубга. Миллер обратил внимание на разную насыщенность археологическими памятни-

ками этой территории. От Сочи до Сухуми и далее она изобилвала древними храмами, башнями и крепостями при отсутствии могильников (кроме поздних мусульманских), тогда как в северной ее части развалины храмов были редки, остатки крепостей фиксировались только на самом берегу моря. Однако здесь находилось много дольменов и грунтовых и курганных могильников, в том числе с трупосожжениями. В окрестностях Туапсе Миллер обследовал каменную позднесредневековую крепость Дузу-кале и 6 могильников с ингумационными погребениями, два из которых дали раннесредневековый материал, а остальные – инвентарь XIII–XIV и более поздних веков [Миллер А.А., 1909]. В 1909 г. он исследовал разрушающийся курганный могильник в Геленджике с курганами двух видов, низкими щебнистыми с урновыми трупосожжениями и более высокими щебнисто-земляными с погребениями в каменных ящиках, раскопав 4 последних и датировав их XIV в. [ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 160–162].

Несмотря на разведочный характер и эпизодичность, эти работы явились началом научного исследования памятников региона, а анализ материала и сделанные обобщения легли в основу дальнейшего их изучения.

Период 1920-х годов характеризуется деятельностью местных краеведов и музейных сотрудников по сбору разновременных материалов и пополнению коллекций [Лунин Б.В., 1928; Чайковский Г.Ф., 1928]. В 1937 г. М.А. Миллер обследовал курганные могильники на Тонком мысу у Геленджика с небольшими насыпями в каменном обкладе по подошве и каменными ящиками [Миллер М.А., 1937]. В 1939 г. И.И. Аханов также под Геленджиком исследовал два поздних курганных могильника: у Керченской щели он вскрыл 20 курганов с преобладанием в них кремационных погребений XIII–XIV вв. Второй могильник относился к еще более позднему времени [Аханов И.И., 1939]. Разведки А.Л. Монгайта в 1952 г. на побережье от Геленджика до Туапсе были первыми целенаправленными поисками средневековых поселений в регионе. Им были открыты и обследованы многослойное селище Солнцедар непосредственно у Борисовского могильника на Тонком мысу и поселение XI–XV вв. в северной части г. Дооб (оба возле уже известных курганных групп), крепость у с. Ново-Михайловского с остатками монументальной по-

* В историографической части главы приводятся датировки исследователей.

стройки на берегу р. Нечепсухо, а также – три поздних курганных могильника XV–XVI вв. в окрестностях аула Карповка (где прежде работал А.А. Миллер) и несколько раннесредневековых памятников [Монгайт А.Л., 1952; 1955].

Исследования Н.В. Анфимова в 1950-х гг. у Туапсе, Сочи и Адлера также охватили разновременные средневековые памятники: Дузу-кале, Мамай-кале, крепости на р. Годлик у моря (ранее описанную Ф. Дюбуа де Монпере), Хостинскую и Ачипсе в горных ущельях под Сочи и христианские храмы у с. Липники и на территории совхоза “Россия” возле Адлера, несколько ранне- и позднесредневековых могильников (VIII–IX и XIV–XVI вв.) [Анфимов Н.В., 1956; 1957; 1980].

Позже, во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. археологи систематически работали в южной части региона от Туапсе до Адлера. Исследовались уже известные и открывались новые руины храмов и крепостей, места поселений в устьях и долинах рек и на морской береговой террасе у Адлера между реками Кудепстой, Мзымтой и Псоу, курганные могильники и другие памятники [Брашинский И.Б., 1965; Ковалевская В.Б., 1968; Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н., Михайличенко Ф.Е., 1969; Воронов Ю.Н., 1969]. В результате наиболее обследованными здесь оказались долины Мзымты и Псоу в окрестностях г. Аибги [Ситникова Л.Н., 1969; Воронов Ю.Н., Ситникова Л.Н., Ситников Л.Л., 1970; Ситникова Л.Н., 1970; 1971; 1972; Ситникова Л.Н., Ситников Л.Л., 1971; 1972]. В долине р. Сочи В.В. Бжания во время разведок обнаружил курганные могильники, раскопав на одном из них два кургана XII–XIV вв. [Бжания В.В., 1972]. Обобщение всех археологических данных на 1975 г. по самой южной части региона – окрестностям Сочи и Адлера – и подробный обзор истории их исследования сделаны Ю.Н. Вороновым [Воронов Ю.Н., 1979]. В дальнейшем изучение средневековых крепостей Мзымты продолжили В.Б. Ковалевская [Ковалевская В.Б., 1981а; 1983] и И.А. Аржанцева [Аржанцева И.А., 1995], а развалины храма в пос. Лоо под Сочи в 1987–1990 гг. раскапывала Б.Б. Овчинникова [Овчинникова Б.Б., 1990].

В 1971–1982 гг. М.К. Тешев в ходе работы по составлению карты археологических памятников Туапсинского района открыл в обращенных к морю предгорьях много разновременных, преимущественно средневековых курганных групп [Тешев М.К., 1972; 1973; 1984; 1985]. В 1990 и 1992 гг. в этом районе на р. Бжид, недалеко от побережья А.В. Пьянков провел раскопки большого многослойного могильника Бжид 1, ранний горизонт которого представлен грунтовыми захоронениями III–VII вв., а поздний – разрушенными подкурганными XI–XIV вв. [Пьянков А.В., 1990; 1994; 1998; Пьянков А.В., Сторчевой А.А., 1992].

В период активизации строительства здравниц в 1970–1980-х гг. археологические исследования в Геленджике и его округе проводил М.Г. Минеев и отметил обилие здесь средневековых могильников и поселений. Он обнаружил укрепленное средневековое поселение в долине Джанхота с остатками каменных стен, курганный могильник с погребениями в каменных ящиках XI–XIII вв. в с. Криница и доследовал разновременные разрушенные погребения [Минеев М.Г., 1982; 1984]. Из числа последних выделяется богатый погребальный комплекс из “Потомственного” на р. Пшада с урновым трупосожжением, конским погребением и обильным инвентарем. В отличие от этих работ небольшого масштаба, в 1990 г. на обширном могильнике у с. Кабардинка Л.М. Носкова раскопала 51 курган с урновыми трупосожжениями XII–XIII вв. и трупоположениями в каменных ящиках второй половины XIV–XV в. [Носкова Л.М., 1991а; 1992].

В 1970–1990-х гг. на севере региона стало расти число исследуемых средневековых памятников, преимущественно могильников. К 1972 г. была составлена археологическая карта Анапского района, которая, благодаря работам А.И. Салова, впоследствии дополнялась такими объектами, как поселение Уташ VIII–X вв., грунтовые (VIII–XII вв.) и курганные (XII–XIV вв.) могильники у хутора Бужор, пос. Ленинский Путь и с. Сукко, Гай-Кодзор [Салов А.И., 1979]. В 1990-х гг. А.М. Новичихин открыл под Анапой у с. Су-Псех и в Андреевской щели поселения и могильники, в совокупности датирующиеся от VIII до XV в. [Новичихин А.М., 1995; 1996; 1998]. Он обследовал в окрестностях ст. Гостагаевской группу памятников XI–XV вв.: большое поселение и примыкающие к нему могильники, один из которых раскапывался в 1979 г. Анапской экспедицией ИА РАН [Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1979; Новичихин А.М., 1993].

С 1970-х гг. по настоящее время в Новороссийском районе активно исследует средневековые памятники А.В. Дмитриев. Он раскапывал курганные могильники XIII в. со смешанным обрядом погребения на горе Сапун (25 курганов) и в пос. Цемдолина (14 курганов в лесополосе и 51 погребение на пашне), урновый кремационный могильник Шесхарис, доследовал разрушающиеся курганные могильники XIV–XV вв. с погребениями в каменных ящиках в Южной Озерейке, Владимировке и одиночные могилы и курганы в других пунктах [Дмитриев А.В., 1971; 1973; 1974; 1985; 1986; 1998; Мальшиев А.А., 1996а]. В 1984 г. А.В. Дмитриев провел раскопки на большом укрепленном поселении Малый Утриш на побережье, в 1988 г. продолженные А.М. Ждановским, а также открыл могильники и поселения в ходе регулярных разведок в Новороссийском и Крымском районах [Дмитриев А.В., 1979; 1984; Ждановский А.М., 1988].

Среди работ других археологов под Новороссийском следует отметить раскопки 1997–2000 гг. Глебовского поселения конца XII – начала XIV в., лежащего на трассе строящегося крупного трубопровода [Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2000]. Это первые значительные раскопки такого объекта во всем регионе. Задолго до того раскопки Н.А. Онайко на Раевском городище у одноименной станицы выявили в северо-западной его части неравномерно залегавший средневековый слой. Он содержал керамику и вещевой материал, которые в совокупности с подъемными находками говорят о жизни на городище не только в античный период, но и в XI–XIV вв. [Онайко Н.А., 1955. С. 7–10; 1959. С. 56; 1965. С. 130]. Раскопки 1998 и 2000 гг. в юго-западной и юго-восточной частях городища показали наличие и здесь свиты культурных отложений разных хронологических эпох, от античного до средневекового времени [Малышев А.А. и др., 2000; Малышев А.А., Гей А.Н., 2001]. В последние годы изучение разновременных поселений и их систем в районе Новороссийска получило новое направление, суть которого в комплексном использовании палеоботанического, палеозоологического, биоморфного и других современных методов исследования культурного слоя, в том числе средневековых памятников [Александровский А.Л. и др., 1999; Антипина Е.Е. и др., 2001; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 2001].

Первое и единственное обобщение средневекового археологического материала черноморского побережья от Тамани до Гагр содержится в цикле статей Е.П. Алексеевой, которые несмотря на их достоинства (историографический обзор, перечень и картографирование археологических памятников), естественно, требуют сейчас серьезной корректировки [Алексеева Е.П., 1954; 1959; 1964]. К последней, кроме хронологическо-классификационных и прочих уточнений, относится недопустимость переноса современных и позднесредневековых этнонимов “адыги” и “черкесы” на этносы средневекового времени (до середины XIII в.), которые в письменных источниках упомянуты под названиями: “зихи”, “касоги”, “папаги” и др. Немногочисленные работы других исследователей построены на выборочном использовании археологического материала региона [Стрельченко М.Л., 1969; Ловпаче Н.Г., 1982; 1984; Дмитриев А.В., 1988; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997; Пьянков А.В., 1998]. Краткий его обзор на фоне всех северокавказских древностей содержится в очерке В.Б. Ковалевской [Ковалевская В.Б., 1981].

Рассмотрим более подробно, насколько это позволяет материал, все известные в Северо-Восточном Причерноморье памятники, относящиеся к периоду “развитого средневековья”, т.е. к X–XIV вв.

Каменные крепости и храмы

Крепости локализуются на побережье двумя очагами: в окрестностях с. Ново-Михайловское Туапсинского района и возле Сочи (рис. 14). До сих пор они остаются неравномерно и недостаточно исследованными и поэтому архитектурно-археологическая характеристика некоторых носит предварительный характер, а датировка варьирует от византийского до генуэзского времени.

В окрестностях Ново-Михайловского находятся три крепости. Дузу-кале, или “Старая крепость”, стояла на высоком берегу у мыса Агрия, с юга и запада омываемого морем, а с востока защищенного оврагом. Первоначально крепость имела стены, состоящие из наружной панцирной кладки тесаными квадратами и внутренней забутовки на известковом растворе, из которых к середине XIX в. уцелела только восточная. Внутри крепости долго сохранялись развалы крупных построек в виде холмообразных возвышенностей с битым камнем. С ее территории происходят вещи из разрушенного грунтового могильника VI–VII вв. и позднесредневековых погребений [Спицын А.А., 1907. С. 188–192; Миллер А.А., 1909]. Подъемная керамика с крепости – фрагменты пифосов и красноглиняных сосудов с рифлением – была датирована А.Л. Монгайтом

XIII–XV вв. и относится к верхнему ее горизонту. Существование Дузу-кале не только в раннесредневековое, но и в более позднее время подтвердил также Н.В. Анфимов.

Следующий памятник – большая крепость-городище – был обнаружен А.Л. Монгайтом в устье р. Нечепсухо в 200 м от моря на южном мысовом склоне. Он отличается выгодным стратегическим расположением, так как контролирует вход с моря в долину реки. По описанию на 1952 г., стены и башни крепости, сложенные из хорошо отесанных блоков серого песчаника, скрывали внутри прямоугольную в плане постройку, вероятно, церковь, из квадратного кирпича (30 × 30 × 4 см, 26 × 27 × 3 см) на растворе-цемянке. Территория крепости сильно заросла лесом, что не позволило снять ее план, но исходя из больших размеров и устройства крепости, А.Л. Монгайт предположительно отождествил ее со Старой Лазикой письменных источников [Монгайт А.Л., 1952. С. 10–11].

Третья крепость расположена на юго-восточной окраине с. Ново-Михайловское в долине Нечепсухо, в километре от моря у подножья гор на мысовом холме, обрывающемся к левому берегу реки. С двух сторон она отсечена ущельями, а с тыльной,

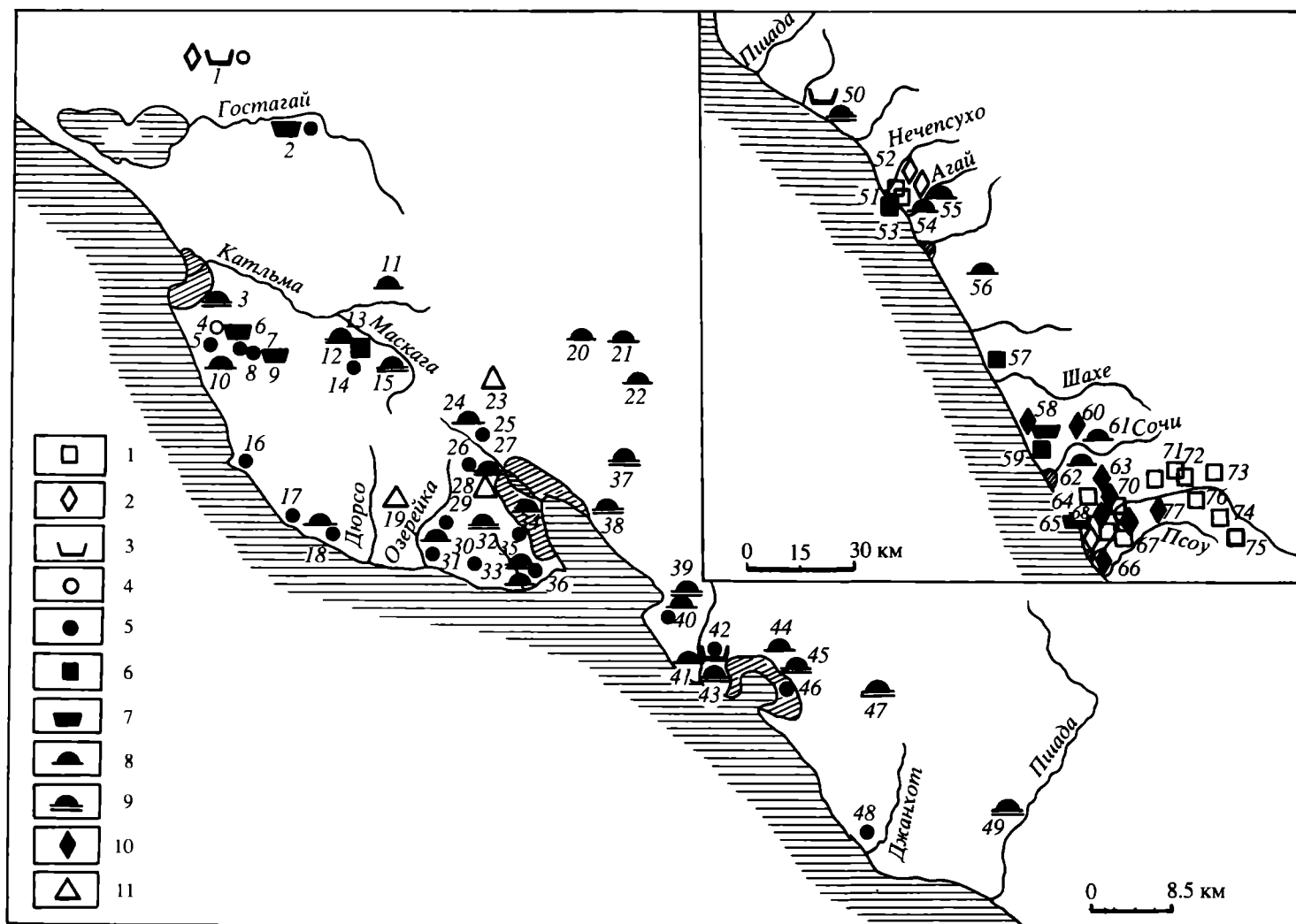

Рис. 14. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIV вв.

1 – Уташ; 2 – Гостагаевское; 3 – гора Макитра; 4 – Су-Псех 1; 5 – Су-Псех 2; 6 – Андреевская щель; 7 – Андреевская щель 1; 8 – Андреевская щель 2; 9 – Бужор; 10 – Варваровка; 11 – Натухаевская; 12 – “Ногай-кале”; 13 – Раевское городище; 14 – Раевское 10; 15 – Пивни; 16 – Большой Утриш; 17 – Малый Утриш; 18 – Лобанова щель; 19 – Абрау-Дюрсо; 20 – Зверосовхоз; 21 – Барбарашева щель; 22 – Неберджаевская; 23 – Верхнебаканский (Тоннельная); 24 – Владимировка; 25 – Гайдук 2; 26 – Борисовка; 27 – Цемдолина; 28 – Цемдолина, 8 щель; 29 – Глебовское; 30–31 – Южная Озерейка; 32 – Отрог горы Сапун; 33 – Широкая Балка; 34 – Новоросийск, ул. Днестровская; 35 – Новоросийск, ул. Солнечная; 36 – Мысхако; 37 – Грушовая балка; 38 – Шесхарис; 39 – Кабардинка; 40–41 – Гора Дооб; 42 – Солнцедар; 43 – Борисово; 44 – Адербиевская щель; 45 – Керченская щель; 46 – Геленджик; 47 – Жанэ; 48 – Джанхот; 49 – “Потомственный”; 50 – Бжид 1; 51 – Дузу-кале; 52 – Ново-Михайловское (МТС); 53 – Ново-Михайловское (устье Не-

чепсукхо); 54 – окрестности Дузу-кале; 55 – Карповка (Агойский аул); 56 – Красно-Александровское; 57 – Годлик; 58 – Лоо; 59 – Мамай-кале; 60 – Агуа; 61 – Ажек; 62 – Абазинка; 63 – г. Ахун; 64 – Хоста; 65 – Адлер (“Южные культуры”); 66 – Адлер (“Россия”); 67 – Монастырка; 68 – Галицино; 69 – Лесное; 70 – Куньино; 71 – Монашка; 72 – Бешенка; 73 – Ачипсе; 74 – Пслухская; 75 – Роза-хутор; 76 – гора Аибга (Аибгинская); 77 – Липники. Условные обозначения: 1 – каменные крепости второй половины I тыс.; 2 – находки строительных остатков храмов второй половины I тыс.; 3 – грунтовые могильники второй половины I тыс.; 4 – поселения последней четверти I тыс.; 5 – поселения X–XIV вв.; 6 – многослойные крепости-городища; 7 – грунтовые могильники X–XIV вв.; 8 – курганные могильники с ингумациями XIII–XIV вв.; 9 – курганные могильники с кремациями XII–XIII вв.; 10 – христианские храмы; 11 – отдельные кремированные погребения и комплексы, датированные X–XI вв. Составлена Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриевым

третьей, отделена от гор рвом. Крепость размера 60 × 45 м была окружена стеной, от которой на склоне фиксировались развалы бутового камня. Раскопки открывшего этот памятник (городище “МТС”) Н.В. Анфимова в северо-восточном углу возле курганообразного возвышения выявили здесь слой V–VI вв. и фрагментарные остатки монументальной постройки (базилики?) в виде плоских кирпичей, обломков черепицы и мраморных архитектурных деталей – облицовочных плит и ка-

пители византийско-коринфского типа [Анфимов Н.В., 1956. С. 3–4; 1980. С. 91–113].

К прибрежным крепостям Сочинского района относятся Мамай-кале и крепость на р. Годлик, которые давно привлекали внимание исследователей. Первая находится к северу от Сочи на отвесном лесистом берегу моря в устье р. Мамайки (Псах), текущей в одном из двух ущелий, ограничивающих крепость с севера и юга. По свидетельству В.И. Сизова, в конце XIX в. еще стояли три башни (круглая

и прямоугольные) и два прясла стен под прямым углом друг к другу, сложенные всухую из булыжника и подтесанных прямоугольных каменных блоков с использованием квадратного кирпича (табл. 93: 2, 12). Кроме того, в осыпях стен встречались известняковые плиты, а на северном прясле изнутри были замечены две арочные ниши (табл. 93: 10). Обращенная к морю стена уже тогда обрушилась, из-за чего первоначальный план крепости неясен, и ее реконструируют как треугольную или правильную прямоугольную, типичную для римской и византийской крепостной архитектуры. К 1960-м гг. от развалин крепости кроме угловой башни почти ничего не осталось, а подъемную керамику представляли обломки средневековых пифосов и рифленых амфор. Такая же керамика была найдена И.Б. Брашинским на поселении у реки рядом с крепостью, за ограничивающей ее балкой [Брашинский И.Б., 1965. С. 20–21].

Другая крепость расположена в устье р. Годлик возле с. Волконка (Чемитоквадже) и занимает часть высокой террасы берега моря. С востока и запада окружена оврагами и имеет неправильную треугольную форму, обусловленную рельефом местности. Сохранилось два прясла стен общей длиной в 700 м с прямоугольными башнями, по три в каждом. Внешние стены толщиной в 2 м состоят из панциря из тщательно отесанных каменных блоков и булыжной забутовки на известковом растворе. В подъемном материале встречены черепица, фрагменты пифосов, амфор, кувшинов и мисок V–VIII вв. и керамика XIV–XV вв. [Анфимов Н.В., 1957. С. 13; Брашинский И.Б., 1965. С. 16–18; Воронов Ю.Н., 1979. С. 80–81]. Разновременный материал вызвал расхождение в датировке крепости. Это объясняется тем, что на позднем этапе она обживалась вторично, о чем говорит отсекающая западный мыс крепости внутренняя стена другой кладки – из плоских булыжников, уложенных “в елочку”. Ее сооружение связывается с периодом генуэзской колонизации XIV–XV вв. [Воронов Ю.Н., 1979. С. 104–105].

Все перечисленные крепости характеризуются общей строительной техникой и топографией (размещение на высоких неприступных мысах с устьями на боковых флангах). Исходя из этих фактов и находок раннесредневековых материалов (как минимум на трех крепостях), их возведение датируют этим временем и приписывают византийскому влиянию [Воронов Ю.Н., 1984]. Гипотеза В.А. Леквинадзе о существовании в южной части побережья римской укрепленной линии на основе этих памятников не нашла широкой поддержки. Остается открытым вопрос о датировке большого Ново-Михайловского городища, но строительные приемы и наличие монументального здания как будто объединяют его с другими новомихайловскими раннесредневековыми крепостями. Правильная плани-

ровка и кладка Мамай-кале тоже позволила исследователям причислить ее к памятникам ранневизантийского круга. Некоторые укрепления (Дузу-кале, на р. Годлик и Мамай-кале) обживались в период позднего средневековья, что подтверждено археологическими данными. Разумеется, пока нельзя без раскопок получить более полное представление о жизни всех прибрежных крепостей и, в частности, об их функции в период развитого средневековья.

Другую группу представляют крепости в горной долине Мзымты под Сочи, в том числе в окрестностях с. Красная Поляна и Лесное – Куницыньские 1–3, Бешенская, Аибгинская (табл. 93: 3, 4, 7), Монашка 1–2 (табл. 93: 6, 8), Галицынская, Монастырская, Пслухская и др. Они объединяются исследователями в единую типологическую и хронологическую серию и датируются в рамках VII–X вв. [Воронов Ю.Н., 1979. С. 83–90].

Набор керамики с этих крепостей одинаков и включает фрагменты красноглиняных пифосов, мисок со сливом, кувшинов и расписной посуды VII–IX вв., которая встречена в абхазских памятниках. В нем преобладают лепные сосуды – плоскостенные тонкостенные горшки с пористым и мажущимся черепком и примесью известняка или кальция в тесте, широко бытовавшие и в соседней Абхазии в VII–IX вв. [Ситникова Л.Н., 1969. С. 7–11; Воронов Ю.Н., 1979. С. 96–99, рис. 53–58]. Исследование крепостей Мзымты в совокупности с другими многочисленными раннесредневековыми памятниками окрестностей Сочи и Адлера позволяет констатировать близость с культурой VIII–X вв. северо-западной и центральной Абхазии.

По мнению исследователей, в Сочинском районе из укреплений только две крепости демонстрируют поздний этап развития местной архитектуры и могут датироваться рубежом или началом II тыс. н.э. – это Монастырская на Мзымте и Хостинская [Ковалевская В.Б., 1968. С. 2–5, 11–12; Воронов Ю.Н., 1969. С. 31–32]. Хостинская крепость расположена в 6 км от моря, на высоком правом берегу в ущелье р. Хосты в заповедной роще (табл. 93: 9). Река делает тут крутую излучину и обтекает возвышенность с крепостью с трех сторон. С четвертой стороны изолированное пространство ограждает каменная стена с башнями, сооруженная из неравных и грубых известняковых блоков с забутовкой на известковом растворе. Башни угловатых очертаний были многоэтажными и сохранили следы балок перекрытий. При шурфовке крепости в 1968 г. культурный слой не был обнаружен, однако на ее территории найдены фрагменты столовой и кухонной посуды IX–X вв. [Воронов Ю.Н., 1979. С. 88–90].

Монастырская крепость находится в 2 км от с. Монастырь в нижнем течении Мзымты, на вершине высокого горного отрога. Она укреплена каменной стеной из обработанных блоков на рас-

творе, поставленной по абрису холма. Вход в крепость фланкирует большая башня. Внутри сохранились руины храма – базилики зального типа, разделенной парными пилястрами на две части. Алтарная апсида снаружи пятигранная, с одним окном. С западной стороны к храму был пристроен двухкамерный придел (табл. 94: 10). В завалах постройки обнаружено много плоской и выгнутой черепицы желтого и малинового цвета и красноглиняной плинфы. Собранные с поверхности керамика включает обломки кувшинов, кухонных сосудов и пифосов с валиками, украшенными зубчатым штампом, и датируется IX–X вв. [Воронов Ю.Н., 1979. С. 94].

Все известные средневековые **христианские храмы** Северо-Восточного Причерноморья – кроме предполагаемых базилик новомихайловских крепостей – сконцентрированы в южной его части и в основном относятся ко времени не позже X в. Часть из них расположена возле моря (на г. Ахун у Хосты, в Адлере, Лоо, Агуа), другие находятся у крепостей и поселений в долине Мзымты и синхронны им (Липники, Галицыно, Лесное), но, в целом, все они характерны для приморской зоны и почти не встречаются в глубине горных долин. За исключением храма в Лоо (табл. 94: 9), постройки типологически представляют собой небольшие “зальные” базилики с одним нефом и полукруглой апсидой, возведенные из камня. Например, таков храм на г. Сахарная Головка у с. Липники (табл. 94: 6, 7) на водоразделе Мзымты и Херота. Храм возле Галицынской крепости на Мзымте (табл. 94: 8, 11) окружен оградой и, как и Монастырский, имеет придел с западной стороны – однокамерный, маленький, лежащий на одной оси с нефом [Ситникова Л.Н., 1970. С. 4–6]. Эти черты кажутся не случайными и объединяют постройки в нижнем течении Мзымты.

В совхозе “Южные культуры” Н.В. Анфимов исследовал базилику, остатки которой были разровнены при обустройстве территории. Здание имело фресковую роспись, мозаичный пол и декор мраморными плитами с рельефной орнаментальной резьбой (табл. 94: 1–3). Существует мнение, что это самая ранняя здесь базилика, однако с этим еще предстоит разобраться [Воронов Ю.Н., 1979. С. 90]. В период запустения или разрушения храма плиты были вторично использованы для перекрытия погребений возникшего рядом могильника, который Анфимов датировал VIII–IX вв. [Анфимов Н.В., 1956. С. 36–37]. Так как инвентарь раскопанных погребений могильника и находки из разрушенных могил датируются концом X – началом XII в., строительство храма можно предварительно отнести к предшествующему времени, VIII–IX вв.

К числу культовых зданий начала второго тысячелетия н.э. отнесены три храма: на г. Ахун у Хос-

ты, в урочище Агуа долины Сочи и в Лоо. По Ю.Н. Воронову, храм на г. Ахун был построен в начале XI в. Его украшала орнаментальная резьба по камню (табл. 94: 5), выполненная в стиле, характерном для грузинских церквей того времени [Воронов Ю.Н., 1979. С. 104]. Маленькая церковь в Агуа, на его взгляд, тоже имеет типологические параллели в грузинском зодчестве XI в. В отличие от них, храм в Лоо являлся большой постройкой, стены которой еще недавно возвышались на несколько метров над землей (табл. 94: 9).

Здание вытянутых пропорций размерами 21 × 12 м двумя колоннадами членилось на три нефа и имело три апсиды, из которых выступала центральная, с пятигранной отделкой снаружи. Храм хорошо освещался оконными проемами во всех стенах и апсидах и был снабжен тремя входами. Строительным материалом послужили известняковые блоки и плиты из местных пород камня. Известняковую облицовку имели окна, двери и стены снаружи. В процессе раскопок получен невыразительный и фрагментарный археологический материал, который требует дальнейшей обработки, и установлено, что на определенном этапе храм служил некрополем. Вероятно, это произошло после того, как он перестал функционировать. В таком случае немногочисленный инвентарь ранних погребений конца X – начала XII в. (лировидная пряжка и четырехбусинное височное кольцо) определяет время запустения, что позволяет отнести строительство храма к IX–X вв. или X в. Ю.Н. Воронов объединял храм в Лоо с абхазо-аланскими церквями как западнокавказские варианты византийского храмового зодчества и датировал его VIII–IX вв. [Воронов Ю.Н., 1979. С. 93]. Напротив, Б.Б. Овчинникова видит в нем типичный образец многочисленных культовых построек византийской провинциальной школы, широко распространившихся с IX–X вв., и условно относит его к типу крестово-купольных сооружений [Овчинникова Б.Б., Романчук А.И., 1988. С. 25–26].

В северной, противоположной части региона также встречаются вещественные свидетельства распространения христианства, хотя, как и в южной, они, в основном, относятся к раннему средневековью. Во-первых, это серия **каменных надгробий-стел** с высеченными на них крестами, обнаруженных в окрестностях Анапы, у пос. Уташ на территории древнего христианского некрополя [Ваикова Н., Рунина Н., 1928. С. 18]. Об одной из стел “с крестом в виде розетки в круге” упоминает А.И. Салов, сравнивая ее с аналогичным крымским надгробием [Салов А.И., 1979. С. 101]. Поблизости от некрополя находилось поселение с раннесредневековой керамикой. На нем найдены также капитель, фрагменты карниза и черепицы, т.е. детали монументальной постройки, очевидно, храма. Предположи-

тельно отсюда происходит и каменная (закладная?) плита с греческой надписью, прочитанной В.В. Латышевым, и по его мнению, свидетельствующая о сооружении церкви или часовни. Совокупность этих данных породила перспективную гипотезу о том, что Уташское поселение, крупнейший памятник VIII–X вв. под Анапой, было христианским центром

в нижнем левобережном Закубанье [Новичихин А.М., 2000. С. 108–109]. Наконец, существует еще одна категория находок в окрестностях Анапы, обнаруженная В.И. Сизовым в долине Сукко. Это большие наземные **каменные кресты**, которые также свидетельствуют о проникновении в регион христианства [Сизов В.И., 1889. С. 172–173].

Поселения

В Северо-Восточном Причерноморье обнаружены и частично исследованы остатки открытых поселений, располагавшихся в долинах рек (чаще на их южных склонах), на горных террасах и склонах холмов, высоких мысах и морском берегу (рис. 14). Вырисовывается несколько очагов их концентрации, хотя отчасти такая картина может объясняться неравномерностью изученности региона. Во-первых, район от Анапы до Новороссийска, где средневековые поселения встречаются почти у всех рек, в предгорной зоне и на побережье. Во-вторых, окрестности Геленджика с такой же топографией селищ, в том числе бассейн рек Ашамбы и Дооб. В-третьих, южная часть побережья – береговые морские террасы и долины горных рек Сочи, Хосты, Мзымты и Псоу. Отдельные поселения зафиксированы на промежуточном отрезке побережья к северу и югу от Туапсе, на р. Вулан, Шапсухо и др.

По ряду причин поселения периода развитого средневековья сохранились плохо: на многослойных памятниках соответствующий им горизонт, будучи верхним, наиболее подвержен разрушению, а однослойные поселения, как правило, повреждены современной распашкой, и их культурный слой переотложен. Большую роль в его исчезновении играет также специфический рельеф, где постоянно происходят смывы грунтовых покровов. В результате селища удается обнаружить только по пятнам слоя, развалам камней от конструкций и находкам предметов, – это все, что от них остается.

О периоде X–XII вв. дают представление соответствующий горизонт многослойного поселения “Андреевская щель 1” и поселение “Андреевская щель 2” под Анапой. Керамический набор с этих селищ включает коричневоглиняные кувшины “тмутараканского” типа, пифосы с мелким бесстильным наружным рифлением, красно- и светлоглиняные кувшины с линейным и сетчатым лощением тулова и поперечно-полосчатым лощением ручек, амфоры и лепные горшки. Последние декорировались насечками, наколами или “пальцевыми защипами” по венчику, а также горизонтальными или вертикальными опоясывающими насечками по плечикам [Новичихин А.М., 1991. С. 21–28; 1995а].

XII–XIV веками датируются селища Су-Псех 2 и Гостагаевское под Анапой и Глебовское, Борисовка, Гайдук 2 и др. в окрестностях Новороссийска.

Наибольшая информация, требующая дальнейшего осмысления, получена с однослойного Глебовского поселения как единственного исследованного раскопками. Оно находится у подошвы г. Глебовка на берегу Озерейки, на высоком обрывистом мысу, образованном оврагами. Культурный слой поселения на вскрытом участке большой площади был перемешан плантажом, но расчистка многочисленных и очень густо расположенных материальных ям дала необходимые для изучения материалы. Ямы имели круглую и овальную форму и разные размеры и глубину. Некоторые из них являлись очагами, в отдельных случаях обмазанными глиной и обложенными камнями; другие – столбовыми ямками. Часть ям использовалась в качестве погребов. В нескольких ямах были обнаружены остатки шлака, что позволяет связать их с металлургическим производством. К числу производственных сооружений относится также земляная двухъярусная печь с топкой и обжигательной камерой с продухами в перегородке.

Несмотря на высокую плотность ям, количество находок в них невелико. Керамика представлена амфорами двух распространенных в Причерноморье типов – с высокоподнятыми ручками (табл. 101: 21) и с дуговидными ручками и сильно раздутым туловом, красноглиняными пифосами с орнаментированным налепным валиком, сосудами с линейным и сетчатым лощением или внешним рифлением, кувшинами с ойнохоевидным сливом. Значительную долю составляют орнаментированные лепные сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком баночной или бочонковидной формы. Как правило, их венчик украшался прямыми (или косыми) насечками или округло-овальными выемками, имитирующими пальцевые защипы. Орнамент горизонтальным поясом наносился и на плечики: во-первых, это вертикальные (изредка “лежащей елочкой”) оттиски клиновидного или прямоугольного в сечении инструмента, а также зубчатого инструмента-гребенки (табл. 101: 13); во-вторых, глубокая гравировка зигзагом или дуговидными линиями, расположенными в виде арок (табл. 101: 15); в-третьих, кольчатый оттиск трубочки. Вещевые находки редки. Это – бронзовые пуговицы и бубенчик, железные ножи, гвозди и наконечники стрел и копья, глиняные пряслица –

лепные и из стенок сосудов, костяные проколки и лощила, каменные оселок, крышки для пифосов и куски жерновов. Вместе с керамикой они датируют поселение концом XII – началом XIV в. [Шишлов А.В., 1999; Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2000. С. 153–155].

Аналогичная глебовской керамика характерна и для других открытых селищ XII–XIV вв. в окрестностях Анапы и Новороссийска. В материалах из Гостагаевского поселения она дополняется плоскодонными кувшинами темнокоричневой глины с уплощенными ручками и полосами белой краски по ним, вероятно привозными; кувшинами красно-оранжевого и коричневого обжига с рифлением, лощением, венчиками с желобками и валиками, а также немногочисленной импортной поливной посудой – чашами с желтой, коричневой или ярко-зеленой глазурью по светлому фону [Новичихин А.М., 1993].

За неимением данных остаются неясными конкретный облик и детальное устройство жилищ на поселениях. Шурфовками селищ Солнцедар и “Андреевская щель 2” выявлены, как и на Глебовском поселении, очажные ямы. Судя по кускам прокаленной обмазки с растительными примесями, в жилищах (или во дворах) были и печи. Обломки обмазок с прутьями и наличие столбовых ямок свидетельствуют о каких-то турлучных и деревянных каркасных конструкциях, а также переносных типа юрт. Кроме того, постройки могли быть каменными или на каменных цоколях, как на Гостагаевском поселении, где зафиксированы каменные кладки строений.

Как правило, на поселениях не сооружалось никаких укреплений. Однако под Новороссийском и Геленджиком обнаружено несколько селищ с остатками оборонительных систем. Из них раскопкам подверглось Утришское поселение к юго-востоку от Анапы площадью свыше 30 га, которое более чем на километр протянулось вдоль побережья у мыса Малый Утриш возле подножья горной террасы (табл. 93: 1). Оно, по мнению исследователей, состояло из жилой мысовой части, выдающейся в море (ныне занятой рыбзаводом), и примыкающей к ней береговой территории. Особенностью последней являются множественные нерегулярно расположенные каменные стены с проходами и проездами, возможно, огораживавшие хозяйственные участки и дворы [Дмитриев А.В., 1984. С. 17–24]. На мысовом перешейке исследован юго-восточный отрезок каменной крепостной стены со въездом-воротами, которая проходила по гребню естественного возвышения и отсекала мыс. Ее толщина и конструкция варьируют: у ворот стена достигает 2,7 м шириной и состоит из трех рядов панцирной кладки крупными камнями и обработанными блоками насухо и каменно-щепнистой забутовки, а на прочих участках сужается до 1,6 м и имеет два ряда панциря, как и стены-загородки снаружи. Не-

далеко от ворот с внутренней мысовой стороны к стене примыкал “склад” вкопанных в грунт и накрытых каменными плитками пифосов без следов построек возле них.

Маломощный и слабонасыщенный находками культурный слой на раскопанных участках поселения говорит о кратковременности его существования. Узкими рамками XII–XIII вв. датируется керамика с поселения, представленная в основном тарной и гораздо меньше столовой и кухонной посудой. Это – привозные красноглиняные амфоры с высокоподнятыми овальными в сечении ручками и большие пифосы с раздутым, “реповидным” туловом и маленькой ножкой с уплощенным основанием. Пифосы имели подпрямоугольный и трапецевидный в сечении венчик, максимальный диаметр тулова от 93 до 150 см; по горлу и плечикам украшались налепными валиками с медальоновидными вдавлениями (скрывающими технологический шов) и горизонтальным своеобразным рифлением каннелюрами, которое покрывало верхнюю треть тулова (табл. 101: 24). На стенках или венчиках отдельных экземпляров нанесены греческим письмом граффити – буквы и надписи (табл. 93: 11). К столовой посуде относятся круговые красно- и коричневоглиняные кувшины с овальными в сечении ручками, а к лепной кухонной – сковороды-жаровни, простые горшки и кольцевидные подставки усеченноконической формы с высокими бортами [Ждановский А.М., 1988. С. 12–20; Ждановский А.М., Лейбовский В.А., 1992. С. 20–21].

Не имеющее пока аналогов Утришское поселение вместе со скоплениями подобных пифосов, неоднократно обнаруженными на морском побережье в окрестностях Новороссийска, вызвало предположение о существовании здесь прибрежных колоний-факторий Трапезундской империи в короткий промежуток времени – первой половине XIII в. [Дмитриев А.В., 1982. С. 73–75]. Однако бытование таких пифосов в Северном Причерноморье выходит за эти рамки и включает XII в., а стабильное присутствие привозной тарной керамики в материалах с поселений в совокупности со сведениями письменных источников с большей вероятностью свидетельствует о торговых контактах местного населения с припонтийским византийским миром, чем о колонизации.

Другое укрепленное поселение находилось у с. Прасковеевка в долине Джанхота, вблизи его устья на склоне хребта. От него сохранились поднимающиеся вверх по склону две каменные параллельные стены панцирной грубой сухой кладки с забутовкой необработанным камнем, ширина которых колеблется от одного до двух с лишним метров, и следы культурного слоя в виде россыпи керамики – красноглиняных орнаментированных пифосов и одноручных сосудов [Минеев М.Г., 1982. С. 1–2; 1984. С. 19].

Пока остается неясной роль Раевского городища в системе средневекового расселения. Раскопки свидетельствуют о его жизни в античный и средневековый периоды, а также в турецкое время. Средневековый слой в северо-западной части городища содержал развалы бутового камня и остатки турлучных обмазок без строительных конструкций, керамику (амфоры, лепную и круговую красноглиняную с лощением) и вещевой материал, которые Н.А. Онайко датировала в рамках X–XIV вв. [Онайко Н.А., 1955. С. 7–10; 1959. С. 56; 1965.

С. 130]. Представляет интерес закрытый комплекс X–XII вв. из слоя, состоявший из гончарных красноглиняных сосудов – двух одноручных кувшинов и четырех кружек, в том числе со сливом “на себя”, т.е. под углом 90° к ручке, украшенных лощением разного вида [Онайко Н.А., 1962. С. 190–196].

Погребальные памятники XI–XIV вв. в Причерноморье от Анапы до Сочи представлены в основном курганными и несколькими грунтовыми могильниками. Число известных здесь могильников этого периода приближается к сотне.

Грунтовые могильники

К ним относятся два, по-видимому, христианских некрополя в южной части региона – один на территории совхоза “Южные культуры”, другой при храме в Лоо. На первом в 1950-х гг. было раскопано и исследовано в ходе разрушений 27 ямных, преимущественно безы Inventарных погребений с северо-западной ориентировкой и положением умершего вытянуто на спине. Одно женское погребение сопровождалось серебряными височными трехбусинными с филигранью кольцами и серебряными украшениями головного убора в виде двух пластинчатых штампованных фигурок птичек на стерженьках (табл. 97: 19, 20). В слое разрушения могильника было найдено еще два таких височных кольца [Анфимов Н.В., 1956. С. 36–37]. По этим вещам могильник датируется в рамках конца X – начала XII в.

Такую же дату получает нижний, ранний горизонт некрополя храма в Лоо с двумя, судя по инвентарю, женскими погребениями с западной ориентировкой. Погребение № 11 было совершено в центральном нефе, в могильной камере из четырех прямоугольных известняковых плит, аналогичных плитам облицовки цоколя храма; у головы погребенной обнаружены бронзовые провололочные булавки от головного убора, на груди – две крупные пронизи из стекла и известняка и сферическая бронзовая пуговка с петелькой, в области пояса – бронзовая лировидная пряжка (типа: табл. 98: 41). В погребении № 14, расположенном снаружи у южной стены в состав инвентаря входили бронзовые браслеты из круглого в сечении дрота с уплощенными концами, известняковое пряслище, железный нож у пояса, бронзовые провололочные булавки под черепом и четырехбусинное кольцо у виска, выполненное в той же манере, что и вышеописанные [Овчинникова Б.Б., 1990. С. 25, рис. 30].

Предположительно грунтовыми были несколько исследованных погребений XI–XII вв. поврежденного распашкой биритуального могильника “Андреевская щель” под Анапой [Новичихин А.М., 1991. С. 2–15]. По обряду они делятся на урновое кремационное и ингумационные в прямоугольных ямах, с

западной ориентировкой и положением скелета вытянуто на спине, принадлежавшие детям. Погребения сопровождалась бронзовыми литыми и штампованными бубенчиками и пуговками, пряжками с фигурным, в виде вытянутой восьмерки, сплошным щитком и миниатюрным наконечником ремня, штампованной трехлучевой с рельефным орнаментом накладкой и фаянсовой ребристой бусиной (табл. 97: 10, 18, 21–24, 38, 45, 50, 51). Дважды возле головы погребенных обнаружены сосуды: стеклянный конический стакан с прямыми стенками и красноглиняная гончарная кружка со сливом “на себя” и лощением поперечными полосами на ручке и двумя рядами спиралей на тулове (табл. 97: 2; 101: 11).

На этом могильнике раскопан богатый кенотаф конца XI – первой половины XII в. с конем, набором парадного конского убранства, оружия и снаряжения воина-всадника [Новичихин А.М., 1992; 1993а, С. 76–77]. Коня захоронили в прямоугольной яме в позе на боку с подогнутыми ногами, возле шеи и головы положили седло со стремянами, от которого сохранились деревянные луки. Седло было обтянуто кожей, закрепленной мелкими гвоздиками, и украшено бронзовыми бляшками разной формы и тонкой накладной пластиной, имитирующей плетенку (табл. 95: 30–34). Рядом с седлом на передние ноги коня компактно поместили побывавшие в огне кольчугу и склепанный из двух половин шлем с орнаментальными накладками и граненой втулкой для плюмажа (табл. 95: 1), а также согнутую саблю с остатками сабельной гарнитуры и набор из пяти наконечников стрел в колчане, от которого уцелели только металлические петля и оковки (табл. 95: 11–15, 21–25, 28–29). Оружие дополняет наконечник копья с граненым пером и короткой конической втулкой, лежавший за холкой коня (табл. 95: 27). Кроме того, в комплекс вещей входили нож с долем, кресало с сомкнутыми концами, двухчастная рамчатая пряжка 8-образной формы и небольшой ремешком наконечник с фестончатым обрезом тыльного конца (табл. 95: 26, 20, 9–10). Пряжка и наконечник могли относиться к лежавшей рядом уздечке.

Сбруя представлена стременами с круглой в сечении дужкой и широкой выгнутой подножкой с двумя ребрами жесткости, двусоставными удилами с подвижными кольцами, прямоугольной подпругой с подвижными кольцами, прямоугольной подпругой с подвижными кольцами, прямоугольной подпругой с подвижными кольцами (табл. 95: 16–19). На морду лошади положили нарядную уздечку с бронзовыми бляшками-заклепками: двумя четырехлепестковыми, семью маленькими и пятью большими круглыми с ажурными позолоченными решмами. Каждая решма шарнирным способом соединялась внизу с уплощенным бубенчиком сферо-конической формы, а вверху с большой бляхой со стеклянной вставкой, которая и крепилась к ремням оголовья (табл. 95: 3–8). Завершал убор бронзовый начельник с круглой, выпуклой пластиной основания и конической трубкой-втулкой с бубенчиками наверху. Основание начельника, закреплявшегося на ремнях четырьмя бляшками, украшали четыре стеклянные вставки, а позолоченную

втулку – сюжетная гравировка с чеканкой. Знак-символ (геральдический?) и фигуры мужчины с чашей и сидящей напротив него женщины в трех овальных картушах композиции на втулке несут неразгаданный еще смысл, а само изделие относится к числу высокохудожественных и редких произведений средневекового прикладного искусства. Если не считать уникальную орнаментику начельника, конский убор из кенотафа в “Андреевской щели” вплоть до мелочей тождествен пышной упряжи из богатых погребений XI–XII вв. могильников Колосовка, Кольцо-гора и Змейский в Закубанье и Центральном Предкавказье, приписываемых воинской знати. При этом вещевой комплекс кенотафа отличается от них наличием оборонительных доспехов и копья, а сам кенотаф – деталями обряда с огненным ритуалом, нехарактерным для региона традиционной аланской культуры Центрального Предкавказья.

Курганные могильники

Могильники насчитывают от трех-пяти до нескольких десятков или сотен насыпей и располагаются обычно на береговых террасах, верхушках и пологих склонах холмов. Их можно разделить на две группы: с погребениями по кремационному и ингумационному обряду под одной насыпью или в одном могильнике (биритуальные) и только с ингумационными погребениями (моноритуальные). В свою очередь, биритуальные распадаются на могильники с преобладанием кремаций и могильники с увеличенной долей ингумаций в общем числе погребений. Это деление отражает также хронологическое бытование типов погребального обряда, ибо с начала периода и по меньшей мере до середины XIII в. были широко распространены кремационные погребения, которые на определенном этапе сосуществовали с разнообразными ингумационными, позже сменившись ими. Следует отметить, что в XIII–XIV вв. часто практиковалось использование курганов с кремациями для впускных погребений, преимущественно в каменных ящиках (табл. 96: 10).

Памятники первой группы (биритуальные) распространены в северной и центральной частях региона от Анапы до Туапсе, а южнее пока не известны. Для кремационных могильников северной части, в особенности под Новороссийском, характерно наличие в курганах сопровождающих конских захоронений. О ранней подгруппе с преобладанием кремаций дают представление могильники Цемдолинский (раскопки А.В. Дмитриева 1998 г.), “Керченская щель” (раскопки И.И. Аханова 1939 г.) и Шесхарис (раскопки А.В. Дмитриева 1971 и 1973 гг.). В первом из 14 насыпей две содержали только труположения в каменных ящиках, осталь-

ные двенадцать – только трупосожжения; в половине курганов были захоронены лошади. Во втором 20 раскопанных курганов разделяются таким образом: два с ингумационными, 16 с кремационными погребениями, а два кургана сочетали биритуальные захоронения. Захоронения коней отсутствовали. В могильнике Шесхарис на 16 урновых кремационных погребений приходится 6 конских и 2 ингумационных погребения.

В другой подгруппе, где доля кремационных погребений меньше, наиболее показательны могильники Борисовский курганный (раскопки В.В. Саханева 1911–1913 гг.) и на отроге г. Сапун в окрестностях Новороссийска (раскопки А.В. Дмитриева 1985–1986 гг.). В Борисовском из 24 раскопанных и исследованных курганов (не считая трех поздних береговых) семь были с трупосожжениями, одиннадцать с труположениями в каменных ящиках, четыре с теми и другими погребениями и еще два кургана-кенотафа содержали исключительно вещи, типичные для кремационных погребений [Саханев В.В., 1914]. Лишь одно трупосожжение сопровождалось конским погребением. В могильнике на г. Сапун на 26 раскопанных курганов приходится десять только с кремациями, не менее пяти только с ящичными ингумациями, а остальные сочетали под насыпями разные захоронения. Девять курганов содержали захоронения коней. Правда, нужно учитывать условность приведенной статистики, так как ни один курганный средневековый могильник в Причерноморье не раскопан полностью.

Проведенные исследования позволяют достаточно полно восстановить погребальные обряды населения региона. Курганы первой группы имели

щебнисто-земляные насыпи диаметром в среднем от 4,5 до 8–9 м, высотой от 0,2 до 1 м. Во всех них фиксируются каменные конструкции, для устройства которых применялся плиточный камень неправильной формы – местный песчаник-дикарь. Из него сооружалась периметральная ограда подквадратной или круглой формы из вертикально поставленных плит в один или несколько рядов, локальные вымостки и наброски, а также иногда панцирная или кольцевая обкладка насыпи плашмя (табл. 95: 1–3, 5, 8–10, 13, 14). Иногда фиксируются высокие камни в углах обкладок.

Кремационные погребения в биритуальных курганных могильниках были урновыми и безурновыми, но преобладали первые. Под одной насыпью встречается, как правило, одно, но иногда до четырех захоронений. После кремации на стороне праха с оставшимися вещами ссыпался в урну, которую захоранивали на древнем горизонте или небольшой специальной подсыпке или вкапывали на разную степень глубины в грунт – от незначительного заглубления до почти полного закапывания, а в случае сопроводительного погребения коня иногда ставили на его засыпку (табл. 95: 13, 14, 1, 2, 10). Урнами чаще служили специальные большие сосуды-корчаги местного изготовления с двумя петлевыми ручками на месте максимального расширения яйцеобразного тулова, плоским дном и широким устьем с раструбообразным венчиком, украшавшиеся иногда лощением в виде сетки или косых полос от дна к верху и валиками на уровне ручек (табл. 101: 16–19, 23). Реже их роль играли бывшие в употреблении пифосы – большие, однотипные утришским или менее крупные яйцевидные с мелким бессистемным рифлением и маленьким уплощенным поддоном, большие двуручные кувшины и перевернутые византийские амфоры с высокоподнятыми ручками и, видимо, со специально пробитым дном (типа: табл. 101: 21, 22, 24–26). Как правило, они накрывались сверху каменной плиткой или перевернутым днищем разбитого сосуда.

Безурновые представляют собой захоронения праха, ссыпанного в ямку до 0,4 м диаметром и до 0,5 м глубиной, изредка обложенную камнями. Местоположение урны или ямки с прахом в кургане могло ничем не выделяться или обозначаться каменной наброской над ней или вокруг нее, а также небольшой оградкой из вертикальных каменных плит, иногда снаружи подпертой каменной выкладкой (табл. 96: 1, 2, 4). Наиболее характерно эксцентричное размещение урны под насыпью, чаще в восточной, юго-восточной, западной и юго-западной полах кургана и редко в центре него.

Инвентарь в урнах включал бытовые предметы, украшения и детали одежды. Захоронения воинов с оружием составляли в среднем от 30 до 40% в общей массе кремаций и часто сопровождалась погре-

бением коня (изредка двух особей). В Цемдолинском курганном могильнике на 23 кремационных захоронения приходится 6 конских, а в могильнике на г. Сапун соответственно на 26 – 8. Таким образом, боевой конь сопровождал примерно четверти или трети всех кремаций, а среди воинских погребений доля всаднических достигает 60–70%. Коней погребали в овальной яме глубиной до 1–1,5 м, изредка на древнем горизонте, на боку с поджатыми ногами и различной ориентировкой – южной, западной или восточной. Палеозоологические исследования свидетельствуют, что это были работоспособные особи в расцвете сил, представлявшие собой местную, очень устойчивую на протяжении всего первого и начала второго тыс. н.э. экологическую форму лошадей [Антипина Е.Е. и др., 2001. С. 32–33]. Погребение отмечалось каменной наброской поверх него (типа: табл. 96: 13), обкладкой плитами с одной или нескольких сторон или по периметру, локальной вымосткой у его ног. В могильнике на г. Сапун выявлена такая деталь, как столбик коновязи у морды коня. Уздечку обычно клали возле морды, но иногда конь был взнуздан. Стремена фиксируются либо под грудью, либо вместе с остальной упряжью у головы или за спиной животного (табл. 96: 18). В могильнике Шесхарис у всех лошадей возле морды стояло по сосудику.

Конская сбруя представлена обычным для средневековья набором оголовья и седла (удила, многочисленные наременные украшения, начельники, стремяна, пряжки и пр.).

Удила относятся к типу широко распространенных двусоставных однокольчатых, с гранеными грызлами и подвижными внешними кольцами, которые бывали и бронзовыми (табл. 98: 10, 11). Находки бронзовых псалиев единичны. Они стержневидные, с шишечками на концах и прямоугольным щитком-выступом на середине длины (табл. 98: 12). В погребениях попадают **узdechки** с бляшками-накладками. Бляшки бронзовые, иногда с тонкой серебряной обтяжкой. Формы их весьма разнообразны: крупные дисковидные, помещавшиеся на перекрестиях ремней, и мелкие дисковидные, розетковидные, кольцевидные с орнаментом выпуклыми “перлами”, трехчастные и фигурные (табл. 98: 29, 30, 32, 20, 21, 26). Уздечный набор включал также накладки в виде плоских “якорьков” (застежки?), крупные полые грушевидные бубенчики из двух штампованных вертикальных половинок с рельефным узором (такие подвешивали к хвосту и сбруйным ремням) и часто большие бляхи из створок раковин с центральным отверстием, которые крепились под подбородком лошади (табл. 98: 23, 25, 33–35, 40). Скромный вариант убора оголовья представлен прямоугольным наносником с отверстием, куда, вероятно, вставлялась трубочка для султана (табл. 98: 9). Комплексы наиболее богатых

оголовий украшались решмами и начельниками. Оголовье из конского погребения кургана № 14 Цемдолинского могильника точно реконструируется благодаря сохранности бронзовых деталей узды *in situ*. В него входило шесть накладок-блях с решмами, – четыре на перекрестиях ремней и две длинные на центральном наносном, а сами ремни покрывали мелкие бляшки. Грушевидные уплощенные решмы из двух вертикальных штампованных половинок с рельефным узором на лицевой стороне шарнирно соединялись с накладками двух типов: круглыми дисковидными и узкими длинными колодочками с поперечными насечками. Кроме того, такие решмы в сочетании с прямоугольными колодочками, орнаментированными рельефными “перлами”, и круглые крупные бляхи украшали упряжь этого коня на холке и крупе (табл. 98: 16, 17, 22, 24, 26). Другое нарядное оголовье из погребения коня кургана № 5 могильника на г. Сапун состояло из бронзовых позолоченных шести аналогичных решм на дисковидных бляхах и начельника. Штампованные бляхи с решмами имели рельефный орнамент. Начельник представлял собой круглую выпуклую пластину с отверстиями для крепежа и ажурным шарообразным навершием из двух полусфер, сплетенных из витой проволоки, с венчающей втулкой-трубочкой (табл. 98: 13–15). Образец роскошного, бронзового с позолотой убранства коня (возможно, не одного) дает упоминавшийся комплекс из “Потомственного” на р. Пшада под Геленжиком. В него входил начельник с плоским диском-основанием с выпуклыми “перлами” по периметру и цилиндрической втулкой с шаровидным утолщением, однотипные описанным выше решмы, двухчастные накладки-подвески с шарнирным соединением – ажурные в форме лунницы и плетенки (типа: табл. 98: 8) и сплошные треугольные, а также навершие второго начельника (или украшение на круп коня?) в виде объемной фигурки лани с гравировкой (табл. 98: 39).

Стремена представлены несколькими типами: I – округлые с круглой в сечении дужкой и выгнутой подножкой, усиленной по центру ребром (табл. 98: 44). Их можно отнести к XI–XII вв., но, в целом, они нехарактерны для региона. II – подтреугольно-округлые с уплощенной дужкой и узкой менее выгнутой подножкой с утолщением по центру (табл. 98: 3–5). III – арочные с четырехгранной в сечении дужкой и маленькими отростками-“кулачками” при переходе ее в плоскую или чуть выгнутую подножку (табл. 98: 2, 6). У всех типов стремян имеется щель в верху дужки для путлища. Исключением является разновидность стремян третьего типа с прямоугольной низкой, чуть выступающей над дужкой петлей и плоской подножкой (табл. 98: 1). Возможно, это его поздний эволюционный вариант. Стремена второго и третьего типов были

широко распространены в регионе и датируются в рамках XII – первой половины XIII в.

К упряжи относятся крупные подпружные и другие **сбруйные пряжки**, среди которых преобладают полуовальной формы, но есть и круглые. Небольшие бронзовые пряжки, видимо, использовались в равной степени для уздечки, портупей и поясов, из них полуовальные имели насечки по внешнему ребру (табл. 98: 18, 19, 27, 28, 36–38, 41). Сбрую завершали костяные **цурки-застежки** с подтреугольной спинкой (табл. 98: 42–43). Крайне редки находки остатков седел, например, гвозди с ромбовидной шляпкой (табл. 98: 7).

Оружие. Сопроводительным оружием воинских погребений были сабля, стрелы, редко копье и оборонительный доспех – кольчуга или кольчужный шлем. Оно помещалось возле урны (а согнутая после прокала сабля – вокруг нее) или коня: сабля и колчан со стрелами либо одно из них – вдоль его туловища с внутренней стороны или внешней у холки, лук вместе с ними или отдельно у брюха. В одном случае в самой урне находились остатки спекшейся в огне кольчуги и перекрестие сабли с утолщениями на концах.

Сабли относятся к типу длинных, в среднем чуть более метра, слегка изогнутых узколезвийных с елманью (обоюдоострой частью клинка у острия). Черенок имел небольшой наклон к лезвию (табл. 99: 40, 41). На многих экземплярах на основании клинка есть прикрывающая лезвие накладная пластина, иногда с фигурно обрезанным краем (табл. 99: 38). Напускные перекрестия сабель прямые пластинчатые двух типов: I – овальные в плане, без боковых щитков, с раструбообразно расширяющимися рожками-выступами (табл. 99: 38, 42); II – овальные в плане, с подтреугольными боковыми щитками или без них и рожками с грибовидными или гранеными утолщениями на концах (табл. 99: 33, 34, 41). Иногда рожки чуть опущены в сторону клинка. Навершие рукоятей представляют собой железные овальные в сечении полые колпачки двух типов: мелкие с плоским верхом и глубокие с выпуклым верхом и сужением-перехватом гладкого или граненого тулова (табл. 99: 35, 36). Типичные наконечники ножен сабель – это полые трубки-оковки, овальные в разрезе, со скругленным или уплощенным донцем и фестончатым вырезом лицевой стороны наверху (табл. 99: 44). Некоторые имеют сверху фигурный вырез (табл. 99: 37). Металлическая сабельная гарнитура включала еще дуговидные скобы и петли-оковки ножен (табл. 99: 39). Рукояти и ножны делались из дерева и кости. Сабли часто, но не всегда несут следы пребывания в огне и подвергались ритуальной порче – ломке, сгибанию (табл. 99: 45). Иногда в погребениях вместо сабли присутствуют только ее детали.

Колья являются редкой находкой в подкурганых

кремационных погребениях. Они имели узкие перья и конические втулки и делятся на три типа: I – концы плоского, с гранью пера при переходе во втулку расклепаны в выступы, соотношение втулки и пера составляет 3,5:5 (табл. 99: 1); II – втулка плавно переходит в перо конической формы ромбического сечения, соотношение соответственно 2:3 (табл. 99: 2); III – втулка отделена от такого же пера сужением-перехватом, соотношение 5,5:8 (табл. 99: 3).

Стрелы в количестве от 2 до 10 железных наконечников присутствуют во многих погребениях. Все они черешковые с упором-порожком и по перу делятся на плоские и объемные – бронебойные. Первые имели ромбовидную, листовидную и реже подтреугольную форму и плоское сечение пера. Вторые – в основном, форму кинжальчиков и ланцетовидную, а сечение пера четырехгранное ромбическое и квадратное или линзовидное (табл. 99: 4–9, 11–21, 26–28). Обычно набор включал от 8 до 10 наконечников, а соотношение их видов варьировало, но обязательно в комплект входили плоские средних размеров, один двурогий жалообразный (на позднем этапе лопаточковидный) срезень и маленькие бронебойные. В одном случае обнаружено 19 стрел, и судя по их подбору, комплекс состоял из двух комплектов. Костяные наконечники, видимо, не были популярны. Пока известен единственный “пулевидный” втульчатый наконечник, обнаруженный в наборе с железными стрелами (табл. 99: 10). Стрелы укладывали в колчаны остриями вниз. От *колчанов* сохраняются, во-первых, железные петли-скобы двух типов: короткие с узкой, сильно выгнутой спинкой и трапециевидно расплюснутыми концами и узкие длинные с мало выгнутой спинкой и фигурно завершающимися концами (табл. 99: 23, 24). Во-вторых, узкие и тонкие пластинчатые обивки с заклепками – прямые и дугообразно изогнутые. В-третьих, тонкие костяные накладки с гравированным циркульным орнаментом двух разновидностей: узкие длинные, крепившиеся вдоль корпуса колчана, и широкие поперечные со скругленным краем, укреплявшие его нижнюю часть (табл. 99: 25). Не совсем ясно назначение железных тонких пластин с пунсонами-отверстиями по краям, которые могли также относиться к отделке колчанов или налучий (табл. 99: 22).

Луки почти не сохраняются, и находки их деталей немногочисленны. Это костяные накладки на рукоять с внутренней стороны, плоско-выпуклые в сечении, с узким и широким концами и менее массивные подобной формы и сечения, возможно, плечевые (табл. 99: 29–31). Их широкие концы покрыты глубокими насечками для прочного склеивания.

В качестве оружия использовались также *ножи*, к боевым разновидностям которых относятся редкие длинные экземпляры с долом вдоль спинки (табл. 99: 32). *Доспехи* представлены широко быто-

вавшими кольчугами и кольчужными шлемами из плоских колец.

Украшения. Самые распространенные находки – металлические височные кольца и плоские привески-амулеты из раковин; в меньшем количестве встречаются бронзовые кольца, браслеты и перстни-печатки (хотя они занимали прочное место среди украшений), единичны бусы. *Височные кольца*, характерные для мужских и женских погребений, представлены разными видами из бронзы и серебра: I – толстые дровые с несомкнутыми концами (табл. 100: 30, 45). II – такие же с напускной бусиной трех типов: сферической, правильной биконической и биконической с выступами (табл. 100: 37, 38, 53). Два последних типа в литературе известны как “половецкие серьги”. Стыки бусин обвиты сканной проволокой, все изделия выполнены из серебра. III – полые, из тонкой спирально свернутой серебряной или бронзовой трубочки, со сведенными концами наподобие рылец (табл. 100: 46). IV – тонкие проволочные бронзовые в полтора оборота (табл. 100: 35). Полые и проволочные височные кольца наиболее характерны. *Браслеты* были дровыми и витыми. Первые изготавливали из тонкого круглого в сечении дрота с кубической втулкой-насадкой на одном конце и из дрота уплощенного сечения с раскованными и чуть расширенными концами. Вторые – витые “тройные” (из трех проволок) с петельчатыми концами (табл. 100: 33, 34). *Кольца* на пальцы из тонкой, спирально закрученной бронзовой проволоки – обычный вид украшений (табл. 100: 44). Наряду с ними существовали другие в виде щитковых перстней-печаток с резными изображениями всадника, воинов, сэнмурва и стоящей птицы (табл. 100: 47, 51, 52). *Бусы* обнаруживаются в погребениях от одной до нескольких штук, не образуя ожерелий. Они имели неправильную зонную, бочонковидную, шаровидную, веретенообразную (из стекла, янтаря, гагата, горного хрусталя) и усеченную бипирамидальную или биконическую (из сердолика) форму (табл. 100: 26, 27, 29, 39, 40). Стекланные бусы представлены одноцветными, золотостеклянными и полихромными. Последние двух видов: I – глазчатые, с глазками в двойном обводе или ресничатыми; II – с узором типа “лист папоротника”. Очень редкими украшениями являются металлические круглые *привески* с эксцентричным отверстием, круглой петелькой и выпуклинами-перлами по периметру. Возможно, это вариация привесок, встречающихся и в ингумационных погребениях (табл. 97: 9). Изредка в могилах попадаются бронзовые *крестики*-отливки с энколпионов (табл. 100: 42).

К деталям одежды относятся пряжки, бубенчики, пуговицы и булавки. *Пряжки* использовались, главным образом, железные: рамчатые и намного реже щитковые. Первые по форме рамки делятся

на круглые, полуовальные и подпрямоугольные с преобладанием первых двух форм. Язычок вогнут вовнутрь, тыльная сторона уплощена; рамка подтреугольного и изредка круглого сечения. Встречаются небольшие бронзовые пряжки типа сбруйных с насечками по внешнему краю-ребру и железным язычком (табл. 100: 21, 22, 31, 32). Щитковые пряжки имеют скругленную рамку и длинный узкий прямоугольный щиток (табл. 100: 20). *Бубенчики* бронзовые сделаны из штампованных полых вертикальных половинок. Они сферические по форме и делятся по отделке на типы: I – с вертикальнорубчатой нижней частью, пластинчатой круглой петлей и щелью (табл. 100: 24); II – с тремя обводками-валиками по центру и большой щелью (табл. 100: 25, 41); III – с маленькой щелью и гравированными кружками по ее сторонам (табл. 100: 43). Преобладали крупные бубенчики второго типа, а также использовались грушевидные, оттиснутые в той же форме, что и сбруйные с рельефом (табл. 100: 23). Бубенчики нашивались на одежду или подвешивались на цепочке. Вероятно, также нашивными были мелкие раковины каури (табл. 100: 28). *Пуговицы* изготавливались из бронзы и кости, иногда ими также служили бусины. Бронзовые были пустотелые сферической и сфероконической формы из горизонтальных штампованных половинок, нижняя иногда украшалась гравировкой (табл. 100: 48, 49), а также литые биконические с пластинчатой петлей, более характерные для позднего периода (типа: табл. 97: 25). У бубенчиков второго и третьего типов и полых металлических пуговиц была округлая проволоочная петелька. Другой вид пуговиц – широко распространенные костяные круглые, плосковыпуклые с циркульной и штриховой гравировкой (табл. 100: 12, 15). Эти изделия универсальны и использовались также для украшения коня и сбруи. Так называемые “булавки”, чаще относимые к застежкам одежды или головным заколкам, представлены экземплярами с кольцевидной подвижной головкой и косой гравировкой в верхней части (табл. 100: 58). Впрочем, аналогичные изделия на половецких статуях изображены прикрепленными к поясу вместе с кресалами и могли быть шильями.

Предметы туалета в исследованных погребальных комплексах представлены единичными экземплярами. *Пинцеты* из согнутой вдвое пластины, один с расширением к губкам, а другой, наоборот, сужается книзу (табл. 100: 7, 8); половинка бронзового дисковидного зеркала с двумя перпендикулярными диаметрами-валиками и петелькой в центре; *гребешок* – костяное узкое изделие с широкими зубьями, сужением-перехватом в верхней части и отверстием для подвешивания (табл. 100: 50, 57).

Бытовые предметы многочисленны, это калачевидные и более характерные лировидные кресала, каменные оселки, железные черешковые ножи, различные металлические кольца, входившие в сопровождающий инвентарь как мужских, так и жен-

ских погребений (табл. 100: 1–6, 10, 11, 13, 16, 17, 36). Инвентарь первых содержал еще шилья круглого сечения, иногда тесловидные мотыжки и складные серпы без черенка в костяном футляре, орнаментированном гравировкой (табл. 100: 9, 18, 19). Такие серпы показательны для кремационных погребений. В женских захоронениях часто встречаются пружинные ножницы и пряслица: дисковидные, сделанные из черепков или камня, и лепные усеченноконические (табл. 100: 1, 54–56).

В инвентарь кремационных погребений входили стеклянные и керамические сосуды. Керамические относительно редки и представлены светло- и оранжевоглиняными кувшинчиками с длинным узким горлом с чашевидным расширением у устья (типа: табл. 101: 2). Более характерно наличие отдельных черепков в засыпи или рядом с урнами, которые являются фрагментами византийских амфор с высокоподнятыми ручками, белоглиняной посуды с зеленой глазурью и местных кувшинов. Обычай снабжать умерших стеклянными сосудиками довольно прочен и сохраняется на протяжении всего описываемого периода. Они представлены разными формами из прозрачного неокрашенного стекла зеленоватых оттенков – стаканами, графинчиками и кубком, как правило, украшенными накладными нитями и каплями цветного стекла (типа: табл. 97: 3–6, 8). Аналогичные сосуды производились в XII–XIII вв. в Закавказье и за его пределами и имели широкое хождение [Армачук Е.А., Сорокина И.А., 2001. С. 199–200]. Отдельные экземпляры позволяют точно определить место их изготовления, например, конический кубок на дисковидном поддоне из Рустави [Джанполадян Р.М., Калантарян А.А., 1988. С. 14].

Ингумационные погребения в биритуальных курганных могильниках являются, как правило, впускными в курганы с трупосожжениями и демонстрируют много вариаций обряда захоронений. Число впускных в кургане колеблется от одного до четырех, редко семи погребений. Часть из них по вещам синхронна основным кремационным погребениям, другая (в основном, погребения в каменных ящиках) датируется более поздним временем. Железные изделия в ингумационных погребениях сохраняются гораздо хуже, чем при трупосожжениях. Большинство погребений, синхронных кремационным, – детские. Однако наряду с ними нередко попадаются мужские и женские захоронения. Они совершались на древнем горизонте, в материковой яме или просто в насыпи, локализуясь обычно в восточном, западном и юго-западном ее секторах, хотя иногда встречаются и в других частях насыпи. В устройстве могил часто применялся плиточный камень: им обкладывались стенки или мстилось дно ямы, вертикальные плиты ставились в торцах могил, сооружалась гробница в виде двускатной кровли или делалась покрывающая его вымостка. Погребенные были уложены вытянуто на спине и ориентированы головами на восток, юг, юго-восток или юго-запад.

Детские погребения сопровождались минимальным инвентарем. В него входили нож, кресало, немного скромных украшений – единичные стеклянные и сердоликовые бусины (табл. 97: 17), простые проволочные серьги колечком, бубенчик, бронзовые литые пуговицы и, что характерно, подвески из просверленных створок раковин и каури. В одном случае обнаружена круглая крестопрорезная привеска (табл. 97: 15). Погребенным ставились в ноги глиняные сосуды разных форм и видов: белоглиняный кувшин с зеленой поливой и местные – оригинальные трехчастный сосуд с перехватами высокого тулова, гончарные кружки, кувшины и лепные горшки, подобные встречающимся на поселениях (табл. 101: 2–6, 8–10, 12). Мужские и женские впускные ямные погребения отличаются от детских ассортиментом и количеством вещей. В мужских ограничено присутствовало оружие – сабля, кольчуга или кольчужный шлем, стрелы (чаще что-то одно из них), а в женских – украшения в виде височных колец и бус (табл. 97: 13, 16) и такие вещи, как зеркало (табл. 97: 26), пинцет, пряслице, ножницы, но подобный “полный набор” встречается не всегда. В погребении женщины с таким сочетанием предметов на ее груди вместе с фигурной прорезной привеской лежали бронзовые крестики двух типов – круглоконечный с выемчатой эмалью и с утолщенными концами (табл. 97: 11, 12, 14). Во всех погребениях обычны железные ножи, кольца и кресала. Многие изделия однотипны вещам из трупосожжений (бусы, зеркала с крестообразными валиками, пружинные ножницы, лировидные и калачевидные кресала, ножи, кольчуги, некоторые виды сосудов), а сами ингумационные впускные погребения датируются в рамках XII–XIII вв.

Издредка в биритуальных курганных могильниках встречаются курганы без кремаций, под которыми захоронены воины-всадники в сопровождении убитых коней. Известно более десятка таких погребений в северной части Причерноморья – окрестностях Анапы и Новороссийска. Они датируются, в основном, XII – первой половиной XIII в. и снабжены оружием и сбруей иного вида: более грубыми наконечниками стрел и меньшим количеством их типов, саблями, четырехклинными шлемами вместо кольчужных, стременами с плоской подножкой и удилами с большими кольцами. Для погребений коней характерна такая деталь, как столбик коновязи у их морды или передних ног. Своим образом отличаются воинские захоронения могильника у Ногай-кале (Раевского городища), совершенные в ямах в положении вытянуто на спине в дубовых колодах с дощатым покрытием и западной ориентировкой или в деревянном гробу с восточной ориентировкой, каменной засыпкой ямы и высоким камнем в головах (табл. 96: 16, 17) [Сизов В.И., 1889. С. 98–100; Дмитриев А.В., 1985а.

С. 52–61]. Оружие состояло из сабли (длиной до 113 см), помещаемой слева от умершего или справа рукоятью к плечу; стрел, железного шлема из четырех полос-клиньев у головы (табл. 97: 27) и кольчуги в ногах. Коня, часто взнузданного, с кольчатыми удилами и стременами арочной формы с прямой широкой подножкой и прорезью в дужке (типа: табл. 98: 2), укладывали на боку слева, к северу от “хозяина”. В этом же могильнике раскопаны погребения в колодах без сопутствующих конских, – мужские с аналогичным оружием и женские без него. В их инвентарь входили стеклянный графин и узкогорлый кувшин с мелким поперечным рифлением (табл. 97: 5, 7).

Погребения воинов-всадников в других могильниках (на г. Сапун и юртовой земле станицы Раевской, Цемдолинском на пашне и под Анапой – на г. Маки-тре и у дороги на Варваровку), в целом, сближаются между собой. В кургане № 2 у дороги на Варваровку воин со стрелами был похоронен головой на запад в плитняковой могиле в южной поле насыпи, а конь помещен слева чуть севернее, в яме на боку, со стременами, сбруйной пряжкой (табл. 97: 46) и саблём вдоль спины. В кургане № 5 этого могильника находилось захоронение трех человек головами на запад (мужские) и на восток (женское) в большой яме с каменной обкладкой бортов. Воин был облачен в кольчугу из проволочных колец; слева лежала сабля, справа у пояса копье, у головы кольчужный шлем. К вещам других погребенных относились два глиняных кувшина (табл. 101: 1), бусы, две бронзовые привески (табл. 97: 9), ромбические стрелы, бронзовые кольцо, пряжка и пуговица [ОАК за 1894 г. С. 82–85]. При коне к северу от могилы обнаружены костяные с гравировкой накладки на луки седла и стремяна с удилами (табл. 97: 47–49). Другой комплекс оружия и сбруи происходит из ямного захоронения воина с южной ориентировкой и его коня слева на краю ямы в кургане № 25 могильника на г. Сапун [Дмитриев А.В., 1986]. Он состоит из сабли и 11 стрел в колчане, поздней разновидности стрелян III типа, известных по кремационным погребениям, и удила с широкими кольцами и раскованными петлями грызел (табл. 97: 28–34, 36, 37, 40, 42, 43). В кургане у станицы Раевской впущенное в материк парное воинское захоронение было перекрыто досками, а конское сопровождалось обтянутым кожей седлом с металлическими украшениями и близкими по типу стременами с “кулачками” (табл. 97: 44) [ОАК за 1894 г. С. 96–97].

Погребение № 16 могильника Цемдолинского на пашне отличается от вышеописанных тем, что конь и всадник положены в одну яму (табл. 96: 12). По круглым стременам с сильно выгнутой подножкой (типа: табл. 102: 48), удилам с большими кольцами и некоторым другим категориям инвентаря оно датируется второй половиной XIII – началом XIV в. [Ар-

марчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Рис. 7]. К этому времени относятся два конских погребения в курганах с захоронениями в каменных ящиках могильника на Днестровской ул. в Новороссийске. В них находились такие же и округло-овальные стремена с широкой подножкой и плоской дужкой, удила с большими кольцами и раскованными петлями грызел, прямоугольные и одна овальная сбруйные пряжки (табл. 102: 4–48). Лошади захоронены к северу от каменных ящиков в обычной позе на боку, со слегка подогнутыми ногами, головой на запад, а сбруя брошена на шею. Необходимо заметить, что из-за разрушенности курганов эти погребения условно можно связать с находившимися рядом ящичными погребениями [Дмитриев А.В., 1978. С. 1–7]. В любом случае, вместе с погребением № 44 мужчины в ящичной гробнице и рядом слева коня с аналогичной сбруей могильника Цемдолинского на пашне (табл. 102: 48), эти редкие комплексы демонстрируют конечную стадию существования в регионе обряда погребения воина с лошастью. В XIV и последующих веках он здесь уже не встречается.

Из-за разрушения биритуальных могильников Цемдолинского на пашне и Бжид-1 второй подгруппы неопределим изначальный характер всех раскопанных там погребений периода развитого средневековья (основное или впускное и подкурганное или грунтовое), хотя насыпи ранее здесь существовали. На могильнике Бжид-1 ингумационные захоронения XI–XIV вв. распадаются на ямные, на древнем горизонте и в каменных ящиках. Наиболее ранние демонстрируют обряд погребения на древнем горизонте с западной ориентировкой (иногда с обкладкой каменными плитами вокруг) и датируются в рамках XI–XII вв. Из них воинское погребение № 120 сопровождалось двумя стеклянными графинами, выдутыми в орнаментированные формы, и гончарным кувшином со сливом “на себя” в головах; саблей, стрелами, ножами и, главное, наборным поясом, который лежал свернутым у правой руки погребенного. Это первая такая находка в регионе. Тонкие тисненые бронзовые бляшки пояса – круглые гладкие, сердцевидной и четырехугольной формы, со спиральным рельефным орнаментом. Вещи в других погребениях XII – первой половины XIII в., в сущности, повторяют инвентарь синхронных трупосожжений, включая оружие – сабли, стрелы и боевой нож с долем; бытовые предметы – кресало, оселок, ножи, мотыжку, ножницы, костяную проколку, складной серп в роговых ножнах; детали костюма – бронзовые сфероконические и костяные плосковыпуклые пуговицы, железные овальные пряжки и гончарные сосуды, в том числе кувшин со сливом против ручки. К периоду XIII–XIV вв. относятся погребения в каменных ящиках.

Подкурганные ингумационные захоронения в каменных ящиках как устоявшийся тип погребения

начинают широко распространяться в Северо-Восточном Причерноморье в XIII в. На начальном этапе они были впускными в курганы предшествующего времени, а со второй половины – конца XIII в., став основными, образуют самостоятельные, *моноритуальные могильники второй группы* (Южная Озерейка, Владимировка, Нижнебаканский и др.). Их насыпи были земляными (черноземно-суглинистыми) или щебнисто-земляными и больше, чем у кремационных погребений, диаметром от 6–8 до 10–12 м, высотой от 0,2 до 1–2,5 м (табл. 96: 11). Они часто имели круглые обкладки из вертикально или горизонтально расположенных плит рваного камня.

Ящик размещали на древнем горизонте, вкапывали в материк до уровня перекрытия или впускали в старую насыпь. Он обычно сооружался из шести аналогичных крупных плит, по две в боковых и одной в торцевых стенках, и перекрывался сверху еще двумя. В кургане могло находиться до трех ящиков, а в ящике несколько погребений, большей частью подзахоронений, при которых нарушалось положение костей предыдущих ингумаций (табл. 96: 6–8, 10, 11, 15). Иногда дно ящика мостились плитами, посыпалось угольками или мелом, покрывалось деревянным настилом. Ящики имели ширину от 0,4–0,5 до 0,85 м, длину от 1 до 2,2 м, глубину до 0,5 м и разнообразную, в основном широтную, ориентировку. Покойников укладывали в положении вытянуто на спине, руки вдоль туловища или на тазовых костях, чаще головой на запад с отклонениями к северу и югу, иногда на юг или юго-восток и редко на север с отклонениями. Как и прежде, мужчин сопровождали предметы вооружения и бытовые вещи, а женщин – украшения, туалетные принадлежности и предметы обихода, детей – ножик. В погребениях отсутствует конская упряжь, но почти все они содержат сосуды. Нередки в них находки золотоордынских серебряных монет чекана Токты, Узбека, Бердибека, Джанибека, Абдаллахана и др.

Основными видами оружия остались *сабля и стрелы*. Саблю обычно помещали слева и чаще острием к голове, иногда сломав на части, а стрелы справа от покойника. Сабли отличаются от вышеописанных большей изогнутостью (табл. 97: 39). Перекрестия прямые или дуговидные с опущенными к лезвию концами, а навершия рукоятей – короткие уплощенные колпачки с длинными отростками вдоль рукояти (табл. 102: 41, 43). Длина наконечников сабельных ножен укорочена, они становятся цилиндрическими с плоским дном и широким вырезом у устья (табл. 102: 42). Наборы наконечников стрел от шести до девяти штук характеризуются обязательным присутствием одного–двух узких удлинённых срезней, лопаточковидных и с тупым острием, более грубыми плоскими листовидной, ромбической и подтреугольной форм и броне-

бойными наконечниками линзовидного сечения и с пирамидальной головкой (табл. 102: 28, 34–40). В нескольких случаях сохранилась берестяная обмотка древков стрел у черешков. Находки луков крайне редки. К ним относятся костяная накладка и остатки деревянного лука с берестяной обмоткой из парного захоронения в пос. Мысхако (табл. 102: 29; 96: 15). Однако вторая находка и само погребение не типичны и речь о них пойдет ниже.

Копья, судя по сравнительно редкой встречаемости, широко распространенным видом оружия, по-видимому, не были. Продолжали бытовать наконечники прежних типов, но пропорции четырехгранных меняются – длина конической втулки становится почти равной длине пера (табл. 102: 32, 33). Почти полностью исчезают из употребления конические наконечники II типа (без выраженного перехода втулки в перо). Защитное вооружение в виде железных шлемов, склепанных или сваренных из четырех клиньев, является частым элементом воинского инвентаря. Шлемы полусферической и остроконечной форм помещались в изголовье, иногда надевались на голову умершего. Кольчуги практически не встречаются, зато изредка попадаются остатки щитов – их круглые железные оковки.

Набор *бытовых предметов* прежний. Это черешковые ножи с деревянными или костяными рукоятями, каменные брусковидные оселки, менее тщательной выделки кресала – калачевидные с несомкнутыми концами и овальные, представляющие новый тип (табл. 102: 23, 22, 17–19). В мужских погребениях, как и ранее, встречаются мотыжки (табл. 102: 14) и серпы другого облика, с черенком; характерны топоры-секирки с удлиненным лезвием, которые, возможно, входили в комплект воинского вооружения.

Изменились *женские украшения*. Исчезли из обихода браслеты и перстни-печатки. Наряду со старыми простыми височными кольцами (проволочными несомкнутыми, с одним заостренным концом) широко распространились новые бронзовые и серебряные, спирально изогнутые в полтора–два оборота из дрота или трубочки (полые) (табл. 102: 3). Увеличилась разновидность бус, но их формы остались прежние – неправильные бочонковидные, шаровидные, зонные и дисковидные, к которым прибавились рубчатые и четырнадцатигранные. Каменные изготавливались из тех же материалов; среди стеклянных стало больше полихромных глазчатых и полосчатых и появились узорчатые и с прожилками, в том числе крупные цилиндрические или веретенообразные пронизи (табл. 102: 5). Продолжают бытовать проволочные серьги колечком, к XIV в. относятся новые типы серег: вопросовидные и с асимметрично биконической, оттянутой книзу напускной бусиной, изготов-

ливаемые из серебра. Меняются *бубенчики*, приобретающие округло-овальную и кубовидную формы. Они имеют одну щель и валик-ребро по спайке горизонтальных половинок (табл. 102: 20, 21). *Пуговицы* используются костяные прежнего типа и бронзовые литые – сферические с проволочной петлей и появившиеся ранее, но огрубленные биконические с пластинчатой петлей, которые преобладают (табл. 102: 4, 30, 31). *Пряжки* были, преимущественно, железные прямоугольные.

В инвентаре женских погребений присутствуют не встречавшиеся до этого *предметы рукоделия*: бронзовые наперстки с чеканным пунсоном, костяные проколки, украшенные гравировкой, бронзовые иглы и костяные трубочки-игольники (табл. 102: 11, 12, 16). К ним причисляют также кабаньи клыки, игравшие роль гладила и часто клавшиеся в могилы. Дополняют женский инвентарь пряслица из черепков и камня (табл. 102: 13) и ножницы старого типа, наряду с которыми начинают встречаться шарнирные. Характерны ранее редкие бронзовые *туалетные наборы*, состоявшие из копоушки, ногтечистки и миниатюрной дырчатой ложечки, а также отдельные предметы из них. Особенно часто попадаются ногтечистки с витым стержнем и расплюснутым загнутым концом (табл. 102: 9). Столь же часто попадают в погребения зеркала – простые дисковидные с петелькой в центре на обратной стороне. Иногда они имели бортик и, как прежде, простейший орнамент (табл. 102: 1, 2).

Глиняная посуда помещалась в ногах, эпизодически в головах умерших, со временем став неотъемлемым атрибутом могил. В основном, это гончарные красно- и оранжевоглиняные кувшины и кружки с прищипленным краем-сливом против ручки или “на себя”, которые по-прежнему украшались лощением (чаще вертикальным полосчатым) и теперь гораздо реже рифлением. Сохраняется характерный способ крепления ручек одним концом к середине горла, другим к плечикам. Наряду с глиняными, а иногда вместо них, в могилах у ног или справа у бедра покойников находились *стеклянные сосуды*. Это стаканы с воронковидно вогнутым дном, прямыми раструбообразно расширяющимися к устью стенками и эмалевой с золотом росписью в виде мелких рыбок, дельфинчиков, птиц и бордюров с арабскими или псевдоэпиграфическими надписями (табл. 102: 6, 7). Такие стаканы изготавливались в Сирии и Месопотамии в XII–XIV вв. и мамлюкском Египте в XIII–XIV вв. и были распространены на черноморском побережье от Анапы до Абхазии. Благодаря традиционному наличию в ящичных погребениях северной части побережья, они играют роль их “визитной карточки”, особенно в XIV – начале XV в. Встречаются также стаканы цветного стекла аналогичной формы, но более приземистые и без росписи, с

рельефным наlepным декором частыми каплями на тулове (табл. 102: 8).

Несмотря на наличие каменного ящика, парное двухъярусное с северо-западной ориентировкой погребение в пос. Мысхако, о котором говорилось выше, резко выделяется деталями обряда среди остальных ящичных захоронений и, в отличие от них, более узко датируется концом XIII – началом XIV в. (табл. 96: 15). Верхнее погребение лучника было покрыто кожей и лежало на слое березовой коры, под которым тоже зафиксирована кожаная прослойка. Лук справа и колчан были помещены поверх кожаного “покрывала”. Колчан имел деревянную тыльную сторону, берестяную лицевую с костяными накладками с резным и циркульным геометризованным орнаментом (табл. 102: 15) [Дмитриев А.В., 1978. С. 9 и сл.]. Стрелы с обмотанными берестой древками были обращены остриями ко дну колчана. Нижнее женское погребение сопровождалось тремя ножами, серебряными спиральными височными кольцами, хрустальными гранеными и округлыми пастовыми и гагатовыми бусами, бубенчиком с реб-

ром и ногтечистой описанных типов (табл. 102: 5, 9, 21). У головы женщины находился кожаный мешок или сумка и в нем самшитовый двусторонний гребень с циркульной гравировкой (табл. 102: 10) и точеная деревянная поделка со следами раскраски, вероятно, шкатулка или сосудик. К этому же времени относится комплекс из могильника у горы Мысхако – ящичное погребение лучника со стрелами и деревянным колчаном с костяными накладками иного, “кипчакского”, типа, пышно орнаментированными гравировкой, заполненной черной пастой (табл. 102: 24–27) [Сизов В.И., 1889. С. 74].

В южной части побережья в окрестностях Сочи курганные могильники в основной массе не исследованы, а единичные вскрытые насыпи дали преимущественно поздний материал XIV–XVI вв. [Воронов Ю.Н., 1979. С. 105–108]. Для них характерно использование камня в погребальных сооружениях в большем количестве (концентрические обкладки, большие гробницы, вымостки), единообразие инвентаря и отсутствие погребений с конем как в это, так в предшествующее время.

Некоторые вопросы этнической истории

Материальная культура населения побережья Северо-Восточного Причерноморья, какой она представлена археологическими памятниками XI–XIV вв., неоднородна. Это объясняется, с одной стороны, неравномерной их изученностью, с другой – природно-географическими условиями и различной историко-культурной ориентацией разных его частей. Север региона (до широты Туапсе), в целом, тяготеет к Северо-Западному Кавказу. Яркие слагаемые здешней культуры конца XI – первой половины XIII в. создают носители кремационного погребального обряда, которые, в свою очередь, генетически связаны с предшествующим периодом VIII–X вв., когда тут внезапно появляется этот обряд. Связь прослеживается в преемственности и развитии обряда трупосожжения, в вещах и составе погребального инвентаря, в трансформации в конце XI – первой половине XIII в. обычая VIII–IX вв. помещать в воинские погребения сбрую в обычай сопровождать погребения захоронением коня. Предстоит выяснить, непрерывной или дискретной была эта связь. Заметная хронологическая и археологическая лакуна, т.е. малочисленность древностей (особенно погребений) X–XI вв., пока ждет разгадки. Она может объясняться цепочкой факторов: невыявленностью в регионе соответствующих грунтовых памятников, поселений и могильников; еще неясной для нас демографической ситуацией в равнинных и горных районах; временным отсутствием разработанной хронологической классификации местных вещей финального этапа салтово-маяцкой эпохи и второй поло-

вины X–XI вв. (важно подчеркнуть, что систематизация археологических материалов периода развитого и раннего средневековья является молодым направлением в их изучении). Так, по мнению А.В. Дмитриева, внезапное и обильное появление в Причерноморье курганов с кремациями и впускными ингумациями при многовариантности погребального обряда относится к первой половине XIII в. и связано с монгольским вторжением и перемещением разнородных групп, но это не исключает наличия редких подкурганных захоронений XI–XII вв., которые могли оказаться “перекрытыми” массой новых кладбищ [Дмитриев А.В., 1988]. В этой связи тем более перспективна разработка хронологической классификации погребений исследованных могильников наряду с изучением равнинных районов у Анапы, станицы Раевской и в Цемесской долине, давших материал X–XII вв., о необходимости которого говорит А.В. Дмитриев.

Благодаря исследованиям в последние десятилетия биритуальных и кремационных могильников XI–XII вв. в Западном Закубанье – низовьях левых притоков Кубани (поздняя хронологическая группа Казазово-1, Циплиевский-1, Черноклен, Абинский-4, Ленинахабльский, ранняя хронологическая группа Убинского, Псекупс-2 и 4) выявляется их большое сходство с могильниками Северо-Восточного Причерноморья конца XI – первой половины XIII в. [Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 109]. Более того, такое сходство наблюдается и для периода VIII–IX вв., и кремация обоих регионов уже объединены в одну, “абинско-новороссийскую” или

“кубано-черноморскую” группу [Каминский В.Н., 1993. С. 110; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998. С. 18–32]. Закубанские могильники этого времени и XI–XII вв. тоже сопоставимы [Пьянков А.В., 1993. С. 136–137; 1988; 2000. С. 21–22; Носкова Л.М., 1999. С. 191–192] и, возможно, при дальнейшем изучении встанет вопрос о существовании здесь, на Северо-Западном Кавказе, в последней четверти I тыс. н.э. – первой четверти II тыс. н.э. единой археологической культуры. Пока же носители кремационного погребального обряда и сопряженной с ним культуры в тех формах, которые выявлены в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье, не определены, и спектр предполагаемых этносов включает абазин [Алексеева Е.П., 1971. С. 191–196], тюркские или тюркоязычные племена, вышедшие из болгарской группировки [Дмитриев А.В., 1979а. С. 56; Пьянков А.В., 1986; Каминский В.Н., 1993. С. 110], угров [Михеев В.К., 1985. С. 97; Тарабанов В.А., 1994. С. 58–59]. Накопившийся археологический материал из обеих областей дает, как мне представляется, некоторые веские основания для отождествления носителей этого обряда с касогами, а его ареал совпадает со сведениями нарративных источников X–XIII вв. об их стране. Сохранилось ценное в этой связи письменное свидетельство Масуди о кашаках, в котором сообщается о том, что этот народ исповедует религию магов (“маджус”). В.Ф. Минорский обратил внимание на данный термин, который мусульманские авторы применяли к древним русам и норманнам, видимо, из-за их обычая сжигать мертвых, известного им со слов Ибн Фадлана, но искаженно понятого как “огнепоклонничество” магов [Минорский В.Ф., 1963. С. 206, примеч. 81].

Другие элементы культуры Северо-Восточного Причерноморья, представленные материалами поселений и ингумационных погребений с каменными конструкциями и ящиками, берут начало в старой местной среде. Именно они создают основной фон, на который накладываются новшества, и распространены не только на севере, но и на юге побережья. Южная часть Восточного Причерноморья традиционно связана с Абхазией и Закавказьем.

Достаточно выпукло обозначаются иные направления связей. Объясняться они могут по-разному: культурно-торговыми контактами, этническими процессами, определенными путями “миграции” вещей или модой, случайными заимствованиями и многим другим. Так, на севере побережья, особенно под Анапой, это наличие вещей – поясной гарнитуры и уздечных наборов, присущих позднеаланской катакомбной культуре западного варианта, а, в целом, развитие упряжи и вооружения в одном русле с аланскими. Правда, путь распространения отдельных категорий вещей (например, золоченых сбруйных украшений) еще не оп-

ределен: от алан на запад или наоборот. Кстати, тесное взаимодействие культур Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья (и Приазовья, Подонья) отмечается и в VIII–IX вв. [Носкова Л.М., 1991. С. 76–77]. Далее связи уводят на Тамань, где в посуде Тмутаракани тоже присутствуют лепные горшки с насечками по плечикам (тип В), красноглиняная керамика – кувшины с рифлением, ойнохоевидным венчиком, парадным усложненным лощением и пифосы с рифлением [Плетнева С.А., 1963. Рис. 23: 2; 24; 27: 3; 27: 1). Некоторые типы сосудов, в том числе поливных, и амфор, в их числе с дуговидными и высокоподнятыми ручками, объединяют весь византийско-причерноморский мир, и продолжается активный поиск мест изготовления тарной и прочей керамики (типа: табл. 101: 14) [Волков И.В., 1989; 1996]. Предстоит выяснить источник проникновения на север побережья предметов с христианской символикой: из Древней Руси, Крыма, где есть им прямые аналоги, из таманской православной ойкумены или Византии?

Наконец, наличие в могильниках Северо-Восточного Причерноморья серии своеобразных ингумационных погребений с конем свидетельствует о кочевническом присутствии. Об этом В.И. Сизов и Н.И. Веселовский заговорили сразу после обнаружения таких погребений у Раевского городища и у Варваровки, но связать их с половецким присутствием на Северо-Западном Кавказе стало возможно после ряда исследований [Алексеева Е.П., 1959. С. 17; Минаева Т.М., 1964. С. 174–175; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 250–251; Дмитриев А.В., 1988; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 110–112].

Письменные источники не оставили сведений о взаимоотношениях половцев и населения Северо-Восточного Причерноморья. Следы кочевнического влияния, относимые к XII–XIII вв., обнаруживаются археологически в северной части этого региона. Период постепенной инфильтрации половцев-кипчаков в местную среду прервался неожиданным смешением и переселением народов в связи с татаро-монгольским нашествием.

Монголы подчинили себе население Кавказа, а Северо-Восточное Причерноморье, практически почти не затронутое военными действиями, попало в сферу влияния золотоордынского государства. В конце XIII в. возникают и набирают силу новые явления, связанные с образованием и ростом золотоордынского государства. Особенно ярко они проявляются в XIV – начале XV в. Материальная культура в регионе заметно меняет свой облик. Усложняются украшения – в их изготовлении широко применяется техника скани и зерни, ажурные детали, плетеные изделия с металлической нитью; появляются вновь после долгого перерыва наборные пояса с орнаментированной

гарнитурой из серебра и золота; разнообразнее становятся формы глиняных сосудов. Вместо прежних перстней-печаток встречаются западно-европейские с латинскими надписями и геральдическими знаками. Тщательнее изготавливаются каменные ящики для погребенных, в которых нередко устраивались в своем роде семейные усы-

пальницы-ограды с несколькими гробницами. Результаты раскопок могильников в Лобановой щели, Гостагаевского и ряд других поздних материалов из Северо-Восточного Причерноморья по-прежнему позволяют говорить об их близости к закубанским, главным образом, к культуре белореченских курганов.

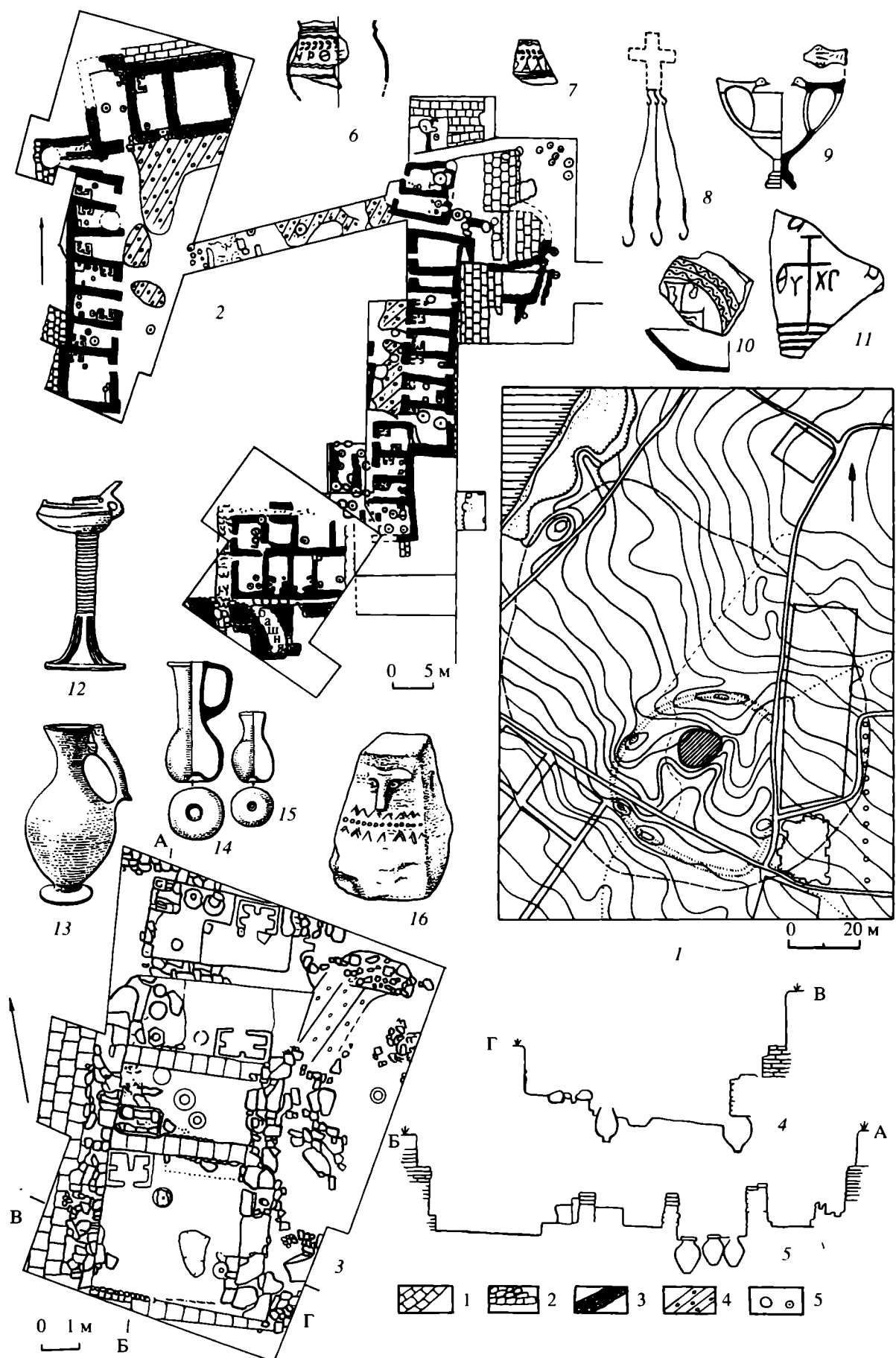

Таблица 60. Ильичевское городище

1 – план поселения; 2 – план раскопанного участка на “батарежке”; 3 – кв. XXXIX/8; 4 – разрез квадрата по линии В–Г; 5 – разрез по линии А–Б; 8 – реконструкция использования “лампадных” крючков; 9, 12, 13 – из помещения XIX; 10 – из помещения XVII; 11 – из помещения XXII; 14, 15 – из помещения XX; 16 –

из помещения XII. Условные обозначения: 1 – сырцовая кладка; 2 – каменная кладка; 3 – каменная кладка; 4 – каменно-черепяная вымостка; 5 – вкопанные в землю пифосы и амфоры. 3, 5–7, 9 – 13 – керамика; 4 – железо; 14, 15 – стекло. Составлена И.О. Гавритухиным и Э.Я. Николаевой

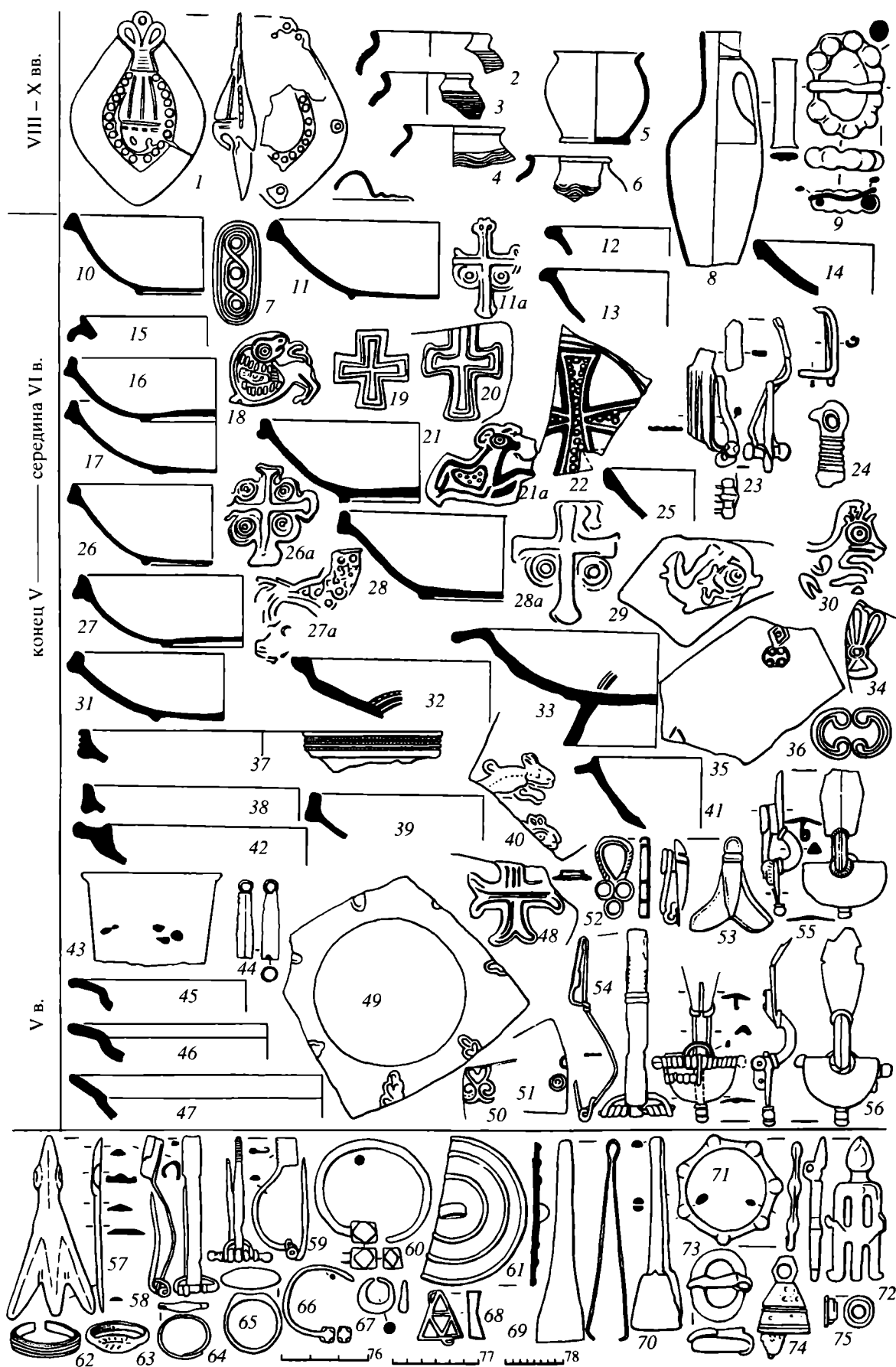

Таблица 61. Ильячевское городище. Хронологические индикаторы

1, 8, 63-65 – подъемный материал; 2, 3, 6 – кв. XXXIX, шт. 5-7; 4 – кв. VI, вымостка 17; 5 – кв. XXXII, шт. 2-3; 10-13, 16-22, 26-32, 37-40, 42, 48-51 – образцы “фокейской” краснолаковой керамики; 14, 15, 25, 33 – образцы, сопоставимые с краснолаковой керамикой “африканской” группы; 24 – пом. XXVIII; 43 – кв. XXII, шт. 10 (яма из-под пифоса, ниже вымостки двора); 44 – стена 35; 45-47 – обломки сосудов “понтийской” краснолаковой керамики; 52 – пом. XIII; 53 – кв. XXVII, шт. 4; 54 – кв. XV, шт. 14; 55, 56 –

пом. XXVIII. У печи; 59 – пом. XXII, в пифосе; 60-61 – пом. XI, ниша; 62 – пом. XV; 66 – пом. XII, ниша; 67 – пом. VI; 68 – пом. IX; 69 – пом. XXV; 70 – пом. XIX; 72 – кв. XV, шт. 7; 73-74 – пом. XV, ниша 75 – южная привратная башня. Масштабы: 76 – для 1, 9, 10а, 11а, 18-20, 21а, 22-24; 26а, 27а, 28а, 29-30, 34-36, 40, 44, 48-75; 77 – для 10-17, 21, 25-28, 31-33, 37-39, 41-43, 45-47; 78 – для 2-8. 1, 9, 23-24, 52-75 – цветные металлы; 43 – стекло; остальное – керамика. Составлена И.О. Гавритухиным, Э.Я. Николаевой

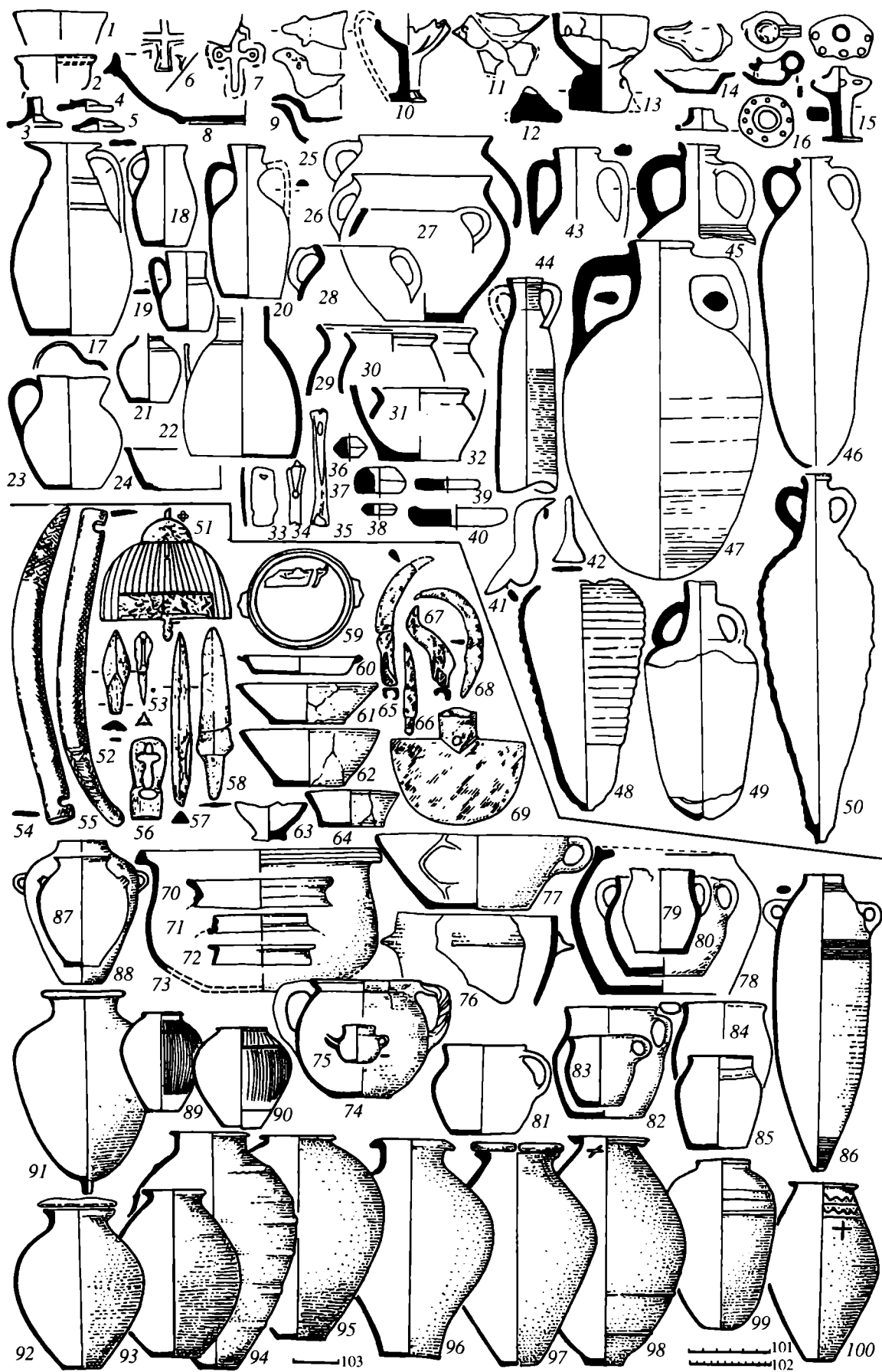
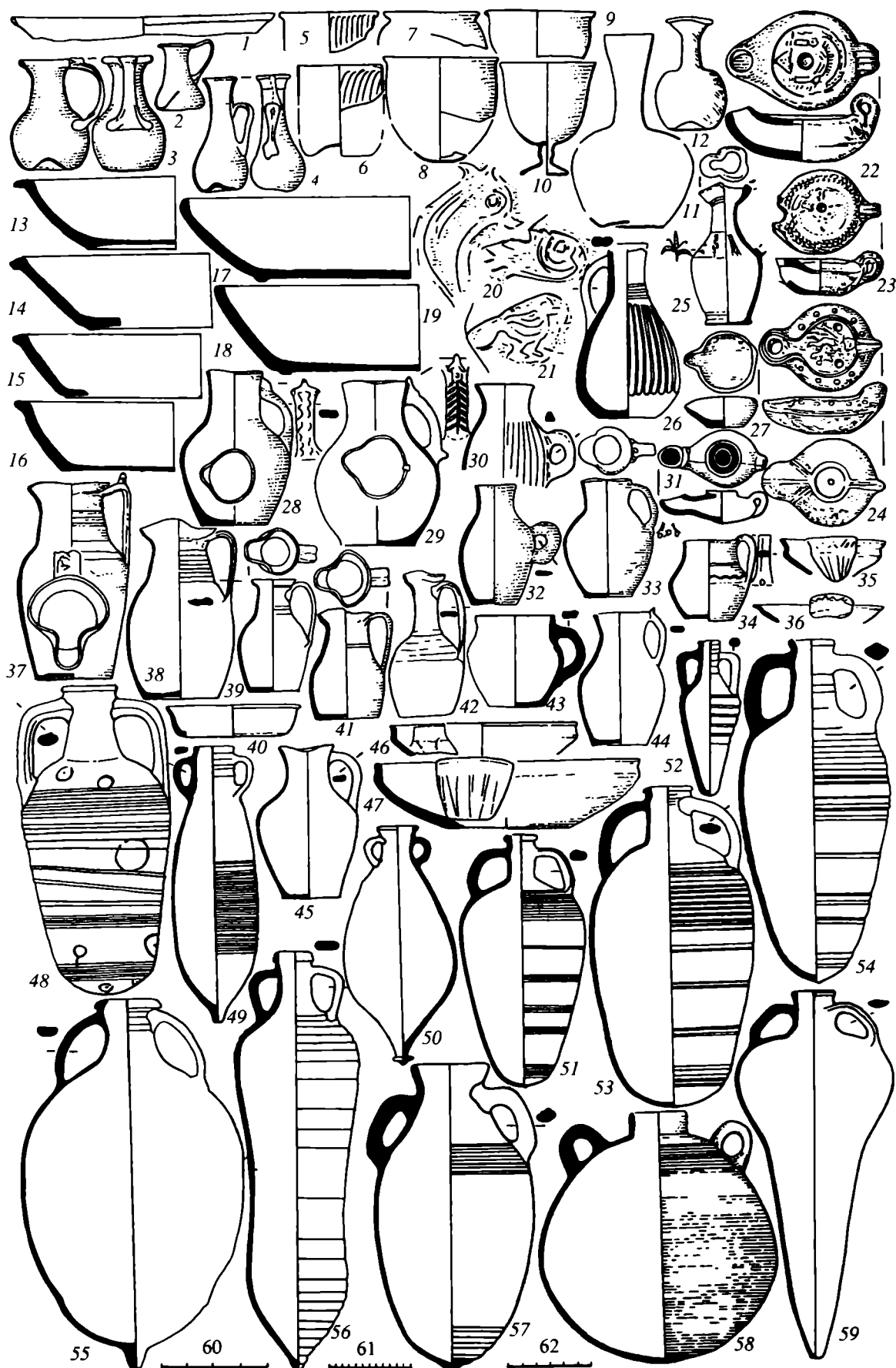

Таблица 62. Ильичевское городище. Комплекс помещения XXX. Оружие, орудия труда, кухонная посуда, корчаги и пифосы

1-50 - пом. XXX; 51 - у вост. стены пом. XIII-XIV; 52, 92 - пом. XI; 53 - на камнях стены 1/1975; 54-55 - кв. XV; 56, 58, 73, 93 - пом. XII; 57 - пом. XIX; 59, 60 - вымостка двора; 61, 62, 64, 83, 88 - пом. I; 63 - пом. XXVII, печь; 65-68 - образцы серпов и ножей; 69, 79 - пом. XXVII; 70-71 - пр. IV/1974, шт. 3; 72, 78, 84 - пом. VI; 74, 77, 80, 86, 100 - пом. II; 75, 95 - пом. III; 79 -

пом. XXVII; 81, 82 - пом. IX; 87, 89, 90 - пом. VII; 91 - двор у пом. I; 96, 97 - траншея 1974 г.; 98 - двор, кв. XIX. Масштабы: 101 - для 1-5, 33-40, 54-57; 103 - для 87-100; 102 - для остальных изображений. 1-5 - стекло; 33-35, 52, 54-57 - кость, рог; 41, 42, 51, 53, 58, 65-69 - железо; остальное - керамика. Составлена И.О. Гавритухиным

Таблица 63. Ильичевское городище. Стеклянная посуда, краснолаковая керамика понтийской группы, светильники, ойнохон, кувшины, кружки, миски, амфоры

1–12 – образцы стеклянной посуды; 13–18 – образцы “понтийской” краснолаковой керамики; 19–21 – редкие формы клейм на краснолаковой керамике; 22, 25 – пом. XII; 23 – подъемный материал; 24, 30, 32, 34 – пом. XI; 26 – кв. XXXVII, шт. 3; 27, 31 – уч. А, 1978 г.; 29 – кв. XXVII; 30 – пом. I; 31 – пом. XXI, няша; 35,

36, 46 – раскоп “Б”, кв. II; 37–41 – пом. III; 42 – пом. XV; 44 – пом. II; 47 – пом. V; 48–59 – образцы амфор. Масштабы: 60 – для 19–21; 62 – для 1–10, 12–18; 61 – для остальных изображений. 1–12 – стекло; остальное – керамика. Составлена И.О. Гавритухиным, Э.Я. Николаевой

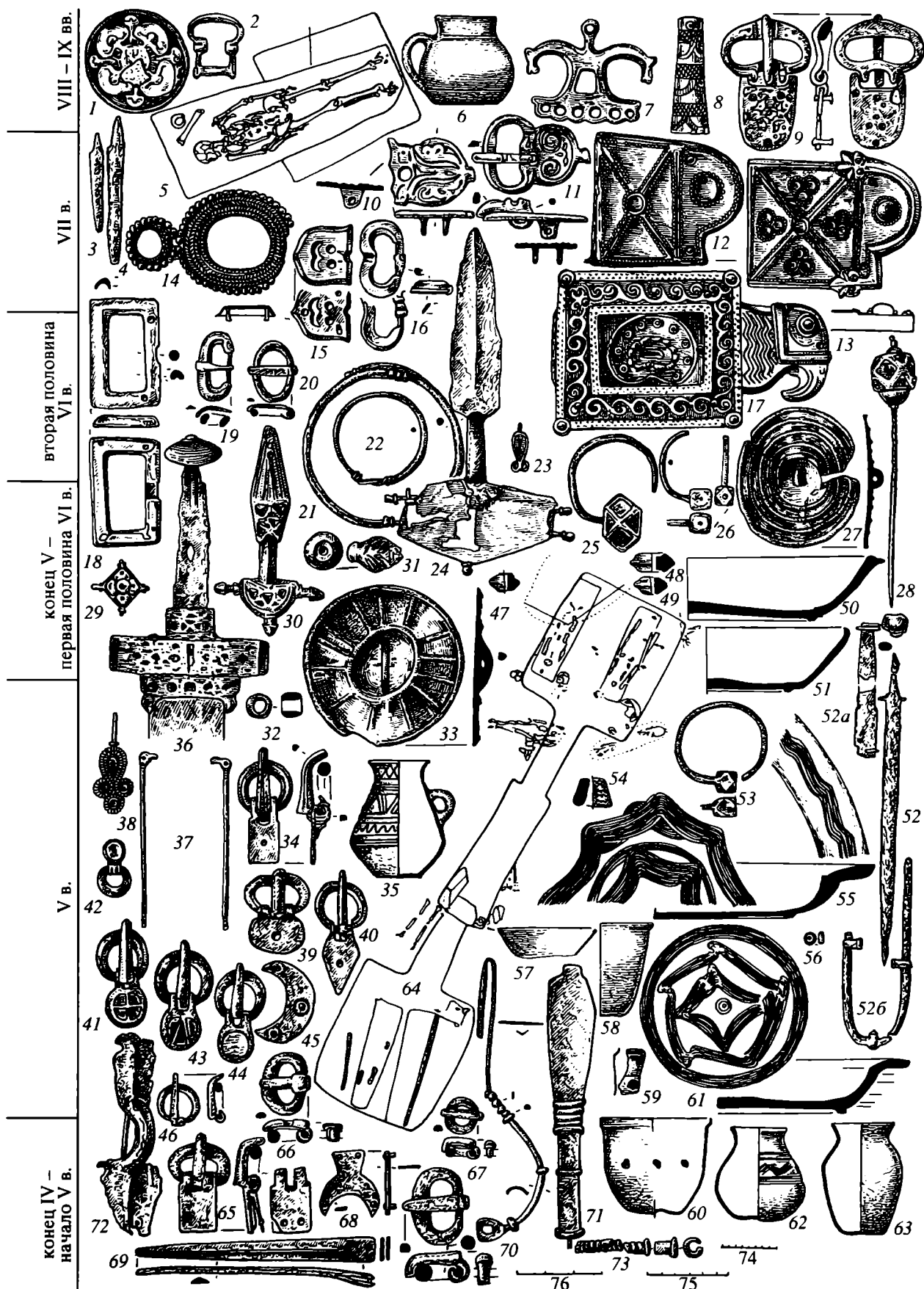

Таблица 64. Погребальные памятники и отдельные находки V–IX вв. на Таманском полуострове

1–9 – Патрей (1–7 – погребение в раскопе 3/1931 г.); 8 – подъемный материал на участке “виноградник”; 9 – раскоп 23/1990 г., яма 8; 10–11 – “Восточная Тамань”; 12–14, 17, 23–24, 28–30, 36–38, 41 – “Тамань” (покупки и случайные находки); 42–45 – приобретения в районе ст. Ахтанизовской; 15–16, 18–22, 25–27, 31–35, 39–40, 46–71 – Фанагория (15, 16 – сборы в затопленной части городища; 18 – м. 183/1964; 19–20 – м. 83; 21, 22, 26, 27 – м. 94; 25 – м. 11; 31–35 – м. 30/1964; 39, 40 – “курган” около ст. Сенной (колл. И.А. Хойновского); 46 – м. 42/1964; 47–63 – м.

52; 64 – м. 90; 66–70 – МТФ, склеп 1988 г., гроб. 1; 71 – м. 115/1950). Масштабы: 74 – для 35, 52, 62, 63; 75 – для 3–4, 36, 37, 47–51, 52а–6, 54–61; 76 – для остальных вещей; 1, 5, 6, 64 – без масштаба. 5, 64 – планы погребений; 3, 4, 36, 52 – железо; 6, 47–51, 54, 61–63 – керамика; 8 – кость; 12–14, 23, 25, 28, 29, 36, 41–45 – золото, вставки гранатов, красного стекла и др.; 31, 32, 56–60 – стекло; остальное – серебро и бронза. Составлена И.О. Гавриухиным с использованием неопубликованных материалов А.П. Абрамова, Т.Г. Шавыриной

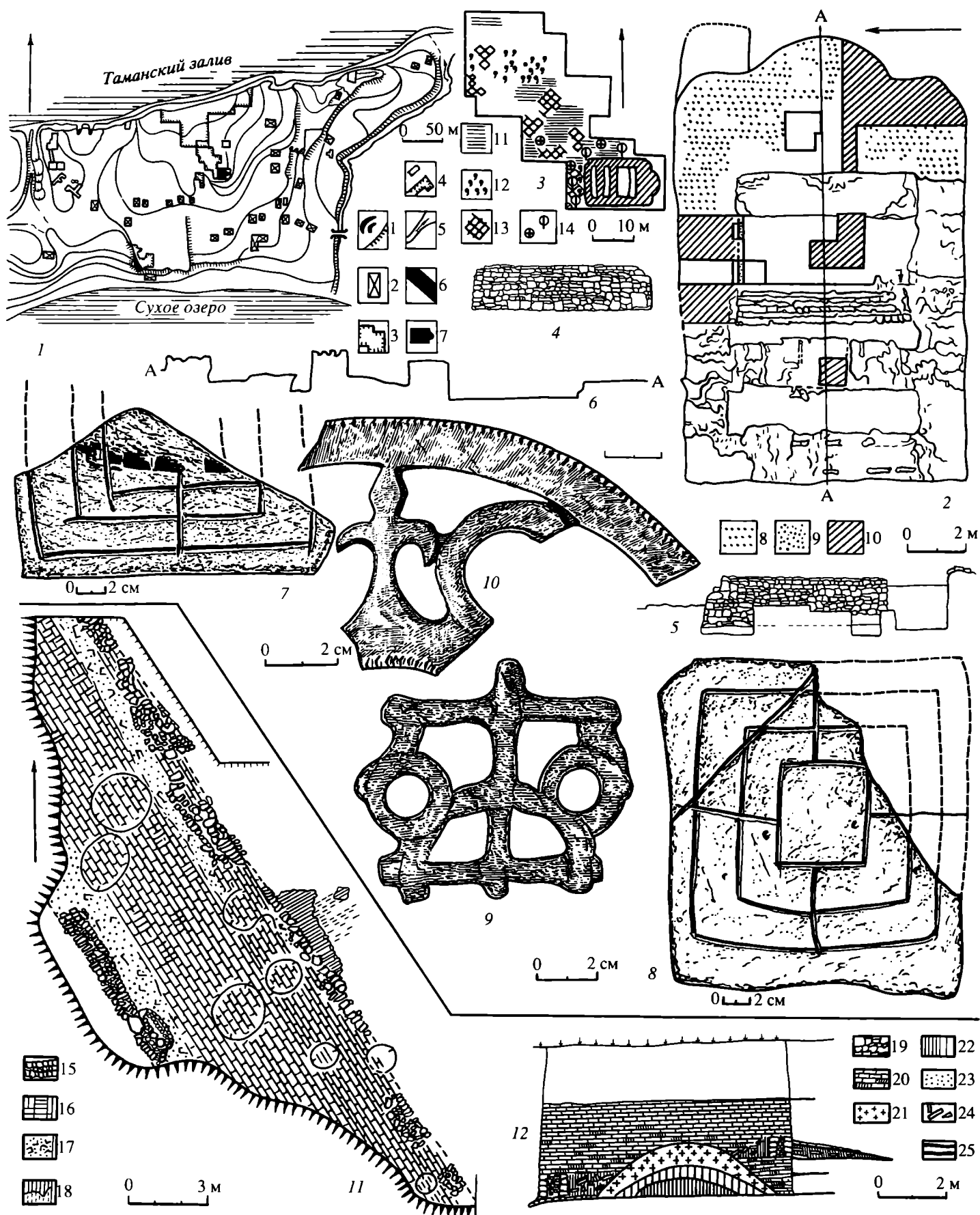

Таблица 65. Планы Таманского городища и обнаруженных на нем фундаментальных построек

1 – городище; 2 – план остатков фундаментов церкви; 3 – распространение строительного мусора в центральных раскопах; 4 и 5 – фасировки поперечного фундамента П; 6 – продольный разрез церкви; 7 и 8 – обломки плиток красного песчаника с прочерченными на них “вавилонами”; 9 – часть церковного декора из красного песчаника; 10 – обломок бронзового хороса; 11 – план остатков сырцово-вой стены; 12 – реконструкция разреза стены с примыкающими к ней прослойками пожарищ. Условные обозначения: 1 – крутые об-

рывы; 2 – современные домики; 3 – раскопы; 4 – траншеи и шурфы; 5 – ручей; 6 – стена; 7 – церковь; 8 – ямки от столбиков; 9 – разлив извести; 10 – контрольные бровки; 11 – красный песчаник; 12 – известь; 13 – плинфа; 14 – цемянка и фрески; 15 – каменные кладки; 16 – сырцовые кладки; 17 – земля с кусками сырца; 18 – остатки от-мосток; 19 – камни; 20 – сырцовая кладка; 21 – глинобит; 22 – серый грунт; 23 – связующий раствор из глины, смешанной с землей; 24 – сырец; 25 – пожарища. Составлена С.А. Плетневой

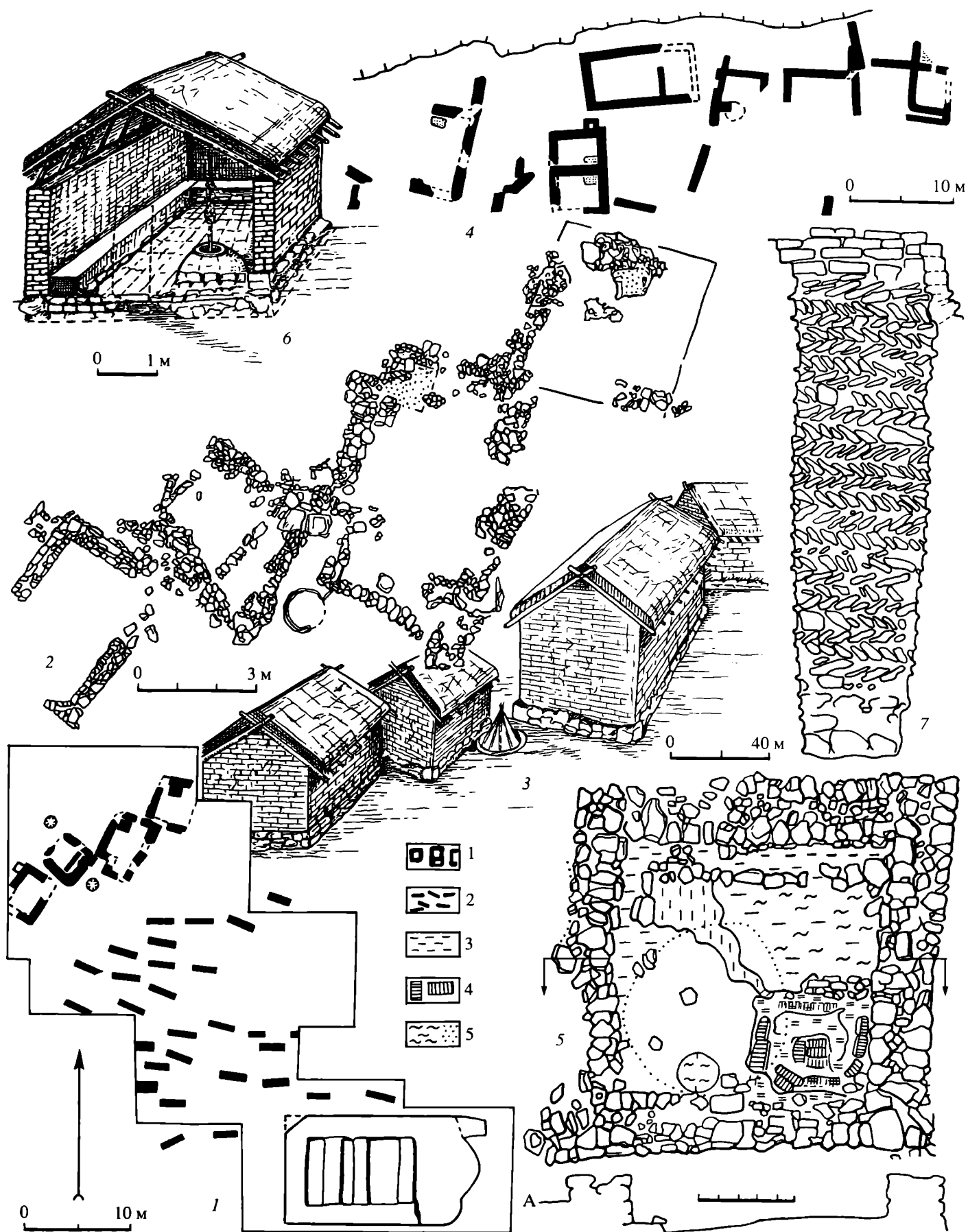

Таблица 66. Бытовые постройки в Таматархе-Тмутаракани

1 — взаиморасположение домиков друг с другом и с примыкавшим к жилому кварталу прицерковным кладбищем; 2 — сохранность фундаментов домиков выявленного квартала; 3 — реконструкция квартала; 4 — расположение построек в северном (береговом) раскопе;

5 — план домика первой половины X в.; 6 — реконструкция домика X в.; 7 — колодец хазарского времени. Условные обозначения: 1 — стены открытых в раскопах построек; 2 — погребения; 3 — глина; 4 — сырцовые кирпичи; 5 — зола. Составлена С.А. Плетневой

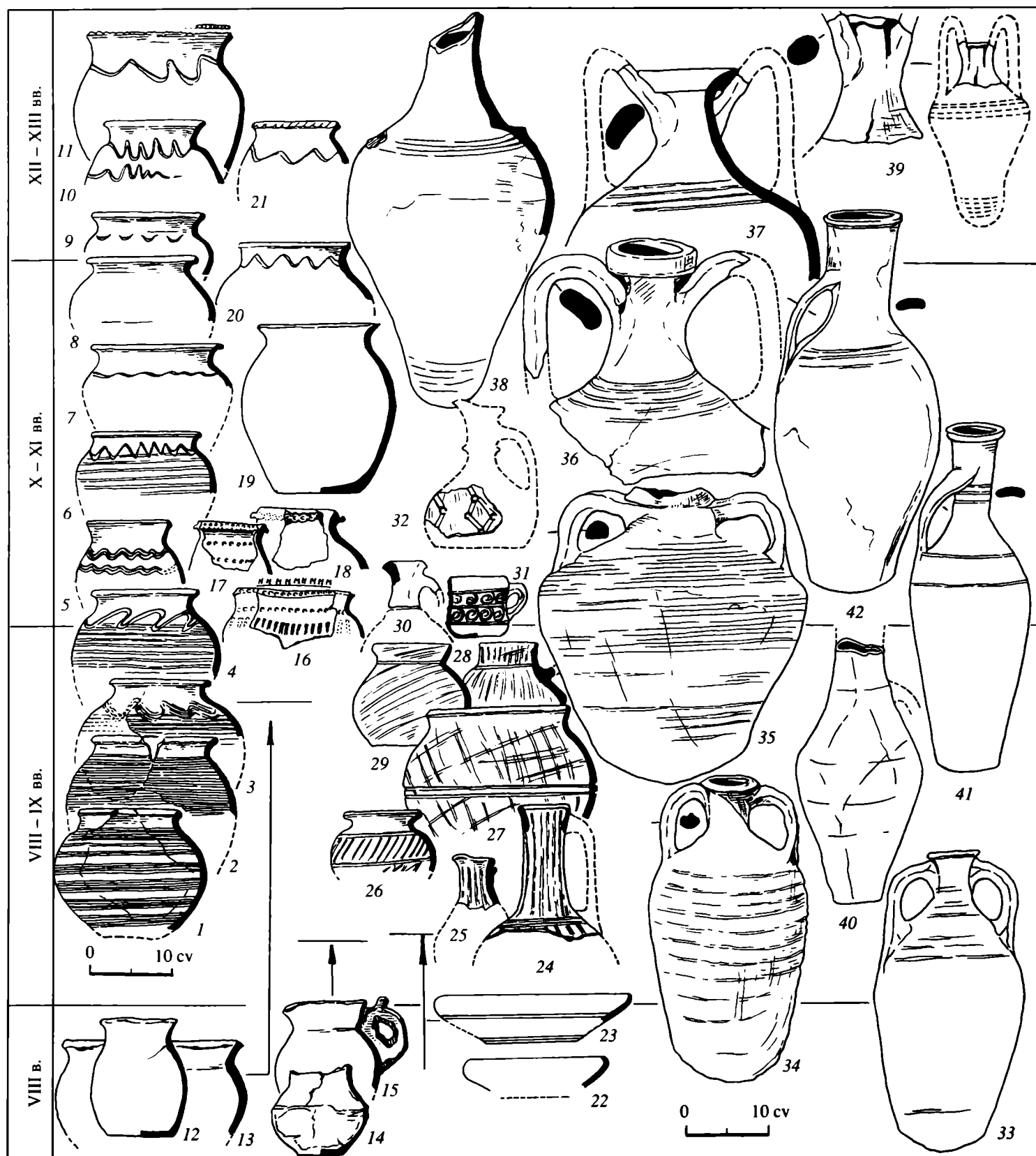

Таблица 67. Основные датированные группы керамики Таманского городища

1–5 – хазарская кухонная посуда; 6–9 – древнерусская кухонная посуда; 10, 11 – местная гончарная посуда; 12–15 – раннесредневековая лепная посуда; 16–18 – печенего-гузская лепная посуда;

19–21 – местная лепная керамика; 22–23 – краснолаковая посуда; 24–32 – лощеная столовая керамика; 33–39 – амфоры; 40–42 – “тмутараканские” кувшины. Составлена С.А. Плетневой

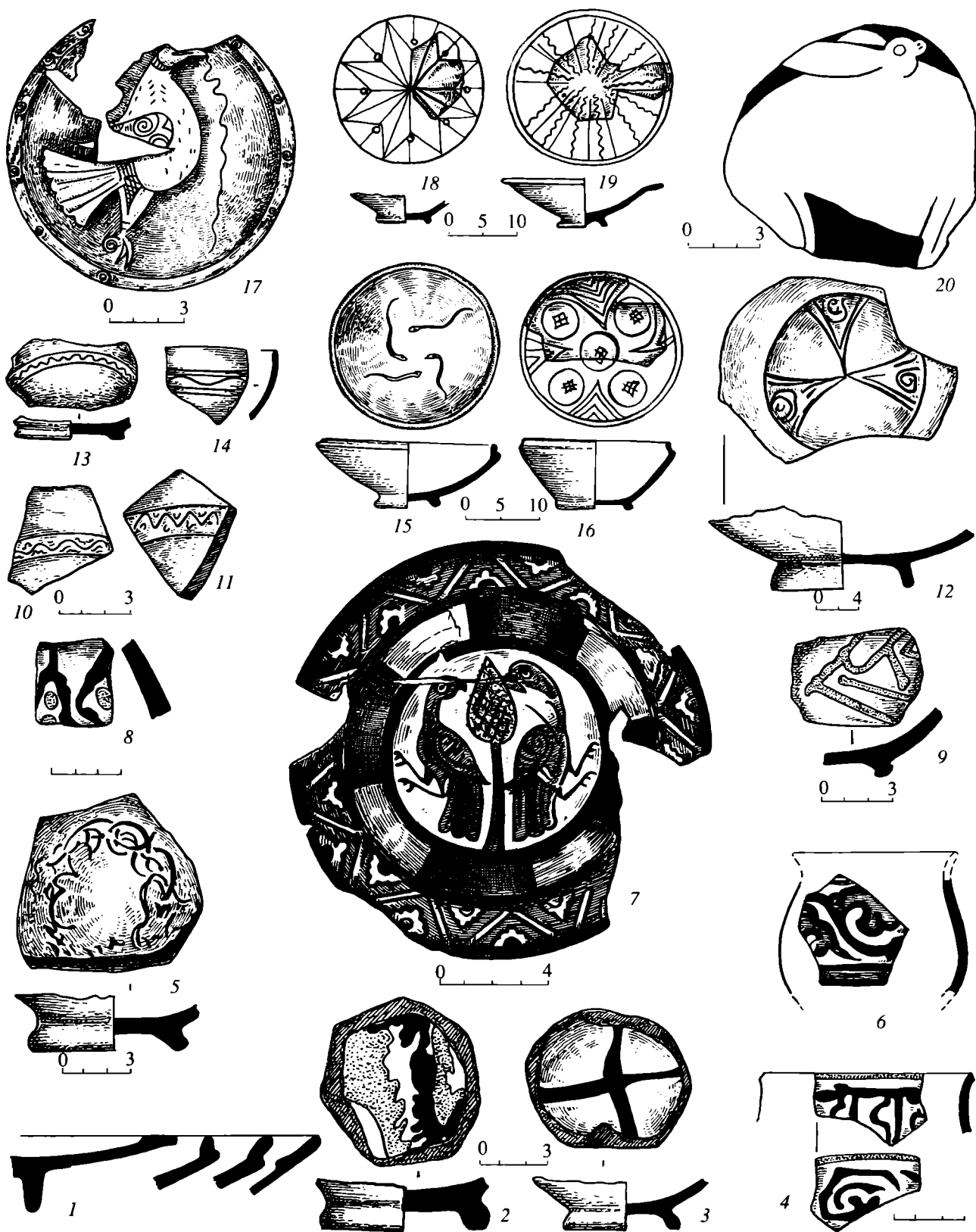

Таблица 68. Поливная керамика Таманского городища

1 – венчики белоглиняных блюд с пятнистой зеленой поливой; 2, 3 – донца белоглиняных чашечек с подглазурной трехцветной росписью под прозрачной поливой; 4 – стенка белоглиняной чашечки с подглазурной росписью черным контуром и подцветкой зеленым и желтым; 5 – дощечка белоглиняной чашечки с лозой, исполненной пурпурным контуром и подцветкой желтым и зеленым под прозрачной поливой; 6 – стенка белоглиняной чашечки с исполненной черным контуром виноградной лозой с подцветкой желтым и зеленым; 7 – блюдо белоглиняное с пятицветной контурной росписью под прозрачной поливой с изображением двух птиц по сторонам древа жизни; 8 – стенка сосуда из красной глины с росписью коричневым и зеленым цветами по непрозрачной ярко-желтой поливе; 9 – фрагмент поддона белоглиняной чашечки с росписью в виде полос и зигзагов темно-зеленого тона и прожилками красного ангоба (“красной

пестротой”) под прозрачной поливой; 10, 11 – обломки стенок красноглиняных блюд с орнаментом граффито под прозрачной глазурью; 12 – фрагмент поддона красноглиняной чаши с орнаментом граффито под прозрачной глазурью; 13, 14 – поддон и стенка красноглиняных чаш с орнаментом граффито под желтой кроющей поливой; 15 – чаша красноглиняная с четырьмя змеями, выполненными в технике граффито под желтой кроющей поливой (реконструкция); 16 – чаша красноглиняная с орнаментом граффито под желтой кроющей поливой (реконструкция); 17 – чаша красноглиняная с изображением птицы в технике граффито под прозрачной кроющей поливой; 18, 19 – чаши красноглиняные с геометрическим орнаментом в технике граффито под прозрачной кроющей поливой (реконструкция); 20 – днище чаши красной глины с изображением зайца (в выемчатой технике – “в разерве”). Составлена Т.И. Макаровой

Таблица 69. Вещевой комплекс средневекового слоя Таманского городища

1 – бронзовое зеркало; 2, 3 – перстни; 5, 6 – костяные орудия труда для обработки кожи; 4 – бронзовый крест; 7–10 – обломки стеклянных браслетов; 11, 12 – костяные челноки для ткацких станков; 13 – роговая срединная накладка на лук; 14 – донце (ножка) стеклянного сосудика; 15 – бронзовый сосуд-реликварий; 16 – налобная или наносная бляха от оголовья конской узды; 17 – роговой наконечник; 18 – железная мотыга; 19–21 – костяные наконечники охотничьих стрел; 22 – костяная конечная накладка на лук;

23 – накладка из кости, изображающая воина с мечом и щитом; 24–30 – обломки стеклянных браслетов; 31 – шиферное пряслице; 32, 33 – бронзовые бубенчики; 34 – костяная рукоять от ножа; 35 – бронзовая личина; 36 – альчик; 37, 38 – донца стеклянных сосудиков; 39 – костяная накладка на лук; 40 – обломок бронзовой пряжки; 41 – костяная петля от колчана или налуча; 42 – знак Святослава на обломке амфоры. Справа в колонке показано распределение браслетов по слоям (в процентах). Составлена С.А. Плетневой

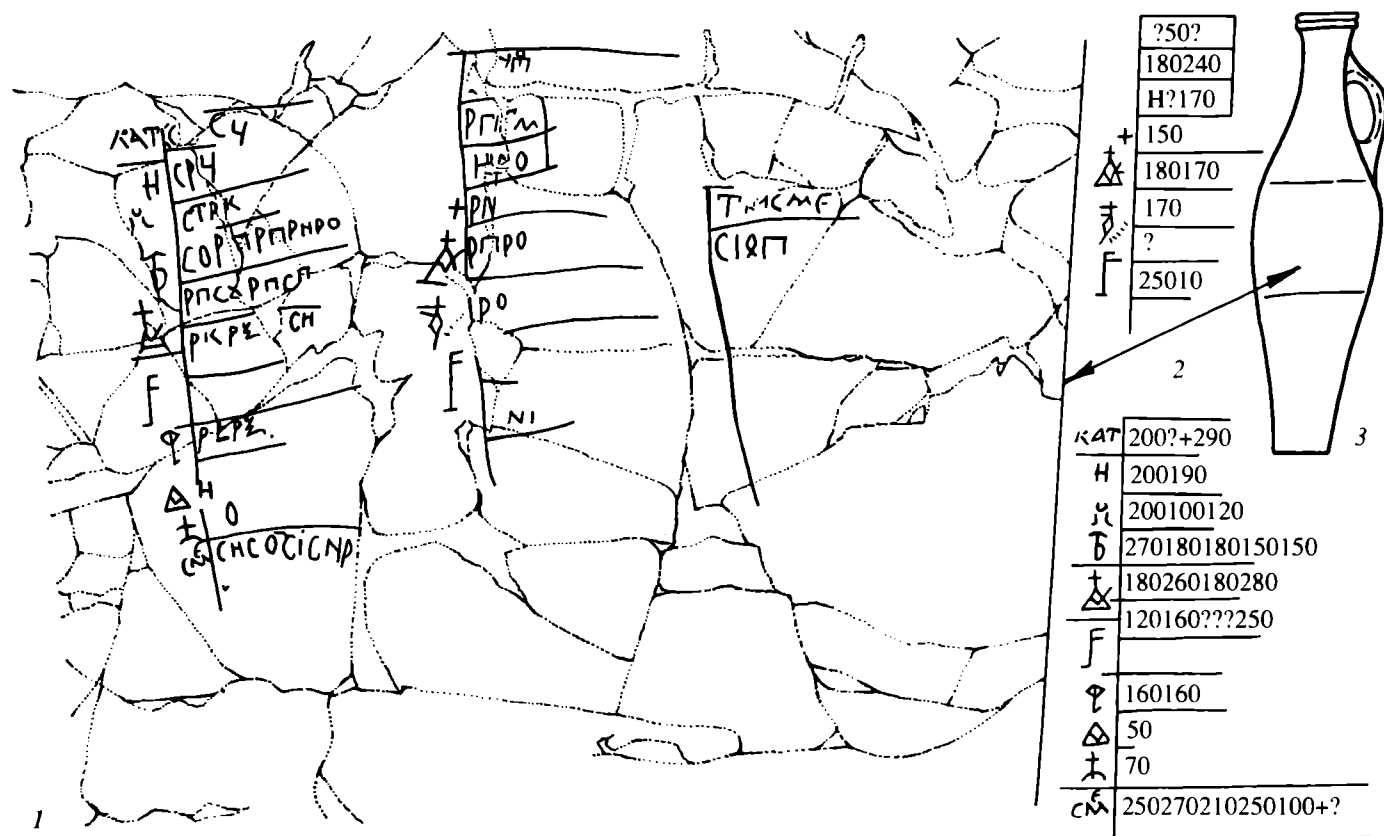

Таблица 70. Граффити и надгробия

1 - граффити на склеенной из мелких кусочков стенке кувшина; 2 - расшифровка граффити; 3 - кувшин, на стенках которого помещены счетные записи-граффити; 4 - граффити из слоев Таманского городища: справа показано процентное распределение

граффити в слоях; 5 - фрагмент иудейского надгробия, на обратной стороне которого изображена тамга; 6 - иудейское надгробие, изображение символики на котором выполнено техникой граффити (прочерчено). Составлена С.А. Плетневой

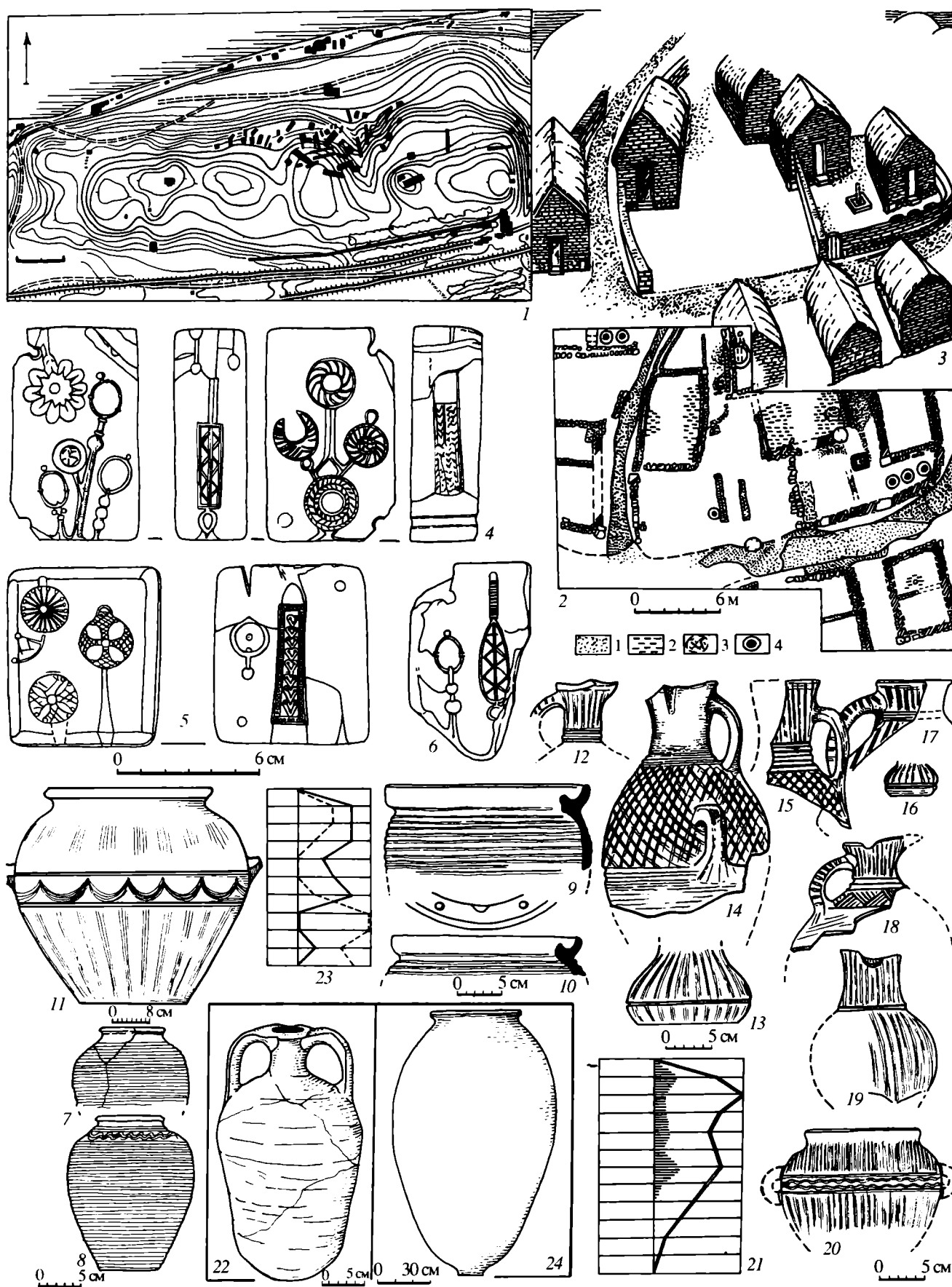

Таблица 71. Фанагория в VIII – начале X в.

1 – план Фанагорийского городища (черным обозначены раскопанные на городище участки); 2 – план центрального раскопа на уровне VIII–IX вв.; 3 – реконструкция открытого на раскопе участка города; 4 – литейная форма 1; 5 – литейная форма 2; 6 – литейная форма 3; 7, 8 – кухонные гончарные горшки; 9, 10 – венчики котлов с внутренними ушками; 11, 20 – корчаги; 12, 15, 17–19 – кувшины; 14 – трехручный пифос-кувшин; 13 – нижняя часть кувшина или

большой кружки; 16 – кубышка с отбитым венчиком; 22 – амфора VIII–IX вв.; 24 – пифос; 23 – график распространения в слое амфор VIII–IX вв. (1) и амфор VII в. (2); 21 – график распространения в слое кухонных горшков и котлов (1) и лощенной посуды (2). Подсчеты произведены по материалам Центрального раскопа. Условные обозначения: 1 – мостовые из обломков амфор и костей; 2 – глина; 3 – угли; 4 – пифосы. Составлена С.А. Плетневой

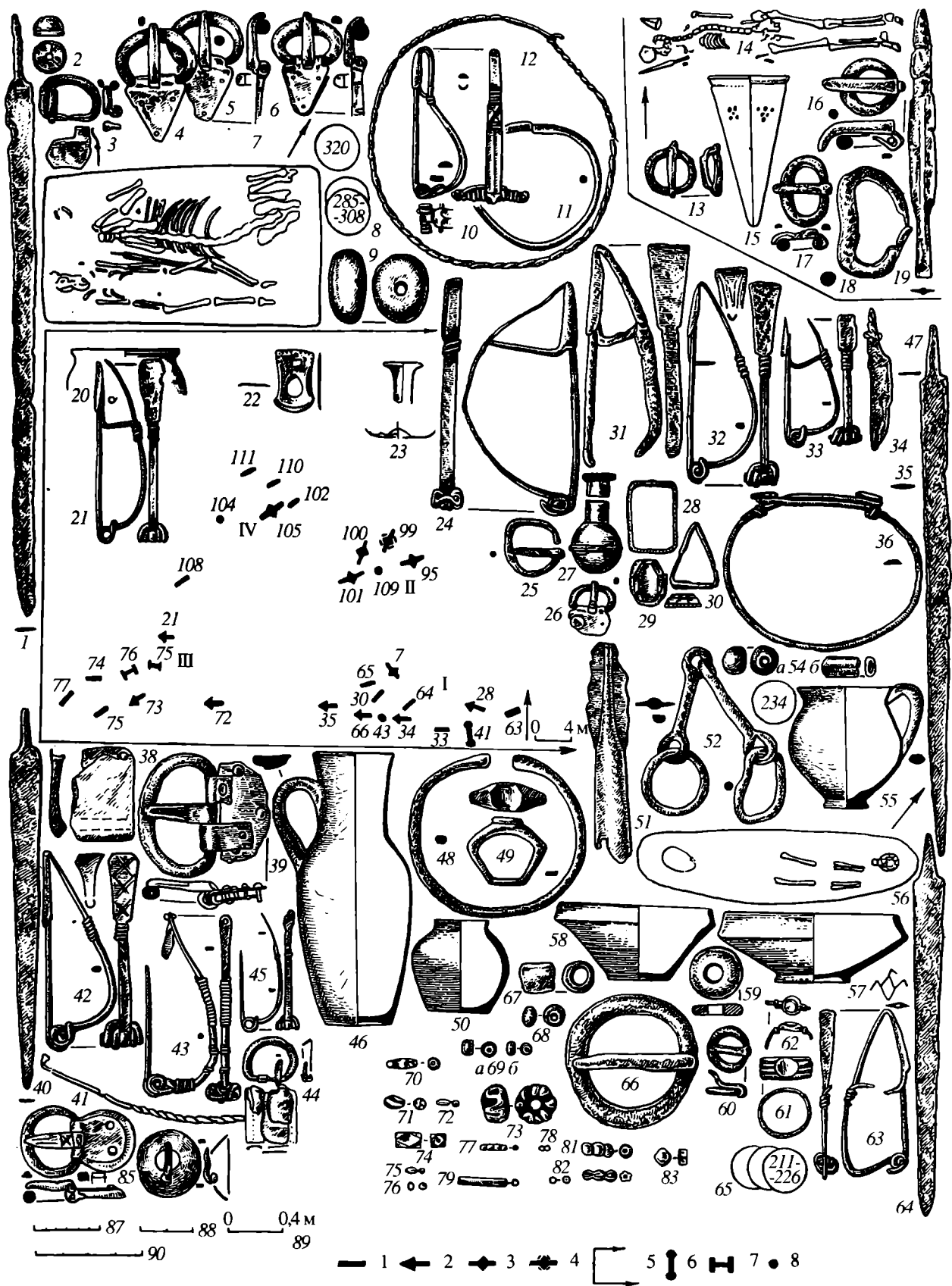

Таблица 72. Древности позднего римского времени и начала эпохи переселения народов из окрестностей Новороссийска

Вещи из погребений: 1–12, 20–85 – Южная Озерейка: 1–7 – п. 105; 8, 9 – п. 110; 10–12 – п. 102; 20, 21 – п. 108; 23 – п. 99; 24–30 – п. 100; 31–33 – п. 101; 34–36 – п. 95; 38, 39 – п. 77; 40 – п. 74; 41 – п. 78; 42 – п. 73; 43 – п. 75; 44 – п. 72; 45–47 – п. 21; 48–50 – п. 76; 51, 52 – п. 7; 53–57 – п. 65; 58–61, 68–70 – п. 33; 62–64 – п. 43; 65, 84 – п. 30; 66 – п. 66; 67 – п. 28; 71–83 – п. 64; 22, 85, 86 – слой могильника; 13–19 – Цемдолина; 13 – п. 8; 14–19 – 59. Масштабы: 87 – для 8, 12, 15, 20, 23, 46, 50–52, 55, 57–59; 88 – для 1, 19, 34, 35, 40, 64, 84; 89 – для 7, 14, 56; 90 – для остальных изображений. 1, 13, 19, 34, 35, 40, 51, 52, 64, 66, 84 – железо; 2, 9 –

янтарь; 7, 14, 56 – планы погребений; 8, 53, 65 – показания монет; 15, 20, 23, 70–82 – стекло; 46, 50, 55, 57–59 – керамика; 68 – фаянс; 69, 83 – гагат; прочее – цветные металлы. Условные обозначения к плану Южноозерейского некрополя: 1 – погребения человека (ингумация); 2 – погребение коня; 3 – погребение человека и коня; 4 – погребение коня с кремацией человека; 5 – границы западной части некрополя; 6 – безынвентарное погребение с каменной наброской; 7 – кенотафы; 8 – погребение с кремацией человека. Составлена И.О. Гавритухиным с использованием неопубликованных материалов А.В. Шишлова

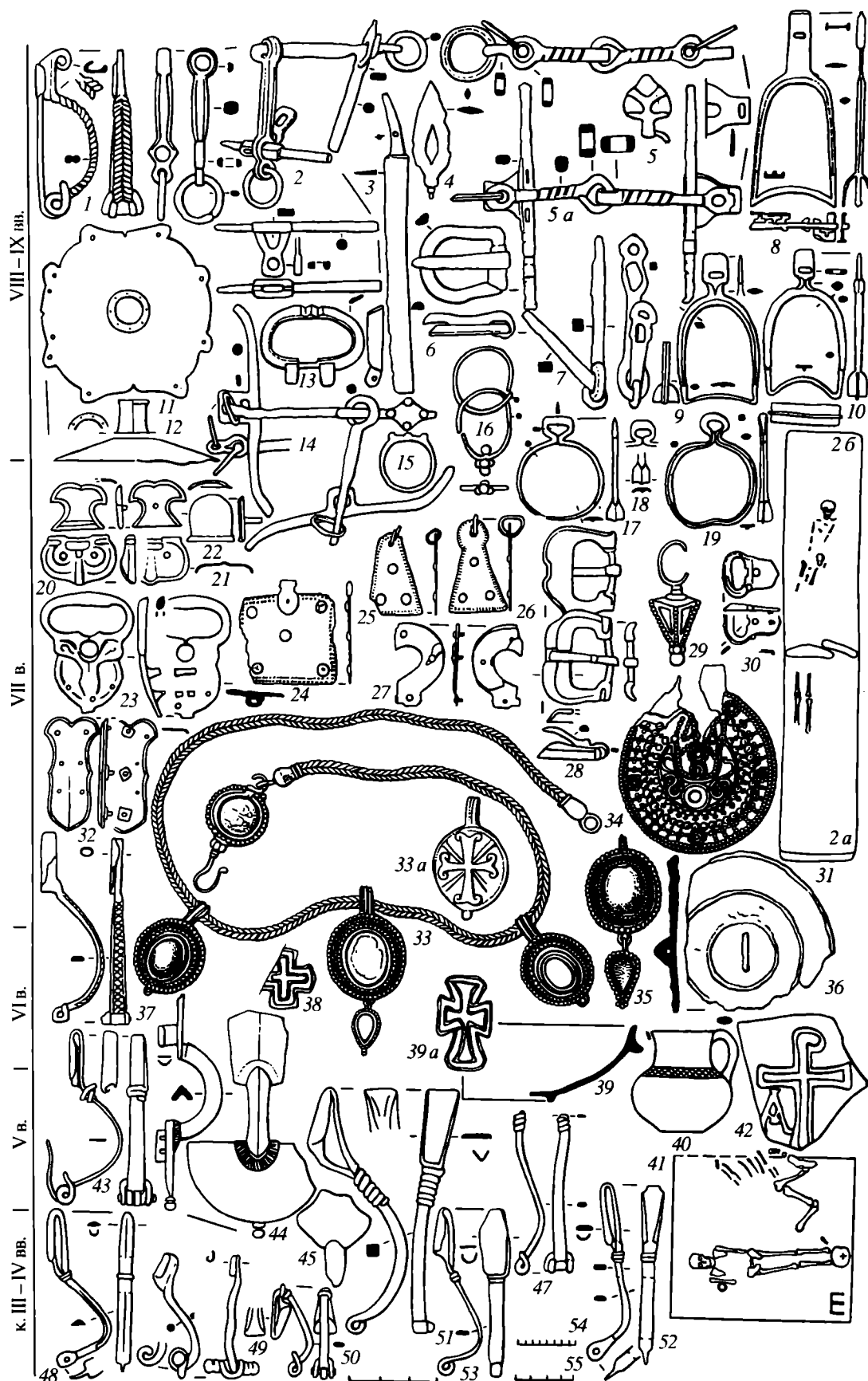

Таблица 73. Древности второй половины III–IX вв. из Анапского, Новороссийского и Геленджикского районов

1, 13, 23, 32, 37, 47, 51 – Гай-Кодзор; 2, 5a, 7, 9, 10, 14 – Борисово; 2, 10 – п. 144; 5a, 9 – п. 99; 7 – п. 134; 3–5, 15 – Южная Озерейка; 6, 16–19, 24–28 – “Ленинский путь”; 8, 20–22, 44 – Мысхако, имение Пенчула; 29 – Борисовка, “комплекс” 31.12.1955 г.; 30, 31, 38–43, 45, 48–50 – Анапа; 30–31 – ул. Терская, п. 2/1980; 38, 42 – р-н “Запад”, слой; 39–41 – у к/т “Родина”, п. 5/1954; 45 – ул. Терская, п. 48/1980; 33–36 – Джигинская; 46 – Капустня; 52 – окрестности

Новороссийска. Масштабы: 54 – для 3, 8–10, 17–19, 41; 55 – для 2, 4, 5, 7, 11, 12, 14, 24–27, 39; 53 – для остальных изображений вещей. 1–4, 5a–10, 14, 17–19 – железо; 29, 33, 34 – золото, цветные вставки; 31, 41 – планы погребений; 38–40, 42 – керамика; остальное – серебро и бронза. Составлена И.В. Гавритухиным и А.В. Пьянковым с использованием неопубликованных материалов Е.М. Алексеевой и А.В. Шишлова

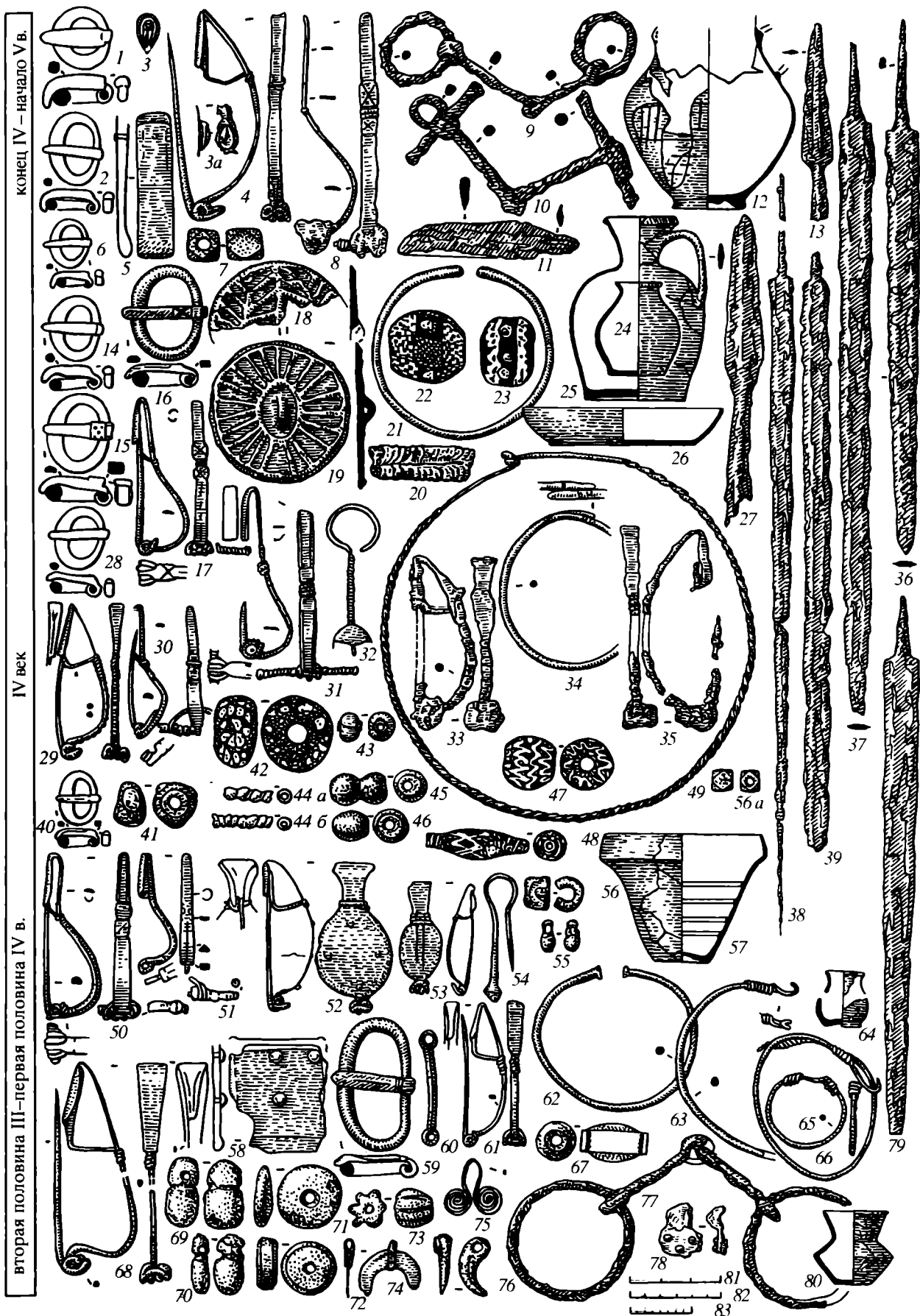

Таблица 74. Материалы участка 1 могильника Бжид

Вещи из погребений: 1, 5, 16 – п. 143; 2 – п. 159; 3, 4, 6 – п. 151; 7, 11, 36 – п. 160; 8–10, 12, 37 – п. 146; 13 – п. 142; 14, 27 – п. 149; 15 – п. 168; 17, 19, 25, 26 – п. 158; 18, 21–24, 30, 32–34 – п. 162; 20, 40, 41, 45, 46, 48 – п. 175; 28, 31 – п. 173; 29, 42, 49, 79 – п. 169; 35, 53, 55, 62, 69, 80 – п. 161; 38, 43 – п. 153; 39 – п. 151; 44, 47, 56, 57 – п. 165; 50, 66, 70 – п. 154; 51 – п. 174; 52 – п. 47; 54, 58–61, 63, 75 – п. 145;

64, 67, 71–74, 76–78 – п. 141; 65 – п. 172; 68 – п. 171. Масштабы: 82 – для 9–11, 57, 77; 83 – для 12, 13, 24–27, 36–39, 64, 80; 81 – для остальных изображений. 7, 20, 22, 23, 41–48, 55, 56, 67, 73, 76 – стекло; 9, 10, 13, 27, 36–39, 77, 79 – железо; 12, 24–26, 57, 64, 80 – керамика; 69–72 – янтарь; прочее – цветные металлы. Составлена И.О. Гавритухиным и А.В. Пьянковым

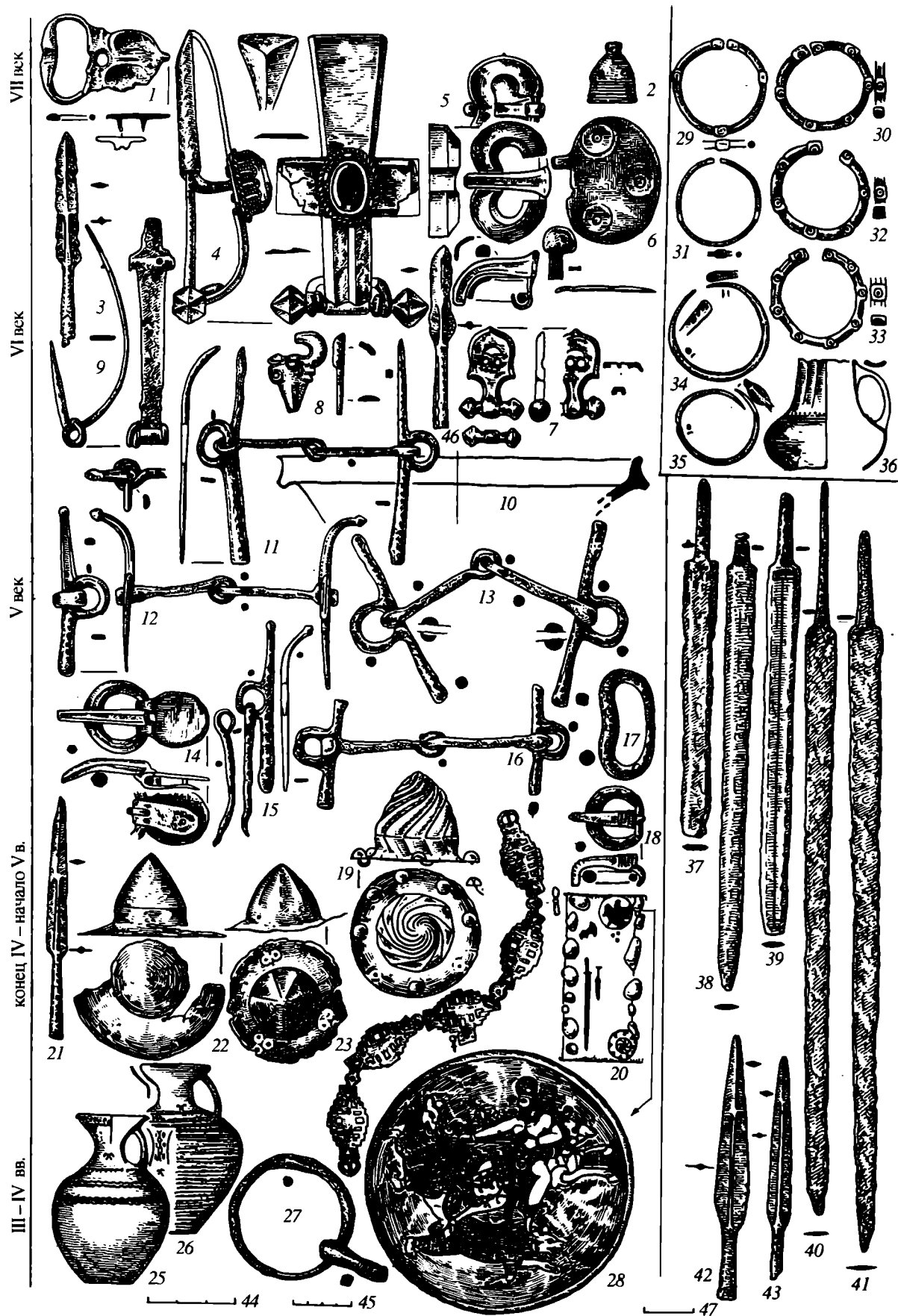
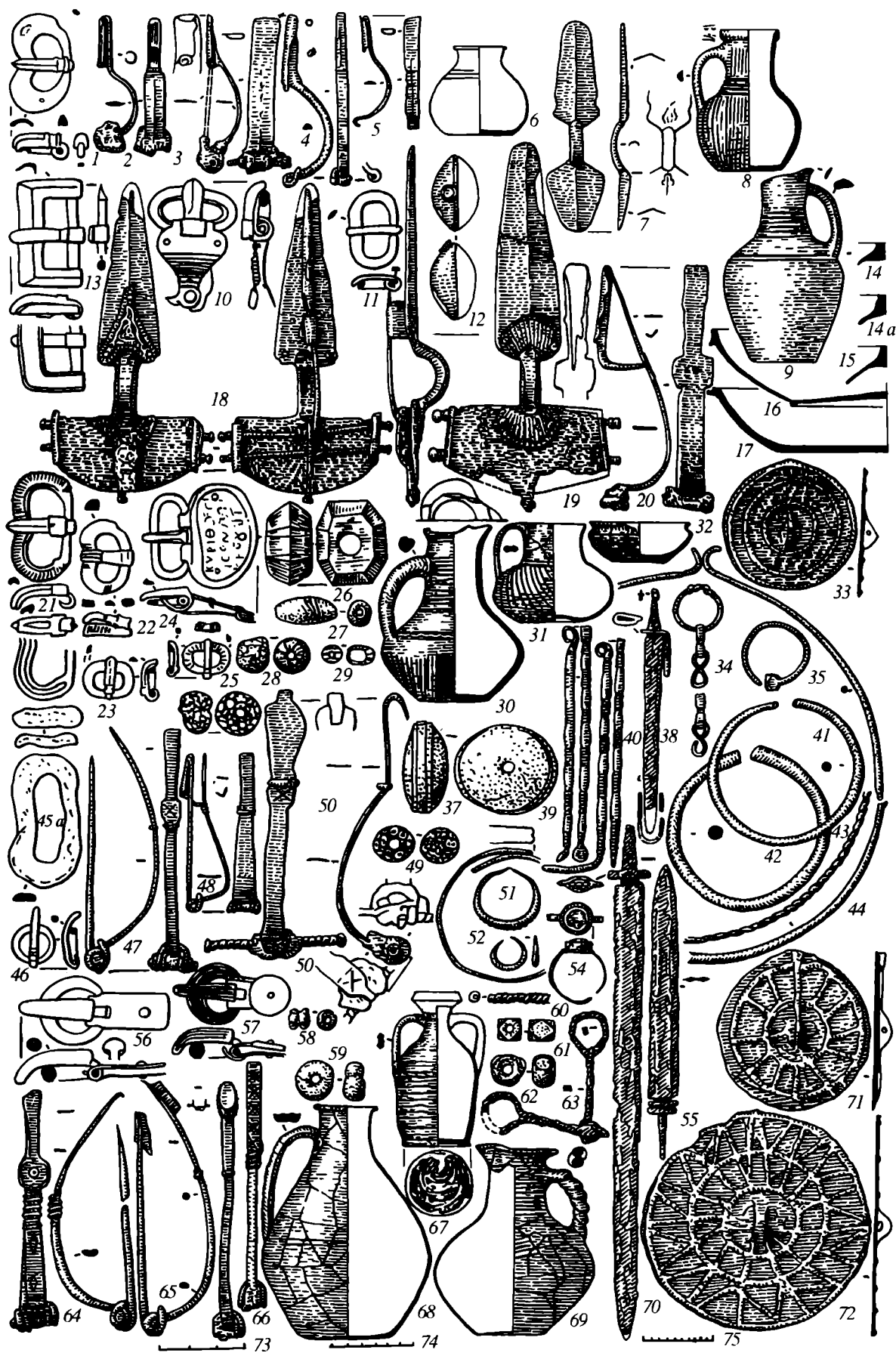

Таблица 75. Древности III–VII вв. из Сочинского района

1, 8, 9, 11–13, 16–18, 22–24, 27, 30, 34, 35, 37–39, 41–43 – Сочи или окрестности; 2–4, 6, 7 – Веселое: 4 – находка на усадьбе Лизунова; 6, 7 – из раскопок там А.А. Миллера; 5 – Сочи, район Пластунских ворот; 10 – Псоу 1; 14, 15 – Верхнее Буу, погр. 1985 г.; 19–21, 25, 26, 28, 29, 31–33, 36 – Красная Поляна; 40 – долина р. Мзымта.

Масштабы: 45 – для 11–13, 15, 16, 24, 27, 29–35; 47 – для 3, 5, 19, 37–41; 23, 28, 46 – без масштаба; 44 – для остальных изображений. 3, 11, 13, 15, 16, 19–24, 27, 37–43 – железо; 25, 26, 36 – керамика; 23 – план погребения; прочее – цветные металлы. Составлена И.О. Гавритухиным

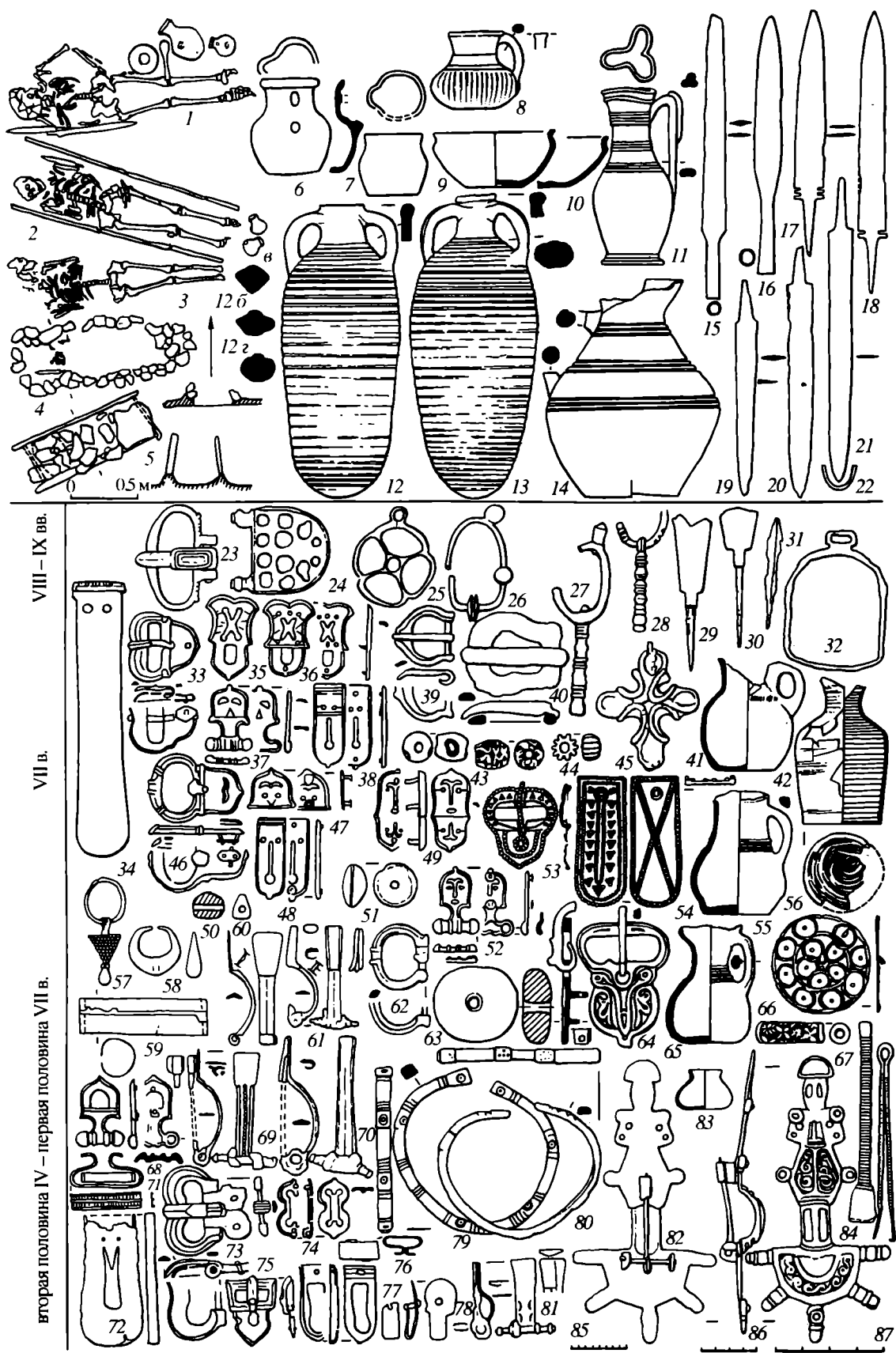

Таблица 76. Древности V–VI вв. из Туапсинского района

1, 4, 7, 9, 11, 13, 22, 25 – Сопино: 1 – п. 5; 4, 7 – слой; 9, 22, 25 – п. 2; 11 – п. 3; 13 – п. 1; 5 – правый берег р. Небуг; 14–15 – Новомихайловский; Бжид, погр.: 2, 12 – п. 39; 3, 8, 42 – п. 46; 6 – п. 46; 10 – п. 22; 16, 52 – п. 116; 17 – п. 128; 18, 20, 26, 29, 33 – п. 57; 19 – п. 100; 21, 31, 37, 38, 47, 49, 55 – п. 5; 23, 45 – п. 62; 24 – п. 79; 27 – п. 45; 28 – п. 9; 30 – п. 45; 32 – п. 80; 34, 48, 50, 51, 53, 58, 59, 61, 62, 69, 71 – п. 38; 35, 64, 66, 68 – п. 6; 36, 41 – п. 30; 39, 40 – п. 16; 43, 44,

60 – п. 94; 46, 54, 56 – п. 23; 57, 63, 65, 70, 72 – п. 88; 67 – п. 130. Масштабы: 74 – для 12, 14–17, 63; 75 – для 6–9, 30–32, 38, 55, 67–70; 70 – для остальных изображений. 1, 22, 38, 55, 63, 70 – железо; 6, 8, 9, 14–17, 67–69 – керамика; 26 – хрусталь; 27–29, 36, 49, 58, 60–62 – стекло; 37, 59 – янтарь; прочее – цветные металлы. Составлена И.О. Гавритухиным и А.В. Пьянковым

Таблица 77. Образцы погребальных обрядов, керамики, оружия третьей четверти I тыс. и древности VII-IX вв. из Туапсинского района

1-12, 14-22 – Сопино: 1, 14 – п. 11; 2 – п. 15; 3 – п. 14; 4 – п. 7; 5 – п. 10; 6-10, 15, 20 – слой; 11 – п. 24; 16, 21, 22 – п. 2; 12, 17 – п. 6; 18 – п. 7; 19 – п. 1; 13 – окрестности Туапсе; 23-28, 41 – Дузу-кале; 29-32, 35-38, 58, 59 – Агойский аул: 29-31 – п. 7; 32, 35-38, 58, 59 – п. 10; Бжид: 33, 43, 44, 60-62 – п. 32; 34, 55, 66 – п. 59; 39 – п. 127; 42, 46-49, 52 – п. 114; 45, 53, 54, 56, 57 – п. 101; 50, 51, 63, 67, 70 –

п. 81; 64 – слой; 65, 69 – п. 92; 68 – п. 95; 71-83 – п. 144. Масштабы: 85 – для 6-22, 32, 42, 55, 56, 65, 83; 86 – для 66; 87 – для остальных изображений вещей. 1-5 – планы погребений; 6-14, 42, 55, 56, 65, 83 – керамика; 15-22, 29-32 – железо; 43-45, 67 – стекло; 50, 63 – янтарь; остальное – цветные металлы. Составлена И.О. Гаврилухиным и А.В. Пьянковым

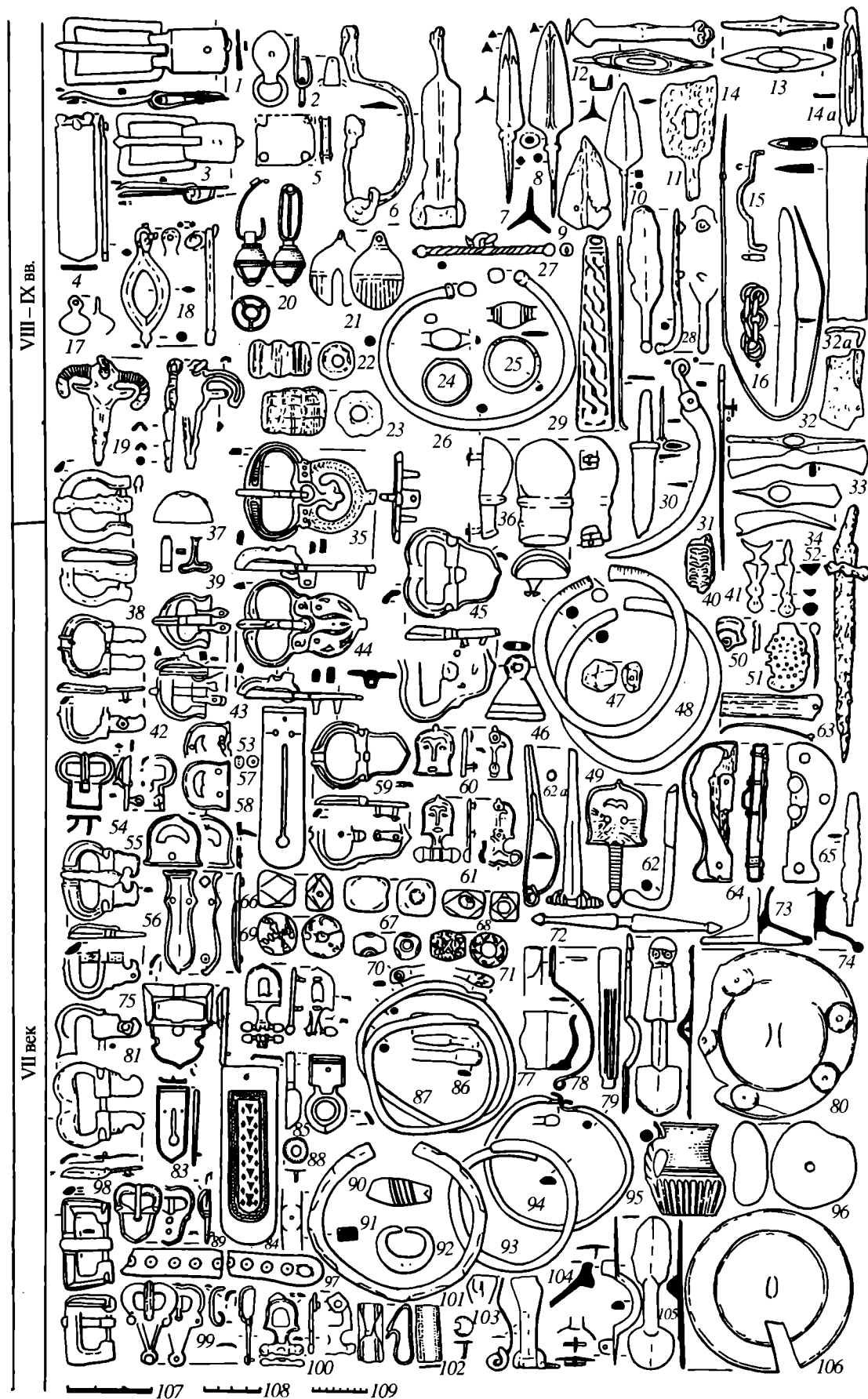

Таблица 78. Материалы могильника Борисово

Вещи из погребений: 1-4, 15 - п. 94; 5, 11, 13 - п. 103; 6, 33 - п. 99; 8, 28, 39, 46 - п. 117; 9, 23 - п. 140; 12, 31 - п. 134; 16, 21, 26 - п. 92a; 17, 24, 25, 30 - п. 133; 18 - п. 121; 19 - п. 207; 20 - п. 109; 22 - п. 98; 29 - п. 105; 32 - п. 104; 34, 42, 43 - п. 41; 35 - п. 141; 36 - п. 202; 37 - п. 90; 38 - п. 60; 40 - п. 14/1913; 41 - п. 199; 44, 52 - п. 138; 45 - п. 47; 47, 73, 74, 82-85 - п. 52; 48, 49, 63, 64, 75, 80, 91, 96 - п. 62; 50 - п. 66; 51, 62 - п. 73; 53, 67, 86, 87, 93, 103 - п. 64; 54-57, 61a, 65, 66, 68-72 - п. 30; 58-61 - п. 159; 76 - п. 65; 77 - п. 59; 78 - п. 191; 79 - п. 192; 81 - п. 167; 88, 98 - п. 57; 89 - п. 181; 90 - п. 55; 92 - п. 35; 94, 106,

- п. 150; 95, 97, 101 - п. 162; 100 - п. 61; 102 - п. 50; 104 - п. 63; 105 - п. 173. Масштабы: 108 - для 12, 13, 14a, 15, 30, 31, 52, 104; 109 - для 14, 32-34, 65, 77, 95; 107 - для остальных изображений. 1-16, 28, 30-34, 52, 65 - железо; 22, 23, 47, 66-71, 73, 74, 90 - стекло; 77, 95, 104 - керамика; 96 - янтарь; остальные - цветные металлы. (19, 36, 40, 41, 54-61a, 65, 66, 68-71, 78, 79; 81, 94, 95, 97, 99, 101, 105, 106 - по фондам ГЭ; 52 - по: Саханев В.В., 1914; остальные - по фондам ГИМ). Составлена И.О. Гавритухин

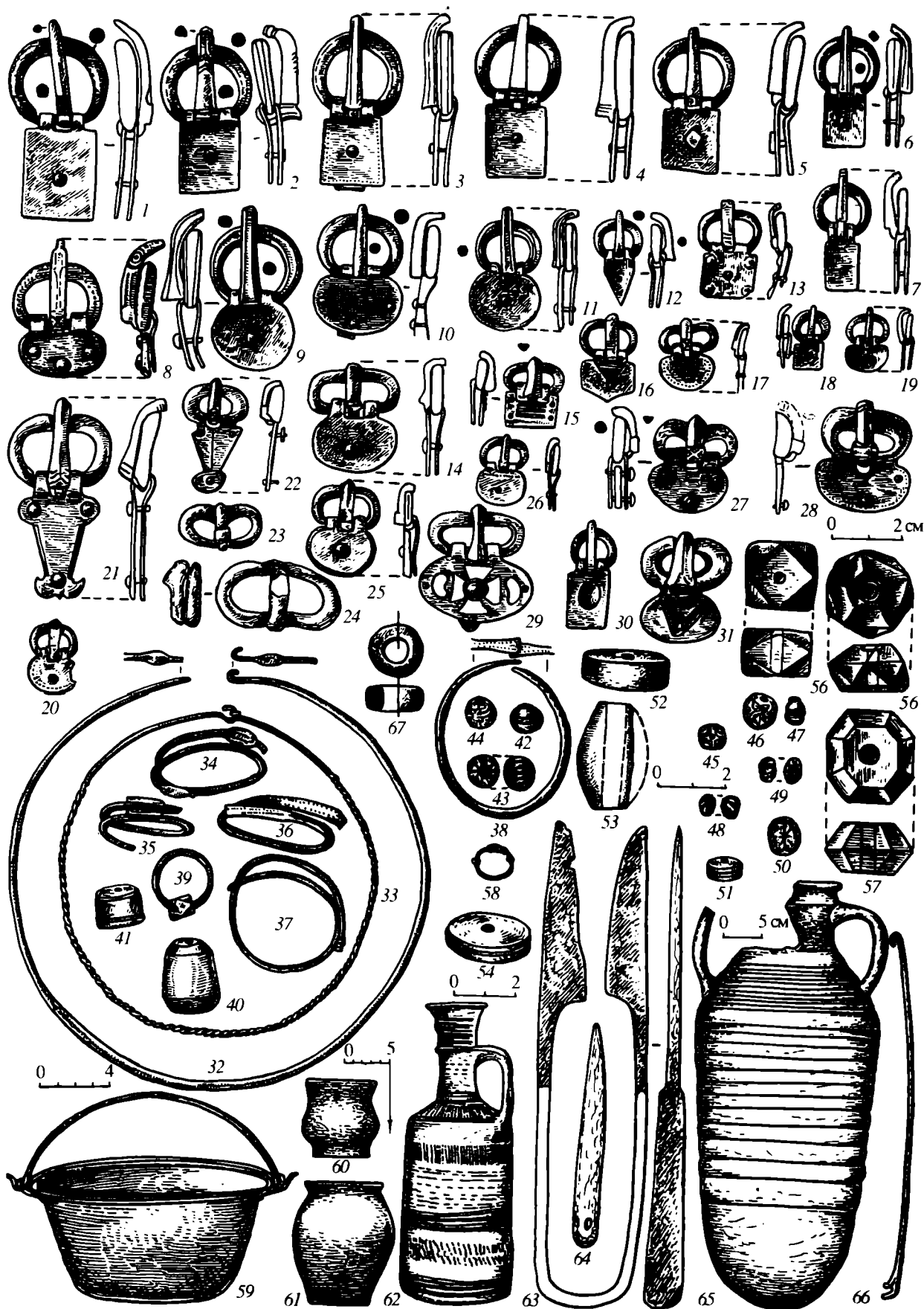

Таблица 79. Могильник Дюрсо. Пряжки, украшения, посуда, орудия труда из погребений конца V – первой половины VI в.

1, 2, 6, 12 – погребение 300; 3–5, 7 – п. 517; 8, 25 – п. 408; 9, 10, 11, 18, 23, 40, 41, 58, 59, 63, 64, 66 – п. 483; 13, 19 – п. 291; 14, 22, 26 – п. 410; 15, 27, 28 – п. 479; 16 – п. 525; 17, 21, 55, 56 – п. 259; 20 – п. 151; 29 – п. 509; 30 – п. 296; 31 – п. 456; 32, 38, 42–45, 50–53, 57 – п. 516; 33, 60 – п. 420; 34, 36, 37, 39, 48 – п. 292; 46, 47, 54 – п. 306;

49 – п. 298; 61 – п. 422; 62 – п. 490; 65 – п. 308; 67 – п. 510.
1–23, 25–29, 31–33, 37, 39 – серебро; 24, 63, 66 – железо; 30 – серебро, стекло; 34–36, 38, 49 – бронза; 40, 41, 51, 52, 54 – янтарь; 42–50, 55–57, 67 – стекло; 53 – халцедон; 60–62, 65 – глина; 64 – кость. Составлена А.В. Дмитриевым

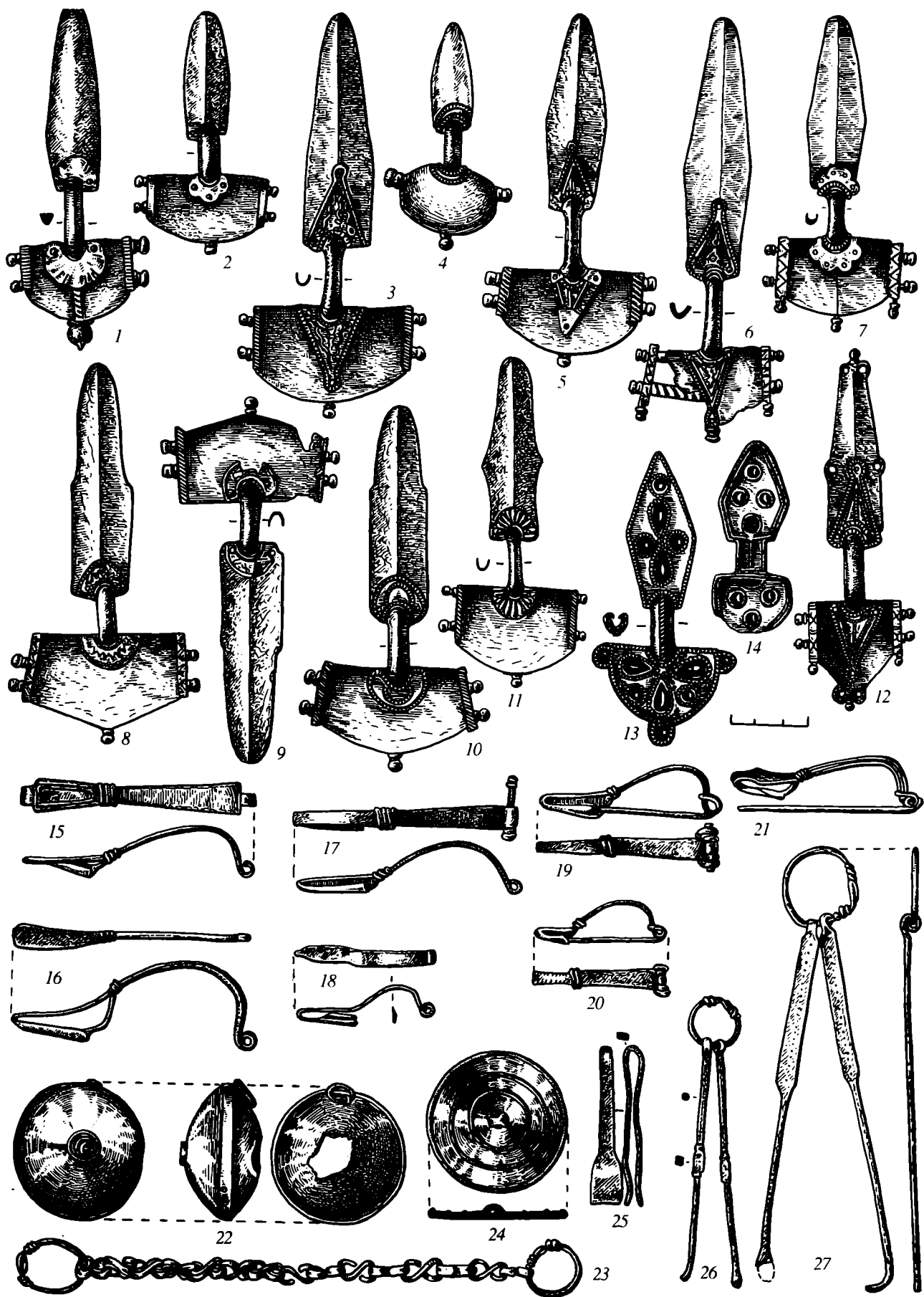

Таблица 80. Дюрсо. Фибулы, туалетные принадлежности из погребений конца V – первой половины VI в.

1, 7, 13, 21 – погребение 300; 2 – п. 510; 3 – п. 292; 4, 11, 20, 24, 26 – п. 483; 5, 25 – п. 500; 6 – п. 197; 8 – п. 410; 9, 23, 27 – п. 516; 10 – п. 517; 12, 22 – п. 420; 14 – п. 490; 15 – п. 374; 17 – п. 285; 18 – п. 218;

19 – п. 197; 16 – подъемный материал. 1–12, 14 – серебро, бронза; 13 – бронза, стекло; 15–20, 22–27 – бронза; 21 – серебро. Составлена А.В. Дмитриевым

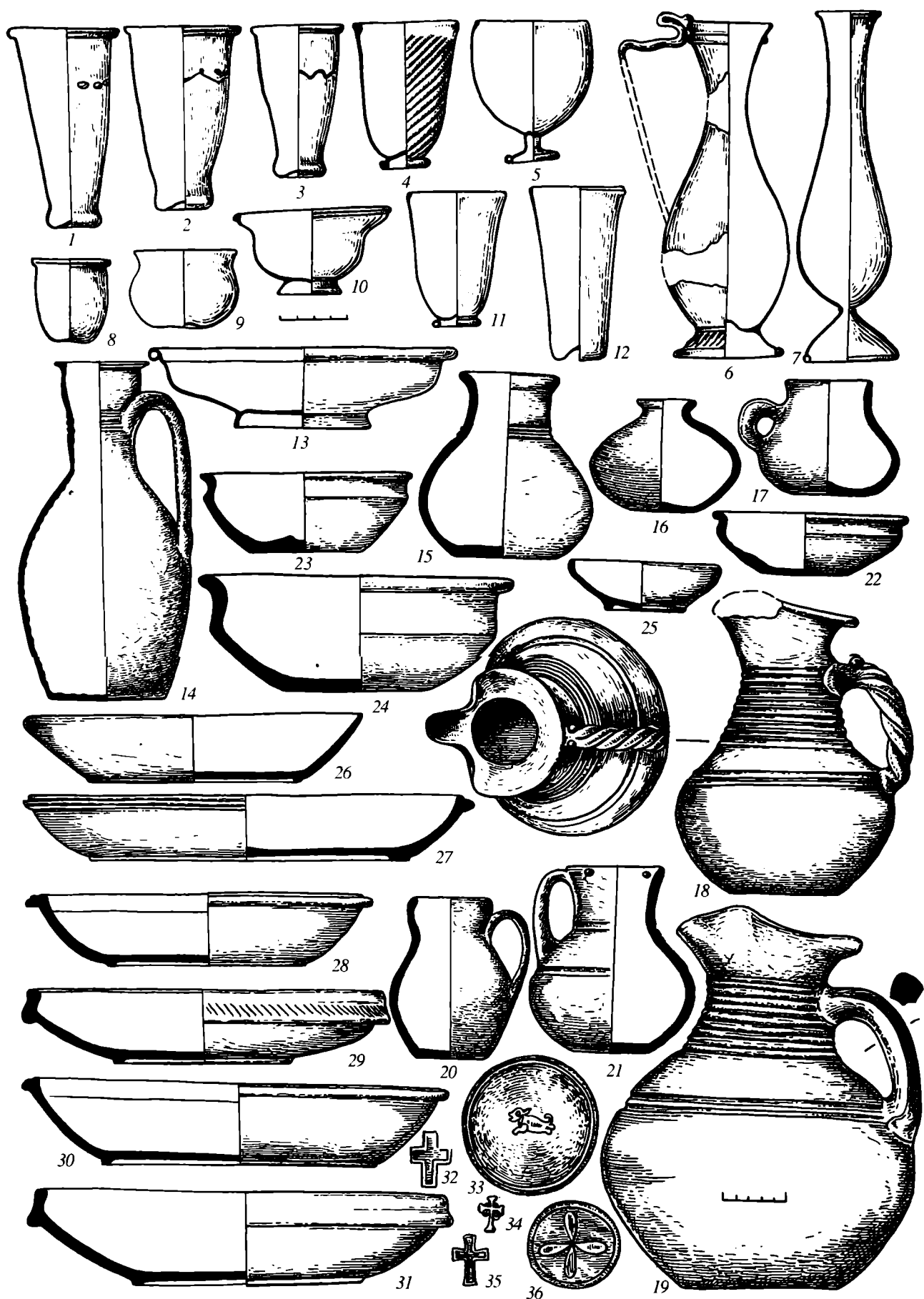

Таблица 81. Дюрсо. Посуда из погребений конца V – первой половины VI в.

1, 23, 25 – погребение 483; 2, 3, 15, 24 – п. 517; 4 – п. 292; 5, 28 – п. 410; 6, 9, 21 – п. 300; 7, 8, 10, 11, 14 – п. 298; 12, 29 – п. 516; 16, 17, 22, 27 – п. 500; 18, 20, 30, 31 – п. 420; изображения на доньях блюдец:

32 – погребение 517; 33 – п. 516; 34 – п. 525; 35, 36 – п. 420. Составлена А.В. Дмитриевым

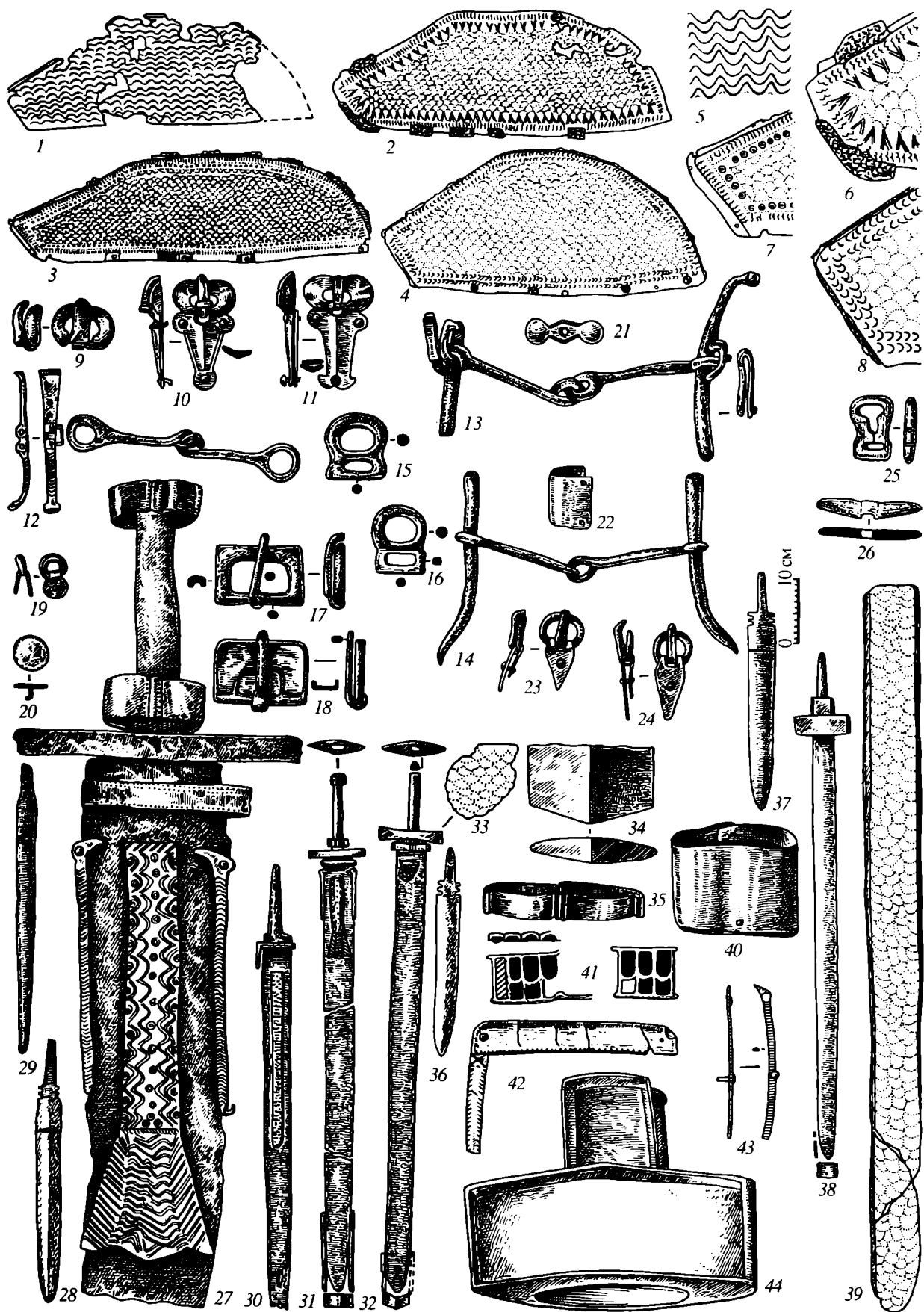

Таблица 82. Дюрсо. Сваряжение коня и оружие конца V – первой половины VI в.

1, 5, 9, 12, 16, 19–21, 22, 25, 26 – захоронение лошади 4; 2, 6, 10, 17 – 9; 3, 7, 11 – п. 5; 4, 8, 13, 15, 18, 23, 24 – 10; 14, 38, 40, 44 – 13; 27, 31 – погребение 300; 28, 29 – п. 291; 30, 39, 41–43 – п. 479; 32–36 – п. 500; 37 – п. 420. 1–3, 5–7, 39 – золото; 4, 8, 9–11, 19–24, 33–35, 42, 43 – се-

ребро; 12, 32 – железо, серебро; 13, 14, 28, 29, 36, 37 – железо; 15–18, 40 – бронза; 25, 26 – кость; 27, 31 – железо, серебро, серебро позолоченное; 30 – железо, золото, серебро; 38 – железо, бронза; 41 – золото, стекло; 44 – бронза позолоченная. Составлена А.В. Дмитриевым

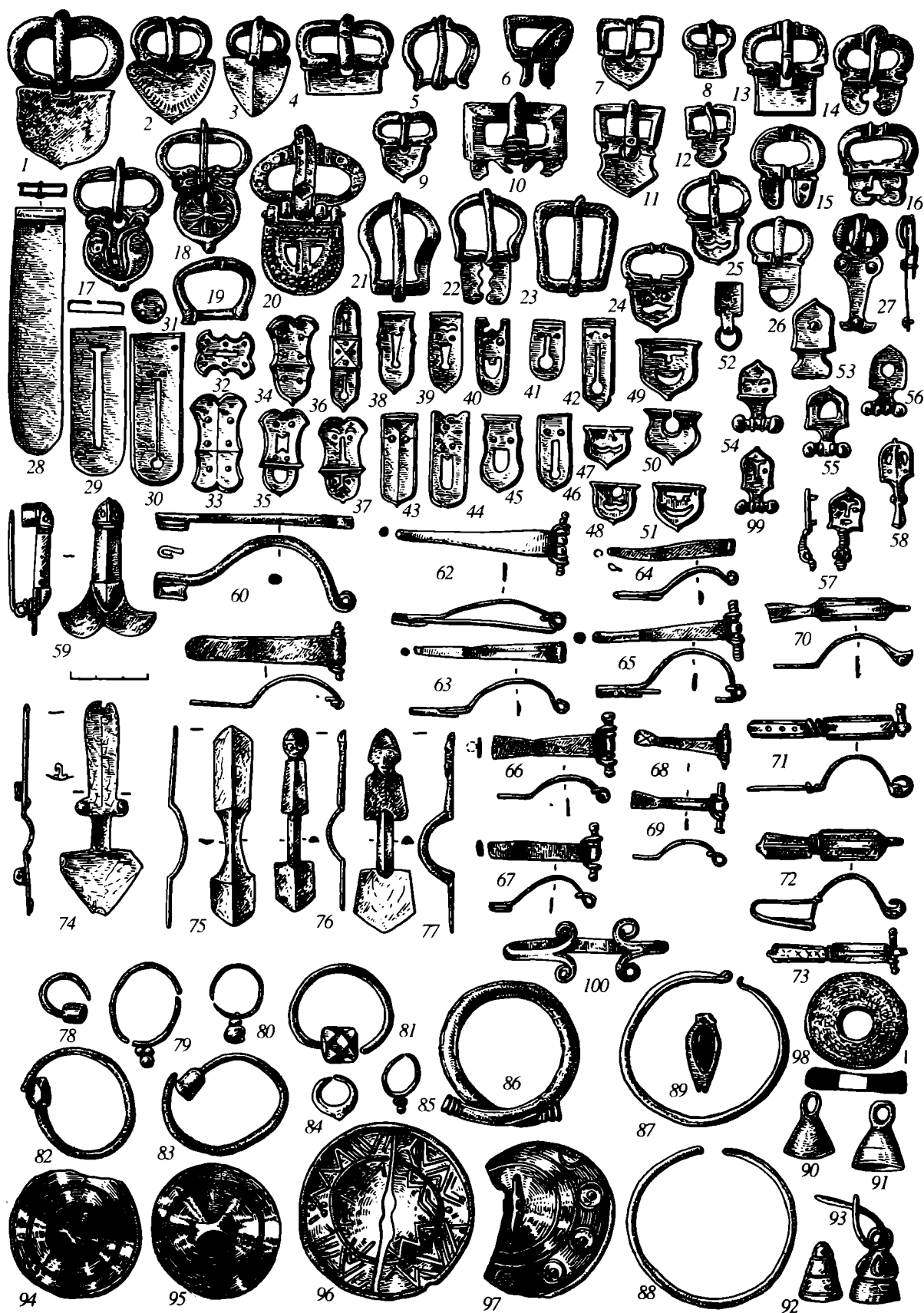
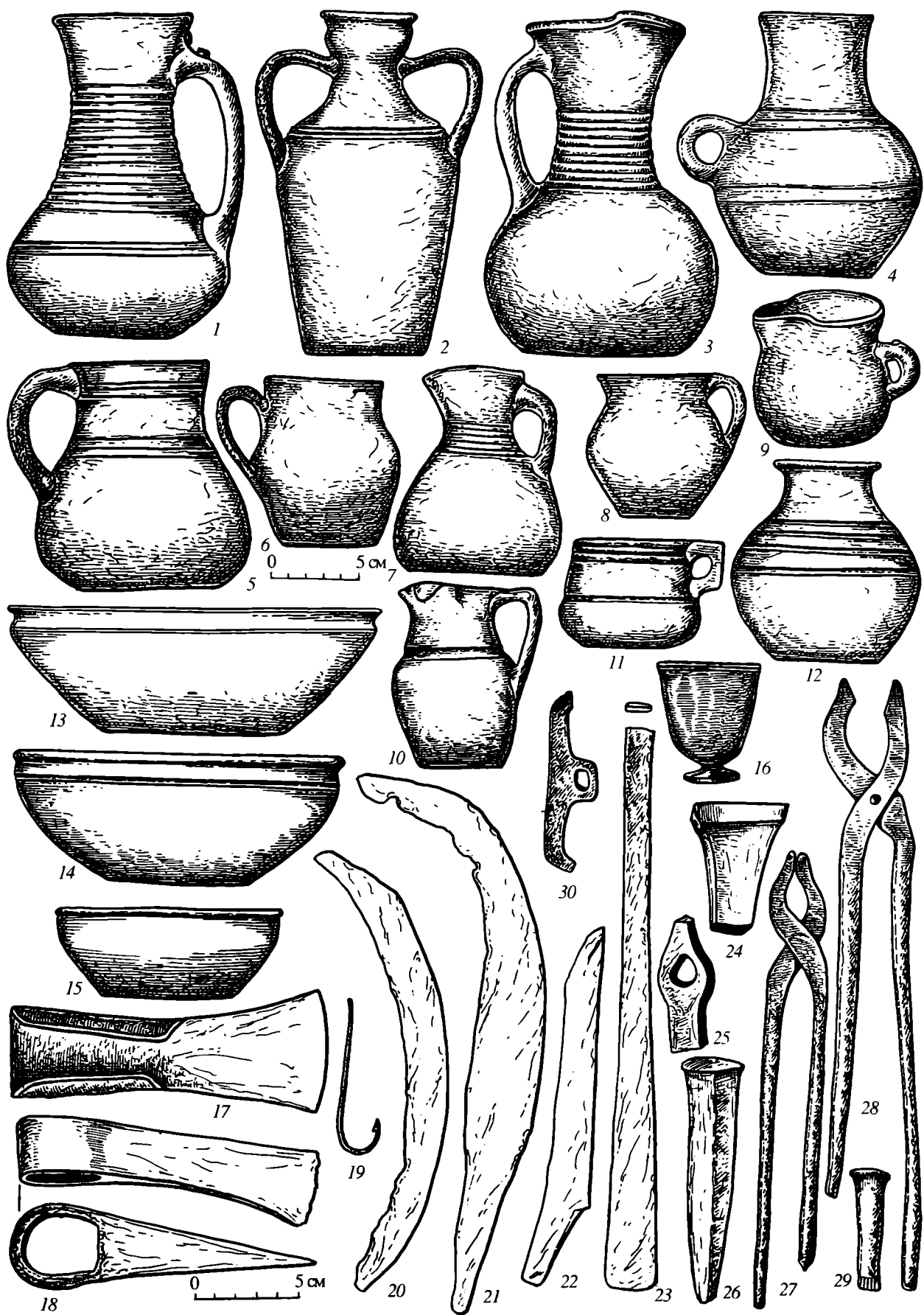

Таблица 83. Дюросо. Поясной набор, фибулы, украшения, зеркала из погребений второй половины VI–VII вв.

1 – погребение 102; 2 – п. 254; 3 – п. 456; 4 – п. 387; 5 – п. 192; 6 – п. 353; 7 – п. 429; 8, 12, 22, 58, 74, 76, 77 – п. 402; 9 – п. 415; 10 – п. 236; 11 – п. 296; 13, 29, 33, 45, 49, 55 – п. 455; 14 – п. 190; 15 – п. 100; 16, 62, 64 – п. 412; 17 – п. 244; 18 – п. 280; 19 – п. 105; 20 – п. 362; 21 – п. 179; 23 – п. 132; 24 – п. 278; 25, 99 – п. 318; 26, 48 – п. 413; 27 – п. 374; 28, 88, 95 – п. 135; 30, 43, 44, 52, 97, 100 – п. 476; 31, 72, 73 – п. 475; 32, 35, 38, 39, 50, 54 – п. 308; 36 – п. 317; 37 – п. 184; 40 – п. 454; 41 – п. 218; 42, 47, 57 – п. 318; 46 – п. 374; 51 – п. 326; 53 – п. 415; 56 – п. 277; 59 – п. 373; 60 – п. 196; 61, 65 – п. 418;

63 – п. 477; 66, 67, 96 – п. 228; 68, 69 – п. 347; 70 – п. 233; 71 – п. 320; 75 – п. 462; 78 – п. 414; 79 – п. 244; 80 – п. 153; 81 – п. 422; 82, 83 – п. 187; 84 – п. 439; 85 – п. 451; 86 – п. 103; 87 – п. 285; 89 – п. 314; 90 – п. 177; 91 – п. 337; 92 – п. 358; 93 – п. 436; 94 – п. 151; 98 – п. 108. 1–20, 22, 31–34, 52, 60–77, 86–88, 90–97, 100 – бронза; 21, 23 – железо; 24–26, 28–30, 35–51, 54–59, 78–83, 85, 99 – серебро; 27 – бронза, железо; 53, 84 – золото; 89 – бронза, золото, стекло; 98 – глина. Составлена А.В. Дмитриевым

Таблица 84. Дюрсо. Посуда и орудия из погребений второй половины VI – конца VII в.

1 – погребение 397; 2 – п. 320; 3 – п. 357; 4 – п. 460; 5, 14 – п. 309; 6 – п. 418; 7 – п. 384; 8 – п. 362; 9 – п. 476; 10 – п. 245; 11 – п. 247; 12 – п. 480; 13 – п. 459; 15 – п. 150; 16 – п. 492; 17 – п. 107; 18 – п. 319;

19 – п. 311; 20, 30 – п. 100; 21 – п. 429; 22 – п. 131; 23 – п. 238; 24–29 – п. 402. 1–15 – глина; 16 – стекло; 17, 18, 20–29, 30 – железо; 19 – бронза. Составлена А.В. Дмитриевым

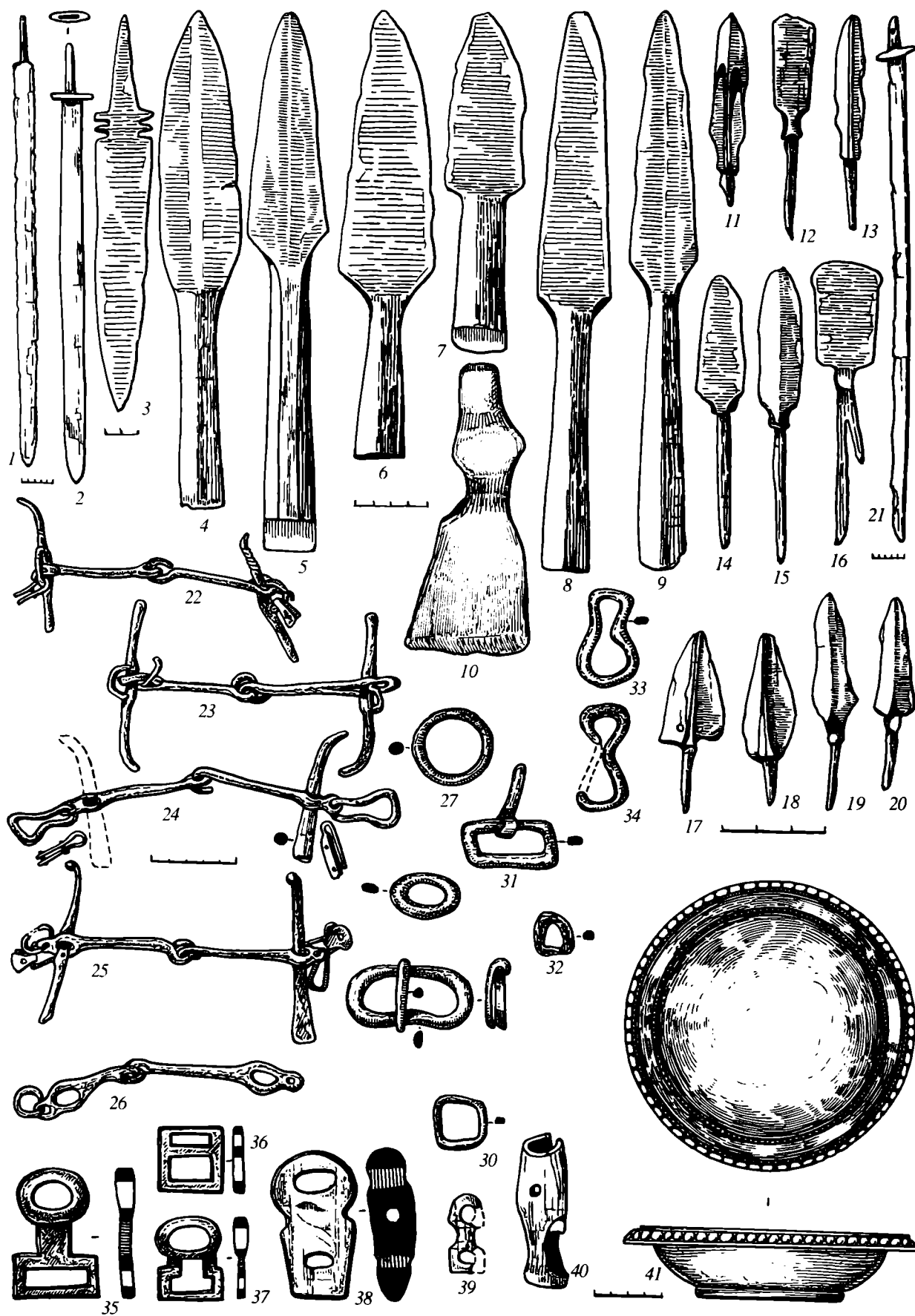

Таблица 85. Дюросо. Оружие, снаряжение коня и бронзовая мисочка из погребений второй половины VI – первой половины VIII в.

1, 3 – погребение 100; 4 – п. 265; 5 – п. 107; 6 – п. 199; 7 – п. 429; 8 – п. 135; 9, 10, 14–21 – п. 428; 11–13 – п. 343; 23 – п. 409; 41 – п. 402; 1, 22, 27, 29, 30 – захоронение лошади 12; 24, 28, 39, 40 –

п. 11; 25, 35, 37, 38 – п. 3; 26, 31–33 – п. 8; 34, 36 – п. 6. 1–34 – железо; 35–37, 41 – бронза; 38–40 – кость. Составлена А.В. Дмитриевым

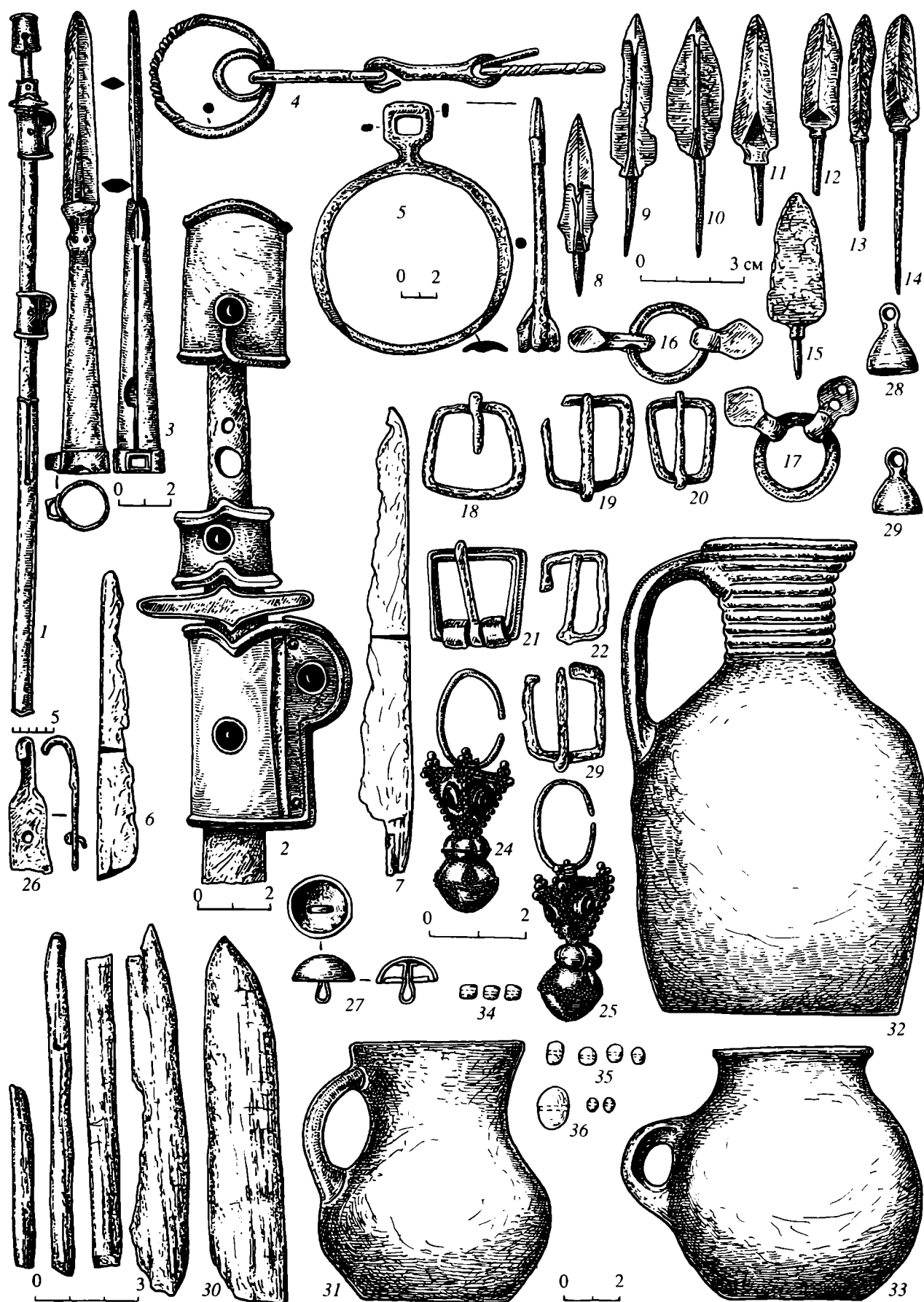

Таблица 86. Дюрсо. Оружие, снаряжения коня, детали одежды, посуда, украшения из захоронения № 248 начала VIII в.

1, 2, – железо, серебро, стекло; 3–15, 18–20, 22, 23, 26 – железо; 16, 17, 21, 28, 29 – бронза; 24, 25 – золото, стекло; 27 – бронза, сереб-

ро; 30 – кость; 31–33 – глина; 34 – роговик; 35 – сердолик; 36 – стекло. Составлена А.В. Дмитриевым

Таблица 87. Дюрсо. Примеры группировок IX в., посуда, туалетные принадлежности, поясной набор

1 – погребение 203; 2 – п. 64; 3 – п. 15; 4 – п. 17; 5 – п. 10; 6 – п. 18; 7 – п. 33; 8 – п. 118; 9 – п. 92; 10 – п. 49; 11 – п. 117; 12 – п. 92; 13 – п. 83; 14 – п. 78; 15 – п. 45; 16 – п. 33; 17 – п. 99; 18 – п. 27; 19 – п. 2;

20 – п. 126; 21 – п. 28; 22 – п. 5; 23 – п. 200; 24 – п. 122; 25 – п. 15; 26 – п. 20; 27–29 – п. 361. 5–16 – глина; 17–20, 27–29 – бронза; 21–26 – железо. Составлена А.В. Дмитриевым

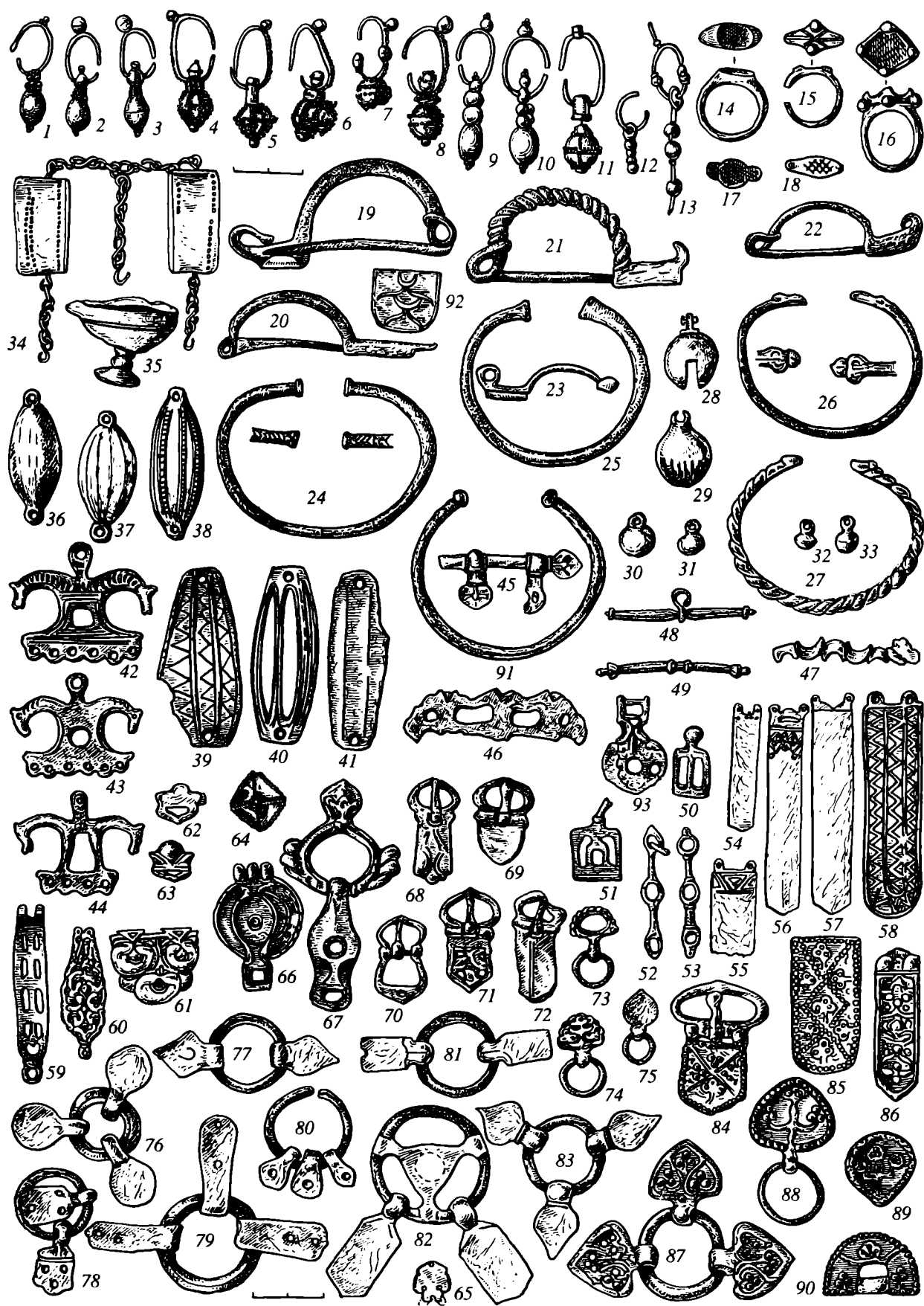

Таблица 88. Дюросо. Украшения и поясной набор из трупосожжений IX в.

1 – погребение ?; 2 – п. 41; 3 – п. 117; 4, 8, 32, 33, 37 – п. 27; 5, 14, 57 – п. 89; 6 – п. ?; 7, 28 – п. 61; 9, 10 – п. 64; 11, 71 – п. 116; 12, 44 – п. 63; 13 – п. 137; 15, 53, 67 – п. 199; 16, 18, 27, 59 – п. 6; 17, 26, 29, 30, 43, 48, 52 – п. 21; 19 – п. 24; 20, 80 – п. 5; 21 – п. 80; 22 – п. 48; 23, 25 – п. 7; 24 – п. 33; 31 – п. 18; 34, 38, 40 – п. 96; 35, 86–90 – п. 124; 39 – п. 33; 41 – п. 29; 42 – п. 145; 45, 64 – п. 64; 46, 78 – п. 14; 49, 63,

65, 69, 75 – п. 87; 50 – п. 158; 51 – п. 31; 54, 55, 62 – п. 54; 56 – п. 116; 58 – п. 251; 60 – п. 173; 61, 92, 93 – п. 161; 68 – п. 31; 70 – п. 28; 72 – п. 15; 73 – п. 122; 74 – п. 123; 76 – п. 25; 77 – п. 22; 79 – п. 28; 81 – п. 114; 82 – п. 20; 83 – п. 31; 91 – п. 6. 1–10 – золото; 11–18, 24–60, 62–75, 77–91, 93 – бронза; 19–23, 76 – железо; 61, 92 – серебро. Составлена А.В. Дмитриевым

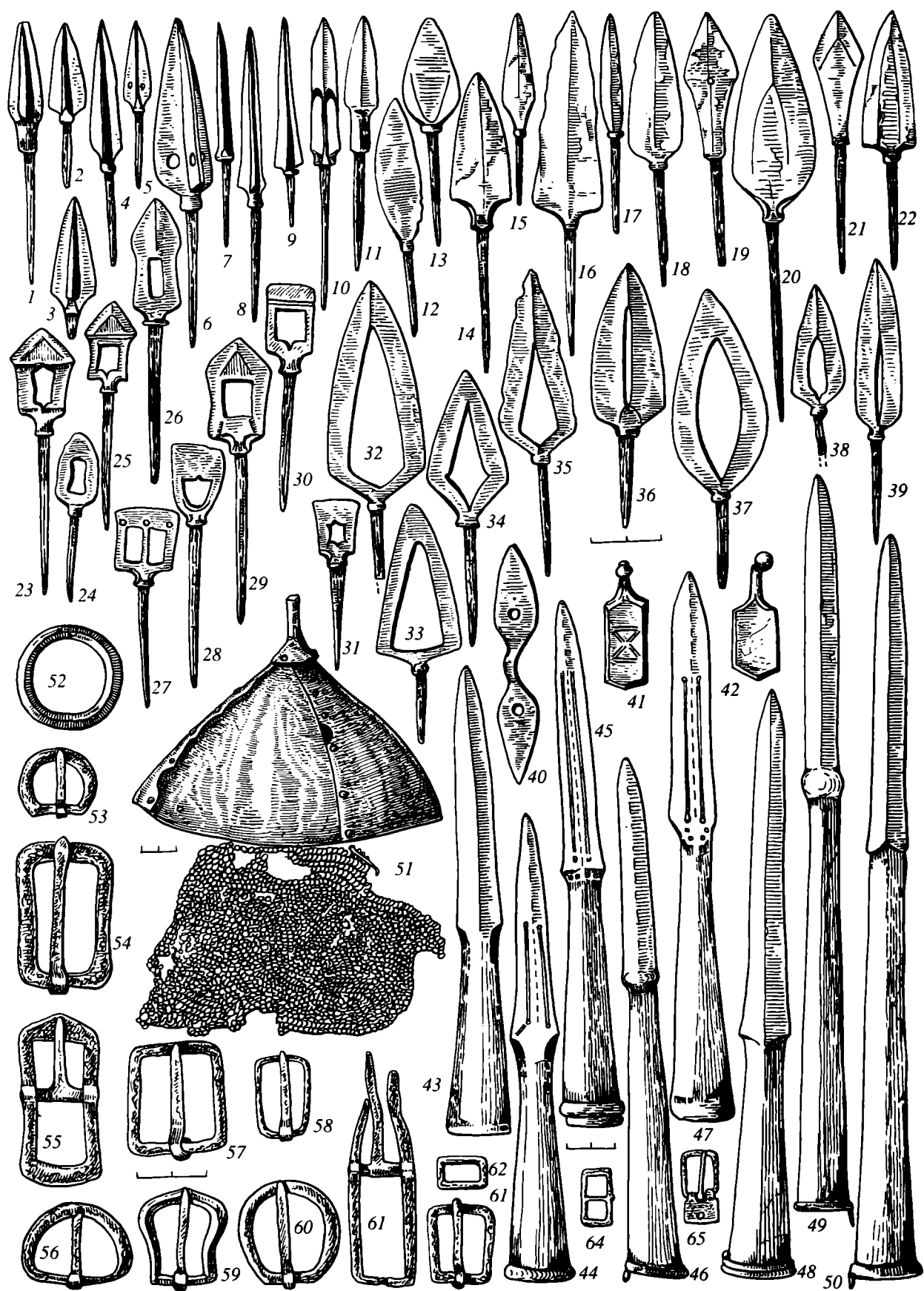
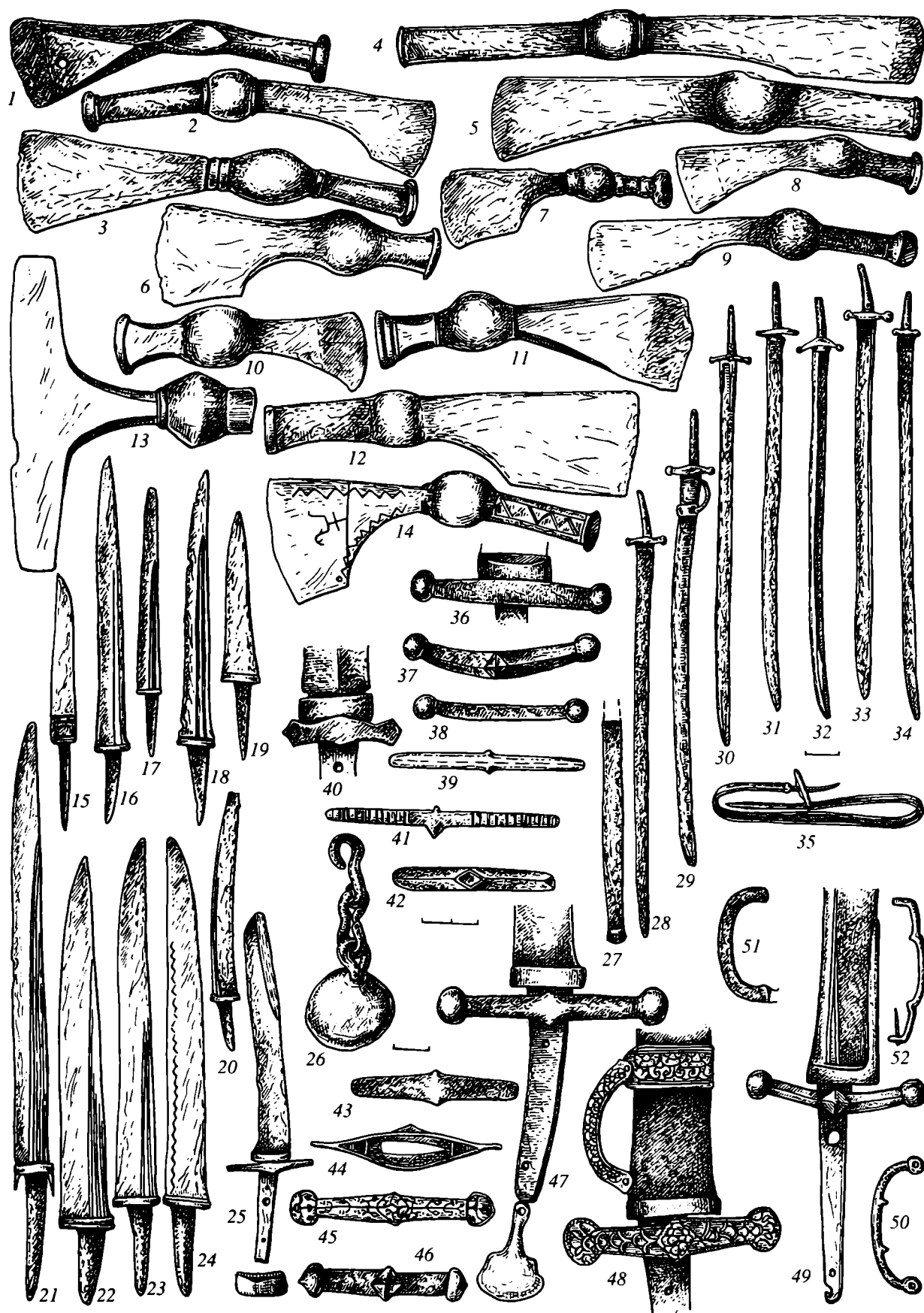

Таблица 89. Дюросо. Наконечники стрел и копий, шлем, пряжки, колчаные крючки из группосожжений IX в.

1-3, 11, 15 - погребение 12; 4, 7 - п. 25; 5 - п. 171; 6 - п. 24; 8, 31, 41, 44, 63 - п. 15; 9, 38, 43 - п. 20; 10 - п. 202; 12, 16, 20, 24 - п. 5; 13 - п. 172; 14, 22, 35 - п. 8; 17 - п. 47; 18, 29, 52, 53 - п. 1; 19 - п. 147; 21, 33 - п. 200; 23 - п. 17; 25 - п. 3; 26 - п. 146; 27, 36, 51 - п. 161; 28,

32, 57 - п. 36; 30, 49 - п. 89; 34 - п. 23; 37, 46 - п. 17; 39 - п. 147; 40, 42 - п. 124; 45 - п. 26; 47 - п. 31; 48 - п. 122; 50 - п. 87; 54 - п. 31; 55, 59, 62 - п. 22; 56, 58 - п. 28; 60 - п. 42; 61 - п. 64. 1-39, 42-61, 63-65 - железо; 40, 41, 62 - бронза. Составлена А.В. Дмитриевым

Таблица 90. Дюрсо. Боевые топоры, ножи, сабли, детали ножен, кистень из трупосожжений IX в.

1 – погребение 172; 2 – п. 147; 3, 22, 36 – п. 146; 4, 41 – п. 222; 5 – п. 156; 6, 18, 31 – п. 8; 7 – п. 14; 8 – п. 30; 9 – п. 118; 10 – п. 35; 11, 52 – п. 15; 12 – п. 3; 13 – п. 437; 14, 15, 19, 23, 24, 47 – п. 5; 16 – п. 2; 17, 20, 33, 51 – п. 17; 21, 27, 28 – п. 22; 25 – п. 89; 26, 29, 48 – п. 1; 30 – п. 200; 32 – п. 118; 34, 40 – п. 171; 35, 39 – п. 36; 37 – п. 119; 38 –

п. 26; 42 – п. 42; 43 – п. 4; 44 – п. 202; 45 – п. 28; 46 – п. 23; 49 – п. 200; 50 – п. 116. 1–28, 30–35, 37–44, 47, 49–54 – железо; 29, 48 – железо посеребренное, серебро; 36 – железо, бронза; 45 – железо позолоченное. Составлена А.В. Дмитриевым

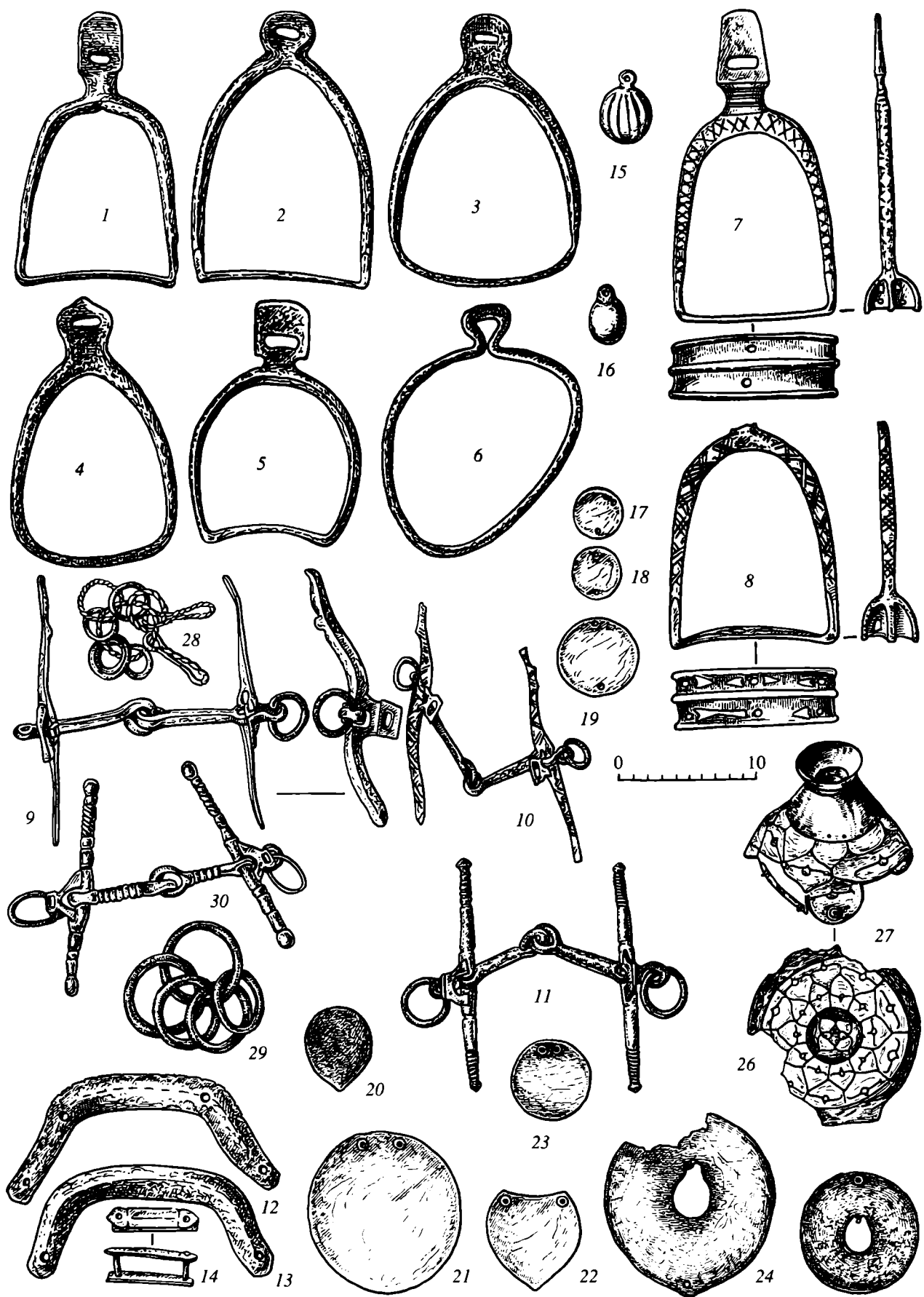

Таблица 91. Дюрсо. Снаряжение коня из трупосожжений IX в.

1, 15, 29 – погребение 87; 2, 11 – п. 1; 3 – п. 118; 4 – п. 22; 5 – п. 162; 6 – п. 253; 7, 8 – п. 46; 9 – п. 222; 10 – п. 388; 12 – п. 26; 13 – п. 13; 14 – п. 15; 16, 17 – п. 64; 18, 19 – п. 54; 20–27 – п. 28; 28 – п. 89; 30 – п. 60.

1–14, 28–30 – железо; 15–25 – бронза; 26, 27 – бронза позолоченная.
Составлена А.В. Дмитриевым

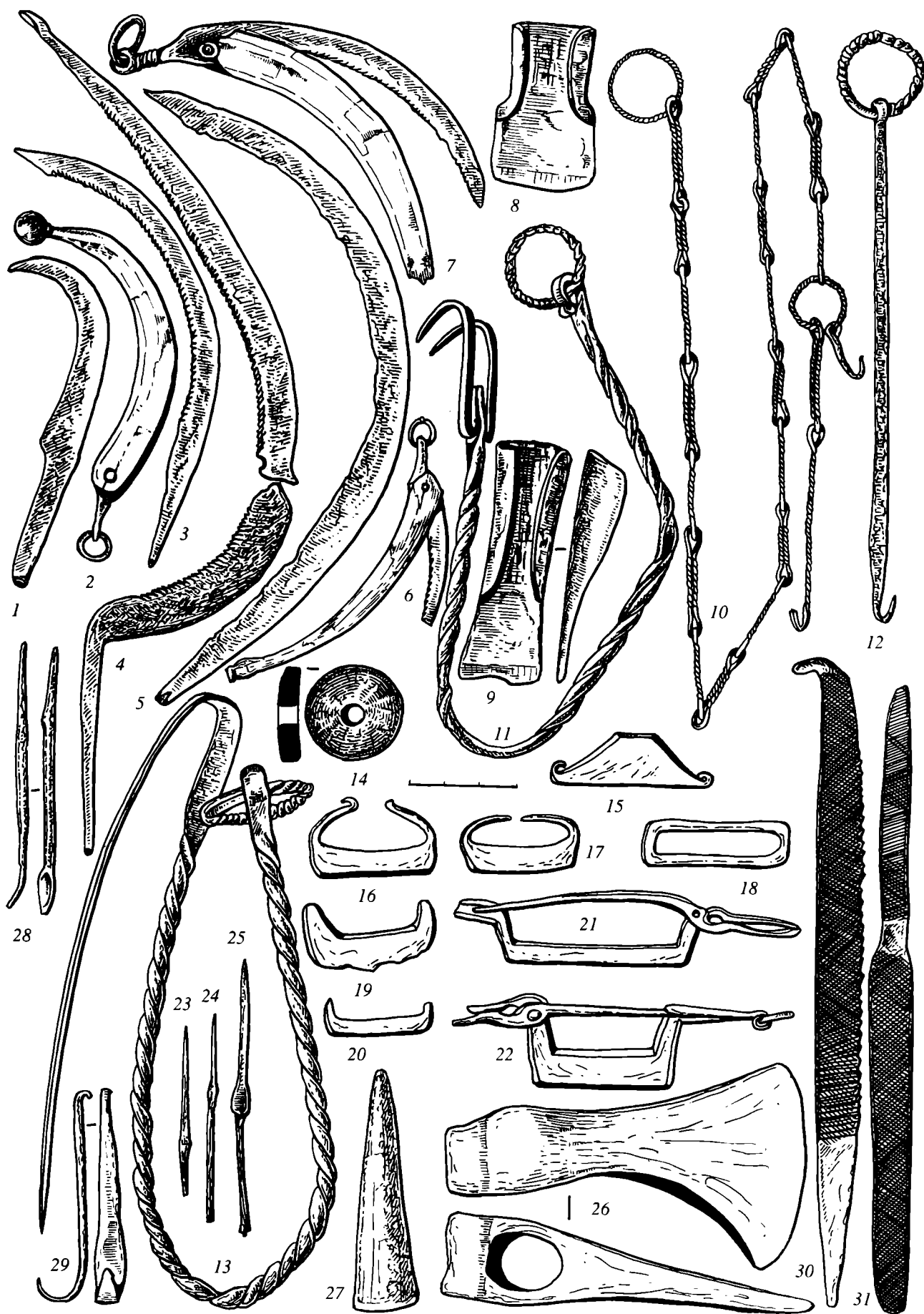
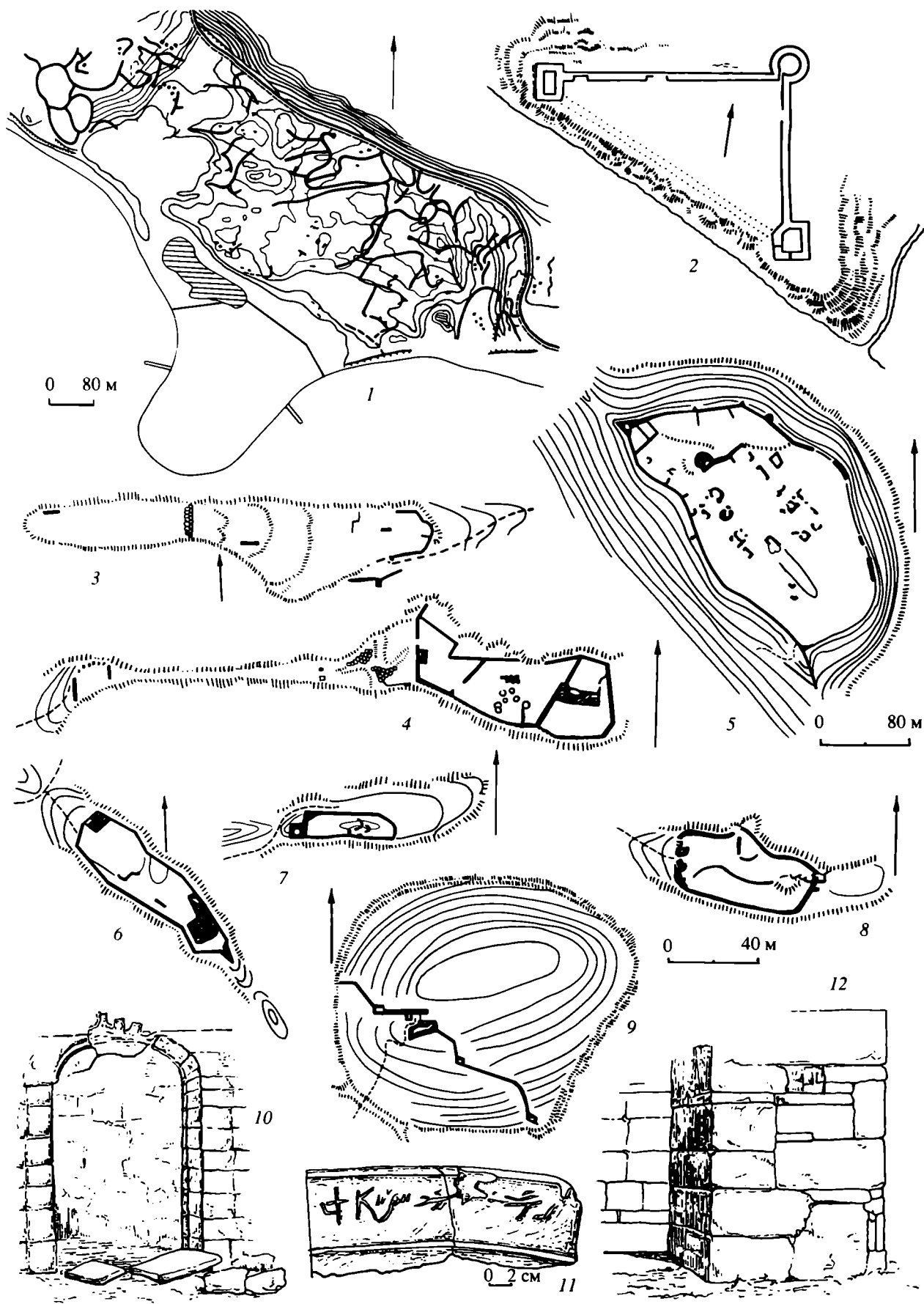

Таблица 92. Дюрсо. Орудия труда, инструменты из трупосожжений IX в.

1 – погребение 9; 2 – 200; 3 – п. 15; 4 – п. 17; 5, 28, 30, 31 – п. 89; 6, 10, 15, 23, 24 – п. 42; 7 – п. 22; 8 – п. 44; 9, 18 – п. 129; 11 – п. 13; 12 – п. 155; 13 – п. 64; 14 – п. 21; 16 – п. 172; 17 – п. 12; 19 – п. 123; 20

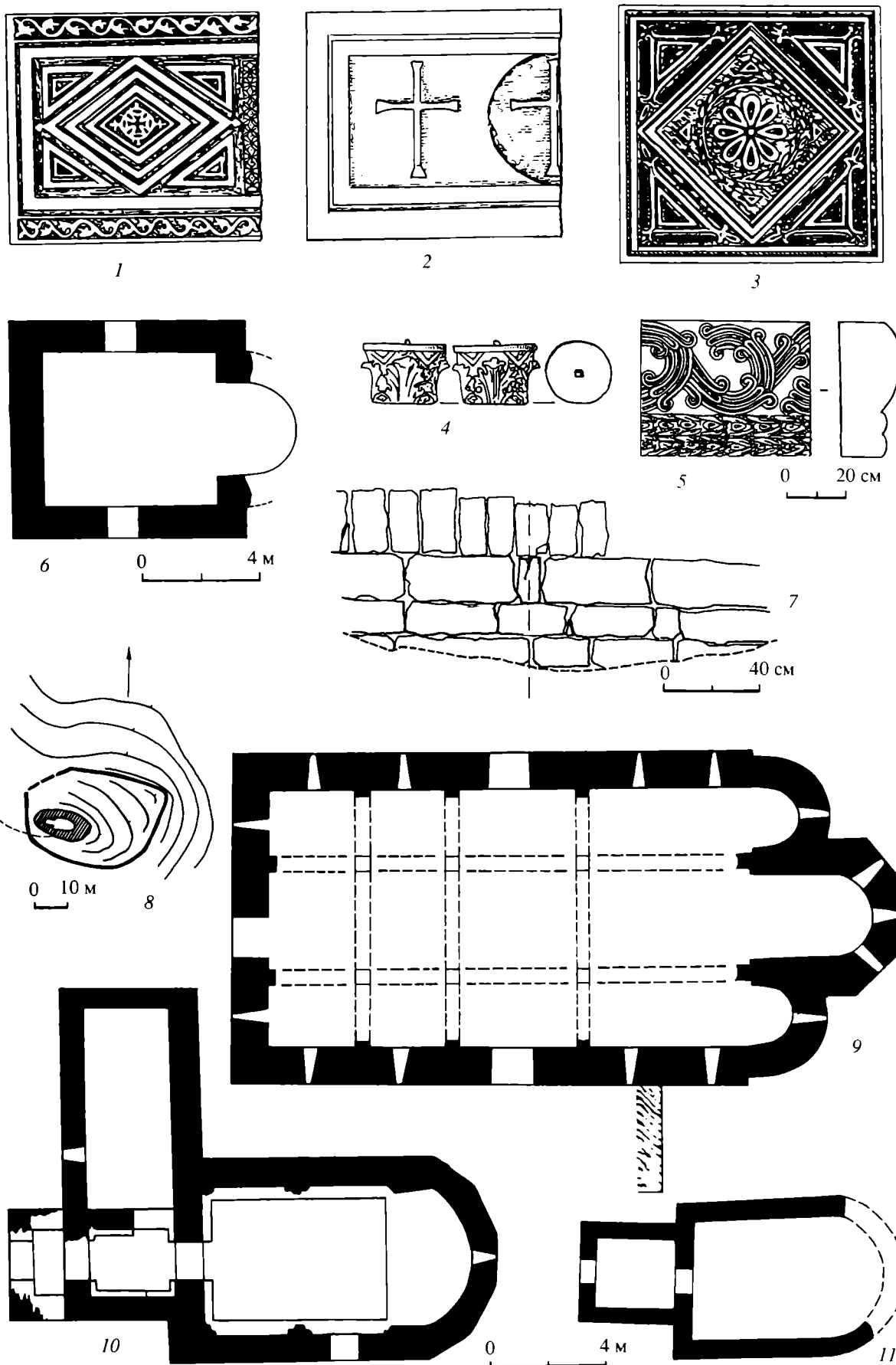
– п. 124; 21 – п. 20; 22 – п. 146; 25 – п. 5; 26 – п. 171; 27, 29 – п. 87. Составлена А.В. Дмитриевым

Таблица 93. Средневековые поселения и крепости Северо-Восточного Причерноморья

1 – план поселения Малый Утриш. Планы крепостей: 2 – Мамай-кале; 3 – Айбгинской; 4 – Куницынской; 5 – Ачипсинской; 6 – Монашкинской-2; 7 – Бешенской; 8 – Монашкинской-1; 9 – Хостинской. 10 – ниша в стене Мамай-кале; 11 – надпись на венчике пи-

фоса из Малого Утриша; 12 – кладка башни Мамай-кале. 1 – по: Дмитриев А.В., 1984; 2, 10, 12 – по: Сизов В.И., 1889; 3–9 – по: Воронов Ю.Н., 1969; 11 – по: Ждановский А.М., 1988. Составлена Е.А. Армарчук

Таблица 94. Христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья и их детали

1–3 – резные каменные плиты декора храма в совхозе “Южные культуры” (2 – оборот плиты 1); 4 – капитель из храма в местечке “Каштаны”; 5 – архитектурная деталь храма на Ахун-горе; 6 – план храма у с. Липники; 7 – кладка основания стены алтарной ап-

сиды храма в Липниках, вид изнутри; 9 – план храма в Лоо. 10 – план храма в с. Монастырь; 8, 11 – план Галицынского храма. 1–5, 9, 10 – по: Воронов Ю.Н., 1969; 6, 7 – по: Анфимов Н.В., 1956; 8, 11 – по: Ситникова Л.Н., 1970. Составлена Е.А. Армарчук

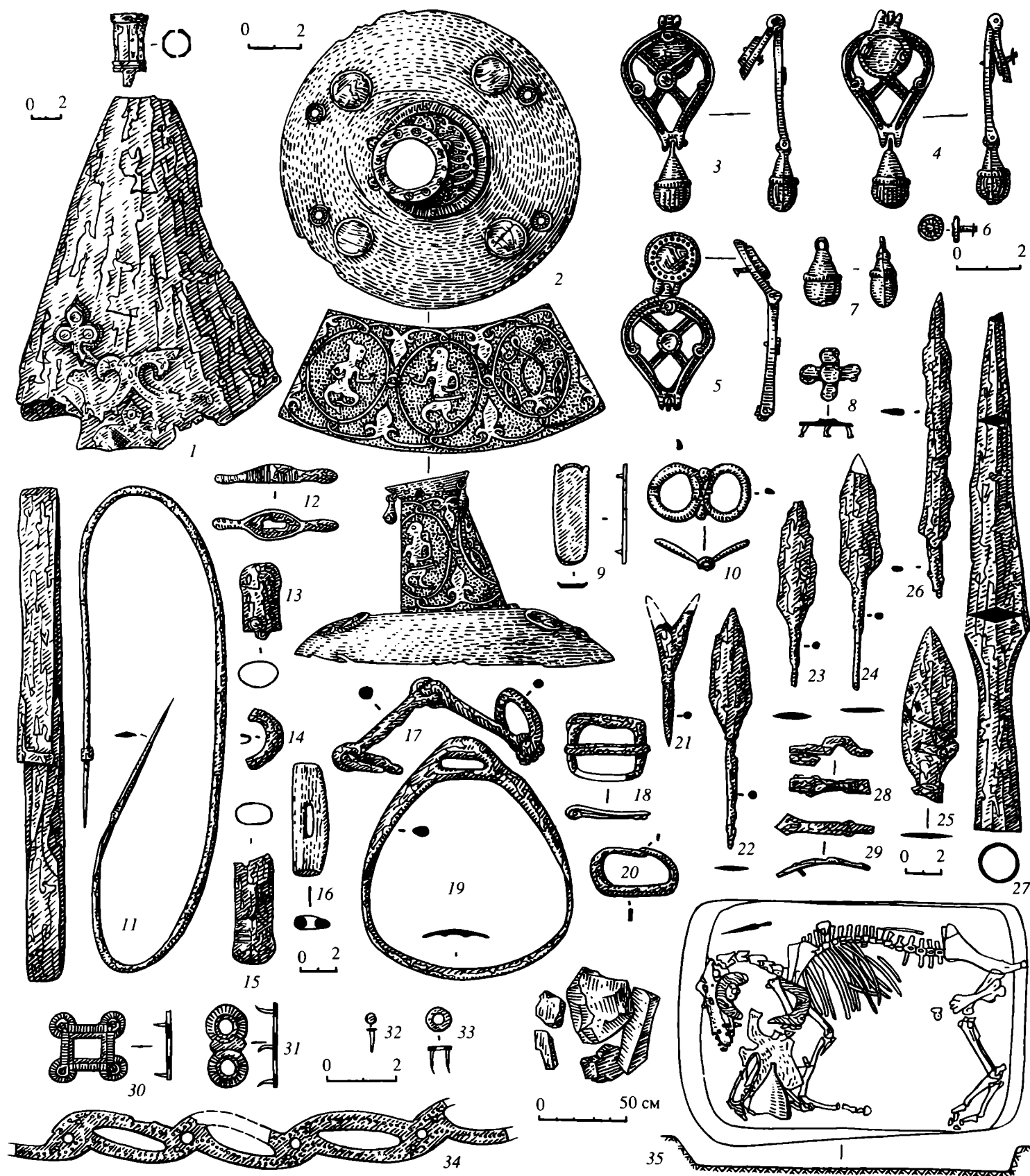

Таблица 95. Вещевой комплекс конца XI – первой половины XII в. из кенотафа с конем могильника “Андреевская щель”

1 – фрагмент шлема с орнаментальными накладками; 2 – начельник с позолоченной втулкой; 3–5, 7 – бляхи оголовья с ажурными решками и бубенчиками; 6, 8 – бляшки ремней оголовья; 9 – наконечник ремня; 10 – пряжка; 11 – сабля; 12–15 – сабельная гарнитура: перекрестие, навершие рукоятки, скоба ножен, наконечник ножен; 16 – цурка-застежка; 17 – удила; 18 – подпружная пряжка; 19 – стремя; 20 – кресало; 21–25 – стрелы; 26 – нож; 27 – наконеч-

ник копья; 28 – колчанная скоба; 29 – колчанная оковка; 30 – ажурные бляшки-накладки передней луки седла; 31 – ажурные бляшки-накладки обеих луки седла; 32–34 – детали обивки седла; 35 – план и разрез погребения. 1, 11–15, 17–29 – железо; 2, 6, 8–10, 30–34 – бронза; 3–5, 7 – бронза с позолотой и стеклянными вставками; 16 – кость. Составлена Е.А. Армарчук по материалам А.М. Новичихина

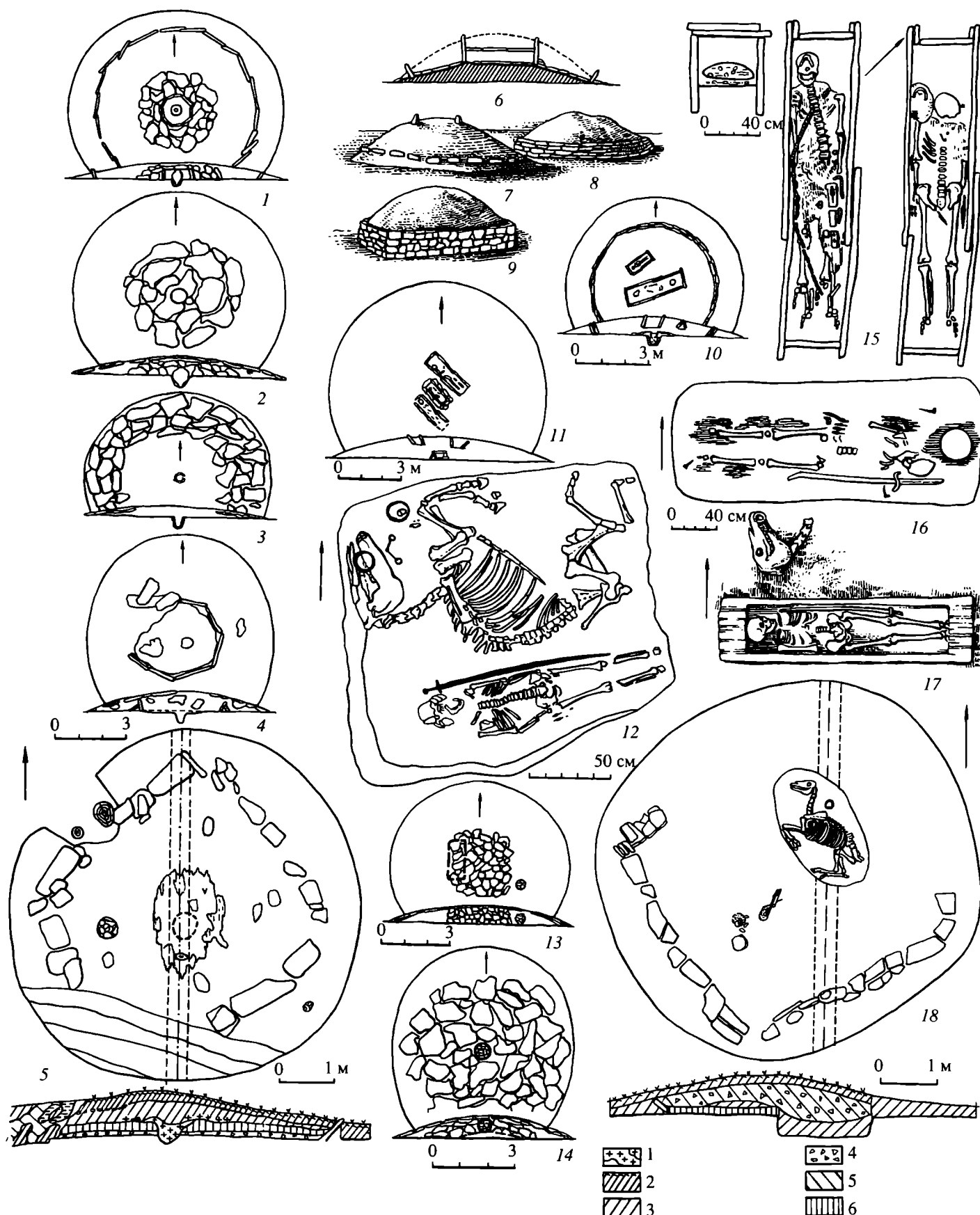

Таблица 96. Курганы и погребения по обряду кремации и ингумации XII–XIV вв. в Северо-Восточном Причерноморье

1–4, 10, 11, 13, 14 – планы и разрезы курганов Борисовской курганной группы; 5 – план и восточный фас бровки кургана № 2 Цемдолинского могильника; 6 – разрез насыпи кургана могильника в Цемесской долине; 7–9 – внешний вид курганов с квадратной и круглой каменными обкладками могильников в Цемесской долине; 12 – план погребения № 16 Цемдолинского могильника; 15 – план и разрез погребений в каменном ящике,

Мысхако; 16 – план погребения № 2 кургана № 1 могильника у Раевского городища; 17 – план погребения № 1 кургана № 2 могильника у Ногай-кале; 18 – план и восточный фас бровки кургана № 14 Цемдолинского могильника. Условные обозначения: 1 – уголь; 2 – гумус; 3 – темный суглинок; 4 – щебень; 5 – светлый суглинок; 6 – древняя «погребенная» почва. Составлена Е.А. Армарчук

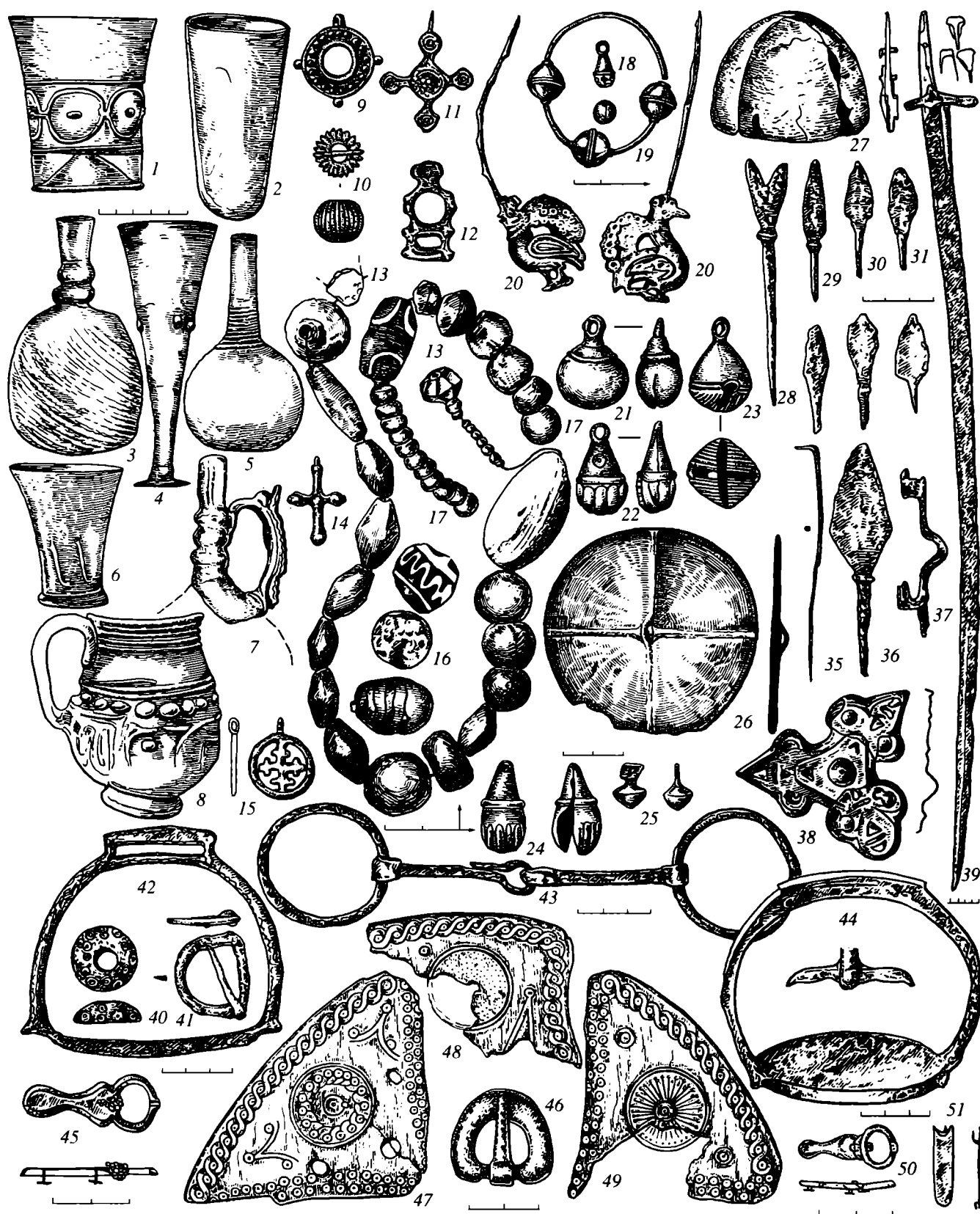

Таблица 97. Инвентарь кремационных и ингумационных погребений XI–XIII вв.

1–8 – сосуды; 9, 15 – привески; 10, 13, 16, 17 – бусы; 11, 14 – крестики; 12 – застежка; 18, 21–24 – бубенчики; 19 – височное кольцо; 20 – детали головного убора; 25 – пуговка; 26 – зеркало; 27 – шлем; 28–34, 36 – стрелы; 35 – шпилька; 37 – кожанная петля; 38 – накладка; 39 – сабля и навершие ее рукояти; 40 – принадлежность сбруи; 41–44, 46 – части сбруи; 45 – поясная пряжка; 47–49 – гравированные накладки на луки седла; 50, 51 – поясные пряжка и наконечник; 1–8, 10, 16 – стекло; 9, 11, 12, 14, 15, 18, 21–26, 35, 38, 45, 50, 51 – бронза; 13, 17 – стекло, горный хрусталь, сердолик, янтарь; 19–20 – серебро; 27–34, 36, 37, 39, 41–44, 46 – железо; 40, 47–49 – кость

Могильники: Цемдолинский на пашне – 1, 41 – п. 16; 25 – п. 44; 39 – п. 35; Андреевская щель – 2, 10, 18 – п. 4; 21–24, 38, 50, 51 – п. 1; 45 – п. 3; Борисовский курганный – 3 – к. 14; Шесхарис – 4 – п. 4; у Керченской щели – 5, 6; у Ногай-кале – 7 – к. 3; 27 – к. 2/п. 2; из окрестностей Геленджика – 8; под Анапой, у дороги на Варваровку – 9, 47–49 – к. 5; 46 – к. 2; на г. Сапун – 11–14 – к. 11/п. 1; 15 – к. 16/п. 2; 16, 26, 35 – к. 20/п. 2; 17 – к. 9/п. 2; 28–34, 36, 37, 40, 42, 43 – к. 25, п.л.; на территории совхоза “Южные культуры” – 19, 20; у станицы Раевской – 44 – к. 1; 3–6 – из кремационных, остальные – из ингумационных погребений. Составлена Е.А. Армарчук

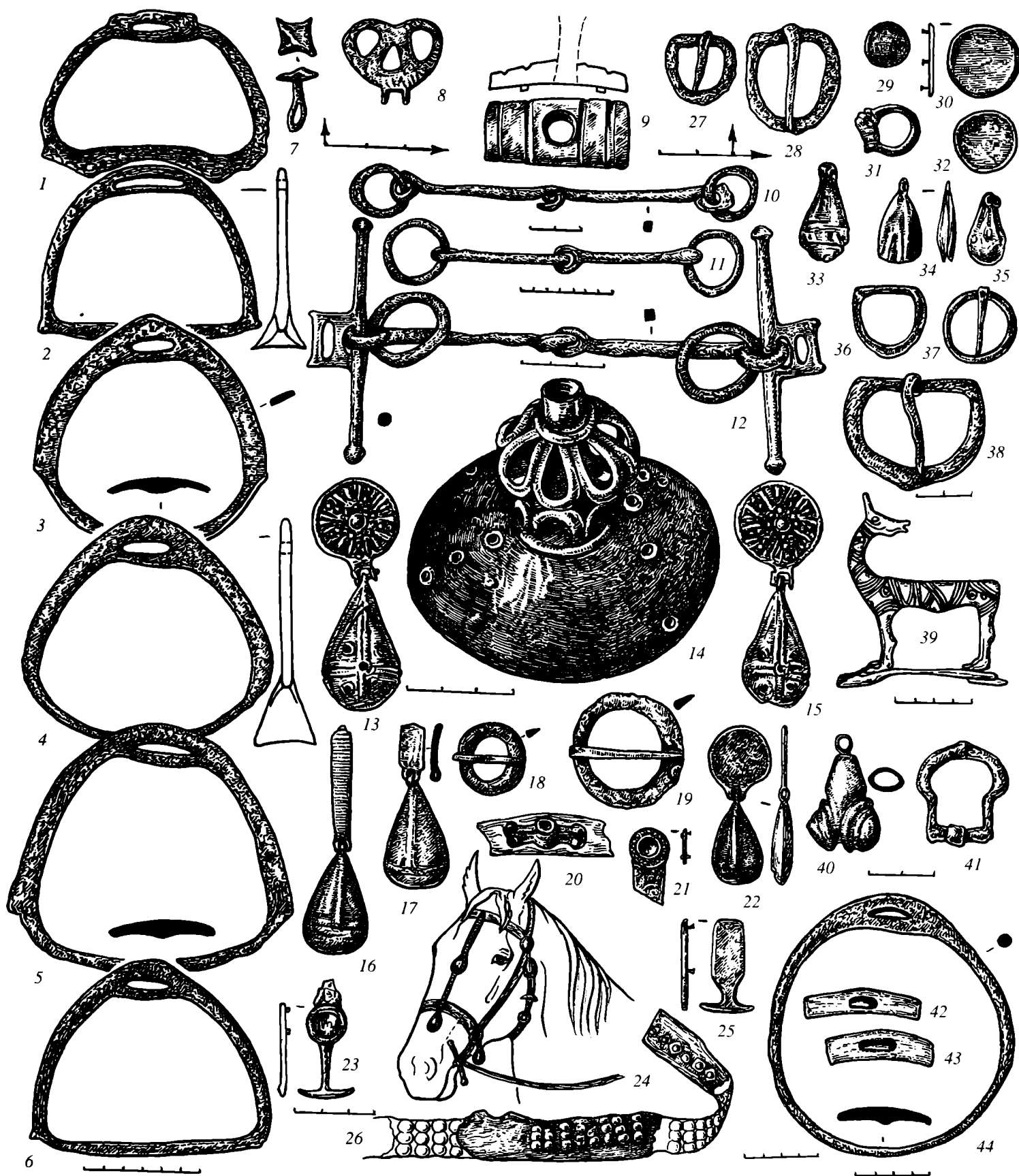

Таблица 98. Конская упряжь из кремационных подкурганых погребений с конем конца XI–XIII вв.

1–6, 44 – стремяна; 7 – деталь седла; 8, 13, 15–26, 29, 30, 32–35, 40 – уздечные бляшки-накладки и бубенцы; 10–12 – удила; 18, 19, 27, 28, 36–38, 41 – подпружные и уздечные пряжки; 9 – наносник; 14 – начельник; 24 – реконструкция оголовья; 39 – украшение упряжи; 42, 43 – пурки-застежки. 1–7, 11, 18, 19, 27, 28, 38, 44 – железо; 8, 9, 16, 17, 20–26, 29–37, 40, 41 – бронза; 10, 12 – железо с бронзой; 13–15, 39 – бронза с позолотой; 42, 43 – кость

Могильники: Шесхарис – 1 – п. л. 3; на г. Сапун – 2 – к. 14; 4, 7, 9, 11, 27, 28 – к. 19; 5, 36 – к. 22; 13–15 – к. 5; Цемдолинский курганный – 3, 12, 16, 17, 21–24, 26, 38 – к. 14; 6, 18–20, 29–35 – к. 4, п. л. 1; 25, 26, 40–44 – к. 3; 37 – к. 9; Потомственный – 8, 39. Составлена Е.А. Армарчук

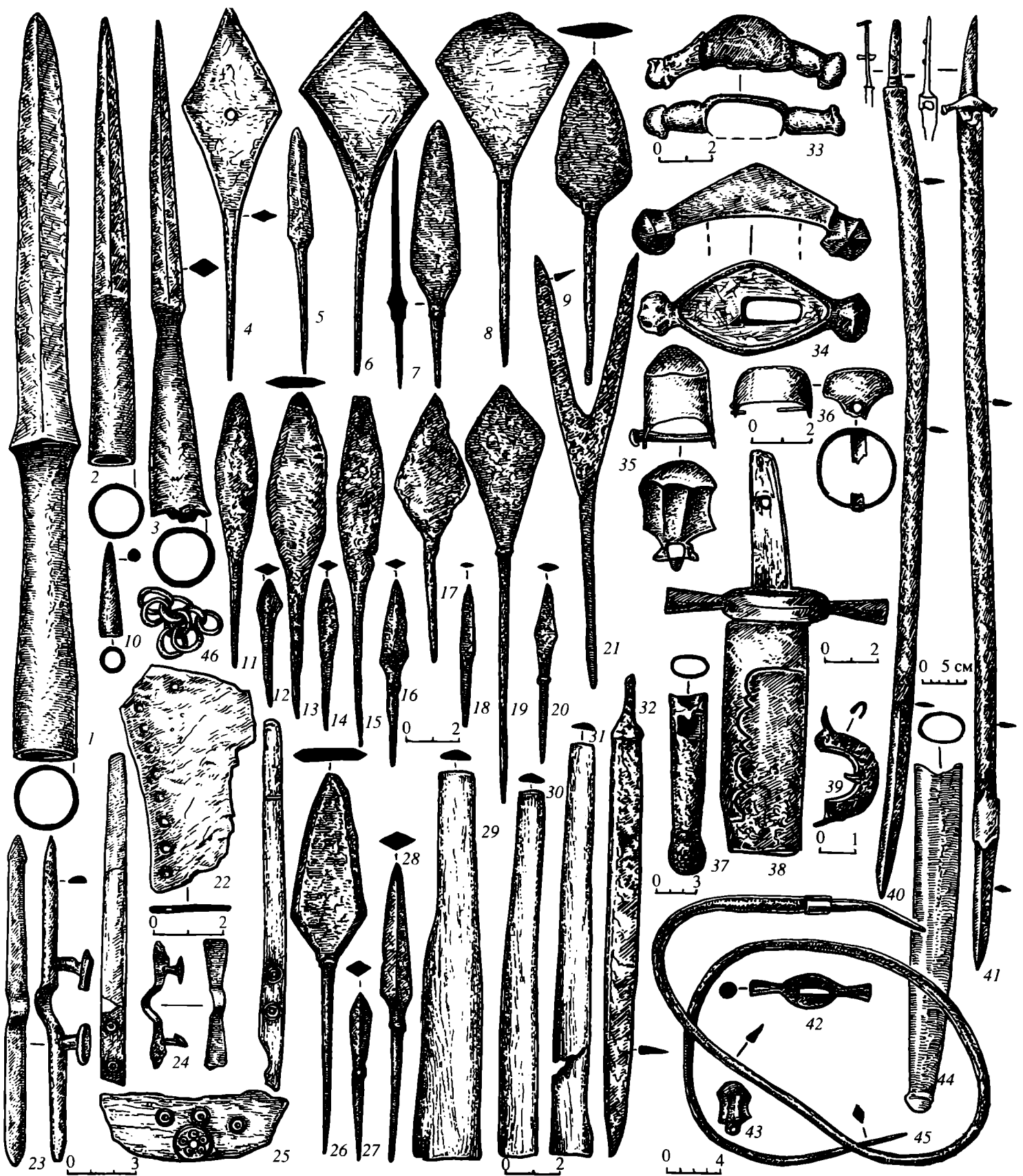

Таблица 99. Оружие из кремационных подкурганых погребений конца XI–XIII вв.

1–3 – наконечники копий; 4–21, 26–28 – наконечники стрел; 22 – пластина обивки колчана; 23, 24 – колчанные петли-скобы; 25 – колчанные накладки в порядке их расположения in situ; 29–31 – накладки лука; 32 – нож с долом; 33–34 – перекрестия сабель; 35, 36 – навершия сабельных рукоятей; 37 – наконечник сабельных ножен; 38 – верхняя часть сабли с накладной пластиной и перекрестием; 39 – скоба сабельных ножен; 40, 41 – сабли; 42–45 – сабля с комплектом сабельной гарнитуры – перекрестием, навершием рукояти и наконечником ножен. 1–9, 11–24, 26–28, 32–45 – железо; 10, 25, 29–31 – кость

Могильники: у Керченской щели – 1, 2; на г. Сапун – 3 – к. 22; 4–7, 28 – к. 5; 8, 9 – к. 19; 25 – к. 14; 32 – к. 26; Цемдолинский курганный – 10, 29 – к. 3; 11, 13, 15–17, 20, 27 – к. 14; 12, 22, 23 – к. 13; 14, 18, 19, 21, 26, 30, 31 – к. 4; 24 – к. 4, п. 2; 37, 39 – к. 2; 38, 42–45 – к. 7; у с. Кабардинка – 33 – к. 40; Борисовский курганный – 34, 36 – к. 5; Цемдолинский на пашне – 35 – п. 46; 40 – п. 42; 41 – п. 20. Составлена Е.А. Армарчук

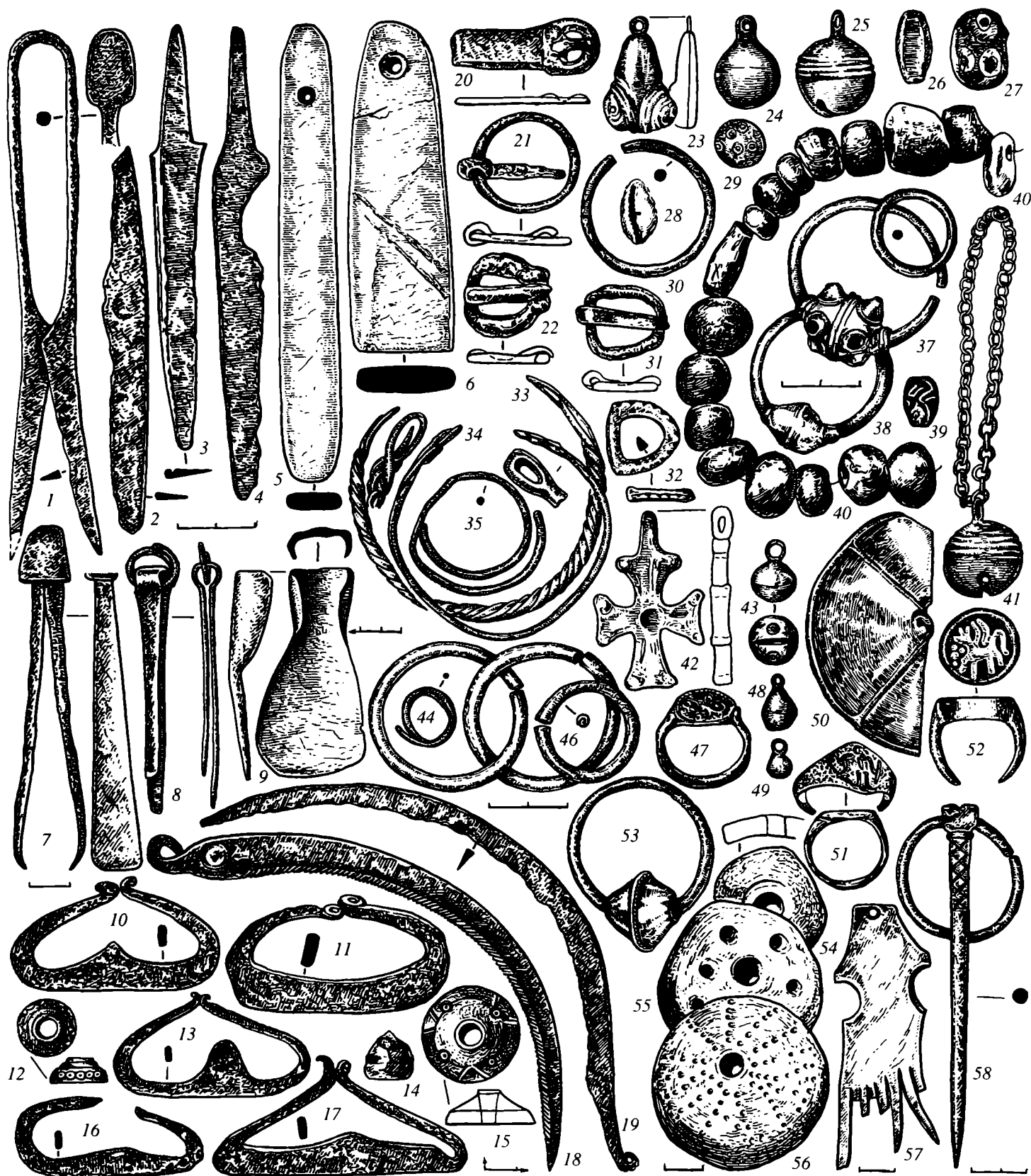

Таблица 100. Бытовые предметы и украшения из кремационных подкурганых погребений конца XI–XIII вв.

1 – ножницы; 2–4 – ножи; 5, 6 – оселки; 7, 8 – пинцеты; 9 – мотыжка; 10, 11, 13, 16, 17 – кресала; 12, 15 – пуговицы-пронизы; 14 – кремешок; 18, 19 – складные серпы; 20–22, 31, 32 – пряжки; 23–25, 41, 43 – бубенчики; 26, 27–29, 39, 40 – бусы; 30, 35, 37, 38, 45, 46, 53 – височные кольца; 33, 34 – браслеты; 36, 44 – кольца для подвешивания; 42 – крест; 47, 51, 52 – перстни; 48, 49 – пуговицы; 50 – зеркало; 54–56 – пряслица; 57 – гребешок; 58 – булава. 1–4, 7, 9–11, 13, 16–22, 31 – железо; 5, 6 – камень; 8, 23–25, 30–36, 41–44, 46–52, 58 – бронза; 12, 15, 57 – кость; 14 – кремь; 26 – сердолик; 27, 29, 39 – стекло; 28 – каури; 37, 38, 45, 53 – серебро; 40 – стекло, сердолик, 54–56 – керамика

Могильники: на г. Сапун – 1 – к. 19; 7, 50 – к. 20/п. 1; 19 – к. 19, п.л.; 33 – к. 10; 34, 40 – к. 12/п. 1; 39 – к. 5; 41, 58 – к. 22/п. 1; 45, 47 – к. 8; 51 – к. 13/п. 2; 57 – к. 18/п. 2; Цемдолинский курганный – 2, 5, 13, 25, 31 – к. 8; 3, 4, 8, 17, 24, 28, 35, 37, 38, 44, 48, 49 – к. 14; 6, 16, 20, 22 – к. 7; 10, 29, 46 – к. 5; 11, 18, 27, 30, 36 – к. 11; 21 – к. 9; 23, 26 – к. 3; 42, 53 – к. 10; Борисовский курганный – 9 – к. 18; 12 – к. 2; 15 – к. 7; 32 – к. 14; 43 – к. 18; у Керченской щели – 52 – к. 17; Пивни – 54–56. Составлена Е.А. Армарчук

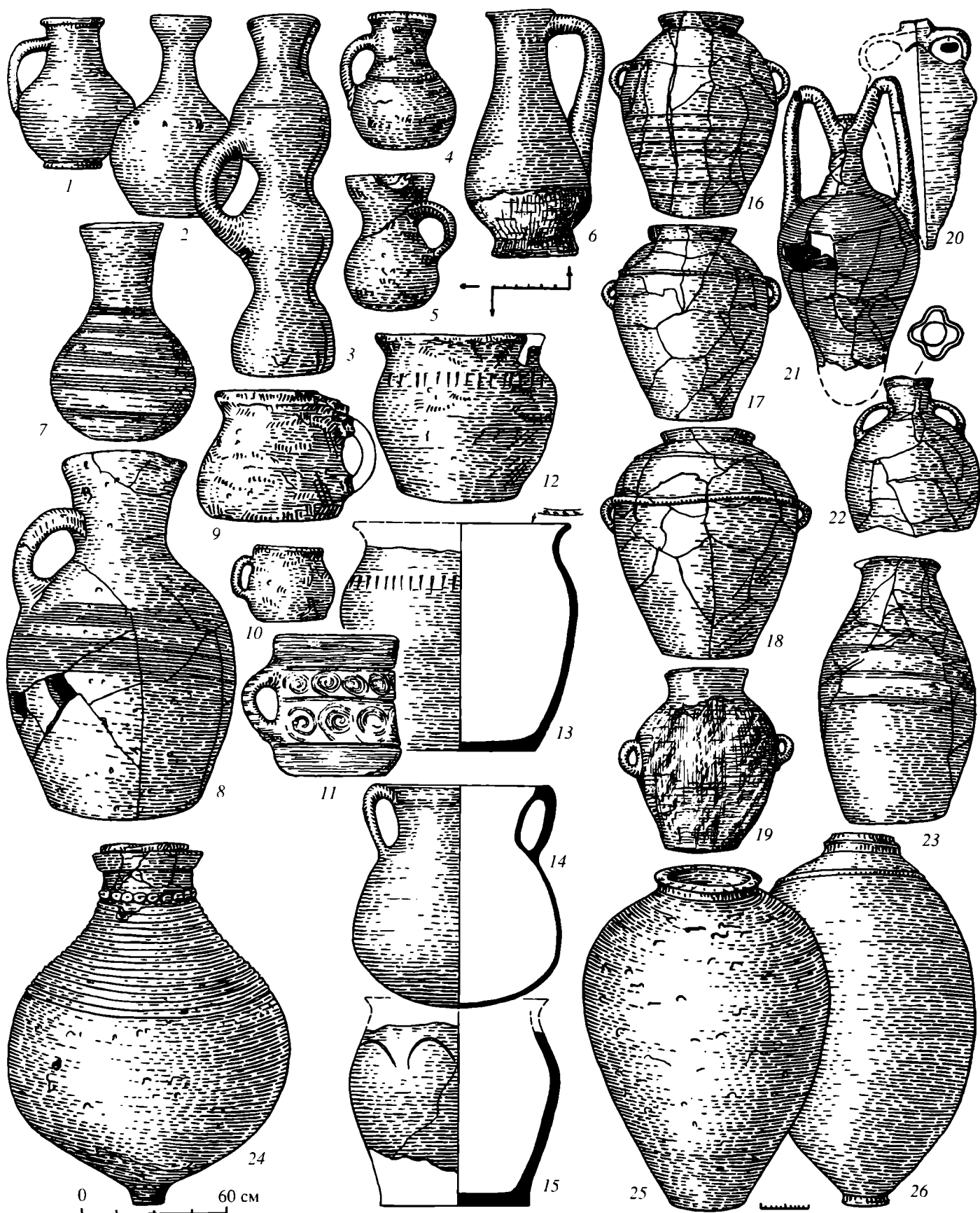
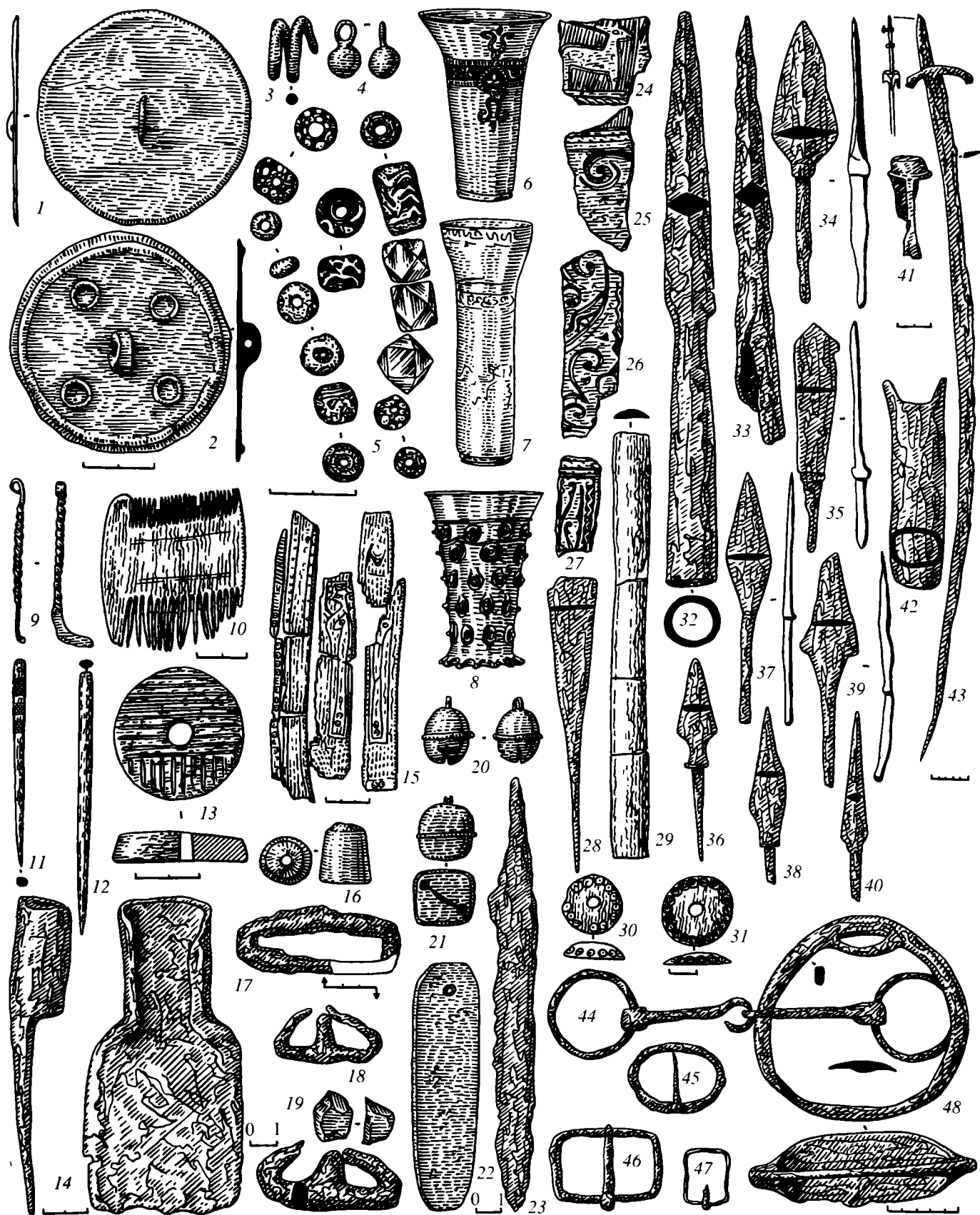

Таблица 101. Керамика из могильников и с поселений Северо-Восточного Причерноморья

1–5, 7, 8, 22 – круговые красноглиняные кувшины; 6 – белоглиняный кувшин с зеленой поливой; 9, 10, 12, 13, 15 – лепные сосуды; 14 – круговой горшок; 16–19, 23 – урны; 20, 21 – амфоры; 24–26 – пифосы. 1–12 – из ингумационных, 16–23, 25, 26 – из кремационных погребений; 13–15, 24 – с поселений.

Могильники: под Анапой, у дороги на Варваровку – 1 – к. 5; 2, 10, – к. 4; на г. Сапун – 3, 12 – к. 9/п. 2; 4 – к. 14/п. 2; 5, 9 – к. 14/п. 5; 6 –

к. 4/п. 2; 8 – к. 25/п. 3; у Раевского городища – 7 – к. 1/п. 3; Андреевская щель – 11 – п. 3; Цемдолинский курганный – 16 – к. 5; 17, 19 – к. 8; 18 – к. 11; 22 – к. 13; 23 – к. 2; на р. Жанэ – 20 – к. 1; у с. Кабардинка – 21 – к. 2; из Архипо-Осиповки – 25; Шесхарис – 26 – п. 16. Поселения: Глебовское – 13–15; Малый Утриш – 24. Составлена Е.А. Армарчук

Таблица 102. Инвентарь ингумационных погребений в каменных ящиках конца XIII–XIV в.

1, 2 – зеркала; 3 – височное кольцо; 4 – пуговка; 5 – бусы; 6–8 – стаканы; 9 – ногтечистка; 10 – гребень; 11, 12 – проколки; 13 – пряслице; 14 – мотыжка; 15, 24–27 – колчанные накладки; 16 – наперсток; 17–19 – кресала; 20, 21 – бубенчики; 22 – оселок; 23 – нож; 28, 34–40 – наконечники стрел; 29 – накладка на лук; 30, 31 – пуговицы-пронизи; 32, 33 – наконечники копий; 41, 43 – сабля и навершие сабельной рукояти; 42 – наконечник сабельных ножен; 44 – удила; 45–47 – сбруйные пряжки; 48 – стремена. 1–4, 9, 16, 20, 21 – бронза; 5 – стекло, горный хрусталь; 6–8 – стекло; 10 – самшит; 11, 12, 15, 24–27, 29–31 – кость; 13 – глина; 14, 17–19, 23, 28, 32–48 – железо; 22 – камень

Могильники: Цемдолинский на пашне: 1, 16, 19, 34 – п. 38; 17, 21, 42 – п. 36; 30, 31 – п. 34; 36, 37, 39 – п. 2; 48 – п. 44; у с. Кабардинка: 2, 4, 5, 18 – к. 7/п. 4; 3, 13 – к. 29; 9, 14 – к. 22; 11, 12 – к. 16; 20 – к. 36; 32 – к. 6; 33 – к. 25; 43 – к. 20; на г. Сапун: 6 – к. 6/п. 2; у подножья г. Мысхако: 7, 24–27 – к. 1; из окрестностей Дузу-кале – 8; в пос. Мысхако – 5, 10, 15; Цемдолинский курганный: 22, 23, 38 – к. 12/п. 1; в Новороссийске, по ул. Днестровской: 28, 29, 36, 40 – к. 6; 44, 46 – к. 2, п.л.; 45, 47 – к. 7, п.л. Составлена Е.А. Армарчук

Часть III

Закавказье

Грузия

Глава 10

Грузия в эпоху раннего средневековья (IV–VIII вв.)

С первых веков нашей эры значительную роль в экономической, политической и культурной жизни Кавказа и всего Ближнего Востока играли Картлийское и Эгрисское царства (рис. 15) [Очерки истории Грузии, 1988. С. 396, рис. 1]. После объявления христианства государственной религией, процесс дальнейшего культурного и политического сближения (и, впоследствии, слияния) этих двух грузинских государств получает новый размах. Он не ослабевает даже после временного ослабления Картлийского царства и, соответственно, усиления Эгриси (Лазики) в IV–V вв., когда Закавказье превратилось в арену ожесточенных битв между мировыми державами – Византией и Ираном.

Источники. С раннехристианского периода являются сохранившиеся до наших дней первые грузинские письменные произведения и эпиграфические памятники, которые содержат весьма богатые сведения о политической, социальной и культурной жизни грузинского народа [Меликишвили Г.А., 1977. С. 22–62; Новосельцев А.П., 1980. С. 39 и сл.; Корпус грузинских надписей, 1980]. Среди грузинских источников в первую очередь следует отметить хронику “Обращение Грузии” и свод древнегрузинских летописей “Картлис цховреба” [КЦ, 1955] – ценнейший источник по истории Грузии.

Несмотря на эпический характер некоторых сведений, эти источники содержат ценнейшие факты и на фоне новых археологических открытий заслуживают все более возрастающего доверия.

При исследовании кардинальных проблем истории Грузии и, особенно, вопросов материальной и духовной культуры, важные сведения можно почерпнуть из оригинальных грузинских литературных произведений, в основном агиографического характера [Джавахишвили И.А., 1945; Кекелидзе К.С., 1954], среди которых особо следует отметить “Мученичество Шушаник”, написанное очевидцем этих происшествий в 80-х годах V в.

Среди лапидарных памятников особое значение приобретают надписи: из Болниса, датирующиеся второй половиной V в. [Чубинашвили Г.Н., 1940.

С. 62–78; Мачавариани Е.М., 1985], Палестинии [Церетели Г.В., 1960], Урбниси [Корпус грузинских надписей, 1980. С. 62–63], с. Давати [Рамишвили Р.М., 1986; Патаридзе Р.М., 1987; Нарсидзе Г., 1987; 1987а].

Следует также назвать открытые археологическими исследованиями в Грузии арамейские [Церетели Г.В., 1948; Анакидзе А.М. и др. 1958 и др.], греческие [Каухчишвили С.Г., 1943 и др.] и еврейские эпиграфические памятники, подтверждающие достоверность сообщений древнегрузинских источников о существовании в столице Картлийского царства еврейской колонии [Церетели Г.В., 1940].

Ценнейшие сведения по истории Грузии ранне-средневекового периода содержат также работы историков древней Армении, которые, во многих случаях, были лучше информированы о Грузии, чем византийские, латинские, арабские, сирийские и другие авторы. Среди них особенно следует выделить армянскую географию VII в. анонимного автора [Абегян М., 1948].

Много интересного по истории Грузии можно почерпнуть из трудов византийских [Каухчишвили С.Г., 1961] и арабских авторов [Жузе П.К., 1927].

Несмотря на то, что за последние десятилетия источниковедческая база по истории заметно расширилась, все же одним из основных источников по истории Грузии и Кавказа раннего средневековья остаются памятники материальной культуры.

В Грузии памятники раннесредневекового периода впервые были выявлены в Уплисхихе (Мегвинетухуцеси в 1842 г.) и на Самтаврском могильнике в Мцхета в 1870 г. (Фр. Байери). Из дореволюционных исследователей особенно следует отметить заслуги П.С. Уваровой и Е.С. Такаишвили. Интенсивное изучение археологических памятников раннехристианского периода заметно расширилось с 30-х годов XX в. (С.И. Макалатия, Г.К., Ниорадзе, Г.С. Читая, Б.А. Куфтин, М.М. Иващенко, Л.В. Мухелишвили). В последний период, особенно после второй мировой войны, исследование памятников раннего средневековья получает новый размах.

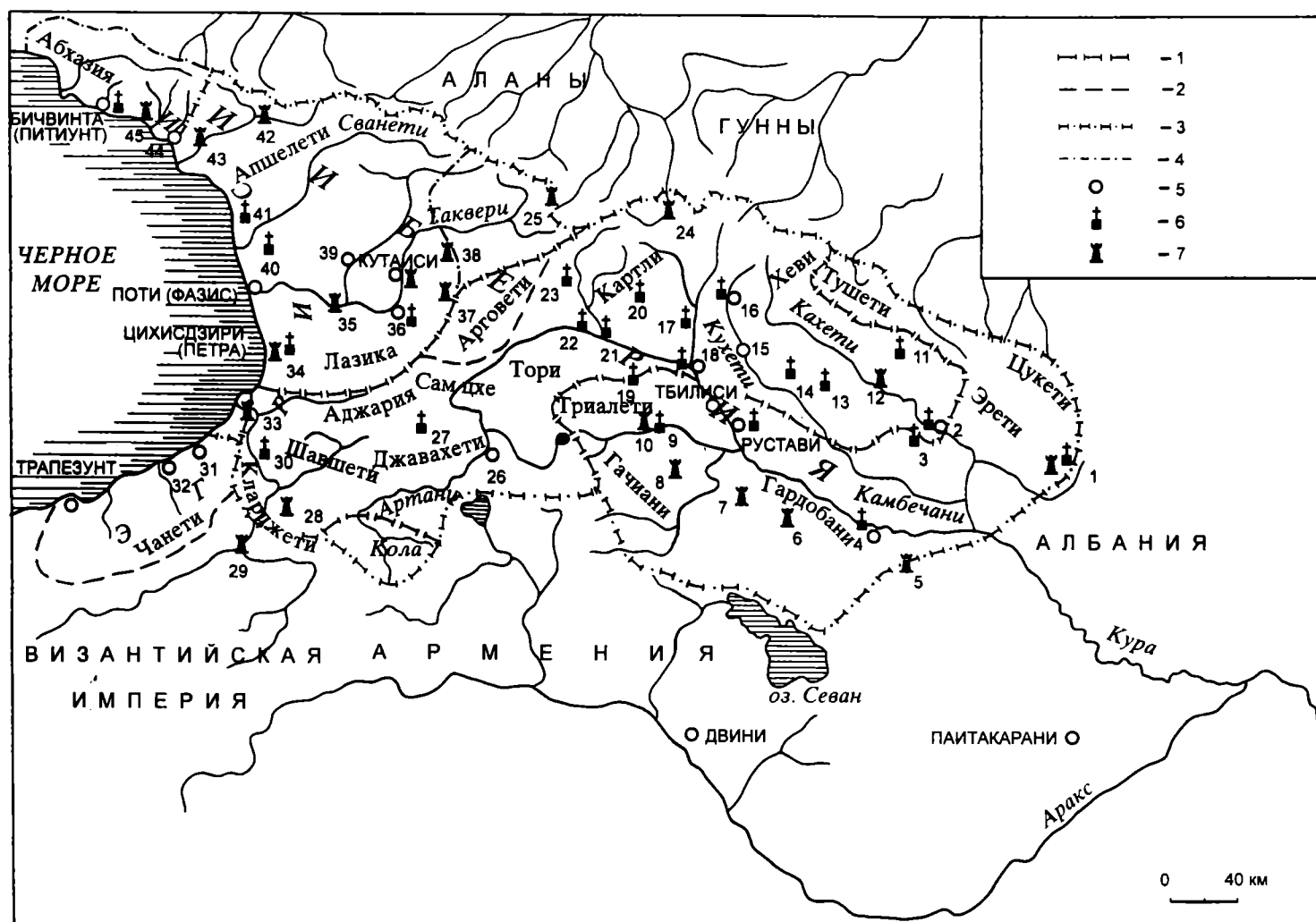

Рис. 15. Политическая карта Грузии IV–VI вв.

1 – Гиши; 2 – Хорнабуджи; 3 – Бодбе; 4 – Хунани; 5 – Хилхала; 6 – Дзори; 7 – Колби; 8 – Цопи; 9 – Болниси; 10 – Самшвилде; 11 – Некреси; 12 – Велисцхе; 13 – Черемя; 14 – Ниноцминда; 15 – Уджарма; 16 – Жалети; 17 – Цалкани; 18 – Мцхета; 19 – Манглиси; 20 – Самтависи; 21 – Урбниси; 22 – Руиси; 23 – Никози; 24 – Арагвискари; 25 – Касрискари; 26 – Цунда; 27 – Эрүшети; 28 – Артануджи; 29 – Тухариси; 30 – Ахиза; 31 – Атина; 32 – Ризе; 33 – Апсарос;

34 – Петра; 35 – Толеби; 36 – Вардцixe; 37 – Шорапани; 38 – Сканда; 39 – Цихегоджи; 40 – Цаиши; 41 – Дзиханеоси; 42 – Чахари; 43 – Цебельда; 44 – Севастополис; 45 – Трахеа. Условные обозначения: 1 – Иберия в середине IV в.; 2 – Эгриси во второй половине IV – первой половине V в.; 3 – Иберия во второй половине V – начале VI в.; 4 – Эгриси в VI в.; 5 – города; 6 – центры епархий; 7 – крепости. Составлена Р.М. Рамишвили по материалам Д.Л. Мухелишвили

Принятие христианства, проблемы периодизации

Важнейшим рубежом в истории Грузии было принятие христианства. В 326 г. царь Мириан официально провозгласил в Картлийском царстве христианство в качестве государственной религии. По мнению некоторых ученых христианство примерно тогда же было объявлено государственной религией в Лазике [Ломоури Н.Ю., 1968. С. 130] (рис. 16).

Принятие христианства имело для Грузии не только огромное политическое, социальное и экономическое, но и большое культурное значение, вызвавшее поразительные перемены в быту и мышлении народа. Следы таких кардинальных перемен очень хорошо прослеживаются по археологическим материалам.

Так, фундаментально меняется мода как в одежде, так и в сфере украшений, большое распространение получает каменное строительство на известковом

растворе и распространяется христианская архитектура, появляются новые оригинальные литературные произведения. Анализ материалов, добытых при раскопках поселений, показал, что материальная культура Грузии в раннем средневековье развивалась традиционно по постоянно восходящей линии и что все основные отрасли хозяйства (гончарное, металлообработка, строительное дело, златокузнечество, отдельные отрасли прикладного искусства) испытывали логическое развитие и неуклонную эволюцию.

Прежде чем приступить к рассмотрению материальной культуры Грузии, коснемся периодизации, ибо она создает тот каркас, в рамках которого возможно будет проследить развитие разных областей материальной культуры раннесредневекового периода. При разработке периодизации истории средневековой Грузии совершенно новое, обоснованное слово

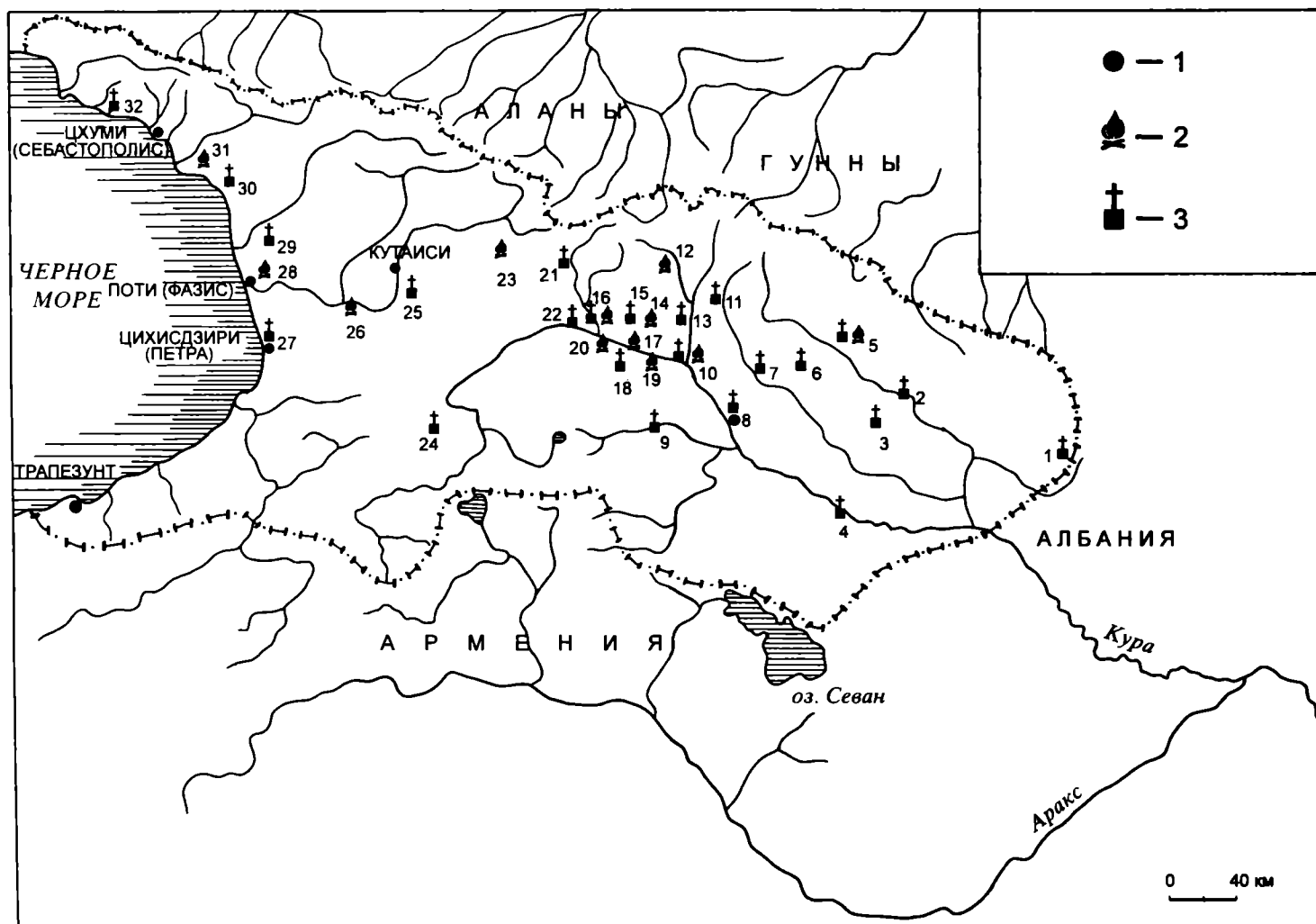

Рис. 16. Языческие и древнейшие христианские центры

1 – Гиши; 2 – Хорнабуджи; 3 – Бодбе; 4 – Хунани; 5 – Некреси; 6 – Черemi; 7 – Ниноцминда; 8 – Рустави; 9 – Болниси; 10 – Мцхета; 11 – Жалети; 12 – Ахали Жинвали; 13 – Цялкана; 14 – Дзалиса; 15 – Самтависи; 16 – Урбниси; 17 – Настакиси; 18 – Манглиси; 19 – Цихиагора; 20 – Дедоплис Миндори; 21 – Ни-

кози; 22 – Руиси; 23 – Саирхе; 24 – Эршети; 25 – Вардцихе; 26 – Вани; 27 – Петра; 28 – Поти; 29 – Цихегоджи; 30 – Дзиханеоси; 31 – Севастополис; 32 – Бичвинта (Питиунт). Условные обозначения: 1 – современные поселения; 2 – языческие центры; 3 – древнейшие христианские центры. Составлена Р.М. Рамияшвили

принадлежит С.Н. Джанашия. По мнению ученого, феодальный способ производства в Грузии формируется уже в IV в. [Джанашия С.Н., 1949. С. 127]. Дальнейшее укрепление феодального строя происходило в VI–VIII вв., а IX–X вв. являются периодом дальнейшего углубления феодальных отношений.

Несмотря на некоторые разногласия при разработке периодизации истории средневековья, боль-

шинство историков, особенно второй половины XX в., склоняются к тому, чтобы раннее средневековье определить IV–VIII вв.

В данном разделе будут рассмотрены те археологические памятники, которые соответствуют раннему средневековью и дают возможность охарактеризовать раннехристианскую материальную и духовную культуру.

Города и города-крепости

Вместе с “древними городами” грузинских источников, большинство которых продолжало свое существование (Мцхета, Уплисцихе, Урбниси, Одзрхе, Некреси, Цихисдзири, Поти, Цхуми (Севастополис), Бичвинта (Питиунт), Нокалакеви (Археополис и др.), возникают и развиваются новые, среди которых особенно можно выделить Тбилиси, Рустави, Уджарма, Черemi, Вардцихе, Артануджи

и др. Все эти древние и новые города продолжали играть огромную роль в политической, экономической и культурной жизни Иберии и Эгриси.

Среди городов раннехристианской Восточной Грузии в первую очередь следует отметить Тбилиси, возвышение которого начинается с IV в. н.э., а с V в., при царе Вахтанге Горгасали на территории нынешнего старого города начинаются строитель-

ные работы с целью перенесения царского трона из Мцхета в Тбилиси. Выбор правителя Картли оказался столь удачным, что впоследствии Тбилиси превратился в столицу всей Грузии [Ломтатидзе Г.А., 1959; Месхия Ш.А., 1959; Чилашвили Л.А., 1970; Ткешелашвили О.В., 1986].

В письменных источниках название Тбилиси впервые упоминается в IV в. [Обращение Грузии, 1964. С. 95; КЦ, 1955. С. 136]. Первоначально Тбилиси состоял из трех городов: Тбилиси, Кала и Исани, из которых Исани находится на левом берегу Куры, а Тбилиси и Кала, разделенные речкой Сололакис-хеви, были расположены вдоль правого берега Куры [Ткешелашвили О.В., 1986].

Как предполагают, из этих трех частей города самым древним был Тбилиси, где текли теплые источники и откуда произошло его название. Кала со своей крепостью, видимо, возникла во второй половине IV в. и занимала довольно обширную территорию от современной Сололакской аллеи, где находится цитадель крепости, до Куры, включая в себя Сиони и Анчисхати. В Исани (на территории современного Авлабари), в районе Метехи позже возникли дворцы грузинских царей, крепость, жилые кварталы ремесленников и городской могильник (табл. 103: 1).

Город-крепость Тбилиси со второй половины IV в. становится заметным экономическим и политическим центром. Учитывая его выгодное стратегическое расположение, правители сасанидской Персии превращают Тбилиси в свой опорный пункт для контроля над столицей Картлийского царства – Мцхета с целью давления на правителей Грузии [Очерки истории Грузии, 1988. С. 93]. Грузинская царская власть, понимая опасность этой акции, всячески препятствовала персам укрепиться в Тбилиси. Решающие шаги в этом направлении были сделаны энергичным правителем Грузии Вахтангом Горгасали. Ценой огромного напряжения при Вахтанге Горгасали осуществились большие строительные работы не только в Тбилиси, но и в других частях всей Картли и, особенно, в восточных провинциях Картли, где возникают или же заново застраиваются такие крупные экономические и политические центры, какими являлись города: Уджарма, Череди, Некреси, Хорнабуджи и др. В условиях сложной политической ситуации Вахтангу Горгасали не удалось завершить начатые в Тбилиси строительные работы, они были доведены до конца наследником Вахтанга Горгасали – царем Дачи [КЦ, 1955. С. 205].

Значительные археологические материалы, которые могут способствовать изучению раннехристианской эпохи, обнаружены как в самом центре города, между Сионским кафедралом и базиликой Анчисхати, на площади Ираклия Второго, так и в периферийных частях Тбилиси (Вашлиджвари-Дигоми, Глдани и др.). Археологические исследования на площади Ираклия Второго, проводимые в

1956–1957 гг. дали значительные материалы для ранней истории Тбилиси [Гзелишвили И.А., Ткешелашвили О.В., 1961]. Самые нижние слои мощного стратиграфического разреза, толщиной в несколько метров, содержали материалы, которые датируются III–IV и IV–V вв. Среди ранних архитектурных памятников в окрестностях площади Ираклия Второго особого внимания заслуживает базилика Анчисхати, которая датируется VI в. [Цинцадзе В.Г., 1958]. По мнению Г.Н. Чубинашвили, Анчисхатскую трехнефную базилику следует идентифицировать с церковью Святой Марии, которая была построена царем Картли Дачи в начале VI в., возможно, как епархиальный центр (как известно, с 506 г. в письменных источниках упоминается епископ Тбилиси).

Вторая “большая” церковь, находившаяся в пределах исторической Кала, исследователями отождествляется с кафедральным собором Сиони, который был построен на рубеже VI и VII вв.

Результативными оказались археологические исследования в цитадели крепости Нарикала (табл. 103: 2), хотя из-за того, что пока здесь изучались культурные слои развитого и позднего средневековья, более ранние материалы обнаружены единичными экземплярами [Ломтатидзе Г.А., Ткешелашвили О.В., Гзелишвили И.А., 1967].

Большой интерес вызывает сама архитектура Кала, сравнительно удовлетворительно сохранившаяся в цитадели, где можно выделить строительные пласты времен Вахтанга Горгасали. Кладка стен этого периода характеризуется регулярностью; для строительства использованы небольшие квадраты из песчаного камня на крепком известковом растворе.

Следует отметить, что большие археологические работы были проведены в 1948–1950-х гг. и на юго-восточной окраине старого Тбилиси, где изучались гонимые мастерские развитого средневековья. По сведению Моисея Каланкатваца, во время нашествия византийско-хазарских войск под предводительством византийского императора Ираклия, Тбилиси был “избалованным, торгующим и прославленным большим городом”. В 628 г. город был взят и ограблен, завоеватели были удивлены количеством золотых и серебряных монет и изделий, которые горой возвышались перед хазарским ханом. Несмотря на неоднократные нашествия и разорения (хазары, персы, арабы и пр.), и в дальнейшем Тбилиси занимал видное место. Анализ грузинских и иноземных источников дает возможность установить, что главный городской могильник был расположен в левобережной части города – в Исани, но из-за заселенности этого района вести там археологические исследования почти невозможно.

Мцхета (табл. 103: 7). После введения христианства и разгрома главных языческих храмов и идолов в пределах царской резиденции, со второй по-

ловины IV в. преимущество получает та часть города, где раньше располагался царский сад. В центре этого сада на месте нынешнего кафедрального собора Светицховели, была построена первая официальная церковь, резиденция главы христианской организации Иберии (Картли). Территория бывшего сада с IV в. превращается в своеобразный идеологический центр города и всего государства.

По археологическим данным, именно с IV в. в Мцхета возникают новые жилые и ремесленные кварталы, оборонительные сооружения и коммуникации. Особенно густо были заселены район Светицховели и юго-восточные склоны Мцхетской горы, где были выявлены многочисленные жилые и хозяйственные помещения и остатки общественных зданий. По этим материалам можно проследить и социальную географию самого Мцхета. В окрестностях Светицховели, в равнинной части города и на нижних террасах Мцхетской горы, очевидно, были сосредоточены жилые кварталы ремесленников и простолюдинов, а в непосредственной близости от Светицховели располагались остатки большого двухэтажного здания дворцового типа, предварительно датирующиеся V–VI вв. По мнению авторов раскопок, в данном здании можно видеть дворец царя Картли – Вахтанга Горгасали [Каландадзе А.Н., Бохочадзе А.В., 1964. С. 15].

Прямоугольное здание двухэтажного дворца, построенное из тесанных больших квадров, основывалось на мощном фундаменте и двухступенчатом цоколе. Стены сооружения были укреплены прямоугольными пилястрами, выступающими по обоим фасадам стен, южная стена дополнительно была укреплена мощными контрфорсами. Фрагменты второго этажа зафиксированы на западном фасаде здания, где в кладке ограды позднего периода случайно сохранена одна пилястра, завершенная капителью. Длина здания – 40 м, общая площадь – 740 кв. м.

Как показали археологические исследования, на верхних террасах Мцхетской горы с первых веков н.э. были расположены жилые дома аристократии. Жилые и хозяйственные строения отличались большими размерами и добротным строительным материалом с использованием известкового раствора, хотя в первых веках христианизации Грузии сырцовый кирпич по-прежнему оставался одним из самых излюбленных строительных материалов.

Огромное влияние на развитие строительной техники и гражданскую архитектуру в целом произвела бурно развивающаяся христианская культовая архитектура. С V в. в гражданском и фортификационном строительстве постепенно укореняется каменная кладка на известковом растворе, позже такой прием строительства находит всеобщее распространение. Для выяснения вопросов градостроительства и характеристики строительного искусства раннесредневекового Мцхета значительные материалы были добыты в 1958–1962 гг. на северо-

западе от Светицховели, где в стратиграфическом разрезе мощностью 3–4 м были выделены шесть культурных слоев. Из них к раннему средневековью относились IV и V слои [Бохочадзе А.В., Каландадзе А.Н., Пицхелаури К.Н., 1962. С. 31–39]. Например, в четвертом культурном слое мощностью 0,9 м, находящемся на глубине 1,2–1,3 м от поверхности земли, были обнаружены остатки крупного здания в сопровождении многочисленных археологических материалов. Комплекс состоял из семи помещений разных размеров. Стены были построены из булыжного камня, кладка “елочного” типа на глиняном растворе. В восточной части здания обнаружен построенный из плоских камней канализационный коллектор. По керамическому материалу и обломкам стеклянных сосудов архитектурное сооружение предварительно датируется VI в., а разрушение, по всей вероятности, произошло при сильном пожарище не позднее IX в. По находкам из других уголков Мцхета и раскопанным сооружениям можно заключить, что особенно бурно и плотно Мцхета застраивалась в IV–VI вв. На крупных жилых и общественных зданиях применялась черепичная кровля, а основная масса жилых домов, принадлежащих простым горожанам, имела глинобитную плоскую кровлю.

По всей территории нынешней Мцхета раскопками обнаруживаются также остатки сложного коммунального хозяйства: водопроводные глиняные трубы и закрытые плоскими камнями коллекторы, водосточные устройства и канализационные сооружения.

После христианизации Иберии интенсивная застройка территории города Мцхета, как свидетельствуют археологические факты, не проходила самовольно и сумбурно. На Самтаврском могильнике в 1938 г. был обнаружен каменный ящик раннего средневековья, продольные стены которого были составлены из двух плоских надгробных плит (стел) более раннего происхождения с надписями на греческом и еврейском языках на каждой [Апакидзе А.М., 1968. С. 195–199, табл. IV, I]. Греческая надпись на разломанной на две части плите состоит из 15 строк и по чтению Т.С. Каухчишвили гласит: “Я, Аврелий Ахолл, главный художник и архитектор, здесь покоюсь вместе со своей супругой Бевразурией. Прошу друзей и прохожих следить так, чтобы кто-либо не захотел (захоронить) с нами вместе или (нашего) племени и другой чужеземец будет нести ответ в день своего воскресения” [Каухчишвили Т.С., 1951. С. 255]. По палеографическим данным надпись датируется IV в. [Каухчишвили С.Г., 1943. С. 581] и указывает на существование в Мцхета должности главного архитектора и художника, под руководством которого, видимо, и проходила перестройка и застройка столицы новохристианского государства. Следует отметить, что и вторая надпись на еврейском языке из этого же

каменного ящика, где упоминаются Иосиф Бар Газан и Шаллум, тоже датируется IV–V вв. н.э. [*Церетели Г.В.*, 1940. С. 424] и указывает на наличие еврейского поселения в древней столице Грузии и в раннехристианском периоде [*Анакидзе А.М.*, 1959. С. 110–112; Мцхета, I. 1995. С. 206].

Резкое увеличение мцхетского населения с первых веков христианизации повлекло за собой и возникновение на территории “Большого Мцхета” нескольких могильников, один из которых размещался на Самтаврском поле и стал главной усыпальницей растущего города. Самтаврский могильник занимает свыше 14 га, здесь раскопано около 3000 погребений.

За последние десятилетия в пределах “Большого Мцхета”, кроме Самтаврского могильника, были исследованы раннесредневековые могильники в Армазисхеви [Мцхета, I. 1995], в Мартазисхеви, Карснисхеви, Нареквави, на Мцхетской горе, в местечке Туиакоchora, в Цицамури и др. С самого раннего этапа христианизации Грузии в Мцхета повсеместно распространяется христианский обряд захоронения, и основным погребальным сооружением становится каменный ящик (своеобразная семейная усыпальница), хотя в единичных случаях встречаются и глиняные саркофаги или же грунтовые могилы. По сравнению с предхристианским периодом, резко меняется и погребальный комплекс: из могил исчезают керамические изделия, но появляются стеклянные сосуды; резко уменьшаются или же совершенно пропадают драгоценные украшения и предметы вооружения, но появляются новые виды украшений, фибулы и булавки, связанные с распространением новой моды одежды. Погребальный инвентарь из могильников Мцхета дает представление о городском ремесле. В ремесленных кварталах Мцхета, кроме стеклодувного производства, успешно развивались такие традиционные ремесла, какими являлись гончарство, ювелирное искусство, кузнечное дело. Мастера и ремесленники отдельных отраслей, как свидетельствует древнегрузинское литературное произведение “Мученичество Евстафия Мцхетского”, имели свои профессиональные объединения, например: Евстафий Мцхетский, перс по происхождению и христианин по вероисповеданию, являлся членом корпорации обувщиков. Любопытно отметить, что по тому же источнику, профессии обувщика Евстафий обучился по приезду в Мцхета, после 541 г. [*Кекелидзе К.*, 1954. С. 482]. Логично предположить, что кроме обувщиков, свою профессиональную организацию в Мцхета имели и ремесленники других профессий.

Динамичное развитие Мцхета было прервано в середине VIII в. карательными войсками арабов под предводительством Мервана, когда была опустошена вся Иберия и в том числе Мцхета.

Среди многочисленных городов Восточной Грузии раннего средневековья важным политическим и культурным центром являлся также город Уплисхихе (табл. 104: 2, 3), возникший еще в дохристианский период. Изучается он постоянно действующей археологической экспедицией Музея искусств Грузии с 1958 г. (руководители – Ш.Я. Амиранашвили до 1978 г. и Т.Н. Саникидзе).

Уплисхихе (упали – по-грузински владыка, цихе – крепость, т.е. крепость владыки) расположен в центре Картлийской равнины, в 12 км от города Гори, на берегу главной речной и торговой артерии Картлийского царства – Куры. С середины раннего средневековья Уплисхихе вновь приобретает значение важного политического центра.

В настоящее время это городище представляет собой сложный археологический комплекс, состоящий из высеченных в скале внутренних и внешних городов, поселков сельскохозяйственной хоры, благоустроенных дорог, скальных ворот, речной пристани, оборонительных сооружений. Ввиду того, что все элементы центральной части города: дома, культовые сооружения, площади, дворец, улицы, ворота, тоннель, оборонительный ров, сточные каналы и др. – были высечены в скале (табл. 104: 3), здесь почти без изменений сохранилось топографическое лицо города, что является столь редким в археологии городов Иберии и Колхиды дохристианского времени [*Хахутайшвили Д.А.*, 1964. С. 93]. Начало строительства сооружений на территории Уплисхихе относится к первой трети IV в. Сначала была вырублена в скале маленькая церковь, а затем на ней возвели базилику, вобравшую в себя церковку в виде крещальни [*Мелитаури К.Н.*, 1969. С. 30–31]. По наблюдению исследователей, базилика датируется VI в. Она имела три нефа с трехчастными пролетами [*Чубинашвили Н.Г.*, 1960. С. 507–512] и находилась в аристократической части города.

Рустави (табл. 104: 1). В связи с новостроечными работами в Рустави археологические исследования ведутся с 1944 г. с некоторыми перерывами (руководители работ в разные сезоны: М.М. Иващенко, Н.Н. Гамбашидзе, Г.А. Ломтатидзе, Н.Н. Угрелидзе, Ц.Н. Чикоидзе) [Рустави, 1988].

Рустави, по письменным источникам, с самого начала раннего средневековья являлся крупным экономическим, политическим и духовным центром Картлийского царства.

Рустави, как и другие современные ему города, был составлен из двух основных частей: цитадели (крепости), расположенной на небольшом, почти круглом холме у левого берега р. Куры, и самого города, прилежащего к цитадели с севера. О величине города и численности населения красноречиво говорят объем и насыщенность многоярусного главного могильника. Площадь города, по подсчетам М.М. Иващенко, равнялась 17 га [Рустави,

1988]; зафиксировано наличие еще нескольких более мелких могильников в разных частях городища и в пригородных поместьях [Ломтатидзе Г.А., 1955; Чикоидзе Ц.Н. и др., 1980. С. 59–60; Рустави, 1988].

На территории цитадели, площадь которой около двух гектаров, по всему периметру холма раскопками были выявлены остатки оборонительных и гражданских сооружений разных времен, среди которых отчетливо вырисовываются три горизонта. Длина оборонительной стены самого нижнего строительного горизонта, датирующегося IV–V вв., по всему периметру холма составляет 420 м. После фундаментального разрушения первоначальной ограды, что, по всей вероятности, произошло в середине VIII в., строители IX–X вв. отказались от реставрации древней стены и построили новую оборонительную линию. Таким образом, стена IV–V вв. целиком очутилась в окружении новой ограды с густо расставленными снаружи полукруглыми башнями [Угрелидзе Н.Н. и др., 1979. С. 242–243]. Бойницы и парапет стены IV–V вв. были выложены из кирпича, а башни и куртины IX–X вв. – из сырца. Стены и башни раннего средневековья были покрыты черепицей и дранкой, на что указывает огромное количество обломков черепицы, которые были выявлены при раскопках.

Руставская цитадель, по всей вероятности, была резиденцией кухетских эриставов и правителей города.

Между крепостью и городищем пролегал довольно широкий оросительный канал, который брал свое начало чуть западнее цитадели и русло которого являлось своеобразным защитным средством для цитадели со стороны городища, где находились основные жилые и ремесленные кварталы.

На территории городища раскопками выявлены некоторые жилые комплексы и отдельные помещения, сооруженные из булыжника на глиняном растворе, часть которых, по археологическим материалам, датируется IV–V вв. Открыты остатки церкви с двумя каменными базами и орнаментированными обломками. По мнению исследователей, эти не раскопанные до конца фрагменты архитектурного сооружения датируются V–VI вв. и относятся к кафедральному собору, основанному, по письменным источникам, Вахтангом Горгасали во второй половине V в. [Ломтатидзе Г.А., 1955; Чилашвили Л.А., 1958. С. 211].

После принятия христианства в качестве государственной религии в Рустави, как и в других пунктах Картлийского царства, быстро распространяются каменные ящики как семейные усыпальницы, в которых строго соблюдается христианский обряд захоронения – вытянутая поза головой на запад. В каменных ящиках, составленных из больших песчаниковых плит, количество костяков колеблется от четырех до 16 [Ломтатидзе Г.А., 1955; Чила-

швили Л.А., 1958. С. 57]. По погребальным комплексам основное ядро могильника датируется VI–VIII вв., хотя довольно отчетливо выделяются и погребения IV–V вв. По приблизительным подсчетам М.М. Иващенко, к этому периоду численность города Рустави равнялась 20 тыс. душ. Раннесредневековые могильники обнаружены и на правом берегу Куры, где также выделяются две хронологические группы: погребения IV–V вв. и VI–VIII вв., среди которых богатством погребального инвентаря (золотые, серебряные, бронзовые, железные перстни, серьги, браслеты, разнообразные бусы, мелкая стеклянная посуда и др.) отличаются погребения IV–V вв.

Рустави являлся крупным ремесленным центром, где трудились ювелиры, ткачи, гончары, кузнецы, мастера бурдюков, стеклодувы [Ломтатидзе Г.А., 1955. С. 181]. В начале арабского завоевания г. Рустави находился в центре политических событий, но в середине VIII был razoren карательными войсками арабского полководца Мервана.

Уджарма (табл. 103: 5) был построен правителем Картли (Иберии) Аспагуром, который царствовал в последней четверти III в. н.э. [Меликишвили Г.А., 1978. С. 54–63]. Как предполагается, царем Аспагуром город-крепость был построен не на “голом месте”, а скорее всего тут речь идет о превращении существующего пункта в город [Мухелишвили Д.Л., 1964. С. 63]. Особый подъем Уджарма как царский город пережил во второй половине V в. при правлении царя Вахтанга Горгасали. По мнению исследователей, остатки его построек сохранены в крепости Уджарма, являющейся цитаделью города [Мухелишвили Д.Л., 1964. С. 66–67].

Территория самого городища пока еще не изучена, но большие археологические работы проводились в 1950–1951 гг. на Уджармской крепости, увенчавшиеся значительными открытиями [Ломтатидзе Г.А., 1957].

Цитадель города Уджарма (“задняя крепость” летописей) расположена на довольно высокой скалистой возвышенности на правом берегу р. Иори, в 5 км к северу от сел. Уджарма. Крепость состоит из двух частей: верхней, расположенной на гребне горы, и нижней, расположенной на крутом склоне, обращенном к реке, и представляющей собой прямоугольную замкнутую мощную ограду с девятью четырехугольными башнями.

В верхней части крепости, кроме высоких четырехугольных башен и куртин, зафиксированы все основные сооружения цитадели: небольшая двухэтажная церковь в западной части укрепления, датирующаяся V в. [Мухелишвили Д.Л., 1964. С. 67]; цистерна с арочным сводом и другие постройки хозяйственного назначения; развалины двухэтажного царского дворца с подвалами в северо-восточном углу верхней части укрепления. Помещения дворца, как и все башни времен Вахтанга Горгасали, ос-

вещались высокими и широкими окнами с подковообразными арками, которые представляют собой одну из характерных архаических черт грузинского зодчества. Широкие и высокие двери дворца выходили на всякие деревянные балконы [Мухелишвили Д.Л., 1964. С. 67; Цицишвили И.Н., 1982. С. 27–30]. В нижней части крепости куртины между башнями имеют различную длину. По обеим спускающимся к реке сторонам ее расположены по четыре квадратных в плане башни, выступавшие по обе стороны куртин. В средней части ограды, по берегу р. Иори, воздвигнута одна прямоугольная сравнительно мощная башня, где раскопками были выявлены крытые ворота, выходящие к реке (“водяные ворота”) и многочисленные керамические находки, среди которых выделяются фрагменты раннесредневековой посуды и одна серебряная монета сасанидского правителя Пероза (459–484), прекрасно подтверждающая показания древнегрузинских источников о времени постройки оборонительной системы уджармского замка.

Стены и башни возведены из прямоугольных, слегка обтесанных песчаных квадров. Квадры уложены в правильные горизонтальные ряды на тонком, но крепком слое извести. Причем, узкие камни чередуются с широкими, создавая кладку ложком и тычком, а иногда ряд широких камней чередуется с рядом узких камней, напоминая кирпичную кладку [Цицишвили И.Н., 1982. С. 57–58]. Такой подбор строительного материала и подобная кладка считаются типичными для времен Вахтанга Горгасали [Ломтатидзе Г.А., 1977. С. 63–64]. Башни в основном трехэтажные. В этих многоэтажных и удобных башнях (каждый этаж которых снабжен камином), видимо, жили бойцы личной охраны царя и защитники замка (возможно, со своими семьями). С VIII в. город Уджарма приходит в упадок. В X в. при нашествии арабского полководца Абул-Касима, стены замка были разрушены.

В восточной части Картлийского царства, на территории Кахети и Эрети, почти одновременно с городом Уджарма возникли и выдвинулись еще несколько городов раннего средневековья, возвышение которых также связывается с именем царя Картли Вахтанга Горгасали. Эти города – **Череми**, **Хорнабуджи (Камбечовани)** и **Некреси**, среди которых сравнительно лучше исследован Череми, где уже несколько лет изучается цитадель города с большим комплексом дворцового сооружения. Череми являлся удельным городом наследственного принца. Дворцовый комплекс состоит из нескольких крупных зданий, сосредоточенных в западной и северо-западной частях городской цитадели (табл. 103: 5). Для сооружения первого здания на западной окраине цитадели использованы большие, хорошо обработанные песчаниковые квадры на известком растворе, планировка здания строго

симметричная. По археологическим материалам, по многочисленным обломкам черепиц дворец вместе с другими сооружениями цитадели датируется второй половиной V в.

Блестящими находками увенчались полевые исследования на городище Некреси (Кахети), где работы продолжаются по сей день [Чилашвили Л.А., 2000]. В нижней части городища обнаружены остатки монументальных зданий языческих храмов и других сооружений, христианский храм, многочисленные предметы раннего средневековья, в том числе песчаные плиты с грузинскими надписями III–IV вв.

Из этих городов сравнительно жизнеспособным оказался Хорнабуджи, или же Камбечовани летописей, где в 1970 г. проводились археологические работы Р.М. Рамишвили, В.А. Джорбенадзе.

Урбниси (табл. 103: 3, 4). Современное село Урбниси, где расположены развалины древнего города Урбниси, находится в 12 км к западу от г. Гори и занимает довольно обширную территорию в западной части села, на возвышенном плато левого берега р. Куры. В древнегрузинских письменных источниках Урбниси (Орбниси) упоминается среди древних (античных) городов Грузии.

Древнейшим многослойным памятником в пределах городища Урбниси является “Хизанаант гора” – жилой холм у берега р. Куры. Холм, как и само городище, с юга защищен высоким обрывом р. Куры, с востока – небольшим оврагом, а с остальных сторон укреплен искусственным рвом. Само название “Хизанаант гора” явно позднего происхождения. Не исключено, что топоним Урбниси произошел от названия Орби (орби – белоголовый сип) наподобие *Ломта гора* (гора львов), *Чхиквта гора* (гора соек), *Мелис гора* (гора лисиц) и т.д., указывающего на покровителя (тотема) жителей этих холмов.

На холме “Хизанаант гора”, как и на территории всего городища, над раннебронзовыми слоями обнаружены остатки фортификационных и жилых сооружений со следами сильного пожарища и археологические материалы, относящиеся к IV–III вв. до н.э., что подтверждает достоверность сведений древнегрузинских письменных источников о наличии в Урбниси “древнего” города. Особое внимание привлекают обнаруженные в западной части современного села фрагменты мощной оборонительной системы. По стратиграфическим данным и по археологическому материалу, указанная ограда была возведена на рубеже старой и новой эры [Чилашвили Л.А., 1964. С. 162–164; Закарая П.П., 1965. С. 147], и по всем признакам она с некоторыми поздними переделками служила городу довольно долго, возможно, до конца V в. н.э. С самого начала раннего средневековья Хизанаант гора превращается в одну из главных частей (цитадель) города Урбниси. На могильнике в западной части городища, где кроме обычных грунтовых могил встречались погребения в деревянных сарко-

фагах [Чилашвили Л.А., 1964. С. 168], хорошо прослеживается, как прокладывал себе дорогу христианский обряд захоронения.

В V в. в Урбниси строится Сиони – кафедральный собор, трехнефная базилика довольно крупных размеров, возможно, еще до воцарения Вахтанга Горгасали, так как она не упоминается в том списке епископских центров, которые были основаны во второй половине V в. Вахтангом Горгасали. Церковь не раз была разрушена и восстановлена. По палеографическим данным, строительная надпись церкви датируется по-разному. Одни ее датируют первой половиной V в. [Шошаишвили Н.Ф., 1980. С. 62–63], другие – рубежом V–VI вв. [Закарая П.П., 1965. С. 149–150]. По следам страшного пожара, обнаруженным при раскопках, на рубеже V–VI вв. Урбниси, видимо, был разрушен до основания [Чилашвили Л.А., 1964. С. 168]. Но город быстро возродился. В VI в. здесь были осуществлены строительные и восстановительные работы грандиозного масштаба. Хизанаант гора как цитадель города укрепляется и застраивается с большим старанием. Вся территория города была обнесена мощными сырцовыми стенами и башнями почти на той линии, где раньше проходили старые стены. Для удовлетворения нужд строителей в специальных мастерских должны были изготавливать около трех миллионов сырцовых кирпичей. От этой оборонительной системы сравнительно хорошо была сохранена западная часть ограды длиной более 300 м с шестью башнями и прилегающая территория, не заселенная нынешним сельским населением. Расстояние между этими выступающими полукругом башнями 65 м [Закарая П.П., 1965. С. 145]. В наружном полукруге башен, стены которых в некоторых местах сохранены высотой 3,5–4 м, имеется по два сегментообразных помещения, которые между собой связаны дверью (табл. 103: 3). Вход со двора во всех башнях вел в левое помещение. У входа, как правило, находилась лестница, которая через толщу стены поднималась к боевой площадке, откуда осуществлялась оборона города.

Стены города и башни снаружи глухие и с внутренней стороны не имеют оборонных отверстий, только помещения в башнях освещались высоко устроенными, снаружи узкими, а изнутри расширенными окнами, по одному в каждом помещении со стороны города. А полукруглые башни на одном уровне снаружи были снабжены тремя или четырьмя в сечении четырехугольными, а снаружи узкими, радиально поставленными амбразурами, предназначенными для ведения наблюдений.

При раскопках по всему городищу прослежены следы второго мощного пожара, которые по археологическим данным и анализу письменных источников датируются первой половиной VIII в.

и связываются с опустошительным нашествием арабского полководца Мервана в 736–738 гг. [Ломтатидзе Г.А., 1964; Чилашвили Л.А., 1964; Закарая П.П., 1965], когда, по мнению исследователей, и был разрушен и сожжен весь город [Чилашвили Л.А., 1964]. Урбниси, как и многие города Грузии, после этого нашествия приходит в упадок, но жизнь там не прекращается, что наглядно подтверждается археологическими находками. Видимо, оборонительная система города Урбниси в первой половине VIII в. настолько была повреждена, что невозможно было ее реставрировать, и при восстановительных работах строителям пришлось систему защиты города изменить. Для этой цели параллельно сырцовой стене был вырыт огромный сухой ров шириной в 30–40 м, глубиной в 8–10 м. Вал высотой в 7–8 м с крутыми краями и ров вокруг этого вала создавали довольно мощную преграду, но она по своим оборонительным качествам намного отставала от предыдущей системы.

На территории городища раскопками были обнаружены многочисленные разновременные жилые, хозяйственные и общественные сооружения раннего средневековья, которые были построены из скальных камней, булыжника или же сырцового кирпича на глиняном растворе. В раннем средневековье (IV–VIII вв.) город Урбниси являлся крупным ремесленным центром. По многочисленным археологическим материалам, здесь, видимо, функционировали крупные мастерские керамического, стекольного, ювелирного, металлообрабатывающего и деревообрабатывающего производства. Керамические изделия и, особенно, столовая посуда из мощного культурного слоя IV–VI вв., отличаются высоким качеством, хорошо отмученным тонким черепком с лощеной поверхностью (табл. 107: 1, 2, 4, 8–21) и разнообразием форм; генетически они тесно связываются с гончарной продукцией первых веков н.э. В дальнейшем в слоях VI–VIII вв. керамические изделия изменяются, появляются новые формы, постепенно исчезает тонкостенная изящная столовая посуда и быстро увеличивается количество крупных сосудов – пифосов и больших кувшинов измерительного назначения, что можно объяснить быстрым ростом виноторговли.

В IX–XI вв. в связи с большими изменениями в политической и экономической жизни Грузии и в связи с возникновением и выдвиганием новых центров на территории Картли, в Урбниси городская жизнь постепенно замирает.

Кроме вышеуказанных городов, на территории Внутренней Картли в раннем средневековье функционировали еще несколько сравнительно малых городов, среди которых можно назвать: **Жалети** в среднем течении р. Иори, где во второй половине V в. царем Вахтангом Горгасали в Сионской базилике была учреждена епископская кафедра для ис-

торической Кахети; **Жинвали** в предгорной части Арагвского ущелья, где раскопками выявлено множество материалов IV–VIII вв; **Ахалгори** в предгорье Ксанского ущелья; **Цхинвали** в ущелье Лиахви; **Атени** на правом берегу Куры, в ущелье Тана и др. Эти города являлись не только значительными провинциальными центрами раннего средневековья, но и основными политическими, экономическими и культурными центрами, откуда контролировались взаимоотношения с горными регионами Восточной Грузии.

Бурно развивалось городское строительство и в Западной Грузии, на территории Лазики. Несмотря на совершенно неблагоприятные политические условия и на то, что Лазское царство в раннем средневековье являлось ареной ожесточенных войн между Византией и Сасанидской державой, в Западной Грузии с самого начала раннего средневековья возникали новые и развивались старые города, которые играли огромную роль в экономической, политической и культурной жизни этого природно богатого края.

Среди городов Западной Грузии раннего средневековья в первую очередь рассмотрим Нокалакеви, являющийся столицей Лазики в период бурных политических событий.

Нокалакеви–Археополис, древний город Эгрисского царства, находится в селе Нокалакеви, на левом берегу р. Техури, в 16 км к северу от районного центра г. Мартвили. Современное название – Нокалакеви – по-грузински буквально означает место, где раньше был город (т.е. городище). Греческое название – Археополис указывает на древность этого населенного пункта. Таким же древним является сохранившееся в грузинских источниках третье название Нокалакеви–Цихе – годжи. Как полагают [Ломоури Н.Ю., 1981. С. 46], это позднейшее искажение топонима “Цихе Куджи”, т.е. “крепость Куджи”. По тем же источникам, еще в начале III в. до н.э. на этом месте эриставом (правителем) Эгриси Куджи была построена крепость, носившая имя ктитора крепости, правителя Эгриси-Куджи. Любопытно отметить, что древнейшие могильники, обнаруженные раскопками на территории Нокалакеви, датируются IV–III вв. до н.э. [Закарая П.П., 1987. С. 117–118; Гвинчидзе Г.О., 1981. С. 182].

Нокалакеви–Археополис впервые локализовал швейцарский ученый Ф. Дюбуа де-Монпере в 30-х годах XIX в., а первые археологические раскопки были осуществлены в 1930–1931 гг. под руководством немецкого археолога А.М. Шнайдера (участники: Л.В. Мухелишвили и Г.К. Гозалашвили). В 1973 г. под руководством П.П. Закарая были развернуты большие и планомерные раскопки по всей территории городища. Параллельно велись большие реставрационные работы [Ломоури Н.Ю., 1981. С. 75–76; Закарая П.П., 1987. С. 77–118]. С са-

мого начала раннего средневековья Нокалакеви выдвигается как важнейший экономический и политический, а также церковный центр Эгрисского царства, или же Лазики. По мнению исследователей, Археополис-Цихегоджи превратился в столицу Эгриси уже в IV в. н.э., когда это первоначально небольшое государство в бассейне р. Риони значительно усилилось, объединив всю Западную Грузию и достигнув почти полной независимости от Рима. Правители Лазики мощными оборонительными сооружениями надежно укрепили новую столицу.

Городище Нокалакеви (табл. 105: 1) состоит из двух главных частей: *нижней*, где расположены основные архитектурные сооружения (дворцы, церкви, бани, хозяйственные постройки и др.) и *верхней*, цитадели. Эти две части городища между собой соединены находящимся на крутом склоне широким коридором (ширина – 70–100 м), окаймленным с обеих сторон мощными защитными стенами. Нижняя часть городища почти с трех сторон окружена изгибом р. Техури со скалистыми берегами. С целью укрепления обороноспособности нижнего города в северо-западной его части на невысокой возвышенности была построена небольшая крепость (65 × 20 м), где древнейшие слои кладки датируются IV в. н.э., а поздние – XVI–XVII вв. [Закарая П.П. и др., 1977. С. 103–113]. Оборонительная стена нижней части города неоднократно укреплялась. Местами раскопками выявлено по две и три линии стен, возводившихся на протяжении IV–VI вв. Высота сохранившихся стен достигает в некоторых местах 6–8 м (табл. 105: 2).

Вторая основная часть городища Нокалакеви, цитадель, охватывает довольно внушительную территорию (3 га), имеющую форму продолговатого треугольника. В северо-западном углу вышгорода возвышаются мощная четырехугольная башня и остатки дворцового сооружения, вплотную примыкающего к башне с юга [Закарая П.П., 1987. С. 72–73]. В восточной части цитадели сохранена небольшая церковь зального типа.

Из основных архитектурных сооружений, обнаруженных в нижнем городе, в первую очередь привлекают внимание дворцовое сооружение, церкви и бани.

Дворцовое сооружение середины V в., обнаруженное в юго-восточной части нижнего города, в плане четырехугольное, состоит из большого центрального зала, двух веранд, которые примыкают к залу с севера и с востока, и из шести комнат. Стены дворца (шириной 0,75–0,85 м) построены из небольших скальных камней на известковом растворе хорошего качества. По мнению исследователей, дворец был двухэтажным [Закарая П.П., 1987. С. 60–61]. Кроме вышеуказанного, в Нокалакеви обнаружены остатки еще двух дворцов, возможно, более раннего происхождения.

До начала археологических исследований в Нокалакеви была известна одна базилика начала VI в., с несколькими поздними переделками, вследствие чего она, в конце концов, превратилась в купольную церковь [Чубинашвили Г.Г., 1970. С. 93–100]. В 1975–1980 гг. раскопками выявлены еще две церкви, которые как стратиграфически, так и хронологически предшествуют купольной церкви [Закарая П.П., 1987. С. 104–105; Капанадзе Т.В., 1987. С. 122–223]. Частично под базиликой VI в. и частично под фундаментами дворца были обнаружены остатки еще одной базилики с многогранной абсидой, которая датируется серединой V в. Третья церковь, обнаруженная под абсидой базилики V в., сравнительно небольшая и представляет собой сооружение зального типа с полукруглой абсидой. Как видно, эта церковь была построена сразу же после принятия христианства в качестве государственной религии в середине или во второй половине IV в. [Капанадзе Т.В., 1987. С. 123]. Открытие в центре столицы Эгрисского царства остатков церкви IV в. позволяет окончательно уточнить время объявления христианства в Западной Грузии государственной религией [Ломоури Н.Ю., 1981. С. 145].

Из двух бань Нокалакеви одна, более сложной архитектуры, являлась царской (табл. 105: 3, 5), а вторая – городской (табл. 105: 4). Общая площадь царской бани приближается к 300 кв. м.

По анализу архитектурных сооружений и археологического материала, вершины своей мощи столицы Эгрисского царства Археополис достигает на рубеже V–VI вв. н.э. В первой половине VI в. город сильно пострадал от неприятеля. Иран стремился удержаться в Эгриси и в противоборстве с Византией овладеть важнейшими торговыми портами и торговыми путями. Персы с особым усердием рвались к Археополису, который перекрывал доступ к Кодорскому перевалу, откуда через Цебельду византийцы могли общаться с народами Северного Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. Разрушенный в этих битвах город впоследствии уже не смог восстановить свою былую славу, тем более, что постепенно стал выдвигаться новый политический и экономический центр – Кутаиси, которому суждено было стать главным городом Западной Грузии. По сведениям древнегрузинских источников, Археополис окончательно был razoren Мерваном в 737–738 гг. После этого события Археополис превращается в рядовую крепость.

Вардцихе (Родополис) находится в Багдадском районе, на территории с. Вардцихе, в 12 км юго-западной г. Кутаиси. Топоним Родополис византийских источников является переводом грузинского названия: “варди” (“родос – по-гречески) по-грузински означает (“роза”, “цихе” – “крепость”. Археологическое изучение Вардцихе началось в 1968 г. (Г.А. Ломтатидзе, Г.Г. Цкитишвили). В 1972–1974 и

в 1976–1978 гг. полевые исследования продолжались под руководством В.М. Джапаридзе в связи с новостроечными работами в этом регионе.

Вардцихе являлся “внутренним городом” Эгрисского царства и в отличие от прибрежных городов Западной Грузии раннего средневековья (Петра, Гонио, Бичвинта, Цхуми-Себастополис и др.), которые развивались под сильным влиянием римско-византийского мира, Вардцихе, как и Археополис (Цихегоджи), являлись более местными образованиями, которые непосредственно отображают уровень и характер социально-экономического развития Эгриси [Джапаридзе В.М., 1981. С. 3].

Вардцихе расположен на небольшой возвышенности и занимает сравнительно небольшую территорию (2,5 га), но, несмотря на это, город играл важную роль в политической жизни Грузии. Ограда города в плане несколько округлена (табл. 105: 6). Большие башни являлись жилыми, а маленького размера – были глухими, в том числе и в цитадели. Территория города-крепости в целом была разделена на две части: цитадель (верхняя крепость) и нижний город, в свою очередь разделенный на две части.

Возвышенность, где расположена цитадель города, являлась частично искусственной, и ограда здесь в плане имеет трапецевидную форму. Стены ограды первого периода датируются IV в.

Оборонительные стены нижнего города впоследствии были усилены дополнительными сооружениями, особенно со стороны уязвимых мест. Таким образом, возникла система двойных стен, что особенно широко применялось в римско-византийском мире с V в. Древняя оборонительная система городища Вардцихе в целом датируется IV–V вв. По мнению исследователей, куртины и другие строения с кирпичными поясами датируются первой половиной VI в. Видимо, эти дополнительные строения в стиле византийской архитектуры возникли до персо-византийских войн. По сведению Прокопия Кесарийского, Вардцихе (Родополис) являлся первым городом, который встречался на пути из Иберии в Колхиду. По его словам, когда персы напали на Лазику, правители этой страны сами снесли ограду города, боясь, чтобы персы не укрепились там, считая ее легкодоступной [Прокопий Кесарийский, 1965. С. 86–94]. Весь археологический материал (изделия из глины, стекла, камня, железа и др.) данного уровня датируется IV–VI вв., хотя там же попадались материалы VII в.

Кутаиси. Как показывают археологические исследования последних лет, территория Ухимерионской крепости в Кутаиси была освоена еще в античную эпоху. С самого начала раннего средневековья (IV в.) на горе Ухимериона возникает сильная крепость, которая напоминает пятиугольник.

Стены ограды толщиной 1 м были укреплены мощными контрфорсами и башнями. В V в. в городе были проведены значительные строительные работы. Но эти мероприятия оказались недостаточными. В первой половине VI в. персы, ведя ожесточенную войну за овладение Археополисом, прочно укрепились в Кутаиси, в крепости Ухимериона. В VI–VIII вв. крепость-город занимает большую территорию – около 30 га. Стратегическое значение кутаисской крепости для Западной Грузии было столь важным, что даже после опустошительного нашествия арабской карательной армии в VIII в. в Кутаиси не затихает жизнь. К концу раннего средневековья Кутаиси становится важнейшим политическим и экономическим центром Западной Грузии. Усилению Кутаиси способствовало мощное сельскохозяйственное окружение, большие людские ресурсы, удачное географическое расположение, позволявшее контролировать важнейшие торговые магистрали.

Значительными политическими и экономическими центрами Западной Грузии являлись также прибрежные города-крепости: Гонио (Апсарос), Цихисдзири (Петра), Поты (Фазис), Цхуми (Себастиополис), Бичвинта (Питиунт) и др. Из этих городов-крепостей относительно хорошо изучены Бичвинта и Цихисдзири.

Бичвинта (табл. 105: 7) находится на территории Абхазии, в северо-восточной части Пицундского мыса. Топоним происходит от грузинского слова Бичви-Фичви, т.е. сосна. Многолетними археологическими исследованиями (руководитель работ в 1952–1972 гг. А.М. Апакидзе, с 1975 г. – Г.А. Лордкипанидзе) выявлен целый ряд оборонительных сооружений [Великий Питиунт, 1975; 1977; 1978]. Из раннесредневековых сооружений, которые датируются IV–VI вв., особо следует отметить храмовый комплекс с мозаикой, где, по византийским источникам, в 325 г. уже существовала христианская епархия [Каухчишвили С.Г., 1961. С. 251–252; Апакидзе А.М., 1978. С. 19–20]. К первой четверти IV в. Питиунт стал значительным центром христианства. По замечанию Л. Мацулевича, христианство получило распространение и утвердилось в древних причерноморских городах с первых веков н.э. Принадлежность к нему не могла быть ограничена замкнутой в них средой иноземного гарнизона. Оно необходимо должно было получить широкое распространение среди местного населения города, а также среди жителей тяготевшей к нему округи. В противном случае здесь не была бы учреждена епархия [Мацулевич Л.А., 1978. С. 101]. Питиунтская епархия, наряду с Трапезунтской, была подчинена в церковном отношении Неокесарийской метрополии [Амиранашвили Ш.Я., 1957. С. 21].

Храмовый комплекс в Питиунте представляет собой чрезвычайно интересный и значительный памятник ранней средневековой архитектуры, а

обнаруженная там мозаика является материалом большой ценности для истории искусств вообще. В стратиграфическом разрезе храмового комплекса самым верхним является небольшой храм зального типа с трехгранной абсидой и с большим нартексом (табл. 105: 8), который абсидой глубоко врезается в нартекс базилики [Цицишвили И.Н., 1977. С. 118–119]. По археологическим материалам (особенно, по монетам), последнее христианское сооружение здесь датируется первой половиной VI в. Очевидно, что при строительстве этого так называемого Юстиниановского храма, базилика, куда врезана абсида малого храма, была разрушена почти до основания и находилась в полном забвении. К следующему строительному горизонту относится трехнефная большая базилика с пятигранной абсидой. Стены базилики сложены из грубообработанных блоков морского конгломерата и с обеих сторон были оштукатурены, а внутри – украшены росписью. Но главным украшением трехнефной базилики верхнего горизонта являлся мозаичный пол. Документально установлено, что части фрагментов мозаики, сохранные в неффах базилики, были более раннего происхождения и принадлежали базилике, которая была обнаружена под первой церковью. План верхней базилики почти совпадает с планом нижней церкви. Нефы этой более древней базилики, так же как верхней, выделены посредством пяти пар колонн (табл. 105: 8). Кровля церковей была черепичной, где были использованы калиптеры и солены разных размеров [Цицишвили И.Н., 1977. С. 105]. Пол базилики был покрыт мозаикой и керамическими плитами. Анализ стратиграфии памятника и обширного археологического материала, добытого при раскопках храмового комплекса, со всей ясностью указывает, что после последнего разрушения в конце IV в., пицундская базилика больше не восстанавливалась. Под слоем со следами сильного пожара (под обожженным слоем) встречались материалы (в том числе монеты) только IV в. По тем же материалам, в Питиунте в V в. происходит резкий спад, а может быть, и полное замирание городской жизни [Апакидзе А.М., 1978. С. 19–21; Цицишвили И.Н., 1977. С. 118; Рамисшвили Р.М., 1965. С. 121 и др.]. В начале VI в. усилиями византийских правителей Юстина и Юстиниана Бичвинта снова возрождается, укрепляется оборонительная система и, как было сказано, строится малый храм зального типа, который своей абсидой врезался в нартекс уже полностью разрушенной базилики. Но все усилия византийских императоров оказались тщетными. В разгар ирано-византийской войны, в 542 г., в связи с наступлением войск Хосроя византийцы, по словам Прокопия Кесарийского, “предупреждая врагов, сожгли дома и до самого основания разрушили стены” [Прокопий Кесарийский, 1965]. В последующее время Бичвинта, можно ска-

зять, полностью приобщается к церковной жизни и превращается в храмовый город [*Апакидзе А.М.*, 1978. С. 21].

Цихисдзири (по-грузински Цихисдзири означает поселение под крепостью). Находится в Кобулетском районе, в 20 км от Батуми. Памятник давно привлекает исследователей как важнейший экономический, политический и культурный центр Юго-Западной Грузии раннего средневековья. Изучается с 1962 г. под руководством И.К. Инанишвили. Эти работы с некоторыми перерывами продолжают по сей день [*Инанишвили А.К., Хашутайшвили Д.А., Кахидзе А.Ю.*, 1967. С. 66–68; *Инанишвили А.К.*, 1971. С. 84–86; *Инанишвили Н.А.*, 1981; 1993 и др.].

Этот крупный населенный пункт, по всей вероятности город, состоял из двух основных частей: Акрополя и нижнего города, который занимал обширную территорию вдоль побережья Черного моря (табл. 104: 4).

В цитадели были обнаружена большая трехнефная базилика, которая по плану и хронологически приближается к древним базиликам Нокалакеви и Бичвинта. Как предполагается [*Инанишвили А.К., Хашутайшвили Д.А., Кахидзе А.Ю.*, 1967. С. 67], обнаруженная в цитадели самая крупная базилика на территории Эгрисского царства являлась кафедральным собором.

В нижней части городища, на отдельных участках, выявлены разные архитектурные сооружения (остатки оборонительной системы, базилика VI в. на территории с. Бобоквати, малые церкви, остатки мозаики, мраморных колонн и капителей, крест болнисского типа, высеченный в камне, склеп и др.). Богатый археологический материал (многочисленные римские и византийские монеты, местная и импортная керамика, в том числе краснолаковая посуда и амфоры, изделия из стекла, в основном, сирийско-палестинского происхождения, золотые украшения, серебряные и бронзовые сосуды и др.) свидетельствуют, что Цихисдзири, как значительный центр, выдвигается с самого начала IV в. и зенита своего развития достигает в VI в.

Результаты археологического изучения Цихисдзири, особенно последних лет, дают возможность исследователям высказать сомнения в правомерности локализации Петры византийских авторов на территории современного Цихисдзири [*Инанишвили Н.А.*, 1993. С. 125].

Кроме вышеописанных городов Западной Грузии, важными политическими и экономическими центрами раннего средневековья являлись: Мохириси (Мохерезис), Сканда, Шорапани (Сарапанис), Вашнари, Цебельда (Цибилеум) [*Леквинадзе В.А.*, 1961. С. 137].

Сельские поселения и могильники

Сельские поселения Грузии в раннем средневековье в большинстве случаев продолжали свое существование на прежних местах и довольно прочно сохраняли связь с позднеантичными традициями. Анализ существующего материала показывает, что в раннесредневековом периоде (как и в позднеантичную эпоху) сельские поселения были сосредоточены вокруг крупных и малых городов. В случае вражеского нападения жители сельскохозяйственной хоры могли там найти убежище. Если судить по количеству сельских могильников, вся равнинная часть и предгорная полоса Грузии были заняты небольшими сельскими поселениями. Эти поселения, как правило, являлись незащищенными. Такую позднеантичную традицию прочно сохраняла раннефеодальная Грузия вплоть до VII–VIII вв., до нашествия арабов. С точки зрения планировки провинциальные центры и сельские поселения Грузии изучены намного хуже, чем города. По археологическим материалам, в сельских поселениях Восточной Грузии дома строились в основном из сырцового кирпича на каменном (бульжном) фундаменте, а также использовались обмазанные глиной плетеные стены [*Раишвили Р.М.*, 1984. С. 186–188]. На этих поселениях часто встречаются обгоревшие и затвердевшие в пожаре специфиче-

ские “архитектурные” детали – треугольные в сечении, закругленные, карнизообразные и др., которые, видимо, обвалились с обрамлений дверных и оконных проемов [*Раишвили Р.М.*, 1970. С. 15]. Возникновение и развитие христианской архитектуры способствовало широкому распространению известкового раствора и в сельских местностях, но сырцово-глинистая кладка и после принятия христианства долго не теряет своего значения. Широкое применение сырцового кирпича является причиной того, что строительные остатки поселения раннего средневековья сохранены так плохо, а порой совершенно утрачены и только по могильникам определяется их место нахождения.

В Западной Грузии сельские дома по древней традиции строились из деревянных брусьев и досок, а также широко применялись плетеные постройки. Климатические условия Колхиды способствовали распространению и утверждению такого способа строительства. Но памятники монументальной архитектуры с самого раннего средневековья по всей Грузии строили из обработанного камня, с той разницей, что в Восточной Грузии при строительстве еще долго применяли комбинацию камня и сырцового кирпича как основного строительного материала.

Сельские поселения и могильники раннего средневековья более или менее удовлетворительно были выявлены в следующих пунктах Грузии: в Алазанском ущелье, в сел. Омало, где были обнаружены погребения в каменных ящиках IV–V вв.; в сел. Бакиловани, Дзибахеви, Хевисчала, где зафиксированы остатки дворцов и церквей и могильники V–VIII вв. [Бугианашвили Т. и др., 1966. С. 8]; в сел. Матани, где изучены могильник и церковь V в. [Рамишвили Р.М., 1969. С. 111–127]; в сел. Икалто – поселение, могильник и монастырский комплекс, где выделяется церковь VI в. [Рамишвили Р.М., Чешшвили Г.Д., 1967. С. 85–89]; в сел. Гулгула, Ходашени, Бодбе, Озаани, Когото и др., где обнаружены могильники, склепы, церкви и поселения IV–VIII вв.

В Иорском ущелье они открыты в селениях Тианети, Артани, Симониантхеви, Куприаанткари, Сиони, Накалакари, Магранети, Трани, Сионтгори, Уджарма, Сагареджо, Ниноцминда и др. [Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1977. С. 155–170; 1978. С. 143–162; Мухелишвили Д.Л., 1966]. Из этих пунктов особо следует отметить с. Сиони, где, кроме нескольких сельских могильников IV–VIII вв., были исследованы кафедральная церковь – сионская базилика, склеп (табл. 106: 2) и каменный ящик из двух отделений (табл. 106: 3) с орнаментом IV–V вв. внутри [Рамишвили Р.М., 1970. С. 54–58; табл. XII–XIII]. Среди памятников Иорского бассейна большой интерес представляют Лочинское селище и монастырский комплекс Давид-Гареджа, основанный в VI в. В высеченных в скалах помещениях сохранены уникальные фрески конца раннего средневековья [Чубинашвили Г.Н., 1948; Абрамишвили Г.В., 1972].

В Арагвском ущелье в связи с новостройками обнаружено большое количество раннесредневековых поселений и могильников, но большинство из них исследовано недостаточно.

У слияния Арагви и Куры, на Самтаврском поле, раскинут огромный многоярусный Самтаврский могильник, являющийся эталонным не только для Арагвского ущелья, но и всей Восточной Грузии. Довольно богато раннесредневековыми памятниками Ксанское ущелье, но археологически они мало изучены. Из них заслуживает внимания Квемо Алевский могильник. Изучено 58 погребений (51 каменнаящичное, 7 – саркофагообразных, сверху покрытых брусьями). Погребения являются коллективными. Мужчины похоронены по-христиански, а женские скелеты слегка скорченные, что является отголоском старой, дохристианской традиции. Могильник датируется V–VII вв. [Апхазава Н.И., 1988].

В Лиахвском ущелье раннесредневековые поселения известны во многих местах, однако изучены всего несколько памятников, из которых выделяется монастырский могильник. Обнаруженные там погребения датируются I–V вв., что является доказательством того, что поселение позднеантичного

времени продолжало свое существование и в раннехристианскую эпоху. В сравнительно поздних погребениях встречаются фибулы IV–V вв. [Гаглойти Р., 1981. С. 170]. Остатки поселения и могильник обнаружены и в Цхинвали, на территории текстильного комбината [Джатицев Р., 1980. С. 238–244].

Особенно богаты раннесредневековыми памятниками Нижний Картли и Тriaлетский массив, а также Картлийская равнина. В нижнем Картли поселения, могильник и церкви выявлены в сел. Укангори [Мухелишвили Л., 1941. С. 159–182], а в окрестностях выявлены культовые сооружения V–VI вв. [Джапаридзе В.В., 1982. С. 26–32]; в с. Баличи и в окрестностях на сельских поселениях изучены церкви небольших размеров, в орнаментации которых выделяются так называемые кресты болнисского типа. В самом Баличи обнаружен высеченный из монолитного камня саркофаг с древнегрузинской надписью [Джапаридзе В.В., 1972] (табл. 106: 8). В селищах Квемо Картли в большом количестве встречаются богато орнаментированные стелы с древнегрузинскими надписями, датируемые V–VII вв. [Джапаридзе В.В., 1982. С. 97–98]. В Алгетском ущелье изучены остатки поселения и могильники с каменнаящичными погребениями (селища Шуа-кеди, где остатки каменного здания датируются VIII в.; селище Телиант-дабали по сасанидской печати датируется VI в.; в селище Хопис-кеди раскопано поселение с могильником IV в.; в с. Тбиси изучена церковь VI–VII вв.).

На поселениях среди богатого керамического материала встречаются винодавили, водоохранилища, маслодавили, что дает возможность определить экономическую мощь и сферу занятий этих поселений [Тушишвили Н.Н., Амиранишвили Дж.Ш. и др., 1976. С. 47–48; Тушишвили Н.Н., Амиранишвили Дж.Ш., 1982. С. 65–74]. Значительные памятники раннего средневековья изучаются в Боржомском районе. На селище Надикреби выявлены жилища внушительных размеров с тремя строительными периодами. Строительные остатки нижнего горизонта датируются IV–V вв. В одном из помещений обнаружена круглая глиняная хлебопечка. На строительство использованы круглые груботесанные камни. Эти селища со своей планировкой, строительным материалом и техникой строительства резко отличаются от известных до сих пор жилых помещений Восточной Грузии [Насидзе Г.М., 1976. С. 79–80].

В Западной Грузии сельские поселения и могильники изучены намного хуже, чем в Картли. Плохая сохранность или полное исчезновение остатков поселений и, частично, могильников следует объяснить чрезмерно влажным климатом Западной Грузии, в условиях которого деревянные постройки быстро истлевают и исчезают. С ранне-

го средневековья надежным ориентиром поселения могли бы быть сельские церкви, но в Западной Грузии и маленькие сельские церкви строились из дерева. Как и в Восточной Грузии, в Эгриси большие и малые города (Ризе, Апсара, Петра, Тoleби, Вардцixe, Шорапани, Сканда, Цихе-годжи (Археополис), Цаиши, Дзиганиос, Чахари, Себастополис, Бичвинта, Трахеа и др.) несомненно тоже были окружены сельскими поселениями. О существовании их иногда говорят некрополи: например, в Квирильском ущелье [Надирадзе Д.Ш., 1975. С. 57–76] на могильнике позднеантичного времени Модинахе обнаружены погребения раннего средневековья, которые датируются IV–VI вв. Остатки небольшого поселения обнаружены в с. Шухути, где между прочими сооружениями привлекает к себе внимание баня, украшенная мозаикой.

Особенно мощной являлась сельскохозяйственная хора г. Кутаиси. Как известно, усиление Кутаиси начинается именно с раннего средневековья [Лордкипанидзе О.Д., 1964. С. 26–30]. В окрестностях Археополиса выявлено множество поселений, из которых некоторые относятся к раннему средневековью (сел. Хабула, Чажис-кари, Кация, Носири) [Закарая П.П., 1987. С. 77–80]. Вокруг городища Бичвинта в Абхазии разведкой выявлено несколько селищ раннего средневековья: Лзаа, церковь на озере Инкит и др. [Великий Питиунт, 1977]. Для изучения прошлого Абхазии и всей Западной Грузии, в том числе и поселений городского типа и селищ, большое значение имеет Цебельдский ком-

плекс памятников. Многочисленные некрополи столицы Апсиров и ее окрестности по своему значению можно сравнить лишь с Самтаврским могильником.

По подсчетам некоторых исследователей, в окрестностях Цебельды известно более 15 поселений, 10 крепостей и до 20 могильников II–VII вв. Первые раскопки на крепости Цебельды были проведены в 1907 г. [Миллер А.А., 1909]. А первые научные раскопки цебельдинского могильника на горе Шапка были осуществлены в 1945 г. [Гзелишвили И.А., 1947; Бердзенишвили К.И., 1959]. С 1960 г. начинается планомерное изучение цебельдинских могильников на Шипке, Марамба и Октомбери, Абгидзраху и др. Значительный вклад в изучение цебельдинских некрополей внесли археологи следующего поколения: Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронов, М.М. Гунба и др. Анализом археологического материала выделена цебельдинская культура, основными компонентами которой являются оригинальная керамика, оружие и орудия труда, украшения, среди которых следует выделить разнообразные фибулы, стеклянная посуда и др. Находясь на международной торговой трассе, Цебельда со своей округой широко пользовалась привозными предметами, что и отражается в погребальных комплексах. Наряду с местными изделиями в могилах встречаются импортные предметы римского, византийского, иранского и другого происхождения. Материалы цебельдинской культуры в нашей работе отражены в соответствующих таблицах.

Материальная культура

Раннесредневековая материальная культура Грузии разнообразна и богата. В ее формировании огромную роль играли как местные традиции, так и богатое культурное наследие Запада и Востока.

С момента принятия христианства в качестве государственной религии в Грузии наметились большие сдвиги во всех сферах жизни. Раннесредневековая культура Картли и Эгриси развивалась под сильным воздействием новой идеологии.

С первых же веков н.э. усилиями учеников Христа и их последователей на Кавказе, и в частности в Грузии, начинается пропаганда новой христианской идеологии. В первом веке н.э. во главе этого движения находились апостол Андрей и его сподвижники Матфей и Семен Кананийский. Усыпальницы последних находятся на территории Грузии: Семена Кананийского в Абхазии (в Новом Афоне) и Матфея в Аджарии (в Гонио-Апсаросе).

После официального провозглашения христианства в качестве государственной религии, грунтовые погребения (наиболее распространенный тип

могил в селениях, провинциальных центрах и некоторых городах Грузии), теряют свое былое значение, в силу того что уже с начального этапа распространения христианства отчетливо проявляется тенденция превращения погребальных сооружений в семейные усыпальницы. Грунтовые погребения были слишком неудобны для повторных захоронений. Новшества в устройстве грунтовых погребений, выразившиеся в перекрытии их различными материалами (каменными, керамическими плитами), судя по примеру Мцхеты, появились несколько раньше, будучи, видимо, подсказаны определенной группе мцхетских горожан практическими жизненными условиями. Эти новшества в начале не распространились широко, но в новых условиях, когда при вытянутой позе покойника резко увеличались размеры могил и стало необходимо их многократное использование, начались спешные поиски новых форм, и именно с этого периода получают широкое распространение погребальные сооружения, снабженные стенами и крышей (каменный ящик) (табл. 106: 5).

Этот археологический факт содержит и определенную информацию социального характера. Каменные ящики являлись семейными склепами и находились в прямой связи с установлением господства индивидуальной семьи в недрах общества.

После принятия христианства коренным образом изменился и весь погребальный комплекс. Предметы, которые ранее укладывались в могилу, теперь, согласно христианскому ритуалу, кладутся на церковную трапезу, т.е. эти богатства остаются на земле в распоряжении живых. Поэтому в погребальных комплексах резко сокращается инвентарь. Полностью исчезают или резко сокращаются в количестве глиняные сосуды. Даже те мелкие предметы, связанные с одеждой и головным убором, которые поневоле попадали в погребения, во многих отношениях отличаются от подобных предметов предыдущей эпохи. В погребениях раннехристианского периода появляются неизвестные ранее украшения иного функционального назначения, свидетельствующие, что в этот период больших перемен появляются и новые формы одежды, которые требовали соответствующих атрибутов и украшений. Как показывает анализ археологического материала (Мцхета, Магранети, Жинвальский могильник, Матани, Иасхари и др.), начиная с IV в. изменился головной убор женщины, несколько меняются также формы перстней и серег.

Если в погребальных памятниках дохристианского периода мы имеем возможность сравнительно легко выделить характерный для городского быта инвентарь, то начиная с раннехристианской эпохи (точнее, с конца IV–V вв.) как в городских, так и в сельских могильниках воцаряется такое единообразие и материальная культура так нивелируется, что становится почти невозможно проследить явления социального характера. Теперь социальное содержание вкладывается уже в само погребальное сооружение. Погребения представителей высшего духовенства и аристократической верхушки общества с самого начала христианской эпохи концентрируются в самих церквях, где специально с погребальными целями строятся особые помещения-крипты, или же вокруг церквей, где возводятся подземные сводчатые склепы, глиняные и каменные саркофаги (Икалто, Рустави, Тианетский район, Цилкани и др.). Феодальная аристократия и высшее духовенство резко отмежевывается от широких слоев населения.

Наряду с каменоящичными погребениями, которыми пользовались самые широкие слои населения раннехристианской Грузии и куда хоронили вытянутого покойника, на спине, с руками на груди, и которые являлись коллективными (семейными) усыпальницами, в некоторых регионах Колхиды, особенно ее равнинной части, опять охотно применялись *грун-*

товые могилы (табл. 106: 1), но в отличие от предыдущей эпохи, когда размеры погребальной ямы соответствовали скорченной позе покойника, их размеры намного увеличались. Например, грунтовые погребения прямоугольно-округлой формы во II–VII вв. широко использовались в Абхазии, на могильниках Цебельды [Гунба М.М., 1978. С. 201–108; Шамба Г.К., 1970. С. 13–17; Воронов Ю.Н., 1975. С. 106–118] и, несмотря на существование неопровержимых фактов распространения христианства в Абхазии уже с IV в. [Апакидзе А.М., 1978. С. 9–99; Мацулевич Л.А., 1978. С. 100–190; Трапш М.М., 1975. С. 206–207; Шамба Г.К., 1970. С. 63–64; Лордкипанидзе Г.А., 1991 и др.], каменоящичные погребения там не нашли распространения.

С IV в. широко распространяются на территории Восточной Грузии ваннообразные керамические саркофаги с цельными глиняными крышками и отверстиями на днище (табл. 106: 6). Но особый интерес представляют те редкие, но дорогостоящие погребальные сооружения, которыми являются большие подземные сводчатые склепы, каменные саркофаги и сводчатые крипты внутри церквей (табл. 106: 4, 7, 9).

Подземные склепы дохристианского времени известны были лишь в Мцхета на “царском” некрополе. С раннехристианского времени они появляются и в провинциальных центрах Картли, например, у городища Хорнабуджи в Восточном Кахети [Синауридзе М.Г., 1978], в с. Сиони (Тианетский р-н), в с. Цилкани, к северу от Мцхета [Николайшвили В.В., 1990]. Из этих погребальных сооружений более ранними (IV–V вв.) и почти однородными являются склепы из Сиони и Цилкани (табл. 106: 2, 3).

Сионский склеп построен из хорошо отесанных каменных блоков (травертин, известковый туф). Камера перекрыта арочным сводом и снабжена специальным входом-дромосом с лестницей. Дромос ориентирован на восток. Внутри камеры на каменном полу склепа, вдоль южных и северных стен из блоков травертина были построены два ложа с проходом между ними. Каждое погребальное ложе низкой перегородкой было разделено на две части, так что с самого начала склеп был рассчитан на четыре персоны, однако как показали раскопки, он использовался неоднократно на протяжении многих веков. Следует отметить, что в архитектуре Сионского склепа прослеживаются черты, характерные для архитектуры позднеантичной эпохи [Рамишвили Р.М., 1970. С. 15–54].

С раннехристианского времени находят довольно широкое распространение каменные саркофаги, высеченные из цельного камня, с двускатными монолитными или плоскими крышами. Первые экземпляры таких усыпальниц на территории Большого Мцхета появились еще с позднеантичного времени. Среди таких сооружений особенно выде-

ляются саркофаг из с. Баличи (Болнисский р-н) (табл. 106: 8) с древнегрузинской надписью и с изображением так называемого болнисского креста и саркофаги из городища Рустави. По погребальному инвентарю и палеографическим данным эти саркофаги датируются VI–VII вв.

На городищах, селищах и могильниках в результате полевых исследований собран богатейший материал, дающий представление о разных сторонах культуры населения Картли и Эгриси.

Керамические изделия. С самого начала раннехристианского периода во многих уголках равнинной Грузии в погребениях резко сокращается количество предметов, в первую очередь керамических сосудов. Но на могильниках раннего средневековья предгорной и горной зон все же в достаточном количестве обнаруживаются глиняные сосуды, которые вместе с керамическими материалами из городищ и селищ дают возможность проследить развитие форм и технологии отдельных типов посуды, особенно столовой.

Среди столовой и хозяйственной посуды Восточной Грузии выделяются кувшинчики разных форм (табл. 107). В этой группе сосудов особенно многочисленны плоскодонные кувшинчики с круглым венчиком, с валиками на горле.

По материалам городища Урбниси можно судить, что с IV в. днища таких сосудов заметно расширяются [Чилашвили Л.А., 1964. С. 78–79, табл. XX–XXIII, XXX–XXXIII]; встречаются винные кувшинчики типа ойнохоя с вытянутым туловом (табл. 107: 10); кувшинчики грушевидной формы без ручек (табл. 107: 15), крупные хозяйственные сосуды с двумя ручками (табл. 107: 14, 16), которые, по всей вероятности, применялись и в качестве мерил. В керамике Восточной Грузии в раннем средневековье наблюдается некоторое “огрубление” форм, снижается культура обработки черепка [Ломтатидзе Г.А., 1977. С. 83], хотя в некоторых керамических производственных центрах довольно прочно сохранились позднеантичные традиции гончарства [Надирадзе Д.Ш., 1975; Робакидзе Ц.В., 1985; Чихладзе В.В., 1982; Рамишвили Р.М., 1980].

По многообразию форм довольно внушительно выглядит кухонная керамика Восточной Грузии (табл. 108), подавляющее большинство которой было обнаружено на городищах и поселениях (Рамишвили Р.М., 1979. Табл. 4). Тут преобладают горшки разных форм и величины, орнаментированные довольно сдержанно (табл. 108: 12–23).

Особую группу хозяйственной керамики составляют пифосы – квеври (табл. 108: 24–29) разных форм и величины для хранения вин, которые в большом количестве обнаруживаются по всей равнинной и предгорной части Восточной Грузии. Большие пифосы для хранения вин обычно сосре-

доточены в винных погребах – “марани” по 13–15 квеври в каждом.

Более разнообразной выглядит колхская керамика IV–VII вв. (табл. 109). Украшением гончарной продукции является цебельдинская керамика в Абхазии (табл. 109: 13, 14, 18, 20, 21, 22–29, 31), отличающаяся разнообразием форм, богатым орнаментом и черепком высокого качества [Бердзенишвили К.И., 1959; Гзелишвили И.А., 1947; Трапш М.М., 1975. С. 131–138; Шамба Г.К., 1970. С. 18–32; Гунба М.М., 1978. С. 64–73; Воронов Ю.Н., 1975. С. 64–69]. На могильниках Цебельды встречались пифосы, амфоры, двуручные и одноручные кувшины, корчага, горшки, миски и тарелки, вазы, чашки. Характерной чертой цебельдинской керамики (кроме разнообразия форм) являются воронкообразные венчики (табл. 109: 20), которыми снабжены некоторые группы сосудов, а также богатое убранство с применением зооморфных мотивов, геометрического орнамента и астральных знаков, связанных с культом плодородия и небесных светил [Шамба Г.К., 1970. С. 20–23]. Что касается воронкообразных (чашечкообразных) венчиков, отдельные экземпляры которых встречаются по всей территории Колхиды, они, по всей вероятности, выступали в роли воронок, а сами сосуды применялись в качестве мерил. В пределах исторической Колхиды продолжают свое существование амфоры (табл. 109: 15–17) с узким перехватом в средней или нижней части тулова. Амфоры такого типа, по всей вероятности, были связаны с торговлей.

В раннем средневековье в Западной Грузии широко были распространены так называемые лютерии, большие миски со сливом (табл. 109: 11), которые со временем (с III–IV вв.) нашли распространение и в Восточной Грузии (табл. 107: 21) [Чилашвили Л.А., 1964. Табл. XLIV, П].

Встречаются и импортные глиняные изделия: амфоры, краснолаковые миски и тарелки, терракоты и др., которые в разных областях Причерноморья распространялись из римско-византийских провинциальных восточно-средиземноморских мастерских [Анакидзе А.М., 1978. С. 9–99; Воронов Ю.Н., 1975. Рис. 24].

Орудия труда и оружие. В раннем средневековье все виды орудий труда и предметы вооружения почти без исключения изготавливались из железа. В первую очередь это касается земледельческих орудий, основные виды которых были известны еще с эпохи бронзы [Артилаква В.Е., 1976. С. 88–100].

Для нужд земледельцев в кузнечных мастерских Грузии изготавливались лемехи, сошники, кирки, мотыги, лопаты, серпы и косы (табл. 110). В древнегрузинских письменных источниках неоднократно упоминается лемех [Кекелидзе К.С., 1954. С. 126–128]. В средние века самыми распространен-

ными были заостренные лемехи треугольной формы [Артилаква В.Е., 1976. Табл. 38–41] разных размеров. Крупные лемехи (вес 4 кг) были рассчитаны для тяжелых плугов (табл. 110: 15), куда запрягались четыре и более пар быков [Артилаква В.Е., 1976. С. 91]. Лемехи средней величины (вес 1,5–1,8 км) были рассчитаны для плугов на две пары быков, а небольшие лемехи (вес до 0,5 кг) использовались на сохах.

Лопаты (заступы) в древней Грузии были распространенным видом орудия для обработки почвы, но из-за отсутствия раннесредневековых экземпляров, о формах и размерах этого орудия нам приходится говорить по материалам развитого средневековья [Артилаква В.Е., 1976. С. 93–94, табл. 42–45] или же по находкам эллинистического периода. Судя по миниатюрам Джручского Евангелия, лопаты имели треугольную форму.

Мотыги (табл. 110: 39–41) были известны по всей Грузии, особенно на территории исторической Колхети [Читая Г.С., 1959. С. 147–162]. Интерес заслуживают мотыги из могильников Цебельды и других уголков Абхазии [Хотелишвили М.К., 1979. С. 29, рис. III-2, рис. II, 6–7]. Самая распространенная форма железной колхской мотыги, начиная еще с эпохи бронзы, – треугольная с широким лезвием. Она снабжена молоткообразным обухом и овальным отверстием для рукоятки [Читая Г.С., 1959; Артилаква В.Е., 1976. С. 94–97, табл. 46–49]. В археологических коллекциях сравнительно многочисленны крупные мотыги, которые обычно предназначались для выкорчевывания корней и при обработке каменистой почвы (табл. 110: 39) [Воронов Ю.Н., 1975. С. 54–56, рис. 11, 8–10]. На территории Западной Грузии аналогичные, но более мелкие мотыги с узким лезвием использовались при работах на огородах (в прополках и пр.).

Для обработки тяжелого грунта, каменистой почвы и строительного камня, а также рытья глубинных траншей, широко применялись кирки – двусторонние орудия труда. Найденные на Тбилисской крепости [Артилаква В.Е., 1976. С. 97, табл. 93] железные кирки (датируются V в.) определены как инструменты каменщика.

В археологических материалах раннего средневековья нередко встречаются серпы и топоры. Несколько экземпляров больших “открытых” (косовидных) железных серпов раннего средневековья было найдено на городище Урбниси. Распространенные на территории Колхиды серпы характеризовались сравнительно меньшими размерами и слабым прогибом лезвия, не позволяющим захватить много колосьев [Воронов Ю.Н., 1975. С. 57, рис. II]. Такие серпы, по всей вероятности, предназначались для уборки посевов проса.

Среди хозяйственных орудий самым распространенным и универсальным являлся *топор*. В археологических материалах раннего средневековья топоры разных форм встречаются довольно часто (табл. 110: 35–38, 42, 43), но их точное разграничение по назначению затрудняется. Не исключено, что народные ополчения вооружались обычными плотничными топорами (табл. 110: 35, 42, 43), а воины-профессионалы, видимо, применяли специально сделанные особой формы боевые топоры (табл. 110: 36, 38) [Артилаква В.Е., 1976. Табл. 21, 22], которые могли быть применены и в хозяйственных работах. По материалам могильников Цебельды выделяются топоры двух типов. Топоры первого типа характеризуются массивной формой, широким лезвием, узкой шейкой и округлой обушной частью. Они зафиксированы в погребениях IV–VII вв. [Воронов Ю.Н., 1975. С. 90–92, рис. 31–1-в; Трапш М.М., 1971. С. 147–150; Шамба Г.К., 1970. С. 43–45, табл. XVI, 1–7]. Подобные топоры являются одним из характерных элементов цебельдинской культуры, широко были распространены по всей Западной Грузии [Артилаква В.Е., 1976. Табл. 21–24]. Вторым, более редким типом цебельдинских топоров характеризуется продолговатым корпусом, узкой лезвийной частью и более или менее длинным молотковидным обухом. Топоры этого типа в ранних погребениях Цебельды не встречаются, они появляются там лишь в комплексах VI–VII вв. [Воронов Ю.Н., 1975. С. 94]. Подобные топоры широко были распространены в Восточной Грузии (табл. 110: 35, 43).

Своеобразным орудием труда является топоробразный инструмент с крючкообразным носиком – *цалди* (табл. 110: 14), который предназначался для резки и рубки субтропических колючих и выющихся растений, а также для подрезки высокоствольных виноградников на больших деревьях [Артилаква В.Е., 1976. С. 68–72, табл. 29, 30; Трапш М.М., 1971].

Предметы вооружения. Сравнительно с античным периодом, ассортимент и количество предметов вооружения резко уменьшается в погребальных комплексах раннего средневековья, а на равнинных могильниках оружие почти совсем не встречается. Предметы вооружения были обнаружены на могильниках Арагвского и Кодорского ущелий, предгорной и горной полосы, где, несмотря на христианизацию погребального обряда, в силу устойчивости традиций, погребальные комплексы все же содержали много разных вещей. Предметы вооружения сравнительно разнообразно представлены в материалах городищ и селищ, например – городище Урбниси [Чилашвили Л.А., 1964. С. 124–126]. В археологических материалах из предместий вооружения чаще всего встречаются нако-

нечники копий и стрел, мечи и кинжалы, а также, значительно реже, фрагменты от панцирей и щитов.

Наконечники копий и дротиков (табл. 110: 19–24). По находкам Восточной Грузии, в течение всего раннего средневековья в основном распространены были наконечники копий двух типов: копья с широким листовидным пером и продольным ребром, не доходящим до острия (табл. 110: 22, 24) и копья со сравнительно узким пером и коротким ребром (табл. 110: 21, 23). Более разнообразными выглядят наконечники копий, найденные в пределах Лазского царства. В этом отношении особо выделяются материалы, найденные в Кодорском ущелье, на могильниках Цебельды [Трапиш М.М., 1971]. В самом начале раннего средневековья распространенным типом являлись наконечники копий с широким листовидным пером и продольным ребром, доходящим до острия. С конца IV в. форма копья постепенно изменяется – перо сужается и вытягивается, срединные ребра, не доходя до конца, двумя резкими возвратами уходят вдоль краев к основанию. Этот признак, постепенно усугубляясь, сохраняет свое значение в течение всего V в., когда срединное ребро приобретает шестигранную в сечении форму. В VI в. лезвие все более удлиняется, продольное ребро спускается к тулье. В VI–VII вв. появляются наконечники копий с равномерным широким пером, суженным в средней части. В Абхазии (в Кодорском бассейне) довольно широко были распространены четырехгранные наконечники с миниатюрным листовидным жалом на конце [Воронов Ю.Н., 1975. С. 91, рис. 29].

Наконечники стрел (табл. 110: 1–9, 34) в Восточной Грузии встречаются на городищах и селищах [Чилашвили Л.А., 1964. С. 124–125, рис. 55], хотя по примерам могильников Цебельды и Мингечаура [Асланов Г.М., 1955. С. 68] они попадались и в погребальных комплексах. В этом отношении особо отличаются могильники Кодорского ущелья, блестяще исследованного Ю.Н. Вороновым [Воронов Ю.Н., 1975. С. 91, рис. 30].

На территории Картли и Лазики среди наконечников стрел боевого назначения самыми распространенными являлись трехкрылые (трехреберные) черенковые стрелы, хотя довольно часто встречаются двурогие большие и малые тупоугольные лезвенные плоские, четырехгранные, круглые в сечении, шипастые и другие стрелы.

В культурных слоях и погребальных комплексах раннего средневековья нередко встречаются мечи, кинжалы и ножи разной величины и назначения. Однолезвийные мечи, грозное оружие всадника, появляются еще с V–IV вв. до н.э., но широкое распространение они, по всей вероятности, получают с самого начала раннего средневековья (табл. 110: 32, 33). По материалам Западной Грузии и особен-

но Абхазии, мечи с однолезвийным клинком распространяются с VI в. н.э. [Трапиш М.М., 1971. С. 144–147]. В погребальных комплексах раннего средневековья чаще всего встречаются однолезвийные ножи разных размеров, в том числе сравнительно большие, однолезвийные, чуть согнутые ножи-секачи (длиной 25–35 см), возможно, боевого назначения, и ножи небольшого размера (табл. 110: 16–18) с одним лезвием и черенком для прикрепления рукоятки (длина – 10–14 см).

Украшения. В материальной культуре Грузии раннего средневековья особое место занимают украшения. Следует отметить, что в силу геоклиматических особенностей в разных этнографических уголках Грузии бытовали разные типы одежды. В Восточной Грузии соразмерно со сравнительно континентальным климатом одежда, видимо, была более тяжелой, теплой. Значительными особенностями характеризовался и головной убор. По всей вероятности, этими особенностями следует объяснить тот факт, что среди украшений этой части Грузии преобладают булавки из разного материала различных типов и размеров. В субтропических районах Западной Грузии, где, видимо, одежда была более легкой и изящной, булавки не нашли применения, там очень широко распространены были разнообразные фибулы, хотя они проникли в небольшом количестве и во все уголки Восточной Грузии.

Как известно, в конце III и в IV в. развитие полихромного стиля в грузинском златокузнечестве в целом достигает своего логического конца. В украшениях этого периода золото окончательно сдало свои позиции в пользу самоцветов, которые большей частью использовались в виде плоских вставок. Участились случаи замены натурального камня цветным стеклом. Впервые в это время получает широкое распространение жемчуг [Гагошидзе Ю.М., 1981. С. 47–48]. С IV в. намечается постепенное распространение в Грузии украшений сасанидского круга. Следует отметить, что украшения простого народа были более самобытными и традиционными, чем дорогие предметы, принадлежащие высшей правящей аристократии.

Булавки (табл. 111) на территории Восточной Грузии были известны с эпохи средней бронзы, но особенно широко они были распространены с раннехристианского периода. Прежде чем мы перейдем к основным группам булавок, найденных на могильниках Восточной Грузии, следует отметить, что булавки раннего происхождения (IV–V вв.), снабжены сравнительно короткими и тонкими стержнями. Булавки с разнообразными головками, как показывают археологические факты, в основном применялись для головного убора, хотя они, видимо, использовались и для застежки одежды, так как в могилах они нередко попадают в обла-

сти грудной клетки и других частях костяка. Булавки изготавливались из бронзы, железа, кости и прочего материала, для головок применялись разные хорошо отшлифованные полудрагоценные или простые камни и разноцветное стекло. По материалу среди булавок следует выделить две большие группы: составные булавки с металлическим стержнем и головками из различного материала и цельные булавки, сделанные из металла или кости. Стержни булавок в основном изготавливались из бронзы и железа. В первой половине раннего средневековья по количеству преобладали булавки с бронзовыми стержнями. С VI в. (может быть, с конца VI в.) резко увеличивается количество булавок с железным стержнем. Для головок раннесредневековыми мастерами использовались сердолик, гранат, коралл, гагат, плазма, горный хрусталь, жемчуг, разноцветное стекло и др.

Среди булавок, изготовленных из различного материала, выделяются: 1) булавки с одной, двумя или редко тремя головками, круглыми, небольшими, из разного материала (табл. 111: 61–65; 77–79; 81). Эти булавки, по всей вероятности, возникают в IV в., но широкое распространение получают с V в. (табл. 111: 64, 65) и продолжают свое существование до VIII в.; 2) булавки с продолговатыми, овальными или цилиндрическими головками (табл. 111: 66, 67, 71, 73, 40–42, 52 и др.) из разного камня или стекла. Гладкие или граненные головки с обеих сторон закреплялись крохотными розетками. По сравнительным материалам из Мцхета [Угрелидзе Н.Н., 1967; Ткешелашвили О.В., 1956], Рустави, Эрцо [Джорбендазе В.А., 1982. С. 44, рис 6, с. 53, рис. 12] и других пунктов [Рамисшвили Р.М., 1969. С. 124], подобные булавки обнаруживаются в погребениях V–VII вв.; 3) булавки с многогранными головками (табл. 111: 68, 69) с бронзовыми стержнями. Некоторые головки имеют квадратную или, реже, продолговатую форму. Каменные головки, видимо, шлифовались на станках, а стеклянные делались в специальных формах. Многогранные головки булавок и вместе с ними многогранные бусы в начале раннехристианского периода были широко распространены во всех районах Восточной Грузии, особенно в V–VII вв., что является логическим продолжением той тенденции к геометрическим формам, которая замечается еще с первых веков н.э. [Леммлейн Г.Г., 1951. С. 203]; 4) особого внимания заслуживают булавки, головки которых украшены в виде цветков или плодов граната (табл. 111: 5, 6, 8, 10–17, 27, 34, 36, 70, 82). Гранат, являющийся символом плодородия, по мнению исследователей, олицетворял женское начало [Археология Грузии, 1959. С. 337; Анхазова Н.И., 1979. С. 112]. Головки подобных булавок чаще всего изготавливались из коралла. Булавки, украшенные головками в виде цветков и плодов граната, в целом датируются V–VIII вв.

Среди булавок второй группы, изготовленных (отлитых) из металла, особое внимание привлекают: 1) Бронзовые булавки, украшенные разнообразными фигурными головками (табл. 111: 29, 31, 32, 39, 48, 49, 84–87). Не вдаваясь в подробный типологический анализ, из данной группы украшений особо следует выделить довольно длинные булавки (12–18 см) с острыми концами и головками в виде зданий или купола зданий (табл. 111: 39, 43, 84, 85). По мнению исследователей, тут, возможно, изображены модели христианских церквей [Джорбендазе В.А., 1982. С. 69–70].

2) Не менее интересны булавки с головкой в виде кисти человеческой руки (табл. 111: 29, 31, 32). В последние годы заметно участились находки таких булавок в основном в Арагвском ущелье. Для изготовления булавок-“ручек”, кроме бронзы, использовалась кость (табл. 111: 55, 60). В большинстве случаев на головках булавок изображается правая рука в виде “троицы”, но имеются экземпляры, на которых изображена левая рука. Такие “булавки”, возможно, являлись стилосами [Чилашвили Л.А., 1964. С. 58, табл. XV], хотя по археологическим фактам эти украшения явно были связаны с головным убором или же с одеждой. Почти на всей территории Восточной Грузии в VI–VIII вв. булавки-“ручки” бытовали вместе с булавками с головками в виде здания [Джорбендазе В.А., 1982. С. 71–72, рис. 17]. Любопытно отметить, что подобные булавки-“ручки” засвидетельствованы и за пределами Грузии [Ваидов Р.М., 1954. С. 139, рис. 59, 3].

Пряжки и поясные наборы (табл. 112). В материальной культуре раннего средневековья пряжки и поясные наборы занимают видное место как по количеству, так и по разнообразию. Предметы личного убора еще ярче, чем другие предметы, отражают внешние связи раннесредневековой культуры Грузии. Это в первую очередь касается пряжек, поясных наборов, фибул, гемм и т.д. Следует указать и тот факт, что предметы личного убора с особым многообразием представлены на тех могильниках, которые были расположены вдоль больших торговых магистралей.

Как известно, пряжки и поясные наборы довольно широко были распространены в Картлийском царстве и до начала раннего средневековья, особенно в I–IV вв., являясь в большинстве случаев знаками социального различия, они встречаются преимущественно в мужских погребениях.

По материалам Картлийского царства со второй половины IV в. в формах пряжек наблюдаются некоторые изменения [Анхазова Н.И., 1979. С. 117–188, табл. XXXII–XXXIII; 1981. С. 12–14, табл. II]. Для пряжек I–IV вв. общей особенностью являются простые полукруглые рамки, продолговатые щитки (основания) с отверстиями для заклепок и короткие язычки (табл. 112: 31, 32 и др.).

С III в. получают распространение двучленные пряжки с круглым щитком. То же самое наблюдается и в Западной Грузии. В Абхазии со второй половины III – начала IV в. население Кодорского ущелья стало носить пряжки, характерные для степей Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Крыма. Характерные пряжки этого времени имели: овальные, утолщенные спереди кольца; прямой хоботковидный, заметно удлиненный язычок, овальные или же прямоугольные щитки. В эпоху “переселения народов” появляются большие пряжки с округлым или, реже, четырехугольным кольцом, прямоугольным или иногда овальным щитком, в некоторых случаях украшенным сердоликом в оправе. Концы хоботовидных язычков украшаются схематическими изображениями [Воронов Ю.Н., 1975. С. 123–124, рис. 6–13; Трапш М.М., 1971. С. 76–167; Гунба М.М., 1978. С. 86]. В Восточной Грузии, наряду с двучленными пряжками с круглыми или прямоугольными щитками и хоботовидными язычками (табл. 112: 16, 19, 20, 25–28 и др.), в IV–V вв. бытовали и одночленные пряжки с полукруглыми, В-образными, овальными кольцами (табл. 112: 9, 18, 21, 22 и др.) и хоботовидными язычками. Удлинение язычка является характерной чертой пряжек IV–VI вв. [Апхазава Н.И., 1979. С. 42]. По наблюдению исследователей, в погребениях IV–V вв. продолжали существовать поясные наборы, которые состояли из пряжки, бляшек, прикрепленных к кожаной полоске, и концевки (табл. 112: 32). С V в. в погребальных комплексах Восточной Грузии резко сокращается количество поясных наборов, в большинстве случаев являющихся инсигниями воинов и знаками социального превосходства, а в комплексах VI в. они уже отсутствуют [Апхазава Н.И., 1979. С. 118]. Лишь в Арагвском ущелье на могильниках предгорной полосы в погребениях IV–V вв. довольно часто попадаются целые поясные наборы, указывающие на существование в предгорье и в горах Арагвского ущелья служилой прослойки. С конца VI в. в Картлийском царстве появляются так называемые геральдические поясные наборы [Апхазава Н.И., 1979. С. 46–53 и 118; табл. XXXII: 1–76; XXXIII: 1–6], которые генетически связаны с восточноевропейскими и сасанидскими поясами VI–VII вв. Геральдические пояса VII в. являлись символом власти, и их могли носить должностные лица или воины [Апхазава Н.И., 1979. С. 118]. Ареал “геральдических поясов” довольно широкий и охватывает почти всю Грузию. Для одночленных “геральдических пряжек” характерной чертой является единый бронзовый корпус, где рамка (кольцо) и щит изготовлены в одной форме. Щитки этих пряжек имеют остроарочную форму, а рамки то овальной, то четырехугольной или же В-образной формы. Для поясов такого типа характерными элементами являлись бляшки в виде масок, где схематично, но

иногда очень выразительно передается человеческое лицо [Апхазава Н.И., 1979. Табл. XXXII: 26–54]. Двучленные “геральдические пряжки” характеризуются большими размерами, щитки имеют четырехугольную форму, куда вставлен хоботовидный язычок (табл. 112: 20).

Кроме вышеуказанных, на территории Грузии встречаются пряжки с фигурными щитками (табл. 112: 2, 3), пряжки и бляшки византийского происхождения (табл. 112: 5).

Фибулы (табл. 112: 35–73). Самым распространенным материалом для фибул являлась бронза, хотя довольно часто они изготовлялись из железа, сравнительно реже из серебра и золота. Фибулы играли важную роль в costume населения Кавказа. В Грузии массивные фибулы с высокой полукруглой дужкой были известны еще с эпохи поздней бронзы. Те легкие фибулы, которые бытовали на Кавказе в раннем средневековье, видимо, проникли в Грузию с запада, возможно, через Северное Причерноморье. Они распространились в разных областях Западной Грузии, приблизительно с первых веков н.э. [Ломтатидзе Г.А., 1957. С. 199]. Эти фибулы, по всей вероятности, окончательно вытеснили из обихода местные массивные бронзовые фибулы (табл. 112: 70). В Восточной Грузии фибулы широко распространяются с IV в., хотя единичные экземпляры фибул бытовали здесь уже во II–III вв. Ранние фибулы из городища Урбниси и других пунктов Картли являлись западногрузинскими и европейскими [Апхазава Н.И., 1981. С. 7, табл. 1: 1–5]. С начала III в. возникает местное изготовление фибул и в Кодорском ущелье. Фибулы Цебельдинской долины постепенно приобретают ряд оригинальных черт, чем они ярко отличаются от продукции других ремесленных центров [Трапш М.М., 1971. С. 170–189; Гунба М.М., 1978. С. 86–94]. Одной из таких оригинальных черт цебельдинских фибул следует считать сплошную проволочную обмотку на дужках. С IV в. в Цебельде стали распространяться двучленные фибулы, которые делались из толстой гладкой проволоки. В некоторых случаях ножки двучленных фибул сверху украшались гнездами и вставленными в них “глазочками” из стекла или цветного камня [Воронов Ю.Н., 1975. С. 121; Трапш М.М., 1971. Табл. IX: 10 и X: 2], что было засвидетельствовано и в Клдеети на рубеже II–III вв. [Ломтатидзе Г.А., 1957. Табл. 1: 5].

В V столетии формы фибул становятся намного разнообразнее. Мастера V и последующих веков особое внимание уделяют художественному оформлению фибул. К фибулам подвешивают парные спирали – солярные знаки и небольшие колокольчики. В V–VII вв. широко распространяются крестовидные фибулы (табл. 112: 36), которые нередко украшались нарезками, имитирующими обмотку (табл. 112: 43, 48 и др.). Во второй половине VII в. перекрестие таких фибул перемещается на

середину корпуса [Воронов Ю.Н., 1975. С. 121–122, рис. 42, 20, 22]. На территории Лазики в VI–VII вв. бытовали также так называемые Т-образные фибулы, которые могли проникнуть сюда или из Восточной Грузии, или же с Северного Кавказа.

В пределах Картлийского царства в V–VII вв. количество фибул резко растет. Кроме бронзовых, в Картли широко были распространены железные фибулы, или же бронзовые дужки снабжались железными язычками. Н.И. Апхазава среди фибул, обнаруженных в Картли, выделяет шесть групп [Апхазава Н.И., 1979] от IV–V до IX в.

Браслеты (табл. 113: 2–16) генетически теснейшим образом связываются с браслетами раннеберийского (VI–IV вв. до н.э.) и армазского (III в. до н.э. – III в. н.э.) периодов. Некоторые типы из них проявляют завидную устойчивость и доживают до раннего средневековья. С начала раннего средневековья одним из основных материалов для изготовления браслетов по-прежнему была бронза, хотя местные мастера уже с середины I тысячелетия до н.э. довольно охотно использовали и железо. В позднеармазском (позднеримском) периоде в богатых погребальных комплексах, которые доживают до IV в., встречаются золотые и серебряные браслеты, украшенные геометрическими и зооморфными мотивами. С V в. при изготовлении браслетов железо постепенно вытесняет бронзу. Так как степень сохранности железа по сравнению с бронзой ничтожна, формы железных браслетов второй половины раннего средневековья сохранены плохо, что затрудняет их изучение. Среди браслетов раннесредневековой Грузии выделяются три основных типа:

1. Браслеты, украшенные зооморфными мотивами (табл. 113: 7, 11, 15, 16). Ареал распространения – почти вся территории Грузии. Подобные браслеты делались из круглого в сечении бронзового прута. Типичный браслет имеет разомкнутые, чуть уплощенные концы с разными изображениями, чаще всего змеиными головками, порой довольно реалистичными, но в большинстве случаев – схематичными (табл. 113: 11). Среди браслетов IV–V вв. встречаются овальные плоско-пластинчатые браслеты с разомкнутыми концами, на концах с изображением бараньих головок (табл. XII: 7). Браслеты с зооморфными головками существовали как в IV–V, так и в последующих веках, но не позже VIII в. [Ломтатидзе Г.А., 1957. С. 180, табл. XIX: 16; Апхазава Н.И., 1979. С. 80 и 120, табл. XXXVIII-38; Воронов Ю.Н., 1975. С. 124–125, рис. 44 и др.].

2. Браслеты круглой или овальной формы со спиралевидной обмоткой (табл. 113: 13, 14). Подобные украшения имеют очень обширную географию, и потребителю Грузии они были известны намного раньше раннего средневековья [Мцхета, 1958; Ломтатидзе Г.А., 1957. Табл. XIX: 1]. По-

добные браслеты делались из бронзы, серебра и золота и, видимо, были популярными в разных социальных кругах. Возможно, этим и объясняется то обстоятельство, что они сохранились почти до VIII в. [Трапиш М.М., 1971. С. 191, табл. 1, 3, 7 и др.].

3. Браслеты из толстого бронзового прута с обрубленными головками и расширенной средней частью. Они засвидетельствованы в погребениях VI–VII вв., хотя самые ранние экземпляры таких браслетов известны с III в.

Кроме вышеуказанных, в погребальных комплексах раннего средневековья в предгорной полосе Восточной Грузии встречаются пластинчатые браслеты, сделанные из плоской полоски, суженной в средней части (табл. 113: 6), а также простые, гладкие, бронзовые и железные браслеты кругло-овальной формы с чуть раскрытыми головками (табл. 113: 1–3, 8).

Перстни и печати (табл. 114). В раннем средневековье перстни успешно продолжали существовать в огромном разнообразии. Они в большинстве случаев встречаются в женских погребениях. В рядовых могилах преобладают бронзовые перстни, а в состоятельных и богатых погребальных комплексах попадаются серебряные и золотые. Часть перстней была украшена геммами. Перстни IV в. теснейшим образом были связаны с перстнями предыдущего периода, но вместе с тем уже в недрах IV в. зарождаются новые формы и тенденции, а сюжеты на геммах претерпели резкое изменение.

Среди образцов IV в. следует упомянуть перстни с поллой дужкой и широкими плечиками, снаружи часто ребристые, с жуковиной в самой дужке, в которых большей частью сохранились разные камни (табл. 114: 35–37). Они с V в. постепенно уступают место другим типам. В погребениях V–VII вв. появляются перстни, у которых жуковины вставлены между концами дужки (табл. 114: 27). Жуковины у таких перстней различной формы: цилиндрические (табл. 114: 8), в виде усеченного конуса (табл. 114: 3) и др., и они широко были распространены в V–VII вв. [Апхазава Н.И., 1981. С. 19, табл. III: 48–49]. Среди многочисленных типов перстней VI в. (табл. 114: 1, 4, 5, 7, 9, 11, 12) следует выделить круглые или чуть овальные перстни с ромбовидным щитком (табл. 114: 2), украшенным зернью или насечками. С V в., по материалам цебельдинских могильников, распространяются цельнолитые перстни с сердоликовыми вставками, которые бытовали и в погребениях VII в. Параллельно с ними в комплексах VI–VII вв. встречаются пластинчатые кольца с сердоликом в оправе [Воронов Ю.Н., 1975. С. 127, рис. 47].

С самого начала раннего средневековья появляются единичные экземпляры совершенно нового типа перстней, сделанных из разноцветного стекла, они широко распространяются лишь с VII в.

(табл. 114: 14, 18, 48, 49 и др.). Очевидно, что они производились сразу в нескольких производственных центрах.

Печатки. В погребальных комплексах раннего средневековья первые экземпляры встречаются с конца IV в. [Угрелидзе Н.Н., 1967. Табл. I, 44]. С V–VI вв. их количество резко увеличивается. Чаще всего они делались из круглого халцедона и сердолика. Как правило, они в центре просверлены, а на усеченном крае выгравированы разные изображения (коза, тур, насекомые, растения и др.). Наверное, эти круглые печатки принадлежали определенному социальному сословию и носились на шнурочке. Изображения, помещенные на этих круглых печатках, по содержанию скорее всего связываются с сасанидским миром (табл. 114: 10, 15–17, 25).

Серьги и височные подвески (табл. 115). В погребальных комплексах IV и, частично, V в. серьги попадались в довольно большом количестве, и многие разновидности этого украшения, имевшего широкое применение в первых веках н.э., продолжали свое существование. Для изготовления серег широко применялись разноцветные металлы, чаще всего – бронза, а также разноцветные камни (сердолик, халцедон, гагат, алмадин, жемчуг и др.) и стекло. Среди серег раннего средневековья выделяются две большие группы:

1. Серьги простые, изготовленные из одного металла. Самыми распространенными в этой группе являются серьги-кольца с раскрытыми концами, круглой или овальной формы (табл. 115: 20, 22) с утолщением посередине кольца. В дальнейшем (в VI–VII вв.) утолщение заметно уменьшается. Такие серьги широко были распространены по всей территории Грузии.

Среди серег, изготовленных из одного металла, привлекают внимание небольшие конические серьги с согнутым в одну сторону тонким пальчиком (табл. 115: 40, 26). Они существовали до V в.

Начальным этапом раннего средневековья датируются редкие бронзовые серьги овальной формы со спиралевидной обмоткой концов. Они были найдены вместе с серьгами конической формы [Рамисвили Р.М., 1979. С. 90, табл. 31 и 32].

К этой же группе относятся серьги из кольца с разомкнутыми концами и с припаянной пирамидкой из металлических шариков (табл. 115: 36). Подобные серьги были известны с эпохи средней бронзы и они “дожили” почти до III в. н.э. Затем они исчезают, появляются вновь лишь в VII в. в более утонченном виде (табл. 115: 8, 9, 10, 4) и существуют до VIII в.

2. Серьги составные, изготовленные из различного материала (табл. 115: 1–3, 5–7, 11–17, 23–33 и др.). Подобные серьги состоят из разомкнутого кольца, у которого снизу припаяна петля (иногда

две). На этих маленьких кольцах-петлях свободно висят разнообразные стержни с бусами, подвески из разных камней и разных форм. Следует отметить, что в Цебельде, кроме вышеупомянутых серег, найдены оригинальные серьги с круглыми, овальными и квадратными щитками, каменными вставками и изящными подвесками [Воронов Ю.Н., 1975. С. 125–126, рис. 45].

Скорее височными подвесками, чем серьгами, являются золотые украшения (табл. 115: 34, 35), найденные в погребениях IV в. в Саирхе [Надирадзе Д.Ш., 1975. С. 44 и 53, рис. 4], которые изготовлены в традициях златокузнечества поздне римского времени.

В погребальных комплексах и культурных слоях раннесредневековых городищ и селищ обнаружено множество других вещей: колокольчики, копоушки и другие принадлежности туалета, предметы ритуального назначения, музыкальные инструменты, разнообразные бусы, однако объем работы не позволяет подробно рассмотреть все виды материальной культуры этого периода. Но для воссоздания более или менее полной картины культурного состояния Грузии раннефеодального времени, ниже дополнительно предлагаем краткий обзор некоторых групп материальной культуры, дающих сведения об уровне ремесленного производства и духовной культуры населения Лазики и Картли.

Производство и использование стекла (табл. 116). С первых веков нашей эры, по данным археологии, в Закавказских государствах начинается новый этап развития ремесел, в том числе стеклодувного искусства. В погребениях IV–VIII вв. стеклянная посуда встречается значительно чаще, чем в I–III вв., а стеклянные сосуды IV–VIII вв. довольно наглядно отличаются от сосудов поздне римского времени [Угрелидзе Н.Н., 1967. С. 150–151]. В первую очередь следует отметить, что стеклянные сосуды I–III вв. были намного крупнее, чем сосуды IV–VIII вв. В IV–V вв. в стеклодувном производстве фиксируется своеобразный “бум”, вследствие чего наблюдается не только резкий количественный рост продукции, но и появление новых форм [Угрелидзе Н.Н., 1967. С. 151]. Приблизительно такая же картина наблюдается на Цебельдинских могильниках, где первые экземпляры стеклянных сосудов появляются именно со второй половины IV в.

Среди стеклянных сосудов раннего средневековья следует выделить две большие группы: 1) изделия IV–V вв. и 2) изделия VI–VIII вв. В IV–V вв. завершается процесс бурных поисков новых форм и методов производства. С VI в. сосуды приобретают устойчивую и законченную форму. Погребальный инвентарь VI–VIII вв. и в том числе стеклянные сосуды отличаются своими определившимися формами, хотя по разнообразию они явно уступают сосу-

дам первой группы [Угрелидзе Н.Н., 1967. С. 54] (табл. 116).

В раннем средневековье в Восточной Грузии функционировало несколько центров производства стекла (Мцхета, Карснисхеви, Орбети, возможно, Урбниси и др.). Результаты химического анализа самтаврского стекла подтверждают его местное происхождение. Развитию местного производства способствовало наличие необходимого сырья в окрестностях Мцхета: окиси силиция – в Авчала, окиси кальция – в Дзегви, окиси натрия – в Глдани. Окись марганца могли привозить из Чиатура или из Квемо Картли [Угрелидзе Н.И., 1967]. Часть сосудов (например, чаши с полым поддоном и округлые стаканы с синими нитевыми налечами), видимо, завозилась из Восточно-Римских провинций или же из мастерских Кельна [Воронов Ю.Н., 1975. С. 76–77]. Среди стеклянных сосудов Грузии VI–VIII вв. наиболее распространенными были колбообразные флаконы.

Памятники раннехристианского зодчества (табл. 117). Внушительной частью материальной культуры раннехристианской Грузии являются памятники зодчества, среди которых особое место занимает христианская архитектура (рис. 16). Идеи христианского учения на Кавказ и, в частности в Грузию, проникли с самого начала – с I в. н.э., чему способствовали не только палестинские миссионеры (апостолы Андрей, Матфей, Семен Кананийский и др.), но и члены еврейской колонии, которые уже давно обосновались в Мцхета и других пунктах Картли и которые не прекращали связь с Иерусалимом. Поэтому не удивительно, что в одном из известных центров Картлийского царства – в Настикаси (на территории нынешней ж/д станции Ксани) раскопками под руководством А.В. Бохочадзе были выявлены небольшие церкви с полуциркулярной абсидой, зального типа (табл. 117: 8), которые датируются второй половиной III в.

После официального крещения населения Картли в первой трети IV в., как свидетельствуют древнегрузинские письменные источники [Картлиш цховреба, 1955. С. 117 и др.], по просьбе первого христианского царя Картли Мириана император Византии Константин послал священников и строителей церквей. К сожалению, первые христианские постройки в Восточной Грузии почти не сохранились. Остатки церкви IV в. были обнаружены при раскопках в Светицховели. Можно назвать и церковь Некреси (последняя четверть IV в.), Нокалакевскую церковь нижнего (IV в.) слоя (раскопки П. Закарая), Болниси (раскопки Л.В. Мухелишвили), Цилкани (раскопки Н.Г. Чубинашвили), Бичвинта (раскопки А.М. Апакидзе) и др. (рис. 16; табл. 117: 3, 5, 12).

Самыми древними христианскими сооружениями в Грузии являются базилики, из которых рас-

копками выявлены Настикасская (раскопки А.В. Бохочадзе и Н.Г. Мирианашвили, 1984 г.), Сионская (Рамишвили Р.М., 1979 г.), Светицховельская (Цинцадзе В.Г., 1987) и Даватская (Рамишвили Р., 1986) базилики. Самым значительным памятником раннехристианской архитектуры считается Болнисская базилика (табл. 117: 1, 3, 5, 7), которая по анализу строительной надписи датируется концом V в. [Чубинашвили Г.Н., 1940]. Декоративное убранство Болнисской базилики довольно строго и сдержанно. Среди орнаментов преобладают растительные и зооморфные мотивы. Особенно следует отметить наличие рельефных равноконечных крестов, которые в научной литературе именуются “болнисскими крестами”.

Тема базилики в Грузии нашла свое оригинальное развитие: в разных уголках Грузии и, особенно в Кахети, возникают двухнефные, смешанные (табл. 117: 1, 2) и другие базилики, которые лишь внешне были похожи на базилику.

Как в Византии и на Ближнем Востоке, так и в Грузии уже с V в. начинает распространяться тема крестово-купольных зданий. Эта тема по своей сути была близка для грузинских зодчих, так как перекликалась с народным зодчеством (подразумевается модель крестьянского жилого дома “дарбази”, который перекрывался деревянным ступенчатым куполом). В этом отношении следует упомянуть крестово-купольную церковь Эрелаант-сакдари [Рамишвили Р.М., 1969. С. 121–122, рис. 9 и 10, табл. VIII, 2]. С VI в. в Грузии находит распространение тема тетраконха (табл. 117: 14, 13), которая свое логическое завершение нашла в памятниках типа Джвари (табл. 117: 16–21 и др.). Шедевром этого круга является Джвари-“крестовый” монастырь в Мцхета (587–605 гг.). Внутреннее членение храма отражается во внешних пропорциях, и внешний вид (как и внутренний) своими изысканными пропорциями и гармоничностью производит огромное впечатление. Под влиянием “Джвари” в VII–VIII вв. возникают целые группы памятников. Созданием Джвари в грузинской архитектуре завершается очень важный этап грузинской христианской архитектуры и сразу начинается другой. Блестящим примером этих новых исканий является храм VII в. в Цроми (табл. 117: 11) и Бана, круглый храм с тетраконхом в центре (табл. 117: 10).

* * *

При раскопках архитектурных памятников раннесредневековой Грузии найдено много замечательных произведений рельефной скульптуры. Древнейшие ее образцы обнаружены в Болниси. Сцены охоты львов и медведя на животных и манера изображения растительного мира на капители в Болниси связывает ее с сасанидским миром, хотя на других работах преобладает христианская темати-

ка. Например, изображение символа воскрешения и возобновления – павлин или олень – символ верующей души. Довольно архаичным выглядит охота всадника “летающим галопом” на оленях в Атени, где опять явно просматривается ближневосточно-сасанидская тематика. Особенный интерес вызывает богатая рельефная скульптура на стенах Мцхетского Джвари [Аладашвили Н.А., 1977. С. 24–37]. Архаичным обликом отличаются и рельефные работы из Жалети и Мартвили. В этих скульптурных изображениях определяющим является условность, на передний план выступает декоративность не только деталей, но и целых композиций.

Образцы монументальной живописи столь ранней эпохи не сохранились, хотя, как показали археологические исследования в Армазихе, некоторые здания I в. были украшены стенной росписью. В раннехристианских храмах сохранились и образцы мозаичной работы. Большого внимания заслуживает мозаичный пол Бичвинтского храма. По данным археологии культурный слой, куда относится мозаичный пол, довольно убедительно датируется IV в. [Мацулевич Л.А., 1956]. Большой интерес вызывает мозаичный пол Шухутской бани V–VI вв. (раскопки П. Закарая) и Цромская мозаика. Цромская мозаика VII в. украшала конху алтарной абсиды. На этой монументальной работе изображен Христос между двумя ангелами. К концу раннего средневековья в комплексе Давида Гареджи, в Удабно, появляются первые образцы монументальной живописи [Абрамишвили Г.В., 1972]. Этот огромный монастырский комплекс, возникший в раннем средневековье (VI–VII вв.), внес внушительный вклад в развитие материальной и духовной культуры Грузии, особенно в период развитого средневековья.

Образцы торевтики и малой пластики, как правило, обнаруживаются при археологических работах, часть – в предхристианских богатых комплексах (табл. 118: 11–16), часть – в рядовых погребениях предгорной и горной зон. Начиная с конца 60-х годов XX в., в предгорной полосе и в горной части Восточной Грузии, между верховьями р. Арагви и Алазани в грунтовых погребениях III–IV вв. обнаружены замечательные образцы художественного ремесла – зооморфные изображения (олень, лошадь, тур, баран и др.) в виде фибул-застежек с железными (реже бронзовыми) иглами на оборотной стороне (табл. 118: 1–10). Указанные находки дают материал для характеристики материальной и духовной культуры населения Грузии в III–V вв., в период, когда по всей Грузии происходило внедрение христианской идеологии. С середины V в. эти предметы исчезают из археологических комплексов [Рамишвили Р.М., 2000. С. 68–75]. Сцены охоты на оленей, помещенные на серебряных кувшинчиках (из Арагвиспири), своей сутью и композиционным решением перекликаются со скульптурной композицией охо-

ты на оленей в Атени (табл. 118: 13). А изображения лошадей перед бомоном (Арагвиспири) и в виде отдельных скульптур (табл. 118: 4, 6, 8, 9), по всей вероятности, связываются с ритуалом, поэтому совершенно понятно их исчезновение с V в., после победы христианства.

Значительным элементом материальной культуры раннего средневековья является строительная керамика (черепица разных типов, керамические плиты, водопроводные трубы и т.д.), среди которой своим художественным оформлением внимание привлекают керамические антефиксы, в большинстве случаев обнаруженные при археологических исследованиях. Лобовые плоскости антефиксов, которые использовались при перекрытии церквей, украшены сюжетами христианского содержания. Самым распространенным украшением антефиксов является крест (табл. 119: 1–6), на одном антефиксе изображен святой Георгий (табл. 119: 6), на других – олени, символы верующей души (табл. 119: 7), павлины и др. На многих антефиксах сохранены надписи, исполненные грузинскими заглавными буквами [Джгамая Д.К., 1980. С. 49–50, табл. XVI–XVIII]. Часть этих антефиксов датируется VII–VIII вв., ареал распространения – Восточная Грузия.

Стелы. Очень интересную отдельную группу материальной культуры раннего средневековья составляют стелы, которые получили широкое распространение с самого начала раннего христианства. Идея возникновения таких памятников теснейшим образом связывается с пропагандой и распространением христианства. Вместе с тем, стелы являются замечательными образцами рельефной скульптуры. По своему содержанию стелы делятся на несколько групп: религиозные, юридические, мемориальные и др. При археологических раскопках чаще всего попадают стелы религиозного назначения. Основным материалом для изготовления стел являлись песчаные камни или же известняки. Типичная стела – это четырехугольные каменные столбы разных размеров (табл. 120: 6–11), которые помещались на квадратных или многоступенчатых пьедесталах (табл. 120: 5, 9; 121: 5). Как правило, стелы завершались каменными крестами [Чубинашвили Н.Г., 1972]. Замечательными образцами творения являются стелы из Хандиси, Усанети, Болниси, Брдадзори и т.д. Особый интерес вызывают стелы из Даватской церкви (Душетский р-н), где раскопками выявлены фрагменты нескольких стел, среди которых выделяется стела с полным грузинским алфавитом.

Давати находится в верховьях речки Абаносхеви (Нокорнисхеви), левого притока р. Арагви, в 25 километрах от г. Душети. Раскопками 1985 г. под руководством Р.М. Рамишвили была расчищена церковь Успения Богородицы. Среди многочисленных фрагментов стел (табл. 121: 1–9) особый интерес вызывает стела из желтоватого песчаного камня. На фа-

садной стороне в обрамлении изображена Богородица во весь рост с младенцем на руках, держащим “книгу законов”, на руках. У Христа диадема на голове, Богоматерь без диадемы. С обеих сторон Богоматери и Христа грузинские надписи (табл. 121: 9). Боковые плоскости стелы украшены изображениями пальметт, а на противоположной стороне Богоматери имеются рельефные изображения в двух фризах. Внизу изображены два человека в гражданском одеянии. На верхнем фризе, который частично поврежден, в позе возвышения изображены архангелы Михаил и, по всей вероятности, Гавриил. В пространстве между архангелами выцарапан полный грузинский алфавит (37 знаков) (табл. 121: 8). По предварительному соображению автора раскопок, церковь Богоматери датируется второй половиной VI в., а саму надпись с алфавитом следует отнести к более раннему периоду, скорее всего, ко второй половине IV в. [*Раишвили Р.М.*, 1986].

Монеты. Со второй половины или с конца IV в. из денежного обращения выпадают римские и парфянские серебряные монеты и подражания римским ауреусам. С V в. на рынках Кавказа и Грузии появляются сасанидская серебряная монета и византийские солиды. Но самым примечательным является тот факт, что с V в. начинается чеканка грузинских и грузино-сасанидских монет. Первые единичные экземпляры сасанидской драхмы появляются в Восточной Грузии во второй половине III в., но они не играли сколько-нибудь важной роли в экономических взаимосвязях. На рынках Картли довольно энергично вращались византийские золотые солиды, например, в Телади, Мцхета, Цинандали, Урбниси и в других пунктах были обнаружены солиды Феодосия II (408–450), в Болниси, Казрети, Хидистави – монеты Льва I (457–474). С 30-х годов V в. в денежное обращение Картли постепенно включаются и сасанидские драхмы.

Картина денежного обращения несколько меняется в VI в., когда на восточногрузинском рынке окончательно утверждается сасанидская драхма.

С VI в. в денежном обращении Восточной Грузии появляется местная монета [*Капанадзе Д.Г.*, 1955; *Дундуа Г.Ф.*, 1976; *Джалагания И.Л.*, 1979], что хорошо отражено в археологических материалах. Неоднократные находки монет, чеканенных от имени правителей Картли Гуарама и Стефано-за I (вторая половина VI в.) указывают на возрождение раннефеодального грузинского государства [*Дундуа Г.Ф.*, 1994]. В VI в. в денежном обращении находились также так называемые анонимные грузино-сасанидские монеты.

Характерной особенностью денежного обращения Закавказья, и в частности Грузии, в VII в. является одновременное существование двух различных валют: византийских гексаграмм и сасанидских драхм. В монетных кладах VII в., обнаруженных в разных уголках Грузии, все же преобладают

византийские монеты. После ослабления сасанидской империи серебряные драхмы все же были в обращении. Следует отметить, что сасанидская драхма в Лазике не обращалась. Она дальше Аргвети не проникала. В Западной Грузии и, особенно, в Абхазии в обращении были византийские монеты. Только на могильниках Цебельды найдено около 500 монет [*Воронов Ю.Н.*, 1975. С. 87–89, рис. 28], среди них монеты Льва I (457–474), Анастасия I (491–518) и др. В царствование Юстиниана I (527–565) в обращение интенсивно включаются золотые солиды. Подтверждением этого является Чибатский клад (Ланчхутский р-н), содержащий 124 золотые монеты от Тиверия Константина (578–585) до Ираклия (610–641). Нокалаевский клад состоит из 23 монет Маврикия Тиверия (582–602). Если судить по количеству кладов, то становится ясным, что Грузия в раннем средневековье теснейшим образом была включена в международную торговлю.

Лапидарные памятники. Древнейшими образцами грузинского письма являются лапидарные надписи. С самого начала раннего средневековья, как показывают археологические исследования последних десятилетий, на территории Грузии полностью исчезают лапидарные надписи на тогдашнем международном дипломатическом – арамейском языке; резко уменьшаются и со временем исчезают греческие и латинские надписи. В результате археологических исследований последних лет число лапидарных памятников с грузинскими надписями заметно возросло. Анализ этих надписей проливает новый свет на многие вопросы картвелологии.

По новейшим данным, пока самыми древними являются надписи из Некреси (II–III вв.) [*Чилашвили Л.А.*, 1990], Давати (IV в.) [*Патаридзе Р.М.*, 1987], Болниси (IV в.) [*Мchedlishvili Б.*, 1984; *Патаридзе Р.М.*, 1984; *Какабадзе С.С.*, 1984], Палестинии (V в.) [*Церетели Г.В.*, 1960], Урбниси (первая половина V в.) [*Шошиашвили Н.Ф.*, 1965], Мцхетского Джвари (конец VI и начало VII в.) [*Чубинашвили Г.Н.*, 1948]. Все эти надписи выполнены письмом асомтаврули (заглавными буквами). Анализ указанного материала дает возможность предположить, что на лапидарных памятниках с округлыми рельефными буквами (классическим примером которого является строительная надпись в Болниси) предшествовали надписи с выцарапанными на поверхности камня графическими буквами.

* * *

Подытоживая первую часть нашего неполного обзора памятников материальной и духовной культуры раннесредневековой Грузии, в первую очередь следует отметить те важные изменения, которые произошли почти во всех сферах быта и культуры населения Картли и Эгриси после принятия христианства в качестве государственной религии.

Как и всякая живая культура, грузинская была тесно связана с материальной и духовной культурой соседних стран Передней Азии, Средиземноморского бассейна и Северного Кавказа. Эти связи обогащали грузинскую культуру, но и она, со своей стороны, вносила весомый вклад в развитие культуры со-

седних стран. Но самой главной чертой материальной культуры Грузии раннего средневековья была несомненная генетическая связь с культурой досредневекового периода. Именно с раннего средневековья особенно ярко проявились самобытные национальные черты грузинской материальной культуры.

Грузия в эпоху развитого средневековья (X–XIII вв.)

В конце VIII и начале IX в. в политической, социальной и культурной жизни Грузии наметились большие сдвиги. Продолжительная и тяжелая борьба народа против арабского ига, в которой были объединены все социальные слои Грузии, постепенно стала приносить ощутимые плоды.

Тбилисскому эмирату, учрежденному Халифом с целью контроля над верховным правителем Грузии и своевременным отправлением в казну халифата ежегодной дани, все труднее становилось держать в руках бразды правления, особенно на периферии, где стали возникать новые княжества и царства. Арабы препятствовали созданию в Грузии сильной местной власти и всячески поддерживали ее децентрализацию [Очерки истории Грузии, 1988. С. 246–353].

Огромное значение в деле восстановления единой грузинской государственности имела Западная Грузия и особенно Абхазское княжество, куда жесткая рука халифа дотягивалась сравнительно реже. С VIII в. этот регион постепенно стал выходить и из сферы влияния Византии. В результате именно Абхазское княжество возглавило процесс объединения всех княжеств Западной Грузии. К концу VIII в. Леон I, эристав Абхазии, объединив всю Западную Грузию и избрав местом своей резиденции город Кутаиси, объявил себя царем. Леон I с активной поддержкой хазарских войск освобождается от вассальной зависимости Византии и активно включается в борьбу за объединение Грузии [Очерки истории Грузии, 1988. С. 280–306].

В VIII в. заметно усиливается Южно-Грузинское княжество. Ашот Багратиони, бывший правитель Картли, укрепляется в городе-крепости Артануджи и, получив от византийского императора звание куропалата, возглавляет обширную провинцию под названием Картвельское княжество (Грузинское княжество). В условиях арабского засилия в центральных регионах Грузии, Картвельское княжество становится убежищем прогрессивных сил и представителей православной церкви Картли. С ростом национального самосознания Картвельское княжество (Тао-Кларджетское царство) превращается в наиболее значительную политическую и экономическую силу и в один из основных очагов средневековой грузинской культуры [Амиранашвили Ш.Я., 1963. С. 12–13].

Важнейшим событием в истории Грузии IX в. следует считать церковное объединение всей Грузии, которое предшествовало политическому объ-

единению страны. Инициатором присоединения к мцхетскому престолу выступило Абхазское (Западногрузинское) царство, которое давно стремилось выйти из-под контроля Константинопольской епархии.

Продолжительная борьба за объединение Грузии к концу X в. завершилась победой прогрессивных сил. После реализации плана Иоана Марушисдзе, государственного деятеля и представителя абхазского царя в Картли, Грузия в 1002 г. стала единым феодальным государством во главе с монархом Багра-том III [Очерки истории Грузии, 1988. С. 354–381].

С XI в. в истории Грузии начинается вторая фаза развитого средневековья. Экономические и политические предпосылки объединения всех провинций Грузии были столь внушительными, что даже опустошительное нашествие турок-сельджуков и разорение многих регионов страны не помешало дальнейшему усилению феодальной монархии. Особенно плодотворными для Грузии оказались годы правления Давида IV Строителя, который, освободив Грузию от сельджукских полчищ и осуществив радикальные реформы во всех сферах общественной жизни, превратил Грузию в мощную феодальную державу во главе с монархом.

Период от Давида Строителя (1089–1125) до царицы Русудан (1225) в истории Грузии считается золотым веком. Во время царствования феодальных монархов Грузии и, особенно, царицы цариц Тамар [Басили, 1985. С. 27–52], Грузия достигла зенита своей мощи.

Годы развитого средневековья и, особенно, XI–XII вв. и начало XIII в. были порой расцвета грузинской материальной и духовной культуры.

Изучение истории Грузии развитого средневековья основано на многочисленном и разнообразном материале, прежде всего грузинских письменных памятников.

Важнейшим источником опять следует считать свод исторических сочинений “Картлис цховреба”. Особенного расцвета историческая наука Грузии достигла в XI в. В это время жили и творили историки Леонти Мровели, Джуаншер, Сумбат, Давитисдзе. В XII в. в свод “Картлис цховреба” внесли выдающийся исторический труд неизвестного автора “История царя царей Давида” о жизни и деятельности Давида IV Строителя. На рубеже XII и XIII вв. свод “Картлис цховреба” был пополнен такими трудами, как “Жизнь царицы цариц Тамар” Басили Эзосмодзвари и “История и прославление

венценосцев” неизвестного автора, где дается описание эпохи царствования Георгия III, отца царицы Тамар и самой царицы цариц Тамар. Замечательным источником средневековой истории является “Матиане Картлисаи” (Летопись Картли) [КЦ, I, 1955; КЦ, II, 1959; *Габашвили В.Н.*, 1955].

Большое значение для изучения истории Грузии IX–XIV вв. имеют армянские и византийские пись-

менные источники. Многие сведения можно почерпнуть из трудов арабских и персидских источников [Очерки истории Грузии, 1988. С. 23–28].

Когда речь идет о письменных источниках, нельзя игнорировать эпиграфический материал – грузинские надписи, в основном, лапидарные [Корпус грузинских надписей, 1980], часть которых обнаружена археологическими раскопками.

Города

Арабы, перекроив политическую карту Кавказа и всего Ближнего Востока, заметно изменили старые экономические взаимоотношения между государствами, что повлекло за собой изменение старой сети торгово-транзитных дорог. Многие старые города, которые были связаны с бывшими торговыми магистралями, постепенно пришли в упадок (Кабалы в Албании, Уджарма, Черем, Жалети и др. в Картли). Но одновременно вдоль новых дорог, особенно в IX–X вв., возникают новые города, которые в Грузии так и назывались ахалка-лами, т.е. новгородами (Артануджи, Телави, Кутаиси, Ахалцихе, Ахалкалаки и др.). Но, вместе с тем, продолжали свое существование и довольно бурно развивались те старые города, которые оказались на новых торговых магистралях. В указанный период основными являлись следующие маршрутные пути Закавказья: Барда–Тбилиси, Барда–Двин, Тбилиси–Двин, Барда–Дербенд, Тбилиси–Кутаиси–Поти, Двин–Марага, Барда–Ардебиль, Гонио–Ахалцихе–Двин и др. [*Сихарулидзе Э.*, 1963. С. 175–189].

В Грузии XI–XIII вв. насчитывалось более 35 ведущих городов, кроме того, существовали и небольшие города, ремесленные и торговые поселения, которые играли немаловажную роль в экономической жизни государства [*Апрасидзе Г.П.*, 1985. С. 12].

Тбилиси по-прежнему оставался центром царства и крупнейшим городом Грузии и до начала XII в. резиденцией Джапаридов арабского происхождения [*Лордкипанидзе М.*, 1957. С. 186–201; *Габашвили В.Н.*, 1964. С. 333–346]. В XI в. в Тбилиси было организовано городское самоуправление под начальством городских старейшин и купцов. Городское самоуправление, переросшее с 80-х годов XI в. в независимое управление, просуществовало до 1122 г., когда Давид IV Строитель занял город и назначил управляющим своего чиновника – Амира [*Апрасидзе Г.П.*, 1985. С. 45].

В условиях мирного существования и бурного развития ремесел и торговли численность населения Тбилиси быстро возросла. Новые кварталы возникали за пределами городской стены, в западном направлении, вплоть до собора “Лурджи мона-

стери”. Расширялся город и на левом берегу Куры. На численность населения Тбилиси косвенно указывают сведения летописца, сообщающего, что в 1226 г. при нашествии хорезмшаха Джелал-ед-Дина в Тбилиси якобы погибло 100 тысяч жителей. По подсчетам исследователей, в Тбилиси в начале XIII в., возможно, проживало около 130–140 тысяч человек [*Апрасидзе Г.П.*, 1985. С. 39].

В Тбилиси в XI–XIII вв. были осуществлены большие строительные работы. После неоднократного разрушения была восстановлена главная крепость города Нарикала. В цитадели крепости были расположены царский дворец, купольная церковь, бани, разные хозяйственные сооружения. Она состоит из двух связанных между собой частей. Восточная часть в плане почти квадратная (71 × 70 м), а западная часть имеет продолговатую, прямоугольную форму (60 × 20 м). Из крайних точек крепости (с востока и запада) на склонах горы до р. Куры опускались стены ограды нижнего города. Стены крепости (толщиной до 1,5 м) как в цитадели, так и в нижнем городе были укреплены в плане круглыми или прямоугольными башнями и контрфорсами. Западная часть крепости (вышгород) была снабжена двумя воротами. Одни, “Танджкарские”, находились со стороны царского сада (нынешний ботанический сад), а вторые ворота, более широкие, находятся в северо-восточной части вышгорода. В данной части крепости сохранились остатки древнейшей кладки [*Ткешелашвили О.В.*, 1986].

Вторая крепость Тбилиси (по всей вероятности, более древняя), на высокой Таборской горе, после усиления Нарикала (особенно в XI–XIII вв.) стала дополнением последней, и только в экстремальных ситуациях там могли найти убежище жители квартала теплых источников.

Столица Грузии, находясь на перекрестке больших дорог, являлась мощным ремесленным и торговым центром, что наглядно подтверждается не только письменными источниками, но и археологическими данными. Примером этого является керамическая мастерская, расположенная на юго-восточной стороне старого города. Фактически мы имеем дело с крупным производственным компле-

ксом, который простирался от городских ворот до горячих источников. Здесь работа была строго специализирована: мастера в квартале керамистов занимались изготовлением лишь высококачественной поливной керамики [Миццишвили М.Н., 1998. С. 61].

Ремесленники Тбилиси занимались стекольным производством, выделкой кожи, кузнечным делом, ткачеством, златокузнечеством, обработкой строительного камня, дерева и драгоценных камней, производством строительной керамики. В городе были объединения (амкари) обувщиков, портных, переплетчиков книг, парфюмеров, цирюльников. Каждая отрасль делилась на подотрасли, что указывает на высокий уровень организации ремесла. Его товарный характер обеспечивал экспорт готовой продукции [Апрасидзе Г.П., 1985. С. 19–26].

Мощная сельскохозяйственная хора Ортачала, Ваке, Делиси, Дигоми, Дидубе-Глдани и др. обеспечивала город дешевыми продуктами.

В начале XIII столетия Тбилиси являлся многолюдным и богатым интернациональным городом, где бок о бок мирно сосуществовали христианские церкви разных конфессий, мечети и синагоги.

Настоящим достоянием города были серные бани, куда из недр земли поступали горячие источники целебного свойства.

В 1225 г. преследуемый монголами шах Хорезма Джелал-ед-Дин вторгся в Грузию, и через год ему удалось захватить Тбилиси. Царица Русудан не смогла организовать сопротивление и бежала в Кутаиси. Хорезмские войска действовали с невероятной жестокостью. По приказу Джелала на Метехском мосту положили икону Богородицы, сюда пригнали огромное количество людей, в основном женщин, стариков, детей, и велели пройти через мост. Кто отказывался наступить на икону, тому отрубали голову и бросали в реку. По словам летописца, в 1226 г. в Тбилиси погибло около 100 тысяч человек. Город был сожжен. Столь разоренная и разграбленная страна не смогла оказать должного сопротивления монголам, которые в 1236 г. появились у границ Грузии. Монгольское нашествие окончательно разорило страну, особенно Восточную Грузию. С разорением городов Грузии, и особенно Тбилиси, экономическое развитие страны пошло на убыль.

Рустави. В развитом средневековье Рустави, политический и экономический центр Кухетского эриставства, продолжал играть важную роль в жизни государства. Этот густонаселенный город со своей мощной крепостью продолжал контролировать важные перекрестки дорог и подходы к Тбилиси с юга (Барда–Гянджа–Рустави–Тбилиси).

Рустави в средневековье занимал обширную территорию на обоих берегах р. Куры, где засвидетельствованы могильники, остатки разных построек жилого и хозяйственного назначения, ремеслен-

ные кварталы, датирующиеся IX–XIII вв. Как показали раскопки Вышгорода, две последние ограды (IX–X и XII вв.) крепости были воздвигнуты на той же линии, где проходили стены ограды раннего средневековья. Кроме важнейших дорог, Руставская крепость контролировала начало крупного оросительного канала, который снабжал водой обширные поля к востоку от Рустави. Среди многочисленных построек крепости (баня, жилые помещения и др.) открыты остатки двухэтажного дворцового сооружения, где обнаружены фрагменты стеной росписи, профилированные архитектурные детали, горельефные изображения, обломки стекла из витражей. На территории городища было обнаружено обилие поливной, полихромной керамики и нумизматического материала (около 1000 монет). Кроме грузинских, здесь встречены византийские, куфские, ильгизидские, монгольские и др. монеты, что указывает на широкие экономические связи Рустави с внешним миром. Город был разрушен монголами во второй половине XIII в.

Дманиси расположен на вулканическом плато Южного нагорья Грузии, в Машаверском ущелье, у слияния рек Машавера и Финезаури. Выдвижение и усиление города, упоминаемого с IX в., было связано с торговой дорогой, которая связывала Грузию с Передней Азией. Дманиси с трех сторон был окаймлен высокими скальными обрывами (табл. 122: 1). Несмотря на это, территория города по всему периметру была окружена стенами, но особенно была укреплена южная сторона, где находились главные ворота города. Общая площадь огороженной территории 13 га, а цитадели, находящейся в юго-западной части возвышенного города – 3250 м².

В Вышгороде, который от нижнего города отделялся мощной стеной с контрфорсами, находились жилые помещения дворцового типа, расположенные террасообразно по обеим сторонам узкой улочки (табл. 122: 2–8). На вершине холма, контролирующего всю территорию городища и большой отрезок ущелья, была воздвигнута прямоугольная башня, неоднократно перестраивавшаяся (12,8 × 6,6 м), с двумя большими опорами. Жилые помещения в цитадели, как и во многих уголках нижнего города, были одно- и двухэтажные, в кладке были использованы базальт и песчаник на крепком известковом растворе. Перекрытие домов – в основном черепичное. Полы большинства помещений выложены плоским кирпичом (0,23 × 0,23 × 0,04 м).

На территории нижнего города, у подножия Вышгорода, возведен кафедральный собор “Дманисский Сиони” (VI в.) с пристройкой у главного входа (XIII в.). Улицы в нижнем городе узкие (2,5–3 м). Жилые помещения расположены по обеим сторонам улиц. Раскопками обнаружены городские ворота, тоннель к реке, керамические мастер-

ские, маслособойные цеха, гостинный дом, зернохранилище, марани, остатки городской бани и мечети. В культурных слоях в огромном количестве обнаружены обломки поливной и неполивной керамики, фаянса и стекла, украшения, орудия труда и предметы вооружения и пр. Находки датируются IX–XI и XII–XVI вв. По письменным источникам, в первой половине XIII в. в Дманиси находился монетный двор. Результативными оказались раскопки городского могильника, где вместе с христианами хоронили и мусульман.

При определении дат отдельных слоев помогают монеты, монетные клады и надписи, в основном грузинские. Анализ археологического материала дает возможность заключить, что Дманиси как город прекращает свое существование в XVI–XVII вв. [Мухелишвили Л.В., 1938; Джапаридзе В.В., 1969; Копалиани Д., 1996].

Самшвилде, один из древнейших городов Грузии, находится у слияния рек Храми и Чивчава, на треугольном мысу. С двух сторон он защищен высокими скальными обрывами, третья сторона была укреплена тщательно. В исторических источниках упоминается как Дедахи (т.е. мать-крепость – главная крепость). В IV–III вв. до н.э. он являлся центром Самшвилдского эриставства (воеводства) и резиденцией наследственных принцев [Бердзенишвили Д.К., 1979].

В конце X в. Самшвилде превратился в столицу Ташир-Дзорагетского царства. Во второй половине XI в. царь Грузии Баграт IV занял Самшвилде, включив его в состав царского домена. Вскоре в крепости укрепились турки-сельджуки, но в 1110 г. войско Давида Строителя освободило город. С этого времени начинается его быстрое развитие. Самшвилде, находясь на трассе важного караванного пути, считался мощным ремесленным центром, где были объединения керамистов, ювелиров, стеклодувов и др. На территории городища сохранились многочисленные остатки жилых, общественных и фортификационных сооружений (Мухелишвили Л.В., 1942), среди которых особое внимание привлекает христианский храм Самшвилдский Сиони [Чубинашвили Н.Г., 1969].

После монгольского нашествия город постепенно приходит в упадок и во второй половине XVII в. прекращает существование.

Артануджи, политический и экономический центр Таокларджетского царства, возник на перекрестке важных торговых путей. Из Артануджи дороги шли: через Артаани – Ахалкалаки – оз. Паравана-Дманиси до Рустави и Тбилиси, через Батуми к городам Западной Грузии и через Гонио к владениям Византии, через Карс к городам Армении и через Эрзерум к провинциям Каппадокии. Как город он упоминается с рубежа VIII–IX вв. [Месхия Ш.А., 1959. С. 35–36; Чилашвили Л.А., 1970.

с. 110–111]. В середине X в. Артануджи превратился в один из крупнейших городов Грузии [Очерки истории Грузии, 1988. С. 231]. По словам византийского автора Константина Порфирородного: “Артануджская крепость очень крепка и имеет большой посад и также город. И туда прибывает товар из всех земель Трапезунда, Иберии, Абхазии (т.е. Западной Грузии), Армении и Сирии. И с этих товаров он получает большие пошлины. Артануджская земля, т.е. Арзен, велика и плодотворна и является ключом Иберии, Абхазии и страны месхов” [Георгика, 1952. С. 278–279].

Артануджская крепость с мощной цитаделью является незаурядным памятником архитектуры. Городище, находившееся в пределах Турции, пока археологически не изучено, но имеется описание отдельных его компонентов, например, на территории городища, по словам Д. Бакрадзе, привлекали внимание остатки грандиозной церкви [Бакрадзе Д., 1880. С. 47].

Кутаиси. С IX в. начинается быстрое возрождение Кутаиси. Завершается строительство ограды нижнего города, строятся новые жилые и хозяйственные помещения. Особо следует отметить строительство нового дворца. Это крупное кирпичное здание прямоугольной формы (длина – 21 м, ширина – 18,5 м), со многими компонентами и двумя большими залами, сводчато-арочными дверями и окнами. Составной частью дворцового комплекса является остаток бани с гипocaustной системой и трассой водопровода [Ланчава О.И., 1995. С. 34–35].

Особый этап в истории Кутаиси начинается с воцарением Баграта III [Ланчава О.И., 1995. С. 35; Габрадзе А.А., 1999], когда Кутаиси был объявлен столицей объединенного грузинского царства (1001 г.). Баграт III (975–1014), энергичный и дальновидный правитель, неустанно занимался благоустройством Кутаиси. Большие строительные работы были развернуты в цитадели города. К северу от старого кирпичного дворца, на самой высшей отметке Вышгорода, было воздвигнуто построенное из тесаных квадров крупное здание нового дворца, в плане прямоугольное (30 × 14 м), ориентированное с юга на север. Вершиной строительной деятельности Баграта III следует считать кафедральный собор, построенный на территории внутренней крепости. Кафедральный собор Баграта являлся одним из лучших образцов грузинского христианского зодчества. В развитом средневековье стены ограды нижнего города переходили на правый берег Риони, где предполагается деловая и торговая часть города – Рабад. На обширной территории Рабада существовали разные мастерские, где трудились ремесленники города и где, должно быть, находилась торговая биржа.

Возрождению и росту Кутаиси способствовала богатейшая сельскохозяйственная хора, которая теснейшим образом была включена в жизнь города.

На обширной территории сельской хоры возникли своеобразные спутники города (Моцамета, Гегути, “Мцване квавили”, Гелати, Сатаплиа и др.), которые дополняли жизнедеятельность города. Например, в Гегути возник дворцовый комплекс Багратионов, а в Гелати был основан мощный центр просвещения, где под покровительством известного монастырского комплекса функционировала Гелатская Академия, центр научной мысли Грузии того времени. После освобождения Тбилиси Давидом IV (1122 г.) и перенесения столицы из Кутаиси в Тбилиси, город постепенно теряет былое значение, но долго сохраняет свое реноме второго центра в государстве.

Ахалкалаки (Джавахетский) возник на рубеже IX–X вв. на важной торговой трассе и перекрестке дорог [Месхия Ш.А., 1959. С. 36; Джандиери Е.Г., 1983. С. 24; 1969. С. 46–73], у слияния двух рек: Тавфаравани и Мурджахетисцкали.

По летописи “Картлис Цховреба”, Ахалкалаки, возникший на смену древнему городу Цунда, в царствование Баграта III (975–1014) еще не имел ограды. Лишь при царе Баграте IV (1027–1072) была построена Ахалкалакская ограда. Это произошло в 1044–1045 гг., после чего новый политический и экономический центр Джавахети приобретает функцию города-крепости [Месхия Ш.А., 1959; Чилашвили Л.А., 1970; Очерки истории Грузии, 1988. С. 231; Джандиери Е.Г., 1983. С. 15–16]. Археологические раскопки показали, что в середине XI в. в Ахалкалаки велось интенсивное строительство как оборонительных сооружений, так и жилых и хозяйственных зданий. Несмотря на жестокое нашествие турок-сельджуков и разорение всего построенного, с начала XII столетия намечается бурное развитие города. К этому времени заново укрепляется цитадель, строятся новые ворота, проводится подземный ход, ведущий за пределы крепости (длина – 150 м). Тоннель связывает двор цитадели с левым берегом р. Тапаравнисцкали. Это превосходно сохранившееся уникальное подземное сооружение отражает высокое развитие инженерного искусства и строительного дела в средневековой Грузии. Внушительно выглядят развалины городского караван-сарая. У городских ворот сохранилась надпись, где упоминается мать Баграта IV – Мариам (XI в.).

Большая часть археологического материала: поливная и неполивная керамика, украшения из стекла, разные бытовые предметы – безусловно местного происхождения, датируются XII–XIII вв. После нашествия монголов и неоднократного разрушения, город постепенно приходит в упадок.

Телави расположен во внутренней Кахети, на правом берегу р. Алазани. Город раскинулся на северных склонах Цивгомборского хребта. С севера он граничит с Большим Кавказом [Рчеулишвили Л.Д., 1963; Ломтатидзе Г.А., 1969; Чикоидзе Ц.Н., 1979]. На основании археологических рас-

копок установлено, что древний Телави был расположен на месте современного [Чикоидзе Ц.Н., 1979].

Самым ранним упоминанием Телави следует считать сведение греческого географа Клавдия Птолемея о городе “Teleda”. Возможность тождества Телави с Teleda подтверждается существованием торгово-караванной магистрали, известной под названием “обходной дороги”, одно ответвление которой проходило через Телави.

Более обстоятельные сведения об этом городе имеются у арабского географа X в. ал-Мукаддаси. По этим сведениям Телави предстает перед нами цветущим городом.

В грузинских письменных источниках о Телави нет прямых сведений до XI в. В начале XI в. было создано объединение Кахет-Эретское царство, получившее название Кахети. Это повлекло за собой превращение Телави в его политический центр. В это время Телави является одним из важнейших городов Восточного Закавказья [Чикоидзе Ц.Н., 1979].

Среди наземных архитектурных памятников Телави привлекает внимание ограда X–XI вв., фрагменты которой сохранились в местечке “Дзвели галавани”. Во время раскопок “Дзвели галавани” обнаружены остатки замка, который был дворцом первого владельца кахетского княжества. За территорией замка раскопками обнаружена керамическая мастерская с гончарной печью. С IX–X вв. в Телави намечается подъем керамического производства. С XI в. появляется глазурованная посуда местного производства, которая достигает наивысшего совершенства в XII и первой половине XIII в. Наряду со старыми формами появляются новые, начинается выпуск многоцветной керамики [Чикоидзе Ц.Н., 1979].

Заслуживают внимания и изделия из стекла, в частности браслеты, многочисленность которых заставляет предполагать, что они являлись украшениями, легкодоступными для широких слоев населения как города, так и деревни.

Город располагался на перекрестке нескольких дорог, которые соединяли его с известными торгово-караванными путями. Это способствовало развитию торговли и ремесел. В Телави обнаружены монеты как грузинской чеканки, так и иностранные.

Со второй половины XIII в. в результате нашествия монголов город приходит в упадок. Ослабевают ремесленное производство и торговля. Город на долгое время теряет политическое значение [Чикоидзе Ц.Н., 1979].

Уплисцихе. Пещерный город Уплисцихе играл особую роль в политической и экономической жизни Грузии. Среди археологических находок материалы развитого средневековья представлены довольно богато, что вместе с письменными источниками дает возможность проследить основные

этапы развития этого очень своеобразного города [Миндорашивили Д.В., 1990].

В IX–X вв. в Уплисхихе продолжались строительные работы, при этом интенсивно использовались высеченные в скале залы античной эпохи [Карумидзе Т., 1960]. Вместе с тем в данный период было высечено несколько залов, являющихся замечательными образцами скальной архитектуры. Помещения, построенные обычным методом, в плане прямоугольные и перекрыты черепицей. На развалинах старых пещер в IX–X вв. была возведена кирпичная трехнефная базилика и оборонительная стена, тоже кирпичная, защищавшая центр города [Очерки истории Грузии, 1988. С. 455]. В городе процветало ремесленное производство. Экономическому росту города, помимо сухопутных дорог, которые проходили через город, способствовал и речной путь через р. Кура. Как известно, на берегу Куры город имел пристань, где могли останавливаться плоты, плывшие из Земо Картли в Тбилиси и ниже.

В XI–XIII вв., по анализам археологического материала, местное керамическое производство постепенно приходит в упадок, особенно после освобождения Тбилиси, где был сосредоточен весь управленческий аппарат и где бурно развивалось ремесло. Городское хозяйство Уплисхихе теперь ориентируется на сельское хозяйство. Особенно возрастает роль виноградарства и виноделия, на что указывают высеченные в скале давяльни [Миндорашивили Д.В., 1990. С. 19–25]. После монгольского нашествия и без того ослабленный город уже не смог оправиться. Начиная с XIV в., в пещерном городе следы активной жизни не прослеживаются [Миндорашивили Д.В., 1990. С. 29].

Важнейшими городами Земо Картли (Самцхе-Джавахети) являлись Тмогви и Ахалцихе.

Тмогви – город-крепость в Джавахети возник в IX–X вв. [Месхия Ш.Л., 1959] и являлся мощным военно-стратегическим и экономическим пунктом. В письменных источниках упоминается в первой четверти X в.

Тмогви имел хорошо укрепленный Вышгород на высоком скальном массиве и надежную ограду с башнями. В нижнем городе и вокруг ограды имелись многие здания частного и общественного назначения. В XI в. сильным землетрясением город был разрушен до основания, но в XIII в. восстановлен. Город и его округа являлись феодальным уделом фамилии Гамрекел-Торели. С XIV в. город становится родовым владением Мхаргдзели.

Ахалцихе в письменных источниках упоминается с XII в. До XII в. данный пункт назывался Ломсианта (КЦ, IV. С. 663), который, по письменным источникам, построил в IX в. Гуарам Мампали, что подтверждается археологическими находками [Месхия Ш.А., 1959. С. 37]. Замена старого названия новым (Ахалцихе, т.е. новая крепость), должно быть, была вызва-

на тем, что в XII в. была основательно перестроена или же заново построена крепость города.

Ахалцихе имел мощную цитадель, обширный Рабад, церкви, общественные здания и др. В городе существовал монетный двор. Находясь на перекрестке важных дорог, он играл заметную роль в экономической жизни Грузии. На внешние связи этого города указывает обнаруженный в 1906 г. клад византийских монет, пять из которых чеканены от имени Константина VIII (1025–1028).

Несмотря на неоднократные опустошения, город Ахалцихе сохранил свою мощь и в позднем средневековье, являясь политическим центром Самцхе-Джавахети.

В развитом средневековье важными поселениями городского типа и довольно активными ремесленными центрами являлись Олтиси, Мцхета, Уджарма, Манглиси, Аджури, Эрушети, Начармагеви, Бочорма, Болниси и др. Важными транзитными торговыми и ремесленными центрами были Ахалкалаки (Триалетский), Сурами, Али, Баралети, Хорнабуджи. Во многих этих городах имелись караван-сарай, крепость, таможня, церкви и др.

В предгорной полосе Грузии существовали сравнительно небольшие города – политические центры отдельных воеводств, которые являлись проводниками государственной политики в горных регионах Грузии и которые регулировали взаимоотношения между горными и равнинными регионами Грузии (Некреси, Кветера, Жалети, Жинвали, Ахалгори, Цхинвали, Сачхере, Атени и др.). Эти города особенно активизировались во второй половине развитого средневековья и располагали довольно мощными экономическими рычагами, а некоторые из них являлись солидными ремесленными очагами. Таким примером является Жинвали, возникший на транзитной дороге мирового значения еще в первых веках н.э.

Город Жинвали был расположен у слияния двух рек – Мтиулетской и Пшавской Арагви, на обоих берегах, в 30 километрах от Мцхета. Основная часть города, где работали ремесленники, торговцы и жили простые горожане, находилась на левом берегу реки, данное место называется “накалакари” (т.е. городище). В левобережной части находились также: главная крепость на скальной вершине с цитаделью, являющаяся резиденцией владельца Жинвали, несколько церквей, гостиница, двор (80 × 10 м), разные мастерские, пригородный квартал, обширный могильник и др. Левобережная часть города была окаймлена мощной стеной и с юга была снабжена воротами, которые были защищены четырехугольной башней. Жилые кварталы были расположены вдоль реки (в пределах ограды) и на склонах прилегающей горы террасообразно.

Левобережная часть города была связана с правым берегом мостом, который был перекинут через

Арагви в самом узком месте ущелья, в южной части города. Правый берег города был занят царским дворцом Багратионов с крепостью и мощной оградой на берегу реки. Раскопками в пределах ограды выявлены остатки дворцового здания, церковь зального типа, огромное винохранилище. В главной башне, на уровне первого этажа и в других помещениях обнаружено большое количество керамики, в том числе поливной, и фрагменты импортной фаянсовой посуды времен царя Георгия Блистательного (1314–1346). Правобережная часть дополнительно была укреплена крепостью на высокой скале, которая вместе с дворцовой крепостью контролировала главную трассу торговой магистрали в сторону перевала через Кавказский хребет.

Как указывают письменные источники, Арагвское ущелье и, естественно, Жинвали входило в царский домен, и Жинвали как важный политический и экономический центр выдавался царями во временное пользование особенно заслуженным феодалам и должностным лицам. Одним из них при дворе царицы Тamar был Чиабар Торели, министр внутренних дел. Город сильно пострадал при нашествии монголов и окончательно был razoren полчищами Тамерлана, который с особой жестокостью действовал против жителей Арагвского ущелья.

Резко отличается от вышеназванных городов *Ареши*, расположенный в Кварельском районе, на территории с. Мтисдзири, в предгорной части небольшого ущелья.

Поселение состоит, в основном, из церквей, вокруг которых сконцентрированы отдельные участки, часто со своими оградями. В Ареши отсутствует общая система обороны, не обнаружены здания для управленческого аппарата, что так необходимо для обычного города, не говоря уже об экономическом центре. Необычным кажется огромное количество церквей для одного, правда обширного, поселения. При раскопках выявлено два хронологических периода: IV–IX и X–XII вв. Следы материальной культуры развитого средневековья и могильника обнаружены почти во всех участках поселения. На участке базилики, например, были вскрыты 216 каменных ящиков. Обилие поливной керамики объясняется наличием керамического производства. Возможно, мы имеем дело с крупным поселением религиозного характера, хотя эти поселения не были лишены и стратегического и политического значения, на что указывают письменные источники, повествуя о борьбе между правителями Абхазии и Кахети, когда в X в. Адарнас Патрик, владыка Кахети, вынужден был уступить Ареши и Гавази царю Абхазии (КЦ, 1955. С. 33).

Замечательными памятниками прошлого являются приморские города Грузии: Гонио, Батуми, Хопети, Поты, Сухуми, Бичвинта, Анакопия и Ни-

копейя. Из этих городов сравнительно лучше археологами изучены Гонио, Сухуми, Бичвинта.

Гонио (*Ансаpос*) – важнейший стратегический пункт в юго-восточной части Черного моря, у впадения в море р. Чорохи, на перекрестке больших торговых дорог.

Как известно, крепость Гонио с башнями, построенная еще в римское время, в целостности была сохранена и в эпоху развитого средневековья. Предполагают, что одна ветвь р. Чорохи огибала городище с юга, впадая в море чуть западнее крепости, по ней могли двигаться легкие корабли, тем более что р. Чорохи в нижнем течении была годной для судоходства.

Раскопками последних лет [*Хахутайшвили Д. и др.*, 1999] выявлено огромное количество археологического материала, среди которого привлекает внимание обилие обломков поливной посуды. Среди глазурованной посуды имеются экземпляры, типологически близкие к восточногрузинской глазурованной керамике, которые могли распространяться до побережья Черного моря через Чорохское ущелье. В IX–X вв. Гонио можно считать морскими воротами Тао-Кларджетского царства. Подобную функцию могла выполнять Гонио и в позднем средневековье.

Батуми в развитом средневековье являлся значительным пунктом, через который, кроме морского маршрута, проходили сухопутные дороги из Чорохского ущелья и с морского побережья к городам Западной Грузии [*Каухчишвили С.Г.*, 1950/51; *Кахидзе А.*, *Хахутайшвили Д.*, 1989]. К сожалению, средневековая крепость Батуми археологически не изучена. Также скудны наши знания о Поты. Зато намного лучше изучен город Цхуми (Себастопольс), политический центр и главный морской порт Абхазии.

Цхуми (*Сухуми*), один из древнейших городов античного времени, интенсивно развивался и в средневековье. Сухуми сохранял важное значение как морской порт и экономический центр Абхазского царства [*Гунба М.М.*, 1988. С. 33]. Непрерывные следы городской жизни прослеживаются от Сухумской древней крепости до развалин замка Баграта III. Результативными оказались полевые исследования на Сухумской крепости, где обнаружены жилые и хозяйственные помещения и соответствующие вещественные материалы. Мощный слой зрелого средневековья был обнаружен на восточном берегу р. Баслы [*Воронов Ю.Н.*, 1969; *Трапиш М.М.*, 1958; 1955; *Шервашидзе Л.А.*, *Соловьев Л.Н.*, 1960 и др.].

На территории Сухуми среди прочих находок (как в центре, так и на периферии) часто встречаются образцы поливной керамики, в том числе полихромной, которые датируются XII–XIII вв.

Анализ археологического материала показывает, что значительный подъем город Сухуми пере-

живал с X в., а пика своего развития достиг в XIII в. [Гунба М.М., 1988].

Значительным центром развитого средневековья являлась Бичвинта (Пицунда), где находился собор X в., бывший кафедральным.

Крайним крупным населенным пунктом и сильной крепостью в границах Грузии являлась Никописия (в окрестностях нынешнего Туапсе), морской порт и стратегический пункт, контролирующий сухопутные дороги в сторону горных переходов.

Селища

Несмотря на высокий уровень урбанизации феодальной Грузии и развития ремесленничества, главные богатства государства, без сомнения, создавались в селе. Поэтому одной из важнейших проблем истории Грузии является усиленное изучение средневековых селищ. К сожалению, уровень изученности средневекового села пока намного отстает от желаемого.

Археологическое изучение средневековых селищ Грузии берет начало в середине XX в. Основные работы были осуществлены в районах Квемо (Нижний) Картли. С 1964 г. были проведены раскопки на селищах в Болнисском и Боржомском р-нах под руководством Г.М. Насидзе (1969; 1973; 1975).

Значительные работы были проделаны по изучению селищ в Арагвском ущелье в 1971–1990 гг. Следует отметить, что селища Западной Грузии, по сравнению с Картли, изучены намного хуже [Гзелишвили И.А., 1966, Насидзе Г.М., 1975].

Характер селищ по выбору экспозиции, структуре села и по архитектуре жилых и хозяйственных построек обусловлен геоклиматическим и хозяйственным своеобразием каждого региона.

В Восточной Грузии, где преобладает континентальный климат, сухая почва, суровая зима и меньше лесов, в условиях острого земельного кризиса селения строились компактно на участках, непригодных для обработки. Дома фасадами, в основном, были направлены к востоку, и нередко стены домов наполовину сидели в земле, что в условиях холодной зимы обеспечивало сохранение внутри жилища сносной температуры. При выборе мест для села предпочитали близость к лесным массивам.

В Западной Грузии в условиях субтропического климата и обильных дождей земледельцу приходилось постоянно бороться с избыточной влагой: дома строили деревянные, на сваях, оберегаясь от излишней влаги, селение занимало обширную территорию, так как каждый дом со своими хозяйственными постройками находился в собственной усадьбе. Только в горной полосе Западной Грузии была распространена каменная архитектура, лучшим примером которой является сванское село со своими защитными башнями и большими жилыми помещениями.

Селища Восточной Грузии.

Селище *Испиани* (Нижний Картли, Болнисский р-н) расположено на правом берегу р. Казретула.

Жилищные постройки расположены на прибрежных террасах. Физическим и духовным центром села является церковь св. Троицы (XII в.). В раскопанном жилом комплексе центральную часть составляет “Дарбази” – большое помещение (56 кв. м), по всей вероятности, с венцовым перекрытием, вокруг которого располагаются хозяйственные помещения: кухня (22 кв. м), марани (винохранилище – 18 кв. м), хлев (66 кв. м). В винохранилище обнаружено 14 больших сосудов для хранения вина, зарытых в землю и покрытых плоскими и круглыми каменными плитами. Общая вместимость винных сосудов (около 3500 литров) свидетельствует, что часть вина могла быть предназначена для продажи [Насидзе Г.М., 1969].

Раскопанный комплекс считается усадьбой состоятельного крестьянина, интенсивно занимающегося, кроме виноградарства, скотоводством и полеводством. При раскопках жилых комплексов в большом количестве обнаружены обломки поливной и неполивной керамики, металлические предметы разного назначения, украшения, в том числе из стекла. На основании анализа археологического материала, в том числе поливной полихромной керамики, селище Испиани датируется XI–XIII вв. [Насидзе Г.М., 1975. С. 5, 6].

Большой интерес представляет селище *Гомба-ти* (Болнисский р-н), где обнаружено 18 жилых комплексов, которые расположены вдоль проселочной дороги по обеим сторонам, террасовидно. Типичная усадьба состояла из следующих помещений: 1) передняя; 2) помещение с камином; 3) дарбази – главное помещение; 4) помещение с горном; 5) кухня. Крестьянин, живший в этом доме, кроме сельского хозяйства, видимо, занимался ремесленничеством (производство железа).

Здания, обращенные к склону задней стеной, наполовину сидели в земле, такой прием строительства характерен и для других селищ.

На селище *Свиа* (Болнисский р-н), где раскопано 28 комплексов, наряду с усадьбами из четырех–пяти помещений, встречаются и такие комплексы, которые состоят из шести–восьми помещений. В одной усадьбе: 1) дарбази (площадь 63,6 кв. м); 2) передняя комната (20 кв. м), 3) хлебопекарня (12 кв. м); 4) мастерская (14 кв. м); 5) комната с горном (8 кв. м); 6) марани (винохранилище, 20 кв. м); 7) кухня (20 кв. м); 8) хлев (48 кв. м) [Насидзе Г.М., 1975. С. 9]. Сос-

тавными частями усадьбы здесь и на других селищах Квемо Картли являются небольшой дворик перед домом, помещение для сена, летнее стойло скота и др. Открытые дворики выложены камнями.

Селище *Начивчавеби* (табл. 123: 3–7). На территории района Дедоплисцкаро обнаружено множество селищ, но самые значительные работы проведены на берегу р. Чивчава, где на крутом склоне расположено селище Начивчавеби. Изучено 34 комплекса [Гзелишвили И.А., 1956; 1966; 1964], в центре которых находятся развалины церкви зального типа. Задние стены всех зданий глубоко врезаны в землю. Стены, толщина которых достигает 2,5 м, выложены большими необработанными андезит-базальтовыми глыбами, на глиняном растворе, хотя кое-где применяется и известковый раствор. Отдельные комплексы имеют собственную ограду, что является характерным явлением для всей Восточной Грузии.

В центре жилого комплекса в Начивчавеби (как и на других селищах) находится большой зал с опорным столбом. Дома одноэтажные. Добытые при раскопках материалы (керамика, в том числе поливная, полихромная, большие сосуды хозяйственного назначения, в основном, винные, жерновые и др.), дают возможность датировать селище XI–XIII вв.

Небольшая группа селищ изучена раскопками и в Арагвском ущелье, хотя разведками Р.М. Рамишвили, В.А. Джорбенадзе, И.Д. Циклаури, Д.Н. Гвасалия, Г.М. Рчеулишвили и др. в этом регионе выявлено около 500 селищ разных времен, в основном, развитого и позднего средневековья.

Особый интерес представляют селища предгорной части Арагвского ущелья, где на паритетной основе сосуществовали хозяйственные отрасли, характерные как для равнинной части Картли (виноградарство, полеводство, садоводство), так и для горных регионов (животноводство, полеводство). Такой симбиоз многоотраслевого сельского хозяйства наложил свой отпечаток и на архитектуру крестьянского жилища. Примером сказанного являются селища *Девебиани* и *Дидруви* (табл. 123: 1, 2), расположенные в ущелье Пшавской Арагви в двух-трех километрах от городища Жинвали. Оба селища размещены на крутых склонах правого берега р. Пшавской Арагви, террасообразно. На селище Девебиани раскопаны три, а в Дидруви – четыре комплекса. Типичная усадьба крестьянина состояла из трех-пяти помещений. Обязательными являлись: жилая комната (25–35 кв. м), хлев (25–30 кв. м), винохранилище (15–20 кв. м). Некоторые усадьбы имеют стойла для лошадей и помещения хозяйственного назначения разных размеров, с ямой для хранения зерна. Указанные помещения были расположены на двух горизонтах, со стороны фасада создавалось впечатление двухэтажного дома: хлев для 5–7 голов рогатого скота

был расположен на нижнем уровне, жилая комната и остальные помещения на – верхнем уровне, так что плоское перекрытие хлева являлось своеобразным маленьким двориком для жилой комнаты. Стены ям для хранения зерна выложены камнями на известковом растворе, а в марани были зарыты большие винные сосуды карасы в среднем общей емкостью 500–1000 литров. Очевидно, что жители сел в окрестностях г. Жинвали занимались как виноградарством и другими сельскохозяйственными культурами, так и животноводством, в том числе коневодством.

Археологические находки в культурных слоях этих и других селищ (например, Мгвиме, Тетригза, Абаносхеви, Бантареули и др.) свидетельствуют о влиянии на сельский быт ремесленного торгового города Жинвали. По полихромной керамике больших и малых сосудов хозяйственного назначения, по украшениям из стекла, металлическим предметам, в том числе специальным ножам для подрезки виноградного куста, и по монетам эти селища датируются XI–XIV вв. [Рчеулишвили Г.А., 1986. С. 57–66].

Следующая группа селищ была изучена в Боржомском ущелье. Узкие склоны Боржомского ущелья изрезаны многочисленными речками и оврагами. Старые селения были размещены на склонах ущелий. Археологические исследования показали, что селища этого края по планировке поселений и отдельных жилищ резко отличаются от селищ Восточной Грузии [Насидзе Г.М., 1975. С. 12].

Например, *Ликанское* селище, возникшее еще в раннем средневековье (где зафиксирована трехцерковная базилика VIII в.), продолжала свое существование и в развитом средневековье.

Типичный крестьянский дом здесь состоит из дарбази (зал) с огороженным двориком перед ним, вокруг двора расположены помещения хозяйственного назначения, в том числе марани с тремя кувшинами (квеври). Ширина стен в некоторых местах достигает почти трех метров, кладка сухая. Верхние культурные слои датируются XI–XIII вв.

Селище *Надикреби* занимает обширную территорию на берегу р. Куры, чуть ниже сел. Чобисхеви, крестьянские жилища расположены террасообразно. Раскопками выявлен полный комплекс усадьбы зажиточного крестьянина, который состоит из 10 помещений: два зала (дарбази), четырехугольные в плане, круглые помещения перед ними, кухня, два винохранилища, трапезная, передняя и хлев крупного размера.

Главные помещения дома выстроены из крупных, плотно подогнанных друг к другу плохо обработанных камней, кладка полигональная, сухая. По археологическим данным, дом был построен в раннем средневековье и там жизнь возобновлялась, как минимум, еще два раза: в X–XI и XII–XIII вв. Многочисленные находки хозяйственной, кухонной и сто-

ловой керамики, в том числе поливной, предметы быта, орудия труда, обломки маслостойких камней и т.п. указывают на сложность хозяйствования.

В Восточной Грузии, кроме вышеописанных селищ, уже существовали редкие типы поселений, которые возникали в экстремальных условиях для защиты сельского населения. Таковыми являлись: дарани, вернее система даран, т.е. подземных помещений, которые были связаны между собой узкими проходами и были снабжены тайными входами (например, на Цалкинском плато) и пещерные селища в глубоких речных каньонах почти по всей Грузии, но особенно широко – в Нижней Картли [Джавришвили К., 1963; Бахтадзе Н., Лежава П., 2001] (табл. 123: 11–13).

Поселения типа дарани возникали на горных массивах, где отсутствовал лес, естественное укрытие от неприятеля.

Что касается пещерных комплексов, то, как показали археологические исследования, они все искусственного происхождения. Многие из них существуют с раннебронзовой эпохи, в развитом средневековье они использовались после некоторых перестроек, одновременно высекались в скале новые комплексы [Бахтадзе Н., Лежава П., 2001]. Они рассчитывались на довольно долгое проживание, естественно, соразмерно с экстремальными ситуациями.

В Западной Грузии селища и другие археологические памятники сравнительно удовлетворительно выявлены в Абхазии, Аджарии и в горной полосе Большого Кавказского хребта. Указателями ме-

стонахождения селищ в Абхазии являются сельские церкви зального типа, крепостные сооружения и могильники. В Абхазии, например, археологические памятники развитого средневековья изучены намного лучше, чем предшествующего периода. В последние десятилетия исследовались: церкви и христианская архитектура [Шервашидзе Л.А., 1960; 1967; Якобсон А.Л., 1972; Рчеулишвили Л.Д., 1978; Кация А.К., 1963 и др.]; поселения и крепости [Трапиш М.М., 1975; Гунба М.М., 1979; Воронов Ю.Н., 1969; Шамба Г.К., 1974; Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н., 1980]; материальная культура [Бгажба О.Х., 1972; Гунба М.М., 1979 и др.].

Сельские поселения Абхазии, как и по всей Западной Грузии, имели хуторскую структуру. Жилые и хозяйственные сооружения одного дома находились в собственной усадьбе, и эти усадьбы друг от друга отстояли на несколько сот метров. Сохранились следы деревянных крестьянских построек. Черные пятна, оставленные после пожара от таких построек, были обнаружены в окрестностях Цебельды.

В Аджарии, как в равнинной зоне, так и в горной полосе, и особенно в ущелье Ачарисцкали, сельская архитектура была деревянной. Селища там тоже фиксируются по сельским могильникам и церковным сооружениям. Приметами таких селищ часто служат давящие для обработки винограда, которые строились из камня на известковом растворе. В горной полосе селища были расположены на крутых склонах [Мамуладзе Ш.Х., 1993; 2000].

Погребальные памятники и обряд захоронения

Открытия последних лет опровергли мнение, что могильники XI–XIV вв. безынвентарные и не представляют особого интереса.

Полное представление о могильниках этого периода в основном дают памятники Восточной Грузии, а в Западной Грузии они изучены менее.

Могильники развитого средневековья в основном устроены во дворе церквей и вокруг них. В большинстве случаев погребения расположены плотно и в один–три яруса. Обряд захоронения христианский, скелеты лежат в вытянутом положении со скрещенными на груди или вдоль тела руками, головой на запад. Ориентировка запад–восток и лишь часть погребений – с небольшими отклонениями. В семейных погребениях, как правило, кости погребенных ранее покойников сдвинуты в восточную сторону, а последний скелет лежит в вытянутом положении. Погребения в основном заполнены землей, за исключением погребений со стенами в виде каменной кладки и склепов. В семейных погребениях часто встречаются остатки деревянных угольков, которые, видимо, были связаны с ритуа-

лом очищения погребения перед новым захоронением.

Погребальный инвентарь в основном состоит из украшений и предметов одежды. В виде исключения встречаются предметы домашнего обихода и боевого оружия.

Погребальный инвентарь в большинстве случаев находит сходство среди материалов, выявленных на городищах и селищах Восточной Грузии, и датируется XI–XIV вв. Эту же датировку подтверждают монеты, найденные в погребениях. Среди них медные монеты Георгия III, цариц Тамар и Русудан, Давида Нарина, серебряные монеты Давида VIII, хулагуидские и др.

Нужно отметить, что погребения, относящиеся к городским и сельским поселениям, по устройству и обнаруженному в них инвентарю вполне идентичны между собой, что свидетельствует о культурно-экономических взаимосвязях населения. Керамические изделия в погребениях в основном представлены небольшими тонкостенными сосудами с одной или двумя ручками из хорошо отмученной гли-

ны белого или розоватого обжига (табл. 124: 29–32, 35). Поверхность большинства сосудов гладкая, лишь часть из них украшена черными красками и имеет каннелюры и шишкообразный орнамент. Эти сосуды чаще всего встречаются вместе с детскими захоронениями.

В склепах, раскопанных в Гудрухи и Барисахо, впервые обнаружены глиняные неполивные светильники.

Среди погребального инвентаря этого периода чаще всего встречаются изделия из стекла, особенно браслеты и бусы (табл. 124: 1–3). Стекланные сосуды [Чхатарашвили М.Н., 1978. С. 35–46] по назначению относятся к бокалам и парфюмерно-аптечным (табл. 124: 25–27). Браслеты по цвету черные, синие, зеленые, коричневые, а по форме трехгранные, гладкие, крученые, мелкокрученые. Места соединений браслетов утолщены или имеют зубчики.

Также разнообразием форм отличаются и предметы, изготовленные из железа, бронзы, серебра, золота и камня.

На могильниках Восточной Грузии зафиксировано несколько типов погребений. Особым многообразием типов выделяются могильники, изученные в предгорьях и горных районах. На могильниках равнинной части распространены грунтовые индивидуальные погребения (табл. 125: 1). Некоторые грунтовые погребения из Руставского [Ломтатидзе Г.А., 1955. С. 192–195; Чилашвили Л.А., 1958. С. 136–148] и Дманисского могильников [Джапаридзе В.В., Артилаква В.Э., 1971. С. 65–66; Гочиашвили М., 1986. С. 49–53], имели деревянные перекрытия, от которых сохранились рамки. Встречаются грунтовые погребения, перекрытые каменными плитами, с одним захоронением. Выделяется могильник Джварипатиосани в с. Абаносхеви [Ломидзе Ц.Ш., Циклаури И.Д., 1985. С. 471], где в глубоких ямах захоронено по нескольку покойников и погребение перекрыто хорошо обработанными каменными плитами.

На могильнике Руставского городища зафиксировано единственное погребение с сырцовыми стенами.

Почти на всех могильниках встречаются погребения в каменных ящиках, продольные стены которых состоят из небольших плитняков, в один–два ряда приставленных друг к другу, а поперечные – из одного камня (табл. 125: 2–4). Погребения перекрыты несколькими плитами. В них захоронено от одного до трех человек. Внутренняя длина – 1,6–1,7 м, ширина – 0,5 м. Среди погребений этого типа своими размерами выделяются погребения, раскопанные в Иорском Сиони [Рамисшвили Р.М., 1970]. Стены возведены из травертиновых плит и скреплены известняком. Внутренняя длина – 2,3–2,7 м, ширина – 1,1–1,3 м, глубина – 1,5–1,7 м.

На могильниках Иорского и Арагвского ущелий [Джорбенадзе В.А., 1983. С. 131–166; Маргвела-

швили М.Г., 1980. С. 40] встречаются погребения со стенами в виде каменной кладки (табл. 125: 6). У погребений этого типа продольные стены в нижней части состоят из каменных плит, приставленных друг к другу вертикально, а сверху уложена кладка горизонтально в 4–6 рядов. В поперечных стенах используются скальные плиты. Погребения перекрыты приставленными друг к другу каменными плитами. В западной части погребения приподнимался камень перекрытия и оттуда происходило захоронение. В этих погребениях насчитывается от четырех до десяти скелетов. Внутренняя длина погребений – 2–2,2 м, ширина – 0,5–0,6 м, глубина – 0,5–0,7 м.

В предгорьях и горах Восточной Грузии вместе с погребениями этих двух типов на могильниках сосуществуют семейные склепы (табл. 125: 5, 7–10), которые археологически лучше всего изучены в Арагвском ущелье. На Жинвальском могильнике Накалакари распространены большие склепы, в плане имеющие форму, близкую к прямоугольнику со слегка закругленными углами. Стены возведены из квадратных и плоских камней в 7–10 рядов. Верхние 3–4 ряда южной, восточной и северной стен склепа сдвинуты вовнутрь малыми ступеньками, и этим создается опора для перекрытия – “ложный свод”. Западная стена возведена ровно, и в ней часто встречаются одна–две каменные ступени. Склепы перекрыты каменными плитами больших размеров, уложенных рядом. Захоронение производилось с западной части погребения, сверху, где приподнималась плита перекрытия. Число скелетов, которые, в основном, потревожены, колеблется от 10 до 25. Внутренняя длина склепов – 2,4–2,8 м, ширина – 1,5–2,7 м, глубина – 1,5–1,7 м. Среди этих склепов четыре выделяются своими большими размерами (длина – 3,93 м, ширина – 2,35 м, глубина – 1,9 м). Один из них в западной части имеет вертикальный входной дромос, а внутри погребения в восточной части устроена каменная перегородка для костницы (табл. 125: 7). У двух склепов вход устроен сбоку (табл. 125: 5), с западной стороны, который прикрывался небольшими плитами.

На могильнике Бантареули с. Чинти [Ломидзе Ц.Ш., Циклаури И.Д., 1987. С. 531–532] выявлено несколько прямоугольных склепов с суженными по середине продольными стенами (таб. 125: 8).

Среди подземных склепов, раскопанных в Восточной Грузии, два имеют свод. Один изучен на Жинвальском могильнике Накалакари (табл. 125: 10), а другой – около Марткопского монастырского комплекса (табл. 125: 9).

Жинвальский склеп [Джорбенадзе В.А., 1978. С. 19–22], прямоугольный в плане, имел вход сверху с шестью ступеньками в юго-западной части (табл. 125: 5). Внутри склепа вдоль южной, западной и северной стен была устроена каменная лежанка, в

середине которой – камера для захоронения. В южной стене находятся три маленьких ниши. Свод склепа имеет стрельчатую форму и изнутри и снаружи обмазан известковым раствором. Внутренняя длина – 6 м, ширина – 4 м. Высота от основания камеры до свода – 3,2 м. По обнаруженному в склепе инвентарю и особенно по серебряным монетам царицы Русудан, выявленным в нижних слоях, время сооружения склепа можно отнести к первой половине XIII в. Склеп, видимо, являлся семейной усыпальницей правителя города-крепости Жинвали.

По конструктивным особенностям Жинвальский сводчатый склеп похож на Марткопский, который меньше его по размерам [Чикондзе Ц.Н. и др., 1987. С. 93].

По устройству и применению строительного материала выделяются склепы, раскопанные в старой части Тбилиси на площади Ираклия II, к югу от церкви св. Георгия под жилыми сооружениями позднего периода [Ткешелашвили О.В., 1997. С. 118–120]. Тбилисские склепы – узкие, в плане прямоугольной формы. Стены и сводчатое перекрытие состоят из плоских квадратных кирпичей (22 × 22 × 4 см) так называемого “грузинского типа”, которые скреплены известью. Вход в погребение сверху, с западной стороны. Внутренняя длина склепов – 2,2 м, ширина – 0,9 м, глубина – 1 м. Все склепы семейные и по инвентарю относятся к XI–XIV вв.

При изучении могильников в Рустави [Ломтаидзе Г.А., 1955. С. 190–192] и Дманиси около погребений выявлены каменные стелы, украшенные эпиграфическими поминальными надписями, геометрическими и растительными орнаментами и изображением христианского символа-креста. Надписи на погребальных стелах, исполненные древнегрузинскими буквами асомтаврули, свидетельствуют о широком распространении письма.

Выше было отмечено, что могильники развитого средневековья в Западной Грузии изучены менее, но все же небольшими раскопками, и разведочными исследованиями выявлены погребения развитого средневековья. Это следующие пункты:

Вани [Лордкипанидзе О. и др., 1981. С. 114; Чкония А.М., 1986. С. 93, 95, 98]; с. Гегути, местечко Вашнари [Личели В.Т., 1986. С. 3–4; 1987. С. 62]; Абашский р-н, с. Кетилари, местечко Анджери [Микеладзе Т.К., Папуашвили Р.Н., Чубинишвили Н.Т., 1991. С. 60–61]; Озургетский р-н, с. Вакиджвари, местечко Зегани; Ланчхутский р-н, с. Квиани [Микеладзе Т.К., Мигдисова Н.П., Папуашвили Р.И., 1986. С. 15]; Юго-Западная Грузия, ущелье Аджарисцкали [Мамуладзе Ш.Х., 1993. С. 72–142]; Новый Афон, крепость Анакопия [Трапиш М.М., 1959. С. 125–135; 1975а. С. 102–118]; Гальский р-н, с. Нариджовани и с. Охуреиши [Трапиш М.М., 1975. С. 198–211]; Гульрипшский р-н, с. Цебельда, с. Гантиади, Цандрипшский храм [Хрушкова Л.Г., 1985. С. 15, 67–68] и др.

Среди погребений по устройству и применению строительного материала выделяются несколько типов – грунтовые, в каменных ящиках, погребения со стенами в виде каменной кладки и подземные склепы. Почти все погребения выявлены в церквях или вокруг них. Обряд захоронения христианский, ориентировка – запад–восток. Встречаются как индивидуальные, так и семейные захоронения.

Погребальный инвентарь менее разнообразен и представлен глиняными сосудами, кувшинами и чашами; фрагментами стеклянных сосудов, браслетов, бусами; бронзовыми крестами, серьгами, пуговками; железными ножами, наконечником копья, мотыгой, кольцами, перстнями, пряжками, крестами и др. (табл. 126).

Указанный инвентарь находит аналоги среди материалов, выявленных как на поселениях Западной Грузии, так и на городищах, селищах и могильниках Восточной Грузии. По инвентарю погребения Западной Грузии датируются XI–XIV вв.

Как показали раскопки могильников развитого средневековья Грузии, несмотря на то, что христианское вероучение запрещало специально класть в погребения инвентарь, в них встречаются разнообразные предметы. Многообразием типов погребений и инвентаря особенно отличаются могильники предгорий и горных регионов.

Материальная и духовная культура

Среди археологического материала, добытого раскопками на городищах, крепостях, селищах, отдельных производственных очагах и на могильниках Грузии, особенно следует выделить керамику, которая как по количеству, так и по значимости превосходит все виды материальной культуры.

Керамическая продукция Грузии развитого средневековья делится на две большие группы: поливная (глазурованная) и неполивная (неглазурованная). Поливная керамика – более изящная и утон-

ченная, в основном, столового назначения, а неполивная керамика объединяет множество различных групп: хозяйственную, кухонную, бытовую, спецназначения и т.д.

Поливная керамика. Наличие поливной керамики в археологических памятниках Грузии прослеживается с древнейших времен (с XIV–XV вв. до н.э. по IV в. н.э.). Она встречается единицами в погребальном инвентаре и на молебнях.

Нужно отметить, что с XVI в. до н.э. по IV в. н.э.

поливная керамика засвидетельствована непрерывно, но с VI в. до н.э. по IV в. н.э. встречается спорадически. С IV до IX в. н.э. в Грузии поливная керамика пока не обнаружена.

С IX в. имеет место интенсивное оживление производства поливной керамики – начинается ее массовое производство, достигшее в дальнейшем широких масштабов.

Этапное значение для изучения поливной керамики имели археологические раскопки на Дманисском городище и в Гударехи, проведенные в 1936–1937 гг., где были определены ее хронологические рамки – XI–XIII вв. [*Мухелишвили Л.В.*, 1938; 1940; *Банк А.В.*, 1938].

В 1953 г. была издана монография З.П. Майсурадзе, в которой изучен вопрос технологии изготовления ангобированной поливной керамики из Дманиси.

Значительный вклад в изучение грузинской поливной керамики внес Г.А. Ломтатидзе, руководивший в течение ряда лет (1948–1970 гг.) исследованием многих значительных памятников средневековья.

На основании материала, добытого в 1956–1957 гг. в Тбилиси на площади Ираклия II, И.А. Гзелишвили и О.В. Ткешелашвили в своей монографии отводят определенное место и поливной керамике, ранние экземпляры которой они относят к V–VIII вв., а наиболее поздние – к XVIII в. [*Гзелишвили И.А.*, *Ткешелашвили О.В.*, 1961].

Большое место отводится поливной керамике в работах Л.А. Чилашвили [*Чилашвили Л.А.*, 1958; 1970; 1975].

С 60-х годов поливной керамике Грузии посвятила свои работы М.Н. Мицишвили [1969; 1976]. На основе огромного археологического материала ею разработана классификация грузинской средневековой поливной керамики и выделены две большие группы: IX–X и XI–XIII вв.

Для поливной керамики Восточной Грузии первого периода (IX–X вв.) характерен хорошо отмученный розовато-желтоватый черепок; поверхность его не ангобирована, большую часть составляют чаши нескольких видов, общим признаком которых является кольцообразный поддон и плоское дно.

По характеру нанесения орнамента выделяется несколько групп, соответствующих разным хронологическим отрезкам времени. Например, на чашах первой группы (IX в.) ангоб применяется только для нанесения декора в виде колец и линий, оживленных зелеными и фиолетовыми пятнами; эта группа представлена пока только чашами (табл. 127: 1).

Вторую группу составляет покрытая зеленой поливной посуда с нанесенными на черепке белым ангобом сердцевидными “листьями”, кольцами и другим орнаментом (табл. 127: 2).

Посуда с геометрическим орнаментом (третья

группа) состоит из разноцветных – желтых, зеленых, фиолетовых, белых полос (табл. 127: 3). Подобная керамика по материалам Согда датируется 40–50 годами IX в.

С X в. в технологии производства поливной керамики вводится новшество – белым ангобом покрывается вся внутренняя или внешняя поверхность поливной керамики, орнамент наносится кистью; контуры орнаментов выводятся фиолетовой краской, а внутреннее пространство заполняется цветными – желтыми, зелеными, фиолетовыми мазками. Встречаются цветные пятна и тонкогравированный орнамент. Здесь группы выделяются по характеру орнамента:

– характерным для первой группы является пятнистый орнамент (табл. 127: 4). Такой орнамент получил распространение в ближневосточных странах как подражание китайской посуде. По материалам Согда подобная керамика датируется концом IX – началом X в., что позволяет нам датировать поливную керамику с пятнистым орнаментом Грузии X в.;

– вторая группа объединяет монохромную керамику, любая разновидность которой полностью, включая и поддон, покрывается белым ангобом и зеленой поливой;

– к третьей группе отнесены чаши, внутренняя часть которых покрыта розоватым ангобом, а орнамент в виде петель, взаимопересекающихся линий и др. выведен тонкой гравировкой (граффито) и оживлен разноцветными пятнами – фиолетовой, голубой и т.д. (табл. 127: 5). Здесь важно появление нового способа нанесения орнамента – граффито, острием по сырой глине. Применение гравировки и голубой краски в виде пятен или точек впервые отмечается именно в керамике этой группы, являющейся носителем одновременно и старых, и новых признаков.

Во втором периоде (XI–XIII вв.) производство поливной керамики принимает широкий характер, гончарные мастерские становятся неотъемлемой частью каждого значительного центра.

Именно в начале второго периода поливная керамика претерпевает кардинальные изменения: меняется черепок, он становится более крупнозернистым; преобладают чаши определенной формы и размеров; резко меняется и форма поддона – высота его достигает 1 см и имеет выпуклое дно; белым ангобом покрываются и внутренняя, и внешняя поверхности изделий; в производство внедряется глазурь разных цветов – голубая, зеленая, фиолетовая, синяя и т.д.; получает господствующее распространение новый способ нанесения орнамента – граффито; в большом количестве производятся чаши малых и средних размеров, блюда, суповники, кувшины, вазы, горшки, котлы, баночки, светильники, солонки, крышки и т.д.

Во второй половине XI в. появляется поливная керамика, покрытая голубой (с другим оттенком), зеленой, фиолетовой и другого цвета глазурью, украшенная лишь геометрическим орнаментом – в росписи чаш использованы одни и те же мотивы геометрического характера: стилизованные кресты, изображенные линиями и петлями (табл. 127: 6), и т.п.

На протяжении следующего, второго этапа того же периода (вторая половина XII–XIII в.) качество керамики и способы нанесения орнамента остаются те же, но появляется новый вид убранства – полихромность. Это чаши, внутренняя поверхность их покрыта белым ангобом и гравировкой (графито), дополненной красками разных цветов (зеленой, желтой). Поверхность покрыта бесцветной глазурью.

Полихромная поливная керамика украшена богатым орнаментом, наиболее распространено изображение птиц (табл. 127: 7, 9), затем растительный и геометрический орнамент (табл. 127: 10–12), стилизованные кресты, изображенные радиальными полосами (табл. 127: 13), четырем лучами (табл. 127: 14, 15), треугольниками.

На полихромных поливных чашах встречаются, но сравнительно редко, изображения животных – зайцев, волков, оленей, тигров, пантер, страусов и др. (табл. 127: 8), человеческие – женские и мужские лица.

Массовое производство в Восточной Грузии полихромных чаш очевидно следует отнести к периоду второй половины XII – первой половины XIII в.

На последнем этапе рассматриваемого периода (первая половина XIII в.) качество изделий и форма посуды остаются неизменными, но появляется новый способ нанесения орнамента – роспись кистью, которая производится красками одного (фиолетового) или разных (зеленого, фиолетового, желтого) цветов.

Помимо множества чаш встречается “крупная” – чаши, блюда, горшки, суповники разных размеров (табл. 127: 16), кувшины (табл. 127: 17), вазы, баночки и “мелкая” – светильники, солонки, баночки цилиндрической формы, крышки, чернильницы и др. – посуда. “Крупная” и “мелкая” посуда встречается на всем протяжении XI–XIII вв.

В Западной Грузии, в отличие от Восточной, памятники средневековья с археологической точки зрения изучены в малом количестве.

Добытая в Западной Грузии поливная керамика специально изучена [Мицишвили М.Н., 1976], дана классификация материала, хронологическая дифференциация, выделена местная и импортная керамика, установлено наличие производственных центров в разных местах (Очамви́ре, Гонио, Батуми, Цихесулори, Кутаиси и др.).

В 1977 г. А. Бгажба издана книга “Очерки о средневековом ремесленничестве в Абхазии

(VIII–XIV в.)”, в которой рассмотрена и поливная керамика.

В данной работе на основе предложенной М.Н. Мицишвили классификации западногрузинской поливной керамики выделены три периода (XI–XIII; XIV; XV–XVIII вв.).

Нужно отметить, что поливная керамика IX–X вв. в Западной Грузии обнаружена лишь в 1985 г. в Кутаиси, во время раскопок крепости Укимериони.

Для поливной керамики XI–XIII вв. характерен хорошо отмученный розовато-желтоватый черепок, покрытие внешних и внутренних поверхностей ангобом (белый или желтый). Большая часть керамики представлена чашами, они имеют кольцеобразный поддон и плоское дно. Выделяется монокромная (зеленая и желтая) и полихромная поливная керамика. Зеленая поливная украшена разнообразными геометрическими орнаментами, находящими аналогии в византийской керамике. Большая часть желтой поливной керамики также представлена чашами. На них орнамент выведен граффито или комбинированным (выемчатая техника и граффито) способом. Преобладает геометрический орнамент – параллельные линии и др. Встречаются чаши с изображением животных, крестообразным мотивом, треугольником из двойных линий и др. Они обнаруживают сходство с орнаментом восточногрузинских полихромных чаш.

Таким образом, монокромная (зеленая, желтая) поливная керамика Западной Грузии относится к XI–XII вв., что касается той группы монокромной посуды, которая убрана характерным для восточногрузинской полихромной поливной керамики орнаментом, то ее нужно датировать XII–XIII вв.

Большую часть полихромной поливной керамики составляют чаши средних размеров. Они украшены изображениями птиц, разнообразными растительными и геометрическими мотивами. Вся эта керамика местного производства, на что указывает состав черепка, окраска поливы, характер изображения орнамента. Описанные изделия относятся к XII–XIII вв.

Среди материалов западногрузинской поливной керамики выделена (по черепку, поливе и орнаменту) импортная – византийская поливная керамика. Такая керамика найдена в Сухуми (на крепостях Багатской и Сухумской), Кутаиси (Укимериони), Вани (Цихесулори), Цихисдзири, Гонио, Поты и др. Вся она датируется XI–XII вв.

Фаянс. Фаянс на городищах средневековой Грузии представлен небольшими обломками, однако они весьма разнообразны и их изучение позволяет сделать важнейшие заключения [Мамаишвили Н.Ф., 1970].

На городищах средневековой Грузии самые ранние фаянсовые сосуды относятся к IX в. Они обнаружены при раскопках Рустави.

Черепок у указанной посуды серовато-желтый и покрыт белой непрозрачной глазурью. Встречаются как неорнаментированные, так и расписанные зеленовато-золотым люстром. Последние по форме, черепку, люстру и мотивировке росписи проявляют большое сходство с чашами из Самарры и, по всей вероятности, должны считаться привезенными из Месопотамии [Sarre F., 1929].

Их возраст должен быть определен в рамках второй половины IX в., так как известно, что Самарра являлась резиденцией халифов лишь с 836 по 892 г., а затем и вовсе перестала существовать как город, в связи с перемещением резиденции халифов в Багдад.

Что же касается возможности проникновения месопотамской керамики в Грузию, то следует помнить, что в это время (т.е. в IX в.) здесь, по крайней мере в некоторых местах, еще господствовали арабы, и торговые связи соответствующих городов с центрами халифата вполне естественны.

Фаянсовые изделия XI в. вскрыты раскопками в Тбилиси (площадь Ираклия II), Рустави, Дманиси, Уджарме.

Указанные изделия представлены тонкостенными чашами на невысокой ножке. Черепок у них мягок и мелкозернист. Встречаются как неорнаментированные сосуды, так и украшенные гравировкой, тиснением и ажуром. Орнамент последних обычно рельефный, а пониженный фон украшен просверленными дырочками, которые заполнены прозрачной глазурью.

Найденные в Грузии фаянсовые изделия XII–XIII вв. наиболее многочисленны и разнообразны.

Несмотря на то, что почти все найденные фаянсовые сосуды XII–XIII вв. представлены только фрагментами, среди них удастся выделить местную продукцию.

Развитию производства фаянса в Восточной Грузии должно было бы способствовать и наличие многочисленных месторождений каолиновых глин, которые по сей день известны в Квемо (Нижней) Картли.

Анализ многочисленных изделий позволяет установить тесную связь грузинских городов с городами других стран Закавказья и Ирана (особенно с Реем и Кашаном). Этому, видимо, способствовало то обстоятельство, что начиная с XI в. стала значительно возрастать роль городов Азербайджана и Восточной Грузии в международной торговле, что было обусловлено временным прекращением торговых сношений с Византией и перемещением международной торговли в бассейн р. Куры [Манандян Я.А., 1954. С. 198].

Неполивная керамика. Основной продукцией керамических мастерских Грузии развитого средневековья являлась разнообразная по формам и назначе-

нию неполивная керамика, которая изготовлена в местных производственных центрах: в Тбилиси [Ломтатидзе Г.А., 1955; Гзелишвили И.А., Ткешелашвили О.В., 1961 и др.], Дманиси [Джапаридзе В.В., 1956; 1969], Рустави [Ломтатидзе Г.А., 1955; 1969; 1988], Жинвали [Маргвелашвили М.Г., 1999], Телади [Чикойдзе Ц.Н., 1979. С. 42–44], Эрцотанети [Джорбенадзе В.А., 1982. С. 84–87] и др.

Стандартизация форм указывает на серийный выпуск продукции в рамках городского цехового ремесла.

По назначению следует выделить следующие группы:

1. Кухонная керамика (табл. 128). Основное свойство кухонной керамики – огнестойкость, что достигалось примесью в глине кварцитов, песка и прочих компонентов. Самыми многочисленными среди кухонной керамики являются горшки, которые применялись как для изготовления пищи, так и хранения жидких продуктов. Они в основном изготовлены на гончарном круге, хотя встречаются (в основном на селищах) и лепные экземпляры. По назначению они делятся на несколько типов: это крупные горшки, мелкие горшки, сковородки, некоторые с ручками, своеобразные сковородки для выпечки хлебов, без ручек; бадьи – крупные миски со сливом. Особо надо отметить сосуды для процеживания жидкой пищи и для хранения топленого масла, мацони, варений. Глина их отличается красным или красноватым обжигом, тогда как основная масса кухонной керамики имеет коричневый или черный черепок [Арчвадзе Т.Д., 1998. С. 2–19].

2. Столовая посуда (табл. 129). В основном, это мелкая посуда для реализации готовой пищи: кувшинчики, миски, тарелки, солонки разных размеров и форм. Самыми многочисленными в этой группе являются кувшины с одной ручкой, в основном красного и красноватого обжига. Они использовались для подачи на стол жидкостей (вина, пива, воды) и как мерило [Арчвадзе Т.Д., 1998. С. 21–56].

Кувшинчики с круглыми венчиками в основном применялись для воды, со сливом (или с четырехлепестковым венчиком) – для вина.

Среди столовой керамики особенно выделяются мелкие сосуды светлого обжига, изготовленные из хорошо отмученной, особо подобранной глины [Чхатарашвили М.Н., 1964. С. 175; Арчвадзе Т.Д., 1998. С. 34]. Среди этой посуды имеются кувшинчики девяти типов, в том числе кувшинчики со сливом на корпусе и кувшины со штампованным орнаментом [Арчвадзе Т.Д., 1998. С. 38–42] (табл. 129: 3).

Особо следует упомянуть сосуды для ритуального питья вина – марани, это соединение мелких сосудов вокруг центрального сосуда [Арчвадзе Т.Д., 1998. С. 42–44]. На памятниках развитого средневековья в большом количестве обнаружены кружки разных размеров.

На значительную часть этих сосудов нанесен орнамент черным или красным ангобом, иногда на фоне белого сплошного ангоба [Арчвадзе Т.Д., 1998. С. 51–56].

Изделия из глины бытового назначения (табл. 130). В данной, довольно большой группе объединены изделия из глины специального назначения: светильники, среди которых имеются ракушкообразные, многофитильные (табл. 130: 17, 18, 21) и чайникообразные из темной глины. Под светильники использовались также маленькие миски со сливами.

Сфероконусы. Ареал распространения этих сосудов для перевозки ртути и особо ценных жидкостей очень широк: Египет, Сирия, Палестина, Кавказ, Крым, Поволжье, Средняя Азия и т.д. В Грузии они обнаружены в Тбилиси, Рустави, Дманиси, Греми, Надарбазеви, Жинвали. Они богато орнаментированы, имеют светлый черепок. По мнению исследователей, сфероконусы следует считать в числе импортных изделий, хотя было высказано мнение о местном производстве данного сосуда [Шелковников Б.А., 1952. С. 33], что подтвердилось археологическими исследованиями: в Дманиси был найден фрагмент сфероконуса с грузинской надписью, а в Тбилиси среди керамического брака встречались обломки данного сосуда [Гзелишвили И.А., Ткешелашвили О., 1961. С. 45, табл. XXIII-90].

Горшки для люльки (табл. 130: 2) – сосуды с широким венчиком, узким туловом, как неполивные, так и глазурированные, бытовали на Кавказе и в Средней Азии, в тех местах, где были распространены люльки кавказского типа: они подвешивались под люлькой.

Большую группу неполивной керамики составляют многообразные сосуды хозяйственного назначения, в основном, большие по размеру, которые были распространены во всех уголках Грузии. Среди них в первую очередь привлекают внимание большие сосуды – карасы – для хранения вин. Они полностью закапывались в землю и закрывались специальными каменными крышками [Бохочадзе А., 1963; Бочоришвили Л., 1949; Рамишвили Р.М., 2000. С. 43; 1974]. Керамический сосуд для хранения вина применяется с древнейших времен, но карасы такого типа, которые существуют и в наши дни, оформляются с первых веков н.э. (раскопки в Мцхета, Жинвали, Урбниси, Тбилиси, Рустави и др.) (табл. 130: 10, 14, 19).

В развитом средневековье до сильного землетрясения XI в. карасы закапывались в землю без цементирования. С XI в. мастера заметно увеличили толщину черепка, а сами сосуды стали цементировать цепким известковым раствором, что придавало им большую устойчивость. В XII–XIV вв. размеры карасов заметно увеличиваются, например, в царском винохранилище в Жинвали был обнаружен квеври

высотой 2,6 м, который мог вместить около трех тонн вина [Каландадзе З.А., 1977. С. 139–144].

Излюбленными изделиями хозяйственного назначения в XI–XIII вв. являлись крупные надземные сосуды для хранения пищевых продуктов, их держали в кладовках и кухонных помещениях. Они имели каркасообразную форму с плоским дном. Нередко их украшали простым геометрическим орнаментом [Джапаридзе В.В., 1955. С. 9–13; Бочоришвили Л., 1949; Маргвелашвили М.Г., 1999; Арчвадзе Т.Д., 1998].

В условиях мирного существования и бурного строительства, особенно в XIII в., потребность в строительной керамике резко возросла. По письменным источникам X–XI вв., в Тбилиси уже существовали цеховые организации ремесленников [Месхия Ш.А., 1958. С. 49], так, например, среди представителей отдельных отраслей ремесла упоминаются “кирпичники” и “черепичники”. Размеры кирпича развитого средневековья колеблются от 31 × 30 × 5 см до 24 × 24 × 4 см. Раскопки показали, что кроме гражданских объектов (тбилисские жилые кварталы, Гегутский дворец Георгия III около Кутаиси, Беслетский мост около Сухуми, где кирпичи чередуются с камнями и т.д.), кирпичи широко применялись в церковной архитектуре [Джгамая Д.К., 1969; 1975. С. 8–9]. Особенно большим был спрос на черепицу. Все административные, общественные и частично церковные сооружения, а также дворцы социальной верхушки покрывались черепицей. С X в. появляются глазурированные черепицы голубого и темно-зеленого цвета, как плоские с бортиками (солены), так и желобчатые (калиптеры) длиной от 35 до 40 см. Кроме того, что покрытые поливой черепицы становились более устойчивыми и прочными, они охотно применялись с декоративной целью, особенно в XI–XIII вв. [Джгамая Д.К., 1969; 1975]. Черепицы как поливные, так и неполивные часто снабжены грузинскими надписями, асомтаврули, где фигурируют в основном имена ктиторов [Джгамая Д.К., 1974]. Для украшения кладки в средневековой архитектуре Грузии часто применялись глазурированные изразцы, многоугольные облицовочные плитки для стен и полов и т.д.

Важной частью строительной керамики Грузии являются керамические трубы и контрольные сосуды для водопроводов [Джгамая Д.К., 1975. С. 14–18].

Важнейшей отраслью ремесленного производства средневековой Грузии является *стеклоделие*. Производство и использование стеклянных изделий в развитом средневековье, по сравнению с предыдущими периодами, заметно возросло. Изучение производственных центров стекла вместе с находками на городищах и селищах дает возможность определить место стеклянных изделий в матери-

альной культуре Грузии [Угрелидзе Н.Н., 1988. С. 29–31; 1989. С. 122].

В отличие от позднеантичного периода, для которого характерно существование стандартных форм стеклянной посуды, в развитом средневековье стеклянные изделия, наряду с общими чертами, проявляют больше локальных особенностей [Чхатарашвили М.Н., 1977; 1978].

Стеклянная посуда IX–XIV вв. по назначению делится на следующие группы: столовая, туалетная, аптечная, аламбики, лампы и принадлежности для люльки [Чхатарашвили М.Н., 1978] (табл. 131).

В столовую посуду объединены сосуды для питья, графинчики, солонки (табл. 131: 15). Особый интерес вызывают в данной группе сосуды для питья (сасмиси по-грузински) – дутые в форме или же свободнодутые. Особенным видом посуды для питья являются высокие изящные бокалы с подставками [Чхатарашвили М.Н., 1969; 1977; 1978. С. 26–48], по форме воронкообразные, которые, по всей вероятности, местного происхождения, и стаканы цилиндрической формы, которые, возможно, являлись предметом импорта [Крупнов Е.И., 1960. С. 115, 117; Кузнецов В.А., 1959. С. 102, 115] (табл. 131: 16–18).

Туалетная и аптечная посуда: большие или миниатюрные флаконы, колбы (табл. 131: 19), пробирки и др. были найдены в культурных слоях в Натбеурской стеклодельной мастерской [Угрелидзе Н.Н., 1963. С. 64, табл. IV, 2], в погребениях Рустави [Ломтатидзе Г.Л., 1955. С. 194, табл. XXI, 1], Жинвали [Джорбенадзе В.А., 1983. С. 151–158, табл. XXIX, 187], Гавази [Чилашвили Л.А., 1975. С. 48, 79, табл. III] и датируются XII–XIV вв. [Чхатарашвили М.Н., 1978].

Аламбики – алхимические сосуды – в Грузии редки, они иранского происхождения и датируются IX–XI вв. [Чхатарашвили М.Н., 1978]. Стеклянные лампы, малые по форме, подвесные с ручками зеленого цвета, продолжали существование и в XI–XIV вв. [Чхатарашвили М.Н., 1978].

Особый интерес среди археологических находок вызывает оконное стекло [Чхатарашвили М.Н., 1977. С. 14–18; 1978а. С. 69–79], найденное в Дманиси, Гударехи, Надарбазеви, Рустави, Тбилиси, Жинвали, Алаверди, Гегути, Вардзия и др. (табл. 131: 13, 14).

Многоцветные, многообразные круглые образцы оконного стекла отливались в орнаментированных формах (диаметр 16–25 см) (табл. 131: 13, 14). Преобладают сочные, яркие цвета. Орнаментальные витражные стекла являлись предметом местного производства, и они, как предполагают, вывозились из Грузии, о чем говорят его находки на Северном Кавказе и в Армении [Чхатарашвили М.Н., 1977. С. 17].

Браслеты из стекла – наиболее распространенные украшения в Грузии как дешевые, доступные

для широких слоев населения (табл. 131: 1–12). Они в большом количестве встречаются на городищах и селищах, а также в погребениях XI–XIII вв., что указывает на их серийное производство и на наличие широкой сети производственных центров не только в больших городах, но и на периферии [Угрелидзе Н.Н., 1963. С. 61–67; Долаберидзе Р.М., 1972. С. 6–10; 1969. С. 98–115; Чхатарашвили М.Н., 1969; Рамишвили Р.М., 1970; Джорбенадзе В.А., 1983. С. 134–166; Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1971 и др.]. Большинство из них из черного стекла, но встречаются голубые, синие, желтые, фиолетовые экземпляры (табл. 131: 1–12).

В Западной Грузии стеклянные браслеты распространены сравнительно мало, но типологически они идентичны восточногрузинским.

Среди материалов XI–XIII вв. встречаются стеклянные перстни [Долаберидзе Р.М., 1967. С. 164–194].

Орудия труда и предметы вооружения. В материальной культуре Грузии развитого средневековья почетное место занимают изготовленные из железа орудия труда (пахотные орудия, серп, коса, топоры, цалди, секачи, тесла, ножи, в том числе для подрезки лозы) и предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, а также защитные средства, шлемы, панцири и т.д.).

Железоплавильное дело и кузнечное ремесло в IX–XIII вв. в Грузии находилось на высоком уровне (табл. 132: 1, 2). Наряду с крупными центрами государственного значения добычи и переработки железа (бассейн р. Чолоки, р. Ингури, горная Рача, Абхазия, Нижний Картли, Арагвское ущелье и др.), почти в каждом селе имелись кузнечные цеха, которые вносили свою лепту в снабжение населения нужными предметами. Бурное развитие сельского хозяйства и огромный спрос на вооружение для армии стимулировали развитие кузнечного ремесла [Деген-Ковалевский Б.А., 1936; Рехвиашвили Н.Б., 1952; Артилакба В.Е., 1976 и др.].

Орудия земледелия занимали ведущее место в сельской жизни. Вместе с деревообрабатывающими инструментами (топоры, молото-топоры, плотниковые топоры, широколезвийные топоры с клевцом, обуховтульчатые топоры, пилы, тесла, долота, долота с черенком) и предметами хозяйственного назначения (цалди, секачи, ножи разных размеров, в том числе складные, ножи для бритья и т.д.), земледельческие орудия имеют свои прототипы в предыдущих эпохах, и анализ археологического материала дает возможность проследить долгий путь развития каждого инструмента [Артилакба В.Е., 1976].

Среди земледельческих орудий – лемех (табл. 132: 4), сошник, кирка (табл. 132: 6), мотыга (табл. 132: 7, 8), лопата (табл. 132: 5), серп, коса – важнейшими являлись лемеха и мотыга. Лемеха

были распространены по всей Грузии с древнейших времен.

В развитом средневековье размеры лемеха достигают длины 36 см и ширины 25 см [Артилак-ва В.Е., 1976. С. 91].

Плуги с большими лемехами и резаками были рассчитаны на четырех и более запряженных пар быков. Огромный резак от большого плуга был найден в разгромленной мастерской первой половины XIII в. на городище Жинвали (длина 71 см, вес 9,8 кг) [Маргвелашвили М.Г., 1999].

В Восточной Грузии в развитом средневековье по традиции ведущим следует считать плужное, а в Западной Грузии – мотыжное земледелие, где засвидетельствовано огромное количество разнообразных мотыг.

В XI–XIII вв. в разных уголках Грузии применялись лопаты длиной 23–27 см, шириной 20–22 см [Артилак-ва В.Е., 1976. С. 93].

Серпы и косы в археологических комплексах малочисленны, они зафиксированы в Дманиси и в Арагвском ущелье. До распространения кос европейского типа, которые косят справа налево, в Восточной Грузии существовали косы местного типа, которые могли косить с обеих сторон [Артилак-ва В.Е., 1976. С. 101].

Важнейшим элементом орудий труда является топор (табл. 132: 9–11). В средние века топоры, кроме хозяйственного назначения, по древней традиции применялись в боях как довольно грозное оружие. Самыми распространенными типами топоров в данный период являлись плотовиковые, которые генетически связываются с колхидскими топорами, и топоры грузинского типа, которые возникли от топоров цебельдинского типа. Эти топоры в первом тысячелетии н.э. широко были распространены по всей территории Грузии, но более густо в Западной Грузии.

Предметы вооружения. Мечи и кинжалы (табл. 133: 1–9) развитого средневековья сохранились плохо, зато при раскопках по всей территории Грузии в огромном количестве найдены стрелы разных типов. Наконечники стрел делятся на две большие группы: боевые и охотничьи (табл. 133: 10–36). Для охоты на крупных зверей применялись двурогие стрелы разных размеров [Артилак-ва В.Е., 1976. С. 113, табл. 57–59]. На пернатых охотились четырехугольными небольшими (длина 6–9 см) стрелами из железа и кости. Среди боевых стрел самыми распространенными были бронебойные, трехкрылые или четырехкрылые стрелы [Артилак-ва В.Е., 1976. С. 114–117]. В боях грозным оружием как для пехоты, так и для кавалерии являлись копья [Чолокашвили К.К., 1961. С. 13–14] (табл. 133: 37–39).

Грозное рубящее оружие всадника, сабля, по археологическим материалам известна с середины

I тысячелетия н.э. В развитом средневековье в Грузии были в употреблении длинные мечи с прямой спинкой (длина 102–105 см, ширина лезвия 4 см), похожие на европейские средневековые мечи [Артилак-ва В.Е., 1976. С. 125]. В археологических погребальных комплексах средневековья мечи, сабли и кинжалы почти не встречаются, что затрудняет изучение данного вида вооружения, и только этнографические параллели и ретроспективный анализ позднего материала дают возможность изучить не только атакующие виды оружия, но и защитные [Чолокашвили К.К., 1954; 1956; 1957; 1961; Артилак-ва В.Е., 1976].

Украшения и предметы, связанные с одеждой. Как известно, по христианскому обряду строго запрещалось класть в могилу покойника предметы личного пользования, но, как показала археологическая практика, в зрелом средневековье некоторые могильники, особенно предгорной и горной части Грузии, где старые традиции оказывались более устойчивыми, дают весьма богатый материал, преимущественно в виде украшений и предметов, связанных с одеждой. Украшения и предметы, связанные с одеждой, нередко отображают религиозную принадлежность и социальный статус погребенного [Археология Грузии, 1959. С. 368–369; Долаберидзе Р.М., 1972. С. 3; Рамишвили Р.М., 1970. С. 105–124]. За последние десятилетия накопился огромный материал на городищах, селищах и могильниках от Абхазии до Кахетии. Правда, большая часть этих находок не опубликована, но все же мы обладаем большой информацией по данному вопросу, в немалой степени благодаря письменным источникам, фрескам и миниатюрам рукописей.

В развитом средневековье ассортимент украшений не очень велик: браслеты, перстни, серьги, височные подвески, бусы.

Браслеты IX–XIII вв. в основном бронзовые, редко железные (табл. 124: 8, 12). Следует отметить, что в условиях экономического благосостояния государства, в археологических коллекциях развитого средневековья драгоценные украшения очень редки, исключением является Дманисский клад, куда входит около 30 предметов из золота и серебра и многочисленные бусы [Долаберидзе Р.М., 1985. С. 29–36]. Серебряные браслеты из Дманисского клада делятся на три группы: 1) плоские овальные браслеты с широким стержнем; 2) браслеты с многогранным стержнем и утолщенными головками; 3) браслеты с витым стержнем и со змеиными головками. Вся поверхность плоских браслетов украшена богатым орнаментом и снабжена жуковиной для вставки камней (5,7 × 4,2 см, ширина – 5,4 см). Браслеты со змеиными головками, кроме Дманиси, обнаружены на Имирисгора, во впускных погребениях XIII–XIV вв. [Долаберидзе Р.М., 1985. С. 36].

Среди бронзовых браслетов, которые в большом количестве обнаружены в Жинвали [Джорбенадзе В.А., 1983] и Сиони [Рамишвили Р.М., 1970], Дманиси и других пунктах, выделяются овальные экземпляры с разомкнутыми головками, некоторые гладкие, а другие украшены несложным орнаментом.

Перстни (табл. 124: 4–6) представлены в большом разнообразии из бронзы и серебра, редко железные [Рамишвили Р.М., 1970. С. 108–114; Долаберидзе Р.М., 1967. С. 164–194; Джорбенадзе В.А., 1983. С. 134–166 и др.]. Бронзовых перстней намного больше, чем остальных. Они отличаются типологическим разнообразием (около 20 типов). Ободок перстней разнообразен: плоский, плоско-выпуклый или ребристый. Щитки бывают овальные, круглые, квадратные, ромбовидные, многоугольные. Имеются также экземпляры с массивными, конусообразными щитками, которые имитируют перстни с жуковиной [Долаберидзе Р.М., 1972. С. 12]; на одном щитке данного типа выгравирован щит Давида. Многие щитки украшены символическими знаками.

Серебряные перстни в комплексах развитого средневековья сравнительно редки. Довольно большая группа серебряных перстней обнаружена на Сионском могильнике. Они характеризуются высоким качеством исполнения. Оформленные с большим художественным вкусом, они продолжают традиции позднеармазского и раннехристианского времени. В жуковинах этих перстней имеются стеклянные, фаянсовые, кварцевые вставки, на двух из них – геммы [Рамишвили Р.М., 1970. С. 121–122] с изображениями пернатого и животного. Перстни с геммами для развитого средневековья – явление редкое.

Кроме серебряных перстней, встречаются каменные перстни из гагата и молочно-белого халцедона и костяные с квадратным, коническим, усеченным щитками. Костяные перстни появляются в XI в., некоторые из них окрашены в розовый цвет [Долаберидзе Р.М., 1972. С. 14].

Серьги и височные подвески составляют значительную часть украшений. До раскопок в Сиони [Рамишвили Р.М., 1970] и открытия клада в Дманиси [Джапаридзе В.В., 1969] украшения данной группы выглядели скромно (табл. 124: 17–19).

Дманисский клад состоит из пары золотых и десяти серебряных височных подвесок, серебряного головного убора типа диадемы и четырех серебряных розеток такого же убора, золотого кулона и десяти серебряных браслетов и многочисленных бус [Долаберидзе Р.М., 1985. С. 99–102].

Височные подвески из Дманиси делятся на 4 группы:

1. Филигранные подвески из золота и серебра в виде пирамидально расположенных шести арок;
2. Пирамидальная трехарочная подвеска с миниатюрным сосудиком;

3. Фигурные подвески и подвески в виде лунниц;

4. Подвески с изображением павлина, которые отличаются тонким искусством исполнения: глаза павлина переданы голубыми вставками, а сама фигура пернатого снабжена девятью кружками по всему периметру [Долаберидзе Р.М., 1985. С. 101, табл. III], из них 7 – для подвески цепочек с бубенцами.

Особый интерес вызывают подвески первой группы, где в художественном декоре применены арки, художественный прием свойственный для архитектуры и живописи развитого средневековья.

Среди бронзовых серег следует выделить: серьги в виде вопросительного знака с утолщенными концами; с крючком для подвески цепочек; с припаянными колечками для мелких подвесок и т.д. Все они хорошо датируются XI–XIII вв.

Монеты и монетное обращение. В IX–X вв. на территории Грузии вместе с куфическими, тбилиско-аббасидскими и джафаридскими дирхемами в обращении были и грузинские подражания арабским (куфическим) дирхемам. В связи с этим большой интерес вызывает цебельдинский клад со 106 монетами из Абхазии. В кладе один подлинный куфический дирхем, а 105 подражаний куфическим дирхемам, из них 42 – сильно искаженные монеты, в круговых надписях которых с обеих сторон включены отдельные грузинские буквы, бросается в глаза непрофессиональность изготовителя штемпелей. Остальные 62 экземпляра указывают место чекана “Тифлис” и изготовлены также различными парами штемпелей [Джалагания И.Л., 1981; 1979]. Предполагают, что монеты грузинских подражаний могли быть продуктом неофициальной эмиссии, осуществленной не позднее рубежа X–XI вв. Это период царствования Баграта III (975–1014), первого правителя объединенной Грузии, в царствование которого, вероятнее всего, могли выпускаться эти подражания [Джалагания И.Л., 1981. С. 25]. Не исключено, что эмиссия этих монет была осуществлена в Западной Грузии, возможно, в Кутаиси, где была временная столица Абхазского царства и, вероятнее всего, была чеканена первая грузинская монета независимого государства с круговой легендой “Христос, возвеличь Баграта, царя абхазцев”. Но началом эмиссии национальной монеты в развитом средневековье следует считать монету Давида Куропалата (1001 г.), чеканенную в исторической провинции Тао-Кларджети (царство Грузии) [Джалагания И.Л., 1981. С. 27].

При царе Баграте IV (1027–1072) начинается регулярная эмиссия серебряных грузинских монет, что продолжалось при правлении Георгия III (1072–1089) и Давида IV Строителя (1089–1125). Параллельно с местными монетами на рынке Грузии с XI в. были в обращении византийские золотые и медные монеты (солиды) [Джалагания И.Л.,

1979] и монеты разных мусульманских династий с юго-востока.

При правлении Давида IV катастрофически уменьшаются все серебряные монеты (меньше 1 г), что было показателем того, что серебряный кризис перекинулся на Кавказ. Еще при жизни Давида IV началась эмиссия грузинской медной кредитной монеты, и только в 1230 г., при царице Русудан (1225–1245), была возобновлена эмиссия серебряной правильной монеты. После вторжения монголов в Грузию до конца XIII в. в обращении были каноники I и II типа, грузино-хулагуидские монеты и монеты царей Димитрия II, Давида VIII и Вахтанга III (1299–1300, 1304–1308). Перечисленные здесь монеты характеризуют не только экономику страны, но и являются важной частью материальной культуры Грузии.

Искусство Грузии в развитом средневековье. В первой половине развитого средневековья (IX–X вв.) перед грузинским искусством открылись новые горизонты. В эту эпоху среди основных видов искусства, известных в средние века (монументальная живопись, рельефная скульптура, златокузнечество, мозаика, оформление рукописей, искусство эмали и пр.), архитектура занимала ведущее положение. Во второй половине развитого средневековья (XI–XIV вв.) Грузия достигла огромных успехов как в строительстве христианских сооружений, так и на поприще гражданской и оборонной архитектуры.

Грузинское искусство в этот сложный период в истории Кавказа и Ближнего Востока, шагало в ногу с национальной литературой и являлось важнейшим компонентом материальной и духовной культуры народа.

Архитектура (табл. 134–137). Памятниками типа Джвари в Грузии завершается ранний этап развития церковной архитектуры. Краткий отрезок времени мирного сосуществования Грузии (последняя четверть VI и первая четверть VII в.), при взрыве творческой энергии народа, оказался достаточным для начала новых изысканий в архитектуре и в других отраслях искусства.

В 20-х годах VII в. зодчие Грузии выдвигают новую идею: установка купола церкви на четырех свободностоящих столбах [Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н., 1936]. Одним из таких ранних примеров является собор в Цроми (626–634/5 гг.) [Амиранашвили Ш.Я., 1971. С. 133], в котором уже налицо элементы, легшие в основу развития средневековой грузинской архитектуры. Этот храм примечателен и тем, что мозаика в его конхе считается одним из первых образцов средневековой монументальной живописи Грузии.

Логическое продолжение такого созидательного порыва было прервано нашествием арабов, которые проводя особо жесткую политику против христианских народов, специальными приказами запре-

щали строительство церквей. Приказы арабских халифов особенно усердно реализовались в Картли, в пределах тбилисского эмирата. Лишь с начала IX в., и то в периферийных политических образованиях, создаются более или менее сносные условия для дальнейшего развития материальной и духовной культуры Грузии. В культурном строительстве Грузии развитого средневековья неопределимы заслуги Картли и Абхазского царства и Кахет-Эретского политического объединения, но с IX столетия Тао-Кларджети становится наиболее значительным культурным центром Грузии, сыгравшим большую роль в созидании основ средневековой грузинской культуры [Беридзе В.В., 1981. С. 17–28]. Основными очагами культурного строительства и формирования национального самосознания в Тао-Кларджети (как и по всей Грузии) являлись монастыри. В VIII–X вв. именно в этой провинции Грузии была создана густая сеть монастырей, где творили известные церковные деятели, представители литературы, науки и культуры того времени [Беридзе В.В., 1981. С. 24–25; Лордкипанидзе М., 1963]. Многие духовные лица, деятели науки и литературы Тао-Кларджети VIII–X вв. были выходцами из центральных районов Грузии, где свирепствовали арабские каратели. Можно сказать, что в первой половине развитого средневековья Тао-Кларджети, в определенной мере, стал поставщиком кадров духовенства, мастеров искусств и ученых-литераторов для других областей Грузии и грузинских центров просвещения за рубежом [Беридзе В.В., 1981].

Органически неразрывной частью художественной культуры Тао-Кларджети являются и архитектурные памятники, сыгравшие столь же важную роль в дальнейшем развитии общегрузинской архитектуры [Беридзе В.В., 1981. С. 28]. Велика роль Тао-Кларджети в формировании архитектуры монастырских ансамблей. Отдельные регионы Грузии, еще задолго до политического объединения, в культурном отношении развивались в тесной взаимосвязи, так как архитектура исторических провинций Грузии выросла и развивалась на общей почве, на общих многовековых традициях архитектуры и строительного искусства [Беридзе В.В., 1981. С. 132]. Несмотря на такую общую основу грузинской архитектуры (и в целом культуры), каждая провинция Грузии в зодчестве имела свои особенности, что определялось не только своеобразием архитектурного мышления, но и характером строительного материала и местными традициями в строительной технике.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что грузинская архитектура развитого средневековья теснейшим образом была связана с зодчеством христианского Востока (Сирия, Палестина, Каппадокия и др.) и Византии, что находило свое отражение в отдельных архитектурных памятниках Грузии, осо-

бенно на территории Абхазского царства, которое по-настоящему только в начале IX в. освободилось от византийского владычества.

Приведем краткое описание тех памятников, которые характеризуют основные этапы строительного искусства Грузии развитого средневековья.

В IX и в первой половине X в. почти во всех районах Грузии наблюдается тяготение к старым архитектурным композициям и формам. Примером этого следует считать большие базилики Отхта-эклесиа (табл. 134: 1) и Пархали, возникшие во второй половине X в., с тремя нефами и с повышенным двухпролетным средним и однопролетными боковыми нефами, и купольные круглые храмы, во внутреннее кольцо которых вписан тетраконх. Классическим и единственным примером этого в Грузии является Бана (табл. 134: 3) в провинции Тао, начало X в. Прототипами храма Бана являются храм Ишхани (около 640 г.) (табл. 134: 4) в Грузии и Звартноц (652–662 гг.) в Армении.

Храм Ишхани был разрушен во время арабского нашествия, и от него сохранилась лишь часть восточной абсиды с колоннадой [Беридзе В.В., 1981. С. 150–151], которая позже, в 20-х годах IX в. учеником Григория Хандзтели, Сабаоном, была включена в состав храма совершенно другого типа. Окончательный вид храм Ишхани получил после реконструкции в середине X в. (табл. 134: 4).

Тема тетраконха в грузинской архитектуре исчерпала свои возможности уже в VI–VII вв., но идеи прошлых эпох, видимо, не давали покоя архитекторам следующих поколений, примером чего являются малая церковь в Шуамта, Дранда в Абхазии, церковь X в. в крепости Кветера (табл. 134: 2), Ниноцминда в Гаре-Кахети, где тема тетраконха опять всплывает.

Во второй половине X в. в Грузии широко распространилась новая архитектурная композиция церквей. Ее идея была заложена еще в начале VII в. в структуре Цроми. Первые образцы этого архитектурного типа в некоторых областях Грузии появились в VIII–IX вв., например, в Самшвилде, Икалто, Барцана, Озаани в Кехети, но полная реализация этой темы в архитектуре начинается с X в.

В основе этого типа лежит удлиненный с востока на запад крест, увенчанный, как шатром, многогранным барабаном купола, опиравшегося на четыре свободностоящих, мощных столба (сroix inscrite).

В этих сооружениях алтарная апсида, не выступая за пределы четырехугольника, на фасаде отделена от жертвенника и диаконника двумя треугольными в плане нишами, хотя в храмах Абхазии (Дранда, Бичвинта) абсида с двумя боковыми меньшими по размеру полукругами, резко выступает за линии прямоугольника. В храмах данного типа намечается стремление ввысь, что в основном достигается повышением купольного барабана. Фасады церквей

данного типа оформлялись очень богато резным орнаментом, рельефными зооморфными фигурами, крестами, растительным орнаментом и надписями. В этом отношении исключением являются церкви Абхазии, где по образцу византийского церковного зодчества, фасады художественно не оформлялись. Наиболее известными памятниками указанного типа являются: Ошки (961 г.) (табл. 134: 5), Хахули (конец X в.), храм Баграта в Кутаиси (1003 г.) (табл. 135: 5), Светисцховели (1029 г.) (табл. 135: 6), Алаверди (1030 г.) (табл. 134: 1).

Перечисленные здесь архитектурные памятники по смелости конструктивной и художественной мысли, грандиозным размерам, по гармоничности архитектурных масс, по красоте фасадов и внутреннего пространства можно рассматривать как достояние мировой культуры [Амиранашвили Ш.Я., 1963. С. 14; Беридзе В.В., 1981; Джобадзе В.Н., 1991; Чубинашвили Г.Н., 1970. С. 262–278]. Среди архитектурных памятников развитого средневековья следует выделить одну небольшую, но очень интересную группу церквей с шестью абсидами. Эти памятники: Бочорма в Тианетском р-не (табл. 136: 2), в крепости Бочорма, Кацхи (XI в.) (табл. 135: 2), в Западной Грузии, Олтиси, на городище Олтиси (Турция) (табл. 136: 1), Киаглисалты к северо-востоку от собора Бана (Турция) и Гогиуба – в провинции Артвини (табл. 136: 3), в бассейне р. Куры (Турция). К этой группе следует отнести также Никорцминда (1010–1014 гг.) (табл. 135: 4), Амбролаури в р-не Раче и Кумурдо в Ахалкалакском р-не (вторая половина XI в.) (табл. 136: 5). Первые пять памятников имеют несложную конструкцию, в плане они снаружи двенадцатигранные, и абрис здания приближается к кругу. Абсиды внутри церквей расположены симметрично, где каждая из них строится при гранях подкупольного пространства.

Что касается Никорцминда и Кумурдо, они имеют намного более сложную композицию, и несмотря на заметную разницу в планах, являются выражением одной и той же архитектурной композиции. Оба храма центрально-купольные по своему пространству. Лучше сохранившийся в церкви Никорцминда переход под купол образован шестью парусами, и барабан имеет 12 окон [Чубинашвили Г.Н., 1970. С. 255; Аладашвили Н., 1957; Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н., 1936]. Никорцминда является уникальным памятником, со своими рельефными скульптурами снаружи и фресками внутри церкви.

Шестиабсидные церкви известны с раннего средневековья в соседней Армении, на христианском востоке и в бассейне Средиземноморья. Ясно, что данный архитектурный тип не мог произойти от тетраконха (тетраконх может порождать восьмиабсидную композицию, но никак не шестиабсидную). Думается, что данный тип церковного сооружения свое начало берет на юге, в странах христи-

анской цивилизации, хотя небезынтересно вспомнить, что шестиабсидный храм дохристианского времени был обнаружен в Мцхета, на территории Багинети, неподалеку от царского дворца конца III и начала IV в. н.э.

После политического объединения Грузии и укрепления феодальной монархии, поток творческой энергии постепенно направляется в сторону центральных регионов, сперва в Кутаиси, временную столицу Грузии, а позже в Картли-Тбилиси. Соответственно, стали редеть культурные центры в периферийных политических образованиях, особенно после того, как вблизи Кутаиси усилиями Давида Строителя был основан Гелатский монастырь с высшим учебным заведением, где трудились известные грузинские ученые XII в. Доминантой гелатского архитектурного комплекса является величественный собор Богоматери (1106–1125 гг.) (табл. 136: 6), стены которого украшены лучшими образцами монументальной живописи средневековья, а также обширным мозаичным панно в конхе собора [Мепишавили Р.С., 1966; Амиранашвили Ш.Я., 1971. С. 259–261].

После перенесения трона грузинских царей из Кутаиси в Тбилиси, Картли становится естественным эпицентром дальнейшего развития материальной и духовной культуры Грузии.

Анализ памятников XII–XIII вв. показывает, что монументальный стиль постепенно уступает место декоративному, главное внимание теперь обращается на внешнее оформление зданий. Образцы архитектуры нового поколения значительно меньше прежних. Планы их проще, приближаются к квадрату. Купол опирается на два столба и выступы алтарной апсиды. Намечается своеобразная унификация в конструкции храмов. Даже в абхазской школе церковной архитектуры, где под влиянием византийской архитектуры были распространены выходящие вперед из четырехугольника абрисы главной алтарной апсиды, жертвенника и диаконника в виде полукруглых или граненных апсид (например: Мокви, Лырне, Бичвинта), с XII в. распространяется прямоугольный наружный план, когда абсида церкви размещена внутри прямоугольника [Амиранашвили Ш.Я., 1962. С. 14–15].

Гражданская архитектура. При обзоре городищ и селищ Грузии шла речь о жилищах и других объектах гражданского назначения, но многие памятники гражданской архитектуры остались незатронутыми, в первую очередь, дворцовые сооружения и здания общественного назначения: гостиницы, больницы, учебные заведения. Число таких сооружений довольно велико, но они изучены слабо. Полнее всего изучена дворцовая архитектура [Чубинашвили Г.Н., 1959].

Один из таких памятников – Надарбазеви (табл. 137) находится в районе Дедоплисцкаро, в

ущелье Чивчава, 1560 м над уровнем моря. По письменным источникам, тут была размещена летняя резиденция царицы Тамар. Как показали раскопки, самые древние постройки датируются IX–X вв. В XII в., видимо, были построены новые здания, где и была размещена летняя резиденция. В XII в. были построены водопровод (табл. 137: 2, 3), цистерна (бассейн) из кирпича, вспомогательные сооружения для обслуживающего персонала. Комплекс был обнесен оградой с тремя воротами (табл. 137: 1). Большой зал главного здания конца XII в. с четырьмя колоннами, по всей вероятности, с купольным перекрытием, можно назвать гостиной или приемным залом [Ломтатидзе Г.А., 1989. С. 30–40; Цицишвили И.Н., Закарая П.П., 1955]. Результативными оказались полевые исследования монастырского комплекса в Гударехи (р-н Дедоплисцкаро, Алгетское ущелье, 1100 м над уровнем моря), и на городище Дманиси [Дманиси I, 1988; Дманиси II, 2000], где внутри ограды выявлены: дворцовое сооружение, винохранилище, здание с пилястрами, хлев, жилые помещения, все XII–XIII вв. Фасады двухэтажного дворца, видимо, были оформлены арками. Церковь была построена в 1222–1245 гг., а звонница – в 1278 г. [Мухелишвили Л.В., Хидашели Ш.Г., Джапаридзе В.В., 1954].

Из монументальных сооружений особое внимание привлекают развалины Гугетского дворца вблизи Кутаиси (табл. 136: 7), на берегу р. Риони. Главное здание XII в. было построено отцом царицы Тамар – Георгием III. На цоколе (высота – 3 м) воздвигнуто четырехугольное здание, в центре которого находится крестообразное большое помещение, которое было перекрыто большим куполом. С обеих сторон центрального помещения были комнаты разного назначения, спальни, хранилища разного назначения; баня [Амиранашвили Ш.Я., 1971. С. 253, 255; Цицосани В.Г., 1938]. Дворец был разрушен в начале XIX в. (1823 г.), камни и кирпичи были использованы на строительстве гарнизонного помещения [Амиранашвили Ш.Я., 1971. С. 254].

Несколько слов о монументальной живописи. Грузинская фресковая живопись в своем художественном и историческом развитии тесно связана с архитектурой, впрочем, как и монументальная рельефная скульптура.

Наиболее значительным памятником стенной живописи следует считать фрески церкви св. Додо в монастырском комплексе в пещере Давида Гареджа [Чубинашвили Г.Н., 1948; Амиранашвили Ш.Я., 1957; Абрамишвили Г.В., 1972]. Именно в Давид-Гареджском монастыре возникли циклы фресковых изображений св. Нины, просветительницы Грузии, и Святого Давида из Гареджи. В этих работах, в основе которых лежат литературные версии, чувствуются новые веяния во фресковой живописи IX в. [Абрамишвили Г.В., 1972]. Следую-

ший этап развития монументальной живописи связывается с монастырями Тао Кларджети, где образовалась одна из передовых школ стенной живописи X–XI вв. [Амиранашвили Ш.Я., 1963. С. 18–19; 1971; Беридзе В.В., 1981].

Новая веха в монументальной живописи намечается на рубеже XI–XII вв., особенно в Сванети, где возникла оригинальная школа живописцев, являющаяся по существу продолжением и завершением Тао-Кларджетской традиции в живописи. Работы царского художника Тевдоре в сванских сельских церквях Ипрари (1096 г.), Квирике и Ивлинты (1111 г.) и Св. Георгия в Накипари (1130 г.) являются произведениями мирового значения [Аладашвили Н., Алибегашвили Г., Вольская А., 1966], но венцом средневековой грузинской живописи являются фрески и мозаика в Гелати в церкви Богоматери [Амиранашвили Ш.Я., 1957; Вирсаладзе Т.Б., 1959; Мепишашвили Р.С., 1966]. Мозаика (1125–1130 гг.) расположена в конхе храма. На золотом фоне изображены во весь рост фигуры Богоматери с младенцем и архангелы Михаил и Гавриил с обеих сторон. Творец мозаики является настоящим мастером в искусстве и, нарушая художественную традицию византийской живописи, вносит в композицию Богоматери динамику и жизненность, сохраняя ту новаторскую идею, которая была реализована в иконе Лаклаидзе (XI в.) из монастыря Зарзма [Абрамишвили Г.В., 1977. Табл. 44]. Замечательные образцы стенной живописи были созданы в Грузии во второй половине XII и первой половине XIII в. Фрески пещерного города Вардзиа, церквей: Бетанна, Кинцвиси, Бертубани, Мацхвариши входят в золотой фонд грузинской монументальной живописи [Привалова Е., 1982; Амиранашвили Ш.Я., 1957; Алибегашвили Г., 1957; Вирсаладзе Т.Б., 1955]. Мощные школы живописцев создавали в Вардзиа и Бетанна, где сохранены замечательные фрески Георгия III, царицы Тамар, Лаша-Георгия и др. [Алибегашвили Г., 1957; Привалова Е., 1982; Амиранашвили Ш.Я., 1957], но по художественной зрелости, уверенным рисункам, гармоничности колорита, плавной моделировке фигур, ритмичности движения и складок одежды, психологической трактовки сюжетов, особенно выделяется художник из школы Кинцвисского монастыря. Из великолепных фресок особенно следует отметить изображенных во весь рост ангелов в композиции Воскрешение Христа. Их можно считать шедевром эпохи возрождения и отражением тех идей в живописи, которые чуть позже нашли воплощение в поэзии Шота Руставели.

Больших успехов достигли мастера средневековой Грузии в обработке металла и особенно в искусстве перегородчатой эмали, “одной из непреходящих ценностей грузинского искусства” [Хускивадзе Л.З., 1984. С. 181]. Эмальерному делу Грузии по-

священо немало серьезных исследований [Амиранашвили Ш.Я., 1971; Абрамишвили Г.В., 1977]. В монографии Л.З. Хускивадзе прослежена история перегородчатых эмалей Грузии от VIII до XIII в., генетически связанная с эмальерным искусством Византии, но представлявшая, безусловно, самостоятельное и самобытное художественное явление.

В мировой коллекции произведений в этой сложнейшей технике ювелирного дела средневековья Грузия занимает первое место: в одном только Государственном музее Грузии хранится около 200 превосходных изделий эмальерного дела VII–XIII вв. Квадрифолий с Распятием архаической иконографии на знаменитом Хахульском триптихе знаменует начало освоения производства перегородчатой эмали [Хускивадзе Л.З., 1984. С. 24–34, табл. 1: 1]. Больших успехов и всеобщего признания достигает искусство перегородчатой эмали в X–XI вв. В это время была создана большая часть Хахульского триптиха, Вардзинская икона Богоматери, крест для святых мощей с изображением Христа Пантократора (табл. 138: 1) и многие другие шедевры эмальерного дела. Это сложное ремесло переживало расцвет и в XII–XIII вв., когда были изготовлены такие произведения, как икона Мартвильской Богоматери, золотая пластина со сценой Сретения, Хобская икона Богоматери. Медальоны со святыми, прикрепленные к Хобской иконе позже, дают представление об эволюции искусства перегородчатой эмали в XIII в., доживавшем свои последние дни (табл. 138: 2–9). После восьмикратного нашествия монгольских орд в конце XIV в. и разорения культурных и ремесленных центров Грузии производство эмали было прекращено.

XII–XIII вв. следует считать периодом расцвета чеканного искусства Грузии, свидетельством чего являются такие произведения, как чеканная икона Спасителя из Мгвимеви; книги с чеканными окладами работы Бека и Бешкена Опизари; выносной крест из Гелати; икона из Мгвимеви и др. На этом поприще особенно преуспевали мастера из Тао-Кларджети, среди которых большой известностью в Грузии пользовались златоваятели из Описа Бека и Бешкен Опизари (вторая половина XII – начало XIII в.). Особой одаренностью отличается Бека Опизари, младший современник и, возможно, ученик Бешкена, который по характеру своего творчества вышел за пределы декоративного стиля, подчинив орнамент главной идее произведения, а фигуры у этого мастера трактуются в более живописно-пластическом стиле [Амиранашвили Ш.Я., 1956; 1963. С. 24–25; 1963а].

Монументальная рельефная скульптура Грузии теснейшим образом была связана с развитием архитектуры, в первую очередь, церковной, где кроме фасадов и, реже, интерьеров, фигурными рельефами и орнаментальной резьбой украшались ма-

лые формы архитектуры – алтарные преграды [Амиранашвили Ш.Я., 1971; Аладашвили Н.А., 1977]. После временного застоя, с X в. по всей Грузии и особенно в Тао-Кларджетском и Абхазском царствах в развитии рельефного искусства наблюдаются ощутимые сдвиги (например, изображение Ашота Куха (918 г.) в Тбети и Леона III и Гурандухт в Кумурдо, изображение строителей в Опки и др.); а в XI столетии резьба по камню и искусство рельефной скульптуры достигает вершины своего развития. Блестящим примером этого является поразительное количество рельефных скульптур, на фасадах Никорцминда (Рача, Западная Грузия). По мнению исследователей, декоративное убранство храма принадлежит трем разным мастерам, но несмотря на это, композиции всех фасадов осмысленны и выполнены по одной программе и одновременно. Пропорции фигур здесь стройны, и в передаче сюжетов видно стремление мастеров к психологической трактовке изображенных лиц; постановка фигур намного свободнее, чем на ранних рельефах, драпировка и складки одежды ложатся мягко, блестящий антураж этим изображениям создают орнаментальные поля филигранной резьбы (табл. 139: 1), но богатством орнамента особенно отличается барабан купола Никорцминда [Аладашвили Н.А., 1957; 1977].

Замечательными образцами рельефной скульптуры и орнаментом украшены фасады Светицховели (XI в.) (табл. 139: 3) и Самтавро (XI в.) в Мцхета, Самтависи (XI в.), Питарети (XIII в.) и др. [Чубинашвили Г.Н., 1970].

Совершенно особую группу рельефной скульптуры образуют алтарные преграды X–XII вв. Многие образцы из этой группы, являясь легко уязвимыми, на протяжении веков оказались уничтоженными, но археологическими работами во второй половине XX в. многие из них были вновь найдены и включены в научный оборот (например, Дманиси, Жинвали, Давати).

Структура грузинской алтарной преграды следует собственным, национальным установкам; отвергнута система перекрытия архитравом алтарной преграды, которая распространена в Византии

и на Ближнем Востоке. Нескольким входам в преграду решительно противопоставлен один вход в центре преграды, отдано предпочтение низким и “прозрачным” преградам, в отличие от высоких и закрытых, которые были распространены в Византии и на Руси. Позже, после присоединения Грузии и упразднения автокефалии грузинской церкви (начало XIX в.), по приказу администрации русской церкви стали ломать старые низкие каменные преграды и заменять высокими, закрытыми деревянными конструкциями, вследствие чего погибли первоклассные образцы рельефной скульптуры и резьбы по камню.

Наиболее замечательными памятниками этого рода являются преграды из Шио-Мгвиме (табл. 139: 2), Ховле, Сапара, Зедазени, Гударехи, Питарети, Сатхе, Мерца, Цебельды, Атени, Уртхви и др. [Аладашвили Н.А., 1977].

Структурные сюжеты и отдельные фигуры на фланкированных орнаментом квадратных полях исполнены тонкой и изящной резьбой, на некоторых работах (Шиомгвиме, Сапара) четко прослеживается стремление к передаче внутреннего настроения персонажа (табл. 139: 2). Мастера, имена которых не сохранились, оставили потомству лучшие произведения средневекового искусства, имеющие мировое значение.

* * *

К несчастью, разорительные нашествия монголов, и особенно полчищ последней монгольской империи во главе с Тамерланом, оказались столь губительными, что все положительные процессы в экономической, социальной и культурной жизни Грузии (как и других народов) были приостановлены. Творческие силы и людские ресурсы были или уничтожены или же угнаны в Самарканд.

Варварская энергия среднеазиатских орд, столкнувшись с сопротивлением народов захваченных монголами стран, на русских просторах, на Кавказе и на Ближнем Востоке постепенно захлебнулась и не достигла Западной Европы, что обеспечило мирное развитие Европейского Возрождения.

Армения

Глава 12

Раннее средневековье (IV–VIII вв.)

История изучения раннесредневековых памятников. Города и крепости

IV–VIII вв. были для Армении эпохой больших социально-экономических и политических перемен. В IV–V вв. при армянских Аршакидах в стране формируется феодальное общество. В начале IV в. утверждается христианство, ставшее мощным идейным оружием государственной власти. Зарождение феодальных удельных княжеств с их центробежными стремлениями, с одной стороны, посягательства сасанидского Ирана и Византии – с другой, привели к упразднению армянского государства в 428 г. Однако сасанидскому Ирану не удалось сломить сопротивление армян. Князья-нахарары сумели сосредоточить в своих руках административные и финансово-налоговые дела, и страна фактически сохранила самостоятельность. Была установлена гегемония сасанидов с признанием юридической власти нахараров [Еремян С.Т., 1951. С. 55].

В середине IV в. большой ущерб экономике Армении нанесли походы сасанидского царя Шапура II, разорившего эллинистические города Тигранакерт, Арташат, Ервандашат, Заришат и др. Городское торгово-ремесленное население было угнано в Иран, что завершило давно начавшийся процесс упадка городов. Это был такой удар по ремесленному производству и торговле, который привел к полному господству натурального хозяйства.

Ощутимый сдвиг в развитии экономики страны намечается только со второй половины V в. – времени ожесточенной политической и религиозно-идеологической борьбы между Арменией и Ираном. Важную роль в сохранении политической и экономической самостоятельности страны сыграли мощные восстания 451, 481–484 и 572 гг. [История армянского народа, 1984. С. 126–215].

В IV–VII вв. культурная жизнь Армении переживает большой подъем. Именно в этот период были заложены основы феодальной культуры, впитавшей в себя эллинистические традиции, что особенно заметно в архитектуре и в меньшей степени – в скульптуре.

Формирование раннефеодальной культуры, происходившее в условиях борьбы за независимость страны, отличалось постоянным стремлением к сохранению национальной самостоятельности. Важ-

нейшим событием стало создание в 406 г. армянской письменности, что способствовало развитию национальной литературы, ставшей основой духовной жизни народа. Появилось множество исторических, философских, богословских произведений. Армянская культура, развиваясь в христианской среде, сохраняла наследие античной культуры с ее языческим мировоззрением.

В области архитектуры было унаследовано высокое строительное искусство предыдущей эпохи, а в отдельных случаях сохранились плановые и объемно-пространственные строения капищ [Мнацаканян С.Х., Оганесян К.Л., Саинян А.А., 1978. С. 52].

Большой сдвиг происходит также в области искусства. Церковная архитектура сохранила замечательные образцы скульптурных памятников – рельефов и барельефов. О других областях материальной культуры, в частности, прикладном искусстве некоторые сведения можно почерпнуть из письменных источников.

В период арабского владычества в Армении (конец VII – первая половина IX в.) замерли все сферы деятельности: земледелие, скотоводство, строительство и ремесленное производство, сократилась торговля, была введена тяжкая налоговая система. Все это привело Армению на грань разорения. В городах, ставших военно-административными центрами, размещались арабские гарнизоны. Арабами была создана северная провинция под названием “Арминия”, столицей которой был Двин, единственный город, продолжавший расти и играть роль крупного ремесленно-торгового центра всего Закавказья [Тер-Гевондян А.Н., 1977].

Только во второй половине IX в., после ослабления арабского халифата, Армения вновь обрела независимость, и все отрасли экономической и общественной жизни страны стали бурно развиваться.

Изучение раннефеодальных памятников Армении фактически начинается с 90-х годов XIX в. и связывается с именем Н.Я. Марра, которым в 1892–1893 гг. были начаты раскопки средневековой столицы Ани [Марр Н.Я., 1894], а в 1899 г. – в Двине [Марр Н.Я., 1902].

Систематическое изучение раннесредневековых памятников ведется с 30-х годов XX в. по сей день. Раскопки производились в Двине (1937–1939, 1946 гг.), Гарни (1949 г.), Ошакане (1971 г.), Эчмиадзине (1953–1956, 1958, 1976, 1980 гг.), Ахце (1972–1973 гг.), Ацаване (1962–1963 гг.), Аруче (1951–1952, 1980–1984 гг.), Айгеване (1975 г.) и на других памятниках в различных районах Армении. Наиболее крупные работы велись и ведутся на территории Двина – средневековой столицы Армении (табл. 140: 1).

Двин. Остатки города Двина, крупнейшего экономического, культурного и административного центра средневековой Армении, находятся в Арагатской долине, в 30 км южнее Еревана. Город был основан в 30-х годах IV в. армянским царем Хосровом II (*Мовсес Хоренаци*, 1893. Кн. III, 8. С. 148; *Фавстос Бузанд*, 1953. С. 17). После упразднения армянской династии Аршакидов Двин становится столицей Марзпанской Армении, а с конца VII–VIII вв. является административным центром арабского наместничества Армении [*Тер-Гевондян А.Н.*, 1977. С. 74]. В IX – начале XI в. город входил в состав царства Багратидов. С первой половины XI в. Двин переходит в руки полузависимых мусульманских эмиров, а с 1203 г. присоединяется к владениям армянских Захаридов. В 30-х годах XIII в. город основательно разрушают монголы, после чего он сходит с исторической арены.

Систематические раскопки Двина начались в 1937 г. Исследована огромная территория в цитадели и городских кварталах [*Кафадарян К.Г.*, 1952; 1982; *Kalantarian A.A.*, 1991; 1996] (табл. 140: 2). Выяснилось, что на месте городища еще с III тыс. до н.э. существовало поселение, которое продолжало бытовать в I тыс. до н.э. и в эллинистическую эпоху [*Кушнарева К.Х.*, 1974]. Средневековые слои цитадели залегают на глубине 5–8 м. Стратиграфия Двина нарушена и осложнена строительной деятельностью последующих времен, двумя землетрясениями во второй половине IX в., что затрудняет установление четкой хронологической шкалы. Тем не менее, четко прослеживается несколько эпох, связанных с разными строительными периодами, начиная с основания города.

Цитадель города была окружена мощными глинобитными стенами с 44 круглыми башнями. Угловые башни более крупные, возле них, по-видимому, были расположены ворота, связывающие цитадель с городскими кварталами. Цитадель была защищена также глубоким рвом, ширина которого колебалась от 30 до 50 м. Городские кварталы связывались с крепостью мостами, перекинутыми через ров.

Раскопками открыты монументальные сооружения светской и церковной архитектуры, трехнефная базилика в цитадели (IV в.), кафедральный собор, церкви и патриаршие дворцы V и VII вв. в централь-

ном квартале города (табл. 140: 2). Дворцы имеют сходную планировочную композицию и отличаются лишь некоторыми объемно-пространственными решениями. Их основу составляет центральный колонный зал с тремя или четырьмя парами колонн (табл. 140: 2–5). Сохранились крупные базы этих колонн, а также одна капитель из дворца VII в. (табл. 141: 4, 11). Стены дворца V в. были сложены из резного камня на глиняном растворе. Дворец VII в. сооружен из тесаного туфа разных оттенков на известковом растворе. Полы помещений глинобитные, утрамбованные. Эти сооружения играли большую роль в политической и духовной жизни города. Здесь проходили двинские церковные соборы VI–VII вв., на которых были приняты важные канонические постановления, связанные с экономической и политической жизнью страны. На западном крыле дворца V в. в середине VI в. сасанидами был сооружен храм огнепоклонников, разрушенный во время восстания 572 г. В центре храма обнаружен прямоугольный алтарь (1,5 × 1,5 м), покрытый пеплом. Сохранилась одна из баз купольного зала. В центре алтаря квадратное углубление – место каменного постамента, на котором в чаше горел священный огонь (табл. 142: 1).

На вершине цитадели города в IV в. была построена трехнефная базилика (табл. 140: 5). Там же в VI–VII вв. был архив (диван), где хранились документы разного характера (налоговые, закладные, торговые, дипломатические, судебные и прочие документы). Об этом свидетельствуют находки глиняных булл с оттисками местных и сасанидских печатей (табл. 143: 1, 3–5, 7, 11–14; 144: 1, 4–6, 8) [*Калантарян А.А.*, 1982]. Патриарший дворец VII в. впоследствии был превращен в главную мечеть города.

В центре города сохранились остатки громадного здания – кафедрального собора, основанного в конце IV в. и претерпевшего впоследствии ряд изменений. Первоначально оно представляло собой громадную базилику (табл. 140: 5), а с начала VII в. было преобразовано в купольную залу (табл. 140: 6) [*Арутюнян В.М.*, 1950. С. 49–56; *Кафадарян К.Г.*, 1952. С. 88–101]. Это один из замечательных памятников архитектуры раннесредневековой Армении. Во время раскопок церкви были обнаружены фрагменты мозаичного пола (табл. 140: 7), орнаментированные детали отдельных частей конструкции (табл. 141: 1, 3), обломки камней с надписями, черепица и другие предметы, датируемые V–VII вв. Церковь, разрушенная в 894 г. во время землетрясения, не восстанавливалась.

В последние годы раскопками выявились интересные детали в планировке первоначального строения церкви. Оказывается, в этой базилике северо-восточный придел отсутствует. Кроме этого, главная абсида автономна: стены не соприкасаются с продольными стенами церкви (табл. 140: 1).

Это явление говорит о существовании более раннего сооружения, даже о языческом храме первых веков. Об этом свидетельствуют также многочисленные обтесанные камни второго употребления в кладке абсиды, часть которых имеет известковую обмазку со следами фресок.

В центральном квартале открыта однефная базилика V в. (табл. 140: 8), остатки ворот VI в., а также ряд памятников мемориального характера.

Раннесредневековый жилой дом изучен в основном по материалам, обнаруженным в цитадели. Стены жилищ были сложены из резаного белого известняка на глиняном растворе. Сохранившиеся базы свидетельствуют о том, что дома имели деревянное перекрытие с отверстием в центре для света и воздуха. Однако вопрос о перекрытиях домов в монументальных дворцовых сооружениях до сих пор остается открытым [Кафадарян К.Г., 1952. С. 111–112; Арутюнян В.М., 1950. С. 69–76]. В мощенных мелкой галькой отдельных комнатах, видимо, содержался скот. Полы в цитадели были только глиняные. Особое место занимали хозяйственные помещения, в которых вдоль стен были выставлены большие карасы для вина и зерна; их фрагменты обнаружены во всех комплексах, датируемых V–VI вв. Здесь найдены также большие колоколовидные ямы для коммунальных нужд, использовавшиеся и для хранения зерна.

В Двине исследованы стеклоделательные [Костанян К.А., Калантарян А.А., 1978] и ювелирные [Кафадарян К.Г., 1982. С. 59–63] мастерские, в которых найдены готовые изделия, полуфабрикат и брак.

В городских кварталах обнаружена широкая сеть водопровода, снабжавшая питьевой водой из близлежащих горных родников. Керамические трубы отделаны самым тщательным образом.

Материальная культура Двина IV–VI вв. представлена предметами, обнаруженными при раскопках архитектурных комплексов, а также во время разведочных работ. Для неполивной керамики этого периода характерны хороший обжиг, мелкозернистость глины, линейно-волнистый, иногда крашенный орнамент. Крупные карасы с елочным орнаментом (табл. 145: 4, 3), грушевидные кувшины с широкими днищами (табл. 146: 11), шаровидные горшки с чуть округлыми днищами (табл. 146: 3), маленькие и большие миски с характерными венчиками свидетельствуют о высоком мастерстве гончаров. Поливная керамика представлена несколькими образцами, которые, с одной стороны, сближаются с поливными сосудами античной эпохи, а с другой – напоминают сасанидские.

Стекло в основном резное, толстостенное, часть изделий привезена из ближневосточных центров. В стеклоделательных мастерских производили разнообразие тонкостенные сосуды, а также лампы и мозаичные кубки. Формы стеклянных сосудов

находят аналогии в памятниках Закавказского региона, Ирана и Ближнего Востока.

Металлические изделия, представленные в основном орудиями труда, оружием и украшениями, характерными для данной эпохи, имеют аналогии в Средней Азии, Закавказье, на Переднем и Ближнем Востоке.

Двин даже в эпоху арабского владычества не утрачивает своего экономического значения для всего Закавказья. Здесь поселяется много арабов. Они укрепляют город, ведут строительство оборонительного характера, а на вершине холма строят глинобитный дворец для правителя, совершенно чуждый и в планировке, и в технике традициям каменной архитектуры Армении [Кафадарян К.Г., 1982. С. 96–99]. Арабы чеканили в Двине медные и серебряные монеты, имевшие широкое хождение в Закавказье и на Ближнем Востоке. Они были обнаружены даже в монетных кладах Прибалтики и в Скандинавии [Мушегян Х.А., 1962]. В эпоху раннего средневековья Двин оставался самым большим и значительным городом Армении.

Раскопками 60–70-х годов открыты многочисленные поселения и крепости этой эпохи.

Гарни. Археологическое изучение крепости Гарни (табл. 142: 17), известной до того как эллинистический языческий храм, было начато в 1911 г. Н.Я. Марром. Систематические исследования этого многослойного памятника ведутся начиная с 1949 г. [Аракелян Б.Н., 1951; 1957; Аракелян Б.Н., Караханян Г.О., 1962]. В раннем средневековье крепость Гарни была одним из опорных пунктов на восточных подступах к Араратской долине. Поселение на территории крепости существовало до начала XX в., что очень затрудняет определение четкой стратиграфии памятника. Во время раскопок были расчищены круглая в плане церковь VII в., построенная католикосом Нерсесом III, однефная церковь в центре современного села. В крепости обнаружены также остатки жилых помещений, которые претерпели с течением времени большие изменения. Археологический материал в основном обнаружен в участках культовых сооружений. Это обломки крупных глиняных карасов с наклепными узорами, железные орудия труда, фрагменты керамической кухонной посуды с характерным местным орнаментом и стеклянных изделий [Аракелян Б.Н., Караханян Г.О., 1962. С. 58]. Рядом с античным некрополем обнаружены каменные ящики, датируемые IV–VI вв., в которых погребальный инвентарь отсутствует.

На юге Араратской долины, неподалеку от древнего Арташата, на небольшом холмике близ села Айгеван сохранились остатки крупного поселения. Здесь в 1971 г. экспедиция под руководством Б.Б. Пиотровского открыла многослойный памятник. В верхних слоях обнаружены остатки домов с

глинобитными стенами на каменной основе с богатыми материалами IV–VI вв. (табл. 145: 1–20). Особого внимания заслуживают большие хозяйственные помещения с карасами, украшенными характерным елочным орнаментом. Керамика в основном кухонно-бытовая с вдавленным орнаментом. Горшки и кувшинчики с широкими днищами напоминают аналогичные предметы из позднеантичных и раннесредневековых памятников. В Айгеване найдены предметы, связанные с сасанидским храмом огня: обломок капители с изображением барана и фрагмент керамического сосуда со штампом (“нишан”), распространенным в сасанидской глиптике [Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. С. 39–41].

В начале 60-х годов исследовалась крепость Ацаван (табл. 147: 4), расположенная в 10 км западнее Гарни [Тирицян Г.А., 1962; 1968]. Здесь полностью раскрыты крепостные стены, с северной стороны укрепленные тремя полукруглыми башнями, а с южной, западной и восточной сторон снабженные прямоугольными контрфорсами, число которых доходит до двадцати. На территории крепости (75 × 50 м) раскопаны комнаты, стены которых выложены из колотых камней и обмазаны глиной. Здесь же найдены гипсовые карнизы. Четко прослеживаются два строительных слоя: один относится к первым векам н.э. и датируется материалами Гарни, второй относится к раннефеодальной эпохе и насыщен богатыми материалами ремесленного производства IV–VI вв. – толстостенными шлифованными стеклянными чашами с фасетками (табл. 148: 1–6), большими карасами с елочным орнаментом, непаливной кухонной керамикой.

Ошакан. Более десяти лет ведутся раскопки крепости Ошакана, расположенной на холме Дидиконд, на правом берегу реки Касах (табл. 147: 6). Ошакан – одно из древнейших поселений Армении. Здесь встречаются материалы, датируемые III тыс. до н.э. Обширную площадь занимают поселение и некрополь II–I тыс. до н.э. В VII в. до н.э. на холме была построена урартская крепость, неприступная с трех сторон, а на его северном склоне – дворцовые сооружения. В начале нашего тысячелетия Ошакан был собственностью армянских аршакидских царей, которые в III–IV вв. за заслуги перед страной и короной передали поселение влиятельному нахарарскому дому Аматауни. Последние перестроили урартскую крепость и вели большую строительную работу. В 441 г. в Ошакане был похоронен создатель армянской письменности Месроп Маштоц.

Во время раскопок на холме открыты помещения с богатым археологическим материалом, датируемым IV–VII вв. [Есаян С.А., Калантарян А.А., 1978].

Вокруг маленькой часовни обнаружено множество обломков разнообразных “крылатых” кре-

стов – хачкаров, орнаментированных камней, черепиц, относящихся к IV–V вв.

В раскопанных помещениях обнаружены фрагменты крупных карасов, горшков, кувшинов, чаш и других сосудов с характерными чертами местного производства (табл. 149: 12–21). Значительная часть керамики – лепная. Отдельные виды сосудов, такие, как чаши и кувшины, явно несут отпечаток античного производства. Особо надо отметить фрагменты поливных сосудов, близких к аналогичной керамике, найденной в патриаршем дворце Двина V в., и, по-видимому, привезенных из двинского производственного центра.

Ошакан богат памятниками. Здесь имеются культовые сооружения V–VII вв., кладбища, часовни, мост, по всему селу разбросаны хачкары.

Ошакан имел тесные связи с синхронными производственными центрами Арагатской долины и составлял с ними одну группу.

Археологические работы ведутся также в поселении Ахц, известном по армянским средневековым источникам. Здесь в подземной усыпальнице [Аракелян Б.Н., 1949. С. 28–30; Токарский Н.М., 1961. С. 73; Мнацаканян С.С., 1982. С. 62–67 и др.] были захоронены останки армянских царей, отбитые у персов в 60-х годах IV в. в одной из битв. Раскопками выявлено, что здесь существовал большой ансамбль, в который, кроме усыпальницы, входили трехнефная базилика конца IV в. [Gandolfo F., 1982. P. 44–66], мемориальные колонны на ступенчатых стилобатах, дворцовые сооружения.

Ахц как поселение существовал с древнейших времен. На его территории найдены материалы I тыс. до н.э. Расцвет поселения приходится на средневековые. По всей его территории расположены архитектурные памятники культового и светского характера, хачкары, пещерные сооружения, остатки материального производства. Разновременный археологический материал, в основном представленный бытовой и строительной керамикой (табл. 149: 1–11), железными предметами, украшениями, позволяет выявить ряд характерных особенностей местного производства. Для изучения прикладного искусства раннесредневековой Армении большое значение имеют находки керамических плит с сюжетными изображениями птиц, животных и растений (табл. 150: 1–10) (Калантарян А.А., 1982а). Несколько таких плит найдено в Ахце.

Вагаршапат (Эчмиадзин). Работы велись и по изучению древнеармянского города Вагаршапата (впоследствии – Эчмиадзин), который с начала IV в. после принятия христианства стал религиозным центром Армении. Вагаршапат известен своими раннефеодальными архитектурными памятниками (кафедральный собор (табл. 142: 7), храмы Рипсимэ (табл. 142: 6), Гаянэ и др.), которые, претерпев ряд изменений, дошли до наших дней. Во время послед-

них реставрационных работ под этими памятниками были раскрыты остатки более ранних строительных слоев. В 1976 и 1980 гг. в городе были раскопаны фундаменты двух зальных церквей в сопровождении весьма интересных эпиграфических материалов. Особенно интересны находки давлений, которые связываются с деятельностью св. Рипсимэ. Во время раскопок были открыты надгробные камни с надписями. Среди них выделялась надгробная плита Хечана Агавеляна, одного из политических деятелей Армении VII в. [Караханян Г.О. и др., 1992].

Звартноц. Неподалеку от Эчмиадзина находится Звартноц – храм Бдящих сил, строительство которого было закончено в 661 г. Памятник детально изучен отечественными и зарубежными учеными [Мнацаканян С.Х., 1971; 1971а]. Остатки этого грандиозного строения, разрушенного в конце X в., были раскопаны в начале XX в. архимандритом Хачиком Дадаефом [Тер-Мовсисян М., 1903]. Однако в научный обиход храм был введен после реконструкции его облика Торосом Тораманяном [Тораманян Т., 1942; 1948]. Во время раскопок были обнаружены строительная керамика, в основном черепицы разных видов, железные предметы, остатки мозаики, поливная керамика IX в.

К западу и югу от храма находятся развалины патриаршего дворца с колонным залом (табл. 142: 11), залом для приемов, жилыми комнатами и хозяйственными помещениями. В южном комплексе расположена баня. Дворец был построен на месте ранних,

сношенных сооружений. В юго-восточном углу сохранились остатки однефной базилики V в.

Южнее храма и дворца находятся развалины огромной винодельни, принадлежавшей монастырскому хозяйству. О развитии виноделия говорят также обнаруженные вокруг Звартноца карасы емкостью 1000–1200 литров.

В последние годы приступили к археологическому изучению средневекового поселения Звартноц, упоминаемого в письменных источниках в связи со строительством храма. Однако оно существовало и в более раннюю эпоху. Здесь четко прослеживаются два слоя: V–VII и VIII–IX вв., насыщенные обломками строительной и бытовой керамики и остатками архитектурных памятников, характерных для данных периодов.

Раннесредневековые памятники были обнаружены в Аруче, где открыта мощная оборонительная стена [Арутюнян В.М., 1953], в селе Еразгаворс, где открыты туфовые саркофаги IV–VII вв., в черте г. Лениакана, где раскопаны остатки монументального строительства V–VII вв.

В исторической области Арагацоти около села Катнахпюр раскопана маленькая крепость с мощными оборонительными стенами из туфовых блоков [Асатрян Е.А., 1981. С. 40–41]. Настоящей сенсацией стало открытие в Ереруйке, вблизи Ани, уникального гидротехнического сооружения – плотины искусственного озера V–VI вв. [Мнацаканян С.Х., Оганесян К.Л., Саинян А.А., 1978. С. 60].

Культовое и гражданское строительство

Принятие христианства поставило перед строителями новые задачи, связанные с сооружением церквей. Армянские зодчие блестяще справились с ними, разработав в IV–VII вв. разнообразные типы церковных зданий, которые послужили основой для дальнейшего развития христианской культовой архитектуры в Армении [Токарский Н.М., 1961. С. 39].

Первые церкви, судя по сохранившимся памятникам, представляли собой продолговатую залу (табл. 151: 1–6) с деревянным перекрытием, заканчивающимся в восточной части алтарной апсидой. В некоторых однефных церквях деревянные перекрытия были заменены сводчатыми на подпружных арках (Ширванджух, Двин, Гарни, Егвард и др.). Однефные церкви в редких случаях имели выступающие снаружи пятигранные абсиды, известные по раскопкам в Джервеже и Вохчаберде (табл. 151: 6, 7), а также в с. Воскеваз Аштаракского района.

В 1966 г., в связи со строительством Апаранского водохранилища были раскопаны и перенесены архитектурные памятники с. Зовуни – однефная базилика, созданная в первые десятиле-

тия IV в., часовня и двухэтажная гробница при ней, возведенные в память павшего в 451 г. в Аварайрском сражении армянского спаркета Вардана Мамиконяна, и купольный храм V – начала VI в. Этот храм первоначально был языческим, затем стал первичной молельней христианского культа, а впоследствии получил композицию купольного зала.

Вскоре после утверждения христианства появляются также более крупные церковные сооружения – трехнефные базилики (Ереруйк, Текор, Кацах, Аштарах, Двин и т.д.). Следующий этап развития церковной архитектуры – разные варианты купольных сооружений: купольные базилики, центрально-купольные сооружения, купольные залы, крестообразные в плане (Эчмиадзинский собор, Мрен, Птгни, Аруч, Талин и т.д.) [Мнацаканян С.Х., Оганесян К.Л., Саинян А.А., 1978. С. 65–85]. В VII в. появилась многоабсидная центрально-купольная форма, которая хорошо прослеживается в церквях Зоравор (около Егварда) и Иринд. Венцом всех этих сооружений стал храм Звартноц (середине

на VII в.), представляющий собой в плане круг с вписанным крестом (табл. 151: 3).

Заканчивая характеристику культового строительства Армении, необходимо остановиться на погребальных обрядах эпохи раннего средневековья. Надо сказать, что эта проблема мало изучена, исследование погребений этой поры находится на крайне низком уровне. Однако можно утверждать, что погребения IV–V вв. представлены грунтовыми погребениями, закрытыми каменными ящиками и саркофагами из туфа. Все они являются продолжением традиции погребального обряда античного времени. Несколько таких погребений было раскопано в крепости Гарни [Аракелян Б.Н., 1951]. Туфовые саркофаги с крышками в основном расположены вокруг ранних церквей и обнаруживаются по мере расчистки близлежащей территории (Ахц, Эчмиадзин, Вохчаберд и др.). Трупоположение в этих погребениях чисто христианское – с запада на восток, покойник лежит на спине. Характерно, что во всех погребениях отсутствует инвентарь, что тоже связывается с новой идеологией. В 1979 г. раннесредневековые саркофаги были обнаружены в селе Джержеж (около Еревана); в одном из них было найдено несколько сасанидских гемм и буллы (раскопки А.С. Жамкочян) (табл. 144: 3, 7, 10).

Начиная с VI в., видимо, после ряда церковных постановлений были узаконены новые формы захоронения. Каменные саркофаги больше не встречаются. На грунтовых погребениях изредка ставятся мемориальные памятники в виде равнокрылых крестов (табл. 141: 5). Распространение получают каменные плиты треугольного сечения с надписями [Кафадарян К.Г., 1952. С. 244–246]. Они часто встречаются в Двине, Эчмиадзине, Апаранском районе и других местах.

Большие работы ведутся по изучению гражданского, особенно монументального зодчества. Монументальными зданиями жилого назначения были дворцы, которые воздвигались царями, князьями, представителями высшего духовенства и купечества. Один из средневековых историков, описывая события, имевшие место в V в. в Двине, указывает: “Каждый из армянских нахараров строит царственные дома и примечательные усадьбы...” [Фома Арцруни, 1917. С. 138].

До настоящего времени раскопками обнаружено шесть раннесредневековых дворцовых сооружений. Два из них открыты в столице Двине, по одному в Аване, Звартноце и два в Аруче.

По мнению К.Г. Кафадаряна, одним из ранних дворцовых сооружений является выявленный в начале 1960-х годов колонный зал на вершине цитадели Двина (табл. 140: 3) [Кафадарян К.Г., 1982. С. 89–96]. Зал назван тронным залом Аршакидов, так как он был построен во время основания города (30-е годы VI в.) и имел в центре тронное возвыше-

ние. В плане зал представляет собой прямоугольник (29 × 12,5 м), с двух сторон которого возвышались 8 колонн – по 4 с каждой (на месте сохранилась одна база). Стены зала разрушены до основания, однако судя по сохранившимся неподалеку камням, он был построен из прекрасно обработанного белого песчаника. Перекрытие, видимо, было плоским деревянным с употреблением черепицы. В VI–VII вв. этот зал уже не существовал, так как на его месте открыли маленькие помещения, в одном из которых обнаружено большое количество глиняных булл [Калантарян А.А., 1982. С. 13]. По всей вероятности, здесь в VI–VII вв. был расположен архив (диван).

Вопрос о функциональном назначении колонного зала Двина остается нерешенным. В 1985 г. на месте были произведены раскопки, и под его полом были обнаружены выложенные из туфовых квадров основы баз. По всем признакам это громадная трехнефная базилика IV в. (табл. 140: 5), одно из ранних культовых строений Армении [Калантарян А.А., Кафадарян К.К., 1996. С. 66–70].

В последние годы в Двине в городском квартале, неподалеку от кафедрального собора, открывается новый дворец (табл. 140: 2А), который датируется V–VI вв., но основу составляет центральный колонный зал с тремя парами колонн. На месте сохранились базы колонн очень крупных размеров. Со всех сторон к залу примыкают жилые и хозяйственные комнаты, удачно вписывающиеся в общий ансамбль. Стены дворца выложены из неровных плит малых размеров из необтесанного известняка на глиняном растворе и обмазаны глиной. Колонный зал, видимо, имел плоское перекрытие с двумя отверстиями, расположенными в центрах межколонного пространства. Отлично сохранился пол на утрамбованной, обмазанной глиной основе. В восточной стороне находилась тронная часть зала, где во время приемов восседали высокопоставленные лица. По всему видно, что это первый патриарший дворец Двина, построенный в 70–80-х годах V в., когда в Двин перенесли духовный центр Армении, и разрушенный при восстании 572 г. [Калантарян А.А., 1978; Kalantarian A.A., 1996].

Изучение дворца внесло ряд изменений в хронологию второго дворца Двина. Последний был раскопан еще в 30-х годах и считался дворцом католикоса. Он расположен к северу от кафедрального собора и имеет почти квадратную планировку с центральным парадным колонным залом (табл. 140: 2С), 11 × 26,7 м, с четырьмя парами колонн, завершавшихся капителями, близкими к ионическим. Об архитектурно-планировочных особенностях и перекрытиях этих дворцов имеется ряд предположений [Халпахчян О.Х., 1971. С. 93]. Датировка этого дворца V веком [Кафадарян К.Г., 1952. С. 110–122; Арутюнян В.М., 1950. С. 57; Халпахчян О.Х., 1971. С. 99; Д’Онофрио М., 1978] представляется не обос-

нованной. Окончательно установлено, что дворец построен в начале VII в., при реконструкции собора [Мнацаканян С.Х., 1974; Калантарян А.А., 1978]. Впервые это предположение выдвинуто Н.М. Токарским, однако его реконструкция колонного зала в виде перистильного двора не выдерживает критики [Токарский Н.М., 1961. С. 57–59].

В 1987 г. экспедицией детально были изучены вопросы планировки дворца (табл. 142: 2–5). Раскопками выяснилось, что центральный зал дворца имеет крестообразную планировку. Установлено, что до XI в. дворец претерпел ряд планировочных изменений, которые четко наблюдаются и детально восстанавливаются по строительным остаткам. После того, как дворец был превращен в мечеть, центральный зал был переделан в сводчатый (на месте сохранились остатки 16 кирпичных подпорок). Изменилась также планировка южных и северных комнат [Kalanterian, 1991].

Архитектура дворца VII в. в Двине оказала большое влияние на развитие гражданского зодчества того времени. Без сомнений, она отразилась на композиции и декоративном убранстве дворца правителя Армении в Аруче (Аштаракский район), расположенного к югу от собора, возведенного во второй половине VII в. (табл. 142: 8). Раскопки и изучение дворца [Арутюнян В.М., 1953. С. 53–65] показали его сходство по плану и размерам с Двинским дворцом. С северной стороны здания имелась открытая галерея с капителями типа двинских. Дворец в Аруче представляет собой развитие схемы дворца католикоса в Двине, обогащенной наружной галереей не без влияния открытых сеней армянского народного жилища [Халпахчян О.Х., 1971. С. 95].

В Аруче открыты также остатки второго дворца (18,7 × 10,7 м), расположенного к востоку от первого. Это трехнефный зал (табл. 142: 9), сводчатое перекрытие которого поддерживали две пары пилонов крестообразного сечения [Токарский Н.М., 1961. С. 66; Д Оноффрио М., 1978. С. 12–14]. Стены из желто-оранжевого туфа имеют хорошую сохранность (2,5 м). С внутренней стороны камни более мелкие и плохо обтесаны. Видимо, изнутри стены были оштукатурены. Возможно, что дворец предназначался для приемов и собраний.

При храме Звартноц в середине VII в. католиком Нерсесом III был возведен дворец (табл. 142: 11). Дворец был раскопан вместе с храмом в начале XX в. архимандритом Хачиком Дадабяном и стал объектом изучения многих специалистов – архитекторов, археологов, историков, искусствоведов и др. [Тораманян Т., 1942; Токарский Н.М., 1961; Кафадарян К.Г., 1959; Мнацаканян С.Х., 1971а; Халпахчян О.Х., 1971 и др.]. Он состоял из двух крыльев, разделенных коридором. Западное крыло, которое считается парадным, состояло из двух залов – базиликального с колоннадами и сводчатого

(трапедия), к которым с северной стороны примыкали комнаты с подвалами.

В южную половину дворца входили комнаты разного назначения, расположенные в три ряда. В этот комплекс входят также баня, сходная по системе обогрева с гарнийской. Здесь же сохранились остатки церкви зального типа V в. С северной стороны имеется открытая галерея.

Дворец, как и храм, был возведен из чистотесаных туфовых крупных блоков. Большинство комнат, главным образом в южном крыле, имели деревянные перекрытия с отверстием в центре – ердиком. Перекрытия больших залов и галерей были сводчатые. Звартноцкий дворец по праву считается “наиболее значительным в художественном отношении гражданским сооружением, возведенным в классический период средневековой армянской архитектуры, когда формировались основные архитектурные типы, которые легли в основу развития армянского зодчества последующих веков” [Халпахчян О.Х., 1971. С. 97].

Раскопками открыты также остатки дворца в Аване (ныне окраина Еревана) с северной стороны церкви, построенной в конце VI в. По своей планировке дворец отличается от вышеописанных, однако он сохраняет черты, присущие армянским сооружениям тех веков. Стены дворца параллельны основной оси церкви, с которой его объединяет общая техника строительства и общая крепида [Д Оноффрио М., 1978. С. 8].

Кроме дворцов, раскопками выявлены также монументальные сооружения другого назначения. Одна из таких построек находится в Двине на расстоянии одного километра к юго-западу от цитадели [Кафадарян К.Г., 1982. С. 106–108, рис. 85]. Ее крайне плохая сохранность не позволяет выяснить планировку. Остатки колонн, расположение баз (четыре ряда по девять колонн) и вообще архитектурно-пространственное решение здания говорят о том, что оно могло быть большим рынком, построенным в V–VII вв. в таком крупном городе, как Двин, имевшем свои торговые традиции. Наличие гражданских сооружений подобного назначения не вызывает сомнения. Интересно отметить, что еще в 1960-е годы была сделана попытка связать архитектуру этого здания с ближневосточными параллелями [Оганесян К.Л., 1961. С. 88].

Архитектурно-планировочное решение ранне-средневековых гражданских сооружений основано на местной традиции. Убедительна точка зрения исследователей, связывающих их планировку с конструктивным решением народного жилища [Арутюнян В.М., 1950; Кафадарян К.Г., 1952]. Однако раннесредневековые дворцовые сооружения по своим плановым композициям имеют тесную связь и с аналогичными постройками предшествующих эпох, особенно с Урарту [Dyson R.H.,

Назв.	План	Терр. га	Соотношение стены, контрфорса, башни	Толщ. стен	Размеры башни
Закари берд		0.5		2.4-3.0	9.0 × 9.0
Даста-керт		0.2		1.8-2.0	
Аппак II		1.0		3.0	7.0 × 7.0
Аппак IV		0.2		1.2	
Аруч		0.5		1.8-2.0	4.0 × 4.0
Ериджатан		0.2		1.6-3.0	D= 7.0
Коп		0.05		2.2-2.8	D= 4.0
Варденуц		0.04		3.5	D=7.0

Рис. 17. Раннесредневековые крепости Армении (системы оборонительных сооружений)

Составлена А.А. Калантаряном

1972. Fig. 9; *Мартirosян А.А.*, 1974. Рис. 30; *Тиранян Г.А.*, 1978. С. 45–46]. Не исключена возможность существования подобных дворцовых сооружений в античных городах Армении. Ряд исследователей справедливо указывают также на проникновение некоторых сасанидских и сирийских элементов в монументальную светскую архитектуру Армении [*Strzigovski J.*, 1918. С. 267; *Якобсон А.Л.*, 1950. С. 49, 51; *Мнацаканян С.Х.*, 1971. С. 247 и др.].

Архитектура раннефеодальной эпохи была богата скульптурным убранством. Особенно надо отметить церкви Птгни в Абовянском районе (VI в.), Ереруйк (V в.) и знаменитый храм Звартноц, опоясанный рельефными и скульптурными изображениями.

Одними из самых ранних памятников скульптуры, частично еще связанных с язычеством, следует считать каменные плиты из усыпальницы царей Аршакидов в Ахце, на которых изображены

Даниил во рву со львами, птицы и бычок среди виноградных лоз, равноконечный крест с птицами, охотник, поражающий копьем вепря и пр. Эти изображения, отражающие астральные, дохристианские представления, являются также весьма распространенными мотивами раннехристианского искусства.

К IV–VII вв. относятся украшенные рельефами стелы, представляющие собой квадратные в плане монолитные изваяния, стороны которых покрыты изображениями в два, три и более рядов: Богоматерь с младенцем на троне, свиноголовый царь Трдат в царской одежде, Григор-просветитель, ангелы, святые и сцены из священной истории [*Аракелян Б.Н.*, 1949. С. 38–56; *Азарян Л.*, 1975]. Уникален Одзунский памятник. Разработанная двумя арками, его постройка подымается над высоким пьедесталом, украшенным ступенями. В проемах арок размещены две стелы, украшенные разными сценами, связанными с распространением христианской религии. Они являются не надгробными, а скорее мемориальными памятниками [История армянского народа, 1984. С. 593–601].

В убранстве памятников IV–VII вв. широко применялось искусство мозаики и стенной живописи. На таких известных памятниках, как кафедральные соборы Вагаршапата и Двина, храм Звартноц, встречаются остатки мозаики из разноцветных камней и стеклянной пасты. Особенно выделяется двинская мозаика, состоящая из геометрического орнамента (табл. 140: 7) и изображения Богоматери [*Кафадарян К.Г.*, 1952. С. 97; *Патрик А.*, 1964; *Калантарян А.А.*, 1970. Табл. XLII]. Интересные мозаики VI–VII вв. сохранились в Иерусалиме [*Кондаков Н.П.*, 1904. С. 257, табл. XI–XII; История армянского народа, 1984. С. 602–605].

В ранних памятниках (IV–V вв.) следов фресок сохранилось очень мало (Касах, Эчмиадзин, Текор, Аштарак) [*Дурново Л.А.*, 1957. С. 8]. С конца V в. появляются архитектурные памятники, богато украшенные стенной живописью. Среди них надо указать церкви св. Степаноса в Лмбате, Коша, храмы Талина, Аруча [*Дурново Л.А.*, 1957. С. 9–12]. В последние годы интересные фрески открыты в маленькой церкви Кармравор (Аштарак).

Крепостное строительство. Своеобразие историко-социальных условий раннесредневековой Армении обусловило появление еще одной категории архитектурных памятников – крепости. По своему назначению крепости-поселения традиционны для Армянского нагорья, и большинство из них возникли во время неустойчивой военно-политической обстановки (табл. 147).

В последние годы изучены фортификационные постройки в регионах Ниг, Арагацоти, Ширак. Часть этих крепостей входила в оборонительную

систему, которая защищала северные границы Арарата и Ширакского плато (Закари-берд, крепости Ашнака, Дастакерта, Аруча, Коша, Варденуга, Ернджатапа и др.). Линия мощных оборонительных

стен крепостей (ширина 2,0–3,5 м) совпадает с конфигурацией рельефа местности. Все они созданы по фортификационным принципам своей эпохи с опорой на традиции античного времени (рис. 17).

Торговля и ремесло

Экономическое развитие Армении в эпоху раннего средневековья было обусловлено политической обстановкой и географическим положением страны. Армения находилась между Ираном и Византией, задававшими тон в международной торговле. По Армянскому нагорью проходили важные торговые пути, а города были перевалочными пунктами транзитной торговли. Еще в римскую эпоху придавалось большое значение международным транзитным путям, идущим из Китая в Среднюю Азию через Экбатану и Арташат к южным, восточным и северным портам Черного моря; эти пути четко указаны на карте *Tabula Peutingeriana* [Манандян Я.А., 1954. С. 126–180; Еремян С.Т., 1939; Пигулевская Н.В., 1956]. О транзитной торговле через Армению в византийско-сасанидскую эпоху упоминается в кодексе Юстиниана, в императорском эдикте 408/9 г. [Манандян Я.А., 1954. С. 108–110], согласно которому международная торговля велась в трех пунктах: Нисибине (Иран), Каллиникуме (Византийская империя) и Арташате (Армения). В V в. роль Арташата перешла к Двину – новой столице Армении. Двин как торговый центр международного обмена упоминается у Прокопия Кесарийского [Прокопий Кесарийский, 1880. С. 181–182].

О развитой международной торговле свидетельствуют находки глиняных булл, которыми опечатывались товары [Калантарян А.А., 1982. С. 25–26]. Применение булл в торговле широко практиковалось в Сасанидской державе [Fray R.N., 1968].

Развитию международной торговли в Армении широко способствовало активное денежное обращение. В Двине и других раннесредневековых памятниках обнаружено большое количество сасанидских и византийских золотых, серебряных и медных монет. Судя по этим находкам, в сасанидское время основной платежной денежной единицей в Армении была драхма [Мушегян Х.А., 1962. С. 19]. В VI–VII вв. Двин как один из крупных экономических центров имел свой монетный двор и чеканил сасанидские драхмы Хосрова II Парвеза (590–628) со специальным знаком [Мушегян Х.А., 1983].

Во время раскопок в Двине обнаружены стеклянные византийские экзагии весом в одну номисму (4,4 г), приравняемые к византийским золотым монетам. Кроме того, найдены две бронзовые гири весом 12 и 2 номисмы (табл. 143: 2; 144: 2) и множество каменных и стеклянных гирь разных весов.

Все это указывает на наличие в Армении византийско-сасанидской денежно-весовой системы, которая широко применялась в торговле и ремесленном производстве, особенно ювелирном [Варданян Р.О., Калантарян А.А., 1983. С. 38–39].

В Армению ввозились разные товары: китайские шелковые ткани [Манандян Я.А., 1954. С. 110; Пигулевская Н.В., 1951], жемчуг [Орбели И.А., 1963. С. 514], стеклянные изделия [Калантарян А.А., 1980], сасанидские чаши и многое другое.

Значительно меньше сведений сохранилось о внутренней торговле. Они в основном содержатся в церковных канонах и касаются организации торгового дела [Калантарян А.А., 1982. С. 29; Пигулевская Н.В., 1946. С. 228–229; Тревер К.В., 1967]. Целый ряд исследователей, занимавшихся вопросом организации производственных групп Армении [Аракелян Б.Н., 1949. С. 29; Мнацаканян С.Х., 1958. С. 84–104], указывают на сходство форм организации труда в торговле и в строительном деле.

Керамика. Раннесредневековая керамика Армении, известная по раскопкам городов, крепостей и поселений, расположенных в Араратской долине и на нижних склонах горы Арагац (Двин, Айгеван, Звартноц, Ошакан, Аруч, Ахц, Аван), в основном делится на две большие группы: строительную и хозяйственно-бытовую.

Строительная керамика представлена кирпичами, водопроводными трубами, черепицами разных размеров, а также плитками для внутренней отделки зданий.

В Двине, как и в других крупных городах, наряду с камнем в строительстве широко применялся сырцовый и обожженный кирпич, поскольку в его окрестностях не было каменоломен, а перевозка камня была связана с большими трудностями. В раннем средневековье использовали кирпич устойчивых пропорций: 4 × 2 × 1 см. Большое здание VIII в. в цитадели Двина построено из кирпича размерами 49,6 × 24,8 × 12,4 см. Широко применялся обожженный кирпич размерами 20 × 20 × 5 см.

Особо надо отметить орнаментированные плитки-кирпичи с изображениями животных и растений, явно культового характера, которые изготавливались в специальных формах. Две такие плитки, датированные VI–VII вв., найдены Н.Я. Марром в конце XIX в. в селе Паша-Гех [Марр Н.Я., 1894. С. 87, рис. 49] (табл. 150: 5). Во время раскопок ахцской усыпальницы аршакидских царей, датированной IV в.,

было найдено несколько десятков обломков плиток с изображениями птиц, животных и растений (табл. 11: 1, 3, 7–10). В ахцских сценках чувствуется влияние сасанидских рельефных изображений. В Закавказье подобные кирпичи встречаются редко. Отдельные находки известны из с. Кохб (табл. 150: 2, 4, 6), а также из храма Тхоба-Ерды в Горной Ингушетии [Тревер К.В., 1959. С. 319, рис. 29].

Производство черепицы, продолжая традиции античной эпохи, получает широкое развитие в V–VII вв. Все культовые монументальные сооружения Армении этого периода были перекрыты черепичной кровлей. Черепицы, богато орнаментированные и окрашенные в красный цвет, делятся на два вида: плоские с высокими бортами (солёны) и полусферические с кольцевидными выступами (калптеры). Ранние черепицы отличаются более крупными размерами и грубой отделкой. Они встречаются в Айгеване, Ахце (табл. 149: 1–3), в нижних слоях цитадели Двина. В V–VII вв. как в водоснабжении, так и в других коммунальных целях широко применялись керамические трубы разных размеров (табл. 149: 4, 9–11) [Кафадарян К.Г., 1952. С. 78–80].

Разнообразными сосудами представлена кухонно-бытовая керамика. В настоящее время по материалам города Двина и других памятников Араратской долины удалось выделить несколько групп бытовой керамики. Четкая стратиграфия памятников позволяет датировать ее V–VII вв.

Большую группу образуют карасы для хранения вина и сельскохозяйственных продуктов. Их ранние образцы имеют красноватый черепок, вытяжное тулово с острым поддоном, короткую шейку и украшены поясами с елочной орнаментацией (табл. 145: 2). Они тяготеют к аналогичным античным сосудам и датируются IV–V вв. В V–VII вв. формы карасов видоизменяются. Они в основном имеют вздутое тулово, украшенное широким елочным орнаментом, острый или круглый поддон (табл. 145: 3), бледно-желтый черепок.

Большое распространение имели горшки различных форм, причем по форме, профилировке отдельных частей и орнаментации сосуды V–VI вв. отличаются от более поздних. Кроме того, наблюдается ряд локальных особенностей, характерных для отдельных памятников. Так, двинские образцы имеют шаровидное тулово с широким венчиком и чуть выпуклое днище (табл. 146: 3). Горшки, в основном сероглиняные, продолжают традиции античных сосудов. Для сосудов VII–VIII вв. характерны более прямые бортики, широкие днища и ступенчатые венчики.

Кувшины и чаши изготовлены из хорошо отмученной мелкозернистой глины красноватого и сероватого оттенка. Кувшины имеют грушевидное тулово с узкой шейкой (табл. 145: 21). Встречаются ойнохой, иногда с зооморфными венчиками.

Чаши, в основном красноразные, представлены многообразными формами с характерными профилированными срезанными венчиками, круглыми днищами.

В раннесредневековых памятниках Армении обнаружены также другие виды керамики: большие одноручные кувшины, двуручные горшки, крупные тазы и молочники, кружки, крышки сосудов, светильники и др. Эти сосуды по форме и орнаментации имеют прямые аналогии в соседних регионах – Грузии, Азербайджане, на Ближнем Востоке. Весьма интересны находки ладьевидных светильников византийского типа, изготовленных в двусторонних формах и богато орнаментированных (табл. 142: 13–16).

Для керамики указанного периода характерны все виды орнаментации: выемчатая, накладная, линейно-красная и штампованная. Широко распространен орнамент, изображающий виноград – излюбленный мотив армянских мастеров. Красная керамика продолжает традиции керамики античного времени и бытует до XII–XIII вв.

Нет сомнения, что в V–VII вв. в Армению, наряду с другими высокохудожественными предметами и текстильными изделиями, ввозились также керамические сосуды. Однако таких находок немного, и их происхождение и датировка часто являются спорными.

Интерес вызывает поливная керамика (табл. 146: 1, 5, 7, 8), представленная сосудами бледно-небесного цвета с серебристым оттенком и имеющая многочисленные аналогии в античных памятниках Армении. Техника глазуровки сосудов, видимо, перешла в раннее средневековье, и сосуды описанного типа производились в таких крупных ремесленных центрах, как Двин. Однако часть их происходит из Сасанидского Ирана, что подтверждается и аналогичными материалами.

Очень интересна ампула малоазийского происхождения с изображением св. Андрея и греческой надписью (табл. 150: 11).

Кузнечное дело. Одним из наиболее распространенных ремесел в раннем средневековье было кузнечное дело. Интересные сведения о кузнецах и орудиях их труда встречаются с V в. [Мовсес Хоренаци, 1893. С. 108; Лазарь Парпеци, 1904. С. 91–92]. В Двине обнаружены остатки кузнечных мастерских с характерным шлаком и готовой продукцией. Большой интерес представляют серпы, секач и, в особенности, крупные лемехи плуга [Кафадарян К.Г., 1952. С. 156; Аракелян Б.Н., 1958. С. 136; Калантарян А.А., 1970. С. 44], происходящие из Двина, Гарни и Звартноца. Найдены также тесла, орудия каменотесов, ножницы с серповидными и прямыми лезвиями и др. (табл. 152: 1–16).

Особенно интересны орудия труда мастеров-каменотесов и садоводов на рельефах храма Зварт-

ноц (VII в.) (табл. 141: 6, 7): топоры-молотки для обтески камней, лопаты, кирки, сечки и пр. [Strizgovski J., 1918. S. 425; Токарский Н.М., 1961. С. 136; Кафадарян К.Г., 1952. С. 100–101; Аракелян Б.Н., 1949. С. 73–76; Бархударян С.Г., 1963. С. 27–29].

Оружейное дело. Оружейное дело раннесредневековой Армении с археологической точки зрения изучено мало. Исторические сведения дают возможность исследователям выдвинуть некоторые вопросы, касающиеся военного дела и оружия [Ацуни В., 1923; Абрамян В.А., 1956; Кафадарян К.Г., 1952; Аракелян Б.Н., 1958; Тиранян Г.А., 1960; Калантарян А.А., 1965]. По данным первоисточников, Двин в V–VII вв. становится одним из центров оружейного производства и сохраняет свое значение во время арабского владычества [Гевонд, 1862. С. 96]. Оружие изготовлялось и непосредственно в военных отрядах оружейниками, которые сопровождали армию в походах. Такое явление наблюдалось также у арабов и позже – у монголов.

Раннесредневековое оружие Армении, обнаруженное во время раскопок и в виде случайных находок, делится на две большие группы – наступательное оружие и защитные доспехи.

Наступательное оружие в основном представлено железными стрелами. Наибольшее распространение имели трехгранные черенковые наконечники стрел в различных вариациях (табл. 152: 23–27, 30, 31). Стрелы в Армении встречаются с VI–V вв. до н.э. [Есаян С.А., Калантарян А.А., 1976. С. 274, табл. III, 10], широко известны в античной эпохе [Аракелян Б.Н., 1982. Табл. XXIX, XXX] и сохраняются до VII–VIII вв. н.э.

К раннему средневековью относятся также некоторые виды черенковых стрел с распыряющимися усиками, ромбовидными, овальными в сечении или четырехгранными наконечниками (табл. 152: 29, 32). Такие стрелы обнаружены в слоях V–VIII вв. в сопровождении четко датированного комплекса материалов (керамика, стекло, монеты и др.).

Стилистический анализ стрел и четкая стратиграфия памятников позволяют заключить, что некоторые наконечники появляются еще к VI–V вв. до н.э. и сохраняются до конца VIII в. н.э. Плоские железные стрелы с усиками появляются в Двине с V в. и прослеживаются до VII–VIII вв., в то время как четырехгранные стрелы появляются с античного времени и бытуют до VIII в. Стрелы овального сечения встречаются в V в. и сохраняются до XIII в. Интересно отметить, что подобная хронологическая картина наблюдается и в соседних с Арменией странах [Чилашвили Л.А., 1963. Табл. IV; 1964. С. 124–125; Асланов Г.М., 1963. С. 8; Ваидов Р.М., 1961. Рис. 22], в Средней Азии [Беленицкий А.М., 1950. С. 103, табл. 51; Тереножкин А.И., 1947; Литвинский Б.А., 1965.

С. 79–91; Зеймаль Е.М., 1964. Рис. 4], Афганистане [Ghirshman R., 1946. Pl. 43].

О конструкции луков мы не имеем никакого представления. В армянских письменных источниках упоминается о широких мощных луках [Мовсес Хоренаци, 1893. С. 19]; одно изображение сохранилось на рельефах церкви Птгни (рельеф Мануела Аматауни) [Аракелян Б.Н., 1949. С. 67–68, рис. 45].

Копья обнаружены в ограниченном количестве, в основном из раскопок Двина. Все образцы ромбовидные или овальные в сечении с круглыми втулками разных размеров (табл. 152: 20, 21).

В раннесредневековых письменных памятниках довольно часто встречаются упоминания о шлемах, кольчугах, панцирях и щитах. Однако в комплексах археологических предметов раннесредневекового периода защитные доспехи представлены слабо. Найдены несколько панцирных пластинок разных типов (табл. 152: 17–19, 22) и кольчуга, составленная из небольших железных колец. Пластины прямоугольные, с чуть округлыми углами, снабжены отверстием для скрепления друг с другом. Подобные панцири, широко распространенные в сасанидский период, известны из раскопок Пенджикента [Беленицкий А.М., 1950. Табл. 51].

Ювелирное дело. Армения была известна своими золотыми и серебряными приисками [Лазарь Парпеци, 1904. С. 117; Фавстос Бузанд, 1953. С. 22; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 25, 91], которые были сырьевой базой, способствующей развитию ювелирного дела. Источники V–VIII вв. неоднократно упоминают о лучевидных головных уборах, одежде и украшениях, серебряных сосудах и лампадах, панцирях и шлемах, украшенных золотом и серебром, об оружии и других изделиях, инкрустированных драгоценными камнями [Агатангелос, 1909. С. 18; Фавстос Бузанд, 1953. С. 58; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 49–52, 86–89], однако археологический материал, относящийся к украшениям, представлен в весьма незначительном количестве. В Двине в слоях V–VI вв. обнаружены серебряные ложечки, которые употреблялись в ювелирном деле (табл. 153: 3, 4). Внешне они похожи на сасанидские образцы, изображенные на серебряных сосудах. На одной из них имеются концентрические украшения, встречающиеся на коптских костяных амулетах. VII веком датируется коллекция серебряных украшений, в которую входят четыре перстня, два колечка и маленький крест (табл. 143: 10, 19–21, 24, 25), по форме сходный с крестами, изображенными на ранневизантийских серебряных чашах [Dalton O.M., 1925. P. 327, tab. IX].

Особый интерес представляют материалы ювелирной мастерской из двинской цитадели, размещенной в западном крыле колонного зала IV–V вв. Здесь были обнаружены литые куски золота, необработанные полудрагоценные камни, инталы из

гишера, сердолика, агата с изображениями высокопоставленного лица, вепря, журавля (табл. 144: 9; 143: 16, 17) и другие украшения из металла и кости. В Двине обнаружен также маленький золотой крест с сасанидской геммой в центре (табл. 143: 23).

Источники свидетельствуют также о производстве в Армении серебряных чаш. Весьма интересны две чаши и ложечки из Новобаязетского клада, обнаруженного в 1907 г. (табл. 153: 1–2, 5, 6) [Смирнов Я.И., 1909. Табл. СХХIII, 307, 309; Orbeli J., 1940. III. 229b]. На одной из чаш изображена сцена царской охоты, на второй – грифон. Стилистический анализ указывает на их позднесасанидское происхождение [Тревер К.В., 1952. С. 284; Fayons S., 1957. P. 75], более того, К.В. Тревер считает их местными изделиями. В последнее время в фондах Государственного музея Грузии обнаружена еще одна чаша со схематическим изображением лошади, видимо, происходящая из того же клада [Есаян С.А., 1964. С. 81–86] (табл. 153: 7).

Украшения из раннесредневековых памятников Армении в основном серебряные или бронзовые [Кафадарян К.Г., 1952. С. 170–172; Калантарян А.А., 1970. С. 46]. Своеобразен набор женских украшений, состоящий из серег, подвесок, браслетов, шпилек для волос и др. (табл. 143: 18, 22, 26–28). Геммы представлены случайными находками (табл. 143: 6, 8, 9), однако несколько экземпляров известны из раскопок (Двин, Джервеж). Надо отметить, что часть гемм чисто сасанидского происхождения; видимо, они принадлежали высокопоставленным чиновникам, торговцам, представителям духовенства [Кафадарян К.Г., 1982. С. 49, 134].

Стеклоделие. В средневековых памятниках обнаружены также стеклянные бусы и браслеты [Жамкочян А.С., 1981]. В армянских средневековых письменных источниках стеклоделие как ремесло упоминается с IV в. [Агатангелос, 1909. С. 85–86] в связи с описанием жития св. Рипсимэ. В армянских рукописях Матенадарана, часть которых переписана из более ранних оригиналов, сохранились многочисленные рецепты изготовления стекла, описание разных технологических приемов, применяемых в стеклоделии [Кафадарян К.Г., 1940].

Тем не менее, у ряда исследователей имелись сомнения в существовании стекольного производства в раннесредневековой Армении, особенно в ее столице – Двине [Шелковников Б.А., 1952; Кафадарян К.Г., 1982]. Однако в последние годы в слоях V–VII вв. Двина, Айгевана, крепостей Гарни и Ацавана обнаружено большое количество стеклянных изделий, изготовленных различными способами [Джанполадян Р.М., 1974; Калантарян А.А., 1970; Тирацян Г.А., 1968].

В центральном квартале города Двина при раскопках колонного зала дворца V–VI вв. была найдена плавильная печь для стекла [Костанян К.А.,

Калантарян А.А., 1978]. Она состояла из двух прямоугольных очагов, расположенных друг за другом (длина 2,5 м, ширина 0,7 м). На них клали тигли для варки стекла, представляющие собой керамические мискообразные сосуды с толстыми стенками, на днищах которых сохранился толстый слой стеклянной массы. Мастерская была основана в начале VII в. при реконструкции кафедрального собора и постройке нового дворца католикоса для изготовления по специальному заказу церковной утвари, лампад для люстр, предметов внутреннего убранства.

Анализ двинских стекол подтверждает, что они относятся к группе $N_2O-MgO-Al_2O_3-SiO_2$, близкой к стеклам Грузии и Азербайджана. Наличие в стеклах Al_2O_3 свидетельствует о том, что в сырье как дополнительный компонент вводились обсидиан или пемза, которыми очень богаты недра Армении. Среди находок выделяются пенообразные массы, образовавшиеся при термической обработке обсидиана – технологическом приеме для облегчения дальнейшего его измельчения.

Соотношение $CaO:MgO$ во многих стеклах приближается к соотношению этих окисей в доломитах и свидетельствует об использовании последнего как одного из компонентов сырья. Известно, что огромные запасы доломита имеются в Араратском районе, неподалеку от Двина.

Судя по браку и отходам, образовавшимся при формовке и орнаментации сосудов, в мастерской применялись почти все технические способы обработки стекла, кроме холодной обработки. Особый интерес представляют обломки брака, на которых явно заметны следы стеклодувных труб.

Наличие производства стекла в Армении на базе местного сырья, до сих пор ставившееся под сомнение, ныне является неоспоримым фактом. Раннесредневековое стекло Армении по технике изготовления представлено несколькими группами.

Большую группу составляет шлифованное стекло. Первые его образцы, датируемые III в. н.э., в Армении известны из некрополя крепости Гарни [Аракелян Б.Н., 1957. С. 64]. В последние годы шлифованное стекло в большом количестве обнаружено при раскопках древнего Арташата.

Раннесредневековое шлифованное стекло найдено в Двине, крепости Ацаван и верхних слоях Айгевана. Оно представлено в основном полусферическими чашами с круглыми фасетками (табл. 148: 3–5, 16, 21, 25).

Двинское шлифованное стекло обнаружено преимущественно в центральном квартале [Калантарян А.А., 1976. С. 89–91], в цитадели, в комплексах V–VIII вв. [Джанполадян Р.М., 1968]. Для ранних образцов чаш из шлифованного стекла характерны бледно-желтоватый оттенок, глубокие фасетки. По технике изготовления они близки к аналогичным

предметам из Ирана и Месопотамии. Стекланные изделия VIII–IX вв. зеленоватого цвета, покрыты серебристой патиной и имеют неглубокие фасетки.

Многостороннее изучение этих стекол выявило ряд общностей в качественном отношении и в цветовых гаммах, отличающих их в некоторой степени от стекол сирийского и иранского происхождения.

Отдельную группу составляют привозные с глубокими фасетками, полупрозрачные, толстостенные чаши, отличающиеся высоким качеством (табл. 148: 20). Они обнаружены в цитадели Двина, в колонном зале и в слоях V–VII вв. Подобное стекло известно и из крепости Ацаван [Тирацян Г.А., 1968. С. 287]. Предполагаемые центры производства шлифованного стекла находились в Иране и Месопотамии, с которыми в V–VII вв. Армения имела тесные политические и экономические связи. Полусферические чаши найдены в городе Кише, верхних слоях развалин дворца Бахрама Гура (первая половина V в.), Гилане и других местах [Harden D.B., 1934. P. 131–132, ill. 6–9; Ghirshman R., 1962. P. 239, ill. 292].

В эту группу входят также чаши с концентрическими резными кружочками (табл. 148: 1, 2, 19), редко встречающиеся в армянских памятниках [Тирацян Г.А., 1968. С. 290; Калантарян А.А., 1976. С. 92; Джанполадян Р.М., 1974. С. 57, № 2]. Это обстоятельство, как и отсутствие подобных сосудов в других закавказских центрах, явно указывает на привозной характер этих чаш. Их производство берет свое начало в античной эпохе – чаще всего встречаются в Римской области, Сардисе, Дура-Европосе и др. [Тирацян Г.А., 1968]. В V–VIII вв. производство подобных чаш широко распространяется в ремесленных центрах Ближнего Востока – Сузах [Dieulafoy M., 1893. P. 420–421, 432, ill. 290; Lamm C.J., 1931. Pl. XXX; 1929/1930. Tab. 52₁₂], Кише [Harden D.B., 1934. Ill. 4_{10,11}, 5_{12,13}].

Способом холодной обработки изготовлены цилиндрические удлиненные флаконы с яйцевидными фасетками (табл. 148: 17) из Двина [Джанполадян Р.М., 1974. Табл. II₁] и Мингечаура [Вандов Р.М., 1961. Табл. XI, 10], которые, несомненно, имитировали подобные сосуды ближневосточного происхождения [Pinder-Wilson R., 1963. Ill. 15 a, b].

В группу сосудов, изготовленных способом дутья в форму, входят четырехгранные флаконы с ножками и узким горлом, украшенные резным орнаментом (табл. 148: 27) [Калантарян А.А., 1970. С. 50, табл. XXXIII, 8, 9; 1980. С. 90, 92, табл. 1, 8]. Такие флаконы, широко распространенные в Передней Азии, на Ближнем Востоке и в Египте [Honey W.B., 1945. P. 41; ill. 13 c; Lamm C.J., 1928. № 217–219; Wulff O., 1902. Tab. XXII; Legland J., 1965. P. 342, pl. XXVI, fig. 6], датируются VII–IX вв.

По всей вероятности, их производство наладилось также в Закавказье.

Отдельную группу составляют сосуды с рельефными украшениями (табл. 148: 23), весьма редко встречающиеся в ближневосточных коллекциях [Lamm C.J., 1929/1930. S. 73. Tab. 20_{8,22,23}]. Они известны и из сирийских и палестинских центров производства стекла.

В нижних слоях двинской цитадели обнаружены флакон с треугольными рельефными украшениями (табл. 148: 15), сосуд с четырьмя овалами и обломки фиолетового стекла с виноградной гроздью [Шелковников Б.А., 1952. С. 18–19].

Большую группу составляют стекланные сосуды, изготовленные способом свободного дутья. Такие сосуды обнаружены в нижних слоях Двина и Гарни и представлены в основном тонкостенными стаканами и чашами разных оттенков. Один стакан из зеленоватого стекла покрыт голубыми пятнами (табл. 148: 22). Такие стаканы широко известны из погребений III–IV вв. Южной России, а также из раскопок Тмутаракани [Сорокина Н.П., 1963. С. 135–136, рис. 2: 1, 2]. Чаши в основном из полупрозрачного стекла, широкие, без венчика и украшений (табл. 148: 12–14, 18). Тонкостенные зеленоватые чаши с косыми каннелюрами и вогнутыми венчиками служили лампадами для люстр кафедрального собора и дворца католико-са VII в.

В эту группу входят также грушевидные и овальные флаконы с прямыми и многогранными стенками разных размеров и оттенков. Интересны флаконы, узкими формами и горлышками напоминающие глиняные сфероконусы (табл. 148: 8). Их обломки обнаруживаются в Двине только в сооружениях, погибших во время пожаров. Можно предположить, что их наполняли легковоспламеняющейся жидкостью и метали в противника. Армянские историки описывают применение такого рода стекланных снарядов арабскими войсками [Фома Арцруни, 1917. С. 219–220].

Античные традиции техники изготовления мозаичного стекла [Качалов Н., 1959; Smith R.W., 1957] перешли в раннее средневековье и сохранялись до IX–X вв.

Центры производства мозаичного стекла находились на Ближнем Востоке, о чем свидетельствуют раскопки памятников этого региона [Lamm C.J., 1928. S. 108 и сл.; Smith R.W., 1957. P. 243–244, ill. 384]. Двинские образцы – два больших обломка чаш (табл. 148: 10), по всей вероятности, привозные и происходят из одного центра [Джанполадян Р.М., 1974. № 10; Калантарян А.А., 1980. С. 96–97, табл. 11, 5, 6]. Они найдены в слоях IX в., но точно определить их хронологические рамки невозможно. В Армении и Закавказье подобная техника применялась при изготовлении украше-

ний – бус, браслетов, перстней и др. [Джанполадян Р.М., 1974. С. 129–130; Угрелидзе Н.Н., 1967. Рис. 28, табл. 1; Ваидов Р.М., 1961. Табл. XV].

Таким образом, существование стекольного ремесла в раннесредневековой Армении теперь не может вызывать сомнения. Оно возникло на основе местной сырьевой базы, творчески восприняв технологические приемы стеклоделия соседних стран с древними достижениями в этой своеобразной отрасли художественного ремесла.

Рассмотренные выше аспекты политической, экономической, культурной жизни раннесредневековой Армении позволяют убедиться в том, что несмотря на все тяжести, которые претерпела страна в эти столетия, она все же сумела накопить мощные силы для грядущего подъема. Постоянным стимулом для этого стала неутихающая жажда национальной независимости, а материальным источником – трудолюбие народа, богатое наследие античного и эллинистического времени и традиционная связь со странами древних цивилизаций Ближнего Востока.

Армения в IX–XIII веках

Особенности развития Армении в эпоху развитого феодализма

Прогресс феодального общества в Армении в период арабского владычества в VII–IX вв. заметно затормозился, однако не мог быть приостановлен. Со второй половины IX в. Армения вступает в период развитого феодализма. Анализ источников с достаточной четкостью показывает, что армянские феодалы восстановили, укрепили и значительно расширили свои права на обширные земельные угодья. В IX в. шла чрезвычайно острая борьба за перераспределение земельных наделов между феодальными родами Армении [История армянского народа, 1976. Т. III. С. 7–8, 165–166]. Следует особо отметить усиление крупных княжеских родов Багратидов, Арцрунидов и сюникских князей, которые разделили между собой большую часть земель Армении. Наиболее сильными оказались Багратиды, владевшие большей частью Центральной и Северной Армении.

Арцруниды расширили свои владения в Васпуракане – в Южной Армении, в бассейне озера Ван, а сюникские князья, кроме Сюника, распространили свою власть и над бассейном озера Севан.

Вследствие беспрецедентного расширения наследственного землевладения формируется крупная феодальная вотчина, поскольку известный рост производительных сил и торговли позволил феодалам вести собственное крупное хозяйство на части своих наделов. Большая же часть их владений предоставлялась в пользование крестьянам на условиях ренты.

Крупным землевладельцем в IX–X вв. стала также армянская церковь, сильно разрослось монастырское землевладение.

Другими важнейшими явлениями, определяющими переход к развитому феодализму, были развитие ремесленного производства [Манандян Я.А., 1930. Гл. V; Аракелян Б.Н., 1958. Гл. II] и формирование феодального города. Во второй половине IX в., особенно в X в., ремесло сосредотачивается в городах, где широко развивается и торговля. Отделение ремесел от земледелия стало основанием для формирования феодального города, а развитие товарного производства и торговли во многом способствовало его росту [Манандян Я.А., 1930. С. 140–165]. В X–XIII столетиях в Армении формируется городское сословие с его верхушкой.

Серьезные изменения произошли в политической жизни страны: освободительная борьба армянского народа против арабского владычества в условиях ослабления Халифата увенчалась успехом. В 884–885 гг. было восстановлено армянское

государство, приобретение независимости создало благоприятные предпосылки для экономического, социального и культурного прогресса.

Правда, крепкого политического единства в Армении в X–XI вв. не было и, наряду с царством Багратидов, вскоре возникли мелкие царства в Васпуракане, Сюнике, а также в Карсе и Гугарке (на северо-востоке Армении). Однако все эти царства признавали сюзеренитет Багратидов и в основном находились в тесном содружестве с ними как во внутренних, так и во внешних вопросах.

В продолжительном и суровом соперничестве между Арабским халифатом и Византией верх взяла Византия, и армянские Багратиды заключили союз и торговое соглашение с ней. В условиях все еще продолжавшегося соперничества между этими великими державами Армения стала идеальным центром международной торговли Ближнего Востока. Успешно развивалась и внутренняя торговля, которая способствовала развитию ремесел и заметному росту товарного производства.

Происходит известный прогресс и в сельском хозяйстве. Благодаря возникновению крупного вотчинного хозяйства, стало возможным применение плуга. Проводились каналы [Летопись на камнях, 1913. С. 2, 9, 39, 146; Степанос Орбелян, 1910. С. 253–255, 262–263], и важнейшее значение приобрело орошаемое земледелие, применялось удобрение почвы.

Начиная с конца IX в. значительно расширяется переработка сельскохозяйственных продуктов. Винodelьни открываются при раскопках повсюду. Резко увеличилась добыча растительного масла из льна и кунжута. Анийской археологической экспедицией только внутри городских стен было зафиксировано 19 маслодавлен. К IX–X вв. широкое распространение получили водяные мельницы.

Расширилось использование богатств недр страны: добывалось железо, медь, свинец, золото, серебро, соль, мышьяк, сера. Городские ремесленники использовали также сырье, получаемое от земледелия и животноводства, в частности, лен, хлопок, шерсть, кожу и пр.

Главным результатом разделения общественного труда и роста производительных сил явилось возникновение многочисленных городов, некоторые из которых стали крупными экономическими и культурными центрами страны.

Бывшие города Двин, Неферкерт (Мартирополis – византийских, Маяфаркин – арабских источ-

ников), Карин (Эрзерум) переживали новый расцвет. Более значительным явлением было возникновение многочисленных новых городов во всех областях страны [Аракелян Б.Н., 1958. С. 71–133].

В пределах царства Багратидов, наряду с Двином, возникли и другие города. Наиболее крупным городом в X–XI вв. был Ани. Провозглашенный столицей царства Багратидов в 961 г., Ани бурно рос и вскоре стал одним из крупных центров ремесленного производства, торговли, культуры и искусства (табл. 154).

Другим крупным городом, возникшим в X в., был Карс, который торговыми дорогами был связан со многими городами Армении, Грузии и Византийской империи, в том числе с портовыми городами на южном побережье Черного моря.

Торговая магистраль вела из Карса в Карин (Эрзерум), который был крупным городом в западной части Армении, подвластной Византийской империи. Основанный в V в., Карин, расположенный на границе Византийской империи и Арабского халифата, в IX–XI вв. имел большое стратегическое значение и одновременно играл немаловажную роль в торгово-экономической жизни страны. Карин являлся центром производства металлических изделий, тканей и ковров.

Вблизи Карина, несколько севернее от него, находился город Арцн. Возникший в X в., Арцн стал наиболее крупным городом в западной части Армении.

Большого развития в Арцне достигли различные ремесла. Находясь на торговой магистрали, прошедшей по северу Армении, и будучи связанным также с Трапезундом, Арцн играл весьма значительную роль в караванной торговле. Арцн не являлся административным центром и не был огорожен крепостной стеной, однако пользовался самоуправлением. Арцн стал жертвой сельджукского нашествия в 1048 г.

После варварского разрушения Арцн больше не восстанавливался. Уцелевшее население города вынуждено было переселиться в Карин-Теодосуполис, который стал называться Арзн-ер Рум (Арзн Ромеев) – Эрзерум. Торговая магистраль вела к верховьям Евфрата, где находился другой крупный город северо-западной части Армении – Ерзнган. Город был известен своими виноградниками и производством металлических, в частности, серебряных изделий.

Ряд городов возник на юге Армении. Среди них крупными были Арчеш, Маназкерт, Хлат (Ахлат арабских источников) и Неферкерт.

Становление городов в период развитого феодализма, судя по армянским, византийским и арабским источникам, представляет следующую картину:

IX–X вв. – возникло 18 городов, 8 гюхакахаков (поселения городского типа);

X в. – 10 городов, 11 гюхакахаков;

X–XI вв. – 8 городов, 5 гюхакахаков;

XI в. – 4 города, 1 гюхакахака

[Аракелян Б.Н., 1958. С. 124].

Приведенные данные показывают, что X в. был временем наиболее интенсивного формирования феодального города в Армении. Подавляющее большинство составляли средние, особенно мелкие города локального, узкопровинциального значения, которые большей частью находились вдали от торговых дорог и были связаны с небольшим количеством окрестных сел, обслуживая их потребность в некоторых видах ремесленной продукции.

Следует отметить, что мелкотоварное производство развивалось в основном в больших городах. Часть городского населения в X–XI вв. продолжала заниматься сельским хозяйством.

Другим характерным обстоятельством была принадлежность подавляющего большинства городов X–XI вв. царскому дому и крупным феодалам. Таким образом, за небольшим исключением они являлись сеньориальными городами. Правда, еще в условиях сеньориального подчинения в городах, уже в X–XI вв. наблюдается возникновение городской администрации, в состав которой входили не только представители светских феодалов и духовенства, но и верхушки городского сословия, которое начинало складываться в X–XI столетиях.

Дальнейшее развитие ремесел приводило к разделению труда в ремесленном производстве. Далее происходит объединение ремесленников определенных отраслей и возникает цеховой строй ремесленного производства [Егизаров С.А., 1891; Марр Н.Я., 1915. С. 16–17; Манандян Я.А., 1930. С. 165; Абрамян В.А., 1956. С. 233–250; Аракелян Б.Н., 1964. С. 174–205].

В городах образовались ремесленные ряды на принципах цеховой организации. В городе Ани, например, существовали ряды: сапожников, седельников, шорников, ткачей, кузнецов и др. [Алишан Г., 1881. С. 25, 63, 72, 117, 118–119, 123]. Они были одновременно торговыми рядами, так как ремесленники были мелкими товаропроизводителями. В мастерских они и производили, и продавали свою продукцию.

В конце XII и первой трети XIII в. расширяется также торговля как внутренняя, так и внешняя. В Армению прибывали торговые караваны из разных стран Востока и Запада.

У торговых дорог строятся мосты, каравансарай – обычно на расстоянии одного–двух переходов друг от друга (табл. 155: 3, 4; 154: 5, 6), а в крупных городах – постоянные дворы (хапапары), гостиницы (фундуки), которые (в частности хапапары) функционировали как торговые дома. В эпиграфических надписях города Ани упоминается несколько хапапаров и гостиниц-фундуков (табл. 154: 10).

Социально-экономические сдвиги во второй половине XII в. и начале XIII в. привели к завершению внешнего облика и, что главное, социальной структуры феодальных городов Армении.

Города приобрели трехчастное деление, характерное для Ближнего Востока, т.е. состояли из вышгорода, шахастана (шахристана), огороженного городскими стенами, и пригородов (рабада).

Иную топографию имели гюхахаки – поселения городского типа. Они состояли из крепости,

возведенной обычно на возвышенности, над оврагами, вне крепостных стен простиралось поселение городского типа, без огады.

Многие города были благоустроены, они имели мощные каменные стены, были обеспечены водоснабжением, как арыками, так и водопроводом из гончарных труб. Во всех городах, а также в крепостях и монастырских комплексах имелись бани с системой отопления из-под пола или через стены, по которым с помощью гончарных труб проходил горячий воздух (табл. 155: 5, 6).

Археологическое изучение памятников IX–XIII веков. Города и поселения

Изучение средневековых памятников Армении было предпринято еще в первой половине XIX в., однако оно сводилось к описанию развалин городов, крепостей и монастырей, в частности архитектурных памятников, учеными-любителями; в их числе был крупнейший армяновед Гевонд Алишан [Алишан Г., 1881]. Подлинное археологическое изучение памятников средневековой Армении было начато раскопками в Ани. Их возглавил будущий крупнейший кавказовед и лингвист Н.Я. Марр в 1892 г. [Марр Н.Я., 1907; 1915]. Активное участие в исследовании этого уникального памятника средневековой Армении принял его ученик И.А. Орбели [Орбели И.А., 1910; 1910а; 1911; 1963].

Ани. Ани с 961 г. становится столицей царства Багратидов. Судьба города оказалась очень драматичной. В 1064 г. Ани захватили турки-сельджуки, учинив большие разрушения и разгром в городе. В 1072 г. Ани попадает под владычество Шеддадидов, вассалов сельджуков. Город долгое время не был в состоянии оправиться от страшных ударов, нанесенных сельджуками, и только во второй половине XII в. начинается его новый подъем. После освобождения от владычества Шеддадидов (1199 г.), в первой трети XIII в. Ани достигает высшего социально-экономического и культурного расцвета. Город застраивается новыми замечательными памятниками архитектуры – дворцами, храмами, общественными зданиями и жилыми строениями.

Городу, однако, не было суждено продолжить свое развитие. В 1235 г. Ани захватили монголы, при владычестве которых со второй половины XIII в. начинается упадок города, а в первой половине XIV столетия он принимает катастрофический характер. Ани разделяет судьбу всей Армении также при последующих завоеваниях. В XIV–XV вв. население в массовом порядке покидает город, и в нем воцаряются разрушение и разруха. Некогда богатый и цветущий город в конце XV в. и в XVI в. превращается в безлюдные развалины.

Археологические раскопки Ани, проводившиеся по широко задуманному плану, дали блестящие результаты. Великолепным архитектурным комплексом являются городские стены Ани, воздвигнутые из туфовых квадров на известковом растворе в 989 г. при царе Смбате II.

Вид городских стен обогащен многочисленными украшениями и фигурами из разноцветных камней. Описавший эти украшения И.А. Орбели отмечает и их художественные достоинства [Орбели И.А., 1963. С. 114–116].

Из памятников гражданской архитектуры отметим прежде всего вышгород, расположенный на неприступной возвышенности у слияния Анийской речки с Ахуряном, над глубокими ущельями этих рек. В северной стороне вышгорода возведены мощные стены, отделяющие его от городских кварталов. Верхнюю часть холма занимали развалины дворца Багратидов (табл. 154: 9), а на склонах холма – шесть церквей. В нижнем этаже дворца были расположены хозяйственные отделения и баня. В скале под полом были вырыты хранилища и большие цистерны для воды. Узким коридором (длина – 59 м) дворец был разделен на две половины с разными помещениями. На верхнем этаже было три зала, в одном из которых имелись два ряда колонн. Интерьер дворца был отделан резьбой по камню и расписанными досками с растительными и геометрическими орнаментальными мотивами, а также фигурами людей, животных и птиц.

Развалины архитектурных памятников в городской части, покрывшись землей, образовали холмики. Под одним из них был раскрыт княжеский дворец Захаридов, построенный в начале XIII в. (табл. 154: 2, 3). Портал княжеского дворца был украшен изящной резьбой. По великолепию этот дворец мало чем уступал дворцу Багратидов.

В числе гражданских сооружений, открытых раскопками, выделяются развалины ханапара –

гостиницы XII–XIII вв., вернее, постоянного двора для приезжих купцов. Здесь же велась торговля.

Ханапар “состоял из двух просторных залов или дворов, вымощенных тесаными плитами. В центре залов было по водоему, выбитым из цельного камня... Порталы обеих зал, смотревших на улицу, были прекрасно орнаментированы тонкой резьбой плетения и выкладкой красных и черных фигур, звезд, многоугольников, крестов, составлявших мозаичное поле и покрытых тончайшей резьбой геометрического и растительного рисунка. Над дверьми одной из зал были помещены два рельефных крылатых сфинкса в зубчатых коронах, над дверьми другой залы – два барса и два дракона” [Орбели И.А., 1963. С. 118–119 (табл. 15: 4).

В Ани были построены великолепные церкви, в числе которых храм Григория Просветителя, построенный талантливым архитектором Трдатом по образцу величественного храма VII в. Звартноц.

Изучением архитектурных памятников Ани в течение многих лет был занят крупнейший исследователь средневековой армянской архитектуры Торос Тораманян [Тораманян Т., 1942; 1948].

Раскопками была открыта центральная улица города с расположенными на ней жилищами и мастерскими горожан (табл. 154: 8). Город был снабжен питьевой водой, проведенной из родников, находившихся на расстоянии 12 км от города. Части разветвленной линии городского водопровода и гончарных труб были открыты на улицах и площадях города.

Большой интерес представляют пещеры Ани, расположенные в ущельях, окаймляющих город с разных сторон. Археологической экспедицией было зафиксировано до одной тысячи пещер, часть которых была обмерена и изучена Д.А. Кипшидзе и архитектором Н.М. Токарским [Кипшидзе Д.А., 1972].

В результате многолетних систематических раскопок города Ани накопился огромный археологический материал. Чрезвычайно важное значение имеют также лапидарные надписи, высеченные на архитектурных памятниках города. И.А. Орбели в ходе раскопок было скопировано, сфотографировано, расшифровано более 250 надписей. Итоги раскопок подведены в капитальном труде Н.Я. Марра – “Ани” [1934].

Анберд. Наиболее перспективными оказались раскопки Анбердского замка, возведенного в X в. крупнейшим феодальным родом Пахлавун, тесно связанным с царским домом Багратидов и их столицей Ани. Возведенный высоко на склоне горы Аранац, далеко от торговых дорог, этот феодальный замок имел свои земельные угодья, пастбища, собственное хозяйство, в том числе и ремесленные мастерские. Экспедиция исследовала оборонительную систему замка с подземным тайным ходом, выводящим в ущелье к речке (табл. 155: 9).

Раскопками во дворце Пахлавун были открыты

и изучены ряд помещений, цистерна для воды, а также вход во дворец, куда вела каменная лестница с 21 ступенью. Особенно результативными оказались раскопки бани, в которой были обнаружены железные трубы и бронзовые краны для горячей воды. В бане были найдены ряд предметов и скелет скомороха. Была изучена система водоснабжения замка, состоящая из водопровода и бассейна [Токарский Н.М., 1961] (табл. 155: 6).

При раскопках было обнаружено значительное количество металлических предметов – оружие, орудия труда, художественно отделанные ступки, поливная и неполивная керамика, стекло и пр.

Исследование Анбердской церкви, построенной в 1026 г., открыло в слое XIII в. большое количество скелетов мужчин и детей, похороненных одновременно. Предполагается, что Анберд длительное время осаждали монголы, и погибших в бою, от голода и эпидемии хоронили в общей могиле у церкви [Арутюнян С.В., 1978].

Двин. Еще при арабском владычестве Двин являлся крупным торгово-экономическим центром с высоким уровнем развития ремесленного производства.

Арабский географ первой половины X в. ал-Истахри, приводя описание Дабила (Двина), сообщает, что Дабил служил столицей Армении, в нем – дворец правителя страны, вокруг Дабила стена, а в городе проживает много христиан и главная мечеть находится рядом с церковью.

Другой арабский автор, ал-Мукаддаси, приводя описание Двина, указывает, что город укреплен, имеет вышгород, площади города крестообразны, дома построены из камня и кирпича [СМОМПК, 1908. Вып. XXXVIII. С. 9–10].

Аналогичные сведения о Двине сохранились и у других арабских авторов.

В средние века большие города имели свою округу, связанную с городом как экономически, так и административно. В этом отношении характерно сообщение Ибн-Хаукаля, который, повторяя приведенные выше сведения ал-Истахри, заключает, что Дабил – самое знаменитое место и провинция во внутренней Армении [СМОМПК, 1901. Вып. XXIX. С. 92].

В X в. и до времени правления Гагика I (989–1020) Двин являлся наиболее значительным городом царства Багратидов, хотя не раз подвергался нападениям и вторжениям Саджитских правителей Атропатены – Южного Азербайджана.

После смерти Гагика I в 1020 г. Двином овладел шеддадидский эмир Абул-Суар – родственник и вассал гандзакского (гянджинского) эмира Фадлуна.

Когда сельджуки вторглись в Закавказье и установили свое владычество, Шеддаиды сохранили власть над городом и его округой и стали вассалами сельджуков.

За весь период владычества Шеддадидов основную массу жителей Двина, в том числе и ремесленников, составляли армяне. Они стремились к освобождению от иноземного владычества и надеялись на помощь усилившегося в XII в. Грузинского царства. Грузино-армянские войска предприняли успешные действия и один за другим освободили армянские города и всю Северо-Восточную Армению. Двин был освобожден в 1203 г. и вошел в состав владений князей Захаридов.

Анонимный грузинский автор XIII в. называет Двин “крупным и прославленным городом” и говорит о накопленных в нем больших богатствах. Об этом свидетельствуют также результаты раскопок. Однако вскоре Двин стал добычей войск хорезмшаха Джалал-эд-Дина, отступающих перед натиском монголов. Джалал-эд-Дин взял город, ограбил и разрушил его. В 1236 г. разгром города был довершен монголами, и Двин фактически пришел в упадок.

Раскопки и археологические наблюдения показывают, что в X–XIII вв. Двин разросся и охватывал обширную территорию, на которой в настоящее время расположены три селения с пашнями и виноградниками. Сохранились следы городских стен протяженностью в несколько километров. За стенами простирались предместья города (табл. 155: 1).

Цитадель города была обновлена и застроена новыми башнями и зданиями, мощные башни возведены на каменном фундаменте с применением не только сырцовых, но и обожженных кирпичей; последние использовались также в строительстве жилищ и других зданий. Цитадель, огороженная мощной стеной, насчитывающей до 40 башен, охватывает территорию в 10 га. В северо-восточной части цитадели возвышается Двинский холм, господствующий над окружающей равниной, цитадель защищалась также рвом, заполненным водой.

Раскопки показали, что на холме находились построенные в XI–XII вв. дворцы и другие здания, при отделке интерьеров которых был применен резной и лепной гипс. Стены одного из зданий, возможно, дворцового типа, убраны мелкой фигурной терракотой, образующей геометрические узоры. Надо полагать, что эта техника, необычная для армянского строительного искусства, была привнесена в Двин Шеддадидами.

У подножия холма открыты руины целого квартала, развалины жилищ и мастерских XII–XIII вв. с тандырами и печами для обжига керамики.

При раскопках в вышгороде, а также в центральном и других кварталах города открыты мастерские кузнецов, медников, ювелиров, гончаров. Здесь производили орудия труда, оружие, металлическую посуду, украшения из драгоценных металлов.

Двин поддерживал обширные торгово-экономические и культурные связи со странами Кавказа, Переднего Востока. При раскопках в Двине найде-

но множество изделий иранского, сирийского, византийского происхождения. Двин был также активным участником денежного обращения Передней Азии. Здесь найдены сотни монет, выпущенных Арабским халифатом, Византией, грузинскими царями, сельджукскими правителями.

Результаты раскопок Двина обобщены в двухтомнике начальника экспедиции К.Г. Кафадаряна “Город Двин и его раскопки”, вышедшем в 1952 и 1982 гг., и более чем в 40 научных трудах, в том числе в десяти монографических исследованиях.

Гарни. Гарни, царская крепость в эпоху античности, продолжала играть важную роль и в эпоху раннего и развитого феодализма.

Разрушенная арабами в VII в., крепость Гарни была восстановлена Багратидами и стала одной из опорных крепостей их царства. Восстанавливалось и росло также поселение Гарни, которое стало гюхакахаком – поселением городского типа. Гарни заметно пострадал при сельджукском владычестве, однако с начала XIII в., оказавшись в составе владений князей Захаридов, пережил новый подъем.

Раскопки Гарни, начатые в 1949 г. и производимые под руководством Б.Н. Аракеляна, выявили широкую картину его развития в X–XIII вв.

Поселение Гарни расширяется, отстраивается множество жилых зданий, появляются новые церковные строения, множество крестных камней – хачкаров. Важное хозяйственное значение для Гарни имели виноградарство и виноделие. При раскопках только на территории крепости открыто более десяти винодавильен X–XIII вв. Здесь были и маслодавильни для получения растительного масла из льна, а также несколько водяных мельниц. В поселении появились мастерские по обработке металлов и по производству керамики, как простой, так и поливной. Заметного развития достигли также обработка камня, кожи, ткацкое, деревообделочное и другие ремесла. Гарни стал локальным центром ремесленного производства и торговли для окружающих сел и деревень.

Гарни был связан с Двином и Ани, о чем свидетельствуют частые находки изделий, привезенных из этих городов [Аракелян Б.Н., Караханян Г.О., 1962]. Каменный мост, перекинутый через р. Азат, связывал Гарни с восточными районами страны.

В Гарни сохранилось около ста надписей, высеченных на стенах архитектурных памятников и на хачкарах. Наряду со строительными, дарственными, мемориальными надписями, исключительное значение имеют надписи об установлении и взимании налогов и поборов с указанием их количества, о хозяйственных должностях и о взаимоотношениях местной администрации с владельческими князьями.

Лоре. Лоре находился в провинции Гугарк в северо-восточной части Армении в пяти км восточнее теперешнего районного центра Степанавана.

Основан был Лоре царем Давидом в начале XI в. (между 1005–1020 гг.) как крепость, а в 1065 г. стал столицей Ташир-Дзорагетского царства. Находясь на торговых дорогах и будучи связан с городами Ани, Двин, Дманиси и Тбилиси, город стал не только административным, но и торгово-экономическим центром. Развитию ремесел города способствовала добыча меди в рудниках, расположенных недалеко от Лоре.

В 1118 г. Лоре был присоединен к грузинскому царству, и город со своими землями стал наделом высокопоставленных грузинских феодалов из рода Орбели, а позднее, в 1185 г. – перешел во владение армянских князей Захаридов, занимавших высокие должности при грузинском дворе.

В 1236 г. Лоре был разгромлен и ограблен вторгшимися в Армению монгольскими войсками во главе с Чагатаем. После этого город приходит в упадок и позднее функционирует как крепость, которая была окончательно заброшена в XVIII в.

Город расположен на треугольном плато между р. Дебед и ее притоком Мисхана и с двух сторон был защищен глубокими ущельями (табл. 155: 2). С северо-западной стороны возведена стена, которая соединяла ущелья друг с другом, отделяя площадь в 10 га, составляющую старую часть крепости. Высокие стены с мощными башнями, претерпев некоторые изменения, сохранились до наших дней.

Из крепости к ущелью реки Мисхана вел потайной ход для доставки воды и для сообщения с внешним миром в случае осады. Над р. Дебед и ее притоком были перекинута каменные мосты, соединяющие с городом его заречные кварталы (табл. 155: 3).

В ущельях, окружающих город, имеется более 250 пещер и гротов. В ущелье р. Дебед они расположены двумя-тремя террасами, в которых ютилась городская беднота.

В крепости Лоре сохранились развалины отдельных строений, в том числе двух бань, двух маслодавлен, а также здание, которое позднее было перестроено в мечеть.

Лоре своим расположением, ущельями, кварталами, пещерными жилищами как бы повторяет в миниатюре общие черты внешнего облика Ани.

Развалины Лоре неоднократно привлекали внимание путешественников, археологов, историков архитектуры [Арутюнян В.М., 1963]. Раскопки города были предприняты в 1966 г. И.Г. Гарибяном [Гарибян И.Г., 1970]. Исследованы бани, одна из которых состоит из предбанника, трех купальных помещений, бассейна для воды, топки, другая – из предбанника, купального зала и топки. Бани снабжены системой отопления из-под пола – гипокаустом (табл. 155: 5).

Были открыты также развалины двухэтажного дворцового здания, от которого сохранился нижний этаж с двумя бассейнами и фонтанами, отде-

ланными разноцветными изразцами. Открыта также усыпальница – часовня, приписываемая жене царя Давида (989–1048).

Находки в Лоре свидетельствуют о достаточно высоком уровне ремесленного производства в городе, а также о его торгово-экономических и культурных связях с внешним миром.

Бджни. Другой средневековый город, ставший объектом археологических раскопок – Бджни. Расположенный в живописном ущелье р. Раздан, юго-западнее оз. Севан, он возник как центр владений князей Пахлавуни.

В 1021 г. владельцем Бджни был крупный философ и полководец Григорий Магистр Пахлавуни. В надписи 1033 г., высеченной на стене построенной им церкви, Бджни именуется городом. В 1045–1060 гг. Бджни находился под владычеством Византии, в 1064 г. город со своей округой захватили турки-сельджуки. Освобожденный от сельджукского владычества в 1201 г., Бджни вошел в состав владений князей Захаридов. В 1358 г. город был снова razорен монголами и, согласно одной записи, в 1387 г. находился в полузаброшенном состоянии.

Цитадель города находится на высоком холме, окруженном неприступной стеной с плотно расположенными мощными башнями. У подножия холма на правом берегу р. Раздан простиралась городские кварталы, которые ныне лежат под строениями селения Бджни. Раскопки Бджни, под руководством И.Г. Гарибяна, были сосредоточены в обширной цитадели города. Открыты развалины церковных и гражданских сооружений, в том числе водохранилище.

На стенах архитектурных памятников и хачкарах Бджни сохранилось множество средневековых армянских надписей культурно-исторического содержания.

Вахрамаберд и Тирашен. В созданную в X–XI вв. оборонительную систему царства Багратидов входили гарнизонные крепости Вахрамаберд и Тирашен (табл. 155: 10).

Крепости были предназначены для защиты северных подступов к столице Ани. Эти крепости были воздвигнуты в конце X – начале XI в. в области Ширак, недалеко от Мармашена. Их развалины открыты раскопками 1970-х годов. Они были построены на продолговатых холмах и ограждены крепостной стеной с башнями. Вход каждой крепости защищен двумя мощными башнями. По гребню холмов тянется единственная улица протяженностью в 100 м, по обеим сторонам которой расположено множество помещений, каждое площадью от 40 до 60 кв. м. Они построены из рваного камня и служили жилищем для воинов. В конце улицы на возвышенности находился дворец начальника гарнизона. Гарнизон состоял из конных воинов. Немногочисленный археологический материал, обна-

руженный при раскопках, относится к X–XI вв. и свидетельствует, что эти крепости перестали функционировать после XI в.

Важными духовными центрами Армении были монастыри.

Старый Гетик. Монастырский комплекс, построенный в IX–XII вв., находится в северо-восточной части Армении, недалеко от города Дилижан. Древнейшим сооружением памятника является небольшая четырехапсидная центрально-купольная церковь, которая сохранилась и поныне, хотя и пришла в ветхость. Главная же церковь, построенная в первой четверти XII в., судя по развалинам, открытым раскопками, принадлежала к типу купольных.

Богатым декоративным убранством отличались западный и северный порталы, орнаментированные геометрическим узором из разноцветных камней. Высоким мастерством отличаются рельефы, украшающие детали церкви. В монастырском комплексе были и другие культовые, хозяйственные и жилые строения, сохранился некрополь с надгробными плитами и хачкарами.

В конце XII в. главная церковь была сильно разрушена землетрясением и восстановление ее оказалось невозможным. По инициативе крупного ученого, автора армянского судебника Мхитара Гоша был построен монастырский комплекс Новый Гетик (Гошаванк) недалеко от нынешнего города Дилижан. Старый Гетик перестал быть крупным культовым и культурным центром, но жизнь там не прекратилась, о чем свидетельствуют сохранившиеся на месте хачкары и надписи XIII в.

Начиная с 1979 г. в Старом Гетике ведутся археологические раскопки (руководитель Г.О. Караханян). Открыты развалины главной церкви с ее великолепно оформленными входами. Обнаружены высокохудожественные рельефы, в том числе солнечные часы, хачкары с надписями.

Мармашен. Монастырский комплекс Мармашен, состоящий из четырех церквей X – начала XI в. и поселения, находится в 20 км севернее Ани и являлся владением полководца Багратидов Вахрама Пахлавун. Мармашен – один из значительных архитектурных комплексов средневековой Армении. Кафедральная и малая церкви стоят в сохранности, третья церковь лежит в развалинах, остатки четвертой открыты раскопками.

Раскопками 1979–1980 гг. в нижних слоях открыты остатки поселения с прямыми улицами и фундаментами жилищ, трапезной из отесанных камней, мастерских и других строений.

Ваанавапк. Монастырский комплекс Ваанавапк расположен в пяти км к юго-западу от города Кафан (Армения). Основанный в начале X в., монастырь стал значительным комплексом в XI в. При нем действовала духовная школа. На месте стоят развалины крестово-купольной церкви св. Григо-

рия Просветителя, ее притвора с двумя мощными арками и двухэтажной церкви-гробницы.

Раскопками, производившимися в 1966 г., открыты развалины притвора с арочным перекрытием, галерея-усыпальница, трапезная, притвор церкви-усыпальницы и другие сооружения. При раскопках обнаружены архитектурные детали, в том числе части карнизов, украшенных геометрическими и растительными орнаментами. Обнаружены строительные надписи XI в., множество надгробий сюзникских правителей, знати и духовенства с датированными X–XI вв. эпитафиями, а также хачкаров с высокохудожественной резьбой.

Водоснабжение монастыря обеспечивалось водопроводом из гончарных труб. При монастыре существовали мастерские по производству керамики и обработке металла.

Ваанавапк являлся одним из значительных духовных центров области Сюник.

Монастырский комплекс Техенис формировался в XI–XIII вв. и состоял из главной и малой церквей, двух притворов, книгохранилища, трапезной (табл. 155: 7), жилищ для монастырской братии и кладбищ с надгробными плитами и хачкарами с надписями. Сравнительно хорошо сохранились развалины одного из притворов и трапезной. Раскопки здесь начаты в 1979 г. Благодаря раскопкам, выявлены и очищены развалины главной и малой церквей, второго притвора и книгохранилища. Обнаружено множество архитектурных деталей с высокохудожественными рельефами, собраны и подготовлены к публикации надписи XI–XIV вв.

Раскопки на территории Гладзорского университета. В средневековой Армении существовало до двадцати монастырских школ высшего типа, именуемых вардапетаранами. Среди них выделяется Гладзорский университет, основанный в 1280-х годах при монастыре Танаат в области Сюник в юго-восточной Армении. Гладзорский университет стал крупным центром научной мысли и культуры средневековой Армении и действовал до 1340 г.

Раскопки, проведенные археологами Ереванского государственного университета в 1983–1984 гг. во главе с И.Г. Гарибяном, оказались результативными. Возле все еще стоящей церкви и мартирия были открыты развалины ряда культовых, жилых и хозяйственных строений (в том числе и более ранних), надгробия отдельных преподавателей университета, хачкары, разнообразный археологический материал.

Выяснилось, что на территории университета существовали не только скрипторий, но и мастерские по производству каменных и керамических изделий. Для обеспечения существования и деятельности университета ему были пожертвованы земли, виноградники, мельницы, маслобойни и денежные

средства. При этом в качестве жертвователей оказывались не только княжеские роды Сюника – Орбеяны и Прошяны (во владениях последних находился университет), но и представители других слоев населения – купцы и жители среднего достатка из различных районов Армении [Гарибян И.Г., 1983; Абрамян А.Г., 1983].

Спитакское пещерное поселение было обнаружено при строительстве дороги между городами Ленинакан и Спитак. Оно расположено в теснине

между холмами и на их склонах. Все строения выбиты в черной туфовой скале и образуют террасы. Раскопками 1977–1978 гг. открыто до трех десятков пещерных сооружений-жилищ, мастерские по обработке металлов, базиликальная церковь, обширный караван-сарай, другие помещения, а также погребения XII–XIII вв.

Поселение находилось на торговом пути, соединяющем северную часть Армении и столицу Ани с Грузией и Северным Кавказом.

Ремесло, декоративное искусство, письменность

В условиях социально-экономического подъема страны, начавшегося во второй половине IX в., создались благоприятные предпосылки для развития ремесла.

Решающее значение имело углубление общественного разделения труда – отделение ремесел от земледелия и их сосредоточение в городах. Этому способствовало также отделение города от деревни и развитие товарообмена между ними. Развитию ремесленного производства способствовало также расширение внешнеторговых связей Армении – одного из центров международной торговли. Большое значение имело использование природных богатств: железа, меди, серебра, золота и других металлов.

Ремесленное производство в городах постепенно приобретает характер мелкотоварного и становится самостоятельной и важной областью хозяйственной деятельности населения.

В Армении – стране древней металлургии – в средние века обработка металла достигла высокого уровня как в технологическом, так и художественном отношении.

Обработка железа. Одним из древних и основных видов обработки металла было кузнечное дело. Кузнецы не сами добывали и перерабатывали железную руду: этим занимались ремесленники-горняки. Первоначально весь ассортимент железных изделий: орудия труда, оружие, бытовые предметы, украшения, производился кузнецами, но в IX–XIII вв. происходит разделение этого основного ремесла на ремесла оружейников, слесарей, изготовителей ножей и ножниц и пр.

Еще в античное время в Армении был известен способ получения стали, однако и тогда, и в средние века орудия труда и оружие изготавливались из обычного железа с припайкой стали на их режущих или рабочих частях. Искусство припайки имело важное значение для производства более совершенных орудий труда и оружия.

При раскопках в Двине, Звартноце в слоях IX–X вв. найдены лемехи сохи и легкого плуга, а в Ани в слое XII–XIII вв. найден также лемех тяжелого плуга и резец, который прикреплялся перед

лемехом плуга, снабженного колесами. Подобные плуги упоминаются в литературе XIII–XIV вв. При раскопках найдены также лопаты, топоры, тесла, молоты, пилы, долота, серпы, ножи, ножницы и др. изделия из железа (табл. 156: 1–15). Судя по средневековым письменным источникам, кузнечному делу придавали большое значение, а кузнецы пользовались заслуженным уважением [Орбели И.А., 1963. С. 83, 86; Кафадарян К.Г., 1952. С. 154–160; Аракелян Б.Н., 1958. С. 133–142].

Оружейное дело. Это ремесло давно отделилось от кузнечного дела и стало не только самостоятельным, но и разветвилось, породив отдельные ремесла, например, ремесла по производству копий и дротиков, наконечников стрел, мечей и кинжалов.

Раскопки показывают, что Двин и Ани были крупнейшими центрами производства оружия. Широкое применение имел лук: при раскопках найдена масса наконечников стрел, отличавшаяся значительным разнообразием. К.Г. Кафадарян выявил шесть разновидностей наконечников стрел, найденных при раскопках Двина [Кафадарян К.Г., 1952. С. 161–162].

В Армении широко применяли копья и мечи. Копье применялось пехотой, а меч – конницей. Существовали различные виды копий: втульчатые конической формы и плоские листовидные. Отличаются копья втульчатые, длинные, с боковым шипом или крючками (найжены в Ани) (табл. 157: 6, 7). Обычными были также наконечники дротиков конической формы со втулкой и листовидные черенковые наконечники. Образцы указанных видов оружия обнаружены при раскопках средневековых городов и крепостей.

Мечи изготавливались из стали и имели обоюдоострые края и прямые длинные клинки. Применялись также мечи с одним острым краем. Личным оружием были кинжалы как обоюдоострые, так и с одним режущим краем. Они имели широкое применение (табл. 157: 17).

Защитное вооружение – шлемы, щиты, чешуйчатые кольчуги изготавливались из меди или бронзы. Применялись также металлические защитные дос-

пехи для груди, спины, рук, ног и других частей тела. Металлическими пластинами защищали также голову боевого коня [Абрамян В.А., 1956. С. 66–83; Аракелян Б.Н., 1958. С. 143–158].

В письменных источниках приводится подробное описание таких сложных видов оружия, как баллиста и катапульта, бабан – орудие для разрушения стен крепостей, однако при раскопках их остатки не обнаружены. Сохранился большой железный крест времени царя Ашота II Железного (914–928), который носили при походах войск как военный штандарт.

Обработка меди. Как было отмечено выше, из меди изготавливались некоторые виды защитного оружия. Но медники имели более широкое поле деятельности. Они производили медную посуду для различных целей, хозяйственные и бытовые предметы, художественные изделия, церковную утварь и пр.

Если для изготовления железных изделий применялась в основномковка, то изготовление медных изделий осуществлялось разнообразными средствами и способами. Обычными быликовка, чеканка, штамповка, гравировка, литье в форму, литье с применением восковой модели, получение сплавов, инкрустация, припайка.

Мастерские медников обнаружены при раскопках Ани и Двина. Здесь найдены предметы, изготовленные ковкой или чеканкой – это чаши, миски, тарелки, подносы, котлы [Аракелян Б.Н., 1958. С. 153–155].

При производстве медных, особенно бронзовых, изделий широчайшее применение имело литье. Этим способом изготовлена масса изделий, начиная от мелких предметов до огромных бронзовых котлов. Среди последних выделяется котел, обнаруженный в монастыре Агарцин с армянской надписью 1232 г. на бортике (табл. 158: 5). Этот огромный котел высотой 83 см, диаметром верхней части – 110 см, весом в 350 кг снабжен четырьмя массивными ручками, представляющими литые фигурки львов. Котел стоит на массивных фигурных ножках. Аналогичный котел с подобными ручками, но меньших размеров найден в Двине. Большой котел для подогрева воды был найден и в бане крепости Анберд [Аракелян Б.Н., 1958. С. 162–163; Кафадарян К.Г., 1982. Табл. XIII].

С конца XII в. начинается применение в церквах колоколов, и к церквам пристраиваются колокольни. Вместе с агарцинским котлом был найден медный колокол весом в 33 кг. Сохранился колокол с характерными анийскими орнаментальными мотивами XII–XIII вв., весом в 40 кг.

Способом литья мастера средневековой Армении производили массу всевозможных изделий как хозяйственного, бытового, так и культового назначения. При раскопках обнаружены кувшины, котлы, ступки, чаши, светильники, лампы, канделябры, люстры и пр. (табл. 158).

Из церковной утвари следует упомянуть найденные в Ани, Двине и в монастырских комплексах кандила (табл. 158: 2), курильницы, лампы X–XIII вв. с рельефными евангельскими сценами, восходящими к более ранним сирийским образцам, бронзовые и медные кресты и другие предметы.

В Ани найдены три медные люстры. Это настоящие произведения искусства. Анийские люстры относятся к XI в. [Март Н.Я., 1934. С. 54–65].

В Двине найдена часть люстры конца IX в., на которой сохранились 20 световых отверстий, при этом обнаружено также множество разноцветных стеклянных лампадок для люстр. Сохранилось описание люстр, которыми в X в. украшали церкви Санаинского монастыря. Сообщается, что по заказу царя Гургена Багратуни были сделаны две люстры: одна со 112 источниками света, другая, более скромная – с 40.

Как для анийских, так и санаинских люстр применялись разноцветные стеклянные светильники, благодаря чему люстры выглядели довольно эффектно.

Медные изделия, как правило, отделялись с умением и вкусом и являлись произведениями прикладного искусства [Овсепян Г., 1928; Аракелян Б.Н., 1958; Акопян Н.Г., 1981].

Имеется сообщение о том, что с купола анийского кафедрального собора свешивалась хрустальная лампада, привезенная из Индии по заказу царя Смбата Багратуни.

Торевтика, ювелирные изделия. Значительное количество изделий торевтики и ювелирного дела обнаружены при раскопках средневековых городов, крепостей и монастырских комплексов. Золотых и серебряных дел мастера искусно применяли различные технические приемы. Наряду с ковкой, литьем, чеканкой, штамповкой применялись скань, зернь, золочение, чернение серебра, гравировка, инкрустация цветными камнями, получение сплавов золотого и серебряного цвета.

Ковку применяли для изготовления гладких плоских изделий. Иногда они украшались дополнительной гравировкой.

Кроме обычных способов литья в формах и по восковой модели, мастера при изготовлении мелких украшений использовали также двусторчатые, обычно металлические формы. Найдены серьги, перстни XII–XIII вв., изготовленные таким способом.

Исследователи разделяют перстни на три основные группы: перстни с камнями, со щитками и кольцевидные. Преобладают перстни со щитками, характерные для X–XIII вв., на них гравировались разные узоры и фигуры (табл. 159: 28, 31, 34, 35, 37).

Широкое распространение имели также серьги. Наряду с ними применялись разные подвески и украшения.

Из золота и серебра сделаны также браслеты. Ряд браслетов найден в Двине (табл. 159: 15–21).

Специальное назначение имели металлические пояса, которые носили обычно представители власти, а также знатные женщины и мужчины (табл. 159: 23–25).

В музее Эчмиадзинского монастыря выставлены две серебряные мощехранительницы X–XI вв. На первой из них (размеры 30,5 × 19,3 см) вычеканены образы святых, на второй – Христа на троне, с обеих сторон окруженного ангелами. В центре помещена фигура св. Стефана, а слева и справа – фигуры Петра и Павла. В нижней части было несколько фигур, которые не сохранились.

На створках второй мощехранительницы изображены апостолы Петр и Павел. Несколько вытянутые фигуры и их одеяние позволяют отнести мощехранительницы к XII–XIII вв.

Третье изделие, хранящееся в музее Эчмиадзинского монастыря – складень или реликварий 1300 г. известный под названием “Хотакерац сурб Ншан” (размером 42 × 26,5 см, толщина 4,2 см). Это выдающееся в художественном отношении произведение армянских мастеров серебряных дел [Овсепян Г., 1928. С. 190–195; Аракелян Б.Н., 1958. С. 175–176; Акопян Н.Г., 1981. С. 46–48].

Армения – страна камня, и камень широко использовался в строительстве. Из камня возводились крепостные стены, строились дворцы, храмы, жилища, мосты, каравансарай, мемориальные памятники и пр. Начиная с X в. стали применяться каменные плиты для покрытия зданий, которые полностью заменили глиняные черепицы.

Скульптура. Скульптура средневековой Армении исключительно богата рельефами и барельефами, которыми украшены архитектурные и мемориальные памятники, в частности, хачкары (крестные камни), появившиеся в IX в. Это каменные плиты высотой от одного до трех метров, которые обрабатывались только с одной – лицевой – стороны. На ней резали изображения креста, обычно в богатом орнаментальном обрамлении. Хачкары заменили раннеармянские мемориальные памятники в виде четырехгранных столбов. Хачкары имели разнообразное назначение: воздвигались в знак благословения или пожелания добра лицам при их жизни или после смерти, в связи со строительной деятельностью и военно-политическими, хозяйственными событиями, по поводу стихийных бедствий в целях смягчения “божьей ярости” и в других случаях. Позднее, начиная с XII в., особенно в позднем средневековье, хачкары стали связываться и с погребальным обрядом. Крупный мыслитель, автор армянского судебника конца XII в., Мхитар Гош справедливо отметил: “Греки и грузины более всего чтят изображения святых, а армяне – крест”. Число хачкаров IX–XIII вв. насчитывается тысячами и среди них имеются истинные шедевры художественной работы по камню (табл. 160: 2, 4).

Обработка камня, строительные ремесла. Объемная (круглая) скульптура представлена в единственном экземпляре – это статуя Багратидского царя Гагика I, найденная в развалинах храма типа Звартноц. Причем в руках он держит макет этого трехъярусного купольного храма (табл. 160: 1).

В рельефах встречаются фигуры ктиторов – царей, вельмож, охотников, христианских святых и пр. (табл. 160: 5).

Высокого совершенства и выразительности достигли рельефы животных, птиц (табл. 160: 6, 7), а также геометрические и растительные орнаменты, отличающиеся большим разнообразием форм и мотивов.

В XII–XIII вв. происходит измельчение геометрических и стилизованных растительных рельефов, и они приобретают тончайшие, изысканные формы (табл. 160: 2, 4).

Характерная особенность армянского искусства – разнообразие, данное в гармоническом стилистическом единстве, свойственное также армянским рельефам и барельефам на архитектурных памятниках и хачкарах [Степанян Н.С., Чакмачян А.С., 1971].

Важное значение имели ремесла, связанные со строительным делом. При строительстве крепостных стен и зданий в качестве вяжущего раствора применялось большое количество извести. Производство извести связано с технологией прокаливания известняка в специальных печах. Ввиду массовых масштабов потребления извести, этим делом занимались опытные мастера. Средневековые печи по производству извести имели пирамидальные формы с дверцей внизу и отверстием-дымоходом наверху.

Стены жилища возводились из неотесанного или грубо отесанного камня, обмазывались глиной, а стены монументальных строений – известковым раствором. Для стеновых росписей готовился тончайший грунт. Следует отметить, что стенная роспись в армянских церквях и монастырях имела ограниченное применение. Роскошно расписаны были залы дворца Багратидов в Ани [Марр Н.Я., 1934. С. 69].

Каменщики-строители часто работали сообща, для чего организовывали артели во главе со старшим мастером-каменщиком и осуществляли строительные работы, переходя из одного города или района в другой. Средневековые армянские каменщики-строители и скульпторы-резчики оставили огромное и бесценное наследие [Бархударян С.Г., 1963].

Для архитектурного убранства иногда применялись орнаменты из извести, гипса, алебаstra (табл. 161). При раскопках обнаружены орнаментированные резные и литые в формах карнизы и другие украшения. Отметим, что известковые, гипсовые и алебастровые украшения для зданий широкого применения не получили и встречаются изредка, а в Двине они, как изразцы и узорчатая

кладка из мелких кирпичей, применялись главным образом в строениях неармянского населения времен владычества Шеддадидов. Замечательным образцом этого вида искусства является литое гипсовое обрамление ниши с звериным гоном и сфинксами, открытое в Двине (табл. 161: 2). Предполагается, что в Двине существовали мастерские для производства и продажи гипсовых украшений [Токарский Н.М., 1961. С. 264–268].

Проблема водоснабжения городов и крепостей в Армении была разрешена еще в эпоху античности. В средние века система водоснабжения имела не только в городах и крепостях, но и в монастырских комплексах.

Водопроводы строились из гончарных труб, вода проводилась из родников, находящихся на расстоянии десятков километров, в ущельях и оврагах. Ввиду сильного давления воды, гончарные трубы вставлялись в каменные оправы. В Двине и Ани обнаружена разветвленная сеть водопровода. На площадях Ани над водопроводом были построены наземные строения родников. Архитектурные сооружения родников сохранились и в монастырских комплексах (например, при монастырях Ахпат и Санаин).

Начиная с IX в., обычными стали водяные мельницы, а помол осуществлялся мельничными камнями. В некоторых районах из камня были сделаны также каменные желоба и большие трубы для спуска воды на колесо мельницы.

Подобно мельницам, широкое распространение получили также маслодавили, в которых применялись огромные базальтовые давяльные камни-колеса и нижний, тоже цельный камень с высокими бортами, на котором вращался давяльный камень (табл. 156: 17).

В быту повсеместно использовались каменные жернова и ступки (табл. 156: 23–25). Из камня изготовлялись большие чаны, вазы и другие предметы хозяйственного и бытового назначения. Известны были точильные камни, которые экспортировались.

Обработка дерева. Деревянные конструкции, как было указано, применялись в архитектурных строениях. Правда, монументальные светские и культовые строения имели каменное сводчатое покрытие, но жилища и хозяйственные здания как в городах, так и в селениях имели плоские деревянные перекрытия. Разумеется, деревянными были также двери и оконные рамы, балконы. Дерево имело широкое применение в хозяйстве и быту.

В развалинах дворца Багратидов в их столице Ани, обнаружены образцы резного, а также расписного дерева с изображениями растительных орнаментов, зверей и птиц [Март Н.Я., 1934. С. 67; Орбели И.А., 1963. С. 30–33]. В Гос. музее истории Армении хранится ряд аналогов с изящной геометрической резьбой (табл. 161: 5–6). Один из них относится к X в., другие – к XII–XIII вв. На двух из них

обозначены и даты: 1161 и 1272 [Аракелян Б.Н., 1964. Табл. XXV].

Подлинный шедевр художественной резьбы по дереву – украшенные резьбой двери. Одна из них происходит из церкви св. Апостолов города Муша (размеры 202 × 142). Надпись указывает, что дверь сделана мастерами Торосом и Григором в 1134 г. [Тер-Аветисян С.В., 1926. С. 129–132].

Армянские надписи. Одно из значительных явлений средневековой армянской культуры – надписи. Они оставлены на архитектурных мемориальных памятниках, на металлических, каменных, деревянных изделиях. Достаточно сказать, что армянские надписи насчитываются многими тысячами и хронологически охватывают период с V по XIX в.

По содержанию это – строительные, дарственные, поминальные, благопожелательные надписи. Немало надписей, связанных с историко-политическими, военными событиями. Исключительное значение имеют надписи, отражающие социально-экономические отношения: земельные, имущественные, касающиеся купли и продажи недвижимого и движимого имущества, налоговой системы при правлении армянских Багратидов и особенно при владычестве сельджуков и монголов [Свод армянских надписей, 1973].

Гончарное производство. Разнообразный и массовый характер носило в X–XIII вв. производство бытовой керамики, включая и кухонную. Производились всевозможные сосуды для хранения продуктов. Карасы для хранения вина (емкостью от десяти до одной тысячи литров) часто украшались рельефными поясами. Обычны находки кувшинов различных форм и величины, горшков, мисок, чаш, кружек, светильников и другой посуды.

Массовый характер приобрело производство поливной керамики. Резко уменьшилось количество лепной керамики и, наоборот, широкое применение получило производство изделий на гончарном круге (табл. 162: 2). Имеется письменное свидетельство о приведении в движение гончарного круга с помощью ремня.

Производство керамики в X–XIII вв. сосредотачивается в городах и все более становится мелко-товарным производством. Гончары применяли различные приемы украшения керамических изделий. Наряду с традиционными видами узоров: ангобирование, лощение, нанесение резного или выемчатого орнамента, применялась техника накладывания фигур животных, зверей и птиц, а также техника штамповки (табл. 162: 4, 5, 8). При этом наложение возникло еще в X в. и характерно для Ани, а штамповка круглыми и цилиндрическими штампами получила широкое применение в Двине, Гарни и в городах Грузии и Азербайджана в XI–XIII вв. Круглыми штампами наносили обычно розетки, а цилиндрическими – фигуры людей, животных, зве-

рей, птиц в сочетании с растительными и геометрическими орнаментами, а также целые сцены [Кафадарян К.Г., 1952. С. 182–200; Абрамян В.А., 1956. С. 211–216; Аракелян Б.Н., 1958, с. 211–229].

Раскопками в Ани и Двине был обнаружен еще один вид неполивной керамики, так называемые сфероконические сосуды (табл. 162: 11). Такие сосуды широко известны в странах Востока от Средней Азии до восточных берегов Средиземного моря. По всей вероятности, они служили для хранения и, возможно, транспортировки ртути и различных составов с присутствием ртути, применяемых в ремесленном производстве мастерами по обработке металлов и алхимиками, тем более, что на некоторых экземплярах обнаружены остатки ртути.

В Ани было обнаружено более 600 экземпляров сфероконических сосудов и их фрагментов, в Двине – до 500. Они, как правило, имеют шаровидное тулово, нижняя часть сужается, приобретая коническую форму. Шейка узкая, головка имеет круглую форму с очень узким отверстием. Стенки сосудов весьма толстые, твердые и водонепроницаемые. В Ани встречаются в виде исключения сосуды с поливой. Изготавливались сосуды обычно на гончарном круге. Они, как правило, орнаментированы тиснением с помощью штампов, наложением накладных рельефных орнаментов. Орнаментальные мотивы на сфероконических сосудах сделаны до обжига, но на тех же сосудах есть знаки, вырезанные после обжига.

Сфероконические сосуды получили широкое распространение в XI–XIV вв. Ряд сосудов найден в цитадели Ани, разрушенной в 60-х годах XI в. Способ их орнаментирования с применением форм также позволяет датировать часть этих сосудов X–XI вв. [Орбели И.А., 1963. С. 64; Кафадарян К.Г., 1952. С. 200–207; Джанполадян Р.М., 1982].

Поливная керамика. Весьма значительным явлением была организация производства поливной керамики. В Армении поливная керамика как импортная, так и местного производства появилась еще в период античности, хотя имела весьма ограниченное распространение.

В конце античного периода и в раннем средневековье, вплоть до VIII в. включительно, она не встречается. Можно констатировать, что производство поливной керамики в широких масштабах было связано с формированием и ростом средневекового феодального города.

В более ранних изделиях IX в. преобладают три цвета: желтый, зеленый и коричневый, которые наносились на сырой ангоб, без отметки контуров. С конца IX в. и в начале X в. контуры орнаментов отмечались линиями более темного оттенка. Начиная с X в. применяются и другие приемы орнаментации, например, выемчатая техника, т.е. удаление белого ангоба на фоне орнаментов, вследствие чего прозрачная полива получала более темный от-

тенок. Этим способом изделия покрывали растительными и геометрическими орнаментами (табл. 163 : 7, 8). Другой способ орнаментирования – роспись ангобом на неангобированном фоне. Позднее, начиная с XI в., особенно в XII–XIII вв. широкое применение получает гравировка, которая осуществлялась на белом ангобе до нанесения поливы (табл. 163: 4). Многие изделия покрывались ангобом и с внутренней стороны и снаружи. Орнаменты выполняли или только гравировкой или же в сочетании с разноцветной поливой. При массовом производстве поливной керамики во второй половине XII в. и в XIII в. господствовали грубая гравировка и небрежное нанесение разноцветной поливы. Однако, несмотря на это, поливы с их богатой гаммой красок придавали изделиям нарядный облик. С начавшимся в конце XIII в. упадком городов переживает упадок также искусство поливной керамики [Март Н.Я., 1934. С. 86, 108; Орбели И.А., 1963. С. 50–60; Шелковников Б.А., 1942; 1952; 1957; Кафадарян К.Г., 1952. С. 207–229; Абрамян В.А., 1956. С. 216–222; Аракелян Б.Н., 1958. С. 230–253; Бабалян Ф.С., 1981].

Говоря об орнаментальных мотивах, следует отметить, что они довольно разнообразны. Часто встречаются растительные мотивы – дерево жизни, розетки, бутоны, цветы, ветки с тремя парами листьев. Гораздо чаще применялись геометрические орнаменты – прямые линии, завитки, пересекающиеся линии, иногда образующие сетки, круги, шахматный узор, треугольники. В орнаментации как поливной, так и неполивной керамики нередко зооморфные мотивы – фигуры домашних и диких животных, лошадей, коз с козлятами (иногда возле дерева жизни), быков, собак, оленей, туров, а также львов, волков, пантер. Обычны также изображения птиц – орлов, павлинов, голубей, сов. Встречаются также фигуры людей, сцены ритуального танца.

Многие орнаментальные мотивы были связаны с почитанием растений и животных, сохранившимся в народе с древних времен и связанным с культом плодородия, а также с христианской символикой, например, фигуры павлинов, голубей, оленей [Бабалян Ф.С., 1981].

Фаянс. Наиболее ранние образцы найденных в Армении фаянсовых изделий относятся ко второй половине IX в. и привезены из месопотамских центров производства фаянса, по всей вероятности, из Самарры. Они покрыты глухой глазурью и расписаны кобальтом.

Другую группу раннего фаянса составляют изделия с надглазурной люстровой росписью. Все фаянсовые изделия IX–X вв. обнаружены при раскопках в Двине. Здесь же по образцам месопотамского происхождения еще в X в. было налажено производство фаянса, покрытого глухой глазурью или росписью люстром. В основном это чаши и миски,

которые повторяют формы и технику привозных образцов, но отличаются по качеству, размерам, отчасти по орнаментации, в которой прослеживаются местные мотивы.

В Двине же обнаружены изделия полихромного расписного люстром фаянса месопотамского, византийского и египетского производства IX–X вв.

По торговым путям, проходящим через Среднюю Азию в Армению, доставляли изделия китайского селадона, образцы которого найдены в развалинах дворца Багратидов в столице Ани, разрушенной сельджуками в середине XI столетия.

В конце X и начале XI в. в Армении появляется новый вид фаянсовых изделий, орнаментированных гравировкой, “ажуром” и покрытых прозрачной глазурью кобальтового и других цветов. Много таких чаш было найдено в развалинах дворца Багратидов в Ани, а также в Двине (табл. 164: 1–7). Однако эта техника получает более широкое применение позднее, в XII–XIII вв.

Крупными центрами производства фаянса были города стран Передней Азии, Месопотамии, Сирии, Египта, Ирана. Фаянсовые изделия становятся предметом оживленной международной торговли, а способы их производства – достоянием керамистов разных стран. Армения становится одним из центров производства фаянсовых изделий, которые производились в значительных масштабах и вывозились за пределы страны.

Армянские мастера производили высокохудожественные изделия. При этом применялись надглазурная и подглазурная роспись, разноцветная кобальтово-синяя, бирюзовая, голубая, коричневая, фиолетовая полива. Сосуды украшались гравированными, рельефными или накладными, растительными, геометрическими орнаментами, фигурами животных реальных и мифических (сирины) птиц, людей [Жамкочян А.С., 1981]. Раскопками Ани, Двина, Гарни и других памятников накоплено огромное количество керамических изделий, представляющих обширную область народного художественного творчества.

Стеклоделие (табл. 165–166). Стеклоделие в Армении X–XIII вв. продолжает развиваться, ширятся ее масштабы. С ростом городов появляются новые центры стеклоделия, продукция которых все больше вовлекается в торговый оборот. Расширяются и контакты с центрами стеклоделия соседних стран. Если раньше такие связи существовали главным образом с Месопотамией и Ираном, то начиная с X в. крепнут связи с сирийскими и византийскими центрами стеклоделия, что в значительной мере способствовало повышению уровня мастерства армянских ремесленников-стеклоделов.

Раскопками Ани, Двина, крепости Гарни обнаружено большое количество стеклянных изделий, которые отличаются разнообразием форм, видов и от-

делкой. В Армении производилась бытовая посуда: чаши, флаконы, стаканы, кубки и бокалы, кувшинчики, фляги, цилиндрические и шаровидные сосуды, банки и коробочки, а также лампы, чаши-свечильники для люстр, украшения – браслеты, перстни и бусы – и даже сосуды для алхимиков (табл. 165).

О наличии местного производства стекла свидетельствует не только обилие стеклянных изделий, их местные особенности, но и обнаруженные в Ани и Двине стеклодувные мастерские.

В X–XIII вв. произошли изменения в способах и технике производства изделий и их отделки. Мастера отказались от единичного литья в форме, выполнения фасеток шлифовкой или резного рельефного орнамента и, наоборот, стали широко применять свободное дутье, а также многократное дутье в разъемных створчатых формах, рифление стаканов и других изделий (табл. 166: 19–27).

Повышается качество стеклянных изделий, обогащается их цветовая гамма. Наиболее характерным является зеленый цвет и его оттенки, составляющие 39% изделий. Желтое стекло составляет 13%, голубое – 6%, но эти оттенки прослеживаются и в изделиях зеленого цвета. Изделия красного и черного цветов встречаются редко [Джанполадян Р.М., 1974. С. 30].

В декоре изделий в XII–XIII вв. наиболее широкое применение получает способ наложения накладных орнаментов в виде капель, точек, волнистых и пересекающихся ниток и прочих узоров.

Для орнаментации готовой продукции важное значение приобретает роспись разноцветными красками и эмалью, которая получает широкое распространение в странах Ближнего Востока, в частности, в сирийских и византийских центрах стеклоделия. В Ани и Двине найдены фрагменты расписных сосудов с арабскими надписями как местного производства, так и привозные [Аракелян Б.Н., 1964. С. 48–49, табл. 2].

В Двинской цитадели найдены обломки дисков диаметром от 18 до 27 см, которые, видимо, применялись как оконные стекла. В Ани обнаружены гипсовые и алебастровые рамки для оконных стекол.

Начиная с X в. производились также стеклянные браслеты, которые получили широкое применение в XII–XIII вв. Они являются обычными находками при раскопках городов и крепостей средневековой Армении. Более ранние браслеты – гладкие, одноцветные кобальтово-синего, черного и зеленого цветов. Позднее часто встречаются витые браслеты, изготовленные из разноцветных жгутиков и тонких нитей, скрученных вместе (табл. 166: 1–11). Встречаются также бусы, служившие украшением, некоторым приписывалось значение оберега от злых духов или сглаза [Джанполадян Р.М., 1974. С. 42] (табл. 166: 12, 14, 15).

Алхимия. Армения была признана как одна из

стран с развитыми алхимическими знаниями. “Философский камень” иногда назывался “армянским камнем”.

Алхимия в Византии носила более умозрительный, мистический характер, что было свойственно также европейской алхимии XII–XIII и последующих веков с ее всемогущим “философским камнем” или “элексиром жизни”.

Алхимия в Армении с ее восточными традициями была тесно связана с развитием ремесел и носила более практический характер. Она переняла от арабской алхимии ее экспериментальную направленность и развивала ее дальше.

Благодаря обширным торгово-экономическим связям армянских купцов и переселенцев, армяне играли заметную роль в распространении алхимических знаний. Справедливо отмечается, что Армения была передатчиком химических знаний, откуда врачи и химики-ремесленники отправлялись на Русь и в другие страны.

В армянских алхимических рукописях встречаются упоминания о десятках металлов, с которыми имели дело алхимики, и еще больше – описаний процессов, применяемых ими на практике, и способов создания различных сосудов, приборов и аппаратов для использования в алхимии и других ремеслах [Кадарян К.Г., 1940; Аракелян Б.Н., 1958. С. 335–341].

В рукописях сохранились рисунки отдельных видов алхимической аппаратуры. Имеются и археологические находки аламбиков и других сосудов, связанных с алхимией (табл. 165: 4–9). Из алхимических сосудов в Двине найдено несколько аламбиков. Возможно, что алхимики использовали сфероконические и другие сосуды из стекла [Джанполадян Р.М., 1974. С. 40] (табл. 165: 8, 9).

Производство лекарственных средств. В монастырских школах высшего типа изучали медицину. Медики были знакомы как с античной, так и передневносочной средневековой медициной. Авторы армянских лечебников XII–XIII вв. часто ссылаются на авторитет Гиппократa, Аристотеля, Галена, особенно на положения Ар-Рази, Али Ибн-Сины (Авиценны). Медики использовали различные инструменты для операций и большое количество лекарственных средств для лечения. В лечебнике Мхитара Гераци упомянуто до 220 лекарств, из коих 193 растительного, 20 минерального и 7 животного происхождения. В лечебнике Григориса (XIII в.) приведено до 300 рецептов, при этом в каждом рецепте по средневековым обычаям смешивались несколько, иногда более десяти лекарственных веществ [Кцюян А.С., 1968].

При изготовлении лекарств применялись бронзовые ступы, образцы которых найдены в Анберде (табл. 158: 8), мраморная доска и шар для терки лекарств, а также глазуванная посуда. Хранились лекарства в стеклянных и глазуванных сосудах.

В качестве лекарства использовалась розовая вода. В рукописях сохранилось описание способов ее получения. В одном случае розовые лепестки ставились в сосуд со дном, имеющим множество мелких отверстий, с которым герметически соединялся нижний сосуд. Огонь горел сверху над крышкой сосуда с розовыми лепестками, а розовая вода собиралась в нижнем сосуде. При раскопках нередко обнаруживаются сосуды с множеством отверстий на дне, которые обычно признаются как сосуды для процеживания, но не исключено их применение для подобных целей.

Обычным было изготовление благовоний, издревле имевших широкое применение на Востоке.

Курение фимиама в церквях совершалось по обычаю, курение благовонных смол и трав во дворцах знати и в жилищах городской верхушки совершалось по обычаю. При раскопках найдены бронзовые курильницы и кадила (Табл. 158: 10, 2).

Ткацкое производство. Основным сырьем для производства тканей в средневековой Армении были хлопок, лен, шерсть и шелк. Производство шерстяных тканей началось с древнейших времен, а хлопчатобумажных и шелковых тканей, связанных с хлопководством и шелководством, появилось в Армении уже в раннем средневековье.

В производстве тканей применялись горизонтальные, простые и вертикальные усовершенствованные станки. Городские ткачи использовали вертикальные станки. В источниках сохранились десятки названий частей и деталей такого станка и самого процесса работы ткача.

В Двине была обнаружена мастерская, в которой применялся вертикальный станок, а при раскопках средневековых городов и крепостей найдено множество челноков из кости и изредка из меди [Марр Н.Я., 1907. С. 2; Аракелян Б.Н., 1958. С. 268–269] и других предметов, связанных с ткацким ремеслом (табл. 159: 1, 4–10).

Ткачи производили широкий ассортимент тканей, начиная от тюлевых и тонких шелковых и льняных тканей до грубых рогож из конопляных ниток и власяниц из козьих волос [Григор Магистр, 1910. С. 204].

Интересно, что ткачи именовались по виду использованного сырья (шерсть, лен, хлопок, шелк). Это в известной мере отражало разделение труда в ткацком ремесле. В высококачественных дорогих тканях вместе с шелковыми и льняными применялись также золотые и серебристые нитки, производились золототканые и серебристые “дипаки” (парча). Особо ценились ткани, покрашенные краской “вордан кармир” – армянской кашенилью, которая у арабов называлась “кирмиз”. Крашенные этой краской армянские ткани в Византии именовались “порфирикон”. Арабские авторы с похвалой говорят об армянских тканях и готовых

изделиях. Ибн-Хаукаль, говоря о Двине, пишет: «...А что касается произведений, называемых “армянскими тканями”, то это “бутт” (головное покрывало), сидения, ковры, покрывала, коврики и подушки, нет им подобных среди предметов из конца земли в конец и во всех направлениях» [СМОМПК, 1908. Вып. XXXVIII. С. 92].

Образцы тканей, в том числе и высококачественных дипаков, дошли до нас в качестве подкладок переплетов рукописей X–XIII вв. [Дурново Л.А., 1953. С. 1–98; Тараян З.Р., 1978. С. 50–54].

О производстве тканей и их отделке можно судить не только по данным письменных источников и по образцам, сохранившимся под переплетами рукописей, но и по археологическим находкам, хотя и немногочисленным. В Двине найдены фрагменты златотканых и простых тканей. В Ани находки более существенны. Они обнаружены в одной из могил пещерной гробницы, где была захоронена девочка лет пяти-шести. В погребении было найдено семь различных видов тканей, вышивок золотыми или темно-фиолетовыми нитками и пр. В цитадели Ани была найдена часть одеяла из тонкой ткани в несколько слоев с ватой между ними, а в гостинице города – обрывок превосходной шелковой ткани малинового цвета [Орбели И.А., 1910. С. 32–35; 1963. С. 43–47].

Ковроделие. Ковроделие было одним из развитых ремесел средневековой Армении [Темурчян В.С., 1955; Аракелян Б.Н., 1958. С. 190–196]. Армянские ткани и ковры ценились так высоко, что в книге церемоний Аббасидского двора предусмотрено было, чтобы халиф сидел на высоком троне, покрытом армянским шелком и чтобы ковры летом и зимой были только армянскими [Тер-Гевондян А.Н., 1977. С. 251].

Арабский автор X в. Ибн-Фадлан, посетивший страну камских булгар, сообщает, что юрта правителя, где могли бы поместиться тысяча человек, была устлана армянскими коврами [Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939. С. 73].

Академик Я.А. Манандян на основании этих сведений справедливо отметил экспортное значение производства ковров в Армении [Манандян Я.А., 1930. С. 162].

Сохранился великолепный ковер с армянской надписью 1202 г. Центральное поле ковра красное, украшено сводчатым архитектурным мотивом, внутреннее обрамление состоит из растительного орнамента в виде трилистников. На золотистом фоне наружного, более широкого обрамления помещены веточки и стилизованные цветы красного и синего цветов [Riegl A., 1895].

Кроме больших ковров в Армении производились маленькие ворсовые коврики, которые назывались “тапастак”. Они имели широкий спрос у верующих мусульман и считались молитвенными ковриками.

В Армении производились также ковры без ворса, которые назывались “карпетами”. Они обычно были полосатыми и находили широкое применение среди неимущего населения.

Остатки как ворсовых, так и неворсовых ковров были найдены в развалинах дворца Багратидов в Ани, а также в пещерной гробнице с могилой девочки.

Краски и красильное дело. С производством тканей и ковров связано было производство красок и красильное дело. Краски применялись и в других областях: в стенной и книжной живописи, для окрашивания кожаных, глиняных изделий.

Армения издревле славилась не только своей кашенилью, но и минеральными и растительными красителями. Еще античные авторы: Страбон, Плиний Старший, Витрувий говорили о привозимых из Армении минеральных красителях сандик (sandyx) – красного цвета, атмениум – лазурно-синего цвета, хризоколу. Армянская лазурь (“ладжвард” средневековых источников) считалась одним из лучших и ценных красителей. Известностью пользовалась также “армянская глина”.

В Ани и в других городах существовали “красильные дома”, которые считались доходными заведениями.

На основании практики были установлены способы нанесения красок на фон и определенные части изображений, а также способы сочетания различных красок для получения требуемого цвета или оттенка, при этом в рукописях приведена и схема сочетания красок [Арутюнян А.Х., 1941; Аракелян Б.Н., 1958. С. 304–309] (табл. 26: 5).

Производство рукописных книг. При всех монастырях средневековой Армении существовали скриптории для переписки и оформления, переплетения и украшения миниатюрами рукописных книг. Основным материалом для рукописей служил пергамент, с конца X в. применение получает также бумага, но пергамент сохраняет свою важную роль, и производство бумаги и пергамента шло параллельно. Производились пергаменты из шкур овец, коз, телят и других животных. Лучшим считался тонкий и “блестящий, как лилия” пергамент. В рукописях сохранилось описание довольно трудоемкого процесса изготовления пергамента.

Первоначально рукописи переписывались в основном по заказу круглыми заглавными буквами, а с X в. и мелкими буквами, что было связано с вовлечением рукописных книг в торговый оборот. Мелкое письмо в XII–XIII столетиях стало основным видом армянского письма и легло в основу современного типографского шрифта (табл. 165: 3).

При раскопках в Двине найдена чернильница с отделениями для чернил разных цветов, в рукописях сохранились изображения принадлежностей переписчиков (табл. 165: 1, 2).

Отдельным ремеслом стало переплетение рукописных книг кожаными переплетами, которые, как правило, украшались геометрическими орнаментами способом штамповки или тиснения. Иногда переплеты вставлялись в металлические оклады чеканной работы.

Велико наследие средневековой армянской письменности: до нас дошли тысячи рукописей, охватывающих по содержанию все области науки, культуры и искусства.

Денежное обращение (табл. 167). Армения являлась крупным центром ближневосточной торговли и естественно, что при раскопках средневековых городов и крепостей страны найдена масса серебряных, медных и золотых монет. Однако армянские цари династии Багратидов (885–1045) собственных монет не чеканили, и в денежном обращении находились монеты соседних государств. В IX–XI вв. потребности разросшейся торговли обеспечивались монетами, выпущенными Арабским халифатом и Византийской империей.

Арабские серебряные и медные монеты выпускались во многих центрах Халифата. Золотые монеты чеканились в ограниченном количестве. Серебряные монеты имели международное хождение, медные же применялись на внутренних рынках (табл. 167: 1–3).

В денежном обращении страны в IX–XI вв. важное значение имели также византийские монеты. С начала XI в. в условиях “серебряного кризиса”, начинавшегося в Передней Азии, преобладание на международном рынке получили византийские золотые монеты, медные же монеты имели широкое применение на внутренних рынках как Переднего Востока, так и западных стран Империи.

Византийские монеты – обычные находки на территории Армении, при этом нередко также находки кладов византийских золотых монет (табл. 167: 4–7).

С падением Арабского халифата в XI в. резко сокращается приток серебряных монет, а вследствие начавшегося “серебряного кризиса” выпускаются низкопробные монеты с примесью меди.

В XII–XIII вв. денежная система в странах Переднего Востока подверглась сильному изменению. При походах турок-сельджуков городам и торговле этих стран был нанесен серьезный урон. Новый экономический подъем начинается лишь во второй половине XII в.

В обращении в Закавказье находились в основном медные монеты Ильдегизидов. Медные монеты выпускали также сельджукские эмираты, возникшие на юге и западе Армении (табл. 167: 8–11).

Значительным явлением в Закавказье был вы-

пуск медных монет грузинскими царями во второй половине XII в. и в XIII в. (табл. 167: 12–15).

С установлением владычества монголов на Среднем и Переднем Востоке начинается новый период в денежном обращении этих стран. Широкое применение приобретают серебряные монеты монгольских ханов. Нужды внутреннего рынка обеспечиваются медными монетами. Небезынтересно, отметить, что при Абага-хане (1265–1281) в городах Армении чеканились медные монеты с армянскими и арабскими надписями и христианскими знаками на одной, и с уйгурской надписью на другой стороне.

При монгольском владычестве развивается в основном внешняя торговля, а внутренняя – по мере упадка городов и городской жизни – сокращается как в Армении, так и в соседних странах.

* * *

Экономическому и культурному развитию Армении в IX–XIII вв. способствовали широкие торговые связи с другими странами. Через Армению проходили две магистральные линии международной торговли: одна по северу страны, другая – по югу. Знаменательно, что на них и находились наиболее крупные города средневековой Армении.

Обе линии торговли шли через Иран и связывали армянские города со странами Византийской империи и Арабского халифата.

Внутренними дорогами города Армении были связаны с городами Грузии, Кавказской Албании (с XI в. Азербайджана), а через Дербентский и другие проходы Кавказских гор – с Северным Кавказом, Волжскими болгарами и Киевской Русью. Связи с последними осуществлялись также через южные и восточные порты Черного моря.

Рост городов, развитие ремесел, внутренней и внешней торговли, сосредоточение в городах значительного населения и зарождение городского сословия имели прогрессивное значение для развития феодального общества и привели к большим сдвигам как в экономической и социальной, так и в культурной жизни страны.

Очевидным становится развитие светского начала в общественном мышлении – в литературе и искусстве.

Аналогичные явления происходили также в соседних странах, и можно без преувеличения сказать, что страны Среднего и Ближнего Востока, в их числе и Армения и весь Кавказ, а также бассейн Средиземного моря в эпоху средневековья находились на передовой линии социально-экономического и культурного развития феодального общества.

Раннесредневековая Албания в IV–VII веках

История изучения археологических памятников раннего средневековья. Города, укрепления

В раннесредневековый период на территории Азербайджана располагались земли двух государств: Албании и Атропатены. Эти страны находились в выгодном как в экономическом, так и стратегическом отношении регионе.

Нет необходимости в описании естественно-географических условий территории, занимаемой Албанией и Атропатеной, так как оно дано в соответствующем томе*. Однако отметим, что земли Албании и Атропатены были богаты и отличались плодородием, способствующим развитию земледелия, скотоводства, ремесел и других видов хозяйства. Водные артерии, расположенные здесь, благоприятствовали орошению земель. Богатая флора и фауна также являлись одним из существенных источников сырья и продуктов питания. Заметную роль в экономической и культурной жизни населения этого края играло и Каспийское море.

В пределы Албании в IV–VII вв. входили области Ути, Арцах, Пайтакаран, Чора, Лпиния, Гардман, Шакашен и другие.

Нахичеванские, Талыш-Ленкоранские и Муганские земли современного Азербайджана входили в состав Атропатены (рис. 18).

Археологические памятники этой поры на территории Азербайджана исследованы недостаточно и неравномерно. Однако развернувшиеся в течение последних трех десятилетий большие работы по выявлению и изучению археологических памятников раннего средневекового периода и публикации по ряду памятников, а также исследования письменных источников создают базу, опираясь на которую можно достаточно аргументированно охарактеризовать экономику и культуру Албании того периода.

Началом археологического исследования памятников раннего средневековья в Азербайджане могут считаться стационарные раскопки в Мингечауре (1946–1953 гг.), где на протяжении семи лет были выявлены и исследованы многочисленные и разнообразные археологические памятники, в том числе раннесредневековые. К последним относятся поселения № 2 и 3, ряд культовых и погребальных памятников [Ваидов Р.М., 1961; Асланов Г.М., 1963].

С 1958 г. с перерывами ведутся археологические раскопки городища Гяуркала в с. Бойахмедли Агдамского района [Ваидов Р.М., 1965. С. 167; Геюшев Р.Б., 1978. С. 496], где открыты и исследованы фундаменты и остатки различных строений – домов, храма, оборонительных сооружений.

В 1961–1963 гг. велись археологические исследования городища Торпаккала, находящегося в Какском районе Азербайджана. Это многослойное поселение II–XV вв., являющееся длительное время крупным населенным пунктом городского типа на северо-западе Кавказской Албании [Ваидов Р.М., 1965а. С. 201–211].

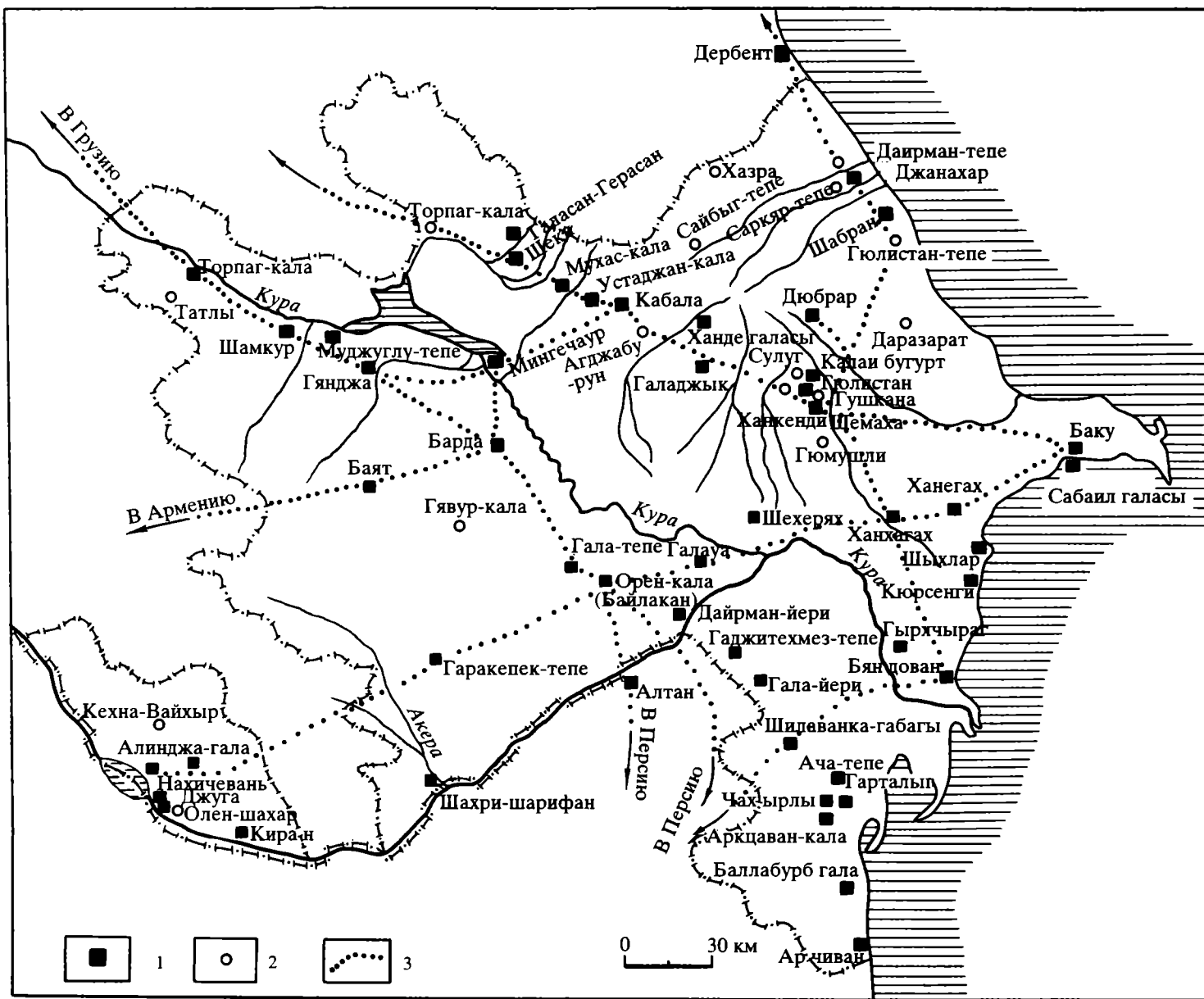
С 1958 г. исследуются памятники города Шемахи и его окрестности, в результате чего, наряду с другими памятниками, выявлены и изучены поселения и могильники эпохи раннего средневековья, среди них культурные слои и могильное поле городища Шемахи [Халилов Дж.А., 1961. С. 31–47; 1962. С. 209–220; 1965. С. 78–95], поселение Гюмушли [Нуриев А.Б., 1965. С. 159–166], кувшинные погребения Шергяха [Нуриев А.Б., 1973. С. 220–238], поселение Даг-Коланы [Халилов Дж.А., 1965. С. 114–127], Агземи [Оруджев А.Ш., Алиев А.А., 1976. С. 57–66] и другие.

С 1958 г. изучаются остатки главного города Кавказской Албании Кабалы и ее окрестности. В результате установлено наличие культурного слоя мощностью около 1,5 м, относящегося к IV–VIII вв. [Гадиров Ф.В., 1978. С. 41].

Недалеко от городища Кабалы на горе Килседаг в 1971 году выявлены и изучены цокольная часть и остатки стенок круглого в плане центрально-купольного храма [Ваидов Р.М., Мамедзаде К.М., Гулиев Н.М., 1972. С. 487–488].

Некоторые вещественные материалы, характерные для раннего средневекового периода, дало городище, отождествляемое с городом Хунан [Ваидов Р.М., Гулиев Н.М., 1974. С. 278], расположенное на холме Торпаггала, на правом берегу р. Куры в Таузском районе, где в 1972–1978 гг. проводились археологические раскопки и установлена стратиграфия культурного слоя [Ваидов Р.М., Гулиев Н.М., 1973. С. 20–21; Ваидов Р.М., Гулиев Н.М.,

* См.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Рис. 18. Карта средневекового Азербайджана

Условные обозначения: 1 – города и крепости; 2 – сельские поселения; 3 – древние дороги. Составлена Г.М. Ахмедовым

Гасымов Э.А., 1978. С. 44–47; Ваидов Р.М., Гулиев Н.М., 1978. С. 495–496; Ваидов Р.М., Геюшев Р.Б., Гулиев Н.М., 1979. С. 511].

Начиная с 1963 г., несколько лет проводились археологические исследования на городище Амарас и в расположенном здесь храме, а также на памятниках, находящихся в его окрестностях, где установлена стратиграфия культурного слоя и добыт значительный вещественный материал, уточняющий малоизвестные и спорные вопросы археологии Албании [Геюшев Р.Б., 1975].

С 1960-х годов исследуется многослойное поселение Гаракепек-тепе близ города Физули, где вскрыт культурный слой мощностью 2,7 м, относящийся к раннесредневековому периоду [Исмаилов Г.С., Даниелян О.А., 1978. С. 19–21].

На примере северо-восточных районов Азербайджана, где выявлена, картографирована и частично обследована большая группа памятников раннего средневекового периода, можно сделать общие выводы для всего Азербайджана [Халилов Дж.А., 1965. С. 154–162; 1965а. С. 175–179; Халилов Дж.А. и др., 1977. С. 493–496; 1978. С. 500–501; Оруджев А.Ш., 1980. С. 422].

Указанная зона находится непосредственно перед знаменитым Дербентским проходом. Известно, что для обеспечения своей безопасности с севера Сасаниды особое внимание уделяли этому стратегическому району. Здесь возводились мощные оборонительные сооружения, где держали особые гарнизоны; сюда переселили из Ирана большое количество ираноязычного населения и, тем самым, вытеснили аборигенное население на нагорье. На этих частично непригодных для постоянного жительства землях в настоящее время известно более 60 памятников раннего средневековья (более 50 поселений и 9 могильников).

Поселения располагались на холмах, как правило на местах древних (эпохи поздней бронзы) поселений. Правда, в средневековье они занимали значительно большие площади, разрастаясь вокруг холма. Установлено, что прежде, чем начинать активное заселение выбранного для жительства холма, основная территория будущего поселения основательно укреплялась широким рвом и эскарпированием пологих склонов. При сооружении рва выкопанная земля выбрасывалась на наружную сторону, где образовывался земляной вал. В тех случаях, когда это не удовлетворяло потребностям обороны, на уязвимых местах возводили стены на булыжном фундаменте из сырцового кирпича. В таких укреплениях селилась обычно привилегированная аристократическая часть общества, остальное население жило вокруг холма на открытом поселении.

Поселения размещались на осваиваемых землях группами, поблизости друг от друга. Наряду с поселениями сельского типа выявлены развалины нескольких городов, которые отличаются прежде всего обширностью и расположением на более выгодных в стратегическом и экономическом отношениях местах, а также находками, типичными для городской экономики и культуры. Таковы городища Сандыктепе, Джанахар, Шабран и др.

Археологические материалы по застройке поселений этого периода были получены при раскопках Мингечаурских поселений № 2 и 3.

Поселение № 2, занимающее площадь в 14 га, вероятно, представляет собой остатки города.

Поселение № 3, расположенное в 2,5–3 км к северу от поселения № 2, находилось на холме. Оно являлось обширным пригородным поселением сельского типа. Выявленные при раскопках остатки различных строений показали, что жилые дома здесь состояли из нескольких четырехугольных комнат площадью 10–18 кв. м каждая. Полы помещений утрамбованы и обмазаны глиной. У стены в некоторых комнатах в двух-трех местах выявлены остатки четырехугольных очагов (25–30 см ширины, 50–60 см длины) на специальной, приподнятой на 0,5 м от пола, площадке. Очаги с трех сторон имеют глинобитные стенки шириной 4–5 см и высотой 15 см. Одна сторона открытая. Предполагают, что эти очаги использовались как для приготовления пищи, так и для отопления помещения [Вайдов Р.М., 1961. С. 24].

Раскопки показали, что в Мингечауре в IV в. постройки были глинобитные, а с V в. широкое применение получают сырцовые кирпичи [Вайдов Р.М., 1961. С. 24–25]. В изученных поселениях, расположенных в других районах, на протяжении всего раннего средневековья зафиксированы стены, сложенные из сырцового кирпича (размер 45 × 32 × 10; 42 × 40 × 12; 42 × 30 × 9; 40 × 38 × 10 см), булыжного и рваного камня, скрепленных глиня-

ным раствором [Исмаилов Г.С., Даниелян О.А., 1978. С. 19].

Перекрытия массовых помещений, судя по имеющимся археологическим данным и этнографическим сведениям, были односкатными. Для перекрытия использовали бревна, на которые укладывали камыш или хворост, поверхность посыпали тонким слоем земли и сверху гладко обмазывали хорошо отмученной и перемешанной с соломой глиной. Такие крыши были широко распространены до недавнего времени в большинстве сел Азербайджана. Изредка в городских строениях для перекрытия крыш употреблялась черепица. Несмотря на то, что в зависимости от природно-географических условий, строения каждой области имели некоторые отличия, в целом во всей раннесредневековой Албании общие их конструкции были однотипны, что свидетельствует о традиционном единстве строительных приемов.

Города были основными средоточиями экономики и культуры страны. Многие большие поселения в процессе экономического развития становились городами – ведущими центрами экономики и культуры страны.

Наряду с древними городами Албании – Нахичеванью, Кабалой, Шемахой, Чором, Дербентом и др., в раннем средневековье появились новые города – Барда, Байлакан, Шабрань, Шеки, Гянджа и др., которые становились основными экономическими, культурными и административными центрами.

Широкие и планомерные археологические раскопки последних двух десятилетий на городище Кабала, расположенном близ села Чухур-Кабала, подтвердили известные по письменным источникам сведения о том, что Кабала в раннем средневековье была одним из крупнейших городов Албании. Это прежде всего относится к древней части городища – Сельбиру, где выявлен культурный слой мощностью 2,3 м, стратиграфически делящийся на три периода – I в. до н.э. – III в. н.э.; IV–VII вв.; X–XI вв., причем второй (раннесредневековый) слой гораздо мощнее (1,5 м), чем остальные [Гадиров Ф.В., 1978. С. 40–41]. Толщина культурных напластований, многочисленные находки в них указывают на интенсивную жизнь города в IV–VII вв. В этой части городища частично обследованы остатки крепостных стен и башен. Башня была возведена из булыжника на известковом растворе и облицована четырехугольными плитами мягкого пористого камня. Стены укреплялись бревнами, вставленными через определенные промежутки. Крепостные стены сложены из пористого камня на известковом растворе, толщина их 2,4 м [Гадиров Ф.В., 1975. С. 62–64].

Раскопки выявили и другие остатки строений – хозяйственные и бытовые ямы, остатки различных построек, водопровода. Обнаружены вещественные находки, характеризующие экономику, куль-

туру и быт кабаинцев в раннесредневековый период. Установлено, что жизнь в этой части города в X в. полностью замерла [Казиев С.М., 1964. С. 24–33].

Сельбир составлял древнюю часть Кабалы, а впоследствии в южной стороне образовалась вторая часть города, известная под названием Кала.

Считают, что Сельбир защищал подступы к городу с севера, из северных его ворот шла благоустроенная дорога в северном направлении [Тревер К.В., 1959. С. 259]. Археологические открытия показывают, что Сельбир являлся не только защитным сооружением, а по сути дела той Кабалой, которая, начиная с первых веков нашей эры, стала столичным городом Албании. С IV в. столица как центр марпанства была перенесена в Барду. Но и после этого Кабала не потеряла экономическую значимость.

Не менее крупным городом Албании была Шемаха. В результате многолетних археологических обследований выяснено, что по сравнению с предыдущим периодом, в раннем средневековье город занимал гораздо большую площадь. К сожалению, городище раннесредневековой Шемахи не подвергалось археологическим раскопкам, но на нем было открыто более 100 погребальных памятников, сопровождающихся богатым и разнообразным инвентарем. Полученные материалы подтверждают, что Шемаха занимала ведущую роль не только во внутренних, а также во внешних экономических и культурных связях страны.

Следует отметить, что в то время в Шемахе претерпел заметные изменения погребальный обряд. Наряду с грунтовыми и кувшинными погребениями, появляются захоронения в каменных ящиках. Изменения прослежены и в погребальном инвентаре: увеличивается число предметов сасанидского происхождения (монеты, печати и др.). Эти факты в совокупности позволяют предположить, как нам кажется, что в городе появилась какая-то новая этническая группировка.

Во всяком случае очевидно, что значение города Шемахи особенно возросло именно в сасанидский период. С целью взятия под контроль Шемахи, ее окрестностей и особенно проходящих отсюда на север путей здесь, как и в других стратегических узловых пунктах, Сасаниды размещали ираноязычных переселенцев. Отметим, что и в настоящее время в Шемахинской зоне часть населения говорит на татском языке, являющемся одним из диалектов персидского языка.

Среди городов Кавказской Албании заметно выделяется Дербент, северный форпост страны (табл. 168: 1). Раскопками установлено, что мощность культурного слоя в цитадельной части города достигает 7–8 м, причем на слой после арабского периода приходится только половина этой толщины. Обживание района Дербент велось, как установил еще М.И. Артамонов, начиная с середины

I тысячелетия до н.э. [Артамонов М.И., 1946; Кудрявцев А.А., 1974. С. 157].

Стратиграфическое исследование культурного слоя и обследование территории, занимаемой остатками города, свидетельствуют о том, что в раннесредневековый период площадь города заметно расширяется. С этого времени “Дербент выступает уже не только как укрепленный пункт, ограждавший Закавказье от набегов северных кочевых племен, но и как город, крупный политический и экономический центр на Восточном Кавказе, столица одного из наместничеств, вошедших в состав державы Сасанидов (после 461 года)” [История Дагестана, 1967. С. 121].

К югу от Дербента находится большое городище с остатками стен, башен и ворот. Городище окружено глубоким рвом [История Дагестана, 1967. С. 122]. В литературе оно известно под названием “Турпаг кала”. Площадь его составляет более 100 га. В свое время оно отождествлялось с городом Албаном [Исаков М., 1941. С. 156–157], древним городом Чол или Чола Чор-Чога [История Дагестана, 1967. С. 122] и, наконец, с одной из ранних хазарских столиц – городом Беленджаром [Котович В.Г., 1974. С. 196–201]. Все эти мнения построены на сведениях письменных источников. Археологические работы на городище не производились. Нет сомнений в том, что раскопки раскроют много нового как в истории, так и культуре Албании.

На развалинах другого, ставшего с середины VI в. столицей и основным религиозным центром Албании, города Барды исследования тоже не проводились. В письменных источниках об основании города Барды имеются разные сведения. Некоторые источники сообщают, что Барда основана в период Александра Македонского, другие приписывают основание города Сасанидскому царю Кавату I (488–531), имеются также сведения о том, что Барда основана по указанию Сасанидского царя Пероза (459–484) во время правления албанского царя Ваче II. Одно бесспорно: в раннее средневековье Барда стала крупным экономическим, культурным и административным центром страны.

В письменных источниках в числе раннесредневековых городов упоминается город Пайтакаран. Некоторые исследователи его локализуют на месте средневекового городища Байлакана – Оренкала [Пахомов Е.А., 1959. С. 15], по мнению других, Пайтакаран находился на месте античного городища Тазакент [Алекперов А.К., 1960. С. 67; Иссен А.А., 1957. С. 27–28; Ахмедов Г.М., 1962. С. 16]. Наличие раннесредневекового слоя, залегающего над античным на городище Тазакент, доказывает, что правы те исследователи, которые локализуют раннесредневековый Пайтакаран в этом месте.

Городище Тазакент занимает более 5 га и имеет четырехугольную форму. Вокруг городища вырыт

широкий ров. Результаты проведенных здесь археологических исследований свидетельствуют, что город функционировал приблизительно до VI в. Во время Сасанидов Пайтакаран стал их военно-административным центром в Закавказье [Ахмедов Г.М., 1979. С. 15]. Таким образом, становится ясным, что до VI в. Пайтакаран играл заметную роль в экономической и политической жизни страны.

В V–VI вв., в связи с усилением нашествий извне, потребовались более мощные оборонительные сооружения. В этом отношении широкий ров, обведенный вокруг Пайтакарана, не отвечал фортификационным требованиям времени, и приблизительно в VI в. город занял новое место, где до наших дней сохранились остатки большого средневекового города Пайтакарана–Байлакана, известного у населения как Оренкала (табл. 168: 2).

В результате широких многолетних археологических раскопок в Оренкале, наряду с более поздними средневековыми слоями удалось раскрыть и исследовать 1–1,5 метровый слой VI–VII вв. на площади 350 кв. м [Ахмедов Г.М., 1979. С. 21]. Строительные остатки, за исключением различных по назначению ям, не были зафиксированы. Из вещественных находок были обнаружены различные керамические сосуды и их обломки, фрагменты стеклянных и металлических изделий, кровельная черепица, медная монета византийского императора Анастасия (491–518). В разных местах городища найдены монеты сасанидского царя Хосрова II (590–628) и сасанидские печати.

Установлено, что в раннем средневековье город, четырехугольный в плане, был обведен оборонительными стенами из сырцового кирпича (размер $47 \times 49 \times 47$ и $49 \times 14 \times 17$ см) на булыжном фундаменте. Ширина стен достигала 6 м. На углах стояли полукруглые башни [Ахмедов Г.М., 1979. С. 22].

Незначительные археологические раскопки производились на городище Старой Гянджи, расположенном в 5 км к северо-западу от современного города Гянджа. Проведенные археологические исследования показали, что город возник на базе крупного древнего поселения. Установлено, что первоначально это поселение не имело оборонительных сооружений, впоследствии оно было окружено крепостными стенами с четырехугольными башнями из квадратного сырцового кирпича ($42 \times 42 \times 12$ см).

На городище получены керамические материалы, которые дают основание считать, что город Гянджа уже существовал в начале раннего средневековья, а может быть и раньше [Джафарзаде И.М., 1949. С. 101]. Обнаруженные монеты, чеканенные в городе Арране, позволяют предположить, что в более отдаленные времена город Гянджа назывался “Аран”, “Ран”, “Рани” и что это название, наряду с именем “Ганзак”, “Генджа”, “Джанза”, употреблялось и в ранний арабский пе-

риод [Джафарзаде И.М., 1949. С. 95].

Говоря о городах раннесредневековой Албании, следует упомянуть Нахичевань, основание которой по сообщениям письменных источников относят к середине II тысячелетия до н.э. [Джафарзаде И.М., 1949. С. 93]. Нахичевань упоминается и в поздних письменных источниках [Ямпольский З.И., 1961. С. 13]. Она локализуется в 12 км к северу от современного Нахичевана у с. Юхары Узуноба, где раскопками вскрыты оборонительные стены с четырехугольными башнями, контрфорсами, построенные из сырцового кирпича на булыжном фундаменте. Расчищены остатки помещений, производственных сооружений и добыт богатый вещественный материал [Алиев В.Г., 1978. С. 21–23]. В период Сасанидов Нахичевань в административном отношении подчинялась и управлялась иранскими марзпанами. По сведениям письменных источников, в V в. Нахичевань превратилась в крупный ремесленный и торговый центр [Мамедов Р.А., 1962. С. 52–56].

Количество городов того времени не ограничивается перечисленными. Их гораздо больше. Местоположение многих из них, упомянутых в письменных источниках, пока не установлено, а на известных раннесредневековых городищах исследования только начинаются.

Тем не менее, несмотря на недостаточную изученность мы можем разделить известные в настоящее время города на три основные категории. Первую составляют большие города, ставшие крупными торгово-экономическими центрами страны, к которым можно отнести такие города, как Барда, Дербент, Шемаха, Байлакан и т.д. Ко второй относятся центры ремесленного производства и торговли, расположенные в местностях, сравнительно замкнутых и отдаленных от больших торговых магистралей, примером которых могут служить Кабала, Амарас, Шамхор и т.д. Такие города были одновременно крепостями, где располагались значительные военные отряды. Наконец, третью категорию представляют города-села, т.е. города земледельческого характера, являвшиеся административными центрами феодальных областей, а не городами в социально-экономическом смысле. Население этих городов жило натуральным хозяйством [Буниятов З.М., 1965. С. 148–149]. Примером таких городов-сел может служить большинство городищ, выявленных за последние годы на северо-восточных склонах Большого Кавказского хребта.

Незначительность археологических работ на этих городищах затрудняет решение вопроса об их планировке. Однако визуальные исследования некоторых памятников позволяют предполагать, что в этот период большие города, главным образом города первой категории, состояли из трех частей: арк, рабад и шахристан. Может быть, в начальных периодах эти части четко не были выражены, но

впоследствии, в процессе развития феодальных отношений и окончательного разграничения классовой структуры населения, интенсификации ремесла и торговли город расчленяется, и господствующая верхушка обособляется. Все производственные сооружения и ремесленные мастерские сосредотачиваются в особой части города, часто за его крепостными стенами.

Как мы видели, города были укреплены крепостными стенами с башнями, валами, широкими рвами и другими защитными сооружениями. В строительстве крепостных стен и башен применялись глина, камень и сырцовые кирпичи. Площади городов, обнесенных крепостными сооружениями, обычно были квадратными, ориентированными углами по сторонам света. Угловые башни крепостных стен были четырехугольными или полукруглыми.

В VI–VII вв. в Албании ведется усиленное строительство укреплений, в том числе больших оборонительных стен. В этом отношении первостепенное стратегическое значение имела узкая равнинная полоса, тянущаяся по западному побережью Каспия, по которой северные кочевники часто нападали на Азербайджан и опустошали его.

В раннесредневековый период чаще других совершали набеги гунны и хазары, которые заставили правителей Ирана, расширивших свои границы на севере до Дербента, серьезно задуматься об укреплении узкой равнинной полосы, основного прохода северных кочевников. Так появились здесь мощные и длинные, а также сложные по своим конструкциям укрепления, построенные на самых уязвимых, стратегически выгодных местах этого прохода. В настоящее время известны остатки Бармакского (Бешбармакского) укрепления к северу от Апшеронского полуострова; Гильгильчайская (Шабранская) стена в 23 км к северу от предыдущей; Дербентские стены [Тревер К.В., 1959. С. 262]. Письменные источники относят начало постройки оборонительных стен из сырцового кирпича ко времени правления сасанидского царя Кавада I (488–531), а завершение приписывают его сыну, Хосрову I Ануширавану (531–579) [Бунитов З.М., 1965. С. 41]. В настоящее время от укреплений Бармакских стен сохранились незначительные остатки двух параллельных валов, сложенных из дикого камня и тянущихся к морю. Расстояние между валами 220 м, у моря высота их достигает 2,5–3 м.

Гильгильчайская стена общей протяженностью 30 км начинается от моря и завершается круглой башней Чихар-кала. Она также сохранилась в виде вала, высота которого местами достигала 5–6 м. Через каждые 40–50 м на всем протяжении стены, идущей между горами и морем, видны следы башен в виде возвышений (1–2 м) над валом. Проведенные разведочные работы показали, что стена построена

из сырцового кирпича (42 × 42 × 12 см) на глинобитном основании. Кирпичи положены правильными рядами, толщина стены 8 м. Только в нагорной части примерно на протяжении 10 км эта стена сложена из камня [Тревер К.В., 1959. С. 270]. На недоступных горных отрогах она не возводилась. Линия обороны здесь идет по хребту, то теряясь, то опускаясь в ущелья, и доходит до крепости Чирах-кала, возвышающейся на скале. Стены крепости сложены из небольших грубо обработанных каменных блоков с вкраплениями кирпичной кладки. На вершине скалы стоит главная башня крепости, позволяющая обозревать окрестности на десятки километров [Усейнов М. и др., 1963. С. 29]. Вероятно, здесь в свое время находился постоянный военный гарнизон. Об этом свидетельствуют остатки построек вокруг крепости и сводчатое водохранилище, некогда питавшееся гончарным водопроводом и небольшими подземными источниками.

Самыми значительными из заградительных стен являются Дербентские укрепления (табл. 168: 1), возведенные в наиболее узком и географически удобном месте, которые закрывают проход между горами и морем – стратегически важный Прикаспийский путь.

Письменные источники не дают четких сведений о времени возникновения первых укреплений в проходе, но не исключено, что уже в I в. н.э. Каспийский (Дербентский) проход, самой природой как бы предназначенный для удобного перехода с Северного Кавказа в Закавказье, был укреплен какими-то валами [Тревер К.В., 1959. С. 274–275].

Проведенные за последние годы археологические раскопки в Дербенте выявили мощные культурные слои, дающие основание установить, что обживание этого района начинается с середины I тысячелетия до н.э. и наиболее вероятным временем появления укреплений в Дербентском проходе является период правления Ахеменидов [Кудрявцев А.А., 1974. С. 156–157]. В период Сасанидов укрепление прохода приобретает особое значение. Возведение первых Дербентских укреплений письменные источники приписывают Каваду I и его сыну Хосрову Ануширавану. Вначале была сооружена стена из сырцового кирпича, остатки которой сохранились в г. Дербенте между железнодорожным полотном и городским садом. Впоследствии вплотную к ней построены каменные стены (табл. 168: 1). Они сложены без фундамента из больших обтесанных блоков (размером 90–100 × 70–75 × 30–35 см), уложенных на ребро в перевязку с чередованием ложков и тычков в каждом ряду. Сложенные из блоков “панцыри” служили облицовкой ядра стены, состоявшего из бутового камня на растворе. Толщина стен 2,75 м, общая протяженность обеих каменных стен (северной и южной) около 6 км, средняя

высота сохранившихся стен 6,5 м, наибольшая высота – 18–20 м. Тридцать башен, прямоугольных и полукруглых, обращенных на север, укрепляют северную стену. Такие же башни имеются на южной стене. На северной стене башни расположены на расстоянии 50–70 м друг от друга, а на южной – пять первых от моря – на таком же расстоянии, а – остальные с интервалами 130–180 м [Тревер К.В., 1959. С. 279–280; Кудрявцев А.А., 1974. С. 162].

Один конец Дербентской стены уходит в море, а другой поднимался в горы на расстояние 40 км. Поднимающиеся от Дербента вверх вдоль горного хребта стены были предназначены для защиты от проникновения врагов с севера, через горные ущелья и перевалы. А стены, входящие далеко в море, образовывали искусственную корабельную гавань. Таким образом, вытянутые в море стены были защитой не только от неожиданного появления врага, но и от северных ветров и наводнений, между стенами образовался рейд для судов [Тревер К.В., 1959. С. 282; Усейнов М. и др., 1963. С. 28].

Эти великолепные оборонительные сооружения не только преградили путь неприятелю, но также дали возможность наблюдать за его действиями. В нужный момент при помощи сигнальной системы с них оповещали о приближающейся опасности.

Многочисленные поселения и города раннесредневековой Албании были застроены различными по назначению постройками. Нет сомнения в том, что в городах и больших населенных пунктах были дворцы и большие здания общественного назначения. К сожалению, археологи пока не столкнулись с остатками подобных строений.

Исключение составляют *христианские храмы* и их развалины, многие из которых были подвергнуты тщательным археологическим исследованиям. Самыми ранними из них являются удлиненные некупольные здания. Строительство их началось с IV в. Такие храмы известны в Мингечауре, Хотаванге, у с. Шыхлы.

В Мингечауре были обследованы развалины четырех подобных храмов (табл. 169). Первый из них представляет удлиненное базиликальное здание. Оно выстроено из сырцового кирпича. Перекрытие было плоское: состояло из балок, устланных хворостом, сверху засыпанным землей, обмазанной по поверхности глиной, перемешанной с соломой (табл. 169: 1).

Второй храм с полукруглой абсидой и входами в юго-западной и северо-восточной стенах. Сильно удлиненное внутреннее помещение храма разделено на две части поперечной перегородкой. Создается впечатление, что юго-западная часть была как бы просторным вытянутым по оси храма нартексом (табл. 169: 2). К юго-восточной стороне основного (абсидного) помещения храма пристроено не-

сколько дополнительных помещений. Стены всего сооружения сложены из сырцового кирпича, в развалинах обнаружены обломки обожженного кирпича, которым, вероятно, прослаивались сырцовые стены. Перекрытие храма было черепичное (табл. 169: 5–8) на деревянной основе, опиравшейся на деревянные столбы. Стены были оштукатурены и расписаны. Найдено много обломков капителей и баз из белого камня, каменные архитектурные детали и рельефные украшения из мягкого камня [Ваидов Р.М., Фоменко В.П., 1951. С. 81–100; Тревер К.В., 1959. С. 299–300; Усейнов М. и др., 1963. С. 36]. Время существования церкви относят к V–VI вв. [Ваидов Р.М., 1961. С. 127].

Третий храм построен на месте первого (табл. 169: 3). Их развалины разделяет слой толщиной в 0,3–0,4 м, насыщенный находками V–VI вв. Храм однефный с абсидой. Стены сложены из сырцового кирпича, местами они сохранились на высоту 0,8 м. Вдоль южной и северной стен расположены по четыре плоских массивных камня, служившие базами деревянных колонн [Ваидов Р.М., 1961. С. 99–100]. Строительство и функционирование этого храма относится к концу VI – началу VII в.

Четвертый храм по планировке аналогичен второму (табл. 169: 4). Он также состоит из основного длинного помещения, разделенного поперечной стеной, и трех пристроек с юго-восточной стороны. В этой постройке явственнее выступает отличие восточной (абсидной) части от западной. Пол ее выше нартекса на 0,35 м, кроме того, именно в этой части были сосредоточены фрагменты колонн из известняка, каменных баз и капителей, обгорелые деревянные колонны, обломки черепиц, обломки кадила и железные кресты и др. (табл. 169: 9–16, 17) [Ваидов Р.М., 1961. С. 156].

Из других обследованных храмов следует упомянуть обширное здание, расположенное на берегу Кум-чая (табл. 168: 3). Это большая трехнефная постройка. В среднем нефе выделяется четырехстолпная конструкция, возможно, поддерживавшая центральный купол или арки, отделявшие боковые нефы от среднего.

Абсида центрального нефа имеет сильно выступающую полукруглую форму. Боковые нефы перекрыты коробовыми сводами. Три двери в стенах увенчаны арками. В восточном конце боковых нефов имеются квадратные в плане помещения, которые не сообщаются с алтарем. Эти помещения перекрыты сомкнутыми сводами. С трех сторон базилика обнесена арочной галереей в четыре пролета [Барановский П.Д., 1947. С. 29–31; Тревер К.В., 1959. С. 298–299; Усейнов М. и др., 1963. С. 29–30]. Основным строительным материалом базилики служил булыжный камень синеватого и темно-зеленого оттенков, тщательно подобранный в рядах кладки. Ко-

лонны, арки, перемычки, наружные углы самого здания и внутренние опорные столбы возведены из квадратного обожженного кирпича [Усейнов М. и др., 1963. С. 31]. Принимая во внимание монументальный характер здания и его сходство с памятниками V–VI вв., Кумскую базилику относят к VI в. [Тревер К.В., 1959. С. 299].

Начиная с VI в. наблюдается изменение в планах и структуре христианских церковных сооружений: появляются круглые в плане храмы. Некоторые из них известны и на территории Албании. В этом отношении большой интерес представляет Лекитский храм (табл. 168: 4). В центре его внутреннего пространства имеется большой тетраконх на четырех угловых пилонах. Тетраконх образован колоннами, расположенными по три с каждой стороны. Перед каждым пилоном отдельно стояли мощные колонны. С восточной стороны к фасаду храма примыкали два небольших прямоугольных придела с абсидами. С трех сторон храма имеются входные проемы. Внешняя сторона нижнего яруса наружного обвода стен храма обработана пилястрами с высеченными в них вертикальными желобами. По внутреннему периметру стен располагались тонкие каменные полу-

колонны [Усейнов М. и др., 1963. С. 31–33]. Лекитский храм построен из булыжного камня и кирпича с применением известкового раствора. Предполагают, что Лекитский храм был окружен колоннадой [Тревер К.В., 1959. С. 303].

По аналогии с памятниками Сирии (Басра) и Малой Азии (Виращер), с такими же постройками Грузии и Армении Лекитский храм датируется XII в.

Архитектурные остатки двухъярусного аналогичного храма выявлены и изучены на горе Килседаг близ городища Кабала (табл. 168: 5). Основой его является круглое (диаметр 10,4 м) помещение, выложенное камнями (толщина стен 0,95 м). Внутри круглого обхода шириной 1 м находится внутренний круг, который служил основанием восьми колонн, поддерживавших купольную часть сооружения. С северной и южной стороны имеются арочные входные проемы. С северо-востока и юго-востока к основному помещению примыкают круглые в плане (диаметр 2,3 м) два придела. Храм построен из тесаных каменных блоков пористого известняка, кирпича, булыжника на известковом растворе. Строительство храма датируется VI–XII вв. [Геюшев Р.Б., 1978. С. 37–38].

Погребальные памятники

В результате раскопок могильников в Мингечауре [Асланов Г.М., 1963. С. 18; Ваидов Р.М., 1965. С. 135–137], Шемахе [Халилов Дж.А., 1965б. С. 85–87], Шергяхе [Нуриев А.Б., 1973], Худжбале [Халилов Дж.А., 1965. С. 159], Кушчи, Кухур-оба были выявлены и исследованы сотни погребений.

Несмотря на то, что в Албании была принята христианская религия и, казалось бы, она широко распространилась в стране, исследования могильных комплексов доказали, что наряду с христианскими ритуалами продолжали существовать и дохристианские (языческие) погребальные обряды.

Следует подчеркнуть, что традиционно языческая погребальная обрядность в центральной части Албании, особенно в Мильской, Карабахской степях, Нагорном Карабахе и на Малом Кавказе почти не встречается. Там доминируют христианские могильники. Однако на окраинных землях языческие ритуалы оставались господствующими в течение всего раннего средневековья.

Так, для восточных областей Албании наиболее типичными являются грунтовые захоронения в грунтовых четырехугольных или овальных ямах [Халилов Дж.А., 1965а. С. 85; 1965б. С. 159–161]. Ориентация ям не соблюдалась, захоронения в них одиночные, покойники уложены на спине, изредка на боку и сопровождались, как правило, керамическими сосудами, украшениями, оружием.

С середины I тысячелетия до н.э. в Албании распространились кувшинные погребения. Считалось, что этот обряд существовал до II в. н.э. Раскопки в могильнике Шемахи [Халилов Дж.А., 1965. С. 85] и в Шергяхе Шемахинского района [Нуриев А.Б., 1973. С. 220–233] выявили поздние кувшинные захоронения, датирующиеся IV–VIII вв.

На первый взгляд поздние кувшинные погребения не отличаются от ранних. Однако по некоторым деталям и инвентарю наблюдаются определенные различия. Погребальные кувшины установлены в специально вырытых четырехугольных или овальных в плане ямах, ориентированных в Шергяхе, в основном, по направлению СВ–ЮЗ. В некоторых из них сохранились остатки бревен, служивших перекрытием могильных ям, чего не встречено в ранних кувшинных погребениях. Погребальными сосудами служили толстостенные, хорошо обожженные кувшины. Детей хоронили в сравнительно небольших кувшинах, причем иногда употребляли бытовые гончарные сосуды. В каждом кувшине совершалось одиночное захоронение, погребенные уложены в них скорченно на боку, головой к венчику сосуда. Сопровождающий покойников инвентарь помещали в кувшинах или рядом с ними, ближе к венчику. Инвентарь состоял из большого количества сосудов (керамических и стеклянных), оружия (мечей, ножей, копий и др.), украшений (поясных наборов, бус, браслетов, перст-

ней, различных подвесок) и монет сасанидской чеканки.

Следующим типом погребальных сооружений являются катакомбные. Появившись здесь в начале нашей эры, эти погребения продолжали существовать вплоть до принятия населением Азербайджана ислама. Раннесредневековые катакомбные погребения выявлены и изучены в Мингечауре [Асламов Г.М., 1955; 1963] и в последние годы в Кухурском районе у с. Кухур-обы.

Катакомбы сооружались тщательно: дромосы с вертикальными стенками, наклонным или ступенчатым дном, погребальные камеры в раннее время были полусферическими, а в позднее – эллипсоидными и прямоугольными. Вдоль стен оставлялись неширокие “завалинки”-приступки. Изредка в стенах одного дромоса выдалбливалась не одна, а две камеры.

Поздние катакомбные погребения Мингечаура характеризуются наличием в них коллективных захоронений, иногда до пятнадцати, а в катакомбных погребениях Кухур-оба зафиксированы только одиночные захоронения. Полы камер с коллективными захоронениями устилались досками, сырцовым или обожженным кирпичом, черепицей. На них укладывали покойников в вытянутом, скорченном или сидячем положениях. Иногда на останки одного погребенного укладывали другого, третьего и т.д. [Асланов Г.М., 1963. С. 18]. Покойников сопровождали личные вещи: обнаружены остатки кожаной обуви, шапок и сумок, а также ножи, деревянные предметы (шкатулки, ларцы, ящички, кубки), предметы из стекла (бокалы, флаконы), перстни, пряслица, бусы, брошки, серьги и т.д. [Асланов Г.М., 1955. С. 68].

После захоронения вход в камеру закладывался стенкой из сырцовых или обожженных кирпичей или камней, и затем дромос заполнялся землей.

Раскопки последних десятилетий выявили еще один тип погребальных памятников раннего средневековья – каменные ящики. Они известны пока только на территории, ограниченной Шемахинским районом. Это могильники у древней Шемахи [Халилов Дж.А., 1961; 1962. С. 217, 218; 1965. С. 85], у с. Кушчи Шемахинского района [Нуриев А.Б., 1979. С. 34]. Отметим, что в конце эпохи поздней бронзы и раннего железного века погребения в каменных ящиках были самыми распространенными памятниками на территории Албании.

Каменные ящики представляют собой обычные четырехугольные ямы (2 × 1 м) различной глубины (от 0,4 до 2 м), облицованные крупными необработанными блоками известняка и перекрытые массивными, также слабо обработанными каменными плитами. Дно этих сооружений всегда земляное, без следов какой-либо подстилки.

Погребальный инвентарь рядовых могил довольно беден: немного украшений (в основном

бус), предметов одежды (бронзовых пуговиц, фибул), керамики почти нет. В глубоких богатых могилах в инвентаре много глиняных и стеклянных сосудов, перстни-печати, много разнообразных украшений. В шемахинских каменных могилах почти нет оружия, а в Кушчинском могильнике, наоборот, оно встречается в изобилии (мечи, кинжалы, копья, топоры и пр.).

Ориентировка погребений различна. Захоронения в основном одиночные, реже – парные; в одном были обнаружены три человеческих скелета. Положение костяков – скорченное на правом или левом боку или вытянуто на спине, попадаются деформированные черепа. В некоторых погребениях обнаружены прослойки золы и угля. В двух случаях с человеком была погребена собака. В двух погребениях плиты, перекрывающие могильную камеру, заменены каменными человеческими изваяниями, имевшими широкое распространение в Албании.

В заключение следует сказать и о некоторых особенностях, встречающихся в христианских захоронениях. Так, наряду с обычными грунтовыми христианскими погребениями в Мингечауре исследованы погребения в могилах, сооруженных из сырцового или обожженного кирпича. Конструктивно они близки к погребениям в каменных ящиках. Их также сооружали в четырехугольных ямах. Кладки стен, как правило, состояли из семи рядов кирпичей. Могильные камеры перекрывались досками или кирпичным куполом. Захоронения в этих могилах всегда одиночные, совершены в гробах или на деревянном настиле, в соответствии с христианским обрядом покойники уложены головами на Запад, вытянуто на спине, иногда в них попадались мелкие украшения. Это ранние христианские захоронения [Ваидов Р.М., 1961. С. 128–132].

Еще большим отклонением от догматической обрядности являются обнаруженные в Мингечауре христианские погребения, совершенные в катакомбах [Асланов Г.М., 1963. С. 18].

В VI–VII вв. и позже – в X в. изредка захоронения совершались в каменных саркофагах, выдолбленных из монолитных известняковых блоков. Крышки у них обычно двускатные. В одном из таких саркофагов, обнаруженном у храма Гяуркала (с. Бойахмедли, Агдамский р-н) на крышке вырезана армянская эпитафия, которая сообщает, что саркофаг принадлежал брату албанского князя Хамама [Ваидов Р.М., 1965а. С. 117–178].

Таким образом, очевидно, что религиозные обряды, а значит и верования, в Албании того периода были весьма разнообразны: христианство, заростризм, маздакизм нашли здесь благодатную почву в первую очередь при дворе и среди аристократии. Древние верования, видоизменяясь, продолжали жить в гуще народных масс [Тревер К.В., 1959. С. 293, 294].

Материальная культура

Выше уже неоднократно говорилось о том, что в раскопках раннесредневековых слоев памятников и во всех языческих могильниках попадалось значительное количество самых разнообразных находок – от обломков керамических и стеклянных сосудов до великолепных произведений прикладного искусства, эпиграфики и множества монет (табл. 170–175). Именно этот материал дает дополнительные сведения для исследования экономической и культурной жизни в Албании того времени, а также позволяет определить или уточнить датировку и стратиграфию раскапываемых объектов.

Начнем характеристику вещевого материала с железных изделий, обычно плохо сохранившихся в земле, но играющих, как правило, важную и иногда решающую роль для представления о жизни и занятиях населения (табл. 170).

Об орудиях труда мы можем судить по находкам в Мингечауре, поселения которого были наиболее полно исследованы археологами. Там были обнаружены лемех, серпы и обломки виноградарных ножей (табл. 170: 39, 40), косы-горбуши, мотыги. К этому комплексу предметов, свидетельствующих о развитии земледелия, следует отнести также остатки виноградодавления и костяные трубочки на пальцы, использовавшиеся при жатве серпами хлебных злаков. Помимо находок, связанных с земледелием, здесь были обнаружены ножницы для стрижки овец (табл. 170: 38), скребки для обработки кожи, рыболовные крючки и сопутствующие им всегда глиняные и каменные грузила [Вайдов Р.М., 1961. С. 69–70, 81–82; Асланов Г.М., 1955. С. 68].

Предметы вооружения в слоях поселений встречаются очень редко, а в могильниках (особенно христианских) их нет совсем. Только в могильнике Кушчи, наряду с другими сопутствующими вещами, были обнаружены мечи, боевые топоры, кинжалы (табл. 170: 23–25), наконечники копий и стрел и пр. Отдельные находки оружия изредка попадались и в других могильниках (языческих) и на поселениях Мингечаура, Шемахи, Кусара, Сырт Чичи, Шерги [Вайдов Р.М., 1961. С. 88–89; Халилов Дж.А., 1962. С. 217–218; 1965. С. 177; Халилов Дж.А., Асланов Г.М., 1973. С. 179; Нуриев А.Б., 1973. С. 224].

В целом весь комплекс находок позволил судить о том, что воины Албании использовали все основные виды вооружения того времени. Это были однолезвийные мечи-палаши, втульчатые копья с листовидными наконечниками, стрелы с трехперыми наконечниками, короткие кинжалы, ножи с узкими кривыми лезвиями. Мечи, кинжалы и ножи носились в ножнах, изготовленных из дерева, обтянутого кожей, бронзовыми ободками. В виде исключения встречались костяные наконечники стрел, использовавшиеся, вероятно, на охоте.

Раскопки памятников раннего средневековья дали громадное количество керамических изделий: разнообразных сосудов, применявшихся в быту и хозяйстве, строительные материалы.

Среди сосудов преобладающей категорией являются кувшины двух групп: 1) кувшины с высоким горлом и круглым ровным венчиком, 2) кувшины со сливом.

Кувшины, относящиеся к первой группе, изготавливались, как правило, вручную (лепные), сформованы сосуды очень умело, обжиг прекрасный (черный или красный), поверхность обычно лощеная с врезными линиями, точками, налепами (табл. 172: 1–6). Кувшины этой группы характерны для могильника Шемахи, возможно, они использовались в Ширванском регионе Албании.

Вторая группа представлена кувшинами со сливом на венчике. Большинство из них отличается от первых низким горлом и широким венчиком, высокогорлые встречаются редко. Обжиг их в основном красный, но встречаются и серые сосуды, покрытые беловатым ангобом. Большинство сосудов снабжено одной ручкой, хотя у больших кувшинов обычно две ручки на тулове и иногда третья ручка, прикрепленная одним концом к краю венчика, другим – к плечу сосуда. Поверхность некоторых из них покрыта глубокими канелюрами (табл. 172: 7–18). Кувшины этой группы локализуются в северо-восточной области страны.

Помимо этих кувшинов к специальным хозяйственным кувшинам относились крупные сосуды с удлиненным, расширяющимся к середине высоты туловом с низким горлом и сильно отогнутым венчиком, как правило, без ручек. Орнамент на них грубый врезной, нарезной и нанесенный защипами. Нередко их использовали в качестве погребальных.

Следующей категорией сосудов, занимающих заметное место в хозяйстве, были горшки (табл. 173: 5–13). Большинство горшков – небольшие шаровидные с одной или двумя ручками и плоским дном. Ими пользовались для приготовления пищи, поэтому на многих прослежены следы копоти. Известны и большие горшки, близкие по форме, но с сильно суженным или, наоборот, расширенным горлом. Широкогорлые сосуды с двумя ручками и в наши дни употребляются в хозяйстве для дойки коров и называются “серниджи”. Аналогичные им узкогорлые горшки служили для хранения молочных продуктов. Орнаментация на горшках почти отсутствует, только иногда на них наносился простейший узор линиями, точками и насечками.

В конце раннего средневековья произошли некоторые изменения в конструкции горшков, а именно – желобок на внутренней поверхности вен-

чика, приспособленный для крышки [Ваидов Р.М., 1954. С. 129]. В слоях этого времени часто попадаются плоские керамические крышки с выступами-ручками в центре.

Массовой кухонной и столовой посудой были конусовидные с плоским дном (в виде урезанного опрокинутого конуса) миски и чаши красного обжига различных оттенков (табл. 173: 1–4). Орнаментация на них отсутствует. В редких случаях на венчики мисок наносился врезной линейный орнамент, а на чаши – лепные “пуговки”.

Помимо сосудов для хранения, приготовления и употребления пищи в гончарных мастерских делали светильники (вазообразные и чашеобразные), подсвечники (пирамидальные с углублениями для свечей), детские игрушки (погремушки, сосудики, фигурки людей и животных). Масса их – целых и обломков – заполняет культурные слои городов и поселений.

Гончары самых высоких квалификаций изготавливали кирпичи, черепицу, водопроводные трубы.

Наряду с керамикой, весьма заметное место в материалах из раскопок раннесредневековых памятников Албании принадлежит разнообразным стеклянным сосудам, среди которых вместе с привозными встречается много изделий местных мастерских.

Наиболее типичной и распространенной категорией стеклянных сосудов являются кувшины с круглым венчиком или венчиком со сливом (табл. 174: 25–29). Все они шаровидные, реже – яйцевидные с вдавленным дном (иногда с невысоким поддоном) и ручкой, закрепленной на венчике и плечике сосуда. Поверхность некоторых покрыта ребристым орнаментом.

Подавляющее большинство подобных кувшинов изготовлено местными мастерами-стеклодувами [Нуриев А.Б., 1981. С. 39–41].

Немало среди стеклянных сосудов ваз в виде перевернутых конусов на кольцевом поддоне, бокалов на ножке или с плоским дном, покрытых канеллюрами или плетенкой, полусферических чаш и разнообразных флаконов (шарообразных, конических, яйцевидных) (табл. 174: 7–24).

Керамическими и стеклянными сосудами не исчерпывается, конечно, использовавшаяся в быту и хозяйстве утварь. К ней прежде всего относятся жернова, сделанные из плоских плит плотного известняка и зернотерки [Ваидов Р.М., 1954. С. 137; 1961. С. 70–71; Халилов Дж.А., 1962. С. 210]. И те и другие получили в стране очень широкое распространение.

Нередки были также каменные песты и ступки различного размера и применения.

Заметное место в быту занимали предметы из железа и дерева. К первым относятся железный треножник, ведро, чаша, ложка (табл. 170: 29–32), черпак и лопаточка (табл. 170: 33, 34), крюк для

снятия хлеба из тандыра, обнаруженные при раскопках в поселениях Мингечаура [Ваидов Р.М., 1961. С. 30–31; Асланов Г.М., 1955. С. 67]. Там же было обнаружено обгорелое корыто. Однако в основном деревянные предметы сохранились в катакомбных погребениях Мингечаура. Это шкатулки и ящички, кубки, ларцы, гребни, плетеная из камыша корзина, а в поздних погребениях – многочисленные гребни из рога и кости.

Рог и кость вообще очень широко использовались в качестве сырьевого материала. Кроме гребней из них делали множество самых разнообразных предметов – от наконечников охотничьих костяных стрелок до рукоятей ножей и обычных пуговиц.

В языческих погребениях и даже культурных слоях поселений весьма многочисленной категорией находок являются украшения из золота, серебра, бронзы, железа и полудрагоценных камней. Они представлены браслетами, кольцами, перстнями, серьгами, фибулами, булавками, пряжками и бляшками, колокольчиками и бубенчиками, подвесками и десятками тысяч привозных разнообразных бус – каменных и стеклянных (табл. 171).

Наибольший интерес в этом богатом и разнообразном комплексе представляют бронзовые и серебряные гривны и браслеты со змеиными головками на заходящих друг за друга концах, золотые, серебряные и бронзовые подвески и амулеты, серьги, встречавшиеся почти во всех женских захоронениях, бронзовые булавки с головками в виде крючков, геометрических и зооморфных фигур, зеркала, раковины каури, пряжки и бляшки воинских поясов, литые из серебра и бронзы [Халилов Дж.А., 1961. С. 47; 1965. С. 160, 161, 172; Ваидов Р.М., 1961. С. 59–62; Асланов Г.М., 1955. С. 70; 1963. С. 23] (табл. 170; 171).

К искусным изделиям местного производства следует относить прежде всего предметы церковного ритуала: серебряные чаши (табл. 170: 26, 28), кадила, подсвечники, кресты разных форм, печати с изображениями святых, иконки [Геюшев Р.Б., 1978. С. 44–46]. Интересны два кадила, обнаруженные в Кабале. Одно из них с пятью носиками состоит из трех отдельно отлитых частей, второе снабжено ручкой в виде птицы, на теле которой помещено изображение креста. Подвесные медные чашеобразные кадила известны в Мингечауре [Ваидов Р.М., 1961. С. 108–109]. Там же найдены глиняные кадила с шаровидным туловом. Они на трех ножках, на некоторых из них изображены стилизованные животные, люди, деревья. На венчиках проткнуты сквозные отверстия для подвешивания [Геюшев Р.Б., 1978. С. 45].

Часть глиняных подсвечников, происходящих главным образом из раскопок памятников Мингечаура, можно отнести к культовым предметам. На некоторых из них выцарапаны надписи с албан-

ским алфавитом. Имеются подсвечники с изображением креста [Ваидов Р.М., 1961. С. 46] (табл. 169: 17).

Кресты обычно изготавливались из железа, размеры их различны: высота от 7 до 35 см. В одном из Мингечаурских храмов был найден бронзовый крест (высота 13 см) со стеклянными цветными вставками на концах.

Очевидно, к культовым предметам следует относить перстни и печати с изображениями религиозных сюжетов. Так, на глиняной печати с поселения Калагах в обрамлении двух концентрических линий помещено распятие Христа, а на бронзовом перстне из Мингечаура изображен христианский святой в рясе [Геюшев Р.Б., 1978. С. 46].

Весь громадный вещевой материал, полученный в раскопках, свидетельствует о том, что в городах и крупных населенных пунктах находились ремесленные мастерские и производственные сооружения.

К последним относятся гончарные печи, обнаруженные в Мингечауре. Они прямоугольные в плане, двухъярусные с продольно-поперечными жаропроводными каналами. Дата их – III в. до н.э. – II в. н.э. [Ионе Г.И., 1951. С. 31–33, 54].

Аналогичные этим печи, открытые и исследованные в 1960–1980-х годах, их стратиграфия и находки в развалах печей и вокруг позволили утверждать, что печи этой конструкции продолжали функционировать и в период раннего средневековья [Халилов Дж.А., 1965. С. 157–159; Ваидов Р.М., 1980. С. 94–99].

Однако с конца III в. появились печи иной конструкции – эллипсовидные и прямоугольные с подпорной стенкой внутри топки. Такие печи обнаружены также в Мингечауре на левом берегу Куры, всегда только на южных окраинах поселений, что объясняется, видимо, желанием предельно обезопасить поселки от пожаров, поскольку в данном районе господствовали северные ветры [Ионе Г.И., 1951. С. 57]. Конструкции печей проще, чем у более древних. Нередко нижняя часть топок была углублена в материк. Стены неуглубленных топок были глинобитными. Пол камеры обжига сооружался из сырцовых кирпичей, покрывался обмазкой и пробивался 18–22 продухами. Стенки обжигательных камер были, вероятно, глинобитными со сводчатым перекрытием, в котором оставлялся вытяжной проем, служащий также для загрузки и выгрузки посуды. Дата этих печей IV–VIII вв. [Ионе Г.И., 1951. С. 58–65].

Кроме керамических мастерских были открыты и остатки производственных сооружений, связанных со стекловарением. Хорошо сохранилась печь у Амарасского монастыря (Нагорный Карабах), состоящая из двух варочных тиглей. Эти тигли находятся на расстоянии 0,42 м друг от друга, соединены между собой глиняным желобком шириной в

5 см. Первый тигель, сооруженный из огнеупорной глины, сферической формы (0,40 × 0,40 м), сверху покрыт сводом, в середине которого имелось отверстие. В этом тигле варилась шихта, которая через отверстия по наклонному желобку текла во второй тигель, где находилась нижняя часть глиняного горшка, куда скапливалась шихта. Края второго тигля имели гладкий горизонтальный бортик, предполагают, что на нем выполнялось муфельное изготовление сосудов. Печь датируется VIII–IX вв. [Геюшев Р.Б., Нуриев А.Б., 1980. С. 113–115].

Для развития металлообрабатывающего ремесла в Албании были все необходимые условия. Богатство залежей рудных металлов, древние традиции, накопленные многими поколениями, способствовали дальнейшему росту металлургии и металлообработки. Судя по данным письменных источников, в Албании добывали и обрабатывали не только медь и железо, но также драгоценные металлы – золото и серебро.

Развитие и процветание кузнечного и ювелирного ремесел, художественная обработка металлов подтверждаются, как говорилось, археологическими находками.

Одной из ведущих отраслей ремесленного производства раннесредневековой Албании было ткачество, корни которого на этой земле уходят в глубокую древность.

Богатая сырьевая база, древние традиции и большой спрос способствовали бурному развитию этого ремесла. Наличие шерсти, хлопка, льна, шелка и т.д. [Тревер К.В., 1959. С. 180–181; Ваидов Р.М., 1961. С. 85–86] дало возможность ткачам обеспечить потребности внутреннего рынка, а также выпускать товары для экспорта.

По сообщениям арабских источников, главными центрами ткацкого производства являлись Барда и Дербент [Тревер К.В., 1959. С. 182]. Ткачество занимало заметное место в ремесленном производстве и других албанских городов, таких как Шеки, Кабала, Мингечаур, Шемаха и др. Так, например, в Мингечауре обнаружены остатки тканей (шерсти, шелка, парчи, полотна), обломки ткацкого станка и другие находки, связанные с ткачеством [Асланов Г.М., 1955. С. 68]. Там же были открыты следы коваля, что дает основания выдвинуть предположение о ковроткачестве в раннесредневековой Албании [Вавилов Р.М., 1961. С. 86].

Существующие города и постепенное превращение ряда больших поселений в значительные города привели к оживлению торговых отношений. В раскопках городов обнаружены различные предметы, связанные с торговлей. В частности, в Мингечауре найдена деталь подвесных весов, а также глиняные шарики-разновесы [Ваидов Р.М., 1961. С. 91].

Вся Албания была покрыта густой сетью магистральных и местных сухопутных и водных дорог,

соединяющих главные населенные пункты и связывающих их с близкими и дальними странами. Крупные города были узлами пересечения нескольких торговых путей разных направлений. Главной торговой магистралью был Барда-Двинский торговый путь. По исследованиям последних лет, эта дорога проходила по направлению Барда – Мир-Башир – Мардакерт – Агдам – Физули – Кубатлы – Язы – Горис – Шам – Уруд – Вагуди – Агуди – Шагат (Шалак) – Базарчай – Зангезурский перевал – Даралгез – Шарур – Сиваджан – Двин. У столицы Сюника – Шагата одна из ветвей этой дороги соединялась с дорогой Нахичевань–Тавриз – вторым по значению торговым путем после ардебильского, соединяющим Албанию через Атропатену с Ираном [Гулиев Н.М., 1972. С. 13].

С конца VI в. Бардинский торговый путь шел вдоль западного побережья Каспийского моря, связывая Закавказье и Переднюю Азию с Северным Кавказом. Путь этот шел через Барда–Дербент и хазарские города Семендер и Варчан. Оживление торговых отношений по этому пути объясняется постепенным превращением ряда поселений в значительные города [Тревер К.В., 1959. С. 185].

К древней столице Албании Кабале вели торговые пути с запада (через Иберию), с юга (через Армению, Атропатену) и из северных предгорий Кавказа. Эти пути были главными. Наряду с ними существовала сеть дорог, соединяющая поселения и города страны. Эти дороги часто выходили на магистральные пути.

Немаловажную роль в торговых связях Албании и в раннесредневековый период играли водные пути. Главную роль играла река Кура, способствуя торговым связям Албании с сопредельными странами [Гулиев Н.М., 1972. С. 15, 16]. Об оживленной торговле, ведшейся Албанией того времени прежде всего свидетельствуют привозные предметы сирийского и, в основном, парфяно-сасанидского мира. Среди них особенного внимания заслуживают великолепные образцы торевтики – декоративные блюда, кувшины, водолеи и пр. Перечислим некоторые из них.

1. Блюдо из Ленкорани с изображением горного барана со “священной лентой” на шее [Асланов Г.М. и др., 1966. С. 43, табл. XX; Рзаев Н.И., 1976. С. 126; Кошкарлы К.О., 1981. С. 13]. Образ барана связывался с инкарнацией зороастрийского божества царской удачи – Хварены. Блюдо датируется VI–VIII вв. Оно отнесено к числу изделий североиранской школы [Кошкарлы К.О., 1981. С. 13].

2. Особое внимание привлекает серебряное блюдо с позолотой, обнаруженное в 1968 г. в могильнике древней Шемахи. Оно происходит из разрушенного погребения в каменном ящике. Блюдо имеет 28 см в диаметре, кольцевой поддон диаметром 9,5 см, высота – 0,9 см [Халилов Дж.А., 1976.

С. 145–149] (табл. 175). На блюде изображена сцена охоты на дикого козла в раннесасанидском стиле: охотник на скачущем коне. Обернувшись назад, он пускает стрелу во вздыбленное животное. Всадник облачен в парадную одежду, на голове – кулах, увенчанный султаном; на плечи ниспадают волосы, убранные в несколько туго скрученных косиц; в ухе – серьга с шаровидной подвеской. Он изображен в кафтани, скрепленном на груди фибулой; сзади всадника развеваются длинные ленты. К поясу прикреплен колчан. Сбруя коня имеет золотые украшения. По технике изготовления, способу моделировки, композиции и некоторым другим деталям шемахинское блюдо аналогично блюдам из села Красная Поляна Адлерского района Краснодарского края [Луконин В.Г., 1961. С. 57–59; 1969. С. 68], из Мазендарана [Ghirchman R., 1962. P. 248], из Британского музея [Dalton O.U., 1964. P. 60, 61, tab. XXXVI, ill. 206]. Это блюдо тоже принадлежит к северной школе сасанидских торевтов. Предварительно определили, что на блюде изображен правитель Атурпатакана Шапур из рода Варазов и датировано оно серединой IV в. [Халилов Дж.А., 1976. С. 148]. Последние исследования внесли некоторые уточнения. Шемахинское блюдо датируется концом III в., а охотник на нем идентифицируется с сасанидским принцем – будущим шахиншахом Нарсе [Луконин В.Г., 1979; Кошкарлы К.О., 1981. С. 14–16].

3, 4. Интересны два бронзовых блюда из Южного Дагестана, входившего тогда в территорию Албании, хранящиеся в Государственном Эрмитаже [Тревер К.В., 1959. С. 316, 317, 332].

На одном из них изображена сложная композиция: в центре – всадник с дротиком в руке, на скачущем коне, в сопровождении собаки. Она окружена концентрическими кругами; на широком круге – четыре круглых медальона чередуются с четырьмя амфорами, из которых поднимаются ветки с сидящими на них птицами; на амфорах изображены животные. В медальонах показано единоборство человека со зверем. По внешнему краю идет аркада с тонкими колоннами, под которыми помещены геральдические группы птиц и животных, чередующиеся с человеческими фигурами – танцовщицами, музыкантами, охотниками [Тревер К.В., 1959. С. 315, табл. 26]. Это блюдо, по мнению исследователей, изготовлено в IV–V вв. в восточном стиле под влиянием римского и византийского искусств [Тревер К.В., 1959. С. 317].

Второе более широкое блюдо орнаментировано растительными мотивами, заключенными в круглые медальоны [Тревер К.В., 1959. С. 332, табл. 27; Рзаев Н.И., 1976. С. 126].

5. Замечательными изделиями художественного ремесла являются кувшины. Один из таких бронзовых кувшинов, высотой 39,2 см, украшен изображениями птиц по сторонам дерева. На шее птиц

ожерелья с развевающимися лентами. Этот сюжет связывается с плодородием [Тревер К.В., 1959. С. 317–332].

6. Другой бронзовый кувшин (высота 44,5 см) из Дагестана. Он округлый с высоким горлом и ручкой с изображением граната. Тулово покрыто растительным орнаментом и инкрустацией красной медью [Тревер К.В., 1959. С. 332, табл. 24–25]. Интерес представляет серебряный с позолотой кувшин из Баку [Тревер К.В., 1959. Табл. 4; Луконин В.Г., 1977. С. 93; Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. С. 116, табл. 91]. Тулово кувшина позолочено и разбито гравированными полосами на четыре ромба, в которые помещены изображения петуха, фазана, сенмурва и орла, терзающего травоядное животное, характерные для сасанидского искусства. Между ромбами помещены розетки с шестиконечными звездами и шестилепестковыми цветами. По мнению исследователей, в декоре заметно влияние орнамента тканей. Кувшин датируется VI–VII вв. [Кошкарлы К.О., 1981. С. 15] (табл. 175; 2).

8. Еще один серебряный кувшин обнаружен в разрушенном погребении могильника Шемахи, где было найдено и вышеописанное серебряное блюдо с позолотой. Грушевидное тулово кувшина помещено на высоком кольцевом поддоне. Кувшин имеет гладкую горловину и утолщенный венчик. На плечике сосуда круглая ручка. Тулово орнаментировано тонкими горизонтальными канеллюрами, что характерно, как говорилось, для керамики северо-восточной части Албании [Халилов Дж.А., 1965]. Это дает основание предполагать, что кувшин изготовлен в Албании. Учитывая, что кувшин находился в комплексе с блюдом, его можно датировать IV в., хотя в литературе он датирован V–VI вв. [Кошкарлы К.О., 1981. С. 16].

9. Известна литая бронзовая курильница из Нахичевани (табл. 175: 3) [Тревер К.В., 1959. С. 327–332; Рзаев Н.И., 1976. С. 179; Кошкарлы К.О., 1981. С. 16]. Это статуэтка всадника на полом четырехугольном пьедестале. Фигуры коня и всадника тоже полые, на боку коня отверстие, куда вкладывались пахучие травы и угольки. Ароматный дым выходил через специальные отверстия в гриве коня и короне всадника. Пьедестал орнаментирован рельефом и гравировкой. На передней стенке рельефное изображение двух львов, и скачущего козерога под ними, боковые стенки с одной стороны украшены растительной гравировкой; на другой – охотник с кинжалом и щитом и бросающийся на него лев. Всадник в полном царском облачении: зубчатая корона, ожерелье и серьги, правая передняя нога массивного коня поднята, богатая сбруя с фаларами, бляшками и ленточками. Маленькие короткие ноги всадника обуты в высокие сапоги, руки отведены в стороны, узкие штаны заправлены в сапоги, тело облегает кафтан. Облик

всадника характерен для портретов сасанидских царей. К.В. Тревер предположила, что это может быть князь Албании Джеваншир, проведенный в молодости ряд лет при сасанидском дворе [Тревер К.В., 1959. С. 327–329; Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. С. 120, табл. 122]. Она датирует курильницу VII в. В последнее время высказано мнение о том, что на ней изображен один из позднесасанидских царей, вероятно, Хосров II (590–631), а значит курильницу можно датировать концом VI в. [Кошкарлы К.О., 1981. С. 17].

Следует подчеркнуть, что развитие художественных вкусов и производственных навыков в значительной степени находилось под влиянием поступавших из соседних стран произведений искусства.

Таковы, например, помимо описанных выше роскошных сосудов, многочисленные изделия мелкой пластики: геммы и печати из полудрагоценных камней, получившие широкое распространение в странах Закавказья. Однако наряду с привозными совершенными произведениями искусства, многие изделия были выполнены местными мастерами, тонкой гравировкой наносившими на камни изображения животных, птиц, рыб, растений, сцены борьбы и религиозные (христианские) символы [Пахомов Е.А., 1949].

Резьба по камню и дереву (скульптура, монументальная архитектура) заняла заметное место в среде албанских ремесленников [Рзаев Н.И., 1976. С. 161–164]. Принятие христианства несомненно повлияло на творчество мастеров. Наряду с сюжетами, связанными с более ранними представлениями, они изображали и евангельские сцены, и христианских святых. В качестве декоративных мотивов постоянно использовались кресты [Ваидов Р.М., 1961. С. 52; Гекушев Р.Б., 1978. С. 39]. Из многочисленных находок резного камня отметим обработанный в виде призмы камень с двумя павлинами по сторонам символически изображенного древа и албанской надписью на верхнем карнизе [Ваидов Р.М., Фоменко В.П., 1951. С. 98]. Учитывая форму камня, его местонахождение (в одном из храмов) и типичный для христианского искусства сюжет, его считают престолом, устроенным в центре алтаря [Ваидов Р.М., 1954. С. 133; 1961. С. 110–113; Чубинашвили Г.Н., 1957. С. 220].

Широкое развитие во внутренней и внешней торговле получило монетное обращение. В Албании в основном пользовались привозными монетами, преимущественно сасанидскими драхмами. Наряду с ними имели хождение и византийские монеты.

О широком применении сасанидской монеты свидетельствуют многочисленные находки кладов.

1. Значительный клад, содержащий наиболее ранние сасанидские монеты, был обнаружен на окраине с. Чухур-Кабала, недалеко от столицы Албании Кабалы [Луконин В.Г., 1979. С. 74, 75]. Клад об-

наружен случайно и разошелся по рукам. Удалось собрать 163 монеты, из них – 159 монет были драхмами сасанидского царя Варахрана II (276–293). Установлено, что клад был зарыт до 293 г.

2. Во многих областях Албании были найдены клады поздних сасанидских монет. К их числу относится клад серебряных монет, обнаруженный в 1937 г. в с. Алты-агач. Он находился в глиняном кувшине. Из этого клада собрано 140 монет, чеканенных между царствованиями Кавада I (488–531) и Хосрова II (590–631). По поздним монетам клад был зарыт в первые годы VII в. Монеты были чеканены в разных монетных дворах. Среди них преобладают со знаком НАХЧ, т.е. монетный двор Нахичевани [Пахомов Е.А., 1949. С. 29–29].

3. Другой вид серебряных сасанидских монет найден в 1938 г. близ с. Астары, из которых 70 монет собраны и изучены [Пахомов Е.А., 1949а. С. 25–27]. Они были чеканены в разных монетных дворах между 483 и 523 гг. Среди них драхмы сасанидских царей Пероза (459–484), Кавада I (488–531) и Хосрова I (531–579). Самая поздняя монета в кладе чеканена в 572 г. Таким образом, дата зарытия клада – вторая половина VI в.

4. Небольшой клад обнаружен в 1958 г. в городе Шемахе. Это серебряные драхмы, чеканенные в разных монетных дворах, в том числе г. Нахичевани, в период правления сасанидских царей Хосрова I (531–579), Хормизда IV (579–590) и Хосрова II (591–628). По поздним монетам клад был зарыт в начале VII в. [Пахомов Е.А., 1966. С. 26, 27].

5. В том же году в с. Вери при пахоте было обнаружено около 300 сасанидских монет. Они разошлись по рукам, удалось приобрести 9 монет, которые оказались драхмами Хормизда IV, Хосрова II [Пахомов Е.А., 1966. С. 27].

6. В 1958 г. обнаружен еще один клад в кувшине в с. Ибрагимгаджилы Таузского района, состоящий из 80 серебряных драхм. Из этого клада удалось собрать 52 экземпляра. Это монеты Кавада I, Хосрова I, Хормизда IV и Хосрова II, чеканенные в различных городах Ирана. В кладе имеются монеты, происходящие из монетных дворов Албании – Барды и Нахичевани. Зарытие кладов датируется первой четвертью VII в. [Пахомов Е.А., 1966. С. 27–30].

Помимо кладов, при раскопках памятников сасанидского периода обнаружены десятки сасанидских монет, что указывает на их постоянное использование в торговле. Причем, в ходу были не только монеты, чеканенные в иранских монетных дворах. С развитием экономики и ростом торговли требовалось большое количество монет. Центральные монетные дворы не в состоянии были обеспечить возросший спрос на монеты. Этим объясняется то, что в VI в. персидские

марзпаны, сидевшие в Барде, Нахичевани и других городах, чеканили серебряные монеты сасанидского образца.

На исторической территории Албании сделан ряд эпиграфических находок, в основном албанской, армянской и пехлевийской письменности. Многочисленные эпиграфические памятники, в том числе 8 албанских надписей, обнаружены на поселении 2 в Мингечауре, где они сосредоточены на участке вокруг храмов и в их развалинах. Они опубликованы Р.В. Ваидовым [1961. С. 136–142]. Другие албанские надписи и их обрывки попадались на разных памятниках и на различных предметах: на глиняных сосудах, обломках камней, в могильниках и на стене христианского храма [Тревер К.В., 1959. С. 336–338]. Таким образом, в настоящее время накоплено достаточное количество образцов албанского письма. Специалисты делали попытки прочитать их и предлагали разные варианты чтения, но до сих пор они окончательно не расшифрованы. В начале 1980-х годов в этом направлении были, правда, достигнуты некоторые успехи С.Н. Муравьевым, хотя говорить об окончательном решении этого вопроса пока преждевременно [Муравьев С.Н., 1981. С. 222–325; Mouraviev S., 1980. С. 345–374].

Большое количество армянских надписей известно в Мингечауре [Ваидов Р.М., 1961. С. 142–143] и на памятниках Нагорного Карабаха [Геюшев Р.Б., 1975. С. 54; 1978. С. 47–48].

Что касается пехлевийских надписей, то они пока зафиксированы только на северных стенах Дербента: их всего 20. В них сообщается о строительных, хозяйственных делах и пр. [Пахомов Е.А., 1929. С. 9 и сл.; Тревер К.В., 1959. С. 345–453].

Подводя краткие итоги, отметим, что археологические материалы: орудия труда, остатки злаков, косточки ягод, остеологические находки говорят о высоком уровне развития земледельческо-скотоводческого хозяйства страны. Не менее важную роль в экономике Албании играло городское хозяйство. Развитые города были главными экономическими и культурными центрами страны, где было сосредоточено ремесло и торговля. В городах, как мы видели, существовали крупные ремесленные мастерские по производству керамики, строительного материала, стекла, металлических и кожаных изделий, тканей. Эти мастерские не только обеспечивали спрос населения страны, но, возможно, производили товары и для экспорта. Города были центрами внутренней и внешней торговли. Археологические находки, в том числе монеты, драгоценные привозные изделия, указывают на ареал торговли и культурно-экономические связи Албании в раннем средневековье.

Произошли изменения в духовной жизни страны. Была принята христианская религия, которая

распространилась в основном в зоне бассейна Куры: там сохранились развалины монастырей и церквей, при раскопках которых найдено множество предметов, связанных с христианской религией. Установлено, что в северо-восточной части Албании эта религия не получила широкого признания. Здесь поклонялись старым божествам. В связи со строительством сасанидами оборонительных со-

оружий в эту область переселили из Ирана население зороастрийской веры, что оказало влияние на мировоззрение местного населения.

Общий подъем экономики способствовал подъему культуры раннесредневековой Албании. Была изобретена письменность, возникали первые школы, албанскими учеными были написаны первые страницы истории страны.

Азербайджан в IX–XIII веках

История изучения средневековых памятников.
Города, поселения, крепости

В IX–XIII вв. в тяжелых войнах против халифата и сельджукских захватчиков на территории Азербайджана возникло и окрепло несколько государственных образований. Самыми крупными из них в северных районах страны было государство Ширваншахов (861–1383), а на территории к югу от реки Куры государства Шеддадидов (971–1088) и Атабеков-Ильдегизидов (1166–1225) [Шурифли М.Х., 1978. С. 44–138; Минорский В.Ф., 1963; Буниятов З.М., 1978. С. 44–171]. Были и более мелкие владения, которые в связи с политической обстановкой сходили с исторической арены или попадали под власть более сильных соседей.

Образование устойчивых феодальных владений способствовало, несмотря на постоянные связанные с войнами опасности, дальнейшему экономическому подъему в стране. Разрастались старые города, появлялись новые, увеличивалось количество сельских поселений. С активизацией торговых связей возникла необходимость строительства дорог и караван-сараев. Господствующей религией стал ислам, в государствах распространилась новая арабская письменность. Христианство сохранилось практически только в районах, пограничных с Арменией (вокруг города Шеки и в Нагорном Карабахе).

Все эти изменения в жизни древней Албании нашли достаточно полное отражение в памятниках материальной культуры. Первичное обследование некоторых из них было проведено еще в XVIII в. членами Российской Академии наук Байером и Гмелиным [Сысоев В.М., 1925]. В XIX в. интерес к древностям Азербайджана не затих. Х.Д. Френ посвятил им несколько нумизматических работ, а востоковеды Б. Дорн, Н.В. Ханыков и И.Н. Березин дали первые описания ряда крупных памятников, известных на территории Азербайджана.

В 20-е годы XX в. были проведены археологические разведки по всей территории древней Албании. Многие известные и вновь открытые памятники были подвергнуты обстоятельному, в основном визуальному, обследованию, описаны и, что особенно важно, результаты этих трудов были в значительной части опубликованы [Азимбеков И., 1925; 1927; Алекперов А.К., 1927; 1960а; Александрович-Насыфи Д., 1926; Пахомов Е.А., 1925; 1926а; 1926б; 1927; 1940а; Сысоев В.М., 1925; 1925а; 1926; 1927; 1927а; 1929; Тер-Аветисян С.В., 1927; Фитуни А.П., 1927].

Не менее существенно, что в первой половине XX в. начались и раскопки на ряде самых крупных средневековых памятников – развалинах городов: Байлакана, Баку, Гянджи, Кабалы [Алекперов А.К., 1960а; Джафарзаде И.М., 1939; 1949; Казиев С.М., 1945; 1947; Мецанинов И.И., 1936; Левиатов В.Н., 1941; Шарифов Д.М., 1927]. Даже сразу же после окончания войны археологи проводили небольшие раскопки, исследуя дворец Ширваншахов в Баку [Левиатов В.Н., 1945; 1946; 1948; 1948а] и в бакинской бухте [Джафарзаде И.М., 1947].

Исследование средневековых памятников в 50–70-х годах связано прежде всего с работами Азербайджанской экспедиции, приступившей в 1953–1956 гг. к изучению развалин Байлакана (Орен-калы). Результаты работ этой экспедиции были опубликованы в 1959 г. в томе “Трудов Азербайджанской экспедиции”, редактором которого был начальник экспедиции А.А. Иессен [1957; 1957а; 1959; 1959а]. В 60-е годы раскопки на Орен-кале были продолжены, и их результаты также были отражены в печати [Ахмедов Г.М., 1962; 1962а; 1964; 1965; 1979; Минкевич-Мустафеева Н.В., 1965а; 1968; 1969; 1971; 1976; Ибрагимов Ф.А., 1965].

Значительно расширяются исследования Кабалы и Баку, закладываются первые раскопы на городищах Шемаха, Шабран, Шахри, Топрахкале и Топраккале, Нахичевани, Хараба-Гиляне [Исмизаде О.Ш., 1962; 1963; 1964; 1964б; 1965; 1965а; Казиев С.М., 1964; Ахмедов Г.М., 1978; Джидди Г.А., 1969; 1971; 1971а; 1972; 1972а; 1974; 1974а; 1975; 1979; Ваидов Р.М., 1965а; Геюшев Р.Б., 1970; Ибрагимов Б.И., 2000].

Помимо городов, археологи большое внимание уделяют исследованиям средневековых крепостей – Гюлистана, Галеи-Бугурта и другим оборонительным сооружениям [Джидди Г.А., 1960; 1961; 1961а; 1967; 1972а; 1973; Кадыров Ф.В., 1965], а также сельским поселениям, на которых были проведены пока только предварительные обследования: ни одно средневековое поселение до сих пор обстоятельно археологически не изучено.

Поскольку наиболее полно исследованы в настоящее время города средневекового Азербайджана, начнем характеристику археологических памятников с описания результатов изучения городских развалин.

Из городов Северного Азербайджана, существовавших в IX–XIII вв., наибольшей известностью пользовались Барда, Гянджа, Байлакан, Нахичевань, Шабран, Шемаха, Шамкур, Дербент, Баку, Юнан, Кабала, Шеки, Берзенд и др. Некоторые из них: Баку, Шемаха, Нахичевань – сохраняя свои исторические названия, продолжают существовать на старых местах. Без особых трудностей можно локализовать и те города, названия которых после их разрушения перешли на близлежащие населенные пункты. К таким относятся Барда (нынешний районный центр Барда), Гянджа (Новая Гянджа), Шамкур (нынешняя железнодорожная станция Шамхор), Кабала (нынешнее селение Чухур-Кабала), Гюргян (ныне – местность Гюргян), Хунан (Топраккала) (ныне – равнина Хунан) [Вайдов Р.М., Гулиев Н.М., 1974. С. 279]. Дискуссию вызвало месторасположение города Байлакана, теперь окончательно локализованного на месте Оренкала в Мильской степи [Гюзальян Л.Т., 1959. С. 342] и месторасположение исторической Шеки, локализуемой в селении Шеки в Нагорном Карабахе [Буниятов З.М., 1959].

До сих пор не выяснено месторасположение городов, известных лишь по письменным источникам, в том числе таких крупных, как Ширван, Махмудабад, Баласаджан, Баджерван и др. Не определены исторические названия ряда городищ и крепостей (Бяндован, Гыркчырах, Кызылбурун, Сеидлы, Галача).

Тем не менее, в настоящее время археологические источники и письменные свидетельства позволяют с достаточной долей уверенности говорить о том, что большие города располагались, как правило, в развитых экономически и густо населенных районах страны, на магистральных торговых путях (рис. 18), в стратегически важных местностях. Формирование их как центров ремесла и торговли началось в IX–X вв. и особенно бурно развивалось на протяжении следующих двух столетий. Несмотря на то, что база большинства городов была создана еще в раннем средневековье, археологические материалы дают основание утверждать, что во времена развитого средневековья многие большие города были заселены значительно плотнее и их размеры немного превышали размеры поселений предшествующего периода. Так, площадь Гянджи равнялась 25 га [Джафарзаде И.М., 1949. С. 17] (табл. 176: 2). Судя по письменным источникам, только базарная площадь Барды, куда в праздничные дни собирался народ, занимала около 50 га [Ташчян Л.П., 1946. С. 55]. Территория в границах крепостных стен Байлакана составляет около 40 га [Иессен А.А., 1959] (табл. 176: 3), Кабалы – более 25 га [Казиев С.М., 1964. Ч. 17] (табл. 176: 1). К большим городам следует отнести также Шемаху (табл. 176: 5), Нахичевань, Шамкур (табл. 176: 4), Баку (Табл. 176: 6) и др.

Малые города в противоположность большим можно назвать городами-крепостями. Города-крепости являлись военно-административными центрами феодальных владений. Таковы Шеки, Ктиш, Метрис, Каланкатюк и т.д. Существовали и многочисленные поселения, носившие еще земледельческий характер и не имевшие городских стен. Примером таких поселений могут служить средневековый Мингечаур, Гырк-чырах, Топраккала (Кяхский) и др. Многие из этих городов и поселений существовали и в раннее средневековье.

Характерно строительство новых крепостей и башен. Некоторые из них являлись крепостями – летними резиденциями феодальных правителей (таковы Гюлистан, Галеи-Бугурт), другие – сторожевыми (таковы мардакянские башни, башня в Нардаране), религиозно-культовыми (крепость вокруг Ханегаха на р. Пирсагат, крепость вокруг Миль-Минарета около г. Оренкала и др.).

Остановимся далее хотя бы на краткой характеристике исследованных археологами наиболее выдающихся памятников, относящихся к эпохе развитого средневековья.

Город Кабала, который был столицей Кавказской Албании, продолжал существовать и в средние века.

Огромное городище этого периода расположено на двух холмах, называемых “Сельбир” (Северная часть) и “Кала” (Южная часть), а также на окружающей их территории (табл. 176: 1). В настоящее время оно покрыто лесом или частично распахивается. На поверхности много подъемного материала, в том числе характерной для этого периода поливной керамики. Городища Сельбир и Кала защищены горными реками. Укрепления построены из речных булыжников на известковом растворе, а также массивных блоков хорошей тески и квадратных обожженных кирпичей. Сравнительно хорошо сохранились стены в южной части города с остатками воротных башен, поднимающихся на холме Кала до высоты 6 м.

В Сельбуре верхний слой содержал материал IX–X вв. Здесь в 1959–1960 гг. выявлены остатки жилых и хозяйственных построек, водопровода, вымостки полов, очаги, тандыры, колодцы, могилы, найдено много керамики, металлических, стеклянных изделий и монет [Казиев С.М., 1964. С. 24–33]. В 1967 г. раскопаны часть северной стены и башни Сельбира, а в 1974–1978 гг. – квадратная башня юго-западного городища [Гадиров Ф.В., 1975. С. 62–75; 1978. С. 40–42].

В Кале удалось прежде всего разделить почти тысячелетние пятиметровые напластования (VIII–XIII вв.) на три слоя, в том числе выявить наиболее насыщенный находками слой XII–XIII вв. Были исследованы стены, сложенные на растворе глины из больших речных булыжников и обож-

женных кирпичей и туфовых блоков. Открыты тандыры, очаги, ямы, гончарная печь, найдено громадное количество обломков поливной и простой керамики, стеклянные, металлические изделия, монеты [Шарифов Д.М., 1927; Исмизаде О.Ш., 1964а; 1963. С. 13–24].

Почти в центре территории Кала были вскрыты остатки крупного здания, а у обрыва Джоурлы-чая в слое, относящемся к XII–началу XIII в., раскопаны остатки жилищ со стенами, сложенными на фундаменте из речного булыжника, квадратного обожженного кирпича, а иногда тесаных камней, а также хозяйственные ямы, тандыры, обломки разнообразной керамики, монеты, предметы быта [Ахмедов Г.М., 1979. С. 39].

Байлакан (городище Орен-кала) был расположен в Мильской степи на караванном пути, шедшем от Барды – одного из центральных городов Закавказья, в Ардебиль. Байлакан связывал также низменные районы междуречья Куры и Аракса с предгорными и горными районами Малого Кавказа, куда земледельческо-скотоводческое население на летнее время пригоняло свои отары (рис. 18). Сравнительно хорошо сохранившиеся развалины города, окруженного квадратными в плане валами и рвами, возвышаются на 6–8 м над степью (табл. 176: 3). Рядом с городом проходил в средние века канал Гяур-арх, русло которого местами хорошо прослеживается и в настоящее время. Он обеспечивал город водой и орошал окружающие его земледельческие районы. Город состоит из трех частей: так называемого Большого (40 гектаров) и Малого (14 гектаров) городов и ремесленного квартала. Вся дневная поверхность городища насыщена обломками простой и глазурованной поливной керамики, квадратных обожженных кирпичей, фаянса, стекла и медных монет. Тот же подъемный материал встречается и на окружающей город территории, особенно на западной стороне, где на расстоянии 2,5 км расположены развалины Миль-Минарета, давшего название и самой Мильской степи.

Выше мы уже говорили, что Орен-кала – фактически наиболее исследованный археологами памятник, систематически изучаемый в течение 15 сезонов (1953–1968 гг.). В результате было установлено, что стены города были сложены из больших сырцовых кирпичей. Выявлена полная стратиграфия памятника, культурный слой которого накапливался в течение почти тысячелетия – с VI по XIV в. Удалось определить характер городской застройки на разных этапах истории города, проследить периоды строительства привратных сооружений. Помимо остатков обычных жилых домов, водопроводных (табл. 177: 4) и канализационных труб был открыт и исследован целый ремесленный квартал вне стен города: развалины кузниц начала XIII в., гончарных печей IX–XIII вв. (табл. 178: 4, 5),

отвалы керамического брака, колодцы IX в., водяные закрытые каналы IX – XIII вв., хозяйственные постройки XII–начала XIII в. После разгрома квартала монголами в 1221 г. здесь возникло кладбище – два мавзолея (четырёхугольный и восьмиугольный) с парными захоронениями в обоих и простые мусульманские могилы вокруг четырёхугольного мавзолея. Судя по находкам монет, кладбище просуществовало с конца XIII до XIV в.

Таким образом, в результате систематического и планомерного изучения городища Орен-кала установлено время возникновения города, хронологическая шкала культурных напластований, соотношение “Большого” и “Малого” городов и время выделения последнего, выявлено время превращения города в ремесленно-торговый центр, окончательно решен вопрос об отождествлении Орен-калы со средневековым Байлаканом.

Раскопки Орен-калы показали, что жизнь в городе, начиная с раннего средневековья, с течением времени, особенно в XII – начале XIII в., становилась все интенсивнее. Во все время существования город Байлакан представлял собой важное звено в развитии экономической и культурной жизни Азербайджана и всего Закавказья [Ахмедов Г.М., 1979].

Гянджа, изучение которой начато в 1938 г. в связи с подготовкой и проведением 800-летнего юбилея азербайджанского поэта Низами Гянджави [Джафарзаде И.М., 1939; 1947; 1949; Левиатов В.Н., 1941], расположена на обоих берегах Гянджачая. Большое городище, частично размытое бурным течением горной реки Гянджачая (табл. 176: 2) и частично застроенное, скрывает культурные слои некогда цветущего средневекового города. Сохранились остатки трех рядов городских стен, береговых укреплений, моста, мавзолеев, в том числе гробницы Низами, и кладбище.

Раскопки 1938–1941 гг. охватили широкие площади. В эти годы снят план городища, произведены раскопки внутри так называемого первого города, второго города и в предместье; изучались городские стены, береговые укрепления и кладбища. Вскрыт культурный слой мощностью более четырех метров.

В результате установлено, что город возник на базе расположенного на этом же месте крупного населенного пункта, с течением времени превратившегося в укрепленный город. Слои IX–XIII вв. насыщены остатками жилищ, кирпичными завалами, керамикой и другими предметами быта. Расцвет города Гянджи приходится на XI–XII вв., когда город Барда уступает ему первенствующее положение. Гянджа становится столицей государства Шеддадидов. Гянджа подверглась большому разрушению во время землетрясения 1138/9 г. За короткий срок она была восстановлена и продолжала развиваться.

Баку являлся крупным портовым городом на берегу Каспийского моря (табл. 176: 6) и одним из торгово-ремесленных и культурных центров Ширвана. О былой славе города говорят его замечательные архитектурные памятники – известная “Девичья башня”, мечеть-минарет Мухаммеда, называемая в народе “Сыных-кала”, городские стены с башнями, дворец Ширваншахов, крепостное сооружение в Бакинской бухте (табл. 176: 7) и др. Установление точных границ средневекового Баку осложнено в связи с поздними перестройками и ростом города. Почти вся его территория оказалась под зданиями и асфальтированными улицами современного города. Тем не менее не вызывает сомнения, что к XII в. территория так называемой “Ичери-шехер” (внутренний город), обнесенная еще в XII в. крепостными стенами, была полностью заселена.

В 1944–1947 гг. раскопки велись в нижнем дворе дворца Ширваншахов – у юго-восточного фасада, где открылись слои VIII–XV вв. [Левиатов В.Н., 1945; 1946; 1948].

Обнаружены остатки жилищ, тандыров, колодцев, водопровода, хозяйственных и мусорных ям, найдена многочисленная просея и поливная керамика, архитектурные детали, металлические и стеклянные изделия, монеты (табл. 177: 3).

Исключительный интерес представляют раскопки в Бакинской бухте – Баиловские камни. Здесь в 1938–1940 гг. [Пахомов Е.А., 1940; Джафарзаде И.М., 1947] в связи с падением уровня Каспийского моря из-под воды появилось сооружение крепостного типа, начались его исследования (табл. 176: 7).

Еще тогда было извлечено из-под воды более 500 камней с надписями арабским шрифтом и изображениями. Установлена дата строительства сооружений 1234–1235 гг. [Пахомов Е.А., 1940. С. 116]. О назначении этого памятника высказаны разноречивые мнения.

Называли его по-разному: просто “Баиловскими камнями” или “караван-сараям”, “подводным городом”. Для определения роли, которую он играл в жизни Баку, были произведены раскопки в южной части крепости, где обнаружили фундаменты небольших четырехугольных помещений, выстроенных из небрежно отесанных камней, небольшое количество обломков котлов, кувшинов, чаш и чирахов. Слабая заселенность крепости (явное отсутствие следов пребывания гражданского населения) привела исследователей к заключению о назначении этого сооружения в качестве “морской крепости” [Пахомов Е.А., 1940; Бретаницкий Л.С. и др., 1947. С. 96–101; Шеблыкин И.П., 1949. С. 111–128].

В 1962–1963 гг. расчищены фундаменты крепости “Девичья башня” и часть крепостного сооружения, идущего от нее по направлению к берегу моря, с массивными полукруглыми башнями, соединенны-

ми стеной с двумя другими сохранившимися наземными полукруглыми башнями. Остатки жилищ, построенных из крупных хорошо обтесанных камней на известковом растворе, с небольшими глухими нишами и дверными проемами, непосредственно примыкали к “Девичьей башне”. На участке вокруг нее было обнаружено много хозяйственных ям и колодцев, выдолбленных в толще скалы. Назначение этого сложного комплекса также вызывало разногласия: наряду с общепринятым мнением о его оборонительном значении высказывалось мнение о принадлежности башни к культовым сооружениям [Ахундов Д.А., 1974. С. 14–25; Гиришман Р.М., 1978. С. 37–40]. Монеты и обломки керамики позволяют датировать комплекс “Девичьей башни” XI–XII вв.

Особенное внимание археологов направлено на изучение центральной части древнего Баку – цитадели “Ичери-шехер”. Исследования там приобрели особенный размах в 1970-х годах. Раскопки дали убедительные материалы для выявления на всей территории “Ичери-шехер” мощных средневековых напластований: на вершине холма они достигают толщины 5–6 м.

Общая дата слоя – IX–XVII вв., он четко делится по археологическому (в основном – керамическому) и нумизматическому материалу на два: верхний, толщиной до 1,5 м, относится к XIV–XVII вв., нижний – к IX–XIII вв.

Нижний культурный слой непосредственно лежит на материковой скале. Цоколи стен домов и остатки других строительных сооружений ставились прямо на нее. Помещения прямоугольные, направление их в основном с запада на восток. На отдельных стенах сохранились места оконных проемов, иногда впоследствии заложенные. Между стенами помещений открыты небольшие узкие коридоры с каменными полами. На участках вокруг зданий располагались небольшие дворiki, ограниченные кладками стен соседних домов. Кладки стен мощные. На некоторых стенах сохранилась штукатурка. Часто встречаются тандыры диаметром 65–70 см, а иногда больше, очаги, с трех сторон обставленные небольшими камнями, открытая сторона которых, как и продухи тандыров, обращена к юго-западу, в сторону постоянно дующих морских ветров.

Рядом с домами во двориках нередко помещались хозяйственные ямы, колодцы, различные чаны, ступки, чашечные углубления прямоугольной и круглой формы, мангалы и др.

Интерес представляет вскрытое на южном склоне Бакинского холма довольно большое складское помещение, в котором находились пять крупных хозяйственных хумов, четыре из которых были установлены на больших подставках – чанах диаметром 50–58 см.

Разнообразны и вещевые находки, основную массу которых составляет красноглиняная неполив-

ная и поливная и фаянсовая керамика. На ее местное происхождение указывают находки треугольных подставок и стержней, аналогичных обнаруженным в Кабале (табл. 178: 6–8), большое количество отходов гончарного производства, остатки разрушенных гончарных печей, керамический брак.

Металлические изделия представлены железными гвоздями, ножами, наконечниками стрел, подковками для обуви. Попадаются предметы из меди – “пряжки”, бронзовые и медные кольца, остатки небольших сосудов, пуговицы.

Встречаются отдельные фигурные камни и другие архитектурные детали, жернова, песты, точильные камни.

Обнаружено большое количество медных монет, чеканенных в Баку, Шемахе, Дербенте, Тебризе, Махмудабаде, Султанье, Ани, Ираване, Казвине, Золотой Орде и др. Это монеты чекана ширваншахов, меликов Дербента, Сельджуков, Ильханов, Хулагуидов, монголов и др. Найдена одна аббасидская серебряная монета, чеканенная в Дарассаламе в 138 г. Хиджры. Монеты встречаются и в кладках: так, в продухе одного из тандыров обнаружен клад, состоящий из 29 монет, чеканенных от имени Ширваншаха Ахситана, сына Манучехра (XII в.).

Шемаха расположена в юго-восточных предгорьях Большого Кавказа, на пересечении караванных путей (табл. 176: 5). Археологические исследования в ней начались в 1966 г., когда под руководством Г.А. Джидди был организован специальный отряд Шемахинской экспедиции.

Ввиду застройки города современными зданиями, раскопки производились на небольших площадях (от 15 до 300 м²), тем не менее, археологам удалось установить мощность культурного слоя на всех основных участках средневекового города: на шахристане – 4–5 м, в цитадели – 3–4 м, на склонах города – 2–2,5 м. Раскопки велись в центре средневекового города, в южной части шахристана и в ремесленном квартале, расположенном на восточной окраине.

Нижние напластования культурного слоя (VIII–IX вв.) характеризуются и датируются особой поливной и неполивной керамикой [Джидди Г.А., 1974а. С. 50]. К этому слою относятся фундаменты жилых построек, сооруженные из булыжников на глиняном растворе, остатки очагов, хозяйственные ямы и колодцы.

Верхний слой значительно более мощный и богатый разнообразными находками, прежде всего остатками крепостных стен (цитадели и города) X–XI вв. и стены с башней конца XII в., сложенных из хорошо отесанных камней на глиняном растворе с примесью извести [Джидди Г.А., 1969. С. 401; 1971а. С. 25–26]. Были открыты следы улиц, фундаменты жилых, общественных и культовых зданий, ям, колодцев, керамические канализационные и во-

допроводные трубы, закрепленные известью и кирпичом. В ремесленном районе обнаружены следы кузнечного и гончарного производств, остатки гончарной печи, бракованных сосудов. Слой заполнен обломками (и целыми сосудами) керамики – поливной и неполивной, – отражающей уровень развития гончарства в то время, встречаются в нем и изделия из железа, меди, стекла, кости и много монет, чеканенных в Шемахе, Баку, Дербенте, Тебризе (ширваншахами, меликами Дербента, Сельджуками).

Местами верхний слой перекрыт более поздними наслоениями (до XIV в.). В нем также были обнаружены остатки узкой улочки, большого общественного здания с залом, водопровод и водяные канавы, а также остатки кузницы и гончарного производства. Слой забит обломками посуды (поливной и фаянсовой), стеклянных сосудов и монетами чеканки Тебриза, Гянджи, Тбилиси и Еревана [Джидди Г.А., 1975. С. 62]. Жизнь в городе после монгольского нашествия, очевидно, не затухала.

Нахичевань, расположенная на р. Араксе на скрещении караванных путей, в изучаемый период была одним из крупных ремесленно-торговых центров Востока. В XII в. (с 30-х до середины 70-х годов) она стала столицей государства Ильдегизидов-Атабеков [Мамедов Р.А., 1977. С. 72]. Археологически город изучен очень слабо. Произведены небольшие раскопки (396 м²) в районе усыпальницы Момине-хатун [Геюшев Р.Б., Мамедов Р.А., 1980], где находилась цитадель города. Установлена пятиметровая мощность культурного слоя, состоящего из трех напластований, относящихся к IX–XI, XII–XIV и XV–XIX вв., были выявлены остатки стен четырехугольных помещений, построенных из речных булыжников, глинобитных (в нижнем горизонте), из сырцовых и обожженных кирпичей на глиняном растворе – в верхнем, водяные колодцы и хозяйственные ямы, остатки вымосток, кягризов (в среднем и верхнем горизонтах). Обнаружены многочисленные образцы неполивной и поливной керамики, фаянсовой и фарфоровой посуды, разноцветных изразцов. Найдены металлические изделия, ильдегизидские монеты, глиняные треножки, использовавшиеся в печах для обжига глазурованной посуды.

Шабран – громадный город, расположенный на древнем торговом пути от Шемахи до Дербента (рис. 18). Городище более 150 га подверглось разрушениям в связи со строительством шоссейной дороги и бакинского водопровода в 1930 г. Тогда при обследовании городища обнаружены керамическая печь для обжига глазурованной посуды [Левинатов В.Н., 1946. С. 87], клад монет и собрано много керамики.

Изучение памятника было начато в 1979 г. в связи со строительством газопровода Моздок–Карадаг. Здесь, внутри центральной части городища

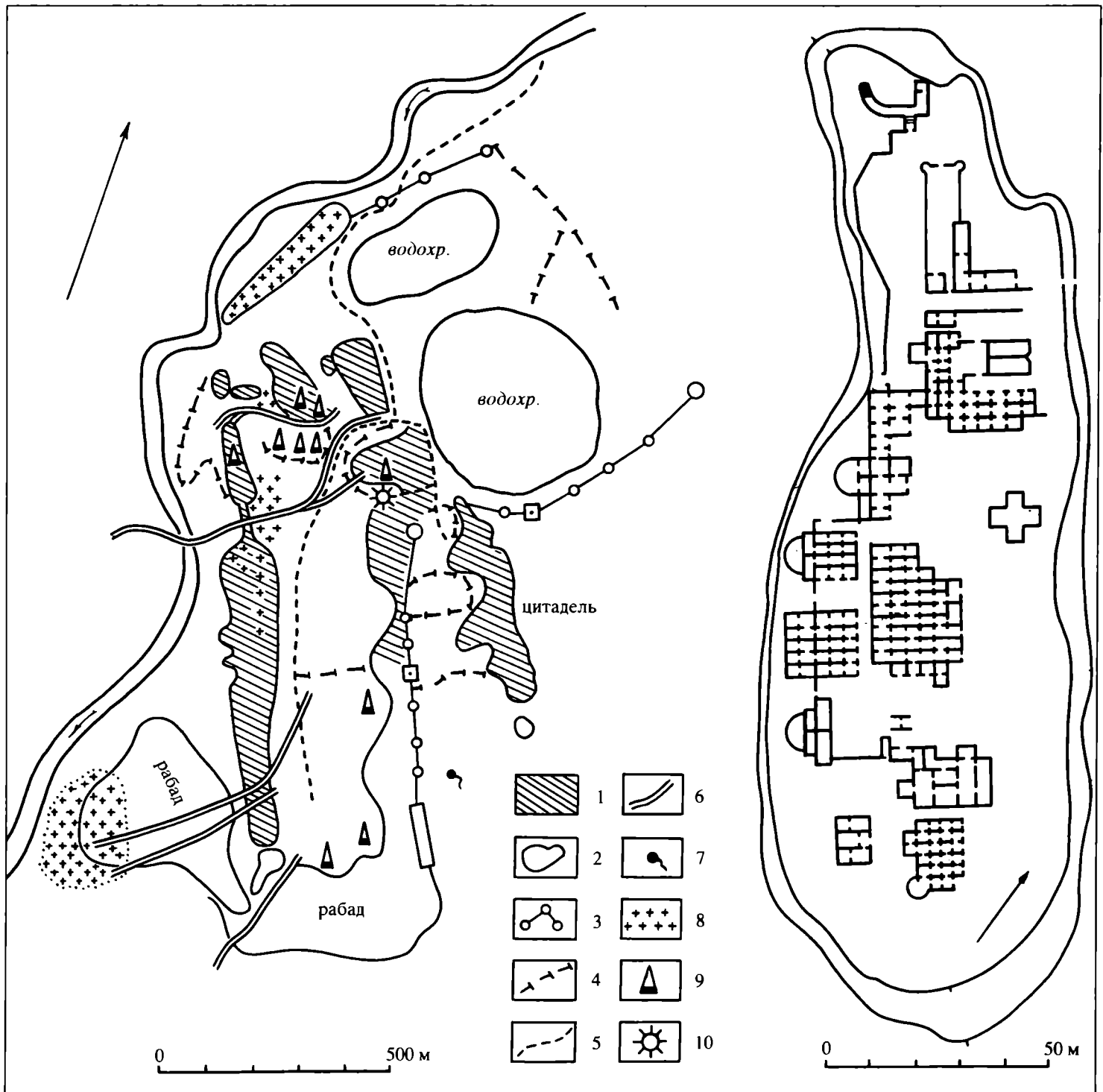

Рис. 19. План развалин города Киран (Хараба-Гилан) и его цитадели

Условные обозначения: 1 – кварталы города; 2 – водохранилища; 3 – оборонительная стена; 4 – заградительная стена; 5 – канал;

6 – улицы; 7 – родник; 8 – могилы; 9 – мавзолеи; 10 – мельница. Составлен Б.И. Ибрагимовым

произведены раскопки. В результате определена мощность культурного слоя (5 м), выявлены остатки оборонительного сооружения и крупного здания общественного назначения, сооружений по благоустройству города (гончарного водопровода и системы канализации, сложенной из тесаных желобчатых камней), улиц, вымощенных булыжниками, тандыров, облицованных обожженным кирпичом колодцев, собрано большое количество фрагментов керамики, железных, костяных и стеклян-

ных изделий, орудий труда, монет и других материалов. Обнаруженные материалы позволяют датировать нижний слой VII–XI вв., средний – XII–XIII вв., верхний – XIV–XVIII вв.

Городище **Хараба-Гилан** – развалины древнего города **Кирана** – расположено в Нахичеванской области на берегу реки Гилан-Чай. Город занимал громадную территорию, его мощные оборонительные сооружения, в значительной части сохранившиеся до настоящего времени, производили весьма

внушительное впечатление, что нашло отражение в трудах средневековых путешественников. Несмотря на это, памятник почти не привлекал внимания археологов и редко упоминался в работах специалистов: археологов, историков архитектуры, искусствоведов. Только в 1976 г. на нем начались систематические раскопки. Основным археологом, исследовавшим остатки средневековых развалин и культурных напластований этого обширного многослойного памятника, был Б.И. Ибрагимов [Ибрагимов Б.И., 2000].

В средневековом городе четко выделяются три части: цитадель, шахристан и рабад. Цитадель находилась на высокой с крутыми склонами горе (рис. 19). Несмотря на естественную неприступность, верхняя площадь горы укреплена массивными каменными стенами с круглыми башнями (длина этой линии обороны 600 м). На более пологих местах склонов были поставлены дополнительные заградительные стены. Остатки каменных крупных построек внутри цитадели, их сложная планировка и связи отдельных зданий друг с другом хорошо прослеживаются на современной поверхности, но археологического изучения этого комплекса пока не проводилось.

Наиболее исследованным в настоящее время является шахристан. Там также на поверхности возвышаются стены жилых кварталов, крупных общественных сооружений – караван-сараяв, бань, мельниц, мавзолеев и, конечно, мечетей. Четко прослеживается главная улица города и примыкающие к ней с обеих сторон улицы кварталов. Здания строились из обожженного кирпича на известковом растворе и были облицованы орнаментированными блоками, сложенными из декоративных кирпичиков. Следует особенно отметить широкое использование при строительстве стен и зданий различных антисейсмических приемов: от включения в кладку прослойки высокопластичной глины до сооружения ступенчатых фундаментов.

Нередко жилые здания в шахристане и, как правило, в рабаде строились из сырца на каменных фундаментах или цоколях. Как и в каменных постройках, сырец прокладывался пластами глинобитом для предотвращения разрушения стен при довольно частых землетрясениях.

Рабад был заселен ремесленниками: гончарами, изготавливавшими большинство употребляемой в городе посуды – столовой, кухонной, тарной, специального назначения. В столовой преобладала великолепная поливная керамика (блюда, чаши и пр.), в кухонной – шаровидные или полусферические котлы с петлевидными ручками, тарная керамика представлена кюпами (пифосами) и кувшинами, а среди “специализированной посуды” выделяются сфероконусы.

Различные мелкие металлические предметы

свидетельствуют о местном развитом кузнечном производстве, а шлаки – о плавке железа киранскими ремесленниками.

О высокой художественной культуре, о грамотности населения позволяют говорить многочисленные декоративные алебастровые и поливные плитки (и их обломки), многие из которых покрывались помимо растительного и геометрического орнамента арабскими, персидскими и азербайджанскими надписями (изречениями из Корана), выполненными двумя шрифтами: куфическим и нест-элик. Датируются они XII–XIV вв. (табл. 179).

Наряду с ремеслом в городе процветала и торговля, особенно активизировавшаяся в XII – начале XIII в. – в эпоху общего подъема экономики и культуры в Азербайджане. Судя по находкам обломков привозных поливных сосудов из Средней Азии (кашинная керамика) и фаянсовых изделий из иранских городов, а также большому количеству монет, очевидно, что торговые связи Кирана далеко выходили за границы Азербайджана.

Таким образом, город был не только ключевым укреплением довольно большого района, но и крупным торгово-ремесленным центром, хорошо известным не только Закавказью, но и всему мусульманскому арабо-персидскому миру.

Поселения городского типа средневекового периода изучены в основном на трех объектах – Гяуркале, Торпаккале и Мингечауре, которые имели и более древние слои, поэтому описаны или упомянуты в предыдущей главе.

Эти поселения отличаются от городов меньшей насыщенностью культурного слоя, слабым развитием ремесленного производства, менее мощными укреплениями.

Гяуркала (VIII–X вв.). Изучены развалины и цокольная часть одностолбчатого храма, сооруженного из камня-известняка. Рядом с храмом обнаружена двускатная крышка от каменного саркофага брата албанского князя Хамама, восстановившего в начале X в. албанское царство [Ваидов Р.М., 1965. С. 177–180].

Средневековые слои **Торпаккала** являются самыми мощными (толщина 1,2–1,8 м). На городище обнаружены остатки фундаментов жилых помещений, построенных из сырцовых и обожженных кирпичей на глиняном и известковом растворе. Выявлены и изучены двухъярусные печи для обжига глиняных изделий и строительного кирпича, найдены фрагменты керамики, стекла, металлических изделий и монет, которые датируют верхние – средневековые слои городища IX–XV вв. [Ваидов Р.М., 1965а. С. 211].

Хуже сохранились средневековые слои **Мингечаурских поселений** (№ 2 и 3) на левом берегу Куры. Они прослежены в верхних разрушенных временных слоях. На поселениях обнаружены остатки

жилого строительства, гончарных обжигательных печей круглой формы (табл. 178: 1, 2), поливная посуда, штампованная керамика, изделия из стекла, целые и бракованные браслеты, монеты ширваншахов-кесранидов [Вайдов Р.М., 1957].

К поселениям городского типа надо отнести и **поселение Татлы**, расположенное на территории одноименного села (в Казахском районе), на возвышенности. Оно окружено остатками крепостных стен шириной 1,5 м, сложенных из хорошо обработанных известняковых камней. Там сохранились развалины трехнефного христианского храма, на которых обнаружено большое количество обломков черепицы и целых экземпляров для покрытия крыши. На поселении найдены ступки, простая и глазурованная посуда, золотая монета византийского императора Константина X Дуки (1059–1067). Поселение относится к X–XIII вв. [Генюшев Р.Б., Нуриев А.Б., 1978. С. 42–43].

Крепость Гюлистан расположена к северо-западу от города Шемахи, на вершине крутой горы, на высоте 180–200 метров над окружающей местностью. Сохранились обвалившиеся стены башен, сооруженных из тесаных четырехугольных камней на известковом растворе. Расположенная на очень удобном для защиты месте, эта крепость являлась летней резиденцией и военно-оборонительным пунктом ширваншахов.

В результате проведенных в 1939 г. [Пахомов Е.А., 1940а] и в 1959–1961 гг. [Джидди Г.А., 1960; 1961; 1967] раскопок в Гюлистане выявлены культурные слои IX–XVI вв. Более богатый археологическими материалами слой относится к XI–XIII вв. Раскопками установлены планировка памятника, расположение наружных и внутренних стен (Нарынкала), жилых помещений, водопровода, подземного хода и некоторых других сооружений. Обнаружены простая и поливная керамика, фрагменты фаянсовых, фарфоровых и селадонных сосудов, а также стеклянные, металлические, костяные предметы и монеты характеризуют жизнь этой твердыни Ширвана в период наивысшего ее расцвета – в XII–XIII вв.

Другие крепости Азербайджана раскопкам не подвергались. Археологи ограничивались в основном сбором подъемных материалов, позволяющих в некоторой степени датировать памятники.

Сельские поселения с характерной для IX – начала XIII в. глазурованной керамикой на территории Азербайджана встречаются повсеместно. Для примера остановимся на некоторых из них.

К таким относится поселение около современного с. Вайхыр, расположенное в 16 км к северу от Нахичивани. Площадь средневекового **Вайхырского поселения** составляет 4–5 га. Поверхность поселения насыщена поливной и простой керамикой,

характерной для X–XIV вв. На днищах некоторых глазурованных чаш оттиснуты клейма [Алиев В., 1965. С. 252–255].

Другое поселение, называемое местными жителями поселением **Гюмушли**, находится около селения Багирлы в 15 км к югу от города Шемахи. Средневековый слой характеризуется глазурованной керамикой IX – начала XIII в. и монетами Ширваншахов и Ильдегизидов. Примечателен тот факт, что здесь обнаружен водопровод, который в средние века обеспечивал поселение водой из близлежащего источника Герай, расположенного в горах Гырлыг [Нурилев А.Б., 1965].

В том же районе около с. Ангехаран на горе **Гушгона** расположено сельское поселение XI–XIII вв. На этом поселении обнаружены остатки какого-то каменного сооружения, обломки водопроводных труб и множество фрагментов поливной и поливной керамики. Привлекают внимание фрагменты фаянса, что подтверждает его распространение даже в некоторых сельских поселениях.

Еще одно горное село расположено около современного с. **Това**, примерно в 1 км к северу от него, в горах, называемых Юмру-галаг и Ясти-галаг. Поселение с трех сторон окружено глубоким обрывом, а на восточной слабо защищенной естественными препятствиями стороне построена каменная защитная стена. Поэтому описываемое поселение можно считать укреплением. Подъемный материал состоит исключительно из простой и поливной керамики IX–XIII вв. и монет, чеканенных в Шемахе, Дербенте и Баку в XIII в. [Халилов Дж.А., 1958. С. 917–923].

Поселение Агджабурун (Белый мыс) расположено в древнем Агванском (Албанском) проходе в горной системе Конделендаг между Куткашенским и Геокчайским районами. Оно со всех сторон окружено неглубокими ущельями. Толщина культурного слоя на этом селище местами достигает двух метров. На поверхности повсюду заметны остатки каменных кладок, очагов, ям и множество поливной и поливной посуды, которые датируют поселение XI–XVI вв. [Гадиров Ф.В., 1975. С. 88–93].

Таким образом, сельские поселения, как и крепости, обследовались практически только визуально (разведками). Исключением является поселение **Даразарат**, на котором был заложен раскоп [Халилов Дж.А., 1960. С. 105–115]. В нем обнаружены остатки разбросанных камней, тандыра, хозяйственных ям, места токов (хырманов), остатки надгробных камней, фрагменты керамики, медный котел и другие предметы, относящиеся к XII–XIV вв. Однако этот материал недостаточен для того, чтобы дать представление о сельских поселениях Азербайджана изучаемого периода.

Градостроительство, фортификация

Археологические исследования дали возможность сделать ряд наблюдений и выводов, пополнявших наши знания прежде всего о фортификации, структуре городов, домостроительстве и разнообразных технических приемах, использовавшихся при возведении оборонительных стен, больших общественных зданий и просто жилых домов.

Городские стены средневековых азербайджанских городов, в зависимости от местных материалов, строились из камня, сырцового и обожженного кирпича. В городах Ширванской зоны строительство городских стен велось в основном из камня – известняка на твердом известковом растворе. Таковы стены средневекового Баку, Шемахи, Дербента. Для стен степных городов употребляли сырец, глину, позднее (с IX–X вв.) широко использовали и обожженный кирпич. Таковы стены Байлакана, сооруженные в раннем средневековье из крупных сырцовых кирпичей размером $49 \times 49 \times 14$ см. В IX–XIII вв. они ремонтировались сравнительно более мелким сырцовым кирпичом, обожженным кирпичом на глиняном и известковом растворах. Раскопки Байлакана показали, что ранняя стена разрушена было до IX в. Вновь сооруженные стены состояли из двух параллельно идущих глинобитных (шириной 90 см) стен, внутреннее пространство которых заполнено землей. Общая толщина стены составляет около 4 м. В ней как в наружных глинобитных стенах, так и в земляном заполнении обнаружена глазурованная керамика IX в. Эта стена существовала недолго; в конце IX и в начале X в. на наружной стороне ее была сооружена большая квадратная гончарная печь, отходы и зола которой частично перекрыли стену. Позже, возможно в X в., во всяком случае не позже XI в., сооружена так называемая сырцово-глинобитная стена, состоящая из глинобитных прослоек (1 м и более) и кладок сырцового кирпича размером $32 \times 32 \times 7$ см (7 и более рядов) [Ахмедов Г.М., 1979. С. 25–26]. Общая толщина этой стены составляет 6 м.

К более позднему периоду, примерно к XII – началу XIII в., надо отнести двойную облицовку сырцово-глинобитной стены из аккуратно сложенного обожженного кирпича размером $24 \times 24 \times 5$ и $26 \times 26 \times 5$ см [Ахмедов Г.М., 1979. С. 44–46].

При строительстве городских стен учитывалась и сейсмичность района. Так, стена города Шемахи через каждые 3,5 м укреплена каменными контрфорсами [Джидди Г.А., 1972. С. 38]. В систему городских стен входили четырехугольные и полукруглые башни. Раскопками в Гяндже выявлено несколько башен как полукруглых, так и четырехугольных. По мнению И.М. Джафарзаде, последние более древние [1949а. С. 39–58]. Впрочем, ран-

няя стена Байлакана имела полукруглые башни несколько удлиненной формы, а стены более поздние (IX–XIII вв.) имели правильно полукруглые башни и были меньшего размера. В стенах Дербента сохранились квадратные и полукруглые башни. Башня городской стены Шемахи также полукруглая.

Башни городских стен размещались с определенными интервалами. Так, в Гяндже и Байлакане они поставлены через каждые 40–50 м. На более опасных участках башни расположены чаще. Вершины стен обычно оканчивались зубцами, позволявшими воинам во время сражения и стрельбы наблюдать и укрываться от вражеских стрел. Почти такую же роль играли и “мазгалы” – щели в стенах.

Наглядным примером такого устройства могут служить сохранившиеся до наших дней крепостные стены Баку, построенные в XII–XV вв. на территории “Ичери Шехер”.

Определенный интерес в этом отношении представляет и башнеобразный глиняный сосуд (табл. 176: 8), обнаруженный при раскопках Оленкалы в слоях VIII–IX вв. [Ахмедов Г.М., 1960. С. 1253–1257]. Сосуд имеет двойные стенки, во внешней прорезаны стрелкообразные бойницы, а в верхней части – треугольные зубцы. Порталы башен городских ворот имели богатое художественное оформление. Особенно тщательно оформлена кирпичная облицовка башен Байлакана XI–XII вв. [Ахмедов Г.М., Ибрагимов Ф.А., 1970. С. 380–381]. Крепостные ворота были деревянными с железными креплениями или полностью железными. До сих пор сохранилась в Гелатском монастыре в Грузии одна створка железных ворот Старой Гянджи [Ениколопов И., 1948. С. 109–116].

В комплекс оборонительных сооружений городов входят рвы, снаружи окружавшие городские стены. Рвы заполнялись водой из близко протекавших каналов, речек и рек. Сообщение с городом осуществлялось через отводной или подъемный мост, который днем перекидывался через ров, а на ночь поднимался и крепился к стене. Ширина городских рвов Байлакана составляла 12–15 м, Старой Гянджи – 8–9 м, глубина их – 3–4 м. В Кабале роль городских рвов заменяли протекающие с обеих сторон города горные реки – Гара-чай, Джоурлы-чай, которые сливались к югу от города. Искусственный ров был сооружен только с северной стороны этого города. В Баку часть городского защитного рва заполняли морские воды.

План городских укреплений изучаемого времени обычно четырехугольный. Такова планировка средневекового Байлакана, Старой Гянджи, почти такая же – в Кабале. Отклонение от четырехугольного плана городских стен отдельных городов связано, главным образом, с рельефом местности.

Следует отметить, что углами большинство городских стен, замков, крепостей и башен ориентированы по сторонам света (табл. 176).

Планировка и благоустройство городов. Городская территория, ограниченная крепостными стенами, застраивалась жилыми, общественными и культовыми зданиями. Наличный материал не дает достаточно полного представления о планировке городов Азербайджана IX – начала XIII в. Однако общее сходство феодальных городов стран Ближнего Востока, имеющиеся в письменных источниках сведения, так же как и археологический материал, позволяют, хотя бы в самых общих чертах, охарактеризовать их облик.

В укрепленной части города обычно находился замок феодала – дворец правителя со служебными помещениями, входивший в состав Нарын-кала – цитадели города. Вокруг дворца правителя размещались наиболее монументальные жилые постройки и значительные общественно-культовые здания, обслуживавшие главным образом привилегированное население города. Эту часть города принято называть шахристаном.

В шахристанах располагались, помимо административных зданий, мечети, общественные бани, караван-сарай, богатые жилые дома. На основании раскопок в Байлакане, Шемахе, Баку, Кабале, Гяндже мы можем заключить, насколько тесной была застройка внутри крепостных стен, особенно в XII – начале XIII в. Как говорилось выше, культурные слои, относящиеся к этому времени, очень мощные, прерываемые прослойками пожарниц и кирпичными завалами, указывают не только на скученность, но и на интенсивность застройки, на частые пожары и не менее частые восстановления жилых построек. Об этом же говорит многочисленность колодцев, ям, очагов, тандыров, предметов хозяйства, быта и культуры, ремесла и торговли.

За шахристаном располагались ремесленные кварталы (рабад) и предместья города, которые обычно не имели укреплений. В рабадах, в основном, размещались ремесленные мастерские, а в предместье – подсобные хозяйства горожан.

Размеры рабада и предместья зависели от размеров города, неотделимой частью которого они являлись. В предместье дома располагались, в отличие от шахристана, менее плотно: к жилым постройкам примыкали хозяйственные дворы, земельные участки, огороды, сады и т.д. Как установлено разведочными раскопками в Гяндже и Байлакане, дома в предместьях построены менее тщательно и большей частью носили временный характер. Крупные сооружения здесь встречались редко. Примером такого исключения может служить мечеть с минаретом в Байлакане [Ахмедов Г.М., 1979. С. 4].

Предместье расширялось за счет людского притока из деревень по направлению главных путей, ведущих в город. Иногда предместье города тянулось на несколько километров. Так, площадь предместья Старой Гянджи, по расчетам И.М. Джафарзаде, составляла примерно 9–10 км² [Джафарзаде И.М., 1949а. С. 17]. Судя по остаткам древних построек, предместье Байлакана тянулось только к западу от города примерно на 2,5 км – до развалин известного Миль-минарета [Ахмедов Г.М., 1979. С. 4, рис. 23].

Градостроительство средневекового Азербайджана до сих пор не изучено. У нас еще нет ясного представления не только об отдельных видах городских сооружений гражданского или общественно-культурного назначения, но и о планировке внутри города – его кварталах, улицах, базарных площадях. Пока не удалось раскопать полностью хотя бы часть квартала в одном из средневековых городов Азербайджана, как это было сделано в средневековом армянском городе Ани.

Однако можно все-таки предполагать, что средневековые города Азербайджана не были лишены прямых улиц. Так, судя по топографическому плану, воротные башни в северо-западной и юго-восточной стенах города Байлакана расположены друг против друга, что может косвенно указывать на наличие прямой улицы в городе [Иессен А.А., 1959. С. 34, рис. 1–2]. Возможно, что это была главная улица средневекового Байлакана. Улицы городов были не мощенные, а лишь утрамбованные от езды, превращавшиеся зимой иногда в сплошную грязь. Только в горных местностях и у берегов рек улицы иногда мостились камнем. Об этом можно судить по одной из главных улиц Кабалы, ведущих в город от северных ворот, вымощенной вертикально поставленными кирпичами [Щеблыкин И.П., 1945. С. 92]. В Гяндже расчищены мостовые, вымощенные речным булыжником, которые со стороны предместья вели к нижнему мосту на реке Гянджачай. Одна из улиц Байлакана также была вымощена камнем, под который подсыпался керамический бой, что подтверждается раскопками на городских воротах [Ахмедов Г.М., 1979. С. 145].

В зависимости от места расположения и природных условий, города снабжались водой различными способами. В горных районах вода проводилась в города из близлежащих рек и родников через прорытые арыки, подземные кягризы или водопроводные гончарные трубы. Города низменных районов снабжались водой через оросительные каналы из рек Аракса и Куры. В городах, расположенных далеко от оросительных каналов, или там, где отсутствовали природные источники, пользовались водой из колодцев (табл. 177: 2) и овданов, вырытых на территории городов. Кягризная система водоснабжения выявлена в средневековом Баку.

Кягриз иногда имел на определенном расстоянии друг от друга колодцы, вырытые до глубины грунтовых вод (табл. 177: 1). Эти колодцы соединялись под землей туннелеобразными каналами, по которым текла вода. Чтобы каналы и колодцы не разрушились, иногда их облицовывали камнем, иной раз в канал укладывали гончарные трубы. Там, где канал прокладывался в плотных известковых породах, в облицовке и в гончарных трубах нужды не было (табл. 177: 3). В таких случаях канал лишь закрывался сверху каменными плитами, чтобы вода не загрязнялась. Иногда водопроводные каналы внутри города строили из обожженного кирпича на известковом растворе. Такие каналы были закрытыми и открытыми (Кабала, Байлакан, Баку).

Самой развитой формой водоснабжения городов в IX–XIII вв. являлись водопроводы из гончарных труб (табл. 177: 4, 6–8). Такие трубы обнаружены почти во всех средневековых городах и крепостях, подвергавшихся раскопкам (Гянджа, Кабала, Байлакан, Дербент, Баку, Шабран, крепость Гюлистан около Шемахи, Гюмушли, Шеки и др.). Водопроводные гончарные трубы делались длиной 30–40 см, диаметром 10–15 или 16–17 см. Их вставляли одну в другую, а стыки обмазывали известковым раствором. Гянджинские мастера покрывали водопроводные трубы зольным раствором с целью предохранения их от порчи, а также для большей прочности [Джафарзаде И.М., 1949а. С. 42]. Для прочности гончарного водопровода байлаканские мастера употребляли специальные глиняные или каменные полусферы [Якобсон А.Л., 1959а. С. 131, рис. 97], которыми до засыпки покрывали сверху водопроводные трубы. Гончарный водопровод, выявленный в Шемахе, был закреплен известью и покрыт квадратными обожженными кирпичами. Интересны обнаруженные в Кабале водоочистительные кувшины с двусторонними отверстиями (контрольные водяные колодцы). Боковые отверстия таких кувшинов соединялись с водопроводными трубами, а горла их закрывались крышками. В случае загрязнения водопроводных труб крышки контрольных кувшинов открывали и проверяли водопроводную систему. Иногда кувшины заменяли небольшими колодцами [Джафарзаде И.М., 1949. С. 42]. Гончарные водопроводы проводили главным образом по прямой линии под улицами города. Это облегчало и замену труб. Во время раскопок Орен-калы найдены соединительные двусторонние коленообразные, а также трехсторонние (тройники) водопроводные трубы [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 30]. Они давали возможность проводить линии под углом и с ответвлениями.

Раскопки показали, что для канализации строились специальные колодцы. Они выявлены в Кабале, Байлакане и Баку. Туалеты, как правило, отделялись от жилых помещений. Каждый комплекс

имел свой поглощательный колодец, обычно цилиндрической формы, глубиной до 3–4 и более метров. Колодцы закрывались деревянными брусками, камышом или досками, в середине покрытия оставляли отверстие. Иногда колодцы были обложены обожженным кирпичом или каменными плитами.

Встречаются иногда поглощательные колодцы непосредственно в жилых помещениях или во внутренних дворах. Возможно, в таких случаях они служили умывальниками. Устья подобных колодцев выкладывали обожженным кирпичом особенно тщательно в виде нескольких рядов кирпичной кладки, которая предохраняла пол помещения от оседания. Верх комнатных колодцев в Орен-кале большей частью оформлен в виде восьмиугольных звездчатых отверстий (табл. 177: 5). В отверстие иногда вставлялись гончарные трубы или же они плотно закрывались каменной или кирпичной плитой с очень маленьким отверстием в середине для стока воды, подобно среднеазиатским ташнау. Видимо, владельцы домов с подобными помещениями не могли выделить отдельной комнаты для умывания и приспособляли для этой цели, в том числе для мусульманских религиозных омовений, жилые комнаты, особенно в зимнее время [Ахмедов Г.М., 1965. С. 142].

Поглощательные колодцы под умывальней и колодцы туалетов, которые рыли в некотором отдалении от умывания, связывали с колодцем посредством гончарной трубы, иногда несколькими коленами труб. Колодцы для умывален существовали сравнительно долго, поскольку вода из них впитывалась в грунт. Там, где вода употреблялась в большом количестве, например, в банях, для сбора грязной воды применяли специальные отводные ямы-лагым, в которые гончарные трубы или скрытые каналы отводили грязную воду; из ямы она просачивалась в грунт. В Орен-кале подобный лагым, похожий на подземный ход, обнаружен под жилыми помещениями.

В городах раскопаны и складские помещения. В Баку на территории “Ичери шехер” исследовалось довольно большое складское помещение, в котором были открыты пять крупных хозяйственных кюпов [Ибрагимов Ф.А. и др., 1977. С. 491], а в Шемахинском складском помещении находились шесть близко расположенных крупных кюпов, в одном из которых были обнаружены остатки нефти.

Большие хозяйственные кюпы в раскопках средневековых городов обнаруживаются повсеместно. Они служили для хранения самых разных сыпучих и жидких продуктов – зерна, вина и др. Сельскохозяйственные продукты хранили также в хозяйственных ямах, так часто обнаруживаемых при раскопках. Почти все хозяйственные ямы круглые и несколько расширяются внизу. Их нижний диаметр колеблется от 1,5 до 2,5–3 м.

Ремесло и торговля

Сохранившаяся глубина их не более двух метров. С внутренней стороны некоторые из ям были тщательно заглажены и обмазаны раствором глины.

Мастерские средневекового периода раскопаны в незначительном количестве. Один из наиболее интересных комплексов хозяйственного назначения выявлен в ремесленном квартале Байлакана [Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965; 1968; 1969]. Это большая постройка с чанами разной величины, соединенными между собой водопроводными керамическими трубами, заключенными в кладку стен или проведенными под полом. Здание это симметрично по плану и очень тщательно построено из обожженного кирпича на известковом растворе. Все бассейны и чаны сооружения (их полы и стены) тщательно оштукатурены толстым слоем розоватого цвета. Установлены два строительных периода сооружения постройки, не выходящие за рамки XII – начала XIII в. Памятник этот представляет большой интерес потому, что он не находит себе прямых аналогий. Но есть некоторые черты описываемого комплекса, сближающие его с виноградодавильнями Средней Азии (Сарыга и Сукулук в Киргизии) и Крыма (Херсонеса), что дало основание Н.В. Минкевич-Мустафаевой предположить, что здание было построено либо для приготовления вина, либо изделий из фруктовых соков [Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965а. С. 158].

В Шемахе обнаружена кузнечная мастерская, пол которой выложен речными булыжниками, а посреди нее из крупных речных камней сложена кузнечная установка длиной 1,5 м, шириной 0,75 м, высотой 1 м. Поверхность ее покрыта плоскими плитами. В середине установки был проделан очаг диаметром 35 см с узкой канавой для дутья воздуха из кузнечного меха. Там же найдено глиняное сопло, большое количество железного шлака и остатки древесного угля [Джидди Г.А., 1979. С. 45]. Следы кузниц обнаружены в Баку, в Байлакане, в Кабале, в Шарифане и на ряде других объектов. Судя по этнографическим данным, средневековые кузницы мало чем отличались от кузниц современных кустарей Азербайджана.

Выявлено и изучено более десяти гончарных печей IX–XIII вв. (табл. 178: 1, 5) в Мингечауре [Ионе Г.И., 1951. С. 72–77], в Байлакане [Минкевич-Мустафаева Н.В., 1959; Ибрагимов Ф.А., 1965], одна печь – в Кабале [Исмизаде О.Ш., 1963. С. 13–24] и одна – в Торпаккала [Ваидов Р.М., 1965а]. Следы гончарных печей обнаружены в Гяндже [Джафарзаде И.М., 1949а. С. 26], в Шемахе и Баку [Ибрагимов Ф.А. и др., 1979. С. 42].

Из раскопанных в Байлакане печей две имеют в плане подковообразную форму с топчным отвер-

стием с юго-восточной стороны (они находились в ремесленном квартале), одна печь (расположена около северо-западной стены Большого города) – прямоугольная в плане с топчным отверстием с юго-восточной стороны. Эти три печи, из которых первые две относятся к IX–X вв., а третья – к XII–XIII вв., служили для обжига сфероконических сосудов. Все печи Мингечаура и Кабалы служили для обжига неполивной и поливной посуды. Уникальная во всем Закавказье торпаккалинская печь была предназначена для обжига строительной керамики (табл. 178: 3).

Часто внутри печей и около них, иногда и на территории городищ, находят глиняные стержни, S-образные глиняные крючки, треугольные подставки, маленькие конусы с заостренным концом, использовавшиеся при обжиге гончарных изделий (табл. 178: 6–8). Крюки и стержни закреплялись в стены обжигательной камеры, и на них навешивали для обжига посуду с ручками (кувшины и др.). Треугольные подставки употреблялись для обжига поливной керамики, что подтверждается наличием на них подтеков глазури (подставки отделяли друг от друга блюда и миски, которые ставили в печи одну на другую). Подобный “печной инвентарь” происходит из Оренкала, Кабалы, Гянджи, Баку, Шемахи, Шабрана, Мингечаура и других мест, а также Грузии (в Тбилиси) [Ломтатидзе Г.А., 1955а. Табл. IV]. Производство простой и поливной керамики в этих городах не вызывает сомнения.

Начавшийся в IX в. повсеместный подъем гончарного производства, непрерывно развиваясь, достиг в XII и начале XIII в. своей высшей степени. Ни в раннее средневековье – до IX в., ни после монгольского нашествия – со второй четверти XIII в., Азербайджан не знал такого высокого развития производства керамики. Исключительный расцвет гончарного ремесла был обусловлен общим подъемом экономической и культурной жизни страны.

В то время в Азербайджане была усовершенствована техника обжига керамических изделий, появились новые виды обжигательных печей, дававшие возможность получения высококачественной бытовой и строительной керамики; ручной гончарный круг почти полностью заменился быстровращающимся ножным кругом; дальнейшее развитие получила техника изготовления керамических сосудов, их орнаментация. Появились новые виды сосудов, надписи на них, например, чаши открытой формы (бошгаб), кувшины с одной ручкой и носиком (афтафа) (табл. 180: 9), кувшины с расширяющейся горловиной (гурт-гурт) (табл. 181: 3), широкогорлые сосуды – дойницы с двумя ручками (сернидж), сфероконические сосуды (табл. 180: 8), сосуды для розовой воды и др. Крупным достижен-

ем явилось широкое применение ангоба и глазури, создавших новые возможности художественного оформления гончарных изделий. Украшение неполивной и поливной керамики производилось гравировкой, цветной росписью (табл. 181: 8), росписью ангобом под цветной глазурью (табл. 181: 9), применением штампов с вырезанными на них украшениями (табл. 183: 7), резьбой по сырой глине (табл. 182: 10), выскабливанием фона вокруг орнамента (техника “в резерве”), накладными украшениями и т.д. В этот период (с XI в.) в Азербайджане начинается производство фигурных и поливных кирпичей, а также гончарных труб.

Особенно много керамики дали раскопки в Оленкала, Старой Гяндже, Кабале и Шабране. Немало керамики IX–XIII вв. обнаружено при раскопках крепостной части Баку, в Нахичевани, в Мингечауре, в крепости Гюлистан. Большой подъемный материал собран на территории других средневековых поселений и городищ Азербайджана.

Только в результате раскопок средневекового Байлакана выявлены имена 18 гончаров. Из них три имени (Ахмед, Фазлун, Джафар) – начертаны на сфероконических сосудах, одно (Лашкари) – на глиняной трубе, три (Али, Азиз, Рустам) – на простых кюпах, одиннадцать (Наср, Сеидали, Хаттаб, Гасан, Юсиф, Азра, Амир, Гамза, Абуль-Касим, Хамару, Бадал) – на поливных чашах [Гюзальян Л.Т., 1959. С. 324–350; Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 48]. Гянджинские раскопки познакомили нас с именами двух мастеров-керамистов: Кафар – на глиняном цилиндрическом штампе и Ахмед ибн Абубекр Гянджинский – на глазурованной чаше [Джафарзаде И.М., 1949а. С. 30–32], а каблинские раскопки – с именем мастера Абуталыба.

Гончарная глина в этот период гораздо лучше обрабатывалась, чем в раннее средневековье. Образцы отличной обработки глины дают сфероконические сосуды IX–X вв., которые при обжиге приобретали твердость камня. Керамисты умели подбирать глину для различного назначения сосудов. Так, для котлов употреблялась особая огнеупорная глина.

Улучшилось и качество строительной керамики. Глина гончарных труб почти такая же, как и глина гончарной посуды, зато отличается глина кирпичей, в составе ее имеются значительные примеси. Средневековые гончарные трубы изготовлялись на ножном круге, кирпичи – в специальных формах.

Средневековая керамическая посуда по технике ее обработки делится на *неполивную* и *поливную*.

Почти все виды неполивной керамики, исключая сфероконусы, с очень незначительным изменением сохранили свои формы до последнего времени, что говорит об их большой практичности и техническом совершенстве.

Котлы большей частью имеют полушаровидную форму; все они круглодонные, и только у маленьких

котлов дно иногда плоское. Широкое горло обычно несколько суживается вовнутрь; ручки – узкие, петлевидные. Округлое дно котлов вместе с придонной частью лепилось отдельно, на шаблоне, верхняя же часть выделялась на гончарном круге (табл. 180: 1, 5). Встречаются и лепные котлы, для формовки которых иногда употреблялась мешкообразная ткань. Некоторые котлы имеют небольшие трубчатые или желобчатые носики. Поверхность котлов часто украшается глубокими точками, насечками, врезными волнистыми линиями, а также инкрустацией осколками сосудов с бирюзовой глазурью. Встречаются на котлах и налпные украшения. Для котлов Оленкала характерны цилиндрические выступы по плечу, иногда похожие на копытца.

Другой распространенной формой сосудов являются кюпы – крупные сосуды с яйцевидным корпусом, небольшим плоским дном, горло их низкое или высокое, с отогнутым наружу утолщенным венчиком. Кюпы предназначены для хранения домашних припасов (табл. 181: 7). Высокогорлые кюпы имеют от двух до четырех ручек, иногда кюпы украшены налпными конусами (табл. 181: 17). Большие кюпы закапывали в землю, кюпы с ручками ставились по углам и у стен помещений и могли переноситься. По форме украшений имеются две разновидности кюпов с ручками.

Кюпы первой из них покрыты белым ангобом и украшены “архитектурным” орнаментом. На них иногда встречаются и надписи.

Другую разновидность составляют кюпы с лощеной поверхностью, покрытой красной краской. Они украшены штампованными поясами с сюжетными изображениями (табл. 181: 6). Иногда они сплошь покрыты бирюзовой глазурью (такие кюпы встречены в Оленкала). Такого рода кюпы известны также в Армении и Грузии, где они также относятся к XII–XIII вв. Эти нарядные кюпы предназначались, как полагают, для вина и являлись парадными пиршественными сосудами.

Хозяйственные кюпы без ручек встречаются при раскопках всех азербайджанских городов – в слоях IX–XIII вв.

Светильники Азербайджана делятся на две группы. Первая из них – это чашеобразные светильники (пийдан), состоящие из трех частей – верхней чашки с желобком для фитиля, нижней части и соединяющей оси с ручкой (табл. 180: 13). Подобные светильники известны в Кабале, Оленкале и Мингечауре. Однако количество их незначительно. Видимо, они были масляными и не характерными для Азербайджана.

Светильники второй группы имеют небольшой корпус для нефти, длинный носик для фитиля и ручку. У ранних светильников (IX–X вв.) ручка прикреплена одним концом к корпусу, другим к венчику (табл. 180: 6).

Среди поздних светильников (XII–XIII вв.) преобладают тонкостенные, имеющие сравнительно меньший размер и кольцевидную ручку (табл. 181: 4). Поверхность некоторых светильников покрывалась глазурью (табл. 180: 13). Такого рода светильники распространены в средние века по всему Закавказью, там, куда ввозилась, видимо, бакинская нефть.

Маслобойки (керамические) встречены пока что в Кабале, Шабране и Мингечауре (табл. 180: 10).

Основную массу неполивной керамики составляет бытовая посуда – столовая и кухонная. Преобладают неполивные горшки (табл. 180: 2), солонки. Многочисленны и неполивные кувшины для воды (табл. 180: 9, 11, 12, 14; 181: 11, 12, 15). Нередки находки “сельбидж” – специальных сосудиков, предназначенных для детских колыбелей (табл. 181: 8).

Бытовая неполиваная посуда либо вообще лишена украшений, либо скромно украшена по плечу врезной волной или лепными мелкими кружками, или штампованным орнаментом. Азербайджанские неполивные сосуды со штампованными украшениями очень богаты и близки по технике и мотивам украшения сосудам из других городов Закавказья и Средней Азии (табл. 182).

Особую группу средневековой керамики Азербайджана составляют сфероконические сосуды, назначение которых, несмотря на длительное обсуждение в литературе, продолжает оставаться спорным. Они известны из раскопок Гянджи, Кабалы, Баку, Шемахи, Оренкала и из других мест (табл. 180: 8; 183: 6, 9). Больше всего таких сосудов добыто в Оренкале, где производство сфероконусов засвидетельствовано наличием печей для их обжига. Сфероконусы IX–X вв. отличаются большей округленностью, скромностью орнамента и сравнительно пористым черепком. Некоторые из них сопровождаются надписями. Сфероконусы украшались гравировкой, концентрическими кругами, горизонтальными и вертикальными желобками. Богаче украшены сфероконусы XII – начала XIII в. с зеленым твердым черепком; форма их более или менее коническая. Для них характерно применение штампованных украшений [Ахмедов Г.М., 1959. С. 141–142; 1959а. С. 221–225]. Специфическую форму азербайджанских сфероконусов составляют найденные в Оренкале в слоях второй четверти XIII в. сравнительно большие сосуды с плоским дном, что является новшеством для таких сосудов [Ибрагимов Ф.А., 1965. С. 221]. Они богато украшены геометрическим штампованным орнаментом.

Поливаная керамика Азербайджана, начиная с IX в., вошла в быт городского населения; производство ее быстро развивалось. Этот новый вид керамической продукции не только практичностью, но и художественными качествами все больше и больше привлекал к себе горожан.

В Азербайджане до появления поливы (конец VIII – начало IX в.) гончарную посуду покрывали специальным глиняным раствором – ангобом (табл. 184). Полива, употреблявшаяся в Азербайджане, как и в других странах Закавказья, получалась из окиси свинца и была почти бесцветной и прозрачной. Она увеличивала крепость черепка, лишала его гигроскопичности, придавала поверхности сосуда блеск, причем цвет черепка глазурь не меняла. Применение подглазурной яркой расцветки гравированного рисунка, обычно зеленой и желтой, придавало декору сосудов полихромность и нарядность.

Поливаная керамика Азербайджана по цвету черепка в изломе и способу нанесения орнамента делится на несколько групп [Якобсон А.Л., 1959б. С. 228–300].

Поливой покрывалась главным образом столовая посуда. Изделия открытые (чаши, блюда, пиалы, солонки и др.) покрывались глазурью только внутри, а закрытые (кувшины, светильники и др.) в основном – с наружной стороны. Исключение составляют некоторые виды широкогорлых кувшинов, покрывающихся глазурью с обеих сторон.

Основную массу художественной керамики составляют чаши. Поливаная керамика раннего времени (IX–X вв.) (табл. 185) украшалась преимущественно росписью ангобными красками; позднее, в XI и XII–XIII вв. (табл. 186; 187), азербайджанские керамисты перешли к краскам металлическим: они пользовались окисью меди (зеленый цвет), марганца (фиолетовый), окалины железа (желто-коричневый) и кобальта (синий). Художественному эффекту расписной и гравированной керамики очень способствовала глазурь, сквозь тонкий покров которой полностью выступал подглазурный декор.

Многие приемы керамики Азербайджана были общими для всего Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, но некоторые приемы, выработанные в XII в., оставались характерными только для Азербайджана. Сюда относятся композиции с изображением животного или птицы на фоне растительных побегов или со сплетенными зелеными лентами на фоне растительного орнамента “в резерве”; специфически азербайджанской является керамика с фиолетовой росписью по ангобу, с последующей по ней гравировкой. Украшение керамики по ангобу силуэтной росписью фиолетовой краской также считается характерной для азербайджанской керамики.

Для азербайджанской керамики особенно характерно клеймение гончарной посуды, часто встречающееся на днищах поливных чаш и блюд (табл. 189). Клейма обычно представляют собой геометрические орнаменты или астральные знаки. Редко встречаются клейма, изображающие животных, птиц и человека [Исмизаде О.Ш., 1964.

С. 174–175; Гусейнов С.Б., Квачидзе В.А., 1979. С. 95]. Клейма группируются по сходству рисунков, но отличаются друг от друга в деталях. Наблюдается определенное развитие рисунка клейм в отдельных группах керамики, особенно в клеймах с геометрическим, растительно-геометрическим или астральным мотивами. Нередко к форме рисунка клейма прибавляют дополнительные элементы, обозначающие либо другого мастера (сына его или подмастерья), либо другую серию изделий.

Фаянсовая керамика Азербайджана, как отмечалось выше, в основном привозная (табл. 190: 12–15).

Однако среди многочисленной фаянсовой керамики из Оренкала и Гянджи имеются сосуды, отличающиеся от известной иранской керамики, но отнести их к тому или другому местному керамическому центру из-за слабой изученности вопроса пока невозможно.

В.Н. Левиатов допускает возможность производства фаянса с люстровой росписью и в Азербайджане – в Гяндже и Оренкала. По его словам, в Старой Гяндже на территории керамической мастерской было обнаружено днище люстрового сосуда, представляющее производственный брак, и слой белой глины, пригодной для изготовления хорошей посуды [Левиатов В.Н., 1940. С. 33]. Раскопки в Оренкала дали такое количество фаянсовой керамики, что считать всю ее, столь ломкую и трудно транспортируемую, привозной довольно трудно. Азербайджанские мастера XII–XIII вв., особенно байлаканские и гянджинские, достигшие высокого технического и художественного мастерства, вполне могли освоить технику производства некоторых видов фаянсовой керамики.

При раскопках средневековых памятников кроме керамики было обнаружено много предметов, позволяющих в некоторой степени судить об уровне развития металлообрабатывающего ремесла в Азербайджане и о той роли, которую играл металл в хозяйственной жизни и в быту местного населения в IX – начале XIII в. Отдельные сведения о добычании и обработке различных металлов в средневековом Азербайджане имеются в письменных источниках.

Геологами Азербайджана выявлено большое количество месторождений и выходов местных руд со следами древних разработок.

Добытая руда обычно выплавлялась рядом с рудником в печах. Следы медеплавильных печей обнаружены в Шамхорском районе, в зоне Кедабека и в других местах. В средние века железные и медные руды выплавлялись и в городах: в культурных слоях часто попадались скопления шлака и крицы.

На большинстве железных изделий заметны следы различных способов их изготовления. Основным являласьковка железа в горячем виде: обработка

изделий на наковальне. Изготовление колец, цепей, втулок топора, лопат, наконечников дротиков, копий производилось ковкой. Нагретый металл разрубался при изготовлении железных петель, крюков, пил и т.д., пробивание отверстий в нагретом металле хорошо видно на найденных в раскопках подковах, треножниках, панцирях. При скреплении частей железных предметов применялись заклепки, а для шлифовки и заточки железных предметов, особенно режущих (оружия, инструмента), употреблялись напильники и точильные камни.

Для ознакомления с кузнечным ремеслом XI в. особенно важны упомянутые выше ворота из города Гянджа [Ениколопов И., 1948. С. 109–116]. Судя по куфической надписи, они были изготовлены в 1063 г. кузнецом Ибрагимом, сыном Османа, применявшим в своей работе общепринятые в то время технические приемы. Ковкой были изготовлены отдельные части железных рам, к которым были прикреплены параллельные железные прутья. Между ними вертикально были вставлены железные кованые листы, на линиях соединения которых поверх прутьев насажен ряд гвоздей с выпуклыми головками. Надпись на описываемых железных воротах исполнена способом пробивки.

В раскопках средневековых памятников Азербайджана изредка попадают инструменты, которыми пользовались мастера-кузнецы. Таков, например, обнаруженный в Баку железный кузнечный молот-кувалда с отверстием для рукоятки. Из Байлакана происходят глиняные формы для литья, состоявшие из двух частей: нижняя являлась формой для отливки плоских медных ручек для котлов, верхняя половина формы служила крышкой [Минкевич-Мустафаева Н.В., 1959. С. 155]. Там же найдены льячки (табл. 191: 17) для разлива жидкой меди и золота, а также несколько небольших ювелирных ложечек (табл. 191: 13), молоток, резец. В Шемахе найдены наковальни, используемые в медно-литейном и ювелирном ремесле. Из Кабалы происходят каменные формы для отливки женских украшений – серег и других предметов, а также маленький сосуд из огнеупорной глины для литья металла. Подобный сосуд найден и в Байлакане.

В изготовлении медных, бронзовых, ювелирных предметов в средние века широко использовалась техникаковки, чеканки, гравировки, резьбы, паяния, штамповки, волочения. Иногда части однородных предметов изготавливались различными способами. Паянием или заклепкой они соединялись. Литье применялось как в твердых, так и мягких формах. С большим мастерством и техническим совершенством отлиты котлы XII–XIII вв., исследованные и изданные И.А. Орбели [Орбели И.А., 1963. С. 347–361]. Отливались они, как предполагают, в деревянных и шиферных моделях. Показателем

высоких технических достижений средневековых медников может служить то, что из меди они могли изготавливать волосяные нити, употреблявшиеся для художественных тканей. Образцы такой ткани известны из Байлакана [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 171].

К орудиям труда и хозяйства относятся орудия сельскохозяйственного производства – лемехи, серпы и пр. Одни серпы были дугообразными и имели острое лезвие без зубцов, а вторые – в виде полумесяцев с мелкими зубцами на режущей части [Ибрагимов Ф.А., 1969. С. 11]. Лемех и обломок чересла найдены в Байлакане (табл. 191: 7, 24), лемех – в Мингечауре, серпы обнаружены в средневековых слоях Кабалы и Шемахи. Раскопки Баку, Кабалы и Шемахи дали орудия труда, употреблявшиеся в садоводстве – лопата, секач, мотыги (табл. 191: 8, 20). В Байлакане, Кабале, Шемахе, Шарифане и др. часто встречаются подковы почти круглой формы – для лошадей и ослов, полукруглые – для быков и буйволов. Гвозди для них ковались короткие с большими крепкими шляпками (табл. 191: 16).

Попадались в культурных слоях и инструменты строителей (обломки и целые вещи): пилы, топоры (табл. 191: 3, 4), тесла (табл. 191: 1, 2, 25), стамеска, клещи своеобразной формы для выдергивания гвоздей и т.д. Форма многих из перечисленных орудий до последних десятилетий осталась почти без изменений.

Очень разнообразны по формам и размерам гвозди, употребляемые в строительных работах и в художественном оформлении уличных дверей.

Кроме того, средневековые кузнецы ковали множество бытовых вещей, употребляемых в хозяйстве: ножи (табл. 191: 21), ножницы, цепи, крюки для подвешивания мяса (табл. 191: 5, 19, 22), ключи и замки, дверные задвижки, пробойники (табл. 191: 9), шилья и иголки (табл. 191: 11).

Многие предметы изготавливались из меди, камня, кости и рога. Таковы, например, медные ложечка, проколка и льячка ювелира (табл. 191: 13, 17, 23), медный пестик для толчения пряностей (табл. 191: 18). Из каменных орудий следует отметить прежде всего жернова водяных и ручных мельниц, изготавливавшихся из вулканических пород – кварца, базальта, а также из песчаника. Водяные мельницы не вытеснили ручного размола зерна даже в городских условиях.

Резчики по камню работали не только для производства ювелирных украшений или резного декора стен и иногда – сосудов, но нередко украшали резьбой и вырезали разные мелкие предметы, в частности “банные камни”-терки, отвес – необходимая принадлежность строителя (табл. 191: 27–30), каменные разновесы (табл. 193: 30, 31) и пр.

Близки к камнерезной мелкой пластике были произведения костерезов.

Часто в раскопках можно встретить распиленные, но еще не использованные кости и рога животных. Из костей и рогов изготовлены предметы для прядильных и ткацких работ, гребни, рукоятки ножей, четки, различные пуговицы, игральные фишки, украшения (табл. 192). В числе костяных орудий – плоские дисковидные пряслица со сквозным отверстием из раскопок в Байлакане [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 170г], Кабале [Казиев С.М., 1964. С. 66] (табл. 192: 1, 27, 28) и костяная 17-сантиметровая пластинка из крепости Гюлистан [Джидди Г.А., 1967. С. 114] с нарезками для продевания шерстяных ниток (табл. 192: 34). Она использовалась, судя по этнографическим данным, для изготовления пращи (сапанд) из шерсти. Костяные проколки найдены в Байлакане, Кабале, Гяндже и Баку. Один их конец – широкий и закругленный, нередко орнаментированный, другой – заточен [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 21]. (табл. 192: 21, 33). Костяные гребни найдены в Байлакане. По форме они повторяют современные двусторонние гребенки, которые до настоящего времени используются в деревнях. Рукоятки ножей и другие пластины – накладки, украшенные врезанным геометрическим орнаментом и кружочками, происходят из оренкалинских (байлаканских) раскопок (табл. 192: 7, 25). Особенно изящен костяной нож [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 46д] (табл. 192: 31).

Основную массу костяных предметов из средневековых раскопок (Байлакана, Кабалы, Гянджи и т.д.) составляют пуговицы, обычно имеющие вид конуса со сквозным отверстием. Наружная поверхность пуговиц богато украшена кружочками, так называемым “глазковым орнаментом” в различных комбинациях. Иногда они украшены врезными геометрическими фигурами из мелких треугольников, ломаными линиями и т.д. [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 46 д–у]. Некоторые из них выполнены настолько искусно, что их можно назвать подлинно художественными произведениями. Особенно следует отметить врезанные изображения птиц на пуговицах. Мастера-костерезы пользовались токарным станком и усовершенствованными циркулями. Такие пуговицы, видимо, украшали дорогие кожаные одежды (табл. 192: 3–5, 8–20, 22, 26, 32).

В связи с очень плохой сохранностью железных орудий труда, они дошли до нас в незначительном количестве и ассортименте. То же можно сказать и о предметах вооружения. В Байлакане, Шемахе, Гяндже были обнаружены обломки копий (табл. 193: 1, 2), наконечники стрел (табл. 193: 3–13), кинжалы (табл. 193: 19, 20) и боевые ножи (табл. 193: 14–18). Остальное оружие, о существовании которого мы знаем по письменным источникам, попадает только в виде разрозненных проржавевших обломков (куски мечей и палашей, пластины панцирей и пр.).

Медь и бронза в основном употреблялись для изготовления посуды и украшений (табл. 194).

Особую группу медной посуды составляют медные светильники. Они найдены в Кабале, Байлакане и в Баку. Кабалинский светильник, относящийся к XI в., изготовлен из нескольких частей, имеет 4 ножки и 5 носиков для фитилей. Горло светильника прикрывалось крышкой. Из Байлакана происходит светильник, который имеет форму маленькой чашечки с открытым в виде слива носиком и кольцеобразной ручкой. Оригинальную форму имеют два бакинских светильника-подсвечника (шамданы), обнаруженные при раскопках во Дворце Ширваншахов [Левитов В.Н., 1948а. С. 113–114]. Они имеют форму бокала на высокой, несколько расширяющейся книзу ножке. Края бокала осложнены шестью выступами в виде углов. Внутри бокалов припаяно по одной трубке для фитиля. Вместе со светильниками-подсвечниками в слоях XI–XIII вв. найдена литая медная, граненная снаружи ваза на одной ножке (табл. 194: 28). Из Кабалы происходит медная “чернильница” с круглыми дном и четырехугольной горловиной. Там же найдена маленькая медная литая чашечка с орнаментальным пояском в середине [Исмизаде О.Ш., 1964а. С. 127] (табл. 194: 27). Из Байлакана происходит неглубокая чаша с тремя низкими ножками с выгравированными розетками в середине и благопожелательной куфической надписью (табл. 194: 24). С большим художественным мастерством отлиты фигурные украшения котла в виде сиринов (табл. 195: 8) и фигурные ручки котла, трактованные как ноги животного с выступающими звериными мордами посередине [Якобсон А.Л., 1959а. С. 145] (табл. 194: 25). В такой же технике, т.е. путем литья, изготовлены медные гири (табл. 193: 29, 32), фигуры птиц из Байлакана и Гянджи (табл. 195: 28, 29). Из листовой медной пластинки изготовлены чашки весов с тремя отверстиями по бокам для подвешивания, найденные в Байлакане (табл. 193: 21, 22). Таким же способом сделаны медные ложки из раскопок Байлакана и Кабалы (табл. 194: 26).

Украшения из средневековых памятников Азербайджана представлены в основном вещами из цветных благородных металлов, из меди и бронзы, из драгоценных и полудрагоценных камней и из стекла.

Раскопки средневековых городов предоставили нам большой набор медных украшений, особую группу составляют женские и детские украшения; массивные, полые витые из проволоки и плоские браслеты (табл. 194: 1–6) с разнообразно обработанной поверхностью (насечками, выступами, змеиными концами), серьги – провололочные или с металлическими шарикообразными бусинами (табл. 195: 10–13), цепочки, перстни (с металлическими щитками, с каменными вставками, или с пе-

чатями) (табл. 195: 1–6), подвески – медальоны, фигурные бубенчики (табл. 195: 7, 20, 21, 23), ожерелья (табл. 195: 26, 27), накладки на одежду и пояса и пр. В Байлакане, Баку и Кабале часто встречаются крупные колокольчики и бубенчики, использовавшиеся в средние века для подвешивания на шею верблюдов, лошадей, мулов и коз для украшения или чтобы облегчить их поиски (табл. 195: 22).

Раскопки средневековых городов и селений Азербайджана дали очень небольшое количество золотых и серебряных предметов. Объясняется это, по-видимому, тем, что большинство средневековых городов Азербайджана были жертвами нападений иноземных захватчиков – арабских, сельджукских, монгольских и др., которые грабили население и вывозили добычу, состоявшую в значительной степени из драгоценных изделий.

Зато раскопки средневековых городов Азербайджана – Гянджи, Кабалы, Шемахи, Баку, особенно Байлакана дали большую коллекцию стеклянных украшений, среди которых доминируют браслеты (табл. 194: 12–23). В сечении они круглые, полукруглые, овальные или сегментообразные. Много витых браслетов. Встречаются однотонные (зеленые, синие, желтые) и разноцветные браслеты. Не имеют себе аналогий только витые браслеты из прозрачного с зеленым оттенком стекла, внутри которых проходит волной цветная (красная) нить, обнаруженные в Байлакане. Браслеты обычно имеют заходящие концы, большинству которых придан вид головы змеи. Стеклянных колец больше всего найдено в Гяндже [Джафарзаде И.М., 1949а. С. 81–82]. Разнообразны по форме, цвету и по орнаменту стеклянные бусы – шаровидные, ячменоподобные, цилиндрические, бочкообразные однотонные или разноцветные (табл. 195: 31). Характерны цилиндрические бусы с накладными бирюзовыми или желтыми ниточками, бусы-амулеты, инкрустированные цветным стеклом, и бусы из разноцветного стекла [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 63].

Хотя орудия труда и остатки мастерских средневекового стеклянного производства в археологических раскопках не обнаружены, представляется очевидным местное происхождение этих массовых, более дешевых, сравнительно с металлическими, ярких и красивых украшений. Также не вызывает сомнений существование мастерских по изготовлению весьма распространенной в городах стеклянной посуды (табл. 190).

Установлено, что при изготовлении стеклянных сосудов применялись свободное дутье, дутье в форме и отлив в форму. Наиболее распространенными в Азербайджане были первые два способа. Протягиванием стекла мастера изготавливали кольца и браслеты, дроблением – бусы. Для XI – начала XIII в. особенно характерны более широкое применение цветного стекла, появление новых видов ук-

рашений на сосудах – главным образом накладных (в виде нитей, зубцов, витков), штампованных и инкрустированных. Рельефные украшения наносились повторным дутьем: первый раз стеклянную массу дули в форму для образования украшения, второй раз внутрь первого дутья – для получения внутренней стенки сосудов. Подобные сосуды известны в Байлакане. Донная часть чашеобразных сосудов обычно вогнута внутрь.

В слоях IX–XIII вв. вместе с очень тонкими и первоклассными изделиями встречаются и более грубые стеклянные сосуды, тоже изготовленные способом дутья (табл. 190: 3). В стенках таких сосудов в значительном количестве остаются пузырьки от воздуха, что и определяло их низкое качество. Цвет подобных сосудов зеленый, они имеют пузатое туловище с вогнутым внутрь дном и узким невысоким горлом (Байлакан, Кабала).

Для ранних слоев (IX–X вв.) характерны тонкостенные чаши цилиндрической формы, без ручек, со скромным орнаментом [Фоменко В.П., 1962. С. 31–41] (табл. 190: 9, 10). В слоях XII – начала XIII в. стеклянные изделия становятся разнообразнее – как по форме, так и по украшениям [Фоменко В.П., 1965а. С. 161–166]. Сравнительно чаще встречаются сосуды со штампованным орнаментом и накладными узорами (табл. 190: 1, 2, 4, 5–8). Имеются сосуды с резьбой и гравировкой. Для Байлакана характерны маленькие рюмочки с длинным носиком своеобразной формы: прикрепленный к горлу или немного ниже горла сосуда носик постепенно изгибается вниз (табл. 190: 8). Странной кажется закрытая с одной стороны стеклянная трубка, имеющая боковое отверстие с одного, немного расширенного конца (табл. 190: 11). Подобные сосуды известны в Байлакане и Гяндже. Возможно, они употреблялись алхимиками или, возможно, были принадлежностью детских люлек (сумаками).

* * *

Повсеместное развитие сложных и трудоемких ремесел, изготовление великолепных изделий из самых разнообразных материалов, естественно способствовало не менее бурному развитию внутренней и внешней торговли в стране.

Развитие торговли в городах подтверждается археологическими находками таких предметов, как чаши весов, металлические и каменные гири, разновесы, в жилье горожан. Они найдены в Байлакане [Ахмедов Г.М., 1979. Рис. 54], Кабале, Гяндже [Джафарзаде И.М., 1949а. С. 84] (табл. 193: 21–31).

Городские ремесленники работали в основном на рынок. Это археологически хорошо прослеживается на керамических материалах: массовость выпуска, стандартизация формы, применение штамповки и т.д. Любопытен факт отсутствия имен владельцев на блюдах и чашах с благо-

пожелательными надписями, хотя имена мастеров на этих блюдах и чашах указываются часто. Мастера, изготовлявшие сосуды, не знали, кто ими будет владеть. Привлекают внимание сфероконические сосуды из Байлакана со штампами Фазлуна двух типов: на одном указано только имя мастера, на другом и название города. Можно предполагать, что сфероконусы со штампами второго типа были предназначены для вывоза.

Города Азербайджана были связаны между собой торговыми караванными путями (рис. 18). Эти пути подробно описаны в первоисточниках и в специальной литературе [Манандян Я.А., 1954. С. 253–259; Буниятов З.М., 1965. С. 166–170].

Все основные маршруты караванных путей Азербайджана до конца изучаемого периода оставались почти неизменными. Наиболее значительными были тракты: Ардебиль–Берзенд–Балхаб–Варсан–Байлакан–Юнан–Барда, связывавший центральные районы Аррана с южными городами; а затем Двин–Берткунк–Матрис–Каганкатюк–Барда; Нахичевань–Хой с ответвлением в направлении Маранд–Тебриз–Дехаркан–Марага, в Салмас–Урмия–Марага и в Армению; тракт Барда–Гянджа–Шамхор, Хунан–Тбилиси, ведущий в Грузию; путь Барда–Барзендж–Шемаха–Ширван–Шабран–Дербент, связывавший центральные районы с Севером. Письменные источники не отмечают пути, пролежавшего по побережью Каспия. Археологическими разведками в последние годы обследованы прикаспийские средневековые городища – “Галача” в районе Имишли (около села Сарханлы) [Ахмедов Г.М., 1979. С. 74]. “Гырг-Чырах” (на перекрестке автодорог Баку–Ленкорань и Сальяны–Алибайрамлы), “Кюрсангах” (на сотом километре дороги Баку–Ленкорань), городища около Карадага и др. пункты. Городища эти богаты глазурованной керамикой IX–XIII вв., и они свидетельствуют о наличии приморских караванных путей.

Торгово-караванные связи средневековой Кабалы с низменными районами проходили через ущелье по реке Турян-чай (Саваланский проход) и Гёок-чай (Алванский проход) [Кадыров Ф.В., 1965. С. 257–267]. Местное население до сих пор знает “Элчи-йолу” (“Путь послов”) в районе Кабалы и Агдаша (Ареша) и “Байлакан йолу” (Байлаканская дорога) в Мильской степи [Ахмедов Г.М., 1979. С. 74].

На путях через р. Аракс были поставлены мосты. Известен каменный двенадцатипролетный Худатеринский мост (XII в.) (табл. 193: 33) и мост вблизи Джульфы (XII–XIII вв.) около Нахичевани на оживленном торговом тракте, соединявшем Нахичевань с городами Ближнего Востока. На караванном пути Гянджа–Тифлис в XII в. был построен Красный мост (Сыныг-керпю) через реку Храм, который реставрирован в XVII в. [Усейнов М. и др.,

1963. С. 104–108]. Археологи вскрыли остатки мостов через реку Гянджа-чай около г. Гянджа [*Щеблыкин И.П., Горчакова И.Г.*, 1947. С. 6].

На караванных путях были возведены и караван-сарай – постоянные дворы, где “купец мог отдохнуть и в случае чего укрыться от разбойников” [*Гордлевский В.А.*, 1960. С. 148]. Сохранились остатки караван-сарая на р. Пирсагат на пути Шемаха–Сальяны, соединявшем столицу ширваншахов с ближневосточными странами. Караван-сарай располагались на пути от горы Беш-Баргмаг на пути Баку–Дербент, Сангачалы, Миаджик и Хильмилли на пути Шемаха–Баку.

Товары Азербайджана, перешагнув внутренние рынки, распространялись за пределами страны. Города играли еще более значительную роль в международной торговле. Этому, начиная с VIII в., способствовало перемещение международных торговых путей с юга на север, что подняло роль городов Ширвана и Аррана [*Манандян Я.А.*, 1954. С. 200]. Как в IX–X вв., так и в XII и начале XIII в., наиболее крупные центры ремесла и торговли были сосредоточены в северных областях восточного Закавказья. Прежняя роль путей через Трапезунд–Черное море переходит в руки азербайджанских городов, которые через Грузию связывали Юг и Восток с западными странами и через Хазарию – с Восточной Европой. В XI в. Барда, являвшаяся до того главным городом всего Закавказья, уступила свое место Гяндже. На юге же Азербайджана до начала XIII в. не было городов, “которые могли бы сравниться с Гянджей” [*Петрушевский И.П.*, 1937. С. 910]. Образование больших империй – халифата Аббасидов, а затем сельджукского государства – создавали благоприятные условия для широкого мирового общения стран, входивших в их состав. Международная торговля несколько затихала во время завоевательных войн и междоусобиц феодалов. Но разрушенные войной города и торговые пути быстро восстанавливались. После того, как землетрясение разрушило Гянджу в 1139 г., по словам ал-Бондари, город отстроился еще в “лучшем виде, чем был” [*Альтман М.М.*, 1949. С. 62].

Археологические раскопки установили, что в изучаемый период из далеких стран в Азербайджан привозились такие хрупкие изделия, как художественная керамика, особенно фаянс и селадон, стеклянные изделия, бусы, раковины-каури и другие ценные товары. Известно, что родиной селадона был Китай, а фаянса – Иран. В Азербайджане чаще встречается фаянсовая керамика, особенно много ее было в Байлакане и Гяндже [*Шелковников Б.А.*, 1959. С. 303–323; *Ибрагимов Ф.А.*, 1965а. С. 183–192; *Ахмедов Г.М.*, 1979. С. 75–76; *Левиатов В.Н.*, 1940. С. 31–32].

Большое значение для исследования международных связей древнего Азербайджана имеют монеты.

С IX в. в стране использовались и чеканились золотые, серебряные и медные монеты. Золотых монет почти не чеканили, но резко увеличился в эти столетия (IX–XIII вв.) выпуск серебряных монет – диргемов, служивших основной единицей международной торговли, и медных – фельсов, использовавшихся главным образом для внутренней торговли. Клады при раскопках встречаются редко. В составе монетных кладов этого периода нет новых, не находившихся в обращении, не потертых экземпляров монет. Таков бардинский клад 1940 г. [*Пахомов Е.А.*, 1943. С. 82]. В составе монетных кладов имеются не только монеты местной чеканки, но и других стран и областей, входивших в территорию халифата, начиная от закаспийских, кончая североафриканскими. Это показывает, насколько широк был территориальный охват торговли, в которую был вовлечен Азербайджан [*Пахомов Е.А.*, 1959. С. 59]. Серебряные монеты азербайджанского чекана, как и монеты других городов Востока, нередко уходили далеко за его границы, особенно на Север. На основании монетных находок в Азербайджане и соседних с ним странах, а также на Руси, в Германии, Швеции, Норвегии, Англии и в других странах установлено, что в этот период монетные дворы Закавказья и прилегающих к нему областей работали усиленно [*Пахомов Е.А.*, 1926. С. 22]. Монеты чеканились с отметкой места выпуска: городов Барды, Дербента, Езидийе, а также стран “Арран”, “Армения” и “Азербайджан”. Монеты имели имена халифов, их наследников, иногда – областных наместников и других лиц [*Пахомов Е.А.*, 1959. С. 59]. В период правления Саджидов (889–929) в Азербайджане параллельно с халифскими монетами монетные дворы Ардебилля, Барды, Мараги чеканили динары и дирхемы Саджидов, которые наравне с халифскими играли заметную роль в международной торговле [*Азимова Л.А.*, 1977. С. 98].

Расширение денежного хозяйства и рост нужды в деньгах как средстве обращения были, видимо, одной из причин “серебряного кризиса” в Азербайджане и на всем Ближнем Востоке, начавшегося в XI в. Ослабление халифата, политическое усиление отделившихся от него феодальных государств, возросшая потребность в деньгах привели к тому, что многие феодалы сами чеканили медные монеты. Снизилось искусство чеканки монет, ухудшилась их проба, начинается выпуск посеребренных монет, иногда для нужд торговли в мелких номиналах приходилось разбивать дирхем на 2, а иногда на 3 части. Так например, в составе Кабалинского клада, зарытого в землю в первой половине XI в., большинство монет оказались посеребренными и дроблеными на 2 и 3 части, которые чеканились правителями из династий Ширваншахов, Шаддари-дов и Раввадидов [*Сейфеддини М.А., Ахмедов Г.М.*, 1978. С. 57–66]. В XII в. часто появлялись и фаль-

шивые монеты. “Серебряный кризис” тормозил развитие международной торговли, но он не мог приостановить ее. Феодалы правители Азербайджана, как и других мусульманских стран, для преодоления тормозящего влияния этого кризиса, кроме своих имен, стали выбивать на монетах имена сельджукских султанов, а иногда и багдадского халифа, с целью обеспечить своим монетам обращение по всей территории сельджукской феодальной империи [Быков А.А., 1938. С. 79; Капанадзе Д.Г., 1955. С. 61]. Медные монеты путем безналичных расчетов употребляли во внешней торговле. Функция серебра “как средства обращения, средства платежа и международных денег успешно были замещены медью и золотом” [Бунятов З.М., 1978. С. 209]. К последним относятся византийские солиды и сельджукские динары, часто находимые на территории Азербайджана.

Нумизматическими находками установлено, что в XII – начале XIII в. медные монеты каждого государства использовались в основном в пределах своей территории, за границу они уходили в незначительных количествах [Пахомов Е.А., 1957. С. 85]. Лишь изредка в единичных экземплярах дербентские монеты встречаются в Ширване, а монеты ширваншахов в зонах Байлакана и в других местах. Они попадают и в составе грузинских кладов. Шире распространялись сельджукские монеты как в северных районах Азербайджана, так и в южных.

На серебряных монетах IX–X вв. чеканилось название города или местности их чеканки, на медных монетах XII – начала XIII в. этих указаний нет ни на дербентских, ни на ширванских монетах и на двух разновидностях сельджукских монет. Только крупные, тяжелые экземпляры монет того време-

ни имеют название города Ардебиль. Встречаются монеты “правильного” и “неправильного” чекана разного веса [Пахомов Е.А., 1957. С. 85–89]. Много монетных находок этого периода дали байлаканские [Рагимов А.В., 1959. С. 351–365], гянджинские [Джафарзаде И.М., 1949. С. 95–96] и каблинские раскопки. Монеты найдены были также в Баку, Нахичевани, Шемахе, Шабране, в крепости Гюлистан и в других местах.

В XII – начале XIII в. в Азербайджане не было единой монетной системы, но монеты были везде, их выпускали во многих местах. Они прочно вошли в хозяйственную жизнь страны.

Важнейшим источником для исследования истории, культуры (образованности и грамотности), как и в любой другой стране, являются эпиграфические памятники. Они знакомят нас с не известными до того именами правителей, должностных лиц, мастеров и др. Надписи на архитектурных памятниках содержат имена феодалов, по велению которых построены здания, а иногда и имена мастеров-строителей. Надписи на монетах сохранили имена правителей, от имени которых монеты чеканились, а надписи на керамических и металлических сосудах – имена мастеров-ремесленников.

Алфавит этих надписей арабский, выполнены они письмами типов куфи и насх, каждый из которых имеет свои разновидности [Гюзальян Л.Т., 1959. С. 325]. Только в Гяндже найдены два фрагмента сосудов со штампованными армянскими надписями [Абрамян А.Г., 1964. С. 12–15], и на бракованном сфероконическом сосуде из Байлакана нанесены как будто буквы армянского алфавита, которые читаются “с известной натяжкой как Торос”.

Культовое строительство, погребальный обряд

Очевидное преобладание арабской письменности связано с широким распространением ислама, ставшего в Азербайджане господствующей религией. По всей стране строились мечети и ханеги. Большинство из них сохранилось и хорошо изучено архитекторами [Усейнов М. и др., 1963. С. 42–44, 70–80]. Раскопкам подверглось очень небольшое количество развалин. Характерно, что на месте древних мечетей ставились новые, повторяющие планы более ранних. Таковы мечеть в Шемахе [Джидди Г.А., 1971а. С. 85–90] и мечеть, расположенная в Бакинской крепости “Саных-кала”, в которой сохранился от старой постройки минарет XI в. [Усейнов М. и др., 1963. С. 71].

Образцом культового сооружения типа ханега может служить комплекс сооружений на р. Пирсагат, на древнем пути из Шемахи в Иран. Ханета состоит из зданий мечети с примыкающими к ней не-

большими помещениями, в том числе почитавшейся святыней усыпальницы Пир Хусейна, минарета и других более мелких помещений. Комплекс защищен крепостными стенами. Вне стен находился перекрытый каменными сводами караван-сарай [Усейнов М. и др., 1963. С. 75–80].

Памятник типа ханега вскрыт в селе Гейляр, в 17 км к югу от Шемахи, и известен в народе как “Пир-Мардакян”. Здесь сохранился мавзолей, построенный из хорошо тесаного камня, рядом с которым обнаружены остатки ряда сооружений – мечети, караван-сарая, худжры, датируемые на основании надписи на стене, стоящей в изголовье могилы внутри мавзолея, концом XII – началом XIII в. [Нейматова М.С., Джидди Г.А., 1979. С. 515].

Интересно сооружение, открытое около Девичьей башни в Ичери-шехере (цитадели) города Баку. Сооружение обрамлено с тех сторон аркадой и

эйваном. Арки базируются на восьмигранных каменных колоннах с капителями. Двор сооружения имеет форму квадрата, на середине которого находится колодец и остатки каменной колонны, стоявшей на восьмиугольной трехступенчатой каменной платформе. Двор сооружения использован как священное место для захоронения покойников мусульманским населением города в XIV–XVII вв., и поэтому этот комплекс можно считать “культовым памятником вроде двора мечети или медресе” [Исмизаде О.Ш., Джидди Г.А., 1976. С. 199].

Только на окраинах страны, особенно в горных районах сохранились христианские церкви, часовни, монастыри.

Археологические исследования развалин храма были проведены, в частности, на городище Гяуркала. Храм был сооружен из хорошо обтесанных блоков известняка. Это однокорпусное большое здание (62 кв. м) с пристройкой с северной стороны. В апсиде прослежено алтарное возвышение. Полы основного помещения, а также алтарная часть вымощены плоскими прямоугольными хорошо обработанными плитами. На некоторых плитах выгравированы магические изображения. Обнаружено много камней с изображением крестов, архитектурные детали из камня и гипса с геометрическим или растительным орнаментом. Судя по большому количеству обломков черепицы в развалинах, крыша храма была черепичная. Датируется он VIII–X вв. [Ваидов Р.М., 1965. С. 167–182].

В связи с утверждением в стране ислама произошли существенные изменения и в погребальной обрядности. Почти полностью вытесняются языческие обряды захоронения покойников, заметно сокращается количество захоронений по христианскому обряду. Постепенно исчезает обычай помещать вещи в могилу. При раскопках встречались могилы со скорченным положением скелетов (языческие), на спине (христианские), с лицом на юг и на правом боку (мусульманские). Господствующим обрядом был последний. Мусульманское население хоронило своих покойников в грунтовых могилах, иногда с кирпичным перекрытием, в кирпичных или каменных склепах, в редких случаях – в деревянных гробах. Грунтовые могилы раскопаны в Кабале, в Байлакане [Фоменко В.П., 1965. С. 47–55] и других местах. Захоронения в склепах обнаружены в Байлакане [Ахмедов Г.М., 1979. С. 88], в Кабале и в Хараба-Гилане. Иногда склепы служили для семейного захоронения. Примером погребения мусульман в гробах может служить могила Низами Гянджави в Старой Гяндже. На мусульманских могилах часто ставили надмогильные камни, художественно оформленные, с высеченными арабскими и персидскими надписями и орнаментом. Надмогильные камни в большинстве случаев состоят из двух частей: стелы и “сундука” (цоко-

ля). В некоторых районах вместо “сундуков” встречаются плоские каменные плиты. Всю наружную поверхность сундуков и лицевую сторону стелы обычно заполняют резными надписями и украшают геометрическим и растительным орнаментом, а также отдельными рисунками, изображающими различные цветы и предметы быта [Джафарзаде И.М., Джафарзаде С.К., 1956. С. 104]. Имелось и священное место, где мусульманское население по завещанию умирающего временно хоронило своих покойников, чтобы в дальнейшем их кости увезти в главное святилище мусульман – Мекку. Подобное священное место выявлено около Девичьей башни в Ичери-шехер средневекового Баку [Исмизаде О.Ш., Джидди Г.А., 1976. С. 184–199]. На могилах феодальной верхушки и почетных людей иногда сооружались богато оформленные мавзолеи. Они построены или из камня, или из обожженного кирпича. Археологически они вскрыты на территории Сельбира городища Кабалы, в Байлакане и в Баку. Мавзолеи, сохранившиеся до наших дней, хорошо изучены архитекторами. Для мавзолеев Азербайджана характерен ряд особенностей, а именно: подчеркнутость вертикальных членений, абрис наружного пирамидального или конического шатра купола, удлиненность пропорций порталов, входных проемов, ниш. Свойственный этим сооружениям развитый цоколь, как правило, облицовывался крупными блоками. Покрытие мавзолея обычно было двойным, причем внутренний купол, в отличие от внешнего, стрельчатого или эллиптического очертания [Усейнов М. и др., 1963. С. 81].

Христианское население продолжало хоронить своих покойников в склепах, каменных саркофагах, грунтовых и сырцовых могилах [Геюшев Р.Б., 1973. С. 19]. Каменные саркофаги обнаружены в с. Зимирах Бардинского района [Нариманов И.Г., Рустамов Д.Н., 1965. С. 198–200], в Гяуркале [Ваидов Р.М., 1965. С. 177] и в других местах. Появляются надмогильные камни с изображением креста или с бытовыми изображениями [Геюшев Р.Б., 1968. С. 38–43].

Подведем краткие итоги. Приведенные в данной главе археологические и нумизматические материалы подтверждают и дополняют сведения письменных источников о неуклонном росте экономики и культуры Азербайджана, о его важном месте в экономической системе феодального Востока. Наряду с дальнейшим развитием сельского хозяйства и ремесленного производства, особенно большое значение приобретали города, превратившиеся уже в IX–X вв. в крупные ремесленно-торговые центры. В них сосредоточилась экономическая, политическая и культурная жизнь страны. Не вмещаясь в пределы цитадели и шахристана, они расширялись за счет ремесленных и торговых кварталов. Об интенсивной жизни в городах свидетельствует

мощность и насыщенность культурных слоев. Несмотря на то, что в XI в. Азербайджан неоднократно подвергался нашествиям войск Византийской империи, различных племен с севера, а также огузских и сельджукских отрядов из Средней Азии, нанесшим огромный ущерб экономике страны, в XII–XIII вв. страна быстро восстанавливается.

В XII – начале XIII в. феодальные города Азербайджана переживают период своего наивысшего расцвета. В стране насчитывалось около 50 крупных и мелких городов. В городах расширяется строительство фортификационных сооружений, дворцовых жилых и хозяйственных построек, культурно-бытовых объектов, медресе, мечетей с минаретами, водопроводных и канализационных линий. Большой размах получает расширение городов за счет увеличения их рабадов – ремесленно-торговых кварталов и базарных площадей. Наряду с быстрым развитием городских ремесел происходил одновременно процесс их специализации. Специализация по отраслям ремесленного производства происходила и между отдельными городами; каждый город славился продукцией определенной отрасли ремесла. Расширились и укрепились связи города с его округой. Часть сельскохозяйственной продукции обрабатывалась в городах.

Города были связаны между собой торговыми путями. На караванных путях строились мосты, караван-сарай, постоялые дворы. Используя эти дороги, азербайджанское купечество активно участвовало в местной и международной торговле. Археологические данные и письменные источники свидетельствуют о существовании торговой и культурной связи Азербайджана с Киевской Ру-

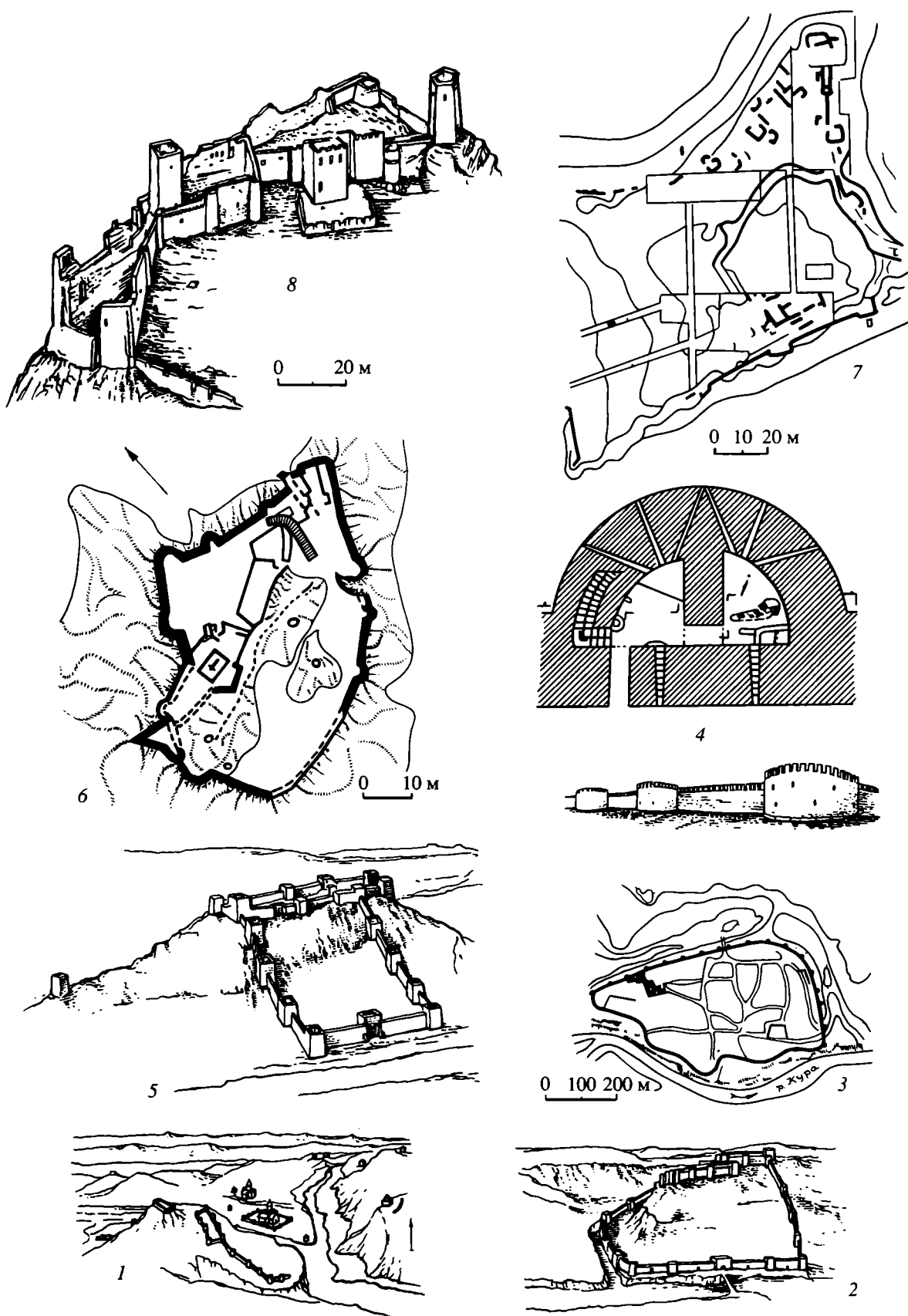
сью, с городами Поволжья, с Византией, Ираном, Сирией, Египтом, среднеазиатскими странами и даже с китайскими городами.

Культура феодального города развивалась вместе с формированием и развитием экономической жизни городов, их ремесел и торговли, с расширением их связей с внешним миром. Как ремесленное производство азербайджанского города, так и его культура в целом складывалась на базе культуры не только феодального замка, но и культуры сельского населения, а также кочевников, постепенно оседавших в городах.

Вместе с тем в архитектуре и прикладном искусстве оживают и развиваются местные традиции. Возникают местные архитектурные школы: арранская, нахичеванская и ширвано-апшеронская. Архитекторы создавали великолепные памятники как у себя на родине, так и в Средней и Малой Азии, Иране и в других странах.

Именно в эти столетия Азербайджан подарил миру блестящую плеяду мыслителей, зодчих, поэтов и ученых. Среди них философ Бахманяр, философ и грамматик Хатиб Тебризи, историк Масуб ибн Намдар, поэтесса Мехсети Гянджеви, поэт Хагани Ширвани, зодчий Аджеми Абубекр Нахичевани. Вершиной общественной и культурной мысли Азербайджана было творчество Низами Гянджеви.

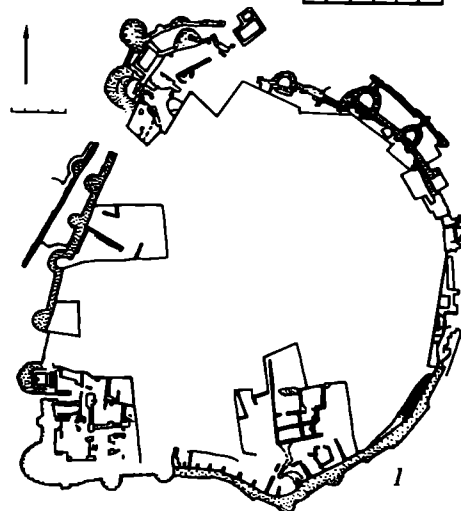
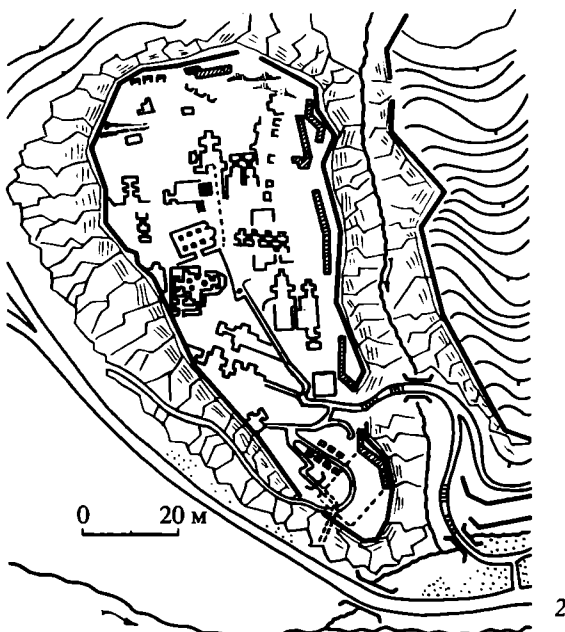
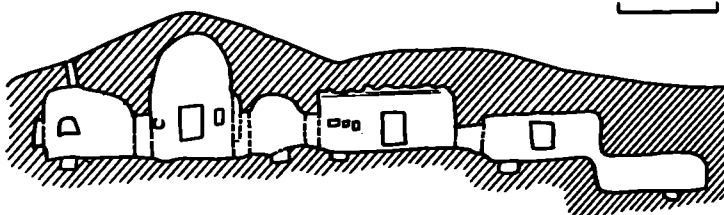
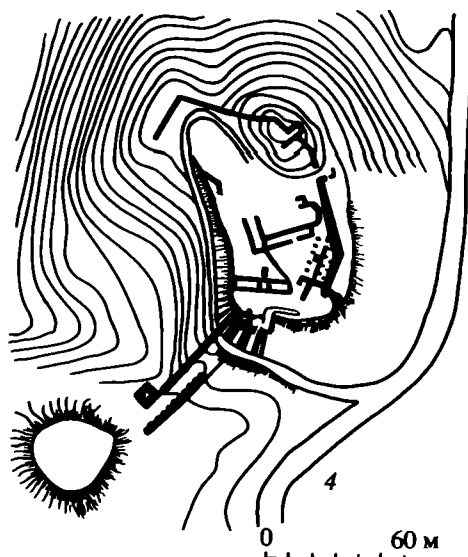
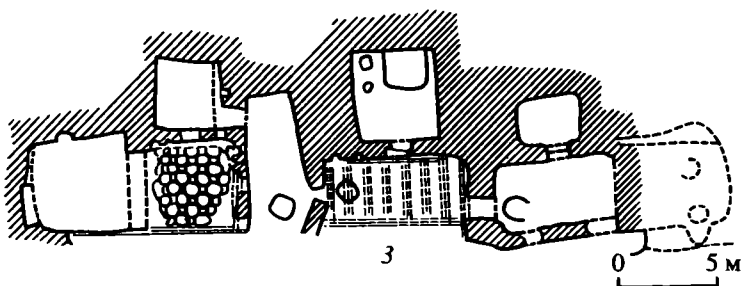
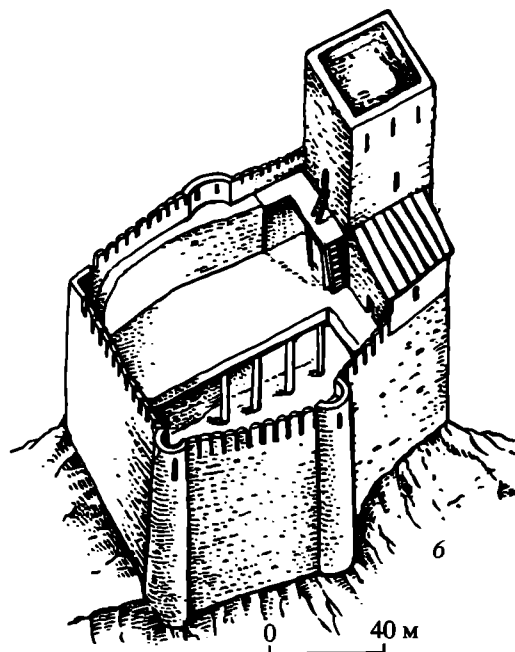
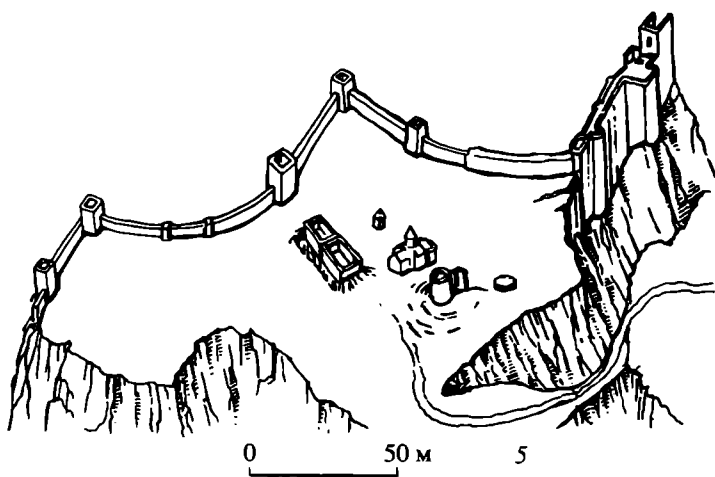
Степень развития всех ответвлений общественной, экономической и культурной жизни в стране была настолько высокой, что народ смог пережить даже монгольские тотальные погромы, сохранив и восстановив почти все достижения прошедших веков расцвета.

Таблица 103. Города и крепости Восточной Грузии

1 – Тбилиси, ситуационный план; 2 – Тбилиси, план крепости Нарикала по В. Цинцадзе; 3 – Урбниси, генплан города по К. Мелитаури; 3, 4 – Урбниси, реконструкция городской ограды и план башни из сырцового кирпича по П. Закарая; 5 – Уджарма, реконструкция главной крепости города по И. Цицишвили;

6 – Квешская крепость, план дворцового сооружения на западной окраине города по Н. Мамаиашвили; 7 – Мцхета, Мтакартли, план крепости; 8 – Хертвисская крепость (Аспиндзский район), реконструкция по К. Мелитаури. Составлена Р.М. Рамишвили

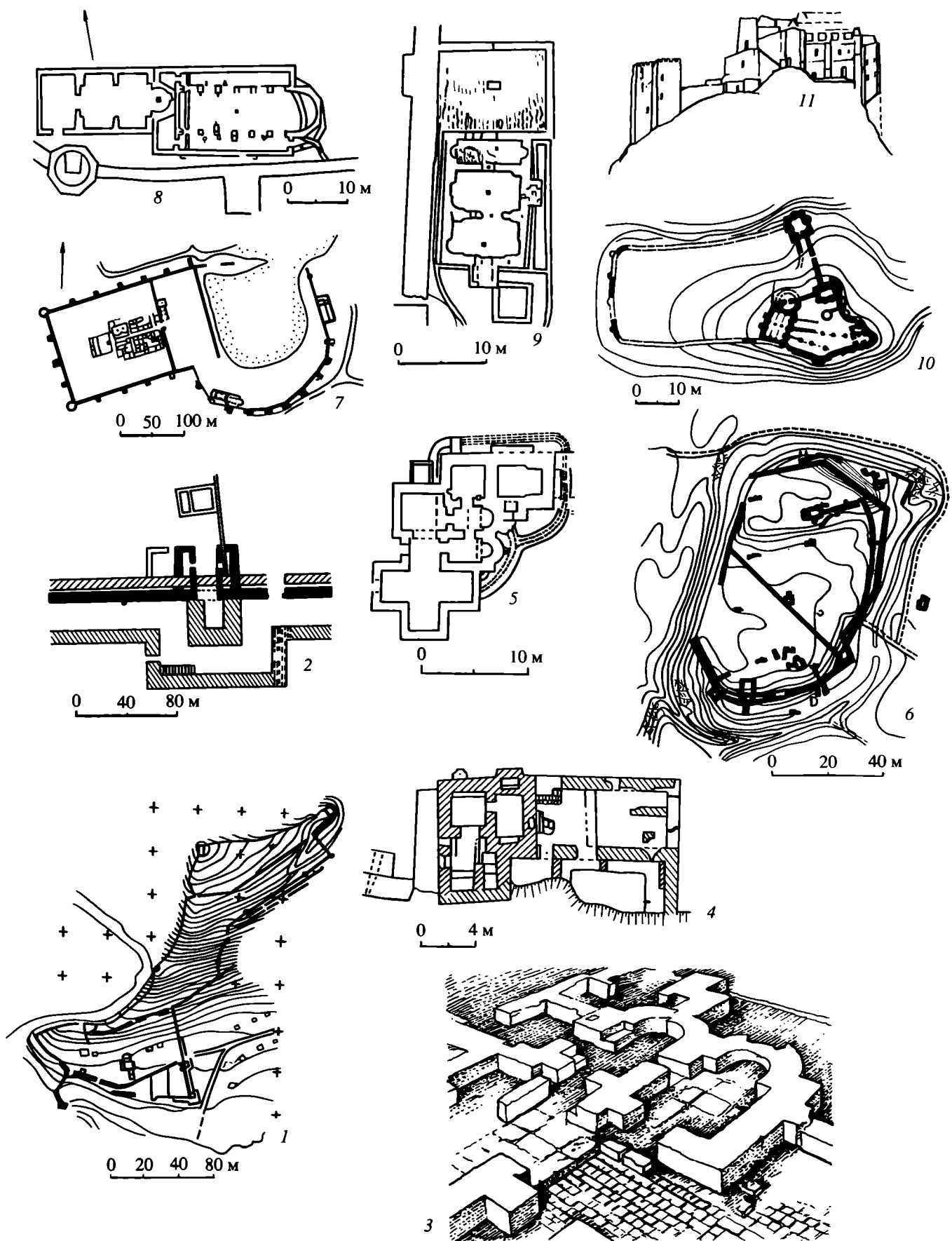

Таблица 104. Города и города-крепости Грузии

1 – Рустави, генеральный план городской крепости по К. Мелитаури; 2 – Уплисхе, Западная Грузия, генеральный план городища по К. Мелитаури; 3 – Уплисхе, помещения в центральной части пещерного города; 4 – Цихисдзири, план городища; 5 – Бочорма, аксонометрический план городища по К. Мелитаури; 6 – Кхотасцхе, реконструкция по К. Мелитаури. Составлена Р.М. Рамишвили

щерного города; 4 – Цихисдзири, план городища; 5 – Бочорма, аксонометрический план городища по К. Мелитаури; 6 – Кхотасцхе, реконструкция по К. Мелитаури. Составлена Р.М. Рамишвили

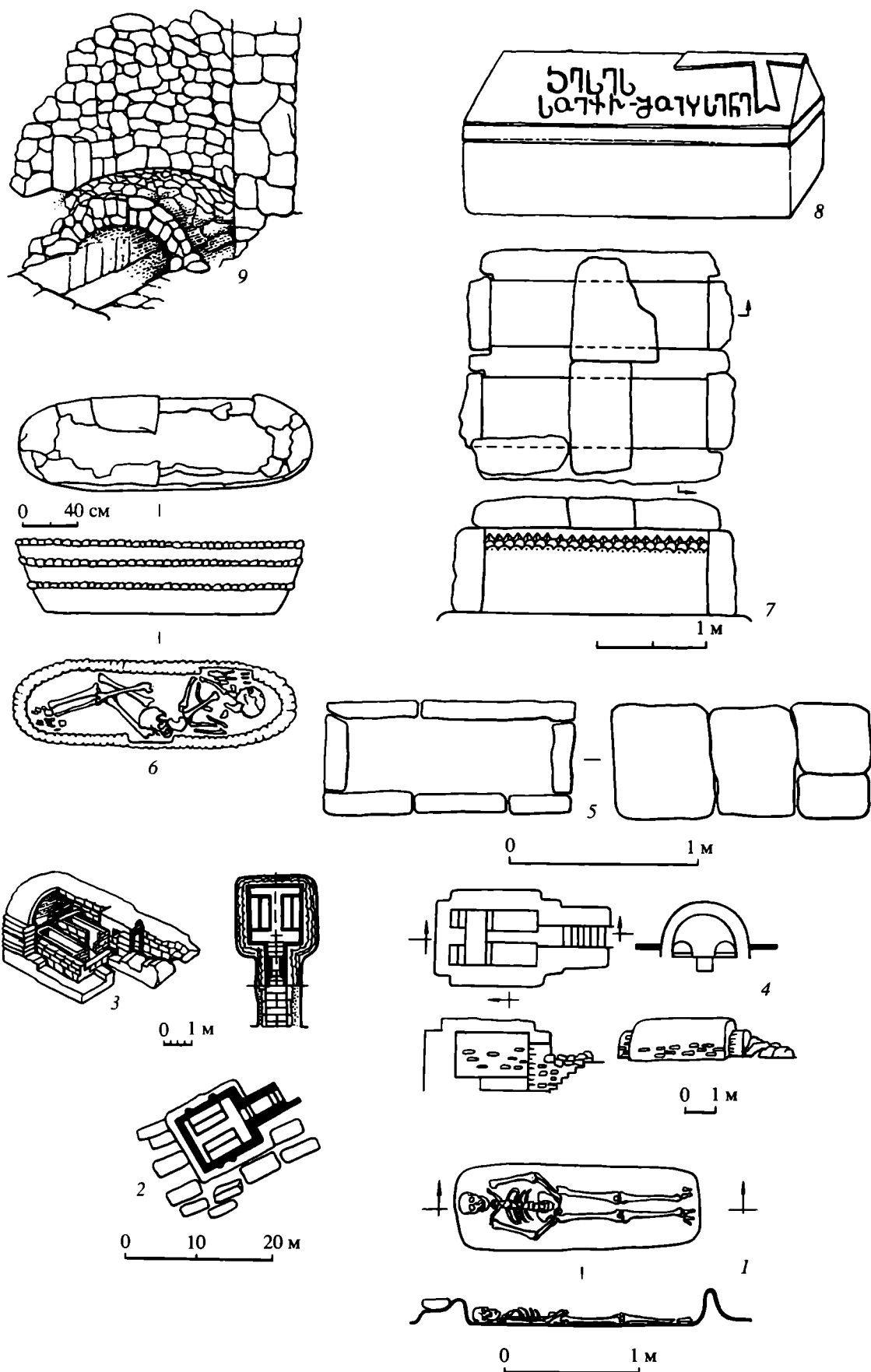

Таблица 105. Города и крепости Западной Грузии

1 – Нокалакеви (Археополис), генплан городища по П. Закарая; 2 – Нокалакеви, двойная стена с воротами; 3 – Нокалакеви, царская баня после консервации; 4 – Нокалакеви, городская баня, план; 5 – Нокалакеви, царская баня, план; 6 – Вардцихе, генплан городища по В. Джапаридзе; 7 – Бичвинта, план городища поздне-

римского времени по А. Алакидзе; 8 – Бичвинта, план церквей IV–VI вв.; 9 – Бичвинта, план городской бани; 10 – крепость Дзамисцixe, план по К. Мелитаури; 11 – крепость Дзамисцixe, реконструкция по К. Мелитаури. Составлена Р.М. Рамишвили

Таблица 106. Типы погребальных сооружений

1 – грунтовое погребение; 2 – склеп сводчатый, план, с. Сиони, Тианетский р-н; 3 – склеп сводчатый, с. Цалкани, Мцхетский р-н, план и аксонометрия по В. Николайшвили; 4 – склеп сводчатый с. Когото, р-н Дедоплис цкаро, план и разрезы по Р. Рамишвили; 5 – каменный ящик; 6 – глиняный саркофаг, городи-

ще Урбниси; 7 – каменный ящик с двойной камерой из песчаных блоков и с орнаментом внутри; 8 – саркофаг из цельного камня, с. Баличи, по В. Джаларидзе; 9 – сводчатая крипта в пастофории Сионской базилики, Тианетский р-н. Составлена Р.М. Рамишвили

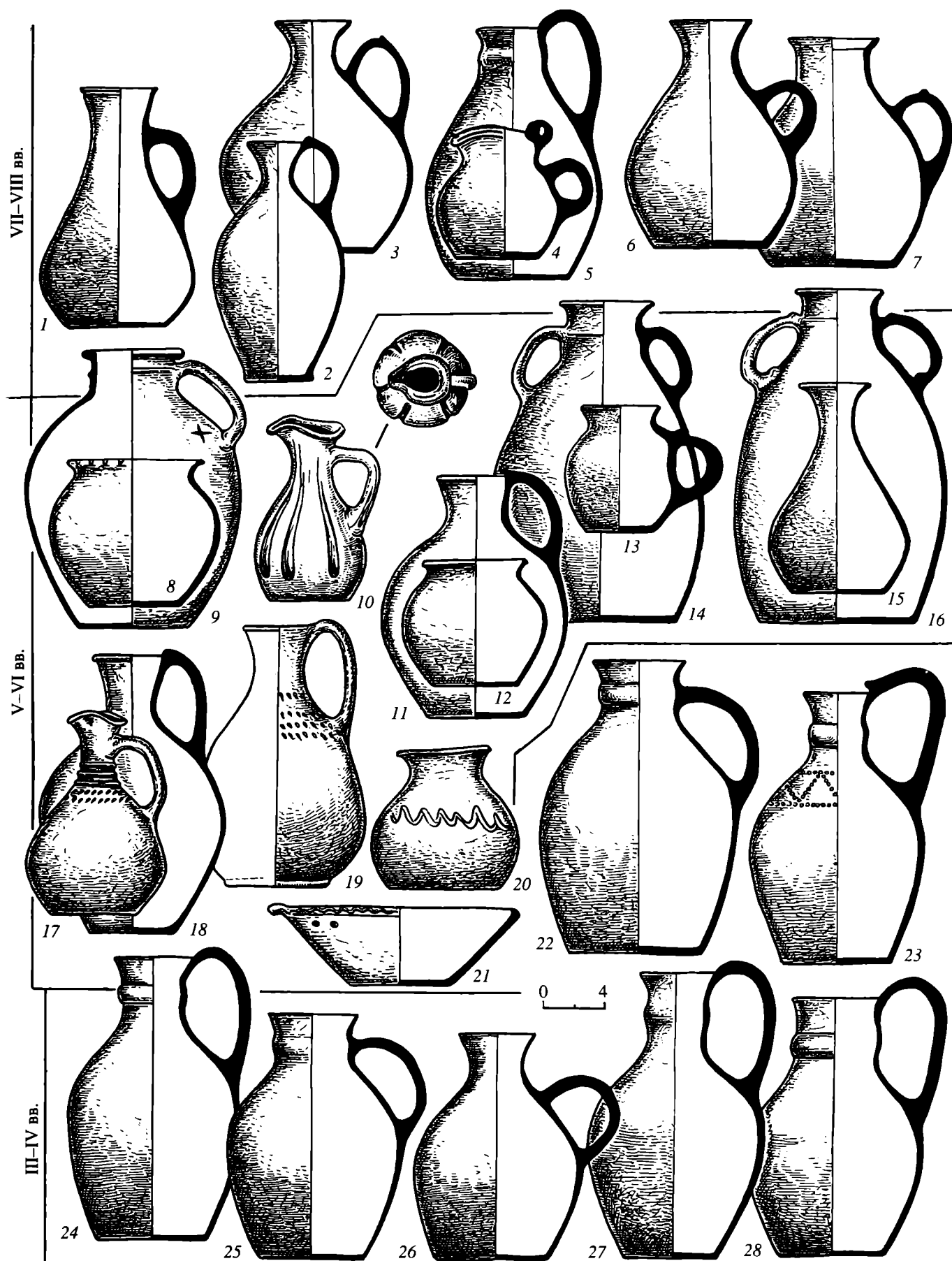
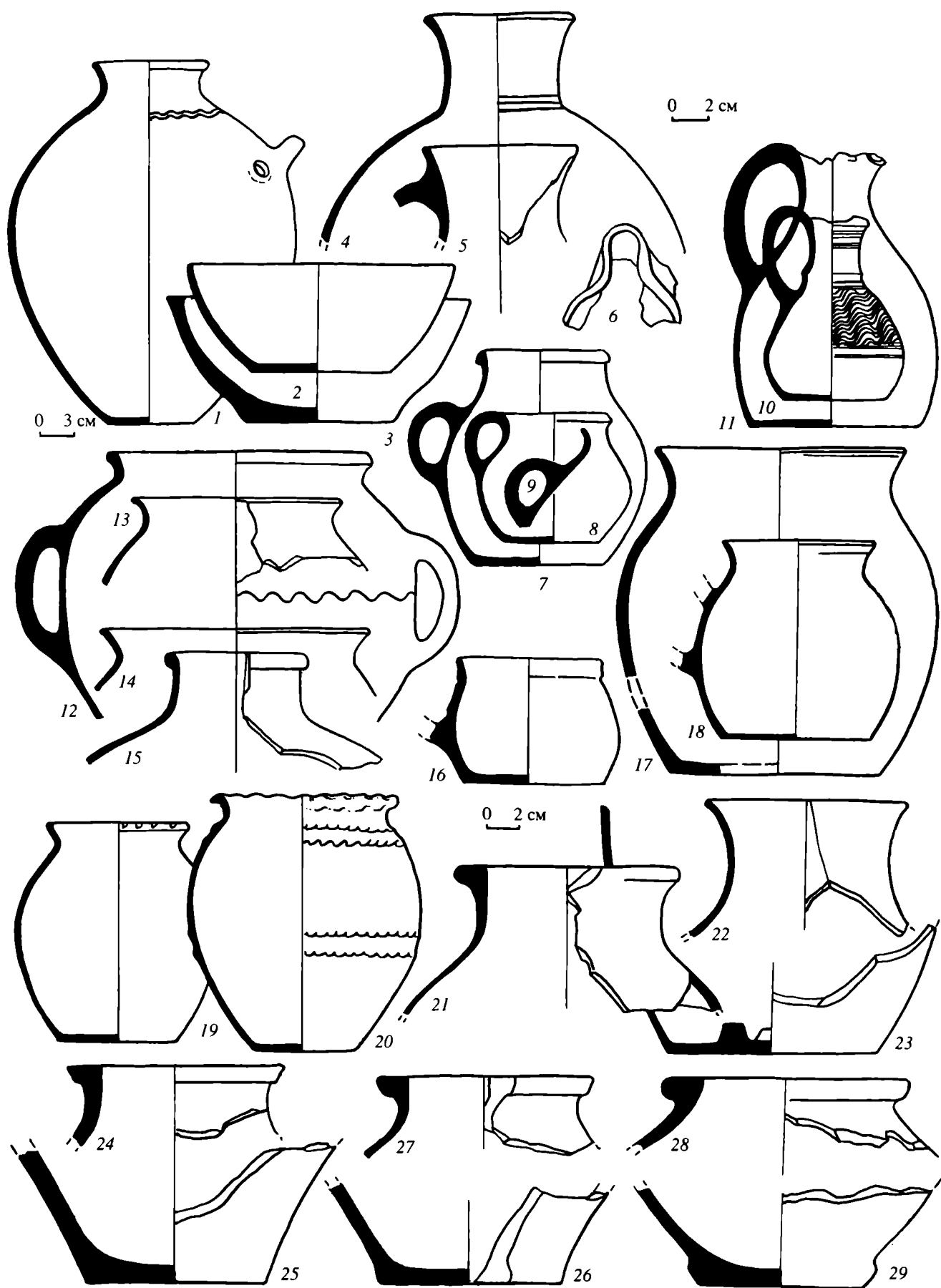

Таблица 107. Керамическая столовая посуда Восточной Грузии раннего средневековья

1-2 – городище Урбниси; 3 – Жинвальский могильник; 4 – городище Урбниси; 5-7 – Жинвальский могильник; 8-21 – городище Урбниси, образцы столовой и кухонной посуды; 22-23 – Жинвальский

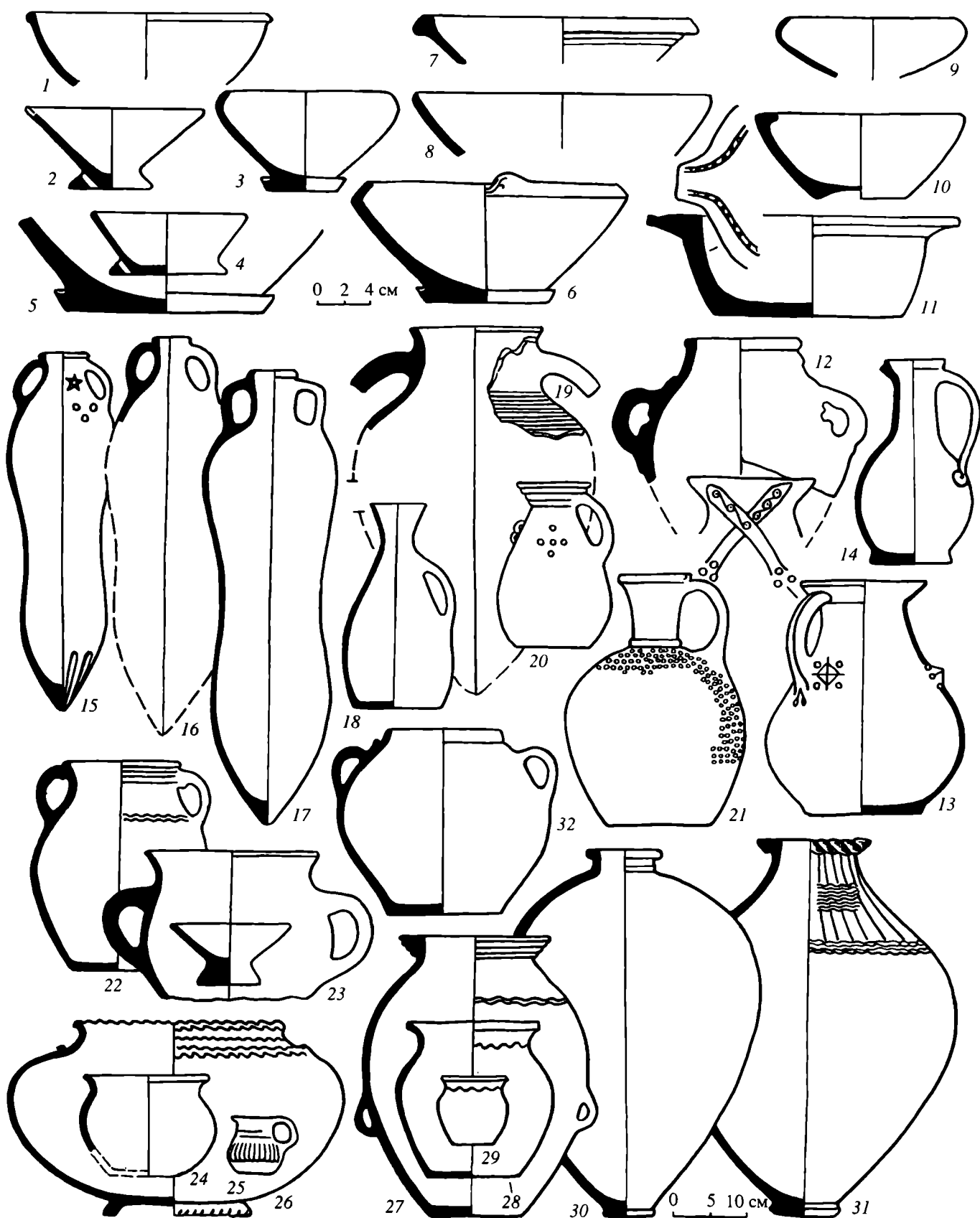
могильник; 24-28 – поселок Ахали Жинвали; 25-26 – Жинвальский могильник; 27 – Арагвиспирский могильник; 28 – Жинвальский могильник. Составлена Р.М. Рамишвили

Таблица 108. Хозяйственная и кухонная посуда Грузии

1 – маслобойка из поселка Ахали Жинвали; 2, 3 – лютерии из Эрцойской долины, с. Магранети; 4–23 – хозяйственная и кухонная посуда из поселения Кушанаантгора у с. Магранети, Тианетский

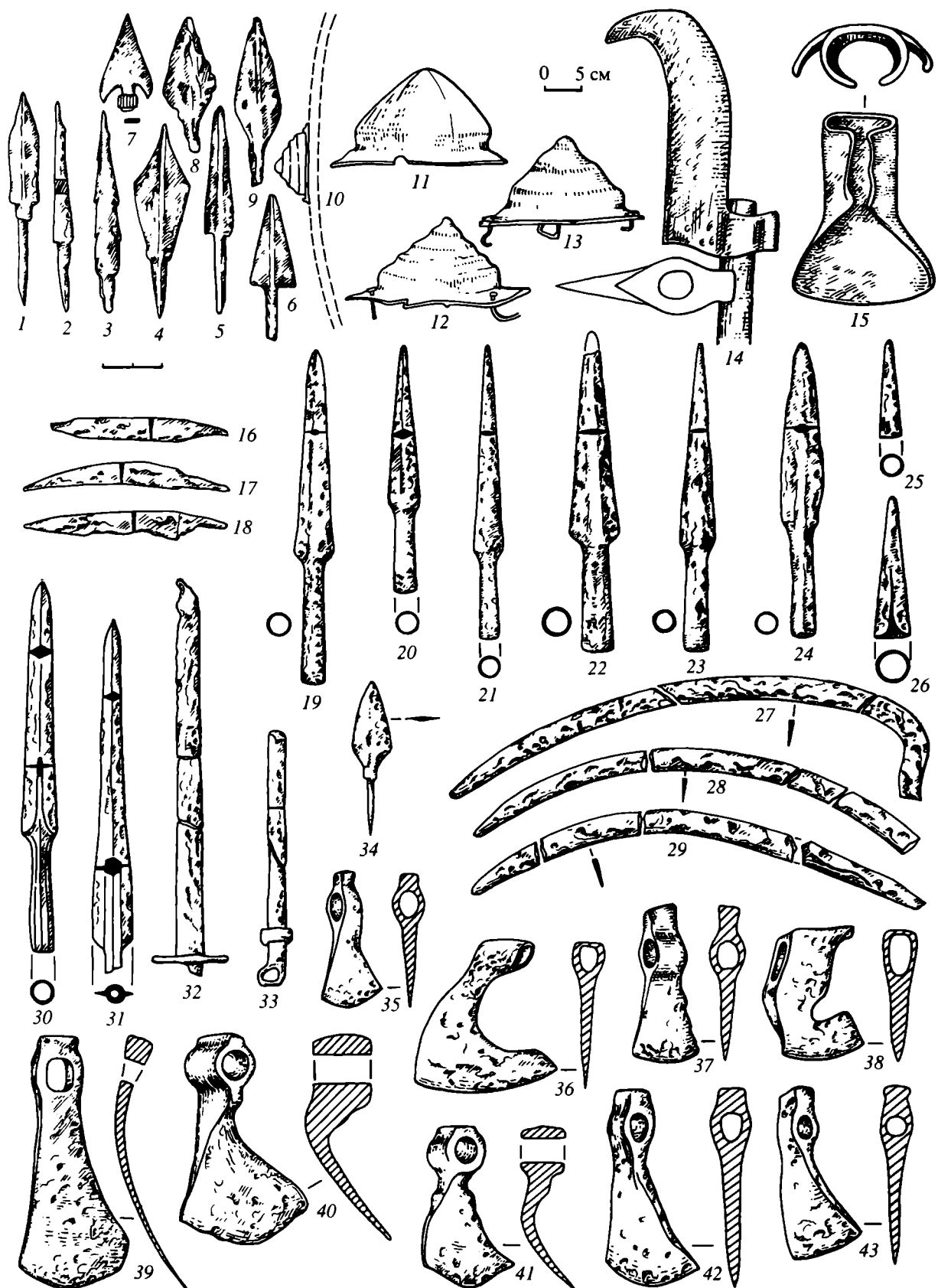
р-н; 24–29 – горла и днища больших винных пифосов (квеври), с. Магранети. Составлена Р.М. Рамишвили

Таблица 109. Керамическая посуда из Западной Грузии

1–4 – миски из Нокалакеви; 5 – днище крупного сосуда (квеври) из Нокалакеви; 6 – лютерии из Нокалакеви; 7, 8 – миски из Нокалакеви; 9 – миска из Нокалакеви; 10, 11 – лютерии из Бичвинта, Абхазия; 12 – горшочек из Бичвинта; 13, 14 – кувшинчики из Цебельды, Абхазия; 15 – колхидская амфора из Цебельды; 16 – амфора из Бичвинта; 17 – амфора из Нокалакеви; 18 – кувшинчик из Це-

бельды; 19 – амфора из Бичвинта; 20 – кувшинчик из Цебельды; 21 – орнаментированный кувшин из Цебельды; 22–24 – кухонная керамика из Цебельды; 25 – “кружка” с каннелюрами из Цебельды; 26 – большой горшок из Цебельды; 27–29, 32 – хозяйственная посуда из Цебельды; 30 – пифос для хранения вина из Нокалакеви; 31 – пифос из Цебельды. Составлена Р.М. Рамишвили

Таблица 110. Предметы вооружения и орудия труда из железа

1-4 – наконечники стрел, Цебельда; 5 – наконечник стрелы, с. Шапка, Цебельдинский р-н; 6-9 – наконечники стрел, Цебельда; 10 – опыт реконструкции щита, умбон из Цебельдинского могильника; 11-13 – умбоны от щитов из Цебельдинского могильника; 14 – топорообразное орудие труда “чалди”, с. Лата; 15 – тесло, с. Атара, Абхазия; 16-18 – ножи из Недзихского могильника, Душетский р-н; 19-24 – наконечники копий из Недзихского могильника; 25, 26 – наконечники алпнштока (по-грузински “муджира”);

27-29 – серпы из с. Урбниси; 30, 31 – наконечники копий из Цебельды; 32, 33 – сабли из Урбниси; 34 – наконечник стрелы из с. Недзихи; 35 – топор из Недзихи; 36, 37 – топоры из Нокалакеви; 38 – топор из Цебельды; 39 – теслообразное орудие из Нокалакеви; 40 – мотыгообразное железное орудие из Недзихи; 41 – мотыгообразное орудие из Нокалакеви; 42 – топор из Западной Грузии; 43 – топор из сел. Недзихи, Душетский р-н. Составлена Р.М. Рамшвили

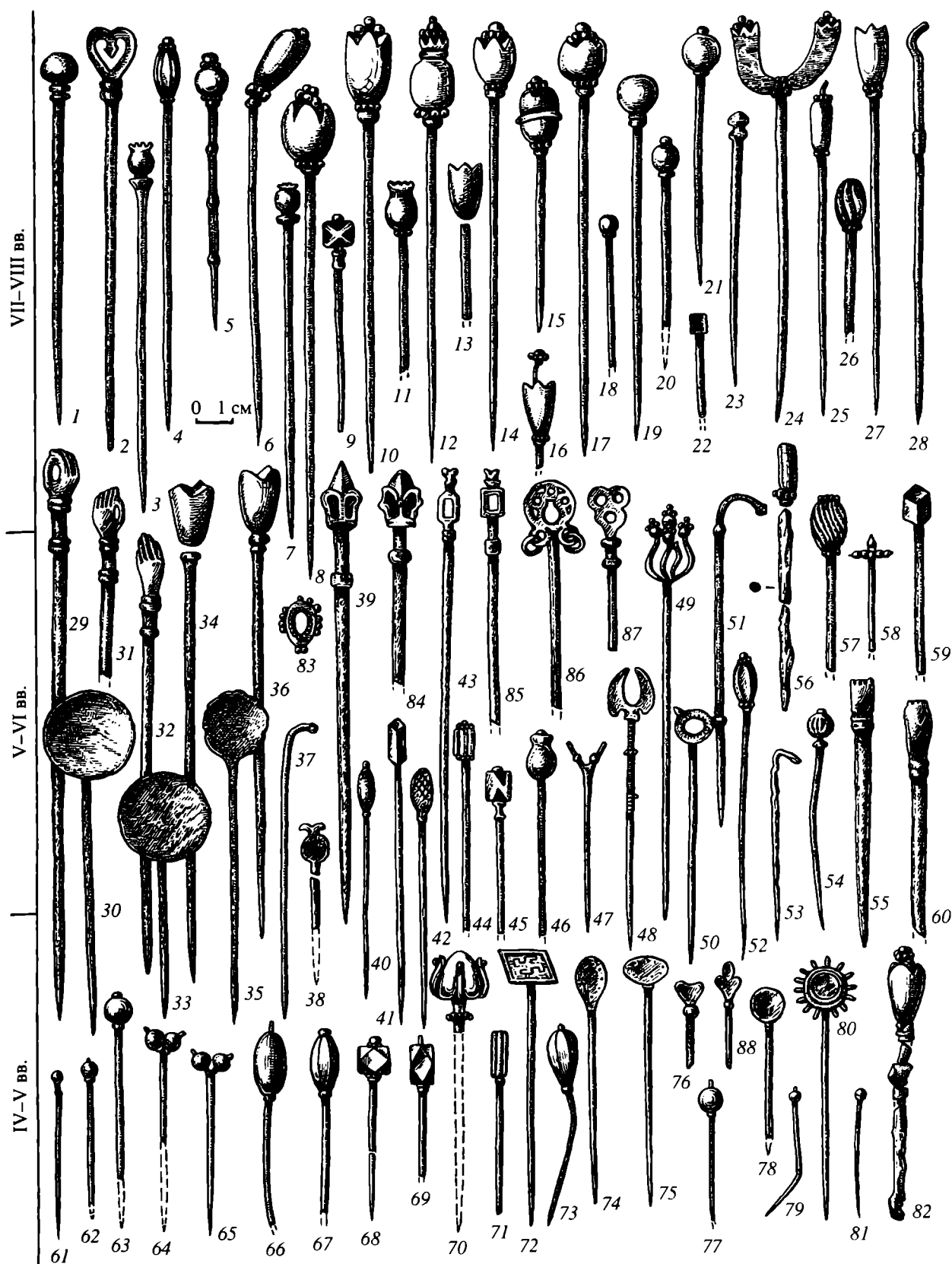

Таблица 111. Булавки бронзовые

1 – с. Цхваричамия, Тианетский р-н; 2, 3 – Самтаврский могильник; 4, 5 – с. Цхваричамия; 6–28 – Самтаврский могильник; 29 – Мцхета, Мартазисхевский могильник; 30 – Жинвальский могильник; 31 – Эрцойская долина, с. Магранети; 32 – Урбнисский могильник; 33 – Жинвальский могильник; 34 – Талтебский могильник, Душетский р-н; 35 – Эрцойская долина, с. Магранети, Сацхврегорский могильник; 36 – Самтавро; 37 – с. Магранети, Сацхврегорский могильник; 38 – Ягсарский могильник, с. Матани, Ахметский р-н; 39 – с. Магранети; 40–42 – Мцхета-Самтавро; 43 – с. Хописи; 44–47 – Мцхета; 48 – с. Когото, Цителцаройский р-н; 49 – Самтавро; 50 – Жинвальский могильник; 51 – с. Магранети, Сацхврегорский могильник; 52, 53 – Жинвальский могиль-

ник; 54, 55 – Мцхета; 56 – Жинвальский могильник; 57–59 – Самтаврский могильник; 60, 61 – Мцхета-Самтавро; 62–64 – Ягсарский могильник; 65, 66 – Сацхврегорский могильник; 67 – Самтаврский могильник; 68 – Ягсарский могильник; 69 – Самтавро; 70 – Ягсарский могильник; 71 – Талтебский могильник, Душетский р-н; 72 – Самтаврский могильник; 73 – Талтебский могильник; 74–76 – Самтаврский могильник; 77 – Талтебский могильник; 78 – с. Матани, Ягсарский могильник; 79 – с. Модинахе, Сачхерский р-н; 80 – Эрцойская долина, с. Трани; 81 – с. Модинахе; 82, 83 – Жинвальский могильник; 84 – Мцхета; 85 – Фитавский могильник, Душетский р-н; 86–88 – Самтаврский могильник. Составлена Р.М. Рамишвили

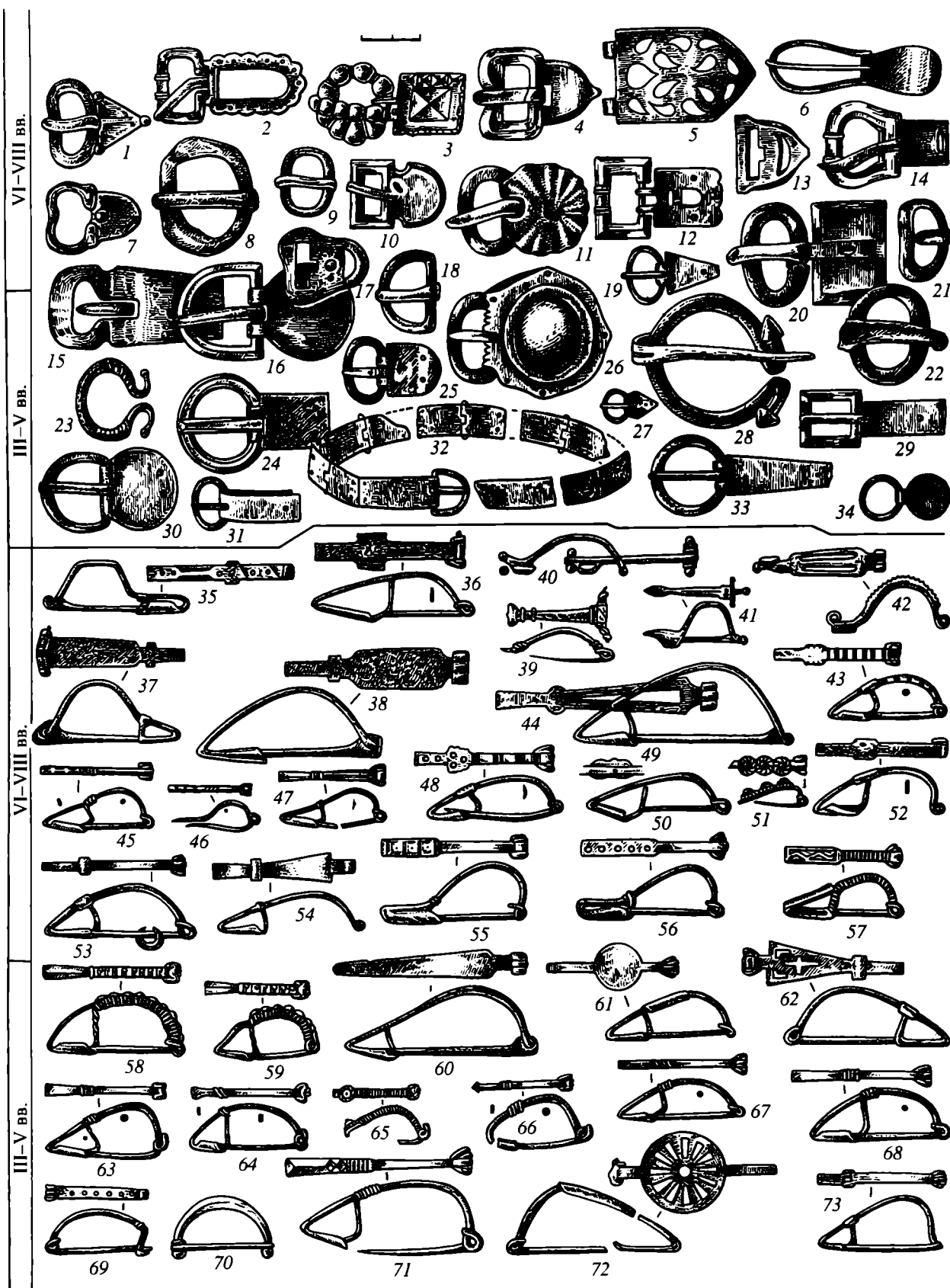

Таблица 112. Пряжки и поясные наборы, фибулы

1-7 - Самтаврский могильник; 8 - Мцхета, Армазисхеви; 9-19 - Самтаврский могильник; 20 - Эрцойская долина, с. Симониантхеви; 21 - Жинвальский могильник; 22, 23 - Эрцойская долина, с. Магранети; 24-27 - Самтаврский могильник; 28 - Жинвальский могильник; 29-31 - Самтаврский могильник; 32 - поясной набор из с. Магранети; 33, 34 - Самтаврский могильник; 35 - Самтаврский

могильник; 36 - Цебельдинский могильник; 37-42 - Самтаврский могильник; 43 - Цебельдинский могильник; 44 - Самтаврский могильник; 45-52 - Цебельдинский могильник; 53-56 - Самтаврский могильник; 57-59 - Цебельда; 60-62 - Самтаврский могильник; 63-68 - Цебельдинский могильник; 69-73 - Самтаврский могильник. Составлена Р.М. Рамишвили

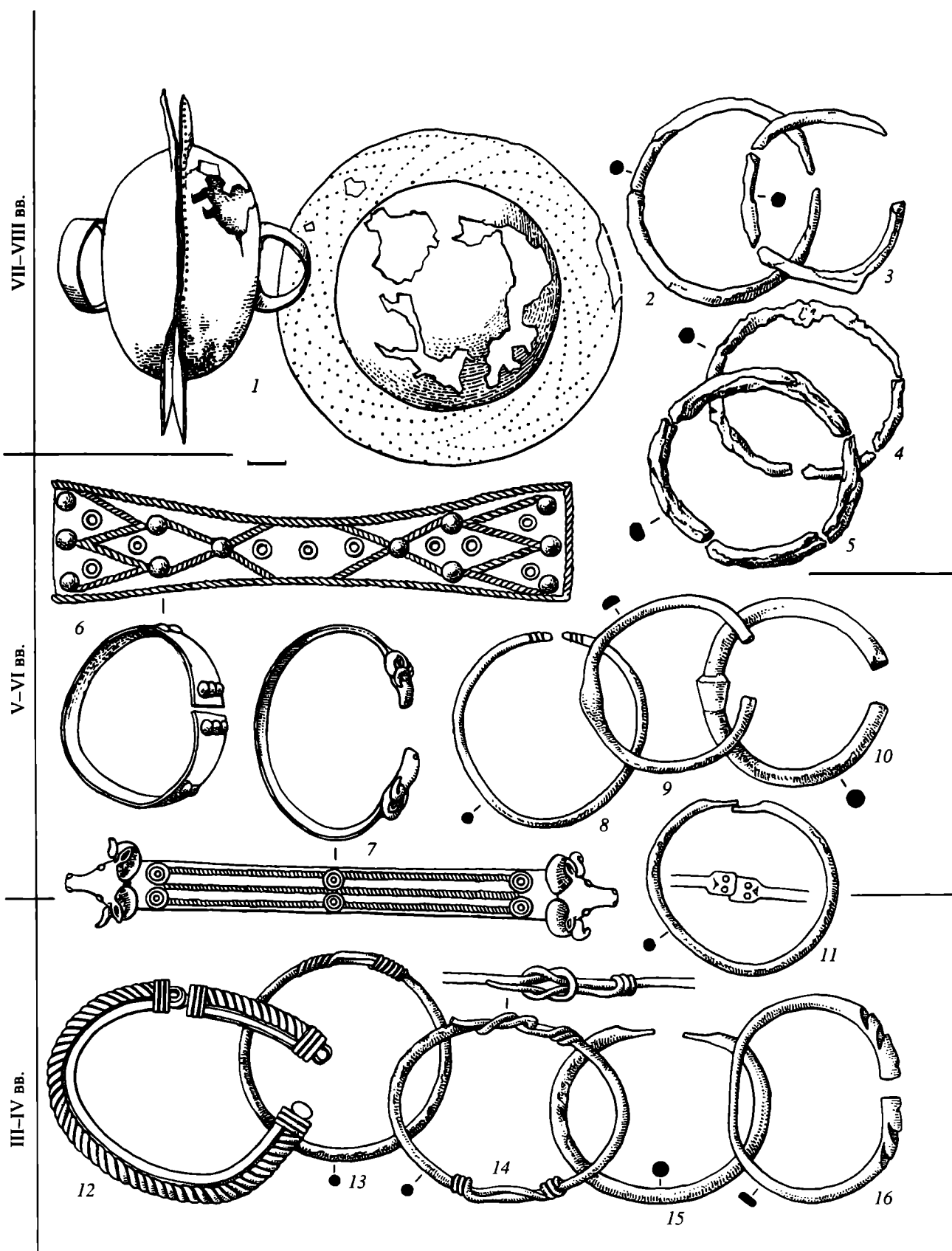
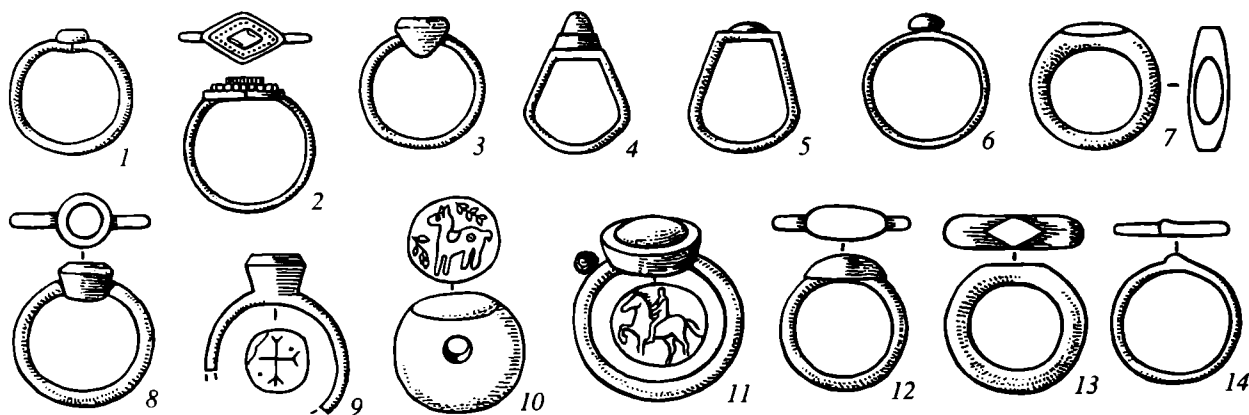

Таблица 113. Музыкальный инструмент и образцы бронзовых браслетов

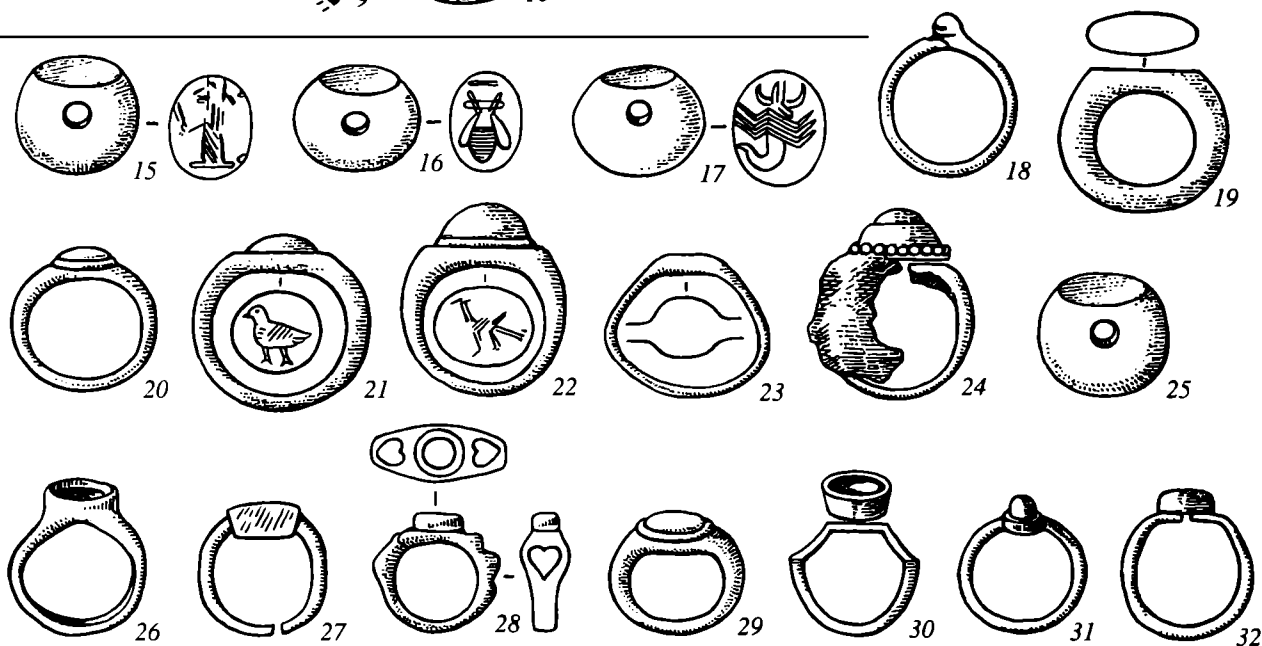
1 – ударный инструмент (по-грузински “цинцила”) из Жинвальского могильника; 2 – браслет железный из Недзихского могильника (Душетский р-н); 3–5 – браслеты железные из Жинвальского могильника (Душетский р-н); 6 – браслет из Недзихского могильника с геометрическим орнаментом; 7 – браслет с зооморфными головками из Недзихского могильника; 8 – браслет из Недзихского могильника; 9 – браслет с утолщенной спинкой из Жинвали; 10 – браслет из Самтаврского могильника;

11 – браслет со стилизованными головками из Мцхета; 12 – браслет золотой, дутый, двучленный из Бичвинта; 13 – браслет из Самтаврского могильника; 14 – браслет серебряный с петлеобразным узелком из Жинвальского могильника; 15 – браслет с зооморфными головками из Самтаврского могильника; 16 – браслет бронзовый с утолщенными и орнаментированными головками из Жинвальского могильника. Составлена Р.М. Рамцшвили

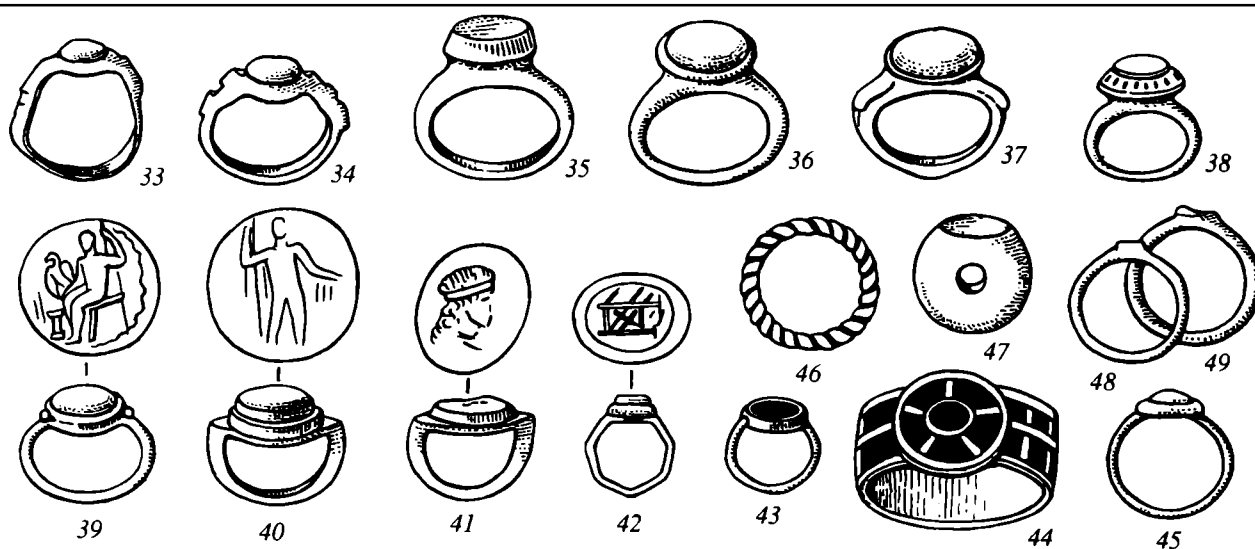
VII-VIII вв.

V-VI вв.

III-IV вв.

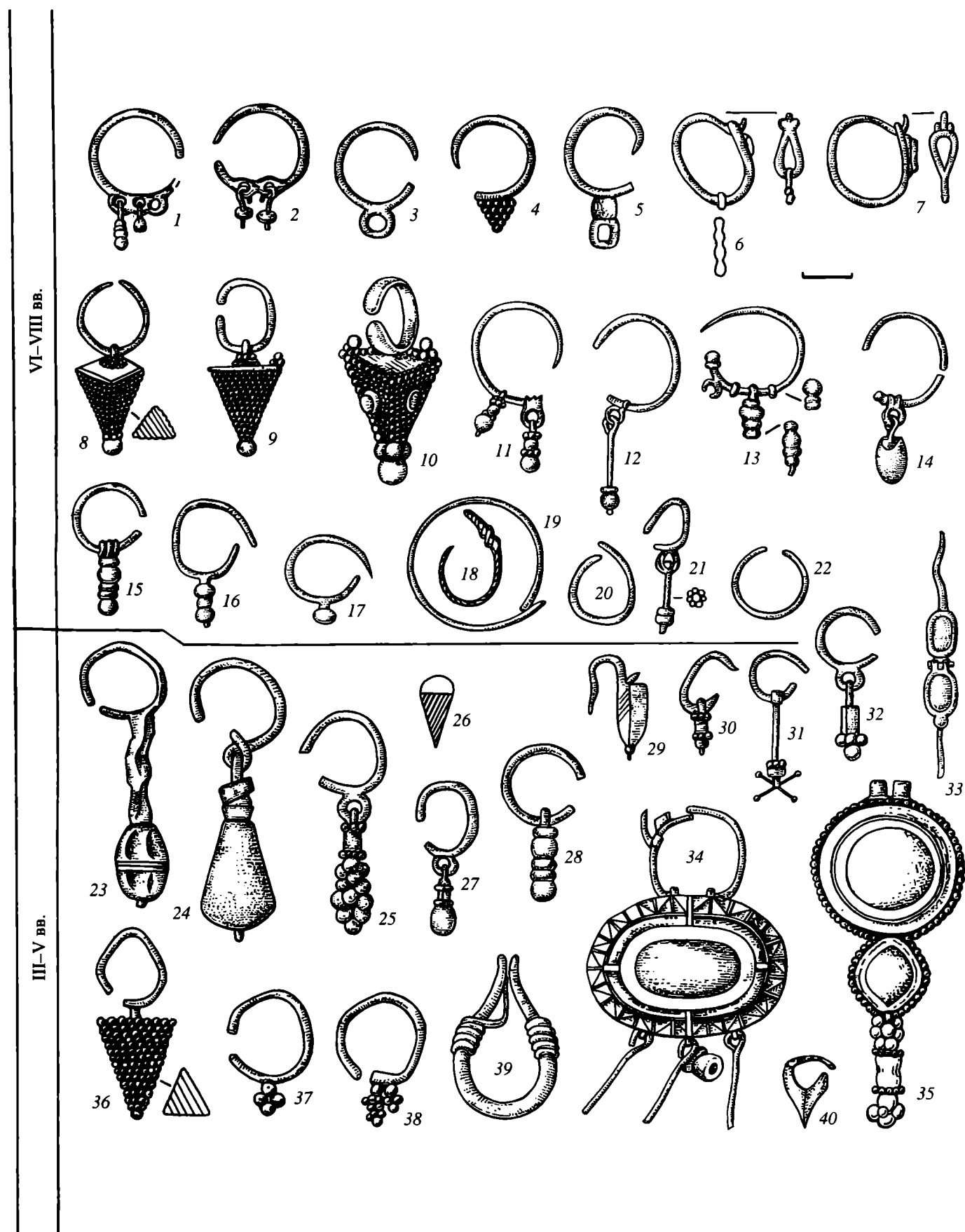

0 2

Таблица 114. Перстни

1-3 - Самтаврский могильник; 4-6 - Эрцойская долина, могильник Бадатгора; 7 - Пиримзитский могильник, Тианетский р-н; 8 - Самтаврский могильник; 9 - Амбролаури; 10 - с. Млаше, Душетский р-н; 11 - Самтавро; 12-14 - г. Рустави; 15, 16 - халцедоновые печати из Картанского могильника, Душетский р-н; 17 - халцедоновая печать из с. Недзиhi; 18 - Картанский могильник; 19 - могильник Балебиани, Душетский р-н; 20-24 -

Картанский могильник; 25 - халцедоновая печать из с. Когото, Цителцкаройский р-н; 26, 27 - Ахалгори; 28, 29 - Самтавро; 30, 31 - Модинахе, Сачхерский р-н, Западная Грузия; 32 - Жинвальский могильник; 33-38 - с. Модинахе, Сачхерский р-н; 39-43 - Эрцойская долина, с. Магранети; 44, 45 - Арагвиспирский могильник, Душетский р-н; 46-49 - случайные находки. Составлена Р.М. Рамипшвили

Таблица 115. Серьги

1 – Каспи; 2–7 – Цебельда; 8, 9 – Бербуки, Кахети; 10 – с. Комунта; 11, 12 – Самтаврский могильник; 13 – с. Нахширгора; 14, 15 – Самтавро; 16, 17 – Эрцойская долина, с. Магранети; 18–21 – Самтаврский могильник; 22 – Кочора-Туя, Мцхета; 23, 24 – с. Модинахе;

25–31 – Самтаврский могильник; 32 – Ахалгори; 33 – Самтавро; 34, 35 – с. Модинахе; 36 – Самтавро; 37, 38 – с. Модинахе; 39 – Эрцойская долина, с. Магранети; 40 – Самтаврский могильник. Составлена Р.М. Рамишвили

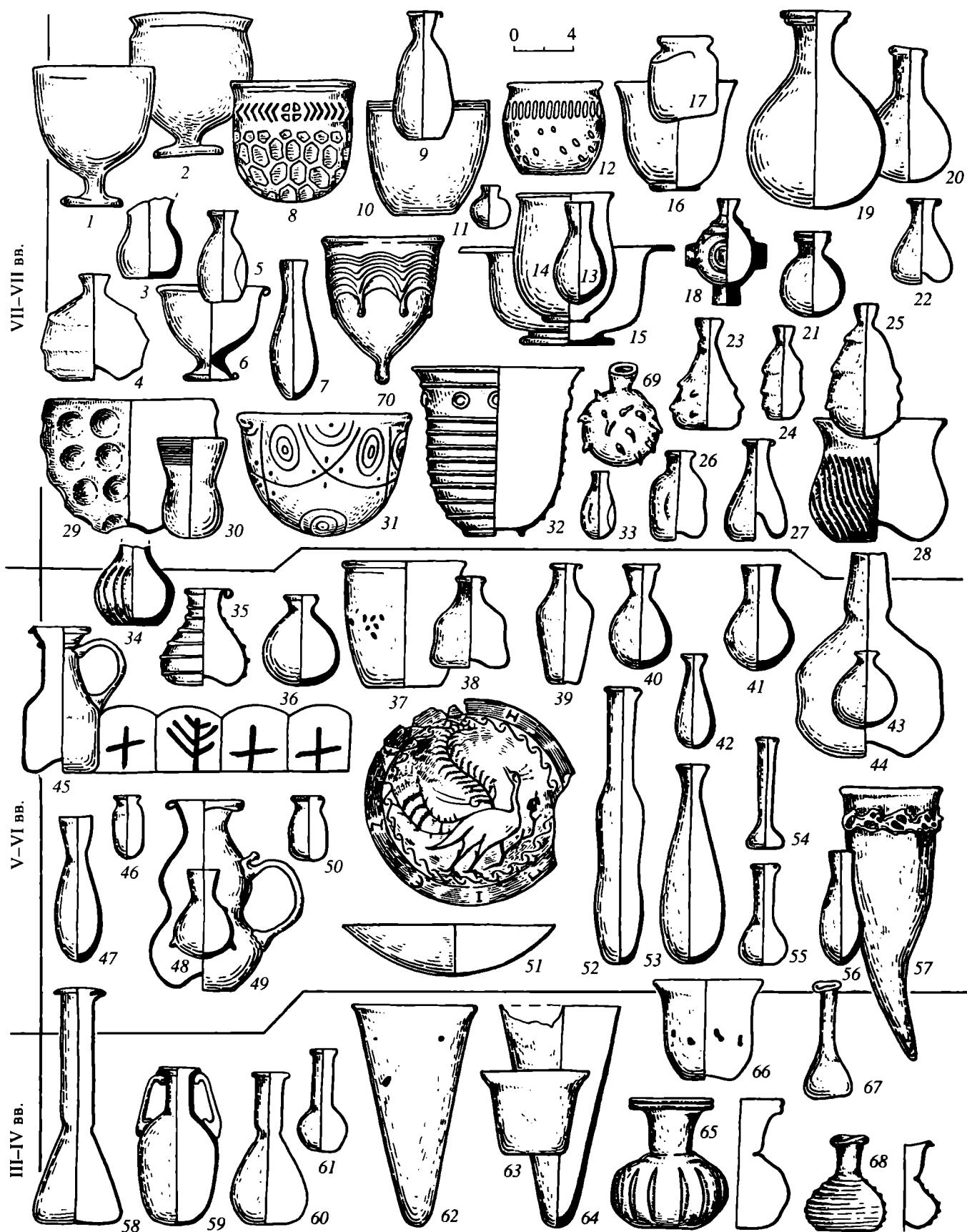
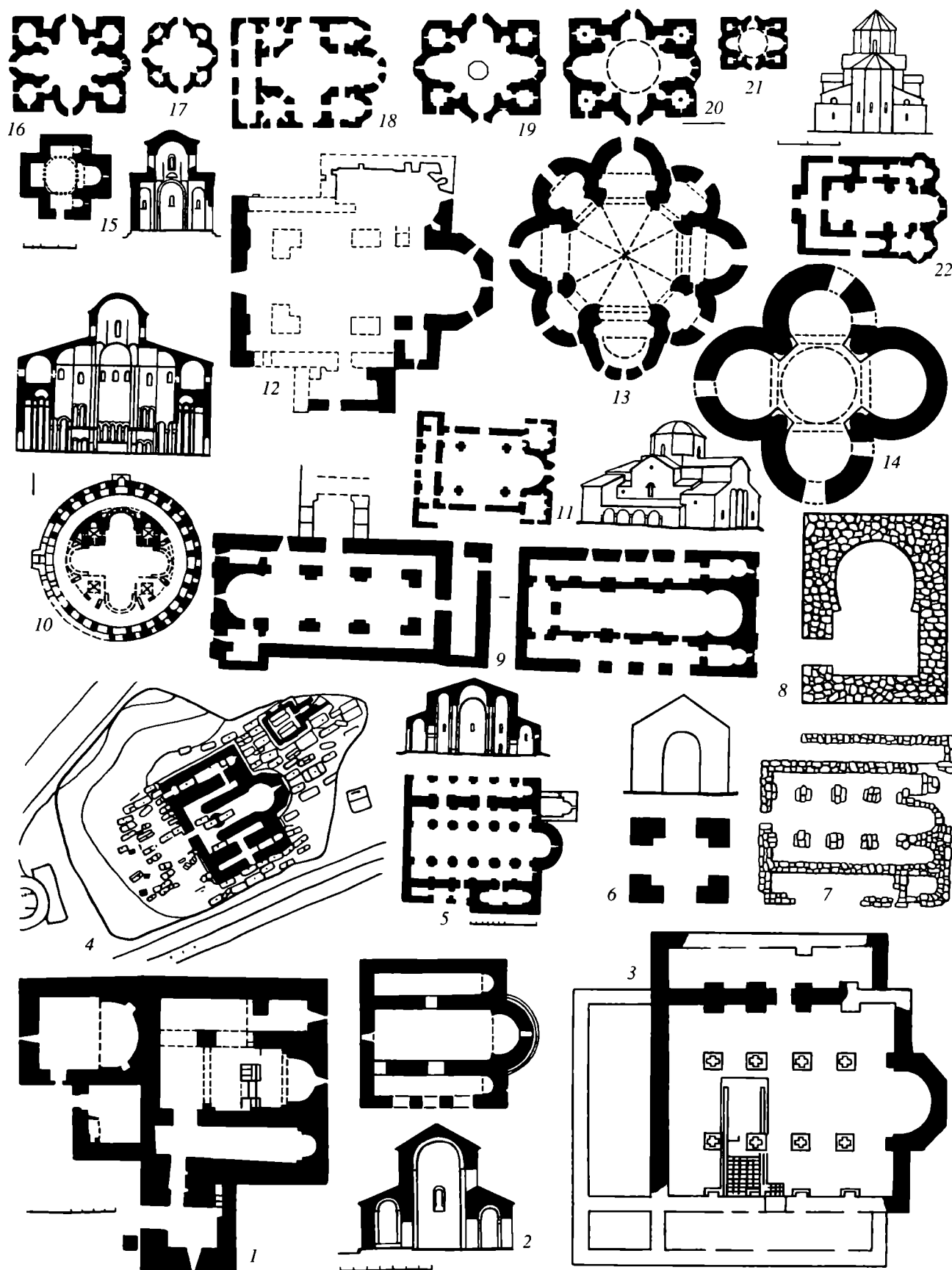

Таблица 116. Основные типы стеклянных сосудов раннесредневековой Грузии

1, 2 – Цебельда; 3–7 – Самтаврский могильник; 8 – Цебельда; 9 – Самтавро; 10 – Цебельда; 11 – Самтавро; 12 – Цебельда; 13 – Самтавро; 14–17 – Цебельда; 18 – Самтавро; 19, 20 – Цебельда; 21–28 – Самтавро; 29–31 – Цебельда; 32 – городище Дманиси;

33–36 – Самтавро; 37 – Цебельда; 38–56 – Самтавро; 57 – Цебельда; 58–61 – Эрцойская долина, с. Магранети; 62, 63 – Цебельда; 64 – Самтавро; 65 – городище Урбниси; 66, 67 – Самтавро; 68, 69 – Руставский могильник; 70 – Цебельда. Составлена Р.М. Рампшвили

Таблица 117. Церкви Грузии IV–V вв.

1 – церковь Даватской Богоматери, план; 2 – Квемо Болниси, план и разрез; 3 – базилика Светицховели; 4 – Сионская базилика (план) и могильник вокруг церкви; 5 – Болнисский Сион, план и разрезы; 6 – Черемский квадрат; 7 – Настакиси, базилика IV–V вв.; 8 – Настакиси, церковь III в., обнаруженная среди жилых домов; 9 – Гурджаанская базилика, план первого и второго этажей; 10 – Бана, разрез и план церкви; 11 – Цромская церковь, план и реконструкция;

12 – Нокалакевская базилика Сорока мучеников; 13 – Ниноцминда, Сагареджойский р-н; 14 – Дзвели Гавази-Корети; 15 – церковь Эрелаант сакдари, план, разрез, реконструкция по В. Цинцадзе; 16 – Мартвили, план; 17 – Джамухи, план; 18 – Дранда, план; 19 – монастырь Джвари, план; 20 – монастырь Атени, план; 21 – Дзвели Шуамта, план; 22 – храм Вачнадзиани. Составлена Р.М. Рамишвили

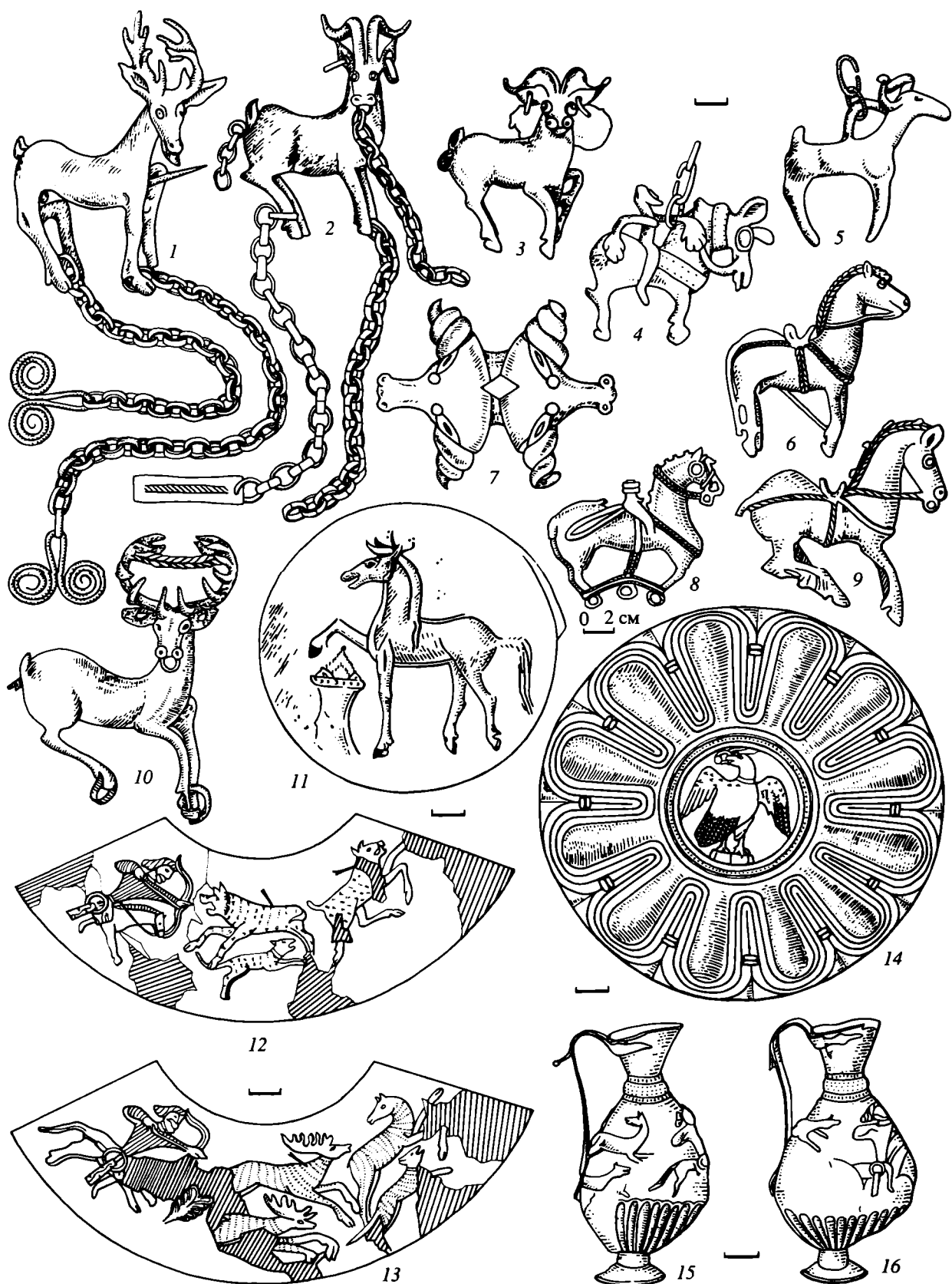
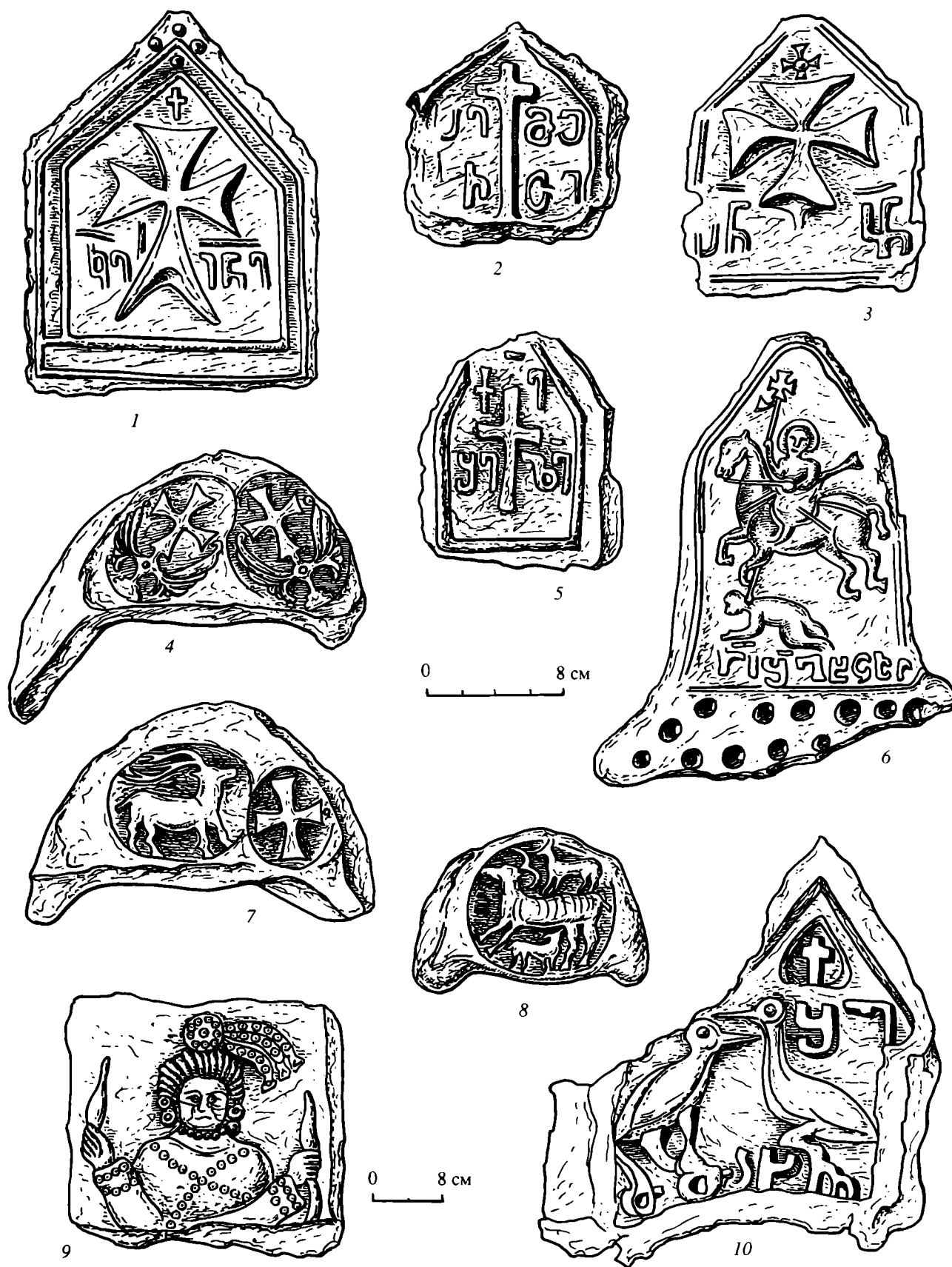

Таблица 118. Образцы торевтики и малой пластики из бронзы и серебра

1 – бронзовая застежка с изображением оленя с цепочками из Жинвальского могильника; 2, 3 – бронзовые застежки с изображением тура из Ципранисдзирского могильника, Душетский р-н; 4 – изображение всадника из Телавского музея; 5 – изображение оленя из Телавского музея; 6 – бронзовая застежка с изображением лошади из Недзихского могильника; 7 – поясная бронзовая пряжка в виде бараньих головок из Телавского музея; 8 – бронзовое изображение всадника из Телавского музея; 9 – бронзовая застежка с изображением оседланного коня из Недзихского могильника; 10 – бронзовая застежка с изображением оленя из с. Омало, Ахметский р-н; 11 – изображение божественного коня перед алтарем на днище серебряной чаши из Арагвиспирского могильника, Душетский р-н, конец III – начало IV в.; 12–13 – сцена охоты на вепрей и оленей на серебряных кувшинчиках из Арагвиспирского могильника; 14 – серебряная чаша с богатым орнаментом и с изображением орла с расправленными крыльями из Арагвиспирского могильника, конец III – начало IV в.; 15–16 – серебряные кувшинчики со сценами охоты из Арагвиспирского могильника, конец III – начало IV в. Составлена Р.М. Рамишвили

нием оленя из с. Омало, Ахметский р-н; 11 – изображение божественного коня перед алтарем на днище серебряной чаши из Арагвиспирского могильника, Душетский р-н, конец III – начало IV в.; 12–13 – сцена охоты на вепрей и оленей на серебряных кувшинчиках из Арагвиспирского могильника; 14 – серебряная чаша с богатым орнаментом и с изображением орла с расправленными крыльями из Арагвиспирского могильника, конец III – начало IV в.; 15–16 – серебряные кувшинчики со сценами охоты из Арагвиспирского могильника, конец III – начало IV в. Составлена Р.М. Рамишвили

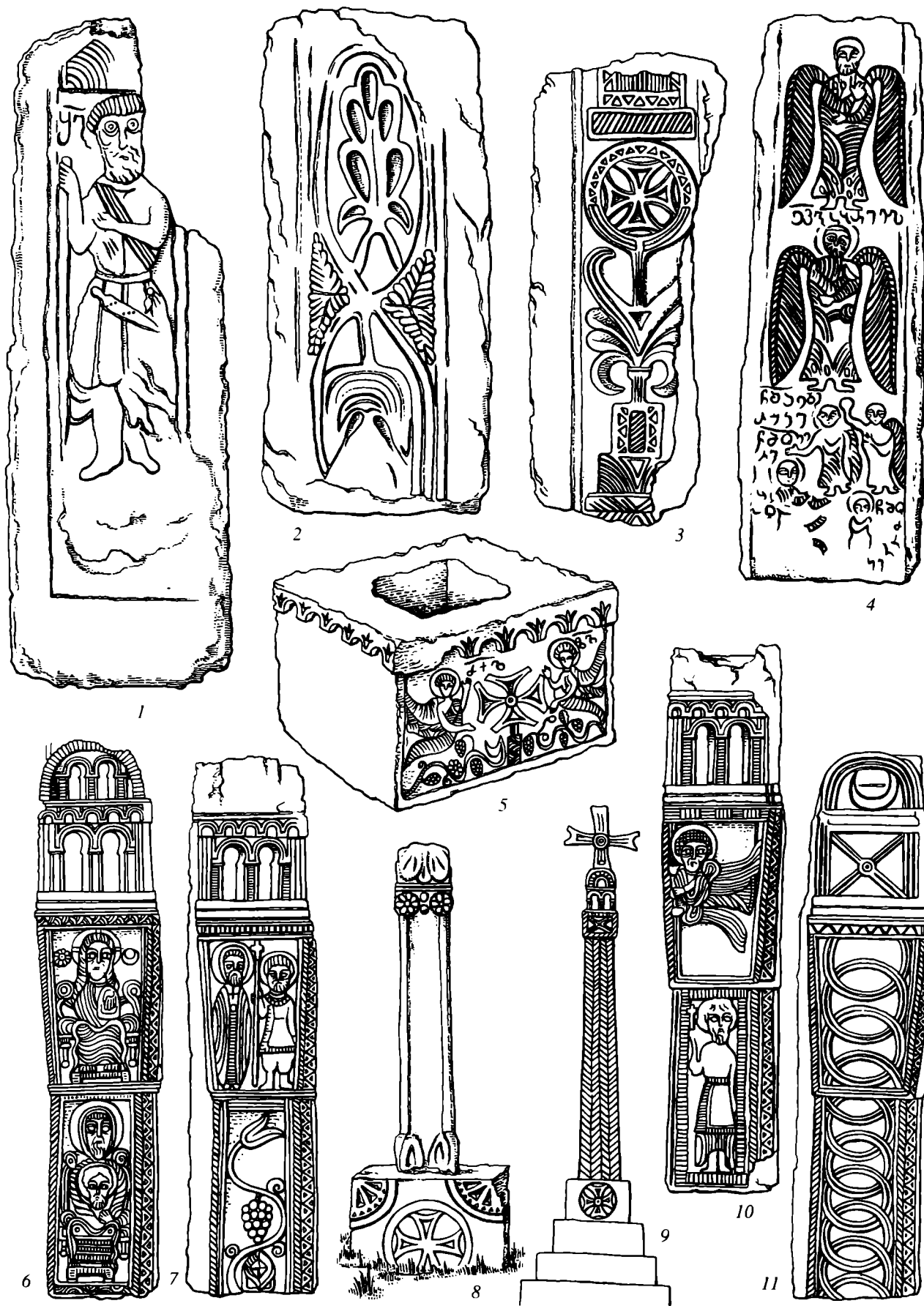

Таблица 119. Керамические антефиксы

1 – антефикс с изображением креста болнисского типа с надписью, где упоминаются Константин и Иоанн, ГМИГ, № 914; 2 – антефикс с высоким крестом и с надписью, ГМИГ, № 2898; 3 – антефикс с крестом болнисского типа и с надписью, ГМИГ, № 158; 4 – антефикс с двумя крестами, ГМИГ; 5 – антефикс с надписью, где упоминается Зе-

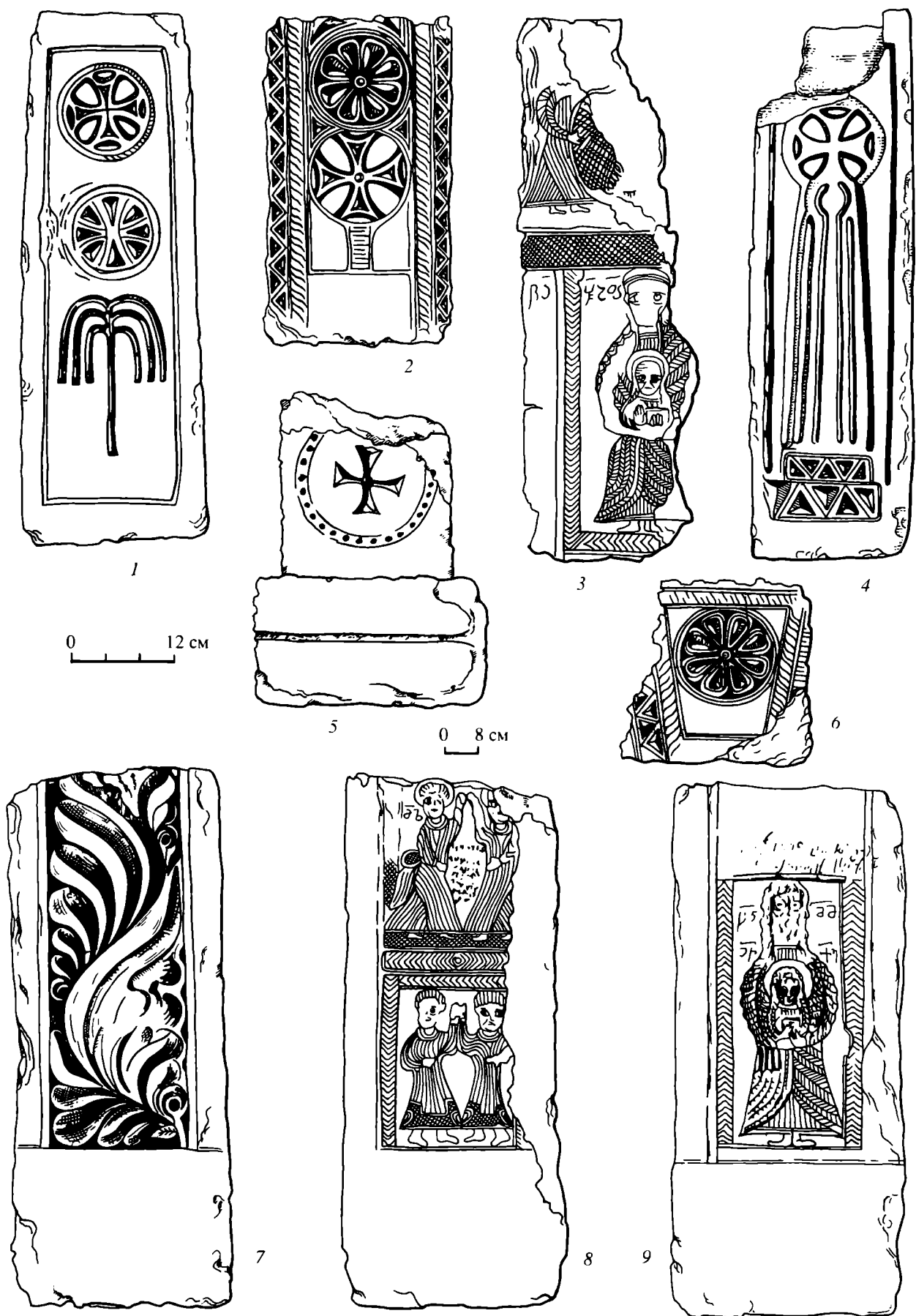
беде, ГМИГ, № 2897; 6 – антефикс с изображением св. Георгия из сел. Куцни, ГМИГ, № 2456; 7 – антефикс с изображением оленя и креста, ГМИГ; 8 – Антефикс с тремя животными, ГМИГ; 9 – антефикс с изображением человеческой фигуры; 10 – антефикс с изображением двух птиц, крестом и надписью. Составлена Р.М. Рамишвили

Таблица 120. Стелы раннесредневековой Грузии

1 – стела с изображением Шергила, Болнисский р-н; 2 – стела из Болниси; 3 – стела № 106 из Демирбулага, Болнисский р-н; 4 – стела католика Квирике из с. Усанети; 5 – база-постамент с отверстием для закрепления креста; 6 – стела из сел. Хандиси, Горийский р-н, западный фасад с изображением Богоматери с

младенцем; 7 – Хандисская стела, северный фасад; 8 – стела из Агары, западный фасад; 9 – рельефное изображение стелы на стене Эдзанского Сиони, VI в.; 10 – Хандисская стела, южный фасад; 11 – Хандисская стела, восточный фасад. Составлена Р.М. Рамишвили

Таблица 121. Стелы из с. Давати

1 – стела № 1 с “болнисским” крестом и с изображением древа жизни; 2 – фрагмент стелы № 3; 3 – фрагмент стелы № 4; 4 – стела № 2 с изображением стелы; 5 – база стелы с изображением креста; 6 – фрагмент стелы № 3; 7 – стела № 1, грань с растительным

орнаментом; 8 – стела № 1, грань с изображением архангелов со сценой возвеличения грузинского алфавита (вверху) и гражданских лиц; 9 – изображение Богоматери с младенцем на стеле № 1. Составлена Р.М. Рамишвили

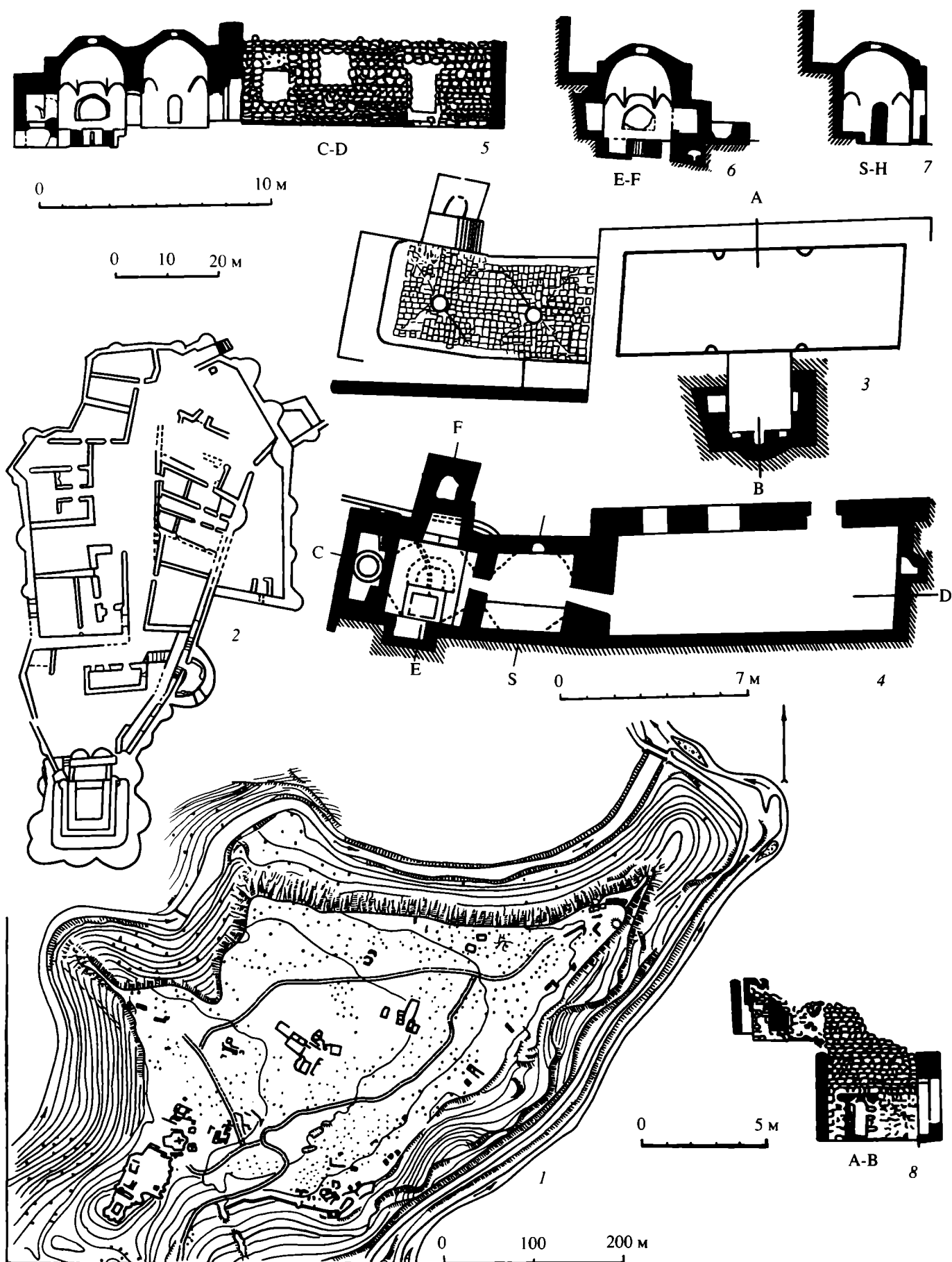
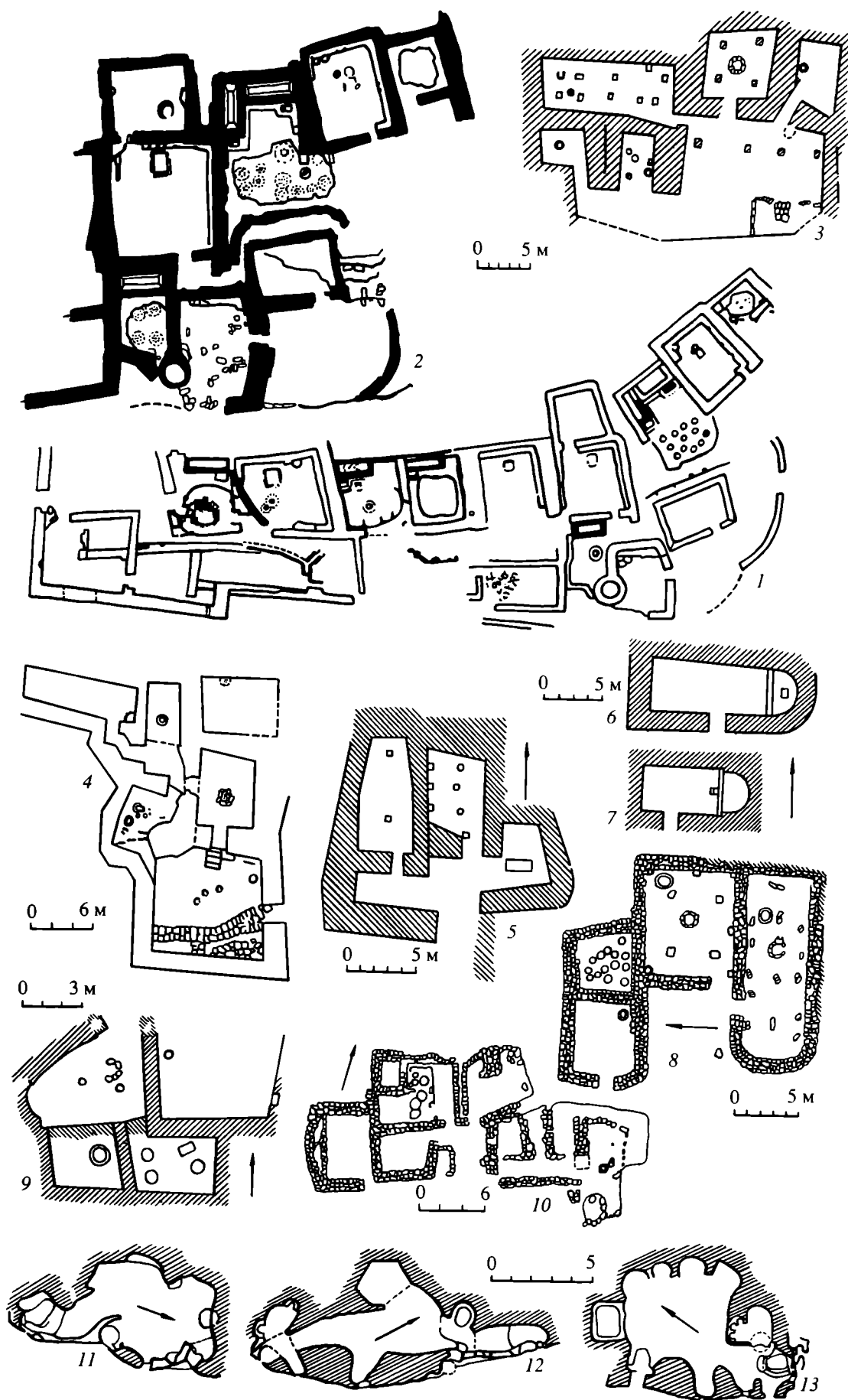

Таблица 122. Дманиси

1 – план города; 2 – план цитадели города; 3, 4 – планы остатков дворца; 5–8 – разрезы дворцовых помещений. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 123. Планы раскопанных участков поселений

1 – Девебиани; 2 – Дидруви; 3–5 – Начивчаеби – усадьбы; 6, 7 – церкви Начивчаеби; 8–10 – жилые и хозяйственно-производственные комплексы поселений Пала и Поладаури; 11–13 – Пиа:

пещерные жилые сооружения. Составлена по материалам Р.М. Рамшвили

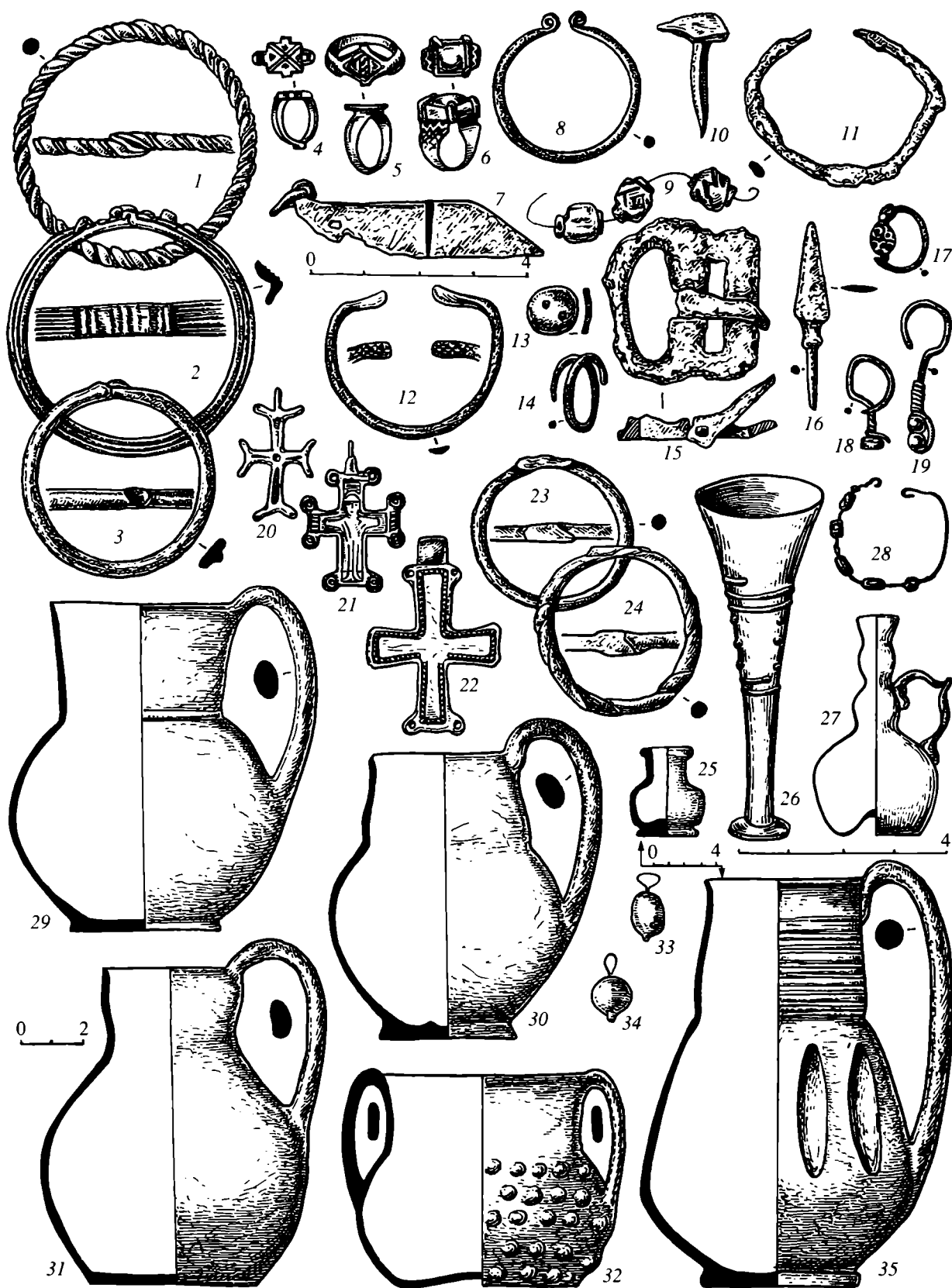

Таблица 124. Погребальный инвентарь XI–XIV вв. из могильников Восточной Грузии

29 – 32, 35 – глиняные сосуды (с. Гудрухи, могильник Сатао; Сиони Иорского ущелья; Ареша Кварельского района); 25–27 – стеклянные сосуды (Сиони Иорского ущелья; Жинвальский могильник Накалакари); 1–3, 23, 24 – стеклянные браслеты (могильник Дманисского городища; с. Матани, могильник церкви Жамта Сакдари; могильник Руставского городища); 9 – стеклянные бусы (Жинвальский могильник Накалакари); 13 – стеклянная пуговка (Жинвальский могильник Накалакари); 7 – железный нож (могильник селища Тапани Болнисского района); 10, 11 – железный гвоздь и браслет (Жинвальский могильник Накалакари); 15, 16 – железная пряжка и стрела (Жинвальский могильник Накалакари); 4 – бронзовый

перстень (Жинвальский могильник Накалакари); 8, 12 – бронзовые браслеты (Жинвальский могильник Накалакари); 14 – бронзовый завиток (Жинвальский могильник Накалакари); 18, 19, 28 – бронзовые серьги (Михета, могильник Бебрис-цхе, Жинвальский могильник Накалакари; с. Матани, могильник церкви Жамта Сакдари); 20–22 – бронзовые кресты (с. Матани, могильник церкви Жамта Сакдари; Дзвели Гавази Кварельского р-на; могильник селища Тапани Болнисского р-на); 33, 34 – бронзовые пуговки (Жинвальский могильник Накалакари); 5, 6 – серебряные перстни (Жинвальский могильник Накалакари); 17 – золотая серьга (Жинвальский могильник Накалакари). Составлена Р.М. Рамияшвили

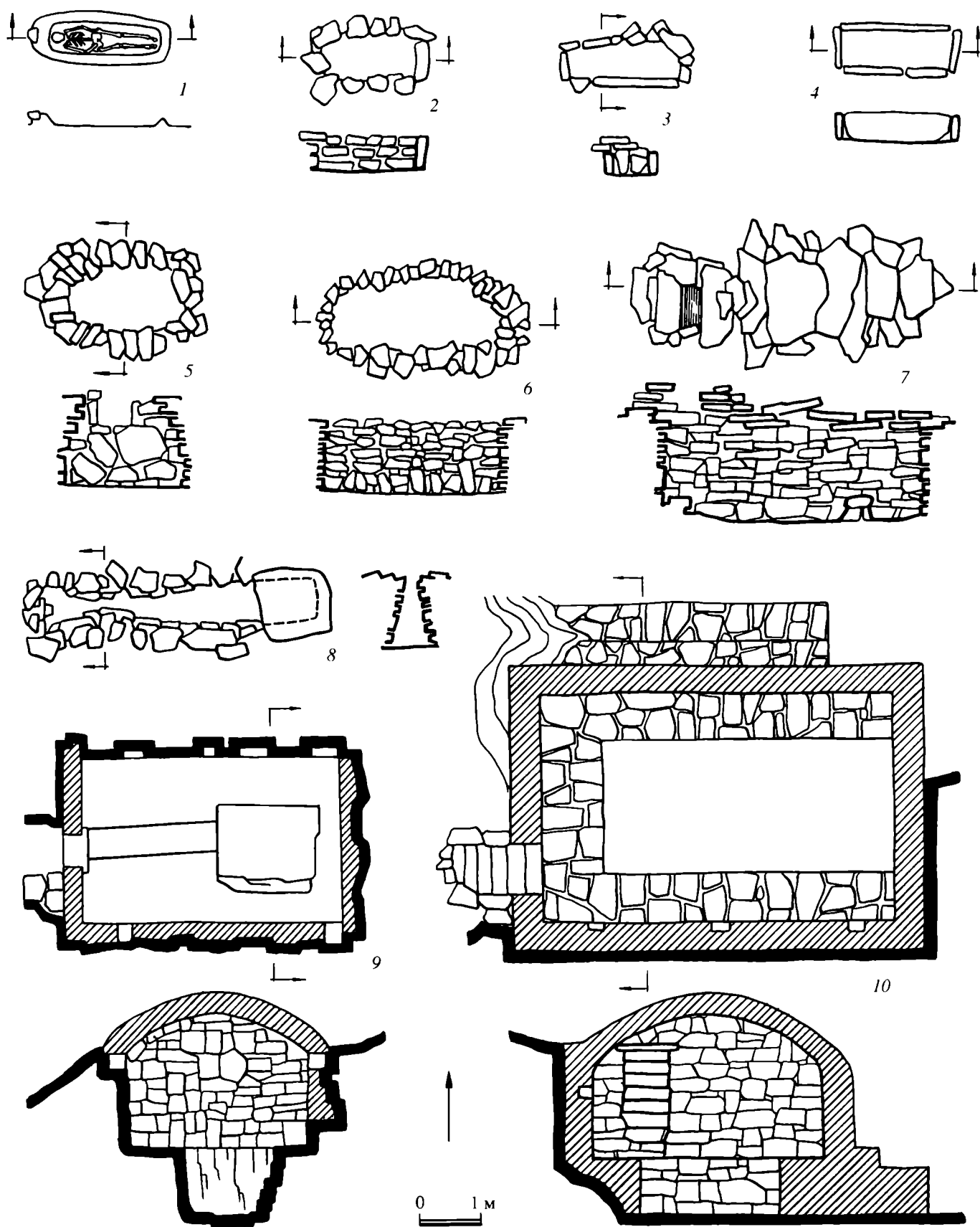

Таблица 125. Типы погребальных сооружений Восточной Грузии в XI–XIV вв. Планы и разрезы

1 – грунтовое погребение (с. Гудрухи, могильник Сатао); 2–4 – погребения в каменных ящиках (с. Гудрухи, могильник Сатао; с. Матани, могильник церкви Жамта Сакдари; с. Давати, могильник церкви Богоматери); 5 – склеп с боковым входом (Жинвальский могильник Накалакари); 6 – погребение со стенами в виде камен-

ной кладки (с. Гудрухи, могильник Сатао); 7 – склеп с вертикальным дромосом (Жинвальский могильник Накалакари); 8 – склеп с суженными стенами (с. Чинти, могильник Бантареули); 9, 10 – склепы со сводом (могильник Марткопского монастыря; Жинвальский могильник Накалакари). Составлена Р.М. Рамишвили

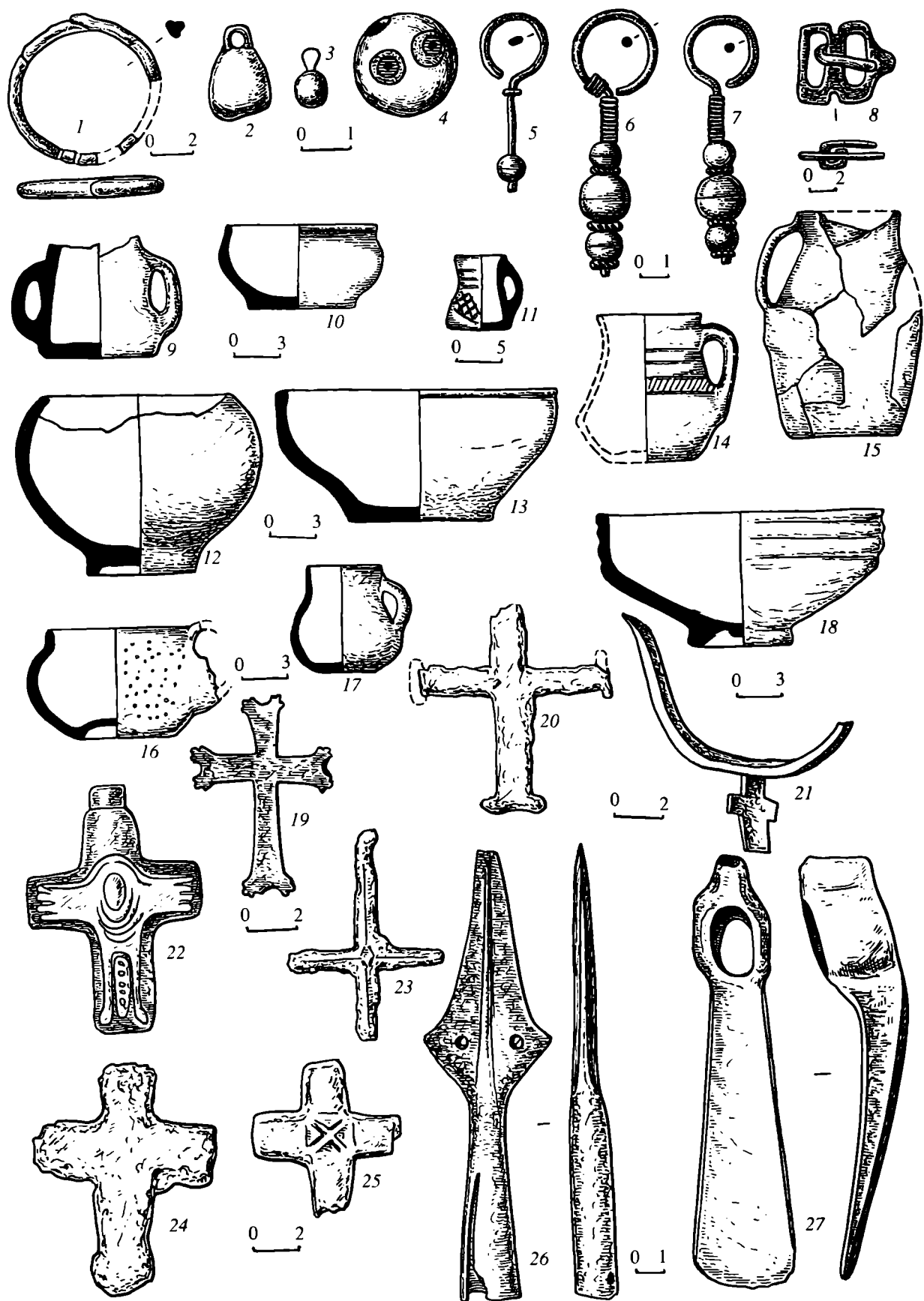

Таблица 126. Погребальный инвентарь XI–XIV вв. из могильников Западной Грузии

1 – стеклянный браслет (из погребения Ванского городища); 2 – бронзовый бубенчик; 3 – бронзовая пуговка; 4 – стеклянная бусина (из погребений города-крепости Анакопия); 5–7 – бронзовые серьги; 8 – железная пряжка (могильник холма Ахул-абаа, окрестности Сухуми); 9–18 – глиняные сосуды, чаши, кувшины; 19, 22 –

бронзовые кресты; 20, 21, 23, 24 – железные кресты; 25 – известковый крест; 26 – железный наконечник копья; 27 – железная мотыга (карчи) (из могильников Аджарисцкального ущелья). Составлена Р.М. Рамишвили

XII – XIII вв.

XI в.

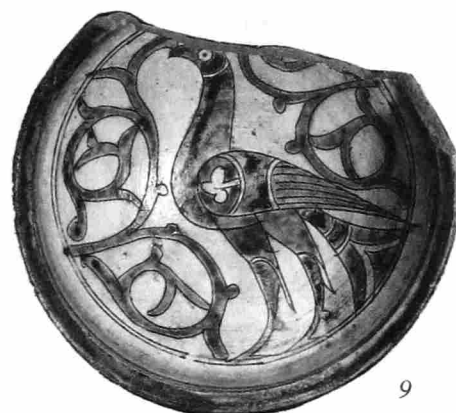
IX – X вв.

15

17

9

14

16

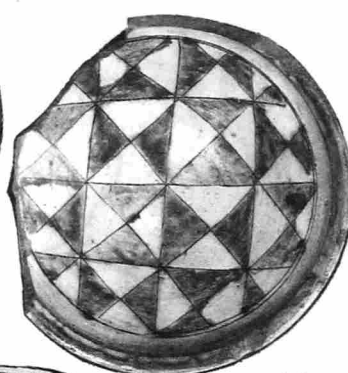
8

12

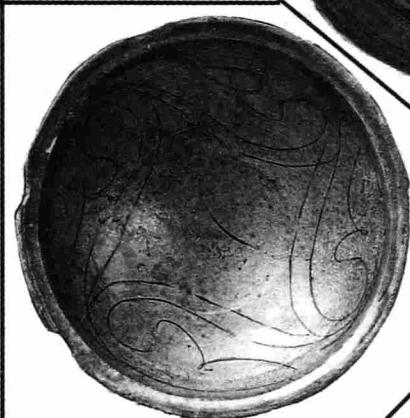
13

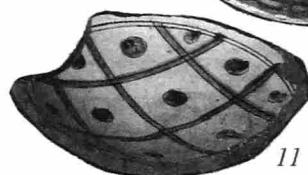
13

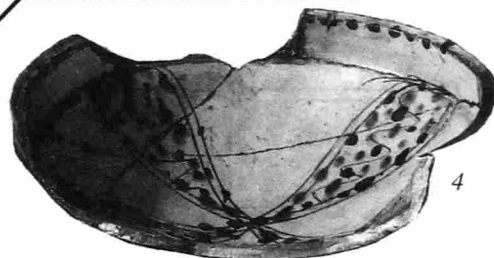
7

6

11

4

2

3

5

1

Таблица 127. Поливная керамика Грузии IX–XIII вв.

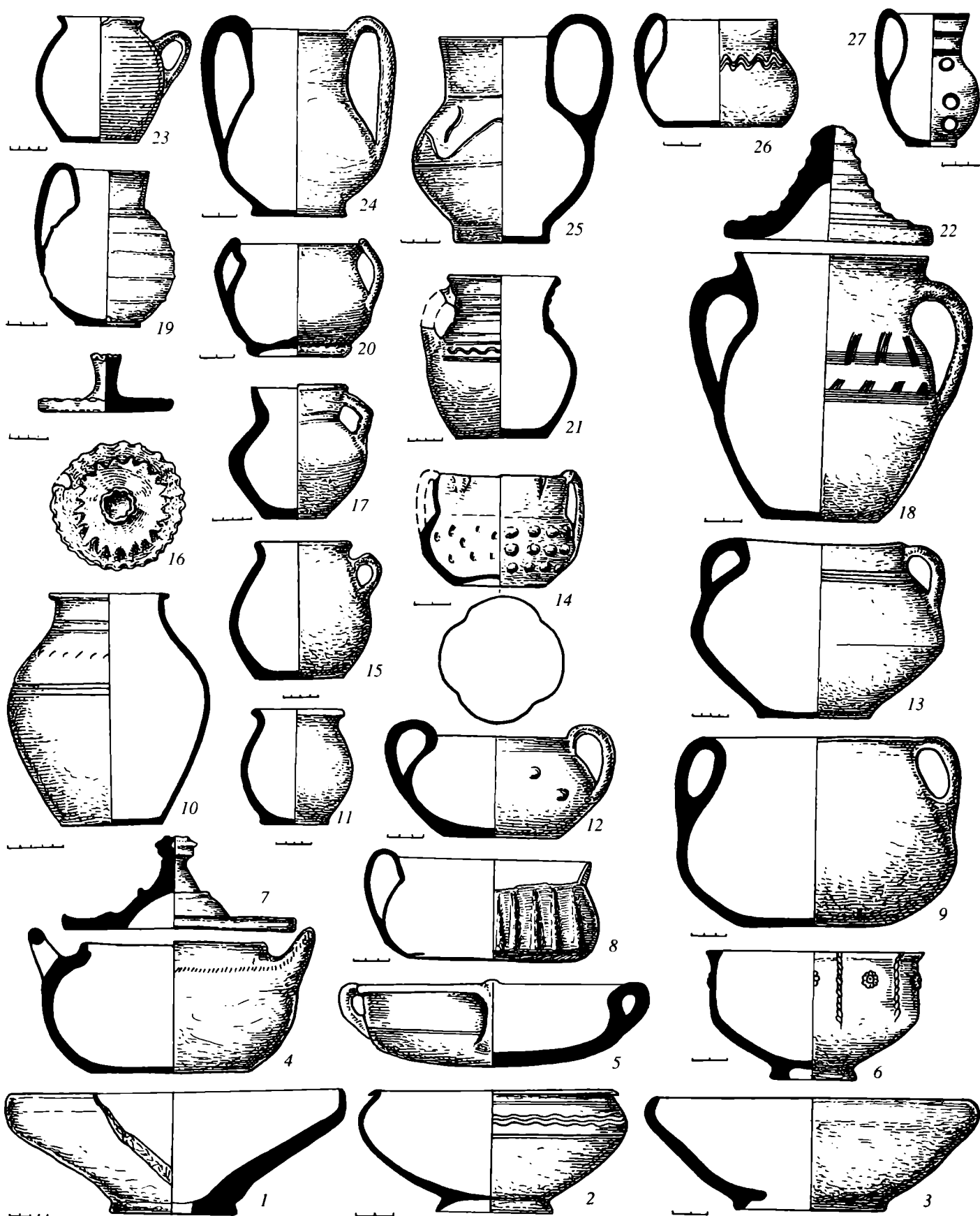
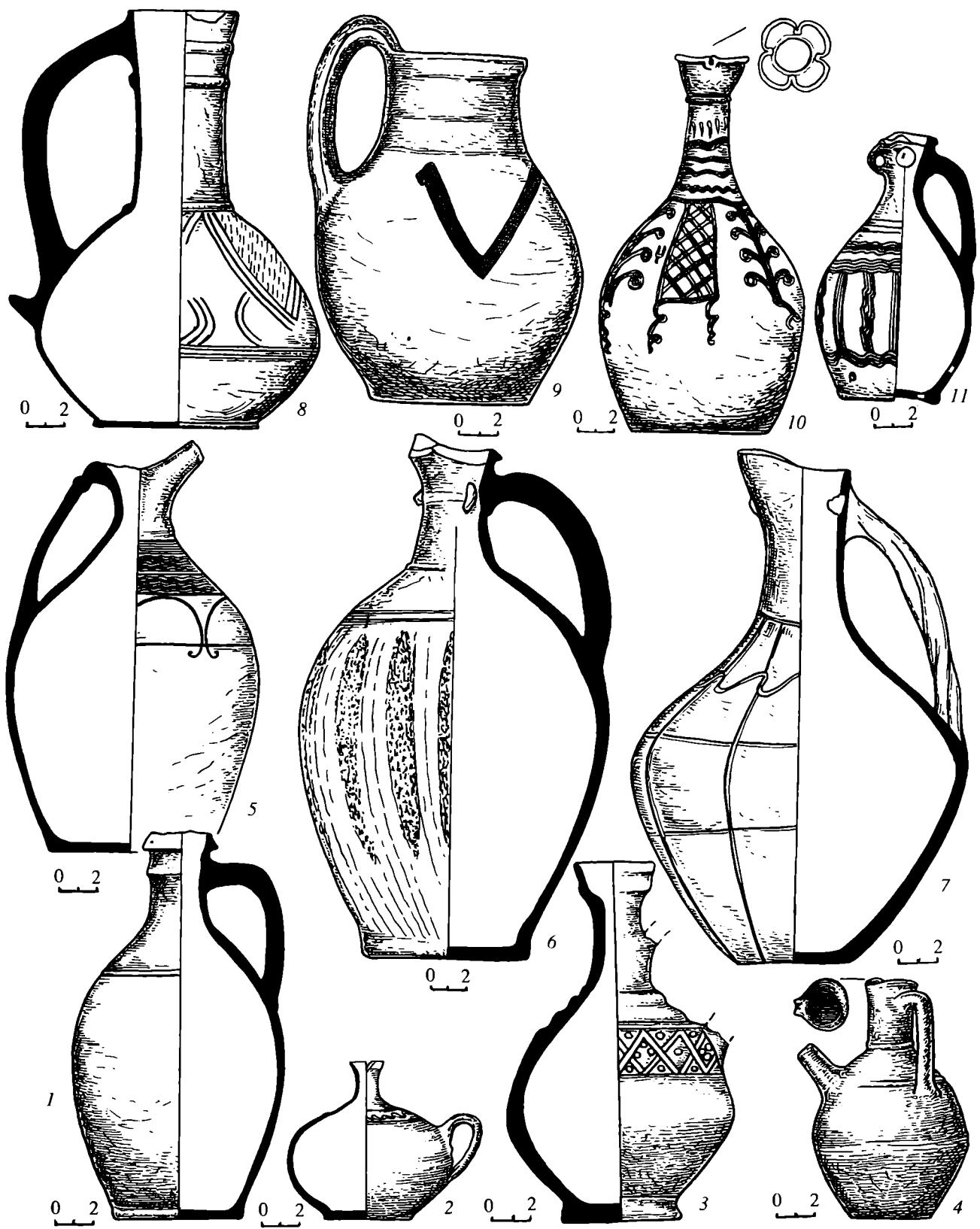

Таблица 128. Кухонная керамика, посуда для питья, вина, миски

Крупные горшки: 4 – Рустави IX–X вв.; 9 – Дманиси XI–XIII вв.; 13 – Рустави X–XII вв.; средние горшки: 15 – Рустави XII–XIII вв.; 17 – Рустави XI–XIII вв.; 21 – Мцхета XI–XII вв.; 23 – Рустави XI–XII вв.; мелкие горшки: 11 – Рустави XI–XII вв.; сосуды для хранения молочных продуктов: 10 – Уплисцихе XI–XIII вв.; Дманиси XI–XIII вв.; крышки от сосудов: 7 – Рустави; 16 – Рустави; 22 – Дманиси; посуда светлого обжига для пи-

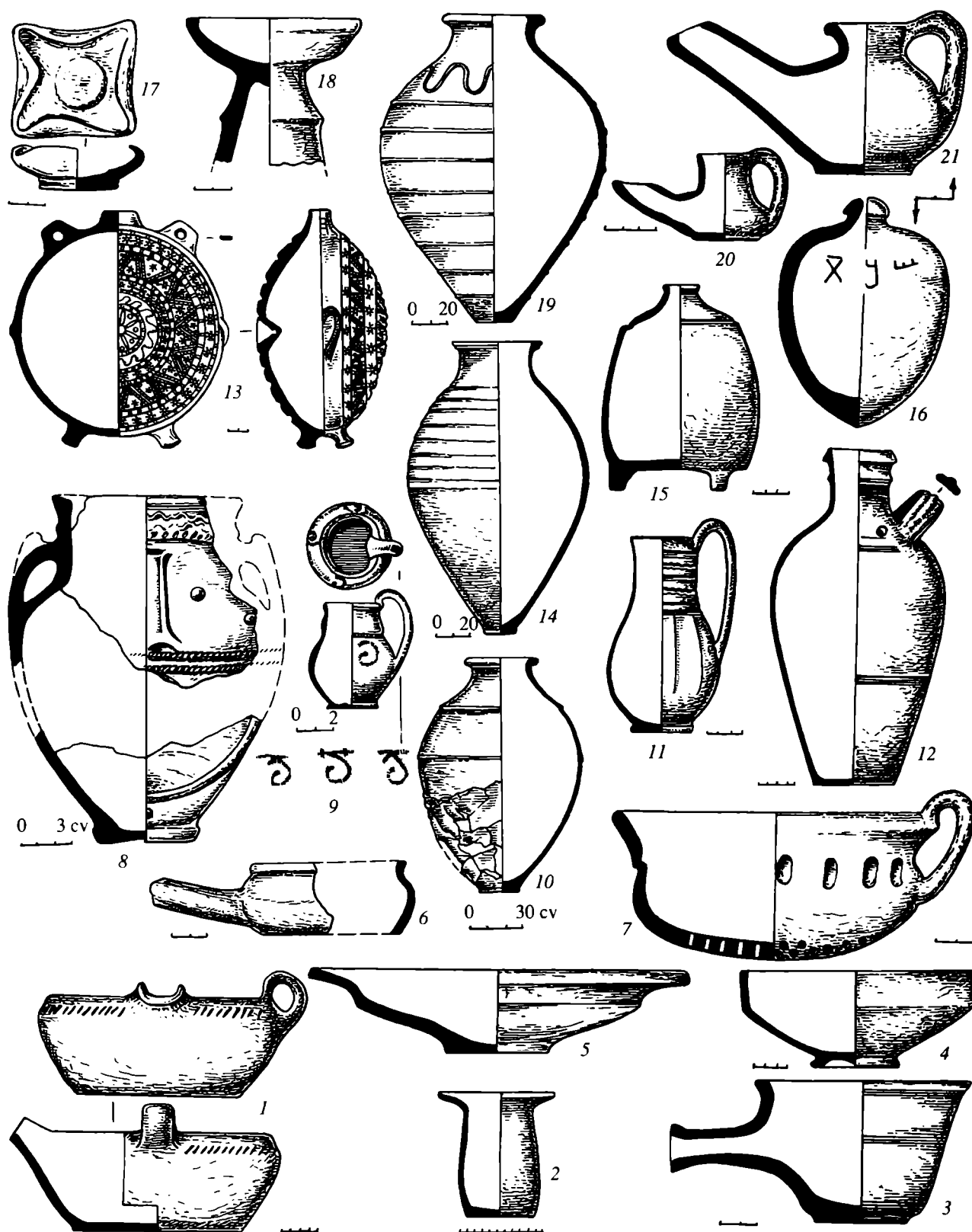
тья вина: 6 – Дманиси XI–XIII вв.; 8 – Жинвали XII–XIII вв.; 12 – Жинвали XII–XIII вв.; 14 – Сиони XI–XIII вв.; 19 – Тбилиси XI–XIII вв.; 20 – Уплисцихе XII–XIII вв.; 24 – Сиони XII–XIII вв.; 25 – Дманиси; 26 – Жинвали XII–XIII вв.; 27 – Сиони XII–XIII вв.; миски: 1 – XIII–XIV вв.; 2 – Жинвали XI–XIII вв.; 3 – пещеры на р. Иори IX–XI вв.; 5 – Уплисцихе XI–XIII вв. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 129. Столовая керамика. Кувшины

2 – Жинвали XI–XIII вв.; 4 – с. Трани Тианетского р-на XII–XIII вв.;
1 – Жинвали XII–XIII вв.; 6, 7 – Уплисцихе XI–XIII вв.; 3 – Рустави;
5 – Мцхета XII–XIII вв.; 8 – Жинвали XII–XIII вв.; 9 – Мцхета

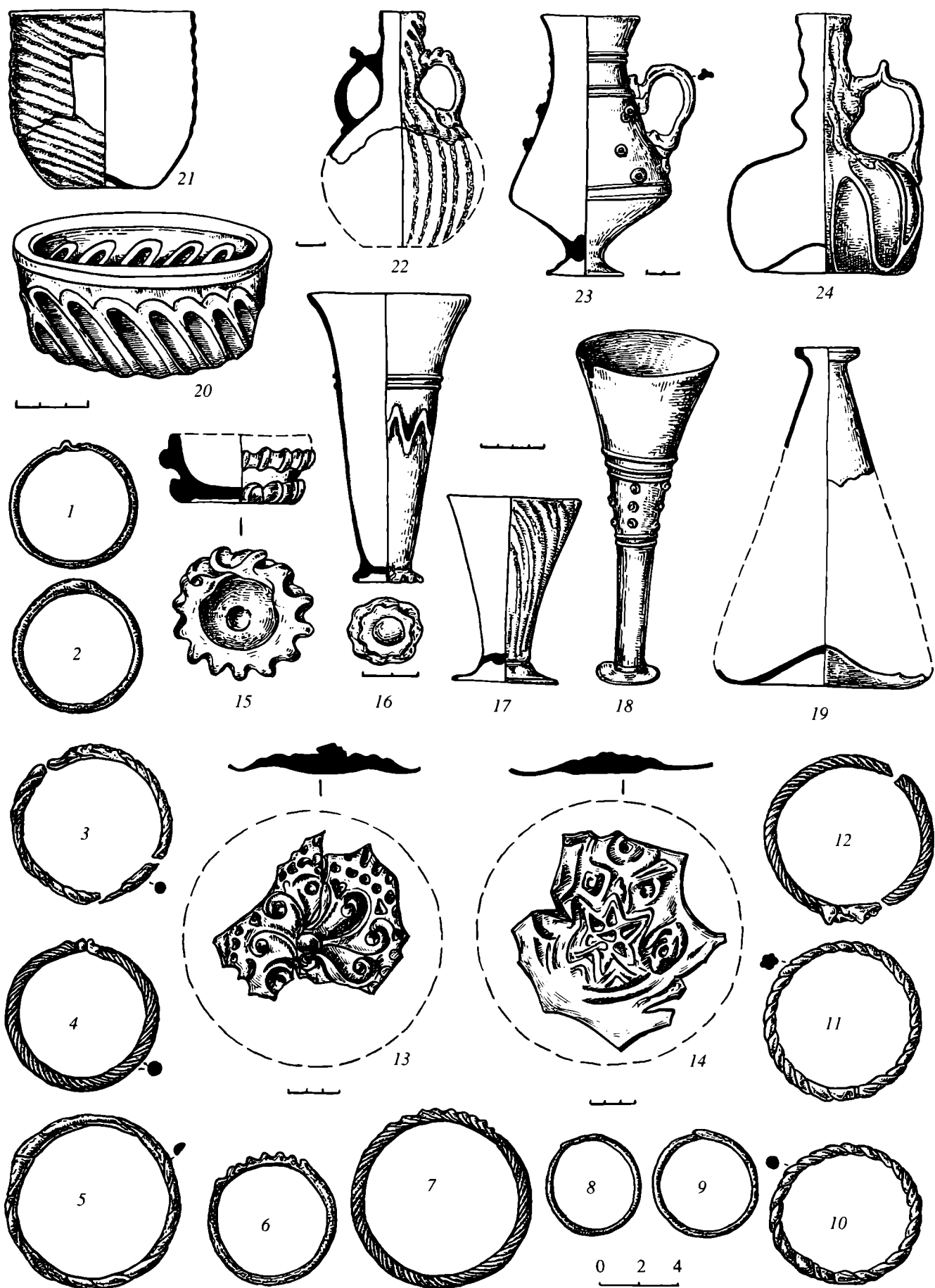
XII–XIII вв.; 10 – Мцхета XII–XIII вв.; 11 – Уплисцихе XII–XIII вв.
Составлена по материалам Р.М. Рамшвили

Таблица 130. Керамические сосуды разного назначения

1 – пещеры на р. Иори, бадья IX–XI вв.; 5 – блюдо XIII–XIV вв.; 3 – Рустави, ковш XI–XIII вв.; 4 – Дманиси, чаша XI–XII вв.; 2 – детский горшок для люльки XII–XIII вв.; 6 – Мцхета, солонка XI–XII вв.; 7 – Рустави, сосуд для процеживания XI–XIII вв.; 8 – Рустави, сосуд для хранения пищевых продуктов X–XII вв.; 9, 11 – Сиони, кувшинчики для вина XII–XIII вв.; 10 – Руставская крепость, сосуд для хранения вина XI–XIII вв.; 14, 19 – Рустави,

сосуды для хранения вина XI–XIII вв.; 12 – маслобойка IX–X вв. из Дманисской крепости; 13 – Рустави, баклажка XI–XIII вв.; 15 – Тбилиси, сосуд на трех ножках XI–XIII вв.; 16 – сосудик для плавки золота XI–XII вв.; 17 – Уплисцихе, светильник XI–XIII вв.; 18, 21 – Рустави, светильники IX–XI и XI–XII вв.; 20 – пещеры на р. Иори, светильник XI–XII вв. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 131. Стекланные изделия XI–XIII вв.

1–12 – стекланные браслеты; 13, 14 – образцы оконных стекл из Рустави; 15 – Рустави, солонка; 16, 23 – Рустави и Руставский могильник, сосуды для питья; 17 – Сиони на Иори, бокал; 18 –

Сиони, бокал; 20 – Тбилиси, чаша; 19 – Рустави, колба; 22, 24 – Рустави, флаконы. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

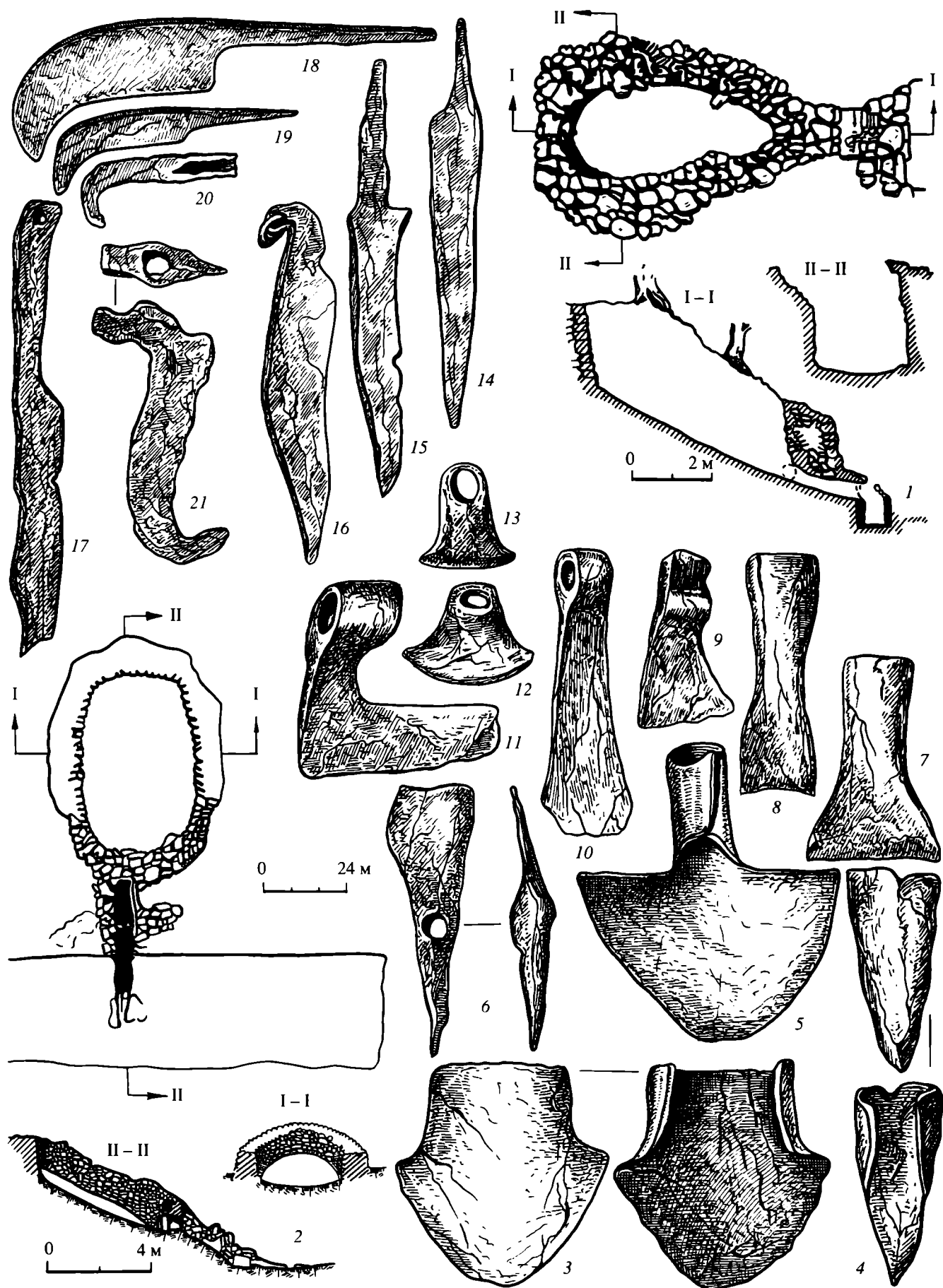
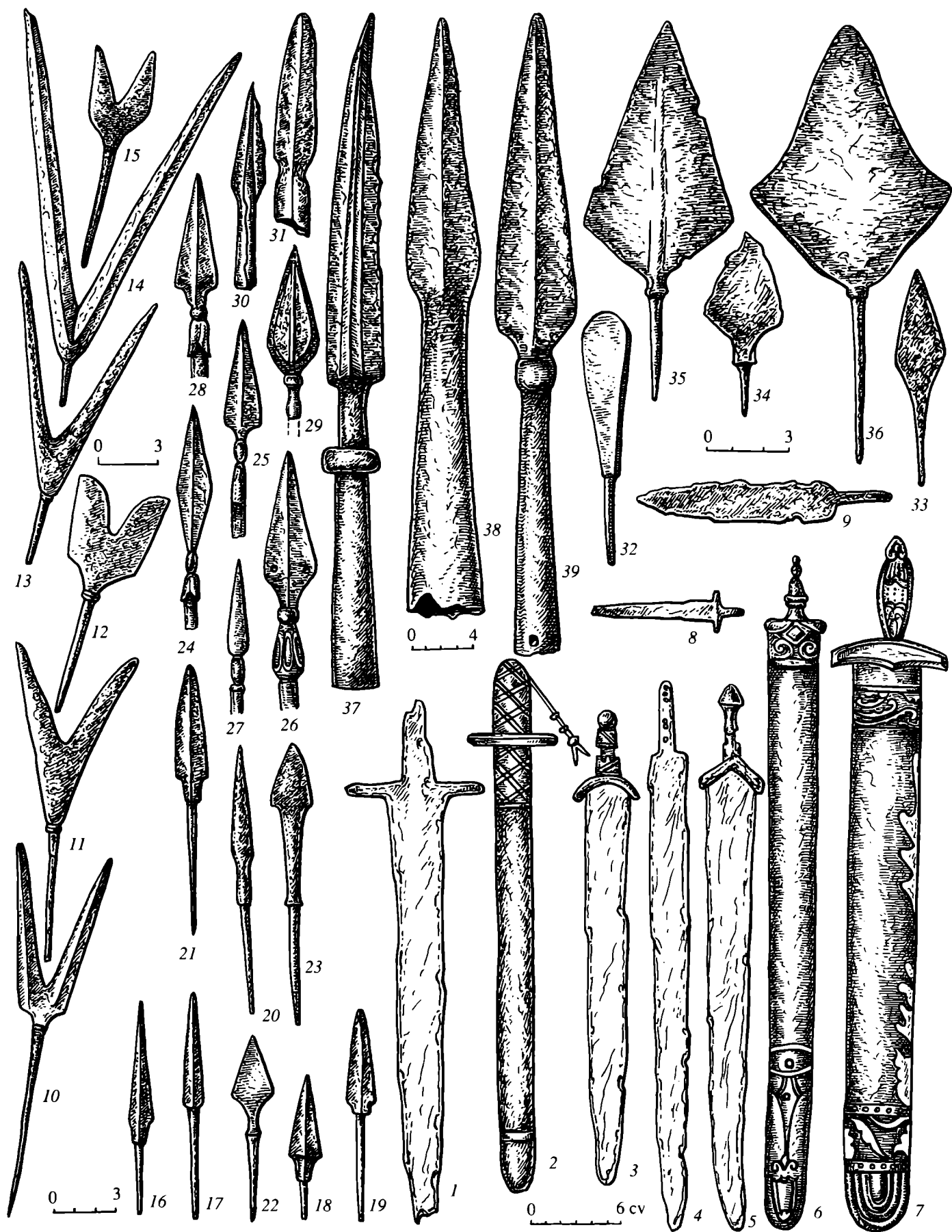

Таблица 132. Остатки железоплавильных печей и орудия труда X–XIV вв.

1 – план и разрез железоплавильной печи близ селища Гомбати; 2 – план и разрез печи в местечке Русасцаро; 3, 4 – лемехи; 5 – лопата; 6 – кирка; 7, 8 – мотыги; 9–11 – топоры; 12, 13 – же-

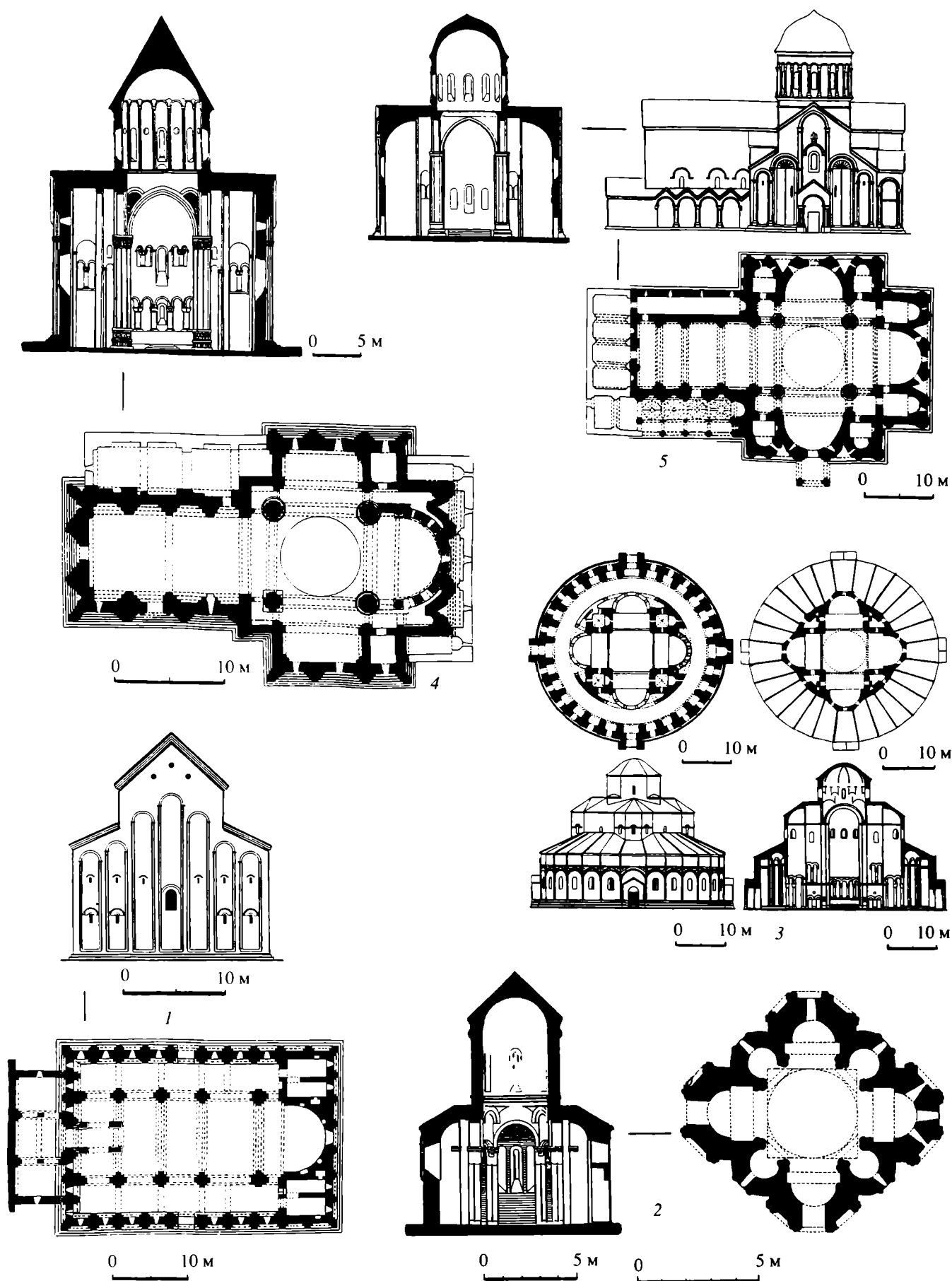
лезные ботала; 14, 15 – ножи; 16, 17 – бритвы; 18–20 – виноградные ножи; 21 – цалды. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 133. Предметы вооружения в Грузии X–XIII вв.

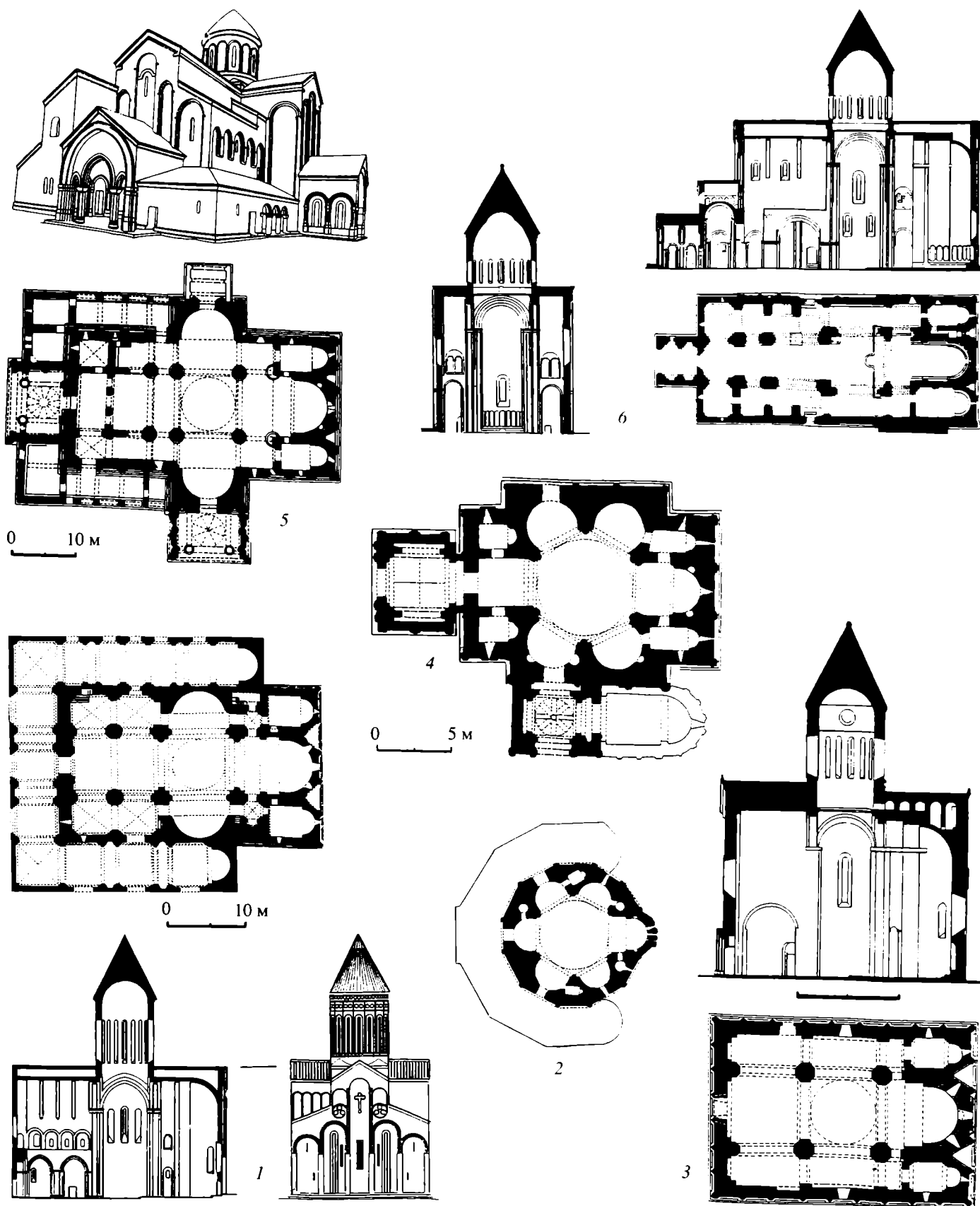
1–7 – мечи; 8, 9 – кинжалы; 10–36 – наконечники стрел; 37–39 – копья. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 134. Церкви X в.

1 – Отхта эклексиа, провинция Тао (ныне в Турции), на берегу р. Чорохи; 2 – Кветера; 3 – храм Бана (923 г.), провинция Тао, сел. Пеняк (ныне Турция); 4 – храм Ишхани, провинция Тао (в ап-

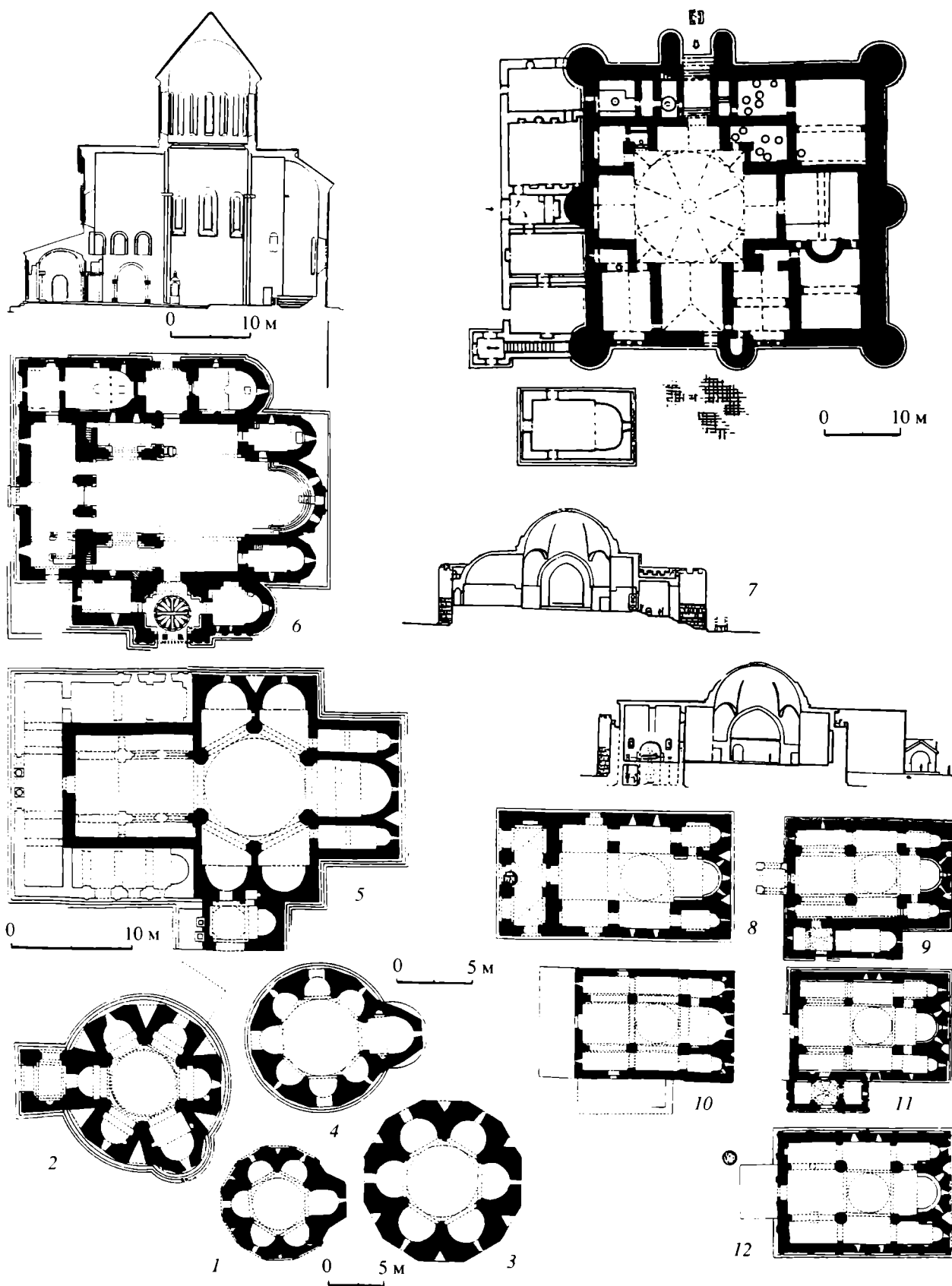
сиде храма колоннада относится к более раннему тетраконху – VII в.); 5 – храм Ошки (961 г.), ныне в Турции. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 135. Церкви XI в.

1 – храм Алаверди (1030 г.); 2 – храм Кацхи; 3 – храм Самтависи (1030 г.); 4 – храм Никорцминда, Амбролаурский р-н (1010–1014 гг.);

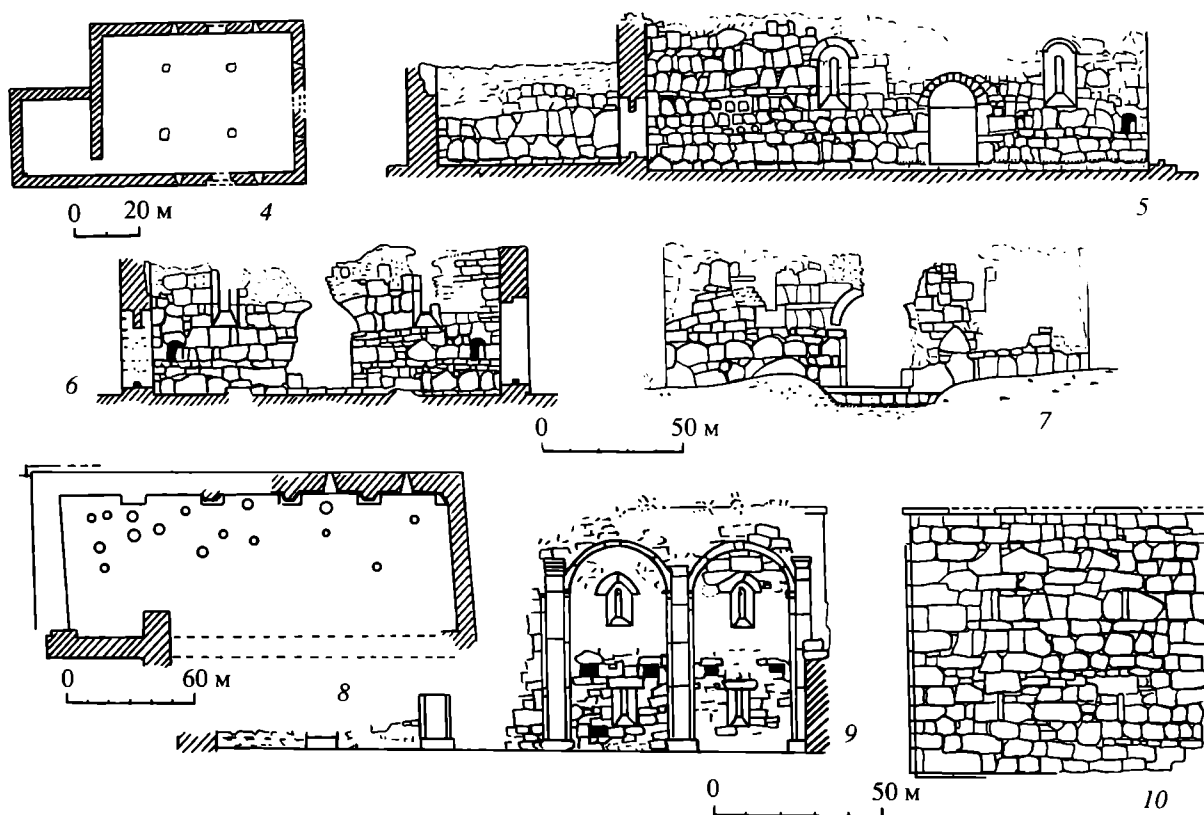
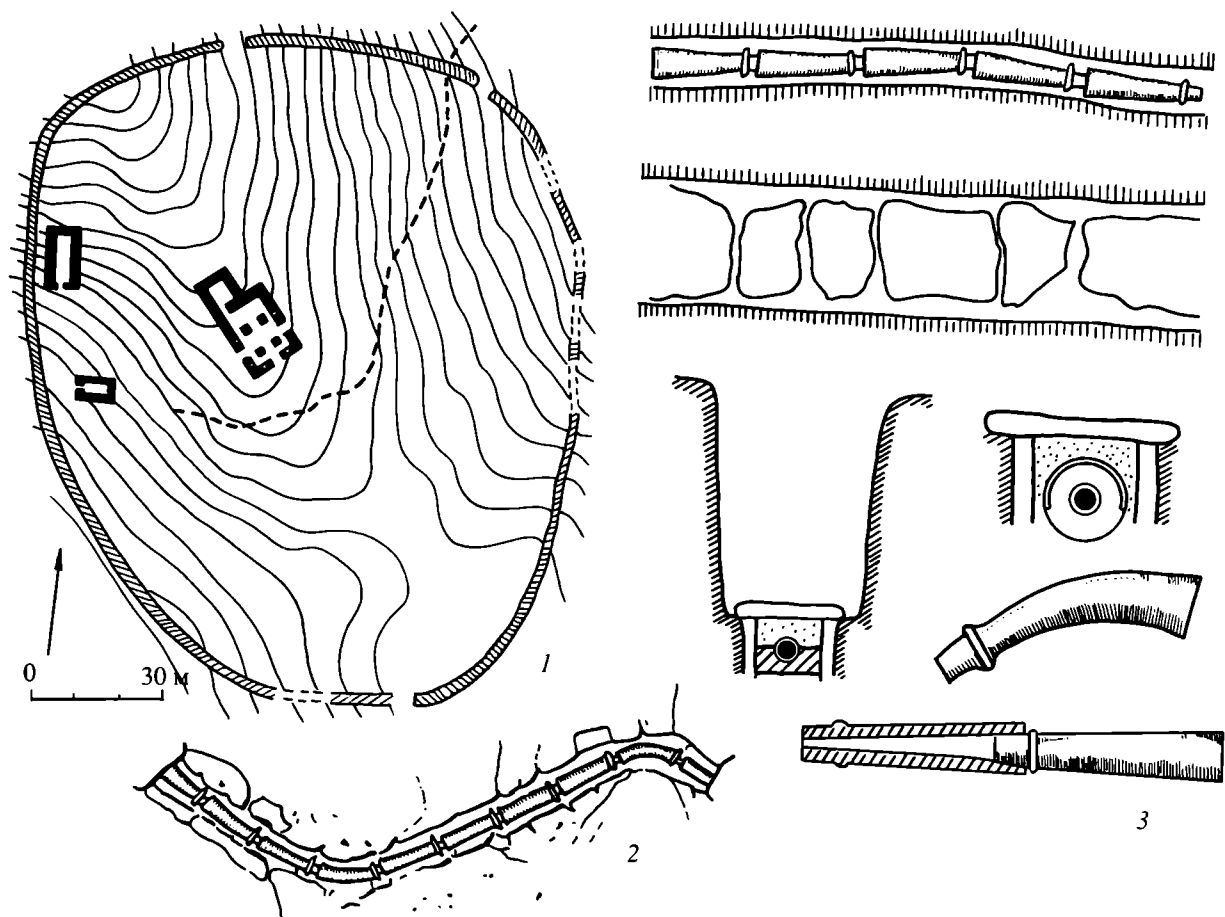
5 – Кутаиси, храм Баграта (1003 г.); 6 – Мцхета, храм Светицховели (1029 г.). Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 136. Постройки XI и XII вв.

Церкви с шестью апсидами: 1 – Олтиси; 2 – Бочорма; 3 – Гогуба (в Турции); 4 – Кягмис-Алты (в Турции); 5 – храм Кумурдо, Ахалкалакский р-н; 6 – Галати, храм Богоматери; 7 – Гугетский дворец Багратионов около Кутанси (XII в.); планы и разрезы. Группа цер-

квей с двумя свободно стоящими столбами: 8 – Кинцвиси; 9 – Кватахеви; 10 – Худжаби; 11 – Бетания; 12 – Икорга. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 137. Поселение Надарбазеви XII в.

1 – план дворца с оградой; 2 – трасса водопровода; 3 – водопроводные трубы и система проводки; 4 – схематический план дворца; 5–7 – фасировка его сохранившихся стен; 8 – схематический план

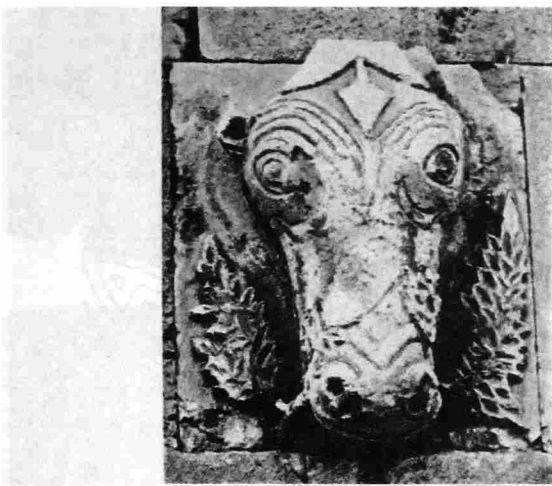
прямоугольного здания; 9, 10 – фасировка его стен. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 138. Перегородчатые эмали Грузии

1 – Спаситель на троне (вставка на кресте для святых мощей), XI в.; 2–9 – медальоны с Хобской иконы Богоматери, XII в. Составлена Р.М. Рамишвили

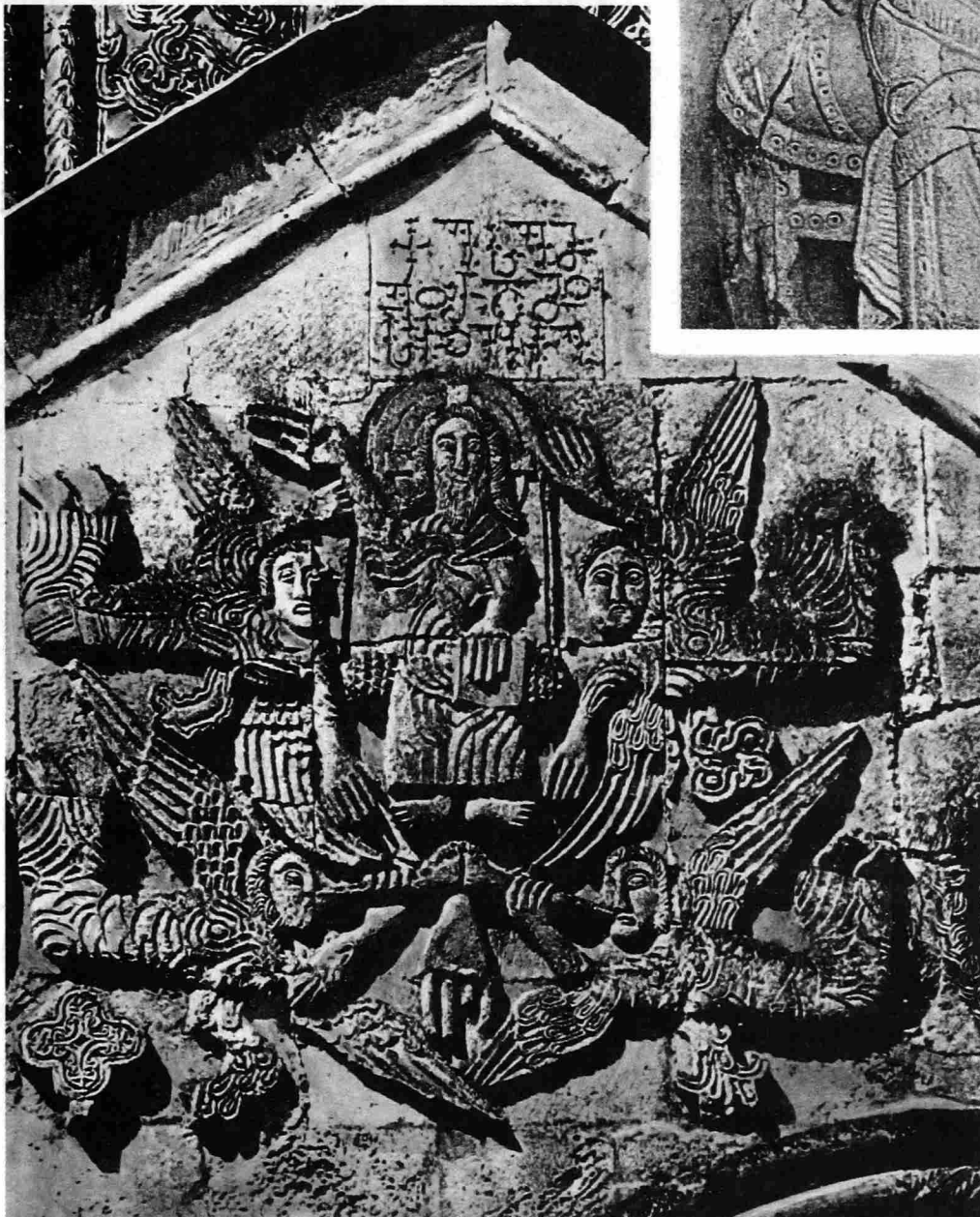

3

2

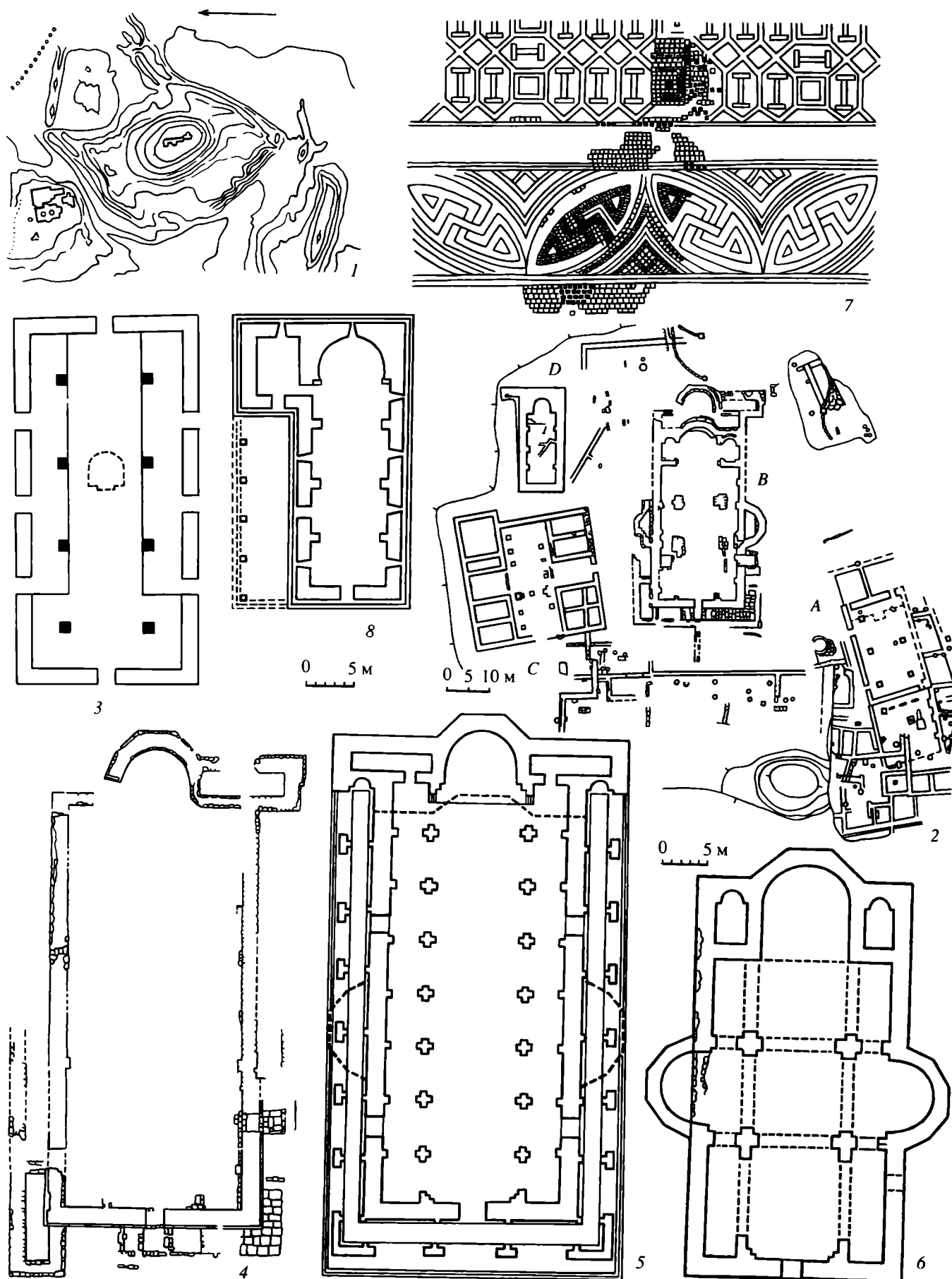
1

Таблица 139. Резной камень в Грузии XI в.

1 – “Второе пришествие” – композиция на южном фасаде храма в Никорцминде; 2 – изображение ангела на алтарной преграде в монастыре Шиомгвиме; 3 – изображение головы быка на восточ-

ном фасаде храма Светицховели. Составлена по материалам Р.М. Рамишвили

Таблица 140. Архитектурные памятники Двина

1 – план цитадели и центрального квартала; 2 – план центрального квартала: А – дворец каталикоса V в., В – кафедральный собор IV–IX вв., С – дворец каталикоса VII в., D – одностефанная базилика; 3 – план колонного зала IV в. (по Г. Кочояну); 4 – план трехнефной

базилики IV–V вв. (по К.Г. Кафарьяну); 5 – план трехнефной базилики IV–V вв.; 6 – план кафедрального собора VII в.; 7 – фрагмент мозаичного пола кафедрального собора VII в.; 8 – одностефанная церковь IV–VI вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 141. Скульптурные памятники Двина, Аруча, Звартноца

1, 2 – капители из Аруча VII в.; 3 – капитель от стелы из Двина V–VI вв.; 4 – капитель из Двина VII в.; 5 – каменный крест из Двина VI в.; 6, 7 – архивольты с изображениями мастеров из

Звартноца VII в.; 8 – боковая сторона капители из Двина VII в.; 9, 11 – базы из Двина V–VII вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

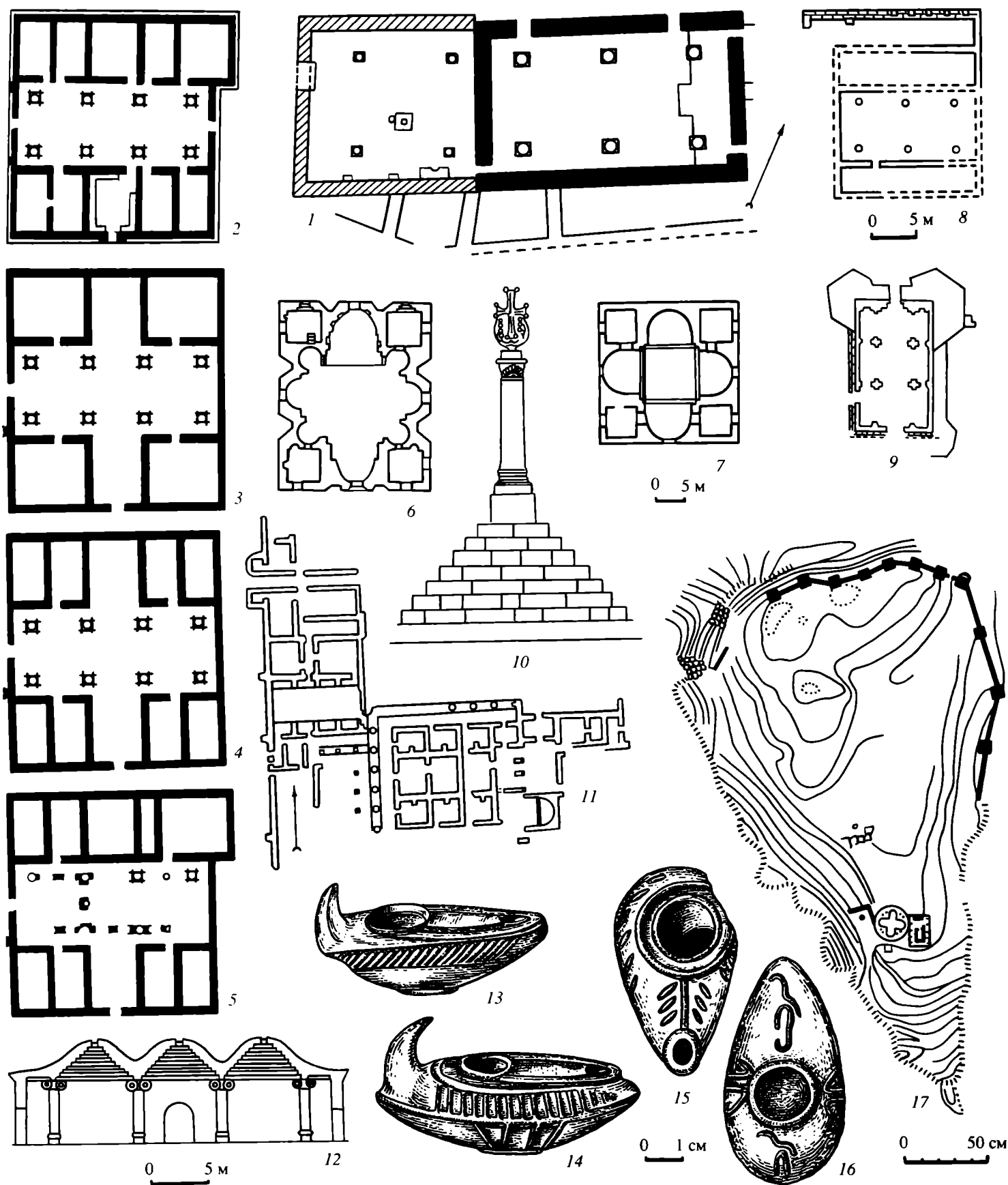

Таблица 142. Монументальное строительство в городах Армении V-VII вв.

1 – Двин: план дворца каталикоса V в. и храма огнепоклонников VI в. (по Г.К. Кочояну); 2–5 – план дворца каталикоса (по К.Г. Кафадаряну); 6 – Эчмиадзин: церковь Рипсимэ VII в.; 7 – Эчмиадзин: кафедральный собор IV–V вв. (по Т. Тороманяну); 8 – Аруч: план дворца VII в.; 9 – Аруч: план дворца V в.;

10 – Вохчаберд: стела V–VI вв. (по Н.М. Токарскому); 11 – Звартноц: план дворца VII в.; 12 – Двин: продольный разрез дворца VII в. (по В. Арутюняну); 13–16 – Двин: светильники V–VII вв.; 17 – план крепости Гарни. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

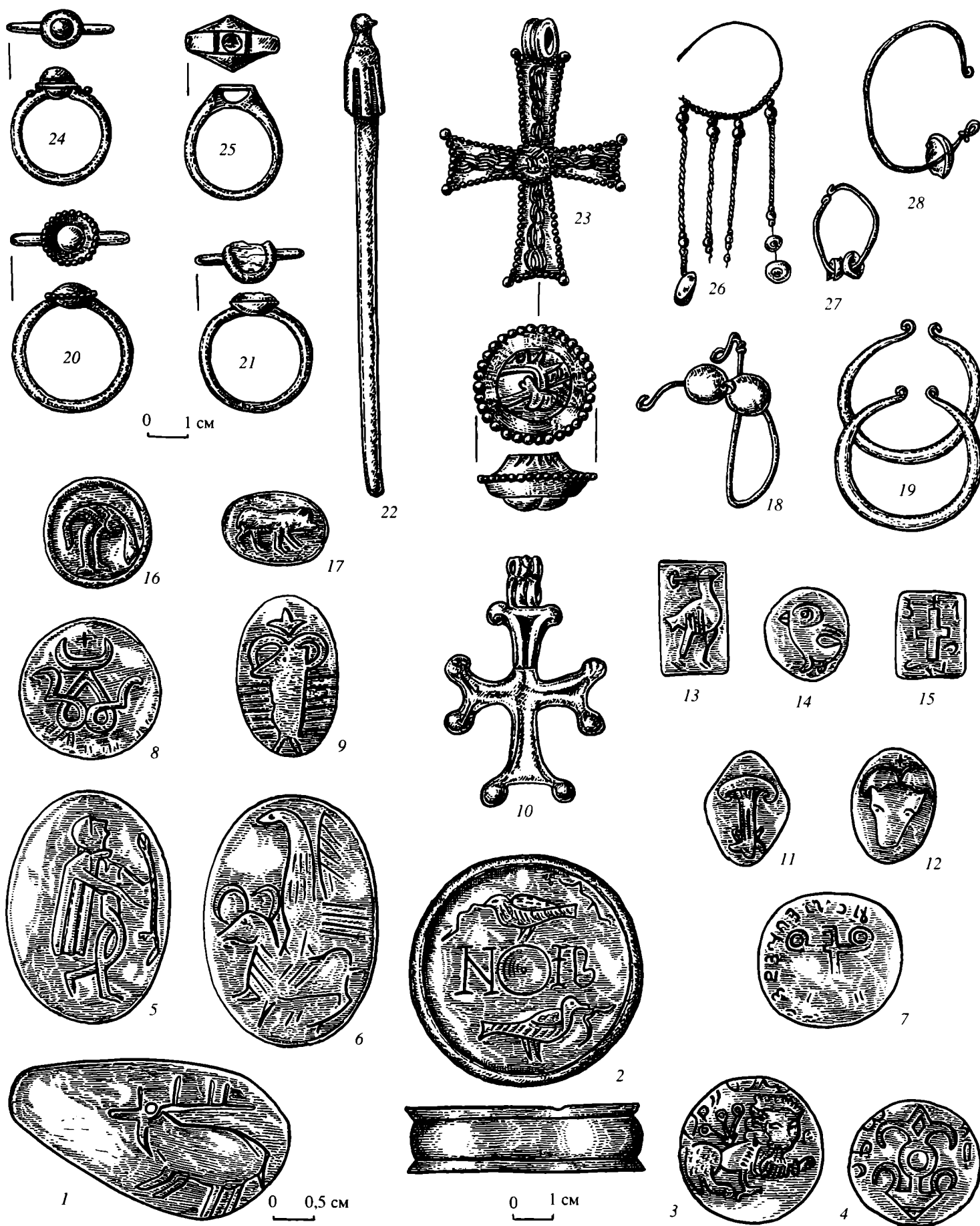

Таблица 143. Двин IV–VII вв. Вещи из металла, камня, оттиски на буллах

1, 3 – 5, 7, 11–14, 15 – оттиски печатей на глиняных буллах; 2 – византийская бронзовая гиря V–VI вв.; 6, 8, 9, 16, 17 – геммы из сердолика, агата, гешира IV–VII вв.; 10 – серебряный крест VII в.;

23 – золотой крест с геммой VII в.; 18, 22, 26–28 – медные украшения V–VII вв.; 19–21, 24–25 – серебряные украшения VII в. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

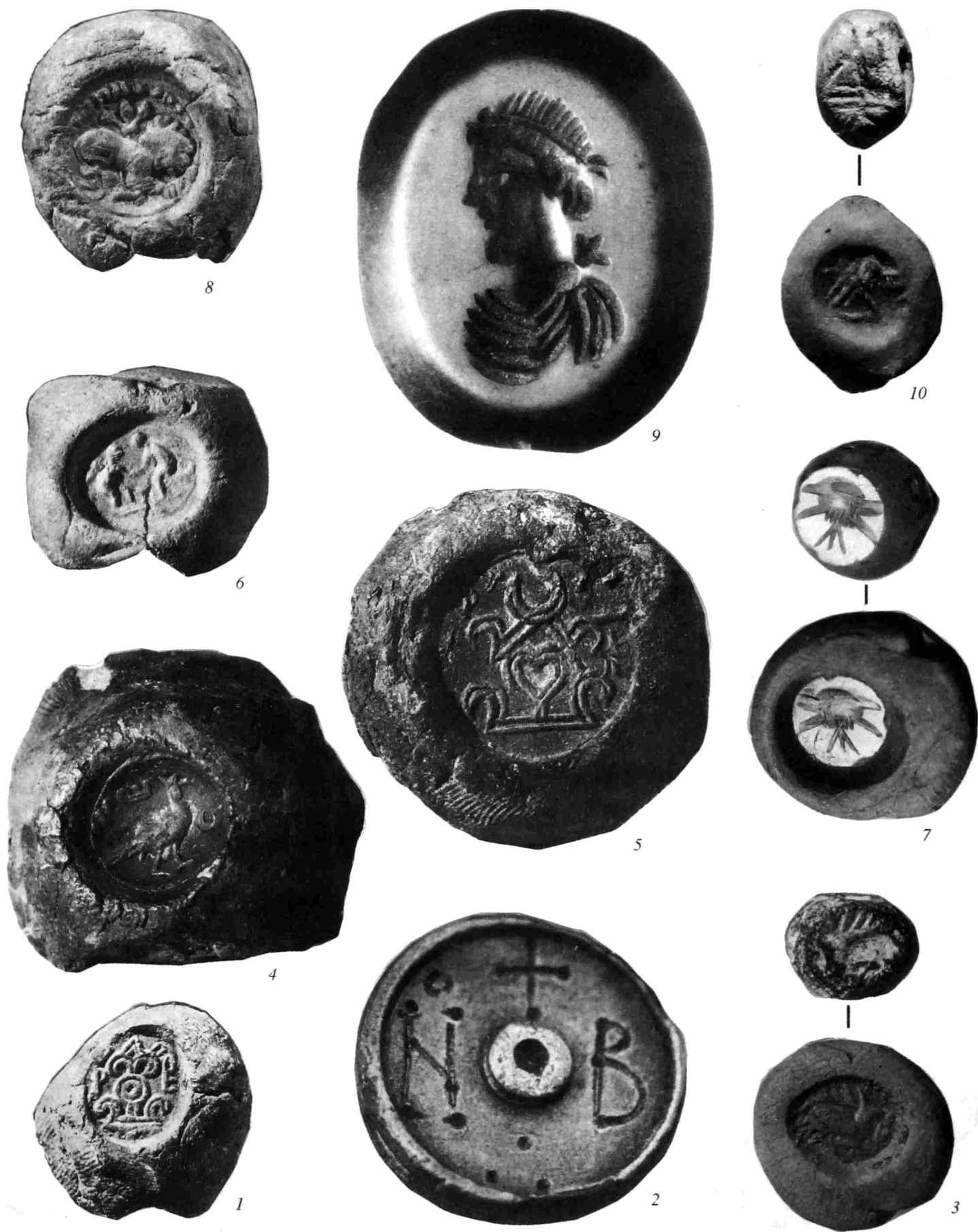
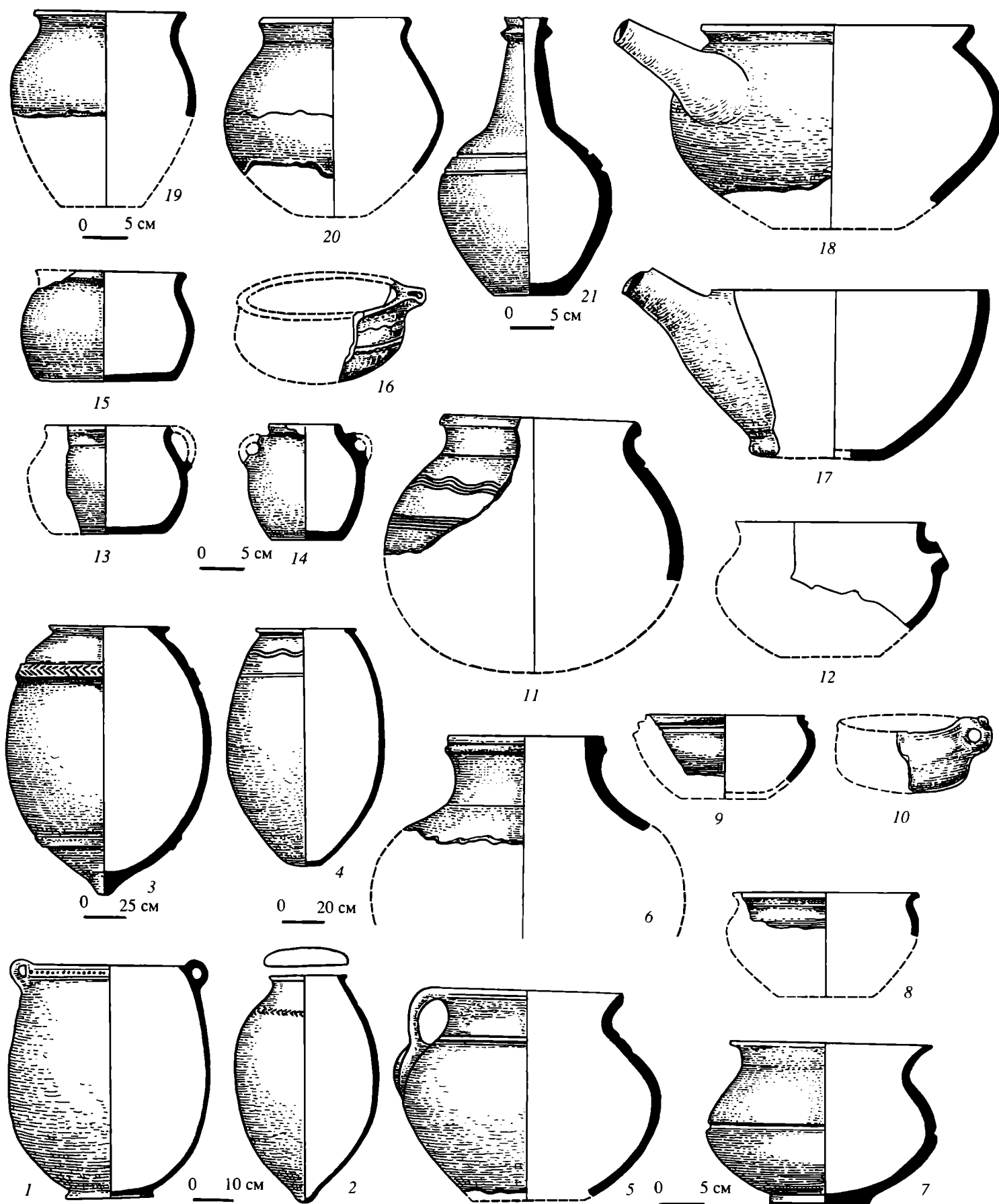

Таблица 144. Двин. Глиняные буллы, геммы, бронзовая гиря

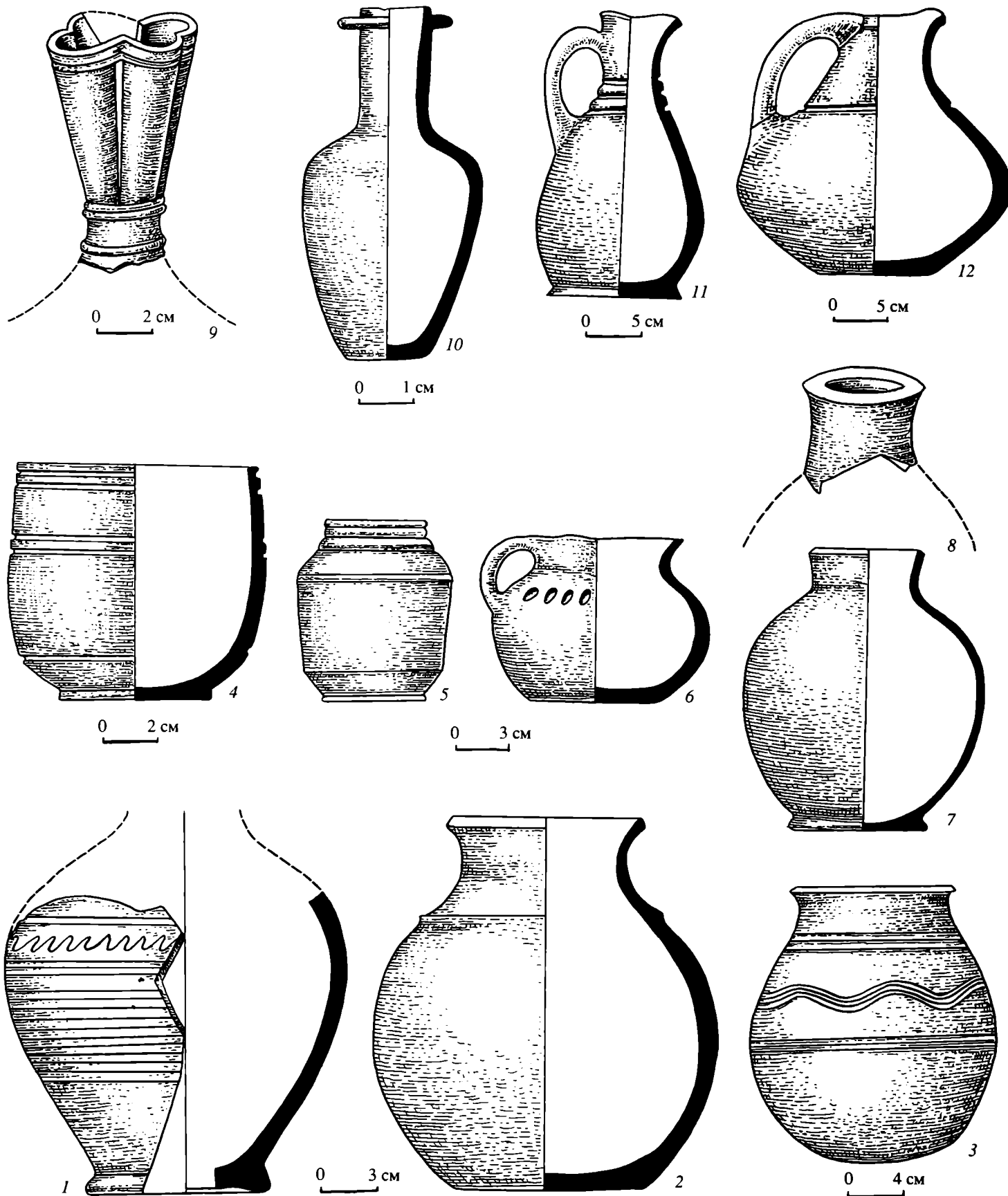
1, 4 - 6, 8 - глиняные буллы V-VII вв.; 9 - гемма из гешира III-IV вв.; 2 - византийская бронзовая гиря V-VI вв.; 3, 7, 10 -

буллы из Джервежа V-VI вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 145. Керамика Айгевана и Двина

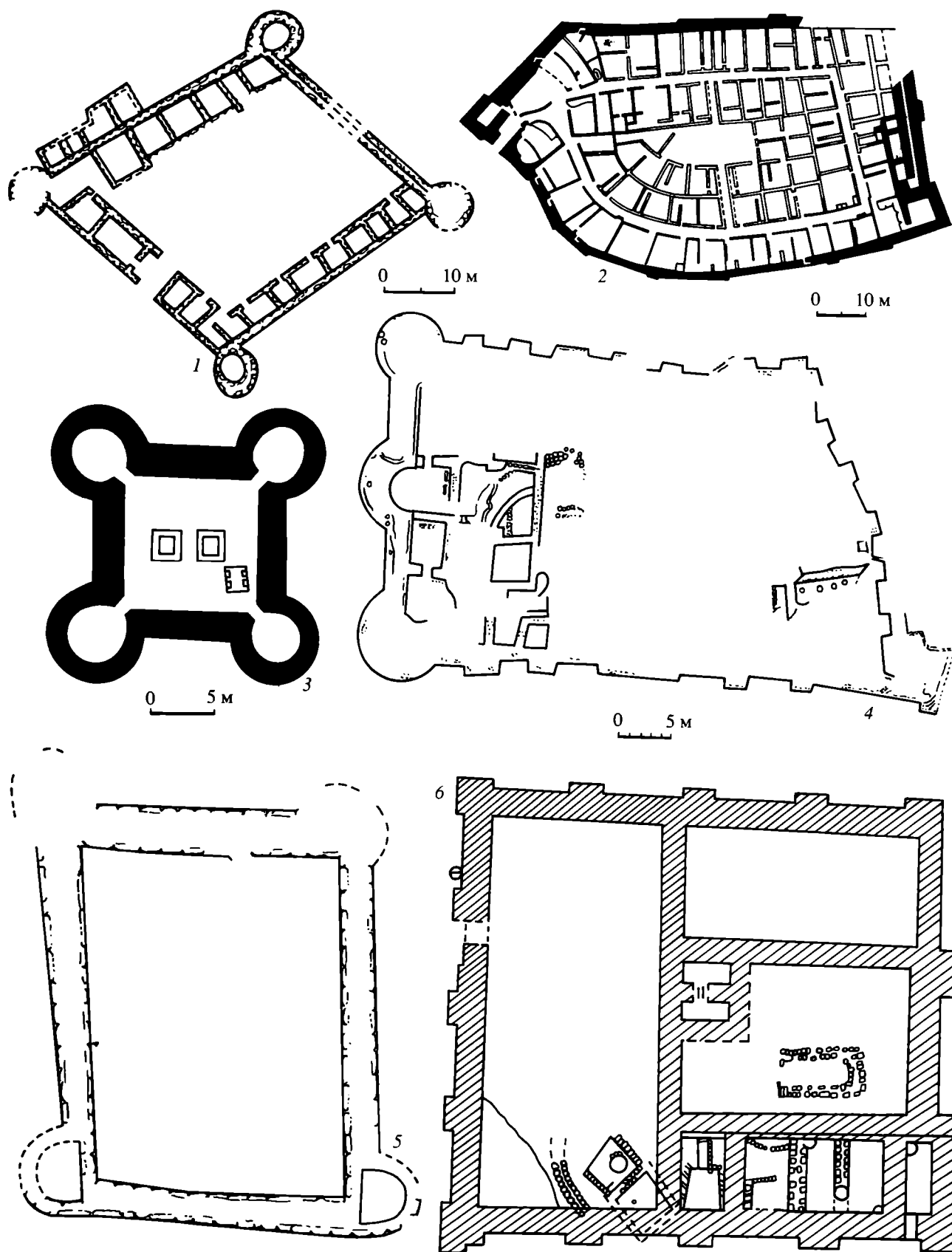
1–20 – из Айгевана IV–VII вв.; 21 – из Двина V–VII вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 146. Керамика Двина и Ацавана

2, 4, 6, 9, 10-12 – керамика из Двина; 1, 5, 7, 8 – поливные сосуды из Двина V-VII вв.; 3 – горшок из Ацавана. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

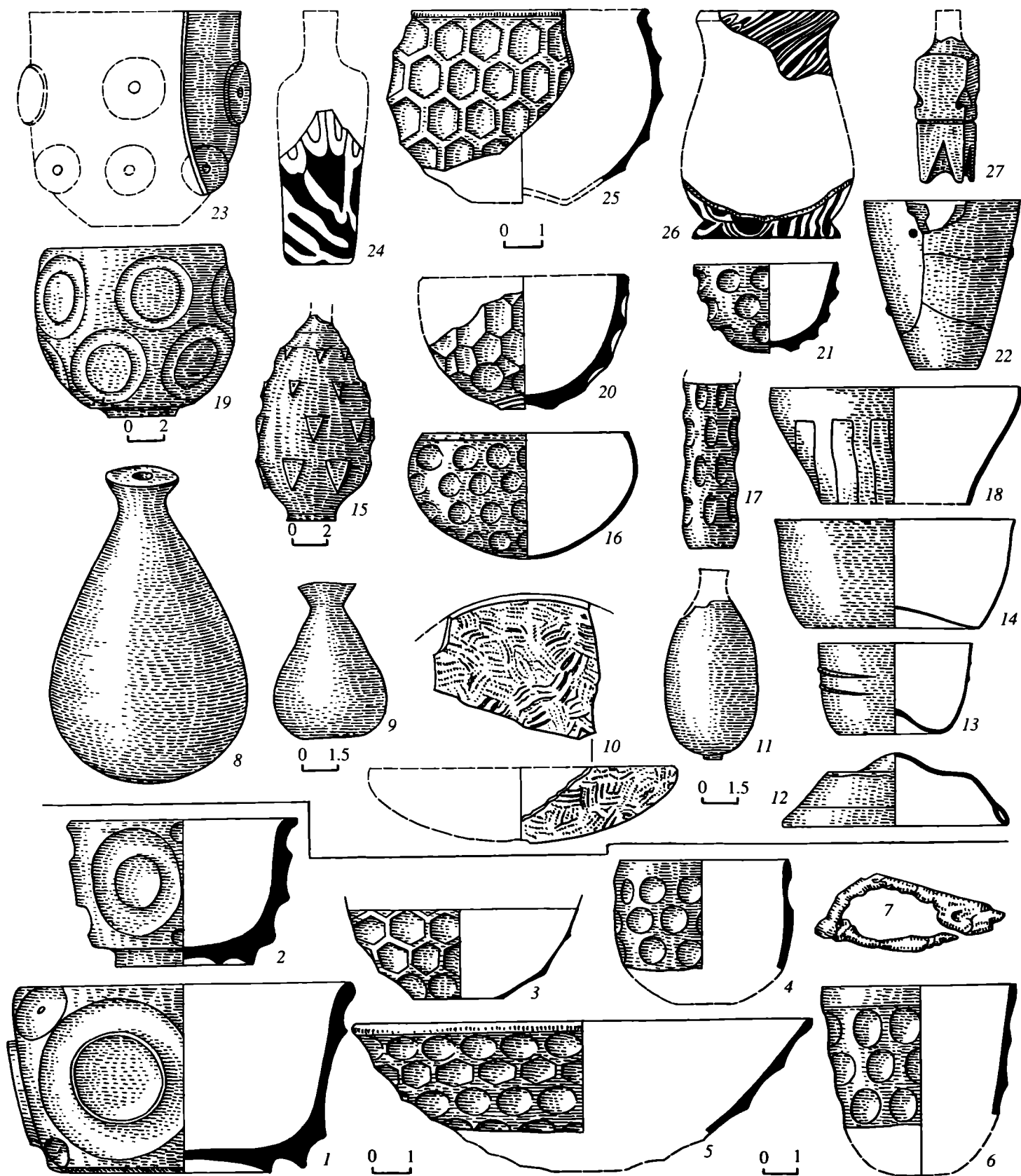

Таблица 147. Крепости III–VII вв.

1 – Ернджатап, план цитадели V–VI вв.; 2 – Катнахшюр (Закари берд), план поселения-крепости V–VII вв.; 3 – Варденут, план крепости III–V вв.; 4 – Ацаван, план крепости; 5 – Кош, план крепости

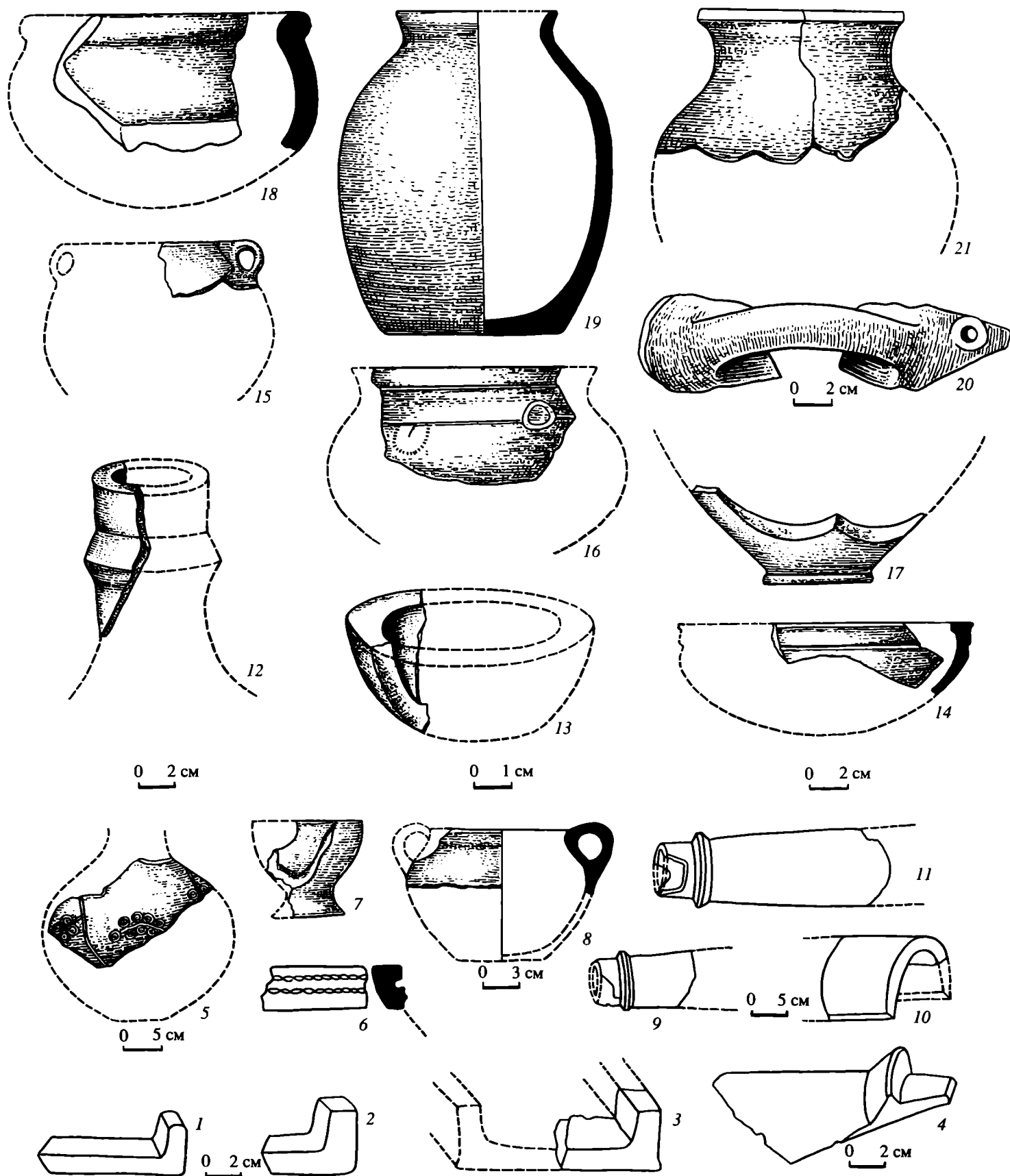
IV–V вв.; 6 – Ошакан, план крепости Диди-Конд. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 148. Стекланные сосуды Двина и Ацавана

1, 5, 6 – сосуды шлифованного стекла из Ацавана V–VII вв.; 7 – датирующая сосуда железная фибула из Ацавана VI в.; 8–11, 15–17,

20–27 – стекланные сосуды из Двина V–VIII вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 149. Керамические изделия из Диди-Конда и Ахца

1-11 – обломки сосудов и черепицы из Ахца IV-VI вв.; 12-21 – обломки сосудов и черепицы из крепости Диди-Конд IV-VI вв.
Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 150. Орнаментированные кирпичи и ампула

1, 3, 7-10 – кирпичи из Ахца IV в.; 2, 4, 6 – кирпичи из Кохба VII в.;
5 – кирпичи из Паша-геха VII в.; 11 – ампула св. Андрея из Двина
V-VI вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

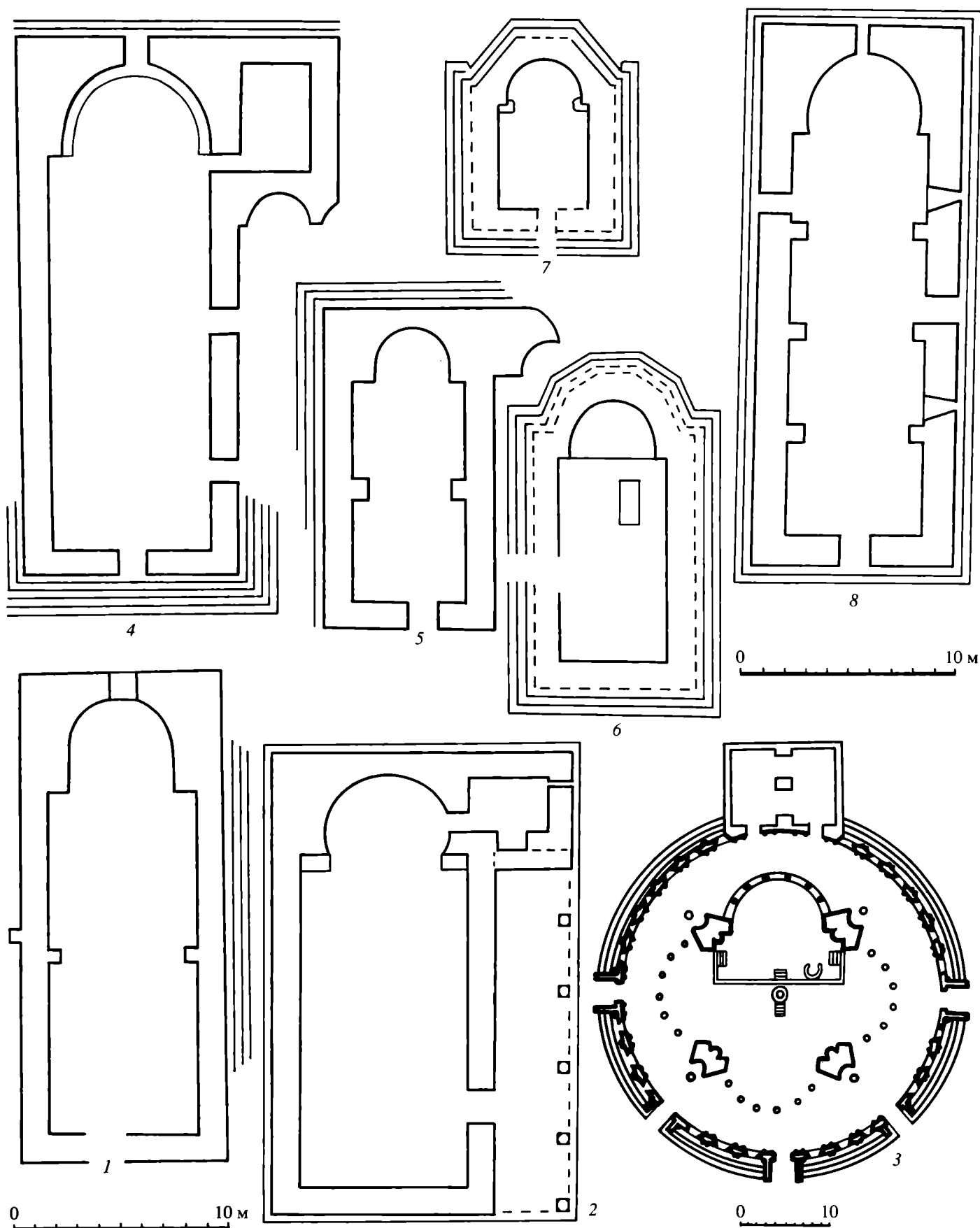

Таблица 151. Планы однефных церквей Армении IV–VI вв.

1 – Аван (Аштаракский р-н); 2 – Танаат; 4 – Егвард; 5 – Эчмиадзин; 6 – Джервеж; 7 – Вохчаберд; 8 – Ширванджух; 3 – Звартноц;

план круглого храма VII в. (по Т. Тораманяну). Составлена по материалам А.А. Калантаряна

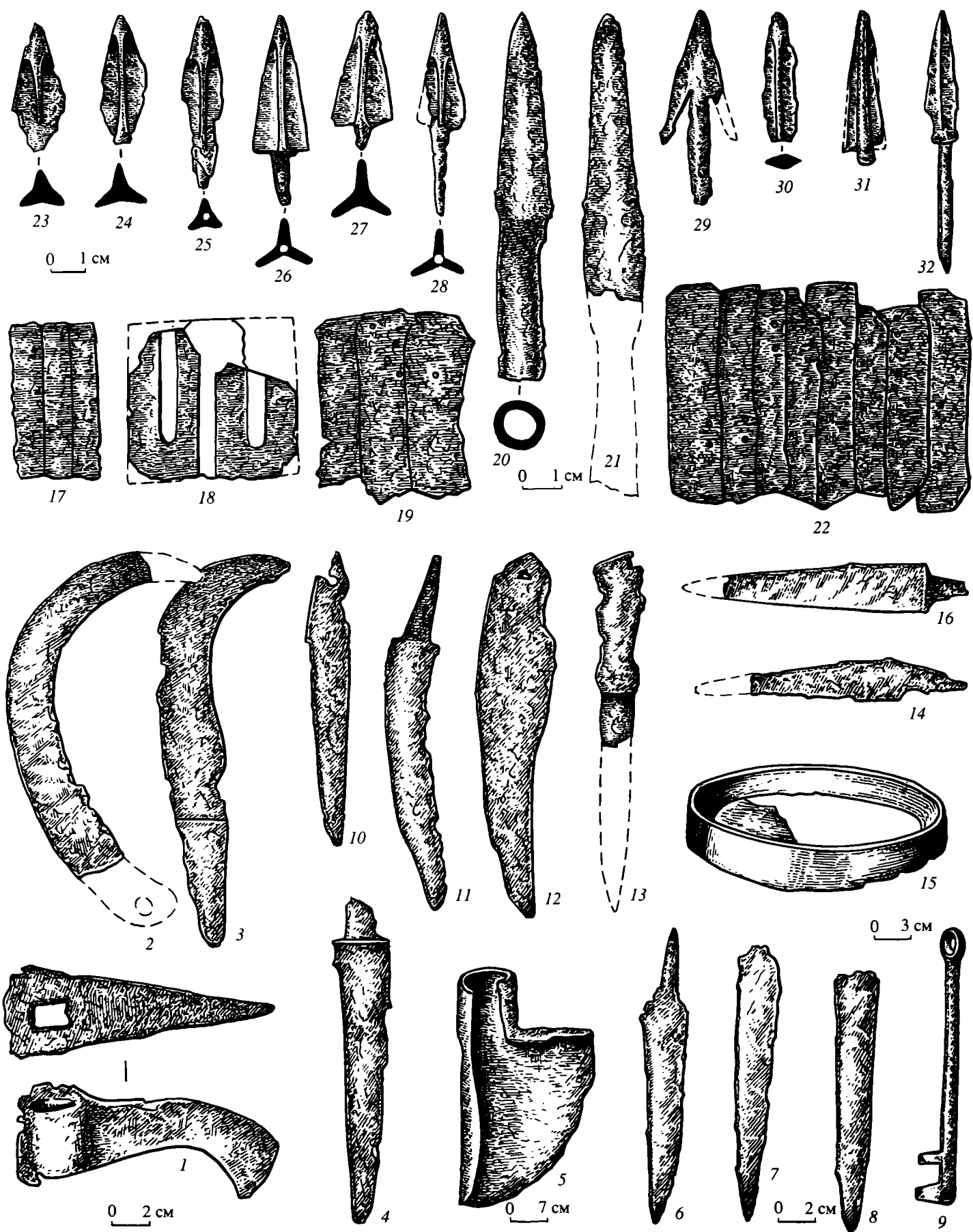

Таблица 152. Железные орудия труда, наконечники стрел и копья, панцирные пластины

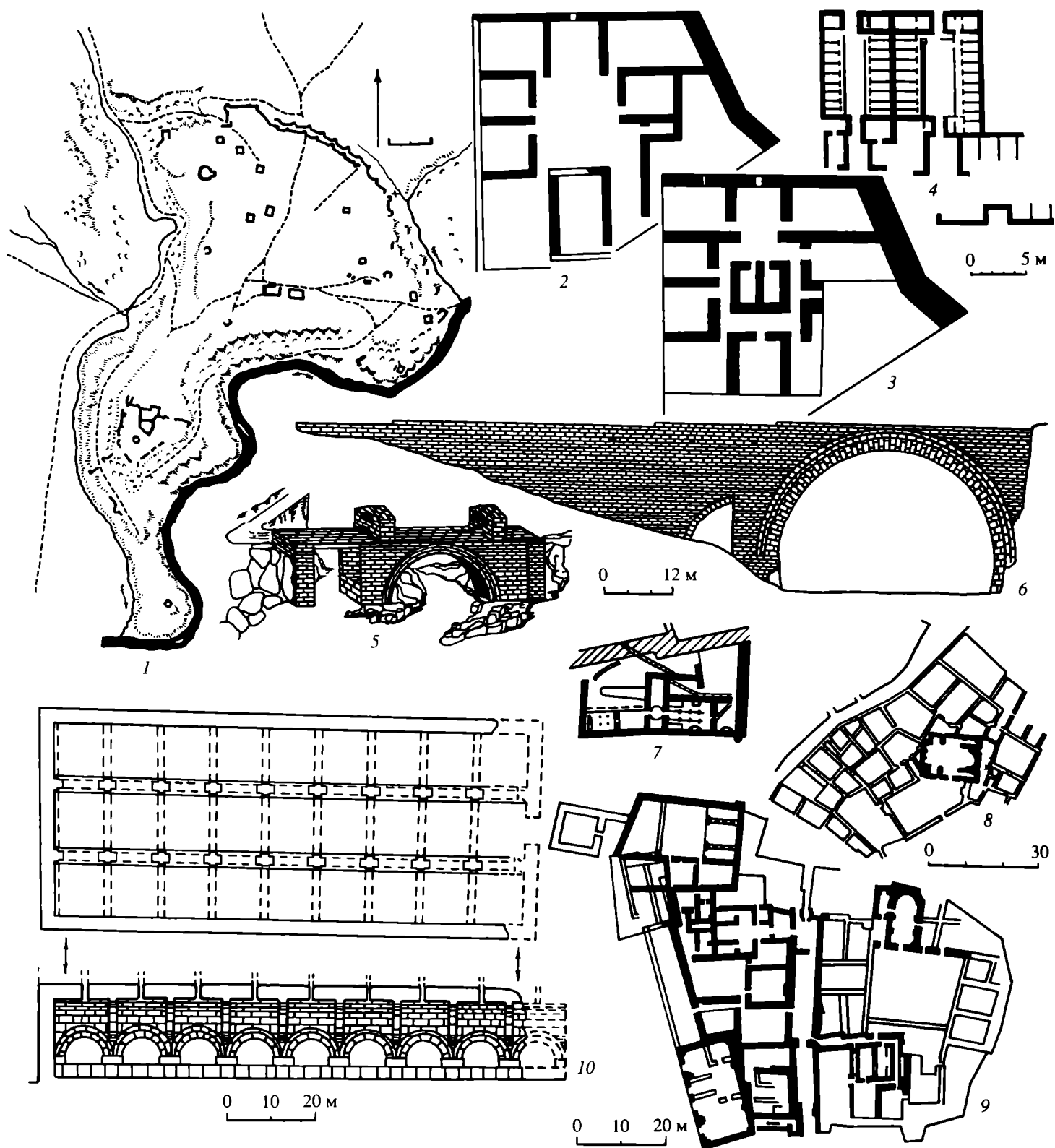
1-15, 17-19, 21, 26-32 – Двин V-VII вв.; 22 – Айгеван IV-VI вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

Таблица 153. Художественное серебро VI-VII вв.

3, 4 – серебряные ложечки из Двина VII в.; 1, 2, 5–7 – блюда и ложечки из Новобаязетского клада VI-VII вв. Составлена по материалам А.А. Калантаряна

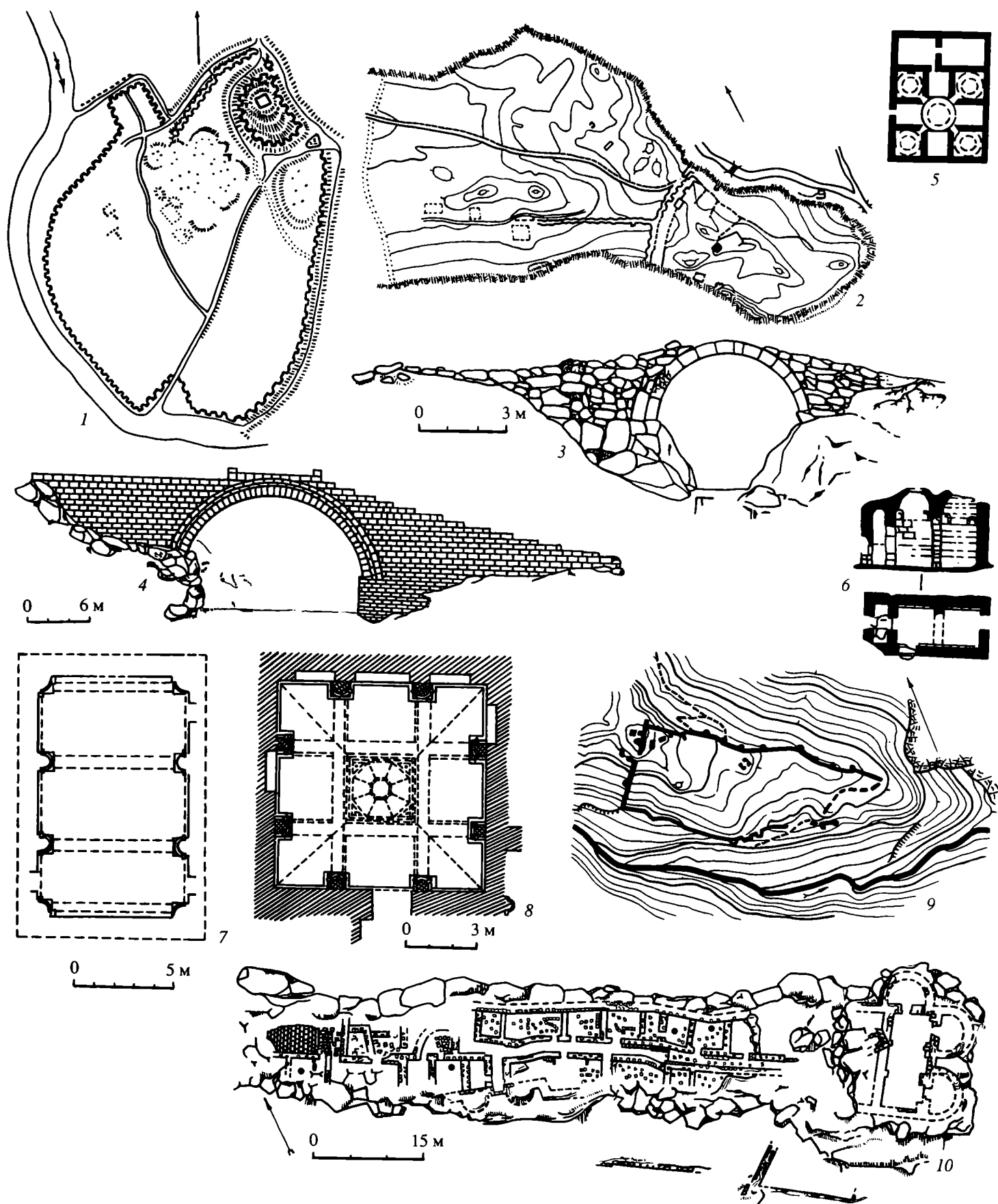

Таблица 154. Ани. Строительство X–XIII вв.

1 – план городища Ани XIII в.; 2, 3 – план нижнего и верхнего этажей дворца “Парона” (Захаридов) в Ани XIII в.; 4 – Караван-сарай (торговый дом) в Ани XIII в.; 5, 6 – Анийские мосты на реке Ахурия X–XI вв.; 7 – план бани в Ани XI в.; 8 – план одного из город-

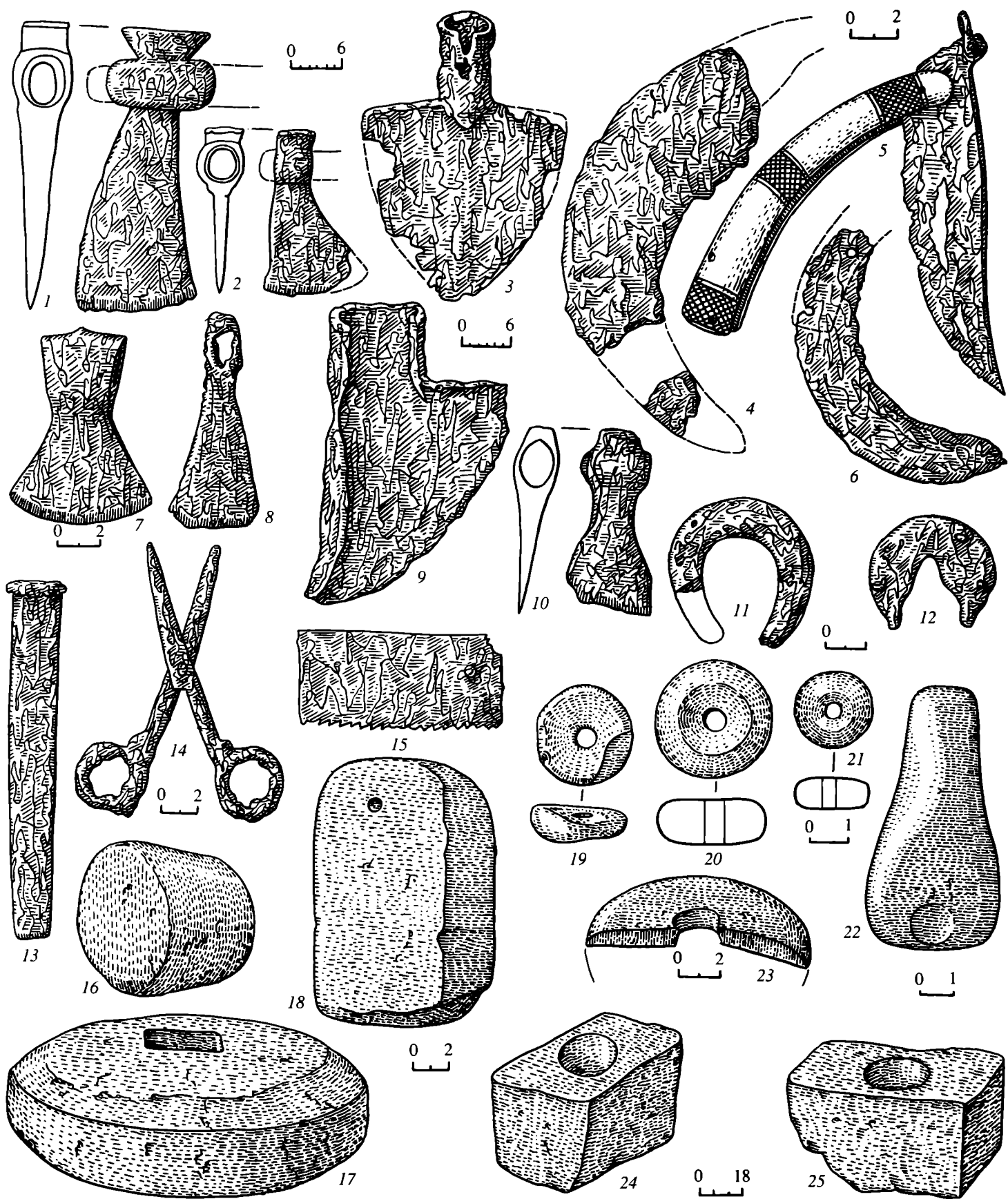
ских кварталов Ани; 9 – план дворца Багратидов в Ани X–XI вв.; 10 – план и разрез караван-сарая возле Ани XI в. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

Таблица 155. Строительство X–XIII вв.

1 – план городища Двин XII–XIII вв.; 2 – план городища Лоре XI в.; 3 – мост на р. Мисхана у г. Лоре XII в.; 4 – Санаинский мост на р. Дебед XII в.; 5 – план бани на г. Лоре XII в.; 6 – план и разрез бани в крепости Анберд XI в.; 7 – план трапезной монастыря Техенис

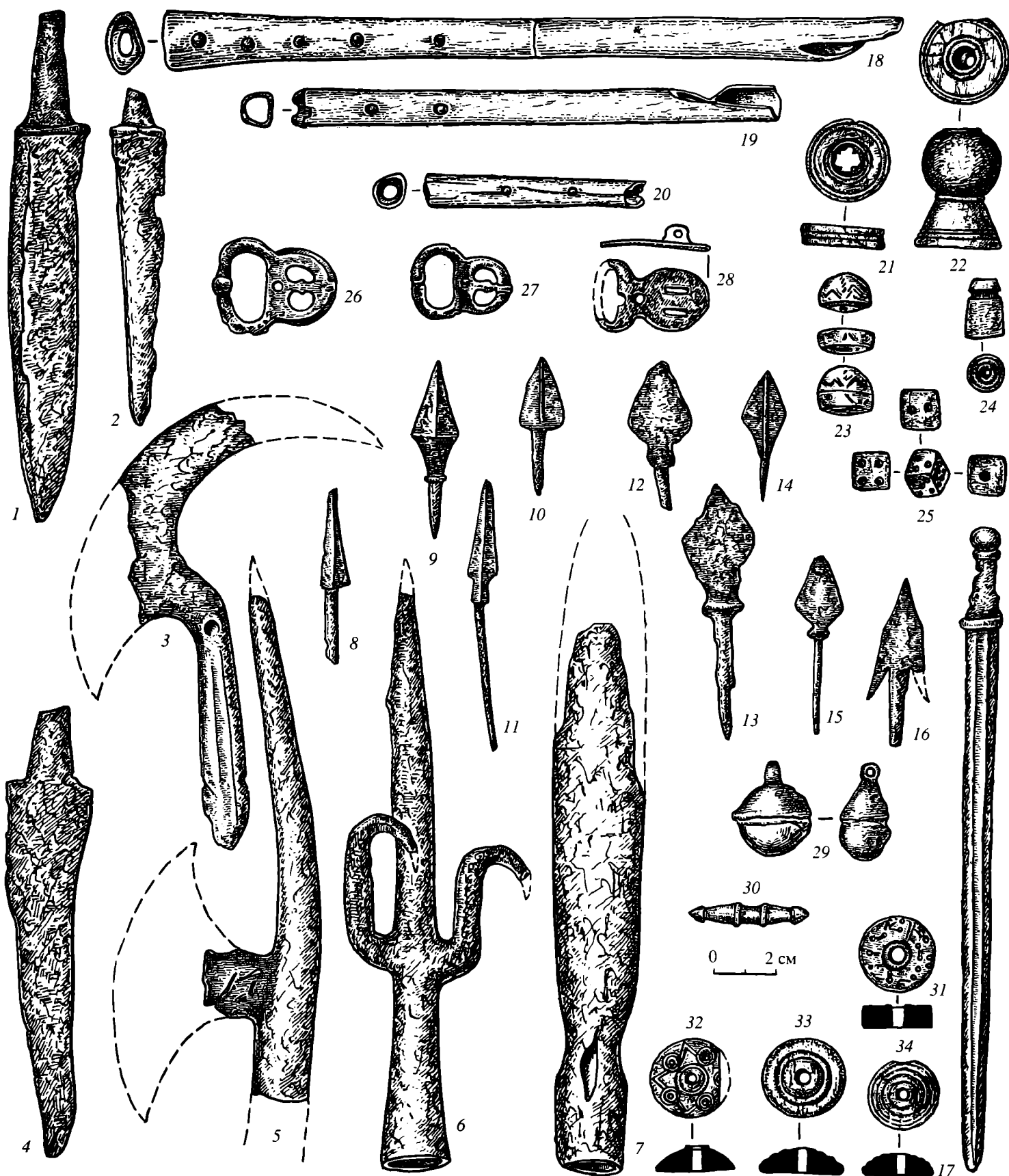
XIII в.; 8 – план книгохранилища монастыря Нор-Гетик (Гошаванк) XII–XIII вв.; 9 – план крепости Анберд X в.; 10 – план крепости Тиграшен X–XI вв. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

Таблица 156. Железные и каменные орудия труда IX–XIII вв. из Двина, Ани, Гарни

1–3, 7, 10 – топоры XII–XIII вв. и лопата X в. из Двина; 5 – складной нож с костяной ручкой X в. из Ани; 4, 6 – серпы из Гарни XII–XIII вв.; 8 – тесло из Гарни XII–XIII вв.; 9 – лемех легкого плуга из Двина IX в.; 11, 12 – подковы из Гарни XII–XIII вв.; 13, 14 – долото и ножницы из Двина XII–XIII вв.; 15 – фрагмент ручной пилы из Двина IX в.; 16 – ложило для обработки поверхности кера-

мических сосудов IX в. из Гарни; 17 – каменное колесо маслодавильни XII–XIII вв. Найдено возле Ани; 18 – каменная терка из Гарни XII–XIII вв.; 19–21 – пряслица из Гарни X–XIII вв.; 22 – каменный пестик из Гарни XI в.; 23 – верхний камень жернова из Гарни X–XIII вв.; 24, 25 – каменные ступки из Гарни XI–XIII вв. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

Таблица 157. Медные, бронзовые и костяные изделия

1, 2, 4 – кинжалы из Двина IX–XIII вв.; 5 – копье с ударной частью из Двина X–XI вв.; 3, 6 – копья с захватом из Двина X–XI вв.; 7 – наконечник копья из Двина X–XIII вв.; 8–16 – наконечники стрел из Двина и Гарни X – XIII вв.; 17 – меч из Ани XI – XII вв.;

18–20 – свирели из Двина XI–XIII вв.; 21–25, 30–34 – предметы из кости из Ани и Двина IX–XIII вв.; 29 – бубенчик из Двина XII–XIII вв.; 26–28 – поясные пряжки из Двина IX–XIII вв. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

Таблица 158. Художественный металл

1, 9 – бронзовые светильники из Ани и Двина XII–XIII вв.;
2 – бронзовое кадило из Ани XI в.; 7 – бронзовый сосуд на ножках
из Двина XIII в.; 10 – бронзовая курильница из Двина XII–XIII вв.;
8 – бронзовая ступка из Анберда XIII в.; 3 – медный кувшин из Ани

XII–XIII вв.; 5 – бронзовый котел с надписью 1232 г. с львиными
ручками, весом 350 кг, из Агарцянского монастыря; 4, 6 – медные
котлы из Ани XII–XIII вв. Составлена по материалам Б.Н. Араке-
ляна

23–25 – поясные пряжки из Двина IX–XIII вв.; 26 – серьга из Двина IX в.; 28, 32, 35 – перстни из Двина; 31 – перстень из Гарни; 33, 34, 37 – перстни из Древнего Армавира; 36 – перстень из Анберда; 27, 29 – колец из Двина; 29, 30 – подвеска с цепочкой из Двина XII–XIII вв. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

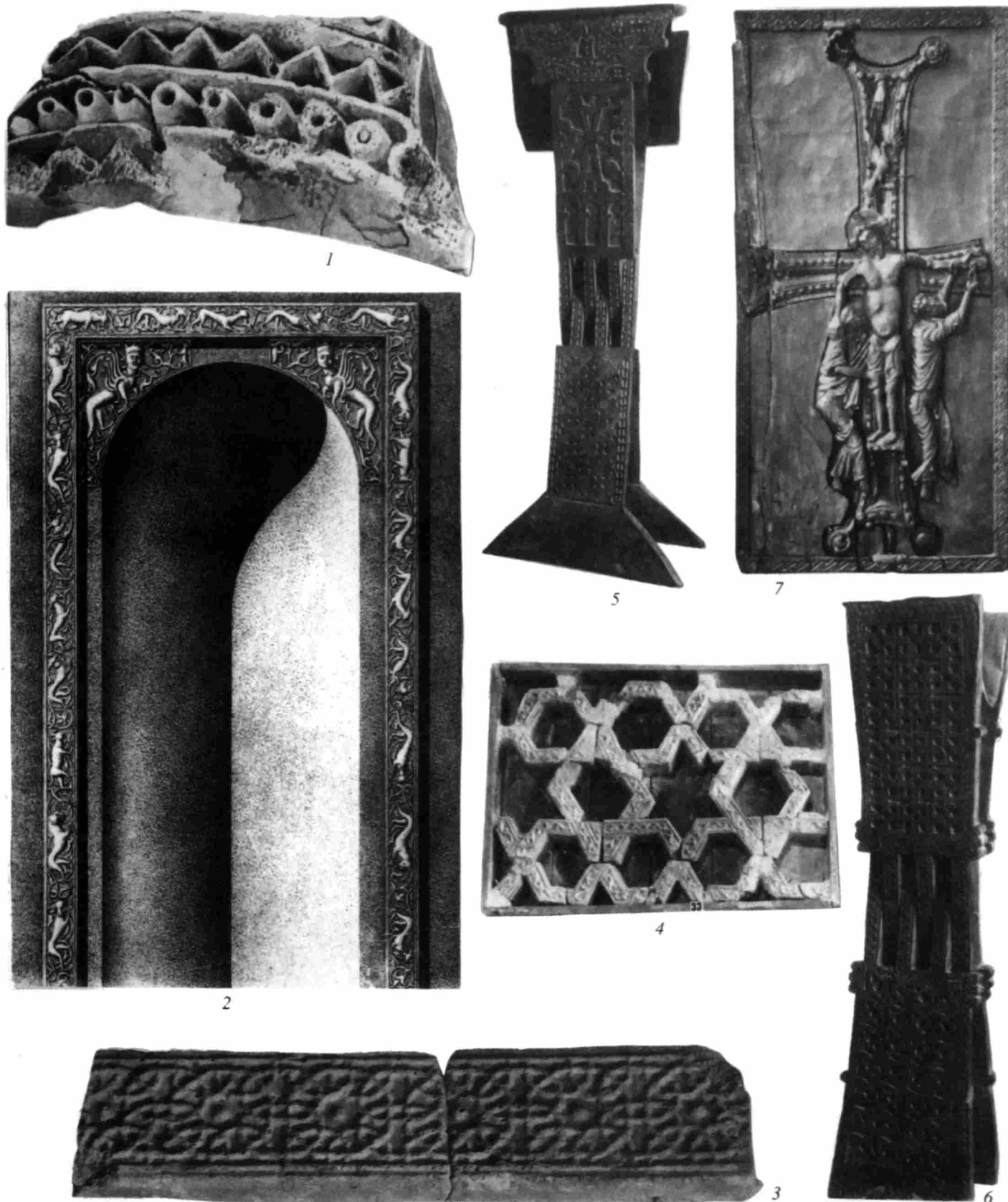

Таблица 160. Скульптура, хачкары (крестные камни), рельефы

1 – статуя Гагика I Багратида (990–1020); 2 – деталь хачкара XIII в.; 3 – барс под фигурой креста, предполагаемый герб Ани; 4 – хачкар мастера Погося 1291 г. в монастыре Нор-Гетик;

5 – рельефы X в. на восточном фасаде Ахтамарского храма Сурб Хач (Св. Знамения); 6 – рельеф павлина из Ани XIII в.; 7 – рельеф из Ани XIII в. Составлена Б.Н. Аракелян

Таблица 161. Архитектурное убранство из гипса IX–XIII вв. и резного дерева X–XIII вв.

1 – фрагмент резного гипса из Двина IX в.; 2 – ниша с литым гипсовым фигурным обрамлением из Двина XII в.; 3 – литая гипсовая панель с орнаментом из Двина XII в.; 4 – литая гипсовая оконная

рама с орнаментом из Ани XIII в.; 5, 6 – деревянные аналог из Ани X–XIII вв.; 7 – снятие с Креста, резное дерево X в. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

Таблица 162. Керамика IX–XIII вв.

1 – карас (пифос) из Гарни X в.; 2 – гончарный круг из Двина X–XI вв.; 3 – большой сосуд без ручки из Двина XI в.; 4, 5 – фрагмент кувшина и чаша, украшенные тиснением, из Двина IX–X вв.; 6 – кувшин с резным орнаментом из Двина XI в.; 7 – красноощенный кувшин из Двина XI в.; 8 – сосуд с четырь-

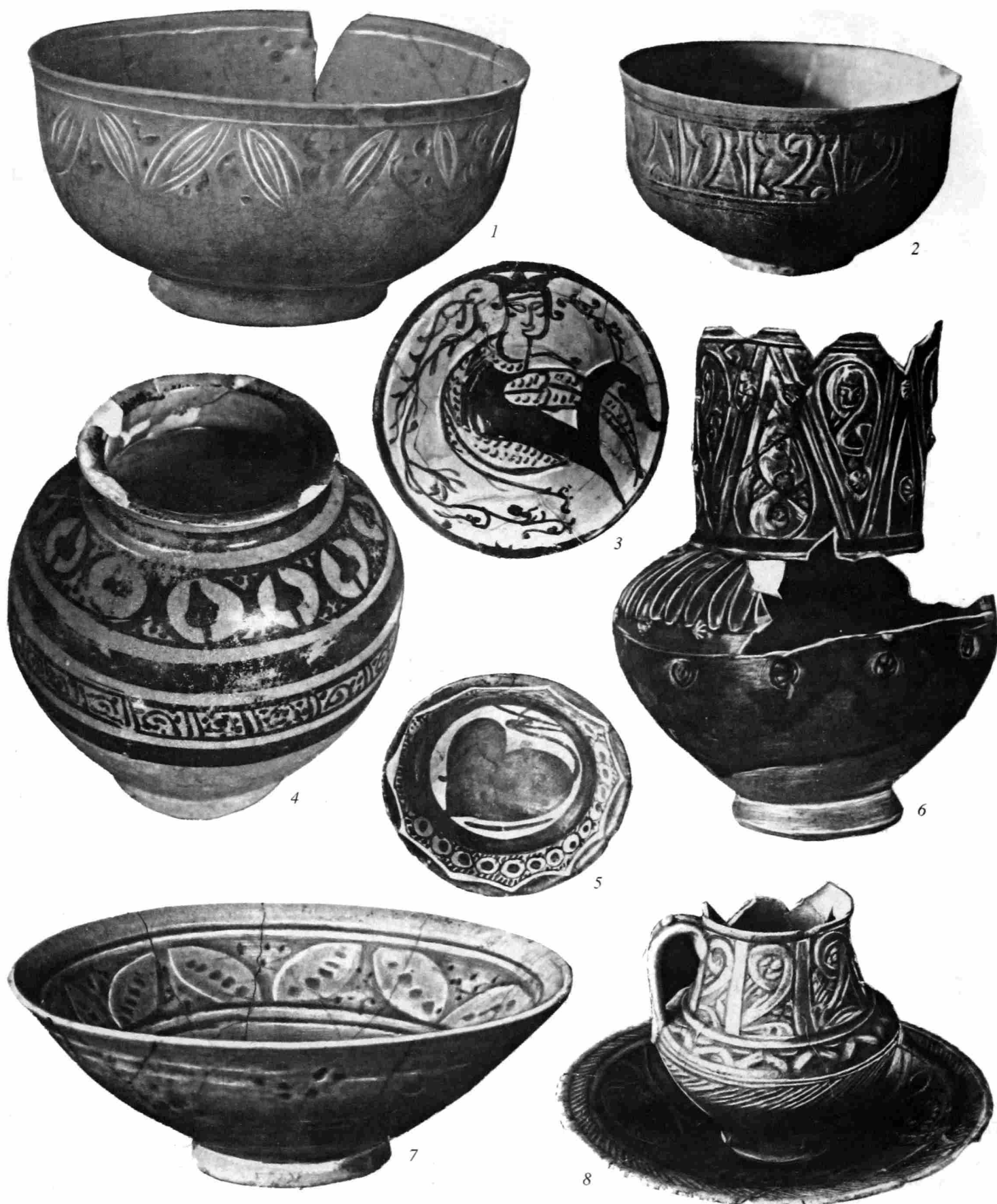
мя ручками и штампованным поясом из Двина XII–XIII вв.; 9 – кувшин с выемчатым и резным орнаментом из Двина XI–XII вв.; 10 – светильник из Двина X в.; 11 – сферокопический (ртутный) сосуд из Двина XIII вв.; 12 – чаша из Двина XI–XII вв. Составлена Б.Н. Аракеляном

Таблица 163. Поливная керамика IX–XIII вв. из Двина

1, 5 – чаша и тарелка с разноцветной поливой XII–XIII вв.; 2 – сосуд с низким горлом и разноцветной поливой IX в.; 3 – шаровидный сосуд с темно-зеленой поливой IX в.; 4 – миска с разноцветной поливой и гравировкой XIII в.; 6 – чаша с разноцвет-

ной поливой IX в.; 7 – тарелка с разноцветной поливой IX–X вв.; 8 – миска со светлой поливой и орнаментом в технике резерва (с удалением ангоба) XIII в. Составлена по материалам Б.Н. Аракеяна

Таблица 164. Фаянсовые изделия местного производства X–XIII вв.

1, 2 – кубки, украшенные “ажурной” и резной техникой из Двина X–XI вв.; 3 – миска с изображением сирина, роспись люстром из Ани XI в.; 4 – кувшин с росписью люстром (привозной) из Двина XII в.; 5 – чаша с разноцветной росписью из Двина XI в.; 6 – сосуд с темно-синей поливой, украшенный выемчатым и накладным ор-

наментом, из Двина XIII в.; 7 – чаша, украшенная “ажуром” (просвечивающими пятнами), из Двина XI в.; 8 – тарелка и кувшинчик, украшенные выемчатой (“в резерве”) техникой, из Двина XII в. Составлена Б.Н. Аракеляном

Таблица 165. Письмо и алхимия. XII-XIII вв.

1 – чернильница для чернил трех цветов из Двина IX в.; 2 – писец и принадлежности его труда; 3 – образец эпиграфического письма (1277 г.); 5 – схема сочетания красок различного цвета (надписи переведены из рукописи с древнеармянского языка); 4 – принадлежности алхимической мастерской (рисунок в рукописи XIII в.);

6 – глиняная крышка для герметического закрытия; 7 – фрагмент крышки для дистилляции жидкостей или получения газа из Гарни XII-XIII вв.; 8, 9 – стеклянные аламбики из Двина XII-XIII вв. Составлена Б.Н. Аракеляном

Таблица 166. Стекланные изделия и украшения IX–XIII вв.

1–8, 10, 11 – стекланные браслеты из Двина X–XIII вв.; 9, 12, 14 – стекланные бусы из Двина IX–XIII вв.; 15–18 – перстни из Двина IX–XII вв.; 19 – двойной сосуд-графин и миниатюрный флакон в нем из Гарни XI–XII вв.; 20, 21 – кубки из Двина IX в.; 22 – флакон со светлым волнистым орнаментом из Двина XI–XII вв.;

23 – графин из Двина XII–XIII вв.; 24 – кубок с выемчатым орнаментом из Двина IX в.; 25 – стакан из Двина XI–XII вв.; 26 – лампада от люстры из Двина IX в.; 27 – флакон из Двина IX в. Составлена по материалам Б.Н. Аракеляна

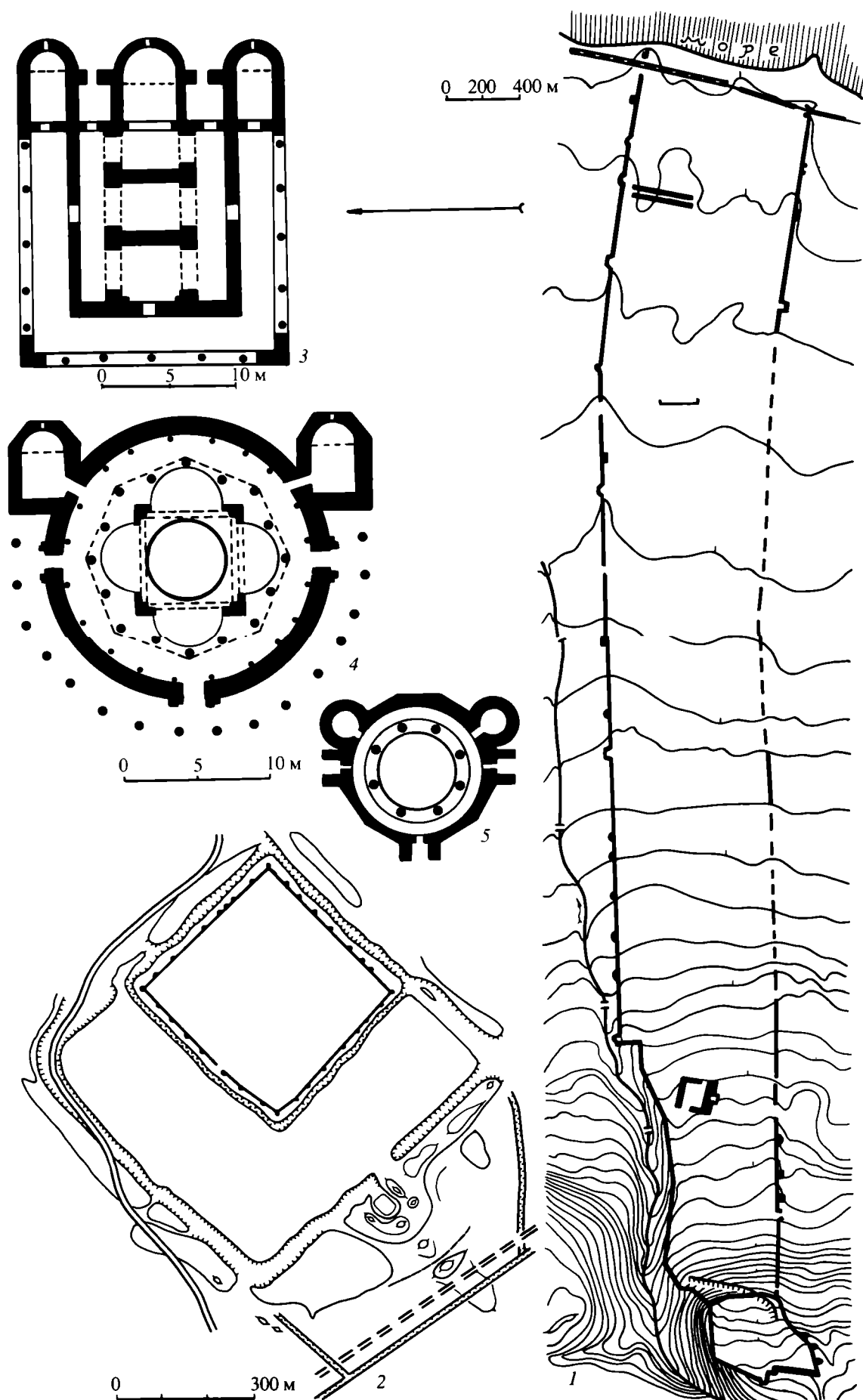

Таблица 167. Образцы монет, находившихся в обращении в Армении в IX–XIII вв.

1–3 – арабские серебряные монеты IX–X вв., выпущенные Аббасидами в Багдаде, Аране и в Армении; 4–6 – византийские золотые монеты X–XI вв. (Василий II, Михаил IV, Константин X); 7 – византийская медная монета XII в.; 8–11 – сельджукские медные монеты династии Ильдегизидов XII – начала XIII в. (Султан Аслан Ата-

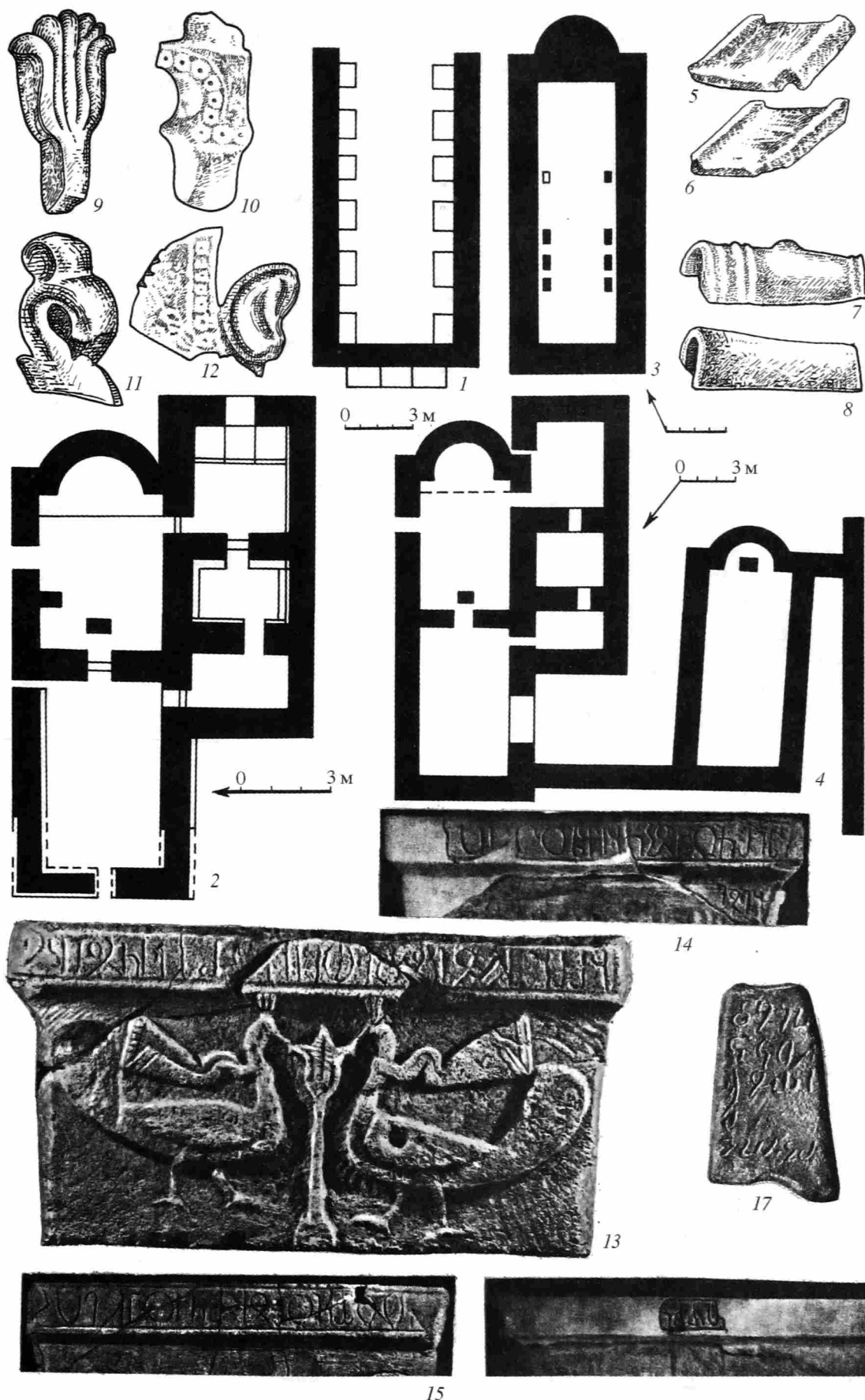
бек, Синджар, Абу-Бокр); 12–15 – грузинские медные монеты XII–XIII вв. (Тамара, Тамара-Давид, Русудан); 16, 17 – серебряные дирхемы малоазийских сельджуков XIII в. (Кей-Кобад, Кей-Хозрой II). Составлена Б.Н. Аракеляном

Таблица 168. Планы раннесредневековых крепостных сооружений и церквей

1 – Дербент; 2 – Байлакан; 3 – Кумская базилика; 4 – Лекитский храм; 5 – Килседагский храм. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

Таблица 169. Раннесредневековые храмы Мингечаура

1-4 – планы храмов; 5-8 – кровельная черепица; 9-12 – обломки резных камней; 13-16 – камень алтарного престола с изображением павлинов и албанской надписью; 17 – глиняный подсвечник с албанской надписью. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

ем павлинов и албанской надписью; 17 – глиняный подсвечник с албанской надписью. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

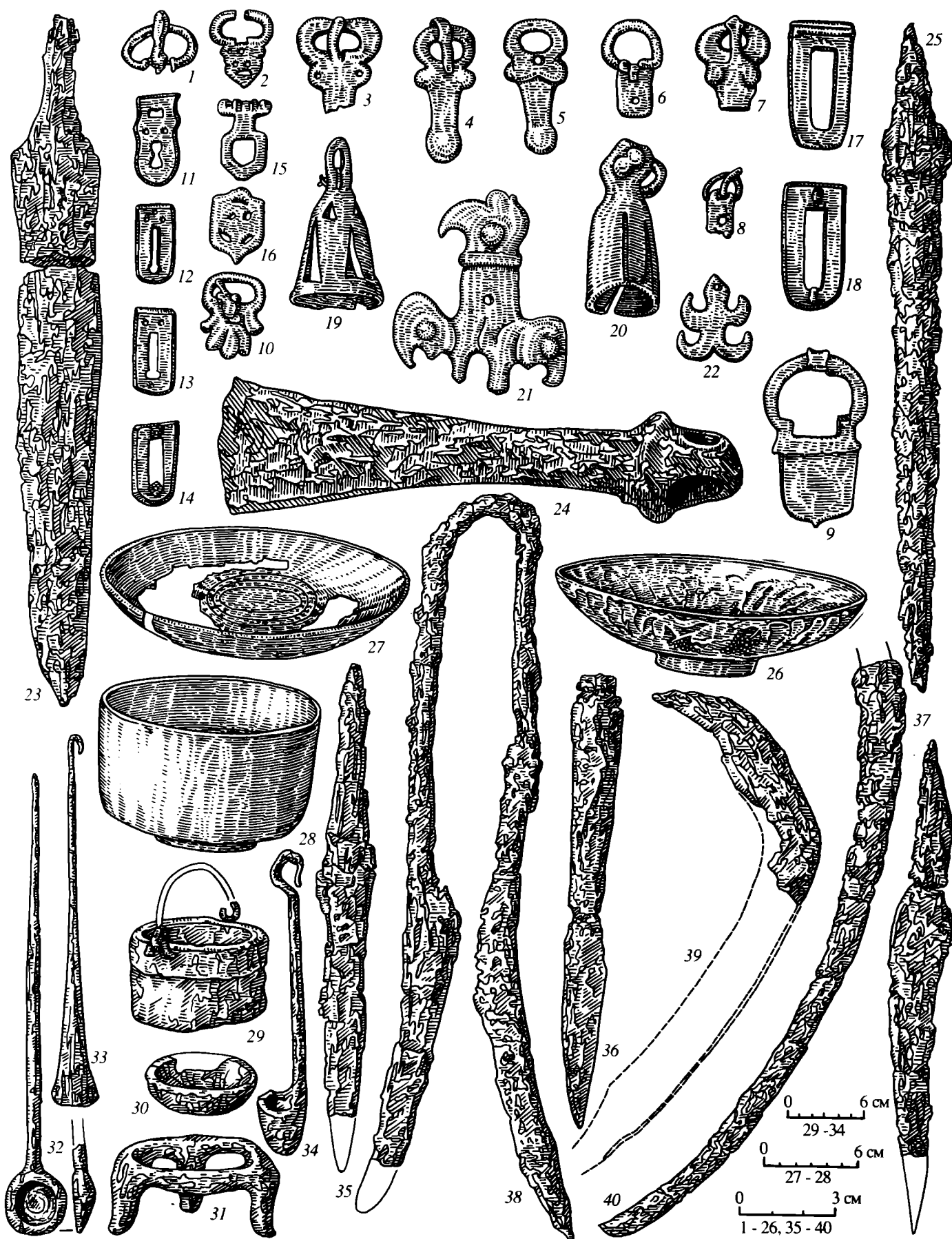

Таблица 170. Предметы одежды и домашней утвари

1-18 – пряжки и накладки на воинские пояса из серебра и бронзы; 19, 20 – бронзовые литые колокольчики; 21 – серебряное навершие с соколиными головками; 22 – бронзовая подвеска к поясу; 23-25 – кинжал, нож, топор; 26-28 – серебряные сосуды;

29-34 – железные котелок, чашечка треножник, ложка, лопаточка, черпак; 35-37 – ножи; 38 – ножницы; 39, 40 – обломок виноградарного ножа (?) и серп. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

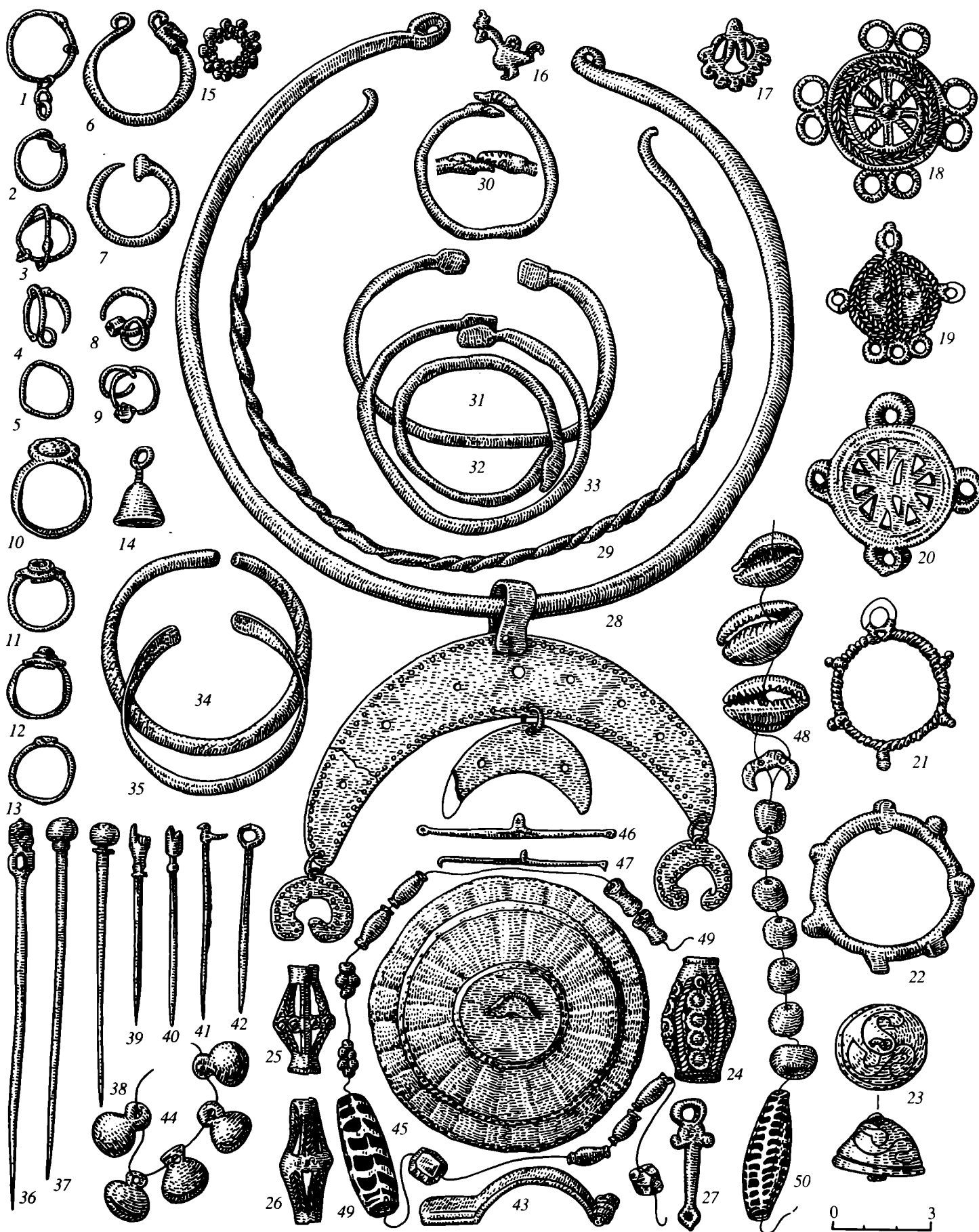

Таблица 171. Украшения и предметы туалета из бронзы и серебра

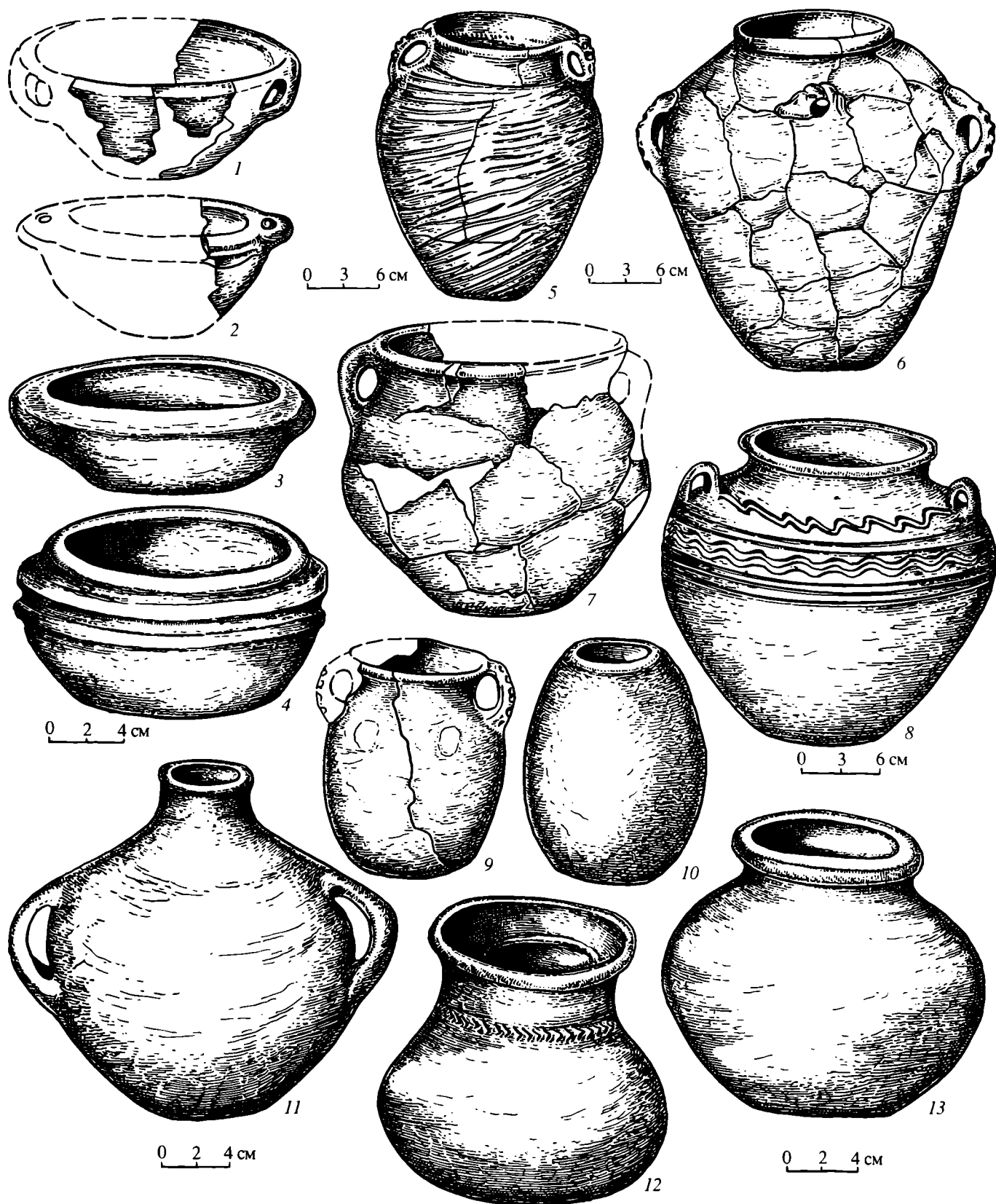
1-9 - серьги; 10-13 - перстни; 14-27 - декоративные подвески и амулеты; 28, 29 - гривны; 30-35 - браслеты; 36-42 - булавки; 43 - фибула; 44 - бубенчики; 45 - зеркало; 46, 47 - детали весов;

48 - раковины каури; 49, 50 - бусы. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

Таблица 172. Керамическая посуда. Кувшины

1-6 – первая группа; 7-18 – вторая группа. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

Таблица 173. Кухонная и хозяйственная керамическая посуда

1-4 – миски; 5-13 – горшки и хозяйственные сосуды. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

Таблица 174. Стеклянная посуда

1-10 – бокалы; 11 – блюдо; 12-23 – флаконы; 24-29 – кувшинчики. Составлена по материалам Дж.А. Халилова

Таблица 175

Серебряное с позолотой блюдо, обнаруженное в могильнике Ше-
махи

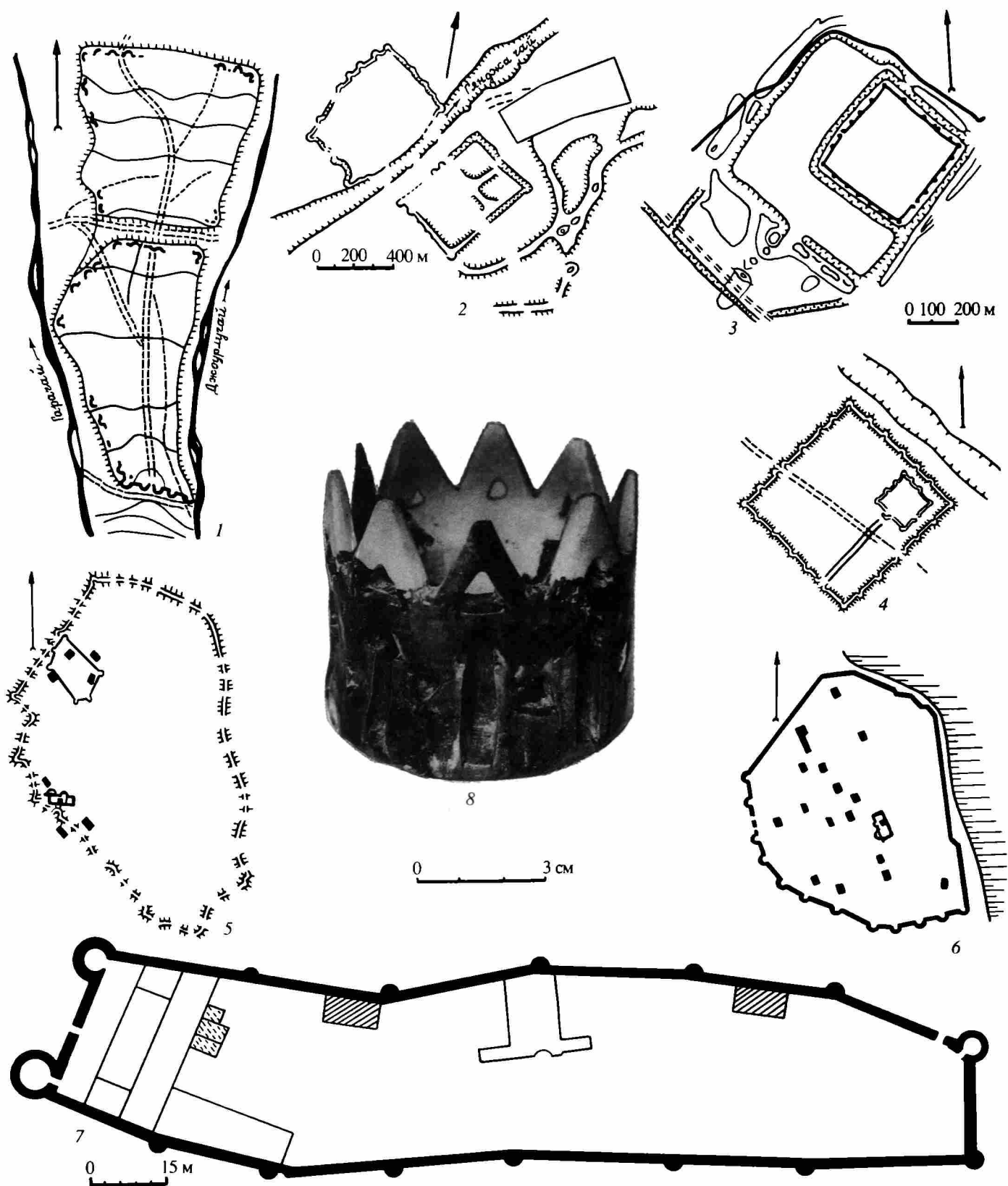
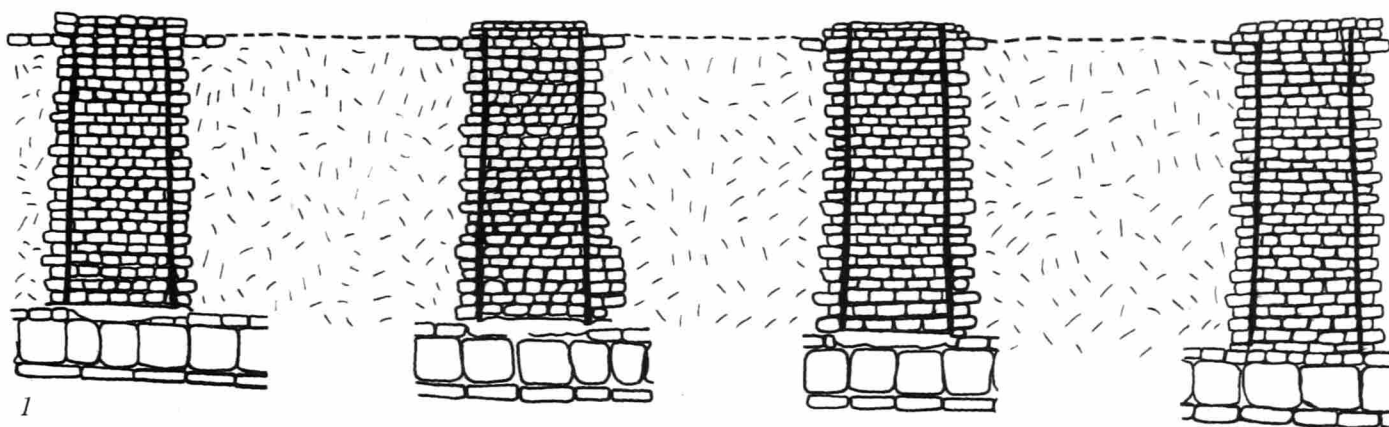

Таблица 176. Схематические планы средневековых городов

1 – Кабала; 2 – Гянджа; 3 – Байлакан (Оренкала); 4 – Шамкур;
5 – Шемаха; 6 – Баку; 7 – план крепости Байл-гесри (Баку);

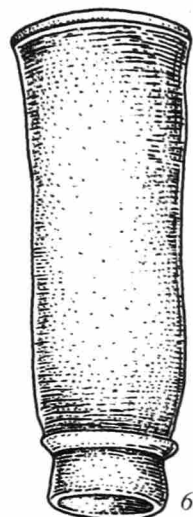
8 – башнеобразный сосуд из Байлакана. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

1

2

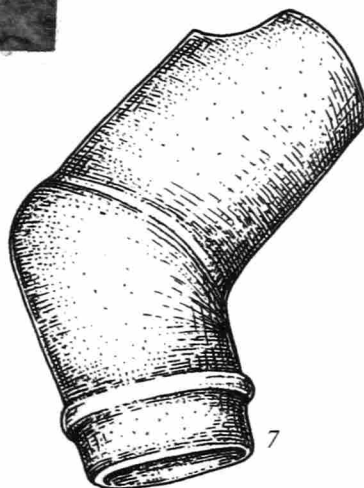
6

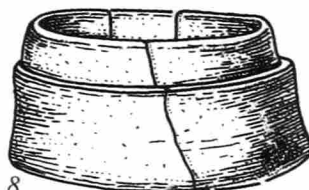
3

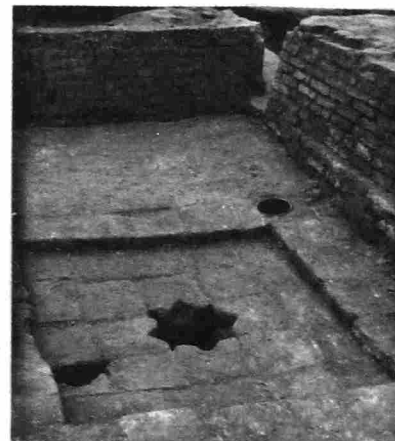
4

7

8

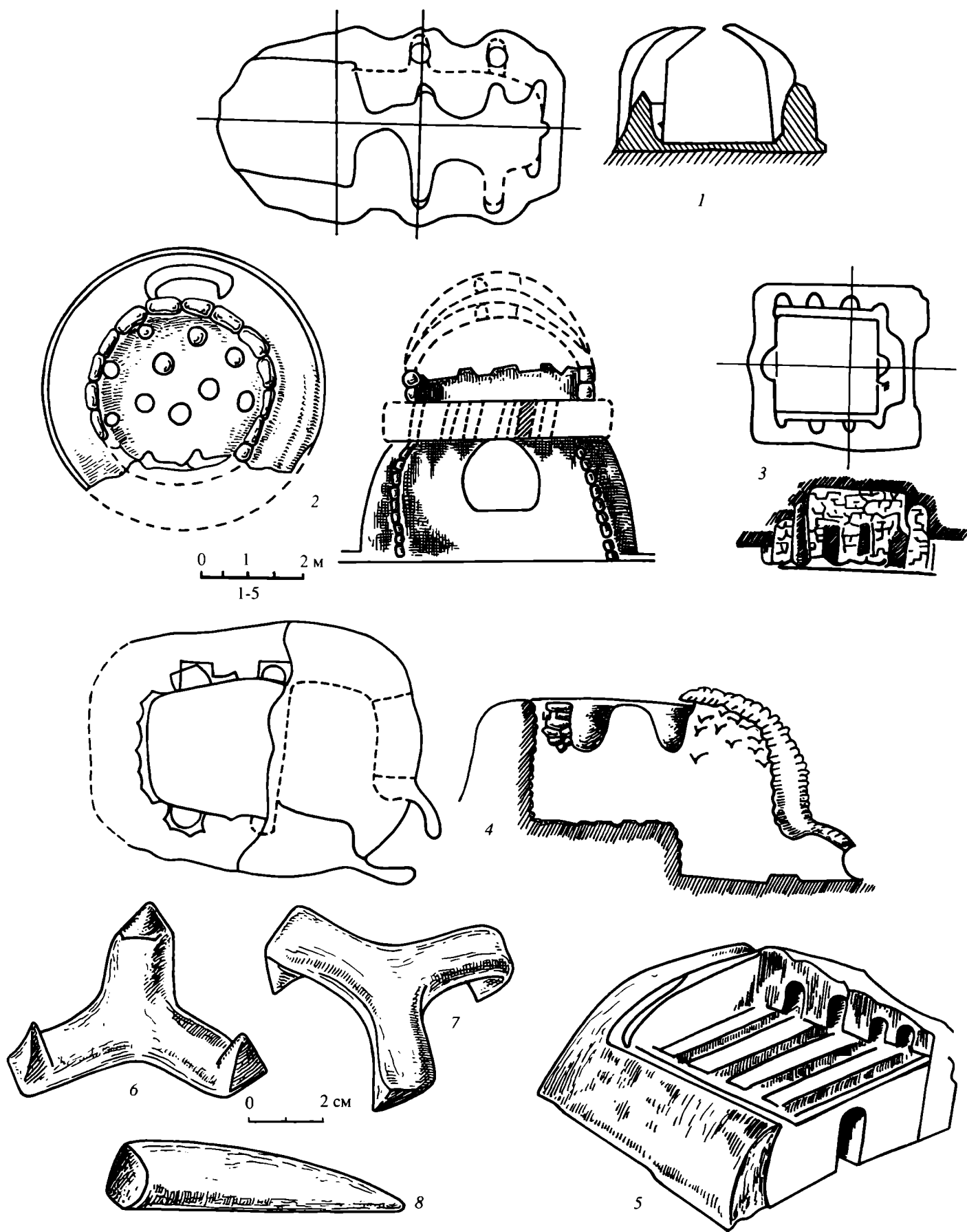

5

Таблица 177. Сооружения водоснабжения и канализации

1 – разрез кягриза в Гяндже; 2 – колодец в Барда; 3 – остатки водовода в Баку; 4 – остатки водопровода в Байлакане; 5 – устье ка-

нализационного колодца в Байлакане; 6–8 – детали водопроводных труб. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

Таблица 178. Гончарное дело. Печи для обжига керамики

1-2 – печь в Мингечауре; 3 – печь в Топраккале; 4, 5 – печь в Байлаконе; 6-8 – приспособления для установки сосудов в печах (тре-

ножнички и стержень) из Кабалы. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

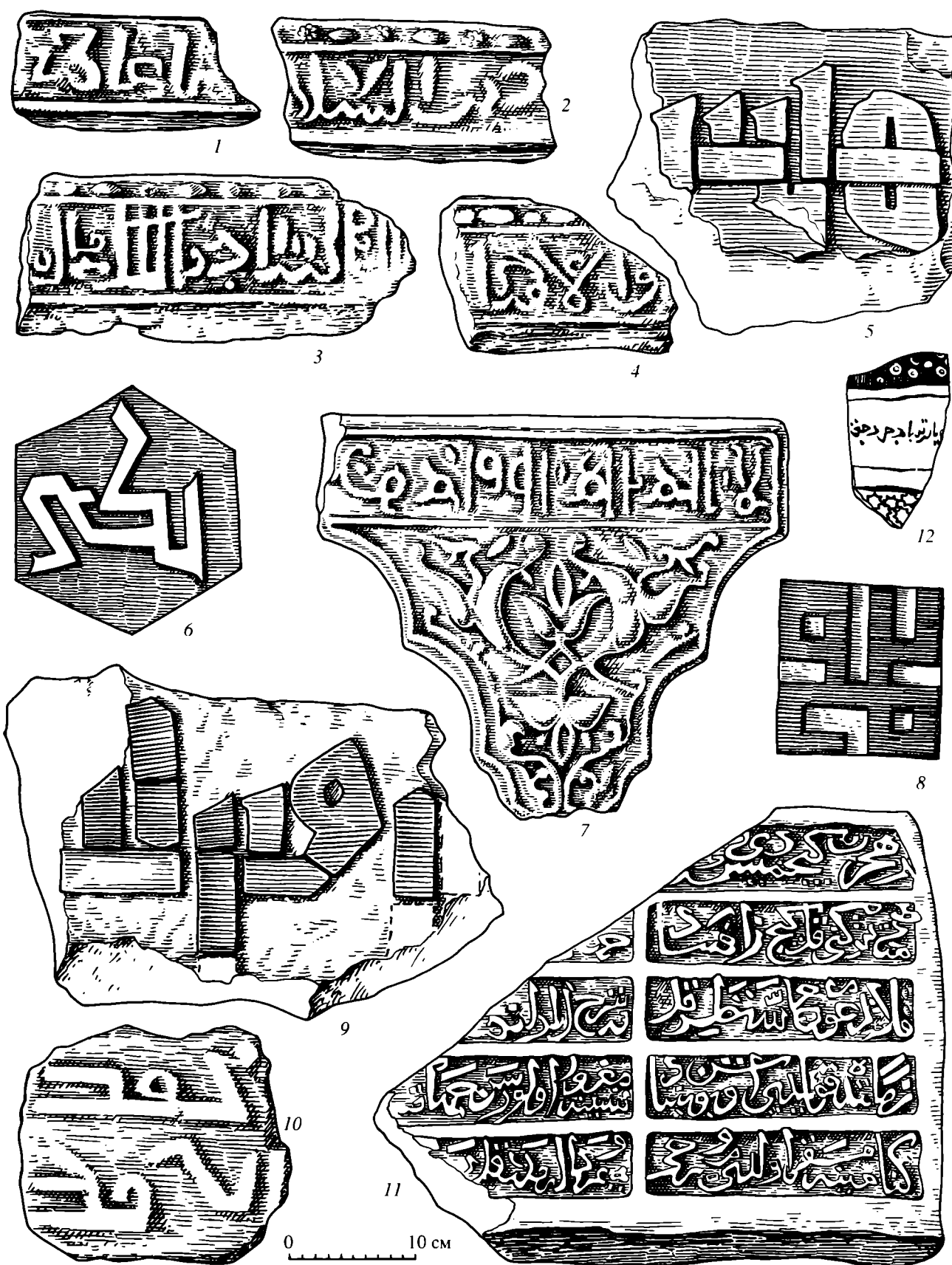
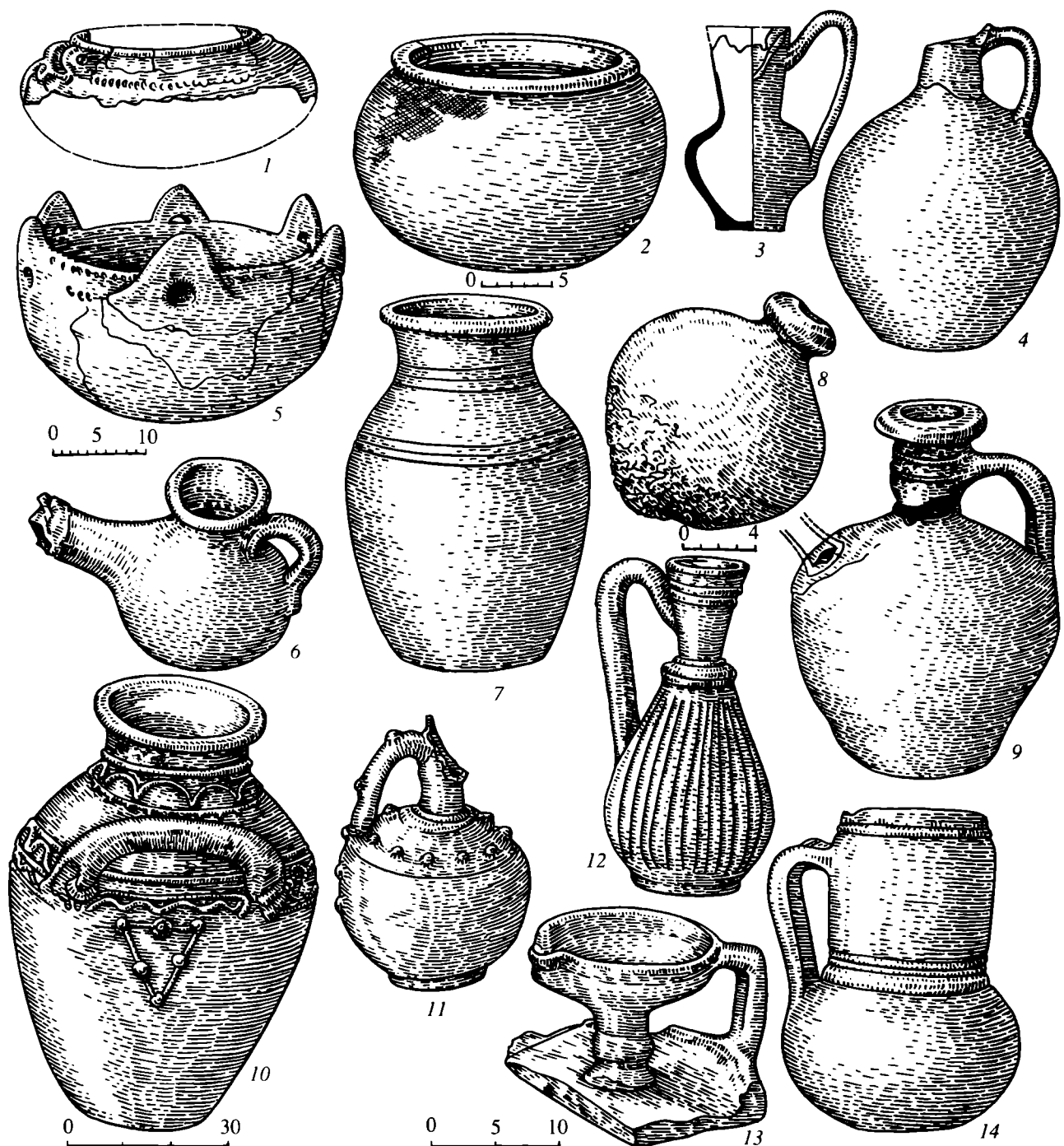

Таблица 179. Алебастровые и глазурованные облицовочные плитки из Хараба-Гилана (Кирана) с арабскими надписями – цитатами из Корана

Составлена Б.И. Ибрагимовым

Таблица 180. Образцы неполивной посуды IX-X вв.

1, 5 – котлы из Байлакана; 2 – горшок из Баку; 3, 11, 12 – кувшины с одной ручкой (бардаг) из Байлакана, Кабалы и Шабрана; 4 – кувшин типа сахенг из Байлакана; 6 – светильник из Баку; 7 – кувшин без ручек из Кабалы; 8 – сфероконус из Кабалы; 9 – кув-

шин с ручкой и носиком из Байлакана; 10 – маслобойка из Шабрана; 13 – светильник-пидан из Кабалы; 14 – кувшин-долча из Кабалы. Составлена Г.М. Ахмедовым

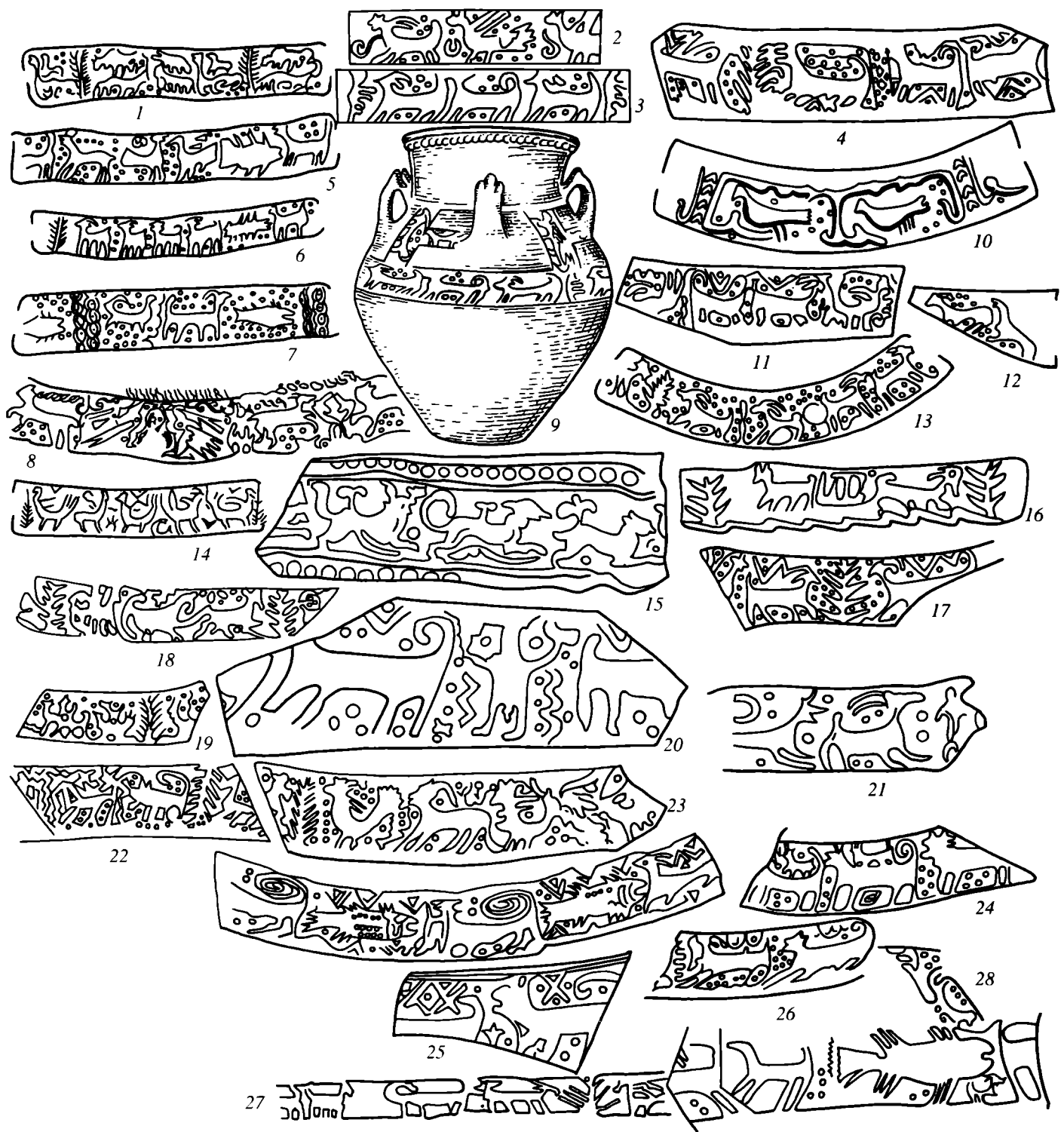

Таблица 181. Образцы неполивной керамики XI–XIII вв.

1, 13, 15, 16 – сахенги из Байлакана, Гянджи и Шабрана; 2 – кувшин-бардаг из Байлакана; 3, 6, 14 – широкогорлые кувшины из Байлакана, Кабалы и Гянджи; 4, 9, 10 – светильники из Байлака-

на, Кабалы и Шабрана; 5 – свистулька из Кабалы; 7, 17 – кюпы из Байлакана и Баку; 11, 12 – афтафы из Кабалы; 8 – “сельбидж”. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 182. Штампованные изображения на кюпах

1, 4–8, 10–14, 16–28 – Байлакан; 2, 3, 15 – Гянджа; 9 – Кюп с изображениями из Гянджи. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 183. Керамика, украшенная штампованным орнаментом

1 – фляга из Баку; 2, 8 – кувшины с широким горлом из Байлакана и Кабалы; 3, 10 – обломки штампов-матриц из Баку; 4, 7, 11 – кувшины с узким горлом из Шемахи, Шабрана; 5 – верхняя часть

кюпа с двумя ручками из Байлакана; 6, 9 – сфероконусы из Байлакана и Гянджи. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 184. Расписная посуда

1-3 – сосуды с росписью красной краской из Баку; 4 – сосуд с росписью черной и красной красками из Байлакана; 5, 6 – сосуды с красной росписью из Гянджи. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 185. Поливная посуда IX–X вв.

1 – чаша с изображением птицы из Кабалы; *2–4* – чаши с росписью марганцем и ангобом из Кабалы; *5* – чаша с росписью марганцем из Кабалы. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 186. Поливная посуда XI – начала XIII в.

1, 2 – чаши с беглой гравировкой и простой расцветкой из Байлакана и Кабалы; 3, 6 – чаши, украшенные выемчатой техникой из Байлакана и Кабалы; 4, 8 – чаши с марганцевой росписью из Кабалы и Гянджи; 5, 7, 9 – полихромные чаши с изображениями птиц

и животных из Баку, Кабалы, Шабрана; 10 – монохромный сосуд с резьбой из Байлакана; 11 – чаша с полихромной росписью из Кабалы; 12 – светильник с монохромным покрытием из Байлакана. Составлена Г.М. Ахмедовым

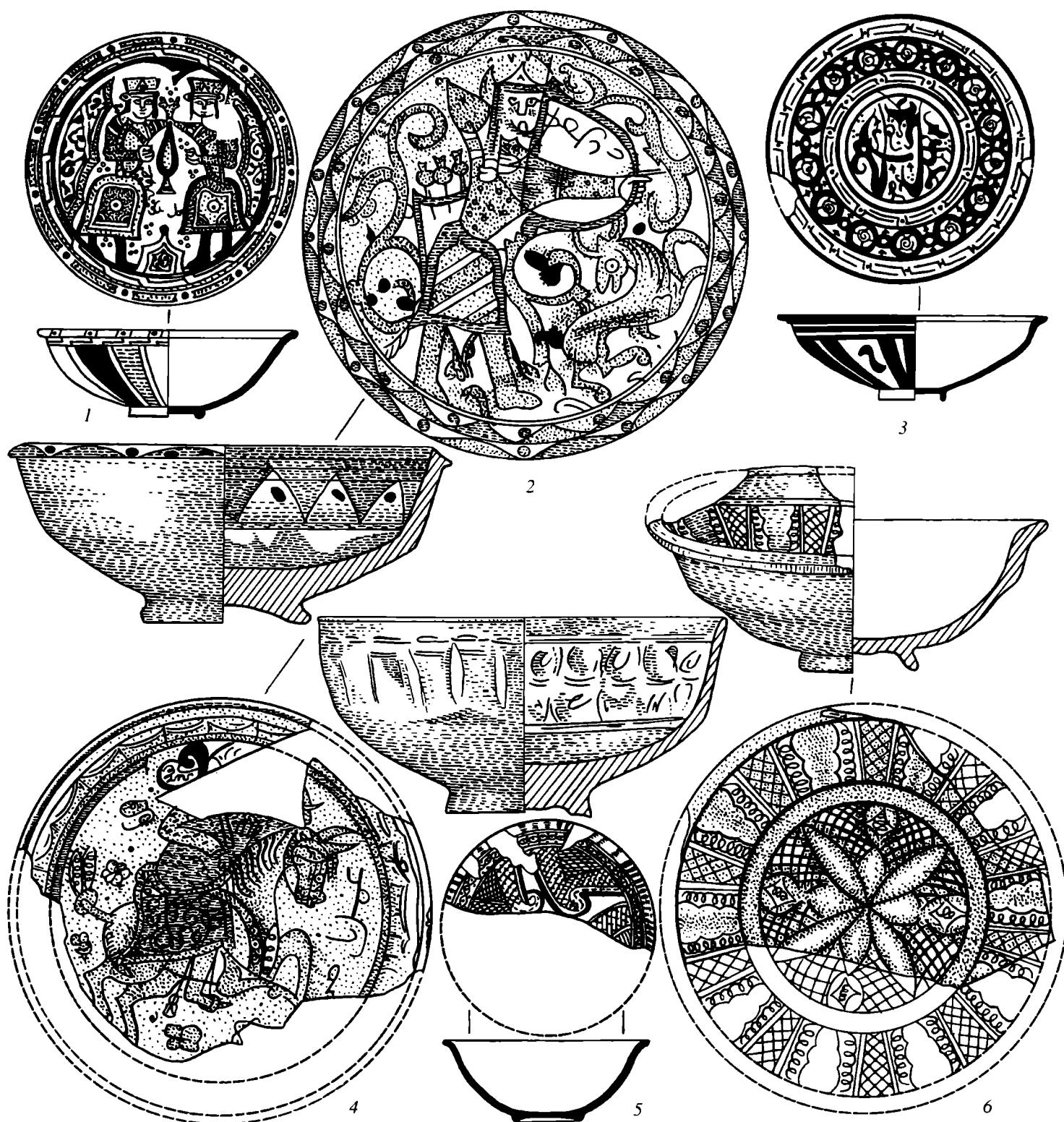

Таблица 187. Поливная посуда XII – начала XIII в.

1, 2, 4 – чаши с сюжетными изображениями из Байлакана; 3 – чаша с гравировкой по марганцевой росписи из Байлакана; 5, 6 –

чаши с полихромной росписью из Баку. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 188. Поливные блюда и чаши с городища Хараба-Гилан (Киран)

Составлена Б.И. Ибрагимовым

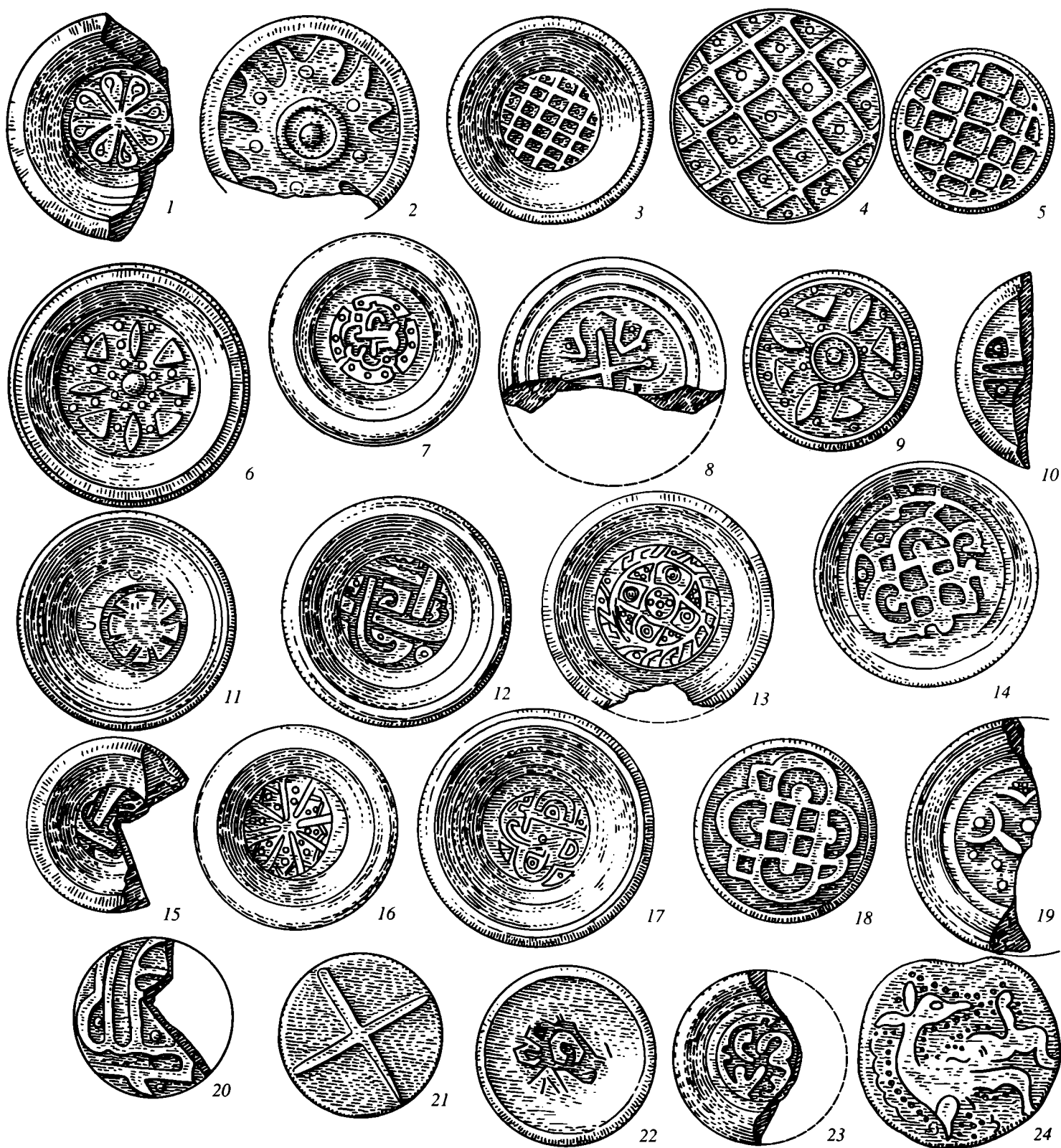
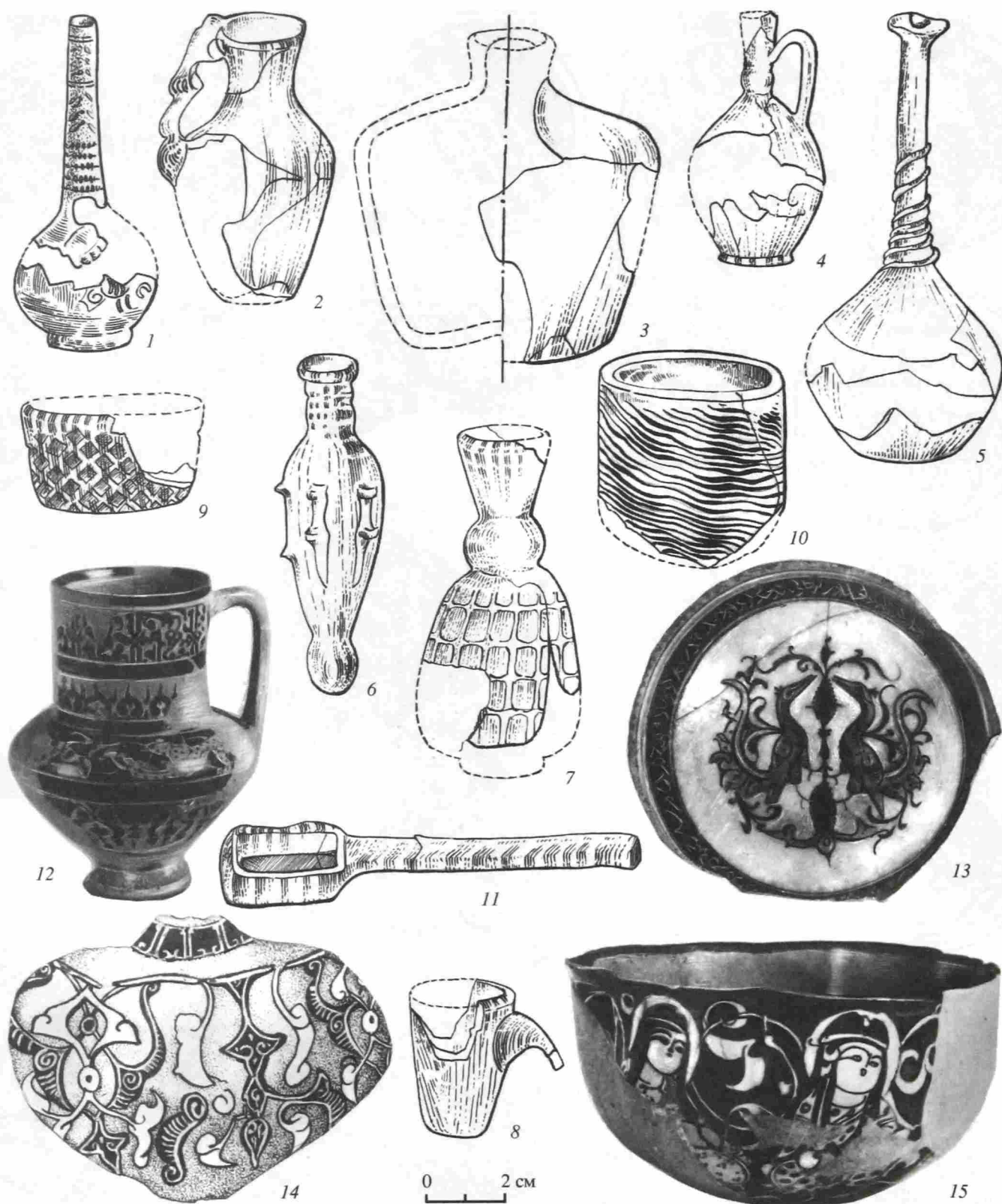

Таблица 189. Клейма на поливных блюдах и чашах

1–23 – из Байлакана; 24 – из Бяндована. Составлена Г.М. Ахмедовым

Таблица 190. Стекланные сосуды и фаянсовая керамика

1, 5 – сосуды с высоким горлом из Кабалы; 2, 4 – кувшинчики из Байлакана и Кабалы; 3, 6, 7 – флаконы из Байлакана; 8 – рюмочка с носиком из Байлакана; 9, 10 – чашечки из Байлакана и Кабалы; 11 – сумак или какой-то аптекарский сосудик (?) из Гянджи;

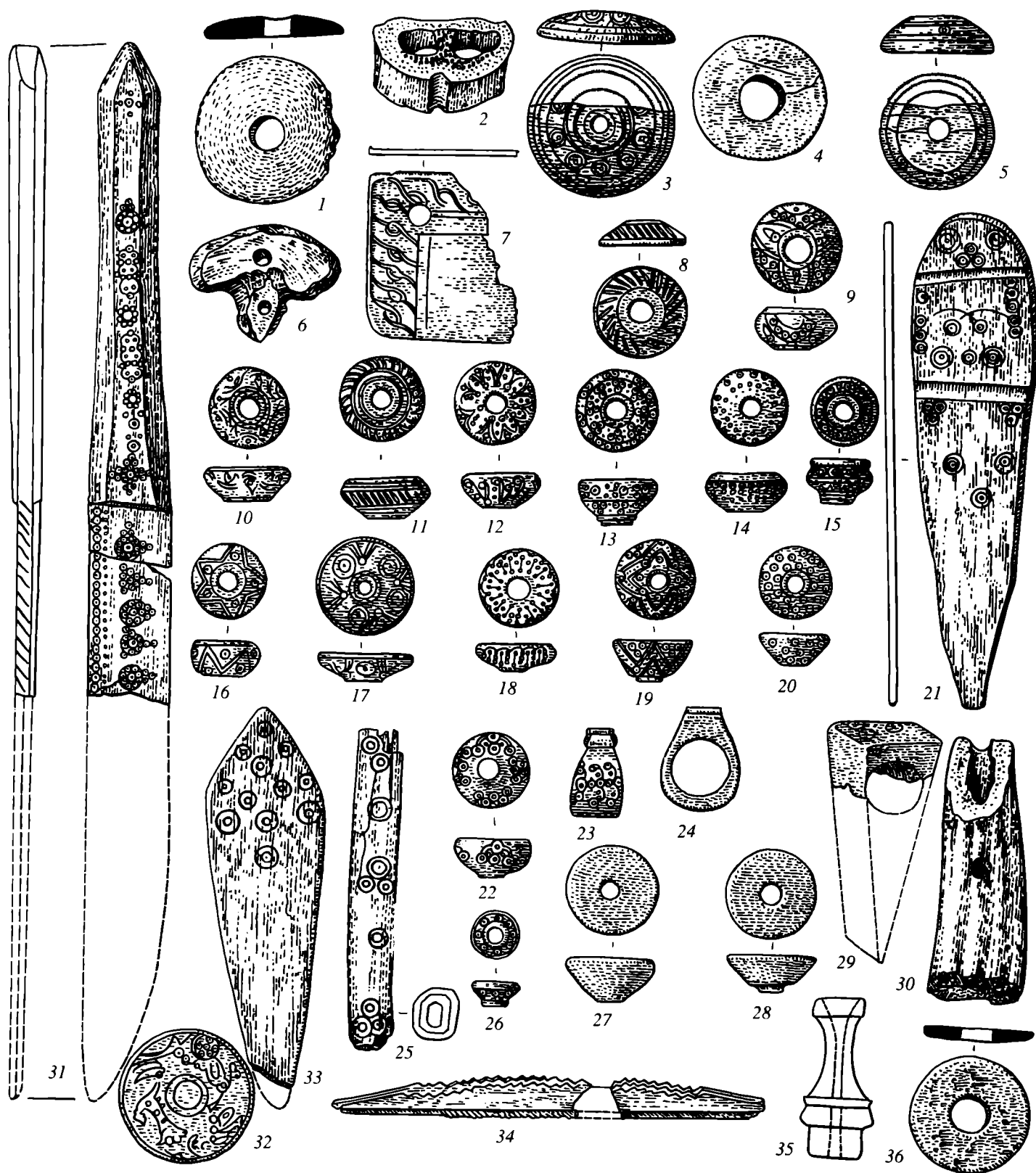
12, 15 – сосуды с люстровой росписью из Байлакана и Кабалы; 13 – чаша с росписью зеленой, синей и черной красками из Байлакана; 14 – обломок сосуда с росписью типа “минаи”. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

Таблица 191. Орудия труда

1, 2, 25 – кирки и тесла из Байлакана и Шемахи; 3 – топор из Шемахи; 4 – обломок пилы из Байлакана; 5, 19 – обрывки цепи; 6 – наперсток из Байлакана; 7 – лемех из Байлакана; 8, 20 – мотыги из Байлакана; 9, 11 – пробойник и шило из Байлакана и Кабалы; 10 – игла из Кабалы; 12 – молоток из Баку; 13 – ювелирная ложечка из Байлака-

на; 14, 16 – гвозди из Байлакана и Баку; 15 – петля из Байлакана; 17, 18, 21 – льячка, пестик, нож из Байлакана; 23, 24 – проколка и обломок чересла (?) из Байлакана; 22 – крючок для подвешивания мяса из Байлакана; 26 – точильный камешек; 27 – каменный отвес; 28–30 – банные камни из Байлакана. Составлена Г.М. Ахмедовым

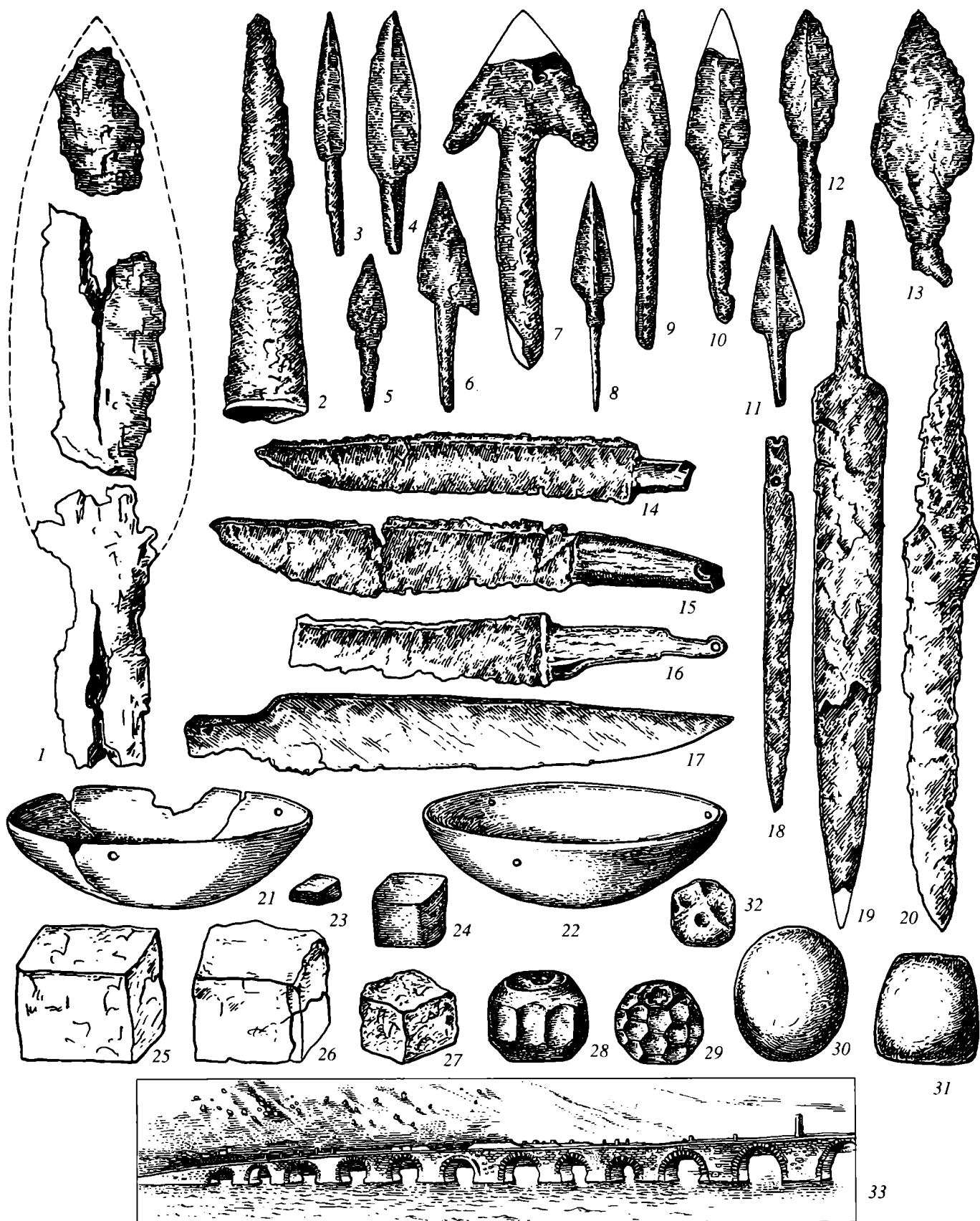

Таблица 192. Предметы из кости и рога

1 – пряслице; 3–5, 8–20, 22, 26–28, 32, 36 – пуговицы из Байлакана и Кабалы; 2, 6 – распиленная кость; 7 – обломок костяной накладки из Байлакана; 21, 33 – проколки из Байлакана и Кабалы; 31 – обломок декоративного ножа из Байлакана; 23, 24 – подвеска

и перстень из Байлакана; 30 – распиленный рог барана; 34 – деталь для плетения ниток из Гюлистана; 35 – предмет из рога из Байлакана. Составлена Г.М. Ахмедовым

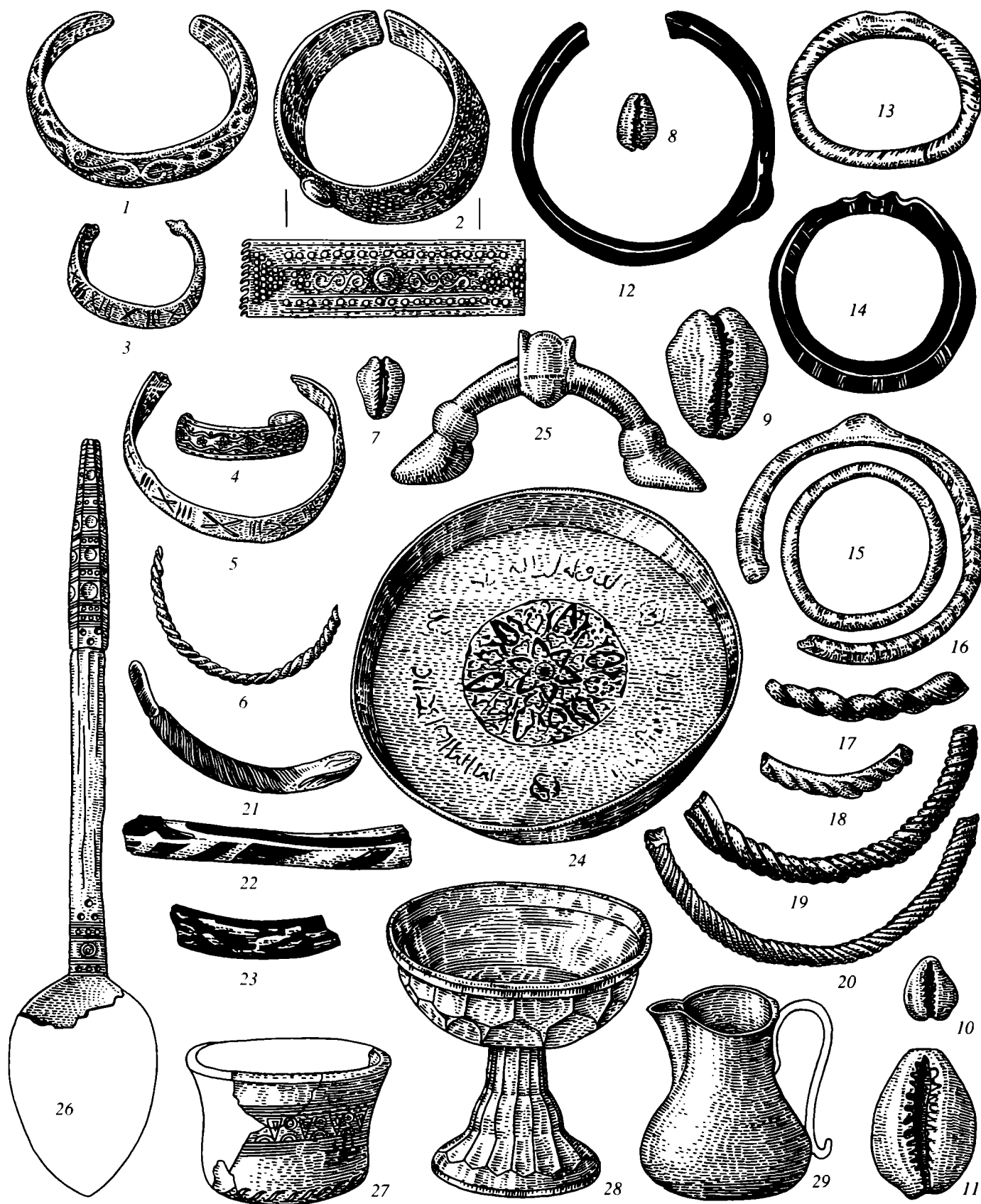

Таблица 193. Оружие и предметы торговли

1, 2 – обломки копья и вток или втовидное копье из Байлакана;
3–13 – наконечники стрел из Байлакана, Гюлистана, Кабалы;
14–18 – боевые ножи из Байлакана, Кабалы, Шемахи; 19, 20 – кин-
жалы из Байлакана; 21, 22 – чашечки весов из Байлакана; 23–

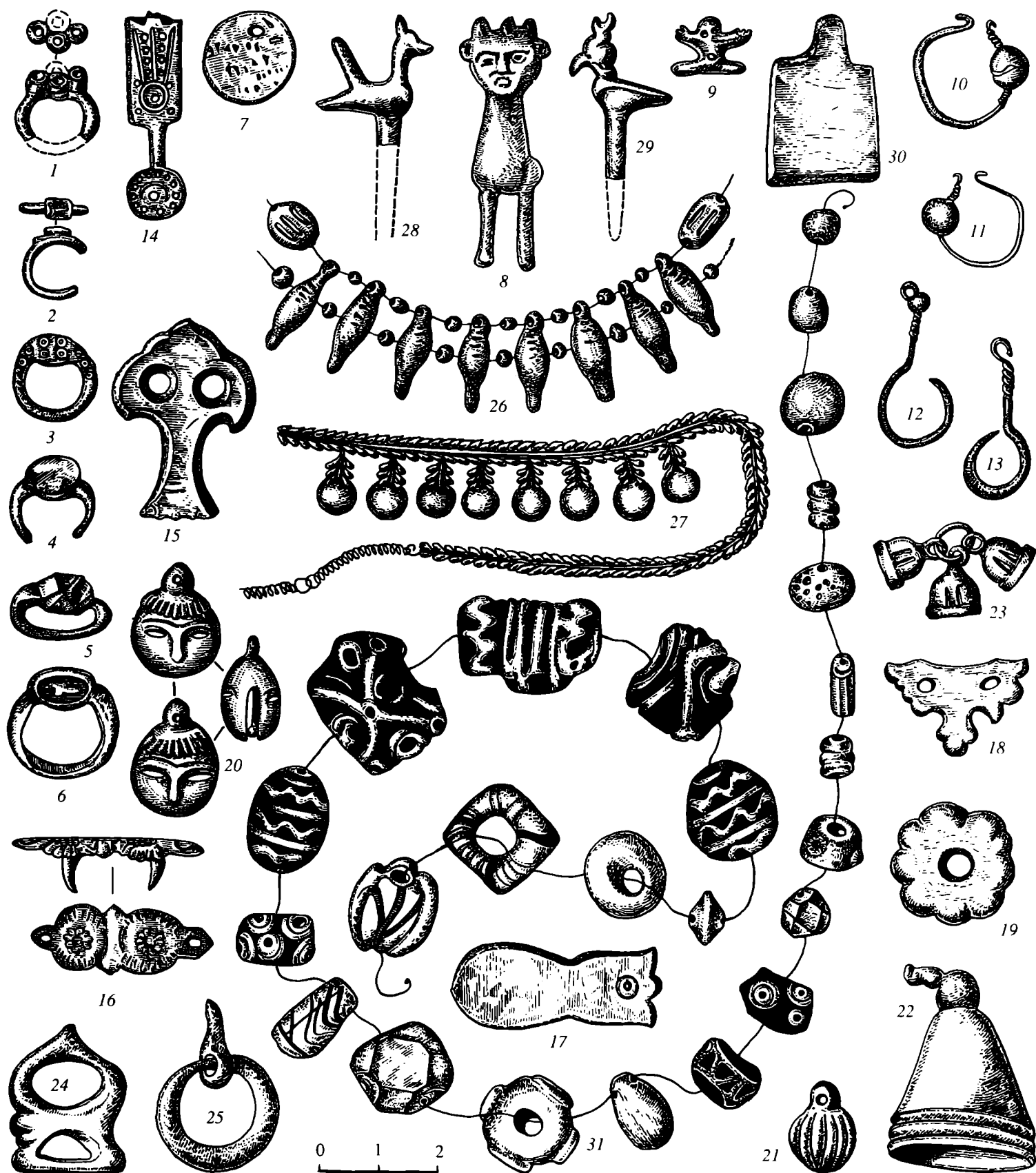
31 – металлические гирьки и каменные разновесы из Байлакана, Кабалы, Гянджи и Шемахи; 32 – Худаферинский мост. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

Таблица 194. Украшения и металлическая посуда

1-6 – бронзовые и серебряные браслеты из Байлакана, Кабалы, Шемахи; 12-23 – стеклянные браслеты и их обломки из Байлакана, Гаракепек-тепе, Шемахи, Шабрана; 7-11 – раковины каури; 24 – небольшое серебряное блюдо из Байлакана; 25 – бронзовая

ручка котла; 26 – ложка из Байлакана; 27 – медная чашечка из Кабалы; 28 – серебряная ваза из Байлакана; 29 – кувшинчик из Баку. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

Таблица 195. Украшения

1–6 – серебряные и бронзовые перстни из Байлакана, Гянджи, Баку, Кабалы, Шабрана; 7, 9 – подвески; 8 – обломок ручки котла из Байлакана; 10–13 – серебряные и бронзовые серьги из Байлакана, Мингечаура; 14–19 – накладки из Байлакана, Шабрана; 20, 21 – бронзовые бубенчики из Байлакана; 22, 23 – колокольчики из

Байлакана, Мингечаура; 24, 25 – пряжки из Шабрана, Топраккалы; 26, 27 – ожерелья из Мингечаура; 28, 29 – бронзовые литые фигурки птичек из Байлакана и Гянджи; 30 – стеклянная подвеска из Шабрана; 31 – бусы из Байлакана и Шабрана. Составлена по материалам Г.М. Ахмедова

Заключение

В томе представлен краткий итог почти двухсот-летнего изучения древностей Крыма с Таманским полуостровом, Северо-Восточного Причерноморья и Закавказья. Остановимся на самых важных результатах, к которым пришли авторы тома.

Последовательное рассмотрение средневековых древностей Крыма дает возможность составить историко-археологическую шкалу памятников с III–IV вв. н.э. до XIII в. Для каждой градации этой шкалы есть свой эталонный памятник или группа памятников, своеобразный репер, облегчающий ориентацию в той сложной исторической картине, которую запечатлели археологические памятники Крымского полуострова.

Средневековье в Таврике принято начинать с IV в. – времени гибели античных государств под ударами гуннов. Однако рубеж этот условен: варварские вторжения, приведшие к гибели античного мира, начались раньше. Так, гибель позднего Скифского царства и его столицы Неаполя Скифского многие исследователи связывают не с гуннским вторжением, а с готскими походами III в. н.э.

О готах следует сказать и потому, что именно они дали имя населению прибрежной полосы южной Таврики. Прокопий Кесарийский называет готами жителей страны Дори, которая занимала, по мнению одних ученых, южный берег Крыма, по мнению других – значительно более обширную территорию, включающую и юго-западное нагорье с так называемыми “пещерными городами” [Сидоренко В.А., 1987. С. 136–137].

Анализ вещевого материала и погребального обряда могильников Юго-Западного Крыма IV – первой половины VII в. привел к выводу об ассимиляции готов сармато-аланским населением. Этот трехвековой процесс, зафиксированный данными археологии и антропологии, историку – современнику тех событий не мешал называть все население именем этноса-завоевателя, как это случалось в исторической практике неоднократно.

На примере анализа раннесредневековых древностей Крыма приходится признать, что исторические события большой важности отнюдь не однозначно отражаются в синхронных им археологических материалах. Исторически зафиксированное вторжение новых этносов часто слабо отражается в предметах материальной культуры, особенно если это касается культурных напластований городов с многовековой историей. Так, вторжение сначала готов, а потом гуннов на Боспор не изменило существенного облика материальной культуры города, о них больше говорят следы пожаров и разру-

шений. Вероятно, в жизни древнего культурного города варварские вторжения и не могли повести к заметным изменениям традиционной материальной культуры.

По-другому складывалась судьба завоевателей там, где местное население не создало таких мощных культурных оазисов, какие образовались со времен греческой колонизации на Боспоре или в Херсоне. Так, наследники местного тавро-скифского населения Южного берега приняли приток и сармато-аланского и готского этноса, создав через 2–3 столетия новый этнический сплав, в котором четко улавливаются отличительные черты составивших его различных этнических групп, в частности, готов. Возможно, повторные вторжения последних, следовавшие после разгрома Рима Аларихом в 410 г., долго не давали исчезнуть и отличительным признакам готского этноса.

Причиной активного продвижения на Южный берег готов стало вторжение на полуостров в 70-х годах IV в. гуннов. Они заняли степную и предгорную часть полуострова и еще в VI в., по свидетельству Прокопия, занимали все пространство между Херсоном и Боспором. Однако археологических следов присутствия этих кочевников в массовом материале не много. На громадном пространстве южнорусских и крымских степей, на Днестре и в Придунавье обнаружено немногим больше десятка гуннских котлов, которые отмечают вторжение гуннов в европейский мир, оставившее столь глубокий след в трудах историков на долгие времена. Только в склепах боспорской знати IV–V вв. н.э. сохранились современные гуннской эпохе вещи, находящие прямые аналоги в гуннских памятниках Восточной Европы.

События раннего средневековья в Крыму наиболее ярко отражены на археологическом материале, полученном при раскопках и хронологических исследованиях таких памятников, как могильники типа Суук-Су, Лучистое, городское кладбище Боспора. Массовый керамический материал этого периода наиболее четко разработан в Херсонесе.

Эти археологические памятники, запечатлевшие этническую картину на южном берегу Крымского полуострова и в его восточной и западной частях, и образуют первые ступени воображаемой хронологической шкалы – с III до середины VII в.

Если переводить это на язык исторической периодизации, указанный отрезок времени включает в себя позднеантичный период и начальный период раннего средневековья. Активная деятельность Византии при императорах Юстине и особенно Юс-

тиниане, отраженная в письменных источниках и памятниках археологии, оправдывает название этого периода ранневизантийским.

Следующий отрезок этой шкалы иллюстрируют памятники, говорящие о вторжении на Крымский полуостров нового этнического компонента – тюрко-болгар. Они начали проникать туда после гибели Великой Болгарии, приазовского болгарского государства, распавшегося под ударами хазар во второй половине VII в.

С этого времени Таврика надолго, до X в., попала в орбиту влияния Хазарского каганата, вытеснившего Византию с ее древних позиций в Северном Причерноморье. Эта смена исторической обстановки археологически зафиксирована следами тотального разрушения византийского градостроительства в Херсонесе, на Боспоре и во многих других местах полуострова.

Хазарское владычество в Крыму привело к сильному изменению состава населения. Кочевые тюрки – древние болгары и хазары – оставили следы кочевий и постепенного оседания, формирования земледельческой оседлой культуры с характерной керамикой “салтово-маяцкого” облика.

Самые ранние памятники древних болгар представлены кочевническими погребениями, раскопанными у высоты “Сахарная головка” в Инкермане и у с. Айвазовское близ Феодосии (середина – вторая половина VII в.). Последующие этапы истории населения Крыма иллюстрируют уже оседлый быт. Это поселения и грунтовые могильники с выразительным и разнообразным материалом: керамикой, украшениями, монетами. Находки последних в Героевском, на Тепсене позволяют датировать самые поздние болгарские памятники началом X в. Сложные социальные процессы, происходившие в жизни тюркоязычных народов в период оседания во второй половине VII–VIII вв. иллюстрирует поселение Тау-Кипчак в центральной части горного Крыма.

Другой этнический массив, существовавший практически одновременно с болгарским, – сармато-алано-готский – оставил нам погребальные памятники совсем другого облика – это склепы. Богатый инвентарь склепов, раскопанных в Херсоне, Эски-Кермене, Мангупе, и убедительная разработка их детальной хронологии в рамках трех столетий – VIII–X – дает возможность сопоставления их с синхронными древностями других народов, живших в Крыму.

Это, в частности, касается третьего этнического массива, отличного по обряду и инвентарю от двух предыдущих. Это население, оставившее погребальные памятники в виде каменных ящиков, называемых плитовыми могилами. Оно проникло в Крым и Северо-Восточное Причерноморье с волной переселенцев-греков из Малой Азии, хлынувшей в эпоху иконоборчества и предшествующие ей

времена не только в Крым, но и в Южную Италию и на Балканы.

До появления в Таврике обычай захоронения в плитовых могилах был широко распространен в Малой Азии, Италии, Сирии, Византийской Африке, на Балканах. Многие исследователи считают, что он является продолжением еще античных традиций. В Таврике он появился в VIII–IX вв., некрополи располагаются возле синхронных поселений и монастырей.

Выразительные некрополи с плитовыми могилами раскопаны в Херсоне, Горзувитах, на Боспоре.

Последний период, который мы рассмотрели на археологическом материале Крымского полуострова, относится к развитому средневековью – это X–XIII вв. Мы убедились, какое большое значение имели для создания общей картины предшествующих периодов хронологические разработки. Не менее важны они и для развитого средневековья. Однако здесь есть свои специфические трудности. Христианские средневековые некрополи с бедным инвентарем и обычаем многоразовых захоронений в одной могиле не являются таким благодатным источником для разработки хронологии, какими были раннесредневековые некрополи или даже разрозненные погребения кочевников. Не менее трудны для разработки хронологии и многослойные города. Поэтому мы уделили особое внимание тем памятникам, где удалось провести глубокие стратиграфические зондажи (Жерчь) или выявить бесспорные комплексы с точными датами (Херсонес). Помимо этих городов, являющихся своеобразными эталонами, первый – для восточного, а второй – для западного Крыма, дополнительные зондажи в историческую действительность средневекового Крыма дают раскопки таких византийских крепостей, как Сугдея, Алустан, Горзувиты и многочисленные укрепления южного берега.

Начало второго тысячелетия принесло с собой вторжение новых этнических волн в Крым. Это печенеги и половцы. Письменные источники свидетельствуют о появлении печенегов в Причерноморских степях в конце IX в. Полстолетия понадобилось, чтобы они расселились на большом пространстве от Херсона до Боспора. Археологические свидетельства этого – погребальные памятники разных типов: могилы, впущенные в насыпь курганов или размещенные в городских некрополях, сохраняющие черты кочевнической обрядности. Судя по этим погребениям, печенеги оставались основным населением крымской степи до XI в. Это был тот постоянный надежный этнический массив, который обеспечивал реальной военной силой Византию в ее борьбе с Хазарским каганатом.

В результате, уже к середине X в. влияние хазар в Крыму было практически сведено на нет.

Новую перемену в этнической картине принес XII в., когда в Приазовскую степь вторгаются половцы. Их присутствие не только в степях, но и в городах Крыма подтверждается наличием погребений с характерным обрядом, находками половецких вещей в городских некрополях. Распространение половецких каменных изваяний, высеченных из местного камня, неопровержимо свидетельствует о постоянных половецких кочевьях в Крыму в XII в.

Перманентные вторжения разных народов в Крым нельзя расценивать как показатель постоянной смены населения. Так, археологически доказано, что печенеги продолжали кочевать в крымских степях и после вторжения половцев. Более того, возникновение смешанного, печенежско-половецкого погребального обряда говорит об активном смешении этих кочевых народов. Не кончился этот процесс и тогда, когда в начале XIII в. в Крым пришли новые завоеватели – татаро-монголы.

Итак, мы проследили на материале конкретных археологических памятников этническую картину Крымского полуострова на протяжении тысячелетия. Они отразили жизнедеятельность народов, о которых нам говорят сочинения таких авторов, как Прокопий Кесарийский, Кон스탄тин Багрянородный, Рубрук. Археология фиксирует и процессы ассимиляции, косвенно отраженные в обрядах захоронения, появления вещей-гибридов, в усвоении ремесленных приемов разных народов.

Однако археологические материалы, показывая смену этносов, и факты, говорящие о возможном их смешении, не приводят к выводу о сложении какого-то единого этноса на территории Крыма в рассматриваемую эпоху. Этническая мозаика Крыма оставила и в материальной культуре своеобразную мозаику, но не сплав.

Не менее выразительно иллюстрируют археологические материалы некоторые социальные процессы, сопровождавшие становление и развитие феодализма в Таврике.

Общество, застывшее на уровне военной демократии, демонстрируют могильники юго-западного Крыма IV–VII вв. Процессы оседания кочевников хорошо прослежены на материале древностей тюрок VII–VIII вв. Монастырское строительство VIII–IX вв. выразительно иллюстрирует появление крупной земельной собственности в Крыму в иконоборческий период. Этот процесс выразился в повсеместном строительстве замков светских феодалов, широко развернувшимся в этот период. Сельские поселения дают возможность заглянуть в процессы, происходящие в этот период в общинном землевладении. Наконец, материальная культура таких городов, как Херсон, дает представление о богатстве материальной и духовной культуры передовых центров Таврики в пору развитого феодализма.

В отличие от Крыма, Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье мало изучены, и в археологическом отношении весь этот регион освещен впервые как единое целое в нашем томе. Так, Таманский полуостров, представлявший до недавнего времени “белое пятно” на карте степной зоны юга Восточной Европы, предстает теперь как тщательно и разносторонне изученный регион. Его географические особенности, подробно исследованные свойства его ландшафта сопоставлены с характером заселения с древнейших времен. Карта археологических памятников, составленная с применением аэрофотосъемки и новейших топографических карт, позволяет восстановить систему расселения в разные эпохи, с расположением курганов, крепостей, городов и разветвленной сетью дорог.

Раскопки и разведки выявили на месте античных поселений, опустевших в середине III в. н.э., несколько групп поселений, к которым сходились сухопутные и водные пути. В каждом из них было одно, главное, располагавшееся на остатках римских крепостей и явно осуществлявшее роль центра округи: Ильичевское городище, Фанагория, Гермонасса. Они стали эталонными памятниками для Таманского полуострова. Тщательное исследование богатого археологического материала дало возможность узкой, до полстолетия, датировки поселений раннесредневекового времени. Итогом стал важный исторический вывод о гибели античной системы заселения на полуострове не в результате гуннского вторжения в IV в., а значительно ранее, в середине III в., в связи с неоднократными набегами германских племен, в частности, готов. Удалось даже определить направление этих набегов, производившихся из юго-восточного Приазовья.

Археологические исследования позволили уловить важные изменения в жизни населения полуострова в хазарский период: сложение нового типа скотоводческо-земледельческого хозяйства. Сравнительно с античным периодом, когда площадь распашки занимала около половины всей территории полуострова, в VIII–X вв. она составляла всего 1/10 его площади. Переместившиеся из Восточного Приазовья недавние кочевники, протоболгары только начинали осваивать земледельческие культуры, и полуостров занимали обширные степные пастбища с оазисами вокруг прудов и водоемов. Впрочем, сложившаяся ранее сельскохозяйственная система поселения продолжала существовать, как и система дорог и водных путей. Сплошное освоение всей территории полуострова с массой сельских поселений и двумя городами-портами – Таматархой и Фанагорией – обеспечили расцвет земель Таманского полуострова в VIII–X вв. Только археологически, путем тотальных разведок и раскопок, удалось документально подтвердить этот исторический факт.

Таматарха и Фанагория в письменных источниках упоминаются скупой, а как объекты археологических исследований оба они представляют поистине высшую степень сложности. Это объясняется многометровой толщей культурных напластований, постоянно подмываемых морем, остатками тысячелетнего домостроительства, пронизывающими аморфный грунт, и многочисленными разновременными ямами для добыwania ценного в этих краях строительного материала – ракушечника. Сложнейшая методика исследования многослойных городищ юга России вырабатывалась прямо на раскопе путем проб и ошибок. Отшлифованная трудами многих археологов, она дала свои плоды.

Наслоения, оставленные наследницей античной Гермонассы, Таматархи-Тмутаракани удалось расчленить на остатки строительства хазарского времени (VIII – первая половина X в.), тмутараканского (вторая половина X–XI вв.) и византийско-половецкого (XII – начало XIII в.). Несмотря на постоянное использование старых кладок для нового строительства, приведшее к тому, что ориентировка домов повторяла застройку античного времени, четко выявлены особенности домостроительства разных периодов, связанные с этносом, преобладающим в населении в то или иное время. Вместе с обстоятельно обработанным керамическим материалом эти особенности дали возможность судить о народах, населявших многоэтничный порт на берегу Боспора Киммерийского. Тщательное наблюдение за стратиграфией позволило уловить следы большого пожара, в котором погибла Таматарха. В напластованиях, оставленных Тмутараканью, были открыты фундаменты упоминаемой в летописи под 1023 г. церкви Святой Богородицы и участок мощной оборонительной стены, не упомянутой там. Археологические раскопки буквально открыли Тмутаракань, уже с XII в. ставшую “землей незнаемой”.

Не менее информативными они оказались и для Фанагории, расположенной в 21 км от Таманского городища и в античное время значительно превосходившей его по размерам. Средневековые напластования Фанагории убедительно разделены на пять строительных периодов от IV до начала X в. Открыт хорошо сохранившийся участок застройки типично хазарского облика. Две улицы, замощенные обломками амфор, состояли из четырех слоев мощения, большие дома с примыкавшими к ним дворишками защищали массивные заборы.

Подробное изучение основного материала, полученного при раскопках – керамики – позволило составить представление об этническом составе населения города в VI – начале X в. Помимо хазарной керамики, найдена посуда, характерная для алан, что говорит о проникновении их с Северного Кавказа на Таманский полуостров. Находки в Фа-

нагории иудейских надгробий подтверждают присутствие еще одного этноса – евреев, отмеченное и письменными источниками.

Тотальная археологическая разведка в округе Фанагории и аэрофотосъемка позволили установить, что к городу сходились пять крупных магистралей, связавших его с густо населенным полуостровом.

Археологические исследования позволили точно определить время и обстоятельства гибели цветущего города в конце IX или в начале X в. Он не погиб в пожаре разрушения, а был покинут населением, ушедшим со своим скарбом, спасаясь от нашествия новых кочевников, вероятно, печенегов. На обширном городище удалось выявить участки заселения, расположением своим на местности повторяющие типичное для кочевий размещение в соседстве с оврагами и ручьями. Малочисленный археологический материал, оставленный новым населением Фанагории, не вызывает сомнения в его принадлежности к кочевому миру.

Очевидно, что изучение древностей Таманского полуострова, начавшееся только в 30-е годы XX в. в наши дни переживает заметный взлет. Исследование исторического ландшафта, сплошная разведка и картографирование с учетом новейших топографических карт, аэрофотосъемка дополняют сведения, полученные при археологических раскопках и ставят на новую ступень информативность полевых исследований в целом. Можно сказать, что в наши дни территория Таманского полуострова стала своеобразной лабораторией, в которой совершенствуются новые методы, многократно обогащающие классическую методологическую базу археологии.

Полоса черноморского берега от Таманского полуострова по р. Псоу составляет территорию Северо-Восточного Причерноморья. Археологически она изучена хуже, чем Таманский полуостров, хотя изучение это началось еще в 80-е годы XIX столетия. Достаточно многочисленные, но разбросанные по различным изданиям публикации о раскопках средневековых памятников, не способствуют созданию общей картины происходивших в регионе событий и этнических процессов. Это усугубляется еще и тем, что средневековые слои, как правило, уничтожаются распашкой. Главы, посвященные археологии Северо-Восточного Причерноморья, впервые представляют достаточно подробный очерк итогов археологических исследований Черноморского побережья с учетом изысканий самых последних лет, проведенных в поле и в музеях юга России самими авторами.

Главная трудность при работе над этим разделом состояла в разнообразии археологического материала, пока никем не приведенного в систему. Особенно это касалось раннего средневековья. Поэтому основной задачей стала хронологизация древностей

III–IX вв., а основным методом – типолого-хронологический. В результате раннесредневековые древности Северо-Восточного Причерноморья были разделены на три периода (III–IV вв., V–VII, VIII–IX вв.), а археологический материал в пределах каждого из них удалось датировать до полустолетия. Каждый из периодов представлен материалами памятников, ставших эталонными: могильники Бжид, Борисовский, Дюрсо. Типологизация вещевого материала с тщательным отслеживанием малейших изменений предметов вооружения и костюма позволяют связать эти изменения с важными историческими событиями: вторжением нового этноса, следами слияния его с местным населением, связями населения с близкими (Абхазией, Северным Кавказом) и дальними регионами (Днепровско-Дунайской зоной). Не менее важное значение для решения этих вопросов имел анализ погребального обряда. Иногда он один позволял убедительно соотносить носителей его, например, кремаций VIII–IX вв. в Кубанско-Черноморском регионе, с определенным этносом, в данном случае, с касогами.

Вещественно улавливаются в Северо-Восточном Причерноморье следы военных отрядов германцев в III–IV вв. со свидетельствами адаптации к местным обычаям и даже со сменой гарнизонов. Есть некоторые данные для локализации в районе Сочи в послегуннское время известного древним авторам племен санигов, близких к абазгам и контактировавших с апсилами. Убедительно узнаются готы-тетракситы, переселившиеся с запада после разгрома гуннов в 50–60-е годы V в. и оставившие вместе с другими этническими группами могильник Дюрсо.

Этнографические особенности костюма германских племен указывают на связи их с бытом и обычаями военных гарнизонов Нижнего Подунавья, с ремеслом народов Кавказа, с населением Днепровско-Дунайской зоны. Вещественным отражением их стала ремесленная гарнитура воинских поясов так называемого геральдического стиля, местные ее формы с личинами, гарнитура с зернью. В целом разделы, посвященные раннему средневековью в Крыму и в Северо-Восточном Причерноморье дают прекрасный пример современной методологии обработки материала, совершенствующейся, начиная с работ А.К. Амброза, трудами многих археологов. Прочный каркас аналогий в синхронных древностях Западной Европы наглядно показывает включенность юга Восточной Европы в общеевропейский исторический процесс и многократно уточняет хронологию его важнейших событий. А самые “темные столетия” средневековья, эпоха “великого переселения народов” оживает, наполняясь археологическими реалиями.

Изучение памятников развитого средневековья в Северо-Восточном Причерноморье началось в 1886 г. с работ В.И. Сизова. Продолжались они и

позже, а в середине XX в. были обобщены в цикле статей Е.П. Алексеевой. За прошедшие десятилетия археологические материалы, относящиеся к эпохе развитого средневековья, значительно возросли и обобщение их стало насущной задачей. Раздел, публикуемый в нашем томе, несомненно облегчит ее решение. Помимо новейших материалов и нового взгляда на старые, его характеризует применение современных методов комплексного исследования с учетом данных палеоботаники, палеозоологии, биоморфного анализа. Сопоставление археологических данных со сведениями письменных источников позволяет достаточно полно представить этнический состав населения Северо-Восточного Причерноморья вплоть до монгольских походов в начале XIII в., существенно его изменивших.

Таким образом, каждый из больших регионов, представленных в томе, Крым, Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье, помимо обобщения громадных разновременных археологических материалов демонстрирует новые методы исследования, отвечающие современному уровню археологии: детальный типолого-хронологический анализ материалов, картографирование и аэрофотосъемку, изучение исторического ландшафта, различные методы естественных дисциплин.

Более традиционно написаны разделы, посвященные трем государствам Закавказья. Они подытоживают исследования, начатые в XIX в. и продолжавшиеся на протяжении всего XX в. Часто их результаты публиковались на национальных языках Грузии, Армении и Азербайджана, и уже это одно делает главы, представленные в томе, особенно ценными.

Главы, посвященные археологии Грузии, дают полное представление об источниковедческой базе, которой располагают современные исследователи: это первые грузинские письменные сочинения и богатейшие археологические памятники: города и города-крепости, сельские поселения и могильники. Памятники раннего средневековья (IV–VIII вв.), впервые открытые более 150 лет тому назад, в наши дни хорошо исследованы. Сведения о них представлены достаточно подробно в нашем томе, как в тексте, так и в иллюстративном материале. Важнейшая их особенность – тесная связь с античным наследием, свидетельствующая о непрерывности культурного процесса и духовного роста грузинского народа. Судьбоносное значение для последнего, принятие в 326 г. в качестве государственной религии христианства, получает многочисленные подтверждения в археологических материалах. Они же свидетельствуют о сложении самобытных черт грузинской культуры, по мнению автора, уже в этот ранний период.

Материальная культура Грузии эпохи развитого средневековья представлена богатейшими па-

мятниками архитектуры и художественных ремесел. Многочисленные наблюдения исследователей свидетельствуют о неразрывной связи ее с культурой предшествующего времени. На протяжении всего средневековья культура Грузии сохраняет тесные связи с соседними странами Передней Азии, Средиземноморского бассейна и Северного Кавказа.

Несмотря на индивидуальные особенности, археологические памятники Армении раннего и развитого средневековья красноречиво свидетельствуют об аналогичных явлениях глобального порядка: тесной связи с античным наследием, говорящей о непрерывности исторического процесса на территории страны, решающее значение принятия единой государственной религии – христианства для консолидации народа и его духовного роста, рано сложившиеся самобытные черты материальной культуры и поступательное

эволюционное развитие ее на протяжении всего средневековья.

Те же явления прослеживаются в Азербайджане. Народы древней Албании и Азербайджана претерпели, в связи с завоеванием своей страны сначала арабами, а потом – тюрками-сельджуками, смену христианства на ислам и смену языка индо-европейской группы на тюркский язык победителей. Несмотря на это, объединяющие культурные и этногенетические процессы шли параллельно с развитием и укреплением государственных структур, формировавшихся в течение тысячелетия на этой древней земле.

Археологический материал, собранный в томе, позволяет судить о глобальных исторических процессах, протекавших на охваченных исследованиями археологов землях Крыма, Северо-Восточного Причерноморья и Закавказья на протяжении целого тысячелетия.

Литература

- Абегян М., 1948. История древнеармянской литературы. Ереван. Т. I.
- Абрамишвили Г.В., 1972. Цикл Давида Гароджели в грузинской монументальной живописи. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Абрамишвили Г.В., 1977. Сокровищница Музея искусств Грузии. Тбилиси.
- Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры: Периодизация и хронология // БС. Вып. 2.
- Абрамов А.П., 1999. Городище Патрей: Периодизация и топография // Патрей: Материалы и исследования. М.
- Абрамова М.П., 1959. Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. № 1.
- Абрамова М.П., 1970. Исследования Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // КСИА. Вып. 124.
- Абрамова М.П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.
- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
- Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.
- Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. О происхождении культуры Андрей-Аульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Абрамян А.Г., 1964. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван.
- Абрамян А.Г., 1983. Гладзорский университет. Ереван. На арм. яз.
- Абрамян В.А., 1956. Ремесла Армении в IV–XVIII вв. Ереван. На арм. яз.
- Агатангелос, 1909. История Армении. Тифлис. На арм. яз.
- Азарян Л., 1975. Армянская раннесредневековая скульптура. Ереван. На арм. яз.
- Азимбеков И., 1925. Селение Нардаран и его древности // ИААК. Вып. 1.
- Азимбеков И., 1927. Памятники старины в с. Нардан // ИАКОПСИП. Вып. 3.
- Азимова Л.А., 1977. Некоторые нумизматические данные о государстве Саджидов // ИАН АЗССР. Баку. Сер. истории, философии и права. № 3.
- Айбабин А.И., 1976. Стекланные рюмки из раннесредневековых могильников Крыма // СГЭ. № XLI.
- Айбабин А.И., 1977. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. № 1.
- Айбабин А.И., 1979. Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // КСИА. Вып. 158.
- Айбабин А.И., 1982. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // ДЭВПН.
- Айбабин А.И., 1982а. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. № 3.
- Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.
- Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I.
- Айбабин А.И., 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. II.
- Айбабин А.И., 1993. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV–VI в. // МАИЭТ. Вып. III.
- Айбабин А.И., 1993а. Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III.
- Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин А.И., 2000. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Вып. VII.
- Айбабин А.И., Хайрединова З.А., 1996. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. Вып. V.
- Айбабин А.И., Хайрединова З.А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI.
- Акопян Н.Г., 1981. Художественный металл средневековой Армении IX–XIII вв. // Археологические памятники Армении. Ереван. Вып. 10. На арм. яз.
- Аладашвили Н., 1957. Рельефы Никорцминда: О фасадной скульптуре Грузии. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. и нем. яз.
- Аладашвили Н.А., 1977. Монументальная скульптура Грузии: Сюжетные рельефы V–XI вв. М.
- Аладашвили Н., Алибегашвили Г., Вольская А., 1966. Росписи художника Тевдоре в Верхней Сванетии. Тбилиси.
- Алекперов А.К., 1927. Поездка в Зангезур и Нахичеванский край // ИООИА. № 4.
- Алекперов А.К., 1960. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку.
- Алекперов А.К., 1960а. Раскопки Оленкалы // Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку.
- Александрович-Насифи Д., 1926. Ганджа и могила Низами // ИААК. Вып. 2.
- Александровский А.Л. и др., 1999. Александровский А.Л., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Малышев А.А., Смекалова Т.Н. Равесское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // Древности Боспора. М. Вып. 2.
- Алексеев В.П., 1967. Антропологические данные к происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
- Алексеева Е.М., 1997. Античный город Горгиппия. М.
- Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1979. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9485.
- Алексеева Е.П., 1954. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов-черкесов // ТКЧНИИ. Черкесск. Т. II.
- Алексеева Е.П., 1959. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // ТКЧНИИ Черкесск. Вып. III.
- Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // ТКЧНИИ. Ставрополь. Вып. IV.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.
- Алексеевко Н.А., 1996. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Вып. V.
- Алексеевко Н.А., 1998. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. Вып. VI.
- Алибегашвили Г., 1957. Четыре портрета царицы Тамары. Тбилиси.
- Алиев В., 1965. Средневековое поселение около с. Вайхыр // МКА. Т. VI.
- Алиев В.Г., 1978. Археологические исследования 1974 года в Кюльтепе II // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку.
- Алишан Г., 1881. Ширак. Венеция. На арм. яз.
- Альтман М.М., 1949. Исторический очерк города Гянджи. Баку.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР: II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. М. Вып. Д1-30.
- Амброз А.К., 1966а [Рецензия] // СА. № 4. Рец. на кн.: Werner J. Katalog der Sammlung Diergart: Die Fibeln. Berlin, 1961.

- Амброз А.К., 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. Вып. 113.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Амброз А.К., 1973. [Рецензия] // СА. № 2. Рец. на кн.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1963.
- Амброз А.К., 1974. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2441.
- Амброз А.К., 1979. К статье А.В. Дмитриева // СА. № 4.
- Амброз А.К., 1980. [Рецензия] // СА. № 1. Рец. на кн.: Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfund in Italien // Biblioteca degli "Studi Medievali". Spoleto, 1975. [Fasc.] VII.
- Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Амброз А.К., 1982. О двупластинчатых фибулах с накладками – аналогии к статье А.В. Дмитриева // ДЭВПН.
- Амброз А.К., 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М.
- Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.
- Амброз А.К., 1992. Боспор: Хронология раннесредневековых древностей // БС. Вып. 1.
- Амброз А.К., 1994/1995. Юго-Западный Крым: Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV.
- Амиранашвили Ш.Я., 1956. "Бека Опизари". Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Амиранашвили Ш.Я., 1957. История грузинской монументальной живописи. Тбилиси. Т. I.
- Амиранашвили Ш.Я., 1963. Вклад Грузии в сокровищницу художественной культуры. Тбилиси.
- Амиранашвили Ш.Я., 1971. История грузинского искусства. Тбилиси. На груз. яз.
- Андрусов Н.И., 1900. Отчет об экскурсии на Керченский и Таманский полуострова // Зап. Санкт-Петербургского минералогического общества. СПб. Сер. II. 4. Вып. 39.
- Андрусов Н.И., 1903. Геологические исследования на Таманском полуострове // Материалы для геологии России. СПб. Т. XXI.
- Анна Комнина, 1996. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб.
- Анохин В.А., 1977. Монетное дело Херсонеса. Киев.
- Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Антипина Е.Е. и др., 2001. Антипина Е.Е., Армарчук Е.А., Вязкова О.Е., Гей А.Н., Гольева А.А., Лебедева Е.Ю., Малышев А.А. Междисциплинарные исследования археологических памятников предгорий Северо-Западного Кавказа // Древности Боспора. М. Вып. 4.
- Античные государства Северного Причерноморья, 1994. М. (Археология СССР).
- Антонова И.А., 1963. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. Вып. 3.
- Антонова И.А., 1971. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. Вып. 7.
- Антонова И.А., 1976. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Вып. 13.
- Антонова И.А., 1990. Рост территории Херсонеса // Византия и сопредельный мир. Свердловск.
- Антонова И.А., 1996. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса // ХС. Вып. VII.
- Антонова И.А., 1997. Административные здания Херсонесской вексильи и фемы Херсона // ХС. Вып. VII.
- Антонова И.А. и др., 1971. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.Н., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7.
- Анфимов Н.В., 1956. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1385.
- Анфимов Н.В., 1957. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции за 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1675.
- Анфимов Н.В., 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Анакидзе А.М., 1959. Мцхета – древняя столица Картлийского царства. Тбилиси. На груз. яз.
- Анакидзе А.М., 1968. Города и городская жизнь древней Грузии. Тбилиси.
- Анакидзе А.М., 1978. "Великий Питиунт": Археологические раскопки в Пицунде // Великий Питиунт. Тбилиси. [Кн.] III.
- Анакидзе А.М. и др., 1958. Анакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А. Мцхета: Итоги археологических исследований // Археологические памятники Армазисхеви. Тбилиси. [Т.] I.
- Апрасидзе Г.П., 1985. Средневековые города Грузии (XI – первая половина XIII в.): АДД. Тбилиси.
- Апхазова Н.И., 1979. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Апхазова Н.И., 1981. Материальная культура раннесредневековой Восточной Грузии: (Вопросы археологической хронологии по данным украшений): АКД. Тбилиси.
- Апхазова Н.И., 1988. Нижний Алеви в раннем средневековье: Каталог с исследованием // Археологические памятники Ксанского ущелья. Тбилиси. [Вып.] I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Аракелян Б.Н., 1949. Сюжетные рельефы Армении IV–VII вв. Ереван. На арм. яз.
- Аракелян Б.Н., 1951. Гарни. Ереван. [Кн.] I.
- Аракелян Б.Н., 1957. Гарни. Ереван [Кн.] II.
- Аракелян Б.Н., 1958. Города и ремесла Армении в IX–XIII вв. Ереван. [Кн. I]. На арм. яз.
- Аракелян Б.Н., 1964. Города и ремесла Армении в IX–XIII вв. Ереван. [Кн. 2]. На арм. яз.
- Аракелян Б.Н., 1982. Арташат I: Основные результаты раскопок 1970–1977 гг. Ереван.
- Аракелян Б.Н., Караханян Г.О., 1962. Гарни. Ереван. [Кн.] III: Результаты раскопок 1949–1959 гг. (средние века). На арм. яз.
- Аржанцева И.А., 1995. Отчет о работах на городище Горное Эхо (г. Кисловодск) и Ачипсинской крепости (Красная Поляна, район Большого Сочи) в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19517.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып. III.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 2001. Изучение эволюции систем расселения на Северо-Западном Кавказе на примере памятников Черноморья // АО, 2000 г.
- Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж. Вып. 15.
- Арсеньева Т.М., 1970. Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. № 155.
- Арсеньева Т.М., 1977. Некрополь Танаиса. М.
- Артамонов М.И., 1946. Древний Дербент // СА. № VIII.
- Артамонов М.И., 1958. Саркел-Белая Вежа // МИА № 62.
- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
- Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. № 109.
- Артилакба В.Е., 1976. Железообрабатывающее ремесло древней Грузии. Тбилиси.
- Арутюнян А.Х., 1941. Применение красок и чернил в древне-армянских рукописях. Ереван. На арм. яз.
- Арутюнян В.М., 1950. Архитектурные памятники Двина V–VII вв. Ереван. На арм. яз.
- Арутюнян В.М., 1953. Новый памятник светского значения VII в. // ИАН АрмССР. Ереван. Обществ. науки. № 8. На арм. яз.

- Арутюнян В.М., 1963. Крепость-город Лори // ИФЖ. № 3. На арм. яз.
- Арутюнян С.В., 1978. Анберд. Ереван. На арм. яз.
- Археология Грузии, 1959. Археология Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Арчвадзе Т.Д., 1998. Неполивная керамика Восточной Грузии IX–XIV вв. Рукопись. Центр археологических исследований АН Грузии. Тбилиси.
- Асатрян Е.А., 1981. Раскопки поселения Катнахпюр // Тезисы полевых археологических исследований в АрмССР 1979–1980 гг. Ереван. На арм. яз.
- Асланов Г.М., 1955. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. Вып. 60.
- Асланов Г.М., 1963. Материальная культура Мингечаура I–VII вв.: АКД. Баку.
- Асланов Г.М. и др. 1966. Асланов Г.М., Голубкина Т.И., Садыкхадзе Ш.Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку.
- Атавин А.Г., 1986. Средневековые погребения из Фанагории // СА. № 1.
- Атавин А.Г., 1987. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М.
- Атавин А.Г., 1988. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи: ТД. М.
- Атавин А.Г. 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. Вып. 1.
- Атавин А.Г., 1993. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // БС. Вып. 2.
- Атавин А.Г., 2001. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж. Вып. 15.
- Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В., Шеремет Б.В., 1979. Почвы СССР. М.
- Аханов И.И., 1939. Отчет по археологическим раскопкам Геленджикского районного краеведческого музея в 1939 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 1, 1а.
- Ахмедов Г.М., 1959. Неполивная керамика Азербайджана (по материалам IX–XIII вв. из раскопок Оленкала). Баку.
- Ахмедов Г.М., 1959а. Неполивная керамика Оленкала IX–XIII вв. // Тр. Азербайджанской экспедиции. Т. I. (МИА. № 67).
- Ахмедов Г.М., 1960. Башнеобразный глиняный сосуд из раскопок Оленкала // Докл. АН АзССР. Баку. № 12.
- Ахмедов Г.М., 1962. Оленкала (краткий историко-археологический очерк). Баку. На азерб. яз.
- Ахмедов Г.М., 1962а. Поздняя городская стена города Байлакана // ИАН АзССР. Баку. СОН. № 6.
- Ахмедов Г.М., 1964. О “тимуровской” стене города Байлакана // СА. № 1.
- Ахмедов Г.М., 1965. Некоторые итоги археологических раскопок городища Оленкала в 1959–1963 гг. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Ахмедов Г.М., 1978. Археологические раскопки 1975 года в южной части городища Кабала (Кала) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку.
- Ахмедов Г.М., 1979. Средневековый город Байлакан (историко-археологическое исследование). Баку. На азерб. яз.
- Ахмедов Г.М., Ибрагимов Ф.А., 1970. Раскопки на городских воротах Байлакана // АО. 1969 г.
- Ахмеров Р.Б., 1951. Уфимские погребения VI–VIII вв. н.э. // КСИИМК. Вып. XL.
- Ахундов Д.А., 1974. О происхождении, значении и датировке Бакинского башенного храма (Гыз-галасы) // Учен. Зап. М-ва высш. и средн. спец. образования АзССР. Баку. Сер. X, № 1.
- Ацуни В., 1923. История национальной одежды древних армян. Венеция: Св. Лазарь. На арм. яз.
- Ашик А., 1848. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса. Ч. I.
- Бабаян Ф.С., 1981. Орнаментальные мотивы художественной керамики средневековой Армении. Ереван. На арм. яз.
- Бабенчиков В.П., 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.
- Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник // АП. Т. XIII.
- Бабенчиков В.П., 1980. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // Зап. Одесского археологического общества. Одесса. № 1 (34).
- Бажан И.А., Шукин М.Б., 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов // АСГЭ. Вып. 30.
- Бакрадзе Д., 1880. Об археологической поездке, совершенной в 1879 г. по поручению Академии наук в Чорохский бассейн, в Батум, Артвин и Артануджи // ЗИАН. СПб. Т. 137, I.
- Банк А.В., 1938. Керамика из Дманиси и Херсонеса // Памятники эпохи Руставели. Л.
- Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.
- Баранов И.А., 1979. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии. Свердловск.
- Баранов И.А., 1981. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. София. [Вып.] 2.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.
- Баранов И.А., 1994. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // Byzantinorussika. М. № 1.
- Барановский П.Д., 1947. Памятники в селениях Кум и Лекит // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Москва; Баку.
- Бармина Н.И., 1995. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым. Симферополь.
- Бархударян С.Г., 1963. Средневековые армянские архитекторы и мастера по камню. Ереван. На арм. яз.
- Басили, 1985. Жизнь царицы царей Тамар / Пер. с груз. и введение В.Д. Дондуа; Исслед. и примеч. М.М. Бердзенишвили. Тбилиси.
- Бахтадзе Н., Лежава П., 2001. Итоги архитектурного и археологического исследования пещерных комплексов Зуртакертского ущелья // Материалы сессии по пещерным памятникам Грузии. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Бгажба О.Х., 1972. Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.): АКД. М.
- Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н., 1980. Памятники села Герзеул. Сухуми.
- Беленицкий А.М., 1950. Раскопки здания № 1 на шахрестане Пенджикента (1947) // МИА. № 15.
- Белов Г.Д., 1936. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь.
- Белов Г.Д., 1938. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Севастополь.
- Белов Г.Д., 1941. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. № 4.
- Белов Г.Д., 1953. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. № 34.
- Белов Г.Д., 1959. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХС. Вып. V.
- Белов Г.Д., 1965. Стеклоделие в Херсонесе // СА. № 3.
- Белов Г.Д., 1969. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. Вып. 116.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., 1953. Кварталы XV и XVI // МИА. № 34.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. Квартал XVIII // МИА. № 34.

- Белов Г.Д., Якобсон А.Л., 1953. Квартал XVII // МИА. № 34.
- Белова Л.Н., 1953. Монеты из раскопок кварталов XV–XVIII // МИА. № 34.
- Белова-Кудь Л.Н., 1936. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г. // Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь.
- Белый А.В., 1993. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен: Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.
- Белый А.В., Назаров В.В., 1992. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен: Постройка № 2 // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь.
- Беляев С.А., 1968. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. VII.
- Бердзенишвили Д.К., 1979. Очерки из исторической географии Грузии. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Бердзенишвили К.И., 1959. Позднеантичная керамика Цебельды // МАГК. Т. II. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Березовец Д.Т., Пархоменко О.В., 1986. Салтовская культура // Археология УССР. Киев. Т. 3.
- Беридзе В.В., 1981. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси.
- Бернштам А.Н., 1949. Находки у оз. Боровое в Казахстане // Сборник МАЭ. Л.; М. Т. XII.
- Бертье-Делагард А.Л., 1893. Раскопки Херсонеса // МАР. Вып. 12.
- Бертье-Делагард А.Л., 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. № 57.
- Бжания В.В., 1972. Работы Причерноморского отряда в Краснодарском крае // АО, 1971.
- Блаватский В.Д., 1940. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. № 3/4.
- Блаватский В.Д., 1941. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. № 1.
- Блаватский В.Д., 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. № 19.
- Блаватский В.Д. 1951а. Харакс // МИА. № 19.
- Блаватский В.Д., 1958. Об археологическом исследовании хоры // Вестн. МГУ. Ист.-филол. серия. № 4.
- Блаватский В.Д., 1959. Пятый год работ в Синдике // КСИА. Вып. 74.
- Блаватский В.Д. 1960. Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. № 2.
- Блаватский В.Д., 1961. Подводные раскопки древней Фанагории // СА. № 1.
- Блаватский В.Д. 1962. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. № 103.
- Блаватский В.Д., 1985. Античная археология и история. М.
- Блаватский В.Д., Кузицин В.И., 1959. Подводные разведки в 1958 г. // Вестн. АН СССР. № 1.
- Блаватский В.Д., Кузицин В.И., 1961. Подводные разведки в 1958 г. // КСИА. Вып. 83.
- Бобринский А.А., 1911. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году // ИАК. Вып. 40.
- Бобчев С.Н., 1961. Крепостные кули с издаден остръ рѣб и значението им за укрепяването на античные градове // Изв. на Археологически институт. София. [Т.] XXIV.
- Богачев А.В., 1992. Процедура-методические аспекты археологического датирования. Самара.
- Богачев А.В., 1996. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // КЕС. Вып. 1.
- Богданова Н.А., 1982. Погребальный обряд сельского населения поздне скифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. Ч. 2. (Тр. ГИМ. Вып. 54).
- Богданова Н.А., 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. (Тр. ГИМ. Вып. 70).
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. Могильник Скалистое III в. Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. № 4.
- Богданова Н.М., 1986. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. Т. 47.
- Богданова Н.М., 1991. Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.
- Богословская И.Н., Богословский О.В., 1992. Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.
- Болгов Н.Н., 1996. Закат античного Боспора: Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород.
- Борисов А.А., 1965. Палеоклиматы территории СССР. Л.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.
- Борисов Б.Д., 1998. О происхождении одного вида керамики граффито // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. научн. конференции. Ялта, 25–29 мая 1998 г. Симферополь.
- Бородин О.Р., 1991. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М.
- Бохочадзе А., 1963. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам (с древнейших времен до XII–XIII вв.). Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Бохочадзе А., Каландадзе А., Пицхелаури К., 1962. К итогам работ Мхетской археологической экспедиции в 1961 г. // Итоги полевых исследований на территории ГрузССР в 1961 г. Тбилиси. На груз. яз.
- Бочоришвили Л., 1949. Грузинская керамика. Тбилиси. [Кн.] I: Кахетская. На груз. яз.
- Брашинский И.Б., 1965. Отчет о работе Восточно-Причерноморского отряда Ленинградского отделения ИА АН СССР в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3178.
- Бретаницкий Л.С. и др., 1947. Бретаницкий Л.С., Датищев С.И., Елькин Г.А., Мамиконов А.Г., Мотис Д.А. Укрепление в Бакинской бухте // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Москва; Баку.
- Брун Ф.К., 1880. Черноморье. Одесса. Ч. II.
- Бугианашвили Т. и др., 1966. Бугианашвили Т., Дедабришвили Ш., Тушабрамишвили Д., Мухелишвили Д., Рамишвили Р., Пицхелаури К. Отчет работы Кахетской археологической экспедиции в 1965 г. // XV научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1965 г. Тбилиси. На груз. яз.
- Буданова В.П., 1990. Готы в эпоху великого переселения народов. М.
- Буниятов З.М., 1959. Новые данные о местонахождении крепости Шаки // Докл. АН АзССР. Баку. № 9.
- Буниятов З.М., 1965. Азербайджан в VII–IX вв. Баку.
- Буниятов З.М., 1978. Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225 годы). Баку.
- Быков А.А., 1938. Грузинские монеты XII–XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л.
- Вайдов Р.М., 1954. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур) // КСИИМК. Вып. 54.
- Вайдов Р.М., 1957. Средневековые поселения Мингечаура // Тр. Ин-та истории АН АзССР. Баку. Т. XI. На азерб. яз., резюме на рус. яз.
- Вайдов Р.М., 1961. Мингечаур в III–VIII вв. Баку. На азерб. яз.
- Вайдов Р.М., 1965. Археологические раскопки в Гяуркала // МКА. Т. VI. На азерб. яз.
- Вайдов Р.М., 1965а. Первые итоги археологических работ в Торпаккале // МКА. Т. VI. На азерб. яз.
- Вайдов Р.М., 1980. Керамические печи Торпаккалы // МКА. Т. IX. На азерб. яз.

- Вайдов Р.М., Геюшев Р.Б., Гулиев Н.М., 1979. Раскопки на городище Торпаккала // АО, 1978 г.
- Вайдов Р.М., Гулиев Н.М., 1973. Городище Таузское Торпаггала // Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. в Азербайджане: ТД. Баку.
- Вайдов Р.М., Гулиев Н.М., 1974. О тождестве городища Торпаггала и города Хуна // АПФГ. Т. II.
- Вайдов Р.М., Гулиев Н.М., 1978. Раскопки на участке III городища Торпаггала // АО, 1977 г.
- Вайдов Р.М., Гулиев Н.М., Гасымов Э.А., 1978. Археологические работы Таузского отряда в 1975 г. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975). Баку.
- Вайдов Р.М., Мамедзаде К.М., Гулиев Н.М., 1972. Новый памятник архитектуры Кавказской Албании // АО, 1971 г.
- Вайдов Р.М., Фоменко В.Н., 1951. Средневековый храм в Мингечауре // МКА. Т. II.
- Вайнштейн С.И., 1966. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л. Т. II.
- Варданян Р.О., Калантарян А.А., 1983. Образцы ранневизантийских денежно-весовых единиц из раскопок Двина // Тез. научн. сессии, посвященной полевым археологическим работам 1981–1982 гг. в АрмССР. Ереван.
- Васильев А.А., 1921. Готы в Крыму // ИРАИМК. Т. I.
- Васильев А.А., 1927. Готы в Крыму // Изв. ГАИМК. Вып. V.
- Васильевский В.Г., 1909. Труды. СПб. Т. 2, вып. 1.
- Васильевский В.Г., 1912. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб. Т. 2, вып. 2.
- Васильевский В.Г., 1915. Труды. Пг. Т. 3.
- Вашкова Н., Рунина Н., 1928. Археолого-топографическое обследование Таманского полуострова // Сборник научного археологического кружка при МГУ. М. Вып. 1.
- Веймарн Е.В., 1958. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М.
- Веймарн Е.В., 1958а. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. М.
- Веймарн Е.В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. Т. XIII.
- Веймарн Е.В., 1968. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Веймарн Е.В., Амброз А.К., 1980. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. № 3.
- Великий Пятиунт, 1975. Великий Пятиунт / Под ред. А.М. Апакидзе. Тбилиси. [Кн.] I. На груз. и рус. яз.
- Великий Пятиунт, 1977. Великий Пятиунт / Под ред. А.М. Апакидзе. Тбилиси. [Кн.] II. На груз. и рус. яз.
- Великий Пятиунт, 1978. Великий Пятиунт / Под ред. А.М. Апакидзе. Тбилиси. [Кн.] III. На груз. и рус. яз.
- Веселовский Н.И., 1911. Статуи воинов из категории “каменных баб” // ИТУАК. № 45.
- Виноградов Ю.А., 2000. Раскопки поселения Артюшенко 1 на Тамани // АО, 1998 г.
- Виноградов Ю.Г., 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия: (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. № 1.
- Вирсаладзе Т.Б., 1955. Фресковая роспись художника Микаэла Маглакели в Мацхвариши // Грузинское искусство. Тбилиси. [Вып.] IV.
- Вирсаладзе Т.Б., 1959. Фрагменты древней фресковой росписи главного Гелатского храма // Грузинское искусство. Тбилиси. [Вып.] V.
- Вишнякова А.Ф., 1939. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. № 1.
- Войцеховский С.Ф., 1929/1930. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Зап. СКОАИЭ. Кн. I, т. 3. Вып. 5–6.
- Волков И.В., 1989. Импортная аморфная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов/Д.
- Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов. Вып. 1.
- Волков И.В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 10.
- Волков И.В., 1999. Таманские острова в “Книге путешествия” Эвлии Челеби // ДК. Вып. 15.
- Воронов Ю.Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.
- Воронов Ю.Н., 1971. Разведки в Абхазской АССР // АО, 1970 г.
- Воронов Ю.Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
- Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Воронов Ю.Н., 1979а. Материалы по археологии Абхазии и Сангии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси.
- Воронов Ю.Н., 1984. Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565) // XIII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Воронов Ю.Н., 1988. К локализации Никопсии // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Воронов Ю.Н., 1998. Колхида на рубеже средневековья. Сухум.
- Воронов Ю.Н., 1998а. Древняя Апсидия. Сухум.
- Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., 1987. Крепость Цибилум – один из узлов кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. Т. 48.
- Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К., Логинов В.А., 1989. Исследования крепостей и могильников в Цебельде // Археологические открытия в Абхазии в 1984 г. Тбилиси.
- Воронов Ю.Н., Ситникова Л.Н., Ситников Л.Л., 1970. Археологические разведки в бассейне Мзымты // АО, 1969 г.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // ДЭВПН.
- Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1979. Ранний горизонт (II–IV вв. н.э.) в могильниках Цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. № 1.
- Высотская Т.Н., 1964. Про виробництво скла в пізньюантичному Криму // Археологія. Київ. Вып. 16.
- Высотская Т.Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Высотская Т.Н., 1987. Этнический состав населения Крымской Скифии // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Высотская Т.Н., Махнева О.А., 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев.
- Габашвили В.Н., 1955. Грузинская историография // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Т. I.
- Габашвили В.Н., 1964. Административное устройство города Тбилиси в X–XI вв. // Тр. Тбилисского гос. ун-та. Т. 108.
- Габриадзе А.А., 1999. Кутаиси в X–XV вв.: АКД. Тбилиси.
- Гаврилина Л.М., 1991. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X в. Нижнего Поволжья // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста.
- Гаврилов А.В., 1996. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. Вып. V.

- Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
- Гавритухин И.О., 2000. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völker Wanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Lodz.
- Гавритухин И.О. и др. 1996. Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Соросовские лауреаты. М.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. Вып. 2.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гаглойти Р., 1981. Некоторые итоги раскопок Монастырского могильника // ПАИ 1978 г. Тбилиси.
- Гагошидзе Ю.М., 1981. Украшения грузинской женщины. Тбилиси. На груз. и рус. яз.
- Гадиров Ф.В., 1975. Раскопки на крепостных стенах Сельбира (Кабала) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). Баку.
- Гадиров Ф.В., 1978. Работы 1975 года на городище Кабала (Сельбире) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку.
- Гадло А.В., 1968. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА. Вып. 113.
- Гадло А.В., 1969. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. № 1.
- Гадло А.В., 1971. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гадло А.В., 1980. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции в средние века. Свердловск.
- Гадло А.В., 1991. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л.
- Гайдукевич В.Ф., 1940. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические раскопки на Керченском полуострове в 1937–1939 гг. // ВДИ. № 3/4.
- Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.
- Гайдукевич В.Ф., 1952. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. № 25.
- Гайдукевич В.Ф., 1952а. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25.
- Гайдукевич В.Ф., 1958а. Илурат // МИА. № 85.
- Гайдукевич В.Ф., 1959. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69.
- Гарибян И.Г., 1970. Раскопки города Лоре // Вестн. Ереванского ун-та. № 3. На арм. яз.
- Гарибян И.Г., 1983. Гладзор. Ереван. На арм. яз.
- Гаркави А.Я., 1891. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Тр. IV Археологического съезда. Казань. Т. 2.
- Гвинчидзе Г.О., 1981. Погребальные памятники Нокалакеви // Нокалакеви-Археополис. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Гевонд, 1862. История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К. Патканов. СПб.
- Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // ВАУ. Вып. I.
- Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.
- Георгикиа, 1952. Сведения византийских историков о Грузии // Пер. и ред. С. Каухчишвили. Тбилиси. Т. IV, ч. II. На груз. и греч. яз.
- Герцен А.Г., 1990. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Вып. I.
- Герцен А.Г., 1995. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. Симферополь.
- Герцен А.Г., 2001. Мангуп – город в Крымском поднебесье. Симферополь.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М., 1992. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М., 1996. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь.
- Герцен А.Г., Сидоренко В.А., 1988. Чамнубурунский клад монет-имитаций: К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ.
- Геюшев Р.Б., 1968. Крест-камень с бытовым изображением, обнаруженный в поселении Сыгнах // ИАН АЗССР. Сер. истории, философии и права. № 4.
- Геюшев Р.Б., 1970. Аракская экспедиция // АО, 1969 г.
- Геюшев Р.Б., 1973. О типологии и закономерностях развития погребальных обрядов Кавказской Албании (IV–VII вв.) // Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. в Азербайджане: ТД. Баку.
- Геюшев Р.Б., 1975. Амарас-Агоглан. Баку. На азерб. яз.
- Геюшев Р.Б., 1978. Работы на городище Гявуркала // АО, 1977 г.
- Геюшев Р.Б., Мамедов Р.А., 1980. Археологические раскопки на территории города Нахичевани // МКА. Т. IX.
- Геюшев Р.Б., Нуриев А.Б., 1978. Поселение Татлы // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку.
- Геюшев Р.Б., Нуриев А.Б., 1980. Стекловарная печь у Амарасского монастыря // МКА. Т. IX. На азерб. яз.
- Гзелишвили И.А., 1947. Кремационные остатки в глиняном сосуде в Абхазии // Вестн. АН Грузии. Т. VII, 2. На груз. и рус. яз.
- Гзелишвили И.А., 1956. Итоги раскопок на селище Нахичавеби // Изв. АН ГрузССР. Вып. XVII, № 7. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Гзелишвили И.А., 1964. Селище Нахичавеби // Вестн. АН ГрузССР. Вып. XXXIV, № 3. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Гзелишвили И.А., 1966. Грузинское село эпохи Руставели // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси. На груз. яз.
- Гзелишвили И.А., Ткешелашвили О.В., 1961. Памятники материальной культуры г. Тбилиси (по археологическим раскопкам 1956–1957 гг.). Тбилиси. На груз. яз.
- Гилевич А.М., 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. Вып. 3.
- Гиришман Р.М., 1978. Происхождение “чахартак” // История и археология Средней Азии. Ашхабад.
- Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9.
- Голенко К.В., 1970. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. № 2.
- Голофаст Л.А., 1996. Штампы V–VII вв. на посуде группы “африканской краснолаковой” из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Вып. V.
- Голофаст Л.А., 1998. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. Вып. VI.
- Голофаст Л.А. и др., 1991. Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон. М.
- Гордлевский В.А., 1960. Избранные сочинения. М. Т. I.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А., 1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. № 3.
- Гочиашвили М., 1986. Средневековый могильник Дманисского городища // ДПК. № 3.

- Григор Магистр. 1910. Письма. Александрополь. На древнеарм. яз.
- Гулиев Н.М., 1972. Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье: АКД. Баку.
- Гумилев Л.Н., 1967. Древние тюрки. М.
- Гунба М.М., 1978. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси.
- Гунба М.М., 1979. Новые материалы по археологии средневекового Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси.
- Гунба М.М., 1988. Средневековый Сухуми // Научная конференция по археологии Кавказа: Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных): ТД. Тбилиси.
- Гусейнов С.Б., Квачидзе В.А., 1979. К семантике гончарных клейм из Бяндована // Докл. АН АзССР. Т. 35, № 4.
- Гущина И.И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы: Сб. научн. статей. М.
- Гюзальян Л.Т., 1959. Надписи на местной керамике из Оленка // МИА. № 67.
- Даньшин Д.И., 1990. Танаиты и Танаисцы во II–III вв. н.э. // КСИА. Вып. 197.
- Даньшин Д.И., 1993. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. № 1.
- Дашевская О.Д., 1969. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. № 169.
- Дашевская О.Д., 1995. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
- Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Деген-Ковалевский Б.А., 1936. К истории железного производства Закавказья по материалам раскопок Чуберской железоплавильни // Изв. ГАИМК. М.; Л. Вып. 120.
- Десятчиков Ю.М., 1996. Ст. Голубицкая // Сборник 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Темрюк.
- Десятчиков Ю.М., Зайцев А.К., Чернов Ю.В., 1978. Разведки Кучугурского отряда // АО, 1977 г.
- Десятчиков Ю.М., Калашников М.В., 1986. Отчет об охранных исследованиях на городище "Красноармейское" в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11994.
- Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В., 1988. Работы Таманской экспедиции // АО, 1986 г.
- Джаридзе И.А., 1945. Древнегрузинская историческая литература. Тбилиси. На груз. яз.
- Джавришвили К., 1963. Пещеры и гроты ущелья Кции (храмы) // Пещеры и гроты Грузии. Тбилиси. [Т.] II. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Джалагания И.Л., 1979. Изоземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. Тбилиси.
- Джалагания И.Л., 1981. Монетное дело и денежное обращение Грузии V–XIII вв. (по нумизматическим данным): АДД. М.
- Джанашия С.Н., 1949. Грузия на пути ранней феодализации // Труды. Тбилиси. Т. I. На груз. яз.
- Джавришвили Е.Г., 1969. К истории средневекового города-крепости Ахалкалаки // АПФГ. [Вып.] I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Джандиери Е.Г., 1983. Ахалкалаки Джавахетский (историко-археологическое исследование): АКД. Тбилиси.
- Джанов А.В., Майко В.В., 1998. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике в XI–XII вв. // ХС. Вып. IX.
- Джанполадян Р.М., 1968. Резное стекло из Двина // СА. № 1.
- Джанполадян Р.М., 1974. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван.
- Джанполадян Р.М., 1982. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван.
- Джанполадян Р.М., Калантарян А.А., 1988. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв.: (По данным стеклоделия) // Археологические памятники Армении: Средневековые памятники. Ереван. Вып. VI.
- Джапаридзе В.В., 1955. Керамическая промышленность Грузии XI–XIII вв. (по археологическим данным): АКД. Тбилиси.
- Джапаридзе В.В., 1956. Грузинская керамика XI–XIII вв. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Джапаридзе В.В., 1969. Археологическое изучение Дманисского городища // ВГМГ. [Вып.] XVIII–V. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Джапаридзе В.В., 1972. Саркофаг с надписью грузинской асметаврули // Мадис. Тбилиси. Сер. истории. № 2. На груз. яз.
- Джапаридзе В.В., 1982. Раннесредневековые археологические памятники из Квемо Картли (по материалам Дманисской археологической экспедиции). Тбилиси. На груз. яз.
- Джапаридзе В.В., 1981. Варддихское городище (к археологическому исследованию раннесредневековых городов Эгриса): АКД. Тбилиси.
- Джапаридзе В.В., Артилакба В.Э., 1971. Раскопки в Дманиси и его окрестностях // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси. [Вып.] II.
- Джатице Р., 1980. Раскопки на новостройках Цхинвали // ПАИ 1977 г. Тбилиси.
- Джафарзаде И.М., 1939. Обследование старой Гянджи // Изв. Азерб. ФАН СССР. № 3.
- Джафарзаде И.М., 1947. Археологические раскопки 1946 года в Бакинской бухте // ИАН АзССР. № 7.
- Джафарзаде И.М., 1949. Археологические работы в НахАССР // ИАН АзССР. № 5. На азерб. яз.
- Джафарзаде И.М., 1949а. Археологический очерк старой Гянджи. Баку.
- Джафарзаде И.М., Джафарзаде С.К., 1956. Азербайджанские надмогильные камни // СЭ. № 3.
- Джгамая Д.К., 1969. Производство строительной керамики в феодальной Грузии // АПФГ. [Вып.] I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Джгамая Д.К., 1974. Эпиграфика строительной керамики средневековой Грузии // АПФГ. [Вып.] II. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Джгамая Д.К., 1975. Строительная керамика феодальной Грузии (историко-археологическое исследование): АКД. Тбилиси.
- Джгамая Д.К., 1980. Строительная керамика феодальной Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Джидди Г., 1960. Археологические раскопки крепости Гюлистан // Тез. докл. 8-й научной конференции аспирантов АН АзССР. Баку. На азерб. яз.
- Джидди Г., 1961. Историко-археологические сведения о крепости Гюлистан // ИАН АзССР. СОН. № 6.
- Джидди Г., 1961а. Раскопки в крепости Гюлистан // ИАН АзССР. СОН. № 9. На азерб. яз., резюме на рус. яз.
- Джидди Г.А., 1967. Крепость Гюлистан. Баку. На азерб. яз.
- Джидди Г.А., 1969. Раскопки средневековой Шемахи // АО, 1968 г.
- Джидди Г.А., 1971. Из истории шемахинской Джума-мечети // Докл. АН АзССР. Т. 27, № 6. На азерб. яз., резюме на рус. и англ. яз.
- Джидди Г.А., 1971а. Раскопки цитадели средневековой Шемахи // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси.
- Джидди Г.А., 1972. Археологические раскопки средневековой Шемахи в 1971 г. // Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР: ТД. Баку.
- Джидди Г.А., 1972а. Результаты археологических раскопок на цитадели средневековой Шемахи в 1971 г. // Тез. докл. на сессиях, посвященных итогам полевых археологических исследований 1971 г. М.

- Джидди Г.А., 1973. Крепость Бугурт. Баку. На азерб. яз.
- Джидди Г.А., 1974. Раскопки в шахристане средневековой Шемахи // АО, 1973 г.
- Джидди Г.А., 1974а. Раскопки средневековой Шемахи // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973). Баку.
- Джидди Г.А., 1975. Результаты раскопок средневекового города Шемахи // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). Баку.
- Джидди Г.А., 1979. О результатах археологических исследований 1976 г. в средневековой Шемахе и ее окрестностях // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1976). Баку.
- Джобадзе В.Н., 1991. Ошкский собор. Тбилиси.
- Джорбенадзе В.А., 1978. Жинвальский сводчатый склеп // ДПК. № 47.
- Джорбенадзе В.А., 1982. Археологические памятники Иорского ущелья. Тбилиси. [Т.] IV: Эрцо-Тианети в средние века. На груз. яз.
- Джорбенадзе В.А., 1983. Раскопки Жинвальского могильника Накалакари в 1972 г. // Жинвали I: археологические исследования в Арагвском ущелье. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Дманиси, 1998. Сборник трудов. Тбилиси. Сб. I. На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.
- Дманиси, 2000. Сборник трудов. Тбилиси. Сб. II. На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.
- Дмитриев А.В., 1971. Отчет об археологических разведках в р-не г. Новороссийска в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4645.
- Дмитриев А.В., 1973. Отчет об археологических разведках в р-не г. Новороссийска и в Крымском р-не Краснодарского края в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5823.
- Дмитриев А.В., 1974. Отчет о исследовании разрушенного средневекового могильника в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5630.
- Дмитриев А.В., 1978. Отчет о раскопках могильника на ул. Двестровской в г. Новороссийске и обследовании Тонкого мыса в Геленджике // Архив ИА РАН. Р-1. № 7072.
- Дмитриев А.В., 1978а. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII–IX века в районе Новороссийска–Геленджика // VII КЧ: ТД. Нальчик.
- Дмитриев А.В., 1979. Памятники XIII–XV веков в районе Новороссийска–Геленджика // IX КЧ: ТД. Элиста.
- Дмитриев А.В., 1979а. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158.
- Дмитриев А.В., 1979б. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4.
- Дмитриев А.В., 1982. Средневековые пифосы из Новороссийска и его окрестностей // Конференция по археологии Северного Кавказа: XII КЧ: ТД. М.
- Дмитриев А.В., 1982а. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // ДЭВПН.
- Дмитриев А.В., 1984. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства оросительных систем у ст. Раевской, средневекового поселения в поселке Малый Утриш и могильника в Лобановой Щели в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10615.
- Дмитриев А.В., 1985. Отчет о исследовании средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу “Прибой” в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10760.
- Дмитриев А.В., 1985а. Отчет о исследовании памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза “Раевский” близ Новороссийска в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757.
- Дмитриев А.В., 1986. Отчет о исследовании памятников в зоне строительства ЛЭП завода “Прибой” и в зоне сооружения оросительных систем совхоза “Раевский” близ г. Новороссийска. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11598.
- Дмитриев А.В., 1988. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Дмитриев А.В., 1998. Отчет о исследовании курганного могильника в с. Цемдолина г. Новороссийска Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 21694-95.
- Долаберидзе Р.М., 1967. Перстни XI–XIII вв. (по археологическим данным, фрескам и письменным источникам) // ВГМГ. XXVII–В. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Долаберидзе Р.М., 1969. Стекланные браслеты Грузии // ВГМГ. XXVIII–В. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Долаберидзе Р.М., 1972. Грузинские украшения XI–XIII вв.: АКД. Тбилиси.
- Долаберидзе Р.М., 1985. Материальная культура Грузии XI–XIII вв. Тбилиси. На груз. яз.
- Долгоруков В.С., 1967. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. Вып. 109.
- Домбровский О.И., 1955. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХС. Вып. V.
- Домбровский О.И., 1974. Средневековые поселения и “исары” Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев.
- Домбровский О.И., 1986. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.
- Домбровский О.И., 1993. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма // МАИЭТ. Вып. III.
- Домбровский О.И., Паршина Е.А., 1960. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Вып. 1.
- Дончева-Петкова Л., 1979. Българска битова керамика през ранното средновековие. София.
- Дундуа Г.Ф., 1976. Проблема так называемых грузино-сасанидских монет и вопросы истории раннефеодальной Грузии // МАЦНЕ. Тбилиси. Сер. истории. № 1. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Дундуа Г.Ф., 1994. Христианская символика на монетах ранне-средневековой Грузии // Христианская цивилизация и Грузия: Краткие содержания докладов на конференции, посвященной 100-летию первого всемирного конгресса по христианской археологии. Тбилиси. На груз. яз.
- Дурново Л.А., 1953. Армянские набойки. М.
- Дурново Л.А., 1957. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван.
- Егиазаров С.А., 1891. Городские цеха. Казань.
- Ениколопов И., 1948. Железные ворота XI в. в Гелате // ИАН АзССР. № 5.
- Еремян С.Т., 1939. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов // ВДИ. № 1.
- Еремян С.Т., 1951. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма // ВИ. № 7.
- Есаян С.А., 1964. О чаше из Нор-Баязетского клада // ИАН АрмССР. Обществ. науки. № 9. Ереван.
- Есаян С.А., Калантарян А.А., 1976. Позднеурартское погребение Ошаканского могильника // ИФЖ. № 3.
- Есаян С.А., Калантарян А.А., 1978. Раннесредневековое поселение в Ошакане // ВОН АН АрмССР. № 3. На арм. яз.
- Жамкочян А.С., 1981. Раскопки раннесредневекового некрополя в Джрвеже // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в АрмССР (1979–1980 гг.). Ереван. На арм. яз.
- Ждановский А.М., 1988. Раскопки средневековой крепости на мысе Малый Утриш (Черноморское побережье Краснодарского края) в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12838–12840.

- Ждановский А.М., Лейбовский В.А., 1992. Охранно-спасательные исследования средневековой крепости на мысе Малый Утриш // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.
- Жеребцов Е.Н., 1963. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. Т. XXIII.
- Жузе П.К., 1927. *Балазори. Книга завоеваний стран* / Пер. П.К. Жузе. Баку.
- Завадская И.А., 1996. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // МАИЭТ. Вып. V.
- Завадская И.А., 2000. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VII.
- Зайбт Н., Зайбт В., 1995. Печати стратигов фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. Симферополь.
- Закарая П.П., 1965. Зодчество городища Урбниси. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Закарая П.П., 1987. Система укреплений Нокалакеви // Нокалакеви-Археополис: Археологические раскопки 1978–1982 гг. Тбилиси.
- Закарая П.П. и др., 1977. Закарая П.П., Ломоури Н.Ю., Леквинадзе В.А., Гвинчидзе Г.Н. Краткий отчет Нокалакевской экспедиции 1974–1975 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси. [Вып.] V. На груз. яз.
- Залеская В.Н., 1997. Импортные глиняные светильники IV–VII вв. в Северном Причерноморье // Византия и Крым: Тез. междунар. конференции. Севастополь.
- Засецкая И.П., 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // ДЭВПН.
- Засецкая И.П., 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец V – начало VII вв.) // АСГЭ. Вып. 30.
- Засецкая И.П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. Вып. III.
- Засецкая И.П., 1994. О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. Вып. IV.
- Засецкая И.П., 1994а. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб.
- Засецкая И.П., 1996. О некоторых серебряных сосудах из боспорского позднеантичного некрополя в Керчи // Византия и византийские традиции. СПб.
- Засецкая И.П., 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Вып. VI.
- Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83.
- Зеймаль Е.М., 1964. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956–1957 гг.) // МИА. № 124.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2000. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Вып. VII.
- Золотарев М.И., 1981. О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов // ВДИ. № 1.
- Золотарев М.И., 1984. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО, 1982 г.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., 1998. Кладовая дома XIII в. в Северо-Восточном районе Херсонеса // ХС. Вып. IX.
- Зубарь В.М., 1987. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Зубарь В.М., 1991. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев.
- Зубар В.М., Магомедов Б.В., 1981. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. Київ. Вип. 36.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В., 1988. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.
- Зубар В.Н., Сон Н.О., 1997. З приводу інтерпретації латинського напису з Херсонесу // Археологія. Київ. № 1.
- Ибрагимов Б.И., 2000. Средневековый город Киран. Баку; Москва.
- Ибрагимов Ф.А., 1965. Новый тип обжигательной печи в Оренкале // МКА. Т. VI.
- Ибрагимов Ф.А., 1965а. Фаянсовые сосуды, расписанные люстром, из Оренкала // МКА. Т. VI.
- Ибрагимов Ф.А., 1969. Металлообрабатывающее ремесло в средневековых городах Азербайджана в IX–XIII вв.: АКД.
- Ибрагимов Ф.А. и др., 1977. Ибрагимов Ф.А., Исмизаде О.Ш., Минкевич-Мустафаева Н.В., Фоменко В.П., Ахмедов Р.Д. Раскопки на участке II в старом Баку // АО, 1976 г.
- Ибрагимов Ф.А. и др., 1979. Ибрагимов Ф.А., Исмизаде О.Ш., Минкевич-Мустафаева Н.В., Фоменко В.П., Ахмедов Р.Д. Археологические раскопки 1976 г. в Баку // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1976 г.). Баку.
- Иванов П.П., 1952. Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск.
- Иванов С.А., 2001. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М. Вып. 10.
- Иванова С.Н., 1997. Керамический комплекс с крепости “Годлик” // ААЭПСК.
- Иессен А.А., 1957. Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953–1955 гг. // Тр. Ин-та истории АН АзССР. Т. II.
- Иессен А.А., 1959. Городище Оренкала // МИА. № 67.
- Иессен А.А., Миллер А.А., 1932. Таманская экспедиция в 1931 г. // Сообщ. ГАИМК. Л. № 11/12.
- Инанишвили А.К., 1971. Важнейшие результаты археологического изучения памятников Юго-Западной Грузии (1959–1970) // Тез. докл., посвященных отчетам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси.
- Инанишвили А.К., Хахутайшвили Д.Л., Кахидзе А.Ю., 1967. Итоги археологического изучения городищ Цихисдзири и Пичвнари в 1966 г. // XVI научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1966 г.: Краткие отчеты. Тбилиси.
- Инанишвили Н.А., 1981. Раннесредневековая керамика из Петра-Цихисдзири // Археологические памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси. Т. 10. На груз. яз.
- Инанишвили Н.А., 1993. Археологические памятники Цихисдзири I–VI вв. н.э. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Ионе Г.И., 1951. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // МКА. Т. II.
- Иордан, 1960. О происхождении и деяниях гетов: *Getica* / Пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.
- Исаков М., 1941. Исчезнувший город в Дагестане // Исторический журнал. М. № 6.
- Исмаилов Г.С., Даниэлян О.А., 1978. Итоги археологических исследований 1975 года в междуречье Гуручай и Кенделенчай // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку.
- Исмизаде О.Ш., 1962. Кабала – столица древней Кавказской Албании // Вопросы истории Кавказской Албании. Баку.
- Исмизаде О.Ш., 1963. О гончарных обжигательных печах, открытых в Кабале в 1961 г. // ИАН АзССР. СОН. № 5.
- Исмизаде О.Ш., 1964. Обследование Девичьей башни в Баку в 1963 г. // Тез. докл. и сообщ. на сессии Ин-та истории АН АзССР, посвященной итогам археологических работ в 1963 г. Баку.

- Исмизаде О.Ш., 1964а. О глазурованной керамике с клеймами из средневековой Кабалы XI–XIV вв. // МКА. Т. V.
- Исмизаде О.Ш., 1964б. О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1969 г. // МКА. Т. V.
- Исмизаде О.Ш., 1965. Обследование Девичьей башни // ИАН АзССР. СОН. № 5.
- Исмизаде О.Ш., 1965а. О структуре нижней подземной части Девичьей башни // МКА. Т. VI. На азерб. яз., резюме на рус. яз.
- Исмизаде О.Ш., Джидди Г.А., 1976. О надгробиях, выявленных во дворе культового сооружения, открытого около Девичьей башни // МКА. Т. VIII.
- История армянского народа, 1976. Ереван. Т. III. На арм. яз.
- История армянского народа, 1984. Ереван. Т. II. На арм. яз.
- История Дагестана, 1967. Махачкала. Т. I.
- КБН. 1965. Корпус боспорских надписей. М.; Л.
- Кадеев В.И., 1963. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. Вып. III.
- Кадеев В.И., Рижов С.Г., 1973. Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі // Археологія. Київ. Вип. 12.
- Кадыров Ф.В., 1965. О некоторых археологических памятниках саваланского горного прохода // МКА. Т. VI.
- Каждан А.П., 1960. Деревня и город в Византии IX–X вв. М.
- Казаков Е.П., Халикова Е.А., 1981. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар. Казань.
- Казанский М.М., 1999. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев.
- Казанский М.М., 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // ИАА. Вып. 7.
- Казиев С.М., 1945. Раскопки Кабалы // Изв. Азерб. ФАН СССР. № 1. На азерб. яз.
- Казиев С.М., 1947. Археологические раскопки в районах Варташен и Куткашен // Экспедиции АН АзССР в 1945 г. Баку. На азерб. яз.
- Казиев С.М., 1964. Историко-археологическое обследование городища Кабала // МКА. Т. V. На азерб. яз.
- Казманова Л.И., Кропоткин В.В., 1961. “Варварские” подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. № 1.
- Какабадзе С.С., 1984. Стрельцовская надпись Болнисского Сиона // МАЦНЕ. № 3.
- Каландадзе А.Н., Бохочадзе А.В., 1964. Основные результаты работы Мцхетской археологической экспедиции 1963 г. // XII научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1963 г.: ТД. Тбилиси. На груз. яз.
- Каландадзе З.А., 1977. Жинвальская крепость // Археологические изыскания: Материалы сессии молодых научных работников. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Калантарян А.А., 1965. Оружие в V–VIII вв. // ИФЖ. № 4. На арм. яз.
- Калантарян А.А., 1970. Материальная культура Двина в IV–VIII вв. Ереван.
- Калантарян А.А., 1976. Двин. I: Раскопки центрального квартала 1964–1970 гг. Ереван. На арм. яз.
- Калантарян А.А., 1978. Новые материалы о дворцах ранне-средневековой Армении // II международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван.
- Калантарян А.А., 1980. Стеклоделие в Армении в V–VIII вв. // ВОН АН АрмССР. Ереван. № 7. На арм. яз.
- Калантарян А.А., 1982. Раннесредневековые буллы Двина. Ереван.
- Калантарян А.А., 1982а. Орнаментированные кирпичи из Ахца // V республиканская конференция по проблемам культуры и искусства Армении: ТД. Ереван.
- Калантарян А.А., Кафадарян К.К., 1990. Некоторые вопросы хронологии раннесредневековой монументальной архитектуры Двина // ИФЖ. № 1. На арм. яз.
- Калашиник Ю.П., 1989. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982–1988 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.
- Калашиников М.В., 1987. Отчет об охранных раскопках на городище “Красноармейское” в Темрюкском районе Краснодарского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11995.
- Калашиников М.В., 1989. Археологические исследования на комплексе памятников Красноармейский-I // Первая Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар.
- Каминская И.В., 1984. Фибула эпохи переселения народов // СА. № 1.
- Каминский В.Н., 1993. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.
- Капанадзе Д.Г., 1955. Грузинская нумизматика. М.
- Капанадзе Д.Г., 1987. Базилика Нокалакеви // Нокалакеви-Археополис, раскопки 1978–1982 гг. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Караханян Г.О. и др., 1982. Караханян Г.О., Саркисян Г.Г., Мелконян У.А., Арутюнян П.П. Новые памятники архитектуры Армении раннего средневековья // Вестн. Ереванского ун-та. [Вып.] 2/7. На арм. яз.
- КЦ, 1955. Картлис Цховреба. (История Грузии) / Подгот. к изд. по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси. Т. I. На груз. яз.
- Карумидзе Т., 1960. Отчет археологических раскопок. Уплисцихе в 1959 г. (зодчество) // Материалы сессии, посвященной полевым работам в 1959 г. Тбилиси. На груз. яз.
- Каухчишвили С.Г., 1943. Новая греческая надпись из Мцхета-Самтавро // Сообщ. АН ГССР. Т. 4, № 6. На груз. яз.
- Каухчишвили С.Г., 1950/1951. Материалы античного периода по истории Батуми // Тр. Кутаисского пединститута. Т. V. На груз. яз.
- Каухчишвили С.Г., 1961. Георгика. Тбилиси. [Вып.] I. На греч. и груз. яз.
- Каухчишвили С.Г., 1951. Греческие надписи Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Кафадарян К.Г., 1940. Алхимия в Армении в историческом прошлом. Ереван. На арм. яз.
- Кафадарян К.Г., 1952. Город Двин и его раскопки. Ереван. Т. I. На арм. яз.
- Кафадарян К.Г., 1959. Звартноц // ИФЖ. № 4. На арм. яз.
- Кафадарян К.Г., 1982. Город Двин и его раскопки. Ереван. Т. II. На арм. яз.
- Кахидзе А., Хахутайшвили Д., 1989. Материалы по древней истории Батуми // Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси. [Вып.] VIII. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Кация А.К., 1963. Илори. Сухуми.
- Качалов Н., 1959. Стекло. М.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В., 1999. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб.
- Кашпар А.О., 1896. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, проведенные проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. // ИТУАК. Вып. 24.
- Кекелидзе К.С., 1954. История грузинской литературы. Тбилиси. Т. I. На груз. яз.
- Кеппен П.И., 1837. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.
- Кишидзе Д.А., 1972. Пещеры Ани. Ереван.
- Кирпичников А.А., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Л. Вып. Е1-36.
- Кирпичников А.А., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3 // САИ. Л. Вып. Е1-36.
- Кирпичников А.А., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Л. Вып. Е1-36.
- Климент Охридски, 1973. Собрание съчинения / Ред. и коммент. С.Б. Ангелов, Х. Кодов. София. Т. 3.

- Книпович Т.Н., 1949. Танаис. М.; Л.
- Книпович Т.Н., Славин Л.М., 1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. № 4.
- Кобылина М.М., 1949. Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVII.
- Кобылина М.М., 1956. Фанагория // МИА. № 57.
- Ковалевская В.Б., 1968. Отчет Причерноморского отряда Сарматской экспедиции за 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3694.
- Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).
- Ковалевская В.Б., 1981а. Отчет средневекового отряда Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9685.
- Ковалевская В.Б., 1983. Работы на раннесредневековых крепостях р. Мзымты // АО, 1981 г.
- Ковалевская В.Б., 1995. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ. Вып. III.
- Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н., Михайличенко Ф.Е., 1969. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа // АО, 1968 г.
- Ковнурко Г.М., 1968. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. Вып. 113.
- Колесникова Л.Г., 1973. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // ВВ. Т. 34.
- Колесникова Л.Г., 1974. Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев.
- Колпакова А.В., 1999. Бусы из некрополя Южная Озерейка // ИЗ: ИМ. Новороссийск. Вып. 3.
- Кондаков Н.П., 1896. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб. Т. 1.
- Кондаков Н.П., 1904. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.
- Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. М.
- Копалиани Д., 1996. Дманисская крепость (историко-археологическое исследование). Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.
- Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.
- Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках “Корсунского дела” на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. Т. XIV.
- Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V.
- Коровина А.К., 1987. Винодельни Гермонассы // КСИА. Вып. 191.
- КБН, 1965. Корпус боспорских надписей. М.; Л.
- Корпус грузинских надписей, 1980. Лапидарные надписи. I. Тбилиси.
- Корпусова В.Н., 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія Київ. Вып. 8.
- Костанян К.А., Калантарян А.А., 1978. Следы стекольного производства в раннесредневековом Двине // ИФЖ. № 4.
- Косцюшко-Валюжинич К.К., 1902. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. Вып. 4.
- Котович В.Г., 1974. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. V.
- Кошкарлы К.О., 1981. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку.
- Крамаровский М.Г., 1978. “Булгарские браслеты”: Генезис декора и локализация // СГЭ. № XLIII.
- Красильников К.И., 1990. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднеречья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Красильников К., 1991. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на Прабългарската история и култура. София. [Вип.] 2.
- Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.
- Кропоткин В.В., 1958. Из истории средневекового Крыма // СА. Вып. XXVIII.
- Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М. Вып. Г4-4.
- Кропоткин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М. Вып. Е4-4.
- Кропоткин В.В., 1963. Византийские монеты из Таматархитмутаракани // Керамика и стекло Тмутаракани. М.
- Кропоткин В.В., 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. Вып. 100.
- Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. М., Вып. Д1-27.
- Кропоткин В.В., Макарова Т.И., 1973. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. № 2.
- Кругликова И.Т., 1966. Боспор в позднеантичное время. М.
- Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа // КСИИМК. Вып. 78.
- Крушол Ю.С., 1950. Раскопки древнего Патрея в 1949 г. // ВДИ. № 2.
- Кубарев В.Д., 1981. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. Новосибирск.
- Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982. Уздечный набор XI века из Ново-Каменки // СА. № 1.
- Кудрявцев А.А., 1974. К истории древнего Дербента // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. V.
- Кузманов Г., 1985. Ранновизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – начало VII в.) // Раскопки и проучвания. София. Кн. 13.
- Кузнецов В.А., 1959. О позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. № 2.
- Кузнецов В.А., 1961. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Кулаковский Ю.А., 1891. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. № 6.
- Кулаковский Ю.А., 1898. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП. № 2.
- Кулаковский Ю.А., 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.
- Кулаковский Ю.А., 1914. Прошлое Тавриды. Киев.
- Кулаковский Ю.А., 1996. История Византии. СПб. Т. I–III.
- Кутайсов В.А., 1982. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. № 1.
- Кухаренко Ю.В., 1980. Могильник Брест-Тришин М.
- Кухаренко Ю.В., 1982. О качинской находке // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М.
- Кушнарера К.Х., 1974. Древнейшие памятники Двина. Ереван.
- Кцоян А.С., 1968. Медицина в Армении в XI–XVI вв. Ереван.
- Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р., 1981. Аскизская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).
- Лавров В.В., 1997. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III–IV вв. н.э.: АКД. СПб.
- Лазарь Парпеци, 1904. История Армении и послание Ваану Мамиконяну. Тифлис. На древнеарм. яз.
- Ланчава О.И., 1995. Кутанси в системе городов-крепостей Эгриси-Лазики (IV–X вв.): АДД. Тбилиси.
- Латышев В.В., 1892–1906. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. I, II.

- Латышев В.В.*, 1894. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. СПб. Т. I.
- Латышев В.В.*, 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.
- Латышев В.В.*, 1899. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // МАР. Вып. 23.
- Латышев В.В.*, 1906. Жития св. епископов херсонесских // ЗИАН. Ист.-филол. отд. Т. VIII, № 3.
- Левиатов В.Н.*, 1940. Керамика старой Гянджи. Баку.
- Левиатов В.Н.*, 1941. Гянджа – родина великого Низами // Литературный Азербайджан. Баку. № 4.
- Левиатов В.Н.*, 1945. Результаты археологических раскопок 1944 г. на территории дворца Ширваншахов // Изв. Азерб. ФАН СССР. Баку. № 1.
- Левиатов В.Н.*, 1946. Раскопки на территории дворца Ширваншахов // Памятники архитектуры Азербайджана. Москва; Баку. [Вып.] I.
- Левиатов В.Н.*, 1948. Археологические раскопки 1945 г., при дворце Ширваншахов в г. Баку // ИАН АзССР. Баку. № 1.
- Левиатов В.Н.*, 1948а. Археологические раскопки 1946 г. крепостной части Баку // ИАН АзССР. Баку. № 4.
- Леквинадзе В.А.*, 1961. Материалы по монументальному строительству в Лазике // ВГМГ. XXII-V.
- Леммлейн Г.Г.*, 1951. Каменные бусы Самтаврского некрополя // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси. [Вып.] 29.
- Летопись на камнях, 1913. Собрание-указатель армянских надписей / Сост. К.К. Костанянц. СПб. На древнеарм. яз.
- Литвинский Б.А.*, 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.
- Личели В.Т.*, 1986. Кутаисская археологическая экспедиция: Отчет полевой работы Сарбеевского отряда в 1985 году. Рукопись. Архив отдела документации археологических памятников и публикации Центра археологических исследований АН Грузии. Тбилиси.
- Личели В.Т.*, 1987. Работы разведывательного отряда Кутаисской экспедиции // ПАИ в 1984–1985 гг.
- Лобода И.И.*, 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. № 4.
- Ловпаче Н.Г.*, 1982. Художественная керамика средневековой Адыгеи: АКД. Тбилиси.
- Ловпаче Н.Г.*, 1984. Погребальный обряд средневековых адыгов V–IX вв. и место керамики в сопровождающем инвентаре // ВАА. Вып. III.
- Ломидзе Ц.Ш., Циклаури И.Д.*, 1985. Исследования в сел. Абаносхеви // АО, 1983 г.
- Ломидзе Ц.Ш., Циклаури И.Д.*, 1987. Раскопки в Чинти // АО, 1985.
- Ломоури Н.Ю.*, 1968. История Эгрисского царства (с возникновения до V в. н.э.). Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Ломоури Н.Ю.*, 1981. Нокалакеви-Археополис-Цихегоджи (исторический очерк) // Нокалакеви-Археополис: Археологические раскопки 1973–1977 гг. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1955. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави // МАГК. Т. I. На груз. яз.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1955а. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1957. Некоторые итоги раскопок археологических памятников феодальной Грузии // СА. Вып. XXVII.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1959. Результаты и перспективы археологического изучения города Тбилиси // СА. № 4.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1964. Начало археологического исследования городища Урбниси // МАЦНЕ. № 2, 4. На груз. яз.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1969. Вторая археологическая кампания на
- цитадели Тбилисской крепости (1967 г.) // Сессия полевых исследований. Тбилиси.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1977. Культура и быт населения Грузии I–XIII вв. Тбилиси. На груз. яз.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1988. Город Рустави по археологическим памятникам // Рустави. Тбилиси. [Кн. I]. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Ломтатидзе Г.А.*, 1989. Археологические исследования в Алгетском и Иорском ущельях. Тбилиси. На груз. яз.
- Ломтатидзе Г.А., Ткешелашвили О.В., Гзелишвили И.А.*, 1967. Первая археологическая кампания на главной крепости Тбилиси // Краткие отчеты XVI научной сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1966 г. Тбилиси. На груз. яз.
- Лордкипанидзе Г.А.*, 1991. Пицундское городище: Питиунт в системе “Кавказского лимеса”. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Лордкипанидзе М.*, 1957. Из истории Тбилисского эмиратства // Мимомхилвели. Тбилиси. [Вып.] II.
- Лордкипанидзе М.*, 1963. Политическое объединение феодальной Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Лордкипанидзе М.*, 1964. Итоги археологических работ 1963 г. в Кутаиси и его окрестностях // XII научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1963 г. Тбилиси. На груз. яз.
- Лордкипанидзе О. и др.*, 1981. *Лордкипанидзе О., Матиаишвили Н., Путуридзе Р.* Ванская археологическая экспедиция // ПАИ в 1978 г.
- Луконин В.Г.*, 1961. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л.
- Луконин В.Г.*, 1969. Культура Сасанидского Ирана // Иран в III–V вв.: Очерки по истории культуры. М.
- Луконин В.Г.*, 1977. Искусство древнего Ирана. М.
- Луконин В.Г.*, 1979. Иран в III веке. М.
- Лунин Б.В.*, 1928. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. / Изд. Секции археологии, антропологии, этнографии и истории искусств Северокавказского бюро краеведения. Ростов/Д.
- Львова З.А.*, 1959. Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.
- Ляпушкин И.И.*, 1941. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим данным // МИА. № 6.
- Магомедов Б.В.*, 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Магомедов Б.В., Левада Б.Е.*, 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V.
- Магомедов М.Г.*, 1983. Образование хазарского каганата. М.
- Макарова Т.И.*, 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // АС ГЭ. Л. Вып. 4.
- Макарова Т.И.*, 1963. Поливная керамика Таманского городища // Керамика и стекло Тмутаракани. М.
- Макарова Т.И.*, 1967. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства // САИ. М. Вып. EI-38.
- Макарова Т.И.*, 1972. Фигурка воина из Тмутаракани // СА. № 3.
- Макарова Т.И.*, 1982. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. № 4.
- Макарова Т.И.*, 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев.
- Макарова Т.И.*, 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. VI.
- Макарова Т.И.*, 1998а. Византийская белоглиняная поливная керамика X–XI вв. в Саркеле-Белой Веже, Тмутаракани и Керчи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. научной конференции. Ялта, 25–29 мая 1998 г. Симферополь.
- Максимов Е.К.*, 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Тр. Саратовского обл. музея краеведения: Археологический сборник. Саратов. Вып. 1.

- Малахов С.Н., 1992. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII–XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.
- Малашев В.Ю., 1994. К проблеме протогородской культуры населения Северного Кавказа первой половины I тыс. н.э. // БС. Вып. 4.
- Мальшиев А.А., 1995. Захоронения эпохи великого переселения народов в Цемесской долине // ИАА. Вып. 2.
- Мальшиев А.А., 1996. Хронология Цемдолинского могильника (фибулы и пряжки) // ИЗ: ИМ. Вып. 2.
- Мальшиев А.А., 1996а. Отчет об исследованиях в Цемесской долине (Новороссийский р-н Краснодарского края) в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19482–19484.
- Мальшиев А.А., 1999. К вопросу о хронологии Цемдолинского могильника (стекло, краснолаковая и сероглиняная керамика) // ИЗ: ИМ. Вып. 3.
- Мальшиев А.А. и др., 2000. Мальшиев А.А., Александровский А.Л., Вязкова О.Е., Мальшиева Н.Н., Смекалова Т.Н. Исследования Раевского городища и его хоры // АО, 1998 г.
- Мальшиев А.А., Гей А.Н., 2001. Работы Северо-Кавказской экспедиции в 2000 г. // АО, 2000 г.
- Мамаишвили Н.Ф., 1970. Производство и потребление фаянса в средневековой Грузии: АКД. Тбилиси.
- Мамедов Р.А., 1962. Из истории города Нахичевани древнего и раннесредневекового периода // Материалы по истории Азербайджана: Труды Музея истории Азербайджана. Баку. Т. V. На азерб. яз.
- Мамедов Р.А., 1977. Очерк истории города Нахичевани (средневековый период). Баку. На азерб. яз.
- Мамуладзе Ш.Х., 1993. Средневековые памятники ущелья Ачарисцкали. Батуми.
- Мамуладзе Ш.Х., 2000. Памятники материальной культуры в ущелье Ачарисцкали. Батуми. На груз. яз.
- Манандян Я.А., 1930. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э.). Ереван.
- Манандян Я.А., 1954. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. 2-е изд. Ереван.
- Маргвелашвили М.Г., 1980. Жинвальское городище // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тбилиси.
- Маргвелашвили М.Г., 1999. Городище Жинвали (историко-археологическое исследование): АКД. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Марков К.К., Лазуков Г.И., Николаев В.А., 1965. Четвертичный период (ледниковый период – антропогенный период). М. Т. II.
- Март Н.Я., 1894. ОАК за 1892 г. СПб.
- Март Н.Я., 1902. ОАК за 1899 г. СПб.
- Март Н.Я., 1907. Реестр предметов древностей из IV археологической кампании в Ани. СПб.
- Март Н.Я., 1915. Кавказский культурный мир и Армения. Пг.
- Март Н.Я., 1934. Ани: Книжная история и раскопки на месте городища. М.; Л.
- Мартиросян А.А., 1974. Аргиштихинили. Ереван.
- Масленников А.А., 1982. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков нашей эры // СА. № 1.
- Масленников А.А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
- Масленников А.А., 1992. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Мастыкова А.В., 2001. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // ИАА. Вып. 7.
- Махнева О.А., 1968. О плитовых могилах средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.
- Мацулевич Л.А., 1926. Серебряная чаша из Керчи. Л.
- Мацулевич Л.А., 1950. Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. н.э. // Ephemerides Instituti Archeologici. Vol. XVI.
- Мацулевич Л.А., 1956. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ. № 4.
- Мацулевич Л.А., 1978. Мозаики Бичвинты – Великого Питиунта // Великий Питиунт. Тбилиси. [Кн.] III.
- Мачавариани Е.М., 1985. Строительная надпись Болнисского Сиона. Тбилиси. На груз. яз.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1–36.
- Медынцева А.А., 1979. Тмутараканский камень. М.
- Медынцева А.А., 1998. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М.
- Меликишвили Г.А., 1977. К вопросу о социально-экономическом строе древней Иберии (Картли) // ВДИ. № 4.
- Меликишвили Г.А., 1978. О пробеле в царских списках древней Картли (Иберии) // МАЦНЕ. № 3. На груз. яз.
- Мелитаури К.Н., 1969. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии (Цихе-Годжи, Мхета, Тбилиси). Тбилиси. [Вып.] I.
- Мелисашвили Р.С., 1966. Архитектурный ансамбль Гелати. Тбилиси.
- Месхия Ш.А., 1958. История Тбилиси. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Месхия Ш.А., 1959. Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси.
- Мещанинов И.И., 1936. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 года // Тр. Азерб. ФАН СССР. Т. XXV.
- Мещеряков В.Ф., 1978. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л.
- Мещеряков В.Ф., 1980. Религия и культы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э.: АКД. М.
- Микеладзе Т.К., Мигдисова Н.П., Папуашвили Р.Н., 1986. О полевых исследованиях Колхидской археологической экспедиции // ПАИ в 1983 г.
- Микеладзе Т.К., Папуашвили Р.Н., Чубинишвили Н.Т., 1991. Колхидская экспедиция // ПАИ в 1986 г.
- Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. Вып. 33.
- Миллер А.А., 1931. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщ. ГАИМК. Л. № 1.
- Миллер А.А., 1932. Выставка работ экспедиций Государственной Академии истории материальной культуры // Сообщ. ГАИМК. Л. № 7/8.
- Миллер А.А., 1932а. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщ. ГАИМК. Л. № 7/8.
- Миллер М.А., 1937. Краткий отчет о работах на Тонком мысу у Геленджика в августе 1937 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 216.
- Мильков Ф.Н., 1977. Природные зоны СССР. М.
- Минаева Т.М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Ставрополь. Вып. 11.
- Минаева Т.М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.
- Миндорашивили Д.В., 1990. Уплисцихе в феодальную эпоху: АКД. Тбилиси.
- Минеев М.Г., 1982. Исследование археологических памятников в зоне строительства курорта Геленджик // Конференция по археологии Северного Кавказа: XII КЧ: ТД. М.
- Минеев М.Г., 1984. Исследование и охрана памятников археологии на территории Геленджика в 1982–1983 гг. // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар.

- Минкевич-Мустафаева Н.В.*, 1959. Раскопки гончарных печей на городище Оренкала (раскоп IV) // Тр. Азербайджанской экспедиции. Т. I: МИА. № 67.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.*, 1965. Некоторые итоги изучения ремесленного квартала Байлакана // Археологические исследования Азербайджана. Баку.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.*, 1968. Производственные сооружения ремесленного квартала Байлакана // СА. № 3.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.*, 1969. Мастерские ремесленного квартала Байлакана // КСИА. Вып. 120.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.*, 1971. Мавзолей некрополя Байлакана второй половины XIII в. // Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 г. в Азербайджане: ТД. Баку.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.*, 1976. К вопросу о водоснабжении ремесленного квартала Байлакана // МКА. Т. VIII.
- Минорский В.Ф.*, 1963. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.
- Михеев В.К.*, 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2.
- Михеев В.К.*, 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Мицишвили М.Н.*, 1969. Поливная керамика древней Грузии (IX–XIII вв.). Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.
- Мицишвили М.Н.*, 1976. Из истории производства грузинской поливной керамики (XI–XVIII вв.). Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Мицишвили М.Н.*, 1998. Поливная керамика средневековой Грузии (IX–XIII вв.): АДД. Тбилиси.
- Мнацаканян С.С.*, 1982. Мемориальные памятники раннесредневековой Армении. Ереван. На арм. яз.
- Мнацаканян С.Х.*, 1958. Некоторые вопросы организации строительного дела средневековой Армении и знаки мастеров-каменщиков // ИФЖ. № 3. На арм. яз.
- Мнацаканян С.Х.*, 1971. Звартноц: Памятник армянского зодчества VI–VII вв. М.
- Мнацаканян С.Х.*, 1971а. Звартноц и однотипные памятники. Ереван. На арм. яз.
- Мнацаканян С.Х.*, 1974. О времени постройки дворца в Двине // ИФЖ. № 2. На арм. яз.
- Мнацаканян С.Х., Оганесян К.Л., Саинян А.А.*, 1978. Очерки по истории архитектуры древней и средневековой Армении. Ереван.
- Мовсес Хоренаци*, 1893. История Армении Моисея Хоренского / Новый пер. Н.О. Эмяна. М.
- Мовсес Каланкатуаци*, 1984. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Сибатяна. Ереван.
- Могаричев Ю.М.*, 1997. Пещерные церкви Таврики. Симферополь.
- Могильников В.А.*, 1981. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).
- Монгайт А.Л.*, 1952. Отчет о работе Кубанского отряда Таманской экспедиции в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 726.
- Монгайт А.Л.*, 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА. Т. XXIII.
- Монгайт А.Л.*, 1969. Надпись на камне. М.
- Мошкова М.Г.*, 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. М. Вып. Д1-10-54.
- Муравьев С.Н.*, 1981. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник Иберийско-Кавказского языкознания. Тбилиси. [Вып.] VIII.
- Мухелишвили Д.Л.*, 1964. Город Уджарма // Сборник по исторической географии. Тбилиси. Т. III.
- Мухелишвили Д.Л.*, 1966. Город Уджарма. Тбилиси. На груз. яз.
- Мухелишвили Л.В.*, 1938. Болниси // Изв. ИЯИМК. Тбилиси. [Вып.] III.
- Мухелишвили Л.В.*, 1940. Раскопки в Дманиси (краткий отчет) // СА. Т. VI.
- Мухелишвили Л.*, 1941. Археологические экскурсии в ущелье Машавера. Тбилиси. На груз. яз.
- Мухелишвили Л.В.*, 1942. Надписи Самшвилдского Сиони и проблема датировки церкви // Изв. ИЯИМК. Тбилиси. Т. 13. На груз. яз.
- Мухелишвили Л.В., Хидашели Ш.Н., Джапаридзе В.В.*, 1954. Отчет первой (1938) и второй (1939) археологической кампании в Гударехи. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Мушегян Х.А.*, 1962. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван.
- Мушегян Х.А.*, 1983. Денежное обращение Армении. Ереван. На арм. яз.
- Мцхета*, 1955. Мцхета: Итоги археологических исследований // Археологические памятники Армазисхеви. Тбилиси. Т. I.
- Мчедlishvili Б.*, 1984. К датировке Болнисского Сиони // МАЦНЕ. № 3. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Мыц В.Л.*, 1987. Могильник III–V вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Мыц В.Л.*, 1990. Крестообразный храм Мангупа // СА. № 1.
- Мыц В.Л.*, 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев.
- Мыц В.Л.*, 1992. Алустон в VI–VII вв. // Византия и средневековый Крым. Барнаул.
- Мыц В.Л.*, 1997. Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. Т. 57.
- Надирадзе Д.Ш.*, 1975. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси. На груз. яз.
- Назарова Т.Л., Потехина И.Д.*, 1990. Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев.
- Нариманов И.Г., Рустамов Д.Н.*, 1965. Каменный саркофаг из села Зимирхач Бардинского района // МКА. Т. VII.
- Нарсидзе Г.*, 1987. Даватская стела // Мнатоби. Тбилиси. № 4. На груз. яз.
- Нарсидзе Г.*, 1987а. Даватская стела // Мнатоби. Тбилиси. № 8. На груз. яз.
- Насидзе Г.М.*, 1969. Раскопки крестьянской усадьбы эпохи Руставели в селище Испини (Болнисский р-н, Нижний Картли) // АПФГ. [Вып.] I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Насидзе Г.М.*, 1975. Средневековые селища Восточной Грузии (по археологическим материалам): АКД. Тбилиси.
- Насидзе Г.М.*, 1976. Селища в зоне строительства лесных дорог Боржомского района // АИНГ.
- Нейматова М.С., Джидди Г.А.*, 1979. Новые эпиграфические данные о комплексе Пир-Мадакан // АО, 1978 г.
- Никитина Г.Ф.*, 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.
- Николаева Э.Я.*, 1976. Раскопки Ильичевского городища // АО, 1975 г.
- Николаева Э.Я.*, 1978. Краснолаковая керамика со штампами из Ильичевского городища // КСИА. Вып. 156.
- Николаева Э.Я.*, 1981. Поселение у д. Ильич // КСИА. Вып. 168.
- Николаева Э.Я.*, 1983. Пифосы Ильичевского городища (V–VI вв. н.э.) // КСИА. Вып. 174.
- Николаева Э.Я.*, 1984. Боспор после гуннского нашествия: АКД. М.
- Николаева Э.Я.*, 1986. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М.
- Николаева Э.Я.*, 1991. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. Вып. 204.
- Николайшвили В.В.*, 1990. Цилканский склеп // Описание памятников истории и культуры Грузии. Тбилиси. Кн. V. На груз. яз.
- Новичихин А.М.*, 1991. Отчет об охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель и археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех Анапского р-на Краснодарского края в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16258.
- Новичихин А.М.*, 1992. Отчет об охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель и археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех и с. Чембурка Анапского р-на Краснодарского края в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17633, 17634.

- Новичихин А.М., 1993. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.
- Новичихин А.М., 1993а. Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. // Вторая Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар.
- Новичихин А.М., 1995. Разведки у с. Су-Псех // АО, 1994 г.
- Новичихин А.М., 1995а. Отчет об исследовании археологических памятников в Андреевской щели у с. Су-Псех Анапского р-на Краснодарского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19292–19293.
- Новичихин А.М., 1996. Обследование археологических памятников в Андреевской щели близ Анапы // АО, 1995 г.
- Новичихин А.М., 1998. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991–1995 гг. // ДК. Апрель.
- Новичихин А.М., 2000. Древнейший христианский храм на Анапской земле // XXI КЧ по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Новичихин А.М., 2000а. Анапский район в средние века // Очерки по истории Анапы. Анапа.
- Новосельцев А.П., 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительного исторического исследования). М.
- Новосельцев А.П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Носкова Л.М., 1991. Средневековый кремационный могильник близ а. Ленинахабль // ДК: Материалы конференции. Краснодар.
- Носкова Л.М., 1991а. Отчет с работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15175.
- Носкова Л.М., 1992. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.
- Носкова Л.М., 1999. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М.
- Нуриев А.Б., 1965. Первые сведения о поселении Гюмюшлы // МКА. Т. VI. На азерб. яз.
- Нуриев А.Б., 1973. О кувшинных погребениях Шергяха // МКА. Т. VII. На азерб. яз.
- Нуриев А.Б., 1979. Новые находки в селениях Кушчи, Коланы, Поладлы и Геогляр Шемахинского района // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1976 г.). Баку.
- Нуриев А.Б., 1981. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании. Баку. На азерб. яз.
- ОАК за 1870–1871 гг. СПб., 1874.
- ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
- ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
- ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
- ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
- ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913.
- ОАК за 1913–1915 гг. СПб., 1918.
- Обращение Грузии, 1964. Обращение Грузии / Изд. И.В. Абуладзе // Памятники древнегрузинской агиографической литературы Тбилиси. Кн. I. На груз. яз.
- Оверман Э., Макленнан М., Золотарев М., 1997. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология. Київ. № 1.
- Овсепян Г., 1928. Хахпакяны или Прошяны в истории Армении. Вагаршапат. На арм. яз.
- Овчаров Д., 1973. Протейхизмат в системат на рановизантийската укрепление по нашете земли // Археология. София. № 47
- Овчинникова Б.Б., 1990. Отчет о раскопках храма в пос. Лоо (на территории пансионата “Магадан”) Сочинского горисполкома экспедиции Уральского университета в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17696.
- Овчинникова Б.Б., 1997. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987–1997) // ААЭПСК.
- Овчинникова Б.Б., Романчук А.И., 1988. Отчет о раскопках храма в пос. Лоо Сочинского горисполкома Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 13351–13352.
- Оганесян К.Л., 1961. Арин-берд. Ереван. [Вып.] I.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н., 1990. Крымская Скифия. Симферополь.
- Омелькова Л.А., 1990. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // АДСВ: Византия и сопредельный мир. Свердловск.
- Онайко Н.А., 1955. Отчет о раскопках Раевского городища в 1955 г. // Архив ИА РАН. Ф. I. № 1213.
- Онайко Н.А., 1959. Раскопки Раевского городища в 1955–1956 годах // КСИИМК. Вып. 77.
- Онайко Н.А., 1962. Средневековые сосуды из Раевского городища // Историко-археологический сборник. М.
- Онайко Н.А., 1965. О раскопках Раевского городища // КСИА. Вып. 103.
- Онайко Н.А., 1967. “Варварские” подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. Вып. 109.
- Онайко Н.А., 1970. Разведка памятников в районе Новоросийска и Геленджика // СА. № 1.
- Д Онофрио М., 1978. Несколько армянских дворцов V–VII веков // II Междунар. симпозиум по армянскому искусству. Ереван.
- Орбели И.А., 1910. Каталог Анийского музея древностей. СПб.
- Орбели И.А., 1910а. Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб.
- Орбели И.А., 1911. Развалины Ани. СПб.
- Орбели И.А., 1963. Избранные труды. Ереван.
- Оруджев А.Ш., 1980. Раскопки поселения Шамилтепе // АО, 1979 г.
- Оруджев А.Ш., Алиев А.А., 1976. Предварительное сообщение о памятнике Агземи // ИАН АзССР. Серия истории, философии и права. № 3.
- Острогорски Г., 1947. Историја Византије. Београд.
- Очерки истории Грузии, 1988. Тбилиси. Т. II.
- ПВЛ, 1950. Повесть временных лет. М.; Л. Ч. I / Подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; ред. В.П. Адрианова-Перец.
- Паллас П.С., 1877. Разные замечания, касательные до острова Тамана // ЗООИД. Т. X.
- Паллас П.С., 1883. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Т. XIII.
- Паромов Я.М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М. (Депонирована в ИНИОН РАН № 47103 от 1.10.1992 г.)
- Паромов Я.М., 1992а. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. I.
- Паромов Я.М., 1993. Археолого-топографический план Фанагории // БС. Вып. 2.
- Паромов Я.М., 1993а. Археолого-топографический план Патрея // БС. Вып. 3.
- Паромов Я.М., 1994. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: АКД. СПб.
- Паромов Я.М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. М. Вып. 1.
- Паромов Я.М., 2000. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. СПб. № 7.
- Паршина Е.А., 1974. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. Симферополь.
- Паршина Е.А., 1991. Торжище в Партегиях // Византийская Таврика. Киев.

- Патаридзе Р.М.*, 1984. Строительные надписи Болнисского Сиони // Мнатоби. Тбилиси. № 1. На груз. яз.
- Патаридзе Р.М.*, 1987. Грузинский алфавит даватской стелы // Мнатоби. Тбилиси. № 3. На груз. яз.
- Патрик А.*, 1964. Искусство мозаики у армян и мозаичный пол, открытый в Двине // ИФЖ. № 2. На арм. яз.
- Пахомов Е.А.*, 1925. Девичья башня и ее легенда // ИААК. Вып. I.
- Пахомов Е.А.*, 1926. Монетные клады Азербайджана и Закавказья // Тр. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку. Вып. 3.
- Пахомов Е.А.*, 1926а. Отчет о работах по шахскому дворцу в Баку // ИААК. Вып. 2.
- Пахомов Е.А.*, 1926б. Первоначальная очистка шахского дворца в Баку // ИААК. Вып. 2.
- Пахомов Е.А.*, 1927. Развалины Баладжарской башни // ИАКОПСИП. Вып. 3.
- Пахомов Е.А.*, 1929. Пехлевийские надписи Дербента // Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку. Вып. V, № 8.
- Пахомов Е.А.*, 1940. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте // Изв. Азерб. ФАН СССР. № 6.
- Пахомов Е.А.*, 1940а. Твердыня Ширвана эпохи Низами // Низами. Баку. Т. I.
- Пахомов Е.А.*, 1943. Бардинский клад 1940 г. // Изв. Азерб. ФАН СССР. № 8.
- Пахомов Е.А.*, 1949. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана // МКА. Т. I.
- Пахомов Е.А.*, 1949а. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. IV.
- Пахомов Е.А.*, 1957. Монетное обращение Азербайджана в XII – начале XIII в. // Тр. ГИМ. М. Вып. XXVI.
- Пахомов Е.А.*, 1959. Пайтакаран-Байлакан-Оренкала // Труды Азербайджанской экспедиции. Т. I: МИА, № 67.
- Пахомов Е.А.*, 1966. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. IX.
- Петрушевский И.П.*, 1937. Хамдуллах Казвини как исторический источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // ИАН СССР. Отд. обществ. М.; Л. № 4.
- Пигулевская Н.В.*, 1946. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л.
- Пигулевская Н.В.*, 1951. Византия на путях в Индию. М.; Л.
- Пигулевская Н.В.*, 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л.
- Пиоро И.С.*, 1990. Крымская Готия. Киев.
- Плетнева С.А.*, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
- Плетнева С.А.*, 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.
- Плетнева С.А.*, 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Плетнева С.А.*, 1967. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура // МИА. М. № 142.
- Плетнева С.А.*, 1973. Древности черных клобуков // САИ. М. Вып. E1-19.
- Плетнева С.А.*, 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. М. Вып. E4-2.
- Плетнева С.А.*, 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
- Плетнева С.А.*, 1976. Хазары. М.
- Плетнева С.А.*, 1980. Древние болгары в Восточной Европе // Изв. На болгарското историческо дружество. София. Кн. XXXIII.
- Плетнева С.А.*, 1981. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. София. № 2.
- Плетнева С.А.*, 1981а. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).
- Плетнева С.А.*, 1982. Кочевники средневековья. М.
- Плетнева С.А.*, 1987. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // СА. № 1.
- Плетнева С.А.*, 1989. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плетнева С.А.*, 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. № 2.
- Плетнева С.А.*, 1991. Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. № 3.
- Плетнева С.А.*, 1994/1995. Правобережное Цимлянское городище: Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV.
- Плетнева С.А.*, 1999. Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим.
- Плетнева С.А.*, 2001. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // ИАА. Вып. 7.
- Плетнева С.А.*, 2001а. Кочевники в Таматархе // РА. № 2.
- Покровский Н.В.*, 1982. Византийский щит, найденный в Керчи // МАР. Вып. 8.
- Полевой В.М.*, 1984. Искусство Греции. М.
- Поночевный М.О.*, 1891. Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник. Екатеринодар. Т. II.
- Привалова Е.*, 1982. Вардзиа. Тбилиси.
- Прокопенко Ю.А.*, 2001. Многолепестковые инкрустированные фибулы из памятников Северного Кавказа // ИАА. Вып. 7.
- Прокопий из Кесарии*, 1939. О постройках // ВДИ. № 4.
- Прокопий Кесарийский*, 1880. История войн римлян с персами. СПб. Кн. 2.
- Прокопий Кесарийский*, 1950. Война с готами. М.
- Прокопий Кесарийский*, 1965. Георгика. II / Пер. и примеч. С.Г. Каухчишвили. Тбилиси На греч. и груз. яз.
- Пуздровский А.Е.*, 1994. Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: ТД. Симферополь.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939 / Пер. и коммент. под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.
- Пьянков А.В.*, 1986. Новый средневековый могильник у аула Казазово // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Пьянков А.В.*, 1988. Средневековый могильник Черноклен из Краснодарского края // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Пьянков А.В.*, 1990. Отчет о раскопках части грунтового могильника Бжид-I в Туапсинском районе Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15133.
- Пьянков А.В.*, 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.
- Пьянков А.В.*, 1994. Раскопки могильника Бжид-1 в Краснодарском крае // XVIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Кисловодск.
- Пьянков А.В.*, 1998. Раскопки могильника Бжид на Черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // ДК. Вып. 8.
- Пьянков А.В.*, 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестн. Абинского народного музея. Абинск. Вып. 3.
- Пьянков А.В.*, *Сторчевой А.А.*, 1992. Раскопки средневекового могильника Бжид 1 // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.
- Пьянков А.В.*, *Тарабанов В.А.*, 1998. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // ДК. Вып. 13.
- Пятишева Н.В.*, 1964. Железная маска из Херсонеса. М.
- Пятишева Н.В.*, 1980. Железная маска из Серенска в коллекции Государственного Исторического музея // История и культура Евразии по археологическим данным. М.

- Рагимов А.В., 1959. Определение монет, найденных в Оренкале в 1953–1954 гг. // МИА. № 67.
- Рапишвили Р.М., 1965. Археологические раскопки в Бичвинта // МАГК. Т. IV. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Рапишвили Р.М., 1969. Исследование раннефеодального могильника Иахсари // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси. [Вып.] I.
- Рапишвили Р.М., 1970. Археологические памятники Иорского ущелья. Сиони. Тбилиси. [Вып.] I. На груз. яз.
- Рапишвили Р.М., 1974. Селище Ягсари и марани в Млашеебсгори // АПФГ. [Вып.] II. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Рапишвили Р.М., 1979. Археологические памятники Иорского ущелья. Тбилиси. [Вып.] III: Долина Эрцо в позднеармазскую эпоху. На груз. яз.
- Рапишвили Р.М., 1980. Арагвиспирский могильник // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тбилиси. На груз. яз.
- Рапишвили Р.М., 1982. Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976–1979 гг. // АИНГ.
- Рапишвили Р.М., 1984. Картлийское царство в первой половине I тысячелетия н.э. (историко-археологическое исследование): Дис. ... д-ра ист. наук // Институт истории и этнологии АН Грузии. Тбилиси.
- Рапишвили Р.М., 1986. Археологические исследования в Арагвском ущелье // Мнатоби. Тбилиси. № 8. На груз. яз.
- Рапишвили Р.М., 2000. Еще раз о датировке кафедрального собора в Сиони, на реке Иори // Краткие содержания докладов IV конференции по христианской археологии. Тбилиси.
- Рапишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1971. Работы в окрестностях села Матани // АО, 1970 г.
- Рапишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1977. Итоги разведочных работ Эрцо-Тланетской археологической экспедиции // МАЦНЕ. № 4. На груз. яз.
- Рапишвили Р.М., Чеишвили Г.Д., 1967. Восстановительные работы и археологические исследования в Икалто в 1966 г. // XVI научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1966 г.: Краткие отчеты. Тбилиси. На груз. яз.
- Рапишвили Р.М., 2000. История лозы и вина Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Раппопорт П.А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв. // САИ. Л. Вып. EI-47.
- Рашев Р., 1982. Старобългарски укрепления на долиния Дунав (VII–XI вв.). Варна.
- Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. I // ИАК. Вып. 19.
- Репников Н.И., 1932. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Изв. ГАИМК. Л. Т. XII.
- Репников Н.И., 1932а. Остатки укреплений Эски-Кермена // Изв. ГАИМК. Л. Т. XII.
- Репников Н.И., 1941. О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. Т. VII.
- Рехвиашвили Н.Б., 1952. Кузнечное дело в Раче. Тбилиси. На груз. яз.
- Рзаев Н.И., 1976. Искусство Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку.
- Робакидзе Ц.Б., 1985. Глиняная посуда Арагвиспирского могильника // Археологические изыскания: Материалы IV–V сессий молодых научных сотрудников. Тбилиси. На груз. яз.
- Робакидзе Ц.Б., 1987. Изучение Недзихского могильника // АО, 1986 г.
- Романчук А.И., 1972. К вопросу о положении Херсонеса в “темные века” // АДСВ. Вып. 8.
- Романчук А.И., 1975. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. Вып. 11.
- Романчук А.И., 1976. Херсонес VI – первой половины IX в. Свердловск.
- Романчук А.И., 1976а. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. Вып. 13.
- Романчук А.И., 1977. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. Вып. 14.
- Романчук А.И., 1980. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск.
- Романчук А.И., 1981. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. Вып. 18.
- Романчук А.И., 1986. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск.
- Романчук А.И., 1990. Западный загородный храм // ВВ. Т. 51.
- Романчук А.И., Белова О.Р., 1987. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // Проблемы идеологии и культуры. Свердловск.
- Романчук А.И., Омелькова Л.А., 1979. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии. Свердловск.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., 1991. Средневековый Херсон. Свердловск.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург.
- Рос. Фед., 1968. Российская Федерация: Европейский Юго-Восток // Советский Союз: Географическое описание в 22 т. М.
- Ростовцев М.И., 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49.
- Ростовцев М.И., 1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Рубрук Гильом, 1957. Путешествие в восточные страны. М.
- Рудаков В.Е., 1975. Исследование Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. Вып. 11.
- Рудаков В.Е., 1979. Элементы салтово-маяцкой культуры // Социальное развитие Византии. Свердловск.
- Рудаков В.Е., 1981. Бакла – малый городской центр Юго-Западного Крыма // Античный и средневековый город. Свердловск.
- Рудаков В.Е., 1984. Христианские памятники Баклы: Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная и средневековая идеология. Свердловск.
- Рустави, 1988. Сборник трудов. Тбилиси. Т. I. На груз. яз.
- Рчеулишвили Г.А., 1986. Изучение Жинвальского городища Накалакари // АО, 1984 г.
- Рчеулишвили Г.А., 1963. Телави. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Рчеулишвили Г.А., 1978. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья // Средневековое искусство: Русь. Грузия. М.
- Рыбаков Б.А., 1952. Русские земли на карте Идриси 1154 года // КСИИМК. Вып. XI.
- Рыбаков Б.А., 1953. Древние Русы // СА. Т. XVII.
- Рыбаков Б.А., 1956. Средневековая литейная форма из Фанагории // МИА. № 57.
- Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков // САИ. М. Вып. EI-44.
- Рыжов С.Г., 1984. Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса // АО, 1982 г.
- Рыжов С.Г., 1986. Керамический комплекс III–IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев.
- Рыжов С.Г., 1999. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности 1997–1998. Харьков.
- Рыжов С.Г., Голофаст Л.А., 2000. Поливная керамика из раскопок квартала X-а Северного района Херсонеса // АДСВ. Вып. 31.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999. Комплексы X века из раскопок квартала X “Б” Северного района Херсонеса // ХС. Вып. X.

- Савеля О.Я., 1994. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черная в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: ТД. Симферополь.
- Савенко С.Н., 1984. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Сазанов А.В., 1988. Боспор и гунны // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Сазанов А.В., 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. № 4.
- Сазанов А.В., 1991. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. II.
- Сазанов А.В., 1992. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. СПб. Вып. 2.
- Сазанов А.В., 1994. К хронологии цитадели Бакинского городища IX–XI в. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.
- Сазанов А.В., 2000. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Древности Боспора. М. Вып. 3.
- Сазанов А.В., 2000а. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. СПб. [Вып.] IV.
- Сазанов А.В., Ченцова В.Г., 1996. [Рецензия] // МАИЭТ. Вып. VI. Рец. на кн.: Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 1991. 256 с.
- Салов А.И., 1979. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. Вып. 159.
- Сафронов В.А., 1978. Исследование курганов в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7500.
- Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56.
- Свод армянских надписей, 1973. Ереван. Вып. IV. На древнеарм. яз.
- Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н., 1936. Кумурдо и Никорцминда // Памятники грузинской архитектуры. М. I. МСМ, XVII.
- Седикова Л.В., 1994/1995. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. Вып. IV.
- Седикова Л.В., 1995. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. № 1.
- Седикова Л.В., 1997. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: АКД. М.
- Седикова Л.В., 1998. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. Вып. VI.
- Сейфеддини М.А., Ахмедов Г.М., 1978. Монеты некоторых правителей Азербайджана, упомянутых в произведении Гатрана Табризи // ИАН АзССР. Баку. Сер. лит., яз. и искусства. № 3.
- Секеринский С.А., 1955. Очерки истории Сурожа. Симферополь.
- Семыкин Ю.А., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Сергеев А.Я., 1999. Таманский динарий // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция: ТД и сообщений. М.
- Сидоренко В.А., 1985. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // АДСВ.
- Сидоренко В.А., 1987. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V в. с подражаниями “лучистого типа” // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Сидоренко В.А., 1991. “Готы” области Доры Прокопия Кесарийского и “длинные стены” в Крыму // МАИЭТ. Вып. II.
- Сидоренко В.А., 1998. Средневековая надпись с именем Τζούλ из баклинского склепа // МАИЭТ. Вып. VI.
- Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. Вып. II.
- Силантьева Л.Ф., 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. № 85.
- Симонович Е.О., 1975. Про кераміку черняхівського типу з Криму // Археологія. Київ. Вып. 18.
- Синауридзе М.Г., 1978. Материалы Кизикской археологической экспедиции 1938–1939 гг. // ВГМГ. 25-В. На груз. яз.
- Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Учен. Зап. Саратовского гос. ун-та. Саратов. Вып. XVII.
- Ситникова Л.Н., 1969. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях села Красная Поляна в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4054.
- Ситникова Л.Н., 1970. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях г. Сочи в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4054.
- Ситникова Л.Н., 1971. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях Сочи // Архив ИА РАН. Р-1. № 4531.
- Ситникова Л.Н., 1972. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях пос. Красная Поляна // Архив ИА РАН. Р-1. № 4875.
- Ситникова Л.Н., Ситников Л.Л., 1971. Разведки у Красной Поляны // АО, 1970 г.
- Ситникова Л.Н., Ситников Л.Л., 1972. Разведки в бассейне р. Мзымта // АО, 1971 г.
- Сихарулидзе Э., 1963. Торговые пути Закавказья по данным арабских источников IX–X вв. // Вопросы истории Ближнего Востока. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.
- Скржинская Е.Ч., 1953. [Рецензия] // ВВ. Т. 6. Рец. на кн.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсон. (МИА. 1950. № 17.)
- Скржинская М.В., 1980. Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.
- Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро. СПб.
- Сміленко А.Т., 1965. Глодоськи скарби. Київ.
- Соколов В.В., 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. № 56.
- Соколова И.В., 1968. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // ВВ. Т. 29.
- Соколова И.В., 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.
- Соколова И.В., 1991. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. Т. 52.
- Соколова И.В., 1992. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. Барнаул.
- Соколовский Н.И., 1960. Отчет об археологических исследованиях Таманского отряда в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2064.
- Соколовский Н.И., 1961. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2290.
- Соколовский Н.И., 1962. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2524.
- Соколовский Н.И., 1963. Отчет о раскопках Таманской археологической экспедиции городища и некрополя Кеп и о разведывательных раскопках на Фантановом полуострове в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2733.
- Соколовский Н.И., 1963а. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. № 1.
- Соколовский Н.И., 1964. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2864.
- Соколовский Н.И., 1965. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3134.

- Сокольский Н.И., 1966. Ильичевское городище // СА. № 4.
- Сокольский Н.И., 1967. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. Вып. 109.
- Сокольский Н.И., 1968. Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest.
- Сокольский Н.И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Сокольский Н.И., Сорокина Н.П., 1966. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ. 1963–1964. М.
- Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Соломоник Э.И., 1973. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Соломоник Э.И., 1973а. Из истории религиозной жизни в северопапонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. № 3.
- Соломоник Э.И., 1979. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // Социальное развитие Византии. Свердловск.
- Соломоник Э.И., 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
- Соломоник Э.И., 1986. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. Т. 47.
- Соломоник Э.И., Домбровский О.И., 1968. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.
- Сорокина Н.П., 1960. Три стеклянных сосуда IV в. н.э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // Материалы з археології Північного Причорномор'я. Одесса. № 3.
- Сорокина Н.П., 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Сорокина Н.П., 1969. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного Исторического музея. М.
- Сорокина Н.П., 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4.
- Сорокина Н.П., 1978. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Сорокина Н.П., 1979. Стекланные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. Вып. 158.
- Спицын А.А., 1905. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. // ИАК. Вып. 17.
- Спицын А.А., 1907. Могильник VI–VII вв. в Черноморской области // ИАК. Вып. 25.
- Спришевский В.И., 1951. Погребение с конем середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Тр. музея истории народов Узбекистана. Ташкент. Вып. 1.
- Степанова Е.В., 1997. Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь. Вып. II.
- Степанос Орбелян, 1910. История области Сисакан. Тифлис. На древнеарм. яз.
- Степанян Н.С., Чакмакчян А.С., 1971. Декоративное искусство средневековой Армении. Л.
- Стрельченко М.Л., 1969. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.: АКД. Л.
- Стржелецкий С.Ф., 1969. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. Вып. 4.
- Стржиговский И., 1892. Серебряный керченский щит // МАР. Вып. 8.
- Сысоев В.М., 1925. Древности в Ханега близ села Наваги // ИААК. Вып. 1.
- Сысоев В.М., 1925а. Храм и монастырь огнепоклонников в Сураханах близ Баку // ИААК. Вып. 1.
- Сысоев В.М., 1926. Берда: Древности села Барда, гянджинского уезда, его история // ИААК. Вып. 2.
- Сысоев В.М., 1927. Лачин: Раскопки осенью 1925 г. // ИАКОПСИП. Вып. 3.
- Сысоев В.М., 1927а. Поездка в Шемахинский уезд с археологической целью 1–12 мая 1925 г. // ИООИА. № 4.
- Талис Д.Л., 1974. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы: Сб. научн. статей. М.
- Талис Д.Л., 1976. Поливная керамика Баклинского городища // СА. № 4.
- Талис Д.Л., 1977. Городище Тепе-Кермен // КСИА. Вып. 148.
- Талис Д.Л., 1980. Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М.
- Талис Д.Л., 1981. Материалы к экономической и социальной истории Юго-Западного Крыма // Античный и средневековый город. Свердловск.
- Талис Д.Л., 1982. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
- Тарабанов В.А., 1994. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII “КЧ” по археологии Северного Кавказа: ТД. Кисловодск.
- Тараян З.Р., 1978. Набойки в Армении. Ереван.
- Ташчян Л.П., 1946. Средневековая Барда в период расцвета // ИАН АЗССР. № 9.
- Темурчян В.С., 1955. Ковроделие в Армении. Ереван. На арм. яз.
- Тер-Аветисян С.В., 1926. Резная дверь 1134 г. из окрестности города Муша // Изв. Кавказского историко-археологического ин-та. Тифлис. Т. III.
- Тер-Аветисян С.В., 1927. К археологическому обследованию Хараба-Гиляна // Изв. Кавказского историко-археологического ин-та в Тифлисе. Тбилиси. Т. 6.
- Тер-Гевондян А.Н., 1977. Армения и Арабский халифат. Ереван.
- Тер-Мовсисян М., 1903. Раскопки развалин церкви Св. Григория близ Эчмиадзина // ИАК. Вып. 7.
- Тереножкин А.И., 1947. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. // КСИИМК. Вып. XVIII.
- Тешев М.К., 1972. Отчет о разведках археологических памятников Туапсинского и Лазаревского районов: 1971–1972 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4743.
- Тешев М.К., 1973. Археологические разведки в Туапсинском районе // АО, 1972 г.
- Тешев М.К., 1984. Археологическая карта Туапсинского района // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар.
- Тешев М.К., 1985. Адыгские погребальные сооружения в развитии и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Западного Кавказа // ВАА. Вып. IV.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. I: Извлечения из сочинений арабских.
- Тирицян Г.А., 1960. Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н.э. Фавста Бузанда // Исследования по истории и культуре народов Востока: Сб. в честь академика И.А. Орбели. М.: Л.
- Тирицян Г.А., 1962. Раскопки крепости Ацаван в 1961 г. // ИАН АрмССР. Ереван. На арм. яз. Обществ. науки. № 11.
- Тирицян Г.А., 1968. Из материалов раскопок крепости Ацаван в 1963 и 1965 гг. // ИФЖ. № 1. На арм. яз.
- Тирицян Г.А., 1978. Урарту и Армения: (К вопросу о преемственности материальной культуры) // ИФЖ. № 1.
- Тиханова М.А., 1953. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. № 34.
- Ткешелашвили О.В., 1956. Памятники материальной культуры раннефеодального периода из могильника Самтавро // ВГМГ. 19-В. На груз. яз.
- Ткешелашвили О.В., 1986. Возникновение и развитие города Тбилиси (по историко-археологическим данным) // Мнато-би. Тбилиси. № 7. На груз. яз.

- Ткешелашвили О.В., 1997. Археологические раскопки в г. Тбилиси на пл. Ираклия II // ПАИ в 1988 г.
- Токарский Н.М., 1961. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван.
- Тораманян Т., 1942. Материалы по истории армянской архитектуры // Сборник трудов. Ереван. Т. I. На арм. яз.
- Тораманян Т., 1948. Материалы по истории армянской архитектуры // Сборник трудов. Ереван. Т. II. На арм. яз.
- Трапиш М.М., 1955. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг. // СА. Т. XXIII.
- Трапиш М.М., 1958. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми // Тр. Абхазского ИЯЛИ. Т. XXIX.
- Трапиш М.М., 1959. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // Тр. Абхазского ИЯЛИ. Т. XXX.
- Трапиш М.М., 1971. Культура Цебельдинских некрополей // Труды. Тбилиси. Т. III.
- Трапиш М.М., 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды. Сухуми. Т. IV.
- Трапиш М.М., 1975а. Средневековая Анакопия // Труды. Сухуми. Т. IV.
- Тревер К.В., 1952. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках // СА. Т. XVI.
- Тревер К.В., 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). М.; Л.
- Тревер К.В., 1967. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М.
- Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро: Собрание Гос. Эрмитажа. М.
- Трейстер М.Ю., 1982. Фибулы Горгиппии // Горгиппия. Краснодар. Вып. I.
- Трейстер М.Ю., 1983. Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппии // КСИА. Вып. 174.
- Тушишвили Н.Н., Амиранашвили Дж.Ш. и др., 1976. Археологические памятники на территории строительства Алгетского водохранилища // АИНГ.
- Тушишвили Н.Н., Амиранашвили Дж.Ш., 1982. Археологические раскопки в зоне строительства Алгетского водохранилища // АИНГ.
- Уварова П.С., 1891. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок: Путевые заметки. М. Ч. II.
- Угрелидзе Н.Н., 1963. Стеклянная мастерская в Натбеури // МАГК. [Вып.] III.
- Угрелидзе Н.Н., 1967. К истории производства стекла в ранне-средневековой Картли (Иберии). Тбилиси. На груз. яз.
- Угрелидзе Н.Н., 1988. Об одной стеклоделательной мастерской средневековой Грузии // Научная конференция по археологии Кавказа: Средневековые города и городская жизнь Кавказа. Тбилиси.
- Угрелидзе Н.Н. и др. 1979. Угрелидзе Н.Н., Арчвадзе Т.Д., Джандиери Е.Г., Мелитаури К.Н., Чхатарашвили М.Н. Отчет работы Руставской археологической экспедиции 1976 г. // ПАИ 1976 г. Тбилиси.
- Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А., 1963. История архитектуры Азербайджана. М.
- Фавстос Бузанд, 1953. История Армении. Ереван.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Фирсов Л.В., 1979. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. Т. 40.
- Фитуни А.П., 1927. История последней столицы Ширвана (историко-этнографический и археологический очерк) // ИАКОПСИП. Вып. 3.
- Флерова В.Е., 1997. Граффити Хазарии. М.
- Фома Арицуни, 1917. История рода Арицуни. Тифлис. На древнеарм. яз.
- Фоменко В.П., 1962. Стеклянные изделия VIII–X вв. городища Оленка // ИАН АЗССР. № 7.
- Фоменко В.П., 1965. Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Оленка в 1958 г. (Раскоп III) // МИА. № 133.
- Фоменко В.П., 1965а. Стеклянные изделия средневекового городища Оленка XI–XIII вв. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Фролова Н.А., 1975. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. № 4.
- Фролова Н.А., 1980. История правления Рискупорида V (242–276 гг. н.э.) по нумизматическим данным // СА. № 3.
- Фролова Н.А., 1991. Монетное дело Тейрана (266, 275–278 гг. н.э.) // КСИА. Вып. 204.
- Фролова Н.А., 1998. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. № 1.
- Фролова Н.А., Николаева Э.Я., 1978. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. Т. 39.
- Фронджуло М.А., 1968. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.
- Хаггет П., 1968. Пространственный анализ в экономической географии. М.
- Хайрединова Э.А., 1994/1995. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. Вып. IV.
- Хайрединова Э.А., 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. Вып. VII.
- Халилов Дж.А., 1958. О некоторых археологических памятниках Казы-Магомедского района // Докл. АН АЗССР. Т. 14, № II.
- Халилов Дж.А., 1960. Средневековые селения в Даразате // Тр. Музея истории Азербайджана. Баку. Т. 3.
- Халилов Дж.А., 1961. Древнее поселение в Хыныслы // Изв. АН АЗССР. СОН. № 3. На азерб. яз.
- Халилов Дж.А., 1962. Раскопки на городище Хыныслы – памятнике древней Кавказской Албании // СА. № 1.
- Халилов Дж.А., 1965. Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала Азербайджанской ССР // СА. № 3.
- Халилов Дж.А., 1965а. Археологические находки близ с. Даг-Коланы Шемахинского района // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Халилов Дж.А., 1965б. О раннесредневековом могильнике у с. Энхы Кусарского района // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Халилов Дж.А., 1976. Серебряное блюдо с позолотой из древней Шемахи // ВДИ. № 3.
- Халилов Дж.А., Асланов Г.М., 1973. Археологические находки в Сырт-Чичи // МКА. Т. VII. На азерб. яз.
- Халилов Дж.А. и др., 1978. Халилов Дж.А., Расулова М.М., Аразова Р.Б., Алиев А.А., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О. Исследования в Хачмасском районе // АО, 1977 г.
- Халпахчян О.Х., 1971. Гражданское зодчество Армении. М.
- Хахутайшвили Д.А., 1964. Уплисцихе. I. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Хахутайшвили Д. и др., 1999. Хахутайшвили Д., Кахидзе А., Мамуладзе Ш., Халваши М. Гонио-Апсарос // Литературная Аджара. № 2.
- Хвольсон Д.А., 1884. Сборник еврейских надписей. СПб.
- Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.
- Хотелишвили М.К., 1979. Земледельческие орудия Абхазии // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми.
- Храпунов И.Н., 1998. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI.
- Хрушкова Л.Г., 1985. Цандрипш // Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми.
- Хрушкова Л.Г., 1998. Лыхны: Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.
- Худяков Ю.С., 1980. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Новосибирск.
- Хускивадзе Л.З., 1984. Средневековые перегородчатые эмали из собраний Гос. музея искусств Грузии. Тбилиси.
- Цветаева Г.А., 1951. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19.

- Цветаева Г.А., 1979. Боспор и Рим. М.
- Церетели Г.В., 1940. Еврейские надписи Самтаврского могильника // Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР. Тбилиси. Т. V–VI.
- Церетели Г.В., 1948. Эпиграфические находки в Мцхета – древней столице Грузии // ВДИ. № 2.
- Церетели Г.В., 1960. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси. На груз. яз.
- Цилосани В., 1938. Гегути (крепость-дворец) // Памятники материальной культуры эпохи Шота Руставели. Тбилиси. На груз. яз.
- Цинцадзе В.Г., 1958. Тбилиси: Архитектура старого города и жилые дома первой половины XIX столетия. Тбилиси.
- Цицишвили И.Н., 1977. Комплекс церковных сооружений в Пицунде // Великий Питиунт. Тбилиси. [Кн.] II.
- Цицишвили И.Н., 1982. Уджарма. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Цицишвили И.Н., Закарая П.Н., 1955. Надарбазеви // МАГК. Тбилиси. [Вып.] I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Цукерман К., 1994/1995. Епископы и гарнизоны Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. Вып. IV.
- Цукерман К., 1998. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. Вып. VI.
- Чайковский Г.Ф., 1928. Случайные находки древностей в 1924–1927 гг. на Черноморском побережье // Зап. СКОАИЭ. Кн. 1, т. 3, вып. 3–4.
- Черепанова Е.Н., Шепинский А.А., 1968. Погребения поздних кочевников в Степном Крыму // Археология и история средневекового Крыма. Киев.
- Чикоидзе Ц.Н., 1979. Город Телави (историко-археологическое исследование). Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Чикоидзе Ц.Н. и др., 1980. Чикоидзе Ц.Н., Арчвадзе Т.Д., Басиашвили Л.А., Гочиашивили М.Ш., Джандиери Е.Д., Кинцурашвили М.В., Чхатарашвили М.Н. Кухетская археологическая экспедиция. Тбилиси.
- Чикоидзе Ц.Н. и др., 1987. Чикоидзе Ц.Н., Арчвадзе Т.Д., Чхатарашвили М.Н. и др. Археологические исследования Кухетской экспедиции в 1983–1985 гг. // ПАИ в 1984–1985 гг.
- Чилашвили Л.А., 1958. Город Рустави (историко-археологический очерк): АКД. Тбилиси.
- Чилашвили Л.А., 1963. Некоторые моменты археологического исследования Урбниси // ВГМГ. XXIV-V.
- Чилашвили Л.А., 1964. Городище Урбниси. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Чилашвили Л.А., 1970. Города в феодальной Грузии. Тбилиси. Т. I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Чилашвили Л.А., 1975. Дзвели Гавази (историко-археологическое исследование). Тбилиси.
- Чилашвили Л.А., 1990. Начало археологических исследований в Некреси // Давид Строитель. Тбилиси. На груз. яз.
- Чилашвили Л.А., 2000. Языческие святилища Некреси. Тбилиси.
- Читая Г.С., 1959. Мотыжная культура в Западной Грузии (Колхида) // Тр. Ин-та истории. Тбилиси. Т. 4, вып. 2.
- Чихладзе В.В., 1982. Жинвальский могильник (по материалам 1976 г.) // Археологические изыскания: Материалы II и III сессий молодых научных сотрудников. Тбилиси. На груз. яз.
- Чичуров И.С., 1980. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М.
- Чкония А.М., 1986. Археологические раскопки на центральной террасе Ванского городища // Вани. Тбилиси. [Вып.] VIII: Археологические раскопки.
- Чолокашвили К.К., 1954. Грузинское боевое оружие: Щит // ВГМГ. XVII-V.
- Чолокашвили К.К., 1956. Грузинские доспехи: Кольчуга // ВГМГ. XIX-V. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Чолокашвили К.К., 1957. Грузинское вооружение: Шлем // ВГМГ. XXI-V.
- Чолокашвили К.К., 1961. К истории оружейного производства в Грузии (по этнографическим материалам): АКД. Тбилиси.
- Чубинашвили Г.Г., 1970. К вопросу о Нокалакеви // Вопросы истории искусства. Тбилиси. Т. I.
- Чубинашвили Г.Н., 1940. Болнисский Сион // Изв. ИЯИМК. Тбилиси. Т. IX.
- Чубинашвили Г.Н., 1948. Пещерные монастыри Давид-Гареджи: Очерк по истории искусства Грузии. Тбилиси.
- Чубинашвили Г.Н., 1948а. Памятники типа Джвари. Тбилиси.
- Чубинашвили Г.Н., 1957. О художественной среде и хронологических рамках мингечаурского рельефа // Материалы по истории Азербайджана: Тр. Музея истории Азербайджана. Баку. Т. II.
- Чубинашвили Г.Н., 1959. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси.
- Чубинашвили Г.Н., 1960. Трехнефная пещерная базилика в древнем городе Уплисцихе // Сообщ. АН Груз. ССР. Тбилиси. Т. XXIV, № 4.
- Чубинашвили Г.Н., 1969. Сампшвилдский Сион. Тбилиси.
- Чубинашвили Г.Н., 1970. Кумурдо и Никорцминда как пример разных этапов развития бароккального стиля в грузинском искусстве // Вопросы истории искусства: Исследования и заметки. Тбилиси. Т. I.
- Чубинашвили Г.Н., 1972. Хандиси. Тбилиси.
- Чхатарашвили М.Н., 1964. Особая группа неполивной керамики из средневекового Рустави // МАЦНЕ. № 5.
- Чхатарашвили М.Н., 1969. К истории производства стекла в средневековом Рустави // АПФГ. Тбилиси. [Вып.] I. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Чхатарашвили М.Н., 1977. Стекло средневековой Грузии (посуда, оконное стекло): АКД. Тбилиси. На груз. яз., резюме на рус. яз.
- Чхатарашвили М.Н., 1978. Стеклянная посуда средневековой Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Шавырина Т.Г., 1979. Отчет о результатах работ Запорожского отряда Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7935.
- Шавырина Т.Г., 1983. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. Вып. 174.
- Шамба Г.К., 1970. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми.
- Шамба Г.К., 1974. Археологические разведки в Гагрском районе // Материалы по археологии и истории Абхазии. Тбилиси.
- Шандровская В.С., 1995. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь.
- Шарифли М.Х., 1978. Феодальные государства Азербайджана во второй половине IX–XI в. Баку. На азерб. яз.
- Шарифов Д.М., 1927. Обследование развалин Кабалы // ИООИА. № 4.
- Шелковников Б.А., 1942. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении // Изв. Арм. ФАН. № 3–4.
- Шелковников Б.А., 1952. Керамика и стекло из раскопок города Двина // Тр. ГИМА. Ереван. Т. IV.
- Шелковников Б.А., 1957. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван.
- Шелковников Б.А., 1959. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Оленкала // МИА. № 67.
- Шелов Д.Б., 1951. Городище у хут. Ильичевка // КСИИМК. Вып. XXXVII.
- Шелов Д.Б., 1957. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 68.
- Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса // МИА. № 98.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шелов Д.Б., 1973. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. Вып. 156.
- Шерашидзе Л.А., 1960. Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми // Тр. Абхазского ИЯЛИ. Сухуми. Т. XXX.

- Шервашидзе Л.А.*, 1967. Резные камни на холме Арасараху близ Цебельды // ИАИ. Сухуми. Вып. 4.
- Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н.*, 1960. Исследования древнего Севастополя // СА. № 3.
- Шишлов А.В.*, 1999. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у с. Глебовское Новороссийского района в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21196–21197.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.*, 2000. Средневековое поселение Глебовское в районе г. Новороссийска // XXI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Шкорпил В.В.*, 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып. 25.
- Шкорпил В.В.*, 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. Вып. 30.
- Шкорпил В.В.*, 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. Вып. 35.
- Шкорпил В.В.*, 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. Вып. 47.
- Шнюков Е.Ф. и др.*, 1986. *Шнюков Е.Ф., Соболевский Ю.В., Гнатенко Г.И., Науменко П.И., Крутний В.А.* Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. Киев.
- Шошиашвили Н.Ф.*, 1965. Древнегрузинские надписи из Урбниси // Палеографические разыскания. Тбилиси. [Вып.] III. На груз. яз.
- Шошиашвили Н.Ф.*, 1980. Урбниси – древнейший город Грузии // Цискари. Тбилиси. № 4. На груз. яз.
- Штерева И.*, 1998. Поливная посуда X–XII вв. из Южной Болгарии // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. научн. конф. Ялта, 25–29 мая 1998 г. Симферополь.
- Штерн Э.*, 1897. К вопросу о происхождении “готского стиля” ювелирного искусства // ЗООИД. Т. XX.
- Шульц П.Н.*, 1937. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. Т. I.
- Шапова Ю.Л.*, 1963. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло Тмутаракани. М.
- Щеблыкин И.П.*, 1945. Остатки крепостных стен Кабалы // Докл. АН АЗССР. Т. I, № 2.
- Щеблыкин И.П.*, 1949. Сооружение в Бакинской бухте // Искусство Азербайджана. Баку. Т. II.
- Щеблыкин И.П., Горчакова И.Г.*, 1947. Гянджа XII в. // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Москва; Баку.
- Щеглов А.Н.*, 1970. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. № 1.
- Шепинский А.А., Черепанова Е.Н.*, 1969. Северное Присивашье. Симферополь.
- Щербакова В.С.*, 1976. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь–Севастополь. Свердловск.
- Эрнст Н.Л.*, 1924. Отчет об археологических раскопках курганов в окрестностях Симферополя в 1924 г. // Архив Крымского республиканского краеведческого музея. № 3/10.
- Эрнст Н.Л.*, 1930. Отчет о раскопках в Джанкойском районе // Архив Крымского республиканского краеведческого музея. № 3.
- Ягич И.В.*, 1893. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // ЗИАН. Т. LXXII.
- Яйленко В.П.*, 1987. О “Корпусе византийских надписей в СССР” // ВВ. Т. 48.
- Якобсон А.Л.*, 1950. Средневековый Херсонес // МИА. № 17.
- Якобсон А.Л.*, 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. Т. XV.
- Якобсон А.Л.*, 1954. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 54.
- Якобсон А.Л.*, 1954а. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. Вып. 53.
- Якобсон А.Л.*, 1958. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85.
- Якобсон А.Л.*, 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63.
- Якобсон А.Л.*, 1959а. Раскопки на городище Орен-кала в 1953–1955 гг. (раскоп I) // МИА. № 67.
- Якобсон А.Л.*, 1959б. Художественная керамика Байлакана (Оренкала) // МИА. № 67.
- Якобсон А.Л.*, 1964. Средневековый Крым. Л.
- Якобсон А.Л.*, 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168.
- Якобсон А.Л.*, 1972. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. № 132.
- Якобсон А.Л.*, 1974. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. Вып. 140.
- Якобсон А.Л.*, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Якобсон А.Л.*, 1988. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. Т. 49.
- Якубовский А.Ю.*, 1928. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. Т. XXV.
- Ямпольский З.И.*, 1961. О значении слова Ваи в имени Нахичевань: (К анализу имени Нахичевань) // ИАН АЗССР. СОН. № 1.
- Яшаева Т.Ю.*, 1994. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: ТД. Симферополь.
- Яшаева Т.Ю.*, 1999. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // ХС. Вып. X.
- Åberg N.*, 1919. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Upsala; Leipzig.
- Adan-Bayewitz D.*, 1986. The pottery from the Late Byzantine building (stratum 4) and its implications // Qedem. 21. Jerusalem.
- Ahrweiler H.*, 1971. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. 5. Athènes; Paris.
- Aibabin A.*, 1993. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien en dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIe siècles // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Antiquités nationales. Mémoire 2. Saint-Germain-en-Laye.
- Ajbabin A.*, 1994. I. Goti in Crimea (secoli V–VII) // I Goti. Milano.
- Aleksénko N.A.*, 1996. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études Byzantines. Paris. T. 54.
- Amiranachvili Gh.*, 1962. Les Emaux de Géorgie. Paris.
- Ammianus Marcellinus*, 1972. Cambridge; London.
- Annibaldi G., Werner J.*, 1963. Ostgotische Grabfund aus Acquasanta // Germania. Berlin. Band 88, Hb. 2.
- Arrhenius B.*, 1985. Merowingien garnet jewellery: Kunge // Kitterhets historie och Antikvitets Akademien.
- Bass G.*, 1982. The pottery // Yassi Ada. Vol. I.
- Behrens G.*, 1933. Ein frühmerowingischer Grabfund von Grob Karben // Germania. Berlin. [Bd.] 17.
- Bierbrauer V.*, 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfund in Italien // Biblioteca degli “Studi Medievali”. Spolèto. [T]. VII.
- Bierbrauer V.*, 1991. L'insediamento del periodo tardoantico e altomedievale in Trentino-Alto Adige (V–VII secolo): Fondamentali caratteristiche archeologiche e nozione per una carta sulla diffusione degli insediamenti // Italia Longobarda. Venezia.
- Bierbrauer V.*, 1992. Historische Überlieferung und archäologischer Befund: Ostgermanische Einwanderung unter Odoaker und Teodorich nach Italien // Aussagemöglichkeiten der Archäologie: Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow.
- Bierbrauer V.*, 1995. Das Frauengrab von Castelbolognese in der

- Romagna (Italien): Zur Chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1991. Mainz.
- Blockley R.C., 1985. The history of Menander the Guardsman. Liverpool.
- Bóna I., 1991. Das Hunnenreich. Budapest.
- Bonifay M., Villedieu F., 1989. Importations d'amphores orientales en Gaule (Ve-VII siècle) // Bulletin de correspondance hellénique. Supplément. Paris. [Vol.] XVIII.
- Bortoli-Kazanski A., Kazanski M., 1987. Les sites archéologiques datés du IVe au VIIe siècle au nord et au nord-est de la mer Noire: état des recherches // TM. [Vol.] 10.
- Brunov N., 1932. Une église byzantine à Chersonèse // L'art byzantin chez les Slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Paris. Première partie.
- Chavane M.-J., 1975. Salamine de Chypre // Les petits objets. Paris. [Vol.] VI.
- Corpus juris civilis, 1895. Novellae / Ed. R. Schoell, G. Kroll. Berlin. Vol. III.
- Csallány D., 1961. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 n.ahr.) // Archeologica Hungaricae. Budapest. [Vol.] XXXVIII.
- Dagron G., 1974. Naissance d'une capitale. Paris.
- Dalton O.M., 1925. East Christian Art: A Survey of the Monuments. Oxford.
- Dalton O.M., 1964. The Treasure of the Oxus. London.
- Darrouzès J.A.A., 1981. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris.
- De Baye, 1892. La bijouterie des Coths en Russie. Paris.
- Dieulafoy M., 1893. L'Acropole de Suse. Paris. T. III.
- Diaconu G., 1971. Über die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss in Dacien // Dacia. Bucarest. T. XV.
- Doppelfeld O., 1960. Das frankische Frauengrab unter dem Chor des Kölner Doms // Germania. Berlin. Bd. 38, Heft 1/2.
- Dubois de Montpereux F., 1843. Voyage autour du Caucase. Paris. T. V.
- Dunlop D.M., 1954. The history of the Jewish Khazar. Princeton.
- Dyson R.H., 1972. Hasanlu, 1972 // Proceedings of the 1-st Annual Symposium of Archaeological Research in Iran. Iran Bastan Museum.
- Fajons S., 1957. Recent Russian Literature on newly found middle Eastern Metallvessels // Ars Orientalis. [Vol.] II.
- Foss C., Winfield D., 1986. Byzantine fortifications: An introduction. Pretoria.
- Fray R.N., 1968. The use of Clay Sealing in Sassanian Iran // Proceedings of the 1-st International Congress of Iranists. Teheran.
- Fulford M.G., 1984. The red-slipped wares // Excavations at Carthage. Sheffield. Vol. I, p. 2.
- Gajdukevič V.F., 1971. Das Bosphorische Reich. Berlin.
- Gandolfo F., 1982. La Basilica Armena IV–VII secolo. Roma.
- Garam E., 1995. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred. Budapest.
- Gavritukhin I., 2003. Double-plate fibulae of subgroup I // A Gósa András Múzeum Évkönyve. Nyíregyháza.
- Gelzer H., 1900. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum // Abhandlungen der philo-philol. Klasse der K. Bayer. Akademie der Wissenschaft. München. Cl. I, Bd. XXI, Abth. III.
- Georgius Cedrenus, 1839. Ioannis Scylitzae opera. Bonae. Vol. 2.
- Ghirshman R., 1946. Begram: Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans // Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Caire. [Vol.] II.
- Ghirshman R., 1962. Iran, Parthians and Sassanians. London.
- Ghirshman R., 1962a. Iran, Parthes et Sassanides. Paris.
- Godlowsky K., 1992. The chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow.
- Golb N., Pritsak O., 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London.
- Gomolka-Fuchs G., 1993. Ostgermanische Foederaten im spätromischen Heer: Hinweise in der materiellen Kultur auf die ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung vom 4–6. Jahrhundert in Nordbulgarien // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.
- Gordon C.D., 1960. The age of Attila. Michigan.
- Götze A., 1907. Gotische Schnellen. Berlin.
- Grierson Ph., 1968. Catalog of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington. Vol. 2.
- Grumel V., Darrouzès J., 1989. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Paris. Vol. I, fasc. II–III.
- Hahn W., 1978. The numismatic history of Cherson in early byzantine time – a survey // Sprink's Numismatic Circular. September.
- Hamilton F.J., Brooks E.W., 1899. The Syriac chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London.
- Harden D.B., 1934. Glass from Kish // Iraq. London. Vol. I, part 2.
- Harper R.P., 1995. Upper Zohar an early Byzantine fort in Palaestina tertia: Final report of excavations in 1985–1986. Oxford.
- Hayes J.W., 1972. Late roman pottery. London.
- Hayes J.W., 1983. The Villa Dionysos excavations Knossos: the pottery // BSA. № 78.
- Hayes J.W., 1992. The pottery: Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton. Vol. 2.
- Heinrich A., 1990. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Ldd an der Thaya, Niederösterreich // AA. Bd. 74.
- Hermiae Sozomeni, 1983. Historia ecclesiastica // Patrologiae Graecae / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1859. Turnholt. T. LXVII. Reprint by Brepols.
- Hessen O., 1974. Byzantinische Schnallen aus Sardinien im Museo archeologico zu Turin // Studien zur Vor- und Frühgeschichte. Archäologie: Festschrift für Joachim Werner zum 65. München. Bd. II.
- Honey W.B., 1945. Glass: A handbook and guide to the Museum Collection. London.
- Horedt K., Protase., 1972. Das zweite Fürstengrab von Apahida // Germania. Berlin. Bd. 50.
- Huxley G., 1978. On the of St. John of Gothia // Greek-Roman and Byzantine studies. Durham. Vol. 19, № 2.
- Jones A.H.M., 1973. The Late Roman Empire 284–602. Oxford. Vol. I–II.
- Kalantarian A.A., 1991. Les palais du VII siècle de Dvin // Atti die quinto Simposio Internazionale die Art Armene. Venezia.
- Kalantarian A.A., 1996. Dvin: Histoire et Archeologie de la ville medievale. Paris.
- Kazanski M., 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière Pontique au bas-empire // TM. [Vol.] 11.
- Kazanski M., 1996. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du V s. et au VI s. Paris.
- Kazanski M., Mastikova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles // Eurasia antiqua. Mainz am Rhein. Bd. 5.
- Kazanski M., Périn P., 1988. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. Ruan. [№] 3–4.
- Kazanski M., Périn P., 1998. Les Barbares "orientaux" dans romaine en Gaule // Antiquités nationales. Paris. Vol. 29 (1997).
- Khrapounov I.N., 1996. Population des montagnes et piémonts de Crimée à l'époque romaine tardive (d'après le matériel de la nécropole de Droujnoe) // L'identité des populations archéologiques: XVIe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Valbonne.
- King N.Q., 1957. The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinople 381 // Studia Patristica. Berlin. Vol. I.

- Kiss A., 1996. Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kőlked-Feketekapu A. Innsbruck.
- Klumbach H., 1973. Spätromische Gardehelme. München.
- Kokowski A., 1973. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.
- Kubitschek W., 1911. Grabfunde in Untersiebenbrunn // Jahrbuch für Altertumskunde. Wien. Bd. 5.
- Kühn H., 1965. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Graz. T. I.
- Kühn H., 1981. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Graz. T. III.
- Lamm C.J., 1928. Das Glass von Samarra. Berlin.
- Lamm C.J., 1929/1930. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen-Osten. Berlin. Bd. I-II.
- Lamm C.J., 1931. Les verres trouvés à Suse // Syria. Paris. Vol. XII.
- Lassus J., 1981. Forteresse Byzantine de Thamugadi // Fouilles à Timgad 1938-1956. Paris. [Vol.] I.
- Lauffray J., 1983. Halabiyya-Zenobia place forte du limes oriental et la Haute-Mésopotamie au VIe siècle. Paris.
- Lawrence A.W., 1983. A skeletal history of Byzantine fortification // BSA. [Vol.] 78.
- Le Quien M., 1740. Oriens Christianus. Paris. Vol. I.
- Legland J., 1965. Fouille et travaux en Egypte et Soudan, 1962-1963 // Orientalia. Vol. 33, fasc. 2-3.
- Mackensen M., 1993. Die spätantiken Sigillata und Lampentöpfereien von el Mahrine (Nordtunesien). München.
- Maenchen-Helfen O., 1973. The world of the Huns // Studies in their history and culture. Berkeley; Los-Angeles; London.
- Maioli M.G., 1994. Ravenna e la Romagna in epoca gota // I Goti. Milano.
- Malalas John, 1986. The chronicle. Melbourne.
- Maraval P., 1990. La passion de S. Athénogène de Pédachthoé en Cappadoce / Ed. et tr. // Bibliotheca Hagiographica Graeca (197b): Subsidia hagiographica. Bruxelles. № 75.
- Martin G., 1983. Terra sigillata Clara de Pollentia // Pollentia. Palma de Mallorca. [Fasc.] 3.
- Martin M., 1991. Zur Frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania: Del'Art des invasions en Hongrie et en Wallonie // Actes du colloque tenu au Musée royal de Mariemont du 9 au 11 avril 1979.
- Moravcsik Gy., 1958. Byzantinoturcica. Berlin. [Bd.] II.
- Morgan Ch.H., 1942. The byzantine pottery // Corinth. Princeton; New Jersey. Vol. XI.
- Mošin V., 1931. Les Khazares et les Byzantins // Byzantion Bruxelles. T. VI.
- Mouraviev S., 1980. Le forme interne de l'alphabet Albanais Caucasiens et la phonologie de l'oudien // Le Muséon revue d'études Orientales. Louvain. T. 93, fasc. 3-4.
- Nardini B., 1991. Introduction // Ferrara A. The unknown catacomb. New Larnak.
- Nesbitt J., Oikonomides N., 1991. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington. Vol. 1.
- Nikephoros patriarch, 1990. Nikephoros patriarch of Constantinople short history / Text, tr. and com. by C. Mango. Washington.
- Νυσταζοπούλου Μ.Γ., 1965. Η εν ΤΝΤαυρικῇ Χερσονήσῳ Πολις Σουγδαία ΑΘΝΑΙ.
- Obolensky D., 1979. The Crimea and the North before 1204. // Archeion Pontu. 35.
- Oikonomides N., 1972. Les listes préséance Byzantines de IXe et Xe siècles. Paris.
- Orbeli J., 1940. Sassanian and Early Islamic Metalwork // A Survey of Persian Art. New York; London. Vol. IV.
- Pallas D., 1981. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avars et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. // Byzantino Bulgarica. Sofia. [Vol.] VII.
- Peacock D.P.S., 1984. The amphorae and chronology // Excavations at Carthage. Sheffield. Vol. I, p. 2.
- Petre A., 1987. La romanité in Scythie mineure (IIe-VIe siècles de notre ère). Bucaresti.
- Pilet C., 1995. Un centre de pouvoir: le domaine d'Airan, Calvados (IVe-IXe siècles) // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.
- Pinder-Wilson R., 1963. Cut-Glass vessels from Persia and Mesopotamia // The British Museum Quarterly. London. Vol. XXVII, 1-2.
- Pirling K., 1964. Das romischfränkische Grabfeld von Krefeld Gellep I // Germania. Berlin. [Bd.] 43.
- Porada E., 1963. Iran ancien: L'art à l'époque préislamique. Paris.
- Prisciani Grammatici, 1855. Caezariensis Institutionum Grammaticarum / Ed. M. Hertzii. Leipzig. Libri XVIII.
- Procopius, 1914. History of the wars / With an english translation by H.B. Dewing. Cambridge, Massachusetts. Vol. I.
- Procopius, 1928. History of the wars / With an english translation by H.B. Dewing. Cambridge, Massachusetts. Vol. V, book VII, VIII.
- Procopius, 1964. De Aedificiis // Opera Omnia. Lipsiae. Libri VI. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. III-IV).
- Pröttel P.M., 1991. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz. Jahrgang 35, 1988. [№] 1.
- Rau H.G., 1974. Zur Provenienzenfrage spätantiker Gläser // Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz am Rhein. Jahrgang 4. [№] 4.
- Reinach S., 1892. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris.
- Rice D.T., 1930. The byzantine glazed pottery. Oxford.
- Rice D.T., 1954. Byzantine polychrome pottery // Cahiers archéologiques. Paris. [Vol.] VII.
- Riegl A., 1895. Ein orientalischer Teppich von Jahr 1202 n.ehr. und ältesten orientalischen Teppichen. Berlin.
- Riley J.A., 1979. The coarse pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Tripoli. Vol. II.
- Robinson H.S., 1959. Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton. Vol. V.
- Rostovtzeff M., 1923. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires Fondation Eugène Piot. Paris. [Vol.] 26.
- Rusu M., 1959. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf // Dacia. Bucaresti. [T.] III.
- Sarnowski T., 1988. Wojsko rzymskie w mezji dolnej i na północnym wybrzeżu morza Czarnego // Novaensia. Lodz. [Z.] 3.
- Sarre F., 1925. Die Keramik von Samarra. Berlin.
- Sazanov A., 1997. Les amphores de l'antiquité tardive et du moyen âge: continuité ou rupture? La cas de la mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée: Actes du VI-e congrès. Aix-en-Provence 13-18 novembre 1995.
- Schürer E., 1897. Die Juden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεον ὑπιστοιν ebendaselbst // Sitzungsberichte der Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin. T. XII-XIII, 4.
- Schwarz A., 1992. Die gotischen Seezüge des 3. Jahrhunderts: Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter. Wien.
- Scorpan C., 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. Bucarest. T. XXI.
- Sčukin M.B., 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée Romaine et Les Barbares du III au VII siècle. Paris.
- Ševčenko I., 1971. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // DOP. № 25.
- Smith R.W., 1957. Glass from ancient world. New York.
- Sodini J.-P., 1993. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe-VIIe siècles) // DOP. № 47.
- Sodini J.-P., Villeneuve E., 1992. La passage de la céramique byzan-

- tine à la céramique omeyyade // La Syrie de Byzance à l'islam VIIe–VIIIe siècles. Damas.
- Soupault V.*, 1996. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées encochées (IVe–VIIe s.) // МАИЭТ. Вып. V.
- Sternini M.*, 1995. Il vetro in Italia tra V e IX secoli // La verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Guiry-en-Vexin.
- Stevenson R.*, 1947. The Great Palace of the Byzantine Emperors. London.
- Strzygowski J.*, 1918. Die Baukunst der Armenien und Europa. Wien.
- Tejral J.*, 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // AA. [H.] 72.
- Tejral J.*, 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum: Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.
- Teodor D.G.*, 1992. Fibule "Digitate" din secolele VI–VII în spațiul Carpato-Dunăreano-Pontic // Arheologia Moldovei. Iasi. [Vol.] XV.
- Thompson E.A.*, 1948. A history of Attila and the Huns. Oxford.
- Toll N.*, 1946. The necropolis: The Excavation of Dura-Europos: Preliminary report of the ninth season of work 1935–1936. New Haven. P. 2.
- Tomaschek W.*, 1881. Die Goten in Taurien. Wien.
- Trois millenaire d'art verrier*, 1958. Trois millenaire d'art verrier a travers les collections publiques et privées de Belgique. Liege.
- Vasiliev A.A.*, 1936. The Goth in the Crimea. Cambridge (Mass.)
- Vinski Z.*, 1968. Adlerschnallenfunde in Jugoslawien. Lieber Josepho Kostrzevski ostgenario ets. Warszawa.
- Vinski Z.*, 1972/73. Orovasenim fibulama Ostrogota i Tirinzana povodom rijetkog tiriskog nalaza u Saloni // Vjesnik arheoloskog muzeja u Zagrebu. Zagreb. [Sb.] VI–VII.
- Vinski Z.*, 1974. O Kasnim bizantskim kopčama i o pitanju njihova odnosa s avarskim ukrasnim tvorevinama // Vjesnik arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb.
- Vinski Z.*, 1978. Archäologische Spuren ostgotischer Anwesenheit im heutigen Bereich Jugoslawiens // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi Sad.
- Werner J.*, 1950. Slawische Bügelfibeln des VII. Jahrhunderts: Reinecke Festschrift. Mainz.
- Werner J.*, 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.
- Werner J.*, 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenska Archeologia. Bratislava. [Z.] VII.
- Werner J.*, 1960. Die frühgeschichtlichen Grabfunde vom Spielberg und von Fürst // Bayerische Vorgeschichtsblätter. München. Heft. 25.
- Werner J.*, 1961. Katalog der Sammlung Diergardt: Die Fibeln. Berlin.
- Werner J.*, 1964. Herkuleskeule und Donar-Amulet // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. Bd. 11.
- Werner J.*, 1971. Neue Analyse des Childerichgrabes von Tournai // Rheinsche Vierteljahrsblätter. Bonn. Jahrgang 35, Heft 1/4.
- Werner J.*, 1974. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // La Civiltà dei Longobardi in Europa: Problemi attuali di scienze di cultura, 189. Accademia Nazionale dei Lincei, anno CCCLXXI. Roma.
- Williams C.*, 1989. Anemurium: The Roman and Early Byzantine pottery. Wetteren.
- Fulff O.*, 1902. Altchristliche und Mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Berlin.
- Zieling N.*, 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford. [Bd.] I.
- Zosime*, 1971. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris. T. I.
- Zosimus*, 1982. New history / A translation with commentary by R.T. Ridley. Canberra.
- Zuckerman C.*, 1991. The early byzantine strongholds in Eastern Pontus // TM. [Vol.] 11.
- Zuckerman C.*, 1997. Short notes: Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and modern Greek studies. [Vol.] 21.
- Zucherman C.*, 1997a. Les Hongrois au pays de Lébédia: Une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836–889 // Byzantium at War (9th–12th C.). Athens.

Список сокращений

ААМЗ	– Анапский археологический музей-заповедник	ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры
ААЭПСК	– Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург	ИНСК	– История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.
АДД	– Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук	ИООИА	– Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку
АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск	ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры. Петроград
АИНГ	– Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси	ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
АКД	– Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук	ИФЖ	– Историко-филологический журнал. Ереван
АН	– Академия наук	ИЯИМК	– Институт языка, истории и материальной культуры им. Н.Я. Марра
АО	– Археологические открытия. Москва	ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и истории
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР. Київ	КБН	– Корпус боспорских надписей
АПФГ	– Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси	КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград	КЕС	– Культура евразийских степей. Самара
БС	– Боспорский сборник. Москва	КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. Москва
ВАА	– Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп	КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Свердловск	КЦ	– Картлис Цховреба
ВВ	– Византийский временник. Москва	КЧ	– Крупновские чтения
ВГМГ	– Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси	МАГК	– Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва	МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
ВИ	– Вопросы истории. Москва	МАК	– Материалы по археологии Кавказа. Москва
ВОН	– Вестник общественных наук	МАР	– Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры	МАЦНЕ	– Вестник АН Грузии. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси
ГИКМ	– Геленджикский историко-краеведческий музей	МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
ГИМ	– Государственный Исторический музей	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
ГИМА	– Государственный исторический музей Армении	МИАР	– Музей истории Адлерского района
ДК	– Древности Кубани. Краснодар	МИГКС	– Музей истории города-курорта Сочи
ДПК	– Друзья памятников культуры. Тбилиси	МИСК	– Материалы и исследования по истории Ставропольского края
ДЭВПН	– Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. Москва	МКА	– Материальная культура Азербайджана. Баку
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург	НИКМКП	– Народный историко-краеведческий музей “Красная Поляна”
ЗИАН	– Записки императорской Академии наук. Санкт-Петербург	НГИМЗ	– Новороссийский государственный исторический музей-заповедник
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса	НС	– Нумизматика и сфрагистика. Киев
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук	ОАК	– Отчет Императорской Археологической комиссии
ИАА	– Историко-археологический альманах. Армавир; Москва	ОИКЧ	– Очерки истории Карачаево-Черкесии
ИААК	– Известия Азербайджанского археологического комитета. Баку	ПАИ	– Полевые археологические исследования Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили. Тбилиси
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург; Петроград	ПВЛ	– Повесть временных лет
ИАКОПСИП	– Известия Азербайджанского комитета охраны памятников старины, искусства и природы. Баку	ПСРЛ	– Полный свод русских летописей
ИАН	– Известия Академии наук	РА	– Российская археология. Москва
ИЗ:ИМ	– Исторические записки: Исследования и материалы. Новороссийск	СА	– Советская археология. Москва
ИИМК	– Институт истории материальной культуры	САИ	– Свод археологических источников
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам	СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург
		СКОАИЭ	– Северо-Кавказское общество археологии, истории и этнографии. Ростов на Дону

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис	ТКЧНИИ	– Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
СОН	– Серия общественных наук	ФАН	– Филиал Академии наук
СХМ	– Сообщения Херсонесского музея. Симферополь	ХС	– Херсонесский сборник. Севастополь
СЭ	– Советская этнография. Москва	АА	– Archaeologia Austriaca. Wien
ТД	– Тезисы докладов	BSA	– The Annual of the British School at Athens. London
ТИКМ	– Туапсинский историко-краеведческий музей	DOP	– Dumbarton Oaks Papers. Washington
		ТМ	– Travaux et Memoires. Paris

Указатель имен*

Абага-хан 350
 Аббасиды, династия 385, 453
 Абдаллахан 222
 Абрамов А.П. 231
 Абу-Бокр, Ильдегизид 453
 Абул-Касим, полководец 277
 Абул-Суар, эмир 338
 Абуль-Касим 379
 Абуталыб 379
 Аврелий Ахолл 274
 Аврелий Валерий Сог 13
 Агафий 48
 Адарнас Патрик, кахетский правитель 303
 Аджеми Абубекр Нахичевани, зодчий 388
 Азиз 379
 Азра 379
 Айбабин А.И. 206
 Аларих 482
 Александр Македонский 354
 Алексеев, владелец собрания 101
 Алексеева Е.М. 240
 Алексеева Е.П. 186, 209, 486
 Алексеенко Н.А. 52
 Алексей I (Комнин), император 80, 141
 Али 379
 Али Ибн-Сина (Авиценна) см. Ибн Сина
 Алишан Гевонд 337
 Аматуни, армянский род 324
 Амброз А.К. 11, 12, 17, 29, 36, 39, 41, 192, 486
 Амир, чиновник 298
 Амир 379
 Амиранашвили Ш.Я. 275
 Аммиан Марцеллин 10, 14, 20, 24, 31
 Анагей, каган утигуров 29
 Анастасий Библиотекарь 66, 67
 Анастасий I, византийский император 43, 49, 295, 355
 Андрей Первозванный, св. апостол 199, 284, 293, 330, 436
 Анна 84
 Анна Комнина 86
 Антонова И.А. 65, 66
 Анфимов Н.В. 195, 208–210, 212
 Апакидзе А.М. 281, 293, 391
 Апахид II 35
 Апхазава Н.И. 291
 Аракелян Б.Н. 339, 440–445, 447, 449, 452
 Арвейлер Е. 64
 Аржанцева И.А. 208
 Аристотель 149, 348
 Аррениус Б. 35–36
 Асйла, тюркский каган 20
 Арутюнян В. 428
 Артамонов М.И. 72, 354

Артамонова О.А. 71
 Арцруниды, армянский княжеский род 335
 Аршакиды, армянская династия 321, 322, 326, 328
 Аслан Атабек, султан (Ильдегизид) 453
 Аспагур, картлийский правитель 276
 Аспург, боспорский правитель 31
 Атавин А.Г. 158, 180, 182
 Аттила 14, 22, 31, 38
 Афеноген, св. 11, 14
 Афродита 24
 Аханов И.И. 207, 216
 Ахемениды, династия 356
 Ахмед 379
 Ахмед ибн Абубекр Гянджинский 379
 Ахмедов Г.М. 462–464, 476, 479–481
 Ахситан, сын Манучехра, ширваншах 371
 Ашот I Багратиони, картлийский правитель 297
 Ашот II Железный, армянский царь 343
 Ашот Кух 320
 Баграт III, грузинский царь 297, 300, 301, 303, 315
 Баграт IV, грузинский царь 300, 301, 315
 Багратионы, армянский царско-княжеский род 322, 335–341, 344, 345, 347, 348, 350, 440
 Багратионы, грузинская династия 301, 303, 422
 Бадал 379
 Бадурий стратилат 27
 Байер 367
 Байери Фр. 270
 Бакрадзе Д. 300
 Баранов И.А. 56, 57, 59, 77
 Барбаро Иосифат 9, 81
 Басили Эзосмодзвари 297
 Батбаян 56
 Бахманяр, философ 388
 Бахрам Гур 333
 Бгажба А. 310
 Бевразуря 274
 Бегичев К.Р. 171, 180
 Бека Опизари 319
 Белов Г.Д. 50–51, 84
 Бердибек, хан 222
 Березин И.Н. 367
 Бертъе-Делагард А.Л. 59, 81, 106
 Бессонова С.А. 80
 Бешкен Опизари 319
 Бжания В.В. 208
 Бирбрауэр Ф. 17, 29
 Блаватский В.Д. 14, 180
 Богословская И.Н. 172
 Богословский О.В. 172
 ал-Бовдари 385
 Бохан 29
 Бохочадзе А.В. 293

Брашинский И.Б. 211
 Брейль Л. 33
 Броневский Мартин 9
 Брунов Н.И. 73, 83
 Бусбек 9
 Ваидов Р.В. 365
 Валгица, архонт 55, 56
 Валент, римский император 24
 Валентин 29
 Валентиниан I, римский император 34
 Валентиниан II, римский император 34, 37
 Валериан, римский император 10
 Варазы, род 363
 Варахран II, сасанидский царь 365
 Вардан (Филиппик) 65
 Вардан Мамиконян, спарпет 325
 Василий I, византийский император 63
 Василий II, византийский император 84, 168, 169, 453
 Васильев А.А. 22, 27, 77
 Васильевский В.Г. 59, 188
 Вахрам Пахлавун, полководец 341
 Вахтанг III, грузинский царь 316
 Вахтанг Горгасали (Горгасал), грузинский царь 272–274, 276–278
 Веймарн Е.В. 45, 78, 107
 Веребрюсов С.И. 180
 Вернер И. 17, 21
 Веселовский Н.И. 74–76, 80, 135, 207, 225
 Витрувий 149, 349
 Вишнякова А.В. 65
 Владимир, князь 23, 82, 84
 Влатий, архонт 65
 Воронов Ю.Н. 186, 208, 212, 284, 288
 Гавриил, архангел 319
 Гагик I Багратид, царь 338, 344, 446
 Гадло А.В. 57, 59
 Гайдукевич В.Ф. 180
 Гален 348
 Гамбашидзе Н.Н. 275
 Гамза 379
 Гамрекел-Торели, род 302
 Гарибян И.Г. 340, 341
 Гасан 379
 Гаянэ 324
 Гвасалия Д.Н. 305
 Геката 24
 Георгий (Победоносец), св. 47, 60, 79–80, 294, 405
 Георгий III, грузинский царь 298, 306, 312, 315, 318, 319
 Георгий Блистательный, грузинский царь 303
 Георгий Цула 82
 Гера Спасительница 13
 Герман, патриарх 59
 Германах, король 10
 Герц К.К. 180

* В указатель не включены имена, которые содержатся в библиографических ссылках.

- Герцен А.Г. 44, 45, 62, 77
 Гзелишвили И.А. 309
 Гильемила Виллем де см. Рубрук Гийом
 Гиппократ 34
 Глеб Святославич, князь 68, 171
 Гмелин 367
 Годила 27
 Гозалашвили Г.К. 279
 Гонорий, византийский император 25
 Гордиан III, римский император 34, 37
 Гордиковы, владельцы имения 97
 Гот 49
 Григор, мастер 345
 Григор-просветитель (Григорий Просветитель) 328
 Григорий Магистр Пахлавуни 340
 Григорий Хандзтели 317
 Григорис 348
 Гриневич К.Э. 180
 Гуарам, картлийский правитель 295
 Гуарам Мампали 302
 Гунба М.М. 284
 Гурандухт 320
 Гурген Багратуни, армянский царь 343

 Давид, армянский царь 340
 Давид, грузинский царь 453
 Давид IV Строитель, грузинский царь 297, 298, 300, 301, 315, 316, 318
 Давид VIII, грузинский царь 306, 316
 Давид из Гареджи, св. 318
 Давид Куропалат, тао-кларджетский правитель 315
 Давид Нарин 306
 Давитисдзе 297
 Дамиан, зихский епископ 200
 Дамиан, митрополит 62
 Даниил, св. 328
 Данышин Д.И. 166, 167
 Даркевич В.П. 8
 Дачи, грузинский царь 273
 Дебец Г.Ф. 43
 Деметра 23
 Десятчиков Ю.М. 168
 Джанашия С.Н. 272
 Джанибек, хан 222
 Джапаридзе В.М. 280, 391, 392
 Джапариды, династия 298
 Джафар 379
 Джафарзаде И.М. 375, 376
 Джеваншир, албанский князь 364
 Джелал-ед-Дин (Джалал-эд-дин), хорезмшах 298, 299, 339
 Джидди Г.А. 371
 Джорбенадзе В.А. 277, 305
 Джуаншер 297
 Диль Ч. 33
 Димитрий II, грузинский царь 316
 Диоген 25
 Дмитриев А.В. 7, 186, 194, 197, 200, 208, 216, 224
 Дмитрий Солунский, св. 80
 Долгоруков В.С. 180
 Домбровский О.И. 71, 140
 Дорн Б. 367
 Думберг К.Е. 180

 Евдоксий, епископ 14
 Евпатерий, стратилат 159
 Евсевий, дьякон 14
 Евсевий 15
 Евстафий Мцхетский 275
 Евтих, архитектор 14
 Енох 26
 Еферий, епископ 24

 Жамкочян А.С. 326
 Ждановский А.М. 208

 Забелин И.Е. 180
 Зайбт В. 66
 Зайбт Н. 66
 Закарая П.П. 279, 293, 294, 389, 391
 Захариды, армянский княжеский род 322, 336, 339, 340, 440
 Захарий Ритор 26
 Зебеде 405
 Зевс 14, 24
 Зевс-Серапис 24
 Зевс Спаситель 13
 Зинон, византийский император 25, 48–50
 Зоила, ипат 66
 Зоила, протополит 65
 Зосим 10

 Ибн-ал-Асир 81
 Ибн-ал-Биби 80
 Ибн-Батута 72
 Ибн Сина (Али Ибн-Сина; Авиценна) 348
 Ибн-Фадлан 225, 349
 Ибн-Хаукаль 338, 349
 Ибрагим, сын Османа, кузнец 381
 Ибрагимов Б.И. 373
 Иващенко М.М. 270, 275, 276
 Идриси 78, 80
 Иерон 66
 Иессен А.А. 151, 367
 Ильдегизиды-Атабеки, династия 350, 367, 371, 374, 453
 Ильханы, династия 371
 Илья, архонт 65
 Инанишвили И.К. 282
 Иоанн 405
 Иоан Марушисдзе 297
 Иоанн Готский (Исповедник), св. 59, 62
 Иоанн, пресвитер 77
 Иордан 10, 15, 27, 50, 154
 Иосиф, хазарский царь 53
 Иосиф Бар Газан 275
 Ираклий, византийский император 48, 50, 51 54, 273, 295
 Ираклий Константин, соправитель Ираклия 54
 Ирина 59
 Исаак, ипат Херсона 65
 Исида 24
 Исой, комит 65
 ал-Истахри 338
 Истемиа см. Сильзибул
 Иуда 26

 Кавад I, сасанидский царь 354, 356, 365
 Кадм, епископ 14
 Казанский М.М. 188
 Каланкатвацц Моисей 273

 Калантарян А.А. 426–439
 Капитон, епископ 24
 Каракалла (Марк Аврелий Антонин) 11
 Караханян Г.О. 341
 Кардост 27
 Кассалия Афродита Урания 180
 Каухчишвили Т.С. 274
 Кафадарян К.Г. 326, 339, 342, 426
 Кафар 379
 Квирик, католикос 406
 Кей-Кобад, Сельджукид 453
 Кей-Хозрой II, Сельджукид 453
 Кермен Варахран, сасанидский царь 190
 Кипшидзе Д.А. 338
 Кириак, апоипат 57
 Клавдий Птолемей 301
 Кобылина М.М. 180, 183
 Ковалевская В.Б. 192, 208, 209
 Кондаков Н.П. 73, 180
 Константин II, византийский император 30, 50, 51
 Константин 405
 Константин I (Великий), римский император 24, 31, 32, 293
 Константин IV, византийский император 198
 Константин V Копроним, византийский император 57, 59, 65, 162, 167, 205
 Константин Багрянородный (Порфирородный), византийский император 64–66, 74, 77, 82, 83, 199, 300, 484
 Константин VIII, византийский император 168, 169, 302
 Константин X Дука, византийский император 374, 453
 Константин, соправитель Василия I 63
 Константин, стратиг 66
 Константин, турмарх 66
 Константин-Кирилл Философ 59, 66, 67
 Констанций II, римский император 32, 34, 37, 102
 Констанций Галл, римский император 34
 Корзухина Г.Ф. 73
 Коровина А.К. 172, 180
 Косьма, комит 65, 66
 Кочоян Г. 426, 428
 Кропоткин В.В. 71, 178, 180, 186
 Кругликова И.Т. 205
 Крузе 23, 84
 Куврат (Кубрат), болгарский хан 48, 65
 Куджи, эристав 279
 Кузнецов В.Д. 180
 Кулаковский Ю.А. 74
 Куфтин Б.А. 270

 Лазаревский Я.М. 180
 Латышев В.В. 51, 62, 79, 213
 Лапа-Георгий 319
 Лашкари 379
 Лебедева Е.Ю. 185
 Лев, турмарх Готии 77
 Лев I, византийский император 25, 26, 295
 Лев III Исавр, византийский император 59, 60, 65, 167, 199, 205
 Лев Алиат, стратиг 84
 Левиатов В.Н. 381

Леквинадзе В.А. 211
 Леон I, эристав 297
 Леон III, грузинский царь 320
 Леонти Мровели 297
 Леонтий, византийский император 64
 Лизунов, владелец усадьбы 242
 Лициний I, римский император 34
Ломтатидзе Г.А. 275, 280, 309
Лордкипанидзе Г.А. 281
 Лупа, св. 25
Люценко А.Е. 171, 180
Ляпушкин И.И. 171, 174
 Мавр, патрикий 65
 Маврикий (Маврикий Тиберий), византийский император 27, 51, 159, 160, 295
Майсурадзе З.П. 309
Макалатия С.И. 270
Макарова Т.И. 10, 176
 Малала Иоанн 27
Мамаишвили Н. 389
Манандян Я.А. 349
 Мануел Аматуни 331
 Манучехр 371
 Мариам, мать Баграта IV 301
 Марк Аврелий, римский император 189
 Марк Аврелий Антонин *см.* Каракалла
Марр Н.Я. 321, 323, 329, 337, 338
 Мартин I, папа 51, 52
Марченко И.Д. 180
 Масуб ибн Намдар, историк 388
 ал-Масуди 57, 77, 199, 225
 Матфей 284, 293
Мацулевич Л.А. 32, 33, 36, 39, 281
Медынцева А.А. 179
Мелитаури К. 389, 390, 391
 Менандр 29, 48, 50
 Мерван, полководец 275, 276, 278, 280
 Месаксудия, владельцы усадьбы 11, 87
 Месроп Маштоц 324
 Мехсети Гянджеви, поэтесса 388
Миллер А.А. 151, 171, 174, 199, 207, 208, 242
 Мина, св. 47
Минеев М.Г. 208
Минкевич-Мустафаева Н.В. 378
Минорский В.Ф. 199, 225
 Мирриан, царь 271, 293
Мирианашвили Н.Г. 293
 Михаил I, византийский император 63
 Михаил III, византийский император 66
 Михаил IV, византийский император 453
 Михаил Сириец 27
Мицишвили М.Н. 309, 310
 Момине-хатун 370
Монгайт А.Л. 207, 209
де Монпере, Ф. Дюбуа 208, 279
Мошин А.М. 77
 Мстислав Владимирович, князь 73, 172, 178
 ал-Мукаддаси 301, 338
Муравьев С.Н. 365
Мусин-Пушкин А.И. 171
Мухелишвили Л.В. 270, 279, 293
 Мхаргдзели 302
 Мхитар Герацц 348

Мхитар Гош, мыслитель 341, 344
 Нарсе, сасанидский принц 363
Насидзе Г.М. 304
 Наср 379
 Нерсес III, католикос 323, 327
 Ниями Гянджави 369, 387, 388
 Никифор, патриарх 48, 54, 56, 63–65
 Никифор, стратиг 66
Николаева Э.Я. 152, 154, 159
 Николай Мистик 82
 Николайшвили В. 392
 Нина, св. 318
Ниорадзе Г.К. 270
Новичихин А.М. 208, 262
Новосельцев А.П. 77
 Ногай, хан 81
Носкова Л.М. 208
 Оболенский Д. 64
Овчинникова Б.Б. 208, 212
 Олег (Хелгу) *см.* Хелгу (Олег)
 Олег-Михаил, князь 71, 73
Онайко Н.А. 209, 215
 Орбели, род 340
Орбели И.А. 337, 338, 381
 Орбеляны, княжеский род 342
 Палеологи, династия 80
Паллас П.С. 146
Паромов Я.М. 7, 180
 Парон (Захарид) 439
Паршина Е.А. 63
 Пахлавуни, княжеский род 338, 340
Пахомов Е.А. 186
 Пенчула, владелец имения 240
 Пероз, царь 277, 354, 365
 Песах, военачальник 77
 Петрона Каматир 65–66
Пиотровский Б.Б. 323
 Пир Мардакян 386
 Пир Хусейн 386
Плетнева С.А. 21, 55–56, 61, 69, 74, 76, 80
 Плиний Старший 349
 Погос, мастер 446
Покровский Н.В. 32
 Приск 15
 Присциан 43
Прицак О. 77
 Проб, патриций 27
 Прокопий (Кесарийский) 15, 22, 39, 40, 42, 43, 48, 157, 158, 200, 205, 280, 281, 329, 482, 484
 Прошяны, княжеский род 342
 Псевдо-Арриан 194
Пуленцов 171
Пьянков А.В. 208
Пятишева Н.В. 76
 Раввадиды, династия 385
 Радамсад, боспорский царь 14
 ап-Рази 348
Рашишвили Р.М. 277, 293, 294, 305, 392, 409, 416–423, 425
Раппопорт П.А. 173
 Регино 74
Репников Н.И. 71
 Риямталк, боспорский правитель 31

Рипсимэ, св. 332
 Рискупорид III, боспорский правитель 11
 Рискупорид V, боспорский правитель 10
 Рискупорид VI, боспорский правитель 14, 31
 Роман I Лакапин, византийский император 77, 83
 Роман II, византийский император 175
Романчук А.И. 49, 65, 84
Ростовцев М.И. 9, 25
 Рубрук Гийом (Гильемила Виллем де) 9, 80, 81, 484
Рудаков В.Е. 78
 Рустам 379
 Русудан, грузинская царица 297, 299, 306, 316, 453
Рчеулишвили Г.М. 305
Рыбаков Б.А. 171, 174, 179
Рыжов С.Г. 52, 85
 Сабазий 14
 Сабаон 317
 Саваг, сын Аристона 15
 Савромат, боспорский правитель 31
 Савромат II, боспорский правитель 34, 36–37
 Саджиды, династия 385
Сазанов А.В. 73, 85, 155, 159
Салов А.И. 208, 212
Саникидзе Т.Н. 275
 Сасаниды, династия 352, 354–356, 365
Саханев В.В. 7, 186, 194, 195, 216
 Святослав Игоревич, князь 172
Седикова Л.В. 66
 Сеидали 379
 Сельджуки (Сельджукиды), династия 371
 Семен Кананийский 284, 293
Семеняка П.Д. 180
 Сергей, лагофет 66
Сидоренко В.А. 21, 30, 43
Сизов В.И. 207, 210, 213, 225, 486
 Сильзибул, каган (кит. Истеми) 29
 Симеон, стратиг 82
 Синджар, Ильдегизид 452
 Скилица 82
 Смбат II, армянский царь 337
 Смбат Багратуни (Багратид), армянский царь 343
 Созомен 14
Соколова И.В. 66
Сокольский Н.И. 152
Соломоник Э.И. 24, 77
Сорокина Н.П. 33
 София 50
 Спадин 15
Спицын А.А. 194
 Степанос (Стефан), св. 344
 Стефан, патрикий 59, 65
 Стефан Сурожский 59
 Стефаноз I, картлийский правитель 295
 Страбон 349
Стржиговский И. 32
Струков Д.М. 62
 Сумбат 297
 Сфенг 82

Такаишвили Е.С. 270
Талис Д.Л. 45, 64, 127
 Тамар (Тамара), грузинская царица 297, 298, 303, 306, 318, 319, 453
 Тамерлан 303, 320
Тарапенко 171
 Тарду, брат Турксанфа 29
 Тацит, римский император 11
 Тевдоре, художник 319
Тейрал Я. 17
 Тейран Тиберий Юлий, боспорский правитель 11, 14
 Теодорих 22
 Тервел, болгарский хан 65
Тешев М.К. 208
 Тиберий Юлий, династия 13
 Тиберий, византийский император 29
 Тиверий Коснтантин, византийский император 295
 Тиверий III Алсисмар, византийский император 64
Тизенгаузен В.Г. 163, 171, 180, 199
 Тимофей (Элур, Кот), патриарх 25, 26
Ткешелашвили О.В. 309
Токарский Н.М. 327, 338, 428
 Токта, хан 222
Тораманян Т. 325, 338, 428, 437
 Торос, мастер 345
 Трдат, архитектор 338
 Трдат, царь 328
Тревер К.В. 332, 364
 Тумаковский 98
 Тур Н.И., владелец усадьбы 25
 Турксанф (кит. Тянь-хань-хан) 29
 Тюхе 24
 Тянь-хань-хан см. Турксанф

Уваров А.С. 51
Уварова П.С. 207, 270
Угрелидзе Н.Н. 275
 Узбек, хан 76, 222
 Утигур, правитель гуннов 22

 Фадлун, эмир 338
 Фазлун 379, 384
 Фаиспарта 15
 Фалес Милетский 149
 Фарсанз, боспорский правитель 10, 31
 Феаген 50
 Федор, епископ 81
Федоров-Давыдов Г.А. 74

Фемистий, ритор 14
 Феодосий I, византийский император 24, 26
 Феодосий II, византийский император 25, 295
 Феофан Исповедник 55, 56, 65, 183
 Феофил, византийский император 65, 66, 205
Финогенова С.И. 172
Фирсов Л.В. 43
 Фока, св. 14, 25
 Фока, стратиг 66
 Фортуна 73
 Фотий, патриарх 55
 Фофорс, боспорский правитель 14, 34
Френ Х.Д. 367
Фролова Н.А. 32

 Хагани Ширвани, поэт 388
Халилов Дж.-А. 454–460
 Хамам, албанский князь 359, 373
 Хамару 379
Ханыков Н.В. 367
Харко Л.П. 180
 Харон 162
 Хасдай ибн Шафрут 53
 Хатиб Тебризи, грамматик 388
 Хаттаб 379
 Хачик Дадаян, архимандрит 325, 327
 Хварена, божество 363
 Хелгу (Олег), князь 77
Хессен О. 60
 Хечан Агавелян, политический деятель 325
 Хилдерик I 15, 35
Хойновский И.А. 231
 Хормизд IV, сасанидский царь 364
 Хосров I Ануширван, сасанидский царь 356, 364
 Хосров II, армянский царь 322
 Хосров II Парвез, сасанидский царь 329, 355, 364, 365
 Хосрой 281
 Хулагуиды, династия 371
Хускивадзе Л.З. 8, 319

Циклаури И.Д. 305
Цинцадзе В.Г. 293, 389, 403
Цицишвили И. 389
Цкитишвили Г.Г. 280
Цукерман К. 64

Чагатай 340
Черепанова Е.Н. 74
 Чиабер Торели 303
Чикоидзе Ц.Н. 275
Чилашвили Л.А. 309
Читая Г.С. 270
Чубинашвили Г.Н. 273, 293
Чубинашвили Н.Г. 293

Шавырина Т.Г. 231
 Шаддариды, династия 385
 Шаллум 275
Шамба Г.К. 284
Шандровская В.С. 59
 Шапур II, сасанидский царь 321
 Шапур из рода Варазов, правитель Атурпатакана 363
 Шеддаиды, династия 337–339, 345, 367, 369
Шелов Д.Б. 152
 Шергил 406
 Ширваншахи, династия 367, 374, 385
Шишлов А.В. 187, 239, 240
Шкорпил В.В. 31, 39
Шнайдер А.М. 279
 Шота Руставели 319
Шульц П.Н. 74, 81
Шюрер Э. 14

Щепинский А.А. 74
Шукин М.Б. 192

 Эвтропий 14
Эрнст Н.Л. 74
Эшель Э. 26

 Юлиан, римский император 14
 Юсиф 379
 Юстин I, византийский император 27, 40, 160, 281, 482
 Юстин II, византийский император 27, 29, 50
 Юстиниан I (Великий), византийский император 9, 27–29, 39–42, 44, 45, 48–50, 53, 154, 160, 200, 281, 295, 329, 482–483
 Юстиниан II, византийский император 54, 59, 64, 65

Якобсон А.Л. 6, 21, 22, 24, 25, 27, 44, 48–49, 67, 69, 73, 82–86, 107, 175
 Яхве 14

Указатель этногеографических терминов, археологических памятников и государств

- Абазги 190, 486
Абазинка, могильник 210
Абазины 225
Абаносхеви (Нокорнисхеви), р. 294
Абаносхеви, с. 307
Абаносхеви, селище 305
Абгидзраху 284
Абинский-4, могильник 224
Абрау-Дюрсо 210
Абхазия 187, 189–191, 194, 207, 211, 223, 225, 271, 281, 284–288, 290, 295, 297, 300, 303, 306, 310, 313–315, 317, 395, 396, 486
Абхазское княжество (царство) 297, 303, 315, 317, 320
Аван 326, 327, 329, 437
Авары 9
Авлабари *см.* Исани
Авчала 293
Агара 406
Агарцин, монастырь 343, 444
Агванский (Албанский) проход 374
Агдам 363
Агдамский р-н 351, 359
Агдаш (Ареш) 384
Агджабурун (Белый мыс), поселение 352, 374
Агземи, поселение 351
Агой, р. 210
Агойский аул, могильник 188, 194, 210, 244. *См. также* Карповка
Агора Афинская 16, 18
Агуа, урочище 210, 212
Агуди 363
Адербиевская щель, могильник 210
Аджарисцкали, ущелье 308, 412
Аджария 207, 271, 284, 306
Адлер 184, 188, 208, 210–212
Адлерский р-н 363
Адыги 209
Адыги прикубанские 57. *См. также* Сугды
Ажек, могильник 210
Азат, р. 339
Азербайджан 7, 8, 311, 330, 332, 337, 345, 350–353, 356, 359, 367, 369, 373, 374, 376, 378–381, 383–388, 486, 487. *См. также* Албания; Кавказская Албания
Северный 368
Южный 338
Азия 10, 50, 56, 154
Малая 59, 83, 358, 387, 483
Передняя 296, 299, 333, 339, 347, 350, 363, 487
Средняя 80, 280, 312, 323, 329, 331, 346, 347, 373, 378, 380, 388
Азов 11
Азовское море 147, 152, 156, 162, 164, 169
Азовское, поселение 28, 57
Айбга, гора (крепость) 208, 210, 211, 260
Ай-Тодор, мыс 21
Ай-Фока, мыс (поселение) 28, 57
Айвазовское, с. 48, 483
Айгеван, с. (поселение) 322–324, 329, 330, 332, 431, 438
Ак-Кая, поселение 28
Акатциры 15
Акера, р. 351
Акра 14
Алаверди 313, 317, 421
Алазани, р. 294, 301
Алазанское ущелье 283
Аланы 6, 9, 11–13, 19, 20–23, 25, 29, 31, 43, 47, 61, 64, 81, 189, 199, 225, 271, 272
Алания 199
Албалык, балка 107
Албан, город 354
Албания (Кавказская Албания) 7, 271, 272, 298, 350–368, 487. *См. также* Кавказская Албания; Азербайджан
Албанский проход *см.* Агванский проход
Алванский проход 384
Алгетское ущелье 283, 318
Александрия 25
Алексеевка, поселение 28, 57, 58
Али 302
Алимбайрамлы 384
Алинджа-гала 351
Алтай 5, 56
Алтан 351
Алты-агач, с. (клад) 365
Алустон, поселение 28, 39, 42, 43, 61, 78, 79, 483. *См. также* Луст
Алушта, крепость 42, 58
Альма, р. 10, 18, 43, 74
Альма-Кермен 12, 20
Альтцагиры 15
Амарас, городище 352, 355
Амарасский монастырь 362
Амбролаури 317, 400
Амбролаурский р-н 421
Анакопия, город-крепость 303, 308, 412
Анапа 184, 187–189, 193, 199, 200, 207, 212–216, 221, 223–225, 240, 264, 268
Анапский р-н 240
Анберд, замок-крепость 338, 343, 348, 349, 441, 444, 445
Ангехаран, с. 374
Англия 385
Анджери 308
Андреевская щель 188, 208, 210, 215, 216, 262, 264, 268
Андреевская щель 1, поселение 213
Андреевская щель 2, поселение 213, 214
Ани, город 321, 325, 336–347, 349, 371, 375, 440, 442–447, 450
Анийская речка 337
Антиохия 17
Анчисхати 273
Апсарос (Гонио), крепость 271, 281, 284, 303. *См. также* Гонио
Апсилы 190, 284, 486
Апсара, г. 284
Апшелети 271
Апшеронский п-ов 356
Арабские халифаты (Халифат) 7, 335, 336, 339, 350
Арабы 7, 57, 273, 275, 282, 297, 298, 316, 321, 323, 331, 348, 487
Арагац, гора 329
Арагацоти, ист. обл. 325, 328
Арагви, р. 283, 294
Арагви Мтиулетская, р. 303
Арагви Пшавская, р. 302, 305
Арагвискри, крепость 271
Арагвиспири 294
Арагвиспирский могильник 393, 400, 404
Арагвское ущелье 279, 283, 287, 289, 290, 303–305, 307, 313, 314
Аракс, р. 271, 272, 369, 371, 376, 384
Аран 453. *См. также* Арран, г.
Аранац, гора 338
Арарат 329
Араратская долина 322–324, 329, 330
Арговети 271, 295
Ардебиль 298, 369, 384–386
Ареш *см.* Агдаш
Ареш, поселение, могильник 303, 410
Арзен (Артануджская земля) 300
Арзерум (Арзн-ер Рум, Арзн Ромеев) 336
Армавир (Древний Армавир) 445
Армизисхеви 275, 398
Армизцixe 294
Армения, фема 83
Армения 7, 8, 270–272, 300, 313, 317, 321, 322, 324–349, 352, 358, 363, 367, 379, 384, 385, 428, 437, 453, 486, 487
Марзпанская 322
Северная 335
Северо-Восточная 339
Центральная 335
Южная 335
Арминия 321
Армяне 321, 337, 343
Армянское нагорье 328, 329
Аромат, могильник 28, 61, 105
Ароматное, поселение 28, 42
Арран (“Аран”, “Ран”, “Рани”), г. 355
Арран, обл. 384, 385
Артаани 300
Артани, р. 271
Артани, селение 283
Артануджи, крепость 271, 272, 297, 298, 300
Арташат, г. 321, 323, 329, 332

- Артвини, провинция в Турции 317
 Артек, имение 18
 Артек, могильник 28, 42, 61
 Артюшенко 1, поселение 165, 166
 Аруч, крепость 325–329, 427, 428
 Археополис 272, 279–281, 284, 391. *См. также* Нокалакеви, Цихегоджи
 Архипо-Осиповка 268
 Арцах, обл. 351
 Арцн, г. 336
 Арчеш, г. 336
 Арчиван 352
 Аспидский р-н 389
 Астара, с. (клад) 365
 Атара, с. 396
 Ателкузу 64
 Атени 279, 295, 302, 320, 403
 Атина 271
 Атропатена 338, 351, 363
 Атурпатакан 363
 Афганистан 331
 Афины 14, 16
 Ахалгори 279, 302, 400, 401
 Ахали Жинвали, поселение 272, 393, 394
 Ахалкалаки Джавахетский (древн. Цунда) 298, 300, 301. *См. также* Цунда
 Ахалкалакский р-н 422
 Ахалкалаки Триалетский 302
 Ахалцихе (Ломсианта) 298, 302. *См. также* Ломсианта
 Ахеи 189
 Ахиза 271
 Ахлат *см.* Хлат
 Ахметский р-н 397, 404
 Ахпат, монастырь 345
 Ахтамарский храм Сурб Хач 446
 Ахтанизовская, станица 231
 Ахтанизовская 1, поселение 163, 164
 Ахтанизовская 5, поселение 157, 165
 Ахтанизовская 6, поселение 165
 Ахтанизовская 9, поселение 165, 168
 Ахтанизовская гряда 146, 147
 Ахтанизовский (Орловский) лиман 147, 157, 164–167. *См. также* Орловский лиман
 Ахул-абаа, холм (могильник) 412
 Ахун, гора 210, 212, 261
 Ахурян, р. 337, 440
 Ахц, поселение 322, 324, 326, 328–330, 435, 436
 Ацаван, крепость 322, 324, 332, 333, 432–434
 Ацкури 302
 Ачарисцали, ущелье 306
 Ача-тепе 351
 Ачипсе, крепость 208, 210, 260
 Ашамба, р. 213
 Ашнак 328, 329
 Аштарак 325, 328
 Аштаракский р-н 437

 Багдад 311, 453
 Багдадский халифат 178
 Багинети 318
 Багирлы, селение 374
 Баграта храм в Кутаиси 317, 421
 Бадатгора, могильник 400
 Баджерван 368
 Базарчай 363
 Баил-гесри, крепость в Баку 462
 Байловские камни, крепость в Баку 370
 Байдарская долина 47
 Байлакан (городище Орен-кала), г. 352–355, 367–369, 375–379, 381–387, 454, 462–464, 466–470, 472, 473, 475–481. *См. также* Орен-кала, Пайтакаран
 “Байлакан йолу” (Байлаканская дорога) 384
 Бакан, р. 200
 Бакиловани, селение 283
 Бакинская бухта 370
 Бакинский холм 370
 Бакла, городище, могильник 13, 18, 21, 28, 42, 44–47, 59–65, 76–81, 83, 86, 116, 118, 120, 122, 123, 127, 138
 Баклинский овраг 59
 Баку 352, 364, 367, 368, 370, 371, 374–387, 462, 463, 466, 467, 469, 470, 472, 473, 477, 480, 481
 Балаклава 12, 13
 Балаклава, г. 18, 43, 61
 Балаклава, могильник 28, 42, 61
 Баласаджан 368
 Бал-Гота, поселение, могильник 28, 42, 61, 62
 Балебиани, могильник 400
 Баличи, с. (могильник) 283, 286, 392
 Балканский п-ов 177. *См. также* Балканы
 Балканы 17, 86, 483
 Баллабурб гала 351
 Балхаб 384
 Бана, храм в Турции 293, 403, 420
 Бантареули, селище, могильник 305, 307, 411
 Баралети 302
 Барда (Берда) 298, 299, 352–355, 362, 363, 365, 368, 369, 384, 385, 463
 Бардинский клад 384
 Бардинский р-н 387
 Барзендж 384
 Барисахо, могильник 307
 Бармакское (Бешбармакское) укрепление 356
 Барцана 317
 Басла, р. 303
 Басман (Басманский хребет), могильник, пещера 28, 63, 77, 79
 Басра 358
 Батарейка, пос. 146
 Батарейка 1, поселение 155, 156, 159, 163, 168
 Батарейка 2, поселение 155, 156, 159, 163
 Батильман, бухта 78, 79, 84
 Батуми 282, 300, 303, 310
 Бахчи-Эли 75, 76, 79, 135
 Баштановка, могильник 28, 42, 61
 Баят 351
 Бджни, г. 340
 Бебрис-цихе, могильник 410
 Белая Вежа (Саркел) 68, 69, 71, 72, 76, 175, 177. *См. также* Саркел
 Беленджар, г. 354
 Белогорск 57
 Белосарайская коса 48
 Белый мыс *см.* Агджабурун
 Белый, пос. 161
 Бельбек, р. 10, 18, 20, 43, 47, 63, 64
 Бельбек I–III, могильники 12, 18, 20
 Беляус, городище 13, 21, 28, 57, 92
 Бербуки 401
 Берда 362. *См. также* Барда
 Береговой 3, поселение 155
 Береговой 3. Каменная Батарейка, поселение 156–157, 164
 Берзенд, г. 368, 384
 Беркасово (Воеводина) 12
 Берткунк 384
 Бертубани 319
 Беспетский мост 312
 Бетавиа, храм 319, 422
 Беш-Бармаг, гора 385
 Бешенка, крепость 210, 211, 260
 Бжид, пос. 186
 Бжид, р. 208
 Бжид (Бжид-1), могильник 186–190, 192–194, 208, 210, 222, 241, 243, 244, 486
 Бичвинта 271, 272, 280, 281, 284, 293, 303, 304, 317, 318, 391, 395, 399. *См. также* Питиунт; Пицунда
 Ближнее Боевое, с. (могильник) 74–76, 79, 135
 Ближний Восток *см.* Восток Ближний
 Бобоквати, с. 282
 Бобровка, поселение, могильник 28, 47, 61, 62
 Богачевка 48
 Бодбе 271–272, 283
 Бодрак, р. 20
 Бойахмедли, с. 351, 359
 Болгария 83, 176
 Болгары (булгары) 9, 48, 56–59, 63–65, 77, 161, 163, 483
 Болниса 270–272, 293–295, 302, 406
 Болнисский р-н 304, 306, 410
 Болнисский Сион, храм 403
 Болтын, гора (могильник) 188, 206
 Большие Сочи (Большой Сочи) 185
 Большие хутора, могильник 188, 206
 Большое Садовое, могильник 28, 42, 61
 Большой Кавказ (Кавказский хребет), горы 184, 301, 355, 371. *См. также* Кавказский хребет
 Большой Кавказский хребет 306. *См. также* Большой Кавказ
 Большой Мцхета 285, 388
 Большой Утриш, мыс (поселение) 210
 Бораны 10, 20
 Боржомское ущелье 305
 Бориса и Глеба, гора 165
 Борисовка (отдельный комплекс) 188, 240
 Борисовка, поселение 213
 Борисово, с. 188
 Борисовский могильник (“Борисово”) 7, 186, 188, 192, 194–196, 198, 199, 202, 203, 205–207, 210, 216, 240, 245, 263, 264, 266, 267, 486
 Боспор (Боспорское царство) 9, 10–15, 19, 20, 24, 27–29, 31–33, 35–40, 44, 47,

- 50, 53–56, 64, 68, 151, 154, 156, 159, 188, 189, 200, 205, 483
 Азиатский 13, 14, 31
 Европейский 10–12, 14, 15, 20, 30, 31
 Киммерийский 485
 Боспор, г. 10, 12, 13, 15, 21, 27–31, 33, 39, 42, 59, 68, 70, 72–74, 78, 79, 96, 114, 482. *См. также* Пантикапей
 Боспор, пролив 10, 27, 30, 56, 484
 Боспорский могильник (некрополь) 29, 32, 33, 91
 Бочорма, город-крепость 302, 317, 390, 422
 Бранное Поле, поселение 28, 56
 Брдадзори 294
 Буг 27
 Бугаз 158
 Бугазский лиман 147, 166, 167
 Бужор, хутор (могильник) 208, 210
 Булганак 79
 Булгары *см.* Болгары
 Бяндован 352, 368, 475
- Ваанаванк, монастырь 341
 Вагаршапат, г. 324, 328. *См. также* Эчмиадзин
 Вагуди 363
 Вайхыр, с. 374
 Вайхырское поселение 374
 Ваке 299
 Вакиджвари 308
 Ван, оз. 335
 Вани 272, 308, 310. *См. также* Цихесу-лори
 Ванское городище 412
 Варваровка 210, 221, 225, 264, 268
 Варденут, крепость 329, 433
 Вардзия 313, 319
 Вардихе (Родополис) 271, 272, 280, 284, 391. *См. также* Родополис
 Варсан 384
 Варчан 363
 Васпуракан 335
 Васюринская (Чиркова) гора *см.* Чиркова (Васюринская)
 Вахрамаберд, крепость 340
 Вачнадзиани, храм 403
 Вашлиджвари-Дигоми 273
 Вашнари 282, 308
 Великая Булгария (Великая Болгария) 56, 192, 483
 Велисихе, крепость 271
 Веллетри, г. в Италии 66
 Венгрия 22, 46, 47
 Венгры (мадьяры) 6, 55, 64, 66, 74
 Веря, с. 365
 Верхнебаканский (Тоннельная) 210
 Верхнее Буу 188, 242
 Веселая Роща II, могильник 11
 Веселовка 2, поселение 166
 Веселое 188, 242
 Византийская Африка 483
 Византийская империя (Византия) 6, 7, 9, 14, 25, 27, 29, 30, 32, 36, 37, 40–44, 47, 48, 50, 55, 56, 58, 59, 62–66, 68, 75, 77, 78, 83–86, 149, 159, 167, 170, 176–178, 192, 194, 225, 270, 271, 279, 280, 293, 297, 300, 311, 316, 319–321, 329, 335, 336, 339, 340, 348, 350, 387, 388, 482, 483
 Визиготы 43
 Вилино 79
 Виноградный 1, поселение 164, 166, 168
 Виноградный 2, поселение 164, 165
 Виноградный 4, поселение 165
 Виноградный 9, поселение 165
 Виноградный 10, поселение 159, 165
 Виноградный 12, поселение 166
 Виноградный 13, поселение 165, 166, 169
 Виращер 358
 Владимировка 208, 210, 222
 Волга, р. 5, 31, 148
 Волжская Болгария 176
 Волжские болгары 350
 Волконка (Чемитоквадже), с. 211
 Волна 1. Северо-Зеленское, поселение 164, 165, 168
 Волна 3, поселение 164–165
 Волна Революции 1, поселение 163, 164, 168
 Воскеваз, с. 325
 Восток 5, 36, 284, 316, 336, 346, 348, 371, 385, 387
 Ближний 178, 270, 293, 298, 316, 320, 323, 330, 333–336, 347, 350, 376, 380, 384, 385
 Дальний 280
 Передний 323, 339, 350
 Средний 350, 380
 Восточная Грузия *см.* Грузия Восточная
 Восточная Европа *см.* Европа Восточная
 Восточная Пруссия *см.* Пруссия Восточная
 Восточная Римская империя 9
 Восточно-Римские провинции 293
 Восточное Закавказье *см.* Закавказье Восточное
 Восточное Приазовье *см.* Приазовье Восточное
 Восточное Причерноморье *см.* Причерноморье Восточное
 Восточное Средиземноморье *см.* Средиземноморье Восточное
 Восточные готы *см.* Остроготы
 Восточный Кавказ *см.* Кавказ Восточный
 Восточный Казахстан 56
 Восточный Кахети *см.* Кахети Восточный
 Восточный Крым *см.* Крым Восточный
 Вохчаберд 325, 326, 428, 437
 Вукеллария, фема 83
 Вышестеблиевская 1, поселение 164, 166
 Вышестеблиевская 8, поселение 164, 166
 Вышестеблиевская 10, поселение 157, 166
 Вышестеблиевская 11, поселение 166–168
 Вышестеблиевская 13, поселение 164, 166
 Вышестеблиевская 14, поселение 164, 166
- Вышестеблиевская 16, поселение 166
 Вышестеблиевская, станица 167
- Гавази 303, 313
 Гавань Символ 13. *См. также* Балаклава
 Гагры 209
 Гаджитехмез-тепе 351
 Гаевка 75
 Гай-Кодзор 188, 208, 240
 Гайдук 2, поселение 210, 213
 Галаджик 352
 Гала-йери 352
 Галасан-Герасан 351
 Гала-тепе 352
 Галати, храм 422
 Галатия, провинция 11
 Галача, городище 352, 368, 384
 Галеи-Бутурт, крепость 367, 368
 Галицыно, крепость, храм 210–212, 261
 Ганзак (Гянджа) 355. *См. также* Гянджа
 Гантиади, с. 308
 Гаракепек-тепе, поселение 352, 480
 Гара-чай, р. 375
 Гардман, обл. 351
 Гардобани 271
 Гареджа 318
 Гаре-Кахети 317
 Гаркуша 1, поселение 161, 163, 164, 167, 168, 170
 Гарни 322–326, 330, 332, 333, 339, 345, 347, 428, 442, 443, 445, 448, 450, 452
 Гарталыг 351
 Гастагаевская *см.* Гастагаевская
 Гачиани 271
 Гаянэ храм 324
 Гегути 301, 308, 313
 Гейляр, с. (культовый комплекс) 386
 Гелати 301, 319
 Гелатский монастырь 318, 374
 Геленджик 184, 188, 198, 199, 205–208, 210, 213, 214, 218, 264
 Геленджикская бухта 184
 Геленджикский р-н 240
 Генджа (Гянджа) 355. *См. также* Гянджа
 Генеральское, поселение 15
 Геок-чай, р. 384
 Геокчайский р-н 374
 Георгия св. церковь в Накипари 319
 Георгия св. церковь в Тбилиси 308
 Герай, источник 374
 Гераклейский п-ов 13, 18, 24, 25, 50, 52, 66, 67, 80, 85
 Гераклея Фракийская 62
 Германия 385
 Германцы (германские племена) 5, 9–13, 20, 22, 23, 38, 187, 484, 486
 Гермонасса 6, 28, 55, 149–152, 158–159, 161, 171, 484, 485. *См. также* Таматарха, Тмутаракань
 Героевское, поселение 28, 56, 58–59, 119, 121, 483
 Герулы (Елуры) 10
 Гилян 333
 Гилян-Чай, р. 372
 Гильгильчайская (Шабранская) стена 356

- Гирляная (Суяка), гора 146
 Гиши 271–272
 Гладзорский университет 341
 Глдани 273, 293
 Глебовка, гора 213
 Глебовское, поселение 209, 210, 213, 214, 268
 Гогуба в Турции 317, 422
 Годлик, р. (крепость) 199, 208, 210, 211
 Голубицкая 1, поселение 167, 168, 170
 Голубицкая 3, поселение 167
 Голубицкая 4, поселение 167, 168
 Голубицкая 5, поселение 167
 Голубицкая, станция 146
 Голубицкий, о-в 147, 164, 167, 168
 Гомбати, селище 304, 418
 Гонно 280, 281, 284, 298, 300, 303, 310.
См. также Апсарос
 Гончарное, поселение, могильник 28, 61, 62, 79, 120
 Горгишния 7, 11, 14, 186, 189, 200, 205
 Горзубиты (Горзувиты), поселение 28, 39, 42, 43, 61, 78, 79, 483
 Гори 275, 277
 Горийский р-н 406
 Горис 363
 Горный Ключ, поселение 28, 63
 Горный Крым *см.* Крымские горы
 Гостагаевская (Гастагаевская), станция 188, 208, 210
 Гостагаевский, могильник 226
 Гостагаевское, селище 213, 214
 Гостагай, р. 210
 Готия 59–66, 77, 78, 80, 138, 140
 Готская епархия 78, 81
 Готы (готские племена) 6, 9–12, 14, 15, 20–22, 25, 27, 28, 31, 38, 42, 43, 47, 51, 61, 64, 81, 149, 151, 189, 205, 482, 484
 Готы-тетракситы 191, 200, 205, 486
 Гошаванк *см.* Новый Гетик; Нор-Гетик
 Граничная, балка 165, 166
 Греки 10, 11, 15, 343, 483
 Греми 312
 Греция 5, 83, 176
 Григора Просветителя церковь в Ани 338
 Григора Просветителя церковь в Ваанаванке 340
 Грузинское царство 338
 Грузины 343
 Грузия 7, 8, 62, 184, 270–275, 277, 278, 280, 282–304, 306, 308, 309, 311–320, 330, 332, 336, 342, 345, 350, 352, 358, 375, 378, 379, 384, 385, 390, 394, 402, 403, 406, 413, 419, 424, 425, 486, 487
 Восточная 279, 282–291, 293–295, 299, 304–311, 314, 389, 393, 410, 411
 Западная 279–284, 286–288, 290, 295, 297, 300, 303, 304, 306, 308, 310, 313–315, 317, 320, 390, 391, 395, 396, 400, 412
 Юго-Западная 282, 308
 Грушовая балка, могильник 210
 Гугарк, провинция 335, 339
 Гугетский дворец (Багратионов) 318, 422
 Гугуш, урочище (могильник) 28, 42, 61
 Чударехи 309, 313, 318, 320
 Гудрухи, с. 307, 410, 411
 Гулгула, селение 283
 Гунны (гуннские племена) 5, 9, 13–15, 21, 22, 24, 27, 31, 37, 38, 190, 205, 271, 272, 355, 482, 486
 Гурджаанская базилика 403
 Гурзуф 12, 13, 18, 39, 42, 43, 47
 Гурзуфская котловина 28, 43, 61
 Гушгона, гора 374
 Гушкана 351
 Гырлыг, горы 374
 Гырхчыраг (Гырх-чырах), поселение 352, 368, 384
 Гюлистан (Нарын-кала), крепость 352, 367, 368, 375–377, 379, 382, 386, 478, 479
 Гюлистан-тепе, поселение 352
 Гюмушли, поселение 351, 352, 375, 377
 Гюргян, г. 368
 Гяур-кала, поселение 351
 Гянджа (Новая Гянджа), г. 355, 368, 385
 Гянджа (Старая Гянджа, городище) 299, 352, 353, 355, 367–369, 371, 375–387, 462, 463, 467–470, 472, 476, 479, 481
 Гянджачай, р. 369, 376, 385
 Гяур-арх, канал 369
 Гяуркала, городище и храм в с. Бойах-медли 351, 359, 373, 387
 Дабил 338. *См. также* Двин
 Давати, с. 270, 294, 295, 320, 407, 411
 Давида-Гареджи, комплекс 283, 294, 318
 Дагестан 364
 Южный 363
 Приморский 58
 Даг-Коланы, поселение 351
 Даирман-тепе, поселение 351
 Дайрман-йери 351
 Дальние Камыши, поселение 28, 57
 Дальний Восток *см.* Восток Дальний
 Даразарат, поселение 352, 374
 Даралгез 363
 Дарассалам 371
 Дастакерт, крепость 328, 329
 Двенадцатый километр, поселение 164
 Двин (арабск. Дабил, груз. Двини) 271, 298, 321–325, 327–333, 335, 338–340, 342–349, 363, 384, 426–432, 434, 436, 438, 439, 441–445, 447–452
 Дебед, р. 340, 441
 Девебиани, селище 305, 409
 Девичья башня, крепость в Баку 370, 386, 387
 Дедахи 300. *См. также* Самшвилде
 Дедоплис Миндори 272
 Дедоплис цкаро 318, 392
 Делиси 299
 Демирбулаг 406
 Дербент 7, 298, 352–357, 362, 363, 365, 368, 371, 374, 375, 377, 384, 385, 454
 Дербентские укрепления (стены) 356, 357
 Дербентский проход 350, 352, 356
 Десятый километр, поселение 164
 Дехаркан 384
 Джавахети 271, 301, 302
 Джалита (Ялта) 80. *См. также* Ялта
 Джамухи 403
 Джанахар, городище 353
 Джанза (Гянджа) 355. *См. также* Гянджа
 Джанкой 74, 79, 135
 Джанхот, поселение 210
 Джанхот, р. 208, 210, 214
 Джвари, монастырь 295, 403
 Джварипатиосани, могильник 307
 Дженовез Кая, скала 42
 Джигинское (бывший Михаэльсфельд) 188, 240. *См. также* Михаэльсфельд
 Джервеж, с. 325, 326, 332, 430, 437
 Джоурлы-чай, р. 369, 375
 Джубга, мыс 207
 Джуга 351
 Джульфа 384
 Дзалиса 272
 Дзамиспихе, крепость 391
 Дзвели Гавази-Корети 403, 410
 Дзвели Шуамта 403
 Дзегви 293
 Дзибахеви 283
 Дзиганиос 284
 Дзиханеоси 271, 272
 Дзори, крепость 271
 Дигоми 299
 Диди-Конд, холм 324, 435. *См. также* Ошакан
 Дидруви, селище 304, 408
 Лидубе-Глдани 299
 Диерна в Нидерландах 12
 Дилижан, г. 341
 Дманиси, городище (г.) 299, 308, 311–315, 318, 320, 340, 402, 408, 410, 414, 416
 Дманисский клад 314, 315
 Дманисский могильник 307
 Днепр, р. 27, 64
 Днепровско-Дунайская зона 486
 Днепровское Левобережье 198
 Днестр, р. 31, 482
 Додо св. церковь 318
 Долинное, с. 12
 Дон, р. 77, 81, 156
 Донские степи 56
 Дооб, гора 207, 210
 Дооб, мыс 184
 Дооб, р. 213
 Дорас, архонтия 60
 Дори, городок 43
 Дори, обл. (страна) 42–44, 46, 47, 50–52, 59, 482
 Дори-Дорас, крепость 43
 Дорос, крепость 60, 62, 64
 Дранда, храм 317, 403
 Древняя Русь 225. *См. также* Русь
 Дружное, могильник 12, 16, 18–20, 22, 87
 Дузу-кале, крепость 188, 199, 200, 207–211, 244, 269
 Дунай, р. 15, 17, 21, 29, 65, 205
 Средний 192
 Дунайская Болгария 176, 178
 Дура-Европос 333
 Душети 294
 Душетский р-н 396, 397, 399, 400, 404

Дюбрар 351
 Дюрсо, могильник 7, 18, 36, 186, 188, 191–193, 195–203, 205, 206, 246–259, 486
 Дюрсо, р. (долина) 36, 186, 191, 200, 210
 Евдусиане 205
 Евпатория 57
 Евразия 5, 198
 Евреи 12, 77, 167, 183, 485
 Европа 38, 176, 196
     Восточная 37, 73, 191, 192, 385, 482, 484, 486
     Западная 15, 17, 21, 35, 191, 320, 486
     Северная 21, 22, 40
     Центральная 5, 21, 22, 35, 40, 190, 191
     Юго-Восточная 5, 35
     Южная 40
 Евфрат, р. 336
 Егвард, храм 325, 437
 Египет 223, 312, 333, 347, 388
 Ездийе, г. 385
 Еразгаворс, с. 325
 Ервандашат, г. 321
 Ереван 322, 326, 327, 371
 Ереуик 325, 328
 Ерзган, г. 336
 Ермоловка 188
 Ерджатап, крепость 329, 433
 Ерофеево, поселение 28, 56
 Жалети 271, 272, 278, 294, 298, 302
 Жамта Сакдари, храм, могильник 410, 411
 Жанэ, р. (могильник) 210, 268
 Железный Рог, мыс 146, 147
 Жинвали 279, 302, 303, 305, 308, 311–315, 320, 399, 414, 415
 Жинвальский могильник (Накалакари) 285, 307, 393, 397–400, 404, 410, 411.
См. также Накалакари
 “За Родину” 5, поселение 164
 “За Родину” 8, поселение 164
 Заветное, могильник 18, 19, 57, 90
 Загайтанская Скала 13, 18, 25, 28, 42, 61, 63
 Закавказье 7, 176, 178, 186, 190, 225, 270, 295, 298, 311, 321, 323, 330, 333, 338, 350, 354, 356, 363, 364, 369, 373, 380, 385, 482, 486, 487
     Восточное 301
 Закари-берд, крепость 328, 329, 433
 Закубанье 213, 216
     Западное 224, 225
 Заливное 79, 135
 Заморское, некрополь 10, 12, 13, 19, 35, 89–91
 Зангезурский перевал 363
 Запад 284, 336
 Западная Грузия *см.* Грузия Западная
 Западная Европа *см.* Европа Западная
 Западное Закубанье *см.* Закубанье Западное
 Западное Причерноморье *см.* Причерноморье Западное
 Запорожская, станция 14
 Запорожская, поселение 163

Зарзма, монастырь 319
 Зарипшат, г. 321
 Звартноц 317, 325–330, 338, 342, 343, 427, 428, 437
 Зверосовхоз 210
 Зегани 308
 Зедазени 320
 Зеленый Яр, поселение 28, 57
 Земо Картли (Самцхе-Джавахети) 302
 Зенонов Херсонес, поселение, могильник 10, 12, 13, 15, 27, 28, 30, 57
 Зимирхач, с. (могильник) 387
 Зихи 6, 194, 199, 209
 Зихия 82, 199
 Змейский могильник 179, 216
 Зовуни, с. 325
 Золотая Орда 72, 73, 371
 Золотой курган 31
 Зоравор, храм 325
 Зуя, р. 56
 Зюк, мыс 15, 57
 Иасхари 285
 Иберия 27, 271, 272, 274–276, 280, 300, 363
 Ибрахимгаджины, с. (клад) 365
 Ивлинта, храм 319
 Иерон 66
 Иерусалим 26, 293, 328
 Изобильное, могильник 13, 15, 21, 27
 Израиль 59
 Изяславль 72, 86
 Икалто, селение 283, 285, 317
 Икорта, храм 422
 Илурат, поселение 10, 12–13, 15, 27, 28, 30, 56, 58, 89
 Ильич 1, поселение 163, 165
 Ильичевское городище (Ильичевка) 152, 154–157, 159, 227–230, 484
 Имришгора, могильник 314
 Имшили 384
 Ингури, р. 313
 Ингушетия 330
 Индия 343
 Инкерман 12, 13, 16, 18, 19, 43, 45, 79, 87, 89–91, 483
 Инкит, оз. 284
 Иоанна Предтечи церковь 55, 68, 70, 72, 114, 130, 132–134
 Иори, р. 276–278, 414, 416, 417
 Иорский бассейн 283
 Иорский Сиони, могильник 307
 Иорское ущелье 283, 307, 410
 Ипрари, храм 319
 Ираван 371
 Иран (Сасанидский Иран) 7, 270, 280, 311, 321, 323, 329, 330, 333, 347, 350, 352, 354, 356, 363, 365, 385, 386, 388
 Иринд, храм 325
 Исани (совр. Авлабари) 273
 Испания 40, 191
 Испани, селище 304
 Италия 17, 18, 22, 29, 38, 40, 50, 483
     Южная 483
 Итиль 172
 Ичери-шехер, в Баку 370, 375, 377, 386, 387
 Ишхани, храм в Турции 317, 420

Кабала, г. 298, 351–355, 358, 361–364, 367, 368, 371, 375–384, 387, 462, 464, 466, 467, 469, 471, 472, 476–481. *См. также Сельбир*
 Кабардинка, с. (могильник) 208, 210, 266, 268, 269
 Кабх, гора 199
 Кавказ, регион 7, 17, 31, 153, 154, 186, 189, 194, 200, 205, 225, 270, 284, 290, 293, 295, 298, 312, 316, 320, 339, 350, 363, 486
     Восточный 354
     Северный 11, 12, 21, 27, 46, 62, 149, 154, 170, 176, 182, 184, 189, 190, 192, 193, 280, 290, 291, 296, 313, 342, 349, 356, 363, 485–487
     Северо-Западный 206, 224, 225
     Центральный 154
 Кавказская Албания 350, 353, 367. *См. также Албания; Азербайджан*
 Кавказские горы 5, 29, 350, 362
 Кавказский хребет 303. *См. также Большой Кавказ*
 Каганкатюк 384
 Казазово, аул 206
 Казазово, могильник 188
 Казазово-1, могильник 224
 Казанка, могильник 74, 76, 79, 135
 Казахский р-н 374
 Казвин, г. 371
 Казрети 295
 Казретула, р. 304
 Кала, крепость в Кабале 354, 368, 369
 Кала, крепость в Тбилиси 273
 Калагях, поселение 362
 Калаи бутурт 351
 Каламита, крепость 45
 Каланкатюк, город-крепость 368
 Калиновка, поселение 28, 56
 Каллиникум, в Византии 329
 Калос-Лимен, поселение 28, 57
 Камбечани, р. 271
 Камбечовани 277. *См. также Хорнабуджи*
 Каменная Батарейка *см.* Береговой З.
 Каменная Батарейка
 Каменный, мыс 146
 Камские булгары 349
 Камышеватая, гора 146
 Канакская балка, поселение 28, 57, 58
 Кандаур, о-в 146, 147, 159, 161, 164, 167, 169
 Каппадокис, провинция 11, 14, 300, 314
 Капустня 188, 240
 Карабахская степь 358
 Карабетовка 146, 147
 Карадаг 371, 384
 Карадаг, горы 58
 Каралезская долина (балка) 18, 43, 44, 107
 Карантинная бухта 51
 Карин (Карин-Теодосуполис) 336. *См. также Эрзерум*
 Кармравор, храм в Аштараке 328
 Карповка (бывший Агойский аул) 208, 210. *См. также Агойский аул*
 Карпы 10
 Карс 300, 335, 336

- Карснисхеви 275, 293
 Картанский могильник 400
 Картвельское (Грузинское) княжество 297. *См. также* Тао-Кларджетское царство
 Картли, обл. 271, 283, 318
 Картлийская равнина 275, 283
 Картлийское царство (Картли) 270, 271, 273–278, 284–286, 288–293, 295, 297, 298, 316, 318
 Карфаген 18
 Касах, р. 324
 Касах, храм 325, 328
 Касахия 199
 Касоги (арабск. Кашаки) 172, 199, 209, 225, 485. *См. также* Кашаки
 Каспи 401
 Каспий (Каспийское море) 77, 351, 356, 363, 370, 384
 Каспийский (Дербендский) проход 356. *См. также* Дербендский проход
 Касрискари, крепость 271
 Катлама (Котлама), р. 210
 Катнахпур, с. 325, 433
 Кафан, город 341
 Кахети, р. 271
 Кахети (Кахетия), обл. 277, 279, 301, 303, 314, 401
     Восточный 285
 Кахет-Эретское царство 301, 316
 Кахский район 351
 Кация, поселение 284
 Кацхи, храм 317, 421
 Кача, р. 10, 18, 43, 74, 81
 Качи-Кальон 79
 Кашаки 199, 225; *См. также* Касоги
 Кашан 311
 Каштаны 261
 Кварельский р-н 410
 Кватахеви, храм 422
 Квемо Алевский могильник 283
 Квемо Болнис 403
 Квемо (Нижний) Картли 283, 293, 304, 305, 311, 313
 Кветера, крепость, храм 302, 317, 420
 Квешская крепость 389
 Квиани, с. 308
 Квирик, храм 319
 Квирильское ущелье 284
 Кедабек 381
 Кекенеиз, могильник 28, 42, 61
 Келегей I 42
 Кёльн 293
 Кепы 28, 55, 149–152, 157–159, 165, 183
 Керкеты (тореты) 205. *См. также* Тореты
 Керченский п-ов 11, 19, 22, 31, 56, 58, 80, 205
 Керченский пролив 31, 68, 77, 146, 147, 152, 156, 159, 162, 165, 167–169, 184
 Керченская щель, могильник 207, 210, 216, 264, 266, 267
 Керчь 10–12, 14, 16, 17, 19, 21, 29–32, 77, 87, 97, 101, 102, 105, 106, 130, 134, 154, 191, 205, 483. *См. также* Корчев
 Керши 80
 Кесария 59
 Кетилари, с. 308
 Кехна-Вайхыр, поселение 351
 Киаглисалты, храм в Турции 317
 Киев 84, 176
 Киевская Русь 9, 85, 86, 350, 388
 Кизилташский лиман 147, 157, 158, 164, 166, 167
 Килен-Балка 12, 18, 19
 Киликия, провинция 11
 Килседаг, гора 351, 358
 Килседагский храм 454
 Киммерийский о-в 163–165
 Кинцвиси, монастырь 319, 422
 Кипчаки 80, 225
 Киран (городище Хараба-Гилан), город 352, 372, 373, 465, 474. *См. также* Хараба-Гилан
 Киргизия 378
 Кирово, поселение 28, 57
 Кировское, поселение 28, 56
 Китай (Китайская империя) 5, 329, 385
 Китей, поселение 10, 12, 13, 15, 28, 56, 57
 Киш, в Иране 333
 Кишпек, в Кабардино-Балкарии 11, 12
 Кларджети 271
 Клдети 290
 Климаты 77, 78, 82
 Кносос 16
 Когото, с. в Цителцкаройском р-не 397, 400
 Когото, с. в р-не Дедоплис цкаро 283, 392
 Кодорский бассейн 288
 Кодорский перевал 280
 Кодорское ущелье 287, 288, 290
 Козивский клад 198
 Коклюк, гора 13, 76, 79
 Коктебельская бухта 58
 Кола, р. 271
 Колби, крепость 271
 Колосовка, могильник 216
 Колхида (Колхети) 275, 280, 282, 285–287
 Кольцо-гора, могильник 216
 Комендантская гора 166
 Комунта, с. 401
 Конделендаг, горы 374
 Константинополь 14, 21, 24, 48, 51, 52, 57, 59, 62, 65, 66, 73, 77, 80, 82, 83, 85–86, 176–178
 Кордон-Оба, холм (поселение, могильник) 28, 57–59, 116, 118–122
 Кореиз, могильник 28, 42, 61
 Коринф 176–178
 Корокондама 171
 Королево, поселение 28, 57
 Корсунь 70
 Корчев (бывший Боспор) 68–73, 114, 130, 132–134. *См. также* Керчь
 Котраги 48
 Кохб, с. 330, 436
 Кохтаспихе, крепость 390
 Кочора-Туя 401
 Кош 329, 433
 Красная Поляна, с. 188, 190, 211, 242, 363
 Красно-Александровское, могильник 210
 Красноармейская Батарейка, поселение 155
 Красноармейский 1, поселение 155, 156, 159, 163, 168, 170
 Красноармейский 4, поселение 163, 164
 Красноармейский 6, поселение 168
 Краснодар 188
 Краснодарский край 184, 363
 Красноперекоск 77
 Красный Мак 12, 13, 18, 19, 89
 Красный мост (Сыныг-кершо) 383
 Красный Октябрь 1, поселение 167
 Красный Октябрь 3, поселение 167, 169
 Криница, с. (могильник) 208
 Крым (Крымский п-ов) 6–10, 12, 16–18, 20–22, 27, 29–31, 33, 35, 39, 40, 50, 52–54, 56–59, 61, 64, 65, 68–71, 74, 75, 77, 80, 81, 154, 167, 170, 176, 192, 193, 205, 225, 290, 312, 378, 482–484, 486, 487
     Восточный 21, 29, 55–58, 63, 81, 205
     Северо-Западный 20, 57
     Центральный 56, 57, 63, 64
     Юго-Восточный 56, 57
     Юго-Западный 9, 12, 18–22, 25, 27, 29, 40, 42, 44, 47, 48, 50, 63, 81, 83, 85, 86, 178, 482, 483
     Южный 154
 Крымская степь 27, 74, 81, 115
 Крымские горы (Горный Крым) 5, 10, 18, 20, 22, 40, 43, 44, 50, 61–63, 77, 80
 Крымско-Кавказский регион 5–7
 Ксани, ж/д станция 293
 Ксанское ущелье 279, 283
 Ктиш, город-крепость 368
 Кубанско-Черноморский регион 486
 Кубань, регион 19
 Кубань, р. 77, 146, 147, 150, 159, 164, 180, 183, 188, 199, 224
     Нижняя 192, 193, 199
 Кубатлы 363
 Кудепста, р. 208
 Куку-Оба, гора (вулкан) 146, 161
 Куле-Бурун, мыс 64
 Кум-чай, р. 357
 Куманы (Команы) 80
 Кумская базилика 358, 454
 Кумурдо, храм 317, 320, 422
 Куниццо, крепости 210, 211, 260
 Куприаанткари 283
 Кура, р. 271–273, 275, 277, 279, 283, 298, 299, 302, 305, 311, 317, 351, 352, 362, 363, 366, 367, 369, 373, 376
 Курка 159
 Курчанская 2, поселение 159, 167
 Курчанская, станица 167
 Курчанский лиман 159
 Курортное, поселение 28, 56
 Кусар, поселение 360
 Кусарский р-н 359
 Кутаня 271, 272, 280, 281, 284, 297–301, 310, 312, 315, 317, 318, 421, 422
 Куткашенский р-н 374
 Кутригуры 48
 Кухети, р. 271
 Кухетское эриставство (воеводство) 299
 Кухур-оба, с. (могильник) 358, 359

- Кудни, с. 405
 Кучугуры, пос. 147, 154
 Кучугуры 1, поселение 155, 156
 Кучугуры 7, поселение 163
 Кучугуры 8, поселение 169
 Кучугуры 9, поселение 164, 168
 Кучугуры 10–11, поселения 164
 Кучугуры 17, поселение 163, 164
 Кушанаантгора, поселение 394
 Кушчи, с. (могильник) 358–360
 Кыз-Аул 12
 Кыз-Кермен, плато (поселение) 28, 63, 79
 Кызылбурун 368
 Кюрсангах, городище 384
 Кюрсенги, город 352
 Кягмис-Алты, в Турции 422

 Лагерная балка, крепость 18, 64
 Лазика (Лазское царство) 270, 271, 279, 280, 288, 292, 295
 Лазурное, поселение 28, 56
 Лангобарды 29
 Ланчхутский район 295
 Ласпи 79
 Ласпинская котловина 78, 84
 Лата, с. 396
 Лебязжи о-ва, поселение 28, 57
 Леведия 64
 Лекитский храм 358, 454
 Ленинанкан 325, 342
 Ленинахабльский могильник 224
 Ленинский путь, хутор (могильник) 188, 198, 206, 208, 240
 Ленкорань 363, 384
 Лесное, с. 210–212
 Лзаа, селище 284
 Лиахви (Лиахвское), ущелье 279, 283
 Ливадия, поселение 28, 63
 Ликанское селище 305
 Липники, с. 208, 210, 212, 261
 Лмбат, храм 328
 Лобанова щель, могильник 210, 226
 Лозовое, поселение 28, 57
 Ломсанта 302. *См. также* Ахалцихе
 Ломта гора 277
 Лоо, поселок (храм) 208, 210, 212, 215, 261
 Лоре, городище 339, 340, 441
 Лочинское селище 283
 Лпиния обл., 351
 Луговое, поселение 28, 57
 Луст 78. *См. также* Алустон
 Лучистое 13, 18, 21, 29, 41–43, 46–48, 61, 62, 79, 80, 89, 92, 105, 106, 108, 118, 122, 125, 126, 141, 481
 Лырне 318

 Магранети, с. 283, 285, 394, 397, 398, 400–402
 Мадыры *см.* Венгры
 Мазендаран 363
 Макитра, гора 210, 221
 Малая Азия *см.* Азия Малая
 Малоазийские рудники 52
 Малое Садовое, поселение 28, 42, 47, 61, 63
 Малореченск, поселение 28, 57, 58
 Мальта, о-в 19

 Малый Кавказ 358, 369
 Малый Маяк, могильник 28, 61, 79
 Малый Утриш, мыс (поселение) 208, 210, 214, 260, 268
 Мамай, поселок (могильник) 75, 76, 79, 135
 Мамай-кале, крепость 207, 208, 210, 211, 260
 Мамайка (Псахе), р. 210
 Мамайский курган 76
 Мангуп 107
 Маназкерт, г. 336
 Манглиси 271, 272, 302
 Мангуп, поселение, могильник 12, 13, 22, 28, 42, 46, 79, 118, 483
 Мангуп, плато 18, 43–45, 60–62, 64, 77, 78, 80, 81, 83, 85, 107, 139
 Марага 298, 384, 385
 Марамба 284
 Маранд 384
 Мардакерт 363
 Марзпанская Армения *см.* Армения
 Марзпанская
 Маркотх, хребет 184
 Мармара *см.* Чилтер
 Мармара, о-в *см.* Проконнес
 Мармашен, монастырь 340, 341
 Марсель 18
 Мартазисхеви, могильник 275, 397
 Мартвили 279, 294, 403
 Мартирополис *см.* Неферкерт
 Марткопский монастырский комплекс 307, 411
 Мартыновка, могильник 75, 76, 79, 135, 136
 Марфовка, могильник 13, 15, 21
 Маскага, р. 200, 210
 Матани, с. 283, 285, 397, 410, 411
 Матвеевка, д. (погребение) 76, 77, 79, 135
 Матрис 384
 Махмудабад, г. 368, 371
 Мацхвариши, храм 319
 Машавера, р. 299
 Машаверское ущелье 299
 Маяфаркин *см.* Неферкерт
 Мгвиме, селище 305
 Мгвимеви, храм 319
 Мезия 22
 Мекка 387
 Мелис гора 277
 Меловое, поселение 28
 Меотиды 10, 11, 22, 29. *См. также.* Мэ-отийское болото
 Меотидские степи 24
 Меоты 31
 Мерца 320
 Месопотамия 223, 311, 333, 347
 Месхи 300
 Метехи 273
 Метрис, город-крепость 368
 Мзымта, р. 185, 208, 211–213, 242
 Миаджик 385
 Миль-Минарет 368, 369, 376
 Мильская степь 358, 368, 369, 384
 Мингечаур 288, 333, 351–353, 357–362, 363, 365, 368, 373, 378–380, 382, 455, 464, 481

 Мингечаурские поселения (№ 2, 3) 353, 373
 Мир-Башир 363
 Мирмекский 10, 12, 13, 15, 28, 57, 58, 69, 119, 120
 Мисхана, р. 340, 441
 Мисхор, поселение 28, 63
 Митридат(а), гора (холм) 11, 14, 15, 29–31, 39, 130
 Михайловский перевал 184
 Михаэльсфельд 56. *См. также* Джигинское
 Млаше, с. 400
 Модинахе, могильник 284, 397, 400, 401
 Моздок 371
 Мокви, храм 318
 Молдавановская, станица 206
 Молдавановское, могильник 188
 Монастырка (Монастырская крепость) 210, 211
 Монастырский храм 212, 261
 Монастырь, с. 211, 261
 Монашка, крепости 210, 211, 260
 Монголы (татаро-монголы) 73, 225, 299, 316, 320, 331, 336, 337, 339, 344, 349, 370. *См. также* Татаро-монголы
 Мордовия 60
 Морское, поселение 28, 56–58
 Мохерезис (Мохириси) 282
 Моцамета 301
 Мраморное море 85
 Мрен 325
 Мтакартли, крепость 389
 Мтисдзири 303
 Муганские земли 351
 Муджуглу-тепе 351
 Мурджахетисцкали, р. 301
 Мухас-кала 351
 Муш, город 345
 “Мицване кавили” 301
 Мцхета 270–275, 284, 285, 289, 293, 295, 302, 312, 318, 320, 389, 397–399, 401, 410, 414–416, 421
 Мцхетская гора 275
 Мцхетский р-н 392
 Мыска, гора 146
 Мысовое, поселение 28, 57
 Мысхако 188, 198, 206, 210, 223, 224, 240, 263, 269
 Мысхако, гора 224, 269
 Мэотийское болото (Меотийские болота) 10, 31. *См. также* Меотида

 Нагорный Карабах 358, 362, 365, 367, 368
 Надарбазеви 312, 313, 318, 423
 Надикреби, поселение 283, 305
 Накалакари 283, 307, 410, 411. *См. также* Жинвальский могильник
 Накипари, храм 319
 Нардаран, 368
 Нареквави 275
 Нариджовани, с. 308
 Нарикала, крепость в Тбилиси 273, 298, 389
 Нарынкала *см.* Гюлистан
 Настакиси 272, 293, 403

- Наташино 48
 Натухаевская, станица (могильник) 210
 Нахичеванская обл. 372
 Нахичеванские земли, 351
 Нахичевань 352, 353, 355, 363–365, 367, 368, 371, 374, 378, 384, 386
 Нахширгора, с. 401
 Начармагеви 302
 Начивчавеби, селище 305, 409
 Неаполь Скифский 12, 13, 20, 482
 Неберджаевская, станица (могильник) 210
 Небуг, р. 243
 Небугская 188
 Неволино 122
 Недао, р. в Паннонии 14
 Недзиhi, с. (Недзихский могильник) 396, 399, 400, 404
 Нейзац, могильник 12, 16, 18–20, 22
 Некреси 271, 273, 276, 293, 295, 302
 Неферкерт (визант. Мартирополис, арабск. Маяфаркин) 336
 Нефтяная, гора 146
 Нечепсухо, р. 208–210
 Ниг, регион 328
 Нижнебаканский, могильник 222
 Нижнее Поволжье *см.* Поволжье Нижнее
 Нижнее Поднепровье *см.* Поднепровье Нижнее
 Нижнее Подунавье *см.* Подунавье Нижнее
 Нижнее Прикубанье *см.* Прикубанье Нижнее
 Нижний Дон (Нижнее Подонье) *см.* Подонье Нижнее
 Нижний Картли *см.* Квемо (Нижний) Картли
 Нижняя Кубань *см.* Кубань Нижняя
 Никози 271, 272
 Никомедия 14
 Никопейя 303
 Никопсия 195, 304
 Никорцминда, храм 317, 320, 421, 425
 Ниноцминда 271, 272, 283, 317, 403
 Нисибин, в Иране 329
 Новгород 72
 Новобаязетский клад 332, 439
 Ново-Каменка 75
 Ново-Михайловское (Новомихайловское) 188, 199, 207, 243
 Ново-Михайловское, городище “МТС” 188, 195, 209, 210
 Ново-Михайловское, крепость в устье Нечепсухо 209–211
 Новоодесский клад 198
 Ново-Отрадное, могильник 14
 Новопокровка, погребение 28, 56, 115
 Новоросийск 184–193, 200, 205, 207, 209, 210, 213, 214, 216, 221, 222, 239, 240, 269
 Новоросийский р-н 240
 Новый Афон 284, 308
 Новый Гетик (Гошаванк), монастырь 340. *См. также* Нор-Гетик
 Ногай-кале 210, 221, 263, 264. *См. также* Раевское городище
 Нокалакеви (Археополис, Цихегоджи) 272, 279, 280, 282, 391, 395, 396. *См. также* Археополис; Цихегоджи
 Нокалакевский клад 295
 Нокорнисхеви *см.* Абаносхеви (Нокорнисхеви)
 Норвегия 20, 385
 Нор-Гетик (Гошаванк) 341, 441, 446. *См. также* Новый Гетик
 Норманны 199
 Носири, поселение 284
 Одзрхе 272
 Одзунский памятник 328
 Одиссополь 27
 Озаани, храм 283, 317
 Озерейка, р. 210, 213
 Озерное, могильник 12, 16, 18, 19, 87, 89
 Ойрат, поселение 28, 56
 Октомбери 284
 Олен-шахар, поселение 351
 Олтиси, городище и храм в Турции 302, 317, 422
 Омало, селение 283, 404
 Опис 319
 Опук, гора (поселение) 28, 57
 Орбети 293
 Орбниси 277. *См. также* Урбниси
 Ореанда, могильник 28, 42, 43, 61, 79
 Орен-кала, городище 352, 354, 355, 367–369, 375, 377, 378–381, 462. *См. также* Байлакан
 Орловский лиман 167. *См. также* Ахтанизовский лиман
 Ортачала 299
 Остроготы (остготы, восточные готы) 22, 43, 50
 Отхта-эклесиа, храм в Турции 317, 420
 Охуреиши, с. 308
 Очамвири 310
 Ошакан (Диди-конд), крепость 322, 324, 329, 433, 434. *См. также* Дидиконд
 Ошки, храм в Турции 317, 320, 420
 Павловская батарея 12
 Пагры, гавань 205
 Паитакарани 271
 Пайтакаран (Байлакан), г. 354, 355. *См. также* Байлакан; Орен-кала
 Пайтакаран, обл. 351
 Пала, поселение 409
 Палестина 13, 312, 316
 Палестиния 270, 295
 Пампук-Кая, поселение 28, 61, 63, 79
 Панагия, мыс 146, 147
 Паннония 31
 Пантикапей 11, 14, 31, 130, 187
 Папаги 209
 Папеа 79
 Паравана-Дманиси, оз. 300
 Партенит, поселение 12, 18, 28, 42, 47, 61–63, 78, 79, 84
 Пархали, храм 317
 Патрей, городище 28, 54, 149, 161, 163, 231
 Пафлагония, фема 83
 Паша-Гех, с. 329, 436
 Педагтоя 14
 Пекла, мыс 146
 Пенджикент 331
 Пеняк, селение в Турции 420
 Первоконстантиновка 75
 Перевальное 12, 18–20, 22
 Передний Восток *см.* Восток Передний
 Передняя Азия *см.* Азия Передняя
 Передовое, поселение 28, 61–63
 Перекоп (Перекопский перешеек) 29
 Пересыпское гирло 147
 Перещепино 42
 Персия 29, 273, 351
 Персы 27, 274, 280, 281
 Песочная бухта, в Херсоне 66
 Песочное, поселение 28, 57
 Песчанка 60
 Петра 271, 272, 280–282, 284. *См. также* Цихисдзир
 Петровские скалы, поселение 28, 57
 Печенеги 9, 55, 64, 74, 77, 79–82, 84, 183, 483–485
 Пиа, пещерный комплекс 409
 Пивни, могильник 210, 267
 Пиримзитский могильник 400
 Пиренеи 5
 Пирсагат, р. 368, 385, 386
 Питарети, храм 320
 Питиунт (Бичвинта, Пицунда) 271, 272, 281. *См. также* Бичвинта; Пицунда
 Пицунда 304. *См. также* Бичвинта; Питиунт
 Пицундский мыс 281
 Поволжье 19, 57, 312, 388
 Нижнее 19, 56
 Поворотное, поселение 28, 63, 64, 120
 Поднепровье 19, 40, 46–48
 Нижнее 29
 Подонье 11, 19, 47, 58, 62, 225
 Нижнее 54, 57
 Подунавье (Придунавье) 15, 17, 18, 21, 28, 29, 40, 47, 50, 52, 191. *См. также* Придунавье
 Нижнее 192, 486
 Поладаури, поселение 409
 Половцы 6, 9, 70, 73, 74, 76, 77, 79–81, 86, 225, 483
 Понт, море *см.* Понт Евксинский; Понтийское море
 Понт, провинция 11
 Понт Евксинский (Понт, Понтийское море) 22
 Понтийское море (Понт) 38, 42, 43, 82
 Понтийское побережье 154
 Поочье 191
 Поросье 76
 Портовое, погребение 28, 55, 56, 106, 115
 Поты 271, 272, 281, 298, 303, 310. *См. также* Фазис
 “Потомственный”, могильник 208, 210, 218, 265
 Почтовое, поселение 28, 57
 Праболгары (протоболгары) 6, 160, 484
 Прасковеевка, с. 214
 Предкавказская степь 77. *См. также* Предкавказье
 Предкавказье 19, 57, 206
 Центральное 19, 216, 225
 Преслав, в Болгарии 73

Приазовская степь (степи) 80, 199, 484.
См. также Приазовье
 Приазовье 10, 20, 22, 29, 48, 54, 56, 163, 192, 225, 484
     Восточное 53, 156, 160, 192, 484
     Юго-Восточное 151, 484
 Приаралье 80, 193
 Прибалтика 323
 Приветное, поселение 28, 57
 Приветное 1, поселение 28
 Приднепровье 11
 Придунавье 482. *См. также* Подунавье
 Прикамье 193
 Прикаспийские степи 54
 Прикубанские степи 31. *См. также*
     Прикубанье
 Прикубанье 11, 19, 56, 158, 191, 200
     Нижнее 166, 167
 “Приморский”, совхоз 188
 Приморский Дагестан *см.* Дагестан
     Приморский
 Приморский 11, поселение 164–166
 Приморский 13, поселение 164, 165, 168
 Приморский 16. поселение 164, 165, 168
 Приморский 17, поселение 164, 165
 Приморский 21, поселение 165
 Приморский 22, поселение 164, 165
 Приморский, поселок (могильник) 76, 79, 136
 Припонтийская степь 27
 Присивашье Крымское 77
 Приуралье 19, 60, 62
     Южное 57
 Причерноморская степь (степи) 50, 483
 Причерноморье 15, 22, 28, 54, 69, 158, 176, 177, 184, 189, 191, 193–196, 199, 213, 216, 221, 224, 286
     Восточное 6, 10, 18, 207, 225
     Западное 18
     Северное 9, 10, 20, 21, 31, 37, 38, 48, 53, 55, 56, 64, 66, 70, 74, 75, 86, 148, 149, 151, 170, 186, 214, 290, 483
     Северо-Восточное 6, 7, 146, 154, 177, 184, 186, 190–193, 199, 200, 207, 209, 210, 212, 213, 222, 224–226, 260, 261, 263, 268, 482–487
     Северо-Западное 19, 21, 22
     Юго-Восточное 75
     Южное 15
 Прогресс 1, поселение 159
 Проконнесс (о-в Мармара) 50
 Протоболгары *см.* Праболгары
 Пруссия 40
     Восточная 47
 Псахе *см.* Мамайка
 Псекупс, могильник 188
 Псекупс-2 и 4, могильники 224
 Пслухская, крепость 210, 211
 Псоу, р. 184, 185, 188, 208, 210, 213, 242, 485
 Пташкино, поселение 28, 56–59, 117, 119
 Птгни, храм 325, 331
 Птичкино, поселение 28, 57
 Пшада, р. 208, 210, 218

Раевская, станица 207, 221, 224, 264
 Раевское городище (Ногай-кале) 209, 210, 215, 221, 225, 263, 268. *См. также* Ногай-кале
 Раевское-10, поселение 210
 Раздан, р. 340
 Рахмановский мыс 165
 Рача горная 313, 320
 Раче 317
 Рей 311
 Репьевка, поселение 28, 57
 Ризе 271, 284
 Рим 5, 10, 19, 32, 37, 279, 482
 Римляне 11
 Римская империя 27, 32, 36
 Римская обл. 333
 Риони, р. 279, 300, 318
 Рипсимэ храм в Эчмиадзине 324, 325, 428
 Рисовое 75, 79, 106, 135
 Рисовое II, III 48
 Родниковое, с. 61, 62, 79
 Родополис 280. *См. также* Вардцихе
 Роза-хутор, крепость 210
 Романовск, бывш. г. 188
 Россия 7, 8, 148, 180, 485
     Южная 333
 “Россия”, совхоз в Адлере 208, 210
 Рубан, мыс 147
 Руиси 271, 272
 Румское (Черное) море 199. *См. также*
     Черное море
 Русасцкаро 418
 Рустави 220, 271, 272, 275, 276, 285, 286, 299, 300, 308, 310–313, 390, 400, 414–417
 Руставский могильник 307, 402, 410, 416
 Русы 77, 199
 Русь 82, 320, 348, 385. *См. также* Древняя Русь
     Южная 75
 Рыбачье, поселение 28, 57, 58

 Сабаил галасы 352
 Саваланский проход 384
 Сагареджо 283
 Сагареджойский район 403
 Саирхе 272, 292
 Сайбыг-тепе, поселение 352
 Саки, поселение 28, 57
 Салмас 384
 Сальяны 384, 385
 Самарканд 320
 Самарра 178, 311, 346
 Самкерц 77
 Самос 14
 Самтависи 271, 272, 320, 421
 Самтавро 320, 397, 400–402
 Самтаврский могильник 270, 274, 275, 283, 284, 397–402
 Самтаврское поле 275, 283
 Самцхе 271, 302
 Самцхе-Джавахети *см.* Земо Картли
 Самшвилде 271, 300, 317. *См. также*
     Дедацхе
 Самшвилдское эриставство (воеводство) 300
 Санаинский монастырь 343, 345

Санаинский мост 441
 Сангачалы 385
 Сандыктепе, городище 353
 Саниги 190, 486
 Санык-кала, крепость в Баку 386
 Сапара, храм 320
 Сапун, гора (могильник) 208, 210, 216–218, 221, 264–269
 Сарайлы-Кият 74, 76, 79, 137
 Сарапанис, крепость 282. *См. также*
     Шорапани
 Сардис 333
 Саркел 54, 69, 71, 72, 76, 84, 172, 175.
     См. также Белая Вежа
 Саркяр-тепе, поселение 351
 Сарматы 9, 11, 12, 19, 20, 23, 31, 189, 192
 Сарханлы, с. 384
 Сарыг 378
 Сасанидская держава *см.* Иран
 Сасанидский Иран *см.* Иран
 Сатамаши 207
 Сатао, могильник 307, 410, 411
 Сатаплиа 301
 Сатхе, храм 320
 Сахарная Головка, высота 22, 42, 46, 61, 483
 Сахарная Головка, гора 212
 Сахарная Головка, могильник 13, 18, 42, 89, 106
 Сацхвергорский могильник 397
 Сачхере 302
 Сачхерский р-н 400
 Сванети 319
 Сванети, р. 271
 Светицховели 274, 293, 317, 320, 403, 421, 425
 Свиц, селище 304
 Святой Богородицы церковь в Тмутаракани 485
 Святой Марии церковь в Тбилиси 273
 Себастиополис (Сухуми, Цхуми) 271, 272, 280, 281, 284. *См. также* Сухуми
 Севан, оз. 271, 272, 335, 340
 Севастопольская бухта 79
 Северная Армения *см.* Армения Северная
 Северная бухта, в Херсоне 66
 Северная Европа *см.* Европа Северная
 Северная Сторона, поселение 28
 Северное Причерноморье *см.* Причерноморье Северное
 Северный Азербайджан *см.* Азербайджан Северный
 Северный Кавказ *см.* Кавказ Северный
 Северо-Восточная Армения *см.* Армения Северо-Восточная
 Северо-Восточная Фракия *см.* Фракия Северо-Восточная
 Северо-Восточное Причерноморье *см.* Причерноморье Северо-Восточное
 Северо-Западное Причерноморье *см.* Причерноморье Северо-Западное
 Северо-Западный Кавказ *см.* Кавказ Северо-Западный
 Северо-Западный Крым *см.* Крым Северо-Западный
 Северский Донец 198, 206

- Сеидлы, г. 368
 Сельбир (Кабала) 353, 354, 368, 387. *См. также* Кабала
 Сельджуки *см.* Турки-сельджуки
 Семендер 363
 Семеновка, поселение 10, 12, 28, 57, 79, 80
 Семидворье, могильник 28, 61
 Семь Колодезей, поселение 28, 57
 Сенная, станица 231
 Сенной 1, поселение 165
 Сенной 3, поселение 157, 165
 Сенной 8, поселение 165
 Сенной 9, поселение 165
 Сенной 11, поселение 165, 168
 Серет, р. 64
 Сиваджан 363
 Сивашские озера 83
 Симеиз, могильник 28, 42, 43, 61, 79, 124
 Символа, гавань 65
 Симониантхеви, с. 283, 398
 Симферополь 74, 75, 135
 Симферопольское водохр. 79
 Синдская гавань 205
 Синды 31
 Синопа 50
 Синявка 89
 Сиони (тбилисский) 273
 Сиони, с. (могильник) 283, 285, 314, 315, 392, 414, 416
 Сиони, в Иорском ущелье 410, 417
 Сионтгори 283
 Сирия 86, 223, 300, 312, 316, 347, 358, 388, 483
 Скалистое, могильник 28, 42, 46, 47, 50, 60–62, 65, 89, 90, 105, 106, 118, 122–126
 Скалистое Ш 12, 13, 18–20, 22, 87
 Сканда, крепость 271, 282, 284
 Скандинавия 20, 40, 323
 Скифская земля 10
 Скифское царство 482
 Скифы (боспорское) 11, 12, 20
 Славяне 9
 Слюсарев, поселение 28, 57
 Совхоз 10, некрополь 12, 16, 18, 87, 89
 Совхоз им. Калинина, могильник 13, 21
 Согд 309
 Сололакис-хеви 273
 Солдайя 80
 Соленое оз. 165, 166
 Соленый лиман 147
 Соленый 3, поселение 168
 Солвщедар, селище 207, 210
 Солунь 176, 178
 Сопино, могильник 188, 194, 243, 244
 Сопка, гора 146
 Сочи 185, 186, 188–190, 207–211, 215, 242, 486
 Сочи, р. 208, 210, 212, 213
 Сочинский р -н 242
 Спарта 177
 Спитак, пещерный комплекс 342
 Средиземное море 346, 350
 Средиземноморский бассейн 296, 487
 Средиземноморье 15–17, 22, 28, 36, 50, 317
 Восточное 19
 Средний Восток *см.* Восток Средний
 Средний Дунай *см.* Дунай Средний
 Средняя Азия *см.* Азия Средняя
 Ставрополье 11
 Стамбул 18
 Старая Гянджа, городище *см.* Гянджа
 Старая Лазика 209
 Старотитаровская 3, поселение 165, 166
 Старотитаровская 4, поселение 165
 Старотитаровская 7, поселение 164, 166
 Старотитаровская 9, поселение 164, 166, 168
 Старотитаровская 13, поселение 165, 166
 Старотитаровская 17, поселение 158, 164, 166
 Старотитаровская 19. ОТФ, поселение 157, 164, 166
 Старотитаровская, станица 146
 Старотитаровский лиман 147, 165
 Старый Гетик, монастырь 341
 Степанаван, райцентр 339
 Степаноса св. церковь в Лмбате 328
 Столбицы 60
 Стрелка, поселок 161
 Субботин Ерик 147, 157, 164
 Суворово 12, 18
 Сугды (адыги прикубанские) 57
 Сугдея, поселение (крепость) 57–59, 77, 79, 84, 141, 483
 Судак 9, 28, 42, 57, 58, 62, 74, 80, 81, 125
 Суджукская коса 184
 Сузы 333
 Сукко 188, 198, 208, 213
 Сукулук 378
 Султания, г. 371
 Султановская гора 188
 Сулуг, поселение 351
 Су-Псех, с. 188, 208, 210
 Су-Псех 2, селище 213
 Сурами 302
 Сурож 70, 80
 Суук-Су, могильник 18, 28, 39–43, 46, 47, 50, 61, 62, 106, 122, 482
 Сухуми (Цхуми) 207, 303, 310, 312, 412. *См. также* Севастопольс
 Суяка *см.* Гирляная (Суяка), гора
 Сыныг-керпю *см.* Красный мост
 Сыных-кала, в Баку 370
 Сырт Чичи 360
 Сюйрень, плато (поселение) 28, 63, 64, 79
 Сюник, владение (обл.) 335, 341, 342, 363
 Таборская гора, в Тбилиси 298
 Тавриз (Тебриз) 363. *См. также* Тебриз
 Таврика 29, 482–484
 Таврические климаты 59
 Тавфаравани, р. 301
 Тазакент, городище 354
 Таквери, р. 271
 Талив, храм 325, 328
 Талтебский могильник 397
 Талыш-Ленкоранские земли 351
 Таманский 3. Западно-Цокурское, поселение 164, 168
 Таманский 4, поселение 164, 168
 Таманский залив 146, 147, 150, 156, 157, 159, 161, 164–167, 171, 179
 Таманский п-ов (Тамань) 6, 7, 14, 31, 54, 146–153, 156–161, 163–171, 179, 181, 183, 184, 199, 209, 225, 231, 482, 484–486
 Таманское городище 53, 68–70, 158, 169–171, 173–179, 181, 232, 234–237, 485. *См. также* Таматарха; Тмутаракань
 Тамань 2, поселение 166
 Тамань 7, поселение 164, 165
 Тамань 8, поселение 159
 Тамань 11, поселение 159
 Тамань 14, поселение 165
 Тамань 15, поселение 165
 Тамань 16, поселение 165
 Тамань, станица 150
 Таматарха (Тмутаракань) 6, 28, 65, 73, 77, 147, 149, 150, 161, 162, 164–168, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 181–183, 233, 484, 485. *См. также* Таманское городище; Тмутаракань
 Тана, колония 81
 Тана, ущелье 279
 Танаат, монастырь 341, 437
 Танаис 11, 14, 19
 Танковое 12, 18, 75, 77, 79, 87
 Тао, провинция в Турции 317, 420
 Тао-Кларджетское царство (Тао-Кларджети, Картвельское княжество) 297, 300, 303, 315, 316, 319, 320. *См. также* Картвельское (Грузинское) княжество
 Тапани, селище и могильник 410
 Тапаравнискали, р. 301
 Тарпанчи, поселение 28, 57
 Тарханкутский п-ов 56
 Тарханская дорога 99
 Татаро-монголы 6, 7, 9, 81, 484. *См. также* Монголы; Татары
 Татарская, поселение 157
 Татары (татаро-монголы) 80–81. *См. также* Монголы; Татаро-монголы
 Татлы, поселение 352, 374
 Таузский р-н 351, 365
 Тау-Кипчак, урочище (поселение) 28, 56–58, 64, 116, 117, 119–121, 483
 Тахтамукай, могильник 188
 Ташир-Дзорагетское царство 300, 340
 Тбети, храм 320
 Тбилиси 271–273, 298–300, 302, 309, 311–313, 340, 371, 378, 384, 389, 414, 416, 417. *См. также* Тифлис
 Тбилисская крепость 287
 Тбилисский эмир 297
 Тбиси, с. 283
 Тебриз, г. 363, 371, 384. *См. также* Тавриз
 Текор 325, 328
 Телави (греч. Teleda) 295, 298, 301, 311
 Телвант-дабали, поселение 283
 Темрюк 146, 147, 161, 168
 Темрюк 1, поселение 167, 168, 170
 Темрюк 2, поселение 167
 Темрюкская, станица 171
 Тенгинка 188
 Тенистое 12, 13, 18, 19

Тепе-Кермен, городище 45, 77, 79, 81
 Тепе-Кермен, плато 42, 44, 60, 78, 80, 140
 Тепсень, холм (поселение, могильник) 28, 56–59, 119–122, 483
 Терновка 28, 42, 61
 Тетригза, селище 305
 Техенис, монастырь 341, 441
 Техури, р. 279
 Тешекли-Бурун, мыс 77
 Тианети 283, 285
 Тианетский р-н 392, 394, 397, 400, 415
 Тиграанакерт, г. 321
 Тиздар, гора 146
 Тимошевская, станица 11
 Тира, р. 10
 Тирашен, крепость 340, 441
 Тиритака, поселение, могильник 10, 12, 13, 15, 27, 28, 30, 31, 54–58, 69, 87, 116, 120–122
 Тифлис (совр. Тбилиси) 315, 384. *См. также Тбилиси*
 Тихая Бухта, поселение 28, 57
 Тмогви 302
 Тмутараканское княжество 73, 167, 169
 Тмутаракань (Таматарха) 6, 68–71, 73, 76, 149, 150, 168, 169, 171, 172, 174, 175, 177–179, 225, 233, 333, 485. *См. также Таманское городище; Таматарха*
 Това, с. 374
 Толеби, крепость 271, 284
 Толстый, мыс 184, 188, 206
 Томи (Томы) 16
 Тонкий, мыс 184, 207
 Тоннельная см. Верхнебаканский
 Топраккала см. Торпаккала
 Топраккала см. Торпаг-кала
 Тореты 189. *См. также Керкеты*
 Тори 271
 Торки 74, 77, 81
 Торпаг-кала (Топраккала) Таузская, городище 351, 352, 367
 Торпакжала (Топраккала), городище 351, 352, 367, 368, 373, 378, 464, 481
 Трани, с. 283, 396, 415
 Трапезунд (Трапезундская империя) 300, 336, 385. *См. также Трапезундская империя*
 Трапезундская империя 86
 Трапезунт (Трапезунта), г. 154, 271, 272
 Трахеа, крепость 271, 284
 Триалети 271
 Триалетский массив 283
 Трудолюбивка, поселение 28, 63, 120
 Туапсе 184, 188, 191–194, 207, 208, 213, 216, 224, 244, 304
 Туапсинская бухта 185
 Туапсинский р-н 243, 244
 Тува 56
 Тунакочора 275
 Турки-сельджуки (тюрки-сельджуки, сельджуки) 297, 300, 301, 337, 338, 340, 345, 350, 453, 487
 Турне, в Бельгии 35
 Турпаг кала, городище 354
 Турция 300, 317, 420, 422

Турян-чай, р. 384
 Тухариси, крепость 271
 Тушети 271
 Тхоба-Ерды, храм 330
 Тырново 178
 Тюрки (тюркские племена) 21, 29, 30, 44, 55, 225, 483
 Тюрки-сельджуки см. Турки-сельджуки
 Тюрки-гугю 56
 Тюрко-болгары 483
 Тюркские каганаты (каганат) 9, 53
 Тюркюты 154
 Убинский, могильник 224
 Угры 225
 Удабно 294
 Уджарма 271–273, 276, 277, 283, 298, 302, 311, 389
 Узень-Баш, могильник 28, 42, 61, 118, 123–125
 Укангори, селение 283
 Укимериони, крепость 310. *См. также Ухимерионская крепость*
 Укрух (староречье Кубани) 199
 Уплисцихе, пещерный город 270, 272, 275, 301, 302, 390, 414–416
 Урал Южный 19
 Урарту 328
 Урбниси (Орбниси) 270–272, 277, 278, 286, 287, 290, 293, 295, 312, 389, 392, 393, 396, 402. *См. также Орбниси*
 Урбнисский могильник 397
 Урмия 384
 Уртхви, храм 320
 Уругонды 10
 Уруд 363
 Усанети, с. 294, 406
 Успенский монастырь 79
 Устаджан-кала 351
 Усть-Альма 12, 19, 20, 90
 Уташ, некрополь 212
 Уташ, поселение 188, 199, 200, 208, 210, 213
 Ути, обл. 351
 Утигуры 22, 29, 48
 Уфа 56
 Ухимериона, гора 280
 Ухимерионская крепость (Укимериони, Ухимериона) 280, 281
 Фазис (Поти) 271, 272, 281. *См. также Поти*
 Фанагорийская гряда 146, 147
 Фанагория 6, 12, 14, 28, 53, 56, 64, 69, 146, 149–152, 157, 158, 161, 162, 164–168, 179–183, 186, 191, 231, 238, 484, 845
 Фанагурис 157
 Феодоро, г. 62
 Феодосия 10–15, 21, 57, 76, 178, 483
 Физули, г. 352, 363
 Финезаури, р. 299
 Фитавский могильник 397
 Фонталовская гряда 146, 147
 Фонталовская 6, поселение 164
 Фонталовская 7, поселение 157
 Фонталовское 1, поселение 150
 Фонтаны, поселение 28, 57
 Форос 43

Фракция 22, 27
 Северо-Восточная 177
 Франция 29, 191
 Фронтное, поселение 28, 56
 Фульская епархия 81
 Фыцки, могильник 28, 42, 61
 Хабль, могильник 188
 Хабула, с. 284
 Хазарский каганат (Хазария, Хазарское государство) 9, 53, 57–59, 61–64, 82–84, 161, 172, 176, 178, 198, 199, 385, 483
 Хазары 6, 9, 28, 53–59, 62–65, 67, 77, 115, 172, 176, 199, 206, 273, 355, 483
 Хазра, поселение 351
 Халифат см. Арабские халифаты
 Ханде галасы 351
 Хандиси, с. 294, 406
 Ханегах, крепость 352, 368
 Ханкенди 352
 Ханхагах 352
 Хараба-Гилан, городище 367, 372, 387, 465, 474. *См. также Киран*
 Харакс 12, 13, 18–21, 87, 89, 91
 Хахули, храм 317
 Хеви 271
 Хевисчала 283
 Херот, р. 212
 Херсонес (Херсон) 6, 10, 12–26, 28, 29, 42–45, 47–52, 54, 55, 59, 61, 63–70, 74–87, 89, 93, 94, 105, 106, 109–111, 113, 120, 123–125, 129, 135, 136, 142–145, 176–178, 378, 482–484
 Херсонщина 75
 Хертвисская крепость 389
 Хидистави 295
 Хизанаант гора 277, 278
 Хилхала, крепость 271
 Хильмилли 385
 Химка, залив 147
 Хлат (арабск. Ахлат), город 336
 Ховле, храм 320
 Ходашени 283
 Хой 384
 Хопети 303
 Хописи, с. 397
 Хопис-кеди, селение 283
 Хорезм 299
 Хорнабуджи (Камбечовани) 271–273, 277, 285, 302. *См. также Камбечовани*
 Хоста (Хостинская крепость) 208, 210, 211
 Хоста, р. 211–213
 Хотаванг 357
 Храмы (Храм), р. 300, 384
 Хреева, балка 165, 166
 Худаферинский мост 384, 479
 Худжаби, храм 422
 Худжбала, могильник 358
 Хунам, равнина 368
 Хунан (городище Топраккала), г. 351, 368, 384
 Хунани 271, 272
 Цаиши 271, 284
 Цалкинское плато 306

- Цебельда (Цибилуим), крепость, могильники 271, 280, 282, 284, 286–288, 292, 295, 306, 395, 396, 398, 401, 402
 Цебельда, с. 308, 320
 Цебельдинская долина 290
 Цебельдинский р-н 396
 Цветочное, поселение 28
 Цемдолина, курганный могильник 208, 216–218, 263, 265–269
 Цемдолина, могильник 186, 188, 189, 205, 206, 208, 210, 221, 222, 239, 264, 266, 269
 “Цемдолина, 8-ая щель”, могильник 195, 196, 199, 210
 Цемес, р. 184
 Цемесская бухта 184
 Цемесская долина 207, 224, 263
 Центральная Армения *см.* Армения
 Центральная
 Центральная Европа *см.* Европа Центральная
 Центральное Предкавказье *см.* Предкавказье Центральное
 Центральный Кавказ *см.* Кавказ Центральный
 Центральный Крым *см.* Крым Центральный
 Цибилуим *см.* Цебельда
 Цивгомборский хребет 301
 Цилкани 271, 272, 285, 293, 392
 Цинандала 295
 Циплиевский-1, могильник 224
 Ципранидзирский могильник 404
 Цителцкаройский р-н 397, 400
 Цихегоджи (Археополис, Нокалакеви) 271, 272, 279, 280, 284. *См. также* Археополис; Нокалакеви
 Цихе Куджи 279. *См. также* Цихегоджи
 Цихесулори 310. *См. также* Вани
 Цихиагора 272
 Цихисдзири (Петра) 272, 281, 282, 310, 390. *См. также* Петра
 Цидамури 275
 Цокур, лиман 147, 166
 Цопи, крепость 271
 Цроми 293, 316, 317
 Цромская церковь 403
 Цукети 271
 Цунда 271. *См. также* Ахалкалаки Джавахетский
 Цхваричамия 397
 Цхинвали 279, 283, 302
 Цхуми *см.* Севастополс; Сухуми
- Чабан-Куле, поселение 28, 57, 58, 121
 Чажис-кари, поселение 284
 Чайка, поселение 28, 120
 Чанети 271
 Чатыр-Даг, могильник 12, 13, 16, 18, 20, 42, 87, 89, 91
 Чатырлык, р., погребение 75, 77, 79, 135, 137
 Чауда, мыс (поселение) 28, 57
 Чахари, крепость 271, 284
 Череми 271–273, 277, 298
 Черкес-Кермен, балка 79, 140
 Черкесы 209
- Черная, р. 10, 18, 20, 22, 25, 43, 45
 Черная речка, некрополь 12, 13, 16, 18, 19, 28, 42, 61, 87–89, 91, 105
 Черное море 58, 146, 147, 152, 162, 165, 169, 184, 188, 200, 271, 272, 282, 303, 329, 336, 350, 385. *См. также* Румское море
 Черноклан, могильник 224
 Черноморское побережье 22, 186, 189, 485
 Черноморско-Средиземноморский бассейн 25
 Чиатур 293
 Чибатский клад 295
 Чивчава, р. (ущелье) 300, 305, 318
 Чикаренко, могильник 13, 15, 21, 88, 89
 Чилтер (Мармара), пещерный монастырь 28, 42, 61, 79
 Чилтер-Коба, пещерный монастырь 28, 42, 61, 79
 Чинти, с. 307, 411
 Чиркова (Васюринская), гора 165, 166
 Чистополье, поселение 28, 57
 Чихар-кала, башня 356
 Чобисхеви, с. 305
 Чокрак, д. 74, 79
 Чокурча, поселок (погребение) 74, 135
 Чакурчинский курган 75, 79
 Чол (Чола Чор-Чога), город 354
 Чолоки, р. 313
 Чор, город 353
 Чора, обл. 351
 Чорох, р. 303, 420
 Чорохское ущелье 303
 Чуфут-Кале, плато 45–47, 60, 61, 77, 81
 Чуфут-Кале, городище, могильник 28, 42, 44, 45, 79, 106, 122, 124
 Чухур-Кабала, с. 353, 364, 368
 Чушка, коса 146, 157
 Чхиквта гора 277
- Шабран, городище 352, 353, 367, 368, 371, 377–380, 384, 386, 466, 467, 469, 472, 480, 481
 Шавшети 271
 Шагат (Шалак), г. 363
 Шакашен, обл. 351
 Шалак *см.* Шагат
 Шам 363
 Шамкур (Шамхор), город-крепость 352, 368, 462
 Шамхор, г. 355, 384. *См. также* Шамкур
 Шамхор, ж/д станция 368
 Шамхорский р-н 381
 Шапка, гора 284
 Шапка, с. 396
 Шапсухо, р. 213
 Шапурская, гора 183
 Шарифан 378, 382. *См. также* Шахри-шарифан
 Шарур, г. 363
 Шахе, р. 210
 Шахри, городище 367
 Шахри-шарифан (Шарифан), г. 352
 Швеция 385
 Шеки, город-крепость 352, 353, 362, 367, 368, 377
 Шеки, с. 368
- Шемаха, г. 352–355, 359, 360, 362–365, 367, 368, 371, 374–378, 380–386, 462, 469, 477, 479, 480
 Шемаха, могильник 358, 364, 461
 Шемахинский 358, 359
 Шепси 188
 Шерга 360
 Шергах, могильник 351, 358
 Шесхарис, могильник 208, 210, 216, 217, 264, 265, 268
 Шехерях 351
 Шилаванка-габагы 351
 Шимарданская бухта 147
 Шимарданский рукав (Кубани) 164
 Шиомгвие, монастырь 425
 Ширак, обл. 328, 340
 Ширакское плато 329
 Ширван, г. 368, 384
 Ширван, обл. 370, 374, 385, 386
 Ширванджух 325, 437
 Ширванский регион 360
 Широкая балка, поселение 210
 Шорапани (Сарапанис), крепость 271, 282, 284. *См. также* Сарапанис
 Шуа-кеди 283
 Шуамта, храм 317
 Шулдан, пещерный монастырь 42, 61, 79
 Шухути, с. 284
 Шыхлар 352
 Шыхлы, с. 357
- Щебетовка, поселение 28, 57
- Эгриси (Эгрисское царство) 270–272, 279, 280, 282, 284, 286, 295
 Эдзанский Сиони 406
 Экбатана 329
 “Элчи йолу” (Путь послов) 384
 Эрелаант сакдари, храм 293, 403
 Эретя 271, 277
 Эрзерум (Карин) 300, 336. *См. также* Карин
 Эрушети 271, 272, 302
 Эрцойская долина 394, 397, 398, 400–402
 Эрцо-Тианети 311
 Эски-Кермен 28, 29, 42–47, 60–62, 77, 79, 81, 83–84, 86, 105–108, 118, 122–125, 138, 140, 141, 483
 Эчмиадзин 322, 325, 326, 328, 428, 437
 Эчмиадзинский монастырь 344
- Юбилейный 1, поселение 164
 Юбилейный 4, поселение 157, 165, 168
 Юбилейный 5, поселение 165
 Юбилейный 7, поселение 164
 Юбилейный 9, поселение 163, 164, 168
 Юбилейный 10, поселение 163, 164
 Юго-Восточная Европа *см.* Европа Юго-Восточная
 Юго-Восточное Причерноморье *см.* Причерноморье Юго-Восточное
 Юго-Восточное Приазовье *см.* Приазовье Юго-Восточное
 Юго-Восточный Крым *см.* Крым Юго-Восточный
 Юго-Западная Грузия *см.* Грузия Юго-Западная
 Юго-Западный Крым *см.* Крым Юго-Западный
 Южная Европа *см.* Европа Южная

Южная Италия *см.* Италия Южная
Южная Озерейка 186, 187, 208, 210, 222
Южная Озерейка, могильник 186–189, 195, 199, 205, 206, 239
Южная Русь *см.* Русь Южная
Южно-Грузинское княжество 297
Южно-Донузлавское городище (укрепленное поселение) 12, 20
Южное нагорье, в Грузии 299
Южное Приуралье *см.* Приуралье Южное

Южное Причерноморье *см.* Причерноморье Южное
“Южные культуры”, совхоз в Адлере 199, 210, 212, 215, 261, 264
Южный Азербайджан *см.* Азербайджан Южный
Южный берег (Южнобережье) Крыма 9, 10, 20, 42, 43, 47, 71, 73, 482
Южный Дагестан *см.* Дагестан Южный
Южный Крым *см.* Крым Южный
Южный Урал *см.* Урал Южный
Юмру-галаг, горы 374

Юнан, г. 368, 384
Юхары Узуноба, с. 355
Ягсарский могильник, в с. Матани 397
Язи Ада 18
Язы 363
Ялта (арабск. Джалита), поселение 28, 63, 80. *См. также* Джалита
Ясиново 206
Ясти-галаг, горы 374
Ясы 172
Ятрус 16, 29

Оглавление

Введение (С.А. Плетнева).....	5		
<hr/>		<hr/>	
Часть I			
<hr/>		<hr/>	
Крым			
Введение (А.И. Айбабин).....	9		
Глава 1		Глава 7	
Крым в середине III – начале VI века (период миграций)	10	Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках	171
Боспорское царство (А.И. Айбабин).....	10	Таматарха-Тмутаракань (С.А. Плетнева).....	171
Степь и Юго-Западный Крым (А.И. Айбабин).....	16	Фанагория (С.А. Плетнева).....	179
Херсон (А.И. Айбабин).....	22	Северо-Восточное Причерноморье	
Глава 2		Введение (Е.А. Армарчук).....	184
Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи)	27	Глава 8	
Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века (И.П. Засецкая).....	31	Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.).....	186
Степь и Юго-Западный Крым (А.И. Айбабин).....	40	Историографический очерк (И.О. Гавритухин, А.В. Пьянков).....	186
Херсон (А.И. Айбабин).....	48	Могильники III–IV веков (И.О. Гавритухин, А.В. Пьянков).....	187
Глава 3		Древности V–VII веков (И.О. Гавритухин, А.В. Пьянков).....	191
Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство.....	53	Могильники V–VII веков (И.О. Гавритухин, А.В. Пьянков).....	193
Боспор (Т.И. Макарова).....	53	Древности и памятники VIII–IX веков (И.О. Гавритухин, А.В. Пьянков).....	195
Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи (А.И. Айбабин).....	55	Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков (А.В. Дмитриев).....	200
Степь и Юго-Западный Крым (А.И. Айбабин).....	59	Глава 9	
Херсон (А.И. Айбабин).....	64	Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков.....	207
Таблицы 1–59.....	87	Историографический очерк (Е.А. Армарчук).....	207
Глава 4		Каменные крепости и храмы (Е.А. Армарчук).....	209
Крым в X – первой половине XIII века.....	68	Поселения (Е.А. Армарчук).....	213
Боспор-Корчев (Т.И. Макарова).....	68	Грунтовые могильники (Е.А. Армарчук).....	215
Степь и Юго-Западный Крым (А.И. Айбабин).....	74	Курганные могильники (Е.А. Армарчук, А.В. Дмитриев).....	216
Херсон (А.И. Айбабин).....	82	Некоторые вопросы этнической истории (Е.А. Армарчук).....	224
<hr/>		Таблицы 60–102.....	227
Часть II		<hr/>	
<hr/>		Часть III	
<hr/>		<hr/>	
Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье			
Таманский полуостров			
Введение (Я.М. Паромов).....	146	Закавказье	
Глава 5		Грузия	
Памятники ранневизантийской эпохи (IV–VII вв.).....	151	Глава 10	
Историографический очерк (Я.М. Паромов).....	151	Грузия в эпоху раннего средневековья (IV–VIII вв.).....	270
Ильичевское городище и поселения его окружи (И.О. Гавритухин, Я.М. Паромов).....	152	Принятие христианства, проблемы периодизации (Р.М. Рамишвили).....	271
Фанагорийская округа (Я.М. Паромов).....	157	Города и города-крепости (Р.М. Рамишвили).....	272
Округа Гермонассы (Я.М. Паромов).....	158	Сельские поселения и могильники (Р.М. Рамишвили).....	282
Кандаурская группа поселений (Я.М. Паромов).....	159	Материальная культура (Р.М. Рамишвили).....	284
Глава 6		Глава 11	
Поселения и дороги на Таманском полуострове в VII–XIII веках.....	161	Грузия в эпоху развитого средневековья (X–XIII вв.).....	297
Хазарский период (VIII – начало X в.) (Я.М. Паромов).....	161	Города (Р.М. Рамишвили).....	298
Тмутараканский период (X – начало XIII в.) (Я.М. Паромов).....	168	Селища (Р.М. Рамишвили).....	304
		Погребальные памятники и обряд захоронения (Р.М. Рамишвили).....	306
		Материальная и духовная культура (Р.М. Рамишвили).....	308

Армения*Глава 12*

Раннее средневековье (IV–VIII вв.)	321
История изучения ранне средневековых памятников	
Города и крепости (А.А. Калантарян)	321
Культовое и гражданское строительство (А.А. Калантарян)	325
Торговля и ремесло (А.А. Калантарян)	329

Глава 13

Армения в IX–XIII веках	335
Особенности развития Армении в эпоху развитого феодализма (Б.Н. Аракелян)	335
Археологическое изучение памятников IX–XIII веков. Города и поселения (Б.Н. Аракелян) ...	337
Ремесло, декоративное искусство, письменность (Б.Н. Аракелян)	342

Азербайджан*Глава 14*

Раннесредневековая Албания в IV–VII веках	351
История изучения археологических памятников раннего средневековья. Города, укрепления (Дж.А. Халилов)	351

Погребальные памятники (Дж.А. Халилов)	358
Материальная культура (Дж.А. Халилов)	360

Глава 15

Азербайджан в IX–XIII веках	367
История изучения средневековых памятников. Города, поселения, крепости (Г.М. Ахмедов)	367
Градостроительство, фортификация (Г.М. Ахмедов)	375
Ремесло и торговля (Г.М. Ахмедов)	378
Культовое строительство, погребальный обряд (Г.М. Ахмедов)	386
Таблицы 103–195	389
Заключение (Т.И. Макарова)	482
Литература (Е.А. Армарчук)	488
Список сокращений	513
Указатель имен (Е.А. Армарчук)	515
Указатель этногеографических терминов, археологических памятников и государств (Е.А. Армарчук)	519

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ

**Крым, Северо-Восточное Причерноморье
и Закавказье в эпоху средневековья
IV–XIII века**

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.Д. Дубовицкая,
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 14.01.2003. Формат 60 × 90 ¹/₈. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 67,0. Усл.кр.-отт. 68,0. Уч.-изд.л. 70,7
Тираж 1200 экз. Тип. зак. 4022

Издательство "Наука" 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука" 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12